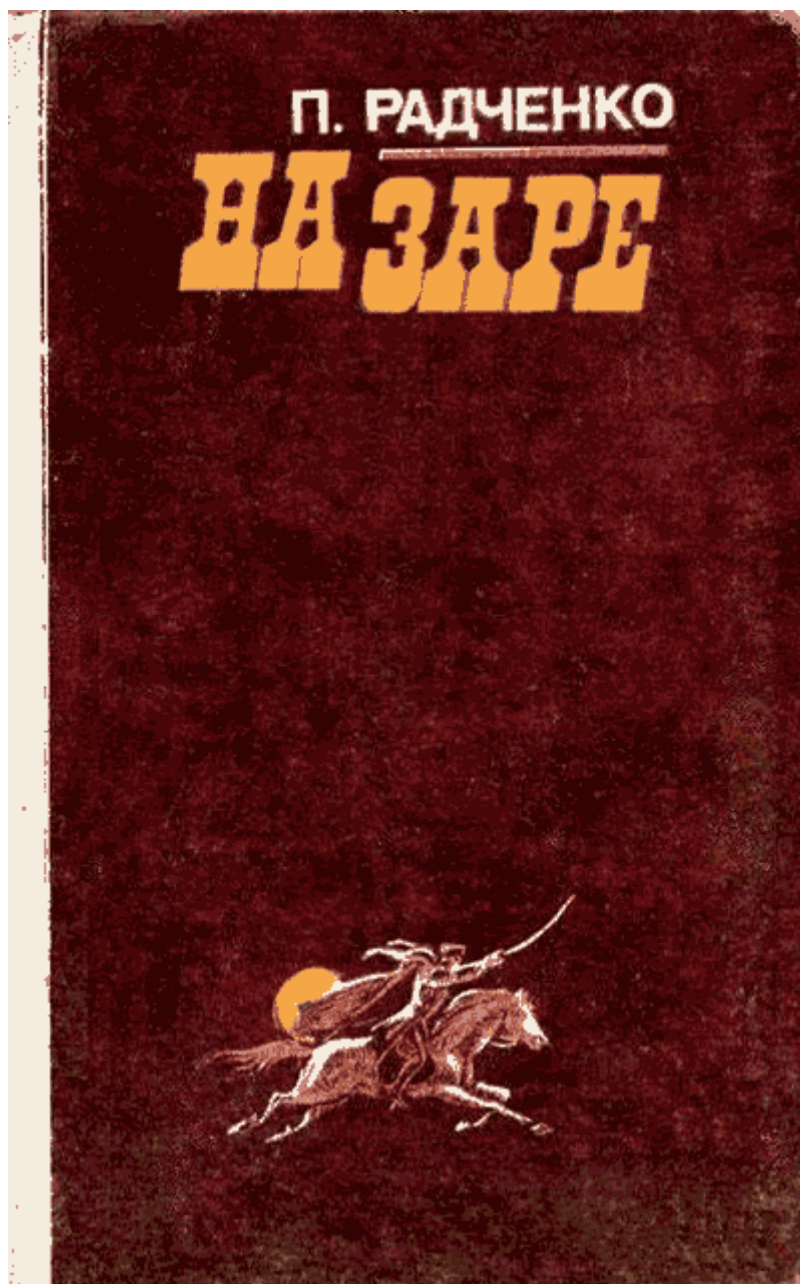

Петр Павлович Радченко
На заре

Петр Павлович Радченко родился в 1910 году в станице Уманской (ныне Ленинградская) в семье крестьянина. Учился на рабфаке. В 1942 году закончил краснодарский педагогический институт. Много лет работал в школах станиц Васюринской и Тимашевской ¹.

Тридцать пять лет назад в Краснодарском книжном издательстве вышла в свет первая книга трилогии «На заре». Это произведение старейшего кубанского писателя хорошо известно читателю. Большой исторический материал, собранный им, знание местных обычаев, уклада жизни казаков позволили достоверно рассказать о людях и событиях, происходивших на Кубани в годы гражданской войны.

---

¹ Сейчас – город Тимашёвск. – прим. Гриня

КНИГА ПЕРВАЯ ПОСЛЕ ЗАТИШЬЯ

П. РАДЧЕНКО
НА ЗАРЕ

РОМАН

КНИГА

1
ПОСЛЕ
ЗАТИШЬЯ

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

*Как на заре-то было на зорюшке,
На заре-то было на утренней,
На восходе было солнца красного,
На рассвете-то денечка прекрасного.
Все сизые орлы в поле солетались,
Кубанские казаченьки в поле соезжались;
Как слезали казаченьки с добрых коней,
Выходили казаченьки на высок курган,
Расстилали они черны бурочки,
Поснимали они бараньи шапочки,
Как садились казаченьки во единый круг
Да и думали они думушку единую...*

Из старинной казачьей песни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

На бурной стремнине Кубани горела огненная полоса косых лучей утреннего солнца. Река вздувалась от вешних горных вод, пенилась и разъяренно бушевала водоворотами. Изжелта-мутные волны стремительно накатывались на изборожденные дождевыми ручьями и опаленные южным солнцем красно-бурые берега, поросшие вербами, с шумом и стоном разбивались о кручи.

Левобережный густой лес и пойменные луга залиты полой водой. Деревья, тальниковые и калиновые кусты отражались на гладкой ее поверхности, слегка покачивались от дыхания ветра.

Дорога, выползавшая из лесу узкой черной лентой, пролегла по каменистой дамбе, вела на мост через Кубань.

В зеленом ракитнике, опутанном плющом и хмелем, сновали лодки. Голоса рыбаков отдавались эхом на глинистых берегах и далеких лесных опушках, сливались с птичьим гомоном, таяли в прозрачном воздухе.

Сквозь дымку вдали проступали заснеженные горные вершины, облитые лучами солнца. Ближе, над темным лесом, тускло поблескивая старой позолотой крестов, бугрились два церковных купола Успенского Пресвятой Богородицы женского монастыря.

На правом высоком берегу реки раскинула свои запыленные сады и хаты станица Краснодарская.

С коромыслом через плечо и двумя ведрами на сгибе руки к обрыву вышла девушка с тугими темно-русскими косами, лежавшими двумя толстыми жгутами па спине. Поглядев из-под руки на заречную даль, кое-где еще дымившуюся остатками утреннего тумана, она спустилась по ступенькам к реке, подоткнула юбку и, тихонько запев, начала полоскать ведра.

Со взвоза донесся глухой стук колес. Девушка обернулась и увидела выезжавшего на берег Андрея Матяша. На загорелом круглом ее лице проступил стыдливый румянец. Она привычным движением одернула юбку и, делая вид, что не замечает своего соседа, стала набирать в ведра воду.

Матяш остановил коней, обнажил в улыбке белый ряд зубов:

– Ну, Оксана, подстерегла нас с тобой вчера моя Одарка... Все подслушала, о чем мы говорили.

На лице Оксаны сгустились тени, брови сдвинулись.

– Я так и знала... – хмурясь, сказала она.

Андрей с наигранной беспечностью повертел на пальце наконечник казачьего пояса, озорно кивнул:

– Ну и пусть следит...

– Э, нет... – вычерчивая носком башмака на мокром песке замысловатые фигуры, возразила Оксана. – Коли услышу, что твоя жинка болтнет обо мне что-либо, то не обижайся тогда...

Матяш оперся на бочку, спрыгнул с подводы и взял Оксану за руки.

– Будет молчать... А ежели что вздумает, то я скручу ее.

Лошади, свернув к водоплеску, начали пить, и у них отчетливо один за другим побежали глотки вверх по горлу, ходуном заходили обшмыганные постромками бока... Андрей хотел заключить Оксану в объятия, но она легонько оттолкнула его, игриво погрозила пальцем, потупилась.

По деревянному настилу моста гулко застучали конские копыта. Оксана и Андрей увидели верхового казака в темно-синей черкеске¹ с костяными газырями и в каракулевой² кубанке, чуть сдвинутой набекрень. Под ним в поводу, круто изогнув шею, картинно вышагивал серый конь в

---

¹ **Черкеска** – русское название верхней мужской одежды – распашного однобортного кафтана без воротников, которая была распространена в обиходе фактически у всех народов Кавказа, у терских и кубанских казаков. Черкеска идеальна для верховой езды, для передвижения по горам и скалам, при переходе через ручьи и так далее. В настоящее время практически вышла из употребления как повседневная одежда, но сохранила свой статус как парадная или праздничная. – прим. Гриня

² **Каракуль** – кожа с мехом, снятая с ягнят каракульской породы на 1–3 сутки после рождения, когда их шерсть отличается густым, упругим, шелковистым волосяным покровом, образующим завитки различной формы и размеров. – прим. Гриня

яблоках.

– Здорово, Андрей! – крикнул с моста верховой и подстегнул коня плетью.

– Здоров, здоров, – провожая его недружелюбным взглядом, нехотя, сквозь зубы процедил Андрей.

– Кто это? – косясь на молодого казака, спросила Оксана.

– Не знаешь Виктора Левицкого? – удивленно уставился на нее Андрей и, помолчав, неловко подмигнул: – Приглянулся он тебе.

Оксана усмехнулась. Легко подняв коромысло с ведрами на плечи, повернула голову, с улыбкой бросила:

– А кому бы такой казак не приглянулся?

– Но-но, еще скажешь, что я хуже!.. – пошутил Андрей, ревниво провожая ее глазами.

Оксана валкой походкой подошла к ступенькам, начала подниматься в гору. Сбористая бежевая ее юбка плавно покачивалась подолом, попеременно обнажая при шаге белые налитые икры стройных ног. Ветер тербил тяжелые ее косы, пузырил на спине кремовую кофточку, вышитую цветным гарусом...

Матяш не отрывал от нее зачарованного взгляда. Наконец, уселся на подводе, закурил, тронул лошадей...

Оксана выбралась на кручу, пошла в станицу.

У крайней хаты ей повстречалась молодая смуглая девушка в монашеской рясе.

– Сонюшка, милая! – радостно воскликнула Оксана и, торопливо поставив ведра на землю, обняла ее: – А недавно Вася письмо из Крыма прислал... спрашивал и о тебе. Все жалеет, что ты за

него не пошла.

Соня потупилась, с обидой сказала:

– Зачем об этом, Оксана? Никогда не говори мне о нем.

Оксана метнула на нее косою взгляд, подняла ведра и молча пошла своей дорогой.

Соня свернула в улицу, ко двору своих родителей, остановилась у приоткрытой калитки, робко заглянула во двор. Мать несла к свиному корыту помой. За нею, визжа и хрюкая, бежали поросята. Тут же, виляя хвостом и облизываясь, шла черная собака. Около сарайчика с прогнившей соломенной кровлей и кособокими турлучными стенами ворковали сизые голуби. Старуха вылила помой в корыто. Поросята жадно хватили куски размокшего хлеба, толкали и кусали один другого. В прохладной тени, под шелковицей, росшей у хаты, загоготали гуси и тоже направились к корыту.

Во дворе соседа Игнатчука, а по-уличному Гусочки, послышался крик. На покривившемся крылечке Соня увидела самого хозяина в заплатанных и залосненных до блеска полотняных штанах и рубашке. Он держал зарезанную курицу, отчаянно бил себя в грудь и шумел на соседку, вдову Белозерову, которая уличала его в краже ее курицы.

– Вот я тебе покажу, байстрюк поганый! – кричала вдова. – Будто я своих курей не знаю? Чтоб ты подавился ею, пес шелудивый!

– Ах ты ж, чертова гыдость! – взвизгнул Гусочка. Его маленькая неказистая фигура съежилась, зеленоватые глаза полезли из глубоких орбит, и он затряс угрожающе костлявыми кулаками: – Не попадайся мне!

– Вор! Вор! Вор! – кричала Белозерова, выбегая со двора.

– Я тебе этого не забуду! – свирепел Гусочка. – Жаль, что тебя в люльке не задушили, патолочь³ городовицкая⁴!

– Эге ж, не пужай дюже⁵! Это тебе не при Мартыне Гречке кулаки греть на женах погибших партизан.

– Тьфу на тебя, окаянная! – плюнул Гусочка. – От твоих курей один только разор. Погляди, все скирды поразгребли... – Он ткнул пальцем на свой двор, застроенный сараями и амбарами последней ветхости: – Я теперички не дам им спуску, а отвяжу Дурноляпа, так он им хвосты повыдергивает!

– Ты со своим Дурноляпом – пара!

Гусочка точно ужаленный погнался за Белозеровой, но неуклюжие боты мешали ему бежать, и та успела вскочить в свой двор. Заперев калитку, она бросила:

– У тебя и голова тыквой!

На улице уже толпились женщины и дети, покатывались со смеху. Гусочка, осыпая вдову бранью, пригрозил напоследок:

– Ну, берегись! Вот скоро из-за границы наши придут!

Белозерова показала ему два шиша:

– Вот тебе, черт довгомордый! Жди. Ваших за границей закопали по колена в землю, и о них свиньи чухаются!

– Отака чертяка!.. – опешил Гусочка. – Да что же ето такое? Ты можешь так поносить казаков?

– Не казаков, – огрызнулась Белозерова, – а беляков, таких, как твой брат-милигрант.

Гусочка загромыхал досками, перемахнул во двор соседки, но она, юркнув в сенцы и показав ему фигу, закрыла дверь. Озлобленный, Гусочка почесал затылок, вышел со двора. К нему подбежали ребятишки.

– Дядько, а она вам дули давала, – шмыгнув носом, хихикнул чумазый мальчуган.

Гусочка топнул ногой.

– Кыш от меня, гадость! Лозины захотел?

Ребятишки с хохотом ринулись прочь и помчались по дороге, клубя ногами пыль.

Гусочка широкими шагами направился к своему двору. Белозерова снова появилась на улице,

---

³ Патолочь – дрянь.

⁴ Городовицкая – иногородняя.

⁵ Дюже (дуже) – очень, сильно. – прим. Гриня

крикнула ему вслед:

– Дурноляп!.. Курокрад!

Из-за угла неожиданно выехала автомашина.

– Ах, бабоньки! – испуганно шарахнулись в стороны женщины, затем остановились, наперебой закричали: – Пропустите, дорогу дайте!

– Это ж наш председатель ревкома⁶! Подавай, Фекла, жалобу товарищу Корягину! – тоненьким голоском воскликнула низенькая, юркая казачка.

Машина замедлила ход, остановилась.

Из нее вылез мужчина в военной форме, с глубоким сабельным шрамом на левой щеке, придававшим гладко выбритому лицу строгое и даже несколько злое выражение. В зубах у него дымилась кавказская трубка, отделанная чернью.

– Что случилось, Прохоровна? – строго спросил Корягин, поправляя под широким солдатским ремнем гимнастерку.

– Курицу мою украл Гусочка, – прослезилась Белозерова.

– Накажи, упеки его, товарищ председатель, хоть в Сибирь, хоть в Соловки, хоть куда-нибудь! – яростно закричала ее соседка. – Жисти нам, бабам, не дает во всем квартале. Всякую дрянь ворует, а ежели изловим, то нас же и бьет. Да еще как бьет: что в руке держит, тем и опояшет.

– Да, да! – добавила высокая молодлица. – У него черт в подкладке, сатана в заплатке!

По толпе прокатился хохот. Гусочка, встряхивая угловатой головою, покрытой жидкими рыжими волосами, высунулся на улицу.

– Токо что пужал нас, что скоро из-за границы ихние придут, – сказала молодлица.

– Не верь ей, Петр Владиславович! – замахал сухими руками Гусочка. – Ето она врет! А что касаемо курицы, так я зарезал свою. Ежли хочешь, могу перекреститься.

– Вы бачили⁷? – прыснула старуха. – Знаем, какой ты богомольный, чтоб тебе ни дна ни покрывки не было!

– Погодите! – Корягин поднял руку. – Не все сразу. – И обратился к Белозеровой: – Курицу он у тебя украл?

– Эге ж, товарищ председатель, – нараспев подтвердила Белозерова, – курицу... нечистый дух...

– А у тебя? – спросил Корягин у низенькой молодлицы.

– Легкий он на руку! Вы поглядите на его подворье. Живет бобылем, а хозяйство завел какое. Чем он нажил его? Токо хитростью да воровством! Его и Гусочкой потому дразнят, что гуску украл у Якова Калиты, а тот изловил его. Спытайте у Калитихи, Денисовны.

– Ето неправда! Имущество мне по наследству досталось!

– Кукиш тебе с маслом, хитрюга! – с озлоблением закричала Белозерова. – Хозяйство твоей матери перешло меньшему брату-мигранту, а ты свое воровством приобрел!

– Как же ее не бить, товарищ Корягин? – Гусочка часто заморгал маленькими глазами.

Председатель шагнул к нему.

– Это как же? Жену погибшего красного партизана бить смеешь? Судить будем!.. Сейчас же верни курицу.

Гусочка съежился, сверкнул исподлобья злыми зрачками.

– Хай⁸ берет.

Корягин сел за руль. Ребятишки, обдаваемые сизым дымом и густой пылью, с визгом пустились за машиной.

Толпа постепенно начала расходиться. Улица опустела.

---

⁶ Революционные комитеты (**ревкомы**) – временные властные органы, создаваемые большевиками и наделяемые чрезвычайными полномочиями, действовавшие во время Гражданской войны в России. Сосредоточивали всю полноту гражданской и военной власти. Согласно «Положения о сельских ревкомах» (1920 г.) в селениях, имеющих менее 300 жителей, отдельные ревкомы не создаются; трудящиеся «осуществляют свое право управления, объединяясь с соседними селениями, хуторами и т. д. для назначения общего для всех этих населенных пунктов сельского ревкома». – прим. Гриня

⁷ **Бачить** – смотреть, глядеть, видеть и видать. – прим. Гриня

⁸ **Хай** – укр. пускай, пусть. – прим. Гриня

Но Соня все еще стояла у калитки и не решалась войти во двор своих родителей.

У забора, держа выстиранное мокрое рядно⁹ на плече, показалась дочь Белозеровой. Она возвращалась с реки. Соня узнала свою подругу. Та радостно обняла ее, воскликнула:

– Ой!.. Моя ж ты ласточка! Милая!.. Насовсем?

Соня отрицательно покачала головой.

– Нет, Клава, в гости.

Клава одернула на себе полинялое цветное платье, протянула сожалеючи:

– Жаль. А я думала...

Соня открыла калитку. На нее набросилась собака, но узнав, начала ласкаться. Соня погладила ее, тихо сказала:

– Докукочка.

Пройдя к матери, она низко поклонилась и застыла перед нею. Денисовна остолбенела от неожиданности, затем кинулась дочери на шею, и целуя, не удержала рыдания:

– Что же ты, моя кровинка, совсем отказалась от нас?

Соня закрыла лицо черным подшальком, заплакала. Мать успокаивала ее, крепко прижимала к груди.

Дочь наконец оторвалась от нее, с трудом спросила:

– А где же батя?

– В степи с Галей подсолнухи полет, – ответила мать.

В кухне Соня сняла с себя платок, села на табуретку.

– Как живет матушка, не болеет? – поинтересовалась мать, присаживаясь на ослон¹⁰.

– Нет, – вдруг встрепенулась Соня. – С месяц тому назад взяла меня к себе в келейницы¹¹ и запретила ходить на работу в поле... Теперь я рясофорная послушница¹², в хоре пою... – Она расстегнула рясу, вынула из-за пазухи золотой крест. – Вот, поглядите, мама, подарила... Сама на шею повесила.

– А... с распятием, – обрадовалась мать. – Это хорошо, доченька. – И озабоченно подчеркнула: – Помещицей была твоя начальница... Меня когда выдавали замуж, ей было годика три или четыре. А когда подросла, ее отвезли в Петербург учиться...

– Она говорит, – добавила Соня, – у меня исключительный голос. По-ученому называется «сопрано»... и я в хоре пою самые высокие партии, читаю много священных книг.

– Так, так, – тяжело вздохнула мать. – Ты уже в детстве отличалась голосом: пела, как канарейка.

– Еще в церковно-приходской школе, – сказала Соня, – отец Валерьян всегда хвалил мой голос, заставлял исполнять псалмы. Помните: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста?»

– Помню, доченька, все помню, – ответила мать голосом, полным тоски и тревоги.

– А в вышеначальном¹³ у нас уже был свой хор, – напомнила Соня.

– Теперь все милостивый увидел твои боголюбивые старания, – тяжело вздохнула мать, – а с

---

⁹ **Рядно** – толстый холст из конопляный или грубой льняной пряжи. – прим. Гриня

¹⁰ **Ослон, ослин** – небольшой столик на низких ножках, скамейка. – прим. Гриня

¹¹ **Келейник, келейница** – в православии название слуги, как при должностных и сановных лицах монашеского звания (архиереях, игуменах и т. п.), так и при уважаемых монахах (старцах). В особых случаях келейник ещё не является монахом и носит одежду монастырского послушника. В обязанности келейника входит обеспечение бытовых нужд, письмоводительство и т. п. – прим. Гриня

¹² **Рясофор** (рясофорная послушница) – носящий рясу. В Греции принято называть эту степень «рясофорный послушник» («рясофорная послушница»), и греки не считают рясофор степенью монашества, относя его к послушничеству (подготовке к монашеству). Рясофорный монах отличается от рясофорного послушника тем, что ему дается новое имя. – прим. Гриня

¹³ **Высшие начальные училища** – общеобразовательные заведения Российской империи, промежуточные между начальными и средними. – прим. Гриня

ним и игуменя, святая женщина, приютила тебя, заблудшую овечку.

– Ох, мама! – неожиданно вырвалось из груди Сони.

II

Вечером, когда ярко-красный диск солнца коснулся горизонта, ко двору на подводе подъехали Калита со старшей дочерью Галиной и Градов с сыном Леонидом.

– Вот и наши, – обеспокоенно сказала Денисовна и заторопилась открывать ворота.

Соня увидела отца, сердце ее надрывно екнуло, затрепетало. Она боязливо прислонилась в шелковице, замерла...

Калита при въезде во двор заметил непокорную, но не взглянул на нее. Смуглокожее лицо старика, обросшее смолисто-черной курчавой бородой, переменилось: потускнело, брови нахмурились, глаза потемнели еще сильнее, стали недобрыми, сердитыми.

У сарайчика он сбросил постромки с валька, повел лошадь в конюшню. Соня, казалось, совсем приросла к земле, не спускала с него глаз, налитых слезами, видела, что он уже готов был разразиться грозой.

Стройная черноглазая Галина, с родинкой на левой щеке, также заметила перемену в лице отца, который в эту минуту даже как-то изменил свою обычную походку – ленивую, размеренную – на быструю, с резкими движениями. Лошадь наострила уши, стала поводить круглыми большими глазами – забеспокоилась: не нравился ей хозяин в таком виде.

Крупнотельный Градов, с дюжими мускулистыми руками, круглым свежим лицом и светлой бородой, взял с подводы свои тяпки, направился домой. Леонид повел в поводу за ним свою лошадь, искоса поглядывая на Соню.

Галина наклонилась к сестре, почти шепотом проговорила:

– Сонюшка, милая...

Из конюшни вышел отец. Соня почувствовала, как у нее подломились колени, земля уплыла из-под ног. Она схватилась за шелковицу и, глядя на отца умоляющими глазами, робко, со слезами прошептала:

– Батя... здравствуйте.

Отец остановил на ней суровый взгляд, молчал.

– Да... Год, как не видались, – наконец сказал он и ушел в сарай.

Сонино сердце забилося пуще прежнего. Галина прильнула к ней, тихо сказала:

– Ты хорошенько попроси батю...

Но Соня, не зная, что говорить отцу, молчала...

Галина принесла в конюшню сапетку половы¹⁴, высыпала в ясли, приготовила мешанку¹⁵ и, ласково потрепав лошадь по холке, побежала к Соне, взяла ее за руку и повела в хату.

Мать зажгла лампу, и под низким неровным потолком обеспокоенно зажужжали мухи. Соня села на ослон.

Стуча тяжелыми коваными сапогами, на пороге появился отец, снял шапку и сел на лозовый стул. Разгладив бороду и положив огрубелые руки на колени, он уставил на дочь обжигающие глаза, спросил:

– Зачем пришла до нас, дочко?

Соня, не поднимая головы, дрожала от страха. Отец широко раздвинул ноги, раздраженно перебирал пальцами.

– Молчишь? – хмуро спросил он, повысив голос.

Галина с жалостью смотрела на сестру, теребила складки своего платья.

– Оставь, Яков... – скорбно скривилась Денисовна, едва удерживая слезы. – Она и так... как овечка заблудшая.

– Как это оставь? – гневно вскричал Калита, и лицо его налилось кровью. – Тикать от батька и

---

¹⁴ **Сапетка** – здесь – круглая корзинка с двумя ручками. **Полова** (мякина) – отходы, получаемые при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, льна и некоторых других культур. – прим. Гриня

¹⁵ **Мешанкой** называют замоченную или запаренную в кипятке кормовую смесь. – прим. Гриня

матери, то и проче? Куда такое годится! Не хочу я этого! Пусть теперь на себя обижаются: сватал богатый человек, так нет же, лучше в монастырь уйду, а за нелюбимого не выйду... Заблудшая овечка...

– Батя, зачем так? – Соня залилась слезами. – Вы же знаете, как бедные живут за богатыми? Знаете!.. Вон вам пример: Дарья за Матяшом. Так бы и мне пришлось за Василием Бородулей. Вот я и спасала свою душу от постылого.

– Ты мне про то не кажи! – яростно отмахнулся отец. – Церковный хор тому виной... Смалу тебя церковь тянула, а теперь сгниешь там!

– Ой, лышенько! – всплеснула руками Денисовна. – Чего ж она в святому доме сгниет? Ты ж сам гнал ее из дому. И чего ты, старый, богохульничаешь?

– Нам с церковью не по пути, – горячился Калита. – Отец Валерьян и тот кажет: «Ловись, рыбка, пока вода мутная». Значит, дурачь нашего брата, он, мол, не поймет. А он, не думай, все понимает, молчит только.

Старуха, никогда не слышавшая от мужа такого, в страхе трижды перекрестила его дрожащей рукой, прошептала:

– Пресвятая мати божья, что ты, старый, с ума сошел?

Старик встал и грозно насупил брови.

– Гнал я ее за то, что батька не послушалась, то и проче, – наконец проговорил он, – не захотела жить в достатке... Разве я ей не добра желал? Кто же от богатства отказывается? А оно ей само в руки шло!

– Какой ты, Яков, – укоризненно покачала головой Денисовна. – Богатство... Да неужто ей с богатством пришлось бы жить?

Калита взял со стола недочитанную им книгу «Зруйнованне гніздо» украинского писателя Кащенко¹⁶, сердито взмахнул ею:

– Ну, я вам акафист читать не буду! А что касается тебя, дочко, то ночуй цю ночь и больше до нас не приходи. Поняла?

Соня закрыла лицо руками и выбежала из хаты. Денисовна с бранью напустилась на старика. Галина шмыгнула в дверь и, найдя сестру в саду под вишней на скамейке, села рядом.

– Сонечка, милая, – сказала она жалостливо и сама чуть не разрыдалась, – чего же ты не просила батю?

– Как мне их просить? – всхлипнула Соня.

Галина прижала ее к себе.

– Батя все бы тебе простили. Они добрые.

С угла улицы долетел оживленный разговор, хохот девчат и хлопцев. Сестры еще плотнее прижались друг к другу, прислушались... Тренькнула балалайка, и вдруг в вечернем теплом воздухе с посвистом разлилось:

Ой, за речкою, за Кубанкою
Провожал меня милый с балалайкою!

Кто-то задорно выкрикнул:

Та було б, та було б
Не ходыты!..

– Соня, пойдём туда, – шепнула Галина.

– Нет, мне нельзя... Иди сама.

– Я сейчас... Узнаю только, кто там.

И Галина бесшумно выскользнула из сада.

Из-за черного леса выплыла полноликая луна, выглянула сквозь разорванную тучу, слегка обрамленную позолоченной кромкой, осветила станицу мягким холодным светом.

---

¹⁶ «Разоренное гнездо» – повесть украинского писателя-историка Кащенко Адриана Феофановича (19 сентября 1858–†16 марта 1921) о трагической судьбе казачества после уничтожения Запорожской Сечи. – прим. Гриня

Соня долго сидела в саду. Комары жалили лицо, шею, ноги. По вороненому небу медленно плыли пушистые облака, бросали на землю широкие тени. Сад то окутывался густой темнотой, то сиял в лунном свете.

На улице звенел веселый смех...

Соня вернулась в хату. Лампа горела тусклым светом. Где-то в углу под образами назойливо жужжала муха... Мать велела дочери ложиться. Соня потушила свет, помолилась богу и легла на той кровати, на которой год уже как не спала...

* * *

На углу все еще гуляла молодежь. Лузгали семечки. Пели, смеялись...

К компании подошел Андрей Матяш. С ним был молодой, лет двадцати трех, казак с другого конца станицы. Появление «чужого» заставило хлопцев насторожиться. Андрей отозвал Галину в сторону, спросил у нее:

– Галька, хочешь замуж?

Галина смутилась, нерешительно произнесла:

– Как это – замуж?

– Гм... Не знаешь, как идут замуж?

– Не знаю.

– А кто же знает? – скупое усмехнулся Андрей. – Хиба¹⁷ еще не дозрела? Я тебе жениха нашел.

– Кто ж он, жених? Не тот, что с тобой пришел? – указала Галина в сторону незнакомого казака.

– Он самый, – сказал Андрей, – Гришка Молчун. Должно быть, слыхала про такого.

– Молчун? – переспросила Галина и пожала плечами, – Что-то не помню.

– Самого богатого казака в станице не знаешь? – удивился Андрей, вынул из кармана казачьих штанов кисет и, крутя сигарку¹⁸, подмигнул: – А он тебя хорошо знает...

Галина мельком взглянула на Григория.

– Пусть приходит, – шепнула она и с опаской посмотрела по сторонам.

– Он хотел поговорить с тобой.

– А хлопцы?

– Тогда приходи ко двору Бородули... Будем ждать тебя там.

Галине и действительно захотелось взглянуть на казака вблизи, посмотреть, что это за птица. И она побежала к девчатам. Андрей и Григорий долго не задерживались, затерялись на улице в лунной мгле.

Галину обступили парубки.

– Что это Андрюха обхаживал тебя? – скаля зубы, спросил один из них.

– А ты что за спрос? – отрезала Галина. – Может, ревнуешь?

– Ну токо уйди, тогда увидишь, что будет, – пригрозил ей парубок и картинно облокотился на плетень.

Галина жеманно повернулась к нему спиной, обнялась с подругой и, что-то шепнув ей на ухо, залилась смехом... Хлопцы не спускали с нее глаз, следили за каждым ее движением... Галина видела это, но ей очень хотелось поскорее встретиться с женихом, и она, решив обмануть парней, направилась домой.

– Ты куда? – преградив ей дорогу, спросил парубок.

– Тю... – тая на лице чуть заметную улыбку, протянула Галина. – Я только воды напьюсь...

И тут же, нырнув за угол, она стала пробираться по глухому переулку, заросшему высоким лозняком... Остановилась на мгновение, перевела дух, прислушалась с затаенным дыханием к голосам парубков и потом заторопилась ко двору Бородули.

В условленном месте Галина нашла Матяша и Молчуна. С ними на скамейке сидела и Оксана,

---

¹⁷ **Хиба** – разве. – прим. Гриня

¹⁸ **Цигарка** – самодельная папироса, самокрутка – прим. Гриня

лузгала семечки. Галина удивилась ее присутствию, почувствовала какую-то неловкость, досаду, но улыбнулась ей, села рядом...

Начался несвязный разговор. Григорий не знал, что сказать Галине, молчал... Наконец, поборов свою робость, он прогнусавил:

– Пойдем, я тебе что-то скажу.

Галина пошла с ним по дорожке вдоль плетней и заборов. В саду, где-то совсем близко, надсадно плакал филин. В заливином, зловещем его крике Галина уловила что-то предвещающее, недоброе, и ей вдруг стало не по себе. Она поправила платок на голове: «Ой, не к добру, что ли!..»

А филин знай свое: то плакал, то дико хохотал, и по саду с перекатами несло гулкое, стонущее уху-уху!., ха-ха-ха-ха!..

– Чего он душу надрывает? – спросила Галина.

– Кто? – не понял ее Григорий.

– Да этот... сыч...

– Хай... – буркнул Григорий. – Лихо кому-то накликает. – Он взял камень и, швырнув его в сад, прикрикнул: – Кши, окаянный!

Филин вспорхнул с дерева, зацепив крылом ветку...

III

В предутреннем мгlistом небе блекли звезды, гасли одна за другой. Из-под крутого берега реки тянул сырой низовой ветер. С плешивых курганов и распаханых бугров сползали на росистую шелковистую зелень дымчатые хлопья тумана, клубились над пенистой рекой. Закубанский лес вздрагивал от порывов ветра, отряхивал с себя жемчужную росу, горел в радужном отблеске зари...

Солнце еще не всходило. Заунывно гудел церковный колокол, звал прихожан к заутрене. По улицам бабы гнали в стада коров. Где-то далеко тарахтела пустая арба. В свежем воздухе, точно звон серебряного колокольчика, раскатывалось голосистое ржанье жеребенка, отбившегося от своей матери.

К станичному ревкому подошел Виктор Левицкий. Около церковной ограды, дымя цигарками, стояло несколько молодых щеголей – сынков богатеев. «Краснюк!» – донеслось до Виктора. Тот бросил на них сердитый взгляд и подал часовому повестку. Часовой пробежал ее глазами.

– Председатель еще не пришел.

– А скоро будет?

Часовой пожал плечами. Виктор проводил взглядом стариков и старух, шедших к заутрене, прислонился к шершавому стволу тополя и, вынув из кармана газету, остановился на статье «Кадетские банды», прочел:

«Из горных станиц все чаще и чаще поступают сведения, что бродячие офицерские банды стали нападать на мирное население, грабить его и даже местами убивать представителей Советской власти...»

Виктора окликнули зубоскалившие парни.

– Что нужно? – недовольно спросил тот.

– Дело есть, – криво усмехнулся казак.

Виктор взглянул на него исподлобья и снова уткнулся в газету:

«Скрываясь в горах группами в двадцать или тридцать человек, они порою совершают налеты на станицы и забирают у населения скот, хлеб и одежду.

Чего желают эти бродячие в горах офицерские банды? Неужели они думают, что им удастся еще раз втянуть население Кубани в гражданскую войну с трехмиллионной Красной Армией? Или они просто, не желая работать, решили заниматься грабежом и больше ничего?

Мы спрашиваем, кому же они приносят вред своими разбойничьими проделками?..»

Подошел Корягин с трубкой в зубах, протянул Виктору руку.

– Давно ждешь?

– Минут десять, – ответил тот и пошел с председателем в ревком.

– Что там? – стрельнув глазами в сторону газеты, поинтересовался Корягин, и шрам, белевший вдоль левой его щеки, прорезался еще глубже, придав загорелому лицу суровое выражение.

– О бело-зеленых пишут... Баталпашинский отдел¹⁹ на осадном положении. Призывают население горных станиц к борьбе с бандами...

Корягин взял газету, скользнул глазами по строчкам:

«Казаки, горцы и крестьяне, уничтожайте эти разбойничьи офицерские банды, как бешеных собак, выдавайте их агентов, не пропускайте им никакого продовольствия, выставляйте повсюду караулы и заслоны».

Во дворе ревкома чоновцы²⁰ и милиционеры под деревьями чистили винтовки.

Корягин и Виктор поднялись на крыльцо длинного кирпичного здания. В коридоре густой кисеей плавал табачный дым...

У двери за столом сидел дежурный. Вскочив со стула, он принял выправку, приложил руку к кубанке и стукнул каблуками. Корягин в свою очередь козырнул, прошел в кабинет, широко распахнул окно, указал Виктору на стул и вынул из стола бумаги.

– Ну, как твой батько? – спросил он, присаживаясь в старое потертое кресло.

– Поправляется...

Корягин выбил пепел из трубки, сунул ее в нагрудный карманчик гимнастерки и стал рассматривать исписанный фамилиями листок.

– А знаешь, зачем я вызвал тебя? – неожиданно спросил он и, встретившись со взглядом Виктора, сказал: – В ЧОН хочу записать.

– В ЧОН? – протянул Виктор. – Как это, записать?

– Обнаковенно, как и других, – улыбнулся Корягин, и лицо его помягчело. – Нам нужен при ревкоме сильный чоновский отряд, а то при Мартыне Гречке тут сидели одни богатеи...

– Действовали они открыто, – заметил Виктор.

Корягин пытливо посмотрел на него.

– Ну как, запишешься?

Виктор, пожав плечами, стал теревить кубанку в руках.

– Пока воздержусь... – наконец проговорил он. – Подумаю...

– А чего думать? – возразил председатель. – Время не ждет.

Виктор отрицательно покачал головой.

– Нет... тут с бухты-барахты нельзя...

– Как же это? – недоуменно спросил Корягин. – Твой отец только что пришел из Красной Армии, а ты...

– То отец, а то я, – уклончиво ответил Виктор. – Повременю малость.

Корягин уже смотрел на него настороженно, с подозрением... Выйдя из-за стола и глубоко сунув руки в карманы солдатских брюк с потертыми кожаными леями, он остановился перед Виктором, продолжая глядеть ему в глаза, потом зашагал у стены, проговорил:

– Не понимаю...

Виктор смутился, чистое безусое лицо слегка покрылось розовыми пятнами, глаза посуровели.

– Вы не напирайте, Петр Владиславович, – сказал он с напряженной улыбкой. – Это дело серьезное.

– А кто говорит, что несерьезное? – спросил председатель и заглянул ему в глаза: – Я знаю тебя как честного парня. Ты должен понять, что сейчас нельзя стоять в стороне от Советской власти. Для того чтобы окончательно добить врага и построить новую жизнь, нужны надежные люди.

---

¹⁹ **Баталпашинский отдел** – административная единица в составе Кубанской области Российской империи и Кубано-Черноморской области РСФСР, существовавшая в 1869–1922 годах. Административный центр – станица Баталпашинская. На территории бывшего Баталпашинского отдела сейчас располагаются Карачаево-Черкесская Республика, части Кочубеевского района Ставропольского края, Отрадненского и Успенского районов Краснодарского края. – прим. Гриня

²⁰ **ЧОН** – части особого назначения, иррегулярные военные формирования, создававшиеся с мая 1920 года при местных партийных организациях для охраны внутреннего порядка. – прим. Гриня

Понимаешь?

– Понимаю, конечно.

– Вот тут многие записались, – указав на список, продолжал Корягин. – Нельзя станицу без защиты оставлять. Сам знаешь, кругом рыскают банды... Везде разруха. Ветряк без крыльев, вальцевая тоже негодная, муки смолоть негде; школа сожжена, а детишек мы обязаны учить. – Он опустил в кресло, положил жилистые руки на стол. – Мартын Гречка другими делами занимался, – гневно прозвучали его слова. – Советская власть поперек горла ему стала...

– Бесспорно, – согласился Виктор.

– Тут одних слов мало, – заметил Корягин уже с ноткой раздражения. – Нужно помогать.

Он опять пристально посмотрел на Виктора, вынул из карманчика трубку, закурил.

В кабинет вошел высокий дюжий человек с черными вислыми усами. Он был в синей рубашке с подвернутыми рукавами, в полотняных штанах, соломенном бриле²¹ и рыжих, изрядно поношенных сапогах.

– А, товарищ Гуня! – улыбнулся председатель. – Присаживайся, Степан Харитонович.

Гуня недоверчиво посмотрел на Виктора и устало сел.

– Левицкого в ЧОН агитирую, – держа трубку в руке, сказал Корягин, – а он упирается.

Гуня покрутил усы, закопченные табачным дымом, протянул басом:

– Негоже, совсем негоже, хлопче. Надо помогать.

– Я еще мало разбираюсь в политике, – ответил Виктор.

– Кто б другой сказал, может быть, я и поверил бы, – покачал головой Гуня. – А ты ж в вышеначальном учился...

– Тут какая-то другая причина, – подмигнул ему Корягин, и сабельный шрам на щеке конвульсивно передернулся.

– Лишнее говорите, Петр Владиславович, – тая раздражение, проговорил Виктор.

– Хорошо подумай, – кивнул Корягин. – Советую идти по пути ленинской правды. Вместе с нами.

Виктор хотел что-то сказать, но председатель вынул из шкафа брошюру Ленина, подал ему.

– Возьми, почитаешь... что пишет Владимир Ильич.

Виктор бегло прочел:

– «Задачи революции»... Спасибо за книгу, – поблагодарил он. – Мне давно хотелось почитать Ленина.

Корягин сосал трубку и, пустив дым кверху, обратился к Гуне:

– Ну, как плотники, Харитонович? Чинят ветряк?

– Вчера начали, – доложил Гуня. – Пожалуй, к тому воскресению крылья будут готовы.

– Гляди, чтобы не подвели тебя, – предупредил Корягин. – Тут надо за всем смотреть.

– Хлопцы надежные, не подведут, – заверил Гуня.

Виктор с любопытством слушал разговор... Он пытался понять, в чем разница между людьми, сидящими перед ним, и теми, с которыми он повседневно встречается в станице. И тут же находил: у тех интересы не шли дальше своего дома, эти же, наоборот, полностью отдавали себя борьбе за новую жизнь. Но у них было что-то непонятное...

«А может быть, мне кажется?... – спрашивал он себя мысленно. – Для чего же тогда человек существует, для кого трудится?.. Для общества? Но ведь он сам частица общества!.. А трудится, создает богатства неизвестно для кого...»

IV

Двор Левицких выходит створчатыми воротами к западу, на выгон. За клуней и сараем с конюшней – сад. Хата стоит поодаль от дощатого забора. Крыша ее блестит на ярком солнце зеленоватой поливеной черепицей²².

Влево от ворот – крутой спуск к берегу Кубани. У самой воды – изуродованный бурей старый

---

²¹ **Бриль** – мужская соломенная шляпа с широкими полями. – прим. Гриня

²² **Поливенная черепица** – поливная (глазурированная, покрытая глазурью) черепица. – прим. Гриня

дуб с выжженным молнией дуплом и полуобнаженными спутавшимися корнями.

Федот Молчун загремел ручкой калитки, вошел во двор Левицких. Цепная собака Жучка набросилась на него, но Виктор, купавший у колодца серого в яблоках коня, отогнал ее, поздоровался с крестным.

– Батько дома? – спросил Молчун грубовато.

– Дома.

– Проводи меня.

Виктор отвел соседа в хату и вернулся к коню. Окатывая его из ведра холодной водой, приговаривал: «Так, Ратник, хорошо...» Конь поводил острыми ушами, вздрагивал. Мокрая шерсть лоснилась на нем, будто покрытая лаком.

В кухне Молчун нашел старика Левицкого, кутившего люльку и сильно кашлявшего.

– Час добрый, Наумыч, – подавая ему руку, сказал он и снял шапку.

Наумыч оживился, пригласил соседа садиться. Тот, поддерживая руками грузный живот, сел на скрипучую табуретку.

– А где же кум? – приглаживая пальцами пушистые пепельные усы, спросил Молчун.

– Отдыхает, – хмурясь, указал старик на дверь в великую хату²³ – На заре из Родниковки приехал. Насилу вырвался из нее, будь она неладная.

– Что так?

– Да милиционера убили там на базаре...

– Дела... А я с кумом побалакать²⁴ хотел.

Наумыч откашлялся и, припадая на левую, деревянную ногу, заглянул в боковую комнату, окликнул сына, спавшего на деревянном диване:

– Лавруха, до тебя кум пришел.

Лаврентий открыл сонные глаза, посмотрел на отца бессмысленным взглядом.

– Слышишь? – повторил старик. – Вставай! Федот Давидович до тебя пришел.

Лаврентий проворно поднялся и, ощущая со сна озноб в теле, протер глаза, вошел в кухню. Сев на стул, поправил раненую руку, лежавшую на перевязи.

– Дело у меня к тебе, кум, – заискивающе начал Молчун.

Лаврентий искоса посмотрел на него.

– Как?

Молчун потер пальцами висок. Ему хорошо было известно, что означал этот короткий вопрос (в нем всегда звучали нотки неудовольствия), и он поднял на него миролюбивые глаза.

– Ты не обижайся на меня, – сказал он. – Я хочу толком добиться от тебя, с кем ты думаешь быть дальше?.. Опять с красными?

– Зачем допытываешься? – ошетинился Лаврентий, и с его лица сразу слетела сонливость.

– Ну вот, – снисходительно протянул Молчун.

– Не муди ты мне душу! – сердито отмахнулся Лаврентий. – Я тебе уже говорил: навоевался предостаточно и теперь буду сидеть дома... сторожить семью и хозяйство.

– Э... нет, погоди немного, – дружественно поднял руку Молчун. – Война еще не закончилась, и нам, кум, негоже сидеть сложа руки.

– Как это, негоже? В самую пору.

Молчун криво усмехнулся:

– Будто не видишь, что Корягин вытворяет. Всего недельку попредседательствовал, а уже задушил нас продразверсткой. Партизан гуртует, ЧОН создает... Решил еще крепче скрутить нас. При Мартыне Гречке этого не было...

– Вижу, Федот Давидович, ты все еще в генеральские погоны веришь, – осуждающе сказал Лаврентий. – Ты читаешь сводки в газете? Знаешь, что делается на польском фронте?

– Брешут они, те сводки! – махнул рукой Молчун.

– Нет, не брешут! – воскликнул Лаврентий. – Я был там, своими очами все видел. Поляки бегут, как зайцы!

---

²³ **Великая хата** – на Кубани так называют комнату, предназначенную для гостей.

²⁴ **Балакать** – беседовать, говорить, болтать, разговаривать. – прим. Гриня

Молчун развел руками.

– В одном месте, может, и бегут, а в другом...

– Чудной же ты, ей-богу, – с досадой проговорил Лаврентий. – Войне скоро конец. – Он уставился на соседа и резко спросил: – Ты-то чего от меня хочешь?

– Чтобы ты одного берега держался.

– Какого?

– Нашего, казачьего, – приглушенно сказал Молчун. – Ты же георгиевский кавалер! Не думай, что красные не напомнят тебе об этом.

Лаврентий сразу переменялся в лице, потеревил остренькие усы, задумался.

– Так-то оно так, кум, – нерешительно произнес он, – но ты погляди, что вокруг делается. Кубанцы за Советскую власть горой стоят. Хочешь, я тебе почитаю? – Он вынес из спальни газету «Красное знамя»²⁵, развернул ее на столе.

Молчун наклонился.

– Ну-к, ну-к, про что там...

– А вот послушай. – Лаврентий многозначительно поднял палец и начал читать медленно, с расстановкой: – «В борьбе за освобождение трудящихся лучшая часть трудового казачества с нами...» Ясно тебе, Федот Давидович?

– Ну-ну, дальше.

Лаврентий продолжал читать: «Об этом свидетельствует заседавший в Екатеринодаре областной съезд. Но совершенно ясно, что Советской власти и ее сторонникам придется еще выдержать упорную борьбу, чтобы рассеять ту атмосферу...» Ага, «атмосферу»... Заковыристое слово. Обстановка, что ли.

– Похоже, – сказал Молчун.

Лаврентий читал дальше:

– «...ту атмосферу лжи и провокации, которую создали и поддерживают агенты помещиков и буржуазии». Ясно?

– Не совсем.

– Как?

– Давай, давай.

Лаврентий согнул газету вчетверо, продолжал: – «Из станиц и аулов идут вести о том, что пришибленная в первый момент падения деникинской власти черносотенная челядь вновь подняла голову и ведет черную работу контрреволюции...»

– Во! – торжествующе вырвалось у Молчуна. – Теперь ясно. Значит, наша армия растет...

Лаврентий сверкнул отчужденным взглядом, поправил руку на перевязи и, раздувая ноздри, стал водить пальцем по строчкам: – «Работа эта ведется всеми средствами. Дельцы контрреволюции распространяют слухи о приближении белых и скором падении Советской власти. Всякий шаг, всякое мероприятие Советской власти толкуется вкривь и вкось, выдумываются и распространяются всякие небылицы...»

– Хватит, – недовольно махнул рукой Молчун, сел на табуретку. – Им, конечно, надо писать.

– Нет, не говори, – возразил Лаврентий, горячась. – За Советскую власть – большинство. Да оно и понятно. Большевики добре колыхнули генералов. Деникина как моль съела. А армия у него вон какая была.

Молчун сдвинул широкие брови, нахмурился. В серых, поблескивающих глазах таилась злоба.

– Ты все свое тянешь, – наконец сказал он спокойно. – А я пришел побалакать с тобой по душам, думками поделиться.

Лаврентий совсем помягчел, присмирел. Наумыч приподнял рыжеватую прокуренную бороду, покашливал изредка и внимательно слушал беседу. Светло-карие глаза его останавливались то на сыне, то на соседе.

– Или ты не слыхал, что Хвостиков недавно в Баталпашинском, Лабинском и Майкопском отделах организовал повстанческие отряды? – спросил Молчун. – Ты думаешь, зря большевики

---

²⁵ «Красное знамя» – газета издававшаяся в Екатеринодаре с 27 апреля 1920, как орган Кубано-Черноморского революционного комитета, Политического отдела IX армии и Кубано-Черноморского комитета РКП(б). В 1937 году, с образованием Краснодарского края, на базе «Красного знамени» была образована краевая газета, получившая название «Большевик». – прим. Гриня

объявили там осадное положение?

– Кое-что слышал в Родниковке, – проговорил Лаврентий. – Вчера, после обеда, там такая история получилась. После базару люди начали разъезжаться. А тут милиционер стал посылать нас возить на ссыпку²⁶ разверстку. Мы – ни в какую! Тогда он начал грозить. Кто-то возьми да и крикни: «Отопхнить его, хлопцы!» Казаки подхватили милиционера – и в сторону. А он вырвался – да за револьвер, хотел стрелять. Тут все обозлились – мах да и прикончили его. – Он дотронулся до плеча собеседника, добавил: – Оглянуться не успели мы, как нагрянули чоновцы. Поднялась пальба, матушки! Я бачу, что пошел такой саксей-максей, да по коням, гнал их верстов сорок без передышки. Чуть было не запалил.

– Ну вот... – предупреждая протянул Молчун. – Это только начинается, а там... мы свету не будем рады. Зарежут они нас, ей-бо, зарежут!

Лаврентий глядел на него из-под нахмуренных бровей. Острые его усы мелко подрагивали от нервного озноба, но он уже не возражал куму с такой определенностью, как в начале разговора, а только молча посапывал, не зная, что сказать ему – «да» или «нет»; собирался с мыслями. Не мог он в данный момент решить, к какому берегу надо примыкать – к белым или к красным...

– Ой, глядите, хлопцы, чтобы вы не попали впросак! – вмешался в беседу Наумыч. – Беды не миновать вам, ежели спутаетесь с генералами.

– И такое скажете!.. – недовольно бросил Молчун, – Куда уж хуже нашей нынешней беды.

Старик откашлялся, развел руками:

– Не любо – не слушай.

– Как это? – спросил Молчун.

– А так, – вскинул седые брови Наумыч. – Помните, как в восемнадцатом году зачиналась у нас Советская власть?.. Тогда иное было время, да и то из троцкого восстания²⁷ пшик получился! Большевики всех к стенке поставили. А теперь и вовсе. Так что не дюже верьте генералам. Лучше ни тех ни других не защищайте. Пусть большевикам мешает кто угодно, но только не вы. Держите себя в каблучке, приглядывайтесь, на чьей стороне правда: к тому потом и пристегайтесь. А сейчас еще дело темное...

– Выходит, ждуть, покуда нас удавом задушат? – сверкнул глазами Молчун. – Нет, Наумыч, хоть вы и рассудительный человек, но тут заблуждаетесь. Нам надо в единый кулак сбиться, помочь Хвостикову и начать борьбу с большевиками.

– Эхе-хе-хе, – укоризненно сказал старик. – Хвостик, как сухой хворостик. Только возметесь за него, а он и обломится. Гниль это. А что касемо большевиков, так я тебе скажу откровенно, Федот. Советская власть мягко относится даже к офицерам, какие не ушли с Деникиным и до сего дня проживают на Кубани. В нашей станице таких с десятков наберется. Да ты сам сотник, а тебя не трогают.

– Что ж, – прервал его Молчун, – в белой армии я не служил. И у нас много таких. Мы еще до революции ушли в отставку. А пленных офицеров, которые были отпущены по домам после разгрома Деникина, забрали же?

– И они жили бы спокойно, ежели бы с Мартыном Гречкой не спутались, не занимались тем, чем ненадобно.

– Погодите, погодите, Наумыч, – Молчун приподнял руку.

– Все едино меня не убедишь! Я вижу и понимаю, что до чего, – отмахнулся старик.

Молчун понял, что спорить с ним бесполезно, обернулся к Лаврентию:

– Поедешь сегодня в монастырь?

– А что там? – насторожился тот.

– Просто, к обедне...

– Не знаю.

– Нет, ты собирайся, – настоятельно сказал Молчун.

---

²⁶ **Ссыпка** – место, где ссыпают что-нибудь; здесь – ссыпной пункт (место сбора зерна сдаваемого по подразверстке). – прим. Гриня

²⁷ В январе 1918 года в ряде станиц и хуторов Кубани фронтовики начали создавать Советы. Контрреволюция, ушедшая в подполье, стала вести подготовку к восстанию, которое должно было вспыхнуть на троицу. Этот заговор был раскрыт, заговорщики разгромлены

Лаврентий, догадываясь о причине приглашения, согласился поехать на богомолье и, проводив Молчуна до калитки, приказал сыну запрячь лошадей в линейку.

V

Жаркие лучи июньского солнца заливали янтарным блеском широкий двор монастыря. В тени деревьев и под высокой стеной колокольни толпились богомольцы, говорили о засухе. Обедня еще не начиналась. Глухо гудел колокол, и звуки его неслись над густым лесом и бугристой степью.

Богатеи стояли в стороне, толковали о Хвостикове и Врангеле.

Матяш искоса поглядывал на Левицкого, державшего забинтованную руку на перевязи из белого платка, отозвал Бородулю и Молчуна в сад, спросил с тревогой:

– Лаврентий знает, кого ждем?

– Нет, – ответил Молчун.

– А я думал...

– Постой, Андрей, – прервал его Бородуля. – Такие, как Лаврентий, нам нужны.

– Мне, конечно, не учить вас, Игнат Власьевич, – проговорил Андрей, – но... он же большевистским духом напитан!

Бородуля смерил его сверлящими черными глазами, нервно расправил тронутые сединой пушистые усы.

– Как-нибудь без твоих советов обойдусь, – сказал он раздраженно.

Матяш, отставной сотенный офицер, вспыльчивый и злой по характеру, вообще не терпел возражений, однако перед есаулом Бородулей присмирел.

– Конечно, вам виднее, Игнат Власьевич... – добавил он хмурясь.

– Лаврентия бояться нечего, – с полной уверенностью сказал Молчун. – Он будет с нами.

– Но об уполномоченном он не должен знать, – настаивал Андрей, – а то, чего доброго...

– Лаврентий не из таких... – убежденно заявил Бородуля. – Хотя оно, пожалуй, лучше не говорить ему... без него обойдемся.

Виктор Левицкий и Григории Молчун, поглядывая на казаков, прохаживались взад и вперед по раскаленным кирпичам, выстилавшим двор монастыря.

– Видишь, Виктор, – вяло гнусавил Григорий, – твой батько дюже погано²⁸ сделал, что пошел до красных. К нему теперь и доверия мало...

– А куда ему было деваться? – вспылил Виктор. – Ты же знаешь, что делалось в Новороссийске, когда бежала Добровольческая армия? Таких, как мой отец, на пароходы не брали. Красные захватили там в плен без мала двадцать тысяч солдат и более двух тысяч офицеров. Так отец и попал к Буденному.

– А чего ж он не бежал?

– Куда бежать? Да и не один он такой...

Подошел Андрей с двумя молодыми казаками, щеголевато одетыми в новые светло-серые черкески с посеребренными газырями.

– Ну, как дела, большевик? – с ехидной усмешкой обратился к Левицкому один из них.

Сильная рука Виктора упала на эфес кинжала. В глазах вспыхнуло бешенство.

– Меня этим словом не оскорбишь, – сквозь зубы проговорил он, – но насмешек я не потерплю!

Казак, откинул голову назад, с издевкой захохотал. Виктор вырвал из ножен кинжал, кинулся на него, но между ними стал Андрей, схватил Виктора за руку.

– Брось! – сказал он. – Шуток не понимаешь?

Виктор вложил кинжал в ножны.

– Я его пошучу...

– Горячий хлопец, – вызывающе бросил второй казак.

Виктор закурил, насупил брови. Сердце его стучало, как молот, кончики пальцев дрожали. Он глубоко затянулся, выпустил облако дыма, жуя и перекатывая мундштук папиросы из уголка в уголок губ... Андрей мигнул казакам и направился с ними по липовой аллее.

Во дворе монастыря появился босоногий в рубище старик... Заложив руки за спину и

---

²⁸ Погано – плохо, тяжело, муторно, трудно, дурно. – прим. Гриня

переваливаясь с ноги на ногу, он внимательно разглядывал пеструю толпу богомольцев. Его глаза (один широко открытый, неподвижный, другой чуть блещущий из-за пепельной брови) присматривались к каждому человеку...

Из тенистой аллеи вышла игуменья – тридцатисемилетняя женщина с изнеженным лицом и белыми холеными руками... Рядом шла Соня со сверкающим на груди крестом.

Игуменья подозвала к себе надзирательницу, старую монахиню, и указав на босоногого старика, распорядилась, чтобы та после обедни предоставила ему место для ночлега.

– Это юродивый, божий человек. Ему покой нужен с дороги...

– Слушаюсь, матушка, – низко поклонилась надзирательница.

Игуменья, поддерживаемая под руку келейницей, неторопливо направилась к церкви... Вот она уже поднялась по ступенькам на паперть. Из-под черной, слегка приподнятой мантии были видны стройные ноги в бархатных башмачках, расшитых серебром. С высокого клубука почти до земли спускалась темная кисея.

У входа толпа богомольцев расступилась. Шагая по каменному скользкому полу, выстланному узорчатыми метлахскими плитками, игуменья приблизилась к амвону²⁹, повернула голову и, посмотрев вокруг, прошла к стасидии³⁰, своему месту, осенила себя крестом, села... В черных смеженных ее глазах сквозила усталость, но она держалась бодро, и эта бодрость передавалась всем богомольцам, собравшимся в церкви...

Из алтаря вышел священник с мясистым подбородком и фиолетово-багровым тучным лицом. Сияя золотистой ризой и епитрахилью³¹, он взмахнул дымящим кадилом и начал службу.

Хор рясофорных монахинь и послушниц, одетых в черное, находился вверху, на правом клиросе. Туда поднялась и Соня.

Запели высокими голосами:

Господи, помилуй...

В церковь прибывали богомольцы. Пахло ладаном и оливковым маслом. Старики, старухи покупали свечи, вставляли в канделябры, подсвечники, крестились и отходили в сторону...

Гусочка, как и все богомольцы, одет по-праздничному: в новенький бордовый чекмень³², темно-синие штаны и лакированные, на скрипу, остроносые сапоги. Вынув из бокового кармана самодельную свечу и поставив рядом с другими, он трижды осенил себя размашистым крестом, потушил несколько огарков, спрятал в карман – дома из них готовил новые свечи. Почесав огнистую жидкую бороденку, он развязал грязную тряпицу, в которой хранил деньги царской марки, и для вида, что жертвует, опустил их в высокую кружку. Святотатно перекрестился, виновато взглянул на отца Фотия, расхаживавшего по амвону, воровато оглянулся назад и неожиданно увидел Лаврентия Левицкого, с ехидной усмешкой глядевшего на него.

– А ты что ж, Лавруха, не жертвуешь на монастырь? – спросил Гусочка как ни в чем не бывало.

– У меня царских денег нет, Иван Герасимович, – подкручивая острые усы, с улыбкой подмигнул Лаврентий. – Ни кредитки, ни керенки – все советские... Ты там по-дружески и за меня кинь...

– Отак и брехня выходит... – оставив на него маленькие зеленоватые глаза, протянул Гусочка, затем тоненько хихикнул и погрозил скрюченным пальцем: – Без денег в церковь грех ходить. Ты и

---

²⁹ **Амвон** – специальное сооружение в христианском храме, предназначенное для чтения Священного Писания, пения или возглашения некоторых богослужебных текстов, произнесения проповедей. – прим. Гриня

³⁰ **Стасидия** – кресло в храме с откидным сиденьем и образующимся после откидывания небольшим местом для стояния. – прим. Гриня

³¹ **Риза** – здесь – верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения. **Епитрахиль** – принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь. – прим. Гриня

³² **Чекмень** – верхняя мужская одежда в переходной форме между халатом и кафтаном. Обычно изготавливался из сукна. – прим. Гриня

богу-то норовишь угодить на чужой счет...

– Оно и ты неправедным путем угождаешь, – лукаво заметил Лаврентий.

Поп, дымя кадилом, продолжал вышагивать по амвону.

В конце обедни отец Фотий вынес из алтаря поминания, собранные монахинями до начала службы, положил на аналой. Богомольцы, крестясь и кланяясь, разбирали свои книжечки.

Андрей с женой протискался вперед, отыскал свое поминание, остановился у иконы, изображавшей Георгия Победоносца. Многие богомольцы, продолжали ставить свечи у образов. Кружки постепенно наполнялись деньгами...

* * *

Бородуля и Молчун ждали игуменью в башне. Заняв места у длинного стола, накрытого черной скатертью, на углах которой пестрели мишурные херувимчики, они говорили о Корягине и продрозверстке...

Игуменья в сопровождении казачьего полковника и эмиссара поднялась к ним потайным ходом. Казаки из уважения к чинам встали.

Полковник был невысокого роста, щедедушный, с гладко выбритым старушечьим лицом. Из-под черной курпейчатой кубанки³³ на плечи ниспадали жидкие полуседые волосы. Темно-синяя черкеска с костяными газырями сидела мешковато. Щелкнув каблуками начищенных сапог и приложив руку к кубанке, он выкрикнул хрипло:

– Здравствуйте, господа офицеры!

– Здравия желаем, господин полковник! – ответили казаки.

Эмиссар был высокого роста, с резкими чертами лица, рыжими бровями и белесыми глазами. Его светлосерый костюм английского покроя и фуражка были изрядно поношены. Обнажив голову, он обменялся со всеми рукопожатием и занял кресло у стрельчатого окна, в которое лились горячие лучи солнца.

Пришли отец Фотий и Андрей Матяш. Подбрав полы черной атласной рясы, поп опустился на диван. Подле него сел и Андрей.

Игуменья окинула взглядом приглашенных, сказала:

– Вот теперь мы и поговорим господин, Набабов и... многоуважаемый господин Полли. Здесь все свои. – Она расправила под собой мантию, села на низенькую оттоманку и остановила глаза на полковнике: – Первое слово вам, Кирилл Семенович.

Полковник поднялся, вытер обильный пот с обрюзглого лица и, откашлявшись, начал дребезжащим голосом:

– Господа... Я уполномоченный генерала Хвостикова. Цель моего приезда к вам заключается в том, чтобы организовать в ваших местах повстанческий отряд. Вместе с монахинями данного монастыря вам надлежит повести среди населения агитацию за вступление казаков в наш отряд. Но предупреждаю: следует вести себя исключительно осторожно. Опирайтесь главным образом на зажиточных. Что же касается остального населения – принимайте по выбору, ищите казаков, разделяющих наши убеждения... – Он сделал небольшую паузу и продолжал тем же неприятным, скрипучим басом: – Попутно хочу предупредить вас, господа офицеры, еще и о том, что сейчас назрела очень сложная международная обстановка... И тем не менее мы надеемся на своих союзников – Америку и Англию... Недавно нам стало известно, что генерал Деникин во время пребывания в Лондоне встречался с военным министром Черчиллем, вел с ним переговоры о помощи вооруженным силам на Юге России и просил его ускорить переброску оружия для наших армий. Кроме того, Антон Иванович встречался с Ллойд Джорджем. Но об этом доложит господин полковник Полли, который прибыл к нам в Кардоникскую из Армении со специальным заданием... и уже посетил некоторые места, где мы начали создавать свои отряды.

Набабов картинно поклонился и, сев в кресло, невольно остановил взгляд на заключенном в позолоченную багетовую раму портрете молодой красивой женщины в широкополой шляпе, украшенной букетом цветов и страусовыми перьями. Это была помещица Вербицкая, которой до

---

³³ **Кубанка** – низкая (укороченная) папаха. **Курпейчатая** – сделанная из овчины ягненка. – прим. Гриня

революции принадлежал весь нынешний монастырский погост с 3600 десятинами пахотной земли, где она и построила Успенский Пресвятой Богородицы женский монастырь.

– А дозвольте у вас спросить, ваше высокоблагородие, – обратился Бородуля к уполномоченному. – Кого придерживается генерал Хвостиков: Врангеля... или он сам по себе?

– Нет, нет! – поспешно ответил Набабов. – Только Врангеля.

– Значит, слухи у нас верные ходят, – заметил Молчун.

– Разрешите, господа, – поднимаясь, заговорил Полли на чистом русском языке.

Игуменья угодливо кивнула. Полли выпрямился, оправил пиджак и пристально осмотрел всех сидящих, как бы желая удостовериться, с кем имеет дело. Потом продолжил:

– Я имею честь сообщить вам, господа офицеры, о той бескорыстной нашей помощи, о которой только упомянул господин Набабов... Мне поручено проинформировать вас, что между нами, то есть моим правительством, с одной стороны, и бароном Врангелем, с другой стороны, существует договоренность. Мы обязываемся оказывать вам помощь в смысле снабжения ваших армии оружием и предоставления своего флота Врангелю. От вас же требуется активное участие в подготовке к всеобщему восстанию на территории вашей области... Что касается лично вас, то вы здесь, на месте, должны создать такой отряд, который мог бы по первому нашему зову выступить с оружием в руках против большевиков. Оружие вы немедленно начнете получать от нас, как только займетесь вербовкой людей. Мы уже направили из Батума к Хвостикову большое количество винтовок, пулеметов, гранат и боеприпасов. Когда здесь развернутся боевые действия, мы окажем вам поддержку и своими военно-морскими силами с тем, чтобы задушить революцию. Да, да! Именно задушить!.. Это общая наша задача, господа офицеры!..

Слушая Набабова и Полли, Андрей недовольно морщился и хмуро поглядывал на солнечных зайчиков, игравших на каменном узорчатом полу.

– А правда, что будто бы генерал Хвостиков уже заключил военное соглашение с Врангелем? – спросил он вдруг.

– На этот вопрос вам ответит господин полковник, – указал Полли на Набабова.

Набабов грузно оперся руками на подлокотники.

– Да, соглашение между Хвостиковым и Врангелем уже существует, – ответил он.

Игуменья подошла к столу.

– Господа, – сказала она грудным голосом, – я не сомневаюсь в нашей победе. Но это еще не значит, что она к нам придет сама собой. Мы должны приложить усилия, чтобы ускорить ее...

Генерал Хвостиков и генерал Крыжановский³⁴ являются верными проводниками политики Врангеля, и на них мы вполне можем положиться. Наш долг помогать, поддерживать их.

– От этого зависит успех нашего дела, – подчеркнул Набабов.

– Я считаю, – продолжала игуменья, – что мы должны договориться о конспирации и обсудить ту сложную обстановку, в которой нам придется проводить свою работу.

– Это верно, – многозначительно поднял палец Молчун. – Чтобы не повторить Мартына Гречку.

Игуменья одобритительно наклонила голову.

– Да, ошибки этого Гречки дорого обошлись нам. Успех нашей борьбы будет зависеть от того, как мы сумеем раскрыть свой замысел перед нашими единомышленниками и в то же время скрыть его от всех остальных. – Она обернулась к Бородуле: – Желательно было бы послушать вас, Игнат Власевич: какими силами располагают ревком, коммуна?

– Это нас очень интересует, – добавил Полли – Тем более, что у вас в станице новый председатель.

Бородуля встал, расправил усы, кашлянул в кулак:

– Значит, так... После ареста Мартына Гречки в председатели ревкома назначили Корягина, отозванного из Красной Армии. Был он батраком. Это человек с крутым нравом. Прижимает нас,

---

³⁴ Судя по всему, автор использует собирательные образы белых генералов на описываемый период (лето 1920 года). Командир 1-го Кубанского корпуса генерал-лейтенант **Крыжановский** Владимир Васильевич погиб в окружении под Белой Глиной, сражаясь с войсками 1-й Конной армии, 21 февраля 1920 года (по некоторым свидетельствам 9 февраля 1920 года). Летом 1920 года организовал Повстанческую армию («Армия возрождения России») из нескольких тысяч казаков, бежавших от красного террора и занял ряд станиц Баталпашинского отдела (Удобную, Передовую и другие) генерал-майор **Фостиков**, Михаил Архипович. – прим. Гриня

казаков, по всем статьям. Прямо-таки задушил продрозверсткой. Партизан и бедноту сколачивает вокруг себя. Пшеницу хоть и не прячь, все равно донесут... И управляют городовики!..

– Эх-хе-хе, – тяжело вздохнул отец Фотий. – Истинно: упал гордый дух казаков. Не Кубань, а Содом и Гоморра. Недаром в святом писании сказано, что придет время и пойдет брат на брата...

– Если у вас нет возможности укрыть хлеб от большевиков, то его нужно уничтожать, – заметил Набабов.

– Совершенно верно, – согласился с ним Полли. – Жгите излишки хлеба, высыпайте в Кубань, но не сдавайте противнику...

– Секретарь ревкома Козелков полковым писарем был на действительной, – продолжал Бородуля. – Через него мы можем узнавать о решениях ревкома.

– Сколько же большевиков в станице? – поинтересовался Полли.

– Много! – ответил Бородуля. – Степан Гуня, Василии Норкин, Иван Градов, Логгин Ропот... Да всех не перечеть.

– Вы должны иметь список всех этих лиц, – сказал Набабов. – Это нам потребуется...

Бородуля доложил еще о чоновском отряде, о коммуне...

Потом, вставая, взял слово Андрей. В горящих глазах сотника сквозило недовольство. Опустив руку на стол, он помедлил минуту, потом заговорил:

– Все это хорошо... Но большевиков трудно обмануть... Подозрение может упасть на вас, матушка. Как быть тогда?

– Не упадет, – сказала игуменья. – А если и упадет, то у них будет основания обвинить меня в связи с вами. Я буду играть роль вашей противницы, господа... Уверяю, они голову сломают, но уличить меня не смогут...

– Да, здесь должна быть пущена в ход вся женская хитрость, – поддержал ее Набабов. – Как это... «Под твою милость прибегаем, богородице, дево, молений наших не презри в скорбях, но от бед избави нас, единая чистая и благословенная».

– О, вы в дьяконы годитесь, Кирилл Семенович! – воскликнула игуменья улыбаясь.

– Кстати, у нас в монастыре нет дьякона, – добавил отец Фотий, разводя руками.

– Да, да – подхватила игуменья.

– Нет, на такие дела я не гожусь, матушка, – помотал головой Набабов.

Полли побарабанил пальцами по столу, как бы призывая собеседников вернуться к прерванному разговору, протянул:

– Да... большевики не сидят сложа руки. Нельзя медлить, господа, с созданием повстанческого отряда...

Тут же были названы монахини, которые пойдут вербовать казаков в отряд...

Трижды ударил колокол. Игуменья пригласила собравшихся к трапезе, но казаки отказались от угощения. Они торопились домой.

VI

Набабов снял с себя черкеску и кубанку, повесил на вешалку. Игуменья проводила его и Полли теми же скрытыми ходами в трапезную. Они закрылись в столовой для гостей.

Вошла Соня, смиренно поклонилась. Набабов впился в нее взглядом. Игуменья заметила это.

– Белица³⁵, принеси обед нам, – распорядилась она, обращаясь к послушнице. – И бутылку коньяка...

Соня снова отвесила поясной поклон.

– Слушаюсь, матушка.

Набабов, проводив ее выцветшими серыми глазами, спросил у игуменьи, из какой семьи эта девушка. Игуменья рассказала о своей келейнице. Набабов удивленно вскинул брови.

– Бежала от родителей? Это чертовски романтично!

– Весьма набожна и послушна... – сказала игуменья. – Целомудренного, кроткого нрава... Очень увлекается священными книгами: ночи просиживает за ними...

– Сколько же ей лет?

---

³⁵ Белица – лицо, готовящееся к пострижению в монахини, обыкновенно живущее в монастыре.

– Кажется, девятнадцатый.

– Чудесная пора!.. – восхищенно воскликнул полковник. – Не девушка – цветок! Просто не верится, что она из бедной семьи. Ведь красота и благородные черты присущи только имущим классам. Не так ли, господин Полли?

Американец пожал острыми плечами.

– Иногда и полевые цветы изумляют своей красотой.

– О, нет! – с жаром возразил Набабов. – Не говорите... Красота – это первый признак благородства. А эта девушка какой-то редкостный экземпляр.

На лице игуменьи просияла улыбка...

Из открытого окна были хорошо видны прикубанский лес и поляны. Вдали, на возвышенности, лежала бывшая помещичья усадьба, окутанная сизой дымкой. Игуменья подошла к окну.

– Вот коммуна, – указала она в сторону усадьбы и, печально вздохнув, оперлась на подоконник.

– Совсем близко, – сказал Полли. – Здесь, по-моему, и семи верст не будет.

– Всего шесть верст... – проговорила игуменья надломленным голосом. – Там прошли мое детство, юность...

– Позвольте! – воскликнул Набабов. – Уж не ваш ли отец помещик Меснянкин?

– Да, это мой батюшка, – подтвердила игуменья. – А вы его знаете?

– Как же, – улыбнулся Набабов. – Кто не знает вашего отца! Он арендовал войсковую землю за Надежной. В Мокрой балке и на Рассыпном кургане мы сдавали ему до тысячи десятин выпасной земли. Там паслись его тонкорунные овцы.

– Все пошло прахом, – вырвалось с отчаянием у игуменьи. – Страшно подумать, чего нас лишили...

– Не беспокойтесь, – участливо заметил Полли. – Это временно.

Игуменья осенила себя крестом.

– Помогите нам, господи!

– А где же сейчас ваш отец? – поинтересовался Набабов.

– За океаном.

– У нас? – удивился Полли и добавил успокоительно: – Верьте мне – у нас ему будет хорошо.

– Но каково бедному старику жить в одиночестве! – тихо проговорила игуменья, сокрушенно качая головой. – Без родины... Последний раз я видела его перед отступлением морозовской армии.

Набабов поморщился.

– Знаю я этого Морозова. Бездарный генерал был. Умудрился сдать большевикам шестидесятитысячную армию.

Все разместились у стола, накрытого плюшевой скатертью.

Игуменья нервно хрустнула пальцами.

– Я подумала сейчас о самом плохом, – сказала она упавшим голосом. – Что если, прежде чем мы создадим отряд, ревком станицы Краснодольской налетит на нас? Он располагает силами. Кроме того, Корягин может обратиться за помощью в отдел, и ему окажут поддержку. Рядом – на Кавказском железнодорожном узле³⁶ – ЧОН. Да и в коммуне не будут сидеть сложа руки.

– Но вы же нас только что заверили, матушка, что не боитесь... – вдруг уставился на нее Набабов.

– Я не о себе говорю, Кирилл Семенович, – пояснила игуменья. – Против вас немедленно меры примут, как только узнают...

– Напрасные страхи, матушка, – заверил Набабов. – Волков бояться – в лес не ходить. На днях в Царицынской даче³⁷, что меж Прочноокопской и Григориполисской, под командованием есаула Живцова и сотника Курунина организовался наш отряд в тысячу человек. Полагаю, что кавказские и армавирские ЧОНЫ будут заниматься именно этим отрядом и не смогут оказать какую бы то ни было поддержку Краснодольскому ревкому. А тем временем мы успеем собраться. К тому же в монастыре

---

³⁶ **Кавказский железнодорожный узел** – узловая железнодорожная станция «Кавказская» открыта в 1874 году в хуторе Романовский, относившемся к станице Кавказской как казацкое поселение иногородних. 4 февраля 1921 года хутор Романовский получил статус города с наименованием Кропоткин. В настоящее время город Кропоткин – административный центр Кавказского района Краснодарского края. – прим. Гриня

³⁷ **Царицынская дача** – название леса.

мы долго задерживаться не будем.

– А вам все же надо остерегаться, матушка, – Полли остановил предупреждающий взгляд на своей визави. – Ни в коем случае, ни через какие источники не должны просачиваться к большевикам сведения о вашей деятельности. Все ходы следует перекрыть.

– За меня вы можете не беспокоиться, – сказала игуменья. – Сейчас противники так смешались между собой, что трудно разобраться, где свой, а где чужой. И я воспользуюсь этим – легко спрячу концы...

Соня внесла обед на серебряном подносе. Застлав стол свежей белой скатертью и расставив тарелки с кушаньями перед сидящими, она поклонилась и вышла.

Набабов и на этот раз не удержался от соблазна – проводил ее взглядом, затем подвинул кресло к столу, поближе к бутылке коньяка, и нюхнул корку хлеба.

Игуменья наполнила рюмки.

– За хорошее начало, господа!

Чокнулись, выпили, начали закусывать.

– Мне кажется, в первую очередь надо покончить с коммуной, – продолжила игуменья прерванный разговор.

– Сделаем, матушка, все сделаем, – кивнул Набабов, облизывая жирные губы. – Кому-кому, а коммунарам достанется.

Игуменья снова разлила коньяк. Полли поднял рюмку.

– В честь доблестного генерала Хвостикова!

– Да, да, за Хвостикова! – подхватил Набабов.

Игуменья пригубила рюмку и поставила ее перед собой. Однако гости приложились основательно. Набабов сочно крикнул и, подняв пустую рюмку, повертел на свету – не осталось ли в ней хоть капельки – и, убедившись, что содержимое все выпито, опять принялся за еду...

Игуменья поинтересовалась, где сейчас находится штаб-квартира генерала.

– Разумеется, если это не секрет, – оговорила она.

– Какие могут быть у нас секреты от вас, матушка, – протянул Набабов. – Доложу все подробнейшим образом... После того, как отдельная кавбригада Курышко из X армии заняла Баталпашинск³⁸, Хвостиков отступил в Кисловодск; вскоре и оттуда ему пришлось уходить. Он двинулся к Клухорскому перевалу, чтобы прорваться в Грузию, но в пути был настигнут красными и разгромлен. С большим трудом ему удалось бежать от преследования. Сначала он скрывался в ауле Даутском у богатого карачаевца Мамая Кочкарова, а затем перебрался в станицу Кардоникскую, где сейчас снова собирает силы.

– И жена с ним? – с любопытством спросила игуменья.

Набабов скорбно вздохнул.

– Увы, она с двумя своими братьями осталась в Кисловодске. Что с ней случилось, знает один только бог.

– Генералу не мешало бы побывать здесь, в наших краях... – выразила желание игуменья.

– Вряд ли в этом есть необходимость, – сказал Полли.

– Мне хотелось бы поговорить с ним, – подчеркнула игуменья. – Решить кое-какие вопросы...

Набабов настороженно взглянул на нее.

– Матушка, да вы никак сомневаетесь в чем-то, не совсем доверяете мне? Ведь я уполномоченный... Хвостиков прислал меня вести с вами переговоры.

– Верю, верю, Кирилл Семенович, – улыбнулась игуменья. – Мы с вами уже договорились обо всем, но...

– О, понимаю! – воскликнул Набабов. – Хотите взглянуть, каков генерал, и убедиться: можно ли делать ставку на него? Заверяю вас, матушка, на него можно надеяться как на каменную гору. Вы убедитесь в этом в самое ближайшее время.

– Я верю в генерала Хвостикова, – поддержал Полли полковника. – Верю в окончательную

---

³⁸ Черкесск – город на юге России. Столица Карачаево-Черкесской Республики. Основан в 1825 году как станица *Баталпашинская* на месте одноименного русского военного укрепления (редута), устроенного у устья реки Овечки в 1804 году. С 1888 года станица становится административным центром одного из семи отделов Кубанской области. В 1931 году населенному пункту был присвоен статус города и имя **Баталпашинск**. В тридцатые годы город несколько раз переименовывался (1934 год – Сулимов. 1937 год – Ежово-Черкесск), с 1939 года – Черкесск. – прим. Гриня

нашу победу.

После обеда он любезно распрощался с игуменьей и Набабовым, покинул монастырь.

* * *

С наступлением темноты, когда в кельях воцарилась тишина и во многих окнах монашеского корпуса потухли огни, Соня закрылась в своей келье, увешанной иконами разных размеров, в задумчивости остановилась у столика, на котором пламенела свеча в подсвечнике, стояла фарфоровая статуэтка – распятие Иисуса Христа, лежало евангелие. Сев на стул, она достала из ящика стола акафист, развернула его, потом осторожно вынула роман, открыла заложенную страницу...

Отворилась дверь, и в келью вошла монахиня, присела рядом с Соней.

– Ты все читаешь, – сказала она, заглядывая в книгу.

– Ой, Мавруша! – воскликнула Соня, краснея. – Если бы ты знала, что это за книга... «Овод», написала ее Войнич... Про священника, кардинала Монтанелли и его сына Артура в ней рассказывается... – Она украдкой оглянулась назад, прошептала: – Этот Монтанелли, понимаешь, нажил Артура с чужой замужней женщиной... Тут такое!..

– Интересно, – промолвила Мавра и вдруг, схватившись за живот, ойкнула.

– Что с тобой, Мавруша? – испугалась Соня. – Ты нездорова?

– Да нет... – простонала Мавра. – Это у меня... – Она недосказала и опять наклонилась над книгой. – И что же дальше?

Соня подробно рассказала содержание прочитанных страниц, вздохнула:

– Вот какие бывают святоши!.. Боже, а я думала...

– Да ты-то где взяла эту книгу? – спросила Мавра, держась руками за живот.

– У своего бати, – ответила Соня, припадая к ней. – У него много всяких книг. Читает их бесконечно! – махнула она рукой. – Я в детстве тоже много читала... и Пушкина, и Лермонтова, и Жуковского...

В это время дверь снова открылась, и на пороге появилась мать Иоанна, посмотрела через роговую оправу очков на сидящих и молча удалилась.

Соня с трудом перевела дух, отняла руку от груди.

– Боже, как она напугала меня!.. Все следит за нами...

– Куда ей, старой карге, – сказала Мавра, взяла акафист, прочла: – «Жизнь, страдания и мученическая кончина св. великомученика Георгия», – потом спросила: – Ты и эту читаешь?

– Нет, – шепнула Соня. – Я давно ее прочла. На всякий случай держу на столе, пока читаю «Овод».

Они наклонились над книгой. Соня тихо продолжала чтение...

VII

Виктор Левицкий и Григорий Молчун взяли рыбацкие сети, спустились по ступенькам обрыва, сели в лодку и поплыли против течения в залитый водой лес.

Покачиваясь гибким телом, перехваченным в талии узеньким казачьим ремнем, Виктор размеренно взмахивал веслами и гнал лодку так, что у бортов шумела вода. Григорий сидел на перекладине и дымил сигаркой. Виктор поглядывал на него и, напрягая силы, направлял лодку к левобережью, в заводь. У леса течение реки заметно ослабело. Подплыв к тальниковым кустам, Виктор опустил весла и попросил у Григория закурить. Лодка чиркнула дном о сучья на мелководье, поплыла между деревьями, ткнулась носом в зеленый калиновый куст. Григорий подал Виктору кiset...

В затопленном лесу было шумно. Мужчины и женщины бродили по грязным лужам и накрывали корзинами рыбу. На все лады звучали птичьи голоса. Виктор затаился табачным дымом, прислушался к неумолчному гомону и сам с мальчишеским озорством стал подражать щебетанию птиц. Григорий возился на дне лодки с рыбацкими снастями и, казалось, ничего не замечал вокруг.

– До чего ж хорошо тут! – мечтательно промолвил Виктор. – Гришка, ты только посмотри!

Григорий насмешливо взглянул на него.

- Птицам подсвистываешь? А того не знаешь, что в Царицынской даче казаки отряд сколотили.
- Какой отряд?
- Против большевиков.
- А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил Виктор.
- Ходят слухи... И твое место там.

Виктор насупился:

- Это ж почему?
- Да так... Просто советую, – буркнул Григорий.

Муха села ему на нос, поползла по щеке, но он, не обращая на нее внимания, занимался своим делом. Виктору не хотелось продолжать разговор, и он сказал резко:

- Вот что, друг. В твоих советах я не нуждаюсь!

Он швырнул сигарку и ударил веслами по воде, медленно поплыл между кустами и деревьями. Григорий держал в руках сачок и хмуро смотрел на зеленоватую воду, просвеченную палящими лучами солнца. По обеим сторонам лодки мелкие рыбешки, как мотыльки, разлетались в разные стороны.

С дамбы, где толпилась станичная молодежь, долетел звонкий девичий крик:

- Гришка! Плыви сюда!

Гулкое, перекастистое эхо, подхватив последний звук, волнами понесло по лесу: аа!.. аа!.. аа!..

- Кто это? – спросил Виктор.
- Оксана Бородулина, – буркнул Григорий. – Гони к ней лодку.
- Очень нужна! – бросил Виктор. – Мешать только будет.
- Ты не знаешь Оксаны...
- Той, что с Матяшом любовь крутит? – усмехнулся Виктор.
- Брешут! – махнул рукой Григорий. – Люди наговорят.

Виктор нажал на весла. Лодка вырвалась на простор и, легко скользя по широкой, залитой водой пойме, устремилась к дамбе. Когда она вынырнула из-за камыша и причалила к берегу, Оксана проворно прыгнула на нос и, смеясь, пригрозила:

- Вот переверну вашу скорлупу, и полетите вы вверх тормашками!
- А мы и в воде не тонем, и в огне не горим! – в тон ей ответил Виктор.

Кто-то из девчат крикнул:

- Куда ты, Оксана?

– На кудыкину гору! – озорно отозвалась та и махнула рукой парням: – Давайте к дубу. Там наши рыбалят.

Виктор направил лодку в ту сторону, куда указала Оксана.

«А она красивая», – подумал он.

Вскоре лодка подплыла к дубу, под которым казаки ловили рыбу баграми.

– Вот хорошо, что вы подоспели, – сказал Бородуля. – Тут пропасть рыбы! Гляньте, сколько мы шаранов³⁹ набрали.

Григорий выпрыгнул из лодки на сушу, заглянул в яму.

Виктор снял с себя сапоги, подсушил штанины, побрел по воде. Оксана, не выходя из лодки, наблюдала за рыбаками... Потом глаза ее, как бы невзначай, остановились на Андрее, и взоры их встретились. Она улыбнулась, показала ему кончик языка и, взяв ковшик, начала выплескивать воду из лодки.

По дамбе скакал всадник. Это был Корягин. Подъехав к дубу, он осадил коня, выпростал ногу из стремени, спешился и накинул повод на луку.

- Как ловля? – спросил он.
- Удачная, – держа в руках шарана, ответил Виктор. – Видали, какой!
- Хорош! – улыбнулся Корягин. – И много таких?
- Порядком, – бросив шарана в яму, сказал Виктор и снова побрел в лужу.

Председатель покосился в сторону Бородули и Матяша, сел на коня и поскакал в лес.

«А Виктор, видимо, не зря в ЧОН не пишется, – подумал он. – Окрутили его куркули!»

– Носит тут... – провожая его глазами, проворчал Бородуля.

---

³⁹ Шаран – рыба карп, молодой сазан. – прим. Гриня

– Ничего, – стиснув зубы, процедил Андрей. – Пановать долго не будет.

* * *

Пригибаясь под ветками размашистых дубов, Корягин скакал по лесу, потом вдруг остановился, посмотрел из-под руки (его ослепляло солнце) и помчался к группе станичников-бедняков, тоже ловивших рыбу. Земля между лужами была топкой. Из-под ног коня летели ошметки грязи. Корягин уже не замечал ветвей, хлеставших его, и насупленно поглядывал на богатеев, встречавшихся на пути. Сердце его свирепело, в голове ворошилось:

«Взять бы да завязать всю эту свору в тугой узел! Но почему-то нельзя. А какой толк от этих гадов? Мешают на каждом шагу!..» Богатеи также со злобой поглядывали на него, платили ему той же монетой. Корягин догадывался, о чем они шептались, повторял мысленно: «Давить, давить надо все это отребье!.. Никому не давать спуску». Резко повернув за калиновый куст, он остановил коня, снял фуражку и крикнул:

– Здравствуйте, товарищи!

Бедняки разогнули голые загорелые спины, поздоровались с председателем. Корягин спешился, привязал коня к дереву. К нему подбежал курчавый, шустрый парнишка, потрепал скакуна по крутой шее и произнес восхищенно:

– Кристалл... Ух и умница ж! Я ездил на нем.

Корягин весело прищурился.

– Ездил, говоришь?

– Ишо как! – Парнишка горделиво откинул голову назад, и его смуглое лицо озарилось улыбкой. – Купал в Кубани...

– Значит, нравится конь? – спросил Корягин.

– Очень! – вздохнул мечтательно юнец и, шмыгнув курносый носом, смущенно взглянул на председателя. – Как у вас насчет курева, дядя Петро?

– Имеется.

– Может, дадите закурить?

– А не рановато тебе, хлопец, куревом заниматься?

– Нет, я уже давно смолю.

Корягин достал из кармана трубку, набил ее махоркой и передал кисет парнишке.

– А бумажки?

– И бумагу дам, – сказал председатель и, расстегнув полевую сумку, вынул газету. – Только ты, товарищ Вьон, рви краешек, эта газета мне нужна.

Слово «товарищ», обращенное как к равному, приятно пощекотало самолюбие юнца. Широко улыбнувшись, Вьон оторвал уголок газеты, свернул сигарку и важно задымил махоркой.

– А ну, станичники, давайте на перекур! – крикнул Корягин, присаживаясь под старым явором.

Из лужи вышли Градовы – отец и сын. За ними потянулись остальные.

Корягин положил руку на плечо Вьюна.

– Ну, как живешь, Демка?

– Неважно, дядя Петро, – грустно отозвался юнец. – Сирота ж я... Хотел было в батраки пойти – не вышло.

– Это ж почему?

– Не берут. Говорят: даром только хлеб буду есть.

– Вот как! – удивился Корягин.

– Да... Годов вроде и не мало... А ростом не вышел и слабощный я, худой, захарчеванный. На днях прихожу к Пятнице, а он эдак подергал меня за ремешок и говорит: «Э, хлопец, что же ты такой квельый⁴⁰? На тебе и штаны не держатся. Мне нужен работник здоровый, сильный». Я и подался домой.

– Сколько ж тебе годов?

– Семнадцатый пошел.

---

⁴⁰ **Квельый** – слабый, хилый, вялый, больной. – прим. Гриня

– А родители где? – спросил Корягин.

– От тифа померли в Таманской армии при отступлении, – ответил Вьюн. – В песках астраханских.

– А ты где был тогда?

– С ними... с батьком и матерью, – сказал Вьюн. – Тоже лежал в тифу, но выдулся. Ой, голодали мы! Зима была шальная, а мы все босые, раздетые... Помню, задержался наш обоз в каком-то селе. И вот слышу, кто-то поет:

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет...

У Вьюна навернулись слезы.

– Я подумал... – вытерев тылом ладони глаза и шмыгнув носом, продолжал он. – И с чего человек веселится? А пел он дюже хорошо... Обернулся я на голос да и обмер. Вижу, голый человек на реке, на льду. Стоит и эдак сподниками⁴¹ машет. Пригляделся к нему, а то мой батько. Начал я кликать всех на помощь. Люди набежали к нему. В горячке он был. Увидел нас, упал на спину, головой об лед... Задрожал и помер...

Иван Градов и сын его Леонид прекратили возиться со своей рыбой, заинтересовались разговором...

Вьюн потупил голову, затоптал сигарку и, смахнув рукой слезу, повисшую на реснице, проговорил чуть слышно:

– Поховал я его в селе... А потом и мать... упокоилась по дороге...

– У тебя был старший брат. Где он? – спросил Корягин, взволнованный рассказом Вьюна.

– В восемнадцатом Покровский расстрелял, – вздохнул парнишка.

– Зверюга был этот Покровский! – не умолчал Иван Градов.

– А вы, дядя Петро, где были в гражданскую? – любопытно спросил Леонид.

– Вначале в отряде Кочубея, а потом в XI Красной армии, – ответил Корягин и снова обратился к Вьюну: – С кем же ты живешь?

– Один я, как палец, – вздохнул парнишка.

Корягин сел на корчу, задумался... На душе тяжелым камнем легло прошлое, представились страшные картины зверств, которые не раз приходилось видеть ему в кубанских станицах после освобождения их от белогвардейцев... Он пососал потухшую трубку, выбил из нее пепел. Молчал... Слева от него, на бугре, расположились молодичи, девушки и вдова Белозерова с дочерью; справа – Леонид с двумя парнями. Вьюн, понутив голову, стоял у явора⁴². Мужчины легли на зеленой траве у тальника.

– Тут все больше молодежь, – наконец проговорил Корягин, окидывая взглядом собравшихся. – Так что разговор о комсомоле будет в самый раз.

Парни и девушки переглянулись, притихли.

– Почему бы вам, Леонид, Демка и Клава, не организовать ячейку, а? – спросил Корягин. – В других станицах и хуторах есть комсомольцы, а у нас до сих пор нет...

– А я читала в газете, как комсомольцы одного хутора вышли на субботник и мельницу поправили, – отозвалась зардевшаяся Клава, и в ее светящихся васильковых глазах блеснула улыбка. – Вот бы и нам гуртом взяться...

– Правильно говоришь! – подхватил Корягин и, достав «Красное знамя» из полевой сумки, прочел в ней статью о комсомольском субботнике.

– Видали, как! – Леонид подмигнул друзьям.

– А разве у нас в станице мало такой работы? – спросил Корягин. – Да непочатый край! Война немало беды наделала, и нам пора браться за дело.

– Что и говорить, работы хватит, – сказала Клава.

---

⁴¹ **Сподники** – Мужское нижнее бельё, исподнее, кальсоны. – прим. Гриня

⁴² **Явор** – клён белый. – прим. Гриня.

– Ну... что решим? – обратился Корягин к притихшей молодежи.

– Я – за комсомол! – отозвался Леонид. – Только бы собрать хлопцев и девчат.

– Вот и собирайте, – сказал Корягин.

– А как вы? – ища поддержки, обратился Леонид к своим товарищам.

Разгорелся жаркий спор о комсомоле, и лишь один Вьюн молчал. Молчал потому, что не понимал значения слова «комсомол», хотя хорошо знал, что эта молодежная организация близка ему по духу...

– А ты, Демка, что скажешь? – неожиданно обратился к нему Леонид.

– Я? – Вьюн растерянно оглянулся по сторонам. – Я тоже «за». Но... само слово «комсомол» – никак! Что бы это значило? Как его надо понимать?

Снова поднялся шум.

– Чего вы, хлопцы, смеетесь? – обиделся Вьюн. – Неграмотный я. Может быть, мне давно это слово запало в душу, а вот ясности нету.

– Теперь много всяких слов непонятных, – вставила курносая дивчина, сидевшая рядом с Клавой. – Таких, как империялизм и социализм.

– Эх ты, «империялизм»! – бросил с усмешкой Вьюн. Я и то слова эти знаю. Ишо в Таманской слышал.

– Что ж это за слова? – подзадорил его Леонид. – Может, объяснишь?

Вьюн горделиво взглянул на Корягина, потом на Ивана Градова, внимательно слушавших разговор, шмыгнув носом и наморщив лоб, ответил:

– Империялизм – это богатеи и бедные, а социализм – это когда не будет ни богатеев, ни бедных. Что, не так?

– А кто ж будет тогда? – спросила Фекла Белозерова. – Безлюдье, чи шо?

Вьюн набрал побольше воздуха и разом выдохнул:

– А безлюдья тогда не будет никакого! Люди промеж себя будут равные, как родные братья. Во!

– Ничего не скажешь, в самую точку попал, – похвалил его Корягин. – А про комсомол мы тебе сейчас растолкуем. – Он скользнул прищуренными глазами по сидящим. – Ну, так кто объяснит Вьюну, что такое комсомол?

– Я! – вызвался Леонид и, поднявшись, сказал торжественно: – Комсомол – это коммунистический союз молодежи, верный помощник большевистской партии.

– Понял теперь? – обратился Корягин к Вьюну.

– Понял! – улыбнулся парнишка. – Все ясно. И ежели что, то первого меня в комсомол пишите.

– Дядя Петро, а когда нам в ревком прийти насчет ячейки? – спросил Леонид.

– Да хоть завтра, – ответил Корягин. – А для начала, ну вроде первого задания, поручаю вам привести в порядок братскую могилу, что на церковной площади. Совсем она запустела, разрушилась, а в ней ведь наши братья, отцы, матери, которые отдали свою жизнь за то, чтобы нам жилось лучше.

– Сделаем! – дружно пообещали парни и девушки.

Фекла Белозерова вспомнила о погибшем муже, заплакала. Клава обняла ее, прижалась щекой к щеке.

– Успокойтесь, мамо! Не плачьте!

Корягин простился со станичниками, сел на коня и, слегка стегнув его плетью, поехал в сторону дамбы.

– Этот не такой, как был Мартын Гречка, – одобрительно кивнул Иван Градов. – Наш.

Вьюн долго глядел из-под руки вслед председателю и, когда тот скрылся за деревьями, подумал: «Таким и мой батько был бы теперь!..»

VIII

Корягин выехал на дамбу, погнал коня в намет⁴³. Переехав мост, он увидел плотников, работавших за околицей у ветряка. В улице верхом на каурой лошади ему попался навстречу Ропот,

---

⁴³ **Намет** – у казаков – ход, аллюр лошади галопом. – прим. Гриня

широкоплечий мужчина лет сорока, с мускулистыми дюжими руками. Выбритое лицо его было покрыто густой сеткой красных прожилок.

– А я хотел к тебе заглянуть, Логгин Прокофьевич, – придерживая Кристалла, сказал Корягин. – Куда путь держишь?

– На атаманово подворье, – ответил Ропот, поднимая по своей привычке глаза вверх. – Решил сарай посмотреть: может быть, на ремонт школы пригодится..

– Это к Прасолу?

– К нему. Он же с Деникиным ушел. Вот.

– А рабочих подыскал?

– Из-за этого дело не станет.

Ропот вытер рукавом рубашки пот с лица.

– Сегодня вечером потолкуем о школе, – сказал Корягин.

– Добре, Петр Владиславович, – молвил Ропот, забирая повод в руки.

– Примем решение, – добавил председатель и, взяв, в шенкеля коня, поскакал в центр станицы.

* * *

Стемнело. Лаврентий ходил по берегу Кубани и уже давно дожидался сына с рыбалки. Рука его не была забинтована и не лежала на перевязи, как раньше. Он по возможности старался двигать ею, развивал поврежденные мышцы и сухожилия. Глаза то и дело устремлялись вперед, но, кроме темноты, нигде ничего не было видно.

Из-за леса выплыла огромная луна, засияла на темном небе. Чешуйчатая зыбь реки покрылась серебристыми бликами, и, казалось, вода сама излучала холодный искрившийся свет.

Издали донесся глухой стук весел об уключины. Сквозь синий сумрак Лаврентий увидел на реке лодку с рыболовами.

Вскоре Виктор причалил к берегу. Григорий вскинул свою кошелку с рыбой на спину, поднялся вверх. Левицкие тоже взяли корзину, наполненную доверху шаранами, выбрались на кручу, сели у обрыва.

– Опять у нас дома свара, – пожаловался Лаврентий. – Грызут меня, как ржа железо. А за что? Невричаю. Рана под дужкой опять размылась. Никакой моготы⁴⁴ нет.

Виктор молча искоса поглядывал на отца.

– Не понимаю, ничего не понимаю, откуда на мою голову вся эта кутерьма, – вздохнул Лаврентий.

– Сами ж и виноваты! – бросил Виктор.

Лаврентий вытаращил на него глаза.

– В чем же моя вина?

– Не якшайтесь с Бородулей и крестным! – выпалил Виктор. – Они вас до добра не доведут!..

Лаврентий встал.

– Значит, и ты супротив батька? – спросил он обиженно. – За кого ж ты меня считаешь? Без головы я, по-твоему?

– Не любите вы, когда вам правду в глаза говорят, – корил его Виктор. – И маманя, и дедушка не хотят, чтобы вы с ними знались.

– Ну, хватит учить меня, сопляк! – с сердцем прервал его Лаврентий. – Бери корзину!

До самого дома шли молча. Лаврентий страшно обиделся, что сын не поддержал его, не защитил от нападок матери и деда, а стал на их сторону, высказал свое отрицательное отношение к Молчуну и Бородуле. А больше всего волновало то, что в семье не стали почитать его, как почитали раньше, в мирное время. Теперь он как бы отходил на задний план – в доме подчинялись только дедушке, старику Наумычу: слово его было законом для всех. Лаврентий не хотел смириться с этим, и его раздирало болезненное самолюбие, душил гнев...

Виктор тоже был охвачен тревожными мыслями. Ему не хотелось обижать отца, которого любил и ценил с малолетства, но и против деда не шел, тем более, что считал его безукоризненно

---

⁴⁴ **Могота** – сила, мощь; могущество. – прим. Гриня.

честным и справедливым, прислушивался к его мнению, даже подражал ему во всем.

В кухне собрались к ужину. Лаврентий сидел за столом злой, ел неохотно, ни на кого не глядел. Дед покашливал, нервно щипал усы, бороду, кряхтел и, наконец, не выдержав, сказал наставительно:

– Ты, Лавруха, как хочешь, а я умный даю тебе совет: не встревай в эту кашу. Мне все видно. Уж я, как говорится, в людях живал, свету видал, топор на ноги обувал, топорищем подпоясывался.

Лаврентий недовольно наморщил лоб, скривил губы.

– Никуда я не встречаю, папаша! Это дело еще такое. Ничего точного нет. Разговоры да и только.

– И все ж лучше держись в стороне от них, – повторил Наумыч.

– Я и так держусь, – буркнул Лаврентий.

Виктор с матерью, поглядывая то на одного, то на другого, следили за напряженным разговором.

– Знаешь, земля слухом полнится, – продолжал Наумыч. – Там аукнется, а здесь откликнется. Вот дошли сюда вести про бандитов в Царицынской даче, и тут дерьмо зашевелилось. Ты не думай, что Молчун зря приходил к тебе голову морочить. Не водись с ним – потом пожалеешь, беды не оберешься.

Лаврентий досадливо махнул рукой, закрылся в великой хате и, раздевшись, лег в постель. Виктор зажег лампу в спальне и увлекся чтением. Мать убрала посуду со стола, принялась вязать чулок. Наумыч собирался чинить упряжь.

Тоненькая книжка в мягком красном переплете сразу же завладела вниманием Виктора. Он читал, перелистывал ее, подолгу сидел с задумчивыми глазами, затем снова склонялся над отдельными страницами... Мать украдкой поглядывала на него в чуть приоткрытую дверь, и ей казалось, что лицо сына как-то изменилось в эти минуты. Она еще никогда не видела, чтобы он читал так увлеченно. И у нее невольно возникло желание узнать, что же это за книга, над которой так можно убиваться, мучить себя. Наконец, не устояв против соблазна, она подошла к сыну, положила руку на его плечо и ласково спросила:

– Что читаешь, сынок?

Виктор поднял на нее усталые глаза, сказал:

– Ленина, маманя.

– Ленина? – с испугом переспросила она. – Про что же в ней?

– Про бедняков, про жизнь бедняцкую.

– А-а, – протянула мать, потом вошла в великую хату взволнованно шепнула мужу: – Ты не спишь, Лавро?

– Нет, – выпростав руки из-под головы и повернувшись на бок, отозвался Лаврентий в темноте. – А что?

Мать наклонилась над его ухом.

– Витя Ленина читает.

В дверь заглянул Наумыч, обратился к снохе:

– Параско, ты не брала... – потом он сплюнул с досады, махнул рукой: – Они ось лежат на окне, и кисет, и люлька⁴⁵. А я думал...

Лаврентий приподнялся на локоть, переспросил:

– Какого Ленина?

– Да ты что? Не знаешь Ленина? – шепнула Прасковья, направляясь в кухню.

– Погодь, куда ты? – остановил ее Лаврентий. – Это тот, что дал всем буржуйам по морде?

– А то какой же! – сказала Прасковья, заглянула в дверь и, увидев, что свекор набивает люльку табаком, вернулась и снова припала к мужу: – Книгу его где-то достал.

– А... так, так, – проговорил Лаврентий. – Значит, и к нам пожаловал этот человек. Не ждали.

– Про бедный народ пишет, – пояснила Прасковья.

Лаврентий сбросил с себя одеяло, хотел было пойти к сыну, но Прасковья удержала его.

– Чего всполошился? – шепнула она. – Завтра все узнаем.

Лаврентий почесал затылок и снова зарылся под одеяло... Мысли его теперь пошли в другом направлении.

---

⁴⁵ Люлька – здесь – курительная трубка. – прим. Гриня.

«Ленина читает, – пронеслось у него в голове. – И где же он взял его? С кем-то, стало быть, знается». Он снова заложил руки под подушку и начал глядеть в темноту на потолок.

Прасковья, сняла с себя верхнее и легла рядом с мужем.

– Такого с ним еще не было, – сказала она.

– Чего там, – отозвался Лаврентий. – Книгами он давно занимается, набивает себе голову.

– Про что же там еще, в книге той? – Прасковья повернулась к нему лицом. – Интересно бы послушать.

– Как? – Лаврентий остановил на ней вопросительный взгляд. – Говоришь, послушать бы?

– Да, про бедняков.

– Стало быть, и тебе этот человек влез в душу, замурдовал голову?

– Все про него говорят, – вздохнула Прасковья.

– Ну, спи, спи, Паша, – толкнул ее в бок Лаврентий. – Квит⁴⁶ речам всяким.

Наступила тишина.

Наумыч сложил в угол починенные хомуты и постромки и тут же улегся на своей кровати, пыхая люлькой и покашливая. Из спальни Виктора полосой в дверь на земляной пол кухни падал свет от лампы. Лаврентий невольно глядел на него и, смыкая отяжелевшие веки, постепенно засыпал...

* * *

Утром, когда он проснулся, около него жены уже не было. Она выгоняла коров в стадо. На толоке с нею повстречалась Молчуниха – супруга Федота Давидовича, – сказала:

– Ну что, Мироновна, теперь ты небось Лавруху приборкаешь⁴⁷ как следует: больше не пустишь блукать⁴⁸ по белу свету.

– А он нигде и не блукал, Меланья Аристарховна, – ответила Мироновна несколько натянуто. – Почему вы такого дурного мнения о нем?

– Да я рази что? – Меланья Аристарховна смущенно пожала плечами. – Так просто... Он же то у белых, то у красных скитался как неприкаянный.

Мироновна ничего ей не сказала, вернулась домой.

Наумыч уже чистил конюшню, порался⁴⁹ около лошадей. Люлька дымилась у него в зубах. Мироновна подошла к перевернутой бочке у сенец, взяла подойник с парным молоком, направилась в хату.

Лаврентий еще лежал на кровати, но глаза его были открыты, неподвижно глядели на потолок. Виктор читал почти до трех часов ночи и теперь, свернувшись калачиком, спал крепким сном. Мироновна заглянула к нему, принялась цедить молоко... Кошка Дымка, мурлыча, терлась около ее ног. Мироновна налила в черепушку молока, поставила на пол. Дымка с жадностью принялась лакать.

Лаврентий показался в дверях и, застегивая медные пуговицы на гимнастерке, бросил косой взгляд на сына. Виктор лежал уже лицом вверх и снова держал перед глазами книгу в красном переплете... Лаврентий подошел к нему.

– Что это ты спозаранку за книгу взялся?

Виктор сел на кровати, потянулся, ответил:

– Это Ленин, батя. Вам бы надо почитать.

– Не люблю я этим делом заниматься, – сказал Лаврентий.

– Вот и зря! – бросил укоризненно Виктор.

---

⁴⁶ **Квит** – здесь – конец, завершение. – прим. Гриня

⁴⁷ **Приборкувати, приборкати** – обуздать, укротить, усмирить, приручить. – прим. Гриня

⁴⁸ **Блукать** – блуждать, бродить, шататься. – прим. Гриня.

⁴⁹ **Порать** – делать, управляться, возиться. – прим. Гриня.

– А что там? – любопытствовал Лаврентий.

На пороге остановилась и Мироновна, вытирая фартуком мокрые руки и с любопытством поглядывая на сына. Виктор, не поднимаясь с кровати, начал читать вслух:

– «Советское правительство должно немедленно объявить частную собственность на помещичьи земли отмененную без выкупа и передать эти земли в заведование крестьянских комитетов, впредь до разрешения Учредительного собрания». Слышите, батя?

– Про то мы уже слыхали, – сказал угрюмо Лаврентий.

– «В заведование тех же крестьянских комитетов, – продолжал читать Виктор, – должен быть передан и помещичий инвентарь с тем, чтобы он предоставлялся безусловно в первую голову и бесплатно для пользования беднейших крестьян». Вот как!

– Еще что? – недовольно спросил Лаврентий.

Виктор прочитал страницу, другую... Лаврентий поглядел на него исподлобья и, не дожидаясь, пока он закончит чтение, кивнул жене, и они вышли из хаты.

Виктор оделся, умылся. Остановясь посреди двора, он поискал деда глазами, но нигде его не было видно. Лишь отец и мать на огороде копали молодую картошку, собирали огурцы и помидоры.

А в саду в это время, припадая на протез, шел по аллее к берегу Кубани Наумыч. За ним бежала спущенная на ночь с цепи Жучка, но, увидев Виктора, отстала от деда и вернулась во двор.

Наумыч остановился у крутого берега реки, с сердцем размахнулся и швырнул кисет и люльку с обрыва в бузину.

– Летите, бисови души! – вырвалось у него с хрипотой в голосе. – Зелье проклятое! Задушило вчистую!

Он сел на кучу старого щебня и долго глядел туда, куда бросил свое курево.

Незаметно подошел Виктор, спросил:

– Что вы здесь сидите, дедусь?

Наумыч положил руку на голову подбежавшей к нему Жучки, буркнул:

– Где хочу, там и сижу.

Виктор опустился на кирпичи, положил руки на колени, сказал:

– Давайте закурим.

– Я ужене курю! – сердито бросил Наумыч. – Вон там все – и кисет, и люлька. – Он указал на бузину, росшую кустарником под крутым обрывистым берегом Кубани. – Всю ночь бухикал⁵⁰.

– А-а... – протянул Виктор. – Давно бы так. А то мучаете себя табаком.

– Будь он неладен! – махнул рукой Наумыч. – И тот табак, и та люлька. Грудь так набил кашлем.

Оба потупили головы, замолкли.

IX

У братской могилы, на церковной площади, собралась шумная молодежь. Все были с лопатами, топорами, молотками и пилами...

Вскоре пришли сюда Корягин и Гуня.

– Думаем снести эту загородку, – обратился к ним Леонид Градов, – и сделать заборчик, а на могилу насыпать земли побольше и обложить кирпичами.

– Обелиск тоже надо сложить из камня и побелить известью, – посоветовал Корягин.

– Не мешало б железную ограду сюда, – сказал Гуня. – И суриком покрасить.

– Это было бы здорово, дядя Степа! – широко улыбнулся Вьюн.

– А где ее взять? – спросил Леонид. – У нас нет.

– Сходите к Пятнице, – указал в сторону Гуня. – У него под сараем такие решетки сложены. Попросите, может, даст.

– Дядя Петро, можно? – обратился Леонид к Корягину.

– Попробуйте, – председатель пожал плечами. – Спрос не ударит в нос.

– Куда там! – Клава Белозерова сделала безнадежный жест. – Это такой скупердяй, среди зимы снегу не выпросишь!

---

⁵⁰ Бухикать – кашлять. – прим. Гриня.

– Тогда через квартальный комитет подействуйте на него, – сказал Корягин. – Норкин вам поможет.

– Ой, и лютовать же будет Пятница! – воскликнул Вьюн с улыбкой на лице и слегка согнул ноги в коленях.

– Пусть лютует! – Клава вдруг насупила брови. – Наши отцы головы на фронте положили, а мы с ним о заборе будем толковать.

Леонид распределил работу, а сам с Клавой и Вьюном пошел к Пятнице.

Гуня широкими шагами зашагал по площади.

– Ты смотри, Харитонович, – крикнул ему вслед Корягин, – послезавтра ветряк должен быть готовым!

– Можешь не сумлеваться, – ответил Гуня, не останавливаясь.

Через площадь тянулся обоз с лесом. Впереди верхом на лошади ехал Ропот. Увидев Корягина, шедшего к ревному, он пустился галопом, поравнялся с ним.

– Лес к школе гоним, – подкатывая глаза кверху, доложил Ропот.

– Хорошо, хорошо, – отозвался Корягин. – Значит, школа будет отремонтирована.

* * *

По набережной улице, набожно склонив головы, медленно шли монахини. За ними двигалась подвода. У калитки одного двора Христовы невесты замешкались, увидев хозяина, поклонились ему.

– Жертвуйте на монастырь, что милость ваша, – пропищала низенькая полнотелая монахиня.

К забору подошел Пила, приземистый казак со светло-русой бородой. На нем широкие шаровары, холщовая вышитая рубашка, сапоги гармошкой. Сняв шапку, он поздоровался с желанными гостями.

– Чего ж вы на улице остановились?

– Мы на минутку к тебе, Софрон Исаакович, – басовито проговорила рябая, востроносая монахиня.

– Заходите, заходите, – радушно пригласил Пила. – Освятите своими стопами мой двор.

Монахини перекрестились.

– А это что у вас? – указала полнотелая на подводы с мешками, стоявшие у амбара.

– Разверстку готовим, – скривился Пила. – Триста пудов наложили, анафемы.

– Истинно, анафемы! – подхватила третья, пухлощекая монахиня.

В передней они поспешно осенили себя крестами, поздоровались с женой Пилы и двумя его сыновьями.

– Сюда, сюда, матушки, – засуетилась хозяйка. – В эту комнату проходите.

Монахини одна за другой последовали в зал, уселись иод образами. Полнотелая уставилась колючим взглядом на хозяина, спросила:

– С кем ты, Софрон Исаакович, с богом или с нехристями?

– С богом, матушка, только с богом! – перекрестился Пила.

– Кланяется тебе мать игуменья и велела про отряд напомнить, – сказала та же монахиня.

– Знаю, – сказал Пила. – Бородуля меня предупредил.

– Что же передать матушке игуменье?

– Сынов обязательно пошлю... А ежели дело обернется успешно, то и сам сидеть дома не буду.

– Наши-то пойдут, а другие как? – обеспокоенно вмешалась в разговор хозяйка.

– Пойдут и другие, – убежденно пробасила рябая монахиня. – Все, у кого мы побывали, откликнулись на божий зов.

– Ну что ж, за мной дело не станет, – решительно заявил Пила. – Завтра же пошлю в монастырь сынов с оружием.

– Мы уже договорились с Данилкой Конотоповым, – отозвался из кухни старший сын и прислонился к косяку двери.

Пухлощекая монахиня перекрестила его, сказала:

– Сразу видно, что в тебе горит казачья кровь. Да благословит тебя всевышний, раб божий.

– Аминь, – пропела басом рябая монахиня, поднимаясь со стула. – Пойдемте, сестрицы.

Пила приказал сыновьям положить на подводу два мешка пшеницы.

Обширный угловой двор Пятницы обнесен высоким сплошным дощатым забором, застроен амбарами, сараями, клунями⁵¹. Фруктовый сад прилегает к берегу Кубани.

Леонид Градов, Клава Белозерова и Демка Вьюн остановились у запертой калитки, постучали в нее. Во дворе разногласо залаяли собаки. Клава заглянула в Щель забора, увидела бегущего к калитке белоголового мальчугана лет десяти, одетого в белую рубашку, черные штаны и хромовые сапоги.

Лязгнула щеколда, и калитка со скрипом отворилась. Отогнав собак, на улицу вышел малец, надул губы:

– Ну, чего вам?

– Батько дома?

– Дома. А зачем вам?

– Борода скоро вырастет, если все будешь знать, – Леонид смерил его взглядом. – Зови отца.

Малец хлопнул калиткой и убежал. Собаки снова залаяли, но уже не так озлобленно и наконец совсем утихли.

– Ишь, хлопец-то, – заметил Леонид, – с пупка уже знает, что к чему.

Вскоре к ним вышел Пятница – здоровенный мужчина с рябым, точно вспаханным, лицом и большим животом. Он снял шапку и, вытирая платком потную лысину, спросил:

– Чего вам надо, ребята?

Леонид объяснил, зачем пришли. Пятница пожевал толстыми губами, с деланным хладнокровием произнес:

– Так... Значит, вас Корягин послал?

– Да, мы от председателя, – подтвердила Клава.

Пятница немного подумал и вдруг заявил:

– Что ж, берите, если для такого дела. Сколько звеньев нужно на ограду?

– Не знаю, – Леонид пожал плечами и удивленно переглянулся со своими товарищами.

– Какой величины звено, – шмыгнув носом, сказал Вьюн. – Надо поглядеть.

– Хорошо, – кивнул Пятница. – Пойдемте со мной.

Вошли во двор. Собаки опять залаяли, но хозяин погрозил им, и они, поджав хвосты, забились под амбары, угомонились.

– Так вам и подводы нужны? – буркнул Пятница.

– Ежли дадите, не откажемся, – сказал Вьюн, еще больше поражаясь столь неожиданной сговорчивостью богатея.

– Ач⁵², какой ты ласый⁵³! – Пятница бросил на него косой взгляд и махнул рукой: – Ладно, что с вами поделаешь.

Пройдя к сложенным в штабеля звеньям ограды, Вьюн воскликнул от радости:

– Вот это здорово! Ограда теперь будет у нас на славу!

– Таких решеток надо штук двадцать, – прикинув в уме размеры ограды, проговорил Леонид.

– Ну что ж, – пробормотал Пятница, – берите да знайте мою доброту. А то так... Налетели эту ночь из ревкома и давай шуметь, что я хлеб на ссыпку не везу. В станице ж почти еще никто не вывозил, а мне попало первому.

– Председатель квартального комитета был у вас? – Леонид заглянул ему в глаза.

– Без Норкина нигде вода не освятится, – глухо прохрипел Пятница и, окликнув батрака, велел ему заложить лошадей в две брички и подогнать к звеньям.

Через несколько минут тяжело груженные подводы выехали со двора и двинулись к площади.

---

⁵¹ **Клуня** – хозяйственная постройка для молотбы и хранения хлеба – прим. Гриня.

⁵² **Ач** – выражение недоумения, изумления, возмущения, восхищения – ишь, вот, гляди, смотри. – прим. Гриня.

⁵³ **Ласый** – любящий вкусные вещи, чревоугодник, жадный, ненасытный. – прим. Гриня.

Пятница проводил их хмурыми глазами и, когда они скрылись за углом, плюнул, чертыхнулся и принялся закрывать ворота.

В это время у его двора остановилась подвода с мешками, сопровождаемая тремя монахинями.

– Здравствуй, Тихон Силыч, – пропищала низенькая полнотелая монахиня. – Пожертвуй хлеба насущного на монастырь.

– Да не оскудеет рука дающего! – сипло добавила пухлощекая монахиня.

Из-за угла неожиданно вынырнул Норкин. Увидев монахинь, подошел к ним.

– Подаяния собираете? – строго спросил он. – А разрешение от ревкома на это имеете?

Монахини смутились. Пухлощекая заморгала глазами, ответила:

– Для подаяния, раб божий, никакого разрешения не требуется. Так ведется исстари.

– Я тебе не раб божий! – оборвал ее Норкин. – Без ведома ревкома нечего хлеб тут собирать.

Следуйте за мной!

Норкин привел задержанных в ревком.

В кабинете за столом сидели Корягин и Ропот.

– Вот – не сеют, не жнут, а хлеб двумя руками гребут, – указал Норкин на монахинь, остановившихся у порога. – В моем квартале мешками подаяния собирают!

Корягин вышел из-за стола и, остановившись перед задержанными, сказал:

– Последний раз предупреждаю. Хватит заниматься незаконными поборами. Мешки с зерном сейчас же сгрузите у нас во дворе и немедленно убирайтесь восвояси. Ясно?

– Да как же нам жить без подаяний? – пробасила рябая монахиня.

– Работать надо! – бросил Ропот, поднимая глаза кверху. – Или на божий харч⁵⁴ переходить!

– Нам можно идти? – поклонилась пухлощекая монахиня.

– Идите! – махнул рукой Корягин.

Монахини гуськом выскользнули из кабинета.

– Пойди, Василий, распорядись там, – сказал Корягин Норкину. – Хлеб сдай кладовщику и проследи, чтобы ни одного мешка не вывезли из станицы... эти сестры.

Норкин ушел.

– Сегодня вечером, Прокофьевич, надо устроить облаву в станице и монастыре. Проверить всех подозрительных лиц, чем они занимаются. Пойдут все три отделения ЧОНа.

Х

Было уже около десяти часов вечера. Игуменья нервно расхаживала по келье, накуренной душистой монашенкой, и все еще не могла прийти в себя после того, как узнала о происшествии в станице. Для успокоения сердца приняла капли, но и они не помогали.

Свечи в жирандоли⁵⁵ догорали. Сев в кресло, игуменья начала листать старый журнал «Паломник»⁵⁶, однако мрачные мысли не покидали ее. Она захлопнула журнал, шагнула к высокому зеркалу, взглянула на свое отражение.

В саду хрустнула ветка, и кто-то прошмыгнул мимо открытого окна. Игуменья вздрогнула и вскоре увидела в дверях мать Сергию, которая ездилась со специальным заданием в Спасо-Преображенский монастырь.

– Уже вернулась? – удивилась игуменья.

Монахиня низко поклонилась, протянула ей письмо:

– Это от генерала, матушка. Об остальном доложу после. Устала я с дороги. – Она снова отвесила поклон и вышла.

Игуменья вскрыла конверт, вынула из него записку, прочла:

---

⁵⁴ Харч – еда, пища, доход, прибыль. – прим. Гриня.

⁵⁵ Жирандоль – здесь – несколько подсвечников на одной подставке. – прим. Гриня

⁵⁶ «Русский паломник» – иллюстрированный еженедельный журнал для религиозно-нравственного чтения. Издавался с 1885 по 1917 годы. – прим. Гриня

Дорогая Вера Аркадьевна, в скором времени побываю у Вас в монастыре.
1/VI 1920 г. Ваш А. Хвостиков.

Игуменья поднесла записку к свече. Бумага вспыхнула, легким пеплом посыпалась на пол. Игуменья еще сильнее разволновалась. Несколько раз опускалась в кресло, поднимала молящие глаза на икону...

Тишину нарушило монотонное тиканье стенных часов. Луна висела над куполами молчаливой церкви, бросала холодные лучи сквозь листву деревьев на окна, изрыбив бликами паркет в келье.

А тем временем к монастырской ограде верхом на лошадях бесшумно подъехали чоновцы. Окружили корпус монашеских келий.

Корягин и Градов поднялись на крыльцо, постучали в дверь. Никто не отозвался.

– Кто там? – перегибаясь через решетчатую загородку открытого высокого окна колокольни, спросил Мирон, ночной монастырский сторож.

– Сойди вниз, – отозвался Корягин.

Услышав разговор, игуменья открыла дверь ипустила незваных гостей в коридор, освещенный сальными свечами.

– Мы должны проверить ваших людей, – объявил Корягин.

– По какому случаю? – спросила игуменья, с трудом сохраняя внешнее спокойствие.

– Такая наша обязанность, – ответил Корягин.

– Что ж, проверяйте, – пожала плечами игуменья.

В сопровождении матери Сергии чоновцы заходили в каждую келью, внимательно присматривались к монахиням, которые пугливо глядели на них, кутали свои лица в черные платки.

В келье матери Иоанны Градов увидел несколько монахинь, одетых в широкополые мантии. Они стояли у стены, скрестив на груди руки. Тусклый свет лампы падал на их застывшие лица, полуприкрытые куколями⁵⁷. В полумраке все они походили друг на друга.

Градов мельком взглянул на них, вышел из кельи.

Окончив проверку келий, Корягин с бойцами направился по длинному, узкому коридору монашеского корпуса. Игуменья проводила его на крыльцо, сказала:

– Спасибо, Петр Владиславович, что вы и нас не позабыли. Сейчас опасное время: того и гляди разбойники нагрянут. Говорят же, что недавно в Спасо-Преображенском Сентийском монастыре⁵⁸ злодеи потребовали от матушки Раисы тысячу рублей золотом. Несколько недель сентийские карачаи охраняли обитель. Злодеи явились, но только выпустили ночью воду из хранилища у верхнего храма, а грабить не решились. – Помолчав, она добавила: – Ходят слухи, что и у нас в Царицынской даче какой-то подозрительный отряд организовался. Того и гляди явится.

Корягин искоса взглянул на нее и, ничего не сказав сошел с чоновцами со ступенек вниз. Сев на коней, отряд поскакал в станицу.

Игуменья поспешила в келью матери Иоанны. Там ее уже ждали монахини.

– Где они? – спросила мать Сергия.

– Упаси, господи, вернуться еще! – крестилась мать Иоанна.

Монахини опустили на колени и, кладя на себя широкие кресты, отвечивали поклон за поклоном.

Лишь одна монахиня стояла без движения. Мать Иоанна прикрыла дверь кельи и успокоительно сказала:

– Не волнуйтесь, Кирилл Семенович. Они, пожалуй, теперь не вернуться.

Набабов шевельнулся, дрожащими руками начал снимать с себя мантию.

– Бла... благодарю вас, мать Иоанна, за находчивость, – проговорил он, заикаясь. – Если б не вы, то, пожалуй...

Игуменья послала мать Сергию к Мирону с повелением, чтобы тот всю ночь хорошо сторожил двор, ходил вдоль ограды и в случае чего немедленно дал сигнал. Мать Сергия низко поклонилась и

---

⁵⁷ **Куколь** (лат. капюшон) – верхнее облачение монаха в виде остроконечного капюшона с двумя длинными, закрывающими спину и грудь полосами материи. Одевается поверх мантии. – прим. Гриня

⁵⁸ **Спасо-Преображенский Сентинский женский монастырь**. Расположен на притоке реки Кубани Теберде близ карачаевского аула Нижняя Теберда (прежнее название – Сенты). – прим. Гриня.

ВЫШЛА.

* * *

Приближаясь к Кубани, Корягин при тусклом свете луны заметил на мосту какую-то подводку. Он осадил коня и подал знак бойцам остановиться. Градов задержал отделение в тени ветвистых деревьев. Присмотревшись, Корягин увидел на возу человека, который что-то сбрасывал в воду.

– За мной! – скомандовал председатель и, выхватив из кобуры наган, помчался по дамбе.

Чоновцы поскакали вслед за ним. Минуту спустя они окружили подводку, на которой лежали туго набитые мешки...

– Ты что делаешь, собачий сын?! – узнав Пилу, закричал на него Корягин.

Пила выпустил из рук мешок, и зерно посыпалось на мост.

– Хлеб губит! – крикнул Градов. – Вот гадина!

Пила понурил обнаженную лохматую голову, затравленно ворочал глазами.

– Вишь, язык-то отняло с переляку⁵⁹, – бросил кто-то из чоновцев.

Корягин прыгнул на арбу и рванул Пилу к себе так, что у того рубашка затрещала.

– Так-то ты, собака, продразверстку выполняешь? – задыхаясь от гнева, глухо проговорил он. – Ну, погоди, вражина! – И указал наганом в сторону станицы: – Трогай, прямо к ревкому.

Пила взял вожжи, стегнул лошадей. Корягин вскочил на коня и вместе с чоновцами двинулся за подводой.

На церковной площади им повстречался Гуня с группой бывших партизан.

– Ну как дела, Харитонович? – спросил Корягин.

– Только что Хмару накрыли, – угрюмо ответил Гуня. – Пшеницу жег в яме.

– А мы Пилу на мосту схватили, – сообщил Корягин. – Хлеб в воду высыпал. Похоже, договорились.

– Круче с ними надо! – заметил Градов.

– Строго-настрога треба⁶⁰ упредить богатеев о выполнении разверстки, – Гуня приподнял руку, – прижать как следует эту нечисть. У меня в квартале хлеб сдает только один Бородуля.

– По дымку Хмару вывели, – добавил рослый чоновец. – Идем по улице, когда слышим дух паленого зерна. Нюх и привел.

– Заходим в сарай, а он, паскуда, – возмущался Гуня, – сидит перед закрытой ямой и пшеницу палит.

– И много спалил?

– Да пудов двадцать.

– Куда ж вы его?

– В ревком спровадили, – ответил Гуня. – В подвале закрыли.

– Ну и Пилу туда же, в компанию к нему! – распорядился Корягин.

В ревкоме его уже ждали Ропот и Норкин.

Козелков зажег висячую лампу в кабинете председателя. Корягин уселся на свое место, поднял глаза на вошедших следом за ним товарищей.

– А у вас какие результаты?

– Задержали двух незнакомых людей из станицы Григориполисской, – доложил Ропот, подкатывая под лоб глаза.

– У кого?

– Одного у Волохова, а другого у Вакулы, – ответил Ропот. – Говорят, что гостить к ним приехали. А у меня подозрение, коли б не подвох какой. Вот. Я и решил задержать их. Проверить надо. Может, они из Царицынской дачи бандой засланы.

– Так... – задумчиво протянул Корягин. – А с продразверсткой как?

– Один Молчун без сопротивления возит, а остальные только обещают.

---

⁵⁹ **Переляк** – испуг, перепуг. – прим. Гриня.

⁶⁰ **Треба** – нужно, надо, потребно, надобно, необходимо. – прим. Гриня.

Корягин взглянул на Норкина.

– А у тебя, Василий?

– Сегодня днем возил Пятница, – доложил тот. – А вечером повез и Козюпа. Других я твердо предупредил.

– Давайте Пилу сюда, – распорядился Корягин.

Вскоре задержанный в сопровождении Градова вошел в кабинет, скользнул глазами по ревкомовцам.

– Сколько хлеба вывез на ссыпку? – спросил его Корягин.

Пила, потупив голову, молчал.

– Ну! – прикрикнул Корягин. – Отвечай, собака!

– Не успел еще, – буркнул Пила.

– А в Кубань высыпать успел? – стукнул Корягин кулаком по столу.

Пила глядел на него из-под нахмуренных бровей.

– Мой хлеб, что хочу, то и делаю с ним.

Корягин выскочил из-за стола, схватил кулака за грудь и с ненавистью заглянул ему в лицо:

– Ты что, гад? Хочешь, чтобы я из тебя требуху вытряхнул? Буржуйская твоя морда. Хлеб твой! Нет, он наш, потому что вырастили его батраки. Такие же, как и я был в прошлом. А ты мироед. – Он снова сел за стол, махнул рукой: – Уведите его! Хай трошки⁶¹ посидит в погребе. Потом мы с ним еще потолкуем.

Допрос арестованных продолжался почти до рассвета. Приезжих из Григориполисской пришлось отпустить, так как не удалось установить их причастность к какой-либо контрреволюционной организации, да и при обыске у них ничего подозрительного не обнаружили.

Пилу и Хмару после вторичного допроса Корягин направил под конвоем следственным органам в Кавказскую⁶².

– За Волоховым и Вакулой приглядывай, Прокофьевич, – предупредил он Ропота. – Может, к ним еще придут какие-нибудь «гости».

* * *

По всей станице горланили петухи, но еще нигде ни одного человека не было видно. То там, то здесь из темных дворов, окутанных хлопьями промозглого тумана, доносился лай встревоженных собак, изредка раздавалось блеяние овец, тяжелый кашель коров и фыркание лошадей.

Корягин в задумчивости шел вдоль плетней и заборов. Злоба теперь душила его еще сильнее, и он уже рассуждал вслух:

«Ишь ты! Не трожь меня. А мы зазря никого и не трогаем. Но с такими, как вы, нянькаться не будем. Доразу⁶³ порешим всех, да и вся недолга. – Он поскреб затылок и, не замечая, какой миновал квартал, шел некоторое время с потупленной головой, потом снова заговорил: – Подумаешь... Велик верблюд, да и на нем воду возят... К ногтю бы все это собачье отродье – и точка!»

Наконец подошел к своему двору, постоял минуту у калитки, затем, поднявшись на крыльцо, постучал в дверь.

Через некоторое время на пороге в полутьме показалась жена – невысокая, лет тридцати пяти белокурая женщина, одетая в нательную рубашку и белую исподницу.

Не зажигая света, Корягин в кухне снял с себя полевую сумку, вместе с фуражкой повесил на вешалку, переступил порог боковой комнаты. Жена почувствовала по его шагам, резким движениям, что он был не в духе, следом за ним внесла лампу, поставила на стол, застланный льняной скатертью.

---

⁶¹ **Трошки** – немножко, немного. – прим. Гриня.

⁶² **Кавказская** – станица в Кавказском районе Краснодарского края, расположена на высоком правом берегу Кубани в 3 км к востоку от города Кропоткин. С 1902 по 1924 год станица являлась административным центром Кавказского отдела Кубанской области Российской империи и Кубано-Черноморской области РСФСР. – прим. Гриня

⁶³ **Доразу** – сразу, с одного разу, в один раз, махом, смаху. – прим. Гриня

– Петя, есть будешь? – глядя ему в лицо тревожными глазами, заботливо спросила она.

– Нет, не хочу, – покачал головой Корягин, заглядывая в кроватку, где спал его трехлетний сынишка. Вынув из кобуры наган, он положил его на тумбочку, разделся, повесил в гардероб брюки и гимнастерку, пожаловался: – Устал я дюже, Еля. Аж на душе муторно.

Сунув наган себе под подушку, он лег на кровать, прикрылся до пояса легким одеялом. Глаза его невольно остановились на букете пышных красных пионов, стоявших в кувшине на угольнике⁶⁴. Рядом, вверху на простенке, висели две большие фотокарточки отца и матери жены, умерших еще в дореволюционное время. Окна были завешены гардинами, на подоконниках стояли цветы в горшках.

Елена поправила головку спящего сына, погасила свет и тоже легла.

Сон быстро начал одолевать их. Но в это время в комнате явственно послышался какой-то шорох. Елена неожиданно вздрогнула и открыла глаза.

– Что с тобой, Еля? – обеспокоенно взглянул на нее Корягин.

– Ой, сердце зашло! – воскликнула она, приложив руку к груди. – Ты слышишь? Что-то шелестит.

– Да то цветы твои осыпаются, – засмеялся Корягин. – Пугливая ты стала.

– Время такое, – вздохнула Елена, все еще чувствуя, как трепещет ее сердце. – Всего боюсь. Когда тебя долго нет по ночам, места себе не нахожу.

– Такая работа моя, – сказал Корягин и, заложив руки под голову, пошутил: – Беспокойного мужа выбрала себе и сама покой потеряла.

– Боюсь я за тебя, Петя, очень боюсь, – прошептала Елена и прижалась щекой к его плечу.

Корягин обнял ее и, глядя в темноту, сказал:

– Да, гадов хоть отбавляй.

– А я что тебе говорила? – Елена приподнялась на локоть. – Тут кругом офицерье, кулаки. Им Советская власть костью поперек горла стала.

– Вот и надо кончать с этой сволочью! – бросил Корягин. – А мы цацкаемся с недобитками!

– Не горячись, – сказала Елена. – Тебя ж предупреждали в отделе.

– Плевать сверху всегда легче, – буркнул Корягин, – а попробуй-ка снизу. Не по душе мне все эти предупреждения. Понимаешь? Простору нету. – Он заворчался, словно на иголках, выдохнул: – Эх, бывало, на фронте! Там врага не щадили, а тут то и дело сдерживай себя, жди указаний.

Елена знала крутой нрав мужа и боялась за него.

– И все же будь осторожен, Петя, – попросила она.

– Не волнуйся, Еля, – ответил он успокоительно. – Я все понимаю. За гражданскую войну научился подчиняться, уважать дисциплину.

XI

В предутренней мгле звездное небо то очищалось, то снова заволакивалось сплошными мрачными тучами. Вдали, разрезая саблевидными молниями иссиня-черный небосклон, бухал трескучий гром. Порывистый ветер морщил темную воду реки, гнал зыбкие волны против течения, яростно кидая их на песчаный берег. Глухо шумел и стонал закубанский лес...

– Господи! – крестились старухи. – Пошли дождик на наши поля.

– Что-то грозитя, а толку мало, – говорили бабы, собираясь группами у заборов.

Галина Калита созывала птицу и швыряла ей из подола пшеничные отходы. В посветлевшем воздухе над двором кружились голуби. Хлопая крыльями, они стаей сели на замшелую камышовую кровлю хаты, затем поодиночке начали слетать к зерну...

На северном небосклоне из-под сизого облака черным рукавом спускалась к земле синяя полоса...

– То-то у людей счастье, – указывая на нее, огорченно вздыхала Денисовна.

– А у нас будто заколдованное место, – сокрушалась Фекла Белозерова.

В церкви шло богослужение, хотя большинство краснодольцев толпилось около ревкома, с нетерпением ожидало начала митинга.

У братской могилы, обсаженной цветами, похаживали станичники. Они заглядывали через

---

⁶⁴ Угольник – полка или столик треугольной формы, размещаемые в углу помещения. – прим. Гриня

железную ограду, на увенчанный красной звездой белый каменный обелиск. На одной его стороне были высечены слова:

**Вечная память борцам,
отдавшим жизнь за народное дело.**

На противоположной значилось:

**Здесь покоится прах героев,
боровшихся за новый строй,
имя которому социализм.**

Внизу дата: «17/II 1920 г.» На плоскостях обелиска перечислялись имена станичников, погибших при освобождении Краснодарской от деникинцев.

На ограду склонились Калита, Градов, а затем подошел и Ропот с двумя казаками.

– Вишь, как украсили могилу, – сказал один из стариков.

– Что, нравится, папаша? – спросил Ропот.

– Доброе дело, оно всегда нравится, – ответил старик.

К братской могиле подходили все новые и новые люди. Пришел сюда и Леонид Градов с Демкой Вьюном послушать, что говорят об их вчерашней работе.

Подул суховей⁶⁵, набежал горячей волной на станицу. Поднялась желтая пыль, и небо окрасилось в зловещий цвет. Направляясь от братской могилы к крыльцу ревкомовского здания, где толпился народ, Ропот заметил Лаврентия Левицкого, шедшего вместе с Федотом Молчуном.

– Здорово, Лавро! – Ропот поднял руку. – Давно я с тобою видался. Вот.

– Да, времени прошло много, – косясь на Молчуна, ответил Лаврентий. – Кажись, ще с восемнадцатого.

– Ты у кого воевал? – поинтересовался Ропот.

Лаврентий, не ожидая такого вопроса, смущенно опустил глаза, пожал плечами.

– Как тебе сказать, Прокофьевич... Последнее время был на польском фронте, у Буденного.

– Я сам почти весь девятнадцатый прослужил у него, – сказал Ропот, подкатывая глаза.

– А под Киевом ранили, пришел домой, – поглядывая на собеседника, нахмурился Лаврентий.

– Куда ж тебя?

– Под дужку⁶⁶ клюнуло, – указал Лаврентий на левое плечо.

– Мослак⁶⁷ не задело?

– Нет, мякиш только пробил. Уже все зажило.

Ропот кинул окурок, поскреб подбородок.

– Помню, – начал он скороговоркой, – отпустил меня Семен Михайлович на побывку и самолично написал такую бумагу, с которой никто не имел права задержать меня. Прибыл я, значит, в Харьков на станцию, чтобы оттуда ехать домой, а там поезд какого-то важного начальника: от преда Реввоенсовета, что ль. А в вагон меня не пускают. Подхожу к военному, мол, так и так: мне домой надобно. Показываю ему бумагу. А он ни в какую и слушать меня не хочет. «Это, – говорит, –

---

⁶⁵ **Суховей** – жаркие сухие ветры вызывающие засуху и губительно сказывающиеся на сельскохозяйственных культурах, снижая их урожайность. Нередко сопровождаются пыльными бурями, когда воздух насыщается местной и приносной (из пустынных районов) пылью. Согласно «Сталинского плана преобразования природы» (Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 20.10.1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР») в стране осуществлялся комплекс мер, которые призваны были вызвать благоприятное изменение климата, и постепенно снизили частоту суховеев на Кубани. К сожалению, работы по Плану с 1953 года прекратили финансировать на государственном уровне. – прим. Гриня

⁶⁶ **Дужка** – кость скелета птиц, имеющая форму буквы V и представляющая сросшиеся нижними концами ключицы; соответственно, имеется в виду ранение под ключицу. – прим. Гриня

⁶⁷ **Мослак** – кость. – прим. Гриня

поезд не для вашего брата». Меня так и вьело, кольнуло под самую ложечку. Не вытерпел я такой безобразии да за петельки его. А живец-то у меня добрый был. Тут из вагонов на наш гвалт высыпали военные. Самый старший проверил мои документы да и посадил, как графа. Вот.

– Бывали и у нас такие куплеты, – с важностью сказал Лаврентий. – Робеть там нельзя, а то курица обидит.

Из-за угла вынырнул юродивый, который был накануне в монастыре. За ним гурьбой бежали ребятишки и громко кричали:

– Лука, затанцуй, шось⁶⁸ дамо!

Лаврентий поглядел на них из-под руки, промолвил:

– Ач ребятенки за дураком как быстряте...

Лука хлопал в ладоши, отплясывал трепака на пыльной дороге. Мальчишки потешались над ним, бросали в него камнями. Лука сердился, гонялся за ними.

– Зачем божьего человека обижаете? – пригрозил малышам отец Валерьян, поп станичной церкви, который только что отслужил заутреню. – Грех вам будет.

– Накажи, накажи их, отец! – раздался трубный голос юродивого.

Вьюн подозрительно уставился на пришельца. С одной стороны, ему бросились в глаза рубища этого божьего человека, а с другой – выхоленное лицо и руки.

– Чего ты? – спросил у него Леонид.

– Какой-то он подозрительный, – сказал Вьюн.

Клава Белозерова так же с опаской взглянула на Луку, которого продолжали преследовать мальчуганы.

– Клава, Клава! – неожиданно окликнул ее кто-то.

Клава остановилась. К ней подбежала высокая, статная девушка с длинными черными косами.

– Ой, Аминет! – радостно вскричала Клава и бросилась ей на шею. – Знаешь, сегодня у нас после митинга будут комсомол организовывать.

– Знаю, – протянула Аминет, одобрительно мотая головой. – Я затем сюда и приехала...

Два милиционера вынесли на высокое крыльцо ревкома стол, накрыли его красным полотнищем.

В дверях показались Корягин, председатель коммуны Доронин. За ними семенил Козелков.

Заняли места у стола. Станичники все еще продолжали шуметь и волноваться. Корягин, открыв митинг, сказал:

– Товарищи, тише! Прошу внимания.

Площадь постепенно успокаивалась. Корягин шарил но ней прищуренными глазами, а когда совсем стало тихо, продолжал:

– На Советскую Россию, как вы уже знаете, товарищи краснодольцы, зараз⁶⁹ снову напала вся мировая гидра, каковая притаилась среди нас после ее всеобщего разгрому в девятнадцатом году, и каковая находится за границей, хочет задушить руками панской Польши молодую нашу республику, потопить нас в море крови! Особливо эта заваруха чувствуется у нас на Кубани, куды бежала со всей России в первые дни революции вся буржуазная контра, свила тут себе осиное гнездо, притихла поперву, схоронила свое жало, приняла этакую мирную личину, покедова набирала силу, а сейчас опять подняла голову, распускает свой яд промеж нас и заражает им честных казаков, воротит их не в ту сторону, куды надобно. У нас, большевиков, это называется контрреволюцией, за каковую мы ставим к стенке! А иначе как же? Гидра эта нас не милует. Потому и мы с тех же соображений с нею не нянькаемся. Вы поглядите, каковой только нету на Кубани швали⁷⁰, и с нею нам, товарищи краснодольцы, надо вести сурьезную борьбу. Наши лютые враги, буржуи Америки, Англии, Франции, засылают сюды свое оружие, чтобы помочь контрреволюции сломить молодую советскую страну. Но мы с вами должны твердо стоять на своем посту, блюсти как зеницу ока то, что мы

---

⁶⁸ **Шось, щось** – что-то; нечто; кое-что. – прим. Гриня

⁶⁹ **Зараз** – сейчас, тотчас; сразу, разом, махом, одним приемом; вдруг, вместе, дружно. – прим. Гриня

⁷⁰ **Шваль** – презренные, ничтожные люди; сброд; негодные вещи, дрянь; порицающее или бранное слово; устар. специалист по шитью платья, портной. – прим. Гриня

завоевали своей кровушкой, головами миллионов своих отцов и братьев, и точка!

Потом он заговорил о задачах ревкома, о том, что продрозверстка краснодольцами выполняется плохо: хлеба вывезено только на пятнадцать процентов.

Виктор Левицкий, прислонившись к оgrade, внимательно слушал Корягина. Мысли его были напряжены до предела. Невольно в памяти вставали слова деда: «Примыкай к тому, на чьей стороне правда».

Но вот председатель ревкома умолк.

На крыльцо поднялся старик в заплатах черкеске и постолах⁷¹. Над площадью тотчас улегся поднявшийся говорок. Обнажив седую голову, старик взмахнул шапкой.

– Братцы, Корягин кажет правду! – хрипло проговорил он. – Наши богатеи не хотят по-доброму сдавать хлеб. А хлеб этот край нужен голодным рабочим и Красной Армии. И задержка его – дело плохое, никуда не годится. У таких, как Молчун, Пятница, Бородуля, амбары трещат от хлеба, а люди в городах пухнут с голоду. Вот про шо я кажу!

– И что ты, старый хрыч, мелешь? – шикнули на него из толпы.

– Молчун и Бородуля возят хлеб!

– А Пятница и ограду дал для братской могилы!

Старик задержался на ступеньках, и глаза его налились гневом.

– Возят, говоришь? – сердито переспросил он. – Очи нам замазать хотят!

На крыльцо взбежал казак-фронтвик, одетый в синюю рубашку и белые полотняные штаны. Широко расставив тонкие ноги в изношенных сапогах, он снял треух и, мельком взглянув на сидящих за столом, крикнул в толпу:

– Вот что, граждане, я вам скажу! Вы сами хорошо помните восемнадцатый год, когда мы, фронтвики, возвращались домой и разъясняли народу большевистскую правду. Многие тогда нас встречали в штыки, со злобой, поднимали сопротивление. Бывало и такое: встретит батько сына на пороге и спрашивает: «Ты за кого?» Ежели сын отвечал – за большевиков, то батько гнал его вон из дому, как лютого врага. Теперь иное время. Нас, тех что за большевиков, куда больше. И мы в силе помочь рабочему люду, который терпит большую нужду в хлебе. Вы только гляньте на любого богатея, на этих кровососов, как они пузы понаели! – И, указав на Пятницу, продолжал горячо: – Этот паук добряком, милым человеком прикинулся. Но на самом деле – это наш враг! И нам цацкаться с ним негоже. Не для того мы воевали и клали свои головы, чтобы мироеды по старинке душили нас, сидели на наших горбах и кровя сосали из наших жил! – Обернувшись к Корягину, он решительно бросил: – Нечего, председатель, богатеев упрашивать!

Фронтвик медленно сошел вниз, а на его место стремительно взбежал Вьюн, увидел массу людей, перед которыми впервые в жизни отважился держать речь, смутился и некоторое время глядел на толпу вытаращенными глазами. Гусочка превратился в вопросительный знак и, не спуская с паренька насмешливого взгляда, хихикнул:

– Тоже мне оратель!

– Давай говори, Демка! – ободряюще крикнул Леонид.

Вьюн подался вперед, набравшись наконец решимости, сказал звонким, срывающимся тенорком:

– Товарищи! Я вот тоже был на фронте! Вместе с Таманской все астраханские пески прошел, поховал там батька и мать. А теперь, что ж, по-вашему, я должен без куса хлеба жить? Сунулся надясь к Пятнице наниматься, а он меня, как маломощного, в шею. А почему я худой да тощий? Да потому, что вырос под огнем.

– Ты здря не болтай, хлопче! – перебил его Гусочка.

– Не гавкай, гусь лапчатый! – махнув рукой, огрызнулся Вьюн. – До тебя мы ешо доберемся!

Толпа громко заржала. Гусочка передернул плечами, пробормотал удивленно:

– Отака жужжальница! Оратель выискался. Легше на поворотах.

– Я все хочу по порядку, – продолжал Вьюн и указал на Аминет пальцем: – Вот она вместе со мной воевала! Мы ее в астраханских песках подобрали, на снегу, меж Черным Рынком и Лагалью. С голоду помирала. А потом ешо каким бойцом стала! В атаки супротив белых ходила с нами.

---

⁷¹ **Постолаы** – чувяки (здесь – мягкая кожаная обувь без каблуков, тапочки. – прим. Гриня), сделанные из сыромятной кожи, шерстью внутрь.

Спрашиваю: чем же богатеи занимались в ту пору, а? Одни дома сидели да на беде людской наживились, другие с беляками супротив Советов шли. А теперь мы к ним с поклоном: Христа ради, мол, дайте нам кусок хлеба на пропитание. Где же тут правда, товарищи? – Он проскрежетал зубами, выдохнул: – Как были они кровососами, так и остались!

Толпа одобрительно загудела.

– Вот тебе и Демка! – шепнул Доронин на ухо Корягину.

Кто-то из богачей бросил:

– Слазь, молокосос!

Вьюн резко обернулся на голос.

– Что, Перетятко, не нравится моя реча? Ты ж первейший мироед у нас в станице! Вот тебя и берет за живое.

– Ты гля, завзятый какой! – буркнул Гусочка, – Ач, вылез на ряску⁷².

– Цыц, Иван Герасимович! – строго предупредил его Матяш.

А Вьюн потрясал кулаком:

– Не верьте богатеям, товарищи, таким, как вон тот, куроцуп! – И он снова ткнул пальцем в Гусочку. – Остроголовый черт!

В толпе опять грохнул смех, волной прокатился по площади. А когда наступила тишина, Вьюн выкрикнул с задором:

– Правильно сказал дядько фронтовик! Надо немедля забрать хлеб у мироедов и отдать его рабочему люду!

Он проворно спрыгнул с крыльца и побежал к товарищам. Те окружили его плотным кольцом, пожимали руку. А Леонид, потрепав по костлявому плечу, с улыбкой воскликнул:

– Молодец, Демущка! Добре ты богатеев труханул.

– А чего им в зубы глядеть, – ответил Вьюн, поводя черными возбужденными глазами.

Не скрывая своего любопытства, Виктор Левицкий указал на Аминет, спросил у парнишки:

– Так ты с этой дивчиной вместе на фронте был?

Вьюн шмыгнул носом, зачастил:

– Понимаешь, мы с батькой ехали по заснеженному полю. Когда видим, сбочь дороги лежит убитая лошадь, а рядышком, подле нее, что-то шевелится в сугробе. Батько и кажет мне: «А ну-ка, сынок, проверь, что там». Я прибег туда. – Он кивнул на Аминет: – Увидел ее. Ела мерзлую конятину. Ноги тряпками замотаны, губы пухлые, а одета в рваную юбочку да ватник.

Виктор взглянул на Аминет, и ему показалось, что в ней есть что-то особенное, чего не было у других девушек, стоящих с нею рядом.

– А где же ее родители? – поинтересовался он.

– Белые захватили их в обозе беженцев и на виду у отряда, который успел перебраться вброд через реку, повесили. Ой, что там, на другом берегу, делалось!

К столу неторопливо поднялся Гуня. Разгладив вислые усы и заложив руки за спину, он сказал густым басом:

– Товарищи краснодольцы! Наши враги не спят ни тут, в России, ни за границей. Они хотят захватить богатства Кавказа, а потом прибрать к рукам всю нашу страну. Не допустим этого, товарищи! Прежде всего нам надо за эту неделю сполна выполнить подразверстку по станице. Ну, а ежели кто пойдет наперекор, с тем круто поступим, как того заслужили Пила и Хмара. И пушай тогда на себя пеняют срывщики подразверстки.

Виктор прислушивался к веским словам председателя квартального комитета и мысленно рассуждал:

«Правильно. Богатеям, конечно, не нравится, что у них отняли власть».

Юродивый, запахнувши полы рваного армяка и скрестив босые ноги, стал у ограды, не спуская глаз с крыльца, где выступали станичники.

Корягин дал слово председателю коммуны. Доронин встал, вышел из-за стола и, выждав, пока установится тишина, сказал негромко, но внушительно:

– Товарищи казаки и казачки, иногородние! Провокаторы делают все, чтобы вызвать смуту в

---

⁷² **Вылез на ряску** – выделился, выпендрился, высунулся – ведет себя нагло, вызывающе, высокомерно. – *прим. Гриня*

наших городах и селах. Белогвардейские агенты распускают слухи, что наше правительство решило силой согнать трудовой люд в коммуны. Все, мол, будут есть из одного котла, одинаково одеваться, и в коммуне, дескать, жить припеваючи будут только лодыри. Это, товарищи, ложь вражеских прихвостней.

Люди внимательно слушали председателя коммуны.

– Мы теперь все равны! – едко бросил Матяш оратору.

Доронин взглянул на него, по своей привычке сунул руку за борт пиджака.

– Да... Мы живем пока по старинке, в одиночку, – продолжал он спокойно. – Но вы, конечно, все помните пословицу: одна головня в печи гаснет, а две и в поле курятся. Советская власть отобрала у помещиков землю, инвентарь и передала в руки бедняков. У нас в коммуне сейчас есть косилки, плуги, бороны, сеялки, молотилка и тягловая сила. Косовицу и молотьбу хлеба закончим в две-три недели.

Гусочка поскреб затылок и, тяжело вздохнув, со злобой шепнул соседу:

– Це такой, шо уканюка⁷³.

Калита пошарил глазами вокруг себя, спросил у Градова:

– Ну, а ты, Иван, пойдешь в коммунию?

– Обязательно! – воскликнул тот. – Хватит лямку тянуть. Не зря же воевали за эту жизнь. Так чего теперь думать.

Калита расправил пальцами усы, рассудительно проговорил:

– Оно конечно. Все испытывай, но хорошего держись, то и проче. Однако я спрошу у своей старухи: как она – так и я.

Лаврентий подмигнул им лукавыми глазами, с веселой улыбкой спросил:

– Цеб-то⁷⁴, в коммунию думаете писаться?

– Тебе-то что: живешь – не тужишь, – ответил Градов. – Можно и подождать, а наше дело бедняцкое.

– Об чем речь, – усмехнулся Лаврентий. – Живу слава богу, не жалуясь: и в батраках не хожу, и в богатых не числюсь, в долги не лезу – своим обхожусь.

– Ну и живи, как знаешь! – отрезал Градов. – А у меня одна дорога – с коммунной. Скажи, Трофимович, правду я кажу или как по-твоему?

Калита, не желая дальше вести разговор на эту тему (он заметил, что Федот Молчун искоса поглядывал на него), пожал плечами, отвернулся.

– Пишись, Филиппович! – одобрительно заметил подошедший Ропот. – Коммуна, она – мать бедняков. Вот.

– Ото ж и я так думаю. – улыбнулся Градов.

– Ты же председатель квартального комитета, можно сказать, начальство, а то в рядовые попадешь, – насмешливо уколол его Лаврентий.

– Не твоего ума дело, – разозлился Градов. Немного помедлив, он шагнул к крыльцу, попросил Козелкова записать и его в коммуну. Тот взглянул на него через роговую оправу очков, наклонился над столом, и перо проскрипело по бумаге...

ХII

Митинг окончился. Корягин сел на загородку крыльца и, набивая махоркой трубку, подозрительно посматривал на юродивого. Подозвав к себе Норкина, он распорядился установить надзор за незнакомцем.

Норкин взял с собой двух милиционеров и вышел со двора.

Краснодольцы покидали церковную площадь, вереницами тянулись в широкие улицы. Всеуничтожающий сухой ветер поднимал густую пыль по станице, продолжал свирепствовать.

Виктор шел домой с отцом и дедом. Внезапно раздался крик, затем один за другим захлопали револьверные выстрелы. Народ шархнул в стороны. Заголосили бабы, ребятишки. Началась

---

⁷³ Уканюкать – уговорить.

⁷⁴ Цеб-то, цебто – то есть. – прим. Гриня

паника.

– Ач чертовщина какая зачалась! – сказал Лаврентий, почесывая затылок.

– Наверное, Матяш, – проговорил Виктор. – Он все заедался, доказывал фронтовикам, что скорее у него на ладонях шерсть вырастет, чем они построят Советскую власть.

– Ошалел этот Матяш от злости, – негодуяще заметил Наумыч.

Со двора ревкома выскочили чоновцы, бросились за сыновьями Пилы и Хмары, которых уже преследовали милиционеры. За Матяшом гнались Демка Вьюн, Леонид Градов и еще два бывших партизана, палили в воздух из наганов.

Козелков снял очки, внимательно наблюдая с крыльца за происходящим. Лаврентий мельком взглянул на него, сокрушенно покачал головой:

– Дописался писаришка...

– Кто? – спросил Виктор, шаря встревоженными глазами по площади, охваченной паникой.

– Да этот, Козелков, – сказал Лаврентий и опять уставился на убегающего Матяша.

– Знову заваруха началась, – сокрушенно выдохнул Наумыч.

Сыновья Пилы и Хмары наконец были схвачены и обезоружены. Юродивый бросился в толпу и быстро затерялся в суматохе.

Матяш перемахнул через плетень и прынул в густой сад...

Аминет и Клава принесли раненого чоновца к ревкому. Сюда же пригнали и пойманных.

Ропот смерил бандитов свирепым взглядом, бросил:

– Стервецы!

Леонид подбежал к Корягину и, с трудом переведя дыхание, доложил:

– Дядя Петро, Матяша не поймали, скрылся.

– Эх, вы! – мотнул головой Корягин.

– Рази в такой толкотне поймаешь, – смущенно протянул Вьюн. – Ежели б никто не мешал.

– То-то, – с улыбкой подмигнул Корягин. – Хвать быка за рога – ан рассоха в руках.

– Хитрый он, собака, – оправдывался Леонид. – Юркнул в сад и как сквозь землю провалился.

– Этот Матяш, видно, стреляная птица, – подчеркнул Доронин.

– Да, опростоволосились мы с этой контрой, – сказал Корягин, поднимаясь на крыльцо.

В тот же день он отдал приказ, чтобы все станичники в течение двадцати четырех часов сдали в ревком огнестрельное и холодное оружие.

* * *

Вечером в кабинет вошли Гуня и Ропот, устало сели на стулья. Корягин поднял на них глаза:

– Опять неудача?

– Да нет, вроде ничего, – сняв бриль и вытерев пот со лба, с улыбкой ответил Гуня. – Пятьдесят подвод как из пушки! Две тысячи пудов уже на ссыпке.

– Вот как, – удивился Корягин. – Это здорово! Значит, митинг добре тряхнул. – Он перевел взгляд на Ропота. – А у тебя как, Прокофьевич?

– Тоже кое-что есть, – ответил тот. – Восемьсот пудов пшенички уже поехали.

Корягин одобрительно кивнул головой.

– Хорошо. Выходит, с богатеями нянькаться не надо.

Вошел Доронин, присел у стола. А за ним вбежал запыхавшийся Градов.

– Что у тебя, Филиппович, не пожар ли? – Корягин удивленно посмотрел на него.

– Хуже! – переведя дух, Градов взмахнул рукой и обратился к Доронину: – Федотович, выручай из беды. Треклята баба из дому гонит.

– За какие же это грехи? – тая улыбку, спросил Доронин.

– Клянет, что в коммуны записался, – затараторил Градов, не замечая сына, только что вошедшего в кабинет. – Закончил я с хлопцами обход дворов в своем квартале, отослал подводы с хлебом на ссыпку и домой подался. Прихожу, значит, и докладываю ей чин по чину, как положено: мол, так и так, дескать, в коммуны записался. А она, иродова баба, сразу меня в оборот, будто с цепи сорвалась. «Вот я тебе покажу коммуны, барбос стоядявольский!» Да как хряпнет каталкой меня по потылице, аж полымя в очах пыхнуло! А в голове точь-в-точь перезвоны после великодья. Вот глядите, какие увечья нанесла мне вражья баба. – И он начал оказывать товарищам свои шишки.

Леонид прыснул от смеха и нырнул за дверь. А старик Градов, кряхтя и потирая затылок, продолжал:

– Так что выручайте, люди добрые. Пойдемте к ней.

– Негоже, Филиппович, так в панику вдаваться, – шутливо-назидательно сказал Доронин. – Вы же фронтовик бывший и к тому же председатель квартального комитета. Нужно держать себя на высоте.

Градов развел руками.

– Что с нею поделаешь, Федотович? Она у меня часом как скаженная⁷⁵ бывает.

Все улыбнулись. Корягин набил трубку табаком, опустил свернутую бумажку в стекло лампы и, прикурив, сказал:

– Поможем в этом деле, – и, мигнув Доронину, спросил: – Как с продрозверсткой в твоём квартале?

– Полторы тысячи пудов отправил, – доложил Градов. – Самых упорных обломал, а вот с бабой своей никак не справляюсь.

– Выручим, Филиппович. – Выходя из-за стола, Корягин обернулся к Доронину: – Пойдем, Павел Федотович, упрашивать норовистую.

* * *

Из-за темного закубанского леса выплыла запоздавшая луна. По улицам двигались подводы, нагруженные зерном, скакали верховые чоновцы, проходили небольшими группами ночные облавы.

В ревкоме только что закончилось собрание молодежи. Парни и девушки шумно расходились по домам.

Клава пригласила Аминет к себе.

В тесной комнатке зажгли каганец⁷⁶. Его трепетный огонек излучал какой-то ласковый, мягкий свет.

Аминет сняла платок, взглянула в старенькое блеклое зеркало, висевшее на стене, и, поправив длинные косы и воротничок на белой кофточке, с улыбкой сказала:

– Очень хорошо, Клава, что тебя выбрали секретарем.

– Лучше было бы Леню Градова. Он больше учился.

– Это ничего, – протянула Аминет. – Не святые горшки лепят.

– И все же боязно, – призналась Клава.

В комнату вошла ее мать.

– О у нас гостя! – приветливо улыбнулась она.

– Отдел поручил ей организовать у нас комсомол.

– Я слыхала, – ответила мать и, помолчав, сказала: – Значит, будете жить по-новому, не так, как мы жили.

* * *

Едва загорелось утро, как Клава и Аминет вышли из хаты и торопливо зашагали по улице. Над станицей уже висел утренний гомон.

Возле двора Гиревого, залитого лучами восходящего солнца, собиралась молодежь. В соседнем дворе, вокруг восстанавливаемой школы лежал строительный лес, взятый у кулаков, песок, высились штабеля кирпича.

У школы Клаву и Аминет встретил Вьюн. Он не без гордости указал на двух парней, стоявших с Леонидом Градовым.

---

⁷⁵ **Скаженный** – сумасшедший, ненормальный, шальной, полоумный, малахольный. – прим. Гриня

⁷⁶ **Каганец** – светильник в виде черепка, плошки, блюдецка с фитилём, опущенным в сало или растительное масло. – прим. Гриня

– Вот, пришли к нам.

Через площадь шагал Корягин, дымя трубкой. Веселая молодежь обступила его, и он, отпирая калитку двора Гиревого, воскликнул:

– О вас тут много уже собралось!

В нежилом доме пахло резкой затхлостью. Девчата раскрыли окна, и в комнаты хлынул свежий воздух.

– Тут и располагайтесь, – повел рукой Корягин. – Устраивайтесь по своему усмотрению.

– А если вернется Гиревой? – спросила Клава.

– Не вернется, – сказал Корягин. – Он с Деникиным отчалил в заграничные края.

Аминет подняла крышку пианино, стоявшего в зале, и осторожно прикоснулась пальцем к клавишу. Одинокая струна вздрогнула, весело зазвучала, и дом, казалось, сразу ожил, наполнился счастьем.

ХІІІ

У Бородули шло тайное совещание. Хозяин сообщил собравшимся, что Козелков уведомил его о решении ревкома арестовать в станице ряд богатых казаков.

Гусочка вытянул длинную шею, спросил:

– А про меня ничего не говорил?

– Нет, Иван Герасимович, не говорил, – помотал головой Бородуля.

Гусочку бросило в пот. Он вытер тылом ладони испарину на лбу, заерзал на стуле и снова уставился на Бородулю:

– Когда ж арестовывать собираются?

– Сегодня ночью, – ответил тот. – Вам всем надо уйти из дому.

– Эге-ге, господа казаки, – окончательно обескуражился Гусочка. – Это дело гнилой зайчатинкой пахнет. Вы-то можете и убежать. А мне как быть? Я в своем хозяйстве один работник.

– И чего ты растревожился, Иван Герасимович? – оборвал его Молчун. – Тебе можно и дома сидеть. Кому ты нужен?

– А ты думаешь, Корягин здря взял всех офицеров на учет? – повысил голос Гусочка. – Нас в первую голову заберут!

– Не пужайся, – умиротворяюще прибавил Молчун. – Какой ты офицер? У тебя ни вида, ни особенного чина.

– Ну, как же, Федот Давидович, – не согласился с ним Гусочка. – Цеб-то я ничего не понимаю. Из чинов меня не выкинешь. Офицер я самой царской выучки.

– Пусяшный, – махнул рукой Молчун. – Всего-навсего унтеришка. Это не то, что я – сотник или, – он указал на Бородулю, – Игнат Власьевич – есаул⁷⁷.

– Большевикам все едино, – дельно рассудил Гусочка, – шо унтер, шо есаул.

От лампы, теплившейся перед иконами, лился тускло-грязноватый свет, и лица заговорщиков еле можно было различить в полутьме.

Во дворе на часах похаживал старик Бородуля. За ним бегала цепная собака, гремя протянутой через весь двор проволокой.

У калитки кто-то остановился. Собака рванулась, залаяла. Старик поспешил к воротам, узнал отца Валерьяна. Тот перекрестился, прошептал:

– Господи Иисусе! – И заглянул в лицо: – А, это вы, Влас Пантелеймонович.

– Идите в дом, батюшка, – старик проводил его к парадному крыльцу.

В зале поп осенил собравшихся широким крестом, возгласил:

– Да воскреснет бог и расточатся враги его!

Бородуля с укором сказал ему:

– Запаздываете, святой отец.

Поп занял свободный стул, изрек:

---

⁷⁷ **Унтер-офицер** – младший командный и начальствующий состав, условно соответствующий сержантско-старшинскому составу в современных ВС. В казачестве – звания младший и старший **урядник**. **Сотник** – соответствует по своему положению современному старшему лейтенанту. **Есаул** – соответствует по служебному положению современному майору. – прим. Гриня

– Суета сует и всякая суета.

Бородуля рассказал ему о решении ревкома. Отец Валерьян от неожиданности уставился на него оторопелым взглядом и в первую минуту, казалось, лишился дара речи: губы его шевелились, он хотел что-то сказать, но не мог.

– Братия, – наконец послышалось в тишине, – мы, однако ж, подвергаемся зело великой опасности. – И, сверкнув глазами, добавил: – Этот Корягин нечестивый, богомерзкий человек! Пагубно, братия, пагубно!

Бородуля откинулся на спинку кресла, сказал:

– Наши бабы пошли уже в станицу: казаков предупредят об аресте, но и матушке Анне Алексеевне не мешало бы с ними.

Отец Валерьян испуганно замахал руками:

– Что вы, Игнат Власьевич! Упаси господи! Ее никак нельзя посвящать в нашу тайну. Язык у нее вельми болтлив. Завтра же супостату все будет ведомо о нашей сокровенности. Уж тут паче дщерь⁷⁸ вашу послать.

– Она еще безрассудная, – возразил Бородуля.

– Думаю, Даниловна и моя жинка успеют, – вставил Молчун.

Поп сложил руки на животе и, подняв глаза на иконы, прошептал:

– О, преславный угодниче, Христов Иоанне воинственниче, храбрый еси в ратех, врагов прогонитель и обидимым заступник, всем православным христианам великий заступниче и угодниче Христов, защити нас: дано бо тебе благодать от бога молиться за нас грешных, зле страждущих. Избави нас от обидающих нас, буди нам поборник крепок на вся видимыя и невидимыя враги наши.

– Вы будто отходную читаете, отец Валерьян, – заметил Бородуля. – Тут молитвами делу не поможешь.

– Не гневи бога, Игнат Власьевич, – приподняв палец, сказал поп. – Он всемогущ.

– Ето верно, – перекрестился Гусочка. – В ём вся сила. Вот токо не пойму я, отчего всевышний Корягина, етого супостата, на земле терпит.

* * *

Возвратясь домой, Гусочка остановился у база⁷⁹, где под открытым звездным небом лежали его коровы и жевали жвачку, окинул их взглядом, затем у конюшни прислушался к сонному похрапыванию лошадей. У курятника на мгновение задержался и, удостоверившись, что в хозяйстве ничего не случилось, поднял глаза к красно-бурой луне, повисшей на гребне камышовой половни⁸⁰. Зевнул и, хлопая ботами, пошел к дому, сопровождаемый преданным визгом Дурноляпа, черного лохматого пса.

Сев на ступеньку ветхого, скособоченного крыльца, он положил голову кобеля себе на колени, спросил:

– Ну, шо, дурачок? Блукаешь по чужим дворам? А подворье так, без пригляду. Заходи, бери кому чего захочется, а тебе биг-ма⁸¹. Негоже так, Дурноляпик, негоже.

Он вспомнил, что ему надо идти в дом, поднялся и шагнул к двери, отомкнул ее, прошел в кухню, не зажигая света, разделся и лег в кровать, зарылся под одеяло.

На исходе ночи к Гусочке явилась группа чоновцев. Дурноляп высунул голову из конуры, сипло залаял и спрятался.

Руководитель облавы постучал в дверь. Никто не отозвался. Другой чоновец подергал закрытую ставню.

---

⁷⁸ **Дщерь** – дочь. – прим. Гриня

⁷⁹ **Баз** – скотный двор. – прим. Гриня

⁸⁰ **Половня** – сарай или амбар для хранения половы, соломы и т. п. – прим. Гриня

⁸¹ **Биг-ма** – то же, что и бег-мя, т. е. бегом, бегать. – прим. Гриня

– Эй, хозяин, оглох, что ли? – закричал он и забарабанил прикладом винтовки в окно. – Открывай!

– Кто там? – донесся хриплый голос Гусочки.

– Выйди сюда, – сказал руководитель. – Мы из ревкома.

Послышалось щелканье запора. Скрипнула внутренняя дверь.

– Что вам от меня нужно? – спросил Гусочка, не выходя на крыльцо.

– В ревком тебя требуют! – сказал руководитель.

– Етого не будет, ночью я никуда не пойду!

– Пойдешь! Силой заставим.

– Ты меня не пужай, – огрызнулся Гусочка и снова задвинул дверной засов. – Я двор не оставлю.

– Ломай дверь, хлопцы!

В отдушину фундамента заложили палку. Раздался треск. Гусочке показалось, что лопнула дверь, и он завопил:

– Я зараз, сей мент отопру!

Звякнуло железо, и дверь отворилась. В предрассветном сумраке на пороге показался Гусочка в коротких исподниках и без рубашки.

– Ето ж по какому делу меня кличут? – спросил он, ежась от ночной прохлады и прищуриваясь на руководителя облавы.

– После узнаешь, – ответил тот. – Нам велено привести тебя – и баста. Собирайся быстро.

Гусочка прикинулся больным, застонал:

– Как же я дом брошу? Куры, утки, скотина. И кому ето захотелось меня видеть в такую пору?

В кухне он зажег плошку. Здесь царил полный беспорядок. На столе, покрытом черной плесенью, валялись комки сухого теста, куски черствого хлеба, белела рассыпанная мука; около стены громоздились немытые миски и ложки. У кровати, на которой лежала грязная мятая постель, находилась подстилка из телячьей невыделанной кожи. На стенах висели разные мешочки, узелки со всякими семенами. У окон, густо затканых паутиной, будто на свалке, грудились тряпки, в углу стоял сундучок, обитый в клетку полосками белой жести, рядом – сломанная скамья.

Одевшись, Гусочка потушил свет и вместе с чоновцами вышел из дома, замкнул дверь и, повесив ключ на пояс, зашагал в ревком.

– Такое тебе! – ворчал он скрипучим голосом. – Бросай хозяйство, иди черт те куда! И никто никому ничего.

У ревкома под охраной двух милиционеров стояло трое арестованных.

– Ето как же, за шо их? – спросил Гусочка, делая вид, что совсем не догадывается, куда его направляют.

– Зря не заберут, – ответил чоновец.

Гусочку тоже подвели к подвалу.

– Зачем вы меня, хлопцы? – оторопело пробормотал Гусочка. – Рази ж я враг какой?

– Иди, иди, потом узнаешь, – слегка подтолкнул его в спину дежурный чоновец.

– Хлопцы, вот вам крест и святая икона! – взмолился Гусочка. – Может быть, вы ошиблись, перепутали. Господи сусе! Невиноватый я. Пустите. Как же моя худоба?

Он не успел досказать, как за ним и другими арестованными захлопнулась подвальная дверь. Часовой взял винтовку наперевес, стал у фонаря.

В безоблачном небе высоко сиял лунный серп, и его лучи тускло озаряли станицу. Где-то лаяли собаки, перекликались петухи.

* * *

Облава остановилась. Тотчас навстречу ринулись с лаем две собаки. Кто-то из чоновцев запустил комок земли в псов, и, когда те, прошелестев бурьяном, отозвались в переулке, облава направилась к дому Древаля. Леонид Градов постучал в дверь. Из сенец донеслось:

– Кто?

– Ревкомовцы, открывайте, – ответил Леонид.

– По какому делу?

– Потом узнаете.

– А... сейчас, – протянул хозяин и затих.

Чоновцы стояли в ожидании. Вдруг из окна прогремел выстрел. Один чоновец тяжело застонал и упал на землю. Остальные в замешательстве кинулись врассыпную, но Леонид остановил их.

Из окна выскочили Древаль и его сын, бросились в сад. Чоновцы погнались за ними, открыли стрельбу. Застучав досками, бандиты перемахнули через забор. Старший успел перебежать дорогу и скрыться в темноте, однако младшего свалила пуля, и он заорал, заползал на улице. Чоновцы отыскивали в вишневых зарослях его обрез, привели раненого во двор. Из дома выбежала мать задержанного. Она кричала, кидалась на чоновцев.

– Перестаньте, маманя! – задыхаясь от страха и жгучей боли в ноге, сказал сын. – Чего вы душу надрываете?

– Пустите, пустите его! – голосила Древалиха.

Принесли убитого чоновца.

– Твоих рук дело! – Леонид с ненавистью заглянул бандиту в глаза. – Человека убил, гад!

– Не казака ж, – цинично выдохнул Древаль, стоная и сжимая руками простреленную ногу.

– Берите его, ребята, – распорядился Леонид.

Бандит заохал еще сильнее, заскрежетал зубами.

– Не могу идти. Нога горит.

Древалиха, не переставая голосить, схватилась руками за голову и скрылась в доме. Чоновцы вывели из конюшни лошадь, запрягли. Положили на дрожки тело товарища, посадили бандита и поехали в ревом.

Леонид доложил председателю о случившемся. Корягин снял фуражку перед убитым, затем обратился к задержанному:

– Это тебе так не пройдет, бандюга!

Леонид ожидал распоряжения.

– Заприте его в каталажку, – приказал Корягин, – и вызовите фершала: пушай перевяжет ему рану.

* * *

Утром у ревома собрались жены, матери задержанных. Не смолкали крики, плач, ругань.

На улицу вышел Корягин. Глубоко сунув руки в карманы галифе, он нахмуренно повел глазами по присмирившей толпе. Кто-то из баб истошно заголосил:

– Бабоньки, тикайте от этого супостата! Он нас всех перестреляет!

Бабы шарахнулись в стороны, но тут же и остановились. Корягин прищурился, спокойно спросил:

– Зачем собрались?

– Выпускай наших чоловикив⁸²! – закричали женщины. – За шо безвинных в погребке замкнул?

Вперед выступила дородная Конотопиха. Подбоченясь, она злобно покачала головой.

– Эх, Петро, Петро! Мы тебя в люди вывели, человеком сделали. А ты теперь совесть свою по ветру развеял. С батьком твоим душа в душу жили, из беды всегда его выручали, никогда ни в чем не отказывали.

– Мой батько всю жизнь батрачил за шапку сухарей, смерть получил на вашей каторжной работе! – прервал ее Корягин. – Да и мне ваша работа суком выходила, все жилы выматывала.

– Кто ж виноват, что твоего батьку глинище⁸³ задавило? – не унималась Конотопиха. – Не бери греха на душу, Петро! Побойся бога, ще не поздно. Не мути ты нас понапрасну. На поле работы сколько, а ты вон какую напасть учинил.

– Открывай погреб подобру-поздорову, анчихрист ты этакий! – воинственно подступала к нему приземистая казачка. – Слышишь ты, ирод?!

---

⁸² **Чоловик** – здесь – муж, супруг. – прим. Гриня

⁸³ **Глинище** – место добычи глины; яма, карьер, из которого добывают глину. – прим. Гриня

Корягин смерил ее острым, негодующим взглядом.

– И я подобру советую разойтись, – сказал он, едва сдерживая гнев. – Никого не выпущу, покедова не разберусь с делом.

Бабы пошумели еще немного и начали расходиться по домам.

Корягин направился в ревком.

XIV

В кабинете собрались все члены ревкома. Корягии вышел из-за стола и, не обращая внимания на возбужденно беседовавших меж собой товарищей, кинул руки за спину, несколько минут нервными шагами расхаживал у стены, потом вдруг остановился у двери, окликнул дежурного и приказал привести Древалю.

Вскоре бандит, хромая, вошел в кабинет в сопровождении чоновца, оперся рукой на спинку стула. Все остановили взгляды на арестованном. Корягин не спеша закурил трубку.

– Ну, отвечай, почему ты со своим батьком не подчинился чоновцам?

– Не подчинился – и все! – потупясь, буркнул Древаль.

– Человека зачем убил? – повысил голос Корягин.

– Не я убил, отец, с него и спрашивайте, – прохрипел арестованный.

– А почему оружие не сдали? Или, скажешь, приказ не читали?

– Батька про то спрашивайте.

– Ишь ты! – сказал Корягин, опираясь обеими руками на стол. – А старший брат твой где, в банде Хвостикова?

– Брат за брата не ответчик, – вызывающе огрызнулся Древаль.

– А на митинге кто выкрикивал: «Долой городовиков⁸⁴ и их власть»? – спросил Гуня.

– То другие кричали.

– Другие? – горячился Корягин.

Вошел Леонид Градов, метнул свирепый взгляд на допрашиваемого, обратился к ревкомовцам:

– Товарищи, это он убил Лугового. Обрез мы его нашли в саду, еще горячий ствол был от выстрела.

– А чего ж ты, собачье отродье, зазря на батьку сворачиваешь? – Корягин поднял бандиту голову. – Гляди же ты на людей, чего зенки прячешь?

– За такое супротивление надо тут же гада поставить к стенке. Вот, – сказал Ропот, поднимая кверху глаза.

Древаль исподлобья взглянул на него.

– Ставьте! – бешено бросил он. – Все равно и вам, и вашей власти долго царствовать не придется! Всех вас...

– Ты не пророчь, – оборвал его Корягин. – Нас с ног не свалишь.

– Свалим! – хрипел Древаль. – Тебя первого петля ждет.

Корягин не выдержал.

– Ах ты ж контра разэтакая! – вырвалось у него с гневом. – Загубил честного человека, да еще голос повышаешь, стерва! Да я из тебя душу вытрясу, шкуру сдеру, как с Сидоровой козы!

– А я чхать на тебя хотел! – процедил сквозь зубы Древаль.

Корягин рванулся к нему, ударил кулаком по голове. Бандит стукнулся затылком об угол шкафа, но тут же выпрямился.

– Увести! – распорядился председатель.

Чоновец подхватил арестованного, вывел его из кабинета.

Корягин сел на свое место, поставил локоть на стол и, подперев рукою щеку, устремил блестящие глаза в окно. Он видел, что все товарищи молча осуждали его за допущенное рукоприкладство, чувствовали себя не в своей тарелке, подавленно, и от этого нервы у него напряглись еще сильнее. Он с досадой плюнул, проговорил:

– Черт бы его взял!

– Да, драться не следовало бы, Петро, – осуждающе сказал Гуня. – Сурьезно.

---

⁸⁴ **Городовик** – городской житель, горожанин. – прим. Гриня

Корягин, осознавая свою вину, молчал. На левой скуле вздулся сабельный рубец. Нижняя губа конвульсивно вздрагивала. Он сорвал с головы фуражку, вытер пот с лоснящегося темени и резко зашагал по кабинету.

– А я бы тоже съездил его по бандитскому рылу, – поддержал Ропот председателя. – Так и чесались руки...

Гуня неодобрительно покачал головой.

– Нам, большевикам, не к лицу горячность. Таких, как Древаль, надо судить и пущать в расход, но без этого самого... – Он поморщил высокий загорелый лоб. – Но я не приложу ума, откуда враги узнали про наше решение арестовать некоторых из них?

Корягин все еще находился под впечатлением допроса Древаля, сел за стол, помедлил минуту, потом сказал:

– А ведь похоже на то, что враги были предупреждены кем-то, и поэтому большинство из них бежало...

Ввели Гусочку. Лицо у него бледное, испуганное. Зеленоватые глаза беспомощно метались. Прикидываясь невинным, он пробормотал растерянно:

– Ну, как это так, товарищи дорогие? Куры, утки, гуси... И никто никому ничего!

– Садись! – указал Корягин на стул.

Гусочка сел. В глазах у него совсем потемнело.

– Мыслимое ли дело? – тяжело вздохнул он. – Хозяйство ж без присмотру.

– Фамилия? – спросил Корягин.

Гусочка удивленно вскинул брови.

– Чи позабыл ты, Петр Владиславович? Гусочка я. А ежели по-правдашнему, то Игнатчук.

– Сословие?

– Казак я, казак от рождения, – Гусочка ткнул себя пальцем в грудь. – И дед был казак, и батько казак, ну и я... Та все в роду были казаки.

– Какой же ты казак? – бросил Ропот.

– Это ты хочешь сказать о дьяке станичной церкви, каковой якобы находился в сожительстве? – скороговоркой начал Гусочка.

– Точно не знаю, но во всяком случае ты не казак, – махнул рукою Ропот. – Вот.

– А кто ж, по-твоему?

– Хамелеон ты, вот кто!

– Это как же понимать? – часто заморгал Гусочка. – В нашем роду такой фамилии вовек не бывало.

Сдержав улыбку, Корягин поднял на него строгие глаза:

– Чин?

Гусочка глупо улыбнулся.

– Ну, ей-богу, Петр Владиславович! Ты чи смеешься надо мной, чи в самом деле? Чинов у меня никаких.

– Постой, постой, – остановил его Ропот. – Ты же унтер-офицер.

– Хиба? – притворно удивился Гусочка. – А я шось не помню про унтера. Невже⁸⁵ я имел такой чин? Хоть убей – выскочило из головы.

– У тебя всегда выскакивает то, что тебе невыгодно, – заметил Градов, расправляя лопастую бороду на груди. – Дурачком прикидываешься.

– И не думал, – Гусочка пожал плечами. – Какой толк в ём, в дурачке том?

– Кто-нибудь из родственников за границей есть? – спросил Корягин.

– Эге ж, есть, – осклабился Гусочка. – Меньшой брат. Черт его понес туда!

– Чем занимаетесь?

– Я?

– Да, да, вы, конечно, – повысил голос Корягин.

Гусочка снова принял Иисусов вид, и на его лице, поросшем жидкими рыжими волосами, застыла выжатая, безобидная улыбка.

– Тьфу ты! А я думал... – сказал он, потом, сложив руки на животе, взмолился: – Крест и святая

---

⁸⁵ **Невже, нэвжэ** – неужели, не может быть. – прим. Гриня

икона, не ворую, Петр Владиславович! Это на меня по злобе Фекла наговорила.

– А какие у тебя с нею счеты?

Гусочка почесал затылок.

– Да, это... знаешь... Тут дело у нас любовное. Она хотела, чтоб я женился на ей, а я не пожелал.

Ревкомовцы прыснули со смеха.

– Это что, твоя очередная сплетня, гражданин Игнатчук? – спросил Корягин. – Дичинка с начинкой?

– Да рази я позволю, товарищ председатель, – обиженно проговорил Гусочка. – Вот тебе крест и святая икона – чистую правду кажу. А Фекла брешет. Ей вот такой хлопчик не поверит.

– Я не про то спрашиваю, – остановил его Корягин. – Ты лучше расскажи нам, как ты агитировал казаков, чтобы они не вступали в ЧОН и в коммуны не шли.

Гусочка вытер подолом полотняной рубашки испарину со лба.

– Крест и святая икона, ничего не знаю! – вскрикнул он. – Не сойти мне с места, ежели кажу неправду.

– Ой ли! – покачал головой Корягин. – Так-то я твоему кресту и поверю. Нам все известно.

У Гусочки задрожали ноги, по спине заползали мурашки.

– Неправда это! Что хотите, товарищи дорогие, а я никому ничего не казал. Мое ли дело мешаться в ваши государственные дела? Да рази тут моя воля?

– Дай тебе волю, всех загонишь в неволю, – сказал Гуня. – Знаю тебя, хорошего. Говоришь: «Да будет твоя воля», а думаешь: «Когда б-то моя...»

– Для чего это напрасно казать? – упирался Гусочка. – Я и так бедую. На меня, что в яму: все сметье⁸⁶ валится.

– Обижен небось? – спросил Корягин.

– А то... ешо как.

Гусочка сильно потянул ноздрями, почесал за ухом. Корягин встал, оправил гимнастерку под широким поясом и, выйдя из-за стола, предупредил:

– Вот что, гражданин Игнатчук. Если еще раз позволишь подобное, тогда пеняй на себя. Понимаешь?

– Вот святой крест! – взмолился Гусочка, вставая. – Ни на яки науськанья не пойду. Ни в жисть!

– Ступай! – Корягин указал на дверь.

Гусочка осенил себя крестным знамением, прошептал скороговоркой:

– Ослобони, господи. Ослобони, всемогущий! – Он нахлобучил треух и рысью выбежал из кабинета.

Градов улыбнулся в усы.

– Ну и чудак же!

– Только прикидывается чудачком, – возразил ему Ропот. – Я на грош не верю этому мизгирию⁸⁷. Вот.

– Ну, а как с теми будем, что бежали из станицы? – обратился Гуня к председателю.

– Организуем круглосуточную слежку за ними, – ответил Корягин. – На улицах выставим охрану, и выезд из станицы теперь будем разрешать только по особым пропускам, как это уже делается в других районах Кубани.

* * *

Возвращаясь из ревкома, Гусочка неожиданно заметил чумазого мальчугана, бежавшего с ним рядом и с нахальной усмешкой глядевшего ему в глаза.

– Откель ты взялся, жужжалница? – спросил он, не убавляя своей резвости. – Чего до меня

---

⁸⁶ **Сметье** – мусор, негодный человек. – прим. Гриня

⁸⁷ **Мизгирь** – паук. – прим. Гриня

присуседился?

– А де вы булы, дядько, цю ничь? – хихикнул мальчуган и отбежал в сторону. – В тюгулевке⁸⁸? Чим-то проштрапились!

– Геть⁸⁹ от меня, патолочь голодраная! – топнул ногой Гусочка. – Ач, замазурик!

Малыш показал ему язык, шмыгнул за угол, а Гусочка еще больше прибавил ходу, издали услышал в своем дворе рев, писк, хрюканье, ржание, почувствовал, как заколотилось его сердце.

– Иду, манечки, иду! – подбегая к дому, закричал он животным. – Отпустили меня, отпустили, анафемы.

Накормив скот и птицу, он принялся доить коров. Носил ведрами молоко в кладовую, из которой так несло прокисшим воздухом, что хоть зажимай нос. Здесь в кадушках, ведрах и баллонах стояли творог, сметана, сливочное масло, кислое и пресное молоко; в ящиках сыр и брынза, и все заплесневело, прогоркло. Но Гусочка почти не обращал на это внимания и каждый день пополнял кладовую новыми молочными продуктами. Он редко вывозил свои товары на базар, а большей частью копил их у себя, чтобы ни в чем не нуждаться, и очень огорчался, если в его хозяйстве чего-нибудь недоставало. Соседям или же знакомым, которые из любопытства спрашивали у него, зачем ему такое громадное хозяйство, обычно отвечал: «Как зачем?.. Есть лучше нета...»

К плетню подошел Калита, положил огрубелые руки на прясло⁹⁰.

– Где ты пропадал, Иван Герасимович? – будто ничего не зная об арестах в станице, поинтересовался он с улыбкой.

– Без мала совсем не пропал, – вздохнул Гусочка. – Всю ночь просидел в погребе ревкома. Ума не приложу, за шо. А знаешь, скоко там мира сидит! – схватившись за голову, соврал он. – Видимо-невидимо! Сегодня с самого утра идет допрос.

– Ну, насчет мира ты, пожалуй, брешешь, Иван Герасимович, – возразил Калита. – В станице знают, кого забрали.

Гусочка исподлобья, посмотрел на него.

– Э, Трофимович! Всякая прибаска хороша с прикраской!

– И тебя допрашивали? – поинтересовался Калита.

– А то как же! – воскликнул Гусочка. – Ще и под караулом, шоб не убёг, с шашками наголо. Перелякался⁹¹ я до ужаста! Подвели меня до Корягина, а я гляжу на его и не узнаю. Думаю: чи вин⁹², чи не вин. А потом как взял меня за шкирку, аж в очах потемнело! Пролупался, бачу, шо вин.

– Корягин? – спросил Калита.

– Эге ж, – мотнул головой Гусочка и, приблизившись к уху соседа, хихикнул: – А как напомнили мне про то, что я агитировал станичников супротив ЧОНа и коммунии, мои колени токо тип-тип, а гайка – ффуурррр и шлеп, да прямо в бот. Ну, думаю, пропал, совсем пропал! С переляку начал вспоминать бога, молиться. Вот так. – И он стал класть на себя кресты: – Господи сусе! Господи сусе! Видать, бог услышал мою молитву. Расспросили меня, шо до чего, на том и допросу конец.

Калита, пощипывая черную бороду, сказал откровенно:

– Характер у тебя, Иван Герасимович, с воньцой. Любишь приукрашивать, пакостить людям, то и проче.

– Таким маты породила. Ну, а на обиженного богом не обижаются, – буркнул Гусочка и торопливо зашагал к коровнику.

XV

---

⁸⁸ **Тюгулевка, тугулевка** – арестное помещение при станичном правлении. – прим. *Гриня*

⁸⁹ **Геть** – требование немедленно уйти, удалиться, соответствующее по значению: прочь! вон! – прим. *Гриня*

⁹⁰ **Прясло** – звено, часть изгороди от столба до столба. – прим. *Гриня*

⁹¹ **Переляк** – испуг, перепуг. – прим. *Гриня*

⁹² **Вин** – он. – прим. *Гриня*

Допросив арестованных, Корягин, усталый, пришел домой. Жена собрала на стол. Обедали молча. Елена видела, что муж не в духе, и старалась не беспокоить его расспросами о ночных облавах, которые так много наделали шума в станице. Однако на сердце у нее было беспокойно. Муж ел, не поднимая головы. Его волновала гибель чоновца, угнетало то, что он допустил рукоприкладство при допросе Древаля. Сейчас, в нормальной домашней обстановке, он осуждал себя, находил свое поведение недостойным большевика. Но в момент, когда оказывался лицом к лицу с явным врагом, терял равновесие, забывал о своем долге: тут уж ненависть и гнев брали верх над рассудком.

Трудно ему было менять годами приобретенный на войне характер.

Косые лучи горячего солнца падали в окно, занавешенное гардиной, тянулись яркими полосами через весь стол, к печке. Серый кот, мурлыча, терся о ноги хозяина.

– А где же Игорек? – точно очнувшись от раздумий, спросил Корягин о сыне.

– У Калиты, – ответила Елена. – Галина взяла к себе.

Корягин вытер полотенцем губы, остановил прищуренный взгляд на жене.

– Ты чего такая хмурая?

– Досталось мне только что, – невесело отозвалась Елена. – Напала на меня Конотопиха чуть не с кулаками. Ругала на чем свет стоит. А я-то при чем?

– Что же она говорила?

– Винула тебя: мол, ты им за добро злом отплатил. И меня срамила, что не заступилась я за дядька Захара. Кричала: «Это ж мы тебя за супостата этого просватали».

Корягин недобро усмехнулся. Ему вспомнилось, как он впервые познакомился с Еленой, как потом они встречались, поженились и, наконец, как он навсегда перешел жить в этот дом, который достался жене после смерти ее родителей.

– Тоже мне сваха выискалась, – вырвалось у него с негодованием.

– Было тут крику на всю улицу, – плакала Елена.

– Я бы на твоём месте и на порог ее не пустил, – сказал Корягин, положив сжатые кулаки на стол.

– Через забор орала, – указала Елена в сторону.

– Вот ведьма, – с досадой плюнул Корягин.

Елена вытерла слезы, принялась убирать посуду. Корягин снял с себя верхнюю рубашку, стащил сапоги, лег на диване.

Елена прикрыла ставни, ушла за Игорьком. Но задремать Корягину так и не удалось. Древаль терзал ему душу, вставал перед его глазами наглым, злым.

«На кой черт я связался с ним, – думал он раздраженно и тут же снова возражал себе: – Но это ж контра, враги наши, и нечего с ними нянькаться. Человека ни за что ни про что убили. Стрелять их, как бешеных псов, надо!»

На веранде послышались чьи-то тяжелые шаги. Корягин приподнялся на локоть. Проскрипела дверь в кухне и долетел голос:

– Дома кто есть?

– А, это ты, Филиппович, заходи, – ставя ноги на подстилку, пригласил Корягин соседа.

Градов вошел.

– Извини, Петро, за беспокойство, – сказал он, опускаясь на стул. – Сейчас сын недобрую весть принес. Говорит, в лесу бандитов видел. Человек полтора по дороге ехали. С винтовками, с саблями. Все верховые. И наших станичников много.

– Куда ж они путь держали? – настороженно спросил Корягин.

– От монастыря в сторону Гулькевичей, – ответил радов. – Верстах в семи от хутора Драного заприметил.

– Как же они Леньку не тронули? – удивился Корягин.

Градов развел руками.

– Не видали. За кустами он схоронился.

Корягин быстро обулся, надел рубашку, сказал:

– Тут нужно быть начеку. Пойдем, Филиппович...

Весть о появившейся банде заставила председателя ревкома принять срочные меры по изъятию оружия у краснодольцев.

Казаки сдавали шашки, кинжалы, револьверы, изредка – винтовки. Комсомольцы очищали оружие от ржавчины, смазывали маслом и складывали на столах, ставили в пирамиду в специальной комнате с зарешеченными окнами.

Вот на крыльцо поднялся белобородый старик в черкеске, поношенных сапогах и в старинной казачьей папахе. В высохших, жилистых руках, как на подносе, он держал шашку, отделанную серебром, которую хранил у себя несколько лет, как самую дорогую реликвию боевых походов против иноземных захватчиков.

Старика встретил Леонид Градов, хотел было принять шашку, но старик отвел ее в сторону, потребовал к себе председателя.

– Зачем он вам, дедусь? – спросил Леонид. – Оружие принимаю я.

– Хочу самолично передать ему свою саблю, – скрипучим голосом ответил старик. – Это не абы какая оружия, а цены нету этой сабле. Видишь, в серебре, в золоте. С турецкого фронта привез я ее, а теперь хочу отдать в ревком.

– Демка, покличь председателя! – попросил Леонид Вьюна, выглянувшего из окна.

Несколько комсомольцев собрались на веранде, у двери парадного крыльца, а за ними появился и Корягин. Все притихли, глядя то на председателя, то на старика, принесшего дорогое оружие. Вьюн, вытирая паклей грязные руки, стоял за спиной Корягина, не отрывая восхищенных глаз от старинной казачьей шашки.

Леонид указал на старика:

– Вот, Петр Владиславович, вас лично потребовал этот дедусь. Не хочет мне шашку отдавать.

Корягин тепло заглянул старику в глаза, опустил руку на плечо.

– Понимаю, – одобрительно помотал он головой.

Старик протянул ему шашку.

– Оця⁹³ штука, Петро, с турецкой войны у меня. Бился я с нею при взятии крепости Карс⁹⁴. Не раз я потим вспоминал про ту страшну битву и всегда с плачем целовал оцю оружию. Она була верная моя помощница в боях, всегда спасала от смерти. А теперь хочу я, чтобы ею воевали наши диты так, как воевали мы, деды, супротив ворога, обороняли родную землю.

– Спасибо, отец, большое спасибо, – поблагодарил Корягин и, крепко пожав руку старому казаку, вернулся к себе в кабинет.

Козелков доложил ему, что по повестке явилась Дарья Матяш.

– Пусть войдет, – не глядя на него, сказал председатель.

Кутая лицо в черный полушалок, Дарья робко переступила порог.

– Садись, – сказал Корягин.

Дарья нерешительно опустилась на стул. И вдруг, закрыв лицо руками, заплакала навзрыд.

– Чего же ты плачешь? – спросил Корягин.

Дарья ничего не отвечала. В глазах и на исхудалом бледном ее лице выражалась глубокая скорбь, губы дрожали. Она нервно ломала пальцы, прикрывала руки подшалком.

– Я знаю, что ты из бедной семьи, – мягко начал Корягин. – Знаю и то, что твой чоловік самая опасная у нас в станице контра, ярый враг Советской власти. Сосал из тебя кровушку, как паук из мухи. Вережку скрутил из твоей жизни.

Дарья продолжала плакать.

– Ну, успокойся, – миролюбиво продолжал Корягин. – Я вызвал тебя не для того, чтобы чем-то обидеть. Нам нужна твоя помощь.

Дарья выплакалась, взглянула на председателя.

– Какая?

– Хочу, чтобы ты предупредила нас, когда твой чоловік придет домой, – ответил Корягин.

---

⁹³ Оця, ця – эта. – прим. Гриня

⁹⁴ 1877 год. – прим. Гриня

Дарья опустила голову.

– Нет, Петр Владиславович, – пробормотала она. – этого не сделаю. Лучше в острог пойду, а выдавать не буду. Жизнь моя уже пропала.

– Рано ты хоронишь себя, – стуча пальцами по настольному стеклу, сказал Корягин. – Уходи от изверга к своим родителям.

– Уйти? – всхлипывала Дарья. – Легко ли...

– Значит, решила до срока в могилу сойти? – спросил Корягин. – Пойми же, что Матяш враг твой.

– Я все понимаю, – тихо проговорила Дарья. – Но куда денешься. Убьет он меня!

– Не убьет!

– Не знаете вы его, Петр Владиславович.

– Знаю, – сказал Корягин. – Страх перед ним. И все же помоги нам взять этого негодяя.

Дарья подняла глаза, полные слез.

– Не могу, – вырвалось из ее груди стенание.

Корягин сочувственно взглянул на ее исстрадавшееся лицо, и ему стало и жалко эту женщину, и досадно, что она так несговорчива.

– Что ж, – наконец произнес он, кладя руки на стол. – Неволить не буду. Иди, коли так.

Дарья потихоньку вышла.

* * *

Прошло несколько дней с тех пор, как Наумыч положил на себя зарок не курить больше, но кашель еще сильнее стал бить его, а по ночам совсем не давал покоя. Улучив удобное время, он потихоньку направился к берегу Кубани, к причалу, спустился по ступенькам к водоплеску, завернул налево и, прихрамывая, пошел по каменистой кромке берега, стал шарить в густых зарослях бузинника, росшего под кручей.

Вверху, на обрыве, вдруг появился Виктор. Увидев деда, спросил:

– Чего вы там ищете, дедусь?

Наумыч поглядел на него из-под широких бровей и, продолжая разгребать траву, недовольно буркнул:

– Вчерашний день.

Виктор молча скрестил на груди руки, стал наблюдать за дедом.

Наумыч, наконец, нашел кисет с люлькой, схватил его и, широко улыбаясь старческим лицом, невольно произнес вслух:

– Сердешные! Как же вы тут без меня?

Виктор улыбнулся. Наумыч тут же набил люльку табаком, крикнул внуку:

– Кинь мне свои серники⁹⁵!

Виктор бросил ему коробку спичек. Наумыч закурил, затянулся, легко вздохнул, и глаза его засветились радостной улыбкой. Подойдя к ступенькам, он медленно стал подниматься.

XVI

Вернувшись в хату, Виктор сел у окна и, подперев щеку рукой, задумался. Мать бросила на него обеспокоенный взгляд.

– Зачем тебя кликал Корягин?

Виктор молчал. Мать села у печки, принялась латать кофту. Глаза ее поминутно останавливались на сыне. От волнения она ничего не видела: иголка то и дело колола ее пальцы.

Стуча деревянной ногой, в кухню вошел дед, уселся на сундуке и, дымя люлькой, расправил шершавыми пальцами седую прокуренную бороду, взглянул на сноху и внука.

– Вы чи не погрызлись?

– Витя у Корягина был, – тихо промолвила Мироновна.

---

⁹⁵ Серники – серные спички. – прим. Гриня

Зрочки Наумыча расширились.

– О чем тебя спрашивал председатель?

– Про батю, – ответил Виктор.

– Так-так, – пробормотал дед. – Не мешай мешать. Значит, он уже догадывается, что батько твой чурается⁹⁶ его. Это нехорошо. – Наумыч потупился, потом снова обратился к внуку: – Ну, а ще о чем у вас был разговор?

– Снова в ЧОН приглашал.

– Ну, а ты?

– Отказался, – Виктор поморщился. – Все через батю. Они ж путаются с Молчуном и Бородулей. Каждый день к ним шляются. И что у них там за дела такие?

– Ты прав, – согласился с ним дед. – У этого Молчуна, мабуть, пшено зарыто в хате. Ходит он туда не зря. Душа моя чувствует. – Он задумался и, пыхтя люлькой, заметил как бы про себя: – Да... не мешай мешать.

– Не понимаю, что бате нужно? – с досадой сказал Виктор. – Только пришли из Красной Армии. И опять начали мутить воду.

Дед безнадежно развел руками.

– Ты же знаешь, какой характер у твоего батька.

– Но сейчас не то время, чтобы поддерживать таких, как Молчун и Бородуля.

– Люди, конечно, уже поняли, что правда на стороне Советской власти, – отметил Наумыч и, помолчав, оговорился: – Хотя еще и не совсем ясно, чем все это кончится.

– Советскую власть не сломить! – убежденно заявил Виктор. – Народ пошел за нею потому, что она дает ему все, освобождает от векового гнета.

– Это-то так, – сказал Наумыч, – но ты держись пока золотой середины: не мешайся ни к тем, ни к другим.

– Если бы не батя, я давно был бы в ЧОНе, – откровенно заявил Виктор.

В сенцах скрипнула дверь, и в кухню вошел Лаврентий. Мироновна напустилась на него.

– Где ты блукаешь? Все путаешься с Молчуном да с Бородулей?

– Доблукается, – недовольно бросил Наумыч. – И с ним может статься то, что с другими казаками в эту ночь.

– А что такое? – сверкнул Лаврентий глазами.

– Зараз Корягин вызывал Витю в ревком, – сообщила Мироновна. – Того и гляди, за тобой придут!

Лаврентий метнул взгляд на сына.

– Чего ему нужно?

Виктор рассказал о своей беседе с председателем.

– Пойми, Лавруха, куда гнешь! – осуждающе заметил Наумыч. – Корягин не дурак, и он не хочет тебе зла. А ты все к богатеям клонишься.

– Выходит, мне и с людьми нельзя встречаться? – вспыхнул Лаврентий. – Да какое кому дело, у кого я бываю?

– Не ерпенься! – осадил его Наумыч. – Негоже так, Лавруха, негоже. Зачем тебе встречать в грязные дела Молчуна и Бородули? Что они тебе? Неужели не видишь, как бьют белых?

– Не вашего ума дело, папаша! – со злостью огрызнулся Лаврентий. – Вы же ничего толком не знаете. Сейчас белым за граница помогать будет.

Виктор не стерпел и, вскочив со стула, закричал:

– Вы-то чему радуетесь, батя? Или впрямь решили поддерживать богачей? Забыли, наверно, как белые пороли и стреляли людей! Вон и матери чуть не досталось из-за вас, когда вы были в Красной Армии. Хорошо, что люди заступились. А я и дедушка совсем не жили дома.

У Лаврентия перекошилось, побледнело лицо. Резко шагнув к сыну, он процедил сквозь зубы:

– Молчи, сморчок! Думаешь, батько дурнее тебя? Я всю германскую войну прошел, вволю нанюхался пороху, наслужился и у белых и у красных, сколько раз со смертью встречался! А ты кто супротив меня? Ребяенок несмышленный! Спрашиваю я: до какой поры вся эта анциклопедия будет продолжаться?

---

⁹⁶ **Чураться** – боязливо избегать общения с кем-нибудь; избегать сторониться чего-нибудь. – прим. Гриня

– Пока ты вразумеешь то, что мы тебе говорим, – напирал на него Наумыч.

– Будет только по-моему! – махнул рукой Лаврентий. – Понимаете? – Он хлопнул дверью, из великой хаты пригрозил сыну: – А ты не смей больше заикаться о большевиках!

Наумыч сокрушенно покачал головой.

– Э, Лавруха, Лавруха...

Виктор вышел из хаты и снова направился в сад. Зло сорвав гвоздику и обрывая на ней лепестки, он неторопливо зашагал по аллее к крутому берегу Кубани, невнятно прошептал: «Дались вам эти богатеи...»

Потом взглянул на общипанный цветок, швырнул его в сторону.

С реки тянуло живительной прохладой. Влажный ветерок ласково шумел в густой зелени фруктовых деревьев, пахнувших ароматом ранних плодов.

Сев на кучу щебня у обрыва, Виктор начал бросать камешки в быстрину реки. На сердце у него было тяжело и тревожно.

Закубанский лес зеленой стеной отражался в спокойной заводи. Река совсем уже вошла в свои суглинистые берега, и лишь в ямах, меж густых деревьев, ослепительно поблескивали черные зеркала мутной воды.

Прихрамывая, к Виктору подошел дед, сел рядом. Покуривая люльку, он долго смотрел вдаль, молчал. Потом сплюнул с языка гарь, обернулся к внуку.

– Батько твой горяч, но и ты как порох, – сказал он с укором и вытер рукавом пот с морщинистого лица. – Нет, чтобы выждать, присмотреться, узнать толком, на чьей стороне правда. – Он почесал за ухом и после продолжительной паузы посоветовал: – Спешить в таком деле не стоит.

– Чего ждать? – возразил Виктор. – Мне и так все ясно.

* * *

Была теплая звездная ночь. По иссиня-вороненому небу серебристой полосой протянулся Млечный Путь. В прижженных суховеем хлебах, травах, напоенных духом полевых цветов, перекликались перепела, трещали сверчки. В полувывсохшем поду⁹⁷ укали жерлянки.

Виктор и Григорий, получив в ревкоме разрешение на выезд в ночное, верхом на лошадях направились в степь. Проезжая мимо часовых, стоявших на углах кварталом, они предьявляли пропуска.

За станицей некоторое время ехали молча, поглядывали на далекие костры, сверлившие темноту ночи. Виктор опустил повод на загривок Ратника и, забросив ноги на одну сторону, тихо напевал что-то грустное. Григорий понимал настроение друга и заговорить с ним не решался.

Но мало-помалу они все же разговорились.

– Сегодняшний приказ ревкома читал? – подгоняя сбатованных⁹⁸ коней, спросил Григорий.

– Насчет седел? – отозвался Виктор.

– Да.

– Читал.

– Оружие отобрали, теперь – седла.

– Значит, так надо.

– Седел никто не понесет, – сказал Григорий.

– Заставят.

– Это еще бабушка надвое сказала.

Виктор насмешливо покосился на Григория.

– Бабушка, говоришь? А видел, как станичники оружие сдавали?

– То хйба люди? – отмахнулся Григорий.

– Похоже, что только ты человек!

Они свернули с дороги, подались целиной к кострам, через которые перепрыгивали

---

⁹⁷ Под – низина, залитая дождевой водой, мочак.

⁹⁸ Сбатовать – связать поводья лошадей в один узел, чтобы стояли смирно.

краснодольские парни. Григорий залюбовался их игрой, прогнусавил:

– А здорово сигают хлопцы!

Лошади, отфыркиваясь от едкой пыли, шли не торопясь. Зачув табун, звонко заржали и ускорили шаг. Из темноты отозвалось несколько коней, и снова наступила тишина.

От полыхавших костров ввысь взлетали огненные платки. Они отгоняли в сторону густую тьму, и она взлохмаченной черной кошкой отпрыгивала от них, лихорадочно дрожала и опять кралась на мягких лапах, готовая поглотить огонь. Яркий колыхающийся свет отражался красным заревом в темных тучах, гас, затем снова вспыхивал с прежней силой.

Виктор и Григорий подъехали к табору. Здесь были чоновцы и комсомольцы, пасшие ревкомовских лошадей. Держа над головой горящую ветку, Вьон подбежал к Виктору, закричал весело:

– Ого-го! Кого я бачу!

Григорий придержал коней, обратился к Виктору:

– Я поеду к другому табору.

– Дело твое, а я здесь останусь.

Григорий стегнул лошадей кнутом, скрылся в темноте.

XVII

В десятом часу вечера Леонид Градов, дежуривший по ревкому, доложил председателю, что приехала игуменья и просит принять ее.

Корягин удивился неожиданному ее визиту, вышел из-за стола.

– Пусть заходит!

Леонид удалился, и сейчас же переступила порог игуменья, вдруг повалилась на колени перед Корягиным и, цепляясь за его ноги, надрывно простонала:

– Петр Владиславович! Ради бога, пожалейте меня, несчастную.

– Погодите, погодите, – сказал Корягин, беря ее под локоть. – Что случилось? Садитесь.

Игуменья села на краешек стула, вытерла слезы.

– Петр Владиславович, – страдальчески продолжала она. – Вчера ночью в моей пустыни поселилась банда. Помогите мне. Избавьте меня от нее. Не могу смириться, чтобы в женской обители творились бесчинства. Вы меня, конечно, отлично понимаете, голубчик. У нас вся надежда на вашу помощь.

– А много их там? – недоверчиво спросил председатель.

– Более ста человек, – ответила игуменья сквозь слезы.

Она раскрыла сумочку, вынула из нее надушенный платочек с кружевной оторочкой, приложила к глазам, украдкой посмотрела в лицо противнику: не разгадал ли он ее притворства? И опять простонала:

– Окажите мне такую любезность, снисхождение. Век буду вам благодарна, Петр Владиславович.

Корягин в упор глядел на нее, не зная, как поступить: то ли прибегнуть к силе и тут же арестовать ее, то ли просто выставить вон. Но, подумав, решил действовать иным, более благоразумным путем. Сел на свое место.

«Эк, собачье отродье! – пронеслось у него в голове. – К ногтю бы ее – и делу конец».

Игуменья поняла, что он догадался о ее уловке, однако не показала этого, встала и протянула ему руку. Корягин отвернулся, шагнул к окну.

– Я вас задерживать не буду. До свиданья, Петр Владиславович, – поклонилась игуменья. – Надеюсь на вашу помощь.

Корягин проводил ее суровым взглядом.

Вошли Ропот и Градов.

– Разрешите доложить, товарищ начальник, – весело заговорил первый. – В моем квартале вывозка хлеба завершена полностью. Сегодня вечером последние пятьдесят подвод с двумя тысячами пудов отправил на ссыпку. Вот.

– Хорошо, – улыбнулся Корягин и взглянул на Градова: – А у тебя как, Филиппович?

– Я тоже пошабашил, вывезено до пуда. Теперь думаю направляться в коммуны!

– А насчет излишков что думаете? – спросил Корягин.

– По-моему, у богатеев хлеба еще горы, – подхватил Градов.

– Что и говорить, лишки есть, – добавил Ропот.

– Придется еще потрусить кулаков, – сказал Корягин. – Страна очень нуждается в хлебе.

В дверях показался Гуня, за ним – Норкин. Гуня тоже доложил о выполнении плана продразверстки по своему кварталу. У Норкина было маленькое недовыполнение: в его квартале вот уже целую неделю нет дома нескольких богатых казаков и на хозяйстве одни лишь старики да дети.

Корягин нахмурился.

– А ты узнал, куда они уехали?

Норкин развел руками.

– Одни говорят – к родичам, другие – на базар в Екатеринодар, в лес за дровами.

– А ты как думаешь?

– Подозрение у меня большое, Петр Владиславович, – ответил Норкин. – Народ следит за их дворами.

– То-то и оно, – сказал Корягин. – Я не сомневаюсь, что они ушли в банду, и поэтому нечего цацкаться с ними. Завтра же надо реквизировать хлеб.

– Правильно! – согласился с ним Ропот. – Они тебя, Василий, обманывают. Банда ж под боком. Вот и подались туда.

Корягин дал указание председателям квартальных комитетов, чтобы они взяли на учет все хлебные излишки в станице и довели новое задание до сведения краснодольских богатеев.

– Это вызовет недовольство, – сказал Градов.

– И тем не менее хлеб мы должны взять, – предупредил Корягин.

* * *

В двенадцатом часу ночи он пришел домой. Ему навстречу выбежал из боковой комнаты только что проснувшийся Игорек, звонко закричал:

– Папочка, мой папа!

Корягин взял его на руки, поцеловал и сел на стул.

– Ну, как твои дела, сынок?

– Хорошо, – ответил Игорек, обнял отца за шею и попросил: – Покатай меня... Как на лошадке.

– Ну, садись.

Корягин посадил его себе на плечо и пустился вприпрыжку по комнате. Игорек громко заливался смехом. Отец остановился и хотел снять его с себя, но мальчик вцепился одной ручонкой за ухо, а второй шлепал отца по бритой голове, приговаривал:

– Еще, еще!

В это время кто-то постучал в окно.

Корягин опустил сына на пол, прислушался.

– Кто там? – отозвался он, подходя к столу.

– Петр Владиславович, выйдите на минутку, – раздался за окном голос Клавы Белозеровой. – Дело есть.

Корягин поспешил на крыльцо.

– Петр Владиславович, – начала вполголоса Клава – Боровик приехал домой и с линейки снял пулемет. В клуне спрятал. Мы стояли на посту и видели.

– Пошли, – сказал Корягин.

Вскоре чоновцы и комсомольцы окружили дом Боровика. Корягин постучал в дверь. Вышла женщина.

– Муж дома?

– Дома. А что такое?

Корягин переступил через порог. За ним остальные. Поняв, в чем дело, хозяин в одном исподнем белье бросился к окну. Леонид Градов и Демка Вьюн, стоявшие во дворе на страже, схватили Боровика за шиворот и в одно мгновение скрутили ему руки.

– За что? – испугался Боровик.

С фонарем в руке к нему приблизился Корягин. Из дома выбежала хозяйка, со слезами закричала мужу:

– Я тебе говорила!

Боровик, сверкая глазами, дрожал, как в лихорадке. Его ввели в клюню.

– Говори, где пулемет? – спросил Корягин.

– Какой пулемет? – пробормотал Боровик. – Ничего не знаю.

– Ищите, хлопцы, – распорядился Корягин.

Леонид с комсомольцами начал разгребать ворох сена, и оттуда тотчас выкатился пулемет, завернутый в брезент.

– Что это? – обратился Корягин к хозяину. – Ничего не знаешь?

Боровик молчал.

Корягин приказал немедленно отправить Боровика и пулемет в ревком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Екатеринодар еще носил следы недавних сражений с деникинскими войсками. На стенах домов виднелись царапины, колупки от пулеметных очередей и снарядных осколков, пробоины...

По улицам с песнями шагали колонны красноармейцев. Ревел утренний семичасовой гудок завода «Кубаноль»⁹⁹. На панелях в сутолоке разношерстной городской публики в замасленных блузах и комбинезонах спешили рабочие. Шныряли юркие мальчишки, нараспев выкрикивали:

«Читайте газеты!»

В городе, как и во всей области, ощущалась напряженная обстановка. По ночам рыскали грабители и убийцы. А по утрам в закоулках, водосточных канавах и болоте Карасун жители находили убитых. Контрреволюция снова поднимала голову. Вся черносотенная челядь, расплзшаяся по области после разгрома Деникина, почуяв теперь ожившего Врангеля в Крыму, опять зашевелилась.

В Белом войсковом соборе¹⁰⁰ заунывно гудел колокол, и звуки его волнами неслись над городом, замирали на берегах Кубани. Прихожане нескончаемым потоком тянулись к заутрене. На паперти собора сидели нищие. Протягивая костлявые руки, кланчили милостыню.

По ступенькам на паперть поднялась дама в трауре с лицом, прикрытым густой вуалеткой. Нищие потянулись к ней. Но она, не взглянув на них, направилась в собор, остановилась у амвона. Перекрестившись, опустила деньги в кружку и начала отвешивать поклон за поклоном.

Сбоку послышался чей-то тихий голос:

– Вера Романовна.

Дама резко повернула голову, приподняла вуалетку. Перед нею стоял человек в штатском сером костюме, держа на сгибе руки шляпу стального цвета и приветливо улыбаясь. Вера Романовна

---

⁹⁹ с 1922 года – Завод им. Седина. – прим. Гриня

¹⁰⁰ **Белый собор** – Войсковой собор князя Александра Невского – главный православный храм города Екатеринодара. Разрушен в 1932 году. Сейчас на этом месте в сквере им. Г. К. Жукова (напротив здания краевой администрации) построена часовня Александра Невского. – прим. Гриня

некоторое время недоуменно глядела на него, стояла в нерешительности. Наконец, узнав своего давнишнего знакомого, она мысленно воскликнула: «Боже! Да это же Ипполит Иванович Губарь!»

Сразу же оглянулась, и свежее, румяное ее лицо приняло добродушное выражение, просияло улыбкой.

– Никуда не уходите, – предупредила она. – Поедем ко мне.

Губарь учтиво наклонил голову, перевел взгляд на волосатого дьякона в золотистой ризе, с дымящим кадиллом в руке расхаживавшего взад и вперед по амвону.

* * *

В южной части города, на Крепостной площади, расположена областная больница¹⁰¹. В центре – небольшая приходская церковь с почернелыми от времени стенами, обнесенная решетчатой оградой. Приземистые больничные корпуса лепились друг к другу, образуя почти сплошную кирпичную стену. В тенистых аллеях прогуливались в больничных халатах раненые красноармейцы. Многие сидели под душистыми липами на скамейках. Любуясь голубизной утреннего неба и дыша прохладой влажного воздуха, они вели нескончаемые разговоры о былых ратных временах, о родных и близких.

Из хирургического корпуса вышел человек в военной форме. Лицо у него бледное, измученное. Стройной походкой направился в город. После больничной обстановки уличное движение казалось ему слишком шумным.

Добравшись до Штабной улицы¹⁰², он повернул в сторону Кубани и вскоре остановился возле трехэтажного дома, в котором размещался штаб IX Красной армии¹⁰³.

– Как мне пройти к товарищу Балышееву? – спросил он еще не окрепшим голосом стоявшего у входа часового.

Спустя несколько минут он уже поднимался на второй этаж. По лестнице сновали военные. Они скрывались то за одной, то за другой дверью кабинетов, спешили по длинному коридору, заставленному высокими фикусами в кадках. Окна были занавешены шторами.

Вошедший задержался возле станкового пулемета, установленного на столе, хотел спросить у дежурного, где находится кабинет начальника штаба¹⁰⁴, но в это время неожиданно из двери вышел Балышеев – плотный мужчина среднего роста в тщательно выглаженном военном кителе. Каштановые волосы аккуратно подстрижены и зачесаны на правую сторону.

---

¹⁰¹ Сейчас – Детская краевая клиническая больница. **Крепостная площадь** – историческое название территории перед крепостным валом, в 1872 году разбитой на участки и застроенной. Свободным от застройки остался нынешний Екатерининский сквер. – прим. Гриня

¹⁰² Сейчас – улица Комсомольская. – прим. Гриня

¹⁰³ Угол улиц Комсомольской и Октябрьской. В апреле 1920 года штаб передислоцировался из Новочеркасска в Екатеринодар, а 4 мая 9-я Красная армия получила наименование «9-я Кубанская». – прим. Гриня

¹⁰⁴ В 1920 году должность **начальника штаба** 9-й Кубанской армии последовательно занимали: А. А. Душкевич (10 августа 1919–23 мая 1920), Э. И. Захарович (29 мая–13 июня 1920), М. Е. Медведев (13 июня–21 июля 1920), И. Г. Кулев (21 июля–12 августа 1920). – прим. Гриня

– А, товарищ Юдин! – воскликнул он обрадованно и протянул руку. – Здравствуй, голубчик. Ты к кому?

– Прямо к тебе, Назар Борисович, – улыбнулся Юдин. – Выписался из больницы, думаю включаться в работу.

– Отлично, – одобрил Балышеев и указал на дверь своего кабинета: – Заходи, я сейчас вернусь. – Он поспешно зашагал по коридору, о чем-то беседа с подошедшим военным, скрылся за поворотом.

В кабинете никого не было. У окна стоял письменный стол, заваленный картами-одноверстками, газетами, исписанной и чистой бумагой. Тут же – три кресла. Рядом – книжный шкаф, на стенах – портреты Ленина и Калинина.

Мягко отворилась дверь, и так же мягко вошел Балышеев.

– Ну, Василий Петрович, рассказывай, как лечился, – сказал он, подходя к столу.

Юдин откинулся на спинку кресла, ответил бодро:

– Чувствую себя неплохо, Назар Борисович. Давай назначение.

Зазвонил телефон. Балышеев поднял трубку.

– Откуда? Да. А, здравствуйте, товарищ Черный! Хорошо, хорошо. – Он положил трубку. и снова обратился к Юдину: – А что, если мы пошлем тебя уполномоченным по борьбе с бандитизмом? Как ты смотришь на это?

– Не возражаю, – согласился Юдин.

– Значит, договорились, – сказал Балышеев. – В три часа дня придешь за назначением.

В Белом соборе окончилась обедня. Прихожане расходились.

Вера Романовна, поддерживаемая под руку Губарем, спустилась по ступенькам с паперти, попросила его пройти на угол Гимназической улицы и там подождать. Губарь снял шляпу, любезно поклонился и быстро затерялся в общем потоке прихожан. Вера Романовна задержалась с двумя мужчинами, спросила:

– Солодовника не видели?

– Только что был здесь, – поглядывая по сторонам, ответил один из них и указал на рыжеусого мужчину, стоявшего невдалеке. – Вот он.

Вера Романовна подозвала Солодовника, прошептала:

– Евтей Андреевич, зайдите сегодня вечером ко мне.

Солодовник расправил широкие медно-красные усы, молча склонил голову. Вера Романовна направилась к улице Красной.

Внезапно с нею лицом к лицу столкнулся Доронин. Подняв вуалетку дрожащей рукой, она сказала голосом, полным тревоги:

– Павлуша! Как же это ты, друг мой. Здравствуй!

– А, это вы, Лихачева? – протянул Доронин, подозрительно поглядывая на свою знакомую. – Не оклики вы меня, вовек не узнал бы.

– Неужели не узнал? – в замешательстве проговорила Вера Романовна и принужденно улыбнулась. – А я так обрадовалась встрече.

– Полно, Вера! – резко оборвал ее Доронин. – Зачем лицемерить? Я ведь все знаю.

Вера Романовна почувствовала, как кровь хлынула ей в лицо, застучала в висках. Доронин вспомнил раннюю молодость. Он, батрак помещика Лихачева, отца Веры, одно время даже был увлечен ею, но она только смеялась над ним и говорила с издевкой: «Как ты смешон!»

Доронин еще тогда понял, что батрак – не пара избалованной дочери помещика. Вскоре он ушел от ее отца, поселился со своими родителями на хуторе за рекой Бейсужок, против усадьбы Лихачева, женился на казачке и занялся кузнечным ремеслом.

В стране началась революция. Доронин вступил в партию большевиков, ушел в подполье, а когда на Кубани установилась Советская власть, работал организатором сельскохозяйственных коммун в области. Потом его назначили председателем созданной им коммуны в усадьбе помещика Меснянкина.

– Где же вы сейчас? – спросил он после затянувшегося молчания.

Вера Романовна бросила на него испуганный взгляд.

– Зачем вам?

– Бойтесь? – Доронин натянуто усмехнулся. – Напрасно. Я не стану вас вешать на пяти веревках.

Лицо Веры Романовны покрылось мертвенной бледностью.

– Это неправда! – вскрикнула она чуть ли не со слезами.

– Не оправдывайтесь, – сказал Доронин. – Мне все известно. Даже то, что вы в прошлом году при белых собирались уничтожить моих детей.

– Ничего такого не было, ничего, – невнятно произнесла Вера Романовна. – Ваша жена все преувеличила. Уверяю тебя, Павлуша, я сочувственно относилась к твоей Луше. И когда избивали ее казаки...

– Спасибо за сочувствие! – сердито прервал ее Доронин и снова спросил о ее местожительстве.

– Здесь, в городе, – ответила Вера Романовна. – Приняли меня люди в Карасунском переулке, на садах. Ведь наша усадьба на хуторе сгорела. – Немного осмелев, она поинтересовалась в свою очередь: – А вы у кого остановились?

– У знакомых, – Доронин смерил ее глазами. – И представьте себе, в том же переулке, где и вы. Словом, опять соседи.

Вера Романовна тяжело вздохнула:

– Забудем прошлое. Не осуждай меня, Павлуша. Заходи. Одинока я. Муж погиб. Видишь, траур.

– Где же его?

– В Крыму, – прослезилась Вера Романовна.
 – Как-нибудь загляну, – пообещал Доронин и тут же иронически усмехнулся: – Посмотрю, какие веревки вы приготовили для меня.
 – Не надо об этом, Павлуша! – отмахнулась Вера Романовна и приложила платочек к глазам. – Ведь мы росли вместе. Неужели старая дружба совсем умерла?
 – Ее, этой дружбы, никогда не было, – возразил Доронин. – Вы слишком много причинили мне зла. Но я не мститель. Живите с богом!
 – Узнаю в тебе прежнего – доброго, хорошего, – улыбнулась Вера Романовна. – Мы должны жить в мире. Я ведь тоже добрая.
 – Какой уж мир, если мы ненавидим друг друга, – заметил Доронин.
 – Ты слишком плохо думаешь обо мне, – обиженно промолвила Вера Романовна. – А зря, ей-богу, зря. – Помолчав, она спросила: – Где же сейчас твоя Луша?
 – В Тихорецкой, – неохотно ответил Доронин. – Скоро и она переедет ко мне в коммуны.
 – Это правда, что ты председатель коммуны?
 – Правда, – подтвердил Доронин. – Не верится? Бывший батрак и вдруг – председатель!
 Вера Романовна промолчала.
 – Ну что ж, до свиданья! – сказал Доронин.
 – Приходи, жду! – бросила ему вслед Вера Романовна.

II

Охваченная тревогой, она торопливо пошла к своим дрожкам, стоявшим на углу Гимназической и Бурсаковской¹⁰⁵.

У телеграфного столба ее ждали Губарь и Солодовник. Подойдя к ним, она проговорила, задыхаясь от волнения:

– Только сейчас я виделась с Павлом Дорониным.
 – Да, встреча не из приятных, – поморщился Солодовник. – Я хотел было подойти к вам, когда вижу – Доронин.
 – Позвольте, о каком это Доронине идет речь? – спросил Губарь.
 – Да неужто вы его не помните? – удивилась Вера Романовна. – Он служил у нас в работниках со своим отцом и меньшим братом, а затем построился за рекой против нашей усадьбы.
 – Хоть убей, не помню. – Губарь развел руками. – Ведь у вас больше десяти человек батрачило.
 Вера Романовна рукой подала знак мальчугану-вознице. Тот тронул лошадь, поехал за собеседниками, шедшими по тротуару.
 – Доронин – мой враг! – со злобой сказал Солодовник. – Мы давно за ним охотимся, но никак не поймаем. Был однажды подходящий случай в восемнадцатом году, осенью. Я ехал на велосипеде и повстречался с ним у леса. Жаль, что тогда со мной не было нагана.
 – Где же обитает он сейчас? – любопытствовал Губарь.
 – Председательствует в коммуне, которую организовал в усадьбе помещика Меснянкина¹⁰⁶, – сообщила Вера Романовна. – Уж Аркадия Эдуардовича, надеюсь, вы помните. Мы с вами бывали в гостях у него.
 – Помню, конечно, – улыбнулся Губарь. – Кто его не знает па Кубани. На днях я был в тех местах. В станице Краснодольской¹⁰⁷ на митинг угодил. Едва ноги унес.
 – Что же вы там делали?
 – Так... мимоходом, – уклончиво ответил Губарь.

¹⁰⁵ Сейчас – улица Красноармейская. – прим. Гриня

¹⁰⁶ Поселок Венцы Гулькевичского района Краснодарского края. Звали представителя ставропольского купеческого рода Меснянкиных, переехавшего на Кубань в конце XIX века – Яков Николаевич. Официальное современное название усадьбы – усадьба помещика Миснянко. Что и где напутано разобраться сложно... – прим. Гриня

¹⁰⁷ Населенный пункт с таким или похожим названием обнаружить не удалось, скорее всего – как и усадьба помещика Меснянкина – авторский вымысел, образ характерных для того времени поселений. – прим. Гриня

– Не лукавьте, Ипполит Иванович, – сказала Вера Романовна. – Мы же старые друзья, и между нами не должно быть секретов.

Уступая дорогу встречному мужчине, Губарь с предосторожностью оглянулся.

– В настоящее время сидеть дома нельзя, – ответил он загадочно. – Работы теперь у нас непочатый край.

Солодовник опасливо покосился по сторонам.

– Неужели у Врангеля служите?

– Да, вместе с братьями, – сказал Губарь.

Вера Романовна восторженно взглянула на него.

– Вы настоящий герой, Ипполит Иванович!

– Увы, еще далеко не герой, – угрюмо отозвался Губарь. – Ничего особенного не успел сделать. Так, кое-что, по мелочам.

Солодовник, нервно покручивая широкие усы, шел молча. Он чувствовал, как встревоженно, с замиранием постукивало сердце.

– Ну, а о десанте¹⁰⁸ что слышно? – тихо спросил он наконец.

– Точно ничего не знаю, – ответил Губарь. – Это хранится в строгом секрете. – Он вынул платок, приложил к багровому рубцу над левым протезным глазом.

– Кстати, откуда у вас это? – Вера Романовна указала на его шрам.

Губарь скривил лицо.

– Память чекистов еще со времени, когда я служил в разведке Деникина, – сказал он и, помолчав, добавил: – Впрочем, этот рубец и особенно чужой глаз выручают меня теперь. Даже близкие знакомые порой не узнают. Вот и вы, Вера Романовна, пожалуй, не узнали бы, если бы я с вами не заговорил.

* * *

Доронин открыл дверь кабинета секретаря областкома партии, спросил:

– Можно, товарищ Черный?

В это время в приемную вошла секретарша – молодая брюнетка – и, увидев Доронина в дверях, поспешно сказала:

– Гражданин, секретарь занят.

Однако Черный, сидевший с Балышеевым за письменным столом, пригласил Доронина:

– Входите, входите.

– Я к вам, Владимир Федорович, за помощью, – идя по ковровой дорожке, начал тот на ходу.

– Присаживайтесь, – Черный указал на кресло.

Доронин сел, рассказал о банде в Успенском монастыре.

– Об этом нам известно, – кивнул Черный и спросил, какие меры приняты местными властями для борьбы с бандитами.

– С оружием у нас плохо, Владимир Федорович, – продолжал Доронин. – Просим помочь нам.

– Казаков потрясите как следует, – посоветовал Балышеев. – Уверен, у них припрятано кое-что, особенно холодное оружие.

– Вот-вот, – добавил Черный, – более всего тех казаков, которые разошлись по домам при развале армии Деникина. Мы оружие у них не у всех-то отобрали.

– Сабель и кинжалов у нас хватает, а вот винтовок, и боеприпасов маловато, – сказал Доронин.

– Сколько же вы просите?

– Сто пятьдесят винтовок и два пулемета, – ответил Доронин.

Черный взглянул на Балышеева.

– Придется дать, Назар Борисович, – потом вновь приподнял глаза на Доронина: – А вы приложите все силы к тому, чтобы покончить с бандой в самое ближайшее время. Областком посылает вам уполномоченного по борьбе с бандитизмом, стойкого большевика, рабочего

---

¹⁰⁸ Так называемый **Улагаевский десант** – войсковая операция Русской армии против Красной армии на Кубани 1 (14) августа – 25 августа (7 сентября) 1920. – прим. Грина

Тихорецкого паровозоремонтного завода¹⁰⁹, к тому же бывшего командира партизанского отряда.

– Кто же это, если не секрет? – полюбопытствовал Доронин.

– Василий Петрович Юдин, – сказал Черный.

– Юдин? – обрадовался Доронин. – Да это же мой друг по подполью!

– Тем лучше, – кивнул Черный. – Зайдите в три часа в штаб, к товарищу Балышееву, там будет и Юдин.

– Тогда и договоримся, – заключил Балышеев.

– Кроме того, – продолжал Черный, – мы вынесли решение и обязали отдельные парткомы¹¹⁰ расширить сеть коммунистических ячеек. Сейчас каждая станица, более или менее крупный хутор будут иметь у себя комячейку. Так что скоро и к вам пришлю партийного руководителя.

– Это еще лучше, – сказал Доронин, вставая и подавая руку ему на прощание. Потом обратился к Балышееву: – С вами, Назар Борисович, я не прощаюсь.

Когда он ушел, собеседники вернулись к прерванному разговору.

– В ближайшее время, Назар Борисович, на должность командующего IX армией назначат Левандовского¹¹¹, – сказал Черный. – Кстати, он из бывших офицеров, большой опыт в военном деле имеет.

– Знаю, – протянул Балышеев, – из младшего офицерского состава – штабс-капитан¹¹²... – Он, помолчав немного, добавил: – Я ведь тоже из бывших. Правда, это первоначально кое-кого смущало, но теперь привыкли... Левандовский сразу же после Октябрьской революции перешел на сторону Красной Армии. Я верю в него.

– А раз так, – посоветовал Черный, – не ждите, пока пришлют нового командующего. Приступайте к усилению боевой готовности армии.

– Спасибо за добрые вести, Владимир Федорович, – Балышеев встал и энергично пожал руку секретарю областкома.

* * *

Направляясь в штаб армии, Доронин в потоке горожан шагал по Красной улице. От невыносимой духоты его лицо покраснелось, покрылось росинками пота.

В три часа дня у двери кабинета Балышеева он встретился с Юдиным, который ожидал начальника штаба. Друзья крепко обнялись, расцеловались.

– Где же ты пропадал, почему не писал мне? – спросил Доронин.

Юдин взял его под локоть, подвел к раскрытому окну.

– Дай разглядеть тебя как следует, – сказал он улыбаясь. – Ты небось по мне уже и панихиду отслужил?

– Сейчас и немудрено, – вздохнул Доронин. – Время-то горячее: так и гляди в оба.

– Но я, как видишь, умирать еще не собираюсь, – рассмеялся Юдин. – Ко всем чертям смерть послал, а уж она-то, шельма, долго обхаживала меня. Осенью прошлого года проезжал я через станицу Челбасскую. Опознали меня там белоказаки, схватили и, как командира партизанского отряда, приговорили к смерти. Бросили меня в подвал. «Ну, думаю, теперь мне отсюда не выбраться». Но все-таки выбрался! Явились ко мне утром три офицера и пять казаков. Заковали мне

---

¹⁰⁹ Тихорецкий машиностроительный завод им. В. В. Воровского. – прим. Гриня

¹¹⁰ Административно Кубано-Черноморская область летом 1920 года делилась на 7 отделов и Черноморский округ, которые, в свою очередь, делились на волости. – прим. Гриня

¹¹¹ Левандовский, Михаил Карлович – бывший штабс-капитан, участник Октябрьской революции, советский военный деятель. С июля 1920 года по май 1921 года (с перерывами) – командующий 9-й армией, во главе которой отличился при уничтожении Улагаевского десанта. – прим. Гриня

¹¹² Штабс-капитан – обер-офицерский чин. В гвардейской и армейской кавалерии ему соответствовал чин штабс-ротмистр, а в казачьих войсках – подьесаул. Примерно соответствует званию «Старший лейтенант» вооруженных сил Союза ССР и России. – прим. Гриня

руки в цепи, посадили на линейку и повезли. Я думал, что расстреливать везут, а нет. Доставили меня конвойные на станцию Сосыка¹¹³, заперли в какой-то конуре, а поздно вечером посадили в вагон пассажирского поезда и повезли в Ростов, к Деникину, на допрос. Ночь стояла лунная, и в вагоне было светло. Мало-помалу разговорился я с конвойными, потом начал им анекдоты сыпать. Офицеры сначала косились на меня, но я сумел рассмешить и их.

Он достал из кармана папиросы, закурил. Доронин нетерпеливо ждал продолжения.

– Смеются конвойные, дымят самокрутками, – продолжал дальше Юдин. – Попросил и я закурить. Дали мне кисет с махоркой. Скрутил себе сигарку и, воспользовавшись их добротой, уговорил снять с меня цепи. Вскоре я сидел уже раскованный. Язык мой развязался пуще прежнего. Конвойные хохотали до упаду, а я, выбрав удобный момент, на полном ходу поезда и сиганул в открытое окно.

– Да ну? – поразился Доронин.

– Как стрела вылетел, – подмигнул Юдин. – Скатился с насыпи, вскочил на ноги и побежал по открытому полю. А позади стрельба. Летел я без памяти. Хотел было спрятаться в подсолнухах, на небольшой ниве, но, решив, что именно там будут искать меня, бросился в срезанную кукурузу и залег под сноп. Поезд остановился, и конвойные выгнали из вагонов всех пассажиров, меня, значит, искать.

– Вот как! – воскликнул Доронин.

– И вижу я, – рассказывал Юдин, – оцепили конвойные и пассажиры те самые подсолнухи, где я хотел спрятаться. Шарили, шарили и ничего не нашли. Конвойные совсем близко от меня прошли. Я даже слышал, о чем говорили они. Часа на два поезд задержали. Потом убрались восвояси, а я к своему отряду подался.

В коридоре, в сопровождении начальника секретно-оперативной части особого отдела IX армии Атарбекова¹¹⁴ – высокого молодого человека с черной окладистой бородой – появился Балышеев.

– Заходите, товарищи! – сказал он Юдину и Доронину, открывая дверь своего кабинета.

Атарбеков заложил большой палец левой руки за широкий ремень с начищенной медной пряжкой, остановил глаза на Юдине и, произнося русские слова с чуть заметным кавказским акцентом, начал:

– Значит, вы просите, чтобы мы послали вас уполномоченным в Кавказский отдел по борьбе с бандитизмом?

– Да, я хотел бы включиться в эту работу, – ответил Юдин.

– Предупреждаю, на вас будет возложена большая ответственность, – сказал Атарбеков, заглядывая ему в лицо.

– Понимаю, – произнес Юдин.

– Справитесь? – Смуглое, обросшее бородой лицо Атарбекова казалось суровым и жестким.

– Надеюсь на вашу помощь, – сказал Юдин.

– Конечно, поможем, – заверил Атарбеков, снял фуражку и повесил в углу на вешалку. – Главное, нужно разбираться в людях. Особенно внимательно относиться к середняку. Ленин говорит – за кем пойдет середняк, на той стороне и победа. Тому середняку, который еще продолжает колебаться, нужно помочь стать на правильный путь. То есть наша задача неуклонно выполнять решение Восьмого съезда партии по этому вопросу.

– Большинство крестьян идет за Советской властью, – добавил Балышеев. – Бедняки и середняки на опыте уже убедились, где их друзья, а где враги. Все это нужно видеть, понимать и, исходя из этого, строить свою работу на селе.

– Да, еще не всякий середняк прозрел, – подчеркнул Доронин, присаживаясь на диван. –

---

¹¹³ В станции Павловской имеются две железнодорожные станции – Сосыка-Ейская и Сосыка-Ростовская, соответственно на Ейской (демонтирована) и Ростовской железнодорожных ветках. – *прим. Гриня*

¹¹⁴ **Атарбеков** (Атарбеян) Георгий Александрович по прозвищу Железный Геворк – участник борьбы за советскую власть на Северном Кавказе, один из руководителей органов государственной безопасности. Незадолго до описываемых событий, за самоуправство и злоупотребление властью был подвергнут партийному суду. Специальная комиссия ЦК партии установила «преступность Атарбекова и других сотрудников Астраханского Особого отдела». Спасло чекиста покровительство Камо, Орджоникидзе и Сталина. – *прим. Гриня*

Недавно мне пришлось присутствовать при одном любопытном разговоре председателя ревкома Корягина с сыном середняка, Левицким. Когда ему предложили вступить в ЧОН, он категорически отказался.

– Не удивительно, – сказал Атарбеков, вскинул ногу на ногу и положил руки на подлокотники кресла. – Значит, этот середняк еще недопонял нашей политики. Надо помочь ему прозреть, и он пойдет за нами. До настоящего времени некоторых середняков удерживают в белой армии золото, басня и пуля. Никаких общих интересов с баронами, помещиками и генералами у них нет и быть не может. По духу они наши, хотя некоторые из них все еще остаются с белыми, пока их сытно кормят, тепло одевают и убаюкивают песнями. У нас же они видят повсюду неустроенность и в силу этого колеблются.

Договорившись об оружии, Доронин и Юдин простились с Балышеевым и Атарбековым.

III

По железнодорожному мосту, повисшему над станцией Кавказская, двигались серые толпы угрюмых, озабоченных людей. Внизу лязгали буферами маневровые паровозы, гоняя взад и вперед теплушки, платформы, переполненные до отказа красноармейцами, лошадьми, тачанками и военным имуществом. В выцветшем до белизны обмундировании бойцы выглядели из вагонов, сидели у широко распахнутых дверей теплушек, как муравьи, копошились на крышах, шныряли между составами. Сцепщики помахивали флажками, пронзительно свистели.

У перрона, дыша горячим паром, остановился екатеринодарский поезд. Из него, гремя ведрами, котелками, с тяжелыми ношами на плечах повалили пассажиры. Покидая станцию, они растекались по улицам захолустного провинциального городка.

– Товарищ Жебрак! – раздался чей-то голос на перроне.

Жебрак, шедший по мосту, остановился, пошарил глазами по густой толпе пассажиров, взялся за перила. Несколько грубоватое и сумрачное его лицо с тяжелой нижней челюстью, темноватым оттенком кожи и небольшими черными усами, закрученными колечками кверху, неожиданно просияло добродушной улыбкой, и он, помахав рукой, весело пробасил:

– А, товарищ Корягин. Я сейчас.

Развеивая полами светло-серой черкески с позолоченными газырями, он заспешил к лестнице, сошел вниз. В проулке повстречался с Корягипым, Дорониным и Юдиным, крепко пожал им руки.

– Рад вас видеть. Пошли ко мне.

Двинулись в город.

– Знакомся, Николай Николаевич, – сказал ему Корягин, указывая на Юдина. – Уполномоченный от особого отдела. Направлен к нам.

– Очень хорошо, – ответил Жебрак, оглядывая Юдина строгим взглядом. – Значит, будем работать вместе. – Закурил папиросу, сообщил: – Я тоже еду к вам. Секретарем комячейки станицы Краснодарской.

Корягин обрадованно потряс его за плечи.

– А ты слышал, Петро, – сказал Жебрак, – что в прошлую ночь в Царицынской даче в бою с бандитами был убит командир ЧОНа Кавказского железнодорожного узла Петрик?

– Рассказывали, – ответил Корягин.

Подшли к дому Жебрака. Во дворе около крыльца стояла автомашина. Жебрак удивленно уставился на нее.

– Чья же это?

– Наша, ревкомовская, – объяснил Корякин. – Мартын Гречка оставил. Деникинский трофей. Ты уж извини, Николай Николаевич, что без спроса во дворе твоим поставил.

– Какой там спрос, – Жебрак развел руками. – Мой дом – твой дом. И шофера имеешь?

– Сам за него, – весело подмигнул Корягин. – Красная Армия всему научила.

– Воевали, значит? – спросил Юдин.

– А как же! – Корягин указал на шрам. – Вот отметина. Полковник один полоснул в восемнадцатом году, под Владикавказом, во время наступления Деникина.

В обширной комнате, уставленной ветхой мебелью, Жебрак пригласил друзей садиться, снял с себя кубанку.

– А кто этот Мартын Гречка, о котором вы упомянули? – обратился Юдин к Корягину.

– Был такой, – усмехнулся Корягин. – Беляк, из офицеров. В партию пролез, потом в председатели нашего станичного ревкома. Сколотил вокруг себя всякий белогвардейский сброд, с генералом Хвостиковым снюхался и вел подготовку восстания в станице. Наши партизаны, Гуня и Ропот, раскусили его и дали знать в особый отдел Атарбекову. Ну и загудел Мартын Гречка вместе с заговорщиками.

Скрипнула дверь, и через порог переступила жена Жебрака, высокая худощавая женщина.

– Где же вы нашли Колю? – подняла она взгляд на Корягина.

– На вокзале.

– Эти хлопцы не дадут задержаться! – воскликнул Жебрак и шепнул жене: – Приготовь нам перекусить.

– Нет, нет, Николай Николаевич! – возразил Корягин. – Задерживаться не будем. Надо немедля выезжать. Так что не тревожьтесь, Таиса Федоровна.

* * *

«Фордик» подкатил ко двору ревкома. Часовой открыл ворота, и приехавшие остановились у конюшни.

В кабинете Корягин поднял на окне штору, солнечная полоса сверкнула на полу.

– Нужно сегодня же перебросить оружие с вокзала в станицу, – сказал он.

– Беру это дело на себя, – заявил Юдин. – Выделяйте подводы и ребят из чоновского отряда.

В дверях показался Виктор Левицкий.

– Можно? – спросил он, скользнув взглядом по Жебраку, который сразу бросился ему в глаза, потом перевел взгляд на Юдина.

– Заходи, – пригласил Корягин.

Виктор остановился у стола.

– Разрешите доложить, Петр Владиславович, – произнес он, чеканя слова, – по вашему приказанию шашку, кинжал и седло я сдал дежурному.

Корягин прищурил левый глаз, спросил осторожно:

– А батько твой как? Не возражал супротив сдачи оружия?

– Шашку не хотел отдавать, – помедлив, ответил Виктор.

– Для чего она ему?

– Подсолнухи собирался рубить ею.

– Ой ли! – покачал головой Корягин. – Он у тебя все с причудами, фокусами. Так и не ходит к нам, чурается.

– Говорит, некогда.

– Не верю я в его занятость.

Виктор промолчал.

– А что это у тебя за книга? – поинтересовался Корягин.

– Та, что вы давали.

– Уже прочел?

– Давно.

– Ну и как? – спросил Корягин.

– Правильная книга, – сказал Виктор. – Может, у вас еще есть такие?

– Найдутся, – ответил Корягин и, вынув из книжного шкафа небольшой томик, подал Левицкому. – Вот, прочти эту.

Виктор бережно взял книгу и, поблагодарив председателя, вышел.

– Чоновец? – спросил Жебрак.

– Нет, – Корягин отрицательно покачал головой. – Никак не уломаю. Упирается малый, а из каких соображений – не пойму.

IV

Проводив Юдина за оружием, Корягин с товарищами вышел из ревкома и покосился на изжелта-бурое небо, по которому изредка летели на запад клочья изорванных туч, проговорил с

досадой:

– Эк, снова зачался бурхайло! В нонешнем году совсем дождей нету.

Некоторое время шли молча. Жебрак с правой стороны председателя, Доронин – с левой. Встречавшиеся станичники изучающе оглядывали незнакомого человека. Жебрак особенно привлекал их внимание своей казачьей формой, и они подолгу провожали его любопытными глазами, стараясь определить, кем он станет для них – другом или врагом. Многие из них, несмотря на летнюю пору, были одеты по-осеннему: в балахоны, поддевки, видимо, для защиты от палящего солнца и пыли. Ветер хлестал их лица, трепал одежду, пыль засыпала глаза. Закрываясь от ветра руками, они все-таки всматривались в новичка. Жебрак также вглядывался в этих людей, пытаясь почувствовать, кто придет к нему с миром, а кто с войной.

Позади послышался приближающийся конский топот. Корягин оглянулся, сказал с усмешкой:

– Гусочка скачет.

Жебрак и Доронин тоже повернули назад головы.

Гусочка, сидя в парусиновом седле, приподнимаясь и опускаясь на стремянах, гнал наметом свою пегую кобыленку с разляпанными копытами. На углу показалось несколько молодых казаков. Гордо взглянув на них, Гусочка пустил лошаденку еще быстрее, выдохнул:

– А ну-кась, Анархия, не обстрамись! Пронеси мимо врагуши, первостного моего злодея!

Кто-то из казаков бросил насмешливо:

– Эй, джигит! Гляди, боты затеряешь!

Гусочка сделал вид, что не слышит едких выкриков, еще сильнее нажал на Анархию, желая поскорее прошмыгнуть мимо председателя ревкома. Но Корягин вдруг остановил «джигита», строго спросил:

– Ты почему до сего времени не сдал седло в ревком?

– Какое тут седло, Петр Владиславович? – заскулил Гусочка, плутовато поглядывая то на Жебрака, то на Доронина. – Вот как бачишь, что в ём? Подушка из тряпок. Старое, никудышнее.

– Не прикидывайся дураком! – закричал на него Корягин. – Поворачивай в ревком, немедля!

Гусочка почесал за ухом, сверкнул злыми зрачками и, ударив пегую в бока, пустился домой, воскликнув про себя:

«Ослобони, господи!..»

Корягина словно обдало жаром. В порыве гнева он выхватил наган из кобуры и в ярости потряс им в воздухе:

– Стой, гад! Стой!

Но Гусочка, припав к луке седла, несся по улице, шепча:

«Господи сусе! Так-то я тебе и подчинюсь».

Корягин, забыв о своем председательском престиже, выстрелил в воздух раз, другой, третий... Свист пуль ошеломил Гусочку. Он убавил прыть и, видя, что председатель не шутит, остановился. Доронин хотел удержать Корягина, но Жебрак с присущим ему хладнокровием тихо сказал:

– Не вмешивайтесь, Павел Федотович. Пусть.

Корягин спрятал наган в кобуру, резко шагнул к Гусочке и, схватив его за борт легкой телогрейки, процедил в лицо:

– Думаешь, цацкаться с тобой буду?

Гусочка испуганно захлопал ресницами, глупо ухмыльнулся:

– Да я токо домой съезжу...

– Немедля направляйся в ревком! – требовательно повторил Корягин.

Гусочка ударил ботами в бока лошаденку, неохотно поехал в ревком, то и дело оглядываясь на Корягина и бормоча вполголоса:

«Ишь, гыдость городовицкая, як револьвером пужае. Ничего. Быстрая вошка первая на гребешок попадает!»

– Видали, каким дурачком прикинулся, – наконец обратился разгоряченный Корягин к товарищам.

Те молчали. Жебраку поведение председателя ревкома показалось более чем странным, и он, ощущая неприятный осадок, подумал:

«Что с ним? Неужели так со всеми поступает?»

Корягин немного остыл и, плюнув с досады, сказал:

– Собачье отродье! Откедова он взялся.

Жебрак коснулся его плеча:

– Ты всегда так действуешь?

Корягин глухо ответил:

– Нет. По выбору, Николай Николаевич. Это паразит! Ты еще узнаешь его.

– Нельзя обращаться так с народом, – сказал Жебрак. – Ты забываешь, Петро, о своем председательском долге. Тебе поручена Советская власть в станице, а ты тут такие спектакли устраиваешь.

– Да я ж только попугал его. Что тут особенного?

– Какой бы он ни был, ты не имел права так вести себя.

– И верно, зря ты погорячился, Петро, – вставил Доронин.

Корягин шел молча, с раздражением подумал: «Недаром говорят, что встреча с Гусочкой – к несчастью. Сколько раз я уже ругал себя за несдержанность».

– Будем надеяться, – сказал Жебрак, – что больше этого не повторится. Прошло время, когда мы рубили сплеча. Теперь основное наше оружие – разъяснение, убеждение.

На изуродованном шрамом лице Корягина промелькнула виноватая улыбка.

– Я не против. Но вот... удержу нету, забываю в самый момент. Злость у меня на всю эту контору дюже великая. – Он махнул рукой. – А тут не трожь. Я ведь не зазря. Будь спокоен. Они нас не пожалеют.

– И все же, – подчеркнул Жебрак, – ты должен понять: так дальше нельзя тебе работать. Это на руку врагам.

– Ты, конечно, прав, – удрученно сознался Корягин. – Я иной рази сам не рад, что у меня такой скверный характер. Но что поделаешь. Три года на фронте. Все время в боях... Теперь ты будешь сдерживать меня, как норовистого коня.

Елена, закрывая лицо платком от свирепствующего суховея, приветливо встретила гостей на крыльчке.

В просторной комнате Жебрак удивленно обвел глазами обстановку, сказал:

– Богато живешь.

– Это все моей женушки, Елены Михайловны, – пояснил Корягин. – Осталось ей после родителей. Я на готовое пришел.

Елена ушла на кухню и принялась собирать на стол.

V

Коммуна располагалась в восьми верстах от Краснодольской. Проселочная дорога вела к ней через реку по дамбе и круто сворачивала налево в лес, изгибалась у берега, пересекала поляны и упиралась в высокие железные ворота. Двор коммуны обнесен кирпичной оградой. На западной стороне, среди каменных построек, высился окрашенный в темно-коричневый цвет двухэтажный дом, обращенный балконом и окнами к большому фруктовому саду с аллеями, цветниками и беседками. Рядом, в излучине, бушевала грозными бурунами Кубань. От крыльца дома в сад вела длинная мраморная лестница с балюстрадой. Внизу, в расширенной ее части, стояли на постаментах две статуи. У высоких стен дома росли сосны, туи, черные тополя.

Двор вымощен кирпичом, отгорожен от сада железной изгородью. У построек хлопотали люди. Женщины стирали белье, возились с детишками, работали в саду.

Вернувшись в коммуны, Доронин и Юдин направились по тенистой аллее к двухэтажному дому.

– Что ты знаешь о Жебраке? – спросил Юдин, сорвав пышную розу и глубоко вдохнув ее нежный запах.

Доронин, немного помедлив, ответил:

– Насколько мне известно, он окончил гимназию и военное училище. Служил в царской армии в чине поручика. Потом перешел на сторону революции, командовал в Красной Армии разными подразделениями. А последнее время на партийной работе.

– С какого года он в партии?

– С семнадцатого. Его то и дело перебрасывают с одного места на другое – туда, где прорывы.

Порывистый ветер гнал по саду зеленые волны, стряхивал с деревьев еще незрелые плоды. Пыль, песок, сорванная листва вихрем кружились в воздухе.

В кабинете, отведенном для уполномоченного, Юдин сразу приступил к работе. Вынув из полевой сумки топографическую карту, развернул на письменном столе и начал делать наметки оперативного плана разгрома банды. Доронин глядел на него и видел, насколько изменился Юдин внешне за последние годы: стал солиднее, возмужал не по летам, будто ему было не тридцать четыре года, а все сорок.

А Юдин, словно позабыв о присутствии друга, делал на карте какие-то знаки карандашом, измерял циркулем и масштабной линейкой расстояние вокруг монастыря. Он то нагибался, то выпрямлялся, то сосредоточенно думал. Затем его уверенная рука снова скользнула по карте.

Вот он сделал карандашом кружок и обернулся к Доронину:

– Слушай, Павел, что это за изменнность?

Доронин взглянул на карту.

– За монастырем?

– Да.

– Болото. Непроходимое к тому же.

– Гм... Плохо, – проговорил Юдин после долгою молчания. – Неужели нам придётся атаковать монастырь в лоб?

– Других, более удобных подступов нет, – сказал Доронин.

Юдин закурил папиросу, опять принялся рассматривать карту, наконец сказал:

– Ну что ж, в лоб, значит, в лоб. Поведем наступление вот с этой поляны, а здесь, у опушки леса, надо создать видимость главного удара. На правом берегу реки, против монастыря, выставим заслон человек в десять – пятнадцать.

– Зачем? – недоуменно спросил Доронин. – Река в этом месте очень глубокая.

– Враг может броситься вплавь при отступлении.

– Пожалуй, верно, – согласился Доронин.

Юдин приложил карандаш к губам и вновь над чем-то задумался.

– Без разведки нам, конечно, не обойтись. Нужен смельчак, умный, расторопный парень. Есть у тебя в чоновском отряде такой?

– Пожалуй, найдется, – ответил Доронин. – Гаврила Мечев. Ты должен помнить его: он жил на нашем хуторе с двумя сестрами и старухой матерью, разбитой параличом.

– Не тот ли, что у Данильченко квартировал? – спросил Юдин.

– Он самый!

– Зови его сюда.

Доронин вышел и вскоре вернулся с Мечевым. Юдин смерил парня изучающими глазами.

– Помнишь меня?

Здоровое румяное лицо Мечева расплылось в улыбке.

– А как же! Вы с Павлом Федотовичем у нас на хуторе гарнизовали большевиков.

– Правильно, – потрепал Юдин его по плечу. – И я тебя помню. Тебя, кажись, Гаврилой зовут?

– Точно, Гаврилой.

– В ЧОНе, значит?

– Первым записался.

Юдин объяснил ему, для какой цели его вызвали. Голубые глаза парня засветились отвагой.

– Все сделаю, куда пошлете!

– Силы противника в монастыре разведать нужно, – пояснил Юдин. – Сумеешь?

– Сумею, раз надо! – улыбнулся Мечев.

– Учти, нелегкое это дело, – предупредил его Юдин. – Здесь нужна сноровка... Ты в армии служил?

– Нет.

– Это хуже.

– Товарищ Юдин, – сказал Мечев настойчиво, – шлите меня. Ей-богу, разведваю все как есть.

Юдин с минуту пытливо всматривался в его лицо, затем решительно махнул рукой:

– Ладно, так и быть. Доверяю тебе это дело, Гаврила. Будешь за старшего в разведке. В помощь себе возьми еще двух-трех чоновцев. Выбирай по своему усмотрению.

– Сделаю, товарищ уполномоченный! – весело крикнул Мечев и, вытянувшись в струнку, козырнул.

Широкие кроны старых дубов и кленов скрывали звездное небо, в непроглядной темени чуть проступали толстые, словно обугленные, стволы деревьев. Не умолкая, шумели волны Кубани.

На опушку леса, вблизи монастыря, осторожно выехали три всадника. Это были разведчики, посланные из коммуны. Пахло сыростью и ночными цветами.

Мечев спешил. Придерживая на боку револьверную кобуру и пригибаясь под нависшими ветками, он отделился от лошади и потонул в темноте. Его мягкие шаги, по-кошачьи сторожкие, не нарушали тишину.

Добравшись до ограды, он приник к земле и внимательно просмотрел дорогу, тянущуюся вдоль кирпичной стены. Затем вскарабкался на дерево и перебрался по веткам на ограду. Цепляясь сильными руками за выступы стены, тихо спустился во двор, метнулся к дому, прощупывая зоркими глазами темные монастырские постройки. Пробрался к кустам, росшим в узком проходе, образованном оградой и корпусом монашеских келий.

Неожиданно шагах в десяти он увидел темную фигуру часового, расхаживающего у запертых ворот монастырского двора. Мечев прижался к кусту, мускулистая рука его сжала эфес кинжала. Часовой, поглядывая на звезды, спокойно продолжал расхаживать по дорожке. Мечев подкрался к нему, и лезвие кинжала тускло сверкнуло над головой бандита.

Разведчик приник к окну. Сквозь густую сетку гардины, при бледном свете лампы, он увидел сидящих за столом игуменью и мать Иоанну. Пробрался к следующему корпусу, находившемуся в глубине двора, заметил там несколько человек у выходной двери, присел за кустами. Покашливая и о чем-то тихо разговаривая, казаки тащили станковый пулемет к колокольне.

За окнами, в кельях, гудели голоса. Мечев обогнул угол дома, мельком заглянул в освещенное окно. В просторном помещении было многолюдно. Вооруженные казаки, офицеры.

«Человек семьдесят – не меньше», – определил на глаз Мечев. Под его ногами хрустнула ветка. – Кто там? – внезапно прозвучал окрик.

Мечев прынул за куст, оттуда переметнулся к стене, но его заметили, и во дворе поднялась тревога.

В одно мгновение он взлетел на верх ограды, перемахнул ее и кинулся в лес.

Тем временем несколько десятков верховых выскочили из монастыря, рассыпались по лесу. Отрывисто захлопали револьверные и винтовочные выстрелы.

Мечев подбежал к товарищам, махнул в седло, и разведчики пустились вдоль берега. Выстрелы затихли. Лишь испуганные галки неистово кричали в темноте.

Лес наконец оборвался, открылась голая поляна. Разведчики притаились в черной тени огромного дуба. Мечев решил проскочить на дорогу к коммуне через открытую поляну. Но едва разведчики выехали из укрытия, как за ними устремилась погоня.

– Ходу, хлопцы! – крикнул Мечев и пришпорил коня так, что только ветер засвистел в ушах.

Лошади, вытянув шеи, стрелами понеслись в темноте. Вдогонку зажужжали пули...

Конь Мечева споткнулся и грохнулся на землю. В горячке Мечев вскочил на ноги, начал отстреливаться. Но видя, что ему не уйти, отстегнул револьвер от ремешка и вместе с кобурой бросил в траву.

Бандиты окружили его плотным кольцом. С руганью набросились на него, сбили с ног и, заламывая руки, стали осыпать ударами...

VI

Два конвойных ввели Мечева в башню, освещенную сальными свечами. За столом в кожаном кресле сидел Набабов с прилизанными полуседыми волосами, спускавшимися косичками на плечи. На диване вразвалку сидел Андрей Матяш. В стороне стоял навтыжку Данилка Конотоп с изъеденным оспой лицом. На столе лежал кинжал разведчика.

Лицо Мечева покрыто темно-бурыми кровоподтеками; с головы по щеке на изорванную рубашку струилась кровь.

– Это ты зарезал нашего часового? – спросил Набабов скрипуче.

Мечев не ответил. Сжав кулаки, он с ненавистью смотрел на полковника. Андрей исподлобья

наблюдал за пленным, нервно покусывал нижнюю губу.

– Будешь отвечать? – повысил голос Набабов. – Или хочешь, чтоб мы из тебя все жилы вымотали?

Мечев молчал.

Полковник вынул из ножен кинжал, начал рассматривать лезвие, затем обернулся к Андрею:

– Ну, конечно, в крови. Видишь, хорунжий¹¹⁵?

Андрей скользнул глазами по широкому зеркальному клинку с тремя дорожками посередине, подошел к пленному. Заложив руки за спину, с перекошенным от злобы лицом, сквозь зубы процедил:

– Кто тебя послал сюда?

Мечев молча отвернулся. Хорунжий взбесился. Выхватив кинжал из ножен, он занес его над головой Мечева, но Набабов, сделав жест рукой, остановил его:

– погоди, хорунжий. Успеется.

Андрей недовольно покосился на него, задвигая кинжал в ножны.

– Чего тянуть, господин полковник? Ясное дело – лазутчик, прислан из коммуны. Человека нашего прирезал, отстреливался. Вон и револьверный ремешок на шее.

Набабов выпрямился и, указав на Мечева, кивнул Конотопу:

– Увести.

Конвойные подхватили разведчика, поволокли из башни.

– Кончай с ним, хорунжий, – распорядился Набабов. – Я не хотел, чтобы ты здесь эту грязь разводил.

Андрей вскинул руку к кубанке, выбежал на крыльцо. В темноте, между двумя рядами казаков, конвойные вели Мечева.

– Чего рты пораскрывали? – гаркнул на казаков хорунжий. – Марш по местам!

Подталкивая друг друга, те с шумом потянулись к занимаемому ими корпусу. Конотоп обратился к хорунжему:

– Вашкобродие, куда прикажете задержанного?

– Ведите к Кубани, – махнул рукой Андрей. – Я сейчас приду туда.

Конотоп бросился к пленному, толкнул его в спину:

– Иди, иди, краснюк!

Мечев медленно шагал к реке. Сознание работало плохо. В голове звенело, все тело ныло от побоев. Конвойные с обнаженными шашками шли по сторонам, подталкивая его локтями.

В темном небе тускло мерцали звезды.

«На расстрел ведут! – подумал вдруг Мечев и содрогнулся от этой мысли. – Неужели смерть?..»

Остановились у края кручи. Конотоп, заметив еще при допросе ремешок у пленного на шее, решил воспользоваться моментом и, подойдя к Мечеву, сказал:

– Дай-ка мне этот ремень, зачем он тебе, браток: все равно револьвера не доведется носить.

И он начал снимать у него с шеи ремешок.

Мечев, собравшись с силами, неожиданно так ударил Конотопа в живот, что тот взвыл от боли, повалился навзничь. Конвойные в растерянности бросились к Конотопу, а Мечев, воспользовавшись их замешательством, прыгнул с обрыва в воду и, всплескивая руками, поплыл по течению реки, быстро затерялся в темноте.

Бандиты наконец опомнились, подбежали к обрыву, но Мечева и след простыл.

– Теперь Матяш мне голову снесет, – держась руками за ушибленный живот, пробормотал в страхе Конотоп.

– Нужен тебе был тот чертов ремень? – плюнул с досады один из конвойных. – А теперь лови!

* * *

В коммуну вернулись два разведчика, доложили Юдину о случившемся. Тот вызвал к себе

---

¹¹⁵ **Хорунжий** – первичный обер-офицерский чин, соответствует подпоручику в пехоте или корнету в кавалерии. По служебному положению соответствует лейтенанту в современной армии, носил погоны с просветом с двумя звездочками. – прим. Гриня

Доронина, посовещался с ним, как быть.

Всходило солнце, и, когда его лучи залили двор коммуны, в воротах неожиданно появился Мечев, усталый, с синими кровоподтеками на лице. Коммунары толпой бросились к нему, подхватили на руки, начали качать. Радостные голоса разорвали тишину. У многих текли слезы. Не помня себя, Аминет несколько раз поцеловала парня и громко заплакала. Мечев растерянно улыбался.

Подожли Юдин и Доронин.

– Спасся! – Уполномоченный по-отцовски крепко обнял разведчика. – Каким образом?

Мечев указал на ремешок, висевший у него на шее.

– Вот мой спаситель!

И он рассказал, как ему удалось бежать из-под расстрела. Аминет не спускала с него растроганного взгляда. Коммунары снова восторженно закричали:

– Молодчага!

– Здорово ты их окрутил!

– Вот это хлопец!

– Ежли б конь не спотыкнулся, то я черта два дался бы им в руки, – сказал Мечев, широко улыбаясь.

Юдин и Доронин увели его в дом и там, в председательском кабинете с зеркальными стенами, Мечев доложил им, что видел в монастыре во время разведки

– А игуменья присутствовала, когда тебя допрашивали? – спросил Доронин.

– Нет, ее не было, – ответил Мечев. – Я видел ее через окно в келье с какой-то монахиней.

Юдин потрепал его по плечу.

– Теперь иди, отдыхай.

Мечев хотел уже выйти из кабинета, но спохватившись, спросил:

– А как мой Сокол?

Юдин поднял руку:

– Не беспокойся. Конь твой врагам в руки не дался – следом прибежал за ребятами.

Мечев юркнул в дверь, и торопливые шаги его стихли на лестнице.

Доронин открыл двустворчатую стеклянную дверь из балкон, обращенный к саду, сказал Юдину:

– И все же, Василий, сдастся мне, эта игуменья хитрая баба. Не верю я, чтобы она не имела связи с этой бандой.

– Да, – промолвил тот. – По всей вероятности, оно так и есть. Но, как говорится, не пойман – не вор.

* * *

У каменной статуи Мечева с нетерпением ждала Аминет. Глаза ее устремлялись то на широкую наружную дверь, выходящую на лестницу, огражденную с двух сторон каменной балюстрадой, то поднимались на балкон, примыкавший к кабинету председателя коммуны.

Мечев наконец показался в приоткрытых дверях, и его благодушное лицо и голубые глаза засияли счастливой улыбкой.

Влюбленные пустились по ступенькам друг к другу.

* * *

В Краснодарском ревкоме было тихо. Из канцелярии в кабинет председателя долетали мягкие шаги Козелкова.

– Аггей Захарович, зайдите сюда, – окликнул его Корягин.

Козелков, как всегда, вошел с поклоном, посмотрел поверх очков на Жебрака, кулившего папиросу у раскрытого окна, перевел вопросительный взгляд на Корягина.

– Я вас слушаю, Петр Владиславович, – проговорил он мягким голосом.

– Принесите подворные книги, – распорядился председатель.

Козелков внес стопку книг, положил на стол.

– Мы должны составить списки всех неблагонадежных, проживающих в станице, – сказал ему Корягин.

– Требуется куда-нибудь сведения? – осторожно спросил Козелков.

– Нет, – ответил Корягин. – Это нужно для нас.

Жебрак прошел к столу, потушил в пепельнице недокуренную папиросу, сел на стул и после некоторого молчания спросил:

– Сколько в станице жителей?

– Восемнадцать тысяч, – ответил Козелков.

– А дворов?

– Три тысячи шестьсот пятьдесят три.

– Кулацких сколько?

– Четыреста тридцать два, – пробормотал секретарь.

– Надо полагать, столько же и мужчин, способных держать винтовки в руках, – сумрачно проговорил Жебрак.

Козелков сделал вид, что занят книгами и ничего не слышит.

– Да, не менее шестисот человек, – подтвердил Корягин. – Сила немалая.

– Ну вот, – продолжал Жебрак. – Нам нужно составить три списка. – Он зашагал по кабинету и остановился в его глубине. – В первый включим всех офицеров, во второй – богачей, в третий – белогвардейцев, служивших у Деникина.

– Простите, – робко заикнулся Козелков, – мне все же непонятно. Эти сведения лично для вас, товарищ Жебрак, или же?..

– Это не имеет никакого значения, – ответил тот, спокойно закуривая папиросу.

– Нет, вы меня не поняли, – заспешил Козелков. – спрашиваю потому, что если для вас, то мы будем делать запись в книге, а если же это посылать куда...

– Писать будем в книге, – сказал Жебрак и обратился в Корягину: – Офицеры учтены?

– Полностью.

– Сколько?

– Восемнадцать человек.

Жебрак поджал губы и остановил глаза на Козелкове.

– Ясно, начнем, – велел он и снова сел за стол.

Козелков открыл алфавитную книгу, стал зачитывать фамилии. Задержался на Бородуле.

– Этого человека, – заметил он скороговоркой, следует отнести к богатым людям.

– Нет, нет! – категорически возразил Корягин. – До девятьсот шестнадцатого года служил в Кубанском казачьем войске в чине есаула.

– А разве вы не знаете об этом, товарищ Козелков? – спросил Жебрак у секретаря.

Козелков развел руками и, сняв очки, протер стекла платочком.

– Мне об этом ничего неизвестно.

– Пишите, – указал Жебрак на первый список. – Бородуля Игнат Власьевич. Год рождения – 1868. Сословие – казак. Классовая принадлежность – кулак. Военное звание – есаул.

Козелков надел очки, склонился над столом и дрожащей рукой стал писать.

– Бородуля Акилина Даниловна, – продолжал Же брак.

– Это его супруга, – добавил Козелков.

– Бородуля Василий Игнатьевич. Сын?

– Да, – сказал Козелков. – Белые его мобилизовали.

– Тоже офицер. – Корягин указал пальцем в книгу. – Находится в Крыму у Врангеля.

– Ничего себе, гнездышко, – покрутил головой Жебрак. – Запишите и его.

Перо жалобно проскрипело по бумаге. Глаза секретаря снова сверкнули через очки.

– А это дочь? – спросил Жебрак, держа палец на строчке.

– Да, Оксана, – ответил Козелков.

– Путается с бандитом Андреем Матяшом, – вставил Корягин.

– Внесите ее во второй список, – приказал Жебрак

– А это отец Игната, – Козелков повел пальцем по следующей строчке в книге. – Ему уже за семьдесят.

– Следующий? – сухо перебил его Жебрак.

– Белугин Валерьян Моисеевич, – замигал глазами Козелков, – священник нашей церкви. В какой список прикажете?

Весь день Жебрак просидел с подворными книгами, досконально изучая население станицы. Наконец они вместе с Корягиным вышли в сад, сели на скамейке.

– Кажется мне, Петро, секретарь у тебя того... скользкий, – сказал он, закуривая.

Корягин стал набивать трубку табаком.

– Старый службист, – пояснил он. – По наследству от Мартына Гречки достался.

VII

Прошла ночь. Утром на выгоне, против дворов Левицких и Молчунов, чоновцы и комсомольцы готовили площадь для скачек. Рыли рвы, возводили барьеры, окаймляли известью беговые дорожки. Вьюн колесом вертелся среди своих товарищей, носил охалки лозы для рубки, ведра с водой. Звонкий голос его слышался то в одном, то в другом конце выгона.

Виктор Левицкий тоже готовился к скачкам и у корыта чистил Ратника. Выкупав скакуна, он привязал его под деревом в тени, сел у забора на вербовой колоде¹¹⁶, служившей вместо скамейки. Подошел Григорий Молчун.

– Значит, и ты будешь джигитовать? – спросил он гнусаво.

– Собираюсь, – невозмутимо ответил Виктор. – Думаю, Ратник не подведет. А ты разве не будешь?

Григорий скривил губы.

– Казаку негоже якшаться со всяким сбродом.

Виктор зыркнул на него, нахмурился.

– Смотри, Гришка, подавишься злостью.

Григорий метнул гневный взгляд в его сторону и недобро потянул воздух ноздрями.

– Что-то ты к краснюкам дюже тянешься. От тебя в последнее время так и пахнет большевиком.

– А ты что, духу этого совсем не выносишь? – положив локти на колени, буркнул Виктор.

Григория передернуло.

– Тоди нам с тобой не о чем балакать, – проговорил он вставая.

– Дело твое! – махнул Виктор рукой и направился к бойцам чоновского отряда и комсомольцам, заканчивавшим приготовление к скачкам.

Выгон постепенно заполнялся народом. Со всех улиц, выходящих на запад, тянулись наряженные парни и девушки, бабы с детишками, казаки пожилые и молодые, старики и старухи; с противоположной стороны станицы богачи приезжали семьями, собирались в небольшие группы, обсуждая, по какой причине ревком затеял эти скачки, что послужило причиной этого праздника. Однако некоторые уже догадывались, в чем тут дело, и в своем тесном кругу прямо говорили:

– Все это коленца Жебрака и Корягина. Они, видать, решили проведать, чем дышат краснодольцы, приглядеться к ним внимательно.

И в этих догадках была доля правды: Корягин и особенно Жебрак и Юдин перед наступлением на банду, засевшую в монастыре, организовали эти скачки, чтобы прощупать ту часть населения, которая враждебно относилась к Советской власти, дать оценку своему врагу.

Околица наполнялась шумом, разноголосым говором. Дети гонялись друг за дружкой, падали, кувыркались. Женщины лузгали семечки, мужчины дымили сигарками

И вдруг над выгоном волной прокатился гул:

– Едут! Едут!

Гурьба малышей, сопровождаемая лаем собак, в клубах густой пыли помчалась к станице, навстречу колонне всадников.

Впереди на вороном коне, словно впаянный в кавалерийское скрипящее кожей седло, ехал

---

¹¹⁶ **Колода** – короткое толстое (в обычном понимании) бревно; а также предметы, изготовленные из него: корыто, гроб, притолока над дверью, чёлн, долблённый улей, ступа. Отрезок бревна, на котором рубят мясо и колют дрова. В старину так могли называть упавшее дерево. – прим. Гриня

Юдин, слегка приподнявшись на стременах. За ним на Соколе – сером кабардинце¹¹⁷ – с развевающимся красным знаменем следовал Мечев с пожелтевшими синяками на лице. В первом ряду колонны на карем выхолленном скакуне, по-молодецки держась в седле, ехала Аминет. На ней казачий костюм, выданный Дорониным из фондов коммуны во временное пользование: курпейчатая кубанка, горящая кумачовым верхом и золотыми галунами, черкеска из тонкого черного сукна с серебряными газырями, темно-синие шаровары, мягкие шевровые сапоги. Гибкий стан перехвачен узким поясом с дорогим набором. Лошади вскидывали и опускали головы, звенели удилами.

Позади них четкими рядами ехали краснодольские чоновцы, комсомольцы. Впереди – Леонид Градов. В руке у него такое же красное знамя. На одной стороне полотнища золотыми буквами написано: «Краснодольская станичная ячейка РКСМ», на другой: «Будущее принадлежит нам».

На временно построенном скаковом ипподроме колонна по команде Юдина остановилась. Конники выстроились в две длинные шеренги. Юдин промчался вдоль рядов и, передав командование отрядом Гуне, ускакал к Жебраку и Корягину, появившимся на выгоне.

Гуня лихо подкрутил усы, рванулся вперед и, осадив лошадь на полном скаку в голове колонны, вскинув руку, крикнул могучим басом:

– Эскадрон, вольно!

На улицу вышел Федот Молчун в праздничной казачьей одежде, остановился у калитки своего двора. К нему подошел Лаврентий Левицкий.

– Мабуть, и чоновцы будут джигитовать, – указал он в сторону ипподрома.

– И какие там из гамселов¹¹⁸ джигиты, – негодуяще промолвил Молчун и, помолчав минуту, спросил приглушенно: – А ты слышал, Лавруха, что этой ночью еще пятерых казаков схватили в станице?

Лаврентий оторопело взглянул на него.

– Не слышал.

– Говорят, на зорьке всех в Кавказскую направили, – шепнул Молчун. – Теперь черед за нами.

– Кого ж забрали? – спросил Лаврентий.

– Перетяжку, Трегуба, Волоха, Вакулу и Козюпу, – перечислил Молчун.

Лаврентий поджал губы. На его смуглое лицо набежала тень, глубокие борозды изрезали лоб, густой сеткой собрались в уголках глаз. Острые кончики усов нервно подрагивали. Молчун заметил смятение, охватившее кума, подумал удовлетворенно: «Кажись, поддается. Да. Да... Не срывай яблока, пока зелено: созреет, и само упадет».

Из-за угла выкатили рессорные дрожки; в упряжке – пара вороных. На дрожках – Бородуля с женой. У двора Молчуна он соскочил с подножки, крепко пожал руки приятелям.

– Заезжайте, Игнат Власьевич, милости прошу, – радушно пригласил его Молчун и заторопился открывать ворота.

Лаврентий медленно побрел на выгон.

Бородуля заехал во двор, распряг лошадей.

Анилина Даниловна и Меланья Аристарховна обрадовались друг другу, затараторили по-приятельски, быстро и весело, словно горохом об стенку, и не спеша направились в дом.

Молчун заложил руки за спину, вместе с Бородулей вышел на улицу, спросил:

– Что нового?

– Ничего хорошего, Федот Давидович, – невесело ответил тот, устремляя глаза на уже забитый народом выгон. – Берут за бока нашего брата.

– Слышал, – угрюмо вздохнул Молчун.

– Круто Корягин жмет, – яростно проговорил Бородуля. – Теперь еще двое ему на подмогу прибыли.

– А что от Аггея Захаровича слышно? – осторожно поинтересовался Молчун.

– Сегодня виделся я с ним, – сказал Бородуля и, оглянувшись по сторонам, продолжал

---

¹¹⁷ **Кабардинец** – кабардинская (или горская) порода лошадей – одна из старейших аборигенных пород верхово-упряжного типа. В старину в России хороший верховой кабардинец был известен под именем аргамак; впрочем, так называли любую дорожную верховую лошадь азиатской (восточной) породы. – прим. Гриня

¹¹⁸ **Гамселы** – презрительно-уничижительное прозвище, даваемое казаками пришлым (иногородним, неказакам). – прим. Гриня

шепотом: – Передал, что Жебрак составил списки на всех богатых людей станицы, офицеров и тех казаков, которые служили у белых. Так что нам теперь нужно быть наготове.

– Во куда дело пошло! – приуныл Молчун.

– Но бояться их нечего, Федот Давидович, – заверил его ободряюще Бородуля. – Время само покажет. Лишь бы только Врангель высадил у нас десант, а там... все пойдет как по маслу.

– А Пятница еще не вернулся из Прочноокопской? – спросил Молчун.

– Пока нет. – Бородуля отрицательно покачал го ловой.

– И как оно там в Царицынской даче, – встревожен но пробормотал Молчун. – Неужели разобьют есаула Живцова и сотника Курунина? Как, по вашему, Власьевич?

Бородуля пожал плечами.

– Трудно что-либо предугадать, Федот. Может быть, им удастся уйти к Хвостикову в горы. Скоро все узнаем

Из станицы на выгон легко выскочила линейка. На ней с одной стороны, едва удерживая в вожжах ретивых коней, сидел Доронин; с другой – Корягина с сыном и Батракова.

Молчун покосился в их сторону, злобно проговорил.

– Всех бы их зубами загрыз.

– Потерпи, Федот, – обнадеживающе произнес Бородуля. – Авось оттерпимся, и мы людьми будем.

В калитке показались их жены. Меланья Аристарховна, грузно передвигаясь, опустила на скамейку у забора, помахала ладонью в покрасневшее от духоты лицо, пригласила гостью сесть. Акилина Даниловна любезно улыбнулась, расправила под собою черную сбористую юбку, согнулась в поясе, села рядом с хозяйкой.

– Оксанка у вас красавица, – пыхтя и задыхаясь от усиливающейся жары, многозначительно протянула Меланья Аристарховна. – Вот бы нашему Грише такую невесту. Мы бы с Федотушкой век на нее молились.

Акилина Даниловна высокомерно взглянула ей в лицо, с пренебрежительной улыбкой спросила:

– Да вы, Аристарховна, никак сватов думаете засылать к нам?

– Грише джоже нравится ваша Оксана, – припала к уху Меланья Аристарховна. – И почему бы вам не отдать ее нам?

– Да вы что, Аристарховна? – отмахнулась Акилина Даниловна. – Господь с вами. За вашего парня Оксанка не пойдет. У нее уже такие женихи были, что ваш Гришка им в подметки не годится, и то она всем отказала.

– И чего ты, мать, язык свой распустила? – оборвал ее Бородуля. – Баламутка твоя Оксанка! Вертихвостка.

– Полно тебе, Игнат, – сказала Акилина Даниловна с обидой. – Все ты недоволен.

Бородуля и Молчун, продолжая беседу, неторопливо направились на ипподром. Вскоре к ним присоединился Лаврентий Левицкий, крепко пожал руку Бородуле.

Со двора на пляшущем Ратнике выехал Виктор и, свободно держась в седле, поскакал к чоновцам. Бородуля проводил его завистливым взглядом, заметил:

– Бравый у тебя сын, Лавруха! Заправдашний казак. Вот за такого парня я бы не задумался отдать свою Дочку!

– Служивый же он у меня, Игнат Власьевич, – ответил с горделивой ноткой в голосе Лаврентий. – Лагерную отбивал.

– В эту весну, что ли?

– Эге ж.

– А чего ж он сбежал оттуда?

Лаврентий развел руками и, слегка покраснев, признался:

– Не пожелал с Деникиным отступать.

Бородуля неодобрительно покачал головой.

– Не пожелал, говоришь? – И помолчав, добавил порицающе: – Тут решил выслуживаться. Мой Васька не такой, ушел с добровольческой.

Лаврентий неловко усмехнулся, ответил с хитростью:

– Оно ще не угадано, Игнат Власьевич, кто выиграл: ваш Васька, чи мой Витька.

Жебрак, Корягин, Юдин и Доронин стояли на невысоком помосте и внимательно осматривали

ипподром, вокруг которого толпилась уже чуть ли не вся станица. Увидев молодого Левицкого, Жебрак заметил:

– Крепко сидит в седле этот молодец!

– Посмотришь, что он будет выделывать на скачках, – сказал Корягин. – Это один из лучших джигитов в станице.

На ипподром выехала Оксана в нарядном мужском костюме: в белой кубанке с золотой кисточкой, шелковой кремовой рубашке, вышитой цветистой гладью, атласных светло-зеленых шароварах и сафьянных красных сапожках. Стройный стан ее обвит казачьим поясом с вызолоченной насекой.

Все устремили на нее глаза, залюбовались великолепной посадкой. А некоторые казаки, знатоки верховой езды, прямо утверждали, что она держится на лошади безукоризненно, как заправский наездник, сохраняет равновесие.

Оксана подъехала к Виктору, поклонилась ему и, натянув трензельный повод¹¹⁹, пристроилась к небольшой колонне молодых всадников. Белая лошадь англо-арабской породы как бы гордилась своей наездницей, не стояла на месте, била копытом землю, грызла удила.

– Кто это? – спросил Жебрак.

– Дочь Бородули, Оксана, – ответил Корягин.

– А отец ее здесь?

Корягин повел вокруг прищуренными глазами и, увидев Бородулю, Левицкого и Молчуна, шедших к группе казаков, сказал:

– Вот, справа, идет. Рядом с отцом Виктора Левицкого, Лаврентием. Чую я, успели обработать середняка.

– Да, – промолвил Жебрак. – Видимо, так оно и есть.

Комсомольцы втыкали в станки¹²⁰ лозу для рубки. Многолюдная толпа глухо гудела.

Юдин сел на коня, помчался к эскадрону, приказал Мечеву передать знамя другому. Станичники вдруг затихли, и взоры их обратились к всадникам.

Мечев наконец отделился от колонны и, как только Юдин взмахнул рукой, пустил Сокола во весь опор, повел его зигзагообразно между станками, методично срезая ивовые прутья один за другим, и они как по шнуру, падали на землю.

А за Мечевым птицей уже неслась на коне Аминет. Ее обнаженная шашка сверкала на жарком солнце и, как бритва, срезала хворостины.

Оксана, затаив улыбку на румянном лице, напряженно следила за движениями наездницы и, когда Аминет срубила последний пруттик, она вместе со всеми захлопала в ладоши.

Мечев лихо сбил шапку набекрень, радостно крикнул:

– Молодец, Анюта!

Рукоплескания гулкой волной катились над толпой краснодольцев и, точно ударяясь в невидимый берег, бушевали еще сильнее...

– Вот это дивчина! – воскликнула Корягина. – Любого хлопца за пояс заткнет. – Она повернулась к Батраковой, спросила: – Как, по-вашему, Агриппина Леонтьевна?

На круглом свежем лице Батраковой расплылась одобрительная улыбка.

– Да, девушка напрактикована, – промолвила она. – Видать, с характером.

Фекла Белозерова взяла у Корягиной Игорька, села на скамейке, сказала:

– Подумай только... Как шашкой рубила.

Ропот услышал ее голос, подмигнул:

– Молния – не девка! Вот.

– Такой не попадайся в руки! – захохотал Норкин.

Виктор, нервно покусывая губы, с завистью глядел на Аминет, возвращавшуюся к всадникам.

– Эта черкешенка умеет владеть шашкой, – шепнула ему Оксана.

---

¹¹⁹ Часть уздечки (оголовья – приспособления для управления лошадей). Натягивание трензельного повода поднимает лошади голову, а мундштучного – сгибает в затылке и опускает. – прим. Гриня

¹²⁰ Специальные деревянные стойки высотой 80–100 см для установки лозы – ивового прута диаметром 1,5–2 см и длиной 130–150 см. – прим. Гриня

– Да, она молодчага, – проговорил Виктор.

Оксана уселась поудобнее в седле, вытерла испарину на светлом лбу и верхней губе. Виктор закурил папиросу, сказал:

– Не ударить бы нам в грязь лицом.

– Ты боишься? – спросила Оксана, сохраняя живую улыбку на лице.

– Не так чтоб уж очень, – поморщился Виктор, – но все же.

– А я ничего не боюсь, – сказала Оксана, храбрясь. – Моя Кокетка не подведет.

– Да... но сама, как чувствуешь? Справишься?

– Еще как, – уверенно бросила Оксана.

Выехал Леонид Градов. Чуть наклонясь вперед, он пустил свою лошадь между станками с такой быстротой, что у самого дух захватило. Переваливаясь с одной стороны на другую, он то вскидывал, то стремительно, со свистом, опускал шашку. Лозинки четкими рядами валились на землю под ловкими его ударами.

– Лихой рубака! – широко улыбаясь, воскликнул Жебрак.

– Это сын Градова, – объяснил Корягин.

Вот на киргизской соловой лошаденке к станкам устремился Вьюн в каштановой кубанке и красном чекмене. Его лошадь по-смешному выбрасывала ноги и, добежав до первого станка, остановилась. Вьюн взмахнул шашкой, срубил лозину. В толпе раздался хохот. На лице Вьюна отразилось отчаяние. Вложив шашку в ножны, он вернулся назад. Корягин подозвал его к себе, сказал ободряюще:

– Не тревожься, браток. Дуй в ревком и возьми в конюшне Кристалла. Только гляди, чтобы он тебя не сбросил.

– Вовек не сбросит! – обрадовался Вьюн и, нахлестывая лошаденку по бокам, помчался в станицу.

К рубке приготовился Виктор. Станичники загудели, как улей со встревоженными пчелами, потом вдруг затихли, насторожились.

Виктор легонько толкнул Ратника каблуками, и тот вихрем понесся вперед. Точно маятник, всадник закачался из стороны в сторону, и вербовые прутики под острым лезвием казачьей шашки ритмично валились и вонзались в мягкую землю. Слышалось, как посвистывал рассекаемый шашкой воздух, и, когда Виктор закончил рубку, над толпой, будто взрыв, грянуло дружное «ура».

Гарцуя на белой лошади, на дорожку выехала Оксана. Повременив с минуту, она ослабила поводья, и Кокетка, словно сорвалась с натянутой тетивы, почти не касаясь земли, полетела к станкам. Нет, не ударила Оксана в грязь лицом и рубила так, что даже старые казаки дивились ее искусству.

Срубив последний прут, она проскакала мимо Юдина, пылая румянцем. Все провожали ее взглядами, все с азартом хлопали, махали ей руками, шапками. А Виктору она показалась сейчас необыкновенно красивой.

Бородуля наклонился к Лаврентию и, пощипывая концы пушистых усов, сказал, с высокомерной усмешкой:

– Видал, Лавруха, какова моя Оксана!

– Вся в батька! – льстиво указал на Оксану Молчун.

– Да, моя кровь, – протянул Бородуля важно. – Вот бы Виктору такую жинку!

Лаврентий вздохнул:

– Оно, конечно...

– Ежели заслужит, ей-богу, отдам! – заявил Бородуля.

– Чи сумеет заслужить? – спросил Лаврентий, почесывая затылок.

VIII

Прозвучала команда Юдина. Мечев взвился на своем кабардинце и во весь опор пустился к препятствию. Сокол, свободно преодолев барьер, устремился к следующему.

Выехал Вьюн на Кристалле. Станичники затихли. Конь прынул через «шлагбаум» и помчался к «забору».

Уже никто не смеялся над пареньком. Его бурно приветствовали, кричали:

– Молодец!

Вот вам и Вьюн!

От колонны отделилась Аминет. Припав к луке, она с удалью взяла направление на «шлагбаум». Лошадь легко преодолела его, полетела к «плетню», затем к «канаве», к «рогатке»...

Наконец выехала Оксана, натянула поводья, слегка толкнула каблуками Кокетку. Та понеслась вперед с легкостью, оставляя позади себя препятствие за препятствием.

Бородуля, с достоинством посматривая то на Лаврентия, то на красавицу дочь, возвращавшуюся к колонне, Удовлетворенно крикнул, словно выпил рюмку водки, с Ухмылкой заглянул Лаврентию в глаза:

– Ну как?

Тот пожал плечами и, не желая унижить своего сына, метнул на Бородулю косой взгляд.

– А разве мой Витька хуже?

Бородуля громко рассмеялся. Гусочка тарашил удивленные глаза на Оксану и, поспешно перекрестясь, прошептал:

– Господи сусе! Что это такое? Отак бабы верхом ездят?

Конники готовились к старту. В первой паре – Виктор и Аминет, во второй – Гаврила и Оксана.

Жебрак указал на Ратника:

– Какой прекрасный скакун, а!

– Чистокровный. – Ропот многозначительно поднял палец, подкатывая глаза кверху.

Молчун проводил неодобрительным взглядом Гуню, проскакавшего вдоль колонны чоновцев, спросил Гусочку:

– Как, по-твоему, Иван: Виктор обгонит Аминет или Аминет – Виктора?

Гусочка выставил ногу вперед и, форся синими сбористыми шароварами, напущенными на голенища сапог, сдвинул шапку на лоб, поскреб затылок:

– Это дело трудное, Давидович. Как можно угадать наперед?

– А ты разве не видел, как у них шли лошади на скачках? – сказал Молчун. – По-моему, они придут в одно время.

– А вторая пара? – любопытствовал Гусочка.

У Молчуна на бронзовом лбу вздулись две голубые жилы, и он, пожевав мясистыми губами, молвил рассудительным тоном:

– Ежели судить по их успехам, то нужно полагать... – Он запнулся, взглянул на Бородулю и после небольшой заминки самодовольно ухмыльнулся: – Оксана, конечно, обгонит коммунара.

– Еще не угадано, Давидович, – вмешался в разговор Бородуля.

– Держу пари, Власьевич! – с жаром схватил Молчун его за руку. – На четвертину... – Он оглянулся вокруг, выдохнул: – Самогона!

– Не возражаю!

Ударили по рукам.

В это время пары, по команде Гуни, начали соединяться в четверки, и теперь Виктор, Аминет, Гаврила и Оксана стояли в одной шеренге и ожидали последней минуты.

К старту, казалось, готовилась вся станица.

Юдин взмахнул шашкой, подал команду. Передние всадники, словно сорвавшись с пружины, понеслись вперед, постепенно набирая скорость. Земля глухо гудела под копытами.

Виктор заметно отставал от Аминет и Оксаны. Девушки поочередно обгоняли друг друга. Гаврила шел позади Виктора.

– Власьевичу придется самогон пить, – с ехидной улыбкой заметил Лаврентий, подкручивая усы. – Мой Витька что-то отстает.

– Рано еще торжествовать, – глядя на всадников, сказал Бородуля и заложил руки за спину.

Четверка преодолела уже больше полпути, все еще не давая полную волю лошадям. Вот Мечев приналег на Сокола и почти поравнялся с Виктором, но тот шевельнул поводьями, и Ратник наддал еще больше ходу. Оксана ослабила удила, приподнялась на стременах и, подавшись вперед, гикнула, дала полную волю лошади. Аминет скакала впереди нее. Мечев несся уже наравне с Виктором, который, не желая упустить первенство, снова тряхнул поводьями, и конь помчался с такой стремительностью, что в какие-нибудь полминуты обогнал всех. Оксана, охваченная задором, крикнула:

– Кокетка!

Лошадь послушно повиновалась своей наезднице, мигом опередила Сокола и уже настигала

карего, на котором летела Аминет.

До финиша оставалось совсем недалеко. Зрители с затаенным дыханием глядели на борьбу четырех всадников. Бородуля, сжимая кулаки, не сводил глаз с дочери:

– Оксана! Не поддайся!

Лаврентий, глядя на сына, шептал:

– Виктор, бисив хлопец, не осрамись!

Сокол вместе с карим оставил позади себя Кокетку и отставал от Ратника только на полтуловища.

– Сокол, взять! – задыхаясь от бьющих струй воздуха в лицо, прикрикнул Мечев на своего коня.

– Ландыш, джаур¹²¹! – прошептала Аминет, припадая к холке коня. – Ну!..

Виктор, Мечев и Аминет шли теперь наравне, оставляя позади себя Оксану на четверть лошади. Красные флажки, стоявшие у финиша, быстро приближались. Оксана изо всех сил стегнула Кокетку.

До финиша оставалось не больше двадцати сажен.

– Так! Так! – торжествовал Доронин. – Еще подвинься!

Мечев и Виктор вырвались вперед и одновременно пересекли линию финиша.

Толпа разразилась криками «ура» и рукоплесканиями

– Вот черт! – плюнул с досадой Бородуля и, сняв кубанку, вытер пот на лице. – Не повезло моей Оксанке.

В следующей четверке первыми вышли Леонид Градов и Демка Вьюн.

Состязание закончилось. Народ зашумел, потянулся в улицы.

* * *

Чоновцы собрались во дворе ревкома. Корягин, Жебрак, Юдин и Доронин поднялись на крыльцо. Председатель ревкома поздравил победителей соревнований и первым вызвал Мечева.

– Я! – громко отозвался тот, и на его лице проступили пятна румянца.

– За хорошее выполнение всех скаковых состязаний ревком отмечает тебя дорогим оружием, – объявил Корягин и вручил ему шашку и кинжал, отделанные золотом и серебром.

Приняв награду, Мечев поклонился и сказал:

– Спасибо!

Пристегнув к поясу оружие, он вернулся в строй. Председатель вызвал Аминет. Девушка поднялась по ступенькам. Ей тоже было вручено оружие в дорогой оправе. Аминет улыбнулась, и на ее глазах засверкали слезы. Под приветственные возгласы чоновцев она медленно сошла с крыльца и стала рядом с Мечевым.

Вьюн был награжден шашкой, отделанной чеканным серебром. Кроме того, Ропот выдал ему еще и карабин. Задыхаясь от радости, Вьюн кинулся пожимать руки Доронину, Юдину, Жебраку и Корягину.

– Демка не подведет, оправдает, – твердил он при этом счастливо и растроганно.

Спрыгнув с крыльца, он едва не сбил с ног нескольких малышей, восторженно заглядывавших ему в лицо, юркнул в колонну.

Раздача наград продолжалась...

IX

Постепенно наступила темная, непроглядная ночь. Во дворе монастыря все замерло. Подул сильный, порывистый ветер. В просветы грозовых туч изредка выглядывали мерцающие звезды. Сверкнула молния, ударил раскатистый гром. Задрезжали стекла в окнах. По железным крышам застучали крупные капли, и вдруг хлынул проливной дождь. Шум воды и ветра слился в сплошной гул.

---

¹²¹ Джаур (черкесск.) – черт.

Игуменья сидела одна в келье и прислушивалась к завыванию бури. На сердце у нее тоже бушевала гроза. Вспомнив о письме, полученном из Екатеринодара, она вынула его из ящика стола и, вскрыв конверт, пробежала глазами по четко написанным строчкам:

Уважаемая Вера Аркадьевна!

Уведомляю Вас, что на днях в Белом соборе я повстречалась с Ипполитом Ивановичем Губарем. Прошу Вас приехать ко мне.

Буду Вам очень рада. С глубоким уважением

13/VI 1920 г.

В. Лихачева

Прочитав письмо, игуменья поднесла его к свечке, сожгла и устало опустилась в глубокое кресло. Положив голову на руки, предалась тягостным размышлениям. Перед ее внутренним взором встал юродивый, божий человек, который, возвращаясь с гор, от Хвостикова, недавно посетил ее монастырь, рассказал ей о своей разведывательной работе на Кубани. Она представила его нищенский вид, лохмотья, и ей стало жаль этого человека.

«Боже, до чего приходится ему унижать себя! – воскликнула она огорченно и, невольно вздрагивая от поминутных ударов грома, подошла к окну, озарявшемуся вспышками молний, взглянула на стекло, по которому ручьями текла дождевая вода, добавила: – Переносить лишения...»

Потом нахлынули мысли о том, что и ей также приходится прибегать к конспирации, маскировке, играть роль «смиреницы» перед своим врагом, входить в его доверие.

Из коридора донеслись чьи-то резкие шаги. Игуменья вздрогнула, широко открыла глаза. Прошла минута. Кто-то отрывисто постучал в дверь. Охваченная испугом, игуменья торопливо встала и опять замерла.

– Матушка, откройте, – донесся из-за двери голос матери Иоанны.

Игуменья щелкнула замком.

В келью в сопровождении надзирательницы вошел мужчина среднего роста, в сапогах, прорезиненном плаще и в белой бараньей папахе, с плетью в руке. Это был генерал Хвостиков.

Мать Иоанна отвесила своей повелительнице низкий поклон и молча удалилась.

– Черт меня угораздил приехать в такую погоду! раздраженно проговорил Хвостиков и, бросив плеть на диван, снял шапку и мокрый плащ.

На нем была черная черкеска с костяными газырями, на тонком кавказском поясе висел в кобуре браунинг.

Подойдя к игуменье, он пытливым взглядом посмотрел на нее:

– Ну, чем вы тут занимаетесь?

– Организацией отряда, Алексей Иванович, – ответила игуменья, преданно глядя ему в глаза. – Ждем ваших распоряжений.

– Набегов не делали? – опускаясь в кресло, спросил Хвостиков.

Игуменья отрицательно покачала головой.

– Думали было напасть на коммуну, но не рискнули без ваших указаний.

– Что ж, правильно поступили, – одобрил генерал. – Сейчас нужно заниматься организацией повстанческих отрядов и вступать в бой только в вынужденных случаях.

– Пока еще нет нужды, – сказала игуменья улыбаясь. – Вот мы тихо-мирно и занимаемся сколачиванием отряда.

– И как люди? – спросил Хвостиков. – Идут?

– Слава богу, – ответила игуменья. – Каждую ночь пять-шесть, а то и десять человек приходят.

– И сколько же на сегодня отряд насчитывает? – поинтересовался Хвостиков, опираясь руками на колени.

– Уже до двухсот человек добирается, – сообщила игуменья.

– Это хорошо, – вскинув ногу на ногу, одобрил Хвостиков и заиграл носком сапога. – Я проехал почти по всем главным точкам. Все идет нормально, если не считать столкновения между чоновцами и повстанцами в Царицынской даче. Есаул Живцов и сотник Курунин допустили оплошность и несут теперь неоправданные потери. Я предупредил всех военачальников, чтобы они со своими отрядами немедленно направлялись в Майкопский, Лабинский и Баталпашинский

отделы¹²² для объединения их в армию.

– Да, в Царицынской даче дела неважные, – согласилась игуменья. – Если не помогут отряду леса, то гибель неизбежна.

– Да, там обстановка сложная, – сказал Хвостиков. Отряд зажат со всех сторон большевиками.

– Кстати, недавно у меня был Ипполит Иванович Губарь, – вспомнила игуменья.

– А, врангелевский разведчик, – покивал головой Хвостиков. – Я с ним тоже встречался.

Рассматривает Кубань, изучает настроение казаков.

– Тяжело ему, – сожалеюще сказала игуменья.

– А кому сейчас из нас легко? – Хвостиков остановил на ней вопросительный взгляд. – Мы все рискуем, Вера Аркадьевна, ради спасения России.

– Это верно, – согласилась с ним игуменья. – Но нервы так напряжены... – Она улыбнулась краешками губ и, подняв палец, предупредила: – Вы должны знать, Алексей Иванович. Я ведь играю роль вашей противницы.

– Понимаю, понимаю. – Хвостиков развел руками: – Иначе нельзя.

– Вот я и решила влезть в овечью шкуру, – захохотала игуменья. – Хочу большевичков за нос поводить.

– Конечно, тебя может спасти одна лишь конспирация, – согласился с нею Хвостиков.

– А как будет называться ваша армия? – полюбопытствовала игуменья.

– Я думаю назвать ее «Армией возрождения России», – сказал Хвостиков. – Именно в этом названии заключается весь наш политический курс.

– Какова же, если не секрет, предположительно будет ее численность?

– По моим скромным подсчетам – не менее тридцати тысяч. Это, так сказать, для начала.

– Замечательно! – одобрительно воскликнула игуменья. – Когда же вы думаете взять от меня отряд?

– Все будет зависеть от обстановки, – ответил Хвостиков с небольшой заминкой. – Вернее, от того, как мы подготовимся к выводу отряда. Разумеется, желательно это сделать поскорее, чтобы не повторить ошибку есаула Живцова.

– Да, да, – оживленно подхватила игуменья. – Я так опасаюсь этого.

– Риск, конечно, неизбежен, – сказал генерал. Возможны и неудачи, но главное – верить в успех дела.

– Куда же наш отряд направится? – поинтересовалась игуменья.

– В Преградную¹²³, – ответил генерал и, забарабанив пальцами по подлокотнику кресла, вздохнул мечтатель но: – Ах, скорее бы сколотить армию и начать активные действия!

Игуменья поправила на коленях черное платье и, всматриваясь большими карими глазами в лицо генерала, спросила:

– А как ваша супруга, Алексей Иванович?

– Я вынужден был оставить ее в Кисловодске, – сказал Хвостиков, – после боев с красными. Что с нею теперь, ничего не знаю.

– Какой ужас! – всплеснула руками игуменья. – Ее же расстреляют большевики!

Хвостиков резко встал, пожал плечами, заглянул в трюмо.

– Безусловно, могут и расстрелять, если она попадется им. Но около нее два ее брата и врач. Они затем и остались, чтобы уберечь ее от красных.

– На вашем месте, Алексей Иванович, я ни за что бы не оставила ее там.

– Я не мог поступить иначе, – угрюмо заявил Хвостиков. – Мы все время отходили под огнем, потеряли почти всех солдат. С горсточкой своих конвойных офицеров я кое-как вырвался из

---

¹²² **Майкопский отдел** (1869–1924 гг., административный центр – город Майкоп), **Лабинский (Армавирский) отдел** (1888–1924 гг., административный центр – город Армавир), **Баталпашинский отдел** (1869–1922 гг., административный центр – станица Баталпашинская (сейчас – город Черкесск, столица Карачаево-Черкесской Республики)) – административные единицы в составе Кубанской области Российской империи и Кубано-Черноморской области РСФСР – прим. Гриня

¹²³ **Преградная** – станица в Урупском районе Карачаево-Черкесской Республики. Административный центр Урупского района. Преградная входила в Баталпашинский отдел Кубанской области. – прим. Гриня

вражеского кольца. Скрывался в ауле Даутском¹²⁴ у карачаевца Мамая Кочкарова. Потом перебрался в Сентийский женский монастырь, а теперь сижу в Кардоникской¹²⁵. Как только соберусь с силами, я еще покажу большевикам, где раки зимуют!

Игуменья уловила в голосе генерала нотки отчаяния, и это вселило в нее страх.

– Алексей Иванович, – спросила она после небольшой паузы, – вы уверены в победе над врагом?

– Безусловно, – с апломбом сказал Хвостиков. – Мы ведь не одни в борьбе с большевиками: нам помогают англичане и американцы. Их представители уже у меня, в штабе. Кстати, со мной приехал и полковник Полли. Ты знакома с ним. – Он взял плащ, папаху и плетъ, поклонился: – Ну, Вера Аркадьевна, мне пора.

Игуменья проводила его на крыльцо.

* * *

Набабов и Полли уже давно ожидали Хвостикова в башенной приемной. На стене в бра горели свечи. У простенка – медный торшер, на нем тоже пламенела большая спермацетовая¹²⁶ свеча, обвитая золотой лентой. Откинувшись на спинку кресла, Набабов сидел у стола, на котором стоял чернильный прибор с изображением ангелов, трубящих в трубы, и медленно листал журнал с поименными списками казаков вверенного ему отряда. Полли на диване что-то записывал в блокнот.

Вошел Андрей Матяш, за ним грузно ввалился отец Фотий, стряхнули с себя дождевые брызги, поздоровались с американским эмиссаром.

Наконец явился и Хвостиков, бросил плащ и папаху на вешалку. Набабов проворно встал, вскинул руку к черной кубанке, медленно поднялся и Андрей, отдал генералу честь.

Хвостиков остановился у стола, пригладил волосы и, играя плетью, сказал по-начальнически покровительственно:

– Господа! Разрешите поздравить вас с выполнением трудной задачи, которая была возложена мною на полковника Набабова. Отряд создан, у вас порядочное количество бойцов с полным вооружением, полученным из рук наших американских и английских друзей. Теперь перед нами стоит более ответственная задача: вывести отряд из монастыря и направить его в станицу Преградную, где произойдет объединение разрозненных отрядов в одну армию. Смею вас уверить, что в недалеком будущем на Кубани и во всей России мы с помощью наших союзников покончим с большевиками. Вся русская армия под командованием барона Врангеля оснащена первоклассной американской и английской военной техникой.

– Да, да, русская армия может рассчитывать на нашу помощь, – заявил Полли, и его гладко выбритое лицо с лимонным цветом кожи и рыжими усиками оживилось улыбкой.

Поднялся Андрей.

– Ваше превосходительство, – обратился он к генералу, – разрешите вопрос?

– Пожалуйста, – наклонил голову Хвостиков.

– Скажите, господин генерал, – нахмурился Андрей, – какой политики придерживается барон Врангель?

Хвостиков зажал в руках оба конца плети и, держа ее перед собой, резко бросил:

– Главное, он борется против большевиков, против совдепии!.. – Немного помолчав, он еще резче добавил: – Его лозунг: «С кем хочешь, но за Россию и против большевиков!..»

---

¹²⁴ **Даут** – карачаевское селение в Карачаево-Черкессии в среднем течении, на левом берегу, реки Даут (левый приток р. Кубань). Сейчас – развалины. – прим. Гриня

¹²⁵ **Кардоникская** – станица в Зеленчукском районе Карачаево-Черкессии. Кардоникская входила в Баталпашинский отдел Кубанской области. – прим. Гриня

¹²⁶ **Спермацет** (амбра белая) – воскоподобное вещество, получаемое при охлаждении жидкого животного жира (спермацетового масла), заключенного в голове кашалота. Прежде спермацет ошибочно принимали за сперму кашалота (отсюда название). На воздухе спермацет быстро затвердевает, и в прошлом его широко применяли для изготовления свечей. – прим. Гриня

Андрей передернул плечами, застыл в суровом молчании. Его черные глаза зло бегали из стороны в сторону. Хвостиков не мог не заметить этого, гневно выдохнул:

– По всему видно, что вы человек ограниченной ума и далеки от политики. На первый раз я делаю вам замечание и предупреждаю, чтобы вы никогда не высказывались по этому вопросу: есть на то люди покомпетентнее вас, им и предоставлено право решать подобные вопросы.

– Дозвольте мне, ваше превосходительство, – попросил слова отец Фотий, тяжело приподнимаясь со стула.

– Говорите! – сердито бросил Хвостиков.

Поп разгладил на чреве черную рясу, и на его фиолетово-красном лице выразилось миролюбие. Остановив взгляд на генерале, он неторопливо забасил:

– Мы, како велит всевышний, полагаемся на своих, богом поставленных, начальников, идем вслед за ними. Мы обязаны поддерживать их во всем. Недоверие же к ним – суть признак того, что в человеке таится дух зла или же, паче чаяния, по его неопытности неправильно им понимается истинное положение нынешних событий... Вот и сейчас, яко мы услышали пагубный вопрос господина хорунжего, нашего всеми уважаемого Андрея Филимоновича Матяша. Мне кажется, что он в силу своего непонимания, я бы сказал, старых самостийных взглядов, допустил неправильный вопрос, господин генерал. Но мы к нему должны отнестись снисходительно, ибо это один из самых ревностных защитников Кубани. Он первый откликнулся на призыв господина полковника Набабова, много помог нам в организации отряда, оставив дома жену на сносях, больную мать-старуху, и пришел в отряд. Вы уж не взыщите, господин генерал, не примите близко к сердцу те словеса, которые вы услышали от него.

Выслушав священника, Хвостиков уже более смягченным тоном сказал:

– Ну если так, то я... приветствую.

* * *

Утром Соня в спальне игуменьи на кровати, у изголовья, увидела две пуховые подушки. Она остановилась и даже задумалась на мгновение, потом прошептала:

«Что это матушка? На двух подушках спала? – Хотела уже приниматься за уборку, как взгляд ее вдруг остановился на окурке папиросы. Глаза расширились, и в голове промелькнула догадка: – Кто-то был у нее. Значит, не один кардинал Монтанелли грешил?»

Вошла игуменья, поздоровалась с келейницей и сразу же стала перед зеркалом наводить на щеки румянец. Соня убрала постель, подмела пол. Наконец остановилась с веником в руке и, удивленно глядя на игуменью, совершавшую туалет, спросила:

– Матушка, а разве монахиням можно употреблять пудру и краски?

Игуменья, не отрываясь от зеркала, улыбнулась.

– Да, белица, только в незначительном количестве. Господь бог любит все прекрасное, и почему бы ему не угодить в этом? А потом, голубушка, ты слишком стала любопытна. Это нехорошо. Запомни: аще обрящеши кротость, одолеешь мудрость.

Соня почувствовала, как у нее от стыда загорелись щеки, уши, и она, чтобы скрыть от игуменьи свое покрасневшее лицо, нагнулась и поспешно принялась наматывать на швабру мокрую тряпку.

Х

Всходило солнце. Белесоватое небо, озаренное шелковистыми лучами, совершенно очищалось от туч. Воздух был свеж и прозрачен. В саду на дорожках и аллеях, еще влажных от ночного ливня, виднелись причудливые сплетения, проделанные дождевыми червями.

У ворот, по вымытым кирпичам, выстилавшим двор, с винтовкой за плечами мерными шагами расхаживал часовой.

Казаки, узнав о приезде Хвостикова и американского эмиссара, заправляли койки в занимаемых ими помещениях, чистили сапоги.

После уборки Набабов построил отряд в колонну, приказал ждать особого распоряжения и не выходить из строя. Данила Конотоп с нетерпением ожидал появления генерала, то и дело поднимался на носках сапог, глядел через головы казаков.

В кельях также было оживление. Монахини торопливо наводили чистоту, курили душистыми смолами. Многие спрашивали друг у друга, кто приехал, зачем, но все только разводили руками.

В туевой аллее показалась Соня. Ее догнали монахини, за которыми следовали Набабов и Матяш. Полковник заметил келейницу. Глаза его пожирали молодую белицу.

Нарвав в саду цветов, Соня вернулась в келью игуменьи, поставила вазу с букетом на стол.

Раздались три удара в колокол, и гулкий звон с перекатами откликнулся в тенистом лесу, постепенно замирая где-то на крутых берегах Кубани.

На паперти появились Хвостиков с плетью в руке, Полли и отец Фотий. К ним по ступенькам поднялся и Набабов. Андрей Матяш стоял впереди колонны казаков.

Набабов открыл сбор и предоставил слово генералу.

– Господа казаки! – прозвучал в тишине металлический голос Хвостикова. – Разрешите вас поблагодарить за то, что вы горячо откликнулись на мой призыв, организовались в отряд, способный на осуществление важных задач, стоящих перед нами, защитниками исконной своей Кубани и всей России от большевиков, посягнувших на нашу свободу и собственность. Против нас, казаков, никакая сила уже не устоит. Мы в своей борьбе будем неустрашимы. Пусть это знают враги наши! С нами бог и великие державы: Америка, Англия и Франция.

Его движения и слова были резки и злы, в каждой фразе чувствовалась жгучая ненависть к Советской власти. Лицо сделалось землисто-серым, покрылось испариной. Он вытирал его и говорил долго и утомительно.

– Вот это енерал, шиковый¹²⁷, – перешептывались в строю. – Кажет¹²⁸, как из книги читает.

– Вученый и кажет по-вученому, – приподнимаясь на носках сапог, отозвался Конотоп.

Вслед за генералом выступил Полли. В рядах повстанцев наступила абсолютная тишина.

– Господа русские воины! – напряженно закричал эmissар. – Я говорю от имени командующего морскими силами САСШ на Черном море. Мы пришли в вашу страну, чтобы навести в ней строгий порядок, задушить большевистскую революцию. Мое правительство имеет договоренность по этому вопросу с бароном Врангелем и генералом Хвостиковым. Мы уже начали отпускать вам оружие по этой договоренности. Теперь дело за вами, господа казаки. Вы должны показать свою сплоченность, силу и храбрость в борьбе с нашим общим врагом!

– Спасибо за помощь! – дружно закричали в колоннах.

Полли одобрительно мотнул головой и, как изваяние, застыл у загородки паперти.

Потом выступил вперед отец Фотий. Тяжело дыша и кряхтя от ожирения, он произнес басом:

– Братия, на вас возлагаются большие надежды! Вы призваны огнем и мечом очистить Кубань от большевиков.

Отвислые мясистые его щеки надувались, как мехи, с каким-то особенным шипением выпускали воздух сквозь ржавые и редкие зубы. Ему тяжело было говорить. Повстанцы не шевелились. Поп протянул руку вперед, воскликнул:

– Помните, братия, проповедь святую: «Согрешающих перед всеми обличай, да и прочие страх имут!»

Сбор закончился. Колонны направились к своему корпусу, и казаки там занялись подготовкой к уходу из монастыря.

На конюшне просматривали и чистили верховую сбрую. По всему двору, покрытому прохладной тенью густых деревьев, копошились люди. Несколько казаков старательно укладывали на подводы корзины и мешки с провизией.

Хвостиков, Полли и Набабов закрылись в башне и, развернув на широком столе карту, приступили к изучению путей, по которым можно было безопасно провести свой отряд в район формирования армии.

* * *

---

¹²⁷ **Шиковый** – то же, что шикарный. – прим. Гриня

¹²⁸ **Кажет, каже** – говорит. – прим. Гриня

На колокольне отец Фотий с биноклем в руках следил за лесистой местностью. К нему поднялся Андрей Матяш, спросил:

– Как дела, батяка?

– Пока все тихо, – поправив на голове шляпу, ответил поп.

Андрей взял бинокль, принялся рассматривать станицу, лес, коммуны и хутор Дранный, находившийся на полпути между монастырем и коммуной. Вдали на лесных дорогах виднелись подводы.

Вскоре поднялись на колокольню Хвостиков и Полли, начали шарить биноклями по лесу.

На колокольню взбежал Набабов, приложил бинокль к глазам и вдруг воскликнул:

– Господа! Интересное явление я вижу. Коммунары выходят на работу в поле!

Все навели бинокли на коммуны.

– Да, верно, – проговорил Хвостиков.

На лице Набабова расплылась широкая улыбка.

– Не прикажете ли, господин генерал-майор, «попрощаться» с ними перед уходом, а?

Хвостиков опустил бинокль, взглянул на Полли.

– Как вы, господин эмиссар?

Полли пожал острыми плечами:

– Вам виднее, господин генерал-майор.

– Случай уж больно заманчивой! – торжествовал Набабов.

– Пожалуй, – согласился Хвостиков.

Отец Фотий указал на пулемет, выставленный тут на случай набега чоновского отряда, обратился к Хвостикову:

– Ваше превосходительство, поручите мне дежурство около этой адской машины. А то моя душа не на месте. Наши-то ребятки не совсем хорошо умеют с нею обращаться. А оттуда того и гляди гроза разразится.

– А вы стрелять умеете? – не без интереса спросил Хвостиков.

– А как же, – многозначительно протянул отец Фотий. – Я ведь по воле божьей помогал генералу Деникину. Там и научился.

– А. Это прекрасно, – произнес Хвостиков. – Разрешите узнать, из какого сословия происходите?

– Исконный казак, – охотно ответил поп. – Прародители пришли с Запорожья во время второго переселения.

XI

На рассвете два бойца чоновского отряда ввели арестованного Козелкова в кабинет председателя ревкома. За столом сидел Корягин, у открытого окна курил папиросу Жебрак. Корягин, казалось, прирос к своему месту, остановил взгляд на бывшем своем секретаре.

– Ну! Выкладывай, как шпионил? – спросил он, и сердце его зашлось от гнева.

Козелков, потупив голову, молчал. Пальцы судорожно теребили пуговицу на пиджаке, дрожали, точно от холода.

– Что, решил не отвечать, собачье отродье? – повысил голос председатель, и кровь застучала у него в висках.

Арестованный передернул плечами, остановил немигающий взгляд на нем, прохрипел:

– Рассказывать нечего. Тебе все известно.

У Корягина от ярости потемнело в глазах, захватило дыхание. Мускулы сжались. Он бросил стремительный взгляд на Жебрака, предупреждающе смотревшего на него, тяжело перевел дух и, забарабанив пальцами по столу, промычал:

– Понятно. – Вытер холодный пот на лбу и, пересиливая себя, спросил у допрашиваемого уже более ровным, однако настойчивым тоном: – Кто еще связан с бандой в станице?

– Этого я не знаю, – грубо и наотрез заявил Козелков. – Я пошел к Мишуре только затем, чтобы предупредить о предстоящем аресте.

– А еще о чем сообщил?

– И о наступлении.

– Кто еще знает об этом, кроме Мишуры?

– Больше никто.

– Врешь, контра! – грохнул Корягин кулаком по столу, схватил допрашиваемого за воротник обеими руками. – Ты думаешь, я буду нянькаться с тобой? Признавайся, собачье отродье, или я из тебя душу вытрясу!

Жебрак поднял руку, спокойно сказал:

– Погоди, Петро. Мы еще успеем его допросить.

Корягин приказал чоновцам увести арестованного. Те подхватили Козелкова и быстро удалили из кабинета. Жебрак сел у стола, потер нахмуренный лоб, потом вдруг решительно сказал:

– Что ты делаешь, Петро?

Корягин отошел к книжному шкафу и, уставившись на секретаря, некоторое время сверлил его глазами, затем с сердцем произнес:

– Не понимаю! Ничего не понимаю! – Он опустил на свое место. – Будь спокоен, этой гидре того и надобно, чтобы мы ее по шерстке гладили, цацкались, как с ребятенком малым. Не могу я так вести себя, пойми ты, Николай Николаевич!

– Сможешь, – Жебрак веско положил руку на стол.

– А! – Корягин выскочил из-за стола и, резко зашагав у стены, прошептал: – Какой мерзавец! Отребье Мартына Гречки.

* * *

Над закубанским лесом собирались грозовые тучи. Жебрак впереди бойцов чоновского отряда верхом на коне торопливо направлялся в коммуну. Дорога серой гадюкой извивалась по лесу, пересекала чистые поляны, луга с зелеными копнами сена, прижималась к берегу реки, и Жебраку приходилось ехать то в чаще, под низко нависшими ветвями деревьев, скрывавших даже свод голубого неба, то снова появляться на открытой местности.

Перед глазами – монастырь. Особенно хорошо была видна церковь, колокольня, в окне которой чернели маленькие человеческие фигуры.

Жебрак ритмично покачивался в седле, и длинные ветки иногда задевали его слегка, а то и до боли хлестали по лицу, но он как бы и не замечал этого. Когда солнце выглянуло из-за набухших дождевых туч, по его кубанке, черкеске и коню побежали тени, падавшие от листвы. Он пустил коня в намет и, оставляя позади себя поднятую пыль, помчался по дороге. За ним, не отставая, скакали чоновцы.

Вот они выехали из-за опушки леса, приблизились к воротам двора коммуны. Коммунары с вилами и граблями направлялись на работу в поле. Многие мужчины и парни были вооружены винтовками.

За толпой ехали на косилках косари, на конных граблях сгребальщицы.

Доронин увидел верховых, остановился. Жебрак спешил и, ведя коня в поводу, направился во двор, спросил у председателя о Юдине.

– В засаду собирается, – сказал Доронин, подавая ему руку. – Думает сделать глубокую разведку перед боем.

Привязав коня к дереву и ослабив у него подпругу, Жебрак пошел с председателем к уполномоченному. Тот увидел их, подал бойцам команду «вольно». Остановились у изгороди под белоствольной чинарой, отбрасывавшей далеко в сад свою громадную тень. Жебрак обратился к Юдину:

– У тебя все в порядке?

– Да. Мы хоть сейчас готовы в бой, – доложил уполномоченный и, указав на чоновцев, пояснил: – А это думаю еще разведку совершить.

– Значит, в двадцать один час – в условленном, месте? – спросил секретарь.

– Да, – ответил Юдин.

– У меня все. – Жебрак поднял руку.

Юдин зашагал к бойцам.

Доронин, проводив глазами конников, уехавших в засаду, почувствовал какое-то глухое смятение.

Показалась Батракова с газетами в руке. Она поправила на голове белый платок, зашагала к

детской площадке, где играли ребяташки. Некоторые из них строили на песке укрепления, устанавливали в бойницы игрушечные пушки. Там же, среди малышей, были и няни. Батракова пригласила их в ясельный домик на читку газет, прошла в светлую комнату, остановилась у открытого широкого окна, на котором колыхалась марлевая занавеска. За окном расстилался покатый берег Кубани. Вдали, утопая в сизой дымке, виднелась станица Краснодольская.

* * *

Коммунары были уже на своем участке. Одни из них сразу же приступили к прополке бахчи, усыпанной полосатыми, еще незрелыми арбузами и дынями; другие принялись сгребать в валки и складывать в копны ранее скошенное сено. Сбоку зеленой стеной поднимался перезревший сенокосный луг, по которому ветер гнал широкие волны. Вот одна за другой застрекотали косилки, поплыли по поляне, оставляя позади себя длинные ленты скошенной травы.

Отряд Юдина находился в засаде. Лошади стояли в густых вербовых и калиновых зарослях. Тут же в кустах лежали бойцы, зорко следили за прилегающей лесистой местностью.

Юдин залез на кудрявую вербу, поникшую над тихой гладью пересохшей речушки, раздвинул ветки, и перед ним открылся весь луг, на котором трудились коммунары, повел биноклем по далеким лесным опушкам. Нигде ничего подозрительного не было видно.

Внизу на отвесном берегу реки стояли Мечев и Аминет, неотступно следили за каждым движением своего командира, сидевшего в густой листве. Аминет сорвала калиновую веточку с зелеными ягодами, положила ягоду в рот, разжевала и, ощутив на языке горьковато-терпкий привкус, выплюнула, зашагала назад и вперед по голой бровке речного берега. В черных выразительных ее глазах светилось спокойствие, как у бывалого воина. Она, казалось, совсем не думала о том, что ожидало ее впереди.

Вдруг из лесу выскочила группа повстанцев под предводительством Андрея Матяша. Юдин прирос к толстой ветке и снова повел биноклем. Бандиты скакали с обнаженными шашками, устремляясь через сенокос к коммунарам.

В одно мгновение работавшие в поле коммунары превратились в боевой отряд, и когда хвостиковцы, не подозревая, что те готовы встретить их дружным огнем, приблизились, по ним открыли стрельбу из винтовок. Среди нападающих произошло замешательство. Многие бандиты бросились врассыпную, побежали по открытой поляне к хутору Драному. Но в это время из засады вырвался чоновский отряд, преградил хвостиковцам путь. Впереди во весь опор неся на вороном коне Юдин, увлекает за собой бойцов своего отряда. За ним, не отставая, мчались Мечев и Аминет, высоко поднимая обнаженные шашки.

Андрей и Конотоп не выдержали, оставили казаков, рванулись в лес и скрылись.

У опушки леса чоновцы настигли повстанцев, и на горячем солнце заискрились шашки. Юдин выделялся из общей массы бойцов. Его рука со страшной силой опускала острую полоску на головы врагов. Аминет, с трудом удерживая в поводу Ландыша, рвавшегося вперед, словно сквозь сетку, видела мелькавшего в общей массе бойцов Мечева. Враг, рассыпав по полю свои незначительные силы, не мог нанести чоновцам хоть какой-нибудь ущерб, метался из стороны в сторону. Лишь некоторые хвостиковцы, видя безвыходное положение, с отчаянием бросились в смертельную схватку, и тогда слышались тяжелые удары, стоны...

Окруженные бандиты постепенно слабели. Их становилось все меньше и меньше. Вот они, побросав оружие, закричали о пощаде. Кольцо чоновцев еще сильнее сомкнулось вокруг них, и бой закончился.

Юдин смахнул рукавом гимнастерки пот с покрасневшего лба и, осадив коня, приказал пленным спешиться.

Те повиновались и под конвоем быстро зашагали по высокой траве на дорогу.

Мечев подмигнул Аминет, крикнул на ходу:

– За мной!

Девушка улыбнулась ему, толкнула коня задками сапог и вмиг поравнялась с Мечевым, сбила набекрень кубанку, подмигнула:

– Джигит! Я никак не думала.

– Это ж почему? – спросил Мечев и осадил Сокола.

Аминет заспешила:

– Ты же первый раз в бою. А это очень страшно без привычки.

– Конечно, – ответил Мечев.

В светлых, почти прозрачных его глазах, напоминавших бездонное небо, сияла улыбка.

Собрав оружие, оставленное врагом на поле боя, и сложив его на подводы, Мечев и Аминет направились вслед за конвоем.

Доронин пригнал на участок линейки, находившиеся в укрытии. В глазах растерянность, на темно-синем пиджаке, фуражке, брюках и сапогах виднелась пыль.

Юдин подскакал к нему и, задышав от волнения, крикнул:

– Павел, пошли подводы за ранеными!

Он указал рукой вперед на группу чоновцев и помчался к ним. Верховые препровождали пленных в коммуну.

* * *

Чоновцы вместе с пострадавшими товарищами приближались ко двору коммуны. У ворот стояла толпа. Многие женщины плакали, голосили.

На стыке двух дорог бойцы повстречались с переезжавшим в коммуну Градовым. Позади подводы, подгоняя корову в налыгаче¹²⁹, шагал сам хозяин. Леонид шел рядом с лошадей. Высоко на подводе, нагруженной кроватью, сундуком, табуретками, периной, клетью с курами и утками, сидела, как на покути¹³⁰, Анастасия Лукьяновна – жена Ивана Филипповича. Подъехали к коммунарам. Глаза старухи неожиданно задержались на раненых, наполнились ужасом.

– Заезжайте во двор, – пригласил Доронин старика.

Градов почесал затылок и, обеспокоенно поглядывая на свою старуху, пробормотал в бороду:

– Что ж, заедем.

Он взял у сына вожжи, тронул лошадь кнутом. Та уперлась ногами в землю, потащила арбу.

– Тпру, тпру! – яростно закричала Анастасия Лукьяновна и, потрясая кулаками, принялась ругать мужа.

– Чего раскудахталась? – спросил он сердито и вытер испарину на лице рукавом полотняной рубашки.

– А тебе хоба не видно, быдло бестолковое, что ото такое? – указала она на раненых.

– Но! – зачмокал Градов на лошаденку.

– Тпру, кажу тебе! – выходила из себя Анастасия Лукьяновна. – Все равно будет по-моему!

Юдин покачал головой и недовольно посмотрел на коммунаров, сопровождавших на линейке пострадавших. Те поняли его, стегнули лошадей и скрылись вместе с толпой в воротах двора.

Градов плюнул с досады и, снова ударив лошаденку вожжами, зачмокал на нее. Жена закричала еще свирепее:

– Геть от кобылы! Я зараз же поеду до дому! Не хочу в твоей коммунии. Век ее не бачила и мне было байдуже¹³¹. Привез сюда труситься и ждать смерти? Ото люди безвинные за что пострадали? Вези меня назад. Слышишь? А то как возьму рубель¹³², так будет тебе коммуния!

– Не позорь меня перед народом, – сказал Градов рассудительным тоном, срывая лошадь с места.

Арба медленно, скрипя немазаными колесами, въехала на широкий двор, остановилась под чинарой.

---

¹²⁹ **Налыгач** – ремень или верёвка, надеваемая на рога запряжённых волов и служащая поводом. – прим. Гриня

¹³⁰ Здесь – как на почетном месте. – прим. Гриня

¹³¹ **Байдуже** – безразлично, всё едино, всё равно, нипочём, всё трын-трава. – прим. Гриня

¹³² **Рубель** – деревянная доска с вырубленными поперечными желобками для катания белья, накатки кож. Предмет домашнего обихода использовался женщинами для выколачивания (стирки) и глажения белья. – прим. Гриня

У длинного здания, около раненых, суеились коммунары. За железной изгородью сада, заглядывая в просветы, толпились ребяташки. Пострадавших отвели в помещение. Из открытых окон дома донесся женский плач, возбужденный разговор.

Анастасия Лукьяновна, увидев эту картину, опять набросилась на мужа с бранью. Потом закрыла лицо фартуком, голосисто запричитала:

– Побросали свое добро, бисови души, приехали в коммунию. На черта вы тут нужны кому! Градов молча скреб затылок, недовольно встряхивал головой.

XII

По узкому кривому коридору старого здания Мечев направлял пленного на допрос к уполномоченному.

В небольшой комнате с одним зарешеченным окном, выходящим в старый заброшенный сад, пахло сыростью.

Юдин сидел за столом, и лицо его, освещенное с одной стороны солнечным светом, падавшим в окно, было бледным и строгим. Пленный переступил порог, бросил на уполномоченного надменный взгляд, потупился. Черный полинялый бешмет¹³³ на нем изорван, волосы растрепаны. Юдин смерил его глазами:

– Фамилия?

– Трегуб.

– Из Краснодарской?

– Да.

– Есть пулеметы в банде?

Трегуб молчал.

– Я к вам обращаюсь, слышите? – повысил голос Юдин.

– На вопросы отвечать не буду, – категорически заявил Трегуб.

Юдин побарабанил пальцами по столу, как бы решая, что с ним делать, потом махнул рукой:

– Увести!

Мечев удалил бандита и тут же доставил следующего. Юдин долго глядел в упор на пленного, спросил:

– Кто командует бандой?

– Полковник Набабов, – словоохотливо ответил допрашиваемый и, помолчав, встрепенулся: – Туда недавно приехали генерал Хвостиков и американский военный представитель Полли. Думают всех казаков увести в станицу Преградную на формирование армии.

Это сообщение для Юдина было ценным.

– Когда же они уйдут из монастыря?

– Говорили, завтра.

– А пулеметы в банде есть?

– Есть.

– Много?

– Кажись, четыре или пять.

– А сколько человек в банде?

– Было около двухсот, а теперь поменьшало.

– Игуменья помогала Набабову? – допрашивал Юдин.

– Ни! – мотнул головой пленный. – Игуменша в дела отряда не мешалась. Слыхал я, что она ругалась с Набабовым из-за нас, не хотела, чтобы мы поселялись в монастыре.

– Вы откуда? – спросил Юдин.

– Вот, – пленный указал через плечо, – из хутора Драного.

– Кто у вас дома?

– Жинка, батько и маты, старики.

---

¹³³ **Бешмет** – распашная глухо застёгнутая одежда, в виде кафтана со стоячим воротником, поддеваемая под черкеску. Бешмет входил в состав форменной одежды всех казачьих войск. Впоследствии ватный бешмет стал прототипом ватника, а легкий укороченный бешмет защитного цвета – прототипом гимнастёрки. – прим. Гриня

– Какое хозяйство?

– Пара коней, две коровы, – перечислял допрашиваемый, – хата, клуня и так всего по мелочи.

– Что же вас заставило пойти в эту шайку?

Пленный пожал плечами.

– Да... меня сманули, – с трудом произнес он. – Я после уже каялся, но было поздно.

– Что же вам говорил Хвостиков?

– Призывал бороться против Советской власти. Ну, говорил еще и о том, что Америка и Англия помогают ему оружием.

– А вы надеетесь на эту помощь?

– Кто надеется, а кто так. Говорят: на бога надейся, а сам не плошай.

Юдин задал еще несколько вопросов и приказал Мечеву увести пленного.

* * *

Вечерние сумерки надвигались с востока, ползли по накаленной земле и постепенно сгущались в непроглядную темноту ночи. В саду тревожно чивикнула сойка, забила крыльями и снова утихла. С реки потянул свежий ветерок, и в воздухе резко запахло ароматом спелых плодов. Во дворе коммуны наступила тишина. У ворот и калиток, выходящих в лес, стояла охрана. Патрули время от времени делали обход, прислушивались к каждому подозрительному шороху. В окнах домов – не единого огонька. Везде мрак и молчание.

Чоновский отряд под командованием Юдина направился вдоль лесной дороги. В небольшом обозе двигалось несколько повозок с боеприпасами и продовольствием. Лошади шли шагом, изредка похрапывали. Люди не курили и не разговаривали.

Через четверть часа отряды соединились на стыке двух дорог, идущих из коммуны и монастыря в станину. Командиры, не слезая с коней, собрались под ветвистым дубом. Юдин тихо сообщил Жебраку и Корягину о том, что ему рассказали на допросе пленные.

– О Хвостикове и американце нам тоже известно, – сказал Корягин, держа левую руку на эфесе пашки. – Дочка Калиты с нашей разведкой встречалась в лесу.

– Так вот, – продолжал Юдин после небольшого молчания, – Хвостиков прибыл туда за формированием и завтра в ночь вместе с бандой должен покинуть монастырь.

К ним подбежал Вьюн, посланный начальником разведки, и доложил, что на участке Леонида Градова противника не оказалось. Юдин приказал ему, чтобы он передал командиру – продолжать выполнение ранее поставленной задачи.

– Есть, выполнять! – отчеканил Вьюн и нырнул в чашу леса, окутанного густою темнотой ночи.

В разведку было снаряжено еще две группы бойцов: одна во главе с Иваном Градовым, а вторая – с Мечевым. Корягин, Жебрак и Юдин разъехались в разные стороны.

Колонны потянулись на дорогу, ведущую в монастырь. Испуганные галки вились в темной выси, каркали.

Мечев с пятью бойцами пробрался тропой между густых деревьев на изволок. Прислушался к лесному шороху. Винтовки держали на изготовку. Всюду тихо, темно, лишь изредка покажется из-за тучи мутный луч золотого полумесяца и опять погаснет.

Колонны развернулись. На правом фланге с двумя взводами пробирались Юдин и Ропот, на левом – Корягин и Гуня; в центре – Жебрак и Доронин.

Градов, крадучись вдоль берега Кубани, держал на боевом взводе ручной пулемет, напрягал глаза до боли, прощупывая в темноте каждый подозрительный предмет.

* * *

Разведка донесла Хвостикову о наступлении чоновских отрядов на монастырь.

Во дворе подняли тревогу. Банда в одно мгновение стала под ружье у церкви, замерла в ожидании распоряжения.

Хвостиков взбежал на паперть, объявил о наступлении чоновцев и, взмахнув плетью, скомандовал:

– На молитву – шапки долой!

Повстанцы опустили на колени, обнажили головы.

– Начинай! – приказал генерал.

Казаки заунывно загудели протяжными голосами:

«Спаси, господи, люди твоя...»

В монастыре стоял сплошной молитвенный гул, наводя страх, тоску и уныние.

Монахини закрылись в своих кельях, упали на колени перед образами и также начали молиться. Соня вбежала к игуменье, бросилась к ней и, задыхаясь от волнения, воскликнула:

– Матушка, матушка!..

– Ничего, дитя мое, ничего, – прервала ее игуменья. – Успокойся. Нам теперь лучше будет.

– Слава богу! – перекрестилась Соня.

Со двора донеслись слова молитвы:

«На сопротивные даруя и твое, сохраняя крестом твоим жительство».

В лесу, с той и с другой стороны, произошло столкновение разведывательных групп. Выстрелы их становились все слышнее и слышнее. Было видно, что чоновские отряды быстро продвигаются вперед.

Игуменья дрожала за свою судьбу, металась по келье. Соня шлепнулась на колени и, торжествуя, начала класть на себя широкие кресты и бить земные поклоны. Игуменья бросила на нее косой взгляд, простонала:

– Ох! Не радуйся, дитя мое.

– Почему, матушка?! – Соня обернулась к ней. Нас ведь освободят! Вы же сами желали.

Игуменья удалилась в спальню и оттуда добавила:

– Перестань. Не ровен час, все может случиться. Это не игра какая-нибудь, а бой. Молчи лучше. А не то – проси бога о пощаде.

– И не буду! – сказала Соня. – Нас никто не тронет.

Игуменья, прислушиваясь к выстрелам, закрыла глаза.

– Позови, дитя мое, – попросила она страдальческим голосом, – позови мать Иоанну.

Соня выбежала в коридор и на мгновение остановилась.

«Боже мой! – произнесла она шепотом, скрестив па груди руки. – Неужели?.. Нет, нет! Это мне показалось!» Она рванулась вперед и помчалась к надзирательнице.

Закончив молитву, банда рассыпалась у кирпичной ограды, замерла. Защелкали винтовочные затворы, и снова ни звука.

Разведка под нажимом чоновских отрядов поспешно отступала к монастырю. Выстрелы участились, и эхо с треском разливалось по всему лесу, поглощалось крутыми берегами Кубани.

Хвостиков и Набабов носились из конца в конец залегшей цепи, давали короткие распоряжения. Шум боя приближался. Уже четко слышались ружейные и пулеметные выстрелы, отдавались на лесных опушках: ах! ах! тра-та-та! тра-та-та! ах! ах!

Конотоп со своими разведчиками наконец вбежал во двор, залег за оградой и, глядя в ее решетчатые просветы, стал шарить глазами по черному лесу, прислушиваться к выстрелам.

Пальба прекратилась.

К Хвостикову подбежал Данилка Конотоп, доложил о приближении чоновцев.

Набабов запер ворота. Прошло несколько минут напряженного молчания.

– Приготовиться к бою! – раздалась команда полковника.

У ограды поднялись винтовки.

– Пли! – вырвалось в гробовой тишине.

Грянул дружный залп. В воздухе запахло пороховым дымом. Чоновцы, прячась за деревьями, открыли интенсивный огонь с левой опушки леса, прилегавшей к восточной поляне перед монастырем, громко закричали «ура», но в атаку не поднимались.

Набабов поспешно перебросил на восточную часть двора подкрепление. Бандиты ответили массированным огнем из винтовок и ручного пулемета по взводам Юдина и Ропота, лежавшим в укрытиях.

Но в это время бойцы Жебрака и Доронина, сохраняя тишину, начали атаку. Они бросили во двор несколько ручных гранат. Раздались взрывы, послышались стоны раненых.

Конотоп, лежа на животе, нащупывал глазами людей в темноте и палил по ним из обреза.

Перестрелка разгоралась. Пули свистели, ковыряли кирпичные стены монастырских построек,

решетили железные ворота.

Отец Фотий сидел на колокольне и зорко следил за вспыхивающими огоньками выстрелов по всей опушке леса.

На помощь к нему пришел Гиря. Зарядили пулемет и сели у простенка между высокими открытыми окнами.

– А что, батька, – обратился Гиря к попу, – сможем мы удержаться, не вышиблют нас отседава?

– Бог ведает, братец, – подобрав под себя рясу и натянув на лоб широкополую шляпу, ответил отец Фотий. – Все в руках божих.

Гиря выглянул в окно, посмотрел на темную опушку леса, откуда велась стрельба по монастырю.

– А ежели нас прищучат, ты тоже уйдешь с нами? – бросив короткий взгляд на попа, опять заговорил Гиря каким-то неестественным голосом.

Поп подумал, затем сказал:

– Нам и бежать-то некуда. Там чоновцы закрыли все дороги, а здесь непроходимое болото. Разве только по косе.

Чоновцы под покровом ночи осторожно подбирались к стене монастырской ограды. Лес гудел и стонал от ружейной пальбы. Слышались оглушительные взрывы гранат. Раненые, кто еще не потерял последние силы, уползали к укрытиям. Некоторые из них громко охали, просили оказать помощь, но на них никто не обращал внимания.

Хвостиков подал сигнал для пулеметной стрельбы с колокольни. Поп сказал казаку:

– Следи, чтобы не заело! Ленту направляй.

Припав к пулемету, он открыл огонь. Чоновцы отхлынули к исходным позициям, залегли за деревьями. Пулемет умолк.

– Все исчезли! – следя за противником, выдохнул отец Фотий.

Гиря метнул на него стремительный взгляд.

Со стороны наступающих снова заработали пулеметы, возобновилась винтовочная стрельба.

Поп опять прирос к ручкам пулемета, нажал гашетку. Над монастырем повисло грозное татаканье, запели пули.

Гиря невольно задрожал всем телом, и его сердце, казалось, остановилось на мгновение. Сознание затемнилось какою-то невидимой завесой, помутнело, мускулы сжались, как боевая пружина. Пулемет строчил, заглушая шум разыгравшегося боя в монастыре. Гиря не выдержал, с силой вонзил кинжал попу между плеч.

– Вот тебе, лохматая собака!

Он кинулся к пулемету и стал поливать банду свинцовым дождем. Во дворе поднялась паника. Повстанцы побежали к реке, но неожиданно для них с правого берега Кубани ударил пулемет и захлопали винтовки.

Хвостиков и Полли, под прикрытием двух своих пулеметов, отеснивших заслон за рекой, стали отступать с казаками по косе.

ХІІІ

Иван Градов, цепляясь за корни на крутом берегу реки, спустился к водоплеску, сел на корягу. Перед его глазами брели люди по мелководью. Градов открыл по ним огонь из пулемета. Вокруг него свистели пули, впивались в деревья, булькали в быстрине реки. Он прынул к обнаженным корням старого дуба. На берегу залегло несколько бойцов, среди них был и Вьюн. Он по-кошачьи прыгнул с обрыва на корягу, перебросился к старику и, просовывая ствол карабина между спутавшимися корнями, до боли стиснул зубы.

– Дядя Иван, – прозвучал его голос, – откуда взялась эта коса?

– Такая уж наша река, – следя за противником, ответил Градов. – Сегодня там глубина, дна не достанешь, а завтра нанесет целый остров, да особенно в половодье.

Бандиты снова показались на косе. Вьюн щелкнул затвором. Грянул выстрел. Градов приложился к пулемету и, когда верховые скопились на косе, открыл огонь вместе с другими бойцами, залегшими на обрыве.

Из-за речки дружной пальбой отозвался и заслон.

Корягин вместе с Гуней подводили бойцов к монастырской стене. К ним поспешно подошел

Жебрак, сказал:

– Что за диковина, товарищи? Слышите, как с колокольни бьет пулемет по банде?

– Да вот, – задерживаясь, отозвался Корягин. – Из-за этого нельзя штурмовать.

– Диву даемся, – басом добавил Гуня.

Путаясь в высокой траве, они направились к чоновцам.

Стрельба с колокольни прекратилась.

Чоновцы с криком «ура» кинулись к ограде, но бандиты вновь начали отстреливаться, заставили их приостановить атаку. С колокольни опять ударил пулемет, но вдруг замолк. Затем внутри колокольни послышалась стрельба.

Юдин прижался к шершавому стволу дуба, у которого залег Жебрак со своими бойцами. К ним подбежал Корягин.

– Ну как, товарищи? – спросил он поспешно. – Будем наступать? У врага что-то неладное. Вишь, какой перестрелка идет!

– Немного повременим, – сказал Юдин, продолжая с напряжением глядеть на монастырь.

Корягин приник за пнем, коснулся ухом земли. До него донесся тяжелый стон. Он напряг слух и ясно услышал громкое оханье.

«Ранен! – мелькнуло в его голове. – Надо помочь».

Стон усилился. Не теряя ни минуты, Корягин пополз к бойцу.

– Куда тебя ранило, браток?

– В плечо и ногу, – слабо простонал чоновец. Крови много потерял.

– Двигаться можешь?

– Куда там.

– Ну давай мне на спину, – сказал Корягин, взвалил на себя раненого и направился в тыл.

К нему подоспели два санитары с носилками, взяли бойца и, выбирая безопасные места, канули в темноту.

Корягин вернулся. Пробираясь мимо бойцов, лежавших в цепи, он неожиданно наткнулся на Доронина.

– Ну что? – спросил тот. – Где Юдин и Жебрак? Какое будет решение?

– Да вот, – ответил Корягин. – Видишь, что творится?

Через несколько минут чоновцы со всех сторон бросились на штурм монастыря.

Мощное «ура» пронеслось из конца в конец наступающих цепей. Бойцы кинулись к ограде, полезли на нее. Многие уже со стены падали по бандитам, отступавшим в сад, к озеру и болоту.

На правом фланге, берегом реки, во двор проникли Градов и Ропот со своими подразделениями.

Мечев и Вьюн с несколькими смельчаками прорвались к восточной части ограды, упиравшейся в болото, и с тыла ворвались в сад. Хвостиковцы, окружавшие колокольню, обратились, в бегство. Но чоновцы настигли их. Засверкали кинжалы. Началась резня. Леонид Градов подоспел на помощь товарищам. Еще несколько секунд, и небольшая вражеская группировка вся была уничтожена.

Повстанцы под командой Набабова беспорядочно отстреливались, отходили к реке, в панике бросались в воду на лошадях. Генерал вместе с американцем мчались впереди них, нахлестывая своих коней.

Градов припал к дереву, застрочил из пулемета. Бойцы тут же установили трофейный тяжелый пулемет и открыли по банде огонь, не давали ей наладить в своих рядах хоть какой-нибудь боевой порядок.

По всему монастырскому двору лежали убитые и раненые.

Гуня вместе со своими бойцами побежал к запертой двери колокольни, и дружные приклады забарабанили в нее.

– Эй, кто там! – раздался громкий бас Гуни. – Открывай, каналья! Слышишь? Сурьезно предупреждаю!

Никто не отозвался. Гуня махнул рукой и, оставив у двери двух чоновцев на страже, с остальными помчался к реке, где все еще продолжали греметь выстрелы. Но в это время стрельба почти затихла, бандиты, зажатые со всех сторон, бросали оружие, сдавались в плен.

Юдин приказал бойцам собрать у церкви всех захваченных и построить в колонну.

На востоке совсем уже разгорелась заря. Гуня остановился в туевой аллее, снял бриль, вытер пот с лица, сказал:

– Ох и запарился!

К нему подошел Ропот, улыбнулся, стал рассказывать о своем бое с бандитами, которые спрятались в купальне. Гуня молчал. Градов вскинул на плечо ручной пулемет, воскликнул с досадой:

– Эк, черт побери! Косу-то мы не заметили.

Юдин и Жебрак направились к Доронину и Корягину, стоявшим у колокольни.

– Ну что? – спросил Жебрак. – Не выходят?

– Нет, – ответил Доронин. – Молчат.

– Боятся, – добавил боец, стоявший на часах.

Юдин постучал в дверь, позвал:

– Выходите.

– А может, они не хотят сдаваться? – сказал Корягин. – То нечего с ними и цацкаться!

– Напуганы, – спокойно произнес Доронин.

Внутри колокольни, где-то вверху на лестнице, послышались осторожные шаги. Стоявшие у двери затихли, прислушались. Стук каблуков усилился. Потом почти внизу неожиданно замер. Жебрак приложил ухо к двери, обитой железом, и только тогда обнаружил, что она вся изрешечена пулями. До его слуха долетел неясный шепот.

– Ну-ну, смелее, смелее, братцы! – сказал он хладнокровным голосом. – Вас никто не тронет.

– Позовите Юдина, – раздался неровный бас за дверью. – А так мы не сдадимся.

– Я здесь, – отозвался уполномоченный. – Выходите, не бойтесь.

На лестнице снова раздалась шаги, и дверь наконец отворилась. В темноте на пороге показался приземистый казак в шапке и черкеске.

– Сколько вас тут? – спросил Юдин.

– Семь человек, – доложил казак.

– Зовите их сюда, – приказал Юдин.

Казак обратился к стоявшим на лестнице, глухо проговорил:

– Братцы, выходите. Все равно теперь.

В дверях стали появляться темные фигуры казаков. У каждого карабин в руках, через плечи патронташи.

– Кто у вас старший? – обратился к ним Юдин.

– Я, – выступил вперед Гирия.

Его ввели в башню. На столе горело несколько сальных свечей. Гире предложили сесть. Жебрак остановил взгляд на казаке. Юдин опустил в кресло.

– Ваша фамилия? – спросил он миролюбивым тоном.

Гирия помедлил, как бы вспоминая что-то, глухим голосом назвал себя.

– Кто стрелял из пулемета по банде?

– Я, – ответил Гирия, и лицо его, обросшее бородой, сделалось точно каменным.

– Молодец! – похвалил Юдин и продолжал глядеть ему в широко открытые глаза: – Кто еще был с вами на колокольне?

– Поп Фотий. Он стрелял из пулемета во время первой атаки. Но я... прирезал его.

Юдин переглянулся с Жебраком и снова обратился к Гире:

А как же получилось, что вы стреляли против своих?

– Так уж вышло, – пробормотал Гирия.

– А как попали на колокольню эти казаки? – спросил Юдин.

– Они присоединились ко мне во время боя, – ответил Гирия уже более спокойным голосом. – Говорят, что перед вашим наступлением на монастырь хотели вернуться домой, но побоялись. А когда началось сражение и я ударил по банде из пулемета, они прибегли ко мне, заперли дверь и в слуховые окна начали отстреливаться.

– Ну а все-таки, что заставило вас перейти на нашу сторону? – Юдин остановил вопросительный взгляд на пленном.

Гирия неопределенно пожал плечами, потупился, и на лбу у него, густо покрытом бронзовым загаром, легли две глубокие борозды.

– Як вам сказать, – после продолжительного молчания начал он снова. – Тут все по глупости. За дурную голову и ногам нема покою.

Голос его неожиданно прервался, и на глазах заблестели слезы. Наступила неловкая тишина.

– Это вы зря, – протянул Юдин.

Гиря положил руки на колени и несколько времени как бы собирался с мыслями.

– Не зря, – наконец промолвил он. – Осрамил я себя. – Заложив большой палец за пояс, на котором висел кинжал, он выкладывал: – Обманули меня негодяи. Пили, гуляли, а потом... очутился в банде. Протрезвел, да было уже поздно.

Юдин обратился к Жебраку и указал на Гирю:

– Как по-вашему, Николай Николаевич?

– Что ж, поверим, – ответил Жебрак.

Юдин окликнул Мечева, приказал отпустить Гирю.

– Есть освободить! – и Мечев указал казаку на дверь.

Гиря нахлобучил шапку, поблагодарил командира, затем остановился у порога, спросил:

– А не задержат меня в хуторе?

– Не беспокойтесь, – ответил Юдин. – В Дранный мы сообщим. Идите.

– А как же насчет тех казаков, яки были со мной? – обеспокоился Гиря.

– После разберемся, – сказал Юдин.

– Ну, спасибо, – второй раз поклонился Гиря и скрылся за дверью.

* * *

В келье игуменьи монотонно стучали часы. На стене в никелированном бра теплилась стеариновая свеча.

Игуменья лежала в постели. У ее изголовья сидела мать Иоанна. Все прочие старухи монахини стояли перед иконами на коленях и били земные поклоны.

Наконец игуменья открыла глаза, простонала. Монахини бросились к ней, со слезами начали успокаивать ее, просили бога о помощи.

В келью в сопровождении матери Сергии и келейницы Сони вошли Корягин и Жебрак. Мать Иоанна поспешила им навстречу, всплеснула руками.

– Ах, спасители наши! – пропела она плачущим голосом. – Ах, избавители наши!

– Постой, постой, Христова невеста! – приподняв руку, прервал ее Корягин. – Гляди, как завывала. Пуцай выйдет сюда игуменша.

– Она лежит больная, раб божий, – прослезилась старуха, пристально всматриваясь в него и Жебрака. – Со вчерашнего дня не поднимается.

– Сильно занемогла моя голубушка, – добавила мать Сергия. – В жару лежит, сердешная. Я же говорила вам.

– А что с ней? – спросил Жебрак.

– Перепуг, раб божий, – пояснила мать Иоанна. – Пули попали в ее келью, чуть было не убили. Она в беспамятстве.

– А сейчас как? – спросил Корягин.

– Лучше.

– Проводите нас к ней.

Корягин шагнул в спальню. Монахини переглянулись, последовали за ним.

Игуменья с закрытыми глазами лежала на кровати под легким одеялом. Голова закутана черным платком, на лбу – мокрое полотенце. Щеки горят легким румянцем.

Вошедшие остановились у ее кровати. Мать Сергия перекрестила игуменью, прошептала:

– Матушка, вам лучше?

Игуменья страдальчески покачала головой, молчала.

– Вот люди, – прибавила мать Иоанна, – хотят с вами поговорить.

– Какие люди? – раздался слабый голос игуменьи.

– Начальство из станицы, – пояснила старуха.

– Наконец, наконец-то, – простонала игуменья. И ей опять стало плохо.

Мать Иоанна замахала руками на присутствующих. Корягин и Жебрак отошли к двери. Соня хотела что-то сказать, но закусил губу. Она стояла у окна с разбитыми стеклами, в которое уже проникал свет разгоравшейся зари, и, не спуская встревоженных глаз с игуменьи, думала:

«И все из-за этих бандитов. Слава богу, хоть выгнали их из монастыря».

– Придется за доктором послать, – сказал Жебрак.

– Боже упаси! – испугалась мать Иоанна и отмахнулась обеими руками. – Не надо, не надо врача. Здесь воля божья!

Корягин усмехнулся. В голове мелькнуло:

«Эк, чертовка! Туману какого напустила. Всыпать бы ей по самую завязку! А то еще доктора. – Он перевел взгляд на Жебрака и снова подумал: – Не понимаю тебя. Ей-богу, скучный ты человек, Николай Николаевич, в этих делах!»

Жебрак указал головой на дверь. Они вышли в коридор. За ними последовала келейница. Корягин почувствовал, что на душе у него отлегло, спросил Соню:

– Ну, а ты как живешь здесь? Не думаешь вернуться домой?

Соня пожала плечами, потупила голову. Корягин направился к выходу, пояснил:

– Это дочь моего соседа, Николай Николаевич, Якова Калиты.

– Помню, – сумрачно протянул Жебрак и, помедлив, с тем же равнодушием обратился к послушнице: – Чем же вы тут занимаетесь?

Соня робко улыбнулась, и по ее лицу скользнула едва заметная трепетная тень. Девушка слегка передернула плечами и застенчиво прошептала:

– Всем, что заставят.

– А игуменья вас не обижает?

– Нет. Она добрая.

Показались Аминет с красным крестом на левом рукаве и Вьюн с карабином, висевшим на погонном ремне¹³⁴ через плечо.

– Вас товарищ Юдин требует к себе, – обратилась санитарка к председателю ревкома и секретарю комячейки¹³⁵.

Корягин подмигнул Соне, шутливо заметил:

– Видала, какие у нас девчата?

Соня и Аминет взглянули друг на друга. Жебрак и Корягин, оставив их в коридоре, направились к выходу.

– Тебя как зовут? – спросила Аминет.

– Соня, – нерешительно ответила келейница.

– Соня? – переспросила Аминет, как бы припоминая что-то.

Заостренное лицо Вьюна сияло широкой улыбкой, тернинки¹³⁶ глаз радостно блестели. Он протянул келейнице руку:

– Здравствуй, Соня!

– Здравствуйте, – промолвила девушка.

– Это наша станичница, – поспешно сказал Вьюн, обращаясь к Аминет. – Ой, дура! Ушла в монастырь. Что тут хорошего?

– Да, да. Я теперь помню, – с расстановкой проговорила Аминет. – Мне рассказывала Клава Белозерова.

– Да ты совсем бросай это монашество! – посоветовал Вьюн послушнице. – На кой ляд оно тебе нужно? Что тут делать? У нас бы в комсомол вступила.

– Ты будешь в станице? – дотронувшись до плеча Сони, резко спросила Аминет.

Соня с опаской оглянулась: в коридоре никого не было.

– Буду, – сказала она шепотом.

– Заходи к нам в коммуну, – пригласила ее Аминет, направляясь к двери. – Мы поможем тебе.

XIV

---

¹³⁴ **Погонный ремень** (воен.) – ремень, служащий для носки стрелкового оружия за плечом. – прим. Гриня

¹³⁵ **Комячейка** – Коммунистическая ячейка, первичная (низовая) партийная организация РКП(б) (Российская коммунистическая партия (большевиков)). – прим. Гриня

¹³⁶ **Тернинка** – уменьш. от «терн», ягодка терна. Здесь подразумевается радужная оболочка глаз синего цвета – прим. Гриня

Мать Иоанна, прикрыв плотнее дверь, поспешила в спальню. Игуменья сбросила с себя одеяло, выглянула в окно.

– Что, ушли? – спросила она сиплым голосом.

– Не поднимайтесь, не поднимайтесь, матушка! – замахала на нее руками мать Иоанна. – Ради бога, лежите! Они могут еще вернуться. Упаси бог, лягте!

– Нет, теперь уже никто не придет, – дрожала всем телом игуменья.

– Дождитесь, хоть пока они выедут со двора, – умоляюще просила мать Иоанна.

– Ох, как мне все надоело! – тяжело вздохнула игуменья. – Они, слава богу, ничего обо мне не знают. А я так боялась, чтобы Козелков не выдал.

– Не должно быть, чтобы он им сознался во всем, – шептала мать Иоанна. – Потерпите еще с полчаса, матушка.

Игуменья протяжно заохала, легла.

В передней монахини стояли на коленях, били земные поклоны перед образами.

Мать Иоанна припала к окну. За оградой чоновцы садились уже на лошадей.

В спальню набежали монахини, столпились у окна и, призывая друг друга к тишине, зашикали, устремили взоры на чоновцев. Мать Сергия просеменила на цыпочках к игуменье, прошептала:

– Матушка, они уже приготовились. Сейчас уедут.

Игуменья опять вскочила с кровати. Увидев за окном Мечева, сидевшего на коне, остановила глаза на пленных, всплеснула руками:

– Боже мой! Что с ними будет?

* * *

Чоновские отряды двинулись по лесной дороге в Краснодольскую. Впереди везли убитых. За ними тянулась кавалерия, конвойные гнали пленных.

Солнце поднялось уже на дуб, и прохладные лучи пронизали весь левобережный лес, трепетали и плавилась на омытых росой темно-зеленых листьях деревьев.

Командиры ехали молча. Корягин вынул из нагрудного карманчика гимнастерки трубку, набил ее и хотел закурить, но взгляд его вдруг остановился на пленных. В сознании промелькнули лица всех тех бойцов, которые еще вчера были живы. Он знал, что дома ждут их возвращения отцы, матери, жены, дети. И когда они узнают о гибели родных, польются слезы.

Он достал из того же карманчика зажигалку, прикурил, тяжело вздохнул и повел глазами по товарищам, ехавшим с ним рядом.

Доронин хотел забыть о тех кошмарах, которые ему довелось увидеть во время боя. Картины безмятежного утра, разливавшегося по всему лесу, действовали на него умиротворяюще. Положив руку на луку седла и слегка натянув повод, Доронин вскоре совсем отвлекся от тягостных дум и целиком предался мыслям о хозяйственных делах коммуны.

Юдин, казалось, совсем не выражал никаких чувств.

– Сегодня вечером открытое партийное собрание, братцы, – наконец обратился к ним Жебрак.

– Да, да! – глаза Юдина скользнули по длинной ленте всадников. – Мы должны договориться, как будем бороться с местными бандитами. Их в станице хватает.

– Надо с корнем вырывать всю эту нечисть! – строго и убежденно заявил Корягин. – А то нам сядут на шею.

Юдин приподнял на него испытующие глаза, мягко предупредил:

– Только без шума. Иначе грош цена будет всей нашей работе. Это мы обязаны уяснить себе.

Корягин сразу понял, что камешек брошен в его огород, почесал затылок и тут же вспомнил о своем рукоприкладстве на допросах, вспльчивом характере, о том, что его уже неоднократно предупреждали товарищи, чтобы он не выходил из рамок приличия и не превышал своих председательских прав. Да он и сам уже подумывал, как переделать себя, научиться сдерживать свои нервы в нужный момент, но тут вдруг мысленно спросил: «А как же тогда надо понимать диктатуру пролетариата? Нашу-то, большевицкую власть, а? Скажите мне, товаришочки хорошие. Нет, без подавления какая такая диктатура? Никакой победы не может быть. – Он поглядел исподлобья на Жебрака и Юдина, продолжал раздумывать: – Придется поехать в Екатеринодар и потолковать с

товарищем Черным по этому вопросу...» Рука его упала на эфес шашки, глаза снова остановились на уполномоченном.

– Понятно, – проговорил он вслух.

– То-то же, – шутливо подмигнул Юдин.

– Но тут, как говорится, – покачиваясь в скрипучем седле, заметил Корягин, – Молчан-собака, и та, терпя, гавкнет. Всю бы свору – к ногтю! Как диктатура научает.

Юдин усмехнулся.

– Та диктатура не для всех, – сказал он. – Есть у нас высшие органы. Им и предоставлено право решать вопросы подавления. А мы здесь, на местах, должны к насилию прибегать только в исключительных случаях. Вот как сейчас, с бандой в монастыре.

– Я думаю об этом, – согласился с ним Корягин. – Но в момент... иногда забываю. – Он перевел взгляд на Жебрака: – Тут Николай Николаевич поможет мне.

Передние телеги с убитыми уже подъезжали к мосту через Кубань. По ту сторону реки, на высоком берегу высыпали краснодольцы.

– Поедем вперед, товарищи, – сказал Юдин и, выехав на обочину дороги, пустил коня вскачь.

За ним поскакали и остальные командиры. Обогнав кавалерию и подводы, они перемахнули мост и подъехали к станичникам. Корягин осадил Кристалла, крикнул:

– Граждане, расступитесь! Дайте дорогу.

Женщины плакали. Они уже знали о гибели родных.

Народ стал стеной по обеим сторонам дороги.

На мост потянулись телеги, а за ними кавалерия.

Из улицы выехал Норкин с несколькими всадниками, доложил Корягину о ночном дежурстве в станице. Позади него послышался крик. Норкин оглянулся. За телегами, на которых лежали убитые, бежали женщины.

Толпа краснодольцев, пропустив пленных через мост, бросала в них палки, камни.

– Граждане, прошу вас! – упрашивал людей Гуня. – Сурьезно, не делайте этого! Негоже так поступать?

– Ой, лышенько мое! – обливалась слезами старуха. – Та они ж, катюги¹³⁷, моего сыночка убили!

– Отступите! – поправляя висевший на ремне ручной пулемет за спиной, кричал Градов. – Так нельзя!

Леонид, а вместе с ним Мечев и Вьюн мелькали уже перед станичниками, отодвигали их от дороги. Пленные, потупив головы, направлялись по улице, ведущей к площади.

* * *

Клава Белозерова поливала цветы на братской могиле, поправляла еще свежий холмик. Девчата носили со школьного двора воду.

На площади показались комсомольцы. У всех в руках вязки книг. Впереди вышагивал Вьюн. Увидев Клаву, он подбежал к ней, хлопнул ладошкой по связке и, как молодой петушок, выкрикнул:

– Гляди, сколько собрал! И у хлопцев тоже.

Клава взяла у него томик.

– Пушкин.

Вьюн смотрел на нее с каким-то особенным вниманием и, шмыгнув носом, тоскливо опросил:

– Хорошая это книга?

– У Пушкина все книги хорошие.

Они побежали к дому Гиревого. Там обосновалась ячейка комсомола. В передней комнате на полу лежали связки книг, собранные комсомольцами.

Клава открыла томик Лермонтова и, подойдя к раскрытому окну, стала читать. Вьюн, заглядывая ей в глаза, пытался вникнуть в смысл каждой строчки, завидовал девушке и очень уж огорчался своей неграмотностью.

---

¹³⁷ Кат, **катюга** – то же, что палач, матерый палач – прим. Гриня

Клава прочла одно, другое стихотворение, потом полистала томик и вдруг воскликнула:
– Вот еще!

В комнате совсем стало тихо.

Клава оперлась боком на подоконник и, звонкий ее голос снова прорезал тишину:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..

Когда чтение закончилось, Вьюн шмыгнул носом, потупился. Ему было как-то не по себе в эту минуту. Худенькая шея вытянулась, сделалась еще длиннее, шустрые глаза скользили то по странице томика, то по независимому лицу Клавы.

– А о чем тут? – спросил он, переглядываясь с парнями и девушками.

– Не слышал, что ли? – отозвался долговязый парень. – Поэт в нем призывает к борьбе.

– А ты откедова знаешь? – придвинулся к нему Вьюн. – Как докажешь?

– Нам учитель в школе рассказывал, – пояснил долговязый. – Вон и Клава может подтвердить.

– Верно, – сказала Белозерова.

– Эх, кабы мне грамота! – почесывая за ухом, тяжело вздохнул Вьюн. – Хоть бы читать научиться!..

Клава взяла его за худые плечи, спросила:

– Ты чего?

– Да... – отворачиваясь в сторону, буркнул Вьюн.

Девушки засмеялись. Вьюн неожиданно обратился к ним:

– Хотите, расскажу?

– Ну, расскажи, – протянула Клава, улыбаясь веснушчатым лицом.

Вьюн совсем оживился и поспешно заговорил:

– Понимаете, мне давно хочется научиться грамоте. Но никак! Нету такой школы. Помню, я был вот таким хлопчиком. Мама да дали мне пятак и послали до церкви, чтобы я купил себе гостинцев. Я пришел туда и вместо гостинцев купил на лотке у старухи какую-то махонькую книжечку. А домой надо было итить через речку, по кладке. Я дюже боялся ходить по ней. Меня каждый раз кто-нибудь переводил, коли нужно было на ту сторону. А на этот раз – ни духа! Один как палец. А итить надо. Думаю себе: «Куда ж книжечку спрятать, чтобы не обронить в воду?». В руке – нельзя, нужно за перильца держаться. А кармана у меня не было, мама не пришили. Взял книжечку под мышку.

– И что же? Перешел? – спросил долговязый.

Вьюн с досадой почесал затылок, тяжело вздохнул:

– Дошел я до середины реки, а волны как оглашенные¹³⁸! Я расставил руки, схватился за перильца. И тут случилось то, чего я боле всего боялся. Книжечка моя уже плыла по воде. Слезы, знаете, так и навернулись: дюже жаль стало ее! Но что делать? Чему быть, того не миновать. Долго я глядел, как волны угоняли книжечку все дале и дале по реке...

– А правда, жаль книжку? – сказала Клава хлопцам и девчатам.

– Знаешь, как потом было обидно! – вздохнул Вьюн. – Я и до сих пор не могу забыть о ней. Так уж хотелось узнать, что там было написано.

В дверях появился Леонид Градов с полевой сумкой через плечо. Юноши и девушки с шумом обступили его, пропустили к столу.

– Привез? – спросила Клава.

Леонид улыбнулся и утвердительно помотал головой. Расстегнув сумку, он стал выкладывать на стол комсомольские билеты. Все кинулись к ним, но Клава подняла руку, сказала:

– Порядок, девчата и хлопцы, порядок!

Наступила тишина. Вьюн получил билет, выбежал в коридор, осторожно раскрыл книжицу, начал листать.

«Вот она, – мелькнуло у него в голове, – взамен той, что на реке уронил». Глаза наполнились

---

¹³⁸ Как оглашенный – ведущий себя бессмысленно, бестолково, шумно. **Оглашенные** – в христианстве – люди, не принявшие крещение, но уже наставляемые в основах веры. – прим. Гриня

отчаянием, и он, казалось, готов был расплакаться, прошептал:

– Что же тут?..

За окном неторопливой походкой прошел учитель Белошейко. Вьюн стремглав бросился к нему и, встретив на крыльце, нерешительно протянул билет.

– Тимофей Изотович, – попросил он, – прочитайте, что в ней. А то все читают, а я...

– А ты, значит, неграмотный? – Белошейко усмехнулся.

– Да я... мы, знаете, – замялся Вьюн, – бедные были, и мне не довелось в школе...

– Неграмотному, что слепому, – сказал Белошейко.

Вьюн, кивая головой, приговаривал:

– Так, так.

Белошейко вернул ему билет.

– Вот тебе и «так!» Учиться надо.

Вьюн поблагодарил его, сказал:

– Знаю. Ежели б такая школа была у нас.

Он положил билет в нагрудный карман рубашки, застегнул и зашел в комнату, где все еще продолжали шуметь комсомольцы, рассматривая новенькие билеты.

А вечером в ячейке Вьюн получил наряд на дежурство и, вооружившись карабином, занял пост у калитки двора ревкома.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Над железными белыми крышами монастырских построек дрожал раскаленный воздух. Изрешеченные пулеметным и винтовочным огнем железные ворота были закрыты. Во дворе ни души.

Виктор Левицкий верхом на Ратнике возвращался в станицу. Свернув в лес, он поехал тропой, изрыбленной солнечными зайчиками, дрожавшими, как тихие волны. На него дохнуло прохладой, и он вполголоса запел:

Думы мои, думы мои,
Лыхо мэни з вамы!

Перед ним с лукошком на руке из чащи неожиданно вынырнула Соня, в страхе остановилась. Виктор придержал Ратника, сбил на затылок кубанку, улыбнулся.

– Ну, чего ты, красавица? – откинув назад голову, весело спросил он. – Не жахайся¹³⁹. Я не Бова-королевич или песиголовец¹⁴⁰ какой-нибудь. Выходи на дорогу.

¹³⁹ **Не жахайся** – здесь – не дергайся, не пугайся. – прим. Гриня

¹⁴⁰ **Песиголовцы** – кинокефалы – люди с собачьими, волчьими, шакальими либо гиеньими головами. В православной иконографии – святого Христофора (облик, как и происхождение святого из страны кинокефалов) изображали

Соня робко шагнула вперед. Виктор слез с коня, пустил его на траву и, приблизившись к девушке, окинул ее любопытным взглядом.

– Ты чья такая?

– Я из пустыни, – ответила Соня, едва переводя дыхание. – За грибами ходила.

– А-а, из пустыни, – протянул Виктор. – Значит, Христова невеста.

Соня внезапно бросилась бежать, но зацепилась за длинные ежевичные побеги, рассыпала грибы. Виктор с укоризной сказал:

– Какая ты дикая. Не бойся, не съем.

– Да... мне надо скоро, – поминутно поглядывая на него и задыхаясь от волнения, невнятно пролепетала Соня.

Виктор глядел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за калиновыми кустами.

«Хорошая дивчина», – подумал он про себя, улыбаясь. Сел на Ратника и еще раз оглянулся, но Сони не было видно.

Ехал по тропинке вдоль берега Кубани. Ратник зачуял лошадей, наострил уши. Отклонив ветку с пути, Виктор выехал на поляну. Перед ним, как на ладони, открылась живописная картина уборки хлебов. По янтарному жнивью, покрытому валками скошенной пшеницы, у жнеек¹⁴¹, арб, под отдельными деревьями и у кустарников собрались станичники.

Виктор поскакал по дороге и, подъехав к казакам, слез с коня, узнал от станичников о сброшенных над полем советским самолетом листовках, в которых сообщалось о прорыве Красной Армией польского фронта. Он попросил листовку у казака, спорившего с товарищами о событиях на Западном фронте, пробежал ее глазами и, вернув назад, сел на коня и в глубоком раздумье поехал в станицу. На сердце у него становилось все тяжелее и тяжелее, и он воскликнул в душе:

«Ой, как неумно сделали те казаки, что ушли к Хвостикову, запятнали себя позором».

На улице станицы казаки тоже стояли группами. У многих в руках листовки. До слуха Виктора долетели слова, из которых ему стало ясно, что они целиком поддерживали Советскую власть, указывали на ее непоколебимую силу, превосходство во всех отношениях над разгромленными белогвардейскими армиями.

– Тут все уже понятно, – размахивая руками, говорил один из станичников. – Коли большевики летают на еропланах, спускают над нами энтии бумажки, так какая же у них тогда сила на фронте? Скажите вы мне на милость.

– Да, – многозначительно протянул другой. – Ероплан – не шутка. Я ить¹⁴² впервой увидал эту машину.

Калита, держа Игорька на руках, сидел с женой на скамейке. Хлопая ботами, к ним подошел Гусочка, указал движением головы на толпу, с усмешкой заметил:

– Ишь, как возрадовались большевицкому ероплану! Здря гудят. Привез брехню. Так я зараз и поверю в ее.

Калита взглянул на него искоса, усмехнулся в бороду.

псоглавым, как символическое указание на его грубость и свирепость в период пребывания язычником. Таким образом, здесь выражение «песиголовцы» используется в значении «кровожадные язычники». – прим. Гриня

¹⁴¹ **Жнейка** – машина для скашивания сельскохозяйственных культур. – прим. Гриня

¹⁴² **Ить** – ведь – прим. Гриня

– Не понимаю, – поворачивая ребенка к соседу, проговорил он озадаченно. – На кого ты злуешь? Разве тебе не радостно, что наши побеждают поляков?

– Теперички так уж повелось, – пробормотал Гусочка, – те бьют тех, а те тех. Во всем виноваты большевики.

На лице Калиты снова расплылась улыбка, и он сказал:

– Ох ты и Мурзик, Герасимович!

Гусочка вдруг съежился, часто замигал глазами и, вобрав шею в плечи, покраснел до ушей, выпрямился.

– Ригинально, – наконец, бледнея, прохрипел он точно простуженным голосом, помолчал и сердито спросил: – Ето ж почему я Мурзик?

– Много мелешь своим дурным языком, то и проче, – недружелюбно пояснил Калита.

– Ты ето брось величать меня собачьим именем, Трофимович! – взъерился Гусочка.

Игорек посмотрел на него, потом на Калиту, и его пухленькое розовое личико засияло улыбкой. Гусочка нахлобучил треух и, бросив на старика уничтожающий взгляд, чуть ли не во все лопатки пустился домой, шаркая ботами о сухую землю.

– Зачем ты его трогаешь? – недовольно пробурчала Денисовна на мужа. – Ты же знаешь, что это за человек.

Гусочка вошел к себе во двор, покосился на Феклу Белозерову, подметавшую около своих сенец сор, созвал кур и, шупая несусек, с досадой прошептал:

– Ач, врагуша! Гусочкой уже окрестил, а теперички Мурзика придумал. Хорошо, хоть никто не почул про етакое осквернение... И никто никому ничего.

Куры хороводом ходили вокруг, кричали, кудахтали, заглядывали Гусочке в лицо, но ему было не до их нежностей: его съедала, душила лютая злоба к Калите, который нанес ему очередную обиду.

* * *

Виктор стегнул Ратника плетью, и конь, екая селезенкой, помчался по улице. У ревкома и на площади тоже толпился народ. Многие станичники читали листовки, спорили, шумели. В группе девушек Виктор заметил Оксану. Она тоже посмотрела на него.

«Красивая, чертовка!» – подумал Виктор и пустил коня вскачь, помчался, по дороге. Вскоре он въехал к себе во двор, отвел Ратника в конюшню.

В кухне за столом увидел отца. Тот поспешно свернул вчетверо листовку, лежавшую перед ним, сунул ее в карман, спросил:

– Ну как?

Виктор сел на сундучок, неловким движением снял шапку.

– Был и на Драном, и на Голубовке, – сказал он приглушенным голосом, – да толку мало. Большой размер¹⁴³ просят: нам не выгодно. Лучше молотить катками.

– Большой, говоришь?

– Да, десятый.

Отец недовольно покачал головой, насупил брови.

– Гм... Да это же грабеж! – злобно выдохнул он. – Хлеб в нынешнем году неурожайный выдался, а они... нечистые души!

– Богатеям все равно, батя, – раздраженно прибавил Виктор. – Им лишь бы нажиться.

Вошла мать с дойницей в руке. Зная о сброшенных с самолета листовках, которые немало наделали шуму в станице, она опасливо поглядывала то на мужа, то на сына, молчавших в это время, разлила в кувшины молоко и начала готовить обед. Ей подумалось, что они уже поссорились между собой, что нередко случалось в семье Левицких после того, как Лаврентий вернулся с фронта. Лаврентий сразу же понял причину беспокойства жены, но разговора с сыном о хозяйственных делах не возобновлял: он также видел, что Виктора одолевают совсем другие мысли.

Стуча деревянной ногой, на пороге появился Наумыч с люлькой в зубах. Глаза его скользнули по сыну и внуку, и он мысленно произнес: «Опять свара...»

Однако никакой свары пока еще не было, но она надвигалась, как грозовая туча, и приближение ее чувствовала вся семья. Сев на ослон, старик выбил о деревянную ногу пепел из люльки, спрятал ее в карман.

Все наконец разместились у стола, не спеша черпали борщ из общей миски, стучали ложками.

Наумыч вытер усы и бороду рушником¹⁴⁴ и, хмуря брови, сказал глухим, скрипучим голосом:

– Вот, Лавруха, какие дела зачались на фронте.

– Ну что с того, что большевики прорвали польский фронт? – с притворным равнодушием отозвался Лаврентий. – Это еще не все.

– Нет, ты не скажи, – возразил Наумыч. – Тут уже великая победа, Лавруха. Подумай хорошенько.

– А в монастыре что получилось? – сердилась Мироновна. – Да и в Царицынской даче банде не доже-то весело: все об этом говорят.

– Помолчала бы, старая, – буркнул Лаврентий.

– Корягину нужно бы еще кое-кем заняться в станице, – холодно промолвил Виктор, дотягиваясь до миски.

Лаврентий готов был вспыхнуть, однако сдержал себя на сей раз и сухо протянул:

– Как?

Виктор, молча посапывая, старательно ел. Лаврентий вытер тылом ладони губы и совсем уже смягченно заговорил:

---

¹⁴³ **Размер** – плата натурой за обмолот хлеба.

¹⁴⁴ **Рушник** – полотенце у восточных славян, обычно с вышитым или тканым узором. – прим. Гриня

– Разве вам не видно, что хлеб у всех еще на корню, а полстаницы уже получило повестки о вывозе продрозверстки? За горло скоро душить будут да хлеб требовать!

– Тебя не задушат, – расправляя усы и бороду огрубевшими пальцами, сказал Наумыч. – Продрозверстка в основном рассчитана на богатеев. А тебе ежели и придется что вывезти, то совсем немного.

– Теперь все веником выметут из амбара! – вспыхнул Лаврентий. – Это уж вернее смерти знаю, папаша!

– Так вы решили Хвостикова поддерживать? – не смолчал Виктор.

Лаврентий судорожно повернул голову и, почувствовав, как по всему его телу разлился лихорадочный озноб, выдохнул:

– Ясно! Значит, супротив батька? – На лбу у него, как два ручейка, вздулись синие жилы, и он, задыхаясь от гнева, стукнул кулаком так, что даже подпрыгнула посуда на столе, яростно закричал: – Паршивец!

– Схаменись¹⁴⁵! – испуганно махнула рукой Мироновна. – Чи белены объелся?

Лаврентий, не обращая на нее внимания, и дрожа, как на морозе, в бешенстве кусал губы.

– Да как ты смеешь, нечистый дух? – наконец вырвалось у него с новой силой.

– Чего ты бучу поднимаешь, Лавруха? – перебил его Наумыч, защищая внука. – Тебе стоило бы у него поучиться, как вести себя в нынешнее время.

– У кого? – Выйдя из-за стола, по-петушиному шаркнул Лаврентий ногою и подхватил еще яростнее: – У кого мне учиться?

– Эх, Лавруха, Лавруха! – осуждающе покачал головой Наумыч. – Хоть ты и много свету видел, а слепой. Дальше своего носа ничего не видишь, не понимаешь, на чьей стороне правда. А вот сына твоего не проведешь. У него добрый глаз: видит все насквозь.

– Кто правого судит, тот сам себя губит, – метнула Мироновна недобрый взгляд на мужа.

Виктор, схватив шапку, выбежал из хаты и долго бродил в саду. Злоба душила его, мучила, и перед ним все покрывалось зловещей мглой.

Наконец, физически усталый и душевно измученный, сел у плетня на колоду, рядом с которой, между пряслами, на коле торчал лошадиный череп, и только сейчас заметил, что ночь давно уже сошла на землю и окутала темнотою всю станицу. В высоком звездном небе висел, точно начищенный до блеска, полумесяц. На невидимом горизонте вспыхивали яркие зарницы, где-то далеко разражалась гроза.

Неожиданно появился Лаврентий, сел рядом и, коснувшись плеча Виктора, заискивающе начал:

– Ну чего ты? Хочу с тобой по душам побалакать.

– О чем? – поднял Виктор хмурые брови.

– Ты послушай меня, сынок, – продолжал Лаврентий. – Вы же с дедушкой и матерью поедом едите меня, упреждаете, чтобы я не ходил к Молчуну и Бородуле. Но меня тоже слеза прошибает, когда я бачу¹⁴⁶ неправду. Взять ту же разверстку. Куда это годится, сынок? Ты не можешь понять, что разверстка – это только начало. А дальше что будет? Да нас удавом задушат!

Виктор усмехнулся:

– Не понимаю вас, батя, совсем не понимаю. Кого вы опасаетесь?

– Ну, хорошо! – махнул рукой Лаврентий. – Больше у меня про эти «дела» и пар изо рта не пойдет. Но ты должен понять, сынок, что те люди, у которых я бываю, боятся даже своей тени, а не то чтобы держать связь с какою-то бандой. Ты же сам знаешь, на каком счету они в станице. Со дня на день ждут, что и к ним придут чоновцы, сцапают их, как других казаков. А они невинные люди.

– Да, невинные! – возразил Виктор. – Зря никого не возьмут. В банде сколько оказалось краснодольцев? Не защищайте лучше.

– Потихе ты, – прошептал Лаврентий и с опаской оглянулся по сторонам. – Они ежели только и виноваты, так в том, что бывшие офицеры да богатые люди, а другой вины у них я не бачу. Но давай лучше плюнем на них, сынок. Будь они неладные! Просто заморочили нам головы. – Он помолчал, затем сел ближе к сыну, достал из кармана кисет, свернул сигарку и, закурив, объявил

---

¹⁴⁵ **Схаменись** – опомнись, приди в себя; одумайся. – прим. Гриня

¹⁴⁶ **Бачу** – вижу. – прим. Гриня

вдруг: – Я хочу потолковать с тобой о другом. Тебе пора жениться.

– Жениться?

– Эге.

– Моя невеста еще не выросла, – глухо ответил Виктор.

– Неправда, – возразил Лаврентий. – Невесту мы тебе подыскали. Да еще какую невесту. Вот Гришка Молчун пойдет свататься: сгуляем у него свадьбу, потом и тебя женим. До каких пор тебе байдаковать¹⁴⁷?

– Летом, в неположенное время жениться? – усмехнулся Виктор.

– Ну и что же, – сказал Лаврентий. – Не тебе первому, не тебе последнему.

– А кто же невеста, если не секрет?

– Оксана Бородулина.

Виктору показалось, что над ним разорвался снаряд. Он молчал, и перед его мысленным взором невольно встала Оксана на скачках. Только теперь ему стало ясно, почему она так пристально глядела на него сегодня у ревкома. Наконец он овладел собой и с удивлением проговорил:

– Оксану? Вы шутите, батя! Разве она пойдет за меня?

– Пойдет, сынок, – ласково шепнул Лаврентий. – Немедля пойдет! У нас уже был разговор с Игнатом Власьевичем. Из-за этого я к нему и учащаю¹⁴⁸, а не то, как ты думаешь.

Впрочем, Виктору давно уже нравилась Оксана – он не прочь бы жениться на ней, но тут перед ним вставал Андрей Матяш, с которым, как уже говорили все в станице, была Оксана в интимной связи. Виктор думал об этом и молчал, потом проговорил:

– Слухи о ней недобрые ходят по станице, батя.

– То все брехня, сынок, пустое, – махнул рукой Лаврентий. – Наговоркою люди живут. Не верь никому, тут лишь бы твоя охота. А роду она хорошего. – Он присмирел, задумался и, поправляя остренькие усики, вдруг еще с большей живостью добавил: – Скажу тебе, сынок, чистую правду. У Игната Власьевича хотя и крутой характер, но все равно он душа-человек! И хозяин первейший в станице. Бывало, выедем в поле пахать: уж это он борозду положит, как шнуром отобьет. И чего в нынешнее время, такие хозяйственные люди в немилость попали? Почему их притесняют большевики? Они ж не помещики чи там капиталисты какие? Надо ждать, что и нас возьмут за гузырь¹⁴⁹! Вот чего я опасуюсь.

– Сейчас берут тех, батя, кто выступает против Советской власти, – пояснил Виктор.

– Ну а как ты насчет того, чтобы посватать Оксану? – вернулся Лаврентий к прежнему разговору.

– Я подумаю, – вставая, сказал Виктор.

– Ну-ну, подумай хорошенько, сынок, – ласково потрепал его Лаврентий по плечу. – Она тебе пара.

Виктор уже не слушал отца, потонул в саду, залитом лунным светом. Лаврентий в раздумье постоял и зашагал к хате.

II

В этот вечер Григорий Молчун с Лаврентием Левицким и Игнатом Бородулей пришли к Калите сватать Галину. Денисовна пригласила сватов в великую хату. Те положили хлеб на стол, присели на лавке. Бородуля расправил пушистые усы, повел глазами по старомодной обстановке, задержался на небольшом стеклянном шкафчике, наполненном разными книгами, затем перевел взгляд на стариков, начал:

– Ну, Яков Трофимович и Евдокия Денисовна, мы пришли к вам за Галиной. Жених ее – перед

---

¹⁴⁷ **Байдаковать, байдаковать** – жить одиноко, холостым. Бездельничать, бродить без дела. **Байдак** – одинокий, нелюдимый человек. То же, что и бирюк. – прим. Гриня

¹⁴⁸ **Учащаю** – зачастил. – прим. Гриня

¹⁴⁹ Вообще, **гузырь** – сноп соломы, идущий на покрышку крыши. Здесь – возьмут за горло, прижмут. Какие только слова не используют в этой идиоме в зависимости от диалекта и личности говорящего. – прим. Гриня

вами. – И он указал на Григория.

– Це б-то, у вас товар, у нас купец, – с прибауткой добавил Лаврентий, указывая на жениха.

Григорий, положив руки на колени, сидел на стуле, словно проглотив аршин, казалось, боялся пошевелиться, и на его румяном лице с маленькими, как у сома, желтоватыми глазами и утиным носом, ничего не выражалось. Он глядел в одну точку – на Галинину кровать с убранной постелью, на которой возвышалась пирамида взбитых подушек разных размеров.

Калита смерил его пристальным взглядом, почесал кончик носа и, опершись руками на заплатанные колени, не торопился с ответом.

– Ну что ж, дорогие сваточки, – наконец проговорил он не совсем твердым голосом, – прежде всего нужно у нее спроситься. Как она, так и мы. – Он задержал глаза на Бородуле, добавил: – Чтобы не получилось так, как с Соней, когда сватал ее ваш сын, Игнат Власьевич.

– Рано, девка-то молода еще, – улыбаясь, сказала Денисовна. – Ей бы трошки еще надо погулять. А замуж бы поспела.

– Как? – переглянувшись с Бородулей, насторожился Лаврентий. – Сколько же ей?

– Двадцатый пошел, – ответила Денисовна.

– И до каких же пор ей сидеть? – с удивлением развел руками Лаврентий. – Хватит уже. Девку отдай, не доращивай!

Денисовна гукнула¹⁵⁰ Галину. Дочь нерешительно переступила порог и, теребя красную ленту, вплетенную в толстую косу, лежавшую у нее на груди, остановилась у шкафчика с книгами, потупилась.

Калита некоторое время молчал, не глядя на нее, словно собирался с мыслями, потом окинул ее строгими глазами, сказал:

– Галька, к тебе пришел свататься Гришка. Как ты, пойдешь за него?

Галина густо покраснела, мельком взглянула на Григория, и ей как-то сразу запомнились его шевровые с напуском сапоги, черные брюки, белая вышитая рубашка, казачий пояс с серебряным набором; но что касается лица, почему-то не могла представить себе, уловить, какое оно, а второй раз посмотреть на жениха постеснялась. Чувствуя на щеках жгучий румянец, она пожала плечами и после длинной паузы сказала:

– Не знаю...

– Ну вот тебе, – возразил Калита, сурово глядя на нее. – Кажи¹⁵¹ что-нибудь одно.

– Как отдадите... – с трудом произнесла Галина.

– Ясно? Она уже и согласна! – воскликнул Лаврентий, поспешно вынимая из кармана черкески приготовленную бутылку с самогоном.

Денисовна не спеша подала на стол закуску.

Калита, барабая пальцами по столу, многозначительно заключил.

– А коли согласна, так пусть идет. Я думаю, что за таким человеком не пропадет.

– И хозяин богатый, – одобрительно крикнул Бородуля.

Денисовна, прижимая к себе склеенную макитру¹⁵² и вынимая из нее пирожки с творогом, выкладывала на тарелку. Калита покосился на нее, недобро подумал:

«И тож-то, из спеленатой¹⁵³ посуды зачала угощать, сватов!» Он поскреб затылок, изрек:

– Верно говоришь, Игнат Власьевич. Не ищи жилья, ищи хозяина.

Начали пропивать Галину.

Невеста всматривалась в жениха, который молчал по-прежнему. Лицо его показалось ей некрасивым, широким, с тупым выражением. Нос приплюснут, как шейка рака, глаза маленькие, сомяные, брови рыжие, вихрастые. Все это вызвало у нее чувство отвращения к нему, и она стала

---

¹⁵⁰ **Гукнула** – здесь – позвала. – прим. Гриня

¹⁵¹ **Казать** – показывать, представлять, являть, выказывать, указывать, рассказывать. Здесь – говори. – прим. Гриня

¹⁵² **Макитра** – широкий глиняный горшок. – прим. Гриня

¹⁵³ **Спеленатая** – завернутая. Возможно, автор ошибся, подразумевая разбитую, но склеенную посуду; намек на некую примету... – прим. Гриня

уже помышлять сейчас же, не выпуская сватов из хаты, отказать жениху, но, зная крутой характер своего отца, прикусила язык.

Беседа за выпивкой приняла оживленный характер. Разговорились о бое под монастырем, пленных бандитах, направленных в отдел, вспомнили о листовках.

– И вы уже получили извещение о вывозе зерна на ссыпку? – спросил Бородуля у Калиты.

– Нет, не получал, – ответил старик.

– А мне прислали, сукины дети, – пробуя пальцами мягкость белого, как вата, душистого хлеба, протянул Бородуля. – Триста пудов наложили! Не знаю, где я возьму столько зерна. Урожай в этом году совсем плохой вышел: на десятине не больше двадцати – тридцати пудов.

– А какой у вас посев? – поинтересовался Калита.

– Да что посев? – махнул рукой Бородуля. – Своей земли всего десять десятин да наемной пятьдесят.

– Так это у вас, Игнат Власевич, по нынешнему урожаю около тысячи пудов хлеба! – воскликнул Калита.

– Но у меня не такие расходы, как у других, – возразил Бородуля и, с наслаждением прожевав хлеб, поднял палец: – А потом как считать. Я сеял и овес, и ячмень, и кукурузу, и подсолнухи, и всякую огородину.

– И все одно без труда сдадите, – вытирая рушником губы, сказал Калита. – Это для вас не так много.

– Э... не говорите, не говорите, Яков Трофимович, отрицательно покачал головой Бородуля. – Если бы одна разверстка – это еще ничего. А то и штрафовку плати, и за аренду земли, и за молотьбу. У меня же молотилки своей нет. Да я кругом должник, голубчик мой! Вы со своего посева больше возьмете, чем я.

Калита лукаво улыбнулся, побарабанил пальцами по колену.

– Оно и то правда, Игнат Власевич, – кивнул он и затем пояснил: – Я имею всего семь с половиной десятин надельной земли¹⁵⁴, из которых отдаю три за то, что мне вспашут и скосят остальные. Лошадь-то у меня одна. Вот теперь и судите, какие мы имеем доходы.

Лаврентий не вмешивался в разговор, однако рассуждал про себя, что Калите, конечно, не сравниться с Бородулей: у того хозяйство состояло из одной лошади, коровы и телки, двух свиной и домашней птицы; а у этого – кирпичный дом, два амбара, подкатник¹⁵⁵ для сельскохозяйственных машин, конюшня, коровник, клуныя, десять пар тягловых лошадей, четыре пары волов, около двадцати дойных коров, более ста свиной, до двухсот овец...

Калита в третий раз наполнил чарочки самогоном, все чокнулись и, пожелав жениху и невесте счастья, выпили. Лица их ожили, речи полились обильнее.

Бородуля опять заинтересовался искусно выпеченным хлебом, спросил:

– А кто у вас печет такие хорошие ковриги?

– Вчера пекла Галина, – ответила Денисовна, поглядывая на дочь.

– Молодчина! – похвалил Бородуля. – Я давно ел такой вкусный хлеб.

– Да, хлеб у вас, Денисовна, прямо-таки святой! – добавил Лаврентий. – Пухкой да душистый. Моя Мироновна, я бы сказал, тоже дока в выпечке, но ваш куда лучше.

Григорий сильно потянул носом и тоже стал рассматривать ломтик хлеба, подумал: «А наши маманька всегда как напекут... на бруски похожий... кислым пахнет».

Галина была охвачена тревожной мыслью, думала, как отказать жениху, но, стыдясь это сделать в присутствии сватов, молчала. Он же – наоборот: уже вкушал минуты радости, торжествовал победу. Денисовна заметила, что с ее дочерью творится что-то неладное, хотела выйти с нею в кухню и спросить, в чем дело, но решила, что Галина, как и все девушки, просто чувствовала себя неловко во время сватовства, волновалась, поэтому не стала обращать на нее внимания и снова принялась потчевать дорогих гостей.

Хозяйственный разговор прервался, и Бородуля, перейдя к другой теме, спросил:

---

¹⁵⁴ **Надельная земля** – земельный надел, земельный участок, которым наделен конкретный владелец. – прим. Гриня

¹⁵⁵ **Подкатник** – устройство для транспортировки различной техники по дорогам, здесь – хозяйственная постройка для хранения сельскохозяйственной техники. – прим. Гриня

– А что нового в ревкоме? Вы там бываете, сват? Клуб в станице думают строить, что ли?

– Да, об этом и я слыхал, – ответил Калита. – Но я мало туда хожу.

Договорились о свадьбе. Григорий подал на прощание руку отцу, матери, а потом и невесте. Галина потупила глаза, забросила косу за спину.

– Ну пошли, пошли, – заспешил Лаврентий, беря Бородулю под локоть. – Гоните нас, дорогие сваточки.

Старики проводили сватов до калитки, вернулись в хату. Калита сел на стул. Денисовна взвесила на руке булку, оставленную женихом, многозначительно покачала головой, положила в мисник¹⁵⁶, убрала со стола посуду.

Галина стояла у дверного косяка, в волнении кусала губы.

– А чего он такой некрасивый, мама? – спросила она неровным голосом. – Мурло! За все время слова не промолвил.

– Ой, лышенько! – всплеснула руками Денисовна. – Да чего же ты об этом не сказала раньше?

– А как бы я при них?

Калита взглянул на нее суровыми глазами.

– Я так и знал! – махнул он рукой. – Сердце мое чуяло, что беды не миновать.

– Какая там беда, – буркнула Галина.

– Так ты что? – спросил Калита с расстановкой. – Может быть, теперь и замуж не захочешь выходить за него?

Галина молчала, и лицо ее покрылось смертной бледностью. Она только сейчас поняла, что совершила непоправимую ошибку, не отказав жениху во время сватовства, а теперь в пустой след – хоть тупицею...

– Чего же ты молчишь? – закричал на нее Калита и топнул ногою.

– Подумаю, – угрюмо пробормотала Галина, шмыгнула в великую хату и зарылась в постель.

– Нет! – еще сильнее рассвирепел Калита. – Зараз тебе думать не придется: раз дала слово, то не позорь меня!

– Разве все выходят замуж после просватанья? – огрызнулась Галина рыдающим голосом.

– До других мне дела нет! – гаркнул Калита, снял с гвоздя ремень и многозначительно погрозил им дочери.

Галина свернулась калачиком, замолчала. Мать потушила лампу, помолилась богу и, вздыхая, улеглась. Лег и отец. Мысли о женихе не покидали Галину. Она представляла себе, как должна поцеловаться с ним во время венчания перед всей станицей, и тут же зареклась, что никогда не сделает этого, не поцелуется с таким мурлом, но больше всего она боялась расплакаться перед народом. Потом в ее воображении поплыли картины свадьбы, где непременно будут пьяные кричать: «Горько, горько!» – и она опять должна целоваться с нелюбимым женихом. Наконец нервы не выдержали, и она вдруг громко заревела: «Ой боже ж мой, что я наделала! Да как я пойду к такому человеку?»

Денисовна испугалась, хотела подняться, но Калита толкнул ее в бок, дескать, молчи, и сам не проронил ни слова: лег только на спину, подложил руки под голову и, молча слушая плачущую дочь, говорил себе: «Пушай трошки поплачет, и моя Дуня перед свадьбой плакала. Оно так и надо. Потом успокоится, и все будет хорошо».

Галина постепенно сбавляла свои рыдания, голос ее становился все тише и глуше, потом стала только всхлипывать и наконец совсем стихла.

Денисовна с облегчением прошептала:

«Слава тебе, боже, слава тебе!» И, отдавшись на милость господу, незаметно стала засыпать.

* * *

Хлопья утреннего тумана сползали с нагорного берега реки, пластались на воде и, когда засияло на горизонте мигающее солнце, начали подниматься над зеркальной гладью Кубани, превращаясь в легкие пенные облака, и наконец совсем исчезли.

---

¹⁵⁶ Мисник – полка или шкаф с полками для посуды и продуктов в сельском доме. – прим. Гриня

На гребне камышовой крыши хаты Калиты ворковали голуби. Денисовна и Галина выносили под шелковицу белье для стирки. Здесь на двух табуретках уже стояло приготовленное корыто, на плите в выварке грелась вода.

Галина взяла ведра, коромысло и направилась к реке за водой.

На плавневой излуине Кубани краснодольские хлопцы и девчата наблюдали, как Виктор Левицкий и Григорий Молчун пытались вытащить из воды огромного сома, попавшегося на крючок. Виктор и Григорий стояли на илком песке босиком с подвернутыми до колен штанинами. Сом, натянув толстую волосяную лесу, как очумелый, кидался из стороны в сторону.

Галина, гремя, ведрами и коромыслом, сбежала по косогору к подругам. Среди них была и Оксана. Она кинулась к Галине, обняла ее и, указав на Григория, тихо спросила:

– Жених?

Галина, не слушая ее, следила за рыбаками. Рядом с Виктором Григорий показался ей просто уродом.

«Неужели такой некрасивый у меня будет чоловік? – подумала она в тревоге. – Господи!..»

– Помогите! – вдруг закричал Виктор.

Несколько дюжих парней ухватились за шнур, и обессиленный сом почти полтора саженей длины был вытасчен на песчаный берег. Изгибаясь могучим телом, он поминутно зевал широким ртом. Галина еще раз посмотрела на Григория – лицо у него было тупое, соминое и она незаметно перевела глаза на Виктора, с досадой в душе воскликнула: «Ах, дура я, что согласилась!»

Оксана не спускала глаз с Виктора. Храня на лице живую, одухотворенную улыбку, она щебетала с подругами, с любопытством рассматривала сома-великана.

Виктор присел на корточки, закурил. Оксана взглянула на него и принялась расправлять у Галины воротничок белой кофточки. Григорий сидел на траве, в третий раз всовывал правую ногу в сапог, но все подворачивалась у него портянка. Наконец он топнул ногой, поправил голенище и одернул рубашку под казачьим поясом. Виктор тоже обулся, подошел к водоплеску, помыл руки. Молодежь разошлась.

На косе остались только Виктор и Григорий. Присели рядом со своей добычей. Сом изгибался, шевелил плавниками, изредка бил широким хвостом по песку и, раскрывая пасть и жабры, глотал сухой воздух, задыхался. Хищный глазок, как сапфировая синяя бусинка, глядел на победителей. Виктор дружески положил руку на плечо Григория, спросил:

– Ты читал вчера «Красное знамя»?

– Нет, а о чем там? – В голосе Григория прозвучало пренебрежение.

– Пишут, как англичане и французы науськали против нас ляхов.

Григорий настороженно протянул:

– Англичане и французы?

– Да, – сказал Виктор. – Втихомолку готовили интервенцию.

Григорий вопросительно посмотрел на него и, сев на песок, прогнусавил:

– А я до сих пор так и не разберусь толком, из-за чего война с поляками. Кой грец¹⁵⁷ виноват в этом?

У Виктора на смуглый лоб набежали глубокие морщины, лицо приняло задумчивое выражение. Он отодрал от карчи щепотку¹⁵⁸ и, вычищая из-под ногтей грязь, сказал:

– Видишь ли... После Колчака и Деникина Советская власть в России начала укрепляться. Это было не по душе заграничной буржуазии, и она стала готовить против нас войну. Но их рабочие воспротивились этому, организовали демонстрации в нашу защиту. Тогда в январе этого года Англия, Франция и Италия заключили с нами мирный договор, однако натравили на нас ляхов. – Виктор вдруг прервал свой рассказ и, взглянув на Григория, спросил: – Ты разбираешься в географических картах?

– Откуда там, – махнул рукою тот и пожевал губами.

– Мы же с тобой вместе учились.

---

¹⁵⁷ Грец – здесь – черт. – прим. Гриня

¹⁵⁸ Карча – коряга, суковатый пень, ветвистый обломок, целое дерево с корнями, подмытое и снесенное водою.
Щепотка – здесь – щепка. – прим. Гриня

– И сколько я там учился, – пробормотал Григорий, – от рождества до колядки¹⁵⁹. – Он помолчал, затем спросил: – А что с Врангелем?

– С ним скоро разделаются так же, как и с ляхами, – уверенно заявил Виктор.

– И ты веришь в это? – с досадой перебил его Григорий.

– Конечно! – воскликнул Виктор, укоризненно глядя ему в лицо. – Другого ничего не может быть.

Григорий недоверчиво скосил на него глаза и, поднявшись, медленно взошел по склону берега наверх, начал высматривать подводку, которая должна была прибыть за сомом.

III

Солнце склонилось к закату. Норкин положил мешок с зерном на телегу, выехал со двора.

У ветряка¹⁶⁰ привязал лошадь, поднялся по лестнице к жерновам. В ветряке сильно пахло горьковатой мучной пылью и плесенью. Договорившись со стариком-мирошником¹⁶¹ о помоле зерна, Норкин спустился вниз. Мирошник тем временем потянул за рычаг, и ветряк нехотя заскрипел, камень загрохотал, а громадные крылья с натянутыми парусами медленно начали проплывать за открытым окном, гудя и высвистывая свою натужную, тягучую мелодию.

Норкин привязал мешок к подъемному канату и, положив охапку сена лошади, снова взбежал наверх. Мешок был уже на месте. Пшеницу засыпали в ковш, и вскоре из деревянного рукава поплыла горячая мягкая мука.

Старик вышел. Норкин сел у открытого окна, обращенного к востоку, и, слушая гулкое гроханье камня, глядел, как мимо него со скрежетом проносились ребристые крылья, хлопали парусами.

Снизу донеслись чьи-то легкие шаги. Норкин прислушался и скоро на лестнице увидел Галину Калиту. Девушка остановилась у короба, машинально взяла из гарнца¹⁶² муки и, пробуя ее, спросила, где мирошник.

– Сейчас придет, – ответил Норкин и, помолчав, спросил: – Молоть думаешь?

– Да, на завтра надо договориться, – ответила Галина, присаживаясь на брус.

Норкин устроился с нею рядом, заглянул в глаза.

– Ты чего такая грустная?

Галина оперлась подбородком на руки, поставленные локтями на колени, молчала. Ей было тяжело весь этот день, и как она ни скрывала от посторонних состояние своей души, ничего из этого не получалось. Все видели, что на сердце у нее лежал камень, давила тоска.

– Ну чего же ты нос повесила? – глядел Норкин ей в лицо.

– Да так, – промолвила Галина. – Тяжко мне.

– Я все знаю, – сказал Норкин, – мне рассказывали. Ты выходишь замуж за Гришку Молчуна.

Галина встала и отошла к окну. Норкин тоже поднялся, поправил мешок с мукой.

– И что у нас за народ? – наконец неодобрительно пробормотала Галина. – Уже все знают. А может быть, я за него не пойду.

– Так-то и не пойдешь, – принужденно усмехнулся Норкин. – У тебя не такой батя. Заставит.

У Галины на глазах показались слезы, и две крупные капли скатились по щекам. Норкину стало неловко. Он взял ее сзади за плечи, начал успокаивать.

– Если бы ты знал, Вася! – вырвалось из груди Галины. – Если бы ты знал.

– А ты прямо заяви отцу, что такой тебе в мужья не нужен, и баста, – посоветовал Норкин.

---

¹⁵⁹ **Колядки** (коледовки, колядные песни) – календарные обрядовые песни славян, исполняемые преимущественно в святочный период (от Рождества до Крещения), во время ритуальных обходов по домам (колядовании). – прим. Гриня

¹⁶⁰ **Ветряк** – ветряная мельница. – прим. Гриня

¹⁶¹ **Мирошник** – мельник, работник на мельнице. – прим. Гриня

¹⁶² **Гарнец** – русская мера объема сыпучих тел, равная 1/8 четверика (3.28 л), деревянный или железный сосуд, имеющий такую емкость. – прим. Гриня

– Легко сказать, – всхлипывая и вытирая слезы, промолвила Галина. – Вот так бы и кинулась из этого окна.

– А ты за кого-нибудь другого выйди, самокруткой, – не то в шутку, не то всерьез сказал Норкин.

– За кого же это? – сквозь слезы улынулась Галина, глядя на него через плечо.

– Да хотя бы и за меня, – в таком же полушутливом тоне предложил ей Норкин. – Я тебя бы взял.

Галина отвернулась и, продолжая глядеть в окно, громко сказала:

– Нет! Я за тебя не пойду.

– Почему? – смутился Норкин. – Разве я плохой человек?

– У тебя плохая фамилия, – не задумываясь, ответила Галина. – Была бы я Норкина. Такое тебе!

– А Молчун – лучше?

– И то...

Внизу заржали лошади. Норкин выглянул в окно, но никого не увидел. В это время вся мука высыпалась из рукава, и ветряк был остановлен.

На нижнем этаже раздались поспешные шаги. Галина отошла к жернову. На лестнице вдруг показались Андрей Матяш и Данила Конотоп. Сердце у Норкина замерло. Он прижался спиной к окну и схватился за подоконник. Данила прицелился в него из нагана.

– Ой боже мой! – закричала Галина и, закрыв лицо руками, забилась в угол.

Андрей отвел руку Данилы, злобно бросил девушке:

– Перестань! А то и тебя прикокаем. – Обратясь к Норкину, он сквозь зубы процедил: – Ну, большевик, нажился на свете? Мы тебя стрелять не будем, а выбросим в окно – и шабаш. Бери его, Данилка.

Норкин, не долго думая, стремглав прынул в окно и, хватаясь за поперечные брусья крыла, на которых был прикреплен парус, как по лестнице, быстро спустился на землю. Андрей и Данила высунулись в окно, но стрелять не посмели, так как боялись вызвать к ветряку чоновцев.

– Ушел! – проскрежетал Андрей зубами. – Ушел большевик!

Он кинулся на лестницу. За ним пустился и Данила. Сев на коней, они перемахнули мостик и скрылись в лесу.

* * *

В субботу спозаранку в доме Молчуна начали готовиться к свадьбе. В летней кухне суетились женщины, варили и жарили всякую снедь, без умолку болтали, пустословили, смеялись...

Во дворе Калиты наблюдалась та же самая суетня. Денисовна развесила на веревке одежду, слезавшуюся в сундуке, приступила к стряпанью.

Оставив дочь у плиты под открытым навесом, она ушла за соседкой.

Галина села на низенькую скамейку, положила охапку соломы в огонь. Из трубы повалил густой черный дым, волнистой косой расстился по плоской крыше навеса, падал на землю и снова поднимался. Охваченная тревожной мыслью о женихе, девушка была в отчаянии. Ей хотелось сейчас же уйти из дому или же забиться в какой-нибудь отдаленный, скрытый угол и не показываться до тех пор, пока все не забудут о свадьбе; но желания ее оставались только желаниями, серьезного же решения, как это сделала ее меньшая сестра, она не предпринимала – не такой у нее решительный характер, как у Сони. С одной стороны, она боялась послушаться, огорчить отца, а с другой стороны, не знала, чем все могло кончиться...

Со сковороды, на которой шипели пирожки, поднялся сизый дым, пахло сожженным маслом. Но Галина была отключена от всего внешнего мира и занята лишь своими думами, терзавшими ее душу. Машинально подкладывая в плиту солому, она, видимо желая отвлечься от тяжелых дум, замурлыкала тихим голосом:

– Ой Василю, Василю,
Наше поле не сияне...

С двумя соседками возвратилась мать. Увидев дым, поднимающийся со сковороды, на которой

жарились пирожки, она всплеснула руками и закричала:

– Ой, Галька! Чего ж ты сидишь?

Галина встала и, растерянно глядя на пирожки, застыла на месте. Соседка открыла чугунок, покачала головой и с улыбкой сказала:

– И тут горит что-то.

– То вергуны¹⁶³, кума, – сказала Денисовна. – Вынимайте их.

Галина взяла сито, побежала в хату.

– Ты глянь, что наделала, – сокрушаясь, говорила Денисовна. – Все пирожки погорели.

От едкого дыма слезились глаза. Галина вернулась с сырыми пирожками, передала их матери.

С ветряка приехал Калита. Галина открыла ворота, и он въехал во двор, выпряг лошадь. Сгрузив с подводы два мешка муки, вошел в хату. Галина последовала за ним и, все еще надеясь на его жалость, со слезами кинулась ему на шею, вновь начала просить не выдавать ее за Григория. Но отец, строго придерживаясь своего обычая (он всегда говорил в таких случаях: не дав слова – крепись, а дав – держись, требовал такого же порядка и от всех в своей семье), был и на этот раз неумолим, снова пригрозил дочери ремнем.

Не желая торчать у нее перед глазами в эти минуты, он сел на лошадь, поехал к Молчунам. Однако чувствовал себя беспокойно. Ему порой становилось и жаль дочку, но было и обидно на нее, что она, не считаясь с ним, решила поставить его в неловкое, дурное положение, нарушить традиционный его порядок, создавший ему славу самого порядочного человека в станице, и он проговорил вслух:

– А что касемо того, что она задумала «откинуться» от жениха, то я этого не допущу. Молода еще, не понимает, что батько ей добра хочет. Потом поумнеет, будет благодарить меня. А зараз не беда, что трошки поплачет. Я ведь лучше бачу, что хорошо и что плохо. Правда, Гришка чуток топорный парень, ну и что ж. Не все красивые рождаются. Зато богатый хозяин. Не дарма¹⁶⁴ говорят: на рябом хлеб сеют, а на гладком к ветру ходят. Все дело в привычке. Поживет и освоится, приобвыкнет, будет добре.

Он вспомнил про меньшую дочь, Соню, которая также не хотела выйти замуж за Василия Бородулю.

«А что было бы, ежели б Соня пошла за Василия, то и проче? – спрашивал он себя в тревоге. – Не миновать бы ей ходить теперь в солдатках, а то и вовсе осталась бы вдовой. Да и сколько набралось бы позору из-за того, что он у Врангеля... – Подумав, старик возразил себе: – Это бабушка еще надвое сказала. Коли б женился на ней, то, возможно, и не пошел бы туда. Но Гришка дома. Причины нет ему отказывать».

Лошадь, видя, что хозяин совсем забыл про нее, шла неторопко, изредка отфыркиваясь от дорожной пыли, шекотавшей ноздри.

Наконец Калита оглянулся по сторонам, произнес вполголоса:

– Что-то я дюже замешкался...

Он толкнул чалую в бока, и та, зачавши ногами, пошла быстрее, потом перешла на рысь.

Выехав на западную окраину станицы, старик свернул налево и, миновав несколько казачьих дворов, подъехал ко двору Молчуна, в центре которого возвышался громадный с нависшей кроной кудрявый дуб, отбрасывавший на запад широкую тень. В глубине двора стоял на высоком кирпичном фундаменте большой дом, обшитый досками и выкрашенный в темно-зеленый цвет. Крыша его после ночной росы уже просохла, ярко блестела оцинкованным железом на горячем солнце. Тут же на широкой площади двора размещались и другие постройки: длинная дощатая конюшня, три амбара, коровник и половня, подкатник, в котором хранились сельхозмашины. За домом был сад и огород.

Калита остановился у закрытых ворот с полукруглым верхним обрезом, не спеша слез с лошади, заглянул в калитку. Во дворе разноголоса залаяли черные, бурые, серые и пегие псы, бросились к старику.

Прибежал Григорий, отогнал собак и, улыбаясь во весь рот, поздоровался с тестем, взял у него

---

¹⁶³ **Вергуны** – хворост.

¹⁶⁴ **Не дарма** – не даром, не зря. – прим. Гриня

повод и, ведя за собой лошадь, проводил старика во двор. Калита смерил его глазами, потупил голову: Григорий и действительно был неказистым, совсем некрасивым парнем, одно лишь было у него достоинство – это молодость да праздничная одежда: шевровые сапоги, новые шаровары, белая вышитая рубашка, казачий пояс с вызолоченным набором и черная курпейчатая кубанка. Но лицо, лицо-то! Никудышнее.

Григорий оставил тестя у дома, повел лошадь в конюшню.

На крыльцо вышел Молчун. Неторопливо поправив под казачьим поясом льняную рубашку, он грузно застучал сапогами по гулким деревянным ступенькам, раскачивающейся походкой спустился вниз, важно произнес:

– А, Яков Трофимович, час добрый, милости прошу. – Он наклонился к нему и, указав глазами на сына, с улыбкой шепнул: – Мой Гриша дюже хвалил твою дочку. Говорит, и хлеб она печет какой-то особый.

Калита усмехнулся в бороду, пожал плечами:

– Да... Научилась у матери.

Молчун пьяно хихикнул, хвастливо подмигнул:

– А коли сын доволен, то и мне под стать.

Проходя через веранду, Калита снял шапку, поклонился женщинам, занимавшимся приготовлениями кушаний к свадьбе, последовал в дом. Но тут в полутемном коридоре с ним повстречалась Меланья Аристарховна, отвесила поклон, сказала:

– Оце добре, сват, шо вы приехали. Надо договориться, как будем гулять свадьбу.

– Договоримся, стара, обо всем договоримся. – Молчун поднял руку, давая ей понять, чтобы не мешалась в их мужской разговор.

Меланья Аристарховна направилась в летнюю кухню.

Молчун и Калита вошли в обширный светлый зал с деревянным крашеным полом, застланным половиками. Сват окинул глазами старомодную мебель: гардероб, буфет с посудой, круглый стол посреди зала, мягкий диван, кресла, обитые темно-синим плюшем; увидел гобелены на стенах, портреты умерших родителей Молчуна, фотографии, в западном левом углу – киот с большими и малыми иконами.

Молчун открыл настежь окно и пригласил свата садиться, указав на кресло. Калита осторожно потрогал мягкое сиденье, покачал головой:

– Кто ж тут сидит?

– Кому придется, – ответил Молчун, присаживаясь на диван.

Калита медленно опустился в кресло, положил руки на мягкие подлокотники, сказал:

– Такое у Гусочки я бачил, только с высокой спинкой. Он любит по вечерам на крыльце сидеть на нем и пить чай. Говорит, купил где-то.

– Брешет, поганец! – махнул рукой Молчун. – Стянул у кого-то. Многие люди при отступлении Деникина бросали свои дома, имущество на произвол, вот он и воспользовался.

– Я знаю его хорошо, – сказал Калита. – На руку он легкий, то и проче.

– Ну, а что нового слыхать в станице? – поинтересовался Молчун.

Калита пожал плечами.

– Все про банду балакают, – не скоро проговорил он. – Матяш и Конотоп были же на днях, напали в ветряке на Василя Норкина, но тот удачно увернулся от них.

Молчун неодобрительно покрутил головой.

– Да, глупо они поступили, что ушли в банду.

Потом поговорили о продрозверстке, сколько пудов наложили на того или иного станичника, коснулись и Корягина, и Жебрака.

– Власть... никуда не денешься, – рассудительно сказал Калита. – С нашим братом-хлеборобом не дюже считается.

– Петро горячо повел свое председательство, – прибавил Молчун, глядя из-под широких бровей на собеседника. – Отсюда и недовольство.

– Да... он чересчур горячий, – согласился Калита.

– А про тех казаков, которых забрали в плен во время боя в монастыре, что слыхать? – спросил Молчун.

– Чума их знает, – развел Калита руками. – Про це¹⁶⁵ видать, только Корякину и Жебраку известно. Я думаю, что их пошлепают.

– Такого ж и я мнения, – сказал Молчун.

Затем они стали обсуждать, в каком порядке будут проводить свадьбу.

* * *

Колокол гудел тоскливо, протяжно, словно выл по покойнику, приглашал станичников к вечерне.

Денисовна, поддерживаемая Галиной под руку, медленно поднялась на паперть, осенила себя крестом опустившись на колени, сделала три земных поклона, встала и мелкими шажками прошла в церковь, залитую ярким светом, присоединилась к женщинам. Невыносимая духота, густо пропитанная благовонием ладана, сковывала прихожан, и они, как в горячем котле, томились в ней, стояли плотной толпой перед царскими вратами¹⁶⁶, крестились и кланялись. На правом клиросе¹⁶⁷ дискантом тянул дьячок. С хоров несло песнопение. Ктитор¹⁶⁸, плюгавый рыжебородый старикашка, засеменял по проходу, образованному мужчинами с одной стороны и женщинами – с другой. Ему на серебряный подносик бросали деньги.

Бородуля стоял впереди казаков на самом видном месте. Держа шапку в руке, он размашисто клал на себя кресты, шептал молитвы. Ктитор отвесил ему поклон, елевым голосом произнес:

– Рука дающего не оскудеет.

Бородуля положил на подносик несколько сотенных бумажек, перекрестился, сложил руки на округленном животе. Оксана ставила на подсвечник большую зажженную свечу и украдкой поглядывала на Дарью Матяш, опустившуюся на колени перед иконой с изображением первоверховных апостолов Петра и Павла. У последнего в руке были ключи – символ власти, разрешение человеческих грехов на земле. На измученном лице Дарьи выражалось безысходное горе.

В церковь, слегка пошатываясь, вошли Молчун и Калита, перекрестились на образа.

Галина прильнула к матери:

– Батя. Пьяни.

Денисовна внимательно пригляделась к своему старику и, перекрестясь, подумала: «На радостях налился. Такого с ним еще никогда не было».

– Ой, мамо, поглядите на жену Матяша! – дрожа всем телом, прошептала Галина. – Вон она молится. Бедная, как с креста снята!

Денисовна бросила кроткий взгляд на Дарью, толкнула дочь локтем.

– Грешно, доченька, грешно тут. Молись лучше богу

А Галина все смотрела на Дарью, на ее впалые глаза с черными кругами, выражавшие глубокую скорбь, перевела взгляд на Виктора Левицкого, стоявшего недалеко от нее, и неожиданно увидела за ним Григория. Сердце ее дрогнуло и, казалось, остановилось на мгновение. Потупив голову, она невольно подумала: «Мой жених. Боже, что я наделала? Не пойду, не пойду за него!»

Коснулась плеча матери:

– Мамо, а вон и Гришка стоит. Гляньте, какой он поганый!

Денисовна покосилась на будущего зятя, шикнула на дочь;

---

¹⁶⁵ **Це, оце** – это, вот. – прим. Гриня

¹⁶⁶ **Царские врата** – двустворчатые двери, главные врата иконостаса в православном храме, ведущие в алтарную часть храма. Обычно украшены иконописными изображениями четырех евангелистов. – прим. Гриня

¹⁶⁷ **Клирос** – в православной церкви место, на котором во время богослужения находятся певчие и чтецы. Почти в каждом храме имеются два клироса – правый и левый, оба либо на возвышенной предалтарной части храма, по бокам солеи (возвышение пола алтарной части храма), либо в храмовой части церкви по углам. В некоторых храмах напротив алтаря устроен балкон, на котором находятся певчие. Также клиросом может называться и хор певчих. – прим. Гриня

¹⁶⁸ **Ктитор** – здесь – церковный староста. – прим. Гриня

– Не ищи красоты, а ищи доброты. С лица воды не пить. За ним будешь жить в достатке. Да тут не место толковать про это. Моли бога, чтобы у вас жизнь была хорошая.

Галина брякнулась на колени перед иконой, с отчаянием взмолилась про себя: «Милостивый господи! Вразуми ты моего батю в горьком моем страдании, избави меня от ненавистного жениха моего».

Мысль ее оборвалась, сердце забилося, и она, с трудом удерживая слезы, принялась бить земные поклоны.

Мать также стояла на коленях, шевелила выцветшими старческими губами. Наклонилась к дочери и с материнской нежной лаской промолвила:

– Вот так, моя умница, молись хорошенько. Не забудь и великомучеников, и блаженных, и преподобных. Они твою молитву беспрерывно услышат.

Галина не могла уже владеть собой, и губы ее судорожно передергивались, дрожали, глаза заволакивались слезами.

Прошли вперед Лаврентий и Прасковья Левицкие. Они вставили свечи в высокую жирандоль¹⁶⁹, перекрестились. Отец Валерьян, сияя золотистой ризой с белесыми крестами, правил службу на амвоне.

Бородуля вышел из церкви. За ним последовали Молчун и Гусочка. Они уселись против заалтарной стены на длинной скамейке. Осторожно посмотрев вокруг и не найдя никого поблизости, Бородуля вполголоса сказал:

– Что-то Тихон Силыч задерживается в Прочноокопской.

– Наверно, дела там незавидные, – прибавил Молчун.

– Да-а, бьют нашего брата и в хвост и в гриву, – вытерев пот на лбу, проговорил Гусочка.

Поляки и Врангель тоже с поражением, – волновался Молчун. – А здесь хоть в землю зарывайся. У меня что-то душа болит, Игнат Власьевич.

– Что ж теперь, по-твоему, сложить руки и сидеть ничего не делая? – возвысил голос Бородуля.

– Нет, зачем, – ответил Молчун. – Я не против. Но вы же сами видите, какое положение.

– Падать духом не будем! – подхватил Гусочка. Казак не должен нюни распускать, Федот Давидович. Треба быть таким, как Матяш. Слыхал, как он напал на Норкина в ветряке?

– Да что толку? – махнул рукой Молчун. – Шуму наделал, а попусту.

– Эге-ге, ваше благородие, – Гусочка потрепал его по плечу. – Как ето. Были б побрякунчики, будут и по-плясунчики!¹⁷⁰ Пока мы одни, а там...

На южной, боковой паперти показался Лаврентий.

– Тише, братцы, – предупредил Молчун.

– Да, при нем осторожно, – сказал Бородуля.

Лаврентий сел рядом с ними, завел разговор о косовице¹⁷¹.

IV

Поздно вечером вся семья Калиты вернулась из церкви домой. Денисовна зажгла лампу и сразу же, взглянув на старика, сурово сказала:

– А ты, мабуть, на radoщах нализался. Як зюзя прителепался в церковь. На смех людям.¹⁷²

– Не шуми, стара, – пробормотал Калита, направляясь в великую хату. – Никто не смеялся. Сват-то оказался – душа-человек! Как же с таким не выпить?

– Так знал бы меру! – бросила Денисовна.

---

¹⁶⁹ **Жирандоль** – здесь – несколько подсвечников на одной подставке. – прим. Гриня

¹⁷⁰ Варианты пословицы – Были бы пирожки, будут и дружки.; Были бы рубли, а мешки будут. – прим. Гриня

¹⁷¹ **Косовица** – сенокос, время косьбы. – прим. Гриня

¹⁷² **Мабуть** – здесь – вероятно, наверно, может быть; **на radoщах** – на радостях; **зюзя** – здесь – совершенно мокр или совершенно пьян; **телепаться** – здесь – идти медленно, с трудом, раскачиваясь (степной диалект юго-восточного наречия украинского языка, **балачка** – совокупность говоров казаков Дона и Кубани). – прим. Гриня

– А как же! – Калита развел руками. – Без меры не пили. Чарками с хрусталя – вот такими, маленькими!

Слушая разговор родителей, Галина поспешно переделалась в домашнее платье, начала готовить вечерю¹⁷³. Теперь ей совсем стало ясно, что отец после того, как побывал у Молчуна, окончательно был им куплен. Она уже собиралась громко расплакаться, но отец вдруг вернулся, заглянул ей в глаза и, легонько дотронувшись до ее плеча, счастливо улыбнулся:

– Дону¹⁷⁴! Какая же ты дура! Тебе надо только радоваться! Такого жениха ни у одной девки в станице не будет. Понимаешь?

Галина, словно окаменев, глядела на него молча, теряла голову. Однако отец сел на табуретку и, сияя глазами, начал рассказывать, какое богатство видел у Молчуна.

Денисовна, вытаращившись на него, спросила:

– Так он что, показывал тебе хозяйство?

– А то как же! – ответил Калита. – Все до подноготной! Перво-наперво повел по комнатам, потом побывали на дворе, смотрели все.

– Ну и что же? – заинтересовалась Денисовна. – Как он живет?

– Умирать не надо, стара! – махнул рукой Калита. – Не дом, а чаша полная. Вот это хозяин! И все ж будет Галькино! Сын-то у них один.

* * *

В предутренней мгле кричали горластые петухи, будили спавшую станицу. Темные тучи дымились на западном склоне серого неба, ползли к разгоравшемуся востоку, светлели, походили на меловые горы и там, на восходе солнца, обрамлялись золотом.

В доме Молчуна готовились к отъезду за невестой. В обширном зале перед зеркалом стоял Григорий, поправлял черкеску с серебряными газырями¹⁷⁵. Виктор, старший боярин, повесил ему через плечо парчовую тесьму, разровнял воротничок. Григорий, широко улыбаясь, бросал короткие взгляды на зеркало, любовался своим отражением. Вокруг него жужжали хлопцы, девчата, шутили, смеялись. Нарядная свашка, подтрунивая над младшими боярами, звонко хохотала.

Во дворе также полно гостей. У конюшни свадебный поезд дожидался жениха. В упряжке ржали, кусались, били копытами землю сытые кони, пестрели бумажными цветами и лентами.

На тачанках и линейках уселись приглашенные. Бородуля со своей семьей занял рессорные дрожки¹⁷⁶. К нему подбежал Гусочка, занес ногу на подножку.

– Можно коло вас присуседиться, Игнат Власьевич? – спросил он поспешно.

– Нет, нет, Иван Герасимович, – остановил его Бородуля. – У меня человек приезжий. Ты пойдй к Левицкому.

– Добре, – согласился Гусочка и запетлял между подводами.

На крыльце появился Григорий, а за ним родственники, дружки, подружие, бояре¹⁷⁷. У многих казаков, разнаряженных в разноцветные черкески, блестели на груди позолоченные газыри. На поясах висели кинжалы. По всему двору раздавался шум, говор.

Сев в головную тачанку, жених с копытка¹⁷⁸ выехал со двора, и свадебный поезд помчался к

---

¹⁷³ **Вечеря** – Ужин. – прим. Гриня

¹⁷⁴ **Доня** – дочь, доченька, дочушка.; **Доню** – ласковая форма обращения к дочери – прим. Гриня

¹⁷⁵ **Газырь** – герметично закрываемый цилиндрический пенальчик, вместилище для заранее отмеренного порохового заряда или бумажного патрона. Газыри носились или в сумке-газырнице, или, чаще, крепились в один ряд в нагрудных кармашках, выполняющих роль патронташа. – прим. Гриня

¹⁷⁶ **Тачанки, линейки, дрожки** – разновидности военных и гражданских четырехколесных повозок. – прим. Гриня

¹⁷⁷ **Дружки, подружие, бояре** – свадебные чины со стороны жениха. – прим. Гриня

¹⁷⁸ **С копытка** – резво, резко, без промедления (аналогично – с места в карьер). – прим. Гриня

невесте.

* * *

Чоновцы вместе с комсомольцами направлялись через церковную площадь на воскресник. Впереди колонны, над которой колыхалось красное знамя, шагали Корягин и Жебрак.

Богомольцы собрались у церкви и не без удивления смотрели на них, перешептывались друг с другом. Старухи и старики, укоризненно кивая головами, говорили:

– Безбожники, и сраму на них нет. Идут на работу в воскресный день.

Затем, чтобы отогнать от себя дьявола, крестились и поспешали на богомолье в церковь.

Жебрак и Корягин вошли во двор подьесаула¹⁷⁹ Груздева, отступившего вместе со всей семьей в Крым во время бегства Деникина. За ними последовали и чоновцы, женщины-активистки и комсомольцы. Корягин открыл дом и объявил, что они должны устроить здесь избу-читальню.

Комсомольцы, возглавляемые Клавой Белозеровой, рассыпались по широкому двору, принялись за работу. Выпалывали высокий бурьян, подметали сор, грузили его на подводы. Корягин и Жебрак с чоновцами-плотникам приступили к починке обветшалого крыльца дома и разрушенного забора. Женщины белили комнаты.

Показался свадебный поезд Молчуна и, поднимая пыль столбом, понесся по церковной площади.

Рядом с Бородулей сидел в светло-серой черкеске, черной кубанке и лайковых сапогах его кум Копоть из Приморско-Ахтарской. Обветренное и смуглое, почти квадратное, его лицо с колючими усами, казалось, выражало какую-то внутреннюю неудовлетворенность. Кудрявые волосы вились колечками у низкого лба, пересеченного глубокими складками, свисали на висках и шее, как у цыгана.

Бородуля покачал головой и, указав на Корягина и Жебрака, шепнул:

– Видишь, Никита Гаврилович, до чего мы дожили?

Копоть не понял его, повел недоуменным взглядом по ревкомовцам. Бородуля рассказал ему о Груздеве.

– А теперь читальню в его доме делают.

Копоть безнадежно махнул рукой:

– У нас в станице такое же творится.

– А кто у вас за председателя? – поинтересовался Бородуля.

– Черноус. Там такой прижимистый. Все охотится за мной, да никак не поймают.

– А кто он? Казак?

– Кой черт! – злобно засверкал глазами Копоть. – Самый настоящий городовик.

– И у нас тоже, – подчеркнул Бородуля. – Ходил тут несколько лет со своим батьком по людям, а потом пристал к казачке.

– А у нашего и жена из гамселов¹⁸⁰.

– Да-а... – сокрушенно протянул Бородуля. – Умерла та курица, что несла нам золотые яйца.

Свадебный поезд обогнул северную окраину станицы, завернул на восточную и остановился у двора невесты.

Калита со своею старухой встретили жениха с хлебом, оставленным им во время сватовства, открыли ворота.

Со всех сторон набегали детишки, хлопцы и девчата, молодичи и женачи¹⁸¹.

Жених и боярин слезли с тачанки, направились к хате.

---

¹⁷⁹ **Подьесаул** являлся помощником или заместителем есаула, командовал казачьей сотней. Погоны имели то же оформление, что у сотника, но с четырьмя звёздочками. По служебному положению соответствует современному капитану. – прим. Гриня

¹⁸⁰ **Гамсел** – иногородний.

¹⁸¹ **Молодича** – молодая крестьянская замужняя женщина; **женачь** – молодой женатый мужчина. – прим. Гриня

В тесной комнате, в окружении друзей, Григорий увидел плачущую Галину в подвенечном белом платье и фате с восковыми цветами, лежавшими полувенком на голове. Оксана, старшая дружка, успокаивала ее. Тут же, склонясь на подоконник открытого окна, сидела Соня. У сундука и кровати плотной стеной стояли девушки, Украдкой поглядывали на жениха.

Соня бросила короткий взгляд на вошедшего Виктора, сердце ее дрогнуло. Она потупила глаза, подумала: «И видела его в лесу». Но тут перед нею встал монастырь, и лицо ее потемнело, сделалось печальным. Виктор также узнал Соню и, украдкой указав на нее, тихо спросил у Григория:

– Чья она?

– Сестра Гали, – ответил тот. – Слышал, что не захотела выйти за Ваську Бородулю и потом бежала в монастырь?

Виктор удивленно поднял брови:

– А... слышал.

Калита шагнул через порог, остановился перед молодыми, сказал:

– Благословляю вас, дети мои. Будьте счастливы, живите мирно, любите и почитайте друг друга, то и проче.

Денисовна взяла на угольнике приготовленную икону Марии богородицы, перекрестила ею Григория и Галину, просяще скривила лицо:

– У меня одна к вам просьба, детки мои: живите в мире, как бог велел.

Григорий чмокнул икону и уступил место невесте. Галина потянулась губами к богоматери, но вдруг повалилась в ноги отцу, запричитала:

– Ой, батенько, дорогой мой батенько! Та чим же я вас так прогневала? Та на шо ж вы отдаете меня чужим людям?

Девушки, стоявшие с нею рядом, в один голос завыли, обнялись друг с другом, и вся хата с низкими потолками наполнилась рыданиями. Григорий, казалось, тоже готов был зареветь, но только растерянно глядел то на Виктора, то на Оксану, призывал их глазами оказать невесте помощь, но те застыли перед нею и не знали, что им делать.

Виктор и Оксана наконец помогли Галине подняться с полу. Невеста еще сильнее заголосила. Мать с состраданием качала головой, и слезы текли по морщинистому ее лицу.

– Яков... – глухо простонала она, умоляюще глядя на старика.

– Веди ее, Витька, – строго приказал Калита.

Виктор медленно повел невесту к выходу. Григорий также взял ее под руку. Позади, обливаясь слезами, шла Соня, а за нею Оксана с дружками.

Виктор помог Галине подняться в тачанку, сел около нее с левой стороны, а Григорий – с правой. Тут же напротив поместились Соня и Оксана. Тачанка выехала со двора, а следом тронулся и весь поезд.

V

В церкви только что закончилась заутреня, и народ, увидев жениха и невесту, обступил их тесным кольцом.

Григорий и Галина с боярами и дружками поднялись на паперть. За ними повалила и вся толпа.

У первого аналоя, по сторонам которого стояли два канделябра с горящими свечами, жених остановился справа, а невеста слева.

Из алтаря вышел Валерьян в сияющей ризе и, взяв кольца у венчавшихся, спросил у жениха:

– По желанию ли вы берете невесту?

– Да, по желанию, – ответил Григорий.

– Другой невесте не обещались?

– Нет.

Священник обратился к невесте с теми же вопросами. Галина потупила глаза, наполненные слезами, молчала. Поп, не дожидаясь ее ответа, поспешил в алтарь, чтобы освятить кольца. Григорий, поддерживая Галину, прошел с нею ко второму аналою, накрытому мишурной скатертью.

Валерьян не заставил ждать себя, тотчас явился с золотыми венцами в руках, поставил на аналой и, произнеся молитву, трижды перекрестил их. Затем поднял венец над головой жениха. Старший боярин, стоявший позади Григория, взял венец платочком. Второй венец Валерьян поднял над невестой. Старшая дружка сделала то же самое, что и боярин.

Священник возвестил протяжным голосом:

– Венчается раб божий Григорий рабе божьей Галине, во имя отца и сына и святого духа...

Хор на правом клиросе звонкоголосо пел:

Полежи еси на главах их венцы...

Поп вынес из алтаря кольца на тарелочке. Жених и невеста взяли их, каждый свое. Священник попросил обменяться ими три раза. Григорий отдал кольцо Галине. Невеста уронила его. Свечницы погнались за кольцом, нашли под ногами прихожан, подали Галине.

По церкви прошелестел неодобрительный шум, закончившийся старушечьим хриплым голосом:

– Не к добру это. Ой, не к добру!

Попу подали платок. Он связал жениху и невесте правые руки и повел вокруг аналоя. Хор дружно подкатил:

Исаия, ликуй...

Станичники глядели на венчавшихся, всяк по-своему рассуждал о плакавшей невесте. Одни сочувственно к ней относились:

– Замуж выйти, не пирог испечь.

А другие, наоборот, осуждали ее:

– Ей надо бога молить, что взял такой богатый человек, а она еще ревет.

Поп развязал руки обвенчанным, снял венцы, заставил поцеловать иконку на них. Новобрачные перекрестились, коснулись губами Спасителя. Священник поздравил их с вступлением в брак и в знак любви друг к другу велел трижды поцеловаться.

* * *

Свадебный поезд опять покотился по улице. Заиграла музыка. Народ начал расходиться, по-разному толкуя о свадьбе, затеянной Молчуном летом.

– Да что им, богатеям-то, – говорила старуха, – они сами себе владыки. Молчуну нужна даровая работница в жнива¹⁸², вот он и женил сына.

У двора жениха поезд встретила вся окраина. Тачанка с молодоженами промчалась мимо амбаров, сараев, остановилась у крыльца. Григорий и Виктор помогли Галине сойти вниз. За ними спрыгнули на землю Соня и Оксана.

Тачанки и линейки, опережая одна другую, беспорядочно въезжали во двор. Гремела музыка.

Гусочка соскочил с линейки, выбежал на круг и, выбрасывая ноги, пустился в пляс, приговаривая:

На что мне богатство,
На что мне чины?
Подай рюмку водки,
Кусок ветчины.

Лаврентий, охваченный задором, не усидел на месте, понесся вокруг него с легкостью, точно на пружинах, приседая и подпрыгивая. Свист, гам, смех с нарастающей силой раздавались в толпе.

В просторных комнатах дома, с настезь открытыми окнами, стояли накрытые длинные столы.

В зале, под образами, молодожены заняли места. Тут же с шумом разместились на стульях и длинных скамейках молодежь.

Дружко и подружий наполнили рюмки водкой. Пожелали новобрачным счастья, чокнулись, выпили и стали закусывать. Дружки переглянулись и вдруг запели:

---

¹⁸² Жнива – здесь – жатва, пара сбора урожая. – прим. Гриня

Поприймайте¹⁸³ от нас
Все ложки и тарелки
Та влейте горилки...

Разрумяненная Меланья Аристарховна заглянула в дверь, одобрительно покивала головой и ушла в другую комнату к гостям-старикам и пожилым людям. Дружко и подружий налили по второй рюмке. Подшучивая над боярами, дружки опять затаили:

Йилы бояре, йилы,
Цилого быка зылы.
На столе – ни крыхточки,
А под столом – ни косточки.¹⁸⁴

Раздался громкий смех. Неожиданно в зал вбежал Гусочка и громко закричал:

– Горько! Горько!

Григорий потянулся, к Галине, намереваясь поцеловать ее в губы, но Галина отшатнулась назад, уставилась на него, как на привидение, мысленно проговорила: «Тю на тебя. Отстань!»

Потом нехотя подставила ему щеку, и он, чмокнув в нее, широко заулыбался.

– Горилки им за это! – распорядился Гусочка.

Дружко налил еще по рюмке. Дружки выпили и, подмигнув друг другу, залились звонкими голосами:

Йилы дружочки, йилы,
Пивголуба зылы.
На столе – все крыхточки,
А под столом – все косточки.¹⁸⁵

– Оце так бояре! Оце так дружки! – прокатилось по ряду сидевших за столом.

В окна ворвались звуки музыки, ружейной пальбы. Гусочка топнул ногой, закричал:

– Гай шумит¹⁸⁶! – И задвигал ногами, хлопая ботами не в такт музыке.

– Робы¹⁸⁷, робы, Иван Герасимович! – заглядывая в дверь, подзадоривал его Копоть пьяным голосом. – Оно у тебя шось получается.

Гусочка пустился быстрее и, носясь по залу, приговаривал:

Ой, гоп – та-й присила,
Була черна, стала сира!

Копоть толкнул Гусочку в бок и, расправив ершистые усы, подхватил хмельным хохочущим голосом:

– Что же ты без музыки танцуешь?

– А хйба без музыки? – тяжело дыша, остановился Гусочка.

– Водки ему за такие кренделя! – махнул рукою Копоть.

Дружко налил в стакан самогона, поднес Гусочке. Тот опрокинул его над беззубым ртом,

---

¹⁸³ **Поприймайте** – здесь – заберите. – прим. Гриня

¹⁸⁴ Ели бояре, ели, целого быка съели. На столе – ни крошечки, а под столом – ни косточки. – прим. Гриня

¹⁸⁵ Ели дружки, ели, полголубя съели. На столе – все крошечки, а под столом – все косточки. – прим. Гриня

¹⁸⁶ **Гай шумит** – зажигай; дым коромыслом. – прим. Гриня

¹⁸⁷ **Робы** – делай; давай. – прим. Гриня

осушил до дна, крикнул и потянулся к закуске.

– Эк, Иван Герасимович, – совсем оживился Копоть. – Да ты черно пьешь!

Гусочка проглотил кусок жареной баранины, зашамкал:

– Пью саме у красу¹⁸⁸, Никита Гаврилович!

– Пей, да ума не пропивай! – хлопнул Копоть его по плечу и вышел из зала.

Во дворе танцевали лезгинку.

– Шире круг! – выкрикнул кто-то из толпы.

И на середину в нарядном цветастом платье выбежала Оксана. Вытянув одну руку в сторону, а другую согнув над головой, она топнула каблуками красных сапожек, пустилась в плясовую по освобожденному кругу. Стройная, гибкая ее фигура, как бабочка, порхала из стороны в сторону. Высоко держа голову и выпятив грудь, она, казалось, плыла в воздухе, заглядывала парубкам¹⁸⁹ в очи, призывала их посостязаться с нею в лихости.

Виктор выбежал ей навстречу, и они, то разбегаясь, то снова сбегаясь, выделяли сложные па в вихревом танце. Парни и девчата ожесточенно хлопали в ладоши и громко выкрикивали:

– Асса! Асса!..

На крыльцо, обнявшись, вышли Бородуля и Левицкий, обратили внимание на танцующих.

– Ты бачишь, Лавруха, как твой сын носится с моею дочкой! Ей-богу, из них была бы гарна пара! Да ты глянь, как она, бисова дивчина, заглядывает ему в очи! Все же нам придется их поженить.

Лаврентий расправил усики, покосился на Бородулю, подвигнул:

– Я не прочь породниться с вами, Игнат Власьевич, но... я слыхал, недоброе болтают в станице про вашу Оксану.

– Гм... Мало ли что болтают. А танцуют они, бисови дети, как черкесы! – воскликнул Бородуля.

Соня стояла на веранде у раскрытого окна и с тоскою глядела на исполнявших лезгинку. Она уже слыхала от Галины, что Виктор собирается жениться на Оксане, и ощущала в душе нотки ревности: ведь он тогда, при встрече в лесу, назвал ее красавицей.

«И это, видимо, не зря, – рассуждала она. – А теперь решил взять Оксану. Да оно иначе и не могло быть. Я же в монастыре. Он знает об этом...» Ей не хотелось больше тревожить свою душу, и она начала помышлять, как бы незаметно, тайком уйти со свадьбы, но глаза ее не могли оторваться от Виктора...

– Виктор, сделай кинжального ежа! – спускаясь по ступенькам крыльца, крикнул Григорий.

Виктор, вооружившись двумя кинжалами, с поразительной быстротой начал выписывать ими замысловатые фигуры в воздухе. Лучи жаркого солнца блестели на холодной стали кинжалов, напоминая ежа, утыканного сверкающими иглами. Оксана, как мотылек, носилась, порхала вокруг него, не чувствовала земли под ногами.

К Соне подошла Галина, взяла ее под руку, заглянула в глаза.

– Ну, как ты? – спросила она. – Не скучаешь?

– Нет, – покачала головой Соня.

Она прильнула к ней, хотела что-то сказать, но в дверях коридора показались Меланья Аристарховна и Акилина Даниловна, пронизали их глазами и, остановясь на крыльце, залюбовались танцевавшими. Соня почувствовала неловкость и опять стала глядеть в окно.

Музыка наконец умолкла. Оксана вытерла на румянном лице пот. Виктор вложил кинжал в ножны и поправил осунувшиеся голенища сапог.

Меланья Аристарховна с улыбкой махнула на них рукой:

– И шоб вас!..

VI

Начался обряд осыпания. Мать жениха вынесла из дома сито, наполненное хмелем, пшеницей,

---

¹⁸⁸ У красу – во всей своей красе, в полном блеске. – прим. Гриня

¹⁸⁹ Парубок – парень, юноша. – прим. Гриня

деньгами, орехами, конфетами, и начала пригоршней метать все это на головы молодых, стоявших внизу перед нею на ступеньках крыльца. Все от мала до велика бросились за лакомствами, толкая друг друга, крича и падая.

Вскоре сито опустело в руках матери, и гости с шумом потянулись к своим подводам, стали занимать места.

Григорий и Галина уселись на тачанке. Около них разместились Виктор, Оксана и Соня. Поезд тронулся, помчался к Калите, оглашая станицу музыкой.

Виктор зачарованно глядел на девушек, сидевших против него, казалось, не мог определить, какая из них была красивее – Оксана или Соня. Голова кружилась и шумела от хмеля, в глазах рябило.

Соня, чувствуя близость Оксаны, отклонялась от нее, куталась в черную мантию, и нежное ее лицо, обрамленное капюшоном с белыми отворотами, хмурилось, было суровым и недоступным. Оксана же, наоборот, своим живым, общительным характером производила на всех приятное впечатление, умела, как говорится, с ходу влезть в душу. Наконец она не выдержала и, обнажив в улыбке ряд белых зубов, подмигнула боярину:

– Ты чего принялся нас разглядывать? Купить вздумал, что ли?

– Да вот, – так же шутливо ответил Виктор. – Не пойму только, какая из вас лучше.

– Соня, конечно! – подхватил Григорий.

– Она замуж не пойдет, – сказала Оксана. – Видишь, на ней черная ряса.

Соня инстинктивно повернула голову, посмотрела ей в глаза, подумала: «А кто виноват в этом?»

У ворот свадебный поезд встретили парубки, потребовали магарыч¹⁹⁰. Григорий скосил маленькие соминые глаза на них, спросил:

– Сколько ж вы просите?

– Пять четвертей¹⁹¹ водки! – закричали голоса.

– Нет, стоко я не могу дать, – ответил Григорий.

Приказал кучеру ехать. Несколько дюжих парней вцепились в уздечки, осадили лошадей назад.

– Ты что? – раздался крики. – Хочешь, чтобы мы в метелицу сгуляли¹⁹²?

– Саму лучшу дивку взял у нас да ешо торгуешься? – гаркнул басом над самым ухом жениха высокий парубок в украинской рубашке. – Немедля выставляй водку, а то потребуем больше!

Как ни упирался Григорий, хлопцы все же настояли на своем. Тачанка с молодоженами въехала во двор.

Отец и мать проводили их в хату. За ними повалили и бояре с дружками. Уселись за столы.

В комнату ввели Игорька, посадили рядом с Галиной. Дали ему сплетенный из соломы кий, наказали не подпускать Григория к Галине и требовать за нее выкуп.

Игорек исподлобья посматривал на него и, уцепившись ручонками за Галину, погрозил Григорию кием. Тот потянул Галину за рукав.

– Неть! – замахнулся мальчик.

Раздался оживленный смех.

– Проси, Игорек, сто рублей! – научали отовсюду.

– Да гостинцев побольше! – вторили другие.

– Сто вублей... во! – картавил мальчик.

В комнату вошел Корягин, остановился у двери. Торг продолжался. Григорий выложил на стол несколько бумажных рублей, пряники, орехи, конфеты, спросил:

– Довольно?

– Да, – загребая лакомства, сказал Игорек.

– А... ты уже торгуешь девчатами? – обратился Корягин к сыну.

– Папа, погляди! – показал Игорек гостинцы. – Дядя дал.

---

¹⁹⁰ **Магарыч** – взятка, угощение в вознаграждение за что-нибудь. – прим. Гриня

¹⁹¹ **Четверть** – посуда (обычно бутыль) ёмкостью, равной одной четвёртой части ведра, или 3 литрам. – прим. Гриня

¹⁹² **Сгулять в метелицу** – расхотиться; превратиться в ураган; разгуляться; испортить все. – прим. Гриня

Калита пригласил председателя за стол. Корягин сел около Лаврентия Левицкого, подал ему руку. Соня украдкой посматривала на председателя.

– Ну, как живешь, Лаврентий Никифорович? – спросил Корягин. – Чем занимаешься?

– Как? – вытерев рушником жирные губы, Лаврентий сделал вид, что не расслышал его.

– Говорю, живешь как?

Лаврентий ответил шуткой:

– Помаленьку да полегоньку. Не кланяюсь бабушке Варваре, свое есть в кармане.

– А рука зажала?

– Еще не совсем.

Председателю на тарелке подали закуску, налили в рюмку водки. Все еще раз поздравили новобрачных, начали пить, есть, веселиться. Корягин также опорожнил свою чарку, поглядел на виновников торжества:

– А ты, Галя, ежели тебя будет обижать твой нареченный, то немедля иди ко мне в ревком, и я с ним как следует поговорю.

Григорий залился румянцем и широко улыбнулся.

После угощения Калита попросил гостей во двор. Все потянулись к выходу. Корягин взял сына на руки, подошел к Соне.

– Спокойно теперь у вас?

– Да, спокойно.

Корягин нагнулся к ней, шепнул на ухо:

– Сегодня вечером зайди ко мне домой.

– Хорошо, – тихо ответила Соня и вместе со всеми вышла из хаты.

Дружки обнялись под шелковицей, голосисто запели:

От батенька та-й на одиходи
Посадила орих на огороди.
Рости, рости ты, оришеньку,
Батенькови на утишеньку.
Рости, рости та-й укоренися...
Мий батеньку, не чим не журися:
Кохай соби другую такую,
Як выкохав мене, молодую.
Кохав мене, як тую тополю,
Отдав мене в чужую неволю!
Кохав мене, як красну калину,
Отдав мене за чужу детину!¹⁹³

У Галины на глазах блестели слезы, извилистыми ручейками потекли по щекам. Соня тоже заплакала. Мать глядела на них с состраданием, и спазмы сжимали горло. Ей хотелось успокоить дочек, приголубить, однако она этого не делала, крепилась и с трудом удерживала рыдания. Но вот силы оставили ее, брызнули невольные слезы, покатались по морщинистому лицу. Губы скривились, застыли, словно в лютую стужу.

Корягин и Лаврентий Левицкий остановились у конюшни (поодаль от людей) и, глядя на всю эту трогательную картину расставания Галины с родителями, замерли на минуту, затем Корягин спросил:

– Почему в ревком не заглядываешь?

Лаврентий ждал именно этого вопроса и больше всего боялся его. Чувствуя неловкость, он пристально взглянул на председателя, не скоро ответил:

– Решил пожить мирно, Петр Владиславович. Надоело уже блукать по свету.

– А ты не вилай, держись одной стороны, – посоветовал Корягин.

– Думаю, – невнятно протянул Лаврентий.

– А Виктор не изменил своего решения? – напомнил председатель.

---

¹⁹³ Южно-русский свадебный фольклор, страдания. Песня имеет множество вариантов. – прим. Гриня

– Не знаю, – замялся Лаврентий, потупив голову, потом вдруг ожил, просительно и тихо сказал:
– Ты, Владиславович, не сбивай его с панталыку¹⁹⁴.
– Насчет чего это? – прищурился Корягин.
– Да насчет всего прочего, – шепнул Лаврентий.
Корягин пересадил Игорька на левую руку, заявил:
– Я тебе откровенно скажу, Лавруха: орел мух не ловит! У тебя сын не глупый парень – сам поймет, что делать и кого слушаться.
– Ото ж, – съежился Лаврентий и наклонился к уху Корягина: – Я уже и сам не знаю, что с ним делать. Потом, эти книжки...
Корягин отлично понял его, промолчал.
У летней плиты¹⁹⁵ столпилась молодежь, потребовала музыку. Засвистели кларнеты, заиграл баян, в такт завторил барабан. Замелькали нарядные пары.
Соня стояла у хаты и смотрела на Виктора, кружившегося с Оксаной. Она видела веселые, жизнерадостные лица, полные счастья, и на душе у нее было тоскливо и тревожно.
Во двор цугом¹⁹⁶ въехала подвода. В упряжке – четыре лошади. На одной из них сидел Гусочка, перевязанный через плечо белым платком. В руке – длинный кнут.
– По скрину¹⁹⁷ приехали! – раздалось несколько голосов, и голуби, сидевшие на погребнике¹⁹⁸, испуганно взвились в воздух, мгновенно скрылись за садом.
Гусочка слез с лошади и, хлопая ботами, вразвалку подошел к танцевавшим.
– Гай шумит! – закричал он с удальством, выбежал на круг, пустился вприсядку. – Гай шумит!
Все покатались со смеху. Гусочка, выбивая ботами, выделявал шутовские движения, горячился, приговаривал:

Чи вы, блохи, сказилися,
Чи вы, блохи, сбисилися:
Сами не знаете,
За що мене кусаете!

Девчата и хлопцы подзадоривали его, дружно били в ладоши. Гусочка гоголем носился по широкому кругу.

Расставшись с Корягиным, Лаврентий уселся под конюшней на бревне с приезжими казаками, улыбался, подшучивал над танцором.

– Герасимович все чудесничает, – присаживаясь на бревно, сказал Копоть насмешливым тоном.

– А мне кажется, что у него шарики не на месте, заметил его сосед, куря сигарку.

– Ого-го! – воскликнул Лаврентий. – Это такой, которого никто не проведет: первейший хитрец в станице. Вот его двор. Видите, какое хозяйство! – Он помолчал, потом вполголоса пояснил: – Его у нас зовут «паданцевым¹⁹⁹» казаком.

– Как это? – не понял его Копоть.

– Да так! – тихо продолжал Лаврентий. – Лет пятьдесят тому назад к его матери начал учащать дьяк. А люди возьми да и донеси ее мужу. Мол, так и так, Гараська. Того, конечно, задело за живое,

---

¹⁹⁴ **Сбить с панталыку** – привести в замешательство, запутать. Панталык – искаженное Пантелик, гора в Аттике (Греция) со сталактитовой пещерой и гротами, в которых было легко заблудиться. – прим. Гриня

¹⁹⁵ **Летняя плита** – уличная печь, во дворе, обычно под навесом, в беседке или в легком, неотопливаемом строении (летняя кухня). – прим. Гриня

¹⁹⁶ **Цугом** – вереницей. Если об упряжке – в три или две пары гуськом. – прим. Гриня

¹⁹⁷ **Скриня (скрыня)** – старинное название сундука для хранения разных вещей. Здесь – приданое. – прим. Гриня

¹⁹⁸ **Погребник** – сарайчик над погребом.

¹⁹⁹ **Паданец** – опавший плод, падалица. – прим. Гриня

и он решил проверить правду людской молвы. Уехал в ночное пасти лошадей, а когда стемнело, вернулся домой...

Голос его неожиданно оборвался. Лаврентий, достав из кармана кисет, закурил. Казаки с любопытством поглядывали то на него, то на Гусочку, который все еще продолжал носиться по кругу. Копоть спросил:

– Что же дальше?

Лаврентий выпустил облако дыма, поскреб за ухом и ехидно улыбнулся.

– А на зорьке, – затянулся он сигаркой, – скрипнула дверь в сенцах, и тут же показался дьяк. Гараська притаился у стены, пропустил его мимо себя да как стеганет мешалкой по загривку. Тот еле выполз на улицу да и дуба дал. А Гараська в степь. Возвернулся домой только поутру. Люди, конечно, догадывались... Но, как говорится, не пойман – не вор.

– А дальше, дальше? – раздался бас среди казаков.

– Да что дальше, – протянул Лаврентий и покосился на танцора. – Вот с тех пор и живет у нас в станине Иван Герасимович Гусочка – паданцевый казак.

VII

Из хаты вышел Калита, за ним показалась и Денисовна. Женщины попросили у них позволения взять приданое.

Бояре начали выносить сундук, нарочито застряли в дверях сенец. Калита молчал, любясь, как те возились, кряхтели над сундуком, переворачивали его.

– Пойдите трошки, хлопцы, я вам сейчас помогу, сказала Денисовна и направилась в хату.

Бояре посторонились. Старуха вынесла бутылку водки.

– О, теперь есть, чем смочить углы! – воскликнул один из них.

И водка тут же была распита. Сундук свободно, прошел в дверь. Вынесли кровать, стол, рядна, перину, подушки... Женщины взобрались на верх приданого, громоздившегося на подводе, в один голос запели:

Выгребай, маты, жар, жар...

Гусочка вскарабкался на лошадь, закричал:

– Эж, матери вашей черт! Як бы мени год праздников да калымашка²⁰⁰ грошей²⁰¹!

Подвода тронулась. Навстречу выбегали мальчишки, смеялись над Гусочкой. Казаки и казачки выходили на улицу, кивали головами, говорили:

– Пропили Гальку.

– Пропили красавицу.

Женщины, сидя на приданом, распевали песни.

Наконец подвода въехала во двор Молчуна. Гусочка промчался мимо сараев, амбаров и, остановясь перед домом, снял треух, поклонился хозяйке, стоявшей на крыльце с бабами, сказал:

– А вот и женино имучество, то бишь богатство невесты, шо за нею иде по наследству. Приймай, маты, коли охота есть, а то мы и того... можем и назад отвезть.

Меланья Аристарховна важно спустилась, высокомерно обошла вокруг арбы, окинула приданое критическим взглядом, ядовито усмехнулась.

– Так, барахло какое-то, – пренебрежительно махнула она рукой. – Кофта посконна²⁰² да юбка суконна.

– Верь приданому только после свадьбы, – добавила Акилина Даниловна.

Бабы начали переносить приданое в дом, устанавливая в спальне Григория. Обсуждали

---

²⁰⁰ **Калымашка** – от колымага – двухколесная телега для перевозки тяжелых грузов.

²⁰¹ **Гроши** – деньги. – прим. *Гриня*

²⁰² **Посконна** – посконная – сшитая из посконины (домотканый холст из поскони – конопляного волокна). – прим. *Гриня*

каждую вещь, особенно потешались над постелью.

– Рухлядь рухлядью, – говорила Акилина Даниловна. – Подушки как колбасы.

– А рядна какие, Алексеевна, – обратилась Меланья Аристарховна к попадье. – Ни каймы, ни...

– Да ее ли они? – прыснула смехом попадьа, пыхтя, как нагретый самовар. – А то, чего доброго, у соседей еще напросила.

– Известно, голь перекатная, – сказала Акилина Даниловна. – Приданого гребень да веник.

– Одеяльце стеганое алого цвета, а как ляжешь спать, так его и нету! – залилась смехом попадьа и, наклонясь к хозяйке, шепнула: – И охота была вам связываться с этой гольтепой²⁰³.

– Сыну по душе, – развела руками Меланья Аристарховна. – Писана красавица.

– Э, не хвали жену телом, а хвали делом! – многозначительно подняла палец попадьа.

– Да, да, Алексеевна! – злорадно воскликнула Акилина Даниловна. – Не доведи бог, если и эта такая, как ее меньшая сестра!

Здесь же под дубом стояла и другая группа женщин. Указывая на неумных пересудчиц, одна из них гневно сказала:

– Ишь, языки-то распустили, чихвостят как, вроде не знают, что все это досталось Калите кровавым потом.

– Приданое-то в сундуке, а урод на руке! – бросила вторая. – У богачей сытых глаз нет. Хлебнет Галька горяшка в этой семейке.

* * *

Вечерняя заря постепенно вяла. Ночь широкой пеленой сходила на усталую землю, окутывала густой темнотой станицу, леса, поля и горы.

Во дворе Калиты гуляли допоздна, играла музыка.

С наступлением сумерек новобрачные приготовились к отъезду. Дружки прорезали тишину надрывными голосами:

Чи мы ж тобі, Галютонька,
Не казали,
Чи мы ж твого та-й серденька
Не втишали?²⁰⁴

Жалостная песня неслась по всей Краснодольской, реяла над дремлющими садами, глубоко западая в души девушкам, высыпавшим группами на просторные улицы. У Галины сжалось сердце, полились слезы. Мать с Соней тоже заплакали. А дружки пели:

Раскатиться, кислицы,
Распрощайтесь, сестрицы;
Раскатиться, дрибненьки,
Распрощайтесь, ридненьки!²⁰⁵

Галина и Соня обнялись и еще сильнее заголосили. Мать, вытирая слезы передником, тяжело всхлипывала. Девушки закрывались платками, тихонько подвывали прощавшимся сестрам.

Наконец Галина поцеловалась с матерью и отцом, вместе с Григорием вышла из хаты. Сели на тачанку, и лошади понесли их по улице.

---

²⁰³ **Гольтепа** – то же, что гольтьба. – прим. Гриня

²⁰⁴ Разве мы тебе, Галюша не говорили, разве мы твое да сердечко не утешали? – прим. Гриня

²⁰⁵ Раскатятся кислицы, распрощайтесь сестрицы; раскатятся маленькие, распрощайтесь родненькие! – прим. Гриня

* * *

С возвращением жениха и невесты двор Молчунов снова ожил, зашумел. В доме все окна были открыты настежь, горели ярким светом, освещая перед собой широкие площади. Отовсюду несся смех, шутки, раздавались песни, звучала музыка.

Григорий и Галина, сопровождаемые старшим боярином и старшей дружкой, вошли в свою спальню, в которой уже было установлено приданое – кровать с белыми пуховыми подушками, сундук и другие домашние вещи. Галина с помощью Оксаны сняла с себя восковые цветы, и Виктор вложил их в икону Марии богородицы, поставил на угольник.

Оксана приготовила брачную постель и, взяв Виктора под руку, вышла с ним из спальни.

* * *

Над станицей уже сияла мгlistая луна. Соня, с опаской оглядываясь по сторонам, побежала к Корягину. Пробралась на цыпочках к высоким створчатым воротам, прижалась к теневой стороне. Сердце, как маятник, громко стучало. Всюду тихо, кажется, не шелохнется даже лист на дереве, не прожужжит жук в ночном теплом воздухе. Соня пошарила глазами вокруг, прошмыгнула к дому и, поднявшись на крыльцо, осторожно постучала в дверь. Вышла Елена Михайловна.

– Ты к кому? – спросила она.

– К Петру Владиславовичу, – робко проговорила девушка, потупив голову.

– А, зайди, зайди. Он только что пришел.

В кухне ужинали Корягин и Жебрак. Соня остановилась у порога, поздоровалась.

– Садись с нами вечерять²⁰⁶, – пригласили ее к столу.

– Спасибо, – застенчиво поблагодарила Соня. – Я только ела.

Елена Михайловна ласково улыбнулась ей, взяла за руку и подвела к скамейке. Соня села, разровняв на коленях платье. Она чувствовала себя стесненно, не понимала, что с нею делалось в эту минуту.

Поужинав, Корягин и Жебрак пригласили ее в соседнюю комнату, разместились на диване и стульях.

– Ну, рассказывай, как живешь? – спросил председатель. – Скучаешь по дому?

Соня неопределенно пожала плечами.

– Не собираетесь вернуться к отцу? – обратился, к ней Жебрак.

– Не знаю, – тихо ответила Соня.

– Так и будешь в монастыре? – прибавил Корягин, барабанив пальцами по столу.

Соня терялась в ответе, молчала.

– Ты молодая и о своей жизни серьезно подумай, – переходя на «ты», сказал Жебрак твердым голосом.

– Да, да! – входя в комнату, подхватила Елена Михайловна. – Ты же училась в вышеначальном. Такие сейчас в учителя идут.

– Ну! – Жебрак поднял сросшиеся брови. – И сидеть в монастыре, этой крысиной дыре, никуда не годится, девушка!

– Она уйдет! – уверенно сказал Корягин. – А с батей мы хорошенько потолкуем. Не так ли?

– А что скажет матушка? – встрепенулась Соня.

– Велика важность – матушка, – ответил Корягин.

В душу Сони теперь еще больше закралась мысль об уходе из монастыря – она даже невольно вспомнила о Викторе, с которым могла бы тогда подружить, но почему-то вздрогнула от этой мысли, стараясь отогнать ее от себя, и на вопросы Корягина и Жебрака отвечала невпопад.

Елена Михайловна подобрала под платок прядь волос, заглянула в кровать, где спал сын, поправила подушечку, и взгляд ее снова остановился на Соне, лицо которой то покрывалось тусклой бледностью, то загоралось румянцем.

Корягин встал и, заложив руки за спину, сделал несколько шагов по комнате, остановился у

---

²⁰⁶ Вечерять – ужинать. – прим. Гриня

закрытого окна, сказал:

– Стало быть, так мы и порешим – с монашеством ты кончаешь. Да для чего оно тебе?

– Приходи к нам почаще. Мы всегда поможем.

– Хорошо, – робко улыбнулась Соня.

Елена Михайловна проводила ее и сейчас же вернулась в дом.

– Да, – наконец заговорил Жебрак и поднялся с дивана. – Ей нужно помочь вырваться оттуда!

– Во всем виноват отец, – сухо заявил Корягин. – От него же она бежала в монастырь. Теперь Галину отдал в кабалу. Что за человек? Вроде наш, а клонится к богатеям.

– Да, ты прав, – согласился Жебрак. – Крестьянская натура.

VIII

Молодежь разошлась по домам, и на свадьбе Молчуна остались одни пожилые и старые казаки и казачки. В зале теперь никого не стеснялись. Гусочка скоморошничал, смешил гостей.

Проходила ночь. Казаки и казачки так нагрузились, что не в состоянии были стоять на ногах. Многие из них свалились где попало и спали мертвецким сном.

Бородуля взял Лаврентия под руку и, пошатываясь, вышел на крыльцо.

– Ну как, Лавро, поженим Виктора и Оксану? – пробормотал он, едва ворочая языком.

– Я, Игнат Власевич, не прочь, – промычал Лаврентий. – Но Витька.

– А что Витька? Говоришь, болтают люди. Это ты про Матяша? Ну, ухаживал за нею. А кому запрещается ухаживать, а? Вот ты и я... Правду ж я говорю, Лавруха?

– Люди не про то... – заплетался Лаврентий.

– Что люди? Плюнь ты на них! Они наговорят такого, что и во сне не приснится. А вообще, если Витька возьмет Оксану, то я в долгу перед тобой не останусь. Помни, Лавруха, власть скоро перейдет в наши руки. Виктора во что бы то ни стало нужно удержать при себе.

– Эге, – согласился с ним Лаврентий. – Жинка может остепенить его. Я с ним потолкую.

– Потолкуй, Лавруха, беспременно потолкуй, – дышал Бородуля ему в лицо перегаром самогона. – А то, чего доброго, упустишь сына, сам же на себя будешь обижаться. Спросишь потом: тюхтюрюх тюрюрюшеньки, а где-то теперь мои душеньки? Понимаешь?

Гусочка проснулся поутру, запетлял к столу опохмелиться. Налил в стакан водки, выпил, закусил окороком. Оглядываясь по сторонам, он набил карманы пирожками, хворостом и разными сладостями, бегом пустился домой. Управился по хозяйству – и снова на свадьбу.

Родители молодой пришли к сватам. Их пригласили за стол, усадили под образами, рядом с хозяином дома.

Началось дарение. Новобрачные остановились перед первой парой, отвесили низкий поклон. Дружко, держа на подносе разрезанный каравай и водку, обратился к отцу и матери:

– Просят вас князь со княгиней рюмкой винца да стаканчиком пивца: рюмочку примите, а молодых одарите.

Родители молодого выпили, закусили, подарив на новое хозяйство сыну и невестке лошадь.

Новобрачные поклонились второй паре. Дружко поднес им угощение, произнес:

– Сыр-каравай примите, золоту гривну положите.

Родители молодой выпили, подарив дочери и зятю овцу. Григорий, держа Галину за руку, обратился к крестному. Дружко поднес водку, кусок каравая, продолжал:

– Кланяются вам батько и маты хлебом и солью.

– Спасибо им, – ответил Лаврентий и, подняв глаза на новобрачных, сказал: – Дарю вам, молодята, на новое хозяйство телку и десять золотых, а к этому приробляйте.

Гусочка заерзал на стуле, с удивлением воскликнул:

– Десять золотых и телку!

Подошла его очередь. Дружко не успел сказать необходимые слова, как он, приняв рюмку, закричал:

– Горька горилочка не пьется!

Новобрачные поцеловались, чтобы «подсластить» водку, и опять поклонились в пояс. Гусочка осушил рюмку, крякнул и, заедая караваем, высоко поднял руку:

– Дарю на новое хозяйство мешок перепелиц, шоб он не любил чужих молодци, а ей чувал²⁰⁷ горобцив, шоб не любила чужих молодцив.

По рядам прокатился сдержанный смешок. Дружко с новобрачными прошел к следующему...

После всей этой церемонии отец и мать Галины направились домой по разостланному рядну, тянувшемуся от крыльца на улицу. За ними, танцуя и распевая песни, шли все их родственники.

IX

Гусочка надел широкие шаровары, старую в заплатках кофту, соломенный бриль с аршинными полями и павлиньим пером. Щеки накрасил красной краской, а под глазами – синей.

Подбоченясь, громко крикнул:

– Бабы, кто со мной – за курами?

Пьяные весело захохотали, вызвались охотницы.

– Поехали! – со смехом повскакивали бабы.

Подняли шум. Стулья и табуретки падали.

Несколько баб вышли из дома. Гусочка впряг их в тачанку, сел на козлы. Правя вожжами, с шиком выехал со двора. Помчались по ухабистой улице. За всей этой необыкновенной процессией бежали дети, наблюдая, как Гусочка строил прохожим смешные рожи, дергал за вожжи. Делая важный вид, покрикивал:

– Эй вы, удалые!

Многие краснодольцы, глядя на полупьяных баб, впряженных в тачанку, и Гусочку в шутовском наряде, укоризненно качали головами:

– Куда это годится? Опоганили свадьбу.

Тачанка катилась по улице, пугая птиц, свиней, коз. У некоторых ворот останавливалась. Бабы ловили кур в дворах участников свадьбы. Гусочка засовывал их в карманы широких штанов, приговаривал:

– И не рада курочка на пир, да за хохол тащат.

Наконец прикатили и к его дому. Пьяная толпа рассылась по двору. Дурноляп заскулил с перепугу в конуре, сорвался с цепи и, дав тягу через плетень в сад, сипло залаял. Бабы, казалось, перевернули все постройки холостяка вверх дном. На заборах повисли улыбающиеся соседи. У Калиты под шелковицей собрались любопытные ребяташки. На завалинке сидели старики. В открытое окно выглядывала Соня.

Гусочка, стоя посреди двора, недовольно поводит очами, почесывал затылок.

Несколько баб погнались за курицей, но она взлетела на плетень, а оттуда на дерево, росшее у дома, и через духовое окно нырнула на чердак. Все это произошло так быстро, что бабы потеряли ее из виду.

– Куда она улетела? – обратилась одна из казачек к мальчуганам.

Откуда ни возьмись – Игорек. Он как-то не по-детски выпрямился и, указав на дом, голосисто закричал:

– Туда!.. На мурзиковом²⁰⁸ чердаке!

– На чьем? – переспросила казачка.

– На мурзиковом, – повторил мальчик, виновато поглядывая на Калиту.

Раздался ядовитый хохот. Гусочка, поддерживая шаровары, набитые птицей, с трудом приблизился к плетню.

– Ишь, гыдость! – погрозил он Игорьку пальцем. – За етакую пропаганду – бить буду!

Бабы с трудом усадили его на козлы, подхватили тачанку, помчались в обратную сторону.

У Молчуна под дубом Гусочка слез с козел, широко зашагал к навесу и для смеха, зацепившись

---

²⁰⁷ Чувал – мешок. – прим. Гриня

²⁰⁸ Мурзик, мурзак – пренебрежительное наименование татар (от «мурза», татарский титул, обобщенное название татар у казаков). Возможно, по принципу языковой игры – связано с мудак. Здесь – намек на прозвище Гусочки среди станичников. – прим. Гриня

ногою за ногу, со всего маху растянулся на спорыше²⁰⁹. Из-за пазухи вывалилась у него шишка²¹⁰ и далеко покатила. Бабы захохотали, подняли его, ощупывали шаровары, подшучивали.

Под навесом Гусочка вынимал из карманов кричащих кур и на колоде рубил топором им головы.

У палисадника заиграла музыка. Бабы вынесли на крыльцо отца и мать. На нее надели украинскую кофту, на шею – низку красного перцу. Его нарядили в постолы, вывернутый кожух²¹¹, подпоясали соломенным перевяслом²¹², напялили черную мохнатую шапку. Посадили на тягалку²¹³ и с криком и гиком помчали на улицу. Гусочка и здесь принял живое участие. Он сел на быка и, держась руками за луку седла, пустился в джигитовку впереди необычайной «кареты». Гости с бутылками в руках танцевали, кружились, выкрикивали прибаутки. Высокий казак бойко выбивал длинными ногами на пыльной дороге, приговаривал:

– Сам на кобыле, жена на корове, ребята на телятах, слуги на собаках, кошки на лукошках!

Позади двигалась почти вся окраина станицы.

Объехав вокруг квартала, бабы вернулись во двор. Подняли на руки отца и мать, начали качать.

Галина стояла в спальне у открытого окна и грустно глядела на весь этот разгул.

Григорий подошел к ней, обнял за талию.

– Ну что? Видала ты когда-нибудь такие чудасеи?

Галина молча пожала плечами.

Толпа пьяных, раздевая Молчуна, рвала на нем кожух, громко хохотала.

Потом волна перекатилась в дом. В зале снова началась выпивка. Пол гудел под ногами танцевавших до самых сумерек.

А к полуночи гости настолько перепились, что даже не узнавали друг друга. Сталкиваясь в коридоре или же на веранде, они недоуменно спрашивали:

– Ты видкеля²¹⁴ взялся?

– А ты видкиля?

– Я... – мычал первый, – краснодольский, Кукуйко. А ты?

– Я тоже тутошний. Гмыдня... Опанас.

– О, так мы с тобой соседи, матери твоей черт!

И они, обнявшись, чмокались поочередно и опять шли к столу.

Когда ночь перевалила за середину и за столом остались лишь немногие, а все остальные лежали уже на чем попало и как попало, Гусочка пошарил пьяными глазами по закускам, но ничего подходящего не нашел, чтобы съесть. Все уже опротивело ему: он не то чтобы есть, даже глядеть не мог на все эти кушанья. Душа его просила только кислого.

Петляя ногами, он на веранде взял зажженный фонарь и отправился в сад. Долго блуждая, с огнем между деревьями, наконец напал на помидоры, набил ими карманы, побрел в дом, сел за стол, налил в стакан водки...

А вскоре в доме все уже спали мертвецким сном. Гусочка также захрапел, положив голову на блюдо с недоеденной подливой.

Наступил день, но в доме никто не просыпался.

---

²⁰⁹ **Спорыш** – народное название многих растений, обильно размножающихся семенами, корневыми отпрысками и пр. – прим. Гриня

²¹⁰ **Шишка** – небольшая булка с шишками на поверхности. Обычно пекут их на свадьбу.

²¹¹ **Кожух** (также кожушанка, тулуп, бекеша, кавал, байбарак, шуба, губа, кожанка) – кафтан, подбитый мехом, традиционная славянская одежда, сшитая из овечьих и телячьих шкур. – прим. Гриня

²¹² **Перевясло** – жгут из скрученной соломы для перевязки снопов. – прим. Гриня

²¹³ **Тягалка** – широкая на двух колесах повозка без ящика, у которой задняя часть (хвост) волочится по земле. Предназначена для перевозки копен с поля во время молотбы хлеба.

²¹⁴ **Видкеля** – откуда. – прим. Гриня

Гусочка открыл глаза, вытер рукавом бороду, потянулся к помидорам, но тарелка оказалась пустой. Наклонив голову, он долго сидел без движения, потом встал и направился к выходу.

Солнце выглянуло из-за сада и, бросая косые лучи на широкий двор Молчуна, залило его янтарным блеском. Гусочка сошел по ступенькам крыльца, поднял над собой зажженный фонарь и, петляя пьяными шагами по двору, запел:

Гво... гво... гво-о-з!..

Эхо подхватило его запевку, осторожно откликнулось где-то за конюшней в саду.

Из дома вышла Галина, окинула Гусочку недоуменным взглядом и вдруг сказала:

– Тю!.. Чи с перепую.

Гусочка, не обращая на нее внимания, спотыкался и продолжал хмельным голосом:

Гвоз... гвоз... гво!..

– Дядько Иван, что вы поете? – спросила Галина.

– Га?.. – остановился Гусочка между домом и летней кухней, глядя не в ту сторону, откуда окликнула его молодница.

– Что вы поете? – повторила Галина.

– Это такая песня, – пробормотал Гусочка. – «Гвоздик» зовется.

– А с фонарем зачем?

– За помидорами... Впотьмах же не найдешь.

– Да вы поглядите, где солнце, – указала Галина на восток.

– Хе... солнце! – бормотал Гусочка. – То месяц.

Галина взяла у него фонарь и, потушив, спросила:

– Как теперь, темно?

– Вроде нет, – глядя из-под руки на солнце, неуверенно сказал Гусочка и, почесав затылок, воскликнул: – Ач!.. Чудак покойник...

Галина скрылась в дверях кухни.

Гости почти все уже проснулись. С помидорами в подоле вернулся в зал Гусочка, подсел к вдове, толкнул ее в бок, запел:

Добрый вечер, дивчина, куда идешь?

Скажи мени, серденько, де живешь?

Вдова игриво заглянула ему в хмельные глаза, подхватила:

Ой, там моя хатонька – край воды,

С премудрого дерева – с лободы²¹⁵!..

Раздались восклицания, хохот. Гусочка самодовольно улыбнулся и, хлопнув вдову по плечу, сказал:

– Ей-бо, была бы добра пара из нас!

– Так сватай, чего ж ты зеваешь? – подмигнула вдова.

– Эй, да и в самом деле Иван Герасимович холостой! – спохватились бабы. – Иди за него, Васька!

– А я согласный! – храбрился Гусочка.

– Верно! – сказал Копоть. – Ведь холостой – полчеловека!

– Холостому: ох-ох! – посыпались прибаутки. – А женатому: ай-ай!

– Чего там, – вставил Бородуля. – Без жены что без кошки, а без мужа что без собаки.

– А я вот шо скажу, – возразил Гусочка. – Идучи на войну, молись; идучи в море, молись вдвое; хочешь жениться, молись втрое! Да, да, крест и святая икона. Холостой лег – свернулся, встал – стряхнулся.

– Э, Иван Герасимович! – Молчун погрозил ему пальцем. – Заруби себе на носу: ты да ты, да

---

²¹⁵ Лобода – лебеда. – прим. Гриня

опять ты, так один ты и будешь. Холостой что бешеный. Ты посуди по себе.

– Справедливое замечание, – поддержал его Копоть. – И в раю жить тошно одному.

Василиса ущипнула Гусочку, задорно улыбнулась:

– Эх, Иван Герасимович! Добрая жена да хорошие щи – другого добра не ищи! Ты бы у меня по ниточке ходил.

– Кто, я? – взъерепенился Гусочка. – Да чтобы я тебе покорился? Какой же из меня тогда казак в биса? Двенадцать баб у меня было таких, как ты, и все плакали!

– А ну-ка давай поборемся, – предложила Василиса. – Я спробую, что ты за человек в силе.

– С тобой? – ершился Гусочка. – Вы бачили: баба хоче бороться с казаком? – Он поспешно перекрестился, плюнул в ладони и, обхватив вдову вокруг стана, воскликнул: – Господи сусе!

– Эх, была не была! – улыбаясь, уцепилась Василиса за широкий его очкур²¹⁶.

Началась борьба. Вдова наконец подставила ему ногу, и Гусочка так грохнулся на пол, что на столе зазвенела посуда. Раздался громкий одобрительный смех.

Гусочка встал, отряхнул с себя пыль, недовольно покосился на Василису:

– Что ж ты подножку? Так можно слона повалить.

Вдова надела ему треух, прихлопнула его и оживленно сказала:

– Сватай, Иван Герасимович! Теперь я за тебя с охотой пойду.

– Правильно! – подхватили бабы. – Женись, Герасимович, сразу человеком станешь.

Гулянье продолжалось... А вечером, в знак того, что Молчун женил последнего сына, гости вырыли в земляном полу кухни яму, налили в нее воды и, заколотив туда отточенный кол, разошлись и разъехались по домам.

Х

В доме зажгли огонь. К Молчунам пришел отец Валерьян. Григорий встретил его у калитки, проводил в зал. Там сидели Бородуля, Копоть, Пятница и Гусочка. Поп перекрестился на образа, поздоровался и, присаживаясь в кресло, остановил взгляд на незнакомце.

– Я вижу в нашем воинстве новичка, – сказал он, скользя масляными глазами по собравшимся.

– Это Никита Гаврилович Копоть, войсковой старшина, – пояснил Бородуля. – Приехал к нам от полковника Скакуна.

– Истинно, – Валерьян положил руки на подлокотники. – Слыхал я про полковника. Он руководит повстанческим отрядом в плавнях.

– Никита Гаврилович доложит нам обо всем, – добавил Бородуля.

Валерьян перевел взгляд на Пятницу, изрек:

– И Тихон Силыч наконец вернулся.

– Но с неутешительными вестями, батюшка, – пробасил Пятница.

Вошел Молчун, плотно прикрыл за собою дверь, сел на диван.

– Вот теперь мы и потолкуем в тесном кругу, – начал Бородуля. – Прежде всего расскажи нам, Силыч, что там в Царицынской даче? Есть надежда, что есаул Живцов и сотник Курунин спасут свой отряд?

Пятница, задыхаясь от жары, вынул из кармана утирку²¹⁷, обмахнул пот с рябого покрасневшего лица, развел руками:

– Я уже-де кому говорил, что дела в Царицынской даче совсем никудышные. Ежели есаул Живцов и сотник Курунин вырвутся из рук красных – хоть бы с горсткой казаков, то было бы дюже гарно²¹⁸. Но шансов на спасение у них почти нет никаких.

– Но почему они не тикают в горы, а крутятся в етом бисовом лесу? – спросил Гусочка.

– Их не выпускают, – сказал Пятница. – Закрыли все пути отступления. Бьют их и в хвост и в

---

²¹⁶ **Очкур** – пояс, опояска, стягивающая штаны, шаровары. – прим. Гриня

²¹⁷ **Утирка** – то, чем вытирают что либо или вытираются; носовой платок или полотенце для вытирания лица. – прим. Гриня

²¹⁸ **Дюже гарно** – очень хорошо (красиво, ловко, дивно, изящно, нарядно, мило, славно, ладно). – прим. Гриня

гриву.

– Здесь ничего нет сумнительного, братия, – вздохнул Валерьян. – Все в руках божих.

Копоть положил руки на колени, подался вперед.

– Господа, – заговорил он и повел колючими глазами по собеседникам, – вы в Приазовских плавнях сколотили уже добрый отряд в двести штыков и сабель. Делали набег на многие станицы и успешно громили там большевиков. – Он говорил медленно, с выдержкой. Приземистая его фигура точно приросла к стулу, не двигалась. Смуглое лицо покрылось росинками пота. – Мы имеем в своем отряде, – продолжал он спокойно, – таких казаков, как хорунжий Рябоконь²¹⁹.

– Это какой же? – перебил его Молчун. – Не Василий Федорович, член Кубанской рады²²⁰?

– Да, – подтвердил Копоть, – житель хутора Лебединского²²¹.

– Я его хорошо знаю, – сказал Молчун. – Вместе заседали в войсковой раде при Филимонове. Смелый казак.

– Из Крыма, – говорил Копоть, – мы получаем оружие, боеприпасы.

Гусочка пощипывал жиденькую бородку, поглядывал на войскового старшину и, когда тот закончил речь, спросил:

– Стало быть, полковник Скакун находится в прямом подчинении штаба енераля Врангеля?

– Да, – ответил Копоть. – Мы подчиняемся только Врангелю.

– И енерал Хвостиков також с ним в союзе, – добавил Гусочка. – Следует, мы туточки ще больше должны усилить свою работу.

Копоть с таким же апломбом сказал:

– Совершенно верно. Мы сейчас крошим большевиков и сочувствующих беспощадно. На днях взорвали железнодорожный мост на линии Приморско-Ахтарская–Екатеринодар. Уже организовали в де яких²²² станицах и хуторах подпольные группы, и они передают нам в отряд все, чем занимаются местные власти. Связь у нас с населением в настоящее время большая.

Поп развел руками и помотал головой.

* * *

---

²¹⁹ **Рябоконь**, Василий Фёдорович – деятель казачьего повстанческого движения на Кубани. Родом из казачьей семьи. Службу начал в Полтавском полку в Тифлисе. В 1918 г. вернулся в родные места, был членом Лебедевского совета, до прихода белых войск. Белыми Рябоконь был мобилизован, был зачислен во Второй Уманский полк. При отступлении белых, по поручению генерала С. Улагая, сформировал антисоветскую повстанческую группу, базирующуюся в окрестных плавнях станицы Гривенской, которая в 1920–1925 гг. совершала налёты на хутора и уничтожала советских активистов. В ходе операции, которую организовал чекист (особоуполномоченный по Славотделу) И. П. Малкин, отряд был разгромлен осенью 1925 г., а Рябоконь был осуждён и расстрелян в октябре того же года. – прим. Гриня

²²⁰ **Кубанская рада** – политическая организация Кубанского казачьего войска, созданная в апреле 1917 года, как Кубанская войсковая рада (войсковой круг) казачьими делегатами областного съезда уполномоченных от населённых пунктов Кубани. В октябре 1917 собралась в расширенном составе с участием представителей земельных собственников Кубани из неказачьих сословий, объявила о своём преобразовании из войсковой в краевую раду, учредила пост выборного войскового атамана, на который был избран А. П. Филимонов, и выделила из своего состава постоянно действующую Кубанскую законодательную раду. Законодательная рада в ноябре того же года избрала из своего состава краевое правительство, а 28 января 1918 года на землях бывшей Кубанской области провозгласила независимую Кубанскую народную республику со столицей в Екатеринодаре. В 1920 году прекратила существование. – прим. Гриня

²²¹ Лебеди – хутор на рукаве Протока в дельте Кубани, в 4 км восточнее станицы Гривенская. Хутор Лебеди возник вследствие переименования хутора Вороная Гребля в 1915 году в хутор Лебедевский (**Лебединский**). Название хутора связывают с фамилией генерал-майора И. Г. Лебедева, младшего помощника начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. В феврале 1922 года на заседании хуторского совета было предложено переименовать хутор Лебедевский в станицу Гражданскую, так как предполагалось убрать из названий казачих населённых пунктов царское прошлое, однако переименование не произошло. Постепенно просторечивое название «Лебеди» вытеснило официальное. – прим. Гриня

²²² **В де яких** – здесь – в некоторых. **Яки** – какие. – прим. Гриня

Прошло три дня с тех пор, как у Молчуна была сыграна свадьба. На четвертый день, рано утром, по приказанию свекрови Галина начала стирку. Собрала грязное белье, отнесла на кухню, подогрела в выварке дождевую воду из бассейна, налила в деревянное корыто и, простирив белье до первой белизны, опустила в выварку.

В кухню мимоходом с любопытством заглянула Меланья Аристарховна и молча удалилась. Галина так была увлечена своей работой, что не заметила свекрови. Белье вываривалось, вода клокотала, пар вырывался из-под крышки белыми струйками. Галина несколько раз помешала в выварке мутовкой²²³. Затем вынесла из кухни две табуретки, установила на них корыто под стеной.

Тем временем Молчун, встретившись с женой во внутреннем коридоре дома, с подмигом спросил:

– Ну что невестушка-то наша?.. Как по-твоему?..

Меланья Аристарховна спесиво дернула плечом:

– А чума ее знает.

– Она, видать, молодчага во всех делах! – похвалил Молчун.

– И чего бы ото я наперед захваливала? Хвали утро вечером.

– Ни-ни, ты не скажи, стара! – помотав пальцем перед носом у жены, с улыбкой, но категорически возразил Молчун. – Невестушку мы выбрали по всем статьям: и чепурненьку²²⁴, и деловиту.

Он стал на веранде у загородки и, делая вид, что вышел подышать свежим воздухом, начал наблюдать за снохой... Молчуниха металась по двору без всякой надобности и тоже украдкой поглядывала на молодую невестку. Галина не обращала на них никакого внимания. Она вынесла в тазике прокипяченное белье, вывалила в корыто, залила теплой водой, стала основательно простирывать. Руки ее металась, как заведенная машина, тонули в мыльной пене. В это время мимо кухни прошмыгнула свекровь, на ходу со злобой бросила:

– На руки больше налегай, а не на мыло!

Галина на секунду застыла, осмысливая сказанное, потом еще быстрее затеребила белье руками.

Молчун продолжал любоваться снохой. Он подозвал жену и сказал ей как бы по секрету:

– Ты погляди, маты, как наша молодуха старается.

Меланья Аристарховна сердито отмахнулась от него рукой и, косясь на сноху, еще раз прошла мимо нее, пересекла двор, открыла калитку, выглянула на улицу... Галина, не подозревая, что за нею наблюдают, продолжала заниматься своим делом. Наконец она выпрямилась, обшмыгнула мыльную пену с рук, вытерла их о передник, протянула бельевую веревку от кухни до дуба, росшего у дома. Прополоскав белье, Галина брала из тазика выстиранную вещь, искусно растягивала ее на вытянутых руках, встряхивала несколько раз и аккуратно вешала на веревку, закрепляя прищепками. Молчун несколько раз заходил в дом, зачем-то ходил в сарай, заглядывал к лошадям, все так же наблюдая за снохой, мысленно рассуждал: «Молодец, невестушка! Гарно у нее все получается...» Тут он вспомнил, что она еще и хлеб вкусный печет, и про себя сказал: «Треба ей поручить это дело, а то моя баба такие бруски выпекает...» Он подошел к дубу, остановился. К нему с ситом в руках приблизилась Меланья Аристарховна и, указав глазами на невестку, шепнула:

– Чи ты и в самом деле довольный Галькой?

– А чего б ты еще хотела? – уставился на нее Молчун и шутливо добавил: – Смирна, деловита, красива, что маков цвет!

– Так-то уж и красива! – возразила Меланья Аристарховна. – Взялся захваливать с первого дня. Потом ладу не дашь.

– Не дури беспричинно! Плохая привычка, – шикнул на нее Молчун.

Меланья Аристарховна закусила губу, пошла в дом.

Управившись с бельем, Галина принялась варить борщ. Свекровь заходила в кухню, заглядывала в кастрюлю. Галина старалась угодить отцу и матери, посолила борщ по вкусу, потом

---

²²³ **Мутовка** – предмет кухонной утвари в виде лопатки, палочки с крестовинкой, кружком, спиралью и т. п. на конце для взбалтывания, взбивания чего либо. – прим. Гриня

²²⁴ **Чепурненька** – опрятная, чистенькая, аккуратненькая. – прим. Гриня

отлучилась из кухни за дровами. Свекровь опять появилась и тоже посолила борщ, бросив соли в кастрюлю определенную норму по привычке.

Наконец выкатили сырно²²⁵ на середину веранды, поставили супник, подали тарелки, ложки. Пододвинули низенькие скамейки к застолью. Григорий шагнул к рукомойнику: там уже отец вытирал руки полотенцем. Меланья Аристарховна уселась на своем любимом стульчике, подле нее занял место Молчун, налил поварешкой в тарелку борща из супника, потянулся за перцем. Рядом с Григорием села Галина. Каждый наполнил свою тарелку.

Молчун взял кусок хлеба и вдруг стал загадочно его рассматривать... Всем это показалось странным. Наступила тишина... Меланья Аристарховна сказала:

– Хлеб у нас кончился, надо опару²²⁶ поставить.

Молчун поднял руку в ее сторону и вдруг объявил:

– А хлеб с сегодняшнего дня будет пекти Галька. Она мастерица, дока в этом деле, хватит брусками давиться.

– А може Галька еще не захочет выполнять твое распоряжение.

– Заставим! – повысил голос Молчун.

– Хорошо, папаня, – растерянно и еле слышно промолвила Галина.

Меланья Аристарховна бросила на мужа злой взгляд, надула губы... взялась за ложку.

Молчун зачерпнул борща из тарелки, хлебнул, и вдруг лицо его перекошилось. Он отвернулся в сторону, выплюнул борщ через загородку веранды, потом, не говоря ни слова, залепил оплеуху сначала жене так, что та чуть не слетела со стульчика, а потом и Галине. Галина заревела, спряталась за дверь сенец. Свекровь, спотыкаясь и подвывая, скрылась в великой хате. Галина опомнилась, пошла в великую хату и шепотом спросила у свекрови:

– Маманя, вы борщ солили?

– Солила, – поправляя на голове платок, слетевший набок, ответила Меланья Аристарховна.

– И я тоже... солила, – продолжая плакать, сказала Галина.

Наконец свекровь и невестка вернулись на веранду. Отец молча ел кусок черствого хлеба, посыпанный солью. Григорий долго глядел на всех, что-то соображая; затем, поняв, в чем дело, громко захохотал.

XI

На западном склоне неба гасла вечерняя заря. Белые тучи, как разрыхленные снеговые сугробы, застилали весь горизонт, окрашивались багрянцем, постепенно темнели от надвигавшейся ночи.

В станицу со жнивья возвращались краснодольцы. По пыльным улицам тархтели арбы, подводы, жнейки, конные грабли; с пастбища шли коровы. Рев и шум гулко неслись в вечернем горячем воздухе, отзывался за рекой в лесу.

Виктор Левицкий приехал с коша, поспешно управился по хозяйству и пошел в избу-читальню.

Поднялся на крыльцо, прислушался. Из полуоткрытой двери на пол коридора падала косая полоса яркого лампового света. Виктор прошел к порогу и, увидев у книжного шкафа Корягину, поклонился ей.

– А, милости просим, – обратилась к нему Елена Михайловна. – Проходите, будете нашим читателем.

Виктор остановился посреди зала, осмотрелся. На стенах висели портреты руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. На полках шкафов стояли томики художественной и политической литературы, на столах – журналы и газеты в подшивках. У окон стояли в кадках высокие цветы.

Из боковой комнаты доносился неясный гомон. Виктор заглянул в дверь. За партами над раскрытыми букварями сидели ликбезовцы²²⁷. У доски Вьюн глядел на слово «работа», написанное

---

²²⁵ **Сырно** – круглый стол на низких ножках.

²²⁶ **Опара** – заправленное дрожжами или закваской забродившее тесто; закваска для теста. – прим. Гриня

²²⁷ **Ликбезовцы** – ученики, обучающиеся по программе ликбеза (ликвидация безграмотности населения) – массового обучения неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР. – прим. Гриня

мелом. Учительница Авсеньева что-то объясняла классу.

– То ликбез занимается, – пояснила Елена Михайловна и затем спросила: – Хотите почитать?

– Дайте прежде хорошенько оглядеться...

Он шагнул к столу, полистал журнал.

В коридоре раздались шаги, на пороге показался Корягин с казаками, среди которых были Ропот и Гуня.

– А, товарищ Левицкий уже обозревает! – сказал он торжественно. – Небось на воскресник не приходил.

– Вы меня не приглашали, – в таком же шутливом тоне ответил Виктор.

– Ишь, оправдание, – улыбнулся Корягин. – Какое ж тут должно быть приглашение? Сам должен знать.

– Если так, – протянул Виктор, – в другой раз буду исправным.

– То-то ж! – дружественно потрепал его по плечу Корягин. – Нравится изба-читальня?

– Да, очень.

Разговор прервал дежурный чоновец, передав председателю, что его просит к себе Жебрак.

* * *

В кабинете секретаря комячейки сидел за столом Юдин, читал в своем блокноте какие-то записи. Перед ним развернута карта Кубанской области²²⁸.

Вошли Жебрак и Корягин. Юдин положил блокнот на стол и сообщил им, что он только из парткома, где его предупредили, что банда есаула Живцова в основном разгромлена, но незначительной ее части во главе с сотником Куруниным все же удалось вырваться из Царицынской дачи, бежать по Камышеватской балке и занять станицу Каменнобродскую.

– Теперь ясно, – наклонившись над картой, продолжал уполномоченный, – что банда, не принимая боя, стремится уйти от преследования наших отрядов. – Он очертил линейкой места боевых действий, добавил: – На всем этом участке – от Армавира и до Кавказской – предупреждены местные ревкомы, организована строгая охрана всех переправ через Кубань, чтобы не пропустить банду в горы. Мы тоже должны быть начеку и все свои переправы усиленно охранять, ибо банда может появиться и в наших местах.

– А где же Живцов? – спросил Жебрак.

– Захвачен в плен, – ответил Юдин.

– Какое решение примем? – обратился Корягин к товарищам.

– Нужно собрать чоновцев, – сказал Юдин, – и выставить секреты и заслоны по правому берегу Кубани – от коммуны и до Краснодольской.

Через полчаса Гуня и Норкин, получив задание, верхом на лошадях направились в станицу, на берегу Кубани в зарослях разместились секреты.

* * *

Прошла ночь. На полях в душном мареве снова закипела страдная работа. Желтоусые пшеничные колосья со слабым шелестом падали под острыми косами стрекотавших жнеек, ложились в валки ровными рядами. Лошади глухо фыркали, помахивая головами от невыносимой жары, отбиваясь хвостами от назойливых мух, слепней.

Иногда легкий ветерок потянется с Кубани, слабо прошумит по гриве еще не скошенного

---

²²⁸ **Кубанская область** – административно-территориальная единица Российской империи, территория Кубанского казачьего войска, существовавшая с 1860 по 1918 год. 28 января 1918 года на землях бывшей Кубанской области была провозглашена независимая *Кубанская народная республика* как часть будущей Российской федеративной республики. Но уже 16 февраля 1918 года Кубань была провозглашена независимой самостоятельной *Кубанской народной республикой* (с 4 декабря 1918 года официально – *Кубанский край*). 29 марта 1920 года Кубань вместе с Черноморьем вошла в состав РСФСР в виде *Кубано-Черноморской области*. – прим. Гриня

хлеба, погонит по ней торопливую волну. И тогда на его пути все оживет, посвежеет; на душе крестьянина станет радостнее, прибавятся новые силы. Он вытрет рукавом соленый пот с лица, вдохнет прохладу – и снова за работу.

Линейка, постукивая колесами, катилась по дороге, заросшей по обочинам разнотравьем. Жебрак и Батракова возвращались из парткома, где принимали в партию активистов Краснодарского ревкома.

Слушая надсадный перепелиный крик, Жебрак молча раскуривал папиросу. Голубой табачный дымок вился в темно-русых его усах, таял, как блуждающее облачко на горизонте. Батракова сидела рядом. Задумчивые ее глаза спокойно обозревали краснодольские просторы, по которым, как букашки, шевелились вдали люди, двигались косилки, арбы, нагруженные пшеницей. Бескрайние поля и чистое лазурное небо манили к себе, и сердце от этого наполнялось чувством радости, настроение поднималось, ширилось. Агриппина Леонтьевна сняла с себя беленький в горошинку платок, стряхнула с него дорожную пыль и повернулась к Жебраку, сказала:

– Говорят, банда Курунина появилась возле Темижбекской.

– Знаю, – проговорил Жебрак. – Сегодня ночью бой там был.

– И много бандитов? – спросила Агриппина Леонтьевна, и на ее лице и в серых глазах застыла настороженность.

– Предполагают, человек до ста, – сказал Жебрак. – Пытаются прорваться на ту сторону Кубани.

В голубой выси громадный коршун, тяжело взмахивая крыльями, высматривал на земле добычу. Жебрак внимательно следил за плавным его полетом.

В воздухе послышался гул мотора. Агриппина Леонтьевна закрылась рукой от солнца, посмотрела вверх. На небольшой высоте летел самолет. Над станицей он снизился. Из него, точно грачи перед дождем, полетели листовки, закружились, запорхали в воздухе.

– Что это? – обеспокоилась Агриппина Леонтьевна.

Самолет сделал разворот над церковью, сбросил еще пачку листовок, полетел в поле. Там проделал то же самое и взял курс на Кавказскую.

– Это самолет чужой, – озадаченно сказал Жебрак.

Казачи, работавшие на кошах²²⁹, следили за бумажками, падавшими на землю. Люди ловили их, читали. Жебрак схватил одну листовку на лету, прочел следующее:

Казачи, крестьяне, горцы, иногородние! Не ходите на мобилизацию, ибо уведут вас с Кубани на Волгу, подальше от родного края, а в ваше отсутствие окончательно разрушат ваши гнезда. Берите ваше оружие, коней, седла и прячьтесь! Прячьтесь по ярам, горам и лесам, поджидая нашего прихода.

– Врангель действует, – сказал он, разорвал листовку, посмотрел в степь, где люди читали вражеские прокламации, ударил вожжами лошадей, пустил их рысью.

* * *

Несколько листовок упало на кош Левицких. Около Виктора собрались казаки, явились и отец с Бородулей и Молчуном. Пришла Оксана, а за нею и Григорий с Галиной.

– А ну-ка, Витька, читай вслух, – сказал Бородуля, – что там пишут.

Виктор взглянул на него, и лицо его слегка покраснело.

– Дрянь всякую, – проговорил он вызывающе.

– Фу, какой пышный! – обиделся Молчун. – Мы и без тебя прочитаем.

Виктор отдал листовку, отвернулся. Молчун, вытянув руки и откинув назад голову, повел глазами по строчкам, но буквы сливались в одну серую массу, и он с досадой пробормотал:

– Ничего не вижу без очков.

Хотел было вручить прокламацию сыну, но, вспомнив, что он в грамоте ни тпру ни ну, передал Оксане. Бородуля взял у нее листовку, выпрямился, медленно начал читать. Казаки затихли. Виктор

---

²²⁹ Кош – временная стоянка в процессе кочевья. Здесь – полевой стан. – прим. Гриня

стоял в стороне, разминал в ладонях колос пшеницы. Лаврентию очень не понравилось его поведение, но он промолчал и, стараясь успокоиться, свернул сигарку, закурил и остановил взгляд на Бородуле.

– Так, значит, дела идут, – многозначительно протянул Молчун, окидывая казаков торжествующим взглядом.

Бородуля свернул листовку вчетверо, переглянулся с Лаврентием.

– Как ни хитрит Врангель, – заявил один из стариков, – а мы его думку знаем! Казаки за ним не пойдут!

– А почему вы так думаете, дядько Опанас? – перебил его Молчун, пристально глядя ему в лицо.

– Да потому, шо он хамлет²³⁰ – Врангель тот! Пропади пропадом все эти господа! Сидели век на нашей шее, как вошь паскудная, теперь спихнули их. Они и заскулили, шапки перед нами сняли: мол, заступитесь за нас, а то нам без вас жрать нечего. А я скажу так: не нужны они здесь, без них обойдемся! Верно я кажу, братцы казаки?

– Шо и балакать! – вырвалось у кого-то. – Пусти черта в дом, не вышибешь его и лбом!

– Не пойдём мы поддерживать генералов! – заявил коренастый казак. – Знаем, какая у них правда!

– А то! – шумела толпа. – Побьют и Врангеля, как побили Деникина в нонешнем году!

Бородуля, Молчун и Лаврентий Левицкий, не вступая в разговор с казаками, завели беседу о косовице. Толпа постепенно стала расходиться.

Оксана с Виктором направились к жнейке. Неожиданно она спросила:

– Правда, что у тебя много книг?

– Кое-какие есть, – ответил Виктор.

– А я хотела к тебе зайти взять какую-нибудь, – проговорила Оксана с расстановкой.

– Что ж, заходи, – ответил Виктор, пристально всматриваясь в нее.

– Сегодня вечером, обязательно, – предупредила Оксана.

Она улыбнулась и, показав ему кончик языка, заспешила к себе на кош. Стройная ее фигура плавно покачивалась.

К Виктору подошли казаки, ехидно скаля зубы. Григорий исподлобья поглядывал на своего соседа, закурил.

– Так тебе листовка, значит, не понравилась? – обращаясь к Виктору, злобно ухмыльнулся один из казаков.

– А тебе какое дело? – бросил тот, проверяя крылья жнейки.

– Хе, большевиком заделался! – Казак сдвинул набекрень кубанку.

– По зубам захотел? – вспылil Виктор.

– Ого-го, дружище! – вскричал казак. – У тебя, видно, желчь не в порядке!

Виктор неожиданно набросился на него, одним ударом сбил с ног. Все оторопели, попятились назад.

– Что ты делаешь? – закричал Григорий.

– И ты получишь! – тяжело дыша, Виктор метнул на него злой взгляд.

На бугре показались верховые чоновцы. Постояв несколько минут, они рассыпались по полю, пустили коней под изволок²³¹, к косарям.

* * *

Вьюн, держа в руках собранные прокламации, во весь дух мчался с ватагой ребятишек через церковную площадь в ревком...

Корягин приказал дежурному сжигать все собранные листовки.

---

²³⁰ **Хамлет** – презрительное название человека, принадлежавшего к низшим классам и потому лишённого человеческого достоинства; хам. – прим. Гриня

²³¹ **Под изволок** – наклонно вниз; **изволок** – возвышенность, подъем. – прим. Гриня

Направляясь к строившемуся клубу, он увидел на улице, идущей от реки к центру станицы, несколько подвод. Это комсомольцы перевозили кирпич к сгоревшей ссыпке. Там же были сложены штабеля строительного материала.

Гуня, только что возвратившийся из Кавказской, приветливо махнул широкополым брилем Корягину и сделал несколько шагов ему навстречу.

– А я из отдела, – прозвучал его внушительный бас. – Хотел к тебе заглянуть, а тут эти листовки.

– Приняли в партию? – спросил Корягин.

– Приняли, единогласно, – протянул Гуня... – Мы ж пролетарского происхождения!

– Теперь надо браться за продрозверстку, Харитонович, – попыхивая трубкой, сказал Корягин. – Да учти, враг сейчас будет смелее действовать. Эти листовки... Сегодня на вечер я вызвал к себе некоторых: предупреджу их о вывозе зерна. Ты в своем квартале начинай действовать. – Он вытряхнул пепел из трубки и, сунув ее в нагрудный карманчик, добавил: – Хлеб многие уже начали молотить.

– Да, с этим делом тянуть нельзя, – согласился Гуня.

– К тому же, – Корягин приподнял руку, – немедля, срочно надо организовать помощь в косовице и обмолоте хлеба семьям, у кого пострадали чоновцы. Кулаков мобилизуй.

На улице показалась линейка. Жебрак остановил лошадей и спросил:

– Что сделано с листовками?

Корягин доложил, что прокламации в основном уничтожены во всей станице и что в степь послано второе отделение чоновского отряда во главе с Норкиным.

– И все же надо собрать актив, – заключил он озадаченным голосом, бросив короткий взгляд на Агриппину Леонтьевну.

– Это необходимо, – согласился Жебрак.

Корягин сел рядом с ним на линейку, и лошади тронулись. У ревкома их встретила Фекла Белозерова. Корягин отвел ее к частоколу, сказал:

– Я хочу назначить тебя председателем квартального комитета, на место Градова. Как ты, не возражаешь, Фекла?

Белозерова пожала плечами...

XII

Вечером после заседания актива в кабинет вошел отец того Хмара, который сжигал в яме пшеницу и был за это арестован. Сняв шапку и опираясь на суковатую палку, он глухо спросил:

– Иде тут председатель?

– Я буду за него, – отозвался Корягин.

Старик перевел на него взгляд, прохрипел:

– А... я погано бачу.

– Садитесь, – Корягин указал на стул.

Хмара, кряхтя, сел и снова поднял глаза на председателя.

– Петро, на шо ты меня кликал?

Корягин прищурился и, как бы собираясь с мыслями, некоторое время молчал, потом встал, распахнул окно.

– Проздрозверстку начали возить?

– Яка ж теперь разверстка? – задыхаясь, пробормотал старик. – Хлеб в нонешнем году неурожайный вышел, да он ишо и на корню. Сына ж вы зарештували, а я... Скоро и себе жрать нечего будет.

– Вы сказки мне не рассказывайте! – строго прервал его председатель. – Извещение получили?

– Шо ж шо получил, – сказал Хмара.

– Так нужно выполнять, – садясь на свое место, предупредил его Корягин.

– Недельки через полторы только косовицу закончим, – внимательно приглядываясь к Жебраку и другим ревкомовцам, старик развел руками.

– Хлеб возить нужно! – Корягин стукнул кулаком по столу. – Слышите?

– Возить ишо нечего, – нахлобучивая шапку дрожащими руками, тяжело дышал старик.

– А палить в яме – есть хлеб?

– Так то ж не я палил, – держа руки на палке, заявил старик.

– А кто же? – Корягин налег грудью на стол и заглянул богатею в лицо. – Сын-то ваш? Не умер Данило, так болячка задавила. Нечего хорониться друг за дружку! Все. Завтра же приступайте к молотье и хлеб везите на ссыпку. Больше напоминать не буду.

Старик вышел. И сейчас же через порог переступил высокий казак. Глаза быстрые, надменные, с нескрываемой злобой.

Корягин остановил взгляд на нем.

– Почему продрозверстку не возите?

– Хо! Чего захотел! – усмехнулся казак и ударил ребром ладони по столу. – Хлеба не дам ни пуда!

– Что ж, – выйдя из-за стола и сохраняя спокойствие, сказал Корягин, – у нас с такими разговор короткий. Опишем – и точка.

Казак застыл в бессилии.

– Через двадцать четыре часа, – предупредил председатель, – ежели не приступите к вывозу хлеба государству, к вам придет продотряд. Идите.

Тот хлопнул дверью.

Явился Бородуля, а за ним и Молчун. Остановились у порога.

– Зачем вызвал? – спросил Бородуля, держа кубанку в руке.

– Хлеб возите на ссыпку? – Корягин забарабанил пальцами по настольному стеклу.

– Где там... – мягко произнес Бородуля. – Косовицу еще не окончили.

– Когда же окончите?

– Не раньше как через две недели, – ответил Бородуля с притворным равнодушием.

– А продрозверстку начинайте выполнять завтра, – решительно сказал Корягин.

Бородуля развел руками.

– Я в долгу не останусь. Вы же сами понимаете.

– Надо вывозить в срок! – остановил его Корягин и перевел глаза на Молчуна. – Вас тоже касается.

– Не понимаю, – с удивлением поднял тот брови. – Мы же люди исправные.

– Точка. – Корягин веско положил руку на стол. – Хлеб везите в положенный срок. Понятно?

Бородуля и Молчун удалились. Корягин начал набивать трубку табаком. Жебрак взглянул на него, улыбнулся и, подкрутив усы, заметил:

– А ты, оказывается, умеешь и спокойно говорить.

Корягин, потупив голову, молча вышагивал по кабинету.

* * *

По улице двигались груженные подводы. Подойдя к казаку, ехавшему в хвосте обоза, Бородуля тихо спросил:

– Куда тебя несет?

– На ссыпку, разверстку везу, – остановил тот подводу.

– Торопишься, повремени малость, – шепнул Бородуля и затерялся с Молчуном в темноте ночи.

Казак, озираясь, тронул лошадей. Объехав вокруг квартала, он повернул к себе домой.

Во двор ревкома въехали три подводы. На первой сидел Калита. К нему по ступенькам крыльца сбежал Корягин, затем вышел и Жебрак. Вынесли зажженный фонарь.

– Куда прикажешь, Петро? – обратился Калита к председателю.

– К кладовой, – сказал Корягин, указывая на небольшой сарай рядом с конюшней.

Калита тряхнул вожжами и, остановясь у широкой двери, спрыгнул с телеги, передал Корягину накладную.

– А как с продавцом? – спросил Жебрак. – Кто будет продавать товары?

– Пушай Трофимович и займется, – ответил Корягин. – Не возражаете?

Калита пожал плечами.

– Да у меня и хозяйство... – неуверенно произнес он. – Думка была током заняться. Надо к молотье хлеба готовиться, то и проче.

– Не отказывайтесь, – попросил Жебрак.

– Добре, – почесывая затылок, согласился Калита. – Я приду.

* * *

Утром к председателю, стуча ботами, просунулся в дверь Гусочка. Сняв треух, он низко поклонился и застыл с полуоткрытым ртом.

– Что тебе? – обратился к нему Корягин.

– Да... оце я прочул²³², – замялся Гусочка, – что вы привезли в лавку товары, чи шо?

– Привезли, – глядя ему в глаза, ответил Корягин. – А тебе зачем?

– Как же, – тяжело перевел дух Гусочка, – шоб про меня не забыли. Я тоже сдавал разверстку. Хотя б на штаны чи там на рубашку дали.

– Вам ничего не полагается, – ответил Корягин.

Гусочка съезжился, часто заморгал, переводя недоуменный взгляд то на Корягина, то на свой треух.

– Как же ето? – спросил он. – Рази мой хлеб хуже других?

– Нет, не хуже, – сказал председатель, усмехаясь, – но мы будем давать только беднякам и середнякам.

– А я кто такой? – уставился на него Гусочка.

– Буржуй.

Гусочка застыл на какое-то мгновение, потом вытер на лбу испарину рукавом рубашки, протянул:

– Ригинально. Впервой слышу.

– А вот нам уже давно об этом известно, – сказал Корягин.

– Какой же я буржуй, коли одни штаны да рубашка? Совсем нечем перемениться. В баню токо по чистым четвергам²³³ хожу.

Из боковой двери вышел Жебрак, вынул из книжного шкафа томик в красном переплете, начал листать его, делая вид, что совсем не прислушивается к разговору.

– Ну, как по-вашему, Николай Николаевич? – обратился к нему Гусочка. – Невже не дадите мне чи сирникив, чи там соли, бо и соль мне нужна: борщ ем не солимши, чи, может быть, чего-нибудь другого?..

* * *

Рядом с ревкомом, у кооперативной лавки, шумели станичники.

Калита приступил к продаже. Краснодольцы покупали ткани, соль, мыло, спички, табак... Бабы оживленно разговаривали, рассматривали покупки.

В тесном помещении было шумно. У стойки остановилась старуха. Калита отмерил ей ситцу, подал две коробки спичек, брусок мыла, соли и, получив деньги, обратился к следующему.

Прихрамывая на деревянную ногу, Наумыч направился к выходу. К нему протискался Гусочка.

– И вы получили, дядько Никифор? – не скрывая зависти, полюбопытствовал он.

– Да, получил, – ответил старик.

– Дайте я хоть погляжу, что оно такое, – попросил Гусочка.

Наумыч остановился. Гусочка развернул бумазею²³⁴ и ехидно захихикал:

– Не нравится!

---

²³² Чул, чув – слышал. – прим. Гриня

²³³ Чистый четверг (Великий четверг, Страстной четверг, Великий четверток) – в христианстве четверг Страстной недели (Великой седмицы), в который вспоминаются Тайная вечеря, на которой Иисус Христос установил таинство Евхаристии и совершил омовение ног учеников. То есть – раз в году. – прим. Гриня

²³⁴ Бумазея – ворсистая (с начёсом) хлопчатобумажная ткань. – прим. Гриня

– Чем? Ты и сам не знаешь, что мелешь.

– Не сравнить с довоенной. Вы бы поглядели у меня в сундуке – аршин тридцать лежит. Вот это помазед! – воскликнул Гусочка, и глаза его неожиданно приросли к Корягину. Он погнался за ним, схватил за локоть, заскулил: – Мовет быть, хоть шо-нибудь, Владиславович? Вот крест...

ХІІІ

Усталое солнце только что скрылось за кромкой горизонта, и вечерняя заря багровым румянцем разлилась по серому небу.

В кухню, залитую еще прозрачными сумерками, вошли Виктор и Оксана. Мироновна замерла у плиты. Оксана приветливо поклонилась хозяйке и вместе с Виктором скрылась в спальне.

– Тебе лампу, сынок? – засуетилась мать.

– Я сам, – отозвался Виктор, достал из кармана зажигалку, зажег «молнию»²³⁵ и распахнул окно.

Свежая струя воздуха, напоенного медвяным запахом ночной фиалки, хлынула из палисадника в комнату. На столе, застланном белой скатертью, лежали газеты и журналы. Оксана окинула взглядом уютную комнату, задержалась на шкафчике, где стояли книги.

– У тебя целая библиотека! – сказала она. – Можно посмотреть?

– Смотри, – разрешил Виктор и присел у кровати.

Оксана открыла шкафчик.

– И ты все эти книги прочитал, Витя?

– Все до единой. _

– Когда же ты успеваешь? – удивилась Оксана. – Ведь ты и хозяйкуешь!

– Я больше читаю по ночам, – ответил Виктор.

Оксана опасливо оглянулась на дверь и, боясь, чтобы ее не подслушала мать, подошла на цыпочках к Виктору, положила ладони на его щеки, шепнула:

– А какие горячие! – И снова заглянула в шкаф, вынула из него томик Пушкина, сказала: – Я возьму эту, Витя.

– Бери, – приподнимаясь, сказал Виктор.

Оксана уловила в мягком его голосе ту сердечную теплоту, которая обыкновенно бывает у людей, близко расположенных друг к другу, проявляющих взаимную симпатию; и она теперь окончательно поняла, что Виктор любил ее по-настоящему, хотя до конца и не раскрывался: проявлял свои чувства сдержанно, как бы опасаясь чего-то. Оксана вспомнила об Андрее Матяше, которого она любила и продолжала любить самозабвенно, и будь он свободным человеком, она, наверное, выбрала бы себе в мужья только его, так как видела в нем сильного казака, выросшего прямо из земли, вспоенного и вскормленного тяжелым крестьянским трудом, любила его за душевную и физическую силу. Взгляд ее невольно упал на Виктора, и мысли и чувства ее раздвоились – она не могла решить в эту минуту, кто же был милее ее сердцу – Андрей или Виктор. Ей казалось, что в равной мере она любила и того и другого.

– А теперь проводи меня, – сказала Оксана.

Вечерние сумерки совсем уже сгустились. Виктор и Оксана, направляясь мимо строившегося клуба, свернули за угол. Высокие окна дома, где размещалась ячейка комсомола, освещены ярким светом.

– Зайдем? – сказал Виктор.

– Ну их к дьяволу! – отмахнулась она и, помолчав, поинтересовалась: – А что они поют?

Виктор пожал плечами:

– Чума их знает! Песня незнакомая.

Оксана пренебрежительно улыбнулась, молвила:

– Певцы из них...

Неожиданно в темноте вырос Вьюн, пристально посмотрел на них.

– Вы что здесь высматриваете?

– Так, любуемся, – ответил Виктор и, увидев у него книгу в руке, спросил: – Что это у тебя?

---

235 «Молния» – керосиновая лампа. – прим. Гриня

– Букварь, – шмыгнув носом, с гордостью выпрямился Вьюн. – Я за учительницей, Надеждой Васильевной... У нас зараз ликбез начнет заниматься в избе-читальне.

Он прыгнул на ступеньки крыльца, загремел сапогами о половицы и скрылся за дверью. Оксана толкнула Виктора, шепнула:

– Пойдем.

Шли по безлюдной улице, молчали. Виктору все больше и больше нравилась Оксана. В ее характере он видел ту обаятельную живость, пленительную непосредственность, которых очень часто недостает многим девушкам; во внешности – необыкновенную грацию; да и со стороны родителей он ничего не находил плохого, так как отец внушил ему полное доверие к этой семье. Сейчас даже Матяш вылетел из его головы, и он руководствовался лишь своими чувствами и все наносное отбрасывал. Словом, она пришлась ему по сердцу.

Они уже приближались ко двору Матяша, расположенного по соседству со двором Бородули. Вдруг их обогнала Дарья Матяш, юркнула к себе в калитку. Оксана почувствовала, как заколотилось, надорвалось ее сердце, заползали по телу мурашки. Но Виктор совсем не обратил внимания на жену Андрея, казалось, даже не заметил ее. Оксана немного успокоилась, взяла Виктора под руку и пригласила к себе в дом.

– Мне неудобно, Сана, – застеснялся он.

– Но почему? – сожалея, спросила Оксана.

Виктор сдвинул плечи и, улыбаясь, пожал Оксане руку и тотчас ушел домой.

Оксана шагнула во двор, прижалась к частоколу, тянувшемуся у дома, долго стояла в оцепенении. Мысли путались, сердце замирало. Вдыхая полной грудью аромат цветов, она, точно пьяная, отшатнулась от частокола, и перед ее глазами снова встал Андрей...

Сняв с себя сползший платок, она тихо вошла в просторный зал и бросилась матери на шею.

– Ой, мамочка! – вырвалось у нее.

– Что с тобой? – испугалась Акилина Даниловна.

Оксана опустила на стул и, уронив голову, притихла. Потом выпрямилась, как-то неестественно улыбнулась и слабым голосом прошептала:

– Я сейчас встречалась с Витей. Какой же он хороший! Я никогда не думала.

– Тьфу на тебя, – плюнула мать, переводя дыхание. – Как ты напугала меня.

В боковой двери показался отец.

– Ну как? – спросил он, надевая черкеску. – Придет сватать?

– Да я-то почему знаю? – обиделась Оксана. – Хороший он человек – вот и все. А о сватовстве мы не говорили.

– Дура! – недовольно бросил отец. – Зачем же ходила к нему? Из разговора можно понять... А то, что хороший, так я и без тебя давно знаю.

Оксана шмыгнула к себе в спальню и, став перед зеркалом, начала расплетать косы. Отец снял с вешалки шапку, заглянул к дочери:

– В дом почему не пригласила?

– Он отказался, – ответила Оксана, не отрываясь от зеркала.

– Отказался?

– Да.

Отец безнадежно махнул рукой:

– Пустая затея.

И, хлопнув дверью, вышел из зала.

* * *

Гусочка в тот же вечер с помощью своих батраков, которых он всегда нанимал на период сезонных работ, перевез к себе в дом жену, ту самую Василису, с которой боролся на свадьбе Молчуна.

Нащупав на плите спички, он зажег каганец. Повсюду царил беспорядок. Василиса сняла с себя шаль, оглядела кухню и застыла, пораженная увиденным. Гусочка взял светильню и, закрывая ее ладонью, чтобы не погасла, пригласил жену в зал.

Там было чище. Кровать убрана; на столе, накрытом скатертью неопределенного цвета, стояла

глиняная ваза с прошлогодним букетом полевых маков; у стены – кожаный диван с просиженным сиденьем, гардероб со вздутой и ободранной фанерой, стулья и обтертое до глянца вольтеровское кресло. Однако все было настолько покрыто пылью, что казалось, несколько лет к мебели не прикасалась человеческая рука.

В спальне на стене висели фотографии, открытки. На подоконниках – комнатные цветы с потрескавшейся землей в горшках. Где-то на стекле закрытого окна сиротливо жужжала муха.

Показав жене комнаты, Гусочка вернулся с нею в кухню. Василиса засучила рукава, принялась наводить порядок.

Гусочка достал из шкафа черствый хлеб, налил кислого молока в глиняные кружки.

– Бросай, Вася, пораться²³⁶, – пригласил он жену за стол, – та давай вечерять.

Василиса опустила на скамейку, ела молча. Гусочка поглядывал на нее, любовался грузной ее фигурой. Ему казалось, что наконец подыскал себе «бабенцию», – так рассуждал он в этот вечер, был чрезвычайно доволен ею и тут же, побуждаемый соблазном, спросил:

– А скоко в тебе весу, Васенька?

– Было восемь пудов, – ответила жена. – А зараз не знаю.

После ужина, как и подобает христианину, Гусочка перекрестился на образа, одновременно скосив глаза на жену, подумал:

«Невже не помолится?..» Но Василиса, как бы догадываясь, что он думает, осенила себя крестом, стала убирать посуду со стола.

– Как ты считаешь, Вася, – облизав жиденькие Усы, посоветовался Гусочка, – где мы ляжем: в зале на кровати чи в кухне?

– Да мне все равно, – сказала Василиса.

– Стелись уже на той кровати, – почесав голый затылок, распорядился Гусочка и болезненно поморщился.

Василиса принялась разбирать постель на кровати в зале. Гусочка опустил на колени перед образами и, нашептывая молитвы, долго крестился и бил земные поклоны, а затем подошел к жене, лежавшей уже на кровати, спросил:

– Вася, а ты не молилась богу?

– Как же? – отозвалась жена. – Молилась. Только так – быстренько.

– Э, Вася, бога дурить негоже, – укорил ее Гусочка. – Всегда надобно напредь сна с усердием очистить свою душу от всякой скверны, от дневных грехов.

Василисе неприятно было выслушивать нарекания мужа, да еще в такое время, когда их супружеская жизнь только-только началась. Однако она не стала перечить, что особенно понравилось Гусочке, и он даже подумал про себя:

«Люблю молчеватых!..» Разделся и полез под одеяло.

– Васенька, можешь ты трошке посунуться, – попросил он, поворачиваясь на бок, – а то я так и скобиртнусь на пол.

– А я лежу прямо впритул к стене, – сказала Василиса. – Ось попробуй.

Гусочка пощупал рукой коврик и, убедившись, что жена занимает свое место, прижался к ней. Потом свистнул носом, точно голубятник на своих голубей, и слегка захрапел.

Утром, как только зарумянился восток, он разбудил Василису, послал доить коров. Работники давно уже проснулись, настраивали жнейку, впрягали лошадей, складывали на арбу корзины с продуктами, вилы, наливали в бочку воды. Гусочка отдал распоряжение по косовице и, выпроводив их за ворота, остановил взгляд на Василисе. Та все еще стояла на шатком крыльце с подоткнутым за пояс подолом юбки и с каким-то особенным вниманием обозревала беспорядочное хозяйство. Она, казалось, совсем забыла о своих обязанностях и, не замечая мужа, задержала взгляд на крыше половни, поросшей малахитовым мхом, где ворковала стая голубей.

– Что ж это у тебя, Ваня, такой беспорядок во дворе? – раздался ее грубоватый озабоченный голос. – Будто черти искали просо в нем.

– Не управляюсь один, – оправдывался Гусочка.

Василиса, бухая башмаками о ступеньки крыльца, и поскрипывая двумя дойницами, спустилась

---

²³⁶ **Порать** – делать, управляться, возиться около чего; **пораться** – убираться, управляться по хозяйству, стряпать. – прим. Гриня

вниз и на базу принялась доить коров.

На улице у канавы мальчик жал серпом траву. Гусочка вдруг остановился и, поставив ведро с молоком на землю, прошел к забору, перегнулся через него, посмотрел из-под руки на малыша и закричал:

– Слышь, кусарыку, я тебе етой травы не дам! Ишь, чертова гыдость, пришел на чужой край траву косить. Давай сюда мешок, жужжальница!

Мальчик схватил серп и мешок с травой, пустился бежать. Гусочка погрозил ему кулаком:

– Я тебя поймаю, патолочь голопузая!

Раздался голос Василисы:

– Ваня, Ваня, гуси!

Гусочка увидел около ведра с десятков гусей, поочередно пивших молоко, и во всю прыть побежал к ним с криком, свистом, хлопая ботами о сухую землю. Гуси загоготали, расправили широкие крылья, отбежали в сторону, поглядывая на хозяина.

– Ах вы ж ироды! Ах вы ж подлюки! Ах вы ж анчутки! – ругался Гусочка. – Пропало молоко! Что ж теперички будет? Как будто бы и белым не было.

– Чего оно пропало, – возразила Василиса. – Отдадим свиньям.

– Рази можно молоком свиней кормить? – ошетинился Гусочка.

– А что с ним делать? – спросила Василиса. – Не есть же нам?

– У них носы как будто чистые, – приложив ладонь ко лбу, глядел Гусочка на гусей.

– Теперь-то они чистые, – сказала Василиса и снова села под корову.

Гусочка постоял около молока, поскреб затылок и понес ведро в кладовую.

* * *

На второй день с Василисой повстречалась Фекла Белозерова.

– Ты не замуж ли вышла за моего соседа? – с удивлением спросила она, подходя к плетню.

– Да, вышла, – усмехнулась Василиса, грузно склоняясь над пряслом. – А что, не пара он мне? Мы с ним – однолетки.

– Дело, конечно, твое, – сказала Белозерова. – Но то черт с рогами! Он уже приводил баб столько, что я и счет потеряла. Больше месяца с ним никто не жил.

– Что ж так? – спросила Василиса с усмешкой и лукаво подмигнула: – Мужик он в полной исправности. Почему ж не живут?

Белозерова махнула рукой:

– Кто же с ним будет жить, милушка? Коли он поживет неделю-две, потом присыкнется из-за какого-нибудь пустяка, избьет до полусмерти и выгонит.

– А я не из пужливых, – поглядывая назад, точно боясь, чтобы не подслушал муж, тихо сказала Василиса. – У меня не взбрыкнется. Я быстро сворочу рога.

Она выпрямилась и, печатая башмаками след на росистом спорыше, поднялась на крыльцо.

XIV

Валерьян запряг Гнедка в арбу, шевельнул вожжами, выехал со двора. Выбрался за станицу и пустился рысью. Через некоторое время он был уже у Бородулиной пасеки, приютившейся в посадке недалеко от общественного леса.

У шалаша стоял старый Бородуля. Поп остановил коня и, косясь на Оксану, качавшую центробежкой мед под акацией, прошептал:

– Ну как, Влас Пантелеймонович, привезли?

Старик обнял его за плечи, сказал:

– Сегодня ночью... в курене...

– А ваша внучка знает? – с предосторожностью спросил Валерьян.

– Нет, – отрицательно помотал головой Влас Пантелеймонович. – Она только пришла с коша.

Валерьян, пригибаясь, чтобы не задеть притолоку, невнятно промолвил:

– Сумнительно.

– Нет, нет! – Влас Пантелеймонович замахал руками. – Вы не тревожьтесь, батюшка.

В шалаше сильно пахло воском и патокой. Старик предложил гостю табурет, а сам уселся на топчане.

– Может быть, вы сразу и явите божескую милость, Влас Пантелеймонович? – забеспокоился Валерьян, шаря глазами вокруг.

Старик наклонился и, приподняв войлок около столика, показал пулемет.

– Вот она, машинка, премудрость-то аглицкая, батюшка! – кривя морщинистое лицо, обросшее седою бородой, прохрипел он. – С ею можно одному супротив сотни супостатов!

Поп вскочил на ноги, выкатив глаза, перекрестился и вдруг воскликнул:

– Радуйся, Иоанне, святой воине и преславный чудотворче! Истинно дивное явление!

Они вышли из шалаша, огляделись по сторонам и намерились перенести пулемет на арбу, на которой приехал Валерьян, но тут из-под высокой стены будяков и синюхи показался Гусочка, ехавший по дороге к пасеке. В посадке он привязал Анархию к дереву и перво-наперво спросил:

– Ну, как бражка, Влас Пантелеймонович? Мовет, хлебом по черепьяни, покедова не пьяни? Как вы, Валерьян Моисеевич?

– Что ж, – развел руками поп. – Сподобиться нелишне. Рад разделить с вами сие благоприятное питье, данное нам богом, яко и всякое брашно.

Старик достал из шкафчика закуску, глиняные кружки и, нацедив в кухоль браги из бочонка, попросил друзей к столу. Валерьян осенил себя крестным знамением:

– Иисусе, сыне Давидов, помилуй мя, грешного!

Выпили...

На пороге появилась Оксана, отвесила низкий поклон, сказала:

– Дедусь, я пойду нарву маточника, а то, пожалуй, сегодня выйдет рой из крайнего улья.

– Пойди, моя внученька, пойди, – прошептал дед.

– Ах, какая дочь у Игната Власевича! – не удержался Валерьян от восхищения. – Красавица! – Он перекрестился и, елеино улыбаясь, заспешил: – Тьфу, тьфу! Чтобы не сглазить! Отыди от зла и сотвори благо.

Оксана взглянула на него и почувствовала, как горячая кровь ударила ей в лицо, и стройная фигура девушки застыла на долю секунды в неловкой позе. Потом она гордо подняла голову и быстро удалилась.

– А что, братцы, нальем ще по черепушке да приложимся? – предложил Гусочка и потянулся к кухлю.

– Нет, нет, Герасимович! – остановил его Валерьян и указал на войлок: – Разум несумненный еси в себе. Дела превеликие!

– А шо в ем? – спросил Гусочка и тут же догадался, по какой причине оказался здесь священник, покивал головой: – Так-так. Це б-то, приехали за делом.

Пулемет тотчас же был завернут в брезент и перенесен на арбу, и поп немедленно укатил к себе на участок за пшеницей, а Гусочка обратился к старику:

– Как медок, Влас Пантелеймонович, накаплиется?

– Да ничего, – проговорил старик. – Не в обиде.

– А я женился, так оце приехал качнуть для жиночки, – сказал Гусочка.

– Что ж, качни, коли охоту маешь, – пробормотал Влас Пантелеймонович.

– А вы не заглядывали в мои улейки?

– Нет, не заглядывал, Иван Герасимович, – кряхтел старик, наливая свежей воды в корытце, из которого пили пчелы.

Оксана отнесла пучок маточника в шалаш и, надев сетку на лицо, присела у летка. Гусочка зыркнул²³⁷ на нее и, видя, что она совсем не обращает на него внимания, оглядел свою небольшую пасеку и, делая вид, что перепутал ульи, сорвал с чужого крышку, бросил ее на землю, сказал:

– А ну, шо в ём? – таким же рывком вынул рамку, стряхнул с нее пчел.

Пчелы сердито зажужжали, потом вдруг тучей поднялись вверх и, падая дождем на Гусочку, со всех сторон начали жалить его. Он кинул рамку и, отмахиваясь, закричал:

– Хай вас бис! Схаменитесь²³⁸! Побесились, чи шо?

---

²³⁷ **Зыркнуть, зиркнуть** – взглянуть, глянуть, посмотреть, сверкнуть глазами, пялиться. – прим. Гриня

²³⁸ **Схаменутися** – опомниться, прийти в себя, одуматься. – прим. Гриня

– Что ж ты наделал? – воскликнул старик. – Ить пчела любит ласку, а ты, как оглашенный, стучишь! Да ешо в чужой улей залез!

Но Гусочка уже не слышал его и во все лопатки пустился в посадку, сел на Анархию, но пчелы набросились и на лошадь. Анархия рванулась вперед, высоко взбрыкнув задом, и Гусочка полетел через ее голову, распластался на земле. Отбиваясь от пчел, он помчался по будьякам, поспешно крестясь и приговаривая:

– Господи сусе! Ослобони, господи! – нырнул в копну и так зарылся в нее, что остались видны только боты.

Оксана, наблюдая за этой сценой, хохотала до слез.

Между тем пчелы стали успокаиваться. Вдали на стерне Оксана увидела линейку, и сердце ее дрогнуло, радостно забилося. Она прильнула к деду, поправлявшему улей, разрушенный Гусочкой, сказала:

– Дедусь, а вон Витя едет к нам!

Влас Пантелеймонович выпрямился и поглядел из-под руки в поле.

– Пойди скажи ему, чтоб не ехал сюда, а то пчелы и его лошадей кусают.

Оксана сняла с себя сетку, побежала навстречу Виктору, махая платком, чтобы тот остановился. Виктор придержал коней. Оксана, задыхаясь от бега, прыгнула к нему на линейку, села рядом и, заливаясь смехом, рассказала о Гусочке.

– Да... – протянул Виктор. – Раз такое дело, то нужно подальше, пока успокоятся.

– Поехали вон в ту посадку, – указала Оксана в сторону леса.

Виктор повернул лошадей, и вскоре линейка остановилась на опушке старой заброшенной дубовой рощи. Выпрягли лошадей, пустили на траву пастись.

– А я думала, ты уже и не приедешь, – сказала Оксана.

– Как же, – промолвил Виктор, беря ее под локоть. – Я же пообещал. Да и на пчел нужно посмотреть, как они. А то мы отвезли их вашему дедушке и не показываемся.

* * *

Поздно вечером в закрытую ставню дома Матяша кто-то постучал. Дарья, бросив стелить постель, нерешительно спросила:

– Кто там?

– Открой, – донесся сдержанный голос.

Дарья затрепетала, сняла крючок с петли.

В кухню усталой походкой вошел Андрей, сорвал с себя шапку и, швырнув ее на лавку, медленно опустился на стул у стола. Тяжелый взгляд сверкнул из-под сдвинутых широких бровей, задержался на жене.

– Как маманя, не поправляются? – сухо спросил он и положил ладони на расставленные колени.

Дарья никак не могла освободиться от страха, посматривала на него исподлобья, молчала. Андрей порывисто шагнул к печке, где лежала больная мать.

– Маманя, здравствуйте!

– А... шинок, Андрюша, – глухо простонала она.

– Вам не лучшает? – тревожился Андрей.

Мать отрицательно покачала головой, сильно закашлялась. Андрей помог ей подняться.

Дарья точно приросла к подоконнику закрытого окна ее фигура походила в эту минуту на каменное изваяние. Большие впалые глаза горели, исхудалое, потемненное лицо выражало отчаяние и ненависть. Андрей не глядел на нее, стоял у плиты с потупленной головой и нервно хрустел пальцами. Наконец он резко подошел к столу и, решительно сев на прежнее место, проговорил:

– Давай вечерять, а то мне нельзя задерживаться.

Дарья подала ему сливочное масло, яйца, нарезала хлеба и, скрестив на груди руки, снова прижалась к подоконнику. Андрей поужинал, надел шапку.

– Ты еще придешь? – спросила жена.

– Приду, часа через полтора, – ответил он и скрылся в темноте коридора.

Дарья потушила свет, осторожно вышла из дома. Приблизилась к Бородулиному саду, услышала приглушенный разговор Андрея и Оксаны. Сердце учащенно забилося. Она, боясь, что нервы не выдержат, поспешила вернуться назад, упала на кровать и, проклиная свою горькую участь, дала слезам полную свободу.

Оксана проводила Андрея в дом. За столом в тускло освещенной кухне сидели отец и мать. Бородуля обрадовался гостю и, пожимая ему руку, сказал:

– Сейчас мне надо сходить к отцу Валерьяну.

– А что там? – поинтересовался Андрей.

– Будет разговор об оружии, – доложил Бородуля. – Хорошо бы и тебе поприсутствовать, но это слишком рискованно. Можешь напороться на кого-нибудь. Жинка ни о чем не говорила?

– Нет, а что такое? – насторожился Андрей.

– Ее в ревком вызывали зачем-то, – сказал Бородуля приглушенным голосом. – Видать, спрашивали о тебе. – Он помолчал, затем нерешительно выразил сомнение: – Все же мне кажется, что из нашей затеи ничего не выйдет. В Царицынской даче какая сила была, и то все прахом пошло. Гоняют сейчас Курунина с сотней казаков от одной станицы к другой, как затравленного зайца. И никак он не может перебраться со своим отрядом на ту сторону Кубани, чтобы уйти к Хвостикову. – Он пощипал усы и сделал нервный жест рукой:

А погляди, как нас преследуют в станице. Вот как хочешь, а я боюсь. Жебрак, Корягин и Юдин всю шантрапу вооружили против нас. Нет больше силы бороться с ними.

Андрей покрутил головой, улыбнулся.

– Не от вас это слушать, Игнат Власьевич. Вот письмо...

– От Васи! – воскликнула Акилина Даниловна и вскочила из-за стола.

– Не кричи, чего шум подняла? – цыкнул на нее Бородуля, надел очки и, распечатав конверт, прочитал:

Здравствуйте, дорогие родители: папаша, мама, дедушка и сестрица. Сообщаю вам, что я сейчас нахожусь в городе Феодосия, куда нас перебросили после боев в Северной Таврии. Теперь в наших руках почти вся Южная Украина. Наши войска теснят красных, и скоро наступит день, когда русская армия соединится с Петлюрой, а может, и с поляками.

У нас среди офицеров стало известно, что в ставке главнокомандующий войсками генерал Врангель заявил, что намерен высадить на Кубани десант. Так что я, возможно, побываю дома.

До свидания, дорогие родители, обнимаю, целую. Ваш сын – Василий Бородуля.

19/VI 1920 г.

– Так, – многозначительно произнес он и, сняв очки, обратился к Андрею: – Кто тебе передал его?

– Привезли сегодня от Хвостикова, – ответил Андрей и после небольшого молчания добавил: – Говорят, доставил его из Крыма карачаевский полковник Крым-Шамхалов.

– А, Мурзакула! – с жаром подхватил Бородуля. – Его я знаю. Это князь, живет в Безымянном ущелье на берегу озера Коро-Кель. Мы с ним в русско-японскую войну служили в Маньчжурии в одной дивизии, генерал Куропаткин командовал армией. – Он неожиданно задумался над чем-то, еще раз взглянул на письмо, покачал головой: – Но такие письма нельзя посылать.

– Оно передано частным путем, – сказал Андрей и, тоже пробежав его глазами, пояснил: – А о том, что генерал Врангель думает высадить войска на Кубани, знают уже все, и секрета тут никакого нет.

– А что он пишет? – спросила Акилина Даниловна.

– Жив-здоров, – ответил Бородуля, потом вдруг с чувством вскричал: – Это хорошо! Нужно нам поднатужиться.

– Иначе ничего не выйдет, – сказал Андрей. – На днях к Хвостикову опять приезжали из Грузии, обещали помощь. Армия у него растет. Мы победим, Игнат Власьевич!

– Ты прав, Андрей, – согласился Бородуля. – Стояньем города не возьмешь. – Он вытер испарину на лице и, сняв с вешалки шапку, подчеркнул: – Корягин подлюка! Держит нас, как под мельничным камнем.

Они вышли на улицу.

Дарья лежала на кровати. В горле пересохло, подушка намокла от слез. Тело судорожно вздрагивало. Свекровь не переставала охать, задыхалась от кашля. Наконец, потеряв сознание, она зевнула раз, другой, и голова ее упала набок.

Явился Андрей. Дарья не могла уже сдерживать себя, встретила его упреками. Но он, не слушая ее, молча вышагивал по длинному половику, разостланному у комода и дивана, затем остановился, поднял на нее пристальный взгляд, спросил:

– Зачем тебя вызывали в ревком?

– Корягин пытал, где ты скрываешься, – с трудом промолвила Дарья. – Говорил, чтобы я выдала тебя.

– А ты?

– Ничего не пообещала.

– Мы скоро возьмемся за них! – сквозь зубы процедил Андрей.

– Пока вы возьметесь, – всхлипывала Дарья, – а они уже взялись за вас. Ваш отряд все в станице клянут. Бабы попрекают меня тобой. Жинкой бандита называют.

– Хай попрекают! – горячился Андрей. – Воронье паскудное!

– Ото ж! – вытирала Дарья слезы. – Злой не верит, что есть добрые люди. Всех бы в ложке утопил.

– Моя злость не против добрых людей, – огрызнулся Андрей. – Я супротив насильников! Тех, что разоряют меня, отнимают то, что я добыл из земли своим потом и кровью!

– Разве только ты один такой, – сказала Дарья. Время сейчас такое настало. Примирился бы лучше. Плетью обуха не перешибешь.

– Но и мира с грабителями не будет! – бросил Андрей, скрежеща зубами. – Забирают все, да еще меня и паразитом называют! А паразит не я, а они!

– Хлеб берут для голодающей России, – ответила Дарья, не поднимая головы. – Об этом все знают.

– А маманя спят? – вспомнил Андрей и повернулся к печке.

Мать лежала без движения. Глаза были широко открыты, на запекшихся губах виднелась желтоватая пена. Андрей схватил ее руку и в потрясении закричал:

– Одарка, маманя померли!

Дарья встрепенулась, застыла у двери с испуганными глазами. Андрей наклонился над телом матери, поцеловал в восковой лоб. Слезы потекли по шершавым щекам, брызнули на покрывало. Закрыв ей лицо платком, он спустился на пол, обратился к жене:

– Хоронить будешь сама. Могилу вырой около бати. Да отслужи панихиду.

Дарья ничего не помнила, что с ней творилось. Андрей прошел в зал, сел у стола. Склонив голову на руки, он просидел около четверти часа.

За окном послышались чьи-то осторожные шаги. Андрей весь превратился в слух. Приглушенный шепот донесся из-за ставни:

– Андрей, ты дома?

Узнав голос Бородули, Андрей бросился к окну.

– Что там?

– Выйди.

Андрей заторопился, сбежал по ступенькам крыльца.

– Сейчас же уходи, – предупредил его Бородуля. – Тебя видел Вьюн и только что донес в ревком. Наш человек подслушал этот разговор. Беги, беги быстрее!

Андрей пробрался к Кубани, сел в лодку и, переплыв на другой берег, скрылся в лесу.

* * *

Игуменья была не в духе. Позвала к себе келейницу. Соня переступила порог и, задержав взгляд на своей повелительнице, низко поклонилась.

– Садись, дитя мое, – пригласила ее игуменья.

Соня села у стола, не спуская с нее глаз.

– Что же ты ничего мне не рассказываешь, дитя мое? – стараясь скрыть свое душевное состояние, нарушила игуменья тишину после продолжительного молчания. – Ты взволнована?

Соня в смущении потупила глаза и, пытаясь погасить на лице признаки тревоги, промолвила с присущей ей покорностью:

– А что я могу знать, матушка?

– Твоя сестра вышла замуж? – проговорила игуменья.

– Да, – вздохнула Соня. – Не хотела Галя выходить за Григория, но батя заставили ее.

– Что ж за причина?

– Не нравился ей.

– Какой у тебя жестокий отец! – покачала головой игуменья.

Соня задумалась, потом вдруг сбивчиво сказала:

– Да, он у нас такой. Говорит, что делает для нас лучше. Хочет, чтобы мы жили в достатке. Бедность ему надоела.

– Верно, – сочувственно произнесла игуменья. – Мир полон чудес. Но... Иисус сказал Пилату, дитя мое: «Царство мое не от мира сего». И ты не горюй, скоро примешь пострижение, тогда тебе легче будет.

– Нет, матушка, – возразила Соня, – мне не придется постригаться.

– Почему? – широко открыла глаза игуменья. – Ведь ты уже рясофорная послушница! Не забывай, что сердце человека обдумывает свой путь, но господь управляет шествием его.

– Сейчас война, – как бы не зная, чем оправдать себя, прошептала Соня голосом, полным тревоги.

– Война? – Игуменья подозрительно поглядела на нее. – Нет, что-то не то... Сознайся по чистой совести, кто внушил тебе эту мысль? – Она смотрела ей в лицо упорным, испытующим взглядом, искала в глазах хоть признак смущения. – Ты очень ошибаешься в своих суждениях. Может быть, и в самом деле ни с кем ты не говорила, однако на тебя что-то подействовало.

– Матушка, это просто слово, – терялась Соня, перебирая дрожащими пальцами складки своего черного платья.

– Нет, дорогая, – перебила ее игуменья. – Слово это душа человека.

– Но это вышло нечаянно, матушка, – умоляюще смотрела Соня на свою начальницу.

– А я и не обвиняю тебя, – с притворным равнодушием сказала игуменья. – Наоборот, ты хорошо поступила, что открылась мне в своей тайне. Я обязана наставить тебя на верный путь.

Она умолкла и продолжала разглядывать келейницу. Соня, казалось, совершенно не замечала этого и с каким-то трепетом глядела на распятие Христа.

– Соня, – впервые назвала игуменья келейницу по имени, – ты обязана, как перед богом, открыть мне свою душу. Я помогу тебе, дитя мое.

Из глаз келейницы брызнули слезы. Она не отрывалась от иконы, но ничего не видела перед собой. Игуменья медленно поднялась и, осторожно положив руку на ее плечо, тепло сказала:

– Говори, говори, милая, что с тобой. Не бойся.

– Матушка, – пролепетала Соня, дрожа всем телом, – простите меня. Я должна вам признаться...

Игуменья села на диванчик.

– Говори, – сказала она, слегка краснея от волнения.

– Знаете, матушка, – откровенно и решительно заявила Соня, чувствуя, как стынут у нее руки и ноги. – Нет у меня веры в монастырь.

– Что ж, – сказала игуменья вкрадчивым голосом. – В этом повинен только сатана.

Соня резко повернула голову и на мгновение выпрямилась. Глаза ее говорили: «Нет! Не сатана, матушка». Игуменья напряженно смотрела ей в лицо. Оно было не таким кротким и смиренным, как раньше. Тянулось гнетущее молчание.

Наконец игуменья велела келейнице постлать постель на диване и лечь – сама скрылась в дверях темной спальни.

* * *

Загорелась заря, и в окна кельи проникли лиловые полосы, упали на стену кровавыми пятнами.

Соня не просыпалась. Игуменья поправила у нее на груди золотой крест, положила руку на лоб. Ровное дыхание было еле заметным. Игуменья села в кресло. Откинувшись на спинку, она не спускала со спящей взгляда. Красивые черные волосы келейницы рассыпались по подушке.

«Что с нею?» – мысленно спрашивала игуменья. Лицо ее вдруг помрачнело, и она проговорила вполголоса:

– Недаром говорят: гони природу в дверь, она войдет в окно. Хорошо, я предоставлю ей полную свободу.

Соня открыла глаза, взглянула на нее.

– А? Вы что-то сказали, матушка? – спросила она, поспешно вставая.

– Нет, ничего, – ответила игуменья, вышла из кельи и направилась в сад.

Задержавшись около цветочной грядки, она нарвала букет, поднесла к губам. У барьерчика купальни с цементированными берегами долго глядела на живописное озеро, находившееся в нескольких саженях от монастыря...

XVI

Ночь была тихая, глухая, непроглядная. В монастырь приехали Набабов и Матяш. Игуменья осторожно проводила их в башню.

– Ах, господи! – с радостью воскликнула она. – Скорее говорите, что нового?

– О! Новостей у нас полон воз, матушка, – ответил Набабов, садясь в кресло.

Андрей остановился у стола, на котором горело несколько свечей в парных подсвечниках.

– Я вас слушаю, – нетерпеливо прибавила игуменья, – Ну, рассказывайте, с чем приехали?

– Приехали с тем, матушка, – докладывал Набабов густым басом, – что командующий просил вас приступить к подготовке восстания в станице Краснодольской, и не позже первых чисел августа. И когда его войска подойдут к этим местам, вы должны поднять казаков и облегчить ему захват узловой станции Кавказской.

– Когда же Алексей Иванович думает приступить к действиям?

– Это будет зависеть от высадки десантных войск Врангеля на Кубани, – заявил Набабов. – Предполагается, что десант появится в нашей области не раньше августа. К этому времени генерал Хвостиков и приурочивает свои наступательные операции.

– Не позже завтрашнего дня мы должны связаться с Бородулей и начать действовать.

– А что с Куруниным? – поинтересовалась игуменья.

– Бог ведает, какие у него дела, – ответил Набабов.

– Людей у него мало осталось, – заметил Андрей.

– Значит, разгром, – тихо сказала игуменья и подняла взгляд на полковника: – Ну, а вы как добрались тогда до своего места?

– Всяко приходилось, матушка, – проговорил Набабов – Так же, как сейчас достается Курунину. Да и уцелело нас всего девять человек: генерал Хвостиков, полковник Полли, я и еще некоторые казаки.

– Всего? – испугалась игуменья.

– Это еще хорошо, – сказал Набабов. – Могли бы все здесь остаться. – Он вытер пот на лбу, помолчал секунду и продолжал: – А в Преградную мы прибыли только на пятые сутки. Не доведи бог, матушка, так отступать, как пришлось нам.

Игуменья сняла щипцами сгоревший фитиль со свечи и, опускаясь в кресло, простонала:

– О, милостивый господи! Спаси и помилуй нас, грешных!

Набабов вынул часы из внутреннего кармана пиджака, открыл крышку и, глядя на стрелки, промычал:

– Да... уже поздненько. Устали мы с дороги, отдохнуть бы... Сегодня у вас банька топилась?

– Она у нас по субботам всегда топится, – ответила игуменья, вставая.

– Пойдем, Андрей Филимонович, кости попарим, – пригласил Набабов хорунжего.

– Нет, я летом в бане не купаюсь, – отрицательно покачал головой Андрей. – Завтра вечером искупаюсь в Кубани.

– А я уважаю баню, – сказал Набабов, надевая шапку.

– Идите, полковник, там сейчас никого нет, – улыбаясь, сказала игуменья. – Да смотрите, чтобы вас никто во дворе не увидел.

– Я уж как-нибудь постараюсь, матушка, – протянул Набабов, берясь за дверную скобку.

– А жить будете, – указала игуменья в сторону, – в той подвальной комнате, что в пустом корпусе. Вас будет навещать мать Иоанна.

Набабов поблагодарил настоятельницу, пожелал спокойной ночи и с Андреем выбрался из башни.

* * *

Игуменья возвратилась к себе в келью и не успела сесть, как у двери раздались шаги, и тотчас к ней вошла мать Иоанна.

– Что у вас, матушка? – подняла на нее глаза игуменья.

– Да вот... – разводя руками, сказала старуха. Что прикажете делать с монахиней Маврой? Забрюхатила, нечистая душа! Родить скоро будет.

– А вы с нею говорили?

– Говорила, матушка, да толку мало.

– Позовите ее ко мне.

Мать Иоанна поклонилась до полу, вышла из кельи и, спустя некоторое время, вернулась с виновницей. Мавра сильно похудела, вытянулась, на лице появились коричневые пятна, нос заострился, под впалыми глазами образовались синие круги. На ней было просторное неопределенного цвета платье с высоко поднятым передом, черный платок и поношенные чуваки.

– Вы поглядите на ее морду, матушка, – указывая палкой на лицо монахини, со злобой говорила мать Иоанна. – Жабы-то²³⁹ какие, а брюхо! Срам на виду показаться.

Игуменья села в кресло, оперлась на вальки, молча глядела на Мавру, стоявшую в двух шагах от нее с опущенной головой.

– Скажи, – наконец спросила игуменья, – зачем ты давала святой обет перед богом, что будешь вести отрешенную жизнь?

– Да, я давала этот обет, матушка, – с отчаянием заявила Мавра. – Я постригалась... Но...

– И что же ты теперь думаешь? – поспешно перебила ее игуменья.

– Родить буду! – задыхаясь от гнева, бросила Мавра.

Игуменья еще раз смерила ее властным взглядом, подала знак матери Иоанне, чтобы та увела ее. Старуха приказала монахине выйти. Мавра скрылась за дверью.

– Вы за ней присмотрите, – распорядилась игуменья. – Из кельи никуда не выпускайте.

– Слушаюсь, матушка, – покорно склонила голову мать Иоанна.

* * *

Всю ночь игуменья не могла уснуть, а утром, как только вспыхнула заря, позвала к себе мать Иоанну, сообщила о прибытии Набабова и Матяша и в то же утро уехала из монастыря.

Вечером мать Иоанна явилась в подвальную комнату. Матяш поднялся с кровати и, сунув наган под подушку, вопросительно посмотрел на Набабова, сидевшего за столом перед бутылкой с самогонном. Старуха поприветствовала их и, кряхтя, грузно села на стул против полковника, расспросила о житье-бытье, не жалуются ли они на свое затворничество, потом предупредила, что в связи с появлением их игуменья, соблюдая предосторожность, чтобы не упало на нее подозрение со стороны большевистских властей, выехала из монастыря.

– Оно, конечно... – пьяно бормотал Набабов. – Ей необходимо беречь себя. Мы и без нее управимся.

Андрей остановил на монахине взгляд:

– Когда же матушка обещала вернуться?

– Она по временам тайком будет навещаться.

– Сегодня нужно сходить в станицу и начинать, – решительно сказал Андрей. – Разрешите мне

---

²³⁹ **Жабы** – пятна на лице у беременной женщины.

этим делом заняться, господин полковник?

– Разрешаю, – с трудом ворочал языком Набабов, икнул, пожал плечами, протянул руку. – А ну-ка, господин хорунжий, налей-ка мне еще.

Андрей махнул рукой, наполнил стакан водкой, подал полковнику. Тот залпом выпил, крикнул, вытер губы и, не закусывая, невнятно пробормотал:

– Пожалуй, сходи к Бородуле. Потолкуй хорошенько.

Андрей сунул наган в карман, вместе с монахиней пошел к выходу. Поднимаясь ощупью по ступенькам вверх, он попросил ее хорошенько присмотреть за полковником.

– Да ему-то сейчас море по колено, – сказала старуха.

Они выбрались из пустого корпуса, и Андрей, пробираясь по кустам чернотала²⁴⁰, канул в лесу.

Набабов встал и, пошатываясь, приблизился к тусклому зеркалу, висевшему на стене, заглянул в него, но тут же испуганно отшатнулся назад и замер. Потом глупо улыбнулся, показал себе язык, промычал:

– Мм-м... Тьфу! Дурень!.. Это ж я...

Открылась дверь, и вошла мать Сергия. Подняв палец, она прошептала:

– Тихо! Тихо, раб божий!

Набабов оторопел и, вытаращив на нее пьяные глаза как на привидение, попятился к кровати, сел и, шаря иод подушкой, со страхом пробормотал:

– Ты!.. Ты кто такая!

– Господь с вами, полковник! – перекрестила его мать Сергия. – Неужто позабыли? Вчерась вечером в баньке мы с вами парились.

Набабов с трудом поднялся и, пристально посмотрев на нее, плюнул с досады и громко захохотал:

– Вишь ты! Оказия какая! Своя своих не познаша. Что ж ты там стоишь? Садись вот здесь. Водочки выпьем.

Мать Сергия, слегка подобрав черную рясу, опустилась на стул, поспешно осенила себя крестом, прошептала:

– От водочки не откажусь.

Полковник с трудом налил в стаканы самогона, прохрипел:

– Прошу, матушка.

– Благодарствую, Кирилл Семенович, – хихикая, тоненько пропела мать Сергия. – Дай бог вам всякого здравия.

Они звонко чокнулись, отпили по глотку и потянулись к еде.

* * *

Перед утром в монастырь вернулся Матяш, пробрался в комнатку, где мертвецки спал полковник, нащупал в темноте свою койку, лег в постель и тотчас уснул.

Во второй половине дня оба проснулись, и Набабов, увидев хорунжего, с удивлением выкатил на него глаза:

– Ты разве не ходил в станицу?

– Как же, – потягиваясь, ответил Андрей. – Все уже сделано. Виделся с Бородулей и Молчуном.

– Договорились?

– В основном...

Набабов опохмелился, нюхнул корочку хлеба.

– Все ждут Хвостикова, – продолжал Андрей с раздражением. – Лишь бы войска его появились, сразу все встанут.

Полковник сел на стул и рассудительно сказал:

– В том-то и дело! Все будет зависеть от продвижения армии Хвостикова в глубь области.

Андрей натянул сапоги, наморщил голенища и зашагал по комнате.

---

²⁴⁰ Чернотал – вид ивы. – прим. Гриня

XVII

Виктор почти всю неделю ходил точно пьяный под впечатлением встречи с Оксаной на пасеке, а в субботу, по совету отца и матери, засватал ее. В воскресенье обвенчался. Наскоро сыграли свадьбу, и Оксана перешла к Левицким.

В первые же дни Виктор разочаровался в жене, ругал себя в душе за ошибку. Оксана заметила в нем резкую перемену, не присущую ему холодность. Знала причину этого настроения.

Лишенная теперь свободных встреч с Андреем, она закрылась в комнате, написала ему теплое, обнадеживающее письмо и, запечатав в конверт, спрятала за пазуху.

У конюшни Лаврентий запрягал лошадей, собирался на базар в Петропавловскую. Наумыч, куря люльку, на колоде под лабазом выстругивал ножом деревянные грабли. Виктор вынес из кладовой войлок, застлал им траву на подводе. Мать и отец выехали со двора. Виктор закрыл ворота, вместе с женой направился в хату.

– Витя, – заговорила Оксана со слезами.

Она обняла загорелую его шею. Виктор молчал. Ему было неловко. Другой на его месте избил бы недостойную жену до потери сознания, а то, гляди, и совсем прогнал бы прочь в первый же день. Но у Виктора был совсем иной характер. Он всю свою обиду переносил в душе; ему в жизни еще не приходилось оскорбить женщину. Даже в детстве он относился к девочкам покровительственно, ласково. А теперь перед ним стояла жена и синие ее глаза глядели ему в душу, молили о прощении, но он только машинально гладил ее по голове, с которой ниспадали до пояса красивые толстые косы.

– Ну хоть побей меня, Витя, только не молчи, – дрожал прерывистый голос Оксаны. – Я все сделаю для тебя. Прости меня.

Голова ее упала на грудь мужа. Закапали слезы. У Виктора сжалось сердце. Он посмотрел ей в лицо, сказал:

– Не надо, Сана. Успокойся.

Глаза Оксаны загорелись радостью. Она поцеловала его, воскликнула:

– Витя, мой! Ты прощаешь?

Виктору хотелось чем-либо отвлечься, и он собирался уже взять какую-нибудь книгу, но в это время в забор постучал почтальон. Залаяла Жучка. Оксана выбежала из хаты и принесла газету.

Вошел Наумыч, присел на табуретку.

– А ну-ка, про шо там пишут, Витя?

Виктор пробежал глазами заголовки статей, остановился на стихотворении:

– Вот послушайте, что пишет Демьян Бедный...

Ихь фанге ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихь бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон...

Стихотворение рассмешило деда и Виктора. Но больше всего они хохотали над тем, где говорилось:

Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.²⁴¹

– Так, так, – сокрушался Наумыч. – Целовать грязные чоботы²⁴² у германцев. Довольно, уже

---

²⁴¹ Отрывки из стихотворения Придворова Ефима Алексеевича «Манифест барона фон Врангеля». Опубликовано с подписью: «Баронскую штучку списал и опубликовал Демьян Бедный. Южный фронт, 5 октября 1920 г.» – прим. Гриня

нацеловались! – Он покачал головой, сожалеюще добавил: – Вот уж не везет русскому трону! За всю историю – почти ни одного русского царя! Все какие-то паболдыри, перевертни²⁴³ правили, нищали Россию. И заново лезет на трон немец. Россию треба спасать от этих песиголовцев, гнать чужеземных управителей с нашей земли, чтобы их и духу не было!

– А вот некоторые поддерживают Врангеля, – сердито проговорил Виктор.

Наумыч тепло посмотрел на него.

– Пушай поддерживают. Россия могуча, ее не победить никому. Она была и шведов, и турков, и французов, и немцев. Побьет и Врангеля!

Виктор задержал взгляд на информационном сообщении о действиях Красной Армии на польском фронте, прочел вслух:

Товарищи, теснее ряды: путь к Варшаве очищен. Польский рабочий с нетерпением ждет своего освобождения.

– Вот как наши тузят Пилсудского²⁴⁴! – сказал он с ноткой гордости. – Уже у Варшавы!

– Это хорошо, – поглядывая на Оксану, торжествовал Наумыч. Стало быть, война скоро кончится.

– Но Врангель все же продвигается вперед, – возразил Виктор, вода возбужденными глазами по строчкам сводки.

– Ничего, – уверенно заявил Наумыч. – Царствовать ему над нами не доведется.

Оксана метнула на него косой взгляд и ушла в кухню.

* * *

Корягин и Жебрак на закате солнца заглянули в ликбез и направились к Левицким. Виктор радушно встретил их, проводил в хату. Наумыч пригласил гостей в боковую комнату и, попросив садиться, о чем-то шепнул Мироновне.

Корягин и Жебрак сели. Виктор остановился у высокого комода, на котором красовались открытки, фотокарточки, приставленные к флакончикам из-под одеколona и духов, фарфоровым безделушкам, статуэткам.

– Как живешь? – обратился к нему Корягин. – Рассказывай. Почему на свадьбу не покликнул?

Виктор улыбнулся.

– А вы хотели бы прийти?

– Хитер, – подмигнул Корягин. – Слышал, Николай Николаевич?

– Да... Это нехорошо, – протянул Жебрак с ленивой ухмылкой.

Мироновна внесла тарелки с закуской, поставила на стол.

Вошел Лаврентий, поздоровался с гостями, сел на диване рядом с отцом. Корягин обратился к нему:

– Ты что ж, георгиевский кавалер, чуждаешься нас? Думаешь, революцию доводить до конца не твое дело?

Лаврентий смущенно пожал плечами.

– То старорежимные заслуги. Кресты теперь не в почете, – стараясь уклониться от вопроса, отшутился он после продолжительного молчания и тут же пояснил: – Я их с восемнадцатого года никому не показываю.

---

²⁴² **Чоботы** – обувь; у малороссов – название сапогов. – прим. Гриня

²⁴³ **Поболдырь** – дитя (человек), у коего один из родителей русский, европеец, а другой болдырь (метис, ублюдок, незаконнорожденный); второе поколение помеси. **Перевертни** – прозвище обрусевших малороссиян, переселившихся в районы бывшего Дикого поля в 17–18 вв. в ходе совместной дружественной русско-украинской колонизации. Термин перевертень также использовался для обозначения украинца, предавшего свою культуру. – прим. Гриня

²⁴⁴ **Пилсудский**, Юзеф – польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого Польского государства (1918–1922), основатель польской армии; маршал Польши. – прим. Гриня

– А напрасно, – протянул Жебрак. – Вам же дали их на германском фронте за храбрость.
– Да, – сказал Лаврентий. – За «брусиловский прорыв».
– А тут, в станице, – вмешался в разговор Наумыч, – при атамане Прасоле из-за этого Георгия попал в тыгулевку.

– Каким же образом? – поинтересовался Жебрак.

– Бывали такие куплеты, – промолвил Лаврентий.

Он поскреб затылок, потом рассказал, как в семнадцатом году, в сентябре, вернулся с фронта домой, шел по улице и не отдал честь полковнику Гиревому. Тот остановил его, обозвал хамом и мерзавцем.

– Я, конечно, разобиделся донельзя, – продолжал Лаврентий, возвышая голос, – не выдержал такую безобразию, да и въел его кулаком по скуле и вышиб зуб. А потом потребовал отдать мне честь, как георгиевскому кавалеру. Тут я отвернул борт шинели и показал ему свои кресты.

– Ну и что ж? – спросил Жебрак. – Подчинился он вам?

– А как же! – сказал Лаврентий. – Все по уставу. – Он снова затих, подкрутил остренькие усы, усмехнулся: – Гиревой, конечно, пожаловался атаману, а тот вызвал меня в управление и посадил в тыгулевку.

– Я об этом случае помню, – протянул Корягин. – Мне рассказывали.

– Как же вы решились на такое? – спросил Жебрак.

– Да! – подхватил Корягин. – Он мог бы тебя на месте пристрелить.

– Широка рогожа, – протянул Лаврентий. – Он нас в это время уже побаивался. Трус был.

Мироновна пригласила гостей к столу. Лаврентий поднялся, сказал:

– Прошу. Садитесь, перекусим.

Все уселись вокруг стола.

– Как у вас пшеница? – поинтересовался Жебрак.

– Никчемная, – ответил Лаврентий. – Зерно морхлое²⁴⁵. Голодовки не минуем.

– С голодовкой нужно бороться, – сказал Жебрак.

– А как это можно, дозволейте узнать? – Наумыч поднял широкие брови.

– Возьмем хлеб у богатеев и дадим тому, у кого нет его, – пояснил Жебрак. – Можно ж так сделать?

Старик пожал плечами. Выпили.

– Тут дело... вестимо, – вытирая рушником усы, выпрямился Наумыч, – коли вы так думаете.

– А иначе как же? – сказал Жебрак, всматриваясь в него. – Излишки хлеба только у богатеев.

– Понятно, – согласился Наумыч.

– Вот мы и будем этот хлеб отбирать и посылать в города и Красной Армии, – проговорил Корягин.

Старик развел руками.

– Я уж в этих делах ничего не смыслю.

– Но вы-то согласны, – спросил Корягин, – чтобы взять хлеб у богатеев и дать голодному рабочему?

Наумыч тяжело вздохнул.

– Как тебе сказать, товарищ председатель. Оно, конечно. Ты помещика Меснянкина знаешь?

– Знаю, – ответил Корягин.

Наумыч перевел взгляд на Жебрака.

– Вас, кажись, зовут Николаевичем?

– Да.

– Так вот, Николаевич, – продолжал Наумыч. – Вы знаете, что у нас, в казачестве, до переворота порядок был такой. Когда казаку приходила пора идти на царскую службу, он должен иметь у себя ладную лошадь и не ниже двух аршин росту, а ежели для высокого всадника, то еще и два вершка. Лошадь ниже этой меры не брали.

– Об этом я знаю, – сказал Жебрак.

– Эге ж! – Наумыч слегка дотронулся до его плеча. – Окромья того, новобранец должен иметь у себя еще и седло, саблю, кинжал, каковые приобретались у какого-нибудь заведомого торгаша. У

---

²⁴⁵ **Морхлый** – больной, гнилой, испорченный. – прим. Гриня

нас в станице все это продавал Козюпа.

– Это тот, у которого мы конфисковали склад с частями для сельскохозяйственных машин? – Жебрак поднял глаза на Корягина.

Тот утвердительно кивнул.

– А лошадей всегда покупали у шабая²⁴⁶ Мишуры, – рассказывал Наумыч. – Но кто приобретал на стороне, то лошадь часто браковалась комиссией, и тут же за бесценок ее продавали с торгов. Не потому, что она плохая, а потому, что у нее рост не выходил.

– Так всегда было, – подтвердил Жебрак.

– Казаку же предлагали купить лошадь у Мишуры, с которым комиссия имела договоренность по этой части. Новая лошадь, приобретенная у шабая, всегда была никудышной, но, может быть, ростом выше. У новобранца обычно не хватало грошей. Тогда казна выдавала ему ссуду, а за это забирала у него землю и по нашему юрту²⁴⁷ сдавала ее в аренду помещику Меснянкину. Отдавала так, за бесценок: по семьдесят пять копеек за десятину в год. И ежели по истечении службы эта земля не покрывала всей ссуды, то у казака отбирали лошадь и продавали ее другому такому же казаку-новобранцу. Таких примеров можно привести тысячу! Да и вот с нашим Виктором такая же катавасия²⁴⁸ вышла, когда его призывали в армию. Доставила нам хлопот немало... так что наши казачьи привилегии, при царе-батюшке, выходили нам суком...

– Да вы кушайте, – обратилась Мироновна к гостям, – а то до утра их не переслушаете.

Лаврентий налил еще по стаканчику. Наумыч оживился и с гневом продолжал:

– А бывало еще и такое. Родит жена у какого-нибудь казака, да не сына, а дочку. Глядишь, муж и начнет ее колотить. Зачем-де родила мне бабу? Ведь на нее-то земли не давали. А жена разве виновата?

– Это тоже верно, – сказал Жебрак.

– К чему я это веду, Николаевич? – горячился Наумыч. – А к тому, что в этом бачу бесстыдство и нахальство наших старых управителей! Они всюду чинили неправду. Как хотели, так и обдирали простой народ!

Лаврентий указал на тарелки, стоявшие перед гостями.

– Кушайте, кушайте, товарищи.

Беседа прервалась, и все опять принялись за еду.

– А вы хотя и берете у богатеев, – с новой силой начал Наумыч, – но зато даете голодному человеку.

– А я с вами, папаша, не согласен, – возразил Лаврентий. – Продразверстка многим не по душе.

– Не мешай мешать, Лавруха, – прервал его отец. – Я же не говорю, что нам легко от этой разверстки. Но и государство чем-то должно кормиться. И правительству нелегко снабдить хлебом такую громаду, как наша Россия-матушка. А хлеб только у богатеев. Вон и земля почти всей станичной бедноты находится в их руках. Тут нужно прямо сказать: тяжело молоту, тяжело и наковальне. Трудно хлеборобу, но нелегко и нашему рабочему, без которого мы жить не можем.

– Верно вы говорите, – поддержал его Жебрак и обратился к Лаврентию: – А вот вы, Никифорович, многое не понимаете. Сейчас самое тяжелое время в нашей стране. Мы разорены, измучены войной. Именно в эти дни нужно помогать Советской власти. Когда же пройдут годы да мы окрепнем, тогда у нас друзей будет много. И вот здесь уместно сказать: полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.

Лаврентий посмотрел на него исподлобья, подумал про себя: «Рассказывай, знаю... Того,

---

²⁴⁶ **Шабай** – посредник в торговле между производителем товара и купцом. – прим. Гриня

²⁴⁷ **Юрт** – у казаков – земельное владение станичного общества. – прим. Гриня

²⁴⁸ **Катавасия** – это слово, имеющее значение «беспорядок», было заимствовано из греческого, где существительное *katabasion* являлось церковным термином и первоначально означало «сбор двух хоров, размещенных на клиросах (так называются возвышения по обеим сторонам алтаря для церковных певчих), в середине церкви для общего пения». Впоследствии слово было переосмыслено, видимо, в связи с тем, что при таком соединении двух хоров нередко случалась неразбериха. – прим. Гриня

мабуть, и пришел, чтобы выведать, чем мы дышим. Тазите²⁴⁹ за каждым и всяким...» Он зиркнул из-под нахмуренных бровей, выразил сомнение вслух:

– Ежели бы все это остановилось на богате, а то чего доброго затузите и нашего брата, середняка, а там доберетесь и до бедноты. Ить воевали мы супротив помещиков, капиталистов да царских генералов, а как переворот удался, добрались и до зажиточных хлеборобов, начали их выметать. Тут и сумление берет. Лидва-лидва соберешься с духом, станешь на ноги, а тебя мах – и заново старец.

– Вот чего ты боишься, – прищурившись, протянул Корягин. – Напрасные у тебя страхи, Лаврентий, совсем напрасные.

Лаврентий уставился на него, произнес мысленно: «На языке медок, да на сердце ледок...» Потом, передернув плечами, промолвил:

– Может быть, и так. Но я сейчас никому не верю, не мешаюсь ни к тем, ни к другим. Да, да! Живи с разумом, так и лекарок не надо.

– Но у этого ум совсем другой, – Наумыч указал на внука. – Лекарственно говорит про нынешние порядки, в душу влазит. А Лавруха так: мелет до вечера, а послушать нечего.

Все улыбнулись.

Жебрак перевел взгляд на Виктора, спросил:

– А вы чего молчите?

– Мне нечего сказать, – улыбнулся тот, отодвигая от себя тарелку.

Жебрак взглянул на карманные часы, проговорил:

– Ну, дорогие хозяева, спасибо вам за беседу, угощение. Нам пора.

– А вы ж по какому делу к нам пожаловали? – любопытно спросил Наумыч.

– Просто так, – ответил Корягин. – По пути.

– Спасибо, что не позабыли.

– Ты приходи к нам, Лаврентий, – пригласил Корягин. – Не чуждайся. Мы зла на тебя не держим.

– Сейчас время горячее, – буркнул Лаврентий. – Пусть когда-нибудь по свободе.

Жебрак и Корягин в сопровождении Виктора и Оксаны вышли из хаты.

– Вот теперь нам ясно, что собой представляет вся семья Левицких, – сказал Жебрак на улице. – Лаврентий тянет в одну сторону, а Наумыч и Виктор – в другую.

XVIII

В станице то в одной, то в другой стороне появлялись верховые чоновцы, проезжали небольшие разъезды. По углам кварталов в темноте проступали силуэты часовых. Везде слышался скрип подвод, везущих хлеб нового урожая на ссыпку. По дворам ходили продовольственные отряды из ревкомовцев и комсомольцев. Раздавался лай собак. Глухое эхо дружно вторило всем этим голосам в закубанском лесу, окутанном черной ночью.

Лаврентий заглянул в конюшню к лошадям и под впечатлением разговора с Корягиным и Жебраком подумал: «А секретарь, пожалуй, прав. Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». Он вздохнул, вспомнил о Бородуле, Молчуне.

– Кто они? – снова раздался его тревожный голос. – Просто недовольные новыми порядками или... в сговоре с Хвостиковым?..

Лаврентий углубился в сад и затерялся во тьме на берегу Кубани.

Виктор все эти послесвадебные дни чувствовал себя тяготно, старался не оставаться с женой наедине, а под разными предлогами уходил от нее куда-нибудь. Так и сегодня, как только повечерело, ушел в избу-читальню.

Оксана даже не заметила, куда делся, выглянула за калитку и, увидев девчат на выгоне, подбежала к ним. Там оказалась и Галина. Оксана поцеловалась с ней, отвела в сторону, шепнула:

– Как твой Гришка?

– Все так же – молчит, – ответила Галина. – Два раза уже побил меня.

– За что?

– Не знаю. Побил – и все.

– Чумовой, что ли? – удивилась Оксана. – А Витя у меня добрый, смирный. Была у нас маленькая неприятность, но уже все прошло. Знаешь, какой он хороший!

– А я своего не могу понять, – жаловалась Галина. – Ходит, как сыч, надутый.

Во дворе показался Григорий. Потянуло запахом табачного дыма. Галина замолкла, прижалась к Оксане. Григорий остановился у калитки.

– Как дела, соседка? – обратился он к Оксане.

– Хорошо, – заулыбалась молодлица.

– А Виктор чем занимается?

– Его дома нет. Мабуть, в избу-читальню ушел.

– А, грамотным хочет заделаться.

– Да тебе что за печаль?

– Скажи ему, хай на меня не сердится.

– Не знаю я вашего дела. Сами погрызлись, сами и миритесь.

– Зачем до вас приходили Жебрак и Корягин? – поинтересовался Григорий. – О чем они с вами балакали?

Оксана поглядела на него исподлобья:

– Какой же ты... все хочешь знать.

– А тебе тяжело сказать?

– Будешь допытываться. – борода скоро вырастет!

– Сразу видно, что научилась у своего чоловика, – проворчал Григорий и повелевающе крикнул на жену: – Галька, иди домой! Чего ты с нею ляды точишь?

– Фи! Какой пышный! – захохотала Оксана.

Григорий схватил жену за руку, со злостью толкнул во двор.

– Ступай видциля²⁵⁰!

Галина едва удержалась на ногах.

– Что я тебе сделала? – заплакала она. – Сам не знаешь, на ком зло согнать.

* * *

По приказанию матери Иоанны молодые послушницы направились в лес за ягодами. День был ясный и тихий. Огнисто-красное солнце поднималось над лесом. Птицы давно уже проснулись, и звонкий их щебет, как гуслирный звон, нежно переливался в теплом воздухе, слетал с каждого куста и с каждого дерева.

По песчаному берегу озера одна за другой спешили послушницы. Громко разговаривали, смеялись.

Позади шла Соня, держа перед собой лукошко, наполненное чем-то и прикрытое белой салфеткой. Казалось, она сторонилась своих подруг, думала о чем-то. Медленно брела по извилистой тропинке, проложенной по уреме²⁵¹, заросшей криворослым ивняком, кустовьем чернотала, калины, пробралась к берегу Кубани. Здесь, поникнув над водой, росла старая корявая верба, обожженная молнией. Соня поспешила по густому верболоазу. Колючие длинные стебли ежевики царапали ноги, но она не обращала на это внимания и, задыхаясь от волнения, держалась левой рукой за грудь, спотыкалась по высокой траве.

У самой реки на поваленном дубе, выброшенном волной на берег, она вдруг увидела женщину. Та сидела спиной к келейнице и, мурлыча какую-то грустную песню, мыла ноги. Соня тихо приблизилась к ней, прошептала украдкой:

– Здравствуй, Мавруша!

Крепко обняла ее и несколько раз поцеловала в щеку.

---

²⁵⁰ Видциля, звидциля – отсюда. – прим. Гриня

²⁵¹ Урема – мелкий лес и кустарник, растущий в низменных долинах рек; густые заросли в заболоченной речной пойме. – прим. Гриня

– Ох, как ты напугала меня! – переведя дыхание, наконец проговорила Мавра глухим голосом.
– Я принесла тебе поесть, Мавруша, – сказала Соня и поставила лукошко перед ней. – Вот, бери.

– Я вторые сутки питалось одной ежевикой, – промолвила Мавра, едва сдерживая слезы.

– Где же ребенок? – присаживаясь рядом на дереве, спросила Соня.

Мавра, жуя хлеб и сало, указала на корявую вербу. – В дупле.

– А не страшно? – вздрогнула Соня.

– Нет, там хорошо, – ответила Мавра.

– Пойдем посмотрим, – попросила Соня.

Мавра поднялась, захватив с собой узелок с продуктами. Соня лишь сейчас заметила, что ее подруга совсем изменилась: была худая, страшная. Мрачное и угрюмое лицо еще сильнее вытянулось, почернело, желтые пятна расплылись.

Поднялись на широкий пенек, заглянули в дупло.

– Гляди, – указала Мавра на ребенка.

Отверстие, в которое они смотрели, находилось от земли аршина на два с половиной и напоминало собой круглую дыру. Мавра настелила туда сухой травы, прикрыла ее платком. У изголовья ребенка висела на стене маленькая иконка богородицы.

Увидев дитя, Соня всплеснула руками.

– Ой, Мавруша! Какое хорошенькое! Но как же ты живешь здесь?

– А куда денешься? – сказала Мавра. – В пустыни теперь мне нет места.

– Полезем в дупло, – попросила Соня, – а то нас могут заметить: тут со мной послушницы ягоды собирают.

– Почему ж ты раньше не сказала? – испугалась Мавра.

Она, как кошка, поднялась к отверстию, влезла в дупло. За нею вскарабкалась и Соня. Мавра взяла ребенка на руки, развернула пеленки, положила его в подол и начала кормить грудью. На изнуренном ее лице и в неподвижных глазах застыла скорбь.

– Мать благочинная хотела его задушить, – наконец нарушила она тишину, – но я не дала. Чуть не убила ее.

– Как же это случилось? – вырвалось у Сони.

– Когда я родила, она схватила его. У меня, все потемнело в глазах. Не помню, как бросилась на нее. Ударил по голове.

– Что же ты думаешь, Мавруша? – промолвила Соня, задыхаясь от слез, подступавших к горлу.

Мавра помолчала и, поворачивая ребенка к другой груди, проговорила:

– Пока поживу здесь. Только бы обо мне в пустыни не узнали.

– А потом? – волновалась Соня.

– Куда-нибудь подальше уйду от этого проклятого места! – сказала Мавра.

Она поцеловала ребенка, и слезы струйками потекли по ее щекам. Заплакала и Соня.

– Вот так и ты, – вытирая лицо, продолжала Мавра, – живешь в этом болоте, а потом случится с тобой грех, будешь душегубкой. Многие ж у нас так делают. Родят и бросают либо в Кубань, либо в озеро. У нас так: грехи, да умей хорошо грехи прятать.

– Мавруша, – прервала ее Соня, – а что мне делать?

– Беги, беги, пока не поздно! – воскликнула Мавра. – Иначе ты тоже погибнешь.

– Не постригаться, значит?

– Боже сохрани! Ты только стоишь на пороге монашества. Смотри на нас и думай! Не советую тебе, сестрица.

Соня задумалась, сжала руками голову.

– Я не знаю, что будет. Люди злые.

– Людей не бойся, сестрица, – сказала Мавра. – они поговорят и замолчат. Но ты не будь такой, как другие. Они вон как богу молятся, а думаешь, хорошие? Врут, обманывают друг друга. Где же здесь правда, Соня? Я терпела семь лет, молчала, а может быть, и сама была такой, но теперь моему терпению пришел конец.

Соня поднялась на колени, поклонилась:

– Прощай, Мавруша. Я приду к тебе через три дня: принесу еду.

Она перекрестилась, высунулась, посмотрела вокруг (никого не было видно), выбралась из дупла и побежала в лес.

XIX

На большой поляне, заросшей дикорастущими травами и ароматными цветами, Соня оглянулась и принялась собирать ежевику.

Солнце поднималось все выше и выше. Лес оглашался щебетом птичьих голосов. Черный ворон медленно пролетел над Соней, покосился на нее, как бы желая знать, чем она занимается, сел на ближайший дуб, сряду прокарав три раза.

Лукошко Сони заметно наполнялось ягодами.

На небе появились черные тучи. С реки подуло свежим ветром. Зашумели верхушки деревьев. Птицы умолкли. На юге в синей дымке открылась цепь снеговых гор. Погода быстро портилась. Но Соня не замечала этого.

Ветер усиливался, гулял уже по макушкам деревьев. Лес гудел. Где-то стонало надломленное дерево. Сверкнула белая молния, ударил раскатистый гром. Соня в испуге разогнула спину и, посмотрев в небо, поспешно перекрестилась. Гром ударил вторично. Схватив лукошко, Соня снова осенила себя крестом, побежала по поляне.

Озеро шумело. Свинцовые волны тяжело выкатывались на пологий берег.

Первые крупные капли застучали по листьям деревьев. Соня бежала изо всех сил, и в какие-нибудь две-три минуты домчалась до корпуса, вскочила в дверь. По железной крыше барабанили дождевые капли, и вдруг все небо в одно мгновение как бы обрушилось своим тяжелым сводом, залило монастырский двор потоком. Потекла, забулькала вода в канавах, собираясь в лужи.

– Чего так всполошилась? – Соня неожиданно услышала сиплый голос у себя за спиной.

Она в страхе обернулась. Перед нею, широко расставив ноги, стоял Набабов с заложенными за спину руками и с пьяной усмешкой на лице.

– Ох, как я успела убежать! – едва перевела дух Соня.

Набабов рассмеялся.

– Значит, ты из трусливого десятка. Иди ко мне. А то и в самом деле гроза зашибет тебя у двери.

Соня последовала за ним в нежилую келью, поставила лукошко с ягодами на стол. Набабов усадил ее, зашагал назад и вперед.

Прошло несколько минут. Полковник внезапно схватил Соню и повалил на кровать.

– Пустите! – напрягая все силы, закричала она.

Набабов зажал ей рот... Соня в страхе напрягла силы, вырвалась из рук бандита и убежала из кельи.

Набабов опомнился.

– Эк, чертовка! – подумал он вслух и вернулся в подвальную комнату.

Андрей лежал на кровати, подложив руки под голову. Казалось, он даже и не заметил появления полковника, хотя глаза у него были открыты.

– Что там, дождь? – прозвучал сонный голос хорунжего после продолжительного молчания.

– Да! И такой сильный, какого я никогда не видывал, – ответил Набабов, заваливаясь на свою постель.

Андрей посмотрел на него и, приняв прежнее положение, подумал: «Не протрезвляется мой полковник».

– Гм... черт побери! – промышчал Набабов. – Тут мне одна дивчина встретилась...

И он рассказал хорунжему о Соне.

– Зачем вы это сделали?! – закричал на него Андрей. – Нам же теперь нельзя здесь оставаться!

– Не беспокойся, Филимонович, – промямлил Набабов, словно спросонья. – Мы ее накажем.

Андрей стукнул кулаком по столу.

– Вы шутите, а она убежит отсюда!

– Никуда не денется, – спокойно возразил Набабов, укладываясь на подушку.

Вошла мать Иоанна. Андрей заглянул ей в заплавленные жиром глаза, спросил:

– Где келейница?

Старуха, не понимая в чем дело, развела руками:

– Не могу знать, раб божий.

Она перевела взгляд на полковника. Андрей процедил ей в самое лицо:

– Сейчас же узнайте, где она.

Мать Иоанна торопливо удалилась и через некоторое время доложила, что келейницы нет в монастыре.

Андрей обратился к Набабову:

– Нам здесь оставаться дольше нельзя!

– Ну, – замычал Набабов. – Я виноват.

– Собирайтесь, господин полковник! – сказал Андрей, вынул наган из-под подушки и, положив на стол, быстро начал одеваться. – А вы, матушка, если кто приедет к вам с обыском, скажите, что ничего не знаете о нас. Кстати, келейница видела здесь одного только полковника.

– Я все поняла.

Офицеры вышли из корпуса и, опасливо озираясь, скрылись на тропинке у озера.

* * *

Вырвавшись из рук Набабова, Соня бросилась к себе в келью, взяла кое-какие пожитки и покинула монастырь.

В лесу стояла та безмятежная тишина, которая обычно наступает после обильного дождя. С ветвей и листьев, точно облитых лаком, падала капель, искрилась на ярком солнце всеми цветами радуги. Лес, казалось, потемнел, стал гуще. В колеях дороги стояла грязная вода, на изволоке стекала в колдобины, овраги, реку...

Соня, не оглядываясь, с узелком в руке шлепала босыми ногами, спешила по размокшей дороге, унося кровную обиду из «божьего» дома, куда она пришла утешить свою душу.

В станице поздно вечером прокралась ко двору Корягина, поднялась на крыльцо, постучала в дверь. Сердце тревожно билось.

В коридоре послышались шаги.

– Кто там?

– Откройте, – попросила Соня, дрожа всем телом.

Щелкнул засов, и на пороге появилась Елена Михайловна, с удивлением спросила:

– Что с тобой, Соня?

– Я к Петру Владиславовичу, – заплакала девушка.

– Заходи.

– Нет, вы позовите их сюда.

Елена Михайловна вернулась в дом, и вскоре на крыльцо вышел Корягин.

– Чего не заходишь?

– Петр Владиславович, – снова залилась слезами Соня, – я ушла из монастыря.

– А чего же ты плачешь? – сказал Корягин с веселой улыбкой. – Хорошо сделала, вовремя спохватилась.

– Но я не знаю, куда мне теперь деваться. Домой мне нельзя. Батя не примут.

– Зато мы тебя примем, – ответил Корягин.

На сердце у Сони отлегло.

– Петр Владиславович, – умоляюще глядела она в глаза председателю, – пойдете к батю.

– Нет, – возразил Корягин. – Ты сейчас зайди к нам, переночуешь, а завтра поутру мы и нагрянем к нему.

Соня вошла в комнату. Здесь сидели Жебрак и Юдин. Соня поклонилась им, задержалась у порога. Елена Михайловна попросила ее положить свой узелок на сундук и сесть. Девушка осторожно опустилась на стул.

– Значит, бежала из монастыря? – обратился к ней Жебрак.

– Да, – с робостью прошептала Соня.

– Как же ты решилась?

– Туда снова приехал бандит.

– Какой бандит? – насторожился Корягин.

– Полковник Набабов, – сказала Соня. – Командир банды.

– Понятно, – проговорил Корягин, переглянувшись с товарищами. – Все же я не ошибся в своей догадке...

Жебрак предупредительно поднял руку:

– Погоди. Не торопись.

И он попросил Соню изложить все по порядку. Девушка, краснея, потупила голову, молчала. Потом вытерла платочком слезы и сбивчиво начала рассказывать, что с нею произошло в монастыре.

– Где же он там находится? – спросил Юдин.

– Я с ним повстречалась в том старом корпусе, где жила банда, – ответила Соня.

– А ты еще когда-нибудь видела его в монастыре после боя? – спросил Жебрак.

– Нет, – промолвила Соня еле слышным голосом, – только сегодня.

– Он знает, что ты бежала? – сосредоточенно глядел на нее Корягин.

– Не знаю, – Соня пожала плечами.

– Хорошо, – сказал Жебрак и перевел взгляд на Елену Михайловну. – Пусть она идет отдыхать.

Та позвала Соню в кухню, прикрыла за собою дверь.

– Нам немедленно нужно ехать в монастырь, – решил Юдин.

– Ты думаешь, что он и до сих пор там сидит? – выразил сомнение Жебрак и, помолчав, развел руками: – Мне одно непонятно, как он ее выпустил из монастыря?

Юдин поспешно поднялся со стула, заявил:

– Во всяком случае, товарищи, мы обязаны туда поехать. Ты дай мне человек десять верховых чоновцев, Петр Владиславович. – В кухне он опять обратился к девушке: – А игуменья сейчас в монастыре?

– Нет, – ответила Соня. – Она куда-то уехала.

– Никому ничего не говори об этом, – предупредил ее Юдин.

Вышли на крыльцо.

– Мне кажется, товарищи, – сказал Жебрак, – сейчас ехать туда незачем. Во-первых, бандит наверняка ушел оттуда; во-вторых, своим обыском мы дадим ему понять, что Соня сообщила нам о нем. Ей могут отомстить за это. Лучше мы туда нагрянем денька через три-четыре.

– Да, я уже и сам над этим подумываю, – согласился Юдин.

XX

Утренний аромат садов, омытых вчерашним дождем, наполнял воздух, незримо струился над гулкой станицей.

Из улицы выехал Виктор Левицкий, направился в степь. Лошади бежали дружно. За ветряком он пустил их шагом, сел на перекладине арбы, запел грустным голосом:

Не лай мене, моя жинка,
Из ранку до ночи,
Що полюбыв удивоньку
Та йи черни очи.
Весь день не йив,
Всю нич не спав,
Трохе не сказывся...
Таки гарни, черни очи,
Що як подевлюся,
Циловав бы, миловав бы,
Так тебе боюся.²⁵²

Издали казалось, что он не пел, а плакал. Лошади, понутив головы и как бы вслушиваясь в печальный напев, шли шагом.

Позади него ехал с женой Григорий Молчун. Галина по голосу распознала Виктора. Ударив лошадей вожжами, пустила их рысью. Григорий сидел на ящике арбы, курил сигарку.

---

²⁵² Не ругай меня, моя жена, с утра до ночи, что полюбил девчонку да ее черные очи. Весь день не ел, всю ночь не спал, едва не тронулся умом... Такие прекрасные, черные очи, что как увижу, целовал бы, миловал бы, но тебя боюсь. – прим. Гриня

Галина догнала Виктора, придержала лошадей. Виктор оглянулся, и лицо его помрачнело. Григорий спрыгнул с арбы, сел рядом с ним.

– Чего без жинки едешь? – не зная с чего начать, спросил он гнусаво.

– Сам управлюсь, – сухо ответил Виктор.

– А правда, что ты записался в ЧОН? – прервал Григорий длинную паузу.

– А твое какое дело? – Виктор от раздражения густо покраснел.

– Чего сердиться? – буркнул Григорий. – Значит, правда.

– Перед тобой не буду отчитываться! – бросил Виктор.

– Гм... Большевиком заделался. Корягина и Жебрака послушался.

– Хотя бы и так, – Виктор с досадой стегнул лошадей кнутом.

– Будешь каяться, – сказал Григорий.

Лошади пробежали немного, потом снова потащились медленным шагом. Арба лениво поскрипывала, стучала досками, железом. Галина не отрывала от мужа взгляда. Ветерок пошевеливал на ее голове концы белого платка. Слова долетали до нее. Она видела, что Виктор и Григорий ссорились.

«Гляди, – подумала Галина, – что это с Гришкой? То слова от него не допытаться, а сейчас как раскалялся²⁵³.»

– А ты слышал, что Волохов и Вакула сегодня ночью вернулись из Екатеринодара? – обратился Григорий к Виктору.

– Вернулись?

– Да, – сказал Григорий. – Зря только людей мучили арестом. Говорят, что по суду их оправдали.

Виктор пожал плечами, опять стегнул лошадей кнутом.

Навстречу им попадались арбы, груженные пшеницей. Виктор и Галина сворачивали на кочковатую обочину, уступали дорогу. Озорники-казаки бросали в молодницу корки от арбузов и дынь, улыбались ей, шутили. Григорию подобные ухаживания не слишком пришлись по душе, и он, спрыгнув с арбы, сел рядом с женой.

– О чем ты с ним? – спросила Галина.

– В ЧОН записался, – пробурчал Григорий. – Это еще Бородуля об этом не знает.

– А что он с ним сделает?

– Найдет.

Коши Левицких и Молчунов находились рядом. Виктор поехал стерней и вскоре остановился у копны. Спрыгнув с арбы, начал нагружать на нее пшеницу.

Галина направилась по своему участку, придержала лошадей и, сойдя на землю, сняла с арбы вилы. Григорий пошел к казакам на соседнюю полосу. Галина села на валок и, мурлыча какую-то песню, достала из кармана передника зеркальце и белила. Виктор поздоровался с нею, спросил о Соне. Галина украдкой поглядела на мужа, стоявшего неподалеку с казаками, сказала:

– Ей выхода не было. Вот и бежала в монастырь. Она помолчала и с болью в сердце добавила: – Наверно, судьба у нее такая.

– Пусть уйдет оттуда, – проговорил Виктор с тоскою в голосе. – Нечего ей там делать.

Галина пожалала плечами, потом спросила:

– А Оксана на тебя не сердится, что ты записался в ЧОН?

– Пусть сердится, – ответил Виктор.

Григорий проследил за чоновским разъездом, ехавшим по дороге в восточной части краснодольского поля, и, движимый чувством ненависти к Левицкому-большевику, широкими шагами двинулся к жене.

Галина сорвала перевязло с копны, принялась нагружать арбу. Виктор тоже взялся за вилы. Через некоторое время он уже выезжал с поля, и глубокие колеи с трудом вытягивались из-под колес тяжелой арбы и ложились на мягкой земле, как две отутюженные золотисто-черные ленты.

Выехала со своего участка и Галина. Григорий лег на спину, устремил взгляд в синеву бездонного неба. Высоко над ним галка дразнила ястреба, кидалась на него и, настигаемая хищником, с писком шарахалась в сторону. Григорий следил за их полетом, но в груди кипела злоба:

разговор Галины с Виктором мучил его.

Вдруг он схватил жену за косы и начал бить. Галина в испуге закричала, спрыгнула с арбы. Григорий взяв вожжи, погнал лошадей и вскоре скрылся за горой.

Галина села у дороги, и слезы потекли по ее щекам. Наплакавшись, она вытерла глаза, потихоньку побрела в станицу, но не домой, а к отцу и матери.

* * *

По просторным улицам катились пустые и груженные пшеницей арбы, с шумом проносились мимо плетней и заборов, скрываясь в воротах то одного, то другого двора.

По всей станице шла горячая молотьба хлеба. В душном жарком воздухе стоял рывкающий гул барабанов паровых молотилок, грохотали на токах каменные катки, шумели и хлопали решетками веялки. А то, гляди, прорежет палящую жару просящий гудок паровозика, и тогда из края в край Краснодарской пронесется гулкое высвистывание – воо-о-ды-ы! воо-о-ды-ы! – переметнется через Кубань, как испуганная птица, и затихнет где-нибудь на далекой опушке леса.

Галина с опаской вошла во двор своих родителей. К ней подбежала Докука и, повиливая хвостом, завизжала от радости...

Отец и мать молотили на току пшеницу. Перед ними остановилась дочь и, упав на колени, залилась слезами.

Калита придержал лошадь, запряженную в каток, сурово потупил голову. Денисовна бросила на ворох грабли, всплеснула руками:

– Бог ты мой! Что с тобой, дочко?

– Опять Гришка, – сказал отец.

– Ой, мамо, зачем же вы отдали меня? – голосила Галина, закрывая лицо платком.

– О боже ж ты мой праведный! – растерянно развела мать руками. – Да кто же знал? Мабуть, доля такая.

Она заплакала и присела у плиты на низенькую скамейку.

В калитке показались Корягин и Соня. Старики перетянулись. Корягин поздоровался с ними за руку. Калита в мгновение перевел взгляд на меньшую дочь и, точно пораженный громом, застыл в немом оцепенении. Соня кинулась ему в ноги, громко зарыдала:

– Батя, простите меня! Я буду всегда вас слушаться.

– Она ушла из монастыря, Яков Трофимович, – сказал Корягин.

Сердце у старика заныло, сжалось еще сильнее. Лицо судорожно скривилось, побледнело.

– Это ты виноват, Яков! – упрекнула его Денисовна вытирая слезы передником. – Разогнал детей из дому!

У Калиты на ресницах повисли капельки мутной влаги, сверкнули на солнце и скрылись в черной бороде.

– Дети! Дети мои милые! – вдруг вырвалось из его груди, заклокотало в горле. – Вы... не виноваты. Я во всем... старый дурак! Да кто же хотел вам зла?

Корягин положил руку ему на плечо.

– Успокойтесь, Трофимович, – сказал он просительно. – Это совсем ни к чему.

– Владиславович, – плакал Калита, – да мне ли иметь таких дочек? Изгубил я их жизнь. Сам посуды!

– Хватит, Трофимович, – уговаривал Корягин старика. – Перестаньте.

Калита, казалось, совсем не слушал его. Глухие стоны вырывались у него из груди, и он, в исступлении схватившись руками за голову, сел под конюшней на бревно.

– Батя, родненький, перестаньте! – умоляла Галина.

– Не понимаю! – разводил руками старик. – Совсем ничего не понимаю. Я хотел, чтобы они жили лучше, потому и понуждал.

– Ничего, – сказал Корягин, догадываясь, что произошло с Галиной. – Мы сегодня вызовем Молчуна в ревком. Потолкуем с ним по душам. А Соню вам, Трофимович, придется взять.

– Пусть идет! – закричал старик, тяжело дыша. – Я же не лиходея, никогда больше не позволю себе...

Галина и Соня обнялись и, целуя друг друга, залились слезами. Отец все еще не мог прийти в

себя. Мать потихоньку всхлипывала, сморкалась в передник.

К воротам неожиданно подкатила тачанка. Из нее, поддерживаемая Мироном, поспешно вышла игуменья, направилась во двор, увидела Корягина.

– Ах, как кстати! – не теряя присутствия духа, воскликнула она. – Я вас очень хотела видеть, Петр Владиславович.

– Что у вас? – спросил Корягин, окидывая ее прищуренными глазами.

– Хочу с вами поговорить, – вкрадчиво произнесла игуменья.

Калита пригласил их в хату. Игуменья сразу же начала:

– Я приехала доложить вам, Петр Владиславович, что вчера, в мое отсутствие, приехал в монастырь тот самый Набабов, который ранее руководил бандой. И подумайте только, мерзавец хотел обесчестить мою келейницу. И вот результат: ушла она из монастыря.

– Так что вам от меня нужно? – перебил ее Корягин.

– Ну, как же, Петр Владиславович, – растерянно проговорила игуменья. – Напасть среди бела дня!

– А вы откуда знаете, что этот бандит напал на нее? – приподнял Корягин брови. – Нам она ничего не говорила.

– Она умолчала? – удивилась игуменья.

– Впервые слышу об этом от вас, – ответил Корягин.

– Да, да, – чувствуя неловкость, сказала игуменья. – Девушке трудно... Тут все естественно. Но моя обязанность быть справедливой. – Она сделала паузу и, украдкой взглянув на председателя, сидевшего с нею за столом, продолжала: – А узнала я об этом от своих послушниц.

– Да, дела не дюже приятные, – многозначительно протянул Корягин. – В монастырь ей уже возвращаться не придется.

– О, нет! – сказала игуменья. – Тут уж ее полная воля.

Корягин забарабанил пальцами по столу, встал. За ним поднялась и игуменья. Вышли из хаты. Корягин ушел, а игуменья, подзвав к себе Соню, увела ее в кухню, села рядом на лавке, ласково сказала:

– Сонечка, как же это произошло? Ты мне расскажи все.

Девушка подавленно молчала.

– Да ты не бойся! – игуменья дотронулась до ее плеча.

Соня несвязно изложила ей все, что случилось, заплакала.

– Какой негодяй! Откуда он взялся, ума не приложу, – проговорила игуменья. – Дай я тебя поцелую на прощанье. – И она взяла ее за голову, чмокнула в лоб, перекрестила: – Живи с богом, милая.

Направилась к двери. На току старики со старшей Дочерью молотили хлеб.

– Ну, Яков Трофимович и Евдокия Денисовна, – сказала игуменья, пуская притворные слезы, – расстаюсь я с вашей дочерью. Хорошая она у вас девушка. Вы не обижайте ее.

– Не обидим, матушка, – нехотя пробормотал Калита. – На ухе обожглись, так и на воду дуть будем.

XXI

На западной стороне, в полуверсте от станицы, на высоком берегу Гусиной плавни, возвышались два кургана, обросшие пожухлыми травами и серебристым ковылем. Первый из них носил название Калры, второй – Лезницы. Тут же, у подножия, чоновский отряд готовился к стрельбе. Виктор Левицкий взял карабин у Вьюна, внимательно осмотрел его, спросил:

– Метко бьет?

– У кого метко, – кивнул Вьюн и, шмыгнув носом, сбил набекрень кубанку, – а у кого и мимо.

– А я свою винтовку еще не проверял, – сказал Виктор и, сняв погонный ремень с плеча, щелкнул затвором.

К ним подошел Норкин, вооруженный винтовкой, шашкой и браунингом.

– А ну-ка, – лихо подхватил он, – у кого из вас метче глаз?

– Мне не сравниться, – указав на Вьюна, сказал Виктор. – Он почти два года был на фронте, а я что.

– И впрямь, – держась обеими руками за букварь, засунутый за пояс, хихикнул Вьюн

тоненьким голоском.

Ропот бросил окурок и, растоптав его сапогом, подал команду отряду стать в строй. Чоновцы вмиг построились в шеренги, приняли выправку²⁵⁴. Несколько человек залегли и с дистанции пятьдесят шагов открыли стрельбу по мишеням. Остальные ожидали очереди.

Следующая группа из восьми бойцов, в которую входили Виктор Левицкий и Демка Вьюн, промаршировав вперед, припала к земле. Выпустили по пять пуль. Результаты у Демки и Виктора были прекрасные, что особенно поднимало дух у первого, и он весь светился умилением, чувствуя себя в эту минуту равным среди раненых.

Виктор отмерил сорок шагов и почти под самым курганом воткнул в землю двухаршинный кол, укрепил на нем папиросу и с положения стоя первым выстрелом сбил ее. Попробовал и Вьюн.

– Э, Демушка, – похлопал его Норкин по плечу. – Тут ты не мастак.

Вдруг из-за кургана Лезницы вывернулось человек тридцать или сорок всадников. Направляясь к станции, они поскакали по балке.

Ропот посмотрел в бинокль, скомандовал:

– По коням!

Чоновцы сели на лошадей, помчались навстречу загадочным конникам, но те неожиданно остановились, затем круто повернули влево и начали уходить по берегу к Гусиной плавне.

– Это бандиты, товарищ командир! – приподнимаясь на стременах, крикнул Вьюн. – Ей-богу, бандиты!

– А может, чоновцы из Тифлисской²⁵⁵, – сказал один из бойцов. – Откуда знать?

– Не видишь, как удирают? – указал Вьюн.

– Да, пожалуй, банда Курунина, – следя за подозрительными всадниками, сказал Ропот.

Виктор ослабил повод и повел настороженными глазами по взбугренному золотистому полю, покрытому копнами пшеницы. Ратник запрял острыми ушами и, точно чувствуя опасность, высоко поднял голову.

Ропот оставил сторожевой пост на кургане Калры и с отрядом поскакал в станицу.

* * *

На широкий двор Гусочки пара гнедых втащила арбу, доверху нагруженную пшеницей. Василиса, управляя лошадьми, подъехала к скирде, сбросила на землю вожжи и кнут. Гусочка спустился по веревке, выпряг лошадей. Василиса тоже слезла. Гусочка принялся таскать воду из колодца, наливать в перерез. Жена начала кормить свиней и птицу.

Гусочка, увидев у плетня Калиту, мигнул в сторону Василисы, с гордостью спросил:

– Ну, как моя жинка, Яков Трофимович, нравится тебе?

Калита, подгребая колосья у конюшни, ухмыльнулся.

– Чудной ты, Иван, ей-богу, чудной, – сказал он и бросил сгребки²⁵⁶ на ток, по которому Галина водила лошадь, запряженную в каток.

– А почему? – удивился Гусочка.

– Ну что в ней хорошего? – шутил Калита. – Баба да и только.

– Э, Трофимович, – Гусочка погрозил пальцем, ты етого не кажи. – Ето баба не абы какая, а важная баба. У нее восемь пудов весу. Я такую давно подыскивал.

Калита весело рассмеялся.

– Ой, скоморох же ты! – воскликнул он. – Чудаком прикидываешься. Ты даже людей ценишь по весу.

Гусочка мигнул глазом:

---

²⁵⁴ **Принять выправку** – выправиться, подравнять строй. – прим. Гриня

²⁵⁵ **Тифлисская** – с 1936 – станица Тбилисская. – прим. Гриня

²⁵⁶ **Сгрёбки** – грабли. – прим. Гриня

– У всякой бабы своя знатьба²⁵⁷.

Продолжая заниматься своим делом, Калита любопытствовал:

– А где же твои поденщики, что ты с женой пшеницу возишь?

– Уже рассчитал, – ответил Гусочка. – Ето последняя арба.

– Машиной думаешь молотить?

– А то чем же!

Семья Калиты собралась вокруг сырна под шелковицей обедать. Соня и Галина сидели рядом и, уплетая борщ, поглядывали через плетень на соседа, ворочавшегося на арбе в шуршащих колосьях пшеницы. Отец растер в ложке колодочкой ножа стручок красного перца, положил в борщ и, пробуя его, ожег язык и губы, крикнул от удовольствия и старательно стал хлебать.

Вдруг со двора соседа донесся крик, похожий на лягушечье кваканье, и вся семья Калиты стала свидетелем того, как неугомонный Гусочка, сгорбив худую спину, топтался у разгруженной арбы и ругал Василису за то, что она косо вывершила скирду.

– Где же там? – глядя на скирду из-под ладони, возмущалась жена. – Покажется тебе семеро в санках.

– Да ты погляди на ету сторону, а потом на ету, горячился Гусочка. – Бачишь, что ето такое?

– А! – махнула рукой Василиса. – Выдумываешь.

– Ты супротив кого голос поднимаешь? – взъярился Гусочка, и лицо его вытянулось, потемнело. – Да я ментально онучу²⁵⁸ с тебя сделаю!

И он со всего плеча стегнул ее кнутом по спине. Василиса взвизгнула, точно ужаленная, сжала кулаки.

– Ах ты сучий выродок! – яростно закричала она и пошла на него в наступление.

Гусочка, пятясь назад, ударил ее по лицу. Василиса кинулась на него, схватила за шиворот и, повалив на землю, села верхом.

– А, так тебе биться? – снимая с ноги старый башмак, выходила она из себя. – Я тебя проучу, сатану тебе в рыло!

– Пусти! – ворочался под нею Гусочка. – Крест и святая икона, убью!

– Меня? – гневно бросила Василиса и, размахнувшись башмаком, изо всей силы ударила его каблуком по голове. – Вот тебе, черт шелудивый!

В глазах Гусочки поплыли разноцветные круги, и он почти уже с плачем заскулил:

– Что же ты делаешь, уродова баба? Кто же ето так может биться?

– А тебе можно, остроголовый черт? – избивала Василиса мужа. – Двенадцать раз женился, и все были поганые! Вот тебе, хорошему, вот от тринадцатой!

Гусочка увидел, что жена разозлилась не на шутку и что теперь унять ее нет никакой возможности, возопил не своим голосом:

– Суседи, ратуйте²⁵⁹! Караул!

Соня и Галина побежали к плетню и, увидев необыкновенную баталию, покатались со смеху. Отец и мать тоже поднялись и, задрвав головы, глядели на соседа, попавшего в незавидное положение.

– Допросился, допрыгался, – сказал Калита, почесывая за ухом.

– Хоть одна нашлась смелая, – прибавила Денисовна. – Да ты гляди, как она лупит его!

– Катюге по заслуге! – сказал Калита.

Василиса не переставала буйствовать, и еще сильнее входя в бешенство, безжалостно колотила Гусочку.

Из расквашенного носа у него текла кровь, на лбу виднелись лиловые шишки.

На крик собрались соседи.

---

²⁵⁷ **Знатьба** – признак, примета, знак. У всякой бабы своя **знатьба** – свои суеверные приметы. – прим. Гриня

²⁵⁸ **Онуча** – длинная, широкая (около 30 см) полоса ткани белого, чёрного или коричневого цвета (холщовой, шерстяной) для обмотки ноги до колена (при обувании в лапти). Элемент традиционной русской крестьянской одежды. – прим. Гриня

²⁵⁹ **Ратуйте** – помогите, спасите. – прим. Гриня

– А что, Мурзик, доершился? – захлебываясь, хохотала толстая казачка. – Еще ему, Васька, еще!

– И в ребра, и в печенки! – восклицала маленькая молодница писклявым голосом. – За бороду, за бороду его – там больнее!

Во двор вошли Корягин и Белозерова. Подобрал волосы под платок, соседка остановилась рядом с Василисой. Та, наконец, выбилась из сил, освободила мужа и только сейчас заметила перед собой улыбающегося председателя ревкома. Гусочка встал, вытер окровавленное лицо подолом полотняной рубашки и, указав на жену, обратился к Корягину:

– Немедля зарештуй ее, Петр Владиславович!

В толпе громко захохотали.

– За какую же вы его провинность? – спросил Корягин у Василисы.

– Это я ему скирду вывершила, – недовольно буркнула та. – Будет помнить, как взбрыкиваться.

Гусочка помыл окровавленный нос, пробормотал:

– Оце ж, черт на дьяволе женился! Ежели б не под ножку, то я б тебе всыпал!

– Кабы соловому мерину да черную гриву, был бы буланый²⁶⁰! – огрызнулась Василиса. – В другой раз не вздумаешь давать волю кулакам.

– Это такой, что выпросит, – метнула Белозерова сердитый взгляд на соседа. – Почему не выполняешь разверстку?

– А ты не бачишь, что я токо хлеб перевез с поля? – надрывно прохрипел Гусочка, садясь на сруб колодца. Да и какая теперички разверстка? Год неурожайный.

– Ты эти штучки брось! – резко прервал его Корягин. – Когда молотить начнешь?

– Ще молотилки черт-ма, – ощупывая ушибы на голове, ответил Гусочка.

К забору подъехал Ропот, окликнул Корягина.

– Понимаешь, в чем дело, Петр Владиславович, – тихо начал он. – По-моему, банда у нас за станицей, и по всему видно, хочет прорваться к мосту. Я сейчас видел ее со стрельбища. Вот.

Корягин отвязал Кристалла от акации, махнул в седло и вместе с Ропотом подался в ревком.

XXII

Вечером Денисовна с Галиной отправились к Молчунам, а Соня, уединясь в боковой комнате, осторожно присела на стул, подняла взгляд на икону, перед которой теплилась лампадка. В душе бушевала ненависть, вскричало в ней: «Не верю! Ложь!..»

Выбежав из хаты, она под шелковицей схватила охапку соломы, сунула ее в печку. Спичка вспыхнула, пламя рассеяло темноту, дым повалил из трубы. Соня в порыве нахлынувших чувств растегнула на груди кофточку, сорвала с себя крест. Он так же, как и всегда, блестел ярко, нагло. Соня оглянулась вокруг, швырнула его в горящую печку. Сжав руками голову, она вбежала в хату, бросилась на кровать, прижалась лицом к подушке.

Наконец поднялась и, пошатываясь, опустилась на скамейку у стола. В глазах рябило. Голова была точно свинцом наполнена, однако на душе стало радостно, легко.

«Это и все? – спросила она мысленно. – Значит, бога не только можно разбить молотком, как это сделал Артур, а и сжечь?..»

* * *

На Денисовну набросились собаки, но Галина отогнала их и пошла с матерью в дом.

В кухне старуха остановилась у порога и, увидев за столом ужинавших сватов, поклонилась им. Те молчали.

– Сват, я пришла до вас побалакать насчет своей дочки, – начала Денисовна.

– А что такое? – сурово спросил Молчун.

---

²⁶⁰ **Соловый, буланый** – конские масти. **Соловый** – разновидность рыжей масти, желтовато-золотистая с белыми гривой и хвостом. **Буланый** – разновидность гнедой масти, желтовато-песочная или золотистая с чёрными гривой, хвостом и нижними частями ног до скакательных и запястных суставов включительно. – прим. Гриня

– Ваш Гриша, – продолжала старуха просящим голосом, – ни за что избивает Галину.
– А ваша Галька хай слуха своего чоловіка, – перебила ее Меланья Аристарховна.
– Что ж она вам сделала? – обиделась Денисовна.
– Ледаща она у вас! – подбоченясь, заявила Меланья Аристарховна. – Ничего не тямит²⁶¹. Вареников вчера наварила таких, как постолы... губы поразвешивали, не то есть – глядеть на них тошно. На мужа огрызается.
– Бог ты мой! – всплеснула руками старуха. – Да когда же это было? Дома она всегда варила, как нужно. А у вас – постолы. Греха вы не боитесь!
– Того она у тебя такая и богатая! – покраснев до шеи, злобно закричала Меланья Аристарховна. – Что? Еще пойдешь жаловаться. Корягину?
– Кто ж вам виноват, искали бы себе богатую.
Из-за дверей вдруг вывернулась попадья с дочкой и Бородулихой. Хозяйка ласково пригласила их к столу.
– А я заходила к зятю, – начала Акилина Даниловна. – Вы только подумайте! Витька записался в чавон. Служить большевикам будет.
– Наш Гриша рассказывал, – сказала Меланья Аристарховна и бросила сердитый взгляд на сваху. – Вот мой сын и побил твою дочку, чтобы с большевиком лясы не точила.
– Да, да! – подхватила попадья. – Самый настоящий большевик!
– Это еще Игнат не знает, – продолжала возмущаться Акилина Даниловна.
– Галька, а ну-ка иди сюда, – позвала Денисовна дочку.
Та выглянула из спальни, обратилась к мужу:
– Так ты меня побил за то, что я балакала с Виктором?
– Еще спрашиваешь? – буркнул Григорий.
– А что мне было делать, – заплакала Галина, прогнать его от себя, или как по-твоему?
– Хорошо, – сказал Молчун. – А как на это смотрит Лавруха?
– До ножа у них дело доходит, – ответила Акилина Даниловна. – Но он ничего с ним не может сделать. Мы так ошиблись, что выдали за него Оксану.
Попадья умиленно взглянула на свою дочь, сказала:
– Ох, доченька, у тебя личико запылилось! – Она раскрыла сумку, вынула носовой платок. – Дай я оботру.
– Ну, мама! – капризничала Ава. – Пойдем домой! Что тебе здесь делать? Мы и так уже в десятый двор заходим. Уморила ты меня.
– Не сердись, моя ягодка, – поцеловала ее попадья. – Ангел ты мой. Сейчас пойдем.
Молчун злобно посмотрел на сваху.
– Ну, вот, – раскатисто пронесся по дому его голос. – Гришка не зря ее побил. И ты, сваха, больше не приходи до нас с такими жалобами. Он ее муж, он вправе и бить, коли она зарабатывает.
– Как же так? – возмутилась старуха. – Какая у них жизнь будет?
– А ты хочешь, чтобы твоя дочка своего чоловіка вместо онучек в чоботы обувала? – шагнул Молчун к ней. – Э, нет. Этого у Молчунов не было и не будет.
Галина заголосила еще сильнее, бросилась к себе спальню, затем выглянула в дверь, сказала:
– А зачем маманя мне в тесто дрожжей положили? Чтобы хлеб не удался?
– Видите, что вы делаете? – укорила Денисовна. – В первый же день начали травить.
– Хорошо, что я сразу обнаружила, – плакала Галина, – а то бы совсем загрызли! Вон Гриша все видел, и папане сказал, а они... Маманя злятся, что папаня заставили меня хлеб пекти...
– Отакое зло сделать молодежи! – возмущалась Денисовна. – И за что?
– А это наше семейное дело, – возразил Молчун.
Григорий и гости молчали.
– Если вы, сват, будете позволять Грише бить Галину, то мы заберем ее до дому, – заявила Денисовна.
– Стращать меня будешь? – в ярости закричал Молчун. – Бери ее сейчас же и убирайся к чертовой матери!
– Пойдем, дочко, – сказала Денисовна и, взяв Галину за руку, вышла с нею из дома.

---

²⁶¹ **Тямить** – знать, разуместь, понимать, уметь; видеть, слышать; помнить. – прим. Гриня

– Вот как с шантрапою связываться, – прервала молчание Акилина Даниловна. – Ей только бога молить, что взял такой человек, а она коники выкидывает. Хорошо, что Вася не женился на ее сестре.

– Я слыхала, – с жаром подхватила попадья, – что она вчера бежала из монастыря!

– Мы об этом тоже прочуяли, – важно помотала головой Меланья Аристарховна. – Подумать даже страшно!

– Лицом хороша, да умом негожа, – вставил Молчун и зашагал по комнате.

– Ты, Гриша, не ходи за нею, – наушала мать сына. – Если она тебе жена – сама придет.

Григорий скрылся за дверью своей спальни. Акилина Даниловна, размахивая длинными руками, вкривь и вкось пустилась чернить зятя. Меланья Аристарховна с мужем, а также и попадья приняли живое участие в обсуждении поступка молодого Левицкого.

Попадья оперлась на стол, прошептала:

– А вы слыхали новость? Сегодня за курганами Калры и Лезницы Курунин разъезжал со своим отрядом.

– Да, да! – подхватила Акилина Даниловна. – Чоновцы до сих пор мотаются на конях по станице.

– Я только что была у Матрены Егоровны, – прибавила попадья, – так она рассказала мне по секрету.

– А ей откуда известно? – перебил ее Молчун.

– Как же! Муж говорил.

– Я советую вам, Анна Алексеевна, – предупредил ее Молчун, – не болтать о Курунине, а то дойдет в ревком, придется, отвечать за это, да еще и людей впутаете.

– Нет, нет, Федот Давидович, – замахала попадья РУками. – Неужто я не понимаю. Делюсь тайной только в благонадежных домах, откуда ничего не выйдет. Вот и дочь может подтвердить.

Ава высоко подняла узенькие рыжие брови и, уставив на нее немигающие светло-серые глаза, воскликнула:

– Ах, маменька! А я уже поделилась с девчатами твоими новостями.

– Да ты с ума сошла! – испугалась попадья. – Когда же ты успела?

– Мы ж от Пятницы заходили домой, – напомнила Ава. – Ты ушла в дом, а я задержалась на улице. Там и...

– Боже мой, боже мой, какое глупое дитя! – вскричала попадья. – Да зачем же тебе нужно было болтать об этом?

– Вот новое дело! – Ава надула губы. – Тебе можно, а я тоже не маленькая.

– Вы лучше идите домой, Анна Алексеевна, – сказал Молчун. – А то, чего доброго, еще и нас...

Во дворе залаяли собаки. В доме наступила тишина.

Неожиданно распахнулась дверь, и вооруженный комсомольский наряд шумно ввалился в кухню. Вперед выступил Вьюн и, указав на попадью, закричал:

– Вот она, ребята! А мы ее ищем по всей станице.

Он приказал ей следовать за ним. Попадья растерялась, хотела возражать, но комсомольцы подхватили ее под руки и повели к выходу. Ава заголосила, побежала следом за матерью.

* * *

Григорий прислушался к шуму в кухне, но с кровати не поднялся. Злоба, как пиявка, сосала его сердце. Сняв сапоги, швырнул их к сундуку. Мысль о жене тяготила его, не давала покоя.

«Не пойду я тебя кликать, – мысленно рассуждал он. – Сама придешь! Думаешь, я стану просить? Ни за что! И не думай...»

За дверью слышался тихий разговор отца и матери с ушедшей Акилиной Даниловной. Григорий перевернулся на другой бок, вздохнул.

В спальню заглянула мать, ласково спросила:

– Чего ты, сынок, не раздеваешься?

Григорий сел на кровать в полосе света, падающего из кухни, промолвил:

– А может, пойти за Галькой? Завтра пшеницу не с кем будет возить...

– Ты слышишь, Федот? – возмутилась мать. – Гриша хочет идти за Галькой. Где это было,

чтобы чоловик бегал за жинкой? Она просить тебя будет, постой трошки.

– Ты с чего это? – остановясь на пороге, спросил отец. – Понимаешь, дурья твоя голова, что значит казаку перед бабой унижаться?

– Да я только спрашиваю, – проговорил Григорий и начал раздеваться.

– Ложись спать, сынок, ложись, – выходя из спальни, сказала мать.

Отец прикрыл дверь.

Григорий лег в постель.

«Нет, она так и совсем может не прийти, – заложив руки под голову, думал он про себя. – Такая гордыня». Ему было не по себе, и Григорий уснул далеко за полночь.

Открыл он глаза перед самым рассветом. Вспомнил о жене. Стало досадно, пошли разные мысли. Он переворачивался с боку на бок, тело чесалось. Перина показалась твердой, подушка лежала низко. Вставал, взбивал постель, подкладывал под голову одежду.

– Ну и дура ж, что утикла, – произнес он вслух. – Как будто бы я бил без разбору. Все ж бьют своих жинок. Так же и я. Ну, коли не нравится тебе, то и не буду бить. – Лег на другой бок, натянул на себя одеяло.

Время тянулось томительно. На дворе светало.

Прокашлял отец, послышался голос матери. Раздались шаги. Дверь приоткрылась.

– Сынок, спишь? – прозвучал голос матери.

– Нет, – тоскливо ответил Григорий.

– Ну, одевайся, сейчас за пшеницей поедете.

Григорий встал, зажег лампу.

На крыльце отец сладко зевнул, потянулся и, спускаясь со ступенек, расправил усы. Под навесом растолкал спящих на сене двух батраков-подростков. Запрягли в арбы лошадей. Григорий, покуривая сигарку, направился к подводам. Лошади стояли в упряжи подремывая. Выехали со двора, и арбы затарахтели по улице.

Станица уже не спала. Повсюду горланили петухи, лаяли собаки, ржали лошади. На токах молотилки готовились к пуску.

Восток разгорался багровым румянцем. Тучи медленно плыли над просторной степью, пахнувшей медовой росой. В воздухе пели жаворонки, в густых травах свистели перепела, трещали коростели. Где-то далеко, как будто в пустой бочке, раздавались людские голоса.

Лучи восходящего солнца брызнули по золотистой стерне, заиграли разноцветными красками. Все ожило, затрепетало. Повеяло ароматом степных цветов.

Молчуны привезли с коша пшеницу. После завтрака Федот Давидович с работниками снова уехал в степь, а Григорий задержался, чтобы смазать колеса.

Мысль о жене не покидала его. Через полчаса он по дороге на кош заехал к тестю. Привязав лошадей к забору, осторожно открыл калитку. Тесть и теща молотили пшеницу на току. Григорий подошел к ним и, потупив глаза, глухо спросил:

– А где же Галя?

– В хате, – сердито ответила Денисовна.

– Чего она не идет до дому?

– Того, что ты ее бьешь, – сказала Денисовна.

Григорий глядел себе под ноги и машинально стегал кнутом по земле.

– Я больше не буду, – пробормотал он. – Простите меня.

– Ну что ж, – помягчев, проговорила Денисовна. – За прощеную вину и бог не мучит.

Из хаты выбежала Галина, хотела что-то сказать матери, но, увидев мужа, остановилась. В дверях сенец задержалась Соня, посмотрела на зятя исподлобья. Григорий неловко переступил с ноги на ногу, обратился к жене:

– Чего ты сидишь тут?

– А что? – бросила Галина. – С первого дня начал бить. Длиннорукий какой!

– Иди до дому, – попросил ее Григорий. – В другой раз не повторится.

– Худа не делай, а зарок не давай! – наконец отозвался, Калита, сурово хмуря брови. – Вот тебе последний мой наказ. Не смей больше пальцем ее трогать! Мы отдали ее тебе в жены, но не для того, чтобы ты грел кулаки на ее спине. Жена она тебе, так поступай с нею как с женой, но не буянь! Побьешь еще, заберу ее от тебя навсегда. Понял?

Григорий молчал, искоса поглядывая на тестя. Галина стояла без движения, прислонясь к

стволу шелковицы.

– Иди, Галя, – сказал отец. – Да ежели только что, сейчас же уходи от него, то и проче.

– Я домой не пойду, – отказалась Галина.

– Ну, поедем на кош за пшеницей, – попросил Григорий.

– Собирайся, дочко, – промолвила мать. – Куда денешься. – Она со слезами обняла ее за плечи и, подойдя к зятю, умоляюще попросила: – Дети мои! Бывайте друг к другу благи.

И Галина уехала с мужем.

XXIII

В спальню игуменьи проникали молодые солнечные лучи, образовав на блестящем желтом полу световую полосу. В освещенном воздухе плавали, мигали пылинки.

Игуменья проснулась, приподняла с подушки голову и, вспомнив, что сегодня воскресный день, заспешила. Опустив ноги на тигровую шкуру, надела платье и комнатные туфли, подошла к зеркалу, начала расчесывать длинные волосы, в которых неожиданно обнаружила седой волосок. Это сильно ее опечалило. Выдернув его и положив на маленькую черную бархатную подушечку, она прошептала удрученным голосом: «Да, я начинаю стареть».

Вспомнила о том, что на днях в Екатеринодаре у нее произошел неприятный разговор с кубано-черноморским епископом, владыкой Иоанном, по поводу того, что с ее позволения в пустыни поселились повстанцы и что он, владыка, запрещает ей в другой раз самостоятельно, без его ведома, поступать так. «Гм... Думаешь, я тебя и послушаюсь, старую кочергу! – мелькнуло у нее в голове. – Дура я, что создалась тебе. Считала, что и ты с нами. В другой раз буду умнее».

К ней с поклоном явилась мать Иоанна, доложила о приезде отца Валерьяна.

– Хорошо, – не глядя на нее, сказала игуменья, – займитесь им, матушка. Я сейчас приду.

Старуха поклонилась и направилась к выходу, однако настоятельница остановила ее, спросила:

– Что с Маврой?

Мать Иоанна безнадежно развела руками.

– Так и не нашли ее, матушка. Бог знает, куда она запропастилась.

– Это ужасно! – раздраженно произнесла игуменья. – Вы же знаете: она пойдет по миру, в народ... с ребенком. Какой стыд, позор!

– Все понимаю, матушка, но что я могу сделать?

– Если она далеко ушла от монастыря, – волновалась игуменья, – да никто ее там не знает, то бог с ней. Но только нет, нет! Она где-то здесь.

В келью поспешно вошла мать Сергия и, осенив себя размахистым крестом, с одышкой залепетала:

– Мать Рафаила, Мавру мы проведали!

– Где же она? – спросила игуменья.

– За озером, в дупле, – прошептала казначея и, переведя дух, оглянулась на дверь. – За нею уже наблюдают. Дитя надо выкрасть.

– Без лишних слов! – прервала ее игуменья.

– Виновата, матушка, виновата, – зачастила мать Сергия, затем отрывисто выдохнула: – Как только она оставит одного, мы и принесем вам.

– Матери благочинной отдадите, – указала игуменья на старуху. – Идите да хорошенько смотрите за этой распутницей.

Монахини перекрестились, заспешили к выходу.

Игуменья проследовала в башенную приемную, в которой ожидал ее поп, сказала:

– Мне необходимо с вами договориться, отец Валерьян, чтобы вы и впредь правили у меня в церкви. Хоть пока я найду себе священника. А в станице обошлись бы и отцом Иакимом. Он вернулся уже?

– Да, приехал, – протянул поп. – Зачем-то к патриарху Тихону ездил.

– А вы бы узнали, – сказала игуменья.

– О, нет! – возразил Валерьян. – Мы с ним давнишние враги. Мне кажется, что отец Иаким ездил к патриарху с каким-то делом, порученным епископом Иоанном, или просто был послан им туда с целью разведки: узнать, что делается сейчас в Святейшем Синоде.

– Да, да, – игуменья помотала головой. – Он ведь сторонник епископа Иоанна. Ну, а что у вас

еще нового? – нетерпеливо перешла она к волновавшему ее вопросу.

На елейном лице попа засияло оживление.

– Да, вчера что-то чоновцы сильно разъезжали по станице, – начал он, растягивая слова. – Говорят, где-то поблизости был отряд Курунина.

– Это интересно! – воскликнула игуменья. – Ему так и не удалось перебраться через Кубань?

– Как же он переберется, матушка, – сожалея, произнес поп, – когда все переправы от Армавира и до нашей станицы находятся под наблюдением, охраняются чоновскими отрядами. Дела у него вельми плохие. Вчера вечером из-за него и моя супруга имела неприятность.

– Как же? – испугалась игуменья.

– Язык-супостат предал ее, – сказал отец Валерьян скорбным голосом. – Болтлива чересчур у меня Анна Алексеевна. Язык ее – враг ее: прежде ума глаголет.

– Странно, – протянула игуменья.

– Проговорилась о Курунине среди людей, – пояснил Валерьян, – так ее и пригласили в ревком да и сподобили в подвал, где она просидела всю ночь, а утром выпустили, но предупредили, чтобы больше не болтала. Я так напугался: думал, уже конец и ей и мне, когда ничего, бог не без милости. Все обошлось благополучно.

– А что ваши станичники делают в лесу? – спросила игуменья.

– Лес заготовливают, – ответил Валерьян. – Корягин у нас сейчас так хозяйничать стал! Ссыпку под клуб переоборудует, вальцовую мельницу ремонтирует, школу на площади приводит в порядок.

Игуменья встала.

– Ну, идите в церковь, отец, – попросила она, – и начинайте службу, а то богомольцы уже ждут.

Поп поклонился ей, надел шляпу.

* * *

Мать Сергия с монахинями притаилась в густых калиновых кустах.

– Не вылезит, беспутная, – шепотом выразила досаду казначея.

– Ох, у меня душа не на месте, матушка! – дрожала всем телом монахиня в капюшоне. – Не дай бог, увидит нас! Она же злая.

– Вот, вот, показалась, – глядя сквозь зеленые ветки, прошептала монахиня в черной рясе.

Все перекрестились.

Мавра выбралась из дупла и, с опаской посмотрев вокруг, принялась собирать ежевику на поляне. Монахини не выпускали ее из виду. Наконец она углубилась в чащу деревьев и совсем скрылась.

Мать Сергия подползла к монахине в черной рясе, легонько толкнула ее в бок. Та положила на себя широкий крест и, пригибаясь под нависшими ветками и опираясь на палку, засемила по узенькой тропе, извивавшейся у берега реки по черноталу. Оставив палку у вербы, она поднялась на пень, быстро влезла в дупло, схватила ребенка, вылезла и бросилась бежать.

Ребенок перешел в руки казначеи. Та закутала его в полу своей рясы, пустилась к монастырю. Там ее встретила мать Иоанна, приняла малютку и, осени себя крестным знамением, велела оставить ее одну.

Когда все разошлись, старуха незаметно нырнула в аллею монастырского сада и, минуя кусты орешника, торопливо подошла к крутому берегу Кубани. Озираясь по сторонам, она подняла над собой ребенка и, швырнув его в воду, прошептала:

– Сгинь, дьявол!

Солнце было на закате. Игуменья восседала уже в церкви на стасидии. Отец Валерьян похаживал по амвону, бормотал себе под нос молитвы. Яркий свет, падавший от лампад и свеч, слепил глаза. Душный воздух был напоен благовонием ладана, оливкового масла и воска. На хорах звенели голоса.

Неожиданно на паперти появилась Мавра с палкой в руке – худая, с распущенными смолисто-черными волосами. Щеки у нее запали, дикие глаза, под которыми выступали синие круги, горели огнем. Раздвигая богомольцев локтями, она пробиралась к амвону. Люди пугливо уступали ей дорогу. Моление прекратилось.

Игуменья встала. Мать Иоанна и мать Сергия, упав на колени перед образами, начали часто

креститься и бить земные поклоны. В мертвой тишине кто-то крикнул:

– Боже мой! Да она не в своем рассудке!

Мавра, тяжело дыша, приближалась к игуменье.

Та в страхе попятилась назад. Валерьян с крестом и кадилом в страхе застыл у двери алтаря.

Пробравшись вперед, Мавра подняла над собой сжатые кулаки, в испуге закричала:

– Убийца! Что ты сделала с моим малюткой?

Она бросилась на игуменью, но та отпрянула в сторону. Несколько дюжих казаков схватили несчастную за руки. Мавра вырывалась, кричала:

– Она убила моего ребенка! Палка была около дупла!

Мавру вытащили из храма, и она, хватаясь руками за голову, выбежала со двора и лесом устремилась в сторону хутора Драного. Душераздирающие ее крики по мере удаления от монастыря слабели и скоро совсем затихли.

XXIV

В тот же воскресный вечер в восстановленной школе под руководством учительницы Авксентьевой готовилось выступление художественной самодеятельности комсомольцев.

В просторном зале на стенах висели лозунги, призывающие к непримиримой борьбе с белогвардейщиной.

В первом ряду на скамейках подле станичников уселись Гуня с женой, Ропот со всей своей семьей. Потом пришли Батракова с Корягиной и Белозеровой. Позади облюбовали места Виктор Левицкий с женой, отцом, матерью и дедом. Наумыч пристально оглядел зал. Около Левицких уселся Бородуля с женой. Калита со старухой и меньшей дочерью поместились рядом с Молчуном, сидевшем тут же со всем своим семейством.

В дверь грузно ввалился Пятница, пробрался к Бородуле, почтительно пожал ему руку.

На сцену поднялся Корягин, остановился у занавеса, неторопливо затворил:

– Товарищи! От имени нашей партийной ячейки и ревкома разрешите поблагодарить вас за тот труд, который вы вложили в эту школу. Однако у нас в станице есть такие элементы, каковые не желают, чтобы наши детишки учились грамоте. Да, да! Они совали нам палки в колеса на этой работе, не хотели восстанавливать школу. Теперь, конечно, всем понятно, что мы с вами делали доброе и нужное дело. – Он затих, пошарил прищуренными глазами по притихшему залу, точно выискивая недовольных, и продолжал, постепенно набирая высоту голоса: – Я предупреждаю, особенно богатеев: нянькаться не буду! За невыполнение нарядов будем строго наказывать. Так мы порешили ревкомом и партийной ячейкой. Никаких поблажек тут не будет!

По залу пронеслись мощные голоса:

– Правильно, председатель!

– С саботажниками надо круче!

Корягин не спеша спустился по лесенке, сел около Жебрака во втором ряду.

На сцену вышла Клава Белозерова и, объявив программу выступления, нырнула за кулисы.

В зале умолкли. Занавес медленно раздвинулся в глубине сцены, на фоне красной драпировки, в полукруге стояли два ряда юношей и девушек, среди которых были Леонид Градов, Гаврила Мечев и Аминет. В стороне – Белошейко, за пианино – Авксентьева.

Перед зрителями снова появилась Клава. Выждав тишину, она сказала, что сейчас комсомольский хор споет «Рабочую марсельезу». Белошейко взмахнул дирижерской палочкой, и стройные торжественные голоса под звуки пианино зазвучали мощно, напевно:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Соня прижалась к сестре, шепнула:

– А они хорошо поют!

Оксана толкнула Виктора в бок:

– Спелись.

Наконец голоса стихли. Раздались аплодисменты. Раздвинув ситцевый занавес, Клава прошла на авансцену, громко объявила:

– А сейчас Дементий Вьюн споеет песню под названием «Вопль от всего сердца»!

Появился Вьюн в белогвардейском изорванном мундире. Под глазами и на щеках «синяки». Скривив лицо, он под собственный аккомпанемент на балалайке запел плачущим голосом:

Всем про горе расскажу я –
Батюшки!
Как прищучили буржуя–
Матушки!
На меня корпел рабочий –
Батюшки!
Землероб и житель прочий –
Матушки!
При рабочих, при ребятах –
Батюшки!
Жил в роскошных я палатах –
Матушки!
Да несчастье случилось –
Батюшки!
Власть Советская явилась –
Матушки!

В зале оживились. Вьюн продолжал:

На меня взглянули косо –
Батюшки!

Он сделал паузу и, приложив руку к щеке, как бы по секрету прибавил:

И струхнул я до поноса –
Матушки!

Вырвался неудержимый смех, возгласы:

– Молодец, Демка!

– Ишь, гыдость! – пробормотал Гусочка, сидя в кругу своих. – Жужжальница...

– Это хорошо, – хохоча, отозвался Наумыч. – Чудной этот хлопец.

Бородуля скосил глаза на старика. А Вьюн, ловко перебирая пальцами по ладам, наигрывал:

Пью водичку, ем горбушки –
Батюшки!
Проживаю в комнатухе –
Матушки!
Без Деникина Антоши –
Батюшки!
Я сижусь теперь в калоше...
Матушки!

Снова зал разразился хохотом. Вьюн повел худыми плечами, почесал спину сначала левой, потом правой рукой и, с задором ударив по струнам, подхватил:

Без Шкуры и Колчака –
Батюшки!
Плохо будет от Чека –
Матушки!

Гусочка наклонился к Бородуле, шепнул:

– Патолочь, чекой пужае!

Бородуля толкнул его: дескать, молчи. Тот притих и начал слушать песню. Вьюн, изображая трусливого белогвардейца, оставшегося на Кубани после разгрома деникинской армии, притопывал и громко выкрикивал:

Потружусь в цыганском поте –
Батюшки!
На общественной работе –
Матушки!
Буду вроде драной кошки –
Батюшки!
Где вы, Сашки да Антошки?!
Матушки!
Сами, черти, все удрали –
Батюшки!
А меня без вас прижали –
Матушки!

Затем речитативом закончил:

Вот несчастье, вот вопрос –
Батюшки!
И скоро ль кончится понос?
Матушки!

Взрыв хохота прокатился по залу. Зрители неистово били в ладоши. Виктор с дедом смеялись от души. Лаврентий, почесывая затылок, невнятно твердил в остренькие усы:

– Ей-богу, хорошо! Что хорошо, то не худо.

Занавес снова раздвинулся.

Из-за кулис вышла Клава и, обратясь к станичникам, с улыбкой сказала:

– Товарищи, здесь в зале находится одна девушка. Вы многие ее знаете. Вон она сидит.

Все посмотрели на Соню. Пронеслось сдержанное шушуканье, потом снова воцарилась тишина. Соня сразу не поняла, о чем речь, потом ей все стало ясно. Она запылала густым румянцем, пригнулась и замерла. Однако Клава действительно добавила:

– Давайте попросим ее спеть. Ну, Соня...

Раздались дружные рукоплескания.

– Что ты, Клава! – краснея еще сильнее, возразила Соня и закрылась платком. – Не пойду я.

– Да ты уж сходи, доченька, – коснулась Денисовна плеча дочери. – Спой какую-нибудь.

К Соне подбежали Аминет и Леонид Градов, взяли под руки и повели на сцену. Соня стала у пианино. Потупив голову, она чувствовала себя точно на солнцепеке, задыхаясь от волнения, и некоторое время не могла прийти в нормальное состояние. Наконец выпрямилась, посмотрела в зал. Перед нею, как в тумане, сидели станичники. Клава спросила:

– Какую?

Соня шепнула ей на ухо. Та объявила песню, и Соня, подняв голову, запела грудным бархатным голосом:

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты – русская, долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.²⁶²

Дарья Матяш почувствовала, как у нее заскребло в горле. На глазах заблестели слезы. Она

---

²⁶² Стихотворение Николая Алексеевича Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» написано в 1862 г. и опубликовано в «Современнике» № 4 за 1863 г. Было неоднократно положено на музыку. – прим. Гриня

припала к спинке передней скамейки, тихо заплакала. Острые плечи, прикрытые черным подшалком²⁶³, судорожно вздрагивали.

В зале неожиданно появился Норкин, подозвал к себе Корягина, тихо сказал:

– Банда!

Корягин попросил Клаву объявить перерыв.

* * *

Жебрак, Корягин, Гуня и Ропот, взяв с собой несколько комсомольцев, два отделения чоновского отряда и сев на лошадей, помчались за станицу.

Молодой месяц плохо освещал дорогу. У моста бойцы разделились на две группы. Одна, во главе с Жебраком и Ропотом, переправилась на левый берег реки, поскакала по лесу к засаде коммунаров. Другая, с Корягиным и Гуней, спрятав лошадей в набережной улице, направилась к секрету Норкина, сидевшему в зарослях чернотала, поодаль от брода.

Через час на берегу Кубани появилась банда, вытянулась в цепочку. Один из верховых, видимо проводник, въехал в воду, а за ним потянулись и все остальные.

– Откуда они узнали об этом броде? – удивился Корягин. – Связь держат в станице?

– Все может быть, – вполголоса отозвался Гуня.

Корягин пристроился под осокорем²⁶⁴ с ручным пулеметом, замер. Гуня прилег с ним рядом, подумал: «Так, так... Зараз они все будут в ловушке».

Жебрак и Ропот повстречались с Юдиным, и чоновцы Краснодольской быстро соединились с коммунарами.

Коноводы увели лошадей в буерак²⁶⁵. Левицкий и Мечев прижались к стволам кряжистых дубов. К ним присоединился и Вьюн.

Иван Градов и Юдин заняли наблюдательный пункт на правом фланге засады, Жебрак и Ропот – на левом.

Часть бандитов группировалась уже на небольшом клочке поймы, прилегавшей к зарослям, в которых сидели чоновцы. Тишина была полнейшая.

Наконец вся банда собралась вокруг своего командира. В эту минуту вырвалось мощное «ура». В одно мгновение со всех сторон с винтовками наперевес выскочили чоновцы из засады. Несколько бандитов попытались бежать, но Мечев и Левицкий с бойцами открыли огонь по ним.

Вьюн с чоновцами уже стаскивал бандитов с лошадей, отбирал у них оружие.

Вскоре все пленные были доставлены в коммуноу.

* * *

В Краснодольской продолжалась напряженная работа по сдаче хлеба государству. В ревкоме было людно. У Корягина и Жебрака толпился народ. Двери их кабинетов не закрывались. Члены актива ежедневно докладывали в квартальные комитеты о выполнении продрозверстки станичниками.

В дверях показался Бородуля. Сняв шапку, он поклонился председателю.

– Зачем изволили вызывать?

Корягин встал, закурил трубку и, сунув руки в карманы галифе, отошел к открытому окну.

– Почему хлеб не сдаете? – поднял он глаза. Бородуля пожал плечами и, растягивая слова, начал было:

---

²⁶³ **Подшалок** – небольшой платок, надеваемый под шаль, полушалок. – прим. Гриня

²⁶⁴ **Осокорь** – серебристый тополь, черный тополь. – прим. Гриня

²⁶⁵ **Буерак** – небольшой овраг, овражек, рытвина; сухой овраг, водороина, водомоина, промоина; местность, изрытая природоу, овражистая; снежный ухаб, сугроб. – прим. Гриня

– Да я...

– Хлеб нужно возить на ссыпку – и точка! – прервал его председатель. – Понятно? Двадцать четыре часа даю вам. В противном случае придет продовольственный отряд.

Бородуля, нервно теребя шапку, медленно вышел из кабинета.

Елена Михайловна, исполняющая должность секретаря ревкома, получила почту, подала мужу. Корягин вскрыл пакет, прочел распоряжение отдельского ревкома:

Всем местным ревкомам Кавказского отдела Кубанской области

Ревком Кавказского отдела ставит всех председателей местных ревкомов в известность, что девятого июля было высажено на северном побережье Азовского моря два врангелевских десанта. Первый численностью в тысячу человек начал свои боевые действия восточнее Мариуполя у Кривой Косы, занял станицу Николаевскую, но того же числа был ликвидирован частями 20-й кавалерийской дивизии и кавалерийской бригадой 1-й Конной армии.

Одновременно с высадкой десанта у Кривой Косы Врангель высадил западнее Таганрога другую группу численностью в восемьсот человек под командованием полковника Назарова. Действия этого десанта более успешны. Отряд его за счет кулаков и скрывавшихся в станицах белогвардейцев увеличивается.

Советское командование двинуло против десанта Назарова около трех дивизий, которые уже вступили с ним в бой.

В связи с создавшимся военным положением на Дону ревком Кавказского отдела приказывает: усилить у себя в станине надзор за подозрительными элементами и в случае вылазки врагов немедленно принимать срочные меры к их ликвидации, ставя нас об этом в известность.

15/VII 1920 г.

Пред. отдел. ревкома А. Жолобов.

Корягин прошел в кабинет к Жебраку, подал ему распоряжение. Тот ознакомился с ним, сказал: – Значит, Крым зашевелился. И все это случилось только потому, что некоторые наши политики не придавали ему особого значения, считали его «укусом мухи», а теперь, видишь, до чего дело дошло. Шестого июня Врангель предпринял наступление в Северную Таврию, начал угрожать районам Криворожья и Донбасса. – Он положил распоряжение на стол, выдохнул: – Досадная ошибка.

– Да... – протянул Корягин. – Особливо на Кубани каковой только нету швали. Ведь вся контра сюда бежала из России. А мы с нею нянькаемся. Взять бы собачье отродье да завязать в тугой узел – и точка!

XXV

Вечером в доме попа Валерьяна Бородуля собрал своих: Молчуна, Гусочку (с перевязанной головой и большим синяком под левым глазом), Пятницу.

Издали донеслось хлопанье мотора. Все прислушались.

– Мельница работает, – произнес Бородуля.

– Ригинально! – пощипывая рыжую жиденькую бороденку, с сердцем сказал Гусочка. – Стал быть, отремонтировали.

Попадья подала на стол графин бузы²⁶⁶, на тарелках малосольные помидоры, ветчину, хлеб. Поп наполнил стаканы.

– А ты, матушка, – шепнул он жене, – пойди на улицу да погляди, что дочь делает. Не пускай ее далеко от дома и сама не ходи.

Когда попадья удалилась, Бородуля доложил, что он поставлен игуменьей в известность об объединении бело-зеленых отрядов Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов в «Армию

---

²⁶⁶ Буза (боза) – здесь – слабоалкогольный густой и сладкий ферментированный напиток. Приготавливается методом брожения из пшеницы, кукурузы или проса. – прим. Гриня

возрождения России», а также и о том, что Хвостиков отдал уже приказ о наступлении на Невинномысскую и Кавказскую, чтобы захватить Владикавказскую железную дорогу и по ней развивать боевые действия на Екатеринодар. В первые же дни боев были захвачены станицы Преградная, Исправная, Передовая, Спокойная и Удобная.

Потом Бородуля предложил начать активную подготовку к вооруженному восстанию в Краснодольской.

Гусочка с жаром воскликнул:

– Восстание мы немедля подготовим!

Донесся женский крик. Гусочка вдруг затих, повел робкими глазами по собеседникам. Все молчали. Наконец поп покачал головой и растерянно проговорил:

– Душа моя не на месте, братия. Слишком нас мало, чтобы совершить такие опасные деяния.

– Погодите, погодите, отец Валерьян, – прервал его Бородуля. – Об этом мы думали и все же пришли к выводу, что у нас в станице человек до пятисот найдется. Нужно связаться с отрядом Крыжановского. Он нам поможет. А для отвлечения чоновцев из станицы решено захватить хутор Дранный. В то время как чоновцы выедут туда, мы здесь и поднимемся.

– Я токо за восстанию! – поддержал его Гусочка.

– Победить мы сможем в том случае, – нервничал поп, – когда будет сохранена наша тайна.

– Тайна прежде всего! – пробасил Пятница, и все изрытое оспой лицо его заблестело на ламповом свете обильным потом.

– Да, да, – пробормотал Молчун. – Бог не без милости.

– Ничего, Федот Давидович! – подбадривал его Бородуля. – Казак и в беде не плачет!

– Оно, с одной стороны, так, Игнат Власевич, – чувствовал себя неуверенно Молчун. – А с другой...

– Не смигни²⁶⁷, так и не страшно, – приподнял руку Бородуля.

– И я такого мнения, – согласился с ним Гусочка.

– А теперь я должен отправиться к Крыжановскому, – сказал Бородуля после небольшой паузы. – Мы поедем к нему с вами, Федот Давидович. А работой в станице займетесь вы, Тихон Силыч.

Все притихли, и в кухне наступила такая тишина, что даже стенные часы, казалось, начали тикать громче.

– Что с Куруниным? – нарушил молчание поп. – Где он со своим отрядом? Вам не ведомо, Тихон Силыч?

Пятница пожал плечами:

– Бог знает. Как в воду канул.

– Наверно, к Хвостикову или Крыжановскому ушел – высказал предположение Бородуля.

– А как этого уполномоченного? – поинтересовался Пятница. – Юдин, что ли?

– Его больше всего и опасайся, Тихон Силыч, – предостерегал Бородуля.

– Вот оно как! – сказал Пятница.

Вбежала попадьа и, приложив ладони к щекам, испуганно прошептала:

– У ревкома много народу собралось, шум подняли.

Поп обеспокоенно посмотрел на собеседников.

– Ох, горе еси мя грешному...

– То по продрозверстке, – пояснил Молчун.

– А я до этой поры ни пуда не вывез, – похвастался Гусочка. – И покедова никто никому ничего: ни я им, ни они мне. – Он вытер треухом испарину на лбу и шутливо подмигнул попадье с улыбкой: – Фу, яка жарынь. Добро тому, кто пашет: сам себе ветер гоняет. А мы тут за бражкой, как в котле.

– Все вы кривляетесь, Иван Герасимович, – махнула рукой попадьа. – Достанется вам на том свете от черта!

– Э, матушка! – погрозил Гусочка. – Черт Ваньку не обманет: Ванька сам про него молитву знает.

Попадьа снова вышла на улицу, села рядом с дочерью.

---

²⁶⁷ **Смигивать** или **смигать** – сморгнуть; мигнув, потерять из глаз, упустить на мгновение из виду. – прим. Гриня

Над станицей высоко уже поднялась луна, посеребрила крыши хат, деревья, молчаливую церковь. По пыльным улицам скрипели арбы, нагруженные мешками с пшеницей, направлялись на ссыпку.

* * *

Левицкие весь день молча возили во двор пшеницу. Правда, Лаврентий несколько раз пытался заговорить с Виктором и узнать, куда он ездил вместе с Корягиным и Жебраком во время выступления художественной самодеятельности в школе, но Виктор отделялся общими фразами.

После ужина Оксана зажгла лампу в своей комнате.

– Сана, – обратился к ней Виктор, – достань мне новую черкеску и сапоги.

– А куда ты?

– Да... мне в ревком надо.

Жена вынула из гардероба одежду и, положив ее на диван, шмыгнула в дверь. Виктор переоделся, причесал смолистый чуб, слегка падавший на лоб.

Вошел отец. Оксана из-за его спины оглядела мужа недобрим взглядом.

– Так ты меня не слушаешься? – хмуря брови прохрипел Лаврентий. – Не считаешься с батьком.

– Мне на дежурство надо, – ответил Виктор.

– Как? – повысил тон отец.

Виктор смотрел куда-то в сторону и, подпоясываясь, никак не мог вставить наконечник в маленькую посеребренную пряжку казачьего пояса. Наконец затянулся, расправил черкеску и, сняв кубанку с вешалки, остановился у кровати.

– Кругом дела зачинаются не на шутку, – горел уже злобой Лаврентий. – Упреждаю тебя, Виктор, послушай лучше батька. Брось ты ходить в этот ЧОН.

На пороге появился Наумыч и, уставив глаза на сына, укоризненно покачал головой:

– Совсем ты ошалел, Лавруха. Скажу тебе откровенно: Витька выбрал верный путь. Я одобряю его. Правда на стороне Советской власти.

В кухне скрипнула дверь. Наумыч оглянулся. Перед ним стоял Бородуля. Хромая на левую ногу, старик грузно опустился на лавку. Мироновна у печки, мешая каталкой в деже²⁶⁸, готовила опару. Лаврентий пожал Бородуле руку.

– Прошу сюда, в велику хату, сваточек.

Он радушно взял его под руку.

– Что это вы, – усаживаясь на стул, начал Бородуля с расстановкой, – снова поскандалили или так чего?

Лаврентий тяжело вздохнул, опустился на табуретку.

– Да знаешь! – махнул он рукой. – Такая жизнь наступила – хоть полезай в петлю. Уже нет никакой моготы.

– Небось из-за того, что Витька вступил в ЧОН? – косясь на прикрытую дверь, осторожно прибавил Бородуля.

Лаврентий молча развел руками. Донеслись резкие шаги Виктора – хлопнула кухонная дверь. В великой хате затихли. Лаврентий положил руки на колени, буркнул:

– Ушел.

– Послушай, Лавруха, – сказал Бородуля умеренным тоном, – ты теперь ладь с ним.

– Пропал человек, пропал, нечистый дух! – с раздражением подхватил Лаврентий. – И где он взялся на мою голову?

Бородуля помолчал, раздумывая над чем-то, потом продолжил.

– Во всем виноват ты, Лавруха. Зачем было пускать его в ревком? В последнее время, как идешь по площади, он все с чоновцами.

– Кто его пускал, Игнат Власьевич? – воспалился гневом Лаврентий еще сильнее. – Это не такой дитенок, что угрозами можно заставить не делать того, чего не положено, а, слава богу, ему

---

²⁶⁸ Дежа (квашня) – хлебное тесто, а также деревянная кадушка для его приготовления. – прим. Гриня

уже двадцать три года, служил в армии, жену имеет.

– Но ты не скорби понапрасну, – начал увещевать его Бородуля. – Скоро он сам поймет.

– Нет, нет! – горячился Лаврентий. – Его захоронили Корягин и Жебрак. Они сбили его с панталыку.

– Ну, хорошо, – промолвил Бородуля вставая. – Я пойду.

Он надел шапку. Оксана проводила его на улицу, где стоял привязанный к забору конь, шепнула:

– Папочка, больше всего виноват дед, что Виктор вступил в ЧОН. А сегодня... – Она оглянулась вокруг. – Перед вашим приездом сказал бате, что правда на стороне Советов.

– Да?

– Ей-богу!

– Ты, дочка, уговаривай Виктора. Может, он тебя послушает.

– Ой, папочка! Никогда!

– Тогда ты у него узнавай, что и как в ревкоме, – наущал отец, – и передавай Пятнице. Да по секрету, чтобы никто не знал. А я с Федотом Давидовичем и Гришкой сейчас уеду из станицы. Но об этом никому ни слова.

– Хорошо, папочка, хорошо, – дрожала Оксана от страха всем телом.

XXVI

Ночь тихая, спокойная. Медная луна, как начищенный щит, сияла в безмолвной вышине звездного неба, лила на спящую станицу свои холодные лучи; и все дома, и хаты с душистыми садами, над которыми возвышались церковь с белоглавыми куполами и черный ветряк со взмахнутыми крыльями, были точно облиты расплавленным серебром. По углам кварталов маячили фигуры часовых. Иные из них, вскинув винтовку за спину, мерными шагами расхаживали на постах, зорко следя за своими участками.

У двора Пятницы показалась группа вооруженным людей. Прижимаясь к высокому забору и стараясь быть незамеченными, они опасливо пробрались к воротам, остановились в тени под акацией. Несколько минут о чем-то совещались. Затем прошли в калитку и, отмахиваясь от собак, быстро направились к дому, стоявшему в глубине двора, среди ореховых деревьев.

Тяжело покачиваясь с боку на бок, незнакомец встретил грузный, как мельничный камень, хозяин, отогнал псов. Заглянув из-под руки в худое, обросшее бородой лицо человека в бараньей папахе, вдруг тихо воскликнул:

– Ваше благородие, господин Курунин! Да как же вы сюда попали?

– Тише, Тихон Силыч, – каким-то неестественным голосом предупредил его сотник и указал на офицера, стоявшего с ним рядом в кубанке и в военной шинели с поднятым воротником: – Это есаул Живцов. Вы будете иметь с ним дело, а я отлучусь на некоторое время.

Пятница хотел бежать в дом, чтобы предупредить жену: мол, скорее разжигай самовар, гость-де приехал, но Живцов остановил его и попросил сейчас же наедине приступить к обсуждению неотложного вопроса. Тем временем Курунин, сопровождаемый лаем собак, с несколькими казаками поспешно удалился со двора.

С Живцовым остались лишь три военных, которые молча стояли под стеной сарая. Пятница указал на чулан, осторожно произнес:

– Здесь вполне безопасное место, ваше благородие. – Потом, как бы не совсем доверяя ему, спросил нерешительным голосом: – Так вы и есть Живцов, господин есаул?

– Как видите, – сухо ответил офицер.

– А разрешите полюбопытствовать, – продолжал Пятница с заметным волнением, – каким же образом вам удалось вырваться из рук большевиков?

– Потом, потом расскажу, – прервал Живцов.

В темном чулане Пятница зажег фонарь и, указав на скамейку, пригласил есаула за столик, пристроенный у почерневшей стены. Живцов сел, расстегнул свою сумку, вынул из нее небольшую папку с бумагами.

– Нам необходимо знать всех коммунистов, комсомольцев и активистов ревкома вашей станицы, – начал он торопливо. – Можете дать такие сведения?

– О боже мой! – воскликнул Пятница. – С дороною душою, ваше благородие!

– Замечательно, – проговорил Живцов и раскрыл перед собой папку.

Пятница достал из тайника под камышовой крышей свернутую тетрадь, разровнял ее огрубелыми пальцами и, как бы припоминая что-то, присел на колоду.

– Вот списочек у меня, – произнес он с хрипотой в горле. – Пишите первым председателя ревкома.

– Сразу же называйте и адреса их.

– Да, – сказал Пятница. – Тут все имеется. Корягин живет по улице Ленина, а номер его дома сто сорок пять. Там же и секретарь комячейки Жебрак. А по другую сторону, на той же улице, в хате за номером сто двадцать восемь, с дочкой-комсомолкой проживает председатель квартального комитета, Фекла Белозерова, продразверсткой занимается, ваше благородие.

– Хорошо, хорошо, – остановил его Живцов. – Давайте короче, а то у нас нет времени.

Пятница называл фамилии коммунистов, комсомольцев и активистов ревкома, сообщал их адреса.

– Нужны и чоновцы? – предложил Пятница.

– Много их?

– Много, ваше благородие. До трехсот будет.

– Нет, писать их незачем.

– Тогда мы у них на воротах напишем крестики мелом, – догадываясь, для какой цели нужны есаулу подобные сведения, поспешил Пятница. – В других станицах так делают, ваше благородие.

– А живой силой сможете вы нам помочь при налете на станицу? – продолжал Живцов.

– Конечно, ваше благородие.

– Много ваших людей в станице и есть ли у них оружие? – спросил Живцов.

– Да, люди у нас имеются, и оружие у них есть.

– Какое?

– И винтовки, и обрезы, и даже пулеметы. Получили от Хвостикова.

– А как с боеприпасами?

– Почти у каждого по три или четыре цинки патронов.

– Приблизительно по тысяче двести штук?

– Да. И гранаты имеются.

– Давайте перепишем и ваших людей. – Живцов поднял на него глаза. – Кто первый?

– Начинайте с Волохова Митрофана. Он живет по Северной, в доме номер шесть, а рядом с ним Вакула Савел. Эти два казака, ваше благородие, были недавно арестованы ревкомом, судили их в Екатеринодаре. Ревтрибунал судил, понимаете? А потом за неимением улик их ослобонили. Но они, понимаете, ваше благородие, наши люди, преданные.

– Дальше, – снова прервал его Живцов.

Пятница вычитывал фамилии заговорщиков из своей тетради, внимательно всматриваясь в лицо есаула. В голове промелькнуло: «На первый раз довольно...»

И он свернул тетрадь.

– Кто еще? – спросил Живцов.

– Все, ваше благородие. – Пятница развел руками. – Чем богаты – тем и рады.

– Мало. Курунин обещал больше.

– А откуда ему знать? Правда, я с ним говорил в Прочноокопской кое о чем, но только вскользь.

Живцов задумался, потом с хладнокровием произнес:

– Всего шестнадцать человек. Пока хватит, а там само дело покажет.

– И я так думаю, ваше благородие! – воскликнул Пятница и, сунув тетрадь в карман пиджака, размягченно улыбнулся: – Хе-хе, сытых глаз на свете нет, понимаете? Все нам мало. Тут лишь бы разворошить станицу. А люди потом найдутся, сами придут.

– Кто у вас старший?

– Как вам сказать, ваше благородие. Бородуля. Но он сегодня ночью вместе с Молчуном выехал из станицы. Понимаете, в чем дело? Мы решили связаться с Крыжановским. Так он к нему в Майкопский отдел подался за подмогой. А работу свою мне доверил. Я тут и есть за главного. Понимаете, ваше благородие?

– Ясно, – сказал Живцов и затем спросил: – А у вас здесь еще какой-то полковник скрывается?

– Это вы о Набабове? – переспросил Пятница.

– Я не знаю его фамилии.

– Понимаете, ваше благородие, – сказал Пятницу – я о нем ничего не знаю. Всеми этими секретами ведает Бородуля.

– А почему игуменья с вами не в ладу? – поинтересовался Живцов, держа себя совсем уже свободно.

– Да что, ваше благородие! – безнадежно махнул рукой Пятница. – Баба она. Боится, по-моему. У двери показался человек с винтовкой в руке, доложил, что отряд уже на берегу Кубани.

– Так вы с отрядом? – удивился Пятница.

Есаул встал.

– Пойдемте с нами, – распорядился он. – Да с оружием.

Пятница вынул из-за фронта винтовку и, затушив фонарь, вместе с Живцовым и казаками поспешил в сад, пробрался с ними к Кубани и тут же заметил, что в отряде было не больше двадцати человек. Он наклонился к Живцову, спросил:

– Это и все, ваше благородие?

– Пока да.

– А где же господин Курунин?

Живцов сделал вид, что не услышал его вопроса, приблизился к казакам, стоявшим у самого обрыва. Пятница прошел вдоль шеренги, заглядывая в лица бойцов, точно желал опознать кого-то. Винтовка вдруг выпала из его рук, и он повалился со стоном:

– Ой боже! Что ж я наделал?..

Казачьи навалились на него, зажали рот и потащили по улице.

* * *

Двор ревкома был запружен чоновцами. Тут же, у частоккола, стояла легковая машина из Екатеринодара.

В бывшем атаманском меблированном кабинете, занимаемом теперь секретарем комячейки, Жебрак, Корягин, Атарбеков и Соловьев, сидя в креслах, поджидали Юдина из предпринимаемого им похода к Пятнице. Издали донесся неясный шум. Соловьев выглянул в окно. Из-за угла вышла группа людей, за ними показалась колонна бойцов.

Два дюжих казака, держа Пятницу под мышки, торопливо пересекли ревкомовский двор, закрыли арестованного в комнатухе с зарешеченными окнами

В кабинете Юдин доложил товарищам о встрече с Пятницей.

– И сколько всех? – спросил Атарбеков.

Юдин подал ему список бандитов.

– Маловато, – сказал Атарбеков.

Корягин скользнул глазами по листку.

– Здесь, оказывается, первые Волохов и Вакула, Георгий Александрович! – заметил он. – Это те, которых вы оправдали по суду.

– Всяко бывает, – многозначительно протянул Атарбеков. – К тому же, это вина ваша. Вы недостаточно в своем обвинении аргументировали причастность их к банде.

– Да! – вспомнил Юдин. – В кармане Пятницы тетрадь с записями! Ее немедленно надо отобрать.

Атарбеков остановил на нем взгляд, улыбнулся.

– Это уже не по-чекистски, Василий Петрович, – сказал он с оттенком легкого укора. – О тетради надо было раньше подумать. А теперь, пожалуй, уже поздно.

Юдин развел руками.

– Забыл в суматохе. Но мы сейчас на допросе потребуем ее. – Он приподнял палец, воскликнул: – Еще вот о чем! Пятница заявил, что игуменья никакого отношения к банде не имеет. Руководит ею один только Бородуля.

– Этому верить нельзя, – категорически возразил Атарбеков. – Может быть, она действует скрытно от своих сообщников: держит связь с кем-то одним.

– Эх, собачье отродье! – не выдержал Корягин. – Чего мы с нею цацкаемся? Разрешите, Георгий Александрович. Мы враз порешим ее. К ногтю – и точка!

– Не горячись, – прервал его Жебрак. – Таких, как игуменья, вокруг нас много. Нельзя же всех арестовывать потому, что мы подозреваем их.

– Взять ее мы всегда сумеем, – согласился Атарбеков. – От нас она никуда не уйдет. Но вы не забывайте, товарищи. Нам нужна не одна игуменья, а и вся та подпольная контрреволюция, с которой связана эта особа. То есть, вы должны сделать с нею то, что сделали с Пятницей.

– К тому же следует иметь в виду, – добавил Соловьев, – в раскрытой банде игуменьи не оказалось. Значит, надо полагать, что здесь имеется и другое звено. Его во что бы то ни стало надо нащупать.

– Что вы обязаны сделать? – разъяснял Атарбеков. – Прежде всего дайте игуменью понять, что вы абсолютно не обращаете на нее никакого внимания. Этим вы предоставите ей полную свободу действий. Однако контроль с вашей стороны за нею должен быть самый строжайший. Надо проследить, с кем она встречается. А если мы арестуем ее, не проделав этого, то проку будет мало. Банда успешно сумеет действовать и без нее.

– Приступим к делу, товарищи, – сказал Соловьев.

Корягии пригласил в кабинет Ропота, Гуню и Норкина, отдал им приказ об аресте бандитов:

– Расставьте свои силы так, чтобы все враги были схвачены одновременно по всей станице. Нужно сделать это внезапно, неожиданно для всех. Понятно?

– В точности, – отозвался Гуня.

– Пошли, товарищи, – сунув список в нагрудный карман гимнастерки, сказал Ропот.

Норкин поправил сорочку под казачьим поясом, на котором висел браунинг в кобуре, шагнул в дверь. За ним направились Гуня и Ропот. Корягин заглянул в список коммунистов, улыбнулся.

– Мы с тобой, Николай Николаевич, на первом месте, – произнес он, почесывая затылок.

Атарбеков перевел взгляд на Юдина, спросил:

– Так вы гарантировали Курунину свободу за то, что он помог вам раскрыть эту банду?

– Нет, – ответил Юдин. – Наказание в той или иной мере он должен нести, но жизнь я обещал ему сохранить.

Атарбеков пожал плечами. Соловьев обратился к Корягину:

– А ну-ка давайте сюда Пятницу.

Корягин вышел из кабинета и вскоре вернулся, а за ним Гаврила и Леонид ввели арестованного.

– Садитесь, – указал Юдин схваченному на стул.

Пятница грузно сел, повел растерянными глазами по присутствующим. Его бросало то в жар, то в холод.

– Ой боже ж мой! – стонал он. – Ой, что ж я наделал?

– У вас в кармане пиджака тетрадка, – сказал Юдин. – Дайте-ка ее сюда.

Пятница, дрожа всем телом, без всякого сопротивления вынул тетрадь и передал уполномоченному.

– Вы же всех переписали, – с трудом произнес он. – Понимаете?

Юдин сел у стола, развернул тетрадь и сказал:

– Да... Мы с вами чоновцев пропустили.

– Та я... та мы... – стуча зубами от страха, промычал Пятница.

– Ну, расскажите, как вы хотели разделаться лучшими людьми станицы? – приподнял Атарбеков на него свирепые глаза.

– Да... да я ж хотел помогти, – заикаясь, лепетал Пятница.

– Кому?

– Да... вот им, – арестованный указал на Юдина.

– Так это же наш человек! – повысил голос Атарбеков.

– Ой боже ж мой! – снова закричал Пятница и со стоном повалился на пол.

XXVII

Во второй половине ночи в ревком начали пригонять схваченных заговорщиков, сносить отобранное у них оружие и боеприпасы.

Все кварталы были оцеплены чоновским отрядом и комсомольцами. Запретили выезжать из станицы, даже не разрешали ходить по улицам.

В открытых воротах показалась группа бойцов во главе с Гуней, проводили арестованных к

подвалу, сдали часовому. К ним подошел Корягин.

– Ну как, Харитонович? – спросил он у Гуни.

– Привел последних, Петр Владиславович, – доложил тот, вытирая рукавом рубашки потное лицо.

– А оружие.

– Даже больше, чем по списку.

На улице показалась еще группа чоновцев. За ними следовали комсомольцы с арестованными.

Перед председателем остановился Вьюн.

– Случаев особенных не было? – спросил Корягин.

– Все в порядке, – звонко выкрикнул Вьюн.

К Корягину пришла Фекла Белозерова с женщинами.

– Куда прикажете оружие снести?

Корягин указал на крыльцо:

– К дежурному.

Белозерова махнула рукой женщинам, и те с винтовками, обрезам, ящиками с боеприпасами направились в дверь.

Из густой тени, падавшей от ревкомовского здания и высоких карагачей, вынырнул Виктор Левицкий.

– Я ранил одного, Петр Владиславович, – произнес он взволнованно. – Пытался уйти.

– Сильно?

– Нет.

– Где он?

– Ребята повели к подвалу.

– А оружие как? – спросил Корягин.

– У Вакулы нашли кольт. – Бойцы поставили пулемет на землю. Виктор указал на него: – Вот...

С лентами.

– Откуда он его взял? – изумился Корягин.

– Выяснится... – протянул Соловьев.

На крыльце показалась Клава Белозерова, сказала Корягину и Соловьеву, что их зовут в кабинет. Те явились к Атарбекову.

Гаврила и Леонид ввели в кабинет Вакулу, указали на стул. Арестованный не спеша сел, потупил голову.

– Вот мы с вами снова повстречались, – глядя ему в лицо, приступил Атарбеков к допросу. – Расскажите, где вы взяли пулемет?

– Это нам посылают англичане и американцы, – не задумываясь, глухо ответил Вакула.

– Каким образом?

– Не знаю.

– А как к вам попал?

Вакула помялся, но потом, видя, что не утаить ему секрета, сказал, что им все это оружие доставляли на коши, а оттуда они уже перебрасывали домой в арбах с пшеницей.

Жебрак озадаченно посмотрел на Юдина.

– А кто вам на кош привез этот пулемет? – продолжал Атарбеков.

– Не знаю я того человека, – пробормотал Вакула. – Привез он ночью и уехал.

– А вы с пулеметом умеете обращаться?

– Как же... Я вам говорил на том допросе, – напомнил Вакула, – что служил в Кубанском казачьем корпусе пулеметчиком.

– А кто еще в станице находится в вашей шайке кроме тех, что сидят с вами в подвале?

– Это мне неизвестно.

– А кому же ведомо?

Вакула медлил.

– Руководил кто вами? – повысил голос Атарбеков.

– Мы имели дело с Катричем, а с кем он был связан, я не знаю.

– Приведите сюда Катрича, – приказал Атарбеков.

Корягин окликнул дежурного, и через минуту арестованного ввели в кабинет.

– Садитесь, – Атарбеков указал на стул.

Катрич сел против Вакулы.

– Объясните нам, кто руководил вашей бандой в станице? – обратился к нему Атарбеков.

– Да кто ж, – скороговоркой произнес Катрич и хрустнул пальцами. – Все эти люди со мной имели дело.

– А вы с кем?

– Я подчинялся Матяшу, – ответил Катрич.

– А где сейчас Матяш?

– У Крыжановского.

– А оружие откуда вы получали? – глядел на него в упор Атарбеков.

– Оружие? – Катрич бросил испытующий взгляд на Вакулу. – Посылал нам Хвостиков...

На рассвете арестованных построили в колонну и под конвоем отправили в Кавказскую.

* * *

Гусочка повстречался с отцом Валерьяном. Запахнувшись в широкие полы черной рясы, поп скорбно промолвил:

– Ох, не соблюли мы своей сокровенности! Все воинство наше попало им в руки. Душа моя чуяла.

– Это ничего, батюшка, на войне не без убитого, – храбрился Гусочка.

– Эх, Иван Герасимович! – безнадежно махнул рукой поп. – Живем мы все во зле и всегда мучаемся, всюду встречаем только одни неприятности. Недаром святой апостол Павел с горестью сказал: «Делать добро, которое люблю, нет во мне, а зло, которое ненавижу, делаю». Так и у нас получается. Хорошо, если отсидимся и дождемся подкрепления от Игната Власьевича.

– Ну, чего вы всполошились, батюшка? – сказал Гусочка. – Сами же говорили, что помни бога и в радости и в печали и он не оставит. Мериканцы не сегодня-завтра придут нам на помощь.

– Э, Иван Герасимович, жди у моря погоды...

– Но как все это вышло, батюшка? – недоумевал Гусочка. – Откуда такое лихо на нас свалилось?

– Да, странное и дивное явление! – сокрушался поп. – Ничего не разумею. Совсем ничего, Иван Герасимович. Даже точно об оружии и боеприпасах знали.

– А как мы уцелели? – лепетал Гусочка. – Мабуть, хранила нас мать божия. Ничего вам об этом не ведомо, батюшка?

– Нет, брат мой! – ответил поп и, перекрестясь, пробормотал: – Но к Игнату Власьевичу и Федоту Давидовичу не приходили. Хотя наших людей не всех арестовали. Многих пока не трогают. Видимо, каким-то образом распространили мы свою тайну. Того и гляди, за нами придут.

– А вы свой пулемет хорошо спрятали?

– В алтаре под жертвенником стоит.

Гусочка сбил на затылок треух, со вздохом заметил:

– Не предполагали мы...

– Человек предполагает, а бог располагает, – сокрушенно промолвил поп и, помедлив, посоветовал: – Ты бы как-нибудь расспросил у Калиты: может, он знает, из каких источников дознался ревком о нашей тайне.

– Нет, батюшка! – возразил Гусочка. – Хоть неизвестность и томит человека, но я этого не буду делать. Калита ить мой первостный злодей, супостат. Немедля донесет в ревком.

– Да, дела неважные, – промычал поп.

– Не падайте духом, батюшка, – подбадривал его Гусочка. – Мы теперички будем умнее. – Он расстался с попом и, направляясь домой, увидел на улице Лаврентия Левицкого, шедшего ему навстречу, спросил: – Видкиля путь держишь?

– По делам ходил, – ответил Лаврентий, пожимая ему руку.

Гусочка озирнулся кругом, шепнул:

– Вот какие дела зачались у нас в станице, Лавруха. Банда организовалась. Слыхал?

– А ты небось ничего про нее и не знал? – лукаво подмигнул Лаврентий и повел рукою по острым усам.

– Ты это здря, Лавруха! Чи шутить надумал?

– А ты разве не знаешь, куда Игнат Власьевич и Федот Давидович подались?
– Господи сусе! – взмолился Гусочка. – Откель бы мне знать?
Лаврентий поморщился, бросил:
– Ты мне куплеты не рассказывай! Они боялись, чтобы их не зацаудили. Нюх у них тонкий.
– Мовет быть, и так, – лукавил Гусочка, – но мне об етом неизвестно. Вот крест и святая икона!
– Как?
– Не веришь. А напрасно.
– Так... – задумчиво протянул Лаврентий. – Неприятная стория. Снова заваруха начинается.
– А какого ты мнения, Лавруха? – осторожно спросил Гусочка. – Мне сдается, что их забрали не зря.
– Как сказать...

* * *

Держась за руки, Соня и Клава направились по улице. Повернув за угол, они неожиданно увидели женщину с распущенными волосами, одетую в изорванное черное платье. Соня побледнела, замедлила шаг. Женщина шла у забора и весело распевала:

Сухота ты моя,
Де ты набралася?
Ой, красота ты моя,
Де ты дивалася?
Чи на том бережку,
Моя, умывалася,
Ой, чи тым рушничком,
Моя, утиралася?
Чи в те зеркальце,
Моя, выдывлялася?
Ой, чи с тым милым,
Моя, распрощалася?
Ой, дайте мени доктора,
Доктора самоглавного,
Пусть он разриже мою грудь,
Грудь мою белую,
И узнае у мене,
Що на моем сердце есть.²⁶⁹

Она замолкла и как ни в чем не бывало, с таким же веселым выражением на измученном лице продолжала идти по тротуару. Соня прижалась к подруге, застыла. Женщина вышла на пыльную дорогу, дико улыбнулась и, ворочая черными глазами, продолжала:

Ой, на моем сердце
Кровь запеченная!..

Остановясь перед девушками, она отвесила им низкий поклон и, хохоча и захлебываясь, сказала:

– Здравствуйте, девоньки! Вы не узнаете Мавру? Ха-ха-ха! Вот дуры! У меня отняли сыночка шлюхи монастырские! – Махнув рукой, она снова залилась истерическим смехом, добавила: – Да вы этого не знаете!

---

²⁶⁹ Грусть ты моя, откуда ты взялась? Ой, красота ты моя, куда ты подевалася? Или на том бережку, моя, умывалася, ой, или тем полотенцем, моя вытиралася? Или в то зеркальце, моя, всматривалася? Ой, или с тем милым, моя, распрощалася? Ой, дайте мне доктора, доктора наиглавнейшего, пусть он разрежет мою грудь, грудь мою белую, и узнает у меня, что на моем сердце есть. – *прим. Гриня*

– Сумасшедшая! – прошептала Клава.

Мавра поклонилась еще нескольким женщинам и опять запела ту же самую песню.

XXVIII

Вечерело. У двора Левицких собралась казачья молодежь. На колоде под забором сидел Наумыч, облепленный ребятишками. Прижимая к себе восседающих на коленях малолеток, он тихо рассказывал:

– Зараз буржуйский режим трещит по всем швам, сползает в болото. И тут на помощь ему явился «хвостик» – сухой хворостик, начал пакостить. Но на шкуре эти господа не удержались, а на хвосте и вовсе не удержатся. – Он легонько столкнул малышкой с коленей, откашлялся и, выбивая о деревянную ногу пепел из люльки, продолжал: – Нет! Не повернуть теперь генералам матушку-Русь назад.

Ребятишки снова залезли ему на колени, заглядывая в глаза. Наумыч опять приласкал их, покосился на подошедших Оксану и Галину и взял люльку в зубы. Пламя зажженной спички озарило его бороду, сосредоточенное лицо.

– Эх, дети мои! – произнес он глухим голосом. – Вот я вам про старину нашей станицы...

– Расскажите, дедуня! – точно галчата закричали детишки.

– Про бабушку Марьяну, дедунюшка! – попросил кто-то из подростков.

Парни и девушки еще плотнее сомкнулись вокруг деда, затихли.

– Дедушку своего я не помню, – снова зазвучал голос старика в вечернем теплом воздухе. – Зато когда жил его приятель Кальченко, так тот много нам рассказывал про старину нашей станицы. – Он затих на минуту и, приголубивая малышкой, продолжал: – Дед мой, Антон Иванович, пришел на Кубань из Запорожья со своими друзьями: Усом, Шаповалом та Воликом и поселился в Краснодольском курене. Занимали они тогда не дворы, как сейчас, а целые левады²⁷⁰. Вокруг нашего куреня росли терны непроходимые, были степи с такими высокими травами, что в сенокосную пору, когда казак выезжал на курган, чтобы оттуда поудобней разглядеть лучший сенокос, перед его очами степь одинаково волновалась. А когда съезжал с кургана, опускался в зеленые волны буйной степной растительности, то издали были видны только его туловище да голова лошади. Вот наша станица и носит теперь название красной долины, иначе сказать – долины степных цветов. – Наумыч вновь спихнул малышкой с коленей, но тут же и привлек их к себе, и голос его по-прежнему зазвучал в тишине: – На курганах, что близ Гусиной плавни, нашими дедами были выстроены сторожевые вышки, с которых казаки вели наблюдения за набегами. Когда же померли первые станичные сотники Калра и Лезница, их похоронили на этих курганах – с тех пор курганы носят их имена.

Оксана и Галина, только что освободившись от тяжелой работы на молотильных токах, обнявшись друг с дружкой, внимательно, как и вся молодежь, слушали деда, рассказывавшего про старину, и им казалось, что они продолжали трудиться в сказочной кубанской степи, бродили по сенокосному лугу, собирали душистые цветы, плели венки, и от этого на душе у них было легко и свободно.

Посасывая люльку, Наумыч пристально посмотрел на парней и девушек, которые слушали его с глубоким вниманием, скрипуче продолжал:

– А волков столько водилось в тернах, как собак в станице! Зимой, бывало, дедушка уйдет на бекет²⁷¹, а бабушка возьмет пистолю да вылезет через дымарь²⁷² на крышу, сядет верхом на гребень²⁷³, из пистолы стреляет и кричит на волков: «Гай, гай!» Тут нередко встречались и дикие

---

²⁷⁰ **Левада** – близ дома участок земли с сенокосным лугом, огородом, садом и т. п.

²⁷¹ **Бекет** – пикет (здесь – сторожевой пост – прим. Гриня).

²⁷² **Дымарь** – здесь – Не имеющая заслонки высокая и широкая дымовая труба северо-кавказского жилища, сплетенная из прутьев и обмазанная глиной; внутри пересекается перекладиной с цепью для подвески котла. – прим. Гриня

²⁷³ **Гребень** – здесь – Продольное бревно на верхнем ребре крыши. – прим. Гриня

лошади, тарпаны. Их казаки ловили арканами.

Девушка взяла Оксану под руку, отвела в сторону и, с опаской оглядываясь назад, чтобы никто не подслушал, сообщила ей о приезде Андрея Матяша.

– Сказал, будет ждать в саду, – предупредила она и тотчас зашагала по дорожке у замшелых плетней.

Оксана подбежала к деду.

– Дедунюшка, пустите меня к своим, – попросилась она, подбирая прядь волос под беленький платок.

– А что там? – поднял дед на нее глаза.

– Да... дело у меня.

– Спросись у Витьки. Он, кажись, пришел уже.

– Не пришел, дедунюшка, – умоляла Оксана.

– Да мне-то все равно, иди, – махнул рукой Наумыч.

– Я быстренько! – сказала Оксана и пустилась по дороге.

Свернув за угол, она ускорила шаг и, казалось, не чувствуя ног под собой, полетела точно на крыльях, осторожно пробралась в отцовский сад, увидела Андрея в тени под ветвистой яблоней, кинулась ему на шею. Он прижал ее к себе, заглянул в пылающее лицо, поцеловал в губы.

Сели на заветную скамейку, молчали. Казалось, не находили слов для разговора. Наконец, Оксана прильнула к нему, прошептала:

– Ой, как ты не боишься, Андрюша! Тут же могут схватить тебя.

– Волков бояться – в лес не ходить, – самоуверенно заявил Андрей. – Вот скоро уже и твой батько с Крыжановским нагрянут сюда. Проучат Корягина и Жебрака за тех, кого они арестовали.

– Ой, Андрюша! – дрожа всем телом, промолвила Оксана. – Гнедая лошадь с волком тягалась: один хвост да грива осталась.

– Еще бабушка надвое сказала, – пробормотал Андрей.

– Ты надолго? – спросила Оксана.

– Как роса упадет, так и след пропадет, – ответил Андрей и, помолчав, глухо выдавил: – Так ты замуж вышла?

– Меня выдали! – потупив голову, попыталась оправдываться Оксана. – Папаня настояли.

– Если бы не захотела, то не выдали, – проговорил Андрей осуждающе. – С большевиком, значит, живешь?

– Андрюша, все будет зависеть от того, как сложатся дела. Если бы спихнуть большевиков.

– Так-то и спихнешь, – проворчал Андрей. – Не так все просто.

– Но я с Виктором жить не буду. – Оксана снова повисла у Андрея на шее, простонала: – Милый, ты для меня дороже всех на свете! Я и сейчас ушла бы с тобой.

– А я думал, что ты уже разлюбила меня.

– Тебя, Андрюша? – прошептала Оксана. – Никогда!

– Любушка ты моя ненаглядная! – чуть ли не в голос вскрикнул Андрей, обнял и взял на руки...

* * *

Дарья в отчаянии металась по комнате и, не находя себе покоя, останавливалась, прислушивалась к шороху за окном, с нетерпением ждала мужа. Хотелось поговорить о молотье хлеба, рассказать ему о своем горе. Но он не приходил. Лампа горела слабым светом. В комнате было полутемно. Дарья припала к окну, выходившему во двор, казалось, вся превратилась в слух. Нигде ни звука. Заглянула в спальню, посмотрела на мужнину черкеску, висевшую на рожке. Слезы навернулись на глаза. Зашла в кухню, и сердце забилося с такой силой, что готово было вырваться из груди.

Время тянулось медленно, и от этого становилось совсем мутно, усиливалась мучительная тревога.

Но вот скрипнула дверь, и на пороге появился муж. Дарья вздрогнула, взглянула на него заплаканными глазами. Молчала. Он шагнул в спальню, надел черкеску и, войдя в зал, пробормотал:

– Я ухожу.

– Что же ты не посоветуешь мне, что делать с хлебом, – чуть ли не со слезами проговорила Дарья и не смогла сдержать себя: отвернулась и навзрыд заплакала.

– Молоти как-нибудь, – держась за дверную скобку, ответил Андрей. – Мы скоро будем в станице. Прощевай, мне нельзя задерживаться.

Дарья прислонилась к столу и, скрестив на груди руки, окаменела.

* * *

Виктор Левицкий вернулся из ревкома, зажег лампу и стал поджидать жену. Из великой хаты доносился тихий говор матери и отца. Наумыч уже спал.

Оксана на цыпочках прошла в свою комнату и, обняв мужа, поцеловала в щеку.

– Где ты была до этого времени? – спросил Виктор.

– У мамани, – грустно посмотрела Оксана ему в глаза. – Заболели они. Папа до сих пор не приехал...

Виктор пристально посмотрел на нее.

Оксана приготовила постель. Виктор заметил у нее на черной юбке сенную труху, заботливо смахнул ее.

– Что это? – смутилась Оксана.

– Да... ничего особенного, – сказал Виктор. – Сено, должно быть, из база.

Оксану словно варом обдало, и она, чувствуя, как от стыда загорелись у нее лицо и уши, поторопилась погасить свет.

* * *

Дарья всю ночь проплакала. Рано утром выгнала в стадо коров, запрягла в арбу лошадей и уехала за пшеницей. Сердце ныло, обливалось кровью. Слезы то и дело подступали к горлу. Но вместо того чтобы заплакать, она запела надрывным голосом:

Сухота ты моя,
Де ты набралася?

Замолкла, оглянулась вокруг, тронула лошадей вожжами. Арба громко затарахтела.

На поле нагрузила пшеницу, обняла лошадь за голову. Причитая, залилась горькими слезами.

Наплакавшись, она окинула глазами безлюдное поле, вдали синееющий лес, взобралась на арбу и выехала на дорогу. Свежий ветерок осушал ее мокрое лицо.

Дома принялась за разгрузку. На скирде никого не было. Тяжелая пшеница ползла вниз. Глаза заливало потом. Лицо от сильной жары покраснело. Лошади ели в корыте полову. Воробьи сыпанули с крыши конюшни, сели на заборе, воровато поглядывая на Дарью.

Наконец был сброшен последний навильник²⁷⁴. Дарья остановилась посреди двора с ведром в руке, окинула бессмысленным взглядом постройку, тупо глядевшие на нее раскрытыми дверями, поправила на голове платок.

Вошла в дом. Комнаты пустовали. Стало совсем невмоготу. Тревожные думы разрывали сердце. Она хотела хоть на минуту забыть обо всем, но для этого у нее не было силы. Дарья взглянула в зеркало. Лицо было измученным, страшным. Она села на стул, и жгучие слезы снова потекли по исхудалым щекам.

Дарья упала на кровать, принялась голосить. Рыдания глухо прорывались сквозь толщу подушки, которую она сжимала в объятиях. Умолкла, села...

---

²⁷⁴ **Навильник** – большие вилы с широко разведенными в стороны зубьями; охапка сена, соломы и т. п., поддетая на вилы. – прим. Гриня

* * *

Раскаленное солнце висело в зените, заливало станицу знойными лучами. Невыносимая духота сковывала людей. Повсюду стояла полная глухота: не слышно было ни гула молотильных барабанов, ни ржания лошадей. Птицы и собаки забились в тени, тяжело дышали.

Дарья уехала в степь, нагрузила арбу пшеницей, направилась домой. Лошади, отбиваясь хвостами от мух и слепней, помахивали головами, лениво тащились по мягкой лесной дороге. Нависшие ветки цеплялись, царапали Дарью, но она ничего не слышала.

На минуту придержала лошадей, поднялась на ноги, повела вокруг воспаленными глазами. Река бешено гнала свои мутные воды, злобно бушевала бурунами, лизала песчаные берега, пенилась...

Часовой, стоя у парапета, разинул рот, взглянул на нее и наконец, махнув винтовкой, закричал: – Эй, ты!.. Сейчас же проваливай с моста!

Но Дарья, не обращая на него внимания, трижды перекрестилась на восток, еще раз окинула диким взглядом родную станицу, лес, крутые берега реки... Закрыла лицо руками и бросилась в пучину. Подхваченная быстринной, она вынырнула на западной стороне моста, потом навсегда скрылась в изжелта-бурых волнах.

Часовой растерялся, в горячах сделал три выстрела в воздух. Из развалины хаты, стоявшей у обрыва Кубани, выбежал его напарник, приложил ладони ко рту:

– Что случилось?

– Дарья Матяшова кинулась в Кубань! – ответил чоновец с левого берега.

Между тем лошади поплелись по дороге.

– Микита! – опять раздался голос того же чоновца.

– Чего ты?

– Беги в ревком и сообщи.

Но в это время из улицы выехало человек двадцать верховых, галопом пустились к мосту...

* * *

Дарью сняли с подводы, внесли в дом и положили в зале на деревянном диване. Глаза у нее были закрыты, лицо и губы вспухли, посинели.

Девушки сделали высокую постель на столе и, перенеся на нее утопленницу, убрали живыми цветами.

– Эх, вот она, господня воля – наша доля! – опираясь на суковатую палку, прослезилась дряхлая старушонка, посмотрела на обезображенное кончиною лицо покойницы. – Испила, бедная головушка, немало горя.

Поутру заново собрался народ в доме Матяша, приехали из хутора и родители, оплакали дочь.

Покойницу положили в гроб, заколотили крышку гвоздями и по христианскому обычаю, как и всех умерших не своей смертью, снесли не на кладбище²⁷⁵, а в сад и там похоронили под ветвистой яблоней.

---

²⁷⁵ На православных (церковных) кладбищах не хоронили: убитых, умерших от несчастного случая или в дороге; самоубийц; утопленников; артистов; иноверцев; разбойников, воров, казнённых; некрещённых младенцев, выкидыши. – прим. Гриня

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Жебрак въехал во двор коммуны, слез с коня и привязал его к железной садовой ограде. Подбежала Аминет и, ласково улыбаясь большими глазами, спросила:

– Вам Павла Федотовича?

– Да, – ответил Жебрак.

– Он в кузнице, – указала девушка.

Жебрак закурил папиросу, направился к Доронину. Из-за плотницкой вынырнула ватага ребятишек. Обгоняя друг друга, они промчались к двухэтажному дому, околесили его, сбежали вниз по лестнице и пустились по аллее сада. Жебрак проследил за ними и в распахнутой черной от дыма двери мастерской увидел Доронина, ворочавшего клещами раскаленное железо в горне. Тут же стоял и Иван Градов с тяжелой кувалдой на плече.

– Вот тебе и председатель! – растягивая слова, воскликнул Жебрак. – На все руки мастер.

Доронин вынул из горна железо, положил на наковальню. Градов, немного наклонясь, ударил по нему кувалдой. Во все стороны брызнули шипящие искры. Жебрак, закрываясь от них руками, спрятался за дверь. Кузнецы согласованно застучали, чередуя сильные удары кувалды со слабым постукиванием молотка.²⁷⁶

– Ловко орудуешь! – выходя из-за двери, любовался Жебрак председателем коммуны.

– Этим ремеслом я давно занимаюсь, – проговорил Доронин, сунул железо в раскаленные угли, вытер грязный пот на лице.

– Почему молотилка не работает? – подавая ему руку, поинтересовался Жебрак.

– Маленькая поломка произошла, – ответил Доронин, – так я занялся ремонтом.

– Какая?

– Подтяжной болт лопнул в деке.

– Много еще молотить?

– Осталось три скирды. На этой неделе закончим.

Жебрак отвел Доронина в сторону, сказал:

– Дело такое, Павел. Нам угрожает Хвостиков.

– Где он?

– Сегодня ночью занял Курганную и Кошехабль. Ты поспеши с молотьюбой.

Из кузницы выглянул Градов.

– Железо горит!

Доронин побежал к горну. Вынув раскаленный болт, отряхнул с него пылающий кокс, начал обрабатывать. Пахло нефтью, угольным дымом.

Деталь наконец была готова. Доронин бросил ее на землю, снял с себя фартук и, повесив его на гвоздь, забитый в стену, возвратился к Жебраку, спросил:

– Что на днях произошло в Армавире?

– Там раскрыли крупную банду, связанную с Хвостиковым, – сказал Жебрак. – Прокурор Трусов руководил ею.

Доронин задумчиво протянул:

---

²⁷⁶ Кусок металла, нагретый до ковочной температуры в горне или в небольшой печи, кузнец кладет на наковальню и держит его клещами, находящимися в левой руке. Молотобоец ударяет кувалдой по нагретому куску металла в том месте, которое указывает ему кузнец легким ударом ручного молотка, находящегося в правой руке. (Г. Г. Каменщиков, Кузнечное производство, 1959 г) – прим. Гриня

– Значит, кругом контрреволюция действует.

– Сейчас командование 9-й Красной армии принимает все меры к отражению Хвостикова. – Жебрак швырнул в сторону окурки. – Нам надо быть готовыми ко всему. Стариков и детишек придется заблаговременно эвакуировать.

– Левандовский уже вступил в свои обязанности? – спросил Доронин.

– Да, – кивнул Жебрак. – В прошлое воскресенье.

Вдали, у плотницкой, коммунары получали мебель, изготовленную столярами. Слышались оживленные голоса. Со скотного двора неслась задорная песня, таяла в зеленом саду и на крутых берегах Кубани, густо поросших косматыми вербами.

Из флигеля, пристроенного к небольшому домику, вышел Юдин, повстречался с Жебраком и Дорониным, они втроем направились в беседку сада.

Жебрак рассказал о наступлении Хвостикова и тут же прибавил:

– Еще вот какой вопрос. Вчера мы получили разнарядку комфронта. Надо послать на курсы медицинских сестер двух девушек. У нас уже есть одна...

В садовой калитке показался Градов с болтом в руке. Доронин встал и, обратясь к Жебраку, поспешно сказал:

– Мы об этом еще потолкуем, Николай Николаевич Я скоро приду, а то меня ждут.

И он вместе с Градовым направился на скотный двор к молотилке. Жебрак и Юдин остались в беседке.

– Девятнадцатого июля наши войска заняли Гродно и форсировали Неман, – продолжал секретарь. – Но на врангелевском фронте дела пока у нас неважные.

Они поднялись и не спеша зашагали по аллее.

– Видимо, в связи с этим и Хвостиков активизировал свои действия, – заметил Юдин.

– И тем не менее между Польшей и нашим правительством начались мирные переговоры, – подчеркнул Жебрак.

– Да, вчерашняя «Правда» сообщила об этом, – подтвердил Юдин.

Раздался свисток. Запыхтел паровик, и спустя некоторое время со скотного двора донесся гул молотилки, прерываемый рявканьем при подаче пшеницы в барабан.

Навстречу собеседникам вышли из ближней аллеи Доронин и Батракова.

– Николай Николаевич, – заговорил председатель коммуны, – я сейчас толковал с Леонтьевной: мы думаем послать на эти курсы Аминет.

– Она с охотой поедет, – протянула Батракова.

– Что ж, эта девушка подходит, – согласился Жебрак. – Пошлем ее. Только с ней нужно побеседовать.

– Я пригласил ее к себе, – сказал Доронин.

В просторном кабинете с зеркальными стенами он поднял штору на окне, и косые лучи солнца полосой упали на паркет. Жебрак уселся на диване.

Явилась Аминет. Доронин поднял на нее глаза:

– Аня, ты хочешь учиться?

– Хочу! – воскликнула девушка. – Очень!

– На курсах медсестер в Екатеринодаре, – пояснил Жебрак.

– Ой! Я давно мечтала.

– Правда, с грамотой у нее неважно, – заметила Батракова, – но это ничего, писать и читать умеет – остальному там научат.

– Главное – пролетарская биография, – подчеркнул Доронин.

– Послезавтра к десяти часам утра приедешь к нам в ревком, – сказал Жебрак, ласково глядя в лицо девушки. – Да захвати с собой немного продуктов.

– Хорошо.

Аминет выскользнула из кабинета, сбежала вниз и во все лопатки пустилась к молотилке. Отыскав Гаврилу, она схватила его за руку, радостно вскричала:

- Учиться еду, на курсы медсестер!
- Да ну? – удивился Гаврила.

II

Виктор Левицкий никак не мог уснуть. Лезли всякие мысли, тревожили, не давали покоя. Отец тоже, заложив руки под голову, лежал с открытыми глазами, глядел в темноту.

Черное окно иногда озарялось каким-то загадочным слабым светом: не то зарницами, не то отблеском орудийных выстрелов. Лаврентий глядел на него и, когда оно явно мигало, вставал с постели, натягивал на ноги шерстяные носки, подходил к окну и, всматриваясь в темноту, прислушивался. Чуть-чуть дребезжали стекла, и точно из-под земли слышался далекий непонятный гул.

«Неужели Хвостиков? – с каким-то нехорошим предчувствием думал он. И потом долго сидел у раскрытого окна. Сердце его замирало, казалось, останавливалось. Он терялся в рассуждениях, говорил про себя: – Явится, катюга, что тогда будет? Погибла моя семья. Нет, нужно пока держаться Бородули и Молчуна, а там видно будет».

С этими мыслями Лаврентий опять лег в постель и закрыл глаза.
Оксана обняла Виктора, шепнула:

– Перед закатом солнца небо будто бы чистое было, а зараз блискавка²⁷⁷ и, сдается, гром гремит. Чи не Хвостиков?

– Да я-то почем знаю? – буркнул Виктор.

– А если придут белые? – спросила Оксана. – Ты не боишься?

Виктору не хотелось об этом говорить, и он молчал, но Оксана еще плотнее прижалась к нему, с дрожью в голосе продолжала:

– Не молчи, Витенька! Скажи, что ты думаешь.

– Хвостиков к нам не придет, – ответил Виктор. – Красная Армия с ним скоро разделается.

– Ты так думаешь?

– Все такого мнения.

– А если придет? Ты уйдешь из ЧОНа?

– Нет.

– А нам что тогда делать?

– Тебе бояться нечего.

Оксана обмякла и отодвинулась от него.

* * *

Лаврентий проснулся перед самым рассветом, разбудил Виктора и Оксану, вышел на ток, к вороху невеяной пшеницы.

В небе догорала последняя звезда. С востока поднималась уже алая заря, разбегались по горизонту барашковые облака, окаймлялись золотом утреннего солнца, но из-за Кубани все еще повевало ночной сыростью. С севера на юг летели с полей запоздалые косяки диких уток.

На пороге сеней показался Виктор, а за ним и Оксана, направились на ток, где отец с дедушкой приготавливали место для веялки. Мать выгоняла из база в стадо коров и телку.

Принялись веять зерно.

Во время отдыха Лаврентий присел на мешки с пшеницей, спросил у сына, слышал ли он ночью орудийный гул.

– Слышал, – ответил Виктор.

– Все же напрасно ты записался в ЧОН, – после продолжительного молчания нерешительно сказал отец.

Виктор раздраженно бросил:

– Хватит!

Лаврентий насуровился и, стреляя то на невестку, то на сына колючими зрачками из-под сдвинутых бровей, проворчал:

– А ежели Хвостиков явится? Мы-то с тобой можем и отступить, а с матерью и дедушкой что будет? Ты над этим поразмыслил?

Виктор оперся локтем на упругий мешок и, положив голову на руки, задумался.

– Что другим, то и нам, – наконец пробормотал он.

– Упреждаю тебя, Виктор, – пригрозил ему отец. – Брось шутки шутить с огнем.

– Опять прилип, как репей! – выгребая пшеницу из-под решета, метнул Наумыч недобрый взгляд на сына. – Поедом ешь парня!

Лаврентий с недовольством прекратил разговор.

В завтрак, пока жена и мать собирали на стол в прохладной тени акации, росшей около хаты, Виктор уединился в сад. В прозрачном утреннем воздухе пахли цветы и спелые фрукты, жужжали пчелы, шмели...

Мать уже несколько раз звала сына к столу, однако он, погружаясь в тягостные думы, продолжал расхаживать взад и вперед по аллее. Его также сильно волновало приближение Хвостикова к станице, и он не меньше отца боялся за судьбу матери и дедушки, но менять своего решения не собирался. Мать задержалась у садовой калитки.

- Ты сегодня думаешь снидать²⁷⁸? Работа ж стоит!
– Идите, я сейчас.

III

С Кубани тянуло свежим, ободряющим ветерком. У Белозеровой на завалинке сидела Батракова с женщинами, беседовала о фронтовых событиях.

– Вы, конечно, все слышали о зверствах, которые творят Хвостиков и Крыжановский в занятых ими районах, – говорила она. – В сегодняшней газете пишут о героической защите казьминцами своего селения от банды этих генералов.

Женщины притихли. Им хорошо было известно, что Хвостиков и Крыжановский наводили страх и ужас на жителей тех мест, к которым они приближались со своими бандами. И каждая из слушательниц ясно теперь сознавала, что, возможно, и над их станицей разразится гроза, снова польется кровь, встанут виселицы.

Батракова отыскала статью в «Красном знамени» и, взглянув на притихших женщин, прочла:

Вперед за казьминцами!

Суровый голос ее прервался, затих на мгновение, как бы собираясь с силой, потом уже более отчетливо прорезал тишину:

В боях под Казьминкой трудовое крестьянство этого селения на деле доказало свою преданность Советской власти. Едва лишь банды генерала Хвостикова решили прорваться в Казьминское, как немедленно всколыхнулось все трудовое население хутора решившее выступить на подмогу Красной Армии.

Женщины, прижимаясь друг к другу, внимательно слушали агитаторшу, жадно ловили каждое ее слово. Батракова продолжала читать:

Жители вооружились винтовками, дробовиками, а кто и просто вилами. Не прошло и полчаса, как на всех улицах были построены баррикады и появились всевозможные заграждения из борон, плугов, возов...

– Так это ж он, зверюга, – не умолчала Белозерова, – этот последний хвост буржуазного класса, с Лысой горы, что под Передовой, рассказывали люди, бросал в пропасть пленных красноармейцев и всех жителей, кто сопротивлялся ему. А тех, кто спасался от него в церкви, вытаскивал наружу, издевался над ними, расстреливал, а многим отрезал пилой головы.

– Какой людоед! – вздохнула женщина в черном подшальке.

– Супротив него всем нужно выступать, бабы! – негодовала Белозерова. – Помогать надо и ревкому, и Красной Армии.

Батракова оправила на коленях юбку, закончила чтение:

Примеру казьминцев, конечно, не замедлят последовать и другие станицы, дабы окончательно добить разбойничьи банды, мешающие спокойно приступить к мирному труду. Трудовое казачество! Вперед за казьминцами!

Снова поднялся шум. Все высказывали свое возмущение, злобу по поводу тирании черносотенных генералов.

– А теперь я спрошу вас, – обратилась Батракова к женщинам. – Скажите, кого защищают Хвостиков и Крыжановский?

– Уж известно! – раздались дружные голоса. – Старые порядки, царя да помещиков.

Гусочка сидел на крыльце в вольтеровском кресле за небольшим столиком, пил с женой чай и, поглядывая через плетень во двор соседки, осторожно прислушивался к беседе. На землисто-сером

---

²⁷⁸ Снидать (снедать) – принимать пищу; есть (от снеть – еда). – прим. Гриня

лице грелась у него ехидная улыбка, а зеленоватые глаза, глубоко сидящие в провалинах²⁷⁹, бегали, как у затравленного хорька, останавливаясь то на Василисе, которая, ничем не интересуясь, важно сёрбала²⁸⁰ чай с блюдечка, то на женщинах, беседовавших под хатой Белозеровой. Услышав слово «царь», Гусочка вдруг хищно ощерился и, с досадой пощипывая рыжую бороденку, пробурчал себе пол нос:

– Ач, как царя честят, супостаты! Когда был царек так был и сахарёк, а теперички – ни царька, ни сахарька! Добре хоть медок выручает.

Василиса неодобрительно взглянула на него, налила из самовара в стакан кипятку. Гусочка спросил:

– Ты чего это бровя на меня хмуришь?

– Обуздывай язык, тихо-мирно поживешь, – посоветовала Василиса. – А то он у тебя, как помело: что знает, все скажет, и чего не знает, и то скажет.

– Это ты уж не брешь! – возразил Гусочка.

На перелазе²⁸¹ показался Яков Калита. Проходя мимо крыльца, на котором восседал сосед со своей половиной, поздоровался с ними, пересек двор и, склоняясь на плетень, стал слушать Батракову.

– Мы должны выявлять белых, – говорила она, – всех врагов Советской власти.

Она сложила газету, и беседа приняла более оживленный характер.

* * *

К Виктору Левицкому, заступившему на дежурство в ревкоме, по ступенькам парадного поднялась Клава Белозерова, спросила:

– Петр Владиславович у себя?

– Да, – ответил Виктор.

Клава прислушалась у двери, вошла в кабинет.

– Петр Владиславович, – зашепила девушка, – у Гусочки хлеб схоронен в яме. Только что женщины сообщили моей матери.

– Хорошо, – сказал Корягин. – Сейчас к нему придут.

Через полчаса Виктор с чоновцами явился к Гусочке. Из дома выглянула Василиса.

– Где ваш хозяин? – обратился к ней Виктор.

– Куда-то ушел, – ответила Василиса.

– Почему хлеб не молотите и не рассчитываетесь с государством? – спросил Виктор, подходя к крыльцу.

– А я почем знаю! – сердито бросила Василиса. – С него и требуйте.

– Постой трошки, Васька, – сказала Фекла Белозерова. – Не горячись. Я давно говорила вам, чтобы вывезли хлеб на ссыпку. Теперь мы ждать не будем! Сегодня притянем к вам молотилку и начнем молотьбу.

Василиса пожала плечами.

– Дело ваше. Я тут пришей-пристегни.

Чоновцы, сопровождаемые хриплым лаем Дурноляпа, рассыпались по двору, и небольшая яма с хлебом нового умолота была найдена.

– А это что? – спросил Виктор.

– Не знаю, – с удивлением развела Василиса руками. – Когда же он успел?

– Вытаскивайте мешки, ребята! – распорядился Виктор.

---

²⁷⁹ **Провалины** – здесь – глазницы. – прим. Гриня

²⁸⁰ **Сёрбать** – хлебать вслух, звучно. – прим. Гриня

²⁸¹ **Перелаз** – специально устроенное место в ограде, преодолимое для человека, но являющееся преградой для скота и домашней птицы. Как правило, на перелазе высота ограды сделана меньшей – такой, чтобы через неё можно было переступить, перебросив ногу. У перелазы может быть устроена ступенька. Перелазы часто устраивались между соседними дворами в селе, особенно если имелся один колодец на несколько дворов. – прим. Гриня

Чоновцы дружно принялись за дело.

* * *

На реке вздымался седой утренний туман, растрепанными космами пластался в садах станицы. Соня оставила мать у забора и, кутаясь в синий полушалок с барашковой каймою, поднялась к Виктору, сидевшему в коридоре за столиком.

– Ты в город? – торопливо спросил тот, вставая и поправляя рубашку под казачьим поясом.

– Да, собираюсь, – ответила Соня.

– Хорошо сделала, что ушла из монастыря. Помнишь, я тебя встречал в лесу?

– Помню, – улыбнулась Соня. – Я тогда думала, что ты какой-нибудь разбойник. Из тех, что были в монастыре.

Виктор громко рассмеялся.

– А ты знаешь, что я о тебе подумал в то время?

– Нет.

– Я подумал, что тебе не место в монастыре. Ты такая хорошенькая.

Соня взяла чемоданчик и направилась по коридору. Ее догнал отец, и они зашли к председателю.

К крыльцу подъехала линейка. С нее соскочили Гаврила Мечев и Аминет. К ним подбежали девушки и юноши. У Вьюна курчавые волосы еще сильнее почернели, лицо выровнялось, покрылось густым загаром. Широко улыбаясь, он стиснул их руки, спросил:

– Едешь, Аня?

– Да, – весело подмигнула Аминет.

– Бросает нас, – улыбаясь, протянул Гаврила.

Клава крепко обняла Аминет, расцеловала.

На порожках появились председатель ревкома и секретарь комячейки. Позади – Калита с дочерью, спустились вниз. Денисовна поклонилась Корягину и Жебраку со слезами посмотрела на дочь.

Шофер, прибывший из отдела, вывел автомобиль из-под навеса.

– Ну, как? – обратился к нему Корягин.

– Хорошая машина. Товарищ Жолобов еще не имел такой. Будет вам благодарен за подарок.

– Пущай пользуется, – сказал Корягин и, сунув трубку в рот, закурил.

Соня и Аминет простились с провожавшими, уселись в машине. Денисовна всплакнула. Шофер включил мотор, выехал со двора.

* * *

Сгущалась синева ночи. В ревкоме и квартальных комитетах было людно. Блестели огоньки папирос, пахло табачным дымом. Шум и громкие разговоры не умолкали. В станице шла напряженная работа по продразверстке.

По поручению Корягина Фекла Белозерова со своим активом продолжала наблюдать за двором соседа. Но Гусочка, видимо зная уже, что произошло у него дома, и боясь ареста, не возвращался. Тогда Корягин отдал распоряжение председателям квартальных комитетов во что бы то ни стало разыскать его и привести в ревком. Но поиски не дали никаких результатов. Гусочка точно в воду канул. Корягин сунул руки в карманы галифе и, резко зашагав по кабинету, с досадой проговорил:

– Следовало бы самому поехать к нему. А то этот Левицкий неопытный. Не с того начал! Прежде надо было изловить эту контру, а потом приниматься за яму.

Вошел Жебрак и, сразу же обратив внимание на вскрытый пакет, лежащий на столе у председателя, спросил:

– Что это у тебя?

– Только что получил из отдела, – ответил Корягин и, вынув бумагу из конверта, подал секретарю. – Читай.

Жебрак развернул ее перед лампой, прочел:

ПРИКАЗ

Революционного военного совета IX Красной армии и Кубано-Черноморского революционного комитета

27 июля 1920 года

№ 19, гор. Екатеринодар

Ввиду того, что за последнее время на Кубани заметно начали активизироваться контрреволюционные силы, Революционный военный совет IX Красной армии, Кубано-Черноморский революционный комитет и областной военный комиссар постановили произвести до 10 августа сего года на территории Кубанской области регистрацию бывших офицеров, военных чиновников и вольноопределяющихся, служивших в белой армии или проживавших на территории Кубанской области до прихода Красной Армии.

Начальникам и комиссарам всех частей IX Красной армии, революционным комитетам и военным комиссарам приказываем всех задержанных после 10 августа лиц без регистрационных карточек от особого отдела или отделения немедленно расстреливать на месте без суда и следствия.

Распространение настоящего приказа в частях армии и станицах Кубанской области возлагается на политический отдел IX Красной армии, политические отделы дивизий, особый отдел и отделения революционного комитета и военные комиссариаты.

Командующий IX Красной армией **Левандовский**.

Пред. Кубано-Черноморского рев. ком. **Ян Полуян**²⁸².

Уполномоченный Кавфронта **Атарбеков**.

Корягин, не вынимая рук из карманов, поднял глаза на Жебрака, торжествующе сказал:

– Так бы давно поступали с контрой, и у нас была бы тишина. А то не трожь, не рукоприкладствуй...

– Постой, Петро, – прервал его Жебрак. – В приказе говорится только о бывших офицерах и тех лицах, которые служили в белой армии.

– Все едино: и то контра, и то контра! – махнул рукой Корягин. – И нечего с ними цацкаться.

– Завтра же надо размножить этот приказ на машинке и расклеить в станице, – сказал Жебрак.

Корягин спрятал пакет в стол, замкнул ящик и направился к выходу.

IV

Игуменя, измученная бессонницей, встала с постели довольно рано. В саду села на скамейке. Грустные глаза бессмысленно глядели на свинцовые тучи, медленно плывшие по небу. Вдали простиралась черная гладь пруда, в середине которого находился небольшой остров заросший осокой, старыми дубами и косматыми вербами. По озеру, покрытому красновато-изумрудными коврами, сплетенными из водяных лилий с разлапистыми листьями, белыми и желтыми цветами, величаво плавали гуси и лебеди, отражаясь в воде, как в зеркале.

Болото, прилегавшее к монастырю, также было покрыто разнотравьем, цветами. Легкий ветерок шумел в зеленых кудрях фруктового сада. Откинувшись на спинку скамейки, игуменя

---

²⁸² **Полуян**, Ян Васильевич – советский государственный деятель, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны в России. В 1917 году избран председателем Исполкома Екатеринодарского совета, членом Екатеринодарского комитета РСДРП(б). В годы Гражданской войны – на Кавказе, в 1918–1920 годах Я. В. Полуян последовательно занимает должности председателя Кубанского областного ревкома и облисполкома, председателя Совнаркома Кубано-Черноморской советской республики, председателя реввоенсовета Северо-Кавказской (11-й) армии, член Реввоенсовета Кубанской (9-й) армии, начальника политотдела Юго-Западного фронта. После окончания войны Я. В. Полуян – на государственной, хозяйственной и партийной работе. В 1920–1922 годы – председатель Кубанского ревкома и облисполкома, член Кубано-Черноморского обкома РКП(б).

Именно подпись Полуяна как руководителя Кубанской области стояла под текстом телеграммы, отправленной 10 ноября 1920 года: «Считаем название Екатеринодар напоминающим рабские времена, совершенно бессмысленным в республике труда навсегда освободившихся от потомков Екатерины и их приспешников. В связи с этим Кубчероблревком постановил просить ВЦИК именовать город Краснодаром» – прим. Гриня

задумалась. Над ней пролетел ворон, сел на макушку черного тополя и сряду прокаркал несколько раз. Игуменья очнулась, встала и медленно направилась к себе в келью.

Из окна увидела мать Иоанну, окликнула ее. Монахиня явилась с низким поклоном, скрестив на груди руки.

– Пойдите, матушка, в подвал к Набабову и Матяшу, – попросила игуменья, – пусть они поднимутся в приемную.

Мать Иоанна отвесила поклон, удалилась.

Через некоторое время полковник и хорунжий сидели уже в башне. Игуменья прошла к ним тайным ходом, опустилась в кресло, спросила:

– Как чувствуете себя в новом убежище, господа?

– Темнота одолевает, матушка, – пожаловался Набабов. – Андрею Филимоновичу ничего. Он, как кот, видит и в потемках, а вот я...

– Зато там безопасно, – сказала игуменья. – Об этом тайнике знают у нас только я, мать благочинная и мать казначея.

– Да, ход там между книжными шкафами тщательно замаскирован, – заметил Набабов.

Игуменья подняла глаза на него, шепнула:

– В эту ночь я получила нехорошую весть от отца Валерьяна. Он пишет, что позавчера Юдин и Корягин вызвали в ревком всех наших людей, которые уцелели после массового ареста, и зачитали им приказ Реввоенсовета: все офицеры, военные чиновники и вольноопределяющиеся, служившие в белой армии, к десятому августа обязаны пройти регистрацию в особом отделе. После указанного срока все, кто уклонится от регистрации, будут расстреливаться на месте.

– Вот оно что! – сказал Набабов.

– Ничего, – нахмурился Матяш. – Скоро прибьет генерал Крыжановский, и мы тогда разделаемся по-своему и с Юдиным, и с Корягиным.

– А вам так и неизвестно, матушка, – поинтересовался Набабов, – из каких источников узнал ревком о нашей организации?

– Нет, – игуменья развела руками. – Никто ничего не знает.

– Да, какая-то загадка, – недоумевал Матяш и, помолчав, спросил: – А куда исчез Курунин? Его нет и у Крыжановского.

– Может, к Хвостикову пробрался, – высказал мысль Набабов.

– К тому же, – продолжала игуменья, – отец Валерьян просил меня, чтобы вы передали Игнату Власевичу его просьбу поскорее прибыть в станицу с Крыжановским, иначе Корягин и Жебрак увезут весь хлеб из Краснодарской. Говорит, продотряды просто свирепствуют.

– Как же он может прибыть, матушка, – возразил Набабов, – когда наступление генерала Хвостикова приостановилось?

– Тогда мы не сможем выполнить своего плана, – волновалась игуменья. – Все лишатся своих хлебных излишков, которые, как вам известно, необходимы для нашей армии, а также и для союзников.

– Но что поделаешь, матушка? – сказал Набабов. – Вот если бы армия генерала Хвостикова находилась от нас в десяти или же, в крайнем случае, двадцати верстах, тогда другое дело.

– А я за восстание, – не согласился с ним Матяш. – Нужно ехать к генералу Крыжановскому. Его части уже захватили Темиргоевскую. Это от нас не больше сорока верст. С ним мы удержимся до прихода Хвостикова.

Игуменья встала. Вскочил за нею и Матяш.

– В таком случае, – сказал он запальчиво, – я сам поеду к генералу Крыжановскому и договорюсь с ним.

– Нет, вы погодите, – остановила его игуменья. – Присядьте.

Матяш сел, вытер испарину на скуластом лице.

V

Солнце садилось в морок, задернувший, точно черным покрывалом, весь западный небосклон, и, как масляное пятно на воде, растягивалось вширь, окрашивая стальной свод и темные тучи в кумачовый цвет. С Кубани веяло прохладой.

Площадь глухо волновалась. В церкви, набитой прихожанами, все еще правилась вечерня.

Во двор ревкома на коне въехал Гаврила Мечев, поднялся на стременах, спешил. Подойдя к Юдину сбежавшему со ступенек крыльца, выпрямился.

– Товарищ уполномоченный, – доложил он звонким голосом, – хутор Дранный захвачен бандой Крыжановского!

– Много всадников? – сохраняя спокойствие, спросил Юдин.

– Не больше эскадрона.

– Придется взять одно отделение у Корягина, а то в коммуне маловато, – проговорил Юдин. Через некоторое время он с бойцами проскакал по улице на своем вороном жеребце.

Жебрак поднял глаза на Корягина, сказал:

– Сейчас же надо изолировать всех, кого мы взяли на учет.

– Эй, дежурный! – высунув голову из окна, позвал Корягин.

На крыльце появился чоновец.

– Ропота ко мне! Да быстро.

Вскоре председатель первого квартального комитета был уже в кабинете Корягина.

– Вот что, Прокофьевич, – обратился к нему Корягин, – нужно немедленно арестовать всю контру, кого мы взяли на учет, и направить в Кавказскую. Действуй!

* * *

В третьем квартале на улице послышался шум, раздалась ругань, крик:

– Не пойду, не пойду!

Это чоновцы тащили арестованного Лукаша, за которым следовало до десятка казаков, готовых броситься в драку. На возню прибежал Гуня.

– Что здесь, товарищи? – спросил он впопыхах.

– Да вот арестованный, – отозвался чей-то голос среди чоновцев. – Не подчиняется.

Гуня хотел помочь бойцам доставить схваченного в ревком, но в это время совершенно неожиданно из-за угла вышел Матяш, выстрелил в председателя из револьвера. Гуня пошатнулся и упал.

Налетели ревкомовцы. Началась резня...

В разных концах станицы раздались выстрелы.

Оксана прибежала к часовому, стоявшему на посту у ворот ревкома, шмыгнула в калитку, но часовой преградил ей дорогу, сказал:

– Не велено впускать!

– Витя! – закричала Оксана мужу, вышедшему на крыльцо.

Виктор подскочил к ней и, оглядываясь на колонну чоновцев, поспешно спросил:

– Зачем ты? Разве не слышишь, что делается в станице?

Оксана схватила его за руку и прошептала:

– Витенька, батя сказали, чтобы ты зараз же шел домой.

– Да они что? – уставился на нее Виктор. – С глузду съехали²⁸³?

– Дорогой мой! – умоляла Оксана. – Попросись хоть на полчаса. Тебе надо уйти из ревкома.

Виктор махнул рукой, побежал к колонне. Оксана постояла в нерешительности, поправила платок на голове и чуть ли не бегом пустилась домой.

Вьюн, запыхавшись, вытянулся в струнку перед Корягиным, закричал в страхе:

– Петр Владиславович, Гуню убили!

К председателю подбежала Фекла Белозерова, с трудом перевела дыхание.

– В станице восстание! У меня в квартале убили двух!

На крыльце появился Жебрак.

– Гуня погиб, – обратился к нему Корягин.

– Матяш застрелил, – скороговоркой добавил Вьюн.

Корягин положил руку на его плечо, сказал:

---

²⁸³ Глузд – память, рассудок, ум. С глузду съехать – сойти с ума, помутиться умом, чокнуться, помешаться рассудком, свихнуться с разума, двинуться, помешаться, свихнуться. – прим. Гриня

– Садись на Кристалла и мчись к Норкину. Пушай он сию же минуту захватит мост.

Вьюн вывел коня из конюшни, вихрем полетел со двора. Корягин поднялся на крыльцо, подал команду:

– Пулеметы приготовить!

Из окон церкви восставшие открыли винтовочный огонь, с колокольни хлестнула длинная пулеметная очередь. Во дворе ревкома произошло замешательство. Прихожане с криками пустились в улицы. Старики и старухи, крестясь и бормоча молитвы, исчезали в надвигавшихся вечерних сумерках. Слышался детский визг...

– К забору! – раздался громкий голос Корягина.

Бойцы рассыпались у кирпичного фундамента железной изгороди. Затрещали винтовочные выстрелы. За церковной оградой, на площади эхом прокатилось «ура». Мятежники побежали, открыли частую пальбу. В эту минуту конница первого отделения во главе с Ропотом врзались в самую гущу повстанцев, и шашки вспышками заискрились в сумерках.

Корягину и Жебраку доложили, что на западной стороне станицы с чоновским подразделением вступила в бой ворвавшаяся со степи банда Крыжановского.

На церковную площадь под командой Бородули прорвалось около двухсот человек кавалерии, началась сабельная рубка.

Корягин припал к станковому пулемету, резанул бандитов свинцовым огнем. Во дворе ревкома разорвались три гранаты. Осколками осыпало бойцов. Двое было убито. Виктор оторвал рукав от своей рубашки, перевязал рану товарищу. За изгородью вырвалось «ура», хлестнули винтовочные залпы, сердито заклокотали пулеметы. Виктор отстреливался с отчаянным упорством. На площади снова пронеслось трехкратное «ура». Повстанцы бросились к забору. Из сада во двор прорвалось несколько белоказаков. Сцепились в рукопашной.

Открыли ворота, и масса восставших совместно с пришедшим им на подмогу отрядом Крыжановского ринулась в них.

На Корягина навалились казаки и, оглушив прикладом, скрутили руки.

Андрей Матяш с группой повстанцев наседали на Виктора Левицкого, мужественно оборонявшегося двумя кинжалами.

– Виктор, сдавайся, бить не будем! – кричал ему Андрей.

Но тот никого не подпускал к себе. Его ударили кирпичом в спину. Он пошатнулся. Мятежники, используя момент, бросились на него, отняли кинжалы.

Андрей побежал в сад. Издали слышался голос Федота Молчуна:

– Хлопцы, живьем его, живьем!

– Кого это? – спросил запыхавшийся Андрей.

– Секретаря комячейки, – бегая среди мятежников, прохрипел Молчун.

Андрей бросился в потасовку. На Жебрака навалилось более десятка белоказаков, но тот не поддавался им, одним толчком сшибал с ног, отступал к калитке. Кто-то выкрикнул со злобой:

– Бей по сюрлу, по сюрлу²⁸⁴ его!

Размахивая кулаком, Гусочка пытался ударить Жебрака, на котором висело уже несколько человек. Жебрак напряг мускулы и повернулся вокруг себя с такой силой, что все, как груши, разлетелось в разные стороны. Гусочку, неожиданно очутившегося перед самым его лицом, он схватил за шиворот, поднял над собой и, швырнув на куст крыжовника, остановился у калитки.

– Бейте его, чего глядите! – взвизгнул Андрей.

Казаки опять потянулись к Жебраку.

Но на подмогу ему подбежали чоновцы и вместе с секретарем начали отходить по набережной к четвертому кварталу.

Женщины во главе с Феклой Белозеровой тащили на улицы бороны, плуги, телеги, колючую проволоку – все, что попадалось под руки, – возводили баррикады. Комсомольцы удерживали мост.

Ропот бросался то в одну, то в другую сторону, руководил обороной квартала. Вьюн с верховыми мчался гуда, где противник брал перевес.

Конница Крыжановского с гиком прорвалась к берегу Кубани. Около кирпичного завода завязалась ожесточенная рубка. Мятежники в густых сумерках наскочили на бороны, лежавшие

вверх зубьями. Из засады падали по ним ревкомовцы.

Однако враги брали перевес. Видя, что силы неравны, Жебрак отдал распоряжение Ропоту отвести чоновцев за Кубань и побежал по берегу реки к мосту.

* * *

Корягина закрыли в отдельной комнатке с зарешеченными окнами, а вскоре бросили туда и Виктора Левицкого.

– Ну, Петр Владиславович, – сказал Виктор, пощады нам не будет.

– А ты боишься? – спросил Корягин.

Виктор принужденно улыбнулся.

– Я еще не знаю, как оно... – глухо ответил он. – Мне почему-то кажется, что все это шутка.

– Да... шутка, только плохая.

Прошло около минуты томительного молчания.

– А ты знаешь, Виктор, – опять заговорил Корягин, – что твой тесть с Молчуном в банде Крыжановского и, по-видимому, они привели в станицу этих разбойников?

– Нет, – насторожился Виктор.

VI

Юдин остановился неподалеку от хутора Драного, в ложине, окруженной со всех сторон густой чащей леса, стал вслушиваться. Слабо доносились какие-то звуки. Юдин повел отряд юго-восточной стороной хутора, переправился вброд через мелководную речушку, поднялся на невысокое плоскогорье, откуда хорошо был виден в темноте Драный со своими крохотными хатенками. Теперь четко были слышны женские и детские крики, лай собак и громкие мужские голоса. Это бесчинствовала банда Набабова.

Юдин собрал вокруг себя бойцов.

– Товарищи, – сказал он вполголоса, – порядок будет такой. Пулеметчики проберутся к хутору. Один из них заляжет на южной стороне, другой – на северной, третий – на западной. Мечев займет вон ту возвышенность, что за речкой, и, как только пулеметы откроют огонь, чтобы навести панику у врага, ворвется со своими бойцами в хутор. Бандиты подумают, что они окружены, и побегут к реке, единственному открытому месту, начнут отступать сюда, где мы сейчас находимся. Мы здесь их и встретим. Ясно?

– Ясно! – прошепелестели в ответ голоса.

Через некоторое время бойцы с ручными пулеметами были уже в намеченных пунктах.

Гаврила Мечев и Леонид Градов уводили за собой чоновцев по глухой лесной балке. Придерживая Соболя, рвавшего вперед, Гаврила перемахнул речушку и тут же поднялся на небольшое взгорье, поросшее кряжистыми дубами. Рядом с ним остановился и Леонид, давая знать рукой, чтобы бойцы задержались.

* * *

Набабов сидел в комнатке, в которой ранее помещался хуторский ревком, бежавший в коммуны во время налета банды. Услышав трескучие очереди пулеметной стрельбы, он выбежал из хаты, прислушался. С юго-западной стороны неожиданно донесся до него шум скачущей конницы.

– Коня, коня мне! – закричал Набабов своему коноводу.

Бандиты, застигнутые врасплох, кинулись в седла и, нахлестывая лошадей, устремились к мосту, но оттуда, из-за реки, ударил пулемет. Конь под полковником упал, прошитый пулеметной очередью. Мятажники хлынули назад.

Набабов побежал к реке, перебрался по отмели на левый берег, прижался к стволу дерева. В сапогах хлюпала вода, мокрая одежда прилипла к телу.

Не выдержав натиска чоновцев, банда бросилась через речку, направляясь к дороге, у которой находилась засада.

До Набабова долетели слова офицера, призывавшего казаков последовать за ним. Всадники один да другим поднимались с берега и, скрываясь в лесу, бежали на крик своего командира. Полковник смотрел то на хутор, то на свой отряд, уходивший от преследования. Поднялся на гору, еще раз оглянулся. Донеслось громкое «ура». Чавкая сапогами, Набабов перебежал от куста к кусту, шептал с дрожью в голосе:

– Разгром... полный разгром!

* * *

В Краснодольской наступила тишина. В канцелярии бывшего ревкома на совет собрались деды-бородачи из богатых казаков.

Бородуля встал из-за стола и, поправив пушистые усы, повел строгими глазами по сидящим. У него теперь не было и признака той деланной мягкости, какую можно было видеть раньше.

– Господа казаки, – сказал он, напрягая голос, – наконец мы добились первых успехов: станица Краснодольская в наших руках! Но это только начало. Вся борьба впереди. И мы, безусловно, победим, если не будем щадить живота своего в достижении цели. Примером может служить сегодняшняя победа. Главный враг, мучитель наш, сидит уже в тугулевке и ждет своей расправы, как самый первостный злодей! Судить мы его должны по всем строгостям. Никакой пощады!

Поп Валерьян и все бородачи перекрестились.

– Шоб помнил, врагуша, до новых веников! – хихикнул Гусочка в кулак.

Понимая свою силу и не желая быть равным с другими, Бородуля продолжал тем же высокомерным тоном:

– Но наряду с этим мы обязаны разъяснить станичникам свою казачью политику, за что мы боремся. Казаку надо вдолбить в голову: что его ждет, ежели сядут ему на шею такие управители, как Корягин.

– А что делать с теми, кто не будет подчиняться нам? – перебил его Лукаш.

Бородуля пощипал усы, ответил:

– С непокорными у нас разговор будет короткий – плеть и пуля!

Старики сдержанно зашумели. Бородуля властно поднял руку, и все притихли.

– А как же генерал Хвостиков? – поинтересовался кто-то после короткого молчания. – Когда будет у нас?

– Деньков через пяток, – ответил Бородуля.

Поднялся Гусочка.

– Я думаю, Игнат Власевич, могилу на церковной площади нам немедля надо снести. А то приедут англичане чи там мериканцы – неудобно будет. По-моему, следовало туда согнать всех большевичек, и хай они подолами ее разнесут, чтоб глаза не мозолила.

– Дело говоришь, Иван Герасимович, – поддержал его Бородуля. – Тебе я поручаю этим заняться.

Андрей сидел в кресле, нервно постукивал пальцами по столу. В разговор не вмешивался, но ему не нравилось, что Хвостиков, как и барон Врангель, не выражает его личных интересов по отношению к Кубани, которую он хотел видеть самостоятельной. Однако Бородуля думал по-иному.

– Мы сейчас обязаны во всем поддерживать генерала Хвостикова, – заговорил он снова, косясь на Андрея. – Это единственный человек, на которого мы можем опираться. Он против большевиков и совдепии. А это главное.

– Здеся и разговору не может быть, – заявил Гусочка. – И воевать будем, и хлеб найдем для его армии.

– Ач, какой щедрый! – прервал его бородач. – Знаем, ты хитер, как лиса. Ни пуда не дашь!

– Так мой же хлеб у большевиков, уже на ссыпке! – вспалился злобой Гусочка. – Кому это не известно?

– Того и на ссыпке, что ты плутовал, – упрекнул его тот же старик. – А бог шельму метит. Ежли б хоть частично рассчитался с большевиками, то этого б и не случилось. Дюже жарко гнал.

Гусочка яростно ударил себя кулаком в грудь.

– Да я в капусту изрублю тебя за етакую пропаганду!

Он выдернул из ножен шашку, кинулся на старика, но Андрей преградил ему дорогу, схватил

за шиворот.

– А ну-ка вдень шаблю!

Гусочка не ожидал такого отпора, вытаращил на него глаза и, задыхаясь в стянутом воротнике полотняной рубашки, съезжился, поспешил вложить шашку в ножны. Андрей отпустил его, занял свое место.

Поднялся Федот Молчун, с достоинством объявил:

– А теперь, господа старики, мы должны приступить к рытью окопов за станицей.

* * *

Утром Бородуля на взмыленной Кокетке въехал к себе во двор. На левом боку у него – кривая казачья шашка в серебряной оправе, на правом – маленький браунинг в черной кобуре. Спина темно-синей рубашки с высоким воротником покрылась белыми пятнами высохшего пота. Привязав лошадь к корыту, он направился к дому, оставляя на росистом спорыше темно-зеленый след. У двери повстречался с женой.

– Господи, явился! – обрадовалась она.

Бородуля вошел в кухню. За столом сидели отец и дочка.

– О, ба! И Оксанка дома! – переступив порог, воскликнул Бородуля, помыл руки под рукомойником и обратился к жене: – Ты вынь-ка мою черкеску из скрини да отыщи погоны.

– Снидай, потом достану, – присаживаясь на стул ответила Акилина Даниловна.

– Люди балакают, что наших богато побили, – вытирая слезу, постоянно катившуюся из левого глаза, и трясая белой бородой, прохрипел Влас Пантелеймонович. – В четвертом квартале, что ли.

– Да, было... – аппетитно уплетая лапшу с гусятиной, ответил Бородуля и, взглянув на дочку, предупредил: – А ты теперь с Витькой пошабашь. Мы его сю ночь с Корягиным припрятали.

– Вы бы отпустили его, – потупляя глаза, проговорила Оксана.

– Ты это брось! – повысил голос отец. – Жалеешь большевика?

– Пх-и! Чего б я жалела? – ответила Оксана, теребя бахромку белой скатерти, посланной на столе. – Но он же человек.

– Человек? – вспылил Бородуля. – Самый настоящий большевик!

– Не по-христиански будет, ежели вы учините над ним расправу, – прошамкал Влас Пантелеймонович. – Не басурмане ж какие.

Худая, вытянутая шея старика сильнее затряслась, слеза обильнее покатилась из покрасневшего глаза.

– Как ни есть, а он наш зять, Игнат, – вмешалась в разговор Акилина Даниловна. – Плеток бы ему всыпали, чи там ишо чего: может, в дурной его башке просветлело бы. Как хочешь, а мы всем семейством против. Его нужно ослобонить.

– С нынешнего дня он мне не зять! – стукнул Бородуля кулаком по столу. – Прохвост он! В мужья тебе, дочко, сыщется другой человек.

– Ты не шуми понапрасну, Игнат, – попытался урезонить его Влас Пантелеймонович. – Загубить казака невелика мудрость, а вот ежели б вы переволокли его на свою сторону – это да.

– А то мы не волокли сукиного сына! – сердился Бородуля. – В голове у него крепко засели большевики!

– Погодь трошки... – Влас Пантелеймонович поднял руку. – Зараз с казаком так поступать негоже. Времена не те, что были раньше.

Бородуля, посапывая, ел молча. Он понимал, что отец во всем был прав.

«До февральского переворота, – рассуждал он мысленно, – офицер действительно что угодно мог сделать со своим расхлябанным солдатом: и ударить его, и посадить на гауптвахту; а на фронте и пулю пустить в лоб, не боясь, что за него отомстят, но сейчас... – В голову пришло, как однажды Лаврентий Левицкий избил полковника Гиревого за то, что тот назвал его хамом и мерзавцем за неотдачу чести. – А как теперь поведет себя Лавро, если я расправлюсь с Витькой? – промелькнуло у него в мозгу. – Мы тогда станем кровными врагами...»

Влас Пантелеймонович снова заговорил:

– То души не чаял в нем, а зараз, не разобравшись с делом, готов утопить его в ложке. На что это похоже?

– Хотелось же перетащить на свою сторону, – пробормотал Бородуля, – а он, сукин сын, и блины поел, и за возом не пошел.

Он вытер рушником усы и бороду, принялся за вареники.

Оксана бессознательно теребила складки своего каштанового платья. На ее лице была ярко выражена душевная тревога. Виктор стоял перед нею каким-то неотвратимым призраком, и ей в одно мгновение представилось то время, которое она прожила с ним, уже привыкла к нему и даже, кажется, начала забывать Андрея. Но тут вдруг все изменилось, судьба повернулась вспять. Только в эти минуты до ее сознания дошло, что отец, выдавая ее замуж за Виктора, преследовал одну лишь цель – хотел втянуть в свой лагерь, сделать ярким противником Советской власти. Она взглянула на отца исподлобья, выскочила из-за стола и, побежав в зал, голосно заплакала.

– Господь с тобою! – испугалась мать. – Это ты виноват, Игнат.

– А! – махнул рукой Бородуля. – Откуда он взялся на нашу голову, подлюка!

Оксана остановилась у комода, уставленного открытками и фотографическими карточками, припала головой к острому углу.

– Что с тобой, доченька?

– Да... нехорошо все, – ответила Оксана, садясь.

– Ничего, не плачь, – успокаивала ее мать. – Убивать его никто не будет.

Оксана раздраженно бросила:

– Так, вроде дурочки!.. Уговорили выйти, а теперь позор переноси. Не знала я, что папаня с такой думкой отдавали. Послушалась их.

Мать с опаской оглянулась, толкнула дочку в плечо;

– Да ты что мелешь? Пришьет же он тебе язык!

Бородуля продолжал есть, звучно чавкая.

– Так, говорите, не приходили за мной ревкомовцы? – переспросил он и отодвинул от себя тарелку.

– Не было. К нам и Молчуну не приходили.

– Как же так? – не понимал Бородуля. – Загадка какая-то. Не знали, что ли?

Влас Пантелеймонович развел руками.

– Чума их знает.

– Ну, мы допросим Корягина.

– А кого ж вы метите в атаманы? – поинтересовался старик.

– Не знаю. Может, придется еще удирать.

– Удирать?

– Ничего удивительного нет. На то война.

Акилина Даниловна вынула из сундука темно-синюю черкеску с серебряными погонами, подала мужу.

– Эх, черт возьми! – возрадовался Бородуля. – Ты уже все приготовила.

– Как же, ждала тебя, – улыбнулась жена.

Бородуля оделся, прицепил к казачьему поясу шашку и браунинг. Потом повернулся перед зеркалом, внимательно оглядел себя, поправил блестящие погоны.

– Вот у меня снова погончики! – воскликнул он самодовольным голосом. – Снова Бородуля у власти!

* * *

На церковную площадь с рассветом мятежники начали сгонять жен красноармейцев, активистов ревкома, матерей и сестер коммунистов и комсомольцев.

По приказу Гусочки стали ломать изгородь у братской могилы. Когда повалили обелиск, Гусочка выстроил женщин у могилы, указал рукой на холм:

– Эту землю разнесите подолами и фартуками по площади! Сделайте тут ровное место. Да сыпьте не кучками, а ровным слоем. Ну, живо! Чего стоите?

Но никто не шевельнулся. Гусочка в бешенстве ударил старуху плетью. Та отшатнулась.

– Изверг! – вырвалось у нее из груди. – Я не приму на свою душу греха. У меня тут сын и невестка.

– Так ты ишо бунтовать будешь? – взвизгнул Гусочка.

Раздался сухой револьверный выстрел. Старуха схватилась за грудь и грохнулась навзничь. Женщины, охваченные страхом, заторопились к могиле, стали нагребать в подолы землю.

Вокруг площади стояла вооруженная охрана. Гусочка, засучив рукава черной черкески и сбив набекрень урядницкую высокую шапку, похаживал между станичницами, кричал на них, придирался особенно к тем, кто сыпал землю неровным слоем. Подойдя к одной из них, он ударил ее кулаком, сшиб с ног и начал бить носками сапог. Потом перевел дух, процедил сквозь зубы:

– Иди, гыдость городовицкая, да сыпь ровнее!

Ава в нарядном белоснежном платье и широкополой шляпе прогуливалась с офицером по площади. Казалось, она совсем не замечала перед собой женщин, носивших в подолах землю, о чем-то говорила со своим военным кавалером, смеялась. Иногда останавливалась и, указывая на кого-либо, говорила:

– У этой, Федя, муж большевик. Ты бы приказал ей побольше нагребать в свой подол земли.

– Ими распоряжается урядник, – кивнул офицер на Гусочку, – а в моем подчинении только охранники.

На площадь прискакал Бородуля. К нему поспешил Гусочка, отдал честь и доложил, что застрелил старуху за сопротивление.

– Пусть лежит для острастки, – приказал Бородуля и тут же спросил: – Долго будешь возиться?

– Думаю до приезда гостей управиться.

– Поторапливай, поторапливай, Иван Герасимович.

– А как же быть с трупами, что в могиле, Игнат Власьевич? – забеспокоился Гусочка.

– Сперва нужно могилу убрать! – бросил Бородуля и, толкнув коня, помчался в управление.

VII

В кабинете бывшего председателя ревкома собрались на совет. Стоял легкий шум. Все искоса поглядывали на Лаврентия Левицкого, и он в общем разговоре улавливал слова, осуждавшие его, в третий раз сворачивал сигарку: руки у него дрожали, и табак высыпался из бумаги. Так и не закурив, он с досадой поднял полу черкески, сунул кисет в карман штанов, заправленных в голенища сапог, высморкался в утирку и обеспокоенно повел глазами по сидящим.

Явился Бородуля, и сразу наступила тишина. Проходя к столу, есаул сверкнул строгими глазами по сторонам, сел. Наклонясь к попу и указав на Лаврентия, шепнул:

– Что это?

– Хочет хлопотать о Викторе, – закрывая рот ладонью, тихо ответил Валерьян.

Бородуля иронически улыбнулся и, поведя рукой по усам, обратился к свату:

– А ты чего без погонов, Лавруха? Да и крестов не вижу на твоей груди.

Лаврентий взглянул на него и сбивчиво ответил:

– Погоны? Мои?.. Поиспрели в тайнике, Игнат Власьевич. Моль съела.

– Но ты ж георгиевский кавалер! Без погонов не положено.

На пороге показался Андрей Матяш, вытер рукавом гимнастерки пот с лица и, остановясь перед Бородулей, доложил:

– Господин есаул! В эту ночь отряд в Драном полностью разбит Юдиным. Все люди погибли. Полковник Набабов бежал в монастырь.

– С Набабовым это может случиться, – проговорил Бородуля после долгого молчания.

Собравшиеся зашумели:

– Как же это вышло? – спросил кто-то.

– Не знаю, – пожал плечами Андрей.

Бородуля поднял руку, произнес властным голосом:

– Приступим к делу, господа казаки. – Он встал и, поправив на поясе шашку, спросил: – Какое у вас мнение насчет пленных Корягина и сына Лаврентия?

Лукаш попросил слова и, продолжая сидеть вразвалку на диване, неторопливо начал:

– Я думаю, что с Корягиным никакого разговору не может быть. Это наш первостный злодей! От него нам немедля надо избавиться!

– Правильно! – разом пронеслось по кабинету.

– И я такого мнения, – поддержал Бородуля стариков и обратился к Лукашу: – Вы вправе

выносить ему этот приговор, Софрон Трифонович.

– Еще бы! – отозвался Молчун. – Чудом человек спасся.

– Если бы не Андрей Филимонович, – сочувственно загудели бородачи, – то ареста не избежать бы ему.

– А что касаясь Лаврухиного сына, – продолжал Лукаш, – с ним треба побалакать. Мовет, он покается.

– А что вы предлагаете сделать с теми, кого мы взяли в станице? – остановил Молчун на нем вопросительный взгляд.

– Чья душа в грехах, та и в ответе, – Лукаш развел руками.

– Согласны? – спросил Бородуля у стариков.

– Конечно, не возражаем, – ответили ему.

– Братия, – проговорил Валерьян со смирением на лице, – я полагаю, что сия расправа бессмысленна. Надо выбрать сугубо опасных на первый раз. Святой апостол Павел глаголет, что не мы будем мучиться и беспокоиться, когда будем нести унижение, прощать обиды и благотворить врагам, а напротив – враги наши. Сие бо творя, говорит, вы будете углие огненные собирать на главу его.

– Верно говоришь, святой отец, – согласился с ним Бородуля.

Неожиданно вошла Оксана, поклонилась казакам.

– Зачем сюда? – не понимая, спросил Бородуля.

– Она за делом, – сказал Андрей и повел кругом блуждающим взглядом.

У Лаврентия екнуло сердце, похолодели руки и ноги. Оксана стояла с потупленной головой посреди кабинета.

Андрей не спеша сделал шаг вперед, поправил кинжал на поясе, положил левую руку на утопленный в ножны серебряный эфес шашки, остановил тяжелый взгляд на попе.

– Отец Валерьян, – сказал он глухим голосом, – у нее к вам просьба.

Оксана в смущении теребила белый шелковый платок, падающий с головы длинными бахромчатыми краями. Потом встрепенулась вдруг, обвела растерянными глазами глядевших на нее стариков, перекрестилась еще раз, повернулась к священнику, выпрямилась.

– Виктор Левицкий – мой муж, – зазвучал в тишине дрожащий ее голос. – Он совершил преступление... Его позора я не принимаю на свою душу. Прошу развести нас.

Валерьян поставил ее на колени и, трижды перекрестив крестом, висевшим у него на груди, произнес:

– Аминь. Отныне ты свободна от своего супруга. Сегодня же будет составлена об этом запись и вручена тебе.

В груди у Лаврентия оборвалось что-то, заньло. В глазах потемнело.

Оксана снова отвесила низкий поклон, поблагодарила за развод и медленно пошла к двери. На улице она никого не видела перед собой, шла, не зная куда.

* * *

На крыльце правления собрались бородачи, блестя погонами, медалями и крестами. Андрей Матяш подозвал к себе Гусочку, сказал:

– Вот что, Иван Герасимович, когда закончишь свою работу, отправляйся на рытье окопов.

– Не могу я, Андрей Филимонович, – возразил Гусочка. – Мне ишо надо построить виселицу на площади.

Андрей бросил на него косою взгляд, подумал:

«Мерзкий человек. Суцая стерва». Он надвинул кубанку на лоб, резко зашагал к своему коню, привязанному к забору, вддел ногу в стремя и, махнув в седло, с места в карьер поскакал по улице.

Бородуля выехал со двора правления, хлестнул Кокетку плетью, понесся вдоль церковной ограды, к оборонительной полосе. Поднимаясь и опускаясь на стремянах, он миновал недостроенный клуб. Белая крыша казалась точно расплавленной на горячем солнце. Вокруг здания так и лежали разбросанные стройматериалы. Бородуля повернул за угол и неожиданно встретился с казаком. Поравнявшись с ним, он осадил лошадь, крикнул:

– Стой!

Казак оторопел, остановился.

– Ты почему, мерзавец, не приветствуешь кадрового есаула? – взъярился Бородуля и, наехав на казака, стегнул его изо всей силы плетью. – Зарублю, как собаку! Порядка не знаешь? Забыл уже, сукин сын!

– Ваше благородие, ваше благородие! – испуганно спросился казак. – Виноват! Простите!

– Я проучу тебя! – тяжело дыша, грозил Бородуля. – Будешь век помнить!

Он вздыбил лошадь, пустился по дороге.

За станицей виднелись вооруженные казаки, офицеры из полка Крыжановского, мятежники.

Августовское жаркое солнце сушило землю до глубоких трещин. Григорий Молчун, втаскивая пулемет в землянку, увидел конников, направляющихся к нему.

– Как дела, Гришка? – осадив дончака²⁸⁵, спросил Андрей.

– Все в порядке, господин хорунжий, – приложив руку к кубанке, ответил Григорий. – Думаем здесь колыт поставить.

– Давай, давай! – сказал Андрей и, ослабив поводья, пустил коня вдоль оборонительной полосы.

* * *

День прошел лихорадочно и напряженно. Солнце нырнуло за мутный горизонт, распустив по небу золотой веер широких лучей. С Кубани холодило легким ветерком.

На площади братской могилы уже не было. Но женщины, которые разносили землю, стояли тут же в колонне под стражей.

Гусочке подвели пару лошадей, запряженных в тачанку. Он взял их под уздцы и, проведя через место, где была братская могила, сказал:

– Здесь будет дорога!

* * *

В канцелярии, освещенной ярким ламповым светом, полно мятежников. Вошел Бородуля.

– Ну, Андрей, – обратился он к Матяшу, – займемся Корягиным.

Вскоре вооруженные казаки втолкнули Корягина в канцелярию. Он смотрел на мятежников, широко расставив ноги. Все притихли.

– Собачье отродье! – вырвалось из груди Корягина. – Чего хоронитесь друг за дружку? Приступайте к делу!

– Постой трюшки! – прервал его Андрей. – Первое слово теперь за нами.

– Мразь! – сквозь зубы процедил Корягин. – Контра! Радуетесь? Еще рано!

– Господи! – поспешно перекрестился Валерьян. – Истинно богомерзкий человек! Зачем ввели его с развязанными руками?

– Чего вы боитесь, батюшка? – сказал Федот Молчун. – Мертвый не укусит.

Бородуля положил руки на стол, исподлобья взглянул на Корягина. Матяш отошел к стене, насупил брови.

– У меня вопрос к тебе, Петро, – мягко начал Бородуля. – Как вы узнали о нашей организации? Каким образом вам удалось сразу выявить такое количество людей?

Корягин с ненавистью смотрел на него в упор, молчал.

– Ну! Чего ж не отвечаешь? – повысил голос Бородуля. – Не хочешь с нами разговаривать?

– Много ты захотел, господин есаул! – бросил Корягин.

Матяш шагнул вперед, положил руку на его плечо, но Корягин с силой отбросил ее в сторону, выдохнул:

– Не трюжь!

– Разрешите, господин есаул, – попросил Андрей. – Мы допросим его по-другому.

---

285 **Дончак** – название породы лошадей, выведенных на Дону. – прим. Гриня

Корягин глубоко засунул руки в карманы галифе, смерил его презрительным взглядом.

– Собака! – выдавил он. – По-твоему не будет!

– Да ты богу молись, иродова душа! – сияя погонями и медалями, указал на него Лукаш дрожащим пальцем.

Кто-то робко толкнул его в бок:

– Молчи!

Корягин взглянул на Лукаша, протянул:

– А, это ты, недобиток. Вырвался, значит.

Лукаш замигал глазами, растерянно пробормотал:

– Ач, какой острый!

– Ты гля! – хихикнул Гусочка. – Деятель! Сам пасется, сам себя и завертает.

Прошелестел сдержанный смешок, оборвался в углу тоненьким разбитым тенорком.

Матяш остановился перед Корягиным:

– Куда ты мое имущество спровадил?

– Передал государству, – стараясь быть спокойным, ответил тот.

– Какое ты имел право?

– Советская власть с бандитами иначе не поступает.

– Так, – задыхаясь от бешенства, скрипнул зубами Матяш. – Теперь скажи, куда девал тех казаков, которых арестовал в станице?

– Направил следственным органам.

– И что же с ними сделали?

– Кого расстреляли, кого в тюрьму, – прищурился левый глаз, сказал Корягин.

– Шо с ним здря балакать, – не выдержал Гусочка. – Снять с него три шкуры за этих людей и взятый наш хлеб, да и вся реча.

– А ну-ка, ребята, выволоките его в коридор, – приказал Бородуля конвойным.

Показался Лаврентий Левицкий. В сознании промелькнуло:

«Убьют, нечистые души! А человека жаль».

Корягина вытолкнули из канцелярии. За дверью послышались тяжелые удары, возня.

Наконец ввели Виктора Левицкого – без шапки и пояса, рубашка с оторванным рукавом. Увидев его, собравшиеся злорадно захохотали, а низенький казачок, сидевший рядом с Валерьяном, выкрикнул:

– Вишь, ошипан! Как драчливый петух после боя!

Виктор показал ему шиш, запальчиво выдохнул:

– Выкуси, прапорщиком будешь!

Грохнул дружный смех. Бородуля строго сверкнул зрачками, и все сразу умолкли. Виктор на секунду задержал взгляд на отце и, почувствовав в душе неловкость, потупил голову. Матяш размашистым шагом приблизился к нему, ощерился:

– Ну? Будем мириться?

– Как это?

– Ты должен присягнуть нам, – сказал Матяш. – Отречься от большевиков.

– Не все сбывается, что желается, – напряженно глядя ему в слегка побледневшее лицо, решительно заявил Виктор.

Лаврентий сидел как на иголках. Горло сжимала спазма. Ему еще никогда не приходилось видеть сына таким бесстрашным, как сейчас, не верилось, что Виктор способен на такое, не понимал его: то ли он не представлял себе той опасности, которая угрожала ему, то ли действительно был храбр и смерти смотрел в глаза прямо.

– Да ты б, сынку... – прозвучал глухой его голос, как ослабленная струна.

– По-ихнему не будет, батя! – закричал Виктор, сжимая кулаки.

– Приказываю молчать, молокосос! – стукнул Бородуля кулаком по столу.

Матяш в бешенстве замахнулся плетью. Виктор предупредительно поднял руку:

– Лучше отойди!

– Да... настоящий большевик, – сказал Молчун.

– Проучите его, хлопцы! – горя злобой, распорядился Андрей.

На середину канцелярии вышел здоровенный казачина, засучил рукава рубашки. Виктор тоже приготовился. Казак со всего плеча ахнул его в грудь. Виктор пошатнулся, потом одним взмахом

кулака сшиб с ног противника и, как кот, кинулся к открытому окну.

Поп Валерьян осенил себя крестом, пролепетал:

– Богомерзкий...

Мятежники бросились к Виктору. Но тот прынул на подоконник, выбросился из окна и исчез в темноте ночи.

* * *

У подвала, в котором сидели смертники, стоял часовой. Рассвет был близок, но темнота еще не рассеивалась. Наоборот, она сгустилась еще сильнее, стала почти непроглядной.

В станице ни малейшего признака жизни.

Часовому невероятно хотелось спать. Он зевнул, присел на корточки, поставил винтовку между ног и, сомкнув глаза, испустил легкий храп.

Из-за угла погребницы неожиданно выскользнула человеческая тень, мелькнула на белой стене и тихо накрыла часового. Виктор Левицкий выскочил из укрытия, побежал на помощь Гавриле Мечеву. Подвал тотчас был открыт, и из него один за другим выбежали арестованные, пустились к Кубани.

Корягина поддерживали под руки: он был сильно избит. По набережной от центра станицы и до моста на реке посты мятежников были сняты и выставлены из чоновцев.

К Корягину подошел Иван Градов с бойцами, потом в темноте показался и Доронин.

– Всех спасли? – спросил последний.

– Всех, – вполголоса ответил Виктор.

– Вот мы схватили, – указал Леонид Градов на пленного белого офицера. – Что с ним делать?

Корягин заглянул ему в лицо:

– А, ваше благородие! Вы немного мне знакомы. – Он обратился к бойцам, пояснил: – Это тот, что чинил чадо мной расправу. Направьте его к Юдину, товарищи.

Вьюн выделился из толпы чоновцев, проговорил:

– Ишь ты! Погоны подьесаульские. Обер²⁸⁶, значит.

Пленного повели на мост, и фигуры людей растворились в предрассветной мгле.

VIII

Наступило утро. На церковной площади, грозя станичникам, стояла виселица. Улицы были безлюдны. Ветер поднимал на дорогах пыль, осыпал ею сады, постройки, дома...

В правленском дворе, под навесом сарая, уже суетились казаки около убитого часового, прикрытого шинелью на дрожках. Скоро им стало известно и о гибели еще трех постовых: одного у моста, а двух на углах кварталов по набережной. Сообщили об этом Бородуле. Тот примчался в правление.

Перед ним появился Федот Молчун – ответственный за охрану станицы, – а потом прискакал и Гусочка.

– Как же так? – с гневом проговорил Бородуля. – Это ваша оплошность, господин сотник!

– А что случилось? – испугался Молчун.

– Подвал пустой! Часовой убит.

– Ригинально, – протянул Гусочка, подходя к дрожкам. – Треба было выставить охрану из своих людей.

– Стояли и наши, – оправдывался Молчун.

– Оно и понятно, – сказал один из казаков. – Утомились люди. Все время шли с боями, не спали несколько ночей.

Поднялся шум. Бородуля цыкнул, обвел притихших казаков суровым взглядом.

---

²⁸⁶ **Обер-** – первая часть составных названий должностей и чинов в значении старший, главный: например обер-полицмейстер, обер-офицеры (в царской армии – офицеры в чине от прапорщика до капитана включительно) и т. п. – прим. Гриня

К нему подъехал Андрей Матяш, удерживая в поводу пляшущего коня, отдал честь и доложил, что основные силы генерала Крыжановского подошли уже к монастырю, заняли оборону. Тут же он сообщил и о том, что через два часа в правление приедет генерал с иностранными представителями.

– Сейчас же выставить пикеты на дороге в лесу, а в станице, на улице, – почетный караул, – распорядился Бородуля.

– Слушаюсь, ваше благородие! – отчеканил Молчун.

* * *

В десятом часу дня через мост в Краснодольскую въехали три легковые машины. Поднимая пыль позади себя, они подкатили к правлению. Генерала и иностранных представителей встретила делегация мятежников во главе с Бородулей, Молчуном и Лукашом, передала им хлеб-соль на подносе. Крыжановский принял угощение, и на его горбоносом лице затеплилась довольная улыбка. Штабной офицер взял у него поднос.

Крыжановский спросил у Бородули, как прошел бой, и, когда узнал о больших потерях, насупил стрельчатые брови, достал из галифе золотой портсигар, закурил.

Англичане и американцы о чем-то бойко разговаривали. Казалось, что они приехали не в чужие края, а к себе на родину. Это сразу бросилось в глаза хозяевам станицы, ущемило их самолюбие.

Полли обратился к своему коллеге:

– Как ехали, господин Бейкер?

– О, великолепно! – воскликнул тот, и широкое его лицо расплылось в улыбке.

– Представьте себе, – с расстановкой заметил Полли, – здесь прекрасные места!

Бейкер неожиданно остановил несколько удивленные глаза на виселице, и на его румяных щеках заблестели мелкие бусинки пота. Он вынул платок из кармана френча, вытер лицо и, расстегнув верхний накладной карман, пошарил в нем двумя пальцами, спросил:

– Вешали?

– Нет. – отрицательно покачал головой Бородуля.

– Почему?

– Бежали приговоренные.

– О!.. – протянул Бейкер. – Это нехорошо.

– Господин генерал, – повелевающим тоном сказал Полли, – время не ждет.

– Да, да, – обращаясь к есаулу, заспешил Крыжановский.

– Прошу в правление, господа, – пригласил Бородуля.

В канцелярии Гусочка подсел к американскому полковнику и сбивчиво спросил:

– Господин полковник, у вас случаем нема английской або ж мериканской газеты для прочету? Хочу узнать, шо пишут за границей про ту помочь, яку дают нам Англия и Америка.

Полли высокомерно взглянул на него, положил руку на стол, за которым уже сидели его коллеги и генерал Крыжановский со своим штабным офицером.

Андрей Матяш стоял у стены, исподлобья поглядывал то на англичан, то на американцев. Бейкер обвел желтыми глазами канцелярию и, как бы опасаясь кого-то, заглянул в открытое окно. Андрей пристально наблюдал за ним.

– Господа иностранцы! – заискивающе начал Бородуля приветственную речь. – Дозвольте мне наперед выразить от всего сердца глубокую вам благодарность за помощь, которую вы оказываете нам. Благодаря только вашему оружию мы сумели подойти к узловой станции Кавказская. Также надеемся, что скоро настанет день, когда мы с божьей и вашей помощью очистим Кубань от большевиков.

Затем он предоставил слово Крыжановскому и сел. Генерал выпрямился и самоуверенно, без всякой жестикуляции начал:

– Господа офицеры, прежде всего я хочу сообщить вам очень приятную новость. В ночь с третьего на четвертое августа в Баталпашинском отделе под руководством князя Крым-Шамхалова и генерала Султан-Клыч-Гирея вспыхнуло восстание против большевиков. Теперь в наших руках Большой Карачай и, что особенно важно, весь Клухорский перевал. Этот стратегический путь соединил нас с Черным морем, и мы сейчас установили непосредственную, прямую связь с полковником Гаскелем, который возглавляет в данный момент миссию США в Закавказье.

Казаки оживленно загудели, а кто-то даже одобрительно произнес:

– Чудесно!

Крыжановский скосил калмыковатые глаза на сидящих и, выждав минуту, натужился и заговорил еще энергичнее:

– Но это лишь одна сторона дела. Для того чтобы наверняка победить, изгнать большевиков с Кубани, мы должны коренным образом изменить свою политику к иногородним, объединиться с ними в мощный кулак. Казаки обязаны пойти на уступку иногородним в своих кое-каких привилегиях. Земельный вопрос, вокруг которого извечно происходила борьба на Кубани, следует решить в пользу иногородних. Их надо оторвать от комитетов, перетащить на свою сторону. Единый фронт, сплоченность в данный момент нам нужны как никогда. А земля – и ничто другое – может в этой суровой схватке сплотить нас с иногородними против большевиков.

– Это ваше личное мнение, господин генерал-майор, или такая установка свыше? – хмуря брови, спросил Матяш.

Крыжановский взглянул исподлобья на хорунжего, опустил ладонь на серебряный эфес шашки, с таким же высокомерием продолжал:

– Нам нужна твердая, карающая рука, безжалостное уничтожение всех большевиков. Проводником такой политики на Кубани является генерал Хвостиков. Он один прекрасно понимает душу кубанского казака и иногороднего.

– Еще б... – одобрительно пробормотал Молчун. – Родом с Кубани, казак.

Чувствуя на смуглой шее прохладный воротник белого атласного бешмета, выступавшего из-под выреза черкески, Крыжановский сделал еле заметное движение плечами, продолжал:

– Вы должны сегодня же очистить свою станицу от оставшихся большевиков. Эту задачу я возлагаю на вас, господин есаул.

– Слушаюсь, господин генерал-майор! – Бородуля вскинул руку к кубанке.

– Кроме того, – заканчивал Крыжановский, – нам немедленно надо начать мобилизацию призывных возрастов в свою армию.

– Люди будут, – заверил Гусочка.

– Это очень хорошо, – развалившись в кресле, важно помотал головой Бейкер.

Матяш медленно подошел к столу, взялся за наконечник кинжала, висевшего у него на поясе, сказал:

– В нынешнего казака, а тем более в иногороднего, господин генерал-майор, верить нельзя. Вы поглядите, что творится вокруг нас. Большая часть казачества уже присоединилась к совдепам, поддерживает их режим. У нас в станице секретарь комячейки – казак, добрая половина чоновцев и комсомолов – тоже казаки.

– Я вас не понимаю, господин хорунжий, – перебил его Крыжановский, и под широкими его усами дрогнули уголки губ.

– Я думаю, – шаря угрюмыми глазами перед собой, продолжал Матяш, – жестокие меры до добра не доведут. Истреблять надо явных врагов. Но сочувствующих совдепам мы не должны трогать, ежели хотим выиграть войну. С таким народом нам треба искать общий язык. А главное – мы обязаны зараз же приступить к созданию полков из казаков, которые охотно бы вступали в наши ряды, верой и правдой служили общему нашему делу, не щадя своей головы, боролись бы супротив злейшего врага всего казачества – большевиков!

Гости до некоторой степени были шокированы дерзким выступлением хорунжего, переглянулись меж собой.

– Погодь, Андрей, – Бородуля приподнял руку. – Ты против бессмысленных репрессий. А мы разве за поголовное душегубство? Будем наказывать самых ярых.

– Господин хорунжий, – раздраженно вмешался Бейкер в разговор. – Мы призваны вместе с вами вести общую борьбу против Советской власти. И эта борьба будет проходить не на жизнь, а на смерть, будет кровопролитной, жестокой!

– Мы сейчас не будем вдаваться в дискуссию, – категорически заявил Крыжановский. – Этот вопрос давно уже решен, и от него командование в лице генерала Хвостикова отступать не будет. – Он перевел взгляд на американского представителя: – Прошу, господин полковник.

Полли выпрямился и некоторое время глядел молча на притихших казаков, потом сказал:

– Господа офицеры, я должен предупредить вас. В настоящее время основная наша задача состоит в том, чтобы как можно больше взять хлеба у населения. Помните, хлеб в наших руках – это

уже ключ к победе. Хлеб нужен не только для вашей армии, но и для покрытия тех долгов, которые вы обязаны уплатить нам за поставленное вам оружие.

Казачи потупили головы, затихли.

* * *

После совещания генерал Крыжановский, англичане и американцы уехали в монастырь.

Машины мчались по лесной дороге, охраняемой пехотными пикетами.

– Обратите внимание, эмиссар, – сказал Полли своему попутчику. – Какой великолепный воздух в этих краях!

– Да, – многозначительно протянул Бейкер, – воздух в этих местах чудесный, но... здесь, того и гляди, как я убедился, можно получить пулю в лоб.

Полли откинулся на спинку сиденья, помолчал минуту, потом воскликнул:

– Не сокрушайтесь, мой друг! Все будет хорошо. Большевиков мы разгромим, и этот богатый край в скором времени станет нашей колонией... Я уже побывал на золотых приисках. В собственных руках держал слитки золота. Хотите, я покажу вам карту полезных ископаемых Кавказа?

– Вы уже достали карту? – оживился Бейкер.

– Меня снабдил один здешний промышленник, бывший предприниматель нефтяных промыслов.

Машины, поднимая пыль и сухие листья, приближались к монастырю. На пути все чаще и чаще попадались казачьи разъезды.

Вдоль монастырской ограды стояли повозки, нагруженные продовольствием, боеприпасами, фуражом. Тут же были привязаны и лошади в седлах и сбруе.

Неподалеку меж деревьями виднелись две пушки: одна английского образца, другая – русского.

Бейкер указал на первую:

– Это наша.

– Осталась после Деникина, – ответил Полли.

Слышались голоса, раздавались песни, где-то пиликала гармошка.

Машины въехали во двор монастыря, остановились у колокольни. Крыжановский вылез из кузова и вместе с подошедшими иностранцами поднялся по ступенькам в башню, где дожидался их Набабов с офицерами.

Отдали честь друг другу.

– Мы предлагаем такой проект, господин генерал-майор, – подойдя к карте, развернутой на столе, сразу же начал докладывать Набабов. – Вот здесь, с правого фланга, атаковать противника в Кавказской.

Полли выслушал его и обратился к генералу:

– Когда же вы думаете возобновить наступление?

– Это будет зависеть от продвижения наших главных сил на армавирском направлении, – ответил Крыжановский, присаживаясь у окна.

– Ничего не понимаю! – возмутился Бейкер. – Мы с вами имеем определенную договоренность, господин генерал-майор, что ваша дивизия будет занимать Кавказскую и сейчас же начнет наступление на нефтяные районы.

– Совершенно верно, – подтвердил Крыжановский. – Но нам нужна передышка.

Бейкер развел руками.

– Задержка. Это очень плохо. Вы тем самым нарушите наш общий план.

Полли недобро взглянул на генерала.

– Мы условились с вами, – продолжал он настоятельным тоном, – прежде всего вы должны освободить от большевиков нефтяные районы.

У Крыжановского дрогнула нижняя губа, на лице расплылась сухая улыбка.

– Учтите, господин полковник, – растягивая слова, заговорил он предупредительным тоном, – мы имеем дело с большевиками. С ними бороться не так-то просто.

– Наше правительство никогда не отказывало вам, господин генерал-майор, – добавил Бейкер. – Нужны вам винтовки, пулеметы, пушки, танки и самолеты – пожалуйста. Вы только добросовестно

воюйте.

– Дело не в оружии, господин эmissар, – возразил Крыжановский, подумав. – Основную роль играют люди, а их пока мало у нас. Денька два-три все же придется нам задержаться. Авось все будет хорошо.

– Что ж, – сказал Полли, – мы подождем, господин генерал-майор.

Крыжановский приказал офицеру проводить представителей в отведенную им комнату. Полли и Бейкер покинули приемную.

Явился Бородуля. Взяв Крыжановского под локоть, он шагнул с ним к окну, прошептал:

– Вас просила мать Рафаила, чтобы вы не стреляли по коммуне.

– Что за прихоть? – удивился Крыжановский.

– Это имение ее отца.

* * *

Поздней ночью в штаб прискакал связной от Хвостикова и сообщил Крыжановскому, что 3-я отдельная казачья кавбригада Воронова двумя клинами прорвала оборону армии возрождения России в районе Невинномысской и Армавира, и хвостиковцы вынуждены были отступить почти до реки Чамлык. Главнокомандующий приказал немедленно прекратить наступление левофланговым частям фронта до особого распоряжения и перейти к обороне.

Штабные подавленно молчали.

– Да... Весть нехорошая.

– Где же сейчас большевики? – спросил Набабов.

– В десяти верстах от Синюхи, – ответил связной.

Генерал вытер на лбу испарину, сел в кресло.

IX

Кавбригада 14-й кавалерийской дивизии по приказу командования IX Красной армии срочно была переброшена на южную окраину Кавказской.

Батарея расположилась на опушке общественного леса. Пулеметные тачанки укрылись между густыми деревьями, в зарослях и оврагах. Здесь же стоял уже в полной боевой готовности рабочий отряд кавказского депо и железнодорожного узла, готовый по первому сигналу вступить в бой с бандой.

В окопах, которыми был опоясан лес и вся окраина поселка, расхаживали красноармейцы.

У земляной насыпи под сенью ширококронного дуба комиссар полка проводил политбеседу со своими бойцами. В стороне, скрываясь в зеленой посадке, дымила походная кухня.

По улице хутора на золотисто-рыжем Карабахе проскакал комбриг Демус²⁸⁷. За ним на гнедом дончаке рысил смуглолицый его ординарец, Петька Зуев. Въехав во двор, комбриг приподнялся на стременах, слез с коня и, передав повод ординарцу, на ходу крикнул:

– Подпруги, подпруги гляди не забудь ослабить!

Он одернул темно-зеленую гимнастерку под широким солдатским ремнем, на котором висели шашка в потертых кожаных ножнах и наган в залосненной кобуре, поправил на боку планшетку и, стуча коваными каблуками о половицы ветхого крыльца, скрылся в дверях дома.

К воротам подъехала легковая машина. Из нее вышли Левандовский, Балышеев и Жебрак. Часовой отдал им честь, и они быстро поднялись по ступенькам.

В обширной комнате в беспорядке лежало оружие, ящики с боеприпасами, военное имущество. На длинной скамейке – два тюка только что полученного белья.

В смежной комнатке за письменным столом Демус читал в газете сводку о событиях на польском фронте. Бронзовое, изрытое оспой его лицо со вздернутым облупленным носом было сосредоточено, дышало здоровьем.

---

²⁸⁷ Демус Марк Николаевич – с мая по декабрь 1920 года командир 3 полка IX Кубанской армии. Его именем названа улица в Карасунском округе Краснодар. – прим. Гриня

Послышались шаги, дверь отворилась, и в комнату вошли военные. Демус сделал несколько шагов им навстречу и, стукнув каблуками, взял под козырек.

– Познакомься, Макар Николаевич, – обратился к нему Балышеев и указал на Левандовского. – Наш новый командующий.

Демус пожал ему руку и предложил сесть. Левандовский и Жебрак, возобновив беседу о контрреволюционном восстании в Карачае, заняли стулья у стола, а Балышеев, подойдя к карте, стал рассматривать район Краснодольской, Драного, коммуны и монастыря, где теперь заняла оборону дивизия Крыжановского.

– А что произошло в Баталпашинском отделе? – садясь на свое место, обратился Демус к командующему. – Я до сих пор ничего не знаю.

Левандовский рассказал о карачаевских событиях и после небольшой паузы неодобрительно заметил:

– Не всяк умен, кто с головой. – Он застегнул на блестящую желтую пуговицу нагрудный карманчик гимнастерки, бросил: – Черемухин²⁸⁸, да и только! Не стоило ему расстреливать этих кулаков, да еще при народе. Более того, он так и не выяснил: то ли эти кулаки были подосланы, то ли просто гости, как это часто бывает у горцев. Приедет какой-нибудь кулак к своему другу и гуляет у него неделями.

Балышеев продолжал рассматривать карту, что-то записывал в блокноте, затем, обратись к Жебраку, спросил:

– Значит, в Краснодольской англичане и американцы?

– Да, разведка доносила, – подтвердил тот.

В передней раздались оживленные голоса, и в комнату явились командиры, уселись на скамейках. Демус окинул их взглядом, вытянулся перед командующим.

– Разрешите доложить, товарищ командарм. Командный состав кавбригады в полном сборе.

Левандовский поднялся. Худошавая, среднего роста, всегда собранная его фигура выпрямилась по-военному, и сразу почувствовалось, что этот человек обладает незаурядным, твердым характером. Он скользнул теплым взглядом по рядам сидящих, начал с чуть повышенной интонацией:

– Товарищи, сегодня, то есть шестого августа, в тринадцать ноль-ноль, вы вступаете в бой с бандой черносотенного генерала Крыжановского, засевшего в станице Краснодольской.

Командарм говорил спокойно, как будто ничего серьезного и не случилось: в карих его глазах светилось присущее ему хладнокровие. Лишь только верхняя тонкая губа с небольшими русыми усиками едва заметно подрагивала. Балышеев сидел против него, на другом конце стола, невольно следил за выступающим.

Жебрак, потупив голову и широко расставив ноги, глядел на пол, как будто совсем был занят посторонними мыслями, но тем не менее он не пропускал ни одного слова, сказанного командующим.

Демус то и дело поглядывал на своих подчиненных, как бы пытался каждому заглянуть в душу, разобраться в их мыслях и чувствах, судорожно сжимал на сомкнутых коленях пальцы левой руки в ладони правой.

Левандовский затих. Демус встал и, обратясь к собравшимся, спросил:

– Вам все ясно, товарищи?

– Все, товарищ комбриг! – полетело в ответ.

Комната опять наполнилась шумом, говором.

* * *

В Краснодольской мятежники и дивизия Крыжановского лихорадочно готовились к обороне. В степи, за станицей, стояли сторожевые заставы, зорко наблюдая за лесом, откуда с часу на час должны были начать наступление красные кавалерийские полки и пехотные рабочие отряды.

Из землянки на бруствер изредка поднимался Андрей Матяш, подолгу рассматривал в бинокль

---

²⁸⁸ Черемухин – вымышленный город Александра Николаевича Островского, где разворачивается действие комедии «Не в свои сани не садись». – прим. Гриня

обширную буерачную степь с копнами немолоченого хлеба, вдали синеющий лес.

На церковной площади, где угрожающе поднималась виселица, стояли две сотни мобилизованных казаков. Многие из них, привязав своих коней к заборам, сидели на скамейках, расхаживали по тротуарам.

У станичного правления среди казаков был и Гусочка. Вид у него праздничный. Балахон табачного цвета застегнут на все крючки, высокая каштановая папаха с острым красным верхом сбита набекрень, черные с напуском шаровары заправлены в голенища лакированных сапог. На поясе – кривая казачья шашка, кинжал и в кобуре револьвер системы Бульдог. Лицо, поросшее жидкими волосами, еще сильнее похудело: коричневая кожа туго обтягивала скулы и подбородок, лоснилась на солнце. Под глазом огромный синяк.

– Ваш ушиб так и не расходитя, Иван Герасимович, – присаживаясь с ним рядом на скамейку, сожалеюще сказал Валерьян.

Гусочка оцупал щеку, с гордостью промолвил:

– Скоро не разоидетя, батюшка! Ето ж не абы какой синяк, а самый что ни на есть большевицкий! – Он помолчал, потом встряхнул головой: – Жебраковский. Ох и бьет же, супостат! Так жвакнул, что и ослобони господи! В очах аж пыхнула блискавица. Будто перед носом снаряд лопнул. Етак и на кулачных боях не били.

Раздался веселый смех.

– А чего вы? – уставился Гусочка на казаков. – Не верите? Да у него кулачище что моя мозговница²⁸⁹. А ну-ка, батенька мой, хлобыснуть етаккой гирей. Избави бог!

– Истинно, истинно речёшь, брат мой, – сокрушался поп. – Но падать духом не надо. Смелым бог помогает. – Он слегка дотронулся до плеча Гусочки. – Вельми утруждаете себя, Иван Герасимович, взявши командование сотней. Вам нужен хороший отдых.

– Что вы, отец Валерьян! – с обидой воскликнул Гусочка. – Теперички не такое время, шоб нежиться. Отбиваться нужно от большевиков. А там, может быть, и атамана начнем выбирать.

– Вот бы вас назначить головой, – сказал поп.

Услышав эти слова, Гусочка немного привстал, недоверчиво смерил его взглядом, как бы желая не то возразить ему, не то кинуться в объятия и расцеловать за такие словеса, но лишь глупо улыбнулся и, задыхаясь от радостного чувства, выпалил:

– Ригинально! Да кто бы от етакого счастья мог отказаться, батюшка? Подумайте сами. Я б с дорогой душой. Вот крест и святая икона!

– Ишь ты, ласый какой! – Молчун повернулся к нему лицом и так покотился со смеху, что маленькие его глаза совсем скрылись под красными веками.

– Нет, Иван Герасимович, – вмешался в разговор Лукаш. – Из тебя атамана не выйдет.

– Почему? – спросил Гусочка.

– Грехов на твоей душе много, – пояснил Лукаш. – Вот и отец Валерьян может подтвердить.

Гусочка погрозил ему пальцем и, тоненько хихикая, пропел елейным голосом:

– Вы ето здря, Софрон Тимофеевич. Для етой надобности я не поскупился бы. Денно и ночью просил бы бога. А вы сами знаете: денежка-молитва что острая бритва, все грехи сбреет.

– Истинно, брат мой, истинно! – приподнял поп палец. – Рука дающего не оскудеет.

– Так и быть, Герасимович, – потрепав Гусочку по плечу, сказал Молчун. – Лишь бы магарыч поставил, а мы, если большевики нас не выгонят из станицы, не постоим: немедля изберем тебя в атаманы.

– Ето как водится, магарыч будет.

– Синяк под глазом не зря ты получил! – захохотал Молчун.

Гусочка сделал жест рукой и сказал:

– А правда, Федот Давидович, хорошо быть атаманом! Тут тебе почет и уважение. Сидишь в атаманском кресле с булавою в руке, а все к тебе обращаются то за тем, то за етим. Разрешите, господин атаман, тот али етот вопросик. Ты и разрешаешь али не разрешаешь. Ето лучше всякого богатства, черт возьми! Да гляди, из станичного атамана выберут и в войсковые. Одно токо плохо – на мне малый чин лежит.

– Чин – дело нажитое, – подтрунивал Молчун. – Он сам к тебе придет, если ты покажешь себя с

---

²⁸⁹ Мозговница – башка, голова. – прим. Гриня

выгодной стороны перед высшим начальством.

– Я и так стараюсь! – делая вид, что не замечает проделываемых с ним шуток, возгордился Гусочка и указал на виселицу: – Это ж моя работа. Но какое у нас начальство будет? Англическое чи мериканское?

– Их уже здесь нет, Герасимович, – сказал Молчун. – Сейчас же, как только услышали, что большевики заходят нам в тыл, так и укатили.

– Да?

– Еще ночью.

Лукаш опустил руку на плечо Гусочки, укоризненно заглянул ему в лицо:

– Кто в чин пролезет лисой, Иван Герасимович, тот в чине будет волком. Так-то.

Гусочка недобро вылутился на него, промолвил:

– Ригинально. – Потом перевел взгляд на попа, брякнул: – А вы, батюшка, во время боя тоже хорошо палили из своего карабина.

Поп метнул на него недовольный взор.

– Хоть на людях не болтайте об этом, Иван Герасимович. Христом-богом прошу!

Гусочка хотел посмеяться над его трусостью, но в это время на улице показался всадник.

– Кажись, Данило Конотоп едет, – неуверенно произнес Молчун.

– Да, это он, – сказал Гусочка.

Вскоре Данилка осадил взмыленного коня и, спешившись, приложил руку к кубанке:

– Здрав желаю, господа офицеры!

Те поздоровались. Видя взволнованного связного, Молчун спросил:

– Новость какую-нибудь привез?

– Да, распоряжение от генерала Хвостикова, – держа коня в поводу, ответил Данилка. – Мне нужен есаул Бородуля.

– Я сей мент съезжу к нему, – вскочил Гусочка. – Он там в землянке с Матяшом.

– Как же ты сотню бросишь? – возразил Молчун. – Лучше уж какого-нибудь казака послать.

Но Гусочка уже не слушал его и, сев на свою Анархию, пустился вскачь по дороге.

В землянке за маленьким столом сидели Бородуля и Андрей Матяш, вели разговор о Викторе и Оксане.

– Что вы, папаня, все время твердите мне об этом большевике? – с раздражением проворчал Матяш. – Оксанка уже моя жена! А Виктора мы подстерегем.

Он резко встал и, пригибаясь, чтобы не задеть притолоку, поднялся по ступенькам наверх. Бородуля последовал за ним.

– Да, сегодня нужно ожидать большевиков в гости, – нервничая, сказал он и стал прощупывать биноклем степь и лес.

Матяш тяжело вздохнул, занес руку над головой, как бы намереваясь почесать за ухом, но тут неожиданно за спиной раздался конский топот. Есаул и хорунжий оглянулись: к валу приближался Гусочка.

– Что случилось, урядник? – тревожно спросил Бородуля. – Почему бросил своих казаков?

Гусочка вскинул руку к папахе, отрапортовал:

– Вашкобродие, от енерала Хвостикова кульер прибег. Вас строчно требует в правление.

Х

В полдень Бородуля приехал домой, торопливо сказал жене:

– Дело обстоит так, Киля. Сейчас от Хвостикова получен приказ, чтобы мы сегодня же начали отступление. Завтра в станице будут красные. Тебе, как только стемнеет, немедля нужно уехать из дому. На хозяйстве оставь папашу: их большевики не тронут.

Акилина Даниловна всплеснула руками, заголосила:

– Ой, боже ж ты мой праведный! Да как же мы хозяйство оставим? Его ж теперь растянут, до щепочки растянут! Что ты наделал? Пропали мы, как мухи, пропали!

– Да не кричи, оглашенная! – цыкнул на нее Бородуля. – Я тебе – тихо, а ты шум подняла. Мы через недельку вернемся.

Жена, не зная, что делать, стояла посреди зала как вкопанная.

– Вот заварил кашу так заварил! – в отчаянии простонала она. – Тут хлеб нужно молотить. Ах,

чтоб вам ни дна ни покрышки! Зачем было начинать всю эту шерemiцию²⁹⁰!

– Не моя воля, – развел руками Бородуля. – На то приказ генерала.

– Не твоя воля? – сердито закричала Акилина Даниловна. – А не ты ли стаскивал в станицу разную оружиею да все хоронился с нею, казаков гуртовал вокруг себя? До Крыжановского ездил, помочи просил! Молчи лучше! Вот красные как понапорют вам гузны²⁹¹, чтобы вы были трошки умнее. До каких пор вы будете мордоваться? Все равно большевиков вам не одолеть! На Дону с Назаровым что они сделали?.. То будет и с вами! У них в руках вся Россия, а вас горстка. Остепенились бы лучше!

– Не рассуждай, а делай, что тебе приказываю! – повысил голос Бородуля. – Это не бабье дело! Слышишь? Вам следует получше за горшками следить да вкуснее борщи стряпать!

– Ежели бы нас не трогали, то мы к вам и не мешались бы, – с укором ответила Акилина Даниловна. – Сами-то вы с красноармейками как расправлялись, а нас, думаешь, помилуют теперь. Вы воюете, а нам за вас приходится отдуваться.

– Мне некогда калякать с тобой, – раздраженно сказал Бородуля. – Дело твое: хочешь – отступай, не хочешь – сиди дома.

Направился к двери. Отец заботливо подгробал граблями колосья у скирды немолоченой пшеницы. Голова старика тряслась, на лице блестела слеза.

* * *

В канцелярию вбежал часовой и, приложив руку к кубанке, пролепетал:

– Господин есаул, до нас летит со стороны Кавказской большевицкий ероплан!

– Сейчас же с площади убрать конников! – приказал Бородуля командирам, сидевшим в ожидании распоряжения.

Выбежали на улицу. Самолет уже кружился над окопами. Молчун и Гусочка мигом сели на лошадей, помчались к своим сотням, подавая команду:

– Галопом под деревья!

– Не задёрживайся!

Всадники бросились врассыпную, притаились в укрытиях.

Валерьян, подняв полы широкой рясы, пустился домой, осеняя себя размашистым крестом.

Бородуля, Матяш и Конотоп, вскочив на коней, поскакали к окопам. Со стороны Кавказской донесся глухой, точно из-под земли, орудийный гул. В воздухе с нарастающей силой просвистел снаряд, разорвался за околицей. Самолет пролетел над окопами, скрылся в черной туче. Раздался второй взрыв, третий, четвертый...

Прибежав домой, Валерьян второпях запряг Гнедка в линейку, потрогал переднее расхлябанное колесо.

– Эко скрипит! Того и гляди, на дороге развалится.

Но делать было нечего, и он с необычным проворством начал собираться в дорогу. На линейке быстро появились узлы с одеждой, харчи в корзинах, посуда. Попадья вынесла из дома и самовар с трубой, но для него уже не оказалось места. Поставила у порожек крыльца, впопыхах уселась на линейке рядом с дочерью. Валерьян запер дом, перекрестился.

– Ну, с богом, гнеденький, трогай, – натянул он вожжи. – Трогай, дружок.

За углом конь по старой привычке, к огорчению Белугиных, начал останавливаться у каждого двора.

– Ах боже мой! – выходила из себя попадья. – Чтоб он тебе издох! Ну почему ты не продал его?

---

²⁹⁰ **Шерemiции** – традиционные игры казаков – это «примерные бои, устраиваемые на праздниках» казаками Дона, Кубани, Урала и Терека. Современные шерemiции проходят в виде соревнований по следующим дисциплинам: рубка мишеней в пешем строю, фехтование на шашках, фехтование на пиках, борьба на ломка (борцовские поединки), кулачный бой (кулачки). Джигитовка и скачки из-за дороговизны проводятся редко. Традиционные же шерemiции не обходились без конных состязаний, без стрельбы с коня, без скачки «на мишень», без фланкировки (выполнение боевых приёмов) шашкой и пикой верхом. – прим. Гриня

²⁹¹ **Гузно** – задняя часть у человека, животного; то же, что зад, задница, жопа, попа, седалище, сидение. – прим. Гриня

Как же мы теперь уедем на нем? Вот горе наше!

– Да кнутом его, папа! – крикнула Ава.

У моста скопились подводы беженцев. Шум, крики, плач слышался повсюду. Въезжая на мост, Валерьян спросил у часового, можно ли там еще проехать.

– Быстрее, быстрее! – махнул тот винтовкой.

– Проезжайте скорее, батька! – кричали ему с задних подвод. – Чего допытываетесь?

Валерьян стегнул Гнедка кнутом.

* * *

За Краснодольской один за другим рвались снаряды, поднимая столбы черного дыма и пыли. Падали убитые и раненые.

Бородуля и Матяш сбежали с вала, сели на коней и умчались в станицу на площадь. За ними бросилось еще несколько офицеров.

На левом фланге кавбригада 14-й кавалерийской дивизии под командованием Демуса прорвалась на окраину Краснодольской и на улице сцепилась с врагом в сабельной рубке. Комбриг подался сильным корпусом вперед, мелькал на золотисто-рыжем карабахе²⁹² среди своих конников, настигал белогвардейцев, и обнаженная его шашка беспощадно опускалась на головы врагов. Глаза от напряжения горели огнем, фигура принимала то одно, то другое положение. Вот он заметил впереди трех красноармейцев, сражавшихся с группой белоказаков, и, видя, что его бойцам не устоять, призывно крикнул:

– Держись, орлы! – и понесся с конниками на подмогу товарищам.

Передовые подразделения кавбригады также проникли в станицу. Впереди на гнедом коне мчался Виктор Левицкий, держа опущенную шашку. Перед ним мелькнули створчатые ворота его двора, клуня, хата, садик...

На углу из подворотни ударил ручной пулемет. Среди атакующих упало несколько лошадей, трое красноармейцев были убиты. На подмогу белогвардейской сотне примчались крыжановцы во главе с Андреем Матяшом.

Силы белоказаков постепенно слабели. Красные теснили их к берегу Кубани. В поредевших сотнях крыжановцев неожиданно началась паника. Многие бросались к Гусиной плавне, единственному открытому месту, рассыпались по широкому займищу²⁹³. Повсюду бродили лошади в седлах, валялись трупы, раненые.

Виктор, прижав коня, вместе с Петькой Зуевым и его бойцами пустился по дороге. Впереди во весь опор мчались остатки разгромленной белогвардейской сотни. Матяш скакал на лошади, кричал что было силы:

– Хлопцы, к острову направляйтесь! Коней бросайте, плавом²⁹⁴ – к тому берегу! Там песчаная коса!

Виктор заметил его, пустился вдогонку.

Белоказаки на полном скаку загоняли лошадей в воду, плыли к острову. Несколько мятежников уже открыли винтовочный огонь с противоположного берега.

Виктор настигал Матяша.

– Стой! – яростно закричал он, сверкая шашкой.

Матяш оглянулся. Выхватив наган, он выстрелил и ранил коня в голову. Конь упал. Виктор выпрыгнул из седла, вскинул карабин, но Матяш успел спуститься под кручу, скрылся из виду.

Перестрелка усиливалась. Виктор поймал другую лошадь и с Петькой, увлекая за собой бойцов, помчался к станице.

---

²⁹² **Карабахская лошадь** – старинная порода горных верховых лошадей, выведенная на территории Нагорного Карабаха, тип азербайджанской лошади. – прим. Гриня

²⁹³ **Займище** – здесь – полоса земли у реки, заливаемая весенним разливом. – прим. Гриня

²⁹⁴ **Плавом** – вплавь. – прим. Гриня

На острове, заросшем кугой, рогозом, осокой и камышом²⁹⁵, собралось человек сорок уцелевших казаков, они переправились вплавь на левый берег Кубани.

Матяш собрал их у вербы, пробрался по густым зарослям к заставе крыжановцев. Повстречался с Набабовым.

– Почему вы не отступаете? – гаркнул на него полковник.

– Как же отступать, когда закрыты все пути?

– Сейчас же начать отвод частей! – приказал Набабов.

– Мне нужна лошадь, – попросил Матяш.

Через некоторое время Данилка подвел ему коня.

Матяш прыгнул в седло, нырнул в чащу леса. Везде трещали винтовочные выстрелы и пулеметные очереди, где-то далеко бухала артиллерия, за станицей слышались крики рубившихся конников.

* * *

На правом фланге, по золотистому жнивью, усеянному копнами, все еще шел жаркий бой. На колючей стерне чернели трупы людей и лошадей. Белоказаки не выдержали натиска красных. Гусочка помышлял уже улизнуть с поля боя. Но из станицы неожиданно выскочил отряд Андрея Матяша.

– Урр-р-а-а! – рявкнули белоказаки.

Крыжановцы и мятежники опрокинули красную кавалерию, погнали к лесу. Конники кавбригады рассыпались по полю между копнами, уходя от преследования.

Лаврентий Левицкий, удерживая Ратника в поводу, скакал позади всех белоказаков, растерянно глядел вокруг. Шашка в ножнах. Погон, оторванный в рукопашной схватке, свисал с плеча и держался на одной ниточке. Черкеска изорвана, газыри рассыпались. Однако Георгиевские кресты уцелели.

Из оврага выскочил красный эскадрон, устремился на помощь товарищам. Впереди конников, точно впаянный в седло, мчался на гнедом дончаке Петька Зуев, высоко подняв шашку. Рядом с ним на Кристалле – Вьюн. Убегающие повернули коней, с гиком обрушились на белоказаков и мятежников.

Лаврентий круто повернул Ратника, вырвался вперед.

– Стой! – крикнул ему вдогонку кто-то.

Лаврентий не оглянулся и, припав к холке коня, толкнул его в бока, шепнул на ухо:

– Эк, нечистые души! Ще захороводят. Унеси, Ратничек! Шибчее, дружок, ишо шибчее²⁹⁶.

Конь нес его с такой быстротой, что погоня сразу отстала от него саженой на сто.

– Батя, остановитесь! – закричал Виктор.

Лаврентий обернулся, узнал сына. Сердце дрогнуло.

«Что делать? – мелькнуло у него в сознании. – Зарубит, бисов сын!» Ратник еще быстрее пошел под изволок.

– Остановитесь же! – снова раздался голос Виктора.

Отец, холодея от страха, невнятно прошептал: «Помилуй господи мя грешного!» – придержал коня.

– Вы чего здесь? – пронзительно крикнул Виктор.

– Сынок... – испуганно пробормотал отец. – Да меня... мобилизовали, бисови души.

– А, мобилизовали! – до хрипоты напряг голос Виктор. – Знаю я вас. Рысью туда бегите! – И он указал шашкой на лес.

– Витя, сыночек, – дрожа всем телом, проскулил отец, – шо ж оно будет? У меня нет никакой моготы. Там из меня капусту сделают.

– Никто вас не тронет, бегом! – горячился Виктор. – Нет, дайте мне Ратника.

---

²⁹⁵ **Куга, рогоз, осока, камыш** – названия болотных растений. – прим. Гриня

²⁹⁶ **Шибче, шибчее** – быстрее, резче, проворней, бойчее. – прим. Гриня

Отец повиновался. Виктор прыгнул в седло, поднял позади себя клубы пыли. Лаврентий, держа в поводу лошадь, не зная, что делать, стоял на месте, поглядывал то на лес, то на станицу. Вдали шла ожесточенная сабельная рубка.

«А все ж таки Витька у меня молодец», – подумал Лаврентий.

Взглянул на лошадь, все еще тяжело дышавшую от стремительного бега, сказал уже вслух:

– Ач, бисов сын, как запалил худобину! С какой потугой дышит, сердешная, – посмотрел в ту сторону, куда умчался Виктор, поскреб за ухом. – Нет, не поеду я до красных! – решительно махнул он рукой. – Хай хоть что – не поеду! Чтобы три шкуры с меня содрали. – Сел на лошадь и, прижимаясь к луке, потрусил рысцей по балке, поднялся на бугор.

С левого фланга ветер принес далекие голоса, крики всадников. В полуверсте бежали крыжановцы, преследуемые красной кавалерией.

«Когда б не сцапали», – подумал про себя Лаврентий и во весь опор погнал лошадь в станицу.

По дороге к ветряку галопом приближались мятежники. Позади всех во весь дух неся Гусочка с оборванной полой черкески.

Наперерез им лавиной летела кавалерия красных. Правофланговая группа мятежников поспешно начала отступать к Кубани. Гусочка устремился в улицу, направился к мосту, по которому с гулом уже проносились верховые крыжановцы и мятежники, мчались по дамбе в лес, где также шел бой с чоновскими отрядами. На берегу реки, в развалинах хаты, Федот Молчун с сыном и двумя белоказаками пристроился со станковым пулеметом. Бородуля и Лаврентий Левицкий, нахлестывая коней, перемахнули мост, скрылись в лесу.

Кавалерия красных ринулась за ними, но из развалины неожиданно застрочил пулемет. Под бойцами упало несколько лошадей. Задние рванулись в проулок.

Молчун с казаками кинулся в лес.

Бородуля подложил под мост пироксилиновые шашки. Раздался взрыв. Центральная часть моста взметнулась в воздух, тяжело обрушилась в воду.

Белоказаки стремительно начали отходить к монастырю. Юдин и Корягин с чоновцами преследовали их по пятам.

Среди беженцев началась паника. Подводы с пожитками и верховые белоказаки забили большую часть дороги из Краснодольской в монастырь. Треск винтовочных залпов, пулеметный клеток, орудийные выстрелы, далекие крики «ура» и громкая брань – все смешалось в бесформенный шум.

– Кто там задерживает? – кричало несколько охрипших голосов. – Паняй²⁹⁷ скорее!

– У попа колесо поломалось! – басил чей-то раздраженный голос.

– Да спихните его с дороги!

– На обочину, на обочину его!

К линейке подбежали мужчины, вместе с конем оттащили в сторону. Обоз снова тронулся. Попадья подняла руки, заголосила:

– Караул!

С Белугиными поравнялся Бородуля.

– Что вы здесь торчите, отец Валерьян? – придержав коня, спросил он с удивлением.

– Да вот, – указал поп на дрожки, – чертово колесо.

– Сейчас пересядете на мою подводу, – сказал Бородуля и крикнул жене: – Скорее, Киля!

Акилина Даниловна подъехала к линейке попа, натянула вожжи.

Поповна и попадья прыгнули на дрожки, поп уселся рядом с Акилиной Даниловной, и лошади тронулись.

Монастырский двор был уже забит подводами, верховыми и пешими мятежниками, белогвардейцами из дивизии генерала Крыжановского. Монахини попрятались в подвалы, кельи. Игуменья, зная об отступлении армии Хвостикова, выехала из монастыря.

В ворота с трудом протискались дрожки, на которых сидели Акилина Даниловна и семья Валерьяна. Попадью сразу же приютила у себя мать Иоанна. А поп, раздобыв две лошади, помог дочери взобраться в седло, сел верхом и сам, поехал за отступающими мятежниками.

---

²⁹⁷ **Паняй** – иди отсюда, двигай, отправляйся, погоняй. – прим. Гриня

XI

Из закубанского леса на Краснодарскую тянуло пороховой гарью, дымом. Кубань, вошедшая в берега (она обычно в летнее время спадает), словно расплавленное олово, блестела на солнце, зыбилась. На высоком берегу, у развалины хаты и взорванного моста, скопилась красная кавалерия.

Демус подъехал к обрыву и посмотрел на дорогу, лежавшую в лесу, по ту сторону реки.

– Да... – протянул комбриг, вытер пыль с лица и, помолчав, крикнул: – Левицкого ко мне!

Вскоре Виктор был перед своим командиром.

– Здесь брод где-нибудь есть поблизости? – придерживая карабаха, спросил у него Демус.

– Вон, за Комирней вылазкой²⁹⁸, – мель, – указал Виктор. – На лошадях вброд можно переехать.

– Будешь проводником, – распорядился комбриг.

Из гущи всадников на Кристалле выехал Вьюн. Лицо у него в пыли, матовое; блестели одни лишь черные, как терн, глаза да белые зубы.

– Разрешите и мне, товарищ командир! – попросил он. – Мы с ним вместе!

– Давай, давай, – сказал Демус.

Кавалерия спустилась по крутому взвозу к реке, катившей свои мутные воды меж угрюмых берегов. Виктор и Вьюн проехали шагов сорок по водоплеску, загнали коней в реку и, направляясь против течения, постепенно отклонялись на глубину. Вода под ногами лошадей звонко булькала, шумела. Следом за проводниками ехал ординарец Петька Зуев, а за ним тянулась цепочкой и вся кавбригада.

Когда вода коснулась брюха Ратника, Виктор, а потом и Вьюн стали на седла и, держа в руках поводья, направились к левобережью. То же самое сделали и все кавалеристы. Издали они были похожи на частокол, висевший над рекой, отражались в воде, как в зеркале.

Ратник и Кристалл рванулись на пологий берег и, мокрые, точно крытые лаком, вынесли своих седоков на дамбу.

Через четверть часа кавбригада уже скакала по дороге в направлении коммуны. Спешили на подмогу чоновскому отряду, который теснил к монастырю изрядно потрепанную дивизию Крыжановского и мятежников.

Юдин и Мечев осадили разгоряченных коней. У высокой ограды монастыря в суматохе мелькали белогвардейцы, виднелись тачанки, линейки, брички, на которых сидели семьи повстанцев.

Юдин посмотрел в бинокль, с досадой махнул рукой. Рванув коня, он поскакал к пулеметчикам, бойцам чоновского отряда, ведущим интенсивную перестрелку с белоказаками, залегшими в лесу. За ним едва поспевал Мечев на своем кабардинце.

К ним подъехал Корягин, дымя неизменной трубкой.

– Ну, как? – остановясь под дубом, спросил он.

– Обстреливать монастырь нельзя, – ответил Юдин. – Там женщины и дети.

– Как же быть? – Корягин поправил бинтовую повязку на голове.

– Что-нибудь придумаем, – шаря биноклем по скопищам беженцев, задумчиво промолвил

Юдин.

Демус, сопровождаемый Петькой и Виктором, прискакал к Юдину и Корягину, слез с коня. Ординарец взял у него повод, ласково потрепал карабаха по мускулистой груди, проговорил:

– Ну как, Крепыш? Мужичок не кочеток, а драться хочет!

Демус пожал товарищам руки.

– В чем задержка?

– Да, вот, – доложил Юдин, – хотели обстрелять монастырь, а там оказался обоз с беженцами.

Демус посмотрел в бинокль.

Виктор и Гаврила Мечев, пока командиры рассматривали противника под монастырем, присели на пнях и, достав из карманов кисеты, закурили.

– Был дома? – спросил Гаврила.

---

²⁹⁸ **Комирня вылазка** – здесь – историческое название местности, связанное с проводимыми здесь ранее боевыми действиями. Возможно, когда-то на берегу рядом с бродом стоял амбар, на который ориентировались при проведении боевых рейдов. – прим. Гриня

- Нет, – Виктор отрицательно покачал головой.
– А отец где, не знаешь?
Виктор потупился.
– Мобилизовали, сволочи!
Гаврила, помолчав минуту, сочувственно промолвил:
– Нехорошо это.
– А жена бежала с Матяшом, – замялся Виктор.
– Да ну-у? – удивился Гаврила.
Виктор поднял на него глаза.
– Слушай, Гаврюша, – заговорил он шепотом. – Ты с Аминет переписываешься?
– Это ж зачем тебе? – улыбнулся Гаврила, слегка краснея,
– С нею одна дивчина учится. Ты ее знаешь. Она наша станичница.
– Соня Калита? И что ты хочешь?
– Знаешь... Передай ей поклон от меня.
– Это могу, – сказал Гаврила.

* * *

Остатки разгромленных мятежников и дивизии Крыжановского залегли полукольцом саженях в пятидесяти от обоза и с бешеным упорством сопротивлялись натиску чоновцев и подразделений кавбригады 14-й кавалерийской дивизии.

На правом фланге был Корягин, на левом – Юдин, в центре – Иван Градов. Демус замаскировался в кудрявой зелени и, не слезая с коня, наблюдал за противником. Тут же находился и его ординарец. Командиры отдали приказ чоновцам и красноармейцам открыть огонь из пулеметов и винтовок поверх обоза противника и этим заставить семьи мятежников укрыться во дворе монастыря.

Затрещали винтовочные выстрелы, заклокотали пулеметы.

Юдин прижался к стволу корявого дуба, повел биноклем по обозу. Женщины в панике хватили с подвод своих детишек и, путаясь между телегами, бежали во двор монастыря, падали от страха, кричали.

Белоказаки в замешательстве попятились назад, кинулись к подводам. В это время в воздух взвилась красная ракета, и чоновцы с красноармейцами бросились на штурм монастыря. Демус вырвался вперед.

– Урр-р-а-а! – раскатилось по лесу и эхом отозвалось на крутых берегах Кубани: – Урр-р-а-а!

Чоновцы, держа винтовки наперевес, смешались с мятежниками, пустили штыки в ход. Бросая оружие, белоказаки сдавались в плен.

Иван Градов со своими бойцами прорвался во двор монастыря, устремился за противником, отступавшим небольшими группами по заранее подготовленным узким гатям²⁹⁹ и утоптаным тропинкам на высохших местах лесного болота. Палили винтовки, пулеметы, и трескучие отзвуки в ключья разрывали глухомань.

Демус, Юдин и Корягин выстроили пленных в колонны и под конвоем вывели на дорогу. Красноармейцы собрали трофейное оружие.

Виктор оглядывал казаков, искал среди них отца.

Юдин и Корягин, сопровождая захваченный обоз, ехали рядом. С ними поравнялся Гаврила.

– Ну, как шашка? – обратился к нему Корягин.

Гаврила улыбнулся и, блестя радостными глазами, скороговоркой ответил:

– Ничего. Хорошая шашка.

Он толкнул кабардинца в бока и поскакал.

Юдин проводил его взглядом.

– Каков молодец. Огонь!

---

²⁹⁹ Гать – настил из бревен или хвороста для проезда через болото или через топкое место. – прим. Гриня

ХІІ

После боя под Краснодольской обоз и артиллерия кавбригады 14-й кавалерийской дивизии выехали из общественного леса, потянулись на юг. Жебрак обогнал повозки, пушки, пустил коня в галоп по гладко укатанному проселку.

На улицы высыпали станичники. Смотрели на обозников, на пулеметные тачанки, кавалерию. Казачата гурьбой бежали за ними, выкрикивали:

– Красные едут! Красные едут!

Бабы рассматривали красноармейцев.

На церковной площади, где уже не было виселицы, обоз остановился. Кухни расположились у заборов под тенистыми деревьями. Из труб повалил густой дым.

В прямой, как стрела, улице показалась колонна пленных, окруженных конниками чоновского отряда.

* * *

Виктор Левицкий въехал к себе во двор, отвел Ратника в конюшню. Мать встретила его на пороге сенец, бросилась на шею, и горячие слезы потекли ручьями. Виктор обнял ее, поцеловал и замер на мгновение.

Из хаты вышел Наумыч, остановился перед снохой и внуком, сказал:

– Не плачь, Параска. Слезами горю не поможешь.

В кухне Виктор отстегнул от пояса шашку и кинжал, повесил на гвоздик, забитый в стену, и сев на стул, рассказал матери и деду о встрече с отцом.

– Да, – поправив прокуренные усы, протянул Наумыч, – горькому Кузеньке горькая и песенка.

– Я думал, – сказал Виктор с тоской, – что они перейдут к нам, но не тут-то было. И что сейчас с ними?

– Ах, голова, голова! – всхлипывала Мироновна. – Допрыгался, дотанцевался.

– Дело-то куда пошло! – опираясь узловатыми руками на заплатанные колени, проговорил Наумыч и, помолчав, сокрушенно вздохнул: – Да, да. Не мешай мешать. – Потом, идя в защиту сына, пояснил: – Он боялся Хвостикова. Вот и покорился. Да тут забирали не только служилых казаков, а скребли всех подчистую. Но душа моя чует – переметнется он до красных. – Глаза его остановились на внуке, голос прозвучал с новой силой: – А когда ты бежал тогда в окно из правления, так он пришел домой такой веселый!

Мироновна сидела у стола, тихонько плакала.

– Вы не очень убивайтесь за ними, мама, – сказал Виктор. – Что ж теперь. Чему быть, того не миновать.

– Ох, сынок, сынок! – тяжело вздохнула мать. – Как это трудно. Душа обливается кровью.

Наумыч присел на скамью, достал кисет, набил люльку табаком, закурил.

– Значит, ты теперь красноармеец, – обращаясь к внуку, многозначаче сказал он. – Это хорошо.

Мироновна посмотрела на старенькую черкеску сына:

– Ты бы снял эту одёжину.

– Да, да, – засуетился Виктор. – Мне нужно переодеться.

Мать вытерла слезы, накрыла стол.

Виктор разделся и, повесив черкеску на вешалку, сел за стол. Наумыч черпал борщ деревянной ложкой из миски, поглядывал на внука из-под широких бровей, думал: «Гарный казак! Но что с ним будет?»

Поужинав, Виктор шагнул в спальню. Кровать с высокой белоснежной постелью, на которой лежали горкой взбитые подушки с тюлевой накидкой, сразу напомнила ему Оксану. На душе стало нехорошо. Он задержал взгляд на матери, вынимавшей из гардероба темно-синюю черкеску, суконные штаны, рубашку со стоячим воротником и частыми пуговицами, праздничные сапоги, с раздражением, указав на комнатную обстановку, спросил:

– А почему она не забрала все это барахло? На кой черт оно мне нужно!

– Ей было не до барахла, сынок, – ответила мать и положила на диван одежду. – Она как ушла

из дому, так и глаз не казала. Узнали мы с дедушкой от батька, что развелась с тобой. А потом люди донесли, что с Матяшом сошлась. И Дарья из-за них погибла.

Она ушла в кухню, прикрыла за собой дверь. Виктор быстро переоделся, заглянул в зеркало. На сердце тяжелым камнем лежала тоска. Он поднял взгляд на портрет Оксаны, висевший над кроватью. Оксана глядела на него с улыбкой и как бы говорила: «Вот мы снова чужие...»

Виктор не мог вынести этого взгляда. Он хотел сорвать портрет со стены, но... вдруг сел, сжав руками голову.

Дед внес оружие. Виктор подцепил шашку и кинжал на казачьем поясе и, поправляя кобуру с браунингом, опять взглянул на портрет Оксаны.

Наумыч любовался внуком, и в старческих морщинах, сеткой лежавших на его скулах, просияла теплая улыбка.

– Экой ты стал! – торопко промолвил он. – На енерала смахиваешь!

В сенях раздались чьи-то легкие шаги, на пороге появилась Галина.

– Витя дома? – спросила она у Мироновны.

– Дома, – ответила та, вставая. – А зачем он тебе?

– Да... я хочу ему что-то сказать, – с заминкой проговорила Галина и потупила голову.

– Зайди, – указала Мироновна на боковую дверь. – Он там с дедушкой.

Галина нерешительно вошла в спальню, поздоровалась. Наумыч поспешно удалился.

– Садись, – пригласил ее Виктор.

Галина села, начала смущенно:

– Оксана просила меня передать тебе, что не захотела жить с тобой потому, что ты ушел к красным.

– Я знаю об этом, – махнул рукой Виктор.

– Она теперь с Матяшом, – добавила Галина. – Жена его.

Виктор неловко улыбнулся и, пожав плечами, сел.

– Что ж, – сухо проговорил он. – Нам незачем толковать о ней. Ты вот что, Галя. Напиши Соне...

– Хорошо, – согласилась Галина, как бы догадываясь о чем-то. – Я обязательно напишу. Сегодня же.

– А ты от Гришки тоже ушла?

– Да, – кивнула Галина.

– Ничего, мы найдем тебе жениха, – сказал Виктор с улыбкой. – Парень во всех отношениях.

Правда, его немного покалечили в этом бою, но ничего. Пока свадьба скоится, и все загоится³⁰⁰.

– Ой, пересмешник! – махнула рукой Галина.

– Что ты! – возразил Виктор. – Я знаю его мнение о тебе.

– Да?... – смутилась Галина.

Виктор шагнул к двери. За ним направилась и Галина.

– Ночевать придешь? – спросила Мироновна.

– Нет, – ответил Виктор. – Я ночью буду дежурить.

– Ну что ж, внучек, – с трудом промолвил дед и, обняв его, поцеловал. – Успехов тебе. Помни, дерево познается по плодам, а человек по делам.

– Спасибо, дедуня. За все спасибо.

Он крепко прильнул к матери, и прощальный поцелуй надрывно прозвучал в мягком комнатном воздухе, Мать с дедом проводили Виктора и Галину за калитку.

* * *

На околице приземлился самолет. Из него выбрались Атарбеков и Соловьев. Пилот снял с себя черный кожаный реглан, легко выпрыгнул из кабины на крыло, сошел на землю. Соловьев расправил онемевшие плечи, одернул гимнастерку под армейским скрипучим поясом, на котором висел в кобуре маленький браунинг, и, поглядев из-под руки на двух всадников, несшихся в намет по

---

³⁰⁰ **Скоить** – совершить, наделать. **Загоиться** – затянуться, зажить (о ране). – прим. Гриня

золотистому жнивью, залитому оранжевыми лучами заходящего солнца, сказал:

– Кажись, комбриг со своим ординарцем скачет.

Атарбеков, всматриваясь в верховых, поддакнул, и слегка горбоносое его лицо, обросшее смолистой бородой и широкими усами, посуровело, черные брови еще сильнее сдвинулись.

К самолету подъехали Демус и Петька Зуев, слезли с коней. Атарбеков поздоровался с ними. Соловьев также энергично стиснул руку комбригу, спросил:

– Как дела, Макар Николаевич?

– Все в порядке, товарищ комиссар, – басом ответил Демус. – Мятежники и белоказачья дивизия Крыжановского разгромлены.

Соловьев дотронулся до его плеча, сказал:

– Дело такое, Макар Николаевич. Ваша кавбригада, согласно приказу командарма, сегодня должна направиться по железной дороге в станицу Тимашевскую. Всех бойцов-казаков препроводите в Екатеринодар в запасный полк.

– Будет выполнено! – Демус взял под козырек.

Атарбеков положил ладонь на маузер.

– Пошли, товарищи.

Комбриг приказал ординарцу скакать за линейкой. Тот прыгнул в седло, помчался на дорогу. Навстречу ему бежало десятка три казачат.

– Вы куда, пострелята? – осадив коня, крикнул Петька притворно-грозным голосом.

– Поглядеть на отэ, – тараша глазенки из-под соломенного бриля и шмыгая вздернутым носом, нерешительно указал мальчуган на самолет.

– А... – добродушно протянул Петька. – Это можно.

Ребятишки бросились взапуски так, что, казалось, загорелась стерня³⁰¹ у них под босыми ногами.

XIII

Церковная площадь забита обозом, всадниками кавбригады 14-й кавалерийской дивизии, краснодольцами. У высокого тына стояла трехдюймовка³⁰². На лафете³⁰³ сидел Петька Зуев. Положив голову на гармошку, он как бы прислушивался к ее дыханию, и пальцы свободно выплясывали по перламутровым клавишам. Вокруг пушки плотным кольцом стояли кавалеристы. Гармонь в руках ординарца, как живая, заливалась переливчато, нежно. Петька гордо поднял голову, потряхнул черной шевелюрой и, растянув мехи на всю руку, дал полную свободу пальцам. Серые открытые глаза глядели вперед, задорно смеялись, подмигивали.

Конники не могли оторваться от него, упивались игрой...

Музыка утихла, и все перевели дыхание.

– А ну-ка, Петька, приударь такую, чтобы поджилки затряслись! – обратился к ординарцу краснощекий кавалерист.

– Давай гопака³⁰⁴! – раздались голоса.

Петька уселся поудобнее, улыбнулся и рванул гармонь так, что она, словно от боли, взвыла в несколько голосов. Мехи захлебывались, жарко дышали в сильных его руках.

На круг вышли Демка Вьюн и Виктор Левицкий, с подсвистом пустились в пляс. Бойцы в такт

---

³⁰¹ **Стерня** (жнивье) – сжатое поле; остатки (нижняя часть) стеблей злаков (зерновых культур) после уборки урожая. – прим. Гриня

³⁰² **Трехдюймовка** – общепринятое в России и СССР название артиллерийского орудия калибром три дюйма, то есть 76 и 76,2 мм. – прим. Гриня

³⁰³ **Лафет** – специальное приспособление, опора (станок), на котором закрепляется ствол орудия с затвором. – прим. Гриня

³⁰⁴ **Гопак** (укр. гопак, гоцак, козак, козачок, тропак, от укр. гоп – восклицание, произносимое во время танца; отсюда же глаголы гопати – топать, гопкати – прыгать) – национальный украинский танец-пляска. Существуют различные варианты танца: сольный, парный, групповой. Музыкальный размер гопака – 2/4. – прим. Гриня

хлопали им в ладоши, прищелкивали языками, громко выкрикивали:

– Ой гоп, гопака! Гоп! Гоп! Гоп!..

Площадь постепенно заполнялась станичниками.

На поспешно сколоченную трибуну, где уже развевалось бригадное красное знамя, поднялись Соловьев, Атарбеков, Демус, Жебрак и Корягин.

Народ успокаивался. Впереди взрослых, почти у самой трибуны, на земле уселись ребяташки, притихли.

Жебрак выждал тишину, оперся руками на барьер, произнес громко:

– Товарищи казаки, иногородние! Разрешите митинг, посвященный освобождению станицы Краснодольской от разбойничьей шайки погромщиков, считать открытым!

Над тысячеголовой толпой затрещали аплодисменты, широкой волной покатались с конца в конец огромной площади.

– Урр-р-р-а-а! – раздалось в вечернем воздухе. – Да здравствует Ленин!

– Товарищи! – продолжал Жебрак. – Мы собрались сюда для того, чтобы еще раз заявить своим врагам, подлым наймитам англо-американской буржуазии, никакой пощады им не будет, если они добровольно не сложат своего оружия.

На него из-под ладони глядел босоногий старший сынишка Ропота – Гришатка в порванных штанах и рубашке. Потом все его внимание переключилось на Вьюна, сидевшего на Кристалле в ряду конников. Наконец он сильно потянул носом, сдвинул на затылок старую отцовскую папаху и, подойдя вразвалку к парнишке, с любопытством спросил:

– Это твое ружье, Дема?

– Мое, – с гордостью ответил Вьюн.

– А сабля?

– Моя и сабля.

– А леворвер?

– И револьвер мой.

– А ото шо за бутылочки на поясе?

– Это бомбы, – сказал Вьюн и принял величественный вид.

– А ты стрелять умеешь? – не отставал от него Гришатка.

– Брысь! – окрысился Вьюн. – Валяй отсюда!

Гришатка вобрал голову в плечи, засопел и, продолжая рассматривать оружие на парнишке, околесил его несколько раз и побежал к ребяташкам.

Жебрак закончил свое выступление и предоставил слово Соловьеву. Тот приблизился к барьеру, стал под развевающимся на резком ветру красным знаменем. Положив руки на поручень, он повел глазами по притихшим краснодольцам и после продолжительной паузы сказал:

– Товарищи! Недобитая в первые дни Октября русская контрреволюция бежала из Центральной России от карающего меча Красной Армии. Бежала на Дон и Кубань. Здесь она свила себе змеиное гнездо и, поддержанная англо-американской буржуазией, снова поднялась.

Виктор Левицкий находился среди красноармейцев, стоявших на площади вперемежку со станичниками, видел, что некоторые из них явно были недовольны речью комиссара, переглядывались меж собой, косились на Корягина, но не смели перечить говорившим, как было раньше, держали язык за зубами. Теперь никто и не помышлял открывать рот против Советской власти, но на душе, втайне да и в тесном своем кругу они ругали ее. Виктор хорошо знал их думку, зиркал на них из-под насупленных бровей, молча курил сигарку. Кое-кто обменивался с ним такими же взглядами, и в этих взглядах Виктор улавливал презрение, ненависть.

Оратор говорил о Советской власти, о Красной Армии, о коммунах, о взаимоотношениях казака с иногородним.

Клава Белозерова неожиданно появилась перед Вьюном, прижалась к стремени.

– Ой, Демушка! – улыбаясь, прошептала она. – И ты уезжаешь?

– Уезжаю, Клава. Воевать буду.

– Не забывай нас, пиши. Ладно? Я тоже напишу тебе.

– Хорошо.

– Ну, прощай, Демушка! – Клава помахала ему и направилась к подругам.

Вьюн проводил ее задумчивым взглядом.

XIV

В кабинете начальника штаба IX Красной армии находились Левандовский и Балышеев.

Вошел Соловьев.

– Что нового? – спросил Левандовский.

– Наступление врага приостановлено, товарищ командарм, – начал докладывать Соловьев. – Мятежники в Краснодольской и белоказачья дивизия генерала Крыжановского полностью разгромлены. Сейчас кавбригада Демуса грузится в вагоны на станции Кавказская и к утру будет в Екатеринодаре. Атарбеков остался в станице.

* * *

В третьем часу ночи Балышеев, согласно распоряжению командарма, направил приказы по частям, усталый уехал домой. Машина мчалась по темной улице. Балышеев смотрел в окошко кабины. Вдоль пустых панелей чернели дома, сливались в сплошную стену.

«Фордик» вскоре остановился. Шофер повернулся:

– Назар Борисович, приехали.

Балышеев очнулся от забытья, проворно вылез из кабины и, войдя во двор, постучал в дверь дома. В коридоре раздались легкие шаги. Щелкнул засов, и в темноте показалась маленькая женская фигура.

– Это ты, Соня? – спросил Балышеев.

– Я, Назар Борисович, – ответила девушка едва слышным голосом.

Балышеев направился в небольшую освещенную спальню. Там за столом сидела Аминет. Из приоткрытых дверей комнат доносилось тихое, ровное дыхание спящих.

– А вы чего не ложитесь? – сняв фуражку, спросил Балышеев. – Уже четвертый час.

– Занимаемся, – прошептала Соня.

– Как дается наука, не отстаете?

– Нет, – улыбнулась Аминет.

– Но вы не перегружайте себя. – Балышеев слегка коснулся ее головы, с которой падали длинные черные косы с коричневыми лентами. – Спать, спать пора: на лекциях будете дремать.

У Балышеева две дочери. Аннушке шел девятнадцатый год, Любе – семнадцатый. Они, как только занялась заря, проснулись. Аннушка умылась, насухо вытерла лицо и руки. Щеки у нее горели свежим румянцем. Темные глаза, окаймленные густыми ресницами, светились живыми непотухающими искорками. Тут же, у столика, стояла и Люба, заплетая белокурые волосы в толстые косы. Соня и Аминет не были исключением из их маленького общества. Наоборот, они с первых же дней пребывания в этом доме сдружились с девушками, стали как родные.

Мать заглянула к ним и погрозила пальцем:

– Не шумите: отец недавно приехал.

Она потихоньку прикрыла дверь и удалилась на кухню.

– А что у вас сегодня вечером будет в институте? – тихо спросила Люба, оглядывая себя в трюмо.

– Какие-то артисты будут выступать, – ответила Аннушка и, помолчав, поинтересовалась: – А ты пойдешь со мной?

– Пойду! – вскрикнула Люба и в испуге прикрыла рот ладонью.

Вошли Соня и Аминет. Аннушка предложила им пойти на вечер.

– А наш хоровой кружок сегодня у вас будет выступать, – сказала Соня, и остановилась перед зеркалом.

– Так ты будешь петь у нас? – обрадовалась Аннушка.

– Да, – расплетая длинные косы, улыбнулась Соня.

* * *

Стенные часы пробили семь.

На стук в дверь Аннушка поспешила в коридор, повстречалась с Соловьевым.

– Дома отец? – спросил комиссар.

– Дома, – ответила Аннушка.

Соловьев скрылся за дверью в небольшой залик. Аннушка занялась примусом.

В кабинете, заставленном книжными шкафами, Соловьев нашел Балышеева, пожал ему руку и тут же, извинившись за слишком раннее вторжение в дом, спросил:

– Что вы читаете?

– «Стратегию в трудах военных классиков»³⁰⁵, – ответил Балышеев. – Один вопрос хочу выяснить.

– А вам известно, Назар Борисович, – начал Соловьев, – что Шадур вчера получил распоряжение из Кубревкома об увеличении пайка хлеба на каждого красноармейца?

– Да, известно, – захлопнув книгу и поставив ее на полку в шкаф, сказал Балышеев.

– Меня страшно удивляет, – выражая свое недовольство, продолжал Соловьев. – Он слишком много болтает в штабе об этом распоряжении. Да и вообще странный он человек. В нем есть что-то от Ваньки Каина.

– Ничего не поделаешь, голубчик, – развел руками Балышеев. – Прислан из Реввоенсовета.

– Я просто не понимаю, – досадовал Соловьев. – Зачем нужно такое дерьмо в армии?

В дверях показалась Аннушка, позвала отца к столу.

– Пойдем лучше завтракать, – пригласил Балышеев комиссара.

– Нет, благодарю, Назар Борисович, – заспешил Соловьев. – Я только от стола. На минуту заглянул к вам.

Балышеев взял его руку.

– От хлеба-соли не отказываются, – сказал он мягким голосом.

И они вышли из кабинета.

Люба усадила Соловьева у накрытого стола, заняла место рядом с ним. Остальные также расселись на стульях, принялись за еду.

– Соня, – обратился Соловьев к девушке. – Вы из какой станицы?

– Из Краснодарской.

– А я вчера оттуда. Много дел натворили там бандиты Крыжановского.

– Бунт был? – испугалась Соня.

– Небольшой.

Аминет машинально положила ложку на стол.

– А коммуна? – спросила она.

– Там все благополучно.

– А вы знаете, Геннадий Иннокентьевич, – изменила хозяйка тему беседы. – У Сони прекрасный, редкий по красоте голос. Ах, как она поет!

– Нет, я этого не знаю, Екатерина Несторовна, – ответил Соловьев.

– Скажи, Назар, правду же я говорю? – обратилась Екатерина Несторовна к мужу.

– Да, – подтвердил Балышеев, – у нее голос исключительный.

– Спой что-нибудь, милая, – не желая вести разговор о войне, попросила Екатерина Несторовна девушку. – А ты, Аннушка, сыграй. Пусть Геннадий Иннокентьевич послушает.

– Что вы, Екатерина Несторовна! – застеснялась Соня. – Как-то вдруг, некстати.

– Ничего, – настаивала хозяйка на своем. – Ну-ну, быстренько!

Аннушка нехотя повиновалась матери и, открыв крышку рояля, села на стульчик, тонкие длинные ее пальцы легко скользнули по клавишам.

Соня подошла к открытому окну, в волнении теребя поясок на темно-зеленом платье, облегавшем стройную, словно выточенную, ее талию.

– Какую? – бросила Аннушка на нее стремительный взгляд.

– «Ой, да ты подуй, подуй», – шепнула Соня ей на ухо.

Соловьев, не выходя из-за стола, откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу. Аминет и Люба, обняв друг друга, застыли у горки с цветами.

---

³⁰⁵ «Стратегия в трудах военных классиков» под редакцией А. А. Свечина; издано два тома из трех задуманных. Том I выпущен Издательством Высшего военного редакционного совета, Москва, в 1924 году. Том II выпущен Государственным военным издательством, Москва, в 1926 году. – прим. Гриня

Звуки музыки наконец заглушили шум улицы, врывающийся в открытое окно. Соня по своей привычке выпрямилась и, вздохнув полной грудью, запела:

Ой, да ты подуй, подуй,
Ветер низовой.
Ой, да ты надуй, надуй
Тучу грозовую,
Тучу грозовую –
Непорожную...

– Да, у вас весело, – протянул Соловьев после того, как умолкла Соня. – Я теперь почаще буду навевываться.

– А нам того и надо, – Балышеев подмигнул девушкам. – Может быть, и свадьбу сыграем.

Аннушка метнула на него недовольный взгляд:

– Папа, ты вечно со своими шутками!

– А что здесь особенного? – пожимая плечами, улыбнулся отец. – Дело житейское. Я говорю то, что в самом деле может случиться.

– С твоей точки зрения, конечно, – с сердцем сказала Аннушка и снова начала есть.

С улицы донесся протяжный сигнал «фордика».

– Это за нами, Геннадий Иннокентьевич, – поспешно произнес Балышеев и обратился к дочери: – Пойди, Любонька, скажи шоферу, что мы сейчас.

XV

К перрону главного вокзала, пыхтя и стуча колесами, подошел поезд. Из широко открытых дверей товарных вагонов стали выпрыгивать красноармейцы. Многие из них бежали за водой. Юркие ребята шныряли у них под ногами, предлагая папиросы, воду со льдом, табак, курительную бумагу, яблоки...

– Слышь, пацан, – Петька Зуев остановил малыша, – а ну-ка, неси сюда папиросы.

– Вот у меня хорошие, первосортные!

– Возьми мои, дяденька, у него с прелым табаком!

Ребятишки окружили Петьку плотным кольцом. К ним подбежал Демка Вьюн. Вместе с ординарцем купил папирос, пустился с ним к паровозу, мелькая в сутолоке.

– Товарищ Зуев! – раздался чей-то голос. – К комбригу!

Петька оглянулся. Гремя пустыми котелками, фляжками, красноармейцы толпились у крана за кипятком. Из вагонов слышалось конское ржание, топот, фыркание. Бойцы тащили в ведрах воду, поили лошадей. Раздавались свистки сцепщиков. Красноармейцы в полинялых разноцветных черкесках из передних двух вагонов выводили по сходням на перрон лошадей, собирались у железной изгороди. Жебрак стоял в стороне и наблюдал за выгрузкой. Среди казаков был и Виктор Левицкий. Из-под черной кубанки, сбитой набекрень, вился черный чуб.

Виктор свел Ратника вниз, привязал к изгороди.

Демус простился с Жебраком и, тяжело отстукивая коваными каблуками мерные шаги на каменной площадке перрона, направился к своему вагону.

Жебрак сделал перекличку своих бойцов и подал команду:

– На конь!

Заокали стремена, и кавалеристы четкими рядами выстроились на привокзальной площади. Петька на прощание пожал руку Виктору и Демке, находившимся в голове колонны.

Казачий эскадрон потянулся по улице, ведущей в город. Жебрак ехал впереди, слегка покачиваясь в седле.

Солнце высоко висело в ясном небе. Камни мостовой накалились, в воздухе было душно. У Виктора сердце часто стучало, настроение поднималось, глаза разбегались, как у мальчишки, который впервые попал в город. Он с особенным вниманием разглядывал публику, резко отличавшуюся от станичников своей одеждой. Демка шарил рассеянными глазами по сторонам. Горожане провожали конников любопытными взглядами.

Эскадрон свернул на Посполитакинскую улицу³⁰⁶, направился к городским казармам и через некоторое время остановился у ворот двора. Жебрак слез с коня, обратился к часовому:

– Мне нужно видеть начальника гарнизона.

Часовой окликнул красноармейца, попросил проводить командира в штаб. Красноармеец повел Жебрака. В глубине обширного двора под деревьями виднелись зачехленные пушки. Здесь же были разбросаны казарменные двухэтажные и одноэтажные здания, между которыми в гуще платанов и конских каштанов лежали тенивые аллеи.

Жебрак поднялся по деревянным гулким ступенькам крыльца, вошел в небольшой кабинет, обставленный старой мебелью. За письменным столом сидел приземистый человек с подстриженными темно-русскими волосами и крохотными, как два шила, сощуренными серыми глазами. Густые усы слегка прикрывали верхнюю губу, но не касались нижней, четко выраженной. Лицо спокойное, неподвижное.

Жебрак остановился у порога, отдал ему честь:

– Разрешите войти, товарищ Ковтюх³⁰⁷?

– Войдите, – отодвинув от себя папку с какими-то бумагами, разжал тот челюсти.

Жебрак шагнул вперед, доложил, что по приказу командарма казачий эскадрон кавбригады 14-й кавалерийской дивизии прибыл в его распоряжение.

– Документы при вас? – так же скупно спросил Ковтюх, глядя на него в упор.

Жебрак вынул из полевой сумки список бойцов, подал ему. Ковтюх перелистал страницы короткими пальцами, сказал:

– Добре. – Он грузно встал и, приоткрыв дверь в смежную комнату, обратился к дежурному: – Начальника штаба ко мне.

Явился высокий толстый мужчина. Жебрак приложил руку к кубанке, поприветствовал его. Начальник штаба остановил на нем суровый взгляд, басом спросил:

– Кажись, вы из Краснодарской?

– Так точно, товарищ Батурин³⁰⁸!

– Он к нам со своими хлопьятами³⁰⁹, Викентий Дорофеевич, – пояснил Ковтюх. – А это его документы, возьмите.

Батурин бегло просмотрел список и хотел было выйти, но Ковтюх остановил его, поднял палец:

– Вот еще что. Зараз же распорядитесь, чтобы новичков взяли на довольствие и разместили в казарме.

– Хорошо, сделаем, Епифан Иович, – ответил Батурин и удалился из кабинета.

– Где эскадрон? – Ковтюх остановил колючие глаза на посетителе.

– Здесь, у ворот, – указал Жебрак в сторону.

Зазвонил телефон. Ковтюх снял трубку:

– Да. Здравствуйте, Михаил Карлович. Прибыл, только сейчас. Ну что ж. Может, и так. Чем черт не шутит. Но я хочу сказать... Да нет же! Хорошо, хорошо. Ну вот, ей-богу! Добре, все будет сделано. Бувайте.

Он выбрался из-за стола и вместе с Жебраком вышел из кабинета.

---

³⁰⁶ **Посполитакинская улица** ныне улица Октябрьская. Названа, скорей всего, в честь войскового старшины Посполитаки, которому принадлежали торговые помещения, так называемые «посполитакинские ряды», по Красной и Екатерининской (ныне – ул. Мира). – прим. Гриня

³⁰⁷ **Ковтюх**, Епифан Иович – советский военачальник, участник Гражданской войны. В августе-сентябре 1920 года – начальник гарнизона Екатеринодара, командующий экспедиционным десантным отрядом, действующим против Улагаевского десанта. – прим. Гриня

³⁰⁸ **Батурин**, Григорий Николаевич – советский военный деятель, активный участник Гражданской войны, начальник штаба 50-й Таманской дивизии. В 1920 году – начальник штаба Екатеринодарского укрепленного района, по июль 1921 года – начальник Краснодарского гарнизона. – прим. Гриня

³⁰⁹ **Хлопьята** – уменьшительно от хлопцы, хлопчики – парни. – прим. Гриня

* * *

На третьи сутки, в пятом часу вечера, Виктор Левицкий получил увольнительную, отправился в город. Идя по Красной улице, внимательно присматривался к номерам домов. У Белого собора остановился, стал припоминать, куда ему идти. Посмотрел на номер дома. Оказалось, прошел на тридцать дворов дальше. Пришлось возвращаться.

– Витя, здравствуй! – вдруг раздался позади знакомый голос.

Виктор оглянулся и увидел перед собой улыбающуюся Соню. Поспешно подал ей руку, с радостью сказал:

– А я иду к тебе.

– Ко мне? – удивилась Соня.

– Да. Но вот никак не найду номер дома.

– Мы тут, недалеко, – указала Соня рукой вперед.

– Тебе привет от Гали, – сказал Виктор, краснея.

– Я сегодня получила от нее письмо, – проговорила Соня с робкой улыбкой. – Она и про тебя пишет.

– А ты куда идешь? – спросил Виктор.

– Домой, с занятий.

– Значит, учишься?

– Да. Спасибо Петру Владиславовичу.

– С ним чуть не расправились мятежники, – сказал Виктор. – Но мы им тоже всыпали. Будут помнить!

– Как же это?

Виктор рассказал о восстании.

– А ты почему в городе? – спросила Соня,

– Я теперь служу в Красной Армии, – ответил Виктор.

– А как же твой батя?

Виктор потупился.

– Что ж... – после продолжительного молчания произнес он. – Батя у мятежников.

– А Оксана, значит, с Матяшом.

– Да.

– Ну что ж, – Соня задумчиво пожала плечами. – Не зря о ней говорили.

– Выходит, так, – согласился Виктор и, помолчав, добавил: – Галя тоже ушла от Гришки.

– Она пишет об этом, – промолвила Соня с печальным видом, затем спросила: – Что ж ты решил?

– Буду служить в армии.

– Правильно.

Опять замолкли.

– Ты не горюй, – ободряюще сказала Соня. – Все будет хорошо.

– Думаешь?

– А то чего ж, – усмехнулась Соня. – Всему бывает перемена.

Она остановилась у двора и, попросив минуточку подождать ее, юркнула в калитку.

* * *

Жгучее кубанское солнце опаляло сухую землю. Камень на городских улицах дышал томительным зноем.

Вера Лихачева вместе с пассажирами вышла из трамвая на Карасунской остановке и, неся впереди себя большой полосатый арбуз, спешила домой. Миновав несколько дворов, она неожиданно увидела Доронина. Сердце ее замерло, по телу пробежала лихорадочная дрожь. Арбуз вывалился из рук и разбился. Доронин, недовольный встречей, ругнулся в душе. Лихачева несколько мгновений растерянно глядела то на разбитый арбуз, то на своего знакомого. Доронин сухо улыбнулся, спросил:

– Что с вами?

– Да вот... нечаянно, – указав на сочно-красные куски арбуза, с усилием пролепетала Лихачева.

– Вы здесь живете?

– Вот, рядом. Зайди. Я буду очень рада!

– Хорошо. Вечерком загляну.

Он расстался с нею. Лихачева украдкой оглянулась. Доронин уже сел в трамвай.

В проулке ей попался Губарь. Задыхаясь от волнения, Лихачева едва вымолвила:

– Вы давно приехали, Ипполит Иванович?

– С полчаса назад, – ответил Губарь. – Хотел поехать в город, да теперь придется отложить.

Дом Лихачевой находился тут же. Вокруг него росли пахучие ореховые деревья.

В обширном зале Лихачева сняла с себя шляпу, устало села за стол, накрытый темной скатертью, спросила:

– Как ездилось, Ипполит Иванович?

– Все благополучно, Вера Романовна, – присаживаясь на диван, сказал Губарь. – Кое-что сделал.

– Мне в прошлый раз так и не удалось поговорить с вами, – продолжала Лихачева.

– Да, я тогда быстро выехал, – протянул Губарь.

– Мне кажется, что с того времени, как я вас видела при отступлении Добровольческой армии, минуло десять лет! – со вздохом сказала Лихачева и покачала головой. – Нельзя даже подумать, что это было в марте этого года!

– Время тяжелое.

На крыльце кто-то постучался. Лихачева приложила палец к губам, поспешила из зала и, вернувшись, прошептала:

– Это приходила соседка. – Она заглянула в окно, добавила: – Теперь, Ипполит Иванович, слушайте. Сегодня вечером у меня должен быть Доронин.

– Тот, с которым вы встречались у Белого собора?

– Да, да! – подхватила Лихачева, и на бледном ее лбу выступил холодный пот. Она вытерла его, тяжело перевела дух. – Мы решили покончить с ним...

– Недурно, – одобрил Губарь.

* * *

Вечером Губарь и Демиденко – житель пригородных садов города Екатеринодара, из бывших белых офицеров – закрылись в указанной им комнате. Лихачева села у окна. Ее бросало то в жар, то в холод.

В портретной густели сумерки. Предметы постепенно теряли свою окраску, превращались в общую серую массу. Все принимало мрачный, унылый вид.

Заговорщики внимательно прислушивались к звукам, доносившимся со двора. Губарь сидел за столом, на котором теплилась сальная свеча в подсвечнике.

– Неужели не придет? – прошептал Демиденко и тихо опустил в мягкое кресло.

Губарь пожал плечами.

Залаяла цепная собака, и на веранде послышались шаги. Лихачева выбежала в зал. Отворилась дверь, и на пороге появился Солодовник.

– Прошу в комнату, Евтей Антонович, – пригласила его Лихачева к Губарю и снова вернулась в портретную.

Время шло, но Доронин не появлялся.

Было уже за полночь. Теперь для Лихачевой стало совершенно ясно, что Доронин умышленно избегает ее. Она села на диван, с трудом прошептала:

– Он догадался!..

Ей вдруг стало дурно, и она уронила голову на подлокотник.

В портретную вошли заговорщики.

– Что с вами, Вера Романовна? – обеспокоенно спросил Губарь.

– Мне нехорошо, – с усилием проговорила Лихачева. – Оставьте меня.

Те молча удалились.

XVI

Утром Лихачева чувствовала себя прекрасно. Она села за стол, разложила карты. Ей выпали все четыре валета: исполнение желания.

Постукивая высокими каблуками, в зал вошла Пышная, генеральская вдова, приятельница Лихачевой, опустила в кресло и поправила на плечах легкое черное платье с оборками, обшитыми стеклярусом³¹⁰.

– Как успехи, Зоя? – обратилась к ней Лихачева, не отрываясь от разложенных карт.

– Напрасно ездила. – Пышная разочарованно махнула рукой, сняла с себя платок и бросила на диван.

Лихачева с тревогой взглянула на нее.

– Ничего там серьезного нет, – пояснила Пышная, умылась и, остановясь у туалетного столика, попудрилась, потом спросила: – Вера, а ты не забыла, что сегодня суббота?

– Нет, – отозвалась Лихачева. – Вечером нужно ожидать в гости Шадура. Как, по-твоему, Зоя, из какого он сословия?

Пышная отошла от зеркала.

– Во всяком случае, не из босяков, – ответила она. – Речь у него... По духу – наш человек, а там бог его знает. Чужая душа – потемки.

– Я думаю, – рассуждала Лихачева, – он из дворян. Но только почему у большевиков? Не приложу ума.

– А ты поговори с ним об этом.

– В воскресенье я пыталась, но он только весело рассмеялся и ничего не сказал. Говорит, что ему теперь все равно, у кого служить. Но все-таки он добрый человек. Как там, есть у нас выпивка?

– Коньяк.

– А ему больше ничего и не нужно!

В наружную дверь постучали. Лихачева спрятала карты, растерянно взглянула на Пышную.

– Уж не Глеб ли Поликарпович? Беги, Зоенька!

– Что у тебя за характер, Вера, – постыдила ее Пышная. – Всегда как на иголках!

– Иди, милая, иди быстрее.

Стук повторился. Пышная скрылась за дверью и через минуту возвратилась с женщиной, одетой в черное.

– Скажите, – остановив взгляд на хозяйке, спросила незнакомка твердым голосом, – могу я видеть Веру Романовну Лихачеву?

– Да, я Лихачева, – промолвила та, бледнея.

– Вот и прекрасно, – с живостью продолжала вошедшая, ставя на пол свой маленький саквояж и зонтик. – Будем знакомы: я та, о которой вам рассказывал Ипполит Иванович.

Лихачева почувствовала облегчение.

– Ах! – вскрикнула она, переводя дыхание. – Вы игуменья? Успенского монастыря?

– Да.

– Боже мой! – засуетилась Лихачева. – Давайте ваш саквояжик. Зоенька, помоги Вере Аркадьевне.

– А я вашего папу в десятом году видела, – сказала игуменья и заглянула в зеркало. – Он как-то приезжал к нам в усадьбу.

– Я припоминаю, – сказала Лихачева. – Это было после того, как он вышел из тюрьмы.

– А за что его судили? – полюбопытствовала игуменья.

– Он был толстовец, – неохотно ответила Лихачева. – Выступал против официальной церкви... Об этом узнали в Синоде. Выехал суд из сорока священников, и осудили его в одиночную камеру-мешок на пять лет.

– А теперь где он?

– В четырнадцатом году умер в Германии.

– И там похоронен?

---

³¹⁰ **Стеклярус** – род крупного бисера – стеклянные цилиндрики удлиненной формы с продольным отверстием для нанизывания на нить. – *прим. Гриня*

– Нет. Тело его мы перевезли на хутор и погребли в склепе у заалтарной стены не достроенной им церкви.

Игуменья остановила взгляд на Лихачевой.

– Как же это получилось?

– Да... покался он. И в доказательство этого занялся строительством церкви, но умер.

– Вот оно что! – воскликнула игуменья и тут же озабоченно спросила: – А как вы теперь живете?

– Ох, Вера Аркадьевна! – сокрушалась Лихачева. – Какая у нас сейчас жизнь? Признаться вам: я увидела вас и так напугалась...

– Почему? – удивилась игуменья.

– Как вам объяснить, – сказала Лихачева упавшим голосом. – Такой у меня характер. Мы сейчас всего боимся.

– Знаете, Вера Аркадьевна, – вмешалась в разговор Пышная. – Она при малейшем шорохе бледнеет.

– О! Это вы зря, – заметила игуменья. – Страх – наш враг. Пугливых людей легко можно распознать.

– А я не могу, – сетовала Лихачева. – Своей тени боюсь.

Игуменья откинулась на спинку кресла, стоявшего на ковровой дорожке, хотела что-то сказать, но Пышная, сделав жест рукой, предупредила ее о том, что к ним должен приехать один человек из штаба IX Красной армии, и попросила быть с ним осторожной.

– Верно, – обеспокоенно добавила Лихачева. – Хорошо, что ты напомнила, Зоенька.

– А что он за человек? – поинтересовалась игуменья.

– Работник штаба армии, начальник снабжения, – пояснила Лихачева. – Знакомый Ипполита Ивановича.

– Знакомый? – обрадовалась игуменья. – Вот как! Понимаю, понимаю.

– Нет, нет, – возразила Лихачева, задыхаясь от волнения. – Вы не подумайте, Вера Аркадьевна, что этому человеку известно о нашей работе. Боже упаси!

– Откуда же его знает Ипполит Иванович? – положив руки на подлокотники, спросила игуменья.

– Я, право, об этом у него не узнавала, – сказала Лихачева.

Игуменья задумалась, перебирая пальцами.

– Так, так, – наконец проговорила она. – Это хорошо. Такой человек нам нужен. А Ипполит Иванович какого о нем мнения? – входила в подробности игуменья.

– Он прекрасно о нем отзывается, – ответила Лихачева.

– Тогда здесь большое дело, решительно заявила игуменья и, помолчав, спросила: – Когда же он приедет?

– Обещал к десяти быть.

С улицы донесся гул автомашины. Лихачева прислушалась. Сердце замерло. На лице выступили бледные пятна.

На веранде загромыхали тяжелые шаги. Пышная поторопилась навстречу. Игуменья пересела на диван. Лихачева машинально переставила подсвечник на тумбочку.

Вошел Шадур, а за ним и Пышная. Он выпрямился, поцеловал руку Лихачевой и, сделав шаг к госте, отрекомендовался.

Открылась дверь, и на пороге появился Губарь. Увидев гостью, он снял шляпу и, улыбаясь, воскликнул:

– Вера Аркадьевна! Рад вас видеть. Здравствуйте!

Игуменья пожала ему руку, почтительно наклонила голову. Губарь обменялся приветствием и с Шадуром, от которого пахло водкою, но это никого ничуть не смущало, так как Шадур в обществе Лихачевой еще не появлялся в трезвом состоянии. Полились речи, шутки. Дом ожил. В центре внимания был Шадур, на него устремлялись все взоры, дамы окружили его всяческими заботами, прислушивались к его голосу, и он принимал это как должное, гордился собой. Игуменья всматривалась в него, взвешивала каждое его слово, движение. Губарь тоже внимательно следил за разговором.

– Зоенька, – попросила Лихачева, – будь добра, приготовь завтрак. Здесь, в зале.

Пышная удалилась на кухню и, вернувшись назад в руках с подносом, нагруженным разными

кушаньями, начала накрывать стол.

– Глеб Поликарпович, – осторожно начала Лихачева, – нас интересует...

– Я к вашим услугам! – подхватил Шадур и остановился у открытого окна.

– Я как-то уже спрашивала, – продолжала Лихачева срывающимся голосом, – но вы тогда отшутились. Все же, кто ваши родители?

– Гм... А разве Ипполит Иванович ничего вам не говорил обо мне? – с довольной улыбкой взглянул Шадур на нее. – Мы с ним давно знакомы.

– О вашем знакомстве мы знаем, – сказала Лихачева. – Но...

Губарь потупился и, не поднимая головы, проговорил:

– Да, я не посвятил вас...

Шадур закурил, пустил дым в окно, шутливо ответил:

– Я принадлежу к червонной масти! А точнее – сын вологодского дворянина. Учился в кадетском корпусе в Петрограде, затем служил в Текинском полку³¹¹ у Корнилова в чине штабс-капитана, а после 31 марта³¹² у Деникина. В эти дни, то есть во время отступления Добровольческой армии с Кубани на Дон, меня свела судьба с Ипполитом Ивановичем. И вот я, наконец, в рядах Красной Армии.

– Как же это получилось?

– Видите ли, – Шадур развел руками. – Я потерял веру в свое отечество. Страшно устал от нынешней междоусобицы, вечных раздоров. У меня полное отвращение ко всему на свете! Так сказать, тэдиум витэ³¹³. Поэтому решил, пока не поздно, перейти на сторону Советов. Нашего брата еще с охотой принимают большевики.

– Вы изменили дворянству? – смущенно улыбаясь, сказала игуменья.

– Как видите, изменил, – равнодушно ответил Шадур и, затушив окурочек в пепельнице, повысил голос: – А что мне было делать? Покорной головы меч не сечет.

– Прошу к столу, – любезно пригласила Пышная и наполнила рюмки коньяком.

Шадур произнес тост в честь хозяйки дома.

– Какова же у вас конечная цель, Глеб Поликарпович? – возобновила игуменья прерванный разговор и, помолчав, как бы в шутку добавила: – Что вы думаете заслужить у большевиков?

– Я ничего не хочу от них, – откровенно признался Шадур. – Я сейчас безыдейный человек. Мне только и нужно, чтобы меня не трогали. Я хочу спокойно жить, довольствоваться земными благами. Вот и все.

– Вы просто показываете свое малодушие, Глеб Поликарпович, – сказала игуменья. – Нельзя же быть таким беспринципным.

Шадур весело рассмеялся, вытер губы салфеткой.

– Понимаю, отлично понимаю, Вера Аркадьевна! – пробормотал он. – Но ничего не могу сделать. Судьба нашего класса уже предрешена. Вот и приходится на одних подметках семи царям служить.

– Стало быть, вы убеждены, – вмешалась в разговор Пышная, – что к старому возврата больше нет?

– Да, в этом не может быть сомнения.

– А что вы думаете о Врангеле, американской и английской помощи, которую мы... то есть Врангель, Петлюра и Хвостиков, получают? – держа перед собой рюмку с коньяком, спросила игуменья.

– Революция победит! – ответил Шадур.

Собеседники переглянулись.

– Так, Глеб Поликарпович, – сказала Пышная после продолжительного молчания. – А что еще

---

³¹¹ **Текинский конный полк** – кавалерийская воинская часть Русской Императорской армии. Входил в состав Закаспийской казачьей бригады (Туркестан, бригада охраняла границы с Персией и Афганистаном). В 1-м Кубанском походе текинцы составили конвой генерала Корнилова. – прим. Гриня

³¹² 31 марта (1918 г.) – день смерти Корнилова.

³¹³ **Tedium vitae** – лат. (тэдиум витэ) отвращение к жизни, пресыщенность. – прим. Гриня

нового у вас? Вы бы рассказали нам о своей службе.

– Что служба, – уже едва ворочал Шадур пьяным языком. – Вам не интересно знать, что мы свою армию переодеваем в новое обмундирование.

– Как же! – вскричала Пышная и, виновато взглянув на Лихачеву и Губаря, сбавила тон: – Наоборот...

– На днях мы получили шестьдесят тысяч комплектов полного обмундирования, – мычал Шадур.

– О, это замечательно! – подхватила Пышная. – Стало быть, вы теперь приоденетесь. А то ваши солдатики жалкий вид имели.

– Да... все как положено, – бормотал Шадур.

Губарь и Лихачева взяли его под руки.

– Глеб Поликарпович, – сказала хозяйка дома, – лягте на диван.

– Да... – с трудом промолвил Шадур, обводя своих собеседников одуревшим взглядом. – Я лягу.

Губарь уложил его на подушку и, сверкнув глазом, указал остальным на дверь небольшой комнатухи, шагнул вперед. Все на цыпочках потянулись за ним.

– Вера Аркадьевна, – тихо произнес Губарь, – вы очень удачно приехали: на днях ожидается десант из Крыма, уже более мощный, чем был на Дону. Мы должны быть наготове.

– Да вы нам хоть кратенько расскажите о Шадуре, Ипполит Иванович, – попросила его игуменья. – Знает ли он о подпольной нашей организации?

– Нет, ничего не знает, – прошептал Губарь. – Я с ним об этом не говорил.

– Слава богу! – перекрестилась Лихачева.

– Вам, Зоя Львовна, сейчас нужно сбегать к Демиденко и передать ему, – заторопился Губарь. – Я сию минуточку напишу записку. Пусть он немедленно отправит эти сообщения в штаб Врангеля.

Пышная взяла пакет, накинула на голову платок, хлопнула дверь. Лихачева растерянно глядела то на Губаря, то на игуменью. Бесшумно уселись вокруг стола.

– Теперь... какие у вас новости, Вера Аркадьевна? – обратился Губарь к игуменье. – Я слышал, что в Краснодарской был генерал Крыжановский.

Игуменья тяжело вздохнула.

– Там такое произошло, Ипполит Иванович, – махнула она рукой, – что даже страшно вспомнить. Не дай бог! Наши люди в станице почти все погибли... и дивизия Сергея Ивановича.

Голос ее неожиданно оборвался, наступила гнетущая тишина. Лихачева и Губарь, бросая на игуменью короткие взгляды, с нетерпением ожидали, пока она заговорит снова. Игуменья наконец успокоилась и подробно рассказала обо всем.

– Конечно, план был у вас правильный, – согласился с ней Губарь. – И если бы у Хвостикова не получилась заминка на фронте, то все было бы хорошо.

Лихачева осторожно заглянула в зал. Шадур лежал на диване лицом вверх и, полуоткрыв рот, слегка похрапывал.

XVII

Успехи Врангеля в Северной Таврии вызвали на Украине и Кубани резкое усиление деятельности подпольных контрреволюционных организаций. Разрозненные бело-зеленые банды еще энергичнее стали вливаться в армию Хвостикова.

Учитывая нарастающую опасность с юга, Политбюро ЦК второго августа постановило:

Ввиду успеха Врангеля и тревоги на Кубани... признать Врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его как самостоятельный фронт.

В штабе IX Красной армии вскоре состоялось совещание по этому решению, а шестого августа Соловьев вылетел на самолете в Лозовую и десятого августа возвратился в Екатеринодар.

В кабинете Балышеева собрались военные, штабные работники. Приехали Черный и Левандовский.

Соловьев поднялся у стола, сказал тихим голосом:

– Товарищи, в штабе Юго-Западного фронта меня предупредили, что в данный момент мы обязаны все свое внимание направить на борьбу с иностранной агентурой на Северном Кавказе и с местной контрреволюцией, которая действует по прямой указке Антанты. Мы сами неоднократно были свидетелями того, что враги Советской республики старались и продолжают стараться захватить в свои руки Северный Кавказ, распространить свое влияние и дальше. Хвостиков не успел еще развернуть свои силы, англичане и американцы тут как тут. Они стремятся прибрать к своим рукам майкопскую нефть и все ископаемые богатства нашего края...

Балышеев сидел на диване рядом с Атарбековым. У открытого окна, прислонясь к подоконнику, со штабными работниками стояли Ковтюх, Шадур, Батулин.

– Значит, мы сейчас должны бросить все свои силы против Хвостикова? – спросил Балышеев.

– Да, этого требует обстановка, – подтвердил Соловьев. – Враг после поражения дивизии Крыжановского в Кавказском отделе отошел в Баталпашинский отдел, в котором, как вам известно, в начале этого месяца власть захватили мятежники, возглавляемые Султан-Клыч-Гиреем и полковником Крым-Шамхаловым. Мы должны во что бы то ни стало разгромить все контрреволюционные силы на Северном Кавказе. В этом сегодня основная наша цель и задача, товарищи.

– Тогда возникает вопрос, – сказал Черный. – Что вы думаете о берегах Черного и Азовского морей, которые до сего времени остаются у нас открытыми?

– Да, этот вопрос сейчас приобрел важное значение, не менее важное, чем хвостиковский фронт, – заявил Балышеев. – Мы обязаны укрепить берега в самый кратчайший срок, и укрепить по-настоящему.

Черный перевел глаза на командующего.

– А вы какого мнения, Михаил Карлович?

Левандовский встал и, сделав шаг к столу, остановил чуть сощуренные глаза на секретаре областного комитета партии.

– Ну что ж, – сказал он после небольшой паузы. – Я считаю, сейчас же надо приступить к выработке плана передислокации всей нашей армии и укрепления побережья Черного и Азовского морей. – Его спокойные карие глаза скользнули по Балышееву, и голос твердо прозвучал в тишине: – Это уж по вашей части, Назар Борисович. Приступайте к составлению проекта.

Соловьев развернул на столе карту Украинской республики³¹⁴, наклонился над нею.

– Теперь о последних событиях на Южном фронте, товарищи. Вот здесь, в районе Берислава, в ночь с шестого на седьмое августа правобережная группа XIII Красной армии, сосредоточив свои основные силы, на лодках, понтонах, пароходах и катерах начала переправу через Днепр. Бои в настоящее время развернулись по всему Крымскому фронту, – продолжал Соловьев, – и наши части продвигаются вперед. Врангель, поняв, что ему не пробиться в Донбасс, начал готовить крупную десантную операцию на Кубань и четвертого августа стал отходить на юг и тем самым ослабил свои силы в Северной Таврии.

Явился дежурный по телеграфу, доложил, что из штаба 64-й бригады 22-й дивизии, расположенной в районе Новороссийска, получены сведения о большом скоплении врангелевских войск в портах Феодосии и Керчи, а также о прибытии туда значительного количества разных судов, в том числе американских, английских и французских.

– Разведкой установлено, – прибавил дежурный, – что на побережье, близ этих портов, наблюдаются маневры среди неприятельских войск.

Левандовский выслушал его, сказал:

– Идите.

* * *

---

³¹⁴ Украинская народная республика – название (с 7(20) ноября 1917 года) «автономной Украины» (образовавшейся 10(23) июня 1917 года в составе Российского государства); после провозглашения руководством УНР независимости 9(22) января 1918 года – государство. Восточная граница УНР проходили по линии Батайск (сейчас город Ростовской области, Россия)–Дон–Северский Донец–Дёгтево–Осиповка–Новобелая (сейчас деревня Новопсковского района Луганской области)–Валуйки (город Белгородской области, Россия). Фактически прекратила своё существование в ходе летнего наступления РККА в 1920 году. – прим. Гриня

В половине восьмого Жебрак приехал в штаб армии. Ожидая в коридоре начала занятий, он заглянул в открытое окно, сел на скамейку. Лицо за последнее время потемнело, осунулось. Усы отросли, не поднимались кончиками вверх, как раньше.

Прибывали военные, растекались по своим кабинетам... Атарбеков взял Жебрака под руку.

– Вы к кому?

– Зачем-то вызвал Балышеев, – пожал Жебрак плечами.

– Вероятно, хочет поручить какое-то дело, – приоткрыв дверь, сказал Атарбеков и занял свое место за столом.

Жебрак закурил, сел у стены и, приподняв сумрачный взгляд, поинтересовался:

– Что в Краснодольской?

Атарбеков вынул из кожаного портсигара папиросу, выдул из мундштука табачинки, ответил:

– Выявили еще семнадцать бандитов в станице и окрестных хуторах.

– Ас игуменьей как? – спросил Жебрак.

– Вот я и хочу потолковать о ней, – чиркнув зажигалкой и прикурив, начал Атарбеков. – Корягин настаивает на ее аресте.

– А Юдин? – Жебрак остановил на нем вопросительный взгляд.

– Он считает, – немного помедлив, сказал Атарбеков, – что пока еще рано ее арестовывать.

– Я такого же мнения, – заявил Жебрак, сбивая пепел с папиросы в пепельницу. – Нужно дать всякому делу перебродить на своих дрожжах. Корягин спешит.

– Кстати, она сейчас в Екатеринодаре, – сообщил Атарбеков.

Вошел Балышеев.

– Вот что, Николай Николаевич, – заговорил он мягким голосом. – Мы посылаем тебя уполномоченным по закупке лошадей для армии.

– Не возражаю, – сказал Жебрак, вставая.

– Прежде поедешь в Приморско-Ахтарскую, затем побываешь в соседних станицах и хуторах. Мы решили в ближайшее время вообще удалить с побережья всех тягловых лошадей. Ты сам понимаешь важность этой задачи.

– Что ж, ехать так ехать! – ответил Жебрак.

– А теперь пойдём ко мне, – пригласил его Балышеев. – Там есть письмо тебе.

В кабинете начштарма³¹⁵ Жебрак вскрыл конверт. Жена писала, что по решению парткома ее направили на хвостиковский фронт старшей сестрой милосердия. Жебрак еще больше посуровел, задумался.

– Ты иди в Кубревком к товарищу Полуяну и сейчас же оформляйся, – поторопил его Балышеев. – С этим делом нельзя медлить.

– Еще кто едет? – пряча письмо в полевую сумку, спросил Жебрак.

– Да, едут, – ответил Балышеев. – Но они будут работать в других районах.

Жебрак на прощание стиснул его руку.

* * *

Четырнадцатого августа в десять часов из Ростова в Екатеринодар прилетел командующий. В половине одиннадцатого он был уже в штабе армии.

В зале заседаний собрались штабные работники, военные специалисты. За длинным столом, накрытым красным сукном, сидели все члены Военного совета. Отсутствовали только Балышеев (его срочно вызвали в Москву в Реввоенсовет) и Соловьев, вылетевший в Приморско-Ахтарскую.

В углу стояли красные знамена, на стенах – лозунги.

Вошли Левандовский, Ковтюх, Черный, Атарбеков.

Командующий пригладил двумя пальцами русые усики, сказал:

– Ну что ж, товарищи, приступим к утверждению плана перегруппировки армии и сегодня, же начнем переброску главных сил в район побережья.

В зал вбежал сотрудник телеграфа, передал ему телеграмму от Соловьева.

Левандовский пробежал ее глазами и некоторое время стоял молча.

– Товарищи, – наконец произнес он, сохраняя спокойствие. – В Приморско-Ахтарской сегодня утром высадился врангелевский десант с двадцати одного судна. Станица занята противником. Находящиеся там два эскадрона и ударный отряд с местными советскими организациями поспешно отошли к Ольгинской.

Левандовский перевел взгляд на заместителя начальника штаба, сказал:

– Немедленно отдайте приказ командиру первой кавалерийской дивизии, чтобы он собрал дивизию в кулак, всеми силами обрушился на противника, уничтожил его во что бы то ни стало. А также уведомите Владимира Ильича Ленина и Реввоенсовет Республики о предпринятой Врангелем операции.

– Слушаюсь! – взял под козырек замначштаба.

Левандовский посмотрел на карманные часы: стрелки показывали двенадцать часов двадцать минут.

Информация об издании

P2
P15

P 4702010200-26 P2
M146(03)-84 26-84

Петр Павлович Радченко
НА ЗАРЕ
ИБ № 1219

Редактор **П. С. Макаренко** . Художник **П. Е. Анидалов** . Художественный редактор **М. К. Омелянчук** . Технический редактор **Л. В. Терещенко** . Корректоры **Т. И. Козедуб, Т. В. Федорова** .

Сдано в набор 27.10.83. Подписано в печать 11.03.84. Формат бумаги 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22, 68. Учетно-изд. л. 22,81. Тираж 50 000. Заказ 0217. Цена 1 р. 70 к.

Краснодарское книжное издательство. Краснодар, улица имени Кирова, 3. Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома. Майкоп, улица Пионерская, 268.

© Краснодарское книжное издательство, 1984

**КНИГА II
СМЕРЧИ НАД МОРЕМ**

П. РАДЧЕНКО
НА ЗАРЕ

Роман

КНИГА

2

СМЕРЧИ НАД МОРЕМ

Четвертое, переработанное издание

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

*Посмотри-ка, что там на море,
Да на море, на Азовском-то:
Не белым там забелелось,
Не черным там зачернелось,
Зачернелись на синем море
Все вражеские корабли!*
Из старинной казачьей песни

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Приморско-Ахтарская потонула в густых зеленых садах на невысоком берегу Азовского моря. Белые ее мазанки, прислушиваясь к неумолчному шуму прибоя, застыли под палящими лучами полуденного солнца.

На юге охваченные зыбким маревом лежат в зарослях камыша пойменные луга, непроходимые плавни. Сверкает, искрится гладь Ахтарского лимана³¹⁶. С севера на станицу набегают

---

³¹⁶ **Лиман** – мелководный залив при впадении реки в море. Лиман образуется при затоплении морем равнинных рек

полюбившийся всем ветрам широкий, изрезанный оврагами простор Шамрайского поля. За ним – хутор Чернявский и станица Бородинская. В полутора верстах на восток от Приморско-Ахтарской, на изволоке, одиноко виднеются хаты поселка Изюмного. К южной окраине станицы примыкает вокзал. Железнодорожное полотно упирается тупиком в морскую пристань.

Выцветшее от жары небо кажется белесым. С моря тянет солоноватой свежестью. Чуть покачиваются деревья в садах, лениво шепчутся листвою...

Дыша горячим паром, на станцию прибыл поезд. Из вагонов повалили пассажиры. Маленькая сонная станция сразу проснулась. Крики, возгласы, поцелуи, смех, шарканье ног по истоптанной, хрустящей ракушке перрона. Людской поток, запрудив привокзальную площадь, устремился в улицу.

Жебрак задержался в тамбуре. Прищурившись от солнца, он внимательным взглядом окинул невзрачный вокзал и спрыгнул с подножки. Был он налегке, без вещей: на левом боку – полевая сумка из желтой лакированной кожи с газырями для карандашей и гнездом для дорожного несессера, на правом – в кобуре браунинг. Дородная казачка зацепила его огромным узлом, потом кто-то толкнул мешком в спину. Жебрак снял шапку с заломленным верхом, отряхнул с нее дорожную пыль и, сплюснув пирожком, снова надел. Вышел на улицу. Стройный, рослый, широкий в плечах, он резко выделялся из общей массы людей, обращал внимание на себя своей ладно пригнанной в талии темно-синей черкесской. За несколько минут добрался до ревкома, размещавшегося в здании бывшего казачьего правления.

Жебрак толкнул калитку и по узкой дорожке, протоптанной в спорыше, подошел к дому, стоявшему в тени густолистных дубов, поднялся на крыльцо. В коридоре встретил невысокую белокурую женщину в простой казачьей одежде – цветастой кофточке навыпуск и коричневой сбористой юбке. Он догадался, что это жена председателя ревкома, но на всякий случай спросил:

– Если не ошибаюсь, Феодосия Тихоновна Черноус?

– Она самая, – мягким голосом ответила женщина, разглядывая незнакомца, и в свою очередь поинтересовалась: – А вы кто будете?

– Я из области, для закупки лошадей приехал, – представился Жебрак и назвал имя и фамилию.

– А... нам звонили про вас из Екатеринодара. – протянула Феодосия Тихоновна. – Ну, как говорится, добро пожаловать. – Она проводила Жебрака в кабинет председателя ревкома, любезно кивнула: – Отдыхайте, вот водичка свежая.

– Мне надо повидать Василия Ивановича, – сказал Жебрак, и на его скуластом лице и в суровых глазах выразилась сосредоточенность.

– Одну минутку! – сказала Феодосия Тихоновна и проворно вышла.

Жебрак вспомнил, как тепло отзывался Балышеев о супругах Черноус. Эта чета плечом к плечу прошла всю гражданскую войну на Кубани, подчас жизнь их висела на волоске, в боях не раз были ранены.

«А с виду – тихая, застенчивая, – подумал Жебрак. – Даже трудно представить ее с шашкой в руке!» Он опустился на диванчик, сплетенный из ивовой лозы, оглядел просторную комнату. Краска на деревянном полу была вытерта. У окна, обращенного к церковной площади, – небольшой письменный стол, застланный газетой. На столе – школьная чернильница и тоненькая ручка с заржавленным пером. У стены с кое-где облупленной штукатуркой – старый стеклянный шкаф с папками. Тут же висит телефонный аппарат.

Где-то рядом грохнул винтовочный выстрел. Жебрак знал, что в плавнях бродят белогвардейские банды, налетают на хутора и поселки. Чего доброго, их можно ждать и в станице. Жебрак вскочил с дивана и выбежал на крыльцо. Там стояла Феодосия Тихоновна с винтовкой в руках. Она смущенно улыбнулась, щелкнула затвором и, выбросив из патронника дымящуюся гильзу, пояснила:

– Это я мужа кличу. Он где-то в станице продразверсткой занимается.

Теперь Жебрак убедился, что эта женщина не такая уж тихая, какой показалась.

– Скоро будет, – заверила она и отнесла винтовку в комнату с зарешеченными окнами, в которой хранилось ревкомовское оружие, вышла на улицу и, постояв немного, обернулась к Жебраку, сказала: – Вы тут сами, Николай Николаевич... Василь зараз придет. А мне надо домой.

Жебрак проводил ее долгим взглядом, подумал:

«Экая беспечность!.. Ушла, а ревком так... без всякого присмотра?» Он спустился по гулким ступенькам, расстегнул ворот бешмета и сел на скамью под стеной конюшни, в тени дуба. Здесь было не так жарко, даже ощущалось дыхание ветерка. За оградой, по дороге, хрустя бурой ракушкой, катились арбы с пшеницей. Лошади, отгоняя хвостами мух и слепней, потряхивали гривами, фыркали.

Скрипнула калитка. Показался щуплый мужчина в фланелевых поношенных брюках, серой рубашке и парусиновых сапогах. Курпейчатая кубанка чудом держалась на его затылке.

Жебрак поднялся, усталым шагом пошел ему навстречу.

– Вы ко мне? – спросил мужчина.

– Если вы председатель ревкома, то к вам, – ответил Жебрак.

Познакомились.

– Значит, по закупке лошадей приехали? – переспросил Василий Иванович, когда они вошли в кабинет.

– Так складывается обстановка, – сказал Жебрак.

– Прошу, присаживайтесь, – Василий Иванович указал глазами на диван, а сам расположился за столом, начал вынимать из кармана какие-то бумаги. Ровняя их огрубелыми пальцами, добавил: – А у нас тут горячка с продрозверсткой! Вот квитанции. День и ночь весь актив на ногах.

– Как настроены казаки? – поинтересовался Жебрак.

Василий Иванович задумался и ответил не сразу:

– Видите ли... Последнее время к нам почти каждый день аэропланы из Крыма наведываются. Сбрасывают листовки, воззвания разные. Врангель людей призывает к бунту. А тут еще под боком орудует банда полковника Скакуна.

– Большая?

– Была большая, да мы ее сильно потрепали.

Жебрак вскинул ногу на ногу и, взглянув на председателя, сказал:

– Видимо, Скакун связан с Крымом.

– Это точно, – поющим голосом протянул председатель. – Не зря ведь величает себя уполномоченным штаба армии Врангеля на юго-востоке России. Поначалу у него был полк с крикливым названием – «Спасение России». Дали мы прикурить этому полку в двух боях так, что от него только пшик остался. С полсотни, а может и того меньше, вояк уцелело. Теперь по плавням хоронятся.

Приоткрылась дверь. На пороге остановился крепко сбитый, смуглолицый человек, выше среднего роста, в рыжей войлочной шляпе с обвислыми полями, из-под которой на высокий лоб падали светло-русые, прихваченные потом волосы. Он как-то сразу недоверчиво покосился на Жебрака, так как ему сразу бросилась в глаза черкеска незнакомца, как символ по тем временам контрреволюционного казачества, хотя он хорошо знал, что черкески носили и те казаки, которые сражались на стороне красных против белых, и это вывело его из некоторого первоначального замешательства, потом вопросительно взглянул на председателя ревкома:

– Можно? Аль заняты?

– Заходи, заходи, товарищ Аншамаха, – покрутив остренькие усы, сказал Василий Иванович. – Рассказывай, как ездилось? Что нового в области?

Аншамаха плотно прикрыл дверь и, как бы собираясь немедленно вступить в кулачный бой, подвернул рукава холщовой рубашки, неторопливо опустился на плетеный стул.

– Товары для нашей станицы выделены, но... выдавать их до особого распоряжения не будут.

Василий Иванович поднял широкие брови:

– Это ж почему?

– Не знаю, – Аншамаха снял шляпу и вытер ею вспотевший лоб.

Василий Иванович повернулся к Жебраку:

– Вы не в курсе дела?

Жебрак отрицательно покачал головой. Василий Иванович пощипал свою клиновидную бородку, вышел из-за стола и, положив руку на плечо Аншамахе, сказал мягко, по-отечески:

– Вот что, Тереша. Собирай-ка сейчас всех своих людей, будем решать вопрос насчет продрозверстки. Пора кончать с ней... Потом товарищу из области надо помочь. Всех рабочих лошадей приказано закупить у населения для Красной Армии и немедля убрать из станицы.

Аншамаха широко улыбнулся Жебраку:

– Добре, я... это самое... потолкую со своими хлопцами.

Он надел шляпу и, громко стуча каблуками тяжелых, изрядно поношенных сапог, шагнул через порог. Василий Иванович собрал документы со стола, сунул их в шкаф, кивнул:

– Пошли, Николай Николаевич, перекусим.

* * *

Узкая кривая улица вела к морю. На западе собирались тучи. Они медленно надвигались на станицу, и все ощутимее становилось порывистое дыхание ветра, вздымавшего пыль по всей Приморско-Ахтарской.

Жебрак с любопытством рассматривал добротные казачьи хаты, просторные дворы. То там, то сям гудели паровые молотилки, стучали конные катки, слышались размеренные удары цепов³¹⁷ – шла молотба хлеба. Василий Иванович рассказывал своему попутчику об активистах ревкома, о чоновском отряде и о станичном комсомоле.

А вот и море. Волны шумно набегали на пологий берег, покрытый светло-бурой ракушкой. Чайки с криком носились над водой. Жебрак поинтересовался, откуда родом председатель.

– Здешний я, из Бриньковской, – ответил Василий Иванович и мельком взглянул на склонившееся к горизонту солнце.

– Давно из армии?

– В июне пришел. В отряде Юдина артиллерией командовал.

– У Василия Петровича? – удивился Жебрак.

– Да вы, никак, знаете его? – спросил Василий Иванович.

– А как же! – воскликнул Жебрак с веселостью. – Я позавчера виделся с ним. Он в Краснодольскую на борьбу с бандитизмом направлен.

– Значит, выздоровел?

– Говорит, из больницы сбежал.

– Он такой, – улыбаясь, протянул Василий Иванович.

Впереди, на косогоре, показалась ветхая халупа, обнесенная старым, покривившимся плетнем. Здесь, на возвышенности, озорничал ветер, норовил сорвать с халупы замшелую камышовую кровлю.

– Мои хоромы, – пошутил Василий Иванович, подходя к хатенке. – Правда, вид неказистый, но жить можно.

В прохладной, с земляным полом комнате у стола хлопотала хозяйка.

– Ну, здравствуйте в вашем доме, – поклонился ей Жебрак.

– Раздевайтесь, присаживайтесь, – любезно пригласила гостя Феодосия Тихоновна.

Жебрак положил сумку на сундук, повесил черкеску и шапку на гвоздик, забитый в стену около шкафчика, пригладил волосы пятерней и залюбовался морем, которое шумело за раскрытым настежь окном.

– Красота-то какая у вас! – воскликнул он, опираясь руками на подоконник.

– Что хорошо, то хорошо, – нараспев подхватил Василий Иванович. – Сколько ни смотрю на море, а никак не могу насмотреться! В станицу, поближе к центру, можно перебраться, но, верите, неохота с морем расставаться.

За обедом, продолжая начатый разговор о море, Феодосия Тихоновна сказала:

– Кажется мне порой, что нет на земле места лучше этого. И всему красу море придает. Загадочное оно, непонятное какое-то. Смотришь, только что веселилось, пело и вдруг насупилось, потемнело и уже ревет грозно, как живое, как человек в своем буянстве.

Раздался стук в дверь.

– Кто там? – откликнулся Василий Иванович. – Заходите.

В комнату торопливо вошел запыхавшийся, чем-то взволнованный Аншамаха.

– Василий Иванович, тут такое дело! – проговорил он встревоженно. – Говорят, этой ночью

---

³¹⁷ **Цеп** – ручное сельскохозяйственное орудие для обмолота (отделения зерна от колосьев). Обычно состоит из двух (реже – нескольких) подвижно связанных концами палок: более длинная (до 2 м) рукоятка и более короткая (до 0.8 м) рабочая часть, ударяющая по злакам. – прим. Гриня

Никита Копоть в станице будет.

– Откуда ты взял? – недоверчиво спросил Василий Иванович.

– От надежного человека, – сказал Аншамаха.

Весть взбудоражила Василия Ивановича. Он давно со своими чоновцами охотился за матерым бандитом, но никак не мог напасть на его след. А тут он сам шел на ловлю.

– К кому же это Копоть в гости собрался? – спросил Василий Иванович. – Станица большая, не диво и проглядеть бандюгу.

– Напредь он должен домой заглянуть, – убежденно проговорил Аншамаха. – А мы... это самое... и сцапаем его.

– Не такой дурак Копоть, чтобы идти домой, – возразила Феодосия Тихоновна.

– Верно говоришь, мать, – согласился с нею Василий Иванович. – Тут точно надо выяснить, у кого он будет. Видно, Скакун шлет его в станицу за какой-то надобностью.

Будто жужжание гигантского шмеля, в комнату внезапно ворвался гул самолета. Стекла в окнах жалобно зазвенели.

– Кажись, опять летит к нам крымский «дачник», – проговорила Феодосия Тихоновна, поправляя сползшую на лоб прядь волос.

Все вышли из хаты. Жебрак внимательно присмотрелся к самолету, низко кружившемуся над центром станицы, сказал:

– Нет, это не врангелевский... По-моему, наш, из области.

– Похоже, что так, – сказал Аншамаха и, приложив ладонь к глазам, повел ими за самолетом, который снижался на посадку.

Ветер усиливался. Западный небосклон уже был сплошь затянут темно-синими тучами. Мрачной пеленой они надвигались на чистую лазурь неба, и по бушующему морю вслед за ними ползла грязно-серая тень. Сверкнула белая молния, ударил трескучий гром. Море вспенилось, еще свирепее взревело. Пугливо заметались чайки.

На берегу быстро росла толпа станичников. Уже почти никто не обращал внимания на самолет. Встревоженные взоры были прикованы к морской дали.

– Чего это они всполошились? – заинтересовался Василий Иванович, закрываясь рукой от ветра.

Как бы в ответ ему, из толпы вдруг донесся крик:

– Рукав! Рукав!

– Ой, лышенько! Та який же длинный!

Все стоявшие на косогоре только теперь увидели громадный черный хобот смерча, который выползал из темно-синей тучи. Ввинчиваясь в воздух, то опускаясь, то поднимаясь, он мчался на станицу и становился все грознее, зловещее. Вслед за ним несло еще два смерчевых хобота, поменьше.

– Скажи, какая сила! – покачал головой Аншамаха, испытывая смешанное чувство удивления, восторга и страха. – Такая штука... это самое... может беды натворить.

Жебрак был захвачен грозной картиной редкого явления природы.

– Здорово! Ей-богу, здорово! – повторял он.

Феодосия Тихоновна придержала на голове платок, сорванный ветром, сказала:

– Слыхала я от людей, что не к добру это!

– Брось ты, мать, бредни эти стариковские, – с укором взглянул на нее Василий Иванович, взял Жебрака под руку, и они направились в ревком.

Аншамаха решил сбегать на свой участок, узнать, как там выполняется продрозверстка.

* * *

Воздух над станицей побурел от бушевавшей непогоды. Жебрак и Черноус то и дело закрывали глаза от кружившейся пыли. Молотба хлеба в станице прекратилась: уже не слышно было ни гудящих молотилок, ни глухих постукиваний конных катков, ни размеренных ударов цепов на токах.

– И часто у вас бывает такая погодка? – спросил Жебрак, прижимая левой рукой полевую сумку на боку.

– Нет, но бывает, – ответил Черноус, сдерживая шаг от ветровых толчков в спину. – Море ж

под боком...

Во дворе ревкома их встретил дежурный.

– А я только хотел послать за вами, – обратился он к Черноусу. – Какое-то начальство на самолете прибыло. Линейку направил за ним.

Вскоре прибыли комиссар 9-й Красной армии Соловьев и Виктор Левицкий. Поздоровавшись с Жебраком, Соловьев обернулся к Черноусу, который сухощавой фигурой и лихо закрученными усами напомнил ему Чапаева. Не будь у председателя бородки, он мог бы сойти за двойника погибшего комдива. Соловьев обменялся с ним крепким рукопожатием, сказал:

– А я по очень важному делу прилетел. Настолько важному, что, как говорится, нельзя терять ни минуты.

– Теперь все дела важные, – заметил Черноус спокойно. – Куда ни кинь, везде клин.

– Да, конечно, – согласился Соловьев и тут же подчеркнул с напряжением в голосе: – Но далеко не все чреватой той опасностью, с которой предстоит на днях нам встретиться.

Черноус остановил на нем вопросительный взгляд. Соловьев в своей выгоревшей на солнце фуражке, защитной гимнастерке, темно-синих диагоналевых³¹⁸ полугалифе³¹⁹ и солдатских сапогах с низкими голенищами мало походил на военное начальство. После небольшой паузы он продолжал:

– По данным нашей разведки, здесь не сегодня завтра должен высадиться десант из Крыма. Скорее всего это произойдет завтра утром.

Известие произвело на Черноуса ошеломляющее впечатление. Он переглянулся с Жебраком, воскликнул:

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Можно сказать, как снег на голову!

– Врангель и рассчитывает на то, чтобы застать нас врасплох, – сказал Жебрак. – Но мы постараемся спутать ему карты.

– В этом сейчас главное, – подчеркнул Соловьев и, сделав несколько размеренных шагов взад и вперед, кивнул: – Будем действовать твердо и решительно. Надо немедленно убрать из станицы всех бывших офицеров, взятых на учет, объявить военное положение и подготовиться к обороне. Всем жителям запретить выезд из станицы без ведома ревкома. Подозрительных – задерживать. – Он перевел взгляд на Жебрака. – Ответственность за выполнение этого приказа возлагаю на вас, Николай Николаевич, и на вашего помощника – товарища Левицкого!

– Слушаюсь! – четко, по-военному ответил Жебрак.

Левицкий подтянулся, и его фигура стала еще статней, молодеватей.

– Итак, за дело, товарищи! – заключил Соловьев. – А я – к начальнику гарнизона.

II

В три часа дня Приморско-Ахтарская была объявлена на военном положении. По улицам разъезжали верховые патрули, на перекрестках стояли дозорные.

Соловьев вернулся из воинской части, спросил у председателя ревкома:

– Сколько пулеметов у вас в чоновском отряде?

– Три станковых и два ручных, – ответил Черноус.

– И в батальоне Перевертайла восемь, – барабанил пальцами по столу, задумчиво произнес комиссар. – Выходит, всего тринадцать. Маловато!

– А с пушками совсем плохо, – добавил Черноус. – Ни одной нет.

Соловьев дотронулся рукой до его плеча и многозначительно посмотрел в лицо.

---

³¹⁸ **Диагональ** – здесь – ткань саржевого переплетения. При таком способе нити основы и утка (продольные и поперечные) при переплетении сдвигаются в каждом ряду на один шаг. Поэтому узнать ткань диагональ можно уже внешне – по характерным диагональным линиям, идущим под углом 45 градусов. Обладая высокой износостойкостью, повышенной прочностью и плотностью ткань диагональ идеальна для изготовления военной формы. – прим. Гриня

³¹⁹ **Галифе, полугалифе** – брюки, облегающие голени и расширяющиеся на бёдрах. Различаются по степени расширения. Общеупотребительное название брюкам дано по имени французского генерала Гастона Галифе (1830–1909), который ввёл их для кавалеристов. Официальное наименование этой части обмундирования в армейских документах 20–30-х годов: «Шаровары хлопчато-бумажные для рядового состава Красной Армии». – прим. Гриня

– Знаю, Василий Иванович, знаю... – сказал он и обернулся к Жебраку:

– Закупку лошадей начали?

– В станице уже работают оперативные группы, – доложил Жебрак. – Поступила первая партия лошадей.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Соловьев и, тяжело оторвав руку от стола, сказал: – Кажется, обо всем договорились. В случае высадки десанта держите тесную связь с Перевертайло. Я предупредил его об этом. А теперь мне пора: к вечеру я должен попасть в Ейск. Туда прибыл Михаил Иванович Калинин...

Простившись, он вышел на крыльцо и там повстречался с Виктором Левицким, спросил:

– Как настроение?

– Самое боевое! – весело ответил Виктор.

Соловьев дружески похлопал его по спине.

– Молодец! Побольше бы нам таких орлов!

Виктор улыбнулся: приятно было услышать от комиссара армии такой лестный отзыв о себе. Пожелав ему на прощание доброго пути, он переступил порог, в пустом коридоре раскатисто отдались его шаги. В кабинете он передал Жебраку новые данные о ходе закупки лошадей.

Черноус выглянул из окна во двор, крикнул:

– Шмеля ко мне!

Шмель, молодой казак в коротком кремовом балахоне в талию и белой кубанке с ярко-красным верхом, перекрещенным золотыми галунами, явился немедленно, вытянулся в струнку.

– Слушаюсь, Василий Иванович! – воскликнул он по-юношески звонко, и карие глаза его

заблестели весело, задорно.

– Вот что, Юня, – сказал Черноус с теплотой в голосе. – Просьба у меня к тебе особая есть... Дело, правда, щепетильное, но, думаю, ты справишься с ним.

Шмель выжидательно смотрел на председателя.

– Хоть и работы у нас по горло, но для такого дела можно и отпустить тебя сегодня, – продолжал Черноус. – Отдохнешь малость, погуляешь... Не догадываешься, к чему разговор веду?

Шмель дернул плечом. Чистое, безусое его лицо выражало крайнюю степень любопытства.

– Никак не докумекаю, Василий Иванович, – пробормотал он.

– Вечером пойдешь к Копотю в гости, – наконец объявил Черноус.

Чего-чего, но этого Шмель совсем не ожидал. Ошеломленный, не веря своим ушам, он захлопал глазами.

– Вернее, не к Копотю, а к его падчерице, – положив руку на его плечо, уточнил Черноус.

– К Марьяне? – изумился Шмель.

Черноус сел с ним на диванчик.

– Вопрос один надо выяснить, серьезный. Понимаешь, Юня?

Шмель вздрогнул, будто его окатили ледяной водой.

– Василий Иванович! – взмолился он. – Хорошая она... ни в чем не виновата! Разве только в том, что отчим ее бандюга.

– Вы, товарищ Шмель, не так поняли Василия Ивановича, – вмешался в разговор Жебрак.

– Кто ж тебе сказал, что Марьяна в чем-то виновата? – спросил Черноус. – Мы, наоборот, верим ей и, признаться, рассчитываем на ее помощь. Знаем, и она, и мать ее натерпелись лиха от Копотя.

– Еще как натерпелись! – тяжело вздохнул Шмель. – Марьяна мне рассказывала.

Черноус понимающе наклонил голову.

– Уж кому-кому, а тебе больше всех известно, как живет Марьяна у отчима. Чую, души не чаешь в ней.

Шмель потупил глаза, кумачово зарделся.

– А встретиться тебе надо с ней для того, чтобы узнать, к кому придет Копоть этой ночью, – сказал Черноус и предупредил: – Только будь осторожен. Марьяна не должна тебя заподозрить. Ясно?

Шмель молчал.

– Может, не надеешься, что Марьяна откроет правду? – спросил Черноус.

– Зря вы так думаете про нее, Василий Иванович, – обиженно проговорил Шмель и, вскинув голову, добавил с глубокой убежденностью: – Если что знает, то все скажет. От меня она ни в чем не таится.

– Сведения немедля сообщи нам.

– Сделаю, Василий Иванович. Обязательно сделаю!

* * *

Ревкомовцы подошли ко двору Копотя, обнесенному высоким дощатым забором. Захлебываясь от лая, у калитки заметались разъяренные псы. На крыльцо кирпичного дома, окруженного густой зеленью яблоневых деревьев, вышел старый Копоть. Кряхтя, спустился по крутым ступенькам.

– Мы к вам, Гаврила Аполлонович, – сказал рослый казак с длинной сухой шеей.

Копоть отогнал собак и, поблескивая колючими глазками, притаившимися под вихрастыми седыми бровями, приложил ладонь ко лбу, глухо спросил:

– А... по какому делу?

– Лошадок думаем купить у вас.

– То есть как это? – опешил старик, недобро заворочав белками. – А ежели я не думаю продавать их?

– Тогда мы реквизируем их, силком заберем – и вся недолга, – огорошил его ревкомовец. – Такой приказ.

Копоть с минуту стоял в раздумье, не зная, как поступить, потом сокрушенно махнул рукой:

– Ну, ежели такой приказ, то... воля ваша!

Ревкомовцы направились в глубь двора. Конюшня располагалась за амбарами, примыкала к

саду. Запахло свежим сеном и залежавшимся навозом.

– У нас все чин по чину, – сказал казак, следуя за стариком. – Возьмем лошадей, вам выдадим документ. Деньги получите в екатеринодарском банке.

Копоть молчал... Переступив порог просторной конюшни, он указал на лошадей в станках.

– Вот! Берите... – затрясся всем телом. – Деньги ваши не нужны!

– Это вы зря, Гаврила Аполлонович. Себе же только худо сделаете.

– Не надо мне ваших денег! – отмахнулся взбесившийся Копоть.

Ревкомовцы оставили пару лошадей, а остальных вывели из конюшни и угнали к сборному пункту.

Над землей сгущались вечерние тени. Старый Копоть стоял посреди двора, чертыхался в бессильной ярости. Вокруг не было ни души. Злился он и на ревкомовцев, и на сына, скрывавшегося в плавнях.

«Эх, Никита, Никита!.. Высидишь ли что-нибудь в тех камышах?..» Затем, тупо глядя в землю, едва передвигая ноги, старик направился к конюшне, заглянул в открытую дверь. Черная пустота показалась ему безграничной пропастью. Лишь в дальнем углу виднелись силуэты двух лошадей, тревожно переминавшихся с ноги на ногу. Привычно, как это он часто делал раньше, старик протянул руку в темноту, надеясь положить ее на широкий круп любимого коня, умного и работающего, но рука, не встретив опоры, упала вниз по шву. В сознании молнией пронеслись памятные картины... Вот он ранним июньским утром, услышав конское ржание, со всем семейством выбежал во двор. Посреди двора – арба с травой, к ее люшне³²⁰ на длинном поводке привязана кобылица. Ночью она ожеребилась... Но где же лошонок³²¹? Его нигде не видно...

А случилось все так: Бравчик, как был назван потом лошонок, почувяв свободу, отправился изучать двор, зашел за клуню в сад и там угодил в полуразрушенный заброшенный нужник³²² – не утонул, но изрядно вымазался, барахтаясь в вонючей жиже и безуспешно стараясь выбраться из западни. Так и нашли его хозяева. Вытащили, обмыли и ахнули от восторга. Лошонок оказался необыкновенно красивым и резвым. Особенно выделялся у него пухлый круп с ямочкой в середине, на позвонке.

Впоследствии все привязались к жеребенку, а старик Копоть особенно. Он кормил его с рук, баловал лакомствами: то незрелую шляпку подсолнуха даст, то молочный кочан кукурузы, то кусок арбуза, показавшийся кому-то несладким. Конь рос. За необычную живость и подвижность его и назвали Бравчиком. Часто, бывало, в степи на скошенной пшенице, когда стерня прорастала сочным разнотравьем, старик пас лошадей. Бравчик предпочитал быть с ним рядом. Старик клал на его мягкий лоснящийся круп руку и так тихонько с ним шел по жнивью, поросшему густым лисохвостом, мятником, пыреем, душистым горошком³²³... Бравчик выражал удовольствие, аппетитно хрупя травой...

Только теперь, вот в эту самую минуту, в тот миг, когда рука нашла пустоту в том месте, где всегда стоял любимый конь, старик понял всю трагедию случившегося. Он в судорогах громко зарыдал и с трудом произнес:

– Нет Бравчика!.. Нет больше моего дорогого коня... – Ноги его дрожали, подкашивались. Старик вернулся во двор, повел диким, отчужденным взглядом вокруг, простонал иступленно: – Так вот она... какая эта коммуна... Началось!..

И он тут же, перед домом, не устояв на своих дряблых ногах, грохнулся на землю.

На крыльцо вышла падчерица сына, стройная, гибкая девушка в белом платье. Увидев деда, она со страхом спросила:

---

320 **Люшня** – часть воловьей телеги; дугообразный упор на возу, запряженном волами. – прим. Гриня

321 **Лошонок** – жеребёнок. – прим. Гриня

322 **Нужник** – отхожее место, уборная, туалет. – прим. Гриня

323 **Лисохвост, мятник, пырей** – род многолетних и однолетних трав семейства злаков. **Душистый горошек** – вид однолетних травянистых, вьющихся растений семейства бобовых. Известны как продуктивные кормовые растения. – прим. Гриня

– Что с вами, дедусь?
– Коней увели... – прохрипел старик, вставая.
– Кто? – испугалась падчерица и машинально забросила за спину свою толстую русую косу.
– Известно кто – ревкомовцы окаянные! – ответил Копоть и заговорщицки оглянулся по сторонам, перешел на шепот: – Вот что, Марьяна. Сейчас же беги к Гаркуше... Передай ему, чтоб ночью гостя ждал. Батько твой к нему придет. – И пригрозил: – Да гляди, кому зря про то не болтай.

* * *

На станицу спустился тихий, прохладный вечер. Вернувшись домой, Марьяна переделалась в черное платье, прошла в сад, под алычовое дерево, села на свою заветную скамейку, где всегда поджидала милого дружка на свидание. Между густыми ветками проглядывало вороненое небо серебристыми крапинками звезд. Марьяна засмотрелась на них, пошли разные мысли о прошлом, вспомнился и родной отец. Ему так и не удалось осуществить свою мечту – дать возможность завершить любимой дочери, Марьяне, учебу в Екатеринодарской гимназии, где она училась и собиралась стать учительницей, но на полпути пришлось уйти из гимназии. Да и несладко потом жилось ей в доме Копотя. А матери и того хуже: не хозяйка, а батрачка у богатого казака. Такова уж была доля вдовы бедняка. У Марьяны не без боли в сердце еще глубже пошли мысли об отце, сухоньком станичном аптекаре, угасшем внезапно, неожиданно. Поплакала, погоревала тогда ее мать над ним, над его могилой и вышла замуж за Копотя – угрюмого, неразговорчивого, скрытного человека. Он не любил падчерицу. Марьяна платила ему тем же, не раз хотела бежать из дому, но не решалась оставить мать в одиночестве. Да и куда убежишь?

Марьяна грустно вздохнула, почувствовала, как на глаза невольно набежали слезы.

За кустом мелькнула тень, хрустнула под чьими-то ногами обломленная сухая ветка. Девушка вздрогнула, замерла.

– Это я, Марьяся! – еле слышно прошептал Шмель.

– Ой, как ты испугал меня! – сказала девушка, радостно встрепенувшись. – А я думала, ты не придешь. В станице такая заваруха началась. Коней забирают... Зачем это, Юня?

Шмель сел рядом с ней, обнял за плечи.

– Верно, станица бурлит! – согласился он. – Коней берут, мабуть, для Красной Армии.

– У нас сегодня всех увели, – пожаловалась Марьяна. – Дедушка так плакал, так голосил... как дитё малое.

– Но не всех же забрали, – возразил Шмель.

– Пару оставили, – сказала Марьяна. – Но что с ними?.. Хлеб-то немолоченый.

– Сколько же осталось?

– Десятины две-три.

– Пустяки! – махнул рукой Шмель.

– Как-нибудь, конечно, домолотим, – промолвила Марьяна.

Шмель помолчал, потом заглянул ей в глаза, сказал:

– А я вот выкроил время, так хотел повидать тебя. Летел сюда, как на крыльях.

Марьяна прильнула щекой к его плечу.

– Страшно мне, Юня! – прошептала она, – Вдруг опять белые вернутся.

– Если и вернутся, то ненадолго, – ответил Шмель. Мы им так наломаем бока, что будут бежать без оглядки!

– Ой ли? – возразила Марьяна. – Может быть, все наоборот... За тебя я больше всего боюсь, Юня. Беяки злые, жестокие. От них не дождешься пощады.

– Это еще посмотрим, бабушка надвое сказала, кто у кого пощады будет просить, – усмехнулся Шмель, прижимая девушку, темное платье которой совсем слилось с чернотой ночи. – Обо мне ты не беспокойся.

Марьяна припала к его груди, и слезы брызнули из глаз.

– Ненавидит тебя мой отчим, – сказала она едва слышным голосом и, переведя дух, воскликнула: – Ой, как ненавидит!

– Знаю. Теперь пуще прежнего возненавидит... – Шмель достал из кармана комсомольский билет и потряс им в воздухе. – Вот! В комсомол меня приняли.

Марьяна застыла от неожиданности. Потом осторожно взяла билет, полистала его в темноте, обняла парня и, поцеловав в щеку, прошептала:

– Молодец, Юня!

III

В одиннадцатом часу ночи Жебрак и Левицкий отправили первый эшелон с лошадьми. Когда они вернулись в ревком, Черноус куда-то собирался с десятком вооруженных чоновцев.

– Может, и вы с нами? – предложил он Жебраку и Левицкому. – Копотя брать будем.

– Значит, он здесь, в станице? – спросил Жебрак с напряженным вниманием.

– Сведения точные, – сказал Черноус. – Шмель все разузнал. С Копотем пятеро бандитов пришло.

* * *

Станица лежала в непроглядном мраке. Кое-где во дворах сипло лаяли собаки. Когда они затихали, улицы казались совсем пустыми – ни шороха, ни звука.

Чоновцы пробрались через сад к дому Гаркуши, бесшумно убрали часового, приткнули к окнам. За ставнями слышался глухой гомон. Сквозь щели прорывались узкие полоски света. Черноус потянул дверь за ручку на себя, она легко подалась. Видимо, бандиты целиком положились на дежурного и оставили ее незапертой. Выждав немного, Черноус резко рванул дверь и крикнул:

– Огонь!

Чоновцы, расположившиеся у окон, дали в воздух дружный предупредительный залп и одновременно ворвались в дом. Бандиты были настолько ошеломлены внезапным налетом, что не оказали никакого сопротивления.

Однако Копоть не растерялся, в мгновение, выхватив кинжал из ножен, отпрянул к открытой двери в боковушу и заперся на крючок. Черные цыганские его глаза, однако, успели на миг встретиться с глазами Виктора Левицкого, выступавшего вперед с браунингом в руке.

«Это же зять Бородули!.. Был на свадьбе у Молчуна...» – пронеслось в голове бандита.

– Ломай дверь! – закричал Черноус.

Забарабанили приклады по крепким дубовым доскам.

Копоть бросился в кухню, оттуда через специальный лаз проник на чердак и вылез на крышу. У глухой стены дома, росла старая шелковица. По ней он спустился на улицу и скрылся в темноте.

Черноус плюнул с досады.

– И надо ж такое!.. – почесывая затылок, сказал он раздраженно. – Упустили главного бандюгу.

Чоновцы смущенно переглядывались: каждый в какой-то мере чувствовал себя виноватым. Схваченных пятерых бандитов отправили в ревком. Там Жебрак и Черноус допросили их. Бандиты сообщили, что они во главе с Копотем прибыли по заданию Скакуна, чтобы ночью, перед высадкой десанта, о котором им было сообщено, уничтожить руководителей ревкома и командира батальона Красной Армии, а днем, во время боя за Приморско-Ахтарскую, поднять панику среди населения.

Во втором часу ночи, когда луна осветила небо, Левицкий отправился на вокзал. Жебрак и Черноус не уходили из ревкома. Во дворе находился дежурный взвод чоновцев. Вдоль морского берега и по улицам непрерывно патрулировали группы дозорных.

Черноус дремал у стола. Жебрак стоял у раскрытого окна и глядел в сторону моря, которое искрилось на темном горизонте от лунного света. Все вокруг казалось ему безмятежно спящим. Не верилось, что где-то таились вражьи силы, о которых он узнал от комиссара 9-й Красной армии и потом еще от банды, схваченной у Гаркуши.

«Того и гляди, они могут в любую минуту разорвать тишину грохотом пальбы и обрушить на станицу огонь и свинцовые ливни... – рассуждал он про себя и тут же, отбрасывая в сторону эту мысль, спрашивал вкрадчиво: – А может быть, все это пустое? Никакого десанта не будет, а?..» Он сполоснул лицо холодной водой под ручкомойником, вытерся полотенцем и, снова подойдя к окну, вдохнул полной грудью свежий, бодрящий воздух.

Но что это? Жебрак подался вперед, ухватился руками за подоконник. На южной окраине станицы, там, где находилась пристань, в небо взметнулся столб яркого пламени, озарившего белые

мазанки и деревья. В ту же минуту прогремели три винтовочных выстрела и откуда-то издалека донеслись крики.

– Василий Иванович! – громко окликнул Жебрак Черноуса.

Тот вскочил спросонья и невпопад спросил:

– А?.. Что? Уже высаживаются?

– Пожар! – крикнул Жебрак.

Через несколько минут они уже были на пристани. Горел длинный деревянный пакгауз³²⁴. Пламя быстро разрасталось. Вокруг пакгауза метались люди с ведрами, окатывали водой горевшие смоляные стены, но сбить огонь им никак не удавалось...

К Черноусу и Жебраку подбежал запыхавшийся Аншамаха, сказал:

– Это дело рук бандитов! Видно, сигнал подают врангелевцам.

– Пожалуй, так оно и есть, – ответил Жебрак спокойным голосом и, видя, что с пожаром теперь уже не справиться, махнул рукой: – Пошли, товарищи.

Народ стал расходиться, и берег моря вскоре опустел. Но пакгауз продолжал гореть, пламя начало униматься только под утро.

IV

На востоке брезжила заря. Потянул горишняк³²⁵ вначале робко, потом сильнее, порывистее. Заволновалась морская ширь. Вошло солнце, скользнули по волнам лучи, заиграли всеми красками радуги...

На морском горизонте показались дымки вражеских кораблей. Дозорные сразу заметили их.

Жебрак дал команду объявить тревогу и немедленно приступить к эвакуации учреждений.

Над Приморско-Ахтарской поплыл гул набатного колокола, протяжно застонали гудки паровозов. Вспокоенный народ высыпал на улицы, на берег моря. В ревком прибыл Перевертайло, чтобы уточнить план оборонительных операций и согласовать окончательно порядок взаимодействия батальона с чоновцами.

А вражеская флотилия приближалась. Уже без бинокля можно было разглядеть пароходы, десантные суда и баржи. Шли они кильватерной колонной, держа курс на Ясенскую косу, что находилась в семи верстах за Шамрайским полем. Грозно и зловеще выглядели неприятельские корабли, и люди, толпившиеся на берегу, смотрели на них с тем же беспокойством, с которым вчера наблюдали за смерчевой тучей.

Несколько канонерских лодок, выйдя из колонны, начали курсировать в прибрежной зоне, видимо, с целью разведки. Другая группа судов остановилась на траверзе Шамрайского поля. Теперь эскадра походила на стаю хищников, чего-то выжидающих, притаившихся... И вдруг воздух содрогнулся от громopodobного раската первого оружейного залпа. В следующее мгновение отрывисто застучали пулеметы. И снова залп за залпом. Снаряды с воем неслись над морем к хутору Чернявскому, гулко разрывались там, вздымая над землей черные султаны дыма.

Под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня к Ясенской косе двинулась самоходная баржа. Следом за ней буксирный пароход потянул баржу с десантниками. Началась высадка пехоты. Держа винтовки над головами, солдаты бросались в воду и по песчаной отмели устремлялись к берегу.

Встречая незваных гостей, из хутора ударили станковые и ручные пулеметы, захлопали винтовки.

* * *

---

³²⁴ **Пакгауз** – закрытое складское помещение особого типа при железнодорожных станциях, портах, аэропортах или таможнях, предназначенное для кратковременного хранения коммерческих товаров. Пакгауз оборудуется таким образом, чтобы обеспечивалось быстрое и удобное производство операций по погрузке и разгрузке товаров. – прим. Гриня

³²⁵ **Горишняк** – восточный ветер.

Феодосия Тихоновна прибежала домой, торопливо вынула из сундука темно-синие брюки, гимнастерку, фуражку с синим околышем. Не думалось ей, что придется снова облачаться в военную форму, ту самую, которую хранила на память о гражданской войне. А вот пришлось. Переделась, подпоясалась широким ремнем, пристегнула к нему слева шашку, справа – наган и, мельком глянув в зеркало, поправила под фуражкой подстриженные волосы, выбежала из хаты. Всего несколько минут потребовалось для того, чтобы оседлать лошадь – привычное дело! И как прежде, вынесла быстроногая Ночка умелую всадницу к обрывистому берегу. Далеко в море маячили неприятельские суда. У Ясенской косы нарастала перестрелка. И словно почуяв близость предстоящих схваток, Ночка вскинула голову, громко заржала.

В улице Феодосия Тихоновна увидела Шмеля, шагом ехавшего на Вихре мимо усадьбы Копотя. Парень шарил тревожными глазами по двору, по саду, выискивая кого-то.

– Марьяну высматриваешь? – спросила Феодосия Тихоновна.

Шмель настолько увлекся своим занятием, что даже не заметил ее, покраснел вдруг, ответил с виноватой улыбкой:

– Попрощаться хочу. Может, больше не увидимся.

– А ты кликни, отзовется! – посоветовала Феодосия Тихоновна и, ободряюще подмигнув, поехала дальше.

Шмель хотел уже последовать совету Феодосии Тихоновны – окликнуть Марьяну, но тут увидел ее. Она выглянула из окна.

– До свиданья, Марьяся! – крикнул Шмель осиплым от волнения голосом.

Марьяна прощально помахала рукой. Шмель почувствовал, как тоскливо сжалось сердце.

– Не горюй, Марьяся! – бросил он, натужно улыбнувшись, стегнул коня и умчался прочь.

* * *

Флагманский корабль «Буг» с развевающимся трехцветным флагом направлялся к берегу. За ним следовало торговое судно «Мария», переоборудованное в крейсер. Замедлив ход, в миле от берега «Буг» начал производить высадку. На палубе толпились солдаты. Сбегая по штормтрапам³²⁶, они грузились в шлюпки, байдарки и плыли к песчаной отмели, где прыгали в воду и брели к месту назначенной высадки. Стал разгружаться и крейсер «Мария». На «Буге» хлопотала у пушек артиллерийская прислуга 1-й Дроздовской³²⁷ батареи, одетая в английское обмундирование – френчи, гимнастерки с накладными карманами, полугалифе, сапоги или же ботинки с обмотками, темно-вишневые фуражки с голубовато-белыми околышами. Из глубоких крюйт-камер³²⁸ лебедками поднимали снаряды.

Приземистый офицер с крючковатым носом, обосновавшись на капитанском мостике, то и дело выкрикивал:

– Огонь!

На шканцах³²⁹ в кругу генералов и штабных офицеров стояли британский представитель

---

³²⁶ **Штормтрап** – веревочная лестница с деревянными ступеньками. Опускается вдоль борта или с выстрела (балки, прикрепленной к борту судна или корабля шарнирным соединением). Служит для подъема и посадки людей на шлюпки и катера. – прим. Гриня

³²⁷ **Дроздовцы**, «дрозды» – название воинских частей Добровольческой армии (впоследствии Вооружённых сил Юга России и Русской Армии), получивших именованное шефство одного из основоположников Белого движения на Юге России – генерал-майора М. Г. Дроздовского. «Дрозды» на протяжении всей Гражданской войны на российском юге были одним из самых надёжных и боеспособных соединений Добровольческой армии генерала Деникина и Русской армии Врангеля. – прим. Гриня

³²⁸ **Крюйт-камера** – во времена парусного флота – помещение на военном корабле, предназначенное для хранения пороха и сигнальных ракет. Располагалась, как правило, в носу или корме корабля ниже ватерлинии. Термин вышел из употребления в конце XIX века. – прим. Гриня

³²⁹ **Шканцы** или **квартирдек** – помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, где обычно находился капитан, а в его отсутствие – вахтенные или караульные офицеры и где устанавливались компасы. Шканцы считались на

Стрэнг – шестидесятилетний старик с гладко выбритым розовым лицом и генерал-лейтенант Улагай³³⁰ – командующий Группой особого назначения. Его смуглое лицо с резко выраженными кавказскими чертами и черными усиками было напряженно, сосредоточенно. В глазах поблескивали холодные огоньки. Раньше он командовал у Деникина кубанскими частями. Потому-то Врангель и предпочел поставить его во главе операции на Кубани. Наблюдая за высадкой солдат на берег, Улагай недовольно хмурил брови и нервно теребил на левой стороне груди черкески все четыре Георгия, приколотые к газырям.

– Плохо сработала наша разведка! – произнес он с едва уловимым горским акцентом. – Здесь, видимо, большие неприятельские силы.

Стрэнг снял очки в черной роговой оправе, подышал на квадратные стекла и, протирая их платочком, промычал скрипуче:

– Война есть война. Надо быть готовым ко всему.

– У красных здесь ничтожно малые силы! – резко заявил Драценко³³¹, начальник штаба десантной группы, выхолонный, статный генерал-майор в потрепанном военном мундире.

Улагай хорошо знал, что Драценко относится к нему крайне неуважительно и при каждом удобном случае старается подорвать его авторитет (на этой почве между ними не раз происходили стычки в Крыму). Задиристый, язвительный тон, с которым Драценко бросил фразу о «ничтожно малых силах красных», задел самолюбие Улагая, но Улагай, не желая обострять отношения с начальником штаба в столь ответственный момент, взял себя в руки, промолчал. Драценко бросил на него уничтожающий взгляд, демонстративно перешел на носовую часть корабля.

Из капитанской рубки на палубу спустился молодой человек со свежим румяным лицом. Это был английский эмиссар, капитан первого ранга Вокэр. К нему подошел генерал Казанович³³² – высокий, шуплый, лет под пятьдесят, типичный солдафон. Мигая воспаленными веками, он украдкой взглянул в сторону начальника штаба, тихо сказал:

– Опять Драценко... наш непревзойденный стратег, подкусил командующего... – Он едко усмехнулся в выцветшие усы, наклонился к эмиссару и пренебрежительно шепнул: – А стратегия у него липовая... Всякий бой научно обосновывает, много о нем говорит и до и после, но неизбежно его проигрывает!

Вокэр повернулся к своему собеседнику, неодобрительно проговорил с английским акцентом:

– Это нехорошо!..

Длинное, лисье лицо Казановича вытянулось еще больше, побагровело. Он раздраженно поправил зеленую фуражку с лакированным козырьком, на околыше³³³ которой была приколоты трехцветная кокарда, оттопырил нижнюю губу и, высоко подняв левую бровь, промычал:

– М-да... Не знаю, какими соображениями руководствовался барон, но я бы на его месте не

корабле почётным местом; там зачитывались перед строем законы, манифесты, приказы, приговоры. Дерзость начальнику на шканцах усугубляла наказание, так как шканцы на военном корабле считаются как бы священным местом. – прим. Гриня

³³⁰ **Улагай**, Сергей Георгиевич – кубанский казак черкесского происхождения, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из виднейших кавалерийских военачальников Белого движения. Полковник (1917), генерал-майор (1918), генерал-лейтенант (1919). Имел награды: Орден Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней; Орден Святого Станислава 3-й и 2-й степеней; Орден Святого Владимира 4-й степени; Георгиевское оружие и Орден Святого Георгия 4-й степени. Генерал Улагай вошёл в историю как командир группы особого назначения Русской Добровольческой армии генерала Врангеля, высадивший десант из Крыма на Кубань в августе 1920 года. – прим. Гриня

³³¹ **Драценко**, Даниил Павлович – российский военачальник, участник Первой мировой и гражданской войн. В июле 1920 по рекомендации генерала Шатилова назначен начальником штаба десантного отряда С. Г. Улагая. В ходе проведения Кубанского десанта разошелся во взглядах с генералом Улагаем и по собственной просьбе был заменен генерал-квартирмейстером штаба Русской армии генералом Г. И. Коноваловым. – прим. Гриня

³³² **Казанович**, Борис Ильич – генерал-лейтенант, участник Белого движения во время Гражданской войны. В августе 1920 года стал начальником Сводной Кубанской пехотной дивизии (после окончания десанта 7-я пехотная дивизия) в Русской армии генерала П. Н. Врангеля, участвовал в десанте генерала С. Г. Улагая на Кубань. – прим. Гриня

³³³ **Околыш** – часть головного убора в виде обода, облегающего голову. – прим. Гриня

назначил начальником штаба человека, который на ножах с командующим.

– Но, знаете... барону виднее, – Вокэр пожал плечами и положил руки на фальшборт³³⁴.

Песчаная отмель кишела солдатами. Достигнув земли, они бежали к хутору, скрывались в кривых улицах.

Дух Улагая поднимался. Мысленно он уже видел себя в Екатеринодаре. На какое-то мгновение его охватило приятное чувство. Опустив бинокль, он с радостной улыбкой сказал Стрэнгу:

– А знаете, господин эмиссар, мои солдаты ведут себя по-молодецки. Чертовски храбро! Похоже на то, что я снова увижу свой осиротелый желтый домик в Екатеринодаре³³⁵!

– Это будет очень хорошо, господин генерал, – ответил Стрэнг. – Мы тогда пожалуем к вам в гости.

– Разумеется, непременно! – выражая свое удовольствие, сказал Улагай. – Буду вам весьма благодарен.

И опять приложил бинокль к глазам.

* * *

Захватив хутор Чернявский, белогвардейцы сразу же развернули наступление на станицы Бородинскую, Бриньковскую и хутор Свободный. Сводногренадерский батальон и офицерская рота алексеевского³³⁶ полка, поддерживаемые огнем артиллерии с кораблей, двинулись на Приморско-Ахтарскую, пытаясь охватить ее с северо-востока. Гренадеры³³⁷ рвались к станице широким фронтом. Короткими перебежками, прячась за кустарниками и копнами пшеницы, они быстро продвигались вперед.

Чоновцы и батальон Перевертайло с приданным ему эскадронам кавалерии, не открывая огня, выжидали, пока враг подойдет ближе, чтобы нанести ему внезапный сокрушительный удар.

Десантники, накопившись в балке, выскочили на открытый выгон, за которым начиналась Приморско-Ахтарская, устремились к станице.

Жебрак наконец взмахнул рукой и громко закричал:

– По белой нечисти – огонь!

Наперебой ожесточенно и гулко затарахтели пулеметы, отдельные винтовочные выстрелы.

Из укрытий, вздымая клубы пыли, вылетел конный отряд чоновцев. Впереди на вороном коне мчался Черноус. Он размахивал сверкавшей на солнце шашкой и призывно орал фальцетом:

– За мной, хлопцы! Бей золотопогонников!

– Вперед! Вперед! – не отставая, вторила ему Феодосия Тихоновна.

Пулеметчики и стрелки перенесли огонь на левый фланг, а на правом уже действовали конники красноармейского эскадрона. Врезавшись в ряды десантников, они пустили в ход сабли. Гренадеры не выдержали натиска чоновцев и эскадронцев, бросились врассыпную. Тем временем офицерская рота алексеевского полка, обойдя выгон под обрывистым берегом, атаковала красных с тыла. Подоспевшая помощь ободрила гренадеров. Они остановились, залегли... Многие чоновцы и красноармейцы попали в тиски. Половина отряда во главе с Черноусом отбивалась от гренадеров,

---

³³⁴ **Фальшборт** – ограждение по краям наружной палубы судна, корабля или другого плавучего средства, представляющее собой сплошную стенку без вырезов или со специальными вырезами для стока воды, швартовки и прочими. – прим. Гриня

³³⁵ Имеет место путаница среди некоторых историков, перепутавших его – православного из шапсугов – с родившимся в доме по улице Рашиповской 10, который в Краснодаре ошибочно считают **домом генерала Улагая**, мусульманином-натухайцем полковником К. К. Улагаем. – прим. Гриня

³³⁶ **Алексеевцы** – название воинских формирований Добровольческой армии (впоследствии Вооружённых сил Юга России и Русской Армии Врангеля), получивших именное шефство одного из основоположников Белого движения на Юге России – генерала от инфантерии М. В. Алексева. – прим. Гриня

³³⁷ **Гренадеры** – отборные части пехоты и/или кавалерии, изначально предназначенные для штурма вражеских укреплений. – прим. Гриня

вторая половина – от алексеевцев. Левицкий рубился рядом с Аншамахой и Шмелем. Он понимал, какая опасность нависла над отрядом. Надо было пробиваться назад, в станицу, под прикрытие пулеметов, которые вели сейчас только фланговый огонь.

Выручил Жебрак. Правильно оценив обстановку, он повел за собой в атаку стрелков.

– Хлопцы!.. В шашки, в шашки! – выделялся из общих криков охрипший голос Черноуса. – Не давайте врагу заново сомкнуться!

Чоновцы услышали его призыв, пустили коней в намет... Одновременно на правый фланг противника навалился со своей пехотой комбат Перевертайло. Белогвардейцы снова были отброшены назад и поспешно перешли к обороне.

Огонь с обеих сторон постепенно слабел. Казалось, вот-вот наступит передышка... Но передышки не последовало. Обеспокоенный заминкой гренадеров и алексеевцев, Улагай приказал дроздовцам начать интенсивный оружейный обстрел окраины Приморско-Ахтарской. Тяжелые снаряды падали во дворы, сады, разнося в пух и прах мазанки, дворовые постройки... По Шамрайскому полю, как саранча, двигались на станицу новые десантные части. Гренадеры во взаимодействии с алексеевцами возобновили атаку с такой силой, что сразу стало ясно – оборона станицы бесполезна.

Взвесив все обстоятельства, Жебрак, Черноус и Перевертайло быстро начали отход в сторону Изюмного...

Через час Приморско-Ахтарская была полностью занята врангелевцами.

V

У длинного бревенчатого пирса пришвартовались флагман «Буг» и крейсер «Мария». На рейде разместились еще пять канонерок, несколько эскадренных миноносцев и сторожевых катеров – английских крупных и французских мелких судов.

Началась поочередная разгрузка. Десантники строились на пристани в колонны и направлялись к местам сосредоточения. С флагмана скатывали на причал броневики: «Диктатор», «Линеец» и «Ген. Бабиев». Авиаотряд – три самолета³³⁸ – в начале высадки покругил над Приморско-Ахтарской и приземлился рядом с вокзалом.

В тени, падавшей от флагмана, стояли Улагай, Стрэнг и Вокэр, окруженные генералами, штабными офицерами и другими военными чинами.

Поодаль, на пристани, держась особняком, стояло десятка полтора казаков. Это была делегация полковника Скакуна. Она терпеливо ждала, пока командующий освободится, чтобы потом подойти к нему с докладом. Но Улагай продолжал отдавать распоряжения подчиненным и одновременно беседовал с военно-дипломатическими представителями Англии.

Перед делегатами неожиданно появился казак в светлой черкеске и серой папахе с заломленным верхом. Он вскинул руку и молодецкато выкрикнул:

– Здравия желаю, господа казаки!

– А, Загуби-Батько³³⁹! – загудели голоса, оживившись. – Здорово! Откуда тебя бог принес, Тит Ефимович?

– С того света! – отшутился Загуби-Батько. – Решил посмотреть, как вы тут казакуете.

К ним подлетел адъютант Улагая – Василий Бородуля – в чине штабс-капитана. Щелкнув каблуками, он приложил пальцы к белой шапке раструбом кверху, сказал:

– Командующий просит старшего к себе.

Пожилый есаул, выпятив грудь, твердым шагом направился к Улагая. Отдав честь, он сказал:

– Дозвольте доложить, ваше превосходительство! Полковник Скакун просил передать вам свой нижайший поклон!

– Благодарю, – сухо ответил Улагай. – Прошу и от меня лично передать Сергею Борисовичу

---

³³⁸ Всего в составе десанта, а конкретно в сводной пехотной дивизии генерала Казановича, было 8 аэропланов. – прим. Гриня

³³⁹ **Загубывбатько**, Тит Ефимович – участник повстанческого движения (до 1922 года) в отрядах Скакуна, Кирия и Рябоконея. После 1922 года – участник ликвидации отряда Рябоконея. – прим. Гриня

глубокое почтение.

– Спасибо, – поблагодарил есаул, стоя навытяжку, и тут же спросил: – Какие будут распоряжения, господин командующий?

– Пусть полковник в срочном порядке от моего имени мобилизует казаков в своем районе и захватит станицу Гривенскую³⁴⁰.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Улагай пожал руку есаулу, и делегация покинула пристань.

В улице показалась депутация от станичников. Седобородые казаки торжественно несли распятие, иконы, хоругви, на которых были изображены Христос, Георгий Победоносец и другие святые. Впереди шел Никита Копоть с традиционным хлебом-солью на подносе, а рядом с ним, сияя ризой и золотым крестом на груди, шагал гривастый станичный поп.

Миновав пожарище, оставшееся от сгоревшего пакгауза, где все еще тлели и дымили обугленные бревна, депутация наконец пробралась сквозь гущу солдат, артиллеристов из дроздовских батарей, скатывавших на берег свои пушки, остановилась на пирсе. Копоть произнес перед Улагаем короткую приветственную речь и, низко поклонившись, передал генералу хлеб-соль, сказал:

– Ваше превосходительство, покорнейше просим пожаловать на обед к нам в станицу.

Улагай заставил себя милостиво улыбнуться, поблагодарил за приглашение.

– К сожалению, сейчас я очень занят, – сказал он и совсем уже ласково предупредил: – Передайте ахтарцам, что я, конечно, встречу с ними... – Он отыскал глазами генерала Филимонова³⁴¹, принарядившегося в новенькую бордовую черкеску, кивнул: – Вот. Уполномочиваю своего помощника по гражданской части Александра Петровича, бывшего атамана Кубани.

Филимонов слегка наклонил голову и взялся левой рукой за кинжал с дорогой насечкой, висевший на туго затянутом казачьем поясе.

Копоть в растерянности вылутился на него, воскликнул от неожиданности:

– Ба, ба!.. Какая встреча! Здравствуйте, дорогой Александр Петрович!

Филимонов, сощурился серые глаза, расплылся в улыбке, пожал локти войсковому старшине, потом они обнялись и поцеловали друг друга.

– Значит, живой, Никита Гаврилович. Выстоял бурю, дождался нас, – сказал Филимонов.

– Не говорите, Александр Петрович! – сокрушался Копоть, вытирая тылом ладони набежавшие слезы. – До сих пор не верится, будто все во сне.

– О, теперь Кубань забурлит! – заявил Филимонов и сбил на затылок черную каракулевую шапку.

– Дай бог, чтобы сбылись ваши слова, Александр Петрович! – сказал Копоть и вдруг заметил, что на него пристально глядит генерал Казанович, у которого из-под фуражки, что было нехарактерно для кубанских казаков, выбивались чуть прихваченные сединой курчавые волосы. Копотю покорило это, он невольно повел взглядом по казакам и офицерам, стоявшим вперемешку с другими белогвардейскими десантными частями на пристани. И тут ему бросилась еще в глаза та особенность, что все казаки и младший офицерский состав были либо безусые, что встречалось очень редко, либо носили небольшие усы; а офицеры старшего командного состава носили усы и острую клиновидную бородку. Копотю понравилось это своеобразное сохранение в десантных войсках остатков старых обычаев кубанской армии, и он как бы в свое утешение, одобрительно покивал головой...

---

³⁴⁰ **Гривенская** – станица в Таманском отделе Кубано-Черноморской области (сейчас в составе Калининского района Краснодарского края), до 1912 года – станица Новонижестеблиевская. Расположена на правом берегу реки Протоки (ответвление в дельте Кубани), в акватории Ахтарско-Гривенской системы лиманов. В августе 1920 года во время Улагаевского десанта на Кубань в станице некоторое время находился тыл Русской Добровольческой армии генерала Врангеля и штаб генерал-лейтенанта С. Г. Улагая. – прим. Гриня

³⁴¹ **Филимонов**, Александр Петрович – российский военачальник, генерал-лейтенант. Атаман Кубанского казачьего войска (12.10.1917–10.11.1919). Вел умеренно-независимую политику Кубани и Кубанского войска по отношению к правительству Кубани и Добровольческой армии. Из-за разногласий с Деникиным вынужден был сложить с себя полномочия атамана Кубанского казачьего войска. В декабре 1919 эмигрировал в Сербию. – прим. Гриня

Улагай остановил сумрачный взгляд на Филимонове и, стараясь скорее выпроводить депутацию, сказал:

– Александр Петрович, выступите перед ахтарцами, расскажите им о задачах нашей операции.

Филимонов охотно взял на себя эту миссию и вместе с иностранцами и депутацией направился в станицу.

* * *

У здания бывшего ревкома толпились старики и старухи да еще десятка полтора-два любопытных ребятишек, прибежавших сюда верхом на палочках. Хор, составленный из таких же древних певчих, как и те, что ожидали здесь гостей с особой почитательностью, встретил генерала и сопровождающих его лиц хоралом «Коль славен господь во Сионе»³⁴².

«Да, жидковато что-то!» – невесело подумал Филимонов, и его приятное лицо посуровело. Он не видел в толпе молодых казаков, именно тех, за счет кого можно было пополнить десантные войска. А ведь не кто иной, как он, Филимонов, заверял Врангеля, что кубанское казачество восторженно встретит десант и сразу примкнет к нему. Вокэр и Стрэнг, скорчив постные мины, недоуменно переглядывались.

– Народ отборный, – сказал Стрэнг на своем языке и брезгливо усмехнулся.

– Войско из богадельни³⁴³, – прибавил Вокэр.

Когда наконец хор умолк, выступил Филимонов.

– Господа казаки, дамы, приглашенные зарубежные гости! – сказал он срывающимся голосом. – Мы пришли в родной край, чтобы восстановить прежнюю жизнь, вековые порядки и обычаи наших праотцев.

Генерал вытер платочком испарину на лбу, продолжил свою речь, в которой призывал казаков вступать в ряды освободительной русской армии.

Ахтарские богатеи, стоявшие обособленно у крыльца, слушали речь, как райскую музыку. Они верили, что отныне и навсегда к ним снова перейдет потерянная власть, кубанская земля, переданная народу Советами. В их глазах Филимонов олицетворял самостийную Кубань, автономное казачье государство. Это он, Филимонов, еще в семнадцатом году сколотил вокруг Кубанского войскового правительства силы для борьбы с революцией. И поскольку он вернулся на Кубань, значит, не за горами тот день, когда с красными будет покончено.

После выступления Филимонова все направились в церковь, где начался молебен в честь взятия Приморско-Ахтарской «христолюбивым воинством».

Во время молебствия к Копотю, стоявшему позади англичан, протискался Василий Бородуля. Держа папаху на сгибе руки, он сказал приглушенно:

– Здравия желаю, крестный!

Копоть обернулся и, не веря своим глазам, вполголоса, обрадованно воскликнул:

– О, и впрямь Вася! Ты тоже здесь?

– А как же! – сияя широкой улыбкой, сказал Бородуля. – Без нас дело не обойдется.

Копоть взглянул на погоны.

– О, штабс-капитана уже заполучил! – одобрил он и спросил: – В какой же ты части?

– При командующем я.

– Неужто в адъютантах?

– Так точно!

– А я только что был с делегацией у командующего, хлебом-солью встречали.

– Я отлучался, – сказал Бородуля.

---

³⁴² «Коль славен наш Господь в Сионе» – гимн, написанный весной 1794 года композитором Дмитрием Бортнянским на стихи Михаила Хераскова. Широко использовался как неофициальный государственный гимн Российской империи с конца XVIII века до момента утверждения композиции «Боже, царя храни» в 1830-х годах; в нотных изданиях XIX века сопровождался отметкой «национальный русский гимн». – прим. Гриня

³⁴³ **Богадельня** – благотворительное заведение для содержания нетрудоспособных лиц (престарелых, немощных, инвалидов, калек и выздоравливающих). – прим. Гриня

Копоть оглядел его, всплеснул руками:
– Ай да Васька! Ай да молодец!

VI

После молебна Копоть раболепно заглянул генералу в глаза и с волнением сказал:

– Уважаемый Александр Петрович, оно, конечно, рановато затевать торжества, чи там, как у нас говорят на Кубани, всякие вытребеньки³⁴⁴, но все же... теперь прошу вас как истого кубанского казака ошастливить мой дом, пожаловать на скромный обед, который я даю в вашу честь. Дуже жалкую³⁴⁵, что командующий не сможет заглянуть ко мне.

Филимонов пожал плечами, проговорил:

– Идем, Никита Гаврилович. Мы же договорились.

Копоть обернулся к станичным богатеям, изнывавшим у крыльца от духоты, поклонился в пояс, пропел просительно:

– И вас, дорогие друзья, господа казаки, приглашаю.

* * *

В саду стояли столы, уставленные холодными закусками, вазами с фруктами, графинами с вином, водкой и наливками. Воздух был напоен ароматом спелых плодов.

– Присаживайтесь, друзья, господа, – сказал Копоть, приглашая гостей к столам. – Извините, что обед так скромн – все делалось наспех.

– Было бы пития в избытке, а за скромность яств душа жаждущего не возневается, – поблескивая золотым крестом на округлой груди и вожделенно поглядывая на графин с водкой, пробасил станичный поп в черной рясе.

– Воистину так, батюшка, – согласилась пухлощекая вдова, жена погибшего в Крыму статского советника. – Хотя мы так наголодались, что вы и представить себе не можете!

Много здесь было и екатеринодарской буржуазии, в свое время отступившей в Крым и теперь вернувшейся с десантом на Кубань, тая надежду на успех врангелевской операции. Копоть обратил внимание, что среди гостей, а также и военных много было людей нерусского происхождения... Ему это не понравилось. Потом он забыл про них, окунувшись в другие заботы.

Гостей обслуживали молодые казачки, как на подбор, грудастые, румянощекие. Они украдкой поглядывали на незнакомые им наряды худосочных дам, прибывших с экспедицией, шептались между собой, прыскали со смеху.

Вокэр с заморской холодной пренебрежительностью шарил глазами по всей этой пестрой, разношерстной массе, присматривался к некоторым молодым дамам, девицам, их смуглым, обворожительным лицам, бормотал про себя:

– Очень хорошо, очень хорошо!

Бокалы и стопки были уже наполнены вином, водкой, наливкой. Филимонов снял шапку, повесил на сучок яблони, причесал жидкие седые волосы, пригладил короткие густые усы и клиновидную бородку, застегнул пуговицу на воротнике белого бешмета, выступавшего из глубокого выреза черкески, и приготовился к выступлению, но оживленный шум и гомон не умолкали, мешали ему начать застольную речь. Копоть повел глазами вокруг и, не найдя Марьяну, стиснул зубы.

«Ну погоди, негодница, я проучу тебя за непослушание! – обозленно произнес он мысленно. – Шутка ли, сам генерал Филимонов пожаловал на обед, а она не удостоила чести... спряталась, паршивка!..» Но тут генерал поднял стопку, и мысли войскового старшины прервались.

---

³⁴⁴ **Вытребеньки** (витребеньки, вытрэбэньки) – выдумки, капризы, прихоти, причуды; то, что не имеет практического значения и обычно служит для украшения – безделушки, финтифлюшки; шуточные, озорные частушки, куплеты. – прим. Гриня

³⁴⁵ **Жалкувать** – жалеть, сожалеть. – прим. Гриня

– Господа! – наконец заговорил Филимонов. – Разрешите мне провозгласить тост за наше возвращение на просторы родных кубанских полей и за успешное начало освободительного похода доблестной русской армии против большевистских полчищ, заполонивших многострадальную кубанскую землю.

Раздались громкие аплодисменты, крики: «Да здравствует наш кубанский край! Да здравствует наш командующий, храбрый из храбрейших кубанцев – генерал Улагай!» Филимонов поставил стопку на стол, выждал тишину и продолжал:

– Я должен вам сказать, господа казаки, что мы пришли на Кубань не с пустыми руками: у нас теперь есть первоклассное вооружение, надежный офицерский состав, есть людские силы, хотя их еще недостаточно... Тут мы возлагаем большие надежды на кубанское казачество. Наши офицерские части за счет мобилизованных контингентов на Кубани должны будут развернуться в крупные соединения. – Он сделал небольшую паузу, потом прибавил: – Четвертого августа мы, то есть атаманы Кубани, Дона, Терека и Астрахани, заключили соглашение с Врангелем на предмет того, что в случае успеха нашей операции на Кубани все эти области станут независимыми в своей внутренней жизни автономными казачьими областями.

– Ура! Ура! Ура! – дружно грянули приглашенные, потрясая бокалами, стопками.

Филимонов высоко поднял свой хрустальный сосудец с искрометным вином, осушил его до дна и сел. Его примеру последовали остальные.

Из дома вышел празднично одетый старый Копоть: на нем была новенькая черкеска табачного цвета, на груди сияли начищенные кресты и медали. Сын с опаской покосился на него. Филимонов обратил внимание на старика, поинтересовался, кто это.

– Мой батько, – ответил Копоть.

– Геройский старик! – воскликнул Филимонов. – Просите его к столу.

Старый Копоть, польщенный вниманием генерала, прежде чем сесть за стол, поклонился Филимонову в пояс, сказал:

– Покорнейше благодарствую, ваше превосходительство. Сын считает, что я уже выживаю из ума, сторонится меня на людях, но я еще тово... могу и показать энтим, что моих лошадок увели, где раки зимуют.

– И такое скажете, папаша! – с нескрываемой досадой бросил ему Копоть.

Филимонов протянул старику рюмку с водкой:

– Выпьем за старую гвардию, добрый казак!

Старый Копоть опрокинул рюмку над беззубым ртом и даже не поморщился. Еще раз отвесил генералу земной поклон и сел рядом с сыном. Вскоре о нем забыли. Старик чувствовал себя одиноким и лишним. Чтобы заглушить обиду, он выпил кряду, не закусывая, две рюмки наливки, затем стакан вина и, осмелев, обратился к Филимонову:

– А скажите, ваше превосходительство, не получится опять конфузия³⁴⁶?

– То есть? – непонимающе посмотрел на него Филимонов.

Копоть подумал: «Так и знал, что начнет молоть...» Незаметно толкнул отца в бок. Старик отмахнулся.

– Постой, не шпыняйся³⁴⁷! – сказал он и, наклонясь через стол, прохрипел: – Я кажу про то, как бы заново тикать³⁴⁸ не довелось войску белому. Красные Корнилова разбили, Деникина потурили, а теперички с моря не так просто их взять!

– Возьмем! – убежденно заявил Филимонов. – За нашей спиной – Англия!.. И другие великие державы.

– Ну разве что так... – протянул старый Копоть и, вздохнув, покрутил головой: – Хотя задаром та Англия ничего нам не даст. В прошлом году в нашей станице братья Некрасовы, Иуда и Савелий, вкупе с Малышевым и Жигалкой собрали два эшелона хлеба и выменяли в Англии на тот хлеб танки.

---

³⁴⁶ **Конфузия** – неловкость, беспорядок, замешательство, оплошность, смущение, конфуз. – прим. Гриня

³⁴⁷ **Шпынять** – колоть, тыкать чем-нибудь острым; укорять, попрекать, донимать чем-нибудь, колоть словами, дразнить. – прим. Гриня

³⁴⁸ **Тикать** – убегать, скрываться. – прим. Гриня

А что толку? Танки те к большевикам попали. Тут у нас песню потом такую пели:

Ой, Кубань, ты, наша плодородная,
Хлеб за танки отдала –
Сама голодная!

«Пошел, пошел молоть!» – раздраженно бормотал себе под нос Копоть и, видя, как недовольно скривился Филимонов, сказал отцу:

– Папаша, вы бы пошли позвали Марьяну. Где она там запропастилась?

«Гонит!» – промелькнула мысль в голове старика. Хотел было запротестовать, но, зная крутой нрав сына, решил покориться, ушел.

* * *

Марьяна сидела с матерью в спальне.

– Иди, внучка, – сказал ей дед. – Твой батько уже на взводе. Как бы лиха на свою голову не накликала. Сходи уж, представься.

Марьяна прошла в сад, шагах в десяти от первого стола со страхом остановилась, краснея и чуть не плача от смущения.

– Сюда, сюда, дочечка! – закричал Копоть пьяным голосом, представил ее гостям и сказал с бахвальством: – Вот какая у меня дочь! Красавица из красавиц в станице! В гимназии училась. Грамотная!..

Из-за яблони, спотыкаясь на высоких тонких ногах, вышел Василий Бородуля в белой расхристанной черкеске с серебряными погонами и костяными газырями и вдруг остановился перед Марьяной. Играя кинжалом – то вынимая до половины, то засовывая его в ножны, он окинул девушку мутным, осоловелым взглядом и, расставив ноги, чтобы не упасть, промычал:

– Хорошая падчерица у крестного, а я не знал!

В адрес девушки посыпались комплименты. Но тут рядом с Бородулей появился Вокэр. Он тоже был сильно пьян. Взял Марьяну за руку, заглянул в лицо. Марьяна не противилась. Не мигая, она смотрела на него с презрением. Копоть положил ладонь на плечо эмиссара и снова, возвысив голос, спросил:

– Ну скажи, господин... Красивая у меня дочечка?

– Разрешите поцеловать ее руку? – обратился к нему Вокэр.

– Это пожалуйста! – сказал Копоть заплетающимся языком. – Можно, господин капитан первого ранга.

Вокэр наклонил голову, намереваясь поцеловать руку Марьяны, но девушка резко отдернула ее.

– Не надо! – сказала она сурово.

Копоть обжег ее глазами и тоже посуровел. Вокэр весело захохотал.

– Девушка смущается, – пролепетал он, откидывая назад голову. – Ничего, ничего. Мы будем хорошими друзьями. – Он снова завладел рукой Марьяны и указал в сторону стола. – Не обижайте меня. Выпейте вместе с нами немного вина.

– У меня болит голова, я не могу пить, – сказала Марьяна, еле сдерживая слезы.

– Марш за стол, слышишь? – прикрикнул на нее отчим.

Марьяна покраснела, растерянно посмотрела на подвыпившую компанию. Вокэр уже бесцеремонно обнял ее за талию и потянул к столу, бормоча что-то на своем языке.

Василий Бородуля хотел уже пойти в защиту Марьяны, но тут неожиданно над садом, рассекая воздух, с визгом пролетел снаряд и разорвался где-то неподалеку

В саду поднялась паника.

– Спокойно, господа, спокойно! – призывая к порядку, сказал Филимонов. – Это, видимо, шальной.

Разорвался второй снаряд. Третий и четвертый – на берегу моря.

– Это из Изюмного по пристани бьют! – определил Копоть, намереваясь, как и многие, улизнуть из сада.

Филимонов надел шапку, нахмурился.

– Простите, господа, я должен возвратиться в порт, – сказал он и зашагал по аллее.

Следуя за Филимоновым, прибывшие из Крыма поспешно направились к морю, и сад опустел.

Вокэр попрощался с Марьяной, сказал:

– Не хочется расставаться с вами. Очень не хочется.

Марьяна вырвалась из его рук, пустилась к дому. Прислушиваясь к вою и разрывам снарядов, летевших от красных, она с радостью про себя повторяла:

«Еще, еще поддайте им!»

Пересекая двор, поп пьяно уставился на Копотя, спросил:

– Что же это получается, Никита Гаврилович? Стреляют!..

Тот беспомощно развел руками, ответил:

– Ничего не поделаешь, отец Ириной. Война!

VII

Вбежав в дом, Марьяна бросилась к матери.

– Слышишь, мамочка? – проговорила она с волнением. – Наши бьют из пушек!

Нина Арсеньевна, невысокая, щуплая, но довольно еще красивая женщина лет сорока двух, боязливо оглянулась назад.

– Тише, тише, доченька. Не дай бог, батько услышит!

Марьяна прижалась к матери, прошептала:

– Не бойся, мамочка! Вот увидишь, крымские «дачники» недолго будут здесь.

Нина Арсеньевна опять покосилась на дверь, сказала со вздохом:

– Чует мое сердце беду.

С крыльца донесся топот ног и какая-то возня.

– Уйди отсюда, – сказала Нина Арсеньевна дочери и легонько втолкнула ее в спальню. – Закройся там.

Марьяна нырнула в дверь и, щелкнув замком, притихла. Что-то загромыхало в передней. В комнату ввалился Копоть, лютый, с налившимися кровью глазами. Два казака с трудом удерживали его.

– Пустите! – вырываясь, кричал Копоть. – Я голову сорву с этой паскуды, чтоб знала, как батька не слушать!

Из кухни, позвякивая крестами и медалями, пришел старый Копоть.

– Чего ты тут расшумелся? – взглянув на сына злобными глазами, спросил он глухим голосом.

– Где Марьяна? – топнув ногой, заорал Копоть. – Батько в плавнях гниет, а она со Шмелем, заклятым моим врагом, милуется

– Угомонись, скаженный! – сказал старый Копоть. – Может, все это брехня!

– Люди не станут зря болтать! – горячился Копоть. – Говорил я ей, предупреждал. Не послушалась. Прошлой ночью этот ее Юнька разлюбезный вместе с чоновцами за мной гонялся. Пустите!

Он вырвался из рук казаков, оттолкнул отца и двинулся на жену, прикрывавшую собой дверь в спальню.

– Не смей, очи выцарапаю! – закричала Нина Арсеньевна. – Геть, душегубец!

Сбив ее с ног, Копоть высадил плечом дверь, очутился лицом к лицу с падчерицей.

– Ну, где твой Юнька? – гаркнул он. – Рассказывай, как ты красным продалась?

Марьяна стояла перед ним, не шевелясь, молчала с огоньками ненависти в глазах. Копоть наотмашь ударил ее по щеке. Она покачнулась, но не упала, не закричала от боли, не заплакала.

Нина Арсеньевна подползла к мужу, обхватила его колени.

– Никита, не надо! – вырвалось у нее отчаяние с рыданием, с мольбой. – Не надо!

Старый Копоть повис на руке сына.

– Не тронь Марьяну, говорю тебе, не тронь!

Казаки выволокли распалившегося Копотя из спальни. Тяжело дыша, он с минуту стоял посреди комнаты, затем надел свалившуюся шапку, сунул наган в карман и направился к выходу.

– Попляшут сейчас у меня Шмели!

Нина Арсеньевна бросилась за ним, догнала на крыльце.

– Никита, опомнись! Они не виноваты! Вернись!

Но Копоть не остановился, сбегал вниз и, спотыкаясь, пьяно запетлял на улицу. Казаки последовали за ним.

* * *

Двор Шмеля находился на северо-восточной окраине станицы, недалеко от выгона. Хата, конюшня и сарайчик, крытые черепицей, были обращены глухими стенами к улице. Посреди двора – колодец с журавлем. За двором – небольшой сад, огороженный плетнем. У плетня – саж³⁴⁹ и курятник.

Старый Шмель – потомственный казак. В молодости работал на рыбных промыслах. Ежегодно откладывал часть жалованья, собрал немного денег и купил это подворье. Занимался хлебопашеством. У него было четверо детей. Два старших сына ушли на германскую войну и там сложили головы; дочь вышла замуж, уехала с мужем в другую станицу и редко навещала родителей. Единственным утешением Гордея Анисимовича и его жены, Гликерии Семеновны, был Юнька. Они возлагали на него все свои надежды.

Гордей Анисимович сидел на катке³⁵⁰ возле хаты, строгал держак для граблей, когда протяжно скрипнула калитка. Шмель поднялся, поправил полотняную рубаху, отряхнул стружки с колен. Из-за хаты вышел Копоть в сопровождении двух казаков.

«Не с добром, видно, явился!» – подумал Гордей Анисимович, заметив по багровому лицу, что Копоть пьян.

– Что, не ждал? – кривя рот и багровея, спросил Копоть и, приблизившись к старику,дохнул в лицо перегаром водки: – Где сын?

– Зачем он тебе? – Гордей Анисимович выжидательно смотрел в налитые бешенством глаза Копотя.

– Я спрашиваю, где сын? – заорал разъяренный войсковой старшина.

– Не знаю! – отворачивая лицо в сторону, ответил Гордей Анисимович.

– Не знаешь? – Копоть вынул из кармана наган. – Ну, тогда с тобой поговорит вот эта штука!

Казаки опять схватили его за руки.

– Брось, Никита Гаврилович, не бери греха на душу, – сказал один из них. – Пойдем.

Копоть с силой вдохнул воздух, потряс наганом перед самым носом старика:

– Счастье твое, что здесь люди.

Гордей Анисимович, не повышая голоса, спокойно сказал:

– Только за тем и пришел?

– погоди, я еще вытрясу из тебя душу! – пригрозил Копоть.

* * *

По предложению Филимонова Улагай разместил свой штаб в доме Копотя. У калитки и у крыльца были выставлены часовые, в саду расположился караульный взвод.

Тут же, в доме, для жены генерала и жены командующего выделили комнаты. Но жены все еще находились на специальном пароходе далеко в море и вот-вот должны были приехать, но почему-то задерживались.

Улагай созвал экстренное совещание в ставке, чтобы окончательно уточнить план наступательных операций. Старший командный состав и офицеры штаба собрались в самой просторной комнате, разместились вокруг длинного стола, толпились у двери.

Улагай стоял с указкой в руке перед большой картой Кубанской области. Справа от него сидели Стрэнг и Вокэр, слева – начальник штаба Драценко.

---

³⁴⁹ **Саж, сажа** – место за перегородкой в хлеву, куда сажают свиней для откорма. – прим. Гриня

³⁵⁰ **Каток** – здесь – отрубок бревна, подкладываемый под тяжести, для перекаtywания их. – прим. Гриня

– Господа генералы и офицеры, я еще и еще раз подчеркиваю ту огромную ответственность, которая возложена на нас верховным главнокомандующим в связи с началом нового похода русской армии, – открывая совещание, сказал Улагай. – Кубань уже дважды была ареной тяжелых боев нашей армии с большевиками.

И вот теперь мы начинаем третий поход. Весь мир смотрит на нас с надеждой, и мы должны оправдать эту надежду. – Он сурово сдвинул брови, продолжал: – К сожалению, у нас не все идет гладко. Я, например, крайне обеспокоен затянувшейся высадкой войск и медленной разгрузкой военного имущества. Во-первых, это ведет к снижению темпов нашего наступления и к ослаблению фактора внезапности. Пока мы здесь возимся, красные определенно накапливают силы для ответного удара. Во-вторых, мы непростительно долго задерживаем корабли, которые необходимы для переброски резервных частей из Крыма. Должен признаться, что меня поставил в очень затруднительное положение генерал Драценко. Он отдал распоряжение сосредоточить высадку у пристани, приостановив ее в других местах, в частности у Ясенской косы.

– А почему вы не отменили это распоряжение, если считали его ошибочным? – спросил Драценко.

– Потому что не хотел устраивать кавардак! – резко ответил Улагай. – Любой наш солдат, даже самый тупой, не говоря уже об офицерах, подумал бы: у нас в штабе творится что-то неладное – правая рука не ведает, что делает левая.

– Вы вообще не привыкли считаться с моим мнением, – заявил Драценко.

– Не валите с больной головы на здоровую, – раздраженно возразил Улагай и, сделал небольшую паузу, добавил: – Я надеюсь, господин генерал, что впредь свои действия вы будете согласовывать со мной. От этого мы только выиграем.

Драценко поджал губы, уставился в потолок и нервно забарабанил пальцами по столу.

– Итак, – не спеша продолжал Улагай, поблескивая черными глазами. – Теперь о главном... о тех поправках, которые я внес в план наступления. Чтобы отвлечь внимание врага от главного удара, ввести его в заблуждение, мы прибегнем к ложным атакам вдоль реки Бейсуг, а потом ударим во фланг противника и поведем стремительное наступление следующим образом. – Командующий повернулся лицом к карте, провел по ней указкой. – 1-я Кубанская конная дивизия генерала Бабиева³⁵¹, 2-я Кубанская конная дивизия генерала Шифнер-Маркевича³⁵², поддерживаемые броневиками «Ген. Бабиев» и «Линеец», поведут наступление по-над Бейсугскими лиманами, а Сводно-Кубанская дивизия генерала Казановича с броневиком «Диктатор» и 4-я Кубанская дивизия полковника Буряка³⁵³ двинутся по Приморско-Ахтарской железной дороге, как и было раньше предусмотрено планом. Но учтите, господа, до подхода резервов зарываться особенно не следует. Врага изматывайте на месте.

– Вот уж с этим я никак не согласен! – возразил Драценко. – Наоборот, нам надо рваться в глубь области, не давать передышки противнику.

– Нет, нет! До прибытия резервов надо быть очень осторожными в смысле продвижения, –

---

³⁵¹ **Бабиев**, Николай Гаврилович – русский военачальник, участник Белого движения, генерал-лейтенант. В августе 1920 года участвовал в Кубанском десанте, командуя 1-й Кубанской казачьей дивизией. Был награжден орденом Св. Николая Чудотворца. – *прим. Гриня*

³⁵² **Шифнер (Шифнер-Маркевич)** Антон Мейнгардович (Михайлович) – русский военачальник, из дворян, участник Белого движения, генерал-майор. В Русской армии генерала Врангеля – начальник 2-й Кубанской конной дивизии. В августе 1920 г. со своей дивизией участвовал в десанте генерала Улагая на Кубань, во время которого был тяжело ранен. – *прим. Гриня*

³⁵³ **Буряк**, Федор Никифорович (около 1886–?) – в 1907 году, по окончании Алексеевского военного училища, в чине хорунжего направлен в 1-й Таманский Генерала Безкровного полк Кубанского казачьего войска, в этом чине прослужил как минимум до 1910 года. В 1914 году упоминается в списках 2-го Таманского полка Кубанского казачьего войска как сотник. В сентябре 1919 года – полковник, командир 2-го Уманского Кубанского казачьего войска полка, в составе сухопутных войск Вооруженных сил Юга России (ВСЮР, главнокомандующий – Деникин А. И.), а уже в октябре 1919 года – командир 4-й Кубанской казачьей дивизией при 4-м Конном корпусе. Сведения об участии дивизии в составе Улагаевского десанта противоречивы. В официальной истории десанта дивизия не упоминается, однако в некоторых исследованиях (д. и. н. Олейников А. В.) упоминается о высадке на третьи сутки десанта 3(16) августа 1920 года «формирующейся дивизии полковника **Буряка**» без упоминания названия. По данным справочника «Белое движение в России: организационная структура», 4-я Кубанская казачья дивизия расформирована 6 мая 1920 года. – *прим. Гриня*

категорически возразил Казанович, и на его лисьем волосатом лице выразилась гримаса неудовольствия.

– Нужно мобилизовать казачество, – сказал Драценко. – Я уверен, что казаки поддержат нас, поднимут восстание против Советов. – Он взглянул на Филимонова. – Вот и Александр Петрович такого же мнения.

– Да, я считаю, что на казаков вполне можно положиться, – неуверенно проговорил генерал.

– Почему же они тогда так враждебно встретили нас в Приморско-Ахтарской? – спросил Улагай. – В станице остались в основном только старики да дети.

– Линия поведения казаков вполне естественна, – сказал Драценко. – Они выжидают, как у нас пойдет дело. Первый же наш успех окрылит их.

– И все же я рекомендую исходить из реальных возможностей, – проговорил Улагай после небольшого молчания. – Главное сейчас форсировать высадку и разворачивать боевые действия. Прошу, господа, высказаться по поводу внесенных поправок в план наступления.

– Разрешите, – попросил слова Казанович и неторопливо начал: – Я одобряю этот план и голосую за. Рельеф местности данного района сложный, и другого, более удобного пути продвижения наших войск в глубь области нет.

– Ваше мнение, господин Бабиев? – спросил Улагай.

Бабиев проворно подхватился и, пряча за спину левую руку с поврежденными пальцами, скороговоркой ответил:

– Я согласен. У меня возражений нет.

– А вы, господин генерал? – Улагай перевел взгляд на Шифнер-Маркевича.

Тот встал. Это был хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти, в казачьей форме. Некоторое время он глядел на командующего молча. В черных его глазах выразалось спокойствие. Он положил руку на эфес шашки, сказал:

– У меня возражений нет.

– Слово за вами, господин полковник, – обратился Улагай к Гейдеману³⁵⁴, заместителю начальника штаба, работнику контрразведки.

Гейдеман поднялся. Почесав голую макушку, он машинально застегнул нагрудный карманчик гимнастерки, и заговорил умиротворяющим голосом:

– В данный момент, господа, все свое внимание мы должны сосредоточить на разгроме большевиков! Другой цели у нас нет и быть не может. Скажу откровенно, меня беспокоят те разногласия, которые наметились между начальником штаба и командующим. Они, эти разногласия, будут только на руку нашим врагам. Обстановка сейчас очень сложная, и я призываю к сплочению, господа... – Он хотел сесть, но, вспомнив, что не ответил на основной вопрос, добавил: – Коррективы полностью одобряю.

Драценко покосился на него, подумал: «Тоже мне примиритель нашелся!»

– Стало быть, мы пришли к общему мнению, – удовлетворенно сказал Улагай и обратился к Драценко: – Господин генерал-майор, подготовьте соответствующий приказ с таким расчетом, чтобы вручить его командирам дивизий не позже как через два часа.

VIII

Во двор Копотя въехала открытая легковая машина. Позади сидели жена Филимонова и жена Улагая, рядом с шофером – Филимонов. Остановившись перед крыльцом, шофер открыл дверцы машины. Вышел генерал, потом дамы. Отдавая им честь, Василий Бородуля и штабной офицер щелкнули каблуками, хотели помочь дамам взойти на крыльцо и проводить в дом, но те отказались от услуг и стали подниматься по ступенькам. Филимонов взял жену под руку. Ей было не больше двадцати пяти лет. Темно-русые волосы аккуратно причесаны на прямой пробор, сплетены в две косы, собраны на затылке корзинкой и приколоты роговыми шпильками.

---

³⁵⁴ В истории Белого движения на юге России в составе Добровольческой армии упоминается генерал-майор **Гейдеман**, Константин Иванович – русский военачальник, участник русско-японской и Первой мировой войн. Принимал участие во Втором Кубанском походе. С июня 1918 г. – начальник штаба 1-й пехотной дивизии. 20 ноября (3 декабря) 1918 года был убит в бою с большевиками под с. Спицевкой (у д. Кононовка). Похоронен в Войсковом соборе в Екатеринодаре. – прим. Гриня

Жена Улагая лет на пять старше жены Филимонова, с красивым горским лицом. Черные, коротко подстриженные волосы вились колечками. На ней длинное платье из тонкой шерсти с поперечными белыми полосками по коричневому полю, длинные зауженные рукава; тонкая талия затянута широким поясом с дорогими украшениями и золотой пряжкой; в глубокое декольте вшита вставка из поперечных белых шнурков, посередине которых снизу до стоячего воротника, отороченного белой тесьмой, поднимался ряд мелких блестящих пуговиц.

На пороге гостей встретил Копоть, любезно раскланялся и провел в предназначенные им комнаты.

Оставшись наедине с женой, Филимонов снял шапку, повесил на стоячую вешалку, всем телом плюхнулся на диванчик и повел усталыми глазами по уютной спальне, обставленной старомодной мебелью, от которой веяло казачьим вековым духом, патриархальностью, и, откинувшись на спинку, облегченно воскликнул:

– Ну, Зинаида Ивановна, скоро мы будем в Екатеринодаре! Понимаешь, в своем родном доме! – Он, всплеснув руками, вздохнул: – Даже не верится!.. Скоро уже полгода, как скитаемся.

Зинаида Ивановна, оглядывая себя со всех сторон перед зеркалом и поправляя черное платье, совсем закрывавшее ноги, спросила:

– Ты надеешься?

– А зачем же мы тогда высадили здесь свои войска? – широко расставив усталые ноги и заложив руки за голову, ответил Филимонов.

Зинаида Ивановна, не отрываясь от зеркала, одернула на платье короткие рукава, обшитые кружевом, поправила квадратный двухсторонний воротник, из прорези которого выступала белая ее шея, подкрасила розовой помадой губы, проговорила:

– Но ты же знаешь, мой дорогой, что этого недостаточно. Надо врага победить.

– Мы победим, Зиночка! – самоуверенно заявил Филимонов. – Кубань отзовется на наш клич, через месяц-полтора будет в наших руках!

– Дай бог, дай бог! Твоими бы устами мед пить! – припав опять к зеркалу, сказала Зинаида Ивановна и пристально начала рассматривать лицо. Проведя мизинцем по слегка напояженному, припухлым губам, она продолжала: – Ты тогда, конечно, уступишь мне своего Метеора, и я буду кататься на нем верхом по городу в костюме амазонки, как бывало до прихода большевиков. Помнишь? Я так люблю это катанье, тем более Метеор, которого я так обожаю, до сих пор здоровствует, выглядит не хуже, чем был раньше, в былые времена.

– Помню, Зиночка, все помню, моя милая, – сказал Филимонов голосом скорби и сожаления.

– Ах, как я тоскую, как тоскую о том, что мы оставили с тобой в Екатеринодаре! – садясь в кресло, продолжала вздыхать Зинаида Ивановна. – Никак не могу успокоиться...

Вошел Копоть, зажег висячую лампу-молнию, потом, обратясь к супругам, спросил:

– Вам ужин подать сюда или вы пойдете в столовую?

– Если можно, Никита Гаврилович, – попросил Филимонов, – то мы поужинаем здесь, в своем кругу.

– Хорошо, – сказал Копоть. – Тогда и я заодно поужинаю в вашем семейном обществе, ежели вы, конечно, не потребуете сидеть за одним столом с войсковым старшиною.

– Что вы, Никита Гаврилович! – Зинаида Ивановна приложила руку к груди. – Мы так рады, так вам благодарны!

– Вы для нас, – добавил Филимонов, – самые дорогие люди...

Копоть удалился, а вскоре молодая казачка принесла на подносе еду: первое блюдо – украинский борщ с говядиной. По комнате распространился приятный дух, напомнивший генералу и его любимой супруге те кубанские времена, по которым они так истосковались, изныли сердцем и душою за период изгнания из родного края. Филимонов снял с себя оружие, черкеску и, оставшись в бешмете, пригласил жену к столу и, сев с нею рядом, нюхнул борщ в тарелке, крякнул, потер руки от удовольствия, разрезал ножом свежесорванную перчинку, положил кусочки в тарелку и сказал:

– Видать, хороший борщок, давненько мы такой едали с тобой, Зиночка.

– В Крыму? – покрутила головой супруга. – Ни разу!

Вернулся Копоть. Наполнив чарочки наливкой, он чокнулся с генералом и его супругой. Выпили за успех операции, отхлебали по полтарелки борща, потом опрокинули по второй, третьей чарочке...

Когда на стол подали вторые блюда, Копоть заглянул гостю в лицо, осторожно спросил:

– Александр Петрович, а кто такие по своему национальному происхождению генерал Казанович, генерал Шифнер-Маркевич и полковник Гейдеман? Почему они носят фуражки вместо традиционной шапки-кубанки? Русские казаки они или какой другой народности?

Филимонов положил обглоданную куриную ножку на тарелку и, вытерев салфеткой губы, не совсем уверенно, сбивчиво ответил:

– Да... вероятно, казаки, русские...

Копоть отрицательно покачал головой, улыбнулся в усы, и на его цыганском лице застыл вопрос:

– А по-моему, они из тех... Помните Кутепова³⁵⁵?

– Александра Сергеевича? – переспросил Филимонов.

– Да.

– Как же не помнить. Он сейчас в Крыму командует 1-м армейским корпусом.

Копоть с явным недоверием взглянул на Зинаиду Ивановну, наклонился к генералу и, что-то шепнув ему на ухо, продолжал вслух:

– Получается, что и у большевиков «они», и у нас тоже «они». Почему это так, Александр Петрович? Для меня это совсем непонятно.

Филимонов был поставлен в затруднительное положение. Не находя слов для ответа, он пожал плечами и безнадежно развел руками. Копоть с той же предосторожностью добавил:

– Раньше я как-то не обращал на это никакого внимания, а теперь – батенька ты мой!.. Все больше и больше задумываюсь над таким вопросом.

Филимонов слегка дотронулся до его локтя и, придав своему гладко выбритому лицу кривое выражение, недвусмысленно предупредил:

– Об этом сейчас надо молчать, Никита Гаврилович. Тут дело такое, весьма щепетильное...

– Значит, выходит так, – продолжал Копоть с некоторой возбужденностью в голосе. – Если мы победим – «они» прежде всего засядут на главных постах у нашей власти, ежели победят большевики, то и тут «они» – первые! Непонятно, Александр Петрович. Ей-богу, непонятно! А мы кричим: «Спасай Россию!..» От кого спасать? Вот вам святой крест, Александр Петрович, не разумею!

* * *

Наступила ночь. По улицам сновали конники: связные, ординарцы, патрули. Одни мчались в порт, другие из порта – в штаб-квартиру командующего. Местные жители все еще отсиживались в хатах, не решались показываться на улице.

Где-то вдали изредка ухали пушки, порой ветер доносил отрывистые хлопки винтовочных выстрелов и дробный стук пулеметов.

В доме Копотя уже спали. За окном зашевелились листья на деревьях. Марьяна поднялась с постели, прильнула лицом к прохладному стеклу. При лунном свете она увидела скамью, ту самую, на которой вчера сидела с Юнькой. И слезы снова подступили к глазам.

В спальню осторожно, на цыпочках, вошла Нина Арсеньевна.

– Доченька, – тихо окликнула она. – Ты не спишь?

Марьяна прижалась к кровати, прошептала:

– Нет, мамочка.

– Тебя чужеземец спрашивает. Тот, что на обеде был.

– Что ему надо? – спросила Марьяна. – Какие могут быть у меня с ним разговоры?

– Нельзя так, доченька, – сказала Нина Арсеньевна. – Пусть войдет.

– Противный, видеть его не хочу! – бросила Марьяна.

Мать стояла в растерянности.

---

³⁵⁵ **Кутепов** , Александр Павлович – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1920), активный участник Белого движения. В марте 1920 года прибыл с корпусом в Крым, был назначен генералом бароном П. Н. Врангелем командиром 1-го Армейского (Добровольческого) корпуса в составе Русской армии. Участвовал с корпусом в боях в Северной Таврии. После разделения Русской армии генерала Врангеля на две армии, был назначен 4 сентября 1920 года командующим первой армией. – прим. Гриня

– Ну что ему сказать?

– Ладно! – Марьяна махнула рукой. – Зовите эту заморскую цаплю!

Она быстро накинула на себя платье, зажгла свет. Нина Арсеньевна вышла.

На пороге появился Вокэр. Прилизанные его волосы тускло поблескивали. На гладко выбритом лице расплылась та же приторная улыбка.

– Добрый вечер, мисс! – сказал он, низко наклоняя голову. – Разрешите войти?

– Заходите, раз уж пришли, – холодно ответила Марьяна.

Вокэр переступил порог, остановился у двери.

– Я хотел вас пригласить на прогулку, – объяснил он цель своего прихода. – Ночь такая светлая, хорошая, только что взошла луна.

– Сейчас не время для прогулок, – ответила Марьяна. – Чего доброго, можно нарваться на какую-нибудь засаду – кругом ведь большевики.

Губы Вокэра нервно дернулись.

– Я не боюсь большевиков!

«Врешь, боишься! – внутренне усмехнулась Марьяна. – Что-то твои глаза заметались!»

Вокэр покосился на кресло, надеясь, что девушка пригласит его сесть. Но Марьяна вдруг шагнула к окну и, полуобернувшись к гостю, раздраженно спросила:

– Зачем подняли меня с постели?

Вокэр замигал глазами от неожиданного поворота дела, попятился к двери.

– Тогда извините, – проговорил он, надел фуражку и, взяв под козырек, вышел.

IX

Улагай курил папиросу за папиросой. Перед ним лежала карта, на которую из-под зеленого абажура падал свет настольной лампы. За открытым окном, в лунной полутьме ночи, шагал часовой, где-то близко пофыркивали кони.

Судя по донесениям, красные не оказывали особого сопротивления продвигавшимся вперед десантным частям. Казалось бы, отрадные вести – фактор внезапности сыграл свою положительную роль, но искушенный в боевых делах Улагай боялся строить какие-нибудь иллюзии насчет дальнейшего хода событий. Первый успех мог быть обманчивым.

«Кто знает, – рассуждал он, – не заманивают ли большевики экспедицию в ловушку? Пропустят подальше в глубь области, отрежут от тылов и уничтожат весь десант. Хорошо, если оправдаются расчеты на помощь кубанского казачества и на восстание... А если этого не случится?» Командующий задумчиво глядел на карту, пытался настроить себя на оптимистический лад, но чувство беспокойства, неуверенности не покидало его. Настороженно и нетерпеливо ждал он новых вестей с передовых позиций, но их не было. Вспомнив про жену, он взглянул на настенные часы – стрелки показывали без пяти минут час. Улагай вышел из штабной комнаты. В коридоре, около двери, стоял часовой с винтовкой. Вытянувшись, он стукнул каблуками и, отдав честь командующему, чеканно опустил руку. Улагай запер дверь на ключ и зашагал по коридору.

Жена еще не спала, но уже лежала на кровати под легким верблюжьим одеялом, на котором сиял белизной ситцевый пододеяльник. На тумбочке тускло горела лампа.

Улагай тихо вошел в спальню. Жена выпростала руку из-под одеяла, выкрутила фитиль, и комната осветилась ярким светом.

– Что же ты не спишь? – обратился к ней Улагай.

– Тебя дожидаюсь, – отозвалась жена и, чтобы дать место мужу, подвинулась к стене, на которой висел большой персидский ковер.

Раздевшись Улагай лег на спину рядом с женой. Заложив руки под голову, он устремил глаза в потолок, сказал:

– Вот так, Зулимхан Махмудовна! Мы снова на родной Кубани.

– Ах, дорогой! Это похоже на сон, на сказку! – вздохнула супруга.

Наступило молчание. Через минуту раздался легкий храп. Зулимхан Махмудовна еще долго смотрела на осунувшееся лицо мужа, потом погасила свет.

В восемь часов утра Улагай был уже в штабе и только хотел заняться делами, как на пороге появился Василий Бородуля. Вскинув руку к папахе, он по-молодецки воскликнул:

– Ваше превосходительство! Войсковой старшина Копоть просит принять его.

Улагай поднял голову:

– Что у него?

– Не могу знать, ваше превосходительство. Говорит, секретное дело.

– Пусть войдет.

Адъютант удалился, и тотчас перед командующим предстал Копоть. Отдав честь, он протянул ему листок из школьной тетради.

– Разрешите вручить!

– Что это? – спросил Улагай.

– Списочек один. Мной составлен. Так сказать, самые неблагонадежные.

– Садитесь, – сказал Улагай и, взяв листок, пробежал его глазами. – Иногородные?

Копоть пристально посмотрел на него, привстал.

– Есть иногородные, но больше казаков.

Улагай положил список на стол, закурил.

– Не такого списка ждал я от вас, господин войсковой старшина, – сказал он. – Мне нужны добровольцы, люди, которые пополнили бы наши войска. А это весьма печальный документ, свидетельствующий о том, что станица пропитана враждебным нам духом! – Глаза его недобро сузились. – Выходит, казаки изменили нам? Позор!

– Не моя вина, ваше превосходительство, – ответил Копоть. – Меня долго не было в станице. В плавнях скрывался. А тем временем большевики тут обработку вели, мозги казакам свихнули.

– А вы решили исправить их репрессиями? – недовольно спросил Улагай.

– А как же иначе? Чтоб другим неповадно было!

– Надо попытаться вернуть этих казаков в наш лагерь, – сказал Улагай. – А расправиться с ними всегда успеем.

– Как вам будет угодно, – развел руками Копоть. – Можно попытаться. Но будет ли толк.

– А вы генералу Филимонову докладывали об этом? – спросил Улагай.

– Никак нет, – ответил Копоть. – Я решил прежде поговорить с вами, ваше превосходительство.

Командующий затушил недокуренную папиросу в пепельнице, откинулся на спинку кресла. Копоть закаменел под его взглядом.

– Мы решили назначить вас атаманом Приморско-Ахтарской, – неожиданно заявил Улагай.

От радости у Копотя сперло дыхание. Ждал нагоняя, а тут вдруг такое ниспослание. Атаманство! То, о чем мечталось! Придя в чувство, он расплылся в улыбке, промолвил:

– Это уж вам лучше знать, ваше превосходительство. Со своей стороны, ежели мне будет оказана такая честь, я согласен.

Он умолк и благодарно склонил голову.

– Значит, решено, – сказал Улагай. – Завтра выполним все формальности.

Он вышел из-за стола и этим дал понять, что разговор окончен. Копоть встал.

– Разрешите идти, ваше превосходительство?

– Да, вы свободны! – ответил Улагай.

Копоть щелкнул каблуками и удалился из комнаты.

* * *

На следующий день он проснулся чуть свет. Не вставая с постели, посмотрел на темное окно, стал восстанавливать в памяти события прошедшего дня, анализировать свои поступки, вспоминать разговоры с людьми, которым отныне должен служить верой и правдой.

Как в калейдоскопе, замелькали лица, фамилии, титулы. Очень нравился ему Филимонов – умный, обходительный, красивый, простой. Этот за родную Кубань все отдаст, жизни не пожалеет за ее независимость!

Симпатизировал он и Улагаю... но такого расположения, как к Филимонову, не чувствовал. Где-то далеко в подсознании зарождалось какое-то сомнение: а так ли уж нужна Улагаю казацкая

вольная Кубань, а не отдаст он ее своим родным братьям-туркам, не пропитан ли он турецким духом. Турки веками мечтали о богатых кубанских землях. Возьмут да и организуют какое-нибудь горно-турецкое ханство, и угодят кубанские казаки в рабство к турецким нехристям... Врангель тоже ведь немец. Этому и совсем Кубань ни к чему. Он, если и завоюет ее с этими... кутеповыми, казановичами да гейдеманами, то, чего доброго, пораздарит кубанские земли немецким баронам, и тогда прощай казачество, воля, земля благодатная, родная. И Украину могут немцы прибрать к рукам. Они давно на нее зарятся...

«Что же оно делается? – мысленно спросил себя Копоть. – Хоть бы кто растолковал, объяснил! Видимо, потому-то казаки и воздерживаются, не идут в войско Улагаево...»

Копоть встал с постели с тяжелой головой: не радовали его ни атаманство, ни почести... В открытую форточку врывались оклики часовых: шла смена караула. Потом снова наступила тишина.

* * *

Улагай вызвал в штаб Василия Бородулю.

– Как с аэропланом?

– Готовят, ваше превосходительство, – ответил адъютант.

– Маршрут хорошо изучили?

– Так точно.

– Немедленно вылетайте.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Улагай вынул из металлического ящика большой пакет с сургучовыми печатями, вручил его Бородуле.

– Лично Хвостикову, – сказал он. – Если не найдете главнокомандующего у полковника Крым-Шамхалова, следуйте в станицу Зеленчукскую. Передайте генералу от моего имени, что я жду от него активных действий.

– Слушаюсь!

– И постарайтесь не задерживаться. Мне нужен срочный ответ.

– Слушаюсь, не задерживаться! – чеканил слова Бородуля.

Улагай отпустил адъютанта и уже собирался выехать на фронт, но тут доложили, что прибыл полковник Скакун.

– Зовите, зовите его! – распорядился командующий и остановился посреди комнаты.

На пороге появился Скакун в серой черкеске с красными отворотами на рукавах. Приложив руку к кубанке, он поздоровался.

– Сергей Борисович! – бросился к нему Улагай.

И они обнялись, как старые боевые друзья.

Улагай сделал шаг назад, окинул полковника взглядом и снова заговорил возбужденно:

– Давненько мы не виделись! Если мне не изменяет память, это было в моем доме, на Рашилевской улице, в ночь после похорон генерала Алексеева³⁵⁶.

– Так точно! – сухо улыбнулся Скакун.

Командующий осторожно потрогал его газыри, покачал головой.

– О, боевые патроны.

– Да, винтовочные, – ответил Скакун. – Про запас ношу. Тут их как-никак двадцать четыре пули.

Он повесил шапку на вешалку, причесал каштановые волосы и жиденькие остроконечные

---

³⁵⁶ **Алексеев**, Михаил Васильевич – русский военачальник. Участник русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войн, в годы Первой мировой войны – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, начальник штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 года). Генерального штаба генерал от инфантерии (24 сентября 1914 года), генерал-адъютант (10 апреля 1916 года). Активный участник Белого движения в годы Гражданской войны в России, один из создателей и Верховный руководитель Добровольческой армии. Скончался 8 октября 1918 года от воспаления лёгких и похоронен в усыпальнице Екатерининского собора в Екатеринодаре. При отступлении белых войск в начале 1920 года прах генерала по просьбе его вдовы был вывезен в Сербию и перезахоронен в Белграде. – прим. Гриня

усики. Улагай взял его за плечи, на которых сияли серебряные погоны, усадил в кресло и сам сел у стола, напротив.

– Ну, как у вас тут шли дела? В Екатеринодаре были?

– Был, – ответил Скакун, высвобождая шею из-под туго застегнутого воротника красного бешмета. – Так сказать, с оглядкой, чтобы не попасть в руки чекистов.

– Ничего, – уверенно заявил Улагай, – скоро Екатеринодар снова будет наш.

– Теперь дело, конечно, пойдет! – сжимая эфес кинжала левой рукой, воскликнул Скакун. – Силы наши сразу начнут расти, как только станем продвигаться в глубь области.

– Да, мы хорошо реорганизовали и подготовили свои войска в Крыму для вторжения на Кубань, – протянул Улагай и мельком взглянул на кавалерийский свисток³⁵⁷, висевший у полковника на груди. – Провели тщательный отбор личного состава, укомплектовали офицерскими кадрами с таким расчетом, чтобы при удачной мобилизации казачества можно было развернуть свои полки и дивизии в крупные соединения.

– Вы сделали великое дело! – подчеркнул Скакун. – Чрезвычайно великое!

Улагай заглянул в скуластое лицо собеседника, сказал:

– Я слышал, что у вас здесь все же неплохо шли дела.

Скакун откинулся на спинку кресла.

– Как вам сказать, – заговорил он, растягивая слова – Были, конечно, и светлые деньки... А если быть откровенным, то нелегкую задачу возложил на меня Антон Иванович... Разуверились казаки в победе. Я прибыл сюда из Новороссийска, приступил к формированию добровольческого отряда. Собрал более трехсот человек. Как кабаны дикие, в плавнях жили. Все ждали десанта. Но мало кто дождался. Недавно обложили нас красные со всех сторон близ лимана. Дрались мы отчаянно, но враг был силен, и все мои три сотни погибли. Чудом уцелел я с двумя десятками офицеров и казаков.

– Да, три сотни храбрецов – это сила! – сказал Улагай.

– Но я теперь постараюсь выправить положение, – пообещал Скакун. – Сейчас казаки уверенно пойдут за нами. Думаем захватить на днях Гривенскую, хутора Лимано-Курчанский и Лебединский и немедленно приступить к мобилизации.

– Атаманов и старост назначайте из надежных людей, – предупредил Улагай. – Таких, которые смогли бы обеспечить быстрое формирование боевых отрядов для пополнения нашей армии.

– У меня на примете есть такие люди, – сказал Скакун. – Любой из них готов горло перегрызть совдепии.

– Вот, вот! – подхватил Улагай. – Чем больше ненависти к врагу, тем лучше.

– Без ненависти не победишь, – согласился Скакун. – Словом, я сделаю все, что в моих силах, ваше превосходительство...

Х

Василий Бородуля вернулся в Приморско-Ахтарскую на второй день после полудня.

– Молодец! Быстро смотался, – похвалил его Улагай и спросил: – Привезли что-нибудь?

– Никак нет, ваше превосходительство! – ответил Бородуля.

Командующий нахмурился:

– То есть как? Хвостикова видели?

– Так точно, видел.

– Пакет вручили?

– Так точно.

– И что же?

– Генерал обещал прислать ответ дня через два-три, – сказал Бородуля.

Улагай возмутился:

– Как же так? Ведь сейчас дорога каждая минута! Что он думает?

---

³⁵⁷ **Свисток** (воен.) – в сухопутных войсках употреблялся для подачи сигнала в цепи; сверх того, свисток полагалось иметь часовому на посту для вызова из караульного дома разводящего. Свистки стандартно еще с 19 в. входили в полевое снаряжение офицеров и унтер-офицеров Русской Императорской армии и затем РККА вплоть до 1940 г. – *прим. Гриня*

– Не могу знать, ваше превосходительство.

Улагай отпустил адъютанта и долго не мог успокоиться. Нервно похаживая взад и вперед по комнате, он думал: «Мы ведь рассчитывали, что Хвостиков окажет нам немедленную помощь, отвлечет на себя часть неприятельских войск, а он даже не счел нужным дать ответ на мое письмо...»

Вошел Стрэнг. Вид у него был раздраженный. Усевшись в кресло и глядя на командующего сквозь квадратные стекла очков, он поинтересовался положением на фронте.

– Наши сторожевые катера ночью отогнали флотилию красных к Ейску, – ответил Улагай. – На суше мы заняли ряд населенных пунктов.

– В каком положении Ольгинская? – спросил Стрэнг.

– Уже шестой раз переходит из рук в руки. Красные совместно с населением забаррикадировали все улицы.

– Значит, местное население поддерживает Советскую власть?

– Я констатирую факт.

Стрэнг недовольно пожевал губами.

– Факт довольно неприятный. По-видимому, барон Врангель был дезинформирован своими лазутчиками относительно настроения кубанцев. Мы надеялись на поддержку, а натолкнулись на сопротивление.

– Мне кажется, что делать окончательные выводы еще рано, – возразил Улагай. – У Хвостикова большие силы – в основном из казаков-повстанцев.

– Что за войска противостоят нам под Ольгинской?

– Вчера во второй половине дня туда подошла 1-я Кавказская кавдивизия, насчитывающая до тысячи сабель. Она сразу же вступила в бой с нашими частями. На ее правом фланге внезапно появилась 2-я кавалерийская бригада и заняла оборону по линии железной дороги от Бейсугского лимана до хутора Терещенко. На левом фланге сконцентрировалась 1-я кавбригада. Кроме того, там действуют два бронепоезда красных.

– Что ответил генерал Хвостиков?

– Я еще не получил ответа.

– Когда же он намерен разворачивать боевые действия?

– Пока ничего определенного не могу сказать, – ответил Улагай.

Стрэнг недовольно скривил обрюзгшее лицо.

– Ваша медлительность, господин командующий, льет воду на мельницу большевиков, – проговорил он скрипучим голосом. – В Приморско-Ахтарском порту скопилось теперь двадцать шесть судов, из которых еще не разгрузили и половины, а сегодня уже второй день идет высадка. Вместо одного-полтора дней, как было предусмотрено планом, разгрузка затянется на целых три дня. Это никуда не годится!

– Вы же в курсе дела, как все получилось, – сказал Улагай. – Однако мы вчера сумели высадить почти всю Сводно-Кубанскую дивизию генерала Казановича и 1-й Уманский конный полк 1-й Кубанской дивизии генерала Бабиева. А сейчас высаживаются другие части.

Стрэнг резко встал, бросил руки за широкую спину и, отбивая на деревянном полу гулкие ритмичные шаги тяжелыми ботинками с толстой кожаной подошвой и железными подковами на каблуках, высоко поднял острые плечи и, остановясь в углу комнаты, возмутился:

– Ничего не понимаю! Что думает этот генерал... Хвостиков? При таких черепаших темпах ввода войск в боевые действия вряд ли можно рассчитывать на победу. Надо исправлять положение, господин командующий. Запомните, мой друг, что помощь, оказываемая русской армии Великобританией, налагает на Россию определенные обязательства. Мы не можем бросать на ветер боеприпасы, оружие, танки, корабли, самолеты. Мы, англичане, не привыкли вкладывать капиталы в сомнительные предприятия.

– Вкладывать капиталы проще, чем воевать, господин эmissар! – не сдержавшись, бросил Улагай, отошел в глубину комнаты и оттуда добавил: – Кстати, я где-то читал такое, очень любопытное изречение на сей счет, в котором сказано: «... англичане приходят, чтобы взять, а не дать. У русских же наоборот. Русские дают, но не могут, не умеют брать...»

– Да, это верно, – протянул Стрэнг. – Англичане – народ практичный. Мы знаем: воевать без капиталов – безнадежное дело! Поэтому рекомендую вам, господин командующий, считаться с мнением тех, кто вкладывает в вашу армию большие денежные средства...

* * *

На перилах крыльца сидел Василий Бородуля. К нему подошел Никита Копоть.

– Пойдем, крестник, посидим, – сказал он, беря Бородулю под руку, – опрокинем по маленькой.

– Не могу, – ответил Василий. – Меня в любую минуту может покликать командующий.

– Тут же недалеко, за стеной, – подмигнул Копоть. – Ежели и покличет, сразу услышишь. Я ж теперь уже атаман станицы.

– Слыхал, – улыбнулся Бородуля и, не устояв перед соблазном, проговорил: – Разве что в честь вашего атаманства?

– Можно и в честь, – шепнул Копоть, и цыганское его лицо засияло.

В кухне уселись за стол. Нина Арсеньевна подала им водку и закуску.

– А я у Хвостикова был, – сказал Бородуля. – Самолетом летал, только что вернулся.

– Да ну?

– За сутки туда и обратно смотался.

– И как там Хвостиков?

– Готовит наступление.

– Скорее бы! – мечтательно вздохнул Копоть, поднял стопку, чокнулся с крестником. – Ну, Вася! За твоё здоровье, за здоровье твоих родителей, дедушки и сестрицы Оксанки.

Глаза Бородули повлажнели.

– Выпьем, крестный, и за ваше атаманство! – произнес он взволнованно и осушил стопку.

Ели некоторое время молча.

– И кого ж ты видел там из своих? – спросил Копоть.

Бородуля тяжело вздохнул:

– Случайно с батьком повидался.

– Неужели? – вырвалось у Копотя. – Где же он?

– Сидит с Хвостиковым в Сентийском монастыре, в поход собирается.

– Молодец твой батько! – похвалил Копоть. – Царскому престолу Бородули всегда были верными казаками!

– Оно-то так, но плохо, что пришлось бежать из родных краев, – посетовал Бородуля, – а теперь в горах сидит, как щур³⁵⁸ в норе.

– А что поделаешь? – сказал Копоть. – И мы тоже до вашего прихода в камышах пропадали... Из рук твоего зятка еле вырвался.

– Какого зятка? – недоуменно уставился на него Бородуля.

– Известно какого, – ответил Копоть. – Виктора Левицкого, муженька Оксанкиного.

– Не зять он мне! – выдохнул Бородуля, стиснув зубы, – Оксанка не живет с ним. С Матяшом сошлась.

* * *

Генерал Казанович вместе с двумя адъютантами ехал на открытом автомобиле по дороге, идущей вдоль хуторов Слободского и Курчанского, где сосредоточились силы вверенной ему Сводно-Кубанской пехотной дивизии, вглядывался в степные просторы, раскинувшиеся до самого горизонта. Из частей, входивших в состав его дивизии, здесь уже были 1-й партизанский имени генерала Алексеева полк с приданной офицерской ротой Сводногренадерского батальона и 1-й Кубанский стрелковый полк, а также юнкера Кубанского имени генерала Алексеева и Константиновского военных училищ и железнодорожная сотня.

Обгоняя пехотные и кавалерийские части, которые двигались по дороге, автомобиль вскоре прибыл на передовые позиции, остановился под развесистым дубом.

Казанович поднялся на ноги, посмотрел в бинокль. Красноармейские цепи лежали на

---

358 Щур – здесь – крыса. – прим. Гриня

железнодорожной насыпи. Белогвардейские пехотные подразделения, залегшие в поле, вели с ними винтовочную и пулеметную перестрелку. По дороге, пролежавшей у железнодорожного полотна, на восток тянулись какие-то обозы. Бурая пыль, как дымовая завеса, окутывала длинные вереницы арб, тачанок и военных повозок.

К Казановичу подъехал в фаэтоне³⁵⁹ командир 1-го партизанского полка, доложил обстановку.

– А то что за обозы? – указал Казанович на восток, где клубилось пыльное облако.

– Видимо, тыловые части противника и обозы с беженцами! – ответил офицер.

– М-да, значит, бегут, – промычал Казанович и, выйдя из автомобиля, сказал: – Сейчас к вам прибудет подкрепление. Подготовьтесь к наступлению.

Офицер приложил руку к папахе и, сев в фаэтон, укатил по дороге.

В третьем часу пополудни на подступах к станции Ольгинской снова развернулись ожесточенные бои.

* * *

Вечерело. В кривую улицу хутора Украинского, утопавшего в зелени фруктовых садов, въехал обоз. На телегах сидели запыленные старики, женщины, дети.

С моря дул свежий ветер, доносивший в хутор гул близкого боя. Беженцы хлестали лошадей, чтобы скорее вырваться в степь, за пределы населенного пункта. Но усталые кони едва плелись.

Десантники настигли обоз на восточной окраине хутора. Конники с гиканьем и свистом на полном скаку расстреливали сидевших на телегах людей, рубили их саблями и орали неистово:

– Бей хриstopродавцев! Руби комиссарских прихвостней!

Над хутором неслись страшные крики, вопли, мольба о пощаде. Перепуганные хуторяне закрылись в хатах, попрятались в сараях, подвалах. Дворы опустели.

Захватив обоз, белогвардейцы согнали уцелевших беженцев на выгон, выстроили в шеренги. С дикой злобой расшвыривали их жалкий скарб, лежавший на телегах. С мужчин стаскивали одежду, с женщин срывали серьги, кольца...

Сюда же, на выгон, пригнали группу пленных чоновцев, среди которых был и Аншамаха. Избитые, с окровавленными лицами, в одном исподнем белье, они с ненавистью смотрели на врагов, чинивших произвол над беззащитными людьми.

Близилась ночь. Уже в потемках толпу обреченных погнали к яру³⁶⁰. Прижимаясь друг к другу, тоскливо озираясь по сторонам, люди медленно брели по пыльной дороге.

Глубокий, мрачный яр с обрывистыми стенами зиял, как огромная черная могила. На дне его тихо журчал ручей.

Усатый, кривоногий хорунжий окинул свирепым взглядом согнанную к яру толпу, крикнул солдатам:

– Баб и пискливую мелочь в одну сторону, мужиков – в другую!

«Хоть бы детвору и женщин пощадили!» – подумал Аншамаха.

Плач и стоны заглушались громкой матерщиной. Свистели плети, глухо ударяли приклады в спины и головы замешкавшихся.

Наконец перетасовка закончилась.

– Ты займешься этими! – сказал хорунжий ефрейтору, кивнув в сторону мужчин. – А я беру на себя бабье!

«Неужели будут стрелять в детишек?» – содрогнулся Аншамаха. Среди женщин он увидел щупленького подростка, который, вобрав голову в плечи, прижался боком к худой, сторбившейся старухе.левой рукой она обняла мальчика, а правой беспрестанно крестилась.

– Что же вы делаете, гады? – обращаясь к белогвардейцам, закричал Аншамаха.

Хорунжий, обернувшись к солдатам, скомандовал:

---

³⁵⁹ **Фаэтон** – лёгкая коляска с откидным верхом. – прим. Гриня

³⁶⁰ **Яр** – здесь – то же, что и **балка** – сухая или с временным водотоком долина с задернованными склонами, глубокий заросший овраг. – прим. Гриня

– Взво-о-од!

Солдаты вскинули винтовки. И тотчас, будто вторя хорунжему, ту же команду повторил ефрейтор. Аншамаха понял, что жить осталось несколько секунд. Эта мысль заставила его метнуться к краю обрыва. В следующее мгновение он соскользнул по крутому откосу на дно яра.

– Пли! – крикнул хорунжий.

Вразнобой загремели выстрелы. Аншамаха вскочил на ноги и, низко пригибаясь, побежал по яру в сторону перелеска. Где-то вверху свистели пули. Позади сквозь треск стрельбы слышались крики, стоны, отчаянный детский визг.

Яр заканчивался. До перелеска было не больше сотни шагов. В сознании Аншамахи разрасталась надежда на спасение. Но тут кто-то из белогвардейцев заметил его, закричал:

– Один тикае! Вон в яру бежит! Стреляйте его!

Аншамаха услышал и увидел, как по откосу обрыва застучали пули, высекая из гальки искры.

«Конец!» – мелькнуло у него в мозгу, но он продолжал бежать. И вдруг сверху, почти над его головой, прозвучал крик:

– Эй, вы, не стреляйте! Я зараз сам его прикончу!

Свист пуль прекратился. Аншамаха припал плечом к откосу обрыва и, тяжело дыша, поднял глаза. На краю кручи появился верховой казак в белой папахе и серой черкеске, и хотя уже были густые сумерки, Аншамаха хорошо разглядел его безусое лицо. Казак выхватил из кобуры наган, взвел курок.

– Эй, ты, дурень, чего стоишь? – прикрикнул он глуховато. – Лезь под тот оберемок.

Аншамаха оглянулся в ту сторону, куда указал наганом казак. Там лежала куча перепревшего сена.

– Лезь, кажу! – повторил верховой.

Аншамаха зарылся под сено, сжался в комок, зажмурился.

«Сейчас, сейчас смерть!» – билось у него в сознании. Один за другим прогремело два выстрела. Никакой боли Аншамаха не почувствовал и лежал ни живой ни мертвый.

– Не забывай Матвея Охрименка! – крикнул казак и, развернув коня, громко сообщил белогвардейцам: – И цей³⁶¹ готов!

По дороге, пролегавшей вдоль яра, часто зацокали подковы.

XI

Жебрак и Левицкий держали путь в Брюховецкую. До Ольгинской они отступали с чоновцами, а оттуда отправились в штаб 1-й Кавказской кавдивизии Мейера³⁶².

Много верст мчались всадники на рысях, а теперь, давая отдых лошадям, ехали шагом. Молчали. Каждый был занят думами.

С детства полюбилась Виктору Левицкому родная степь. И как ни тяжело было сейчас у него на душе от мысли, что враги снова ворвались на Кубань, он не мог не любоваться степью. Испокон веков манила эта необъятная ширь людей на свое приволье, испокон веков шли кровавые сечи за благодатный и сказочно богатый кубанский край.

Вглядываясь в степную даль, охваченную зыбким маревом, Виктор видел в мыслях шатры полонецких становищ, витязей в кольчугах, с бунчуками³⁶³ в руках, табуны длинногривых скакунов. Чудилось, будто там, в мареве, схлестнулись половцы с несметными полчищами татар. А может быть, это не половцы и не татары, а турки и доблестные суворовцы лавинами шли навстречу друг другу, чтобы скрестить мечи и усеять степь своими телами?..

---

³⁶¹ Цей – этот. – прим. Гриня

³⁶² Мейер , Михаил Георгиевич командир Красной Армии. Из дворян. Участник Первой мировой войны, капитан. С октября 1918 года в Красной Армии. С мая 1920 года начальник 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. По официальной версии (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М, 1983) погиб в бою против Улагаевского десанта 18 августа 1920 года в районе станицы Новороговской. На самом деле был ранен, попал в плен и расстрелян белыми при отступлении с Таманского полуострова. – прим. Гриня

³⁶³ Бунчук – древко с привязанным хвостом коня либо яка, символ власти, знамя. – прим. Гриня

Далекое прошлое! Но вот оно повторилось совсем недавно, когда черными стаями носились по этой степи корниловцы³⁶⁴, деникинцы³⁶⁵, шкуровцы³⁶⁶! Только-только смели эту нечисть с земли кубанской бойцы Жлобы³⁶⁷, Ковтюха, Балахонова³⁶⁸, и снова бои, снова потоки крови, пожары, тревоги...

– О чем размышлялся, Виктор Лаврентьевич? – неожиданно спросил Жебрак.

Виктор очнулся от дум, обернулся к попутчику, сказал:

– Не мечты... Раздумья всякие, Николай Николаевич. – И, помолчав, пояснил: – Видно, люди никогда не смогут жить в мире. Все войны да войны.

Жебрак скрутил сигарку, закурил.

– Да, войн слишком много, – сказал он задумчиво. – И, пожалуй, они еще долго будут тревожить людей на нашей планете. А вот насчет того, что люди не могут мирно жить, я никак с тобой не согласен. Придет время, когда рабочий люд сметет с лица земли богачей-угнетателей, тех, что наживаются за счет труда других. А раз не станет эксплуататоров, то и войны исчезнут.

– Скорее бы наступило то время! – вздохнул Виктор.

– Надо бороться, чтобы приблизить его, – сказал Жебрак. – Когда-нибудь люди вспомнят нас добрым словом за то, что мы, не жалея своих жизней, сражались за светлое будущее.

– А если белые одолеют нас? – спросил Виктор.

– Не бывать этому, – убежденно ответил Жебрак.

Вдали заалело знамя. Завидев его, Жебрак пустил коня в намет. Виктор понесся за ним. Пыль клубилась под ногами лошадей, медленно оседала на придорожье.

Невдалеке от станицы Роговской³⁶⁹, там, где на берегу реки высится древний курган, Жебрак и Левицкий повстречали 2-ю кавалерийскую бригаду. Она направлялась на фронт. Впереди, рядом со знаменщиком, гарцуя на тонконогом буланом скакуне, ехал комбриг. Он издали узнал Жебрака, поскакал ему навстречу. Спешились и на стерне развернули полевую карту. Жебрак начал рассказывать, где находится противник.

Над эскадроном, проходившим мимо, как бы в подтверждение его слов, понеслось могучее:

Смело мы в бой пойдем

---

³⁶⁴ **Корниловцы** – военнослужащие воинской части Русской Императорской Армии в Первой мировой войне – Корниловского ударного полка, – а также, впоследствии – одноименных частей белых армий Юга России, Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны, получивших именное шефство Генерального штаба генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова. В более широком смысле – сторонники наведения «жесткой рукой» порядка в России. – прим. Гриня

³⁶⁵ **Деникинцы** – военнослужащие Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, одного из основных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны, его лидера на Юге России. – прим. Гриня

³⁶⁶ **Шкуро**, Андрей Григорьевич (фамилия при рождении – Шкура) – кубанский казак, генерал-лейтенант Белой армии, группенфюрер СС. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Воинские формирования под его командованием (**шкуровцы**) отличались жестокостью, в них процветали насилие, пытки, грабежи. В конце концов Шкуро был снят с должности и изгнан со службы. С мая 1920 года в эмиграции. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистской Германией. После выдачи СССР был приговорён к смертной казни через повешение. Казнён в Москве. – прим. Гриня

³⁶⁷ **Жлоба**, Дмитрий Петрович – советский военачальник, участник Гражданской войны. Командовал «Стальной» дивизией в боях против белогвардейцев на Кубани и Северном Кавказе. С февраля 1920 года командир 1-го конного корпуса и конной группы, действовавших летом 1920 года против войск Врангеля. В результате боёв конная группа Жлобы была уничтожена, а он отстранён от командования. – прим. Гриня

³⁶⁸ **Балахонов**, Яков Филиппович – советский военачальник, герой Гражданской войны, награждён тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием. С января по ноябрь 1920 года – командир 3-й кавалерийской бригады 33-й Кубанской стрелковой дивизии. – прим. Гриня

³⁶⁹ **Роговская** – станица на левом берегу степной реки Кирпили. Достопримечательностью станицы являются курганы и меотские городища. – прим. Гриня

За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это!

– Орлы! – провожая бойцов глазами, улыбнулся Жебрак, потом обратился к комбригу: – Ну что ж, дорогой товарищ, желаю вам успеха!

– Спасибо! – ответил тот и, поправив папаху, взлетел на коня и помчался вдоль колонны к знаменщику.

А по широкому большаку³⁷⁰ непрерывным потоком тянулась конница. За эскадронами катились пушки. В конце колонны двигался большой обоз. Запыленные бойцы густо лепились на подводах, пулеметных тачанках, на лафетах пушек. Стояла нестерпимая жара, но, казалось, никто не замечал ее. Говор, шутки, смех и песни не умолкали.

Пропустив всю бригаду, Жебрак и Левицкий поехали дальше. В Брюховецкую прибыли во втором часу дня.

Сдав лошадей в воинскую часть, Жебрак и Левицкий направились поездом в Екатеринодар, в распоряжение штаба 9-й Красной армии.

В вагонах было душно. Пассажиры облепили все полки, сидели на вещевых мешках, узлах. Повсюду шли разговоры о высадившемся врангелевском десанте, о продвижении его в глубь области.

Левицкий устроился в коридоре у открытого окна. Перед ним в сумерках каруселью проплывала неоглядная степь, пересеченная оврагами, маячными курганами³⁷¹, сурово и мертво глядевшими в бесконечную даль. Каштановыми папахами на щетинистой стерне были разбросаны копны. Пахло прогретой землей, опаленными травами и скошенной пшеницей.

У соседнего окна стоял Жебрак, подставив лицо под освежающую струю воздуха. За его спиной в купе о чем-то спорили пассажиры. Занятый своими мыслями, Жебрак долго не обращал внимания на разговоры, но затем, случайно уловив одну фразу, прислушался.

– Если б не американцы, то в Армении все бы с голоду подошли! – сказал кто-то.

Жебрак обернулся, остановил взгляд на щуплом мужчине в серой косоворотке. Это он говорил об американской помощи армянам.

– Знаю я этих мериканцев, – пренебрежительно махнул рукой старик, сидевший напротив. – Они вроде нашего дьякона Филата. Тот зазря и не перекрестится. Одолжит копейку, опосля целковый³⁷² сдерет.

– Нет, папаша, – возразил щуплый мужчина, – американцы – гуманный народ, и если помогают, то от чистого сердца.

– Я слышал, что в Америке золота – куры не клюют, – вставил толстяк, лежавший на второй полке.

– Обдиралы они, твои мериканцы! – не сдавался старик. – Золото ихне кровью людской напитано. Думаешь, зазря они прошлый год Деникина подкармливали? Дадут ему одну танку, а за ту танку все наши амбары выворотили наизнанку. И теперички лезут сюда за поживою. Беженцы из Приморско-Ахтарской рассказывали, как там белые все подчистую метут.

– То белые, а то американцы, – сказал толстяк. – Не путайте божий дар с яичницей.

– Одна масть! – махнул рукой старик. – И те, и эн-ти – шельмы. Кабы не ваши мериканцы, то белые б сюда и носа не сунули.

– Вы бы прежде по-русски научились говорить, а потом уж брались спорить, – скривил губы белобрысый. – «Мериканцы», «энти», «сюды»...

– А старик все-таки прав, – вмешался в разговор Жебрак.

Пассажиры, находившиеся в купе, повернули лица в его сторону. Одни выражали

---

³⁷⁰ **Большак** – широкая, наезженная столбовая (почтовая или торговая) дорога, тракт. – прим. Гриня

³⁷¹ **Маячные курганы** – курганы на которых казаки размещали сторожевые вышки, наблюдательные пункты. – прим. Гриня

³⁷² **Целковый** – разговорное название металлического рубля. – прим. Гриня

любопытство, другие – настороженность, третьи – недовольство.

– Дело, конечно, не в том, правильно или неправильно произносится слово «американцы», – продолжал Жебрак. – Куда важнее понимать сущность действий американцев. Да, они кричат о своем гуманизме, о бескорыстной помощи армянам. А что получается?

– Давай, давай, сынок, ты, видать, с головой! – сказал старик.

– Американцы помогают Армении точь-в-точь так, как говорится в пословице: «Вот тебе, боже, что нам негоже», – заявил Жебрак. – Присылают муку прелую, ботинки – из перегоревшей кожи, ситец – гнилой, какао и сахар – подмоченные, рис – с жучками. Другими словами, в Армению доставляется то, чего в Америке никто не покупает.

– Оце так благодетели! – возмутилась казачка с грудным ребенком на руках. – Неужели и гроши берут с армян?

– Еще какие! – сказал Жебрак. – За одну пару ботинок платят пятнадцать пудов шерсти. А за пуд прелой муки – и того больше.

– Из пальца можно все высосать! – насмешливо бросил щуплый.

Жебрак достал из полевой сумки газету «Красное знамя».

– То, о чем я говорю, не высосано из пальца, – возразил он. – Кто хочет знать подлинную подоплеку так называемой «американской помощи», тому рекомендую прочесть статью «Американские благодетели в Армении», напечатанную в этом номере газеты.

– А ты, сынок, дай почитать энтому, – указал пальцем старик в сторону толстяка. – Он, видать, грамотей, увесь русский язык вдоль и поперек знает, да токо не с русского голосу говорит.

– Не нуждаюсь! – фыркнул белобрысый и отвернулся к стенке.

– Ну что ж, – сказал Жебрак. – Я тогда вслух прочитаю для всех.

И когда он познакомил пассажиров со статьей, старик с победным видом взглянул на того, кто затеял этот разговор, и спросил:

– Ну, вразумел? – И, не дожидаясь ответа, бросил едко: – Эх ты, мериканец!

Пассажиры рассмеялись.

XII

Верстах в двадцати пяти к югу от Анапы, в долине Сукко, течет одноименная горная речушка, впадающая в Черное море неподалеку от полуострова Большой Утриш³⁷³. По обеим ее сторонам высятся живописные холмы, покрытые виноградниками, фруктовыми садами и дикорастущими деревьями. На узком плато левого берега раскинулось небольшое селение.

От него в горы полого поднимается неровная каменистая дорога. Сегодня с утра по ней в сторону перевала тянулось много пустых подвод. Их грохот гулко отдавался в горах.

Чуть свет из селения вышел пожилой охотник с винчестером³⁷⁴ за плечами, патронташем на боку и ягдташем³⁷⁵, наполненным продуктами. Некоторое время он шагал вдоль дороги, по извилистой тропке. Фурщики³⁷⁶, то и дело обгонявшие его на подводах, кричали приветственно:

– Здоров, Шкрумов!

---

³⁷³ В 20-е годы топонима «**Большой Утриш**» не существовало. Полуостров, мыс и остров носили название Утриш. В 50-е годы, в развитие курортной зоны Анапы, на месте рыболовецкого колхоза имени Сталина возникло селение Большой Утриш (в противовес Малому Утришу, основанному на месте рыбных промыслов на полуострове Утришек. Полуостров и мыс Утришек, к слову, так же были переименованы в Малый Утриш.). Однако и мыс, и остров до сих пор сохраняют свое название «Утриш». – прим. Гриня

³⁷⁴ **Винчестер** – название магазинных, а позже автоматических винтовок, выпускавшихся с середины 19 века американской фирмой стрелкового оружия (по имени ее основателя О. Ф. Винчестера). – прим. Гриня

³⁷⁵ **Ягдташ** – охотничья сумка для ношения убитой дичи и необходимых на охоте припасов и приспособлений. К наружной стороне сумки приделываются ремешки (иногда оканчивающиеся колечками), чтобы приторачивать дичь. – прим. Гриня

³⁷⁶ **Фурщик** – кучер при фуре, фургоне. **Фура** – большая, длинная телега для клади. Фургон – крытая повозка с круглой крышей. – прим. Гриня

Шкрумов помахивал им рукой и отвечал негромко:

– Здорово, здорово.

Вскоре тропа свернула в сторону от дороги, круто поползла вверх. Шкрумов вышел на перевал, проросший густыми кустарниками. Внизу, в балках, еще плавали седые космы утреннего тумана...

Шкрумов подвязал под постолы базлуки³⁷⁷, чтобы не скользили ноги, и начал спускаться по обрывистому склону в котловину, известную здесь под названием Сухой лиман. Стиснутая почти со всех сторон темно-бурыми скалистыми горами, она во время ливней наполнялась водой. Дождей давно не было, и сейчас котловина обезводилась.

Внезапно откуда-то снизу долетели людские голоса и ржание коней. Шкрумов насторожился. Добравшись до края стремнины, он заглянул вниз и увидел в долине, примыкавшей к Сухому лиману, множество подвод. Лошади были выпряжены и паслись. Вокруг подвод в тени деревьев сидели и лежали люди.

«Чего они сюда забрались?» – подумал Шкрумов и, заподозрив недоброе, решил обойти лиман стороной.

Он поднялся на вершину горы и вдоль пропасти вышел к Широкой щели, из которой виднелась сверкающая даль моря. Справа к морскому берегу тянулся изломанный хребет горы Медведь, сплошь покрытый лесами; слева громоздились голые утесы. На юге вздымался конус Лысой горы, позолоченный лучами утреннего солнца.

Часа через два, преодолев большое расстояние, Шкрумов достиг Безымянной щели, напоминавшей громадное гнездо, устланное мягкой зеленью. Воздух был напоен живительной прохладой. По-охотничьи зорко Шкрумов высматривал следы зверей, но мысли его невольно снова и снова возвращались к Сухому лиману, где притаилось подозрительное скопище людей и подвод.

У Гремучего ручья, поблескивающего среди хаоса камней, попалося стадо диких кабанов. Растянувшись цепочкой, оно держало путь в долину. Впереди на толстых, коротких ногах бежал громадный черно-бурый вожак-секач.

Шкрумов увязался за стадом, выбрал в добычу вожака, но стрелять не спешил: ждал, чтобы зверь повернулся к нему мордой.

Один из кабанов, резвясь, стал обгонять стадо, толкая и сбивая с ног свиней. Вожак наострил уши, и когда озорник подбежал к нему, он так ударил нарушителя порядка рылом, что тот отлетел в сторону и шлепнулся в ручей. В это время Шкрумов выстрелил. Стадо с диким хрюканьем ринулось в кусты и мгновенно исчезло из виду. Ушел и вожак, оставив за собой кровавый след. Охотник начал преследовать раненого зверя.

Прозрачный, напоенный смолистым запахом воздух постепенно накалялся. Все звонче и дружнее стрекотали цикады.

Под тенистым бакаутом³⁷⁸ Шкрумов обнаружил свежее логово. Здесь кровавый след оборвался.

Шкрумов спустился под гору, переночевал у знакомого лесника и утром снова отправился на охоту.

Когда он приблизился к Топольной щели³⁷⁹, из-за выступа скалы вдруг вышел подстреленный кабан. Он застыл на месте, с шумом принохиваясь. Шкрумов вскинул винчестер, прицелился, выстрелил. Над горами пронеслось раскатистое эхо. Кабан захрапел, рванулся с места, ломая на пути кустарник.

– Нет, теперь не уйдешь! – крикнул Шкрумов, осторожно шагая за подранком.

Прямо на него, ошетилив гриву и сверкая маленькими желтыми глазами, со злым хрюканьем несся обезумевший кабан. Нижняя челюсть у него была отбита. Шкрумов опять приложился, но ружье дало осечку. Не успел он отскочить в сторону, как был сбит с ног разъяренным зверем. Кабан

---

³⁷⁷ **Базлук** – род скобы или подковы с шипами, которую охотники подвязывают под середину подошвы для ходьбы по горам.

³⁷⁸ **Бакаут** – вечнозелёное дерево с очень твёрдой и тяжёлой древесиной; железное дерево. – прим. Гриня

³⁷⁹ Лобанова щель получила своё название благодаря располагавшемуся здесь до 1917 года имению князей Лобановых-Ростовских. Более раннее название – «**Топольная щель**», так как в этих местах было много тополей. – прим. Гриня

в бешенстве начал его топтать. Потом отбежал в сторону, грозно хрюкнул и стал уходить в горы. Шкрумов вскочил на ноги и, не чувствуя боли, схватил винчестер и устремился за смертельно раненым секачом.

С вершины горы, куда он взбежал, открылась вся Топольная щель. На самом берегу моря росло несколько стройных темно-зеленых кипарисов и широких серебристых тополей, отчего щель и называлась «Топольной». Это была усадьба князя Лобанова-Ростовского. Еще год назад ему принадлежал весь горный массив, лежащий между Широкой и Топольной щелями.

Шкрумов остановился и, опасаясь вторичного нападения зверя, внимательно осмотрелся. Кабан выскочил из-за огромного камня, судорожно повернул голову к охотнику. Грохнул выстрел. Зверь попятился и свалился на бок.

Шкрумов смахнул со лба испарину, устало опустился на землю, чтобы отдохнуть и закурить. Но в это время прямо перед ним раздвинулись ветки крушины³⁸⁰ и оттуда вышли три красноармейца, вооруженные винтовками, гранатами и револьверами. Шкрумов поднялся.

– Вы стреляли? – спросил молодой боец с русым чубом, выбившимся из-под фуражки.

– Я, – ответил Шкрумов.

– Кто вы такой?

– Охотник, – Шкрумов показал на убитого кабана. – Вот только сейчас завалил.

– Хорошая добыча, – улыбнулся боец и, глянув в сторону моря, спросил: – А другой дичи, двуногой, вы тут не встречали?

Шкрумов сообщил о подозрительном сборище фурщиков в Сухом лимане.

В это время у подножия горы неожиданно появилась группа белогвардейцев. Шкрумов и бойцы бросились за камни. Завязалась перестрелка...

XIII

У Топольной щели с лихорадочной поспешностью выгружались с трех буксирных катеров и нескольких барж юнкера Корниловского военного училища и отряд бредовцев³⁸¹. На берегу быстро росли штабеля ящиков с боеприпасами. А за пляжем, в двух белых домиках, уже размещался штаб десантного отряда.

Одновременно против полуострова Малый Утриш и Соленого озера шла высадка с крейсера и двух транспортных пароходов.

На палубе канонерки³⁸², пришвартованной к причалу против Топольной щели, находились американский эмиссар полковник Полли и командующий десантным отрядом генерал Черепов³⁸³, одетый в казачью форму.

– Да, место для высадки выбрано удачно, – скользя рыбьими глазками по пляжу и прибрежным горам, сказал Полли. – Видно, большевики никак не ожидали нас в этих дебрях.

– Да, уголок для десанта чудесный! – передернув плечами, сказал Черепов и, помолчав минуту, сообщил: – Но здесь бывают очень сильные норд-осты³⁸⁴. Иногда достигают двенадцати баллов.

---

³⁸⁰ **Крушина** – высокий кустарник с ломкими ветвями и несъедобными плодами. – прим. Гриня

³⁸¹ **Бредовцы** – белогвардейцы из отряда генерала Бредова, сформированного в Польше и с согласия польского правительства переброшенного через Румынию в Крым.

³⁸² **Канонерка** – канонерская лодка, класс небольших боевых кораблей с артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах, охраны гаваней. – прим. Гриня

³⁸³ **Черепов**, Александр Николаевич – русский офицер, генерал-майор, участник Первой мировой и Гражданской войны. Отдельный отряд генерала Черепова (всего около 500 штыков, 2 горных орудия) был предназначен для отвлечения внимания противника от десанта главных сил генерала Улагая. Во время десанта Черепов был тяжело ранен в правую ногу и после эвакуации был отправлен в Сербию. В 1941 году одним из первых вступил в Русский охранный корпус – белоэмигрантское формирование, состоявшее на службе вермахта. За боевые отличия награждён Железным Крестом II класса. – прим. Гриня

³⁸⁴ **Норд-ост** – здесь – местное наименование ветра бора – сильный, холодный, порывистый местный (в данном случае северо-восточный) ветер, возникающий в случае, когда поток холодного воздуха встречает на своём пути

Полли, гордо выпятив грудь, сиявшую медными пуговицами на темно-зеленом френче, важно поднял палец.

– Главное, сломить шею большевикам, а с норд-остом мы как-нибудь уживемся.

Вскоре был подан катер. Черепов и Полли отправились на нем к полуострову Малый Утриш. Держа левую руку на глубоко утопленном эфесе шашки, генерал подошел к бортовому поручню, повел маленькими, несколько заплаканными глазами по скалистому берегу моря. Связисты торопливо тянули телефонный кабель, ныряли в зеленые кусты, пробирались между валунами. В полутора верстах от Малого Утриша, против Соленого озера, шла высадка десантников с буксирного парохода «Медуза» и с большой железной баржи. Крымские татары-белогвардейцы по наведенному понтонному причалу сводили лошадей на берег. Группа белоказаков тащила по каменистой тропе на подъем тяжелую пушку.

Полли долго вглядывался в береговые скалистые горы, поросшие кустарниками обожженного морскими солеными ветрами можжевельника, потом указал на связистов:

– Стараются солдаты.

– А, это выделили для нашего десанта небольшую часть из отряда генерала Бредова³⁸⁵, – покручивая широкие усы, сказал Черепов.

– Какова численность вашей десантной группы? – поинтересовался Полли.

– Тысяча пятьсот штыков, два орудия и пятнадцать пулеметов, – ответил Черепов и, сбив на затылок высокую черную папаху, пояснил: – Обо всем этом и о местах высадки мы узнали лишь вчера поздно вечером, когда в Азовском море соединились суда, вышедшие из Феодосии и Керчи, и были вскрыты секретные пакеты. А до этого ставка все хранила в строжайшей тайне – даже от крупных начальников все было скрыто.

Полли молчал. Он в эту минуту вспомнил о своем бегстве из Успенского пресвятой богородицы женского монастыря во время нападения чоновцев на повстанческий отряд полковника Набабова, о пребывании в Карачае, в усадьбе князя Крым-Шамхалова. Черепов заметил подавленное состояние американца и тут же встревоженно спросил:

– Вы никак чем-то обеспокоены, господин эмиссар?

– Нет, нет! – поспешно ответил Полли. – Это я кое о чем вспомнил... о князе Крым-Шамхалове.

– Вы его знаете? – спросил Черепов, и на калмыковатом, чуть обрюзглом его лице застыло удивление.

– А как же, – улыбаясь, сухо протянул Полли. – Вместе с ним я прибыл на Северный Кавказ и несколько дней гостил у него в доме.

Катер пришвартовался у причала. Командующий и эмиссар вышли на берег. К ним подбежал офицер-связист, доложил о положении на передовой под селением Сукко.

– Немедленно передайте мой приказ, чтобы пароходы «Честер Вальси» и «Сангомон» поддержали наши части артиллерийским огнем! – распорядился Черепов.

Офицер козырнул и помчался к радиотелеграфному аппарату.

* * *

Вечерело. На помощь Ударному отряду, занимавшему оборону в районе поселка Сукко, и 191-му полку, сдерживавшему основные силы противника под селением Литвиново, прибыл 220-й Пензенский полк.

На фронт приехали Левандовский и Фурманов³⁸⁶ – начальник политуправления 9-й Красной

возвышенность; преодолев препятствие, бора с огромной силой обрушивается на побережье. Затрагивает, как правило, небольшие районы, где невысокие горы непосредственно граничат с морем. – прим. Гриня

³⁸⁵ **Бредов**, Николай Эмильевич – российский генерал-лейтенант, участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн на стороне Белого движения. – прим. Гриня

³⁸⁶ **Фурманов**, Дмитрий Андреевич – советский писатель-прозаик, революционер, военный и политический деятель. С августа 1920 г. – на Кубани, комиссар десантного отряда Е. И. Ковтюха, начальник политического управления IX Кубанской армии. Участвовал в боях против Улагаевского десанта, был сильно контужен, награжден орденом Красного Знамени. Об одном из эпизодов этих событий написал повесть «Красный десант» – прим. Гриня

армии, присланный ПУРОм. Ознакомившись с боевой обстановкой, Фурманов срочно выехал в Сукко.

С севера надвигались грозовые тучи, дул резкий ветер. Наступила темная горная ночь. В углублении скалы, увитой плющом и лианами, тускло горел фонарь, собирались военные. Левандовский, заложив руки за спину, медленно похаживал взад и вперед по мрачному гроту, ждал, пока подойдут командиры и политработники всех воинских частей. Тщательно выбритое его лицо с плоскими щеками и маленькими русыми усиками было спокойно. Он, казалось, не обращал ни на кого внимания и был занят своими мыслями.

С передовой доносились пулеметные очереди и ружейная пальба. Когда все были в сборе, командующий обратился к военачальникам:

– Буду краток, товарищи. Положение на Кубани сложилось серьезное. Врангель при поддержке англо-американских и французских интервентов, хозяйничающих в Грузии и Армении, высадил в нашей области два десанта. Один – в Приморско-Ахтарской, а второй здесь – в Сукко. Одновременно в районе Баталпашинска, Майкопа и Армавира зашевелились крупные банды Хвостикова.

Левандовский уверенно взмахнул рукой, добавил:

– Мы должны железной метлой вымести с нашей земли всю белогвардейскую свору.

Где-то в горах несколько раз рывкнули пушки. Командующий умолк, определяя на слух, в каком месте била артиллерия, сказал:

– К утру из Екатеринодара сюда будет переброшен 1-й Афипский казачий полк под командованием Жебрака. Это стойкая, боевая единица, одна из тех казачьих частей, которые мы выставляем против врангелевского десанта по прямому указанию Владимира Ильича Ленина³⁸⁷. Таким образом, товарищи, сил у нас достаточно, чтобы дать отпор врагу и сбросить его в море. – Желая переменить разговор, Левандовский затих на минуту и тут же продолжил – А сейчас мы приступим к обсуждению плана ликвидации десантного отряда в данном районе...

* * *

На переднем крае – от Топольной щели до поселка Сукко – густой цепью лежали бойцы. Перестрелка постепенно утихала. Разгулявшийся ветер свистел и выл в тесных и глухих ущельях, сек лица каменистой пылью.

Красноармейцы и чоновцы устраивались поудобнее в ложбинах, за камнями, сторожко глядели во тьму – туда, где притаился враг.

Шкрумов так и не попал домой. Его, как прекрасного знатока всей этой горной местности, командование пригласило проводником, и он вместе с бойцами оказался на передовой и теперь лежал за обломком скалы, внимательно прислушивался к шорохам ночи.

– Так-то, товарищ охотник, – сказал в темноте сосед, спрятав в рукав сигарку, – твоя старуха, поди, и не гадает, какую ты дичь сейчас бьешь!

– Да, жаранчики³⁸⁸ особые, – отозвался Шкрумов. – Правда, мне они не в диковину. Стреливать приходилось и раньше.

Кто-то окликнул его. Шкрумов повернулся, спросил:

– Кто там?

– Вас кличут в штаб, – донеслось из темноты.

Шкрумов подхватил винчестер, пошел на голос и едва не столкнулся со связным.

– Вы Шкрумов?

– Я!

– Пошли!

---

³⁸⁷ Впервые В. И. Ленин упоминает об «опасном положении на Кубани» в переписке с Г. К. Орджоникидзе 18.VIII.1920 г., в связи с беспокойством о судьбе И. Ф. Арманд и ее большого сына, направляющимися на лечение в Кисловодск. (см. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 51, док. 464, с. 262) – прим. Гриня

³⁸⁸ **Жаран** (охот.) – дикая коза.

* * *

В гроте царил полумрак. Фонарь мигал, коптил. По стенам ползали причудливые черные тени. Левандовский стоял перед картой и делал какие-то записи в блокноте.

– Товарищ командующий, охотник Шкрумов прибыл! – доложил связной.

Левандовский поднял спокойные глаза на приглашенного. Прищурившись, он приветливо поздоровался с ним и, попросив подойти к карте, сказал:

– Надеюсь, вы хорошо знаете эту местность.

– Как же не знать! – воскликнул Шкрумов. – Я тут все горы вдоль и поперек исходил.

– Тем лучше. – Левандовский провел карандашом по пятиверстке³⁸⁹. – Вот Топольная щель. А это скалистый отрог, выходящий к морю. Где-то здесь, среди скал мы должны установить пулемет и закрыть противнику путь к отступлению. Причем это надо сделать нынче ночью. Можно ли туда пробраться незаметно?

Шкрумов задумался. Он почувствовал всю тяжесть ответственности, которую ему предстояло взять на себя.

– Можно! – наконец ответил он уверенно.

– Когда лучше туда пройти? Сейчас или же на рассвете?

– Потемну сподручнее. К тому же и ветер поможет. Эх как шумит!

– Ну что ж, решено! – сказал Левандовский. – Идите, вас ждут.

Сверкнула молния и белой стрелой вонзилась в дальнюю верхушку горы. С оглушительным треском ударил гром.

Спустя полчаса Шкрумов во главе отделения красноармейцев двинулся в тыл врага. Шли в непроглядной темноте, по запутанным тропам, тянувшимся с восточной стороны Топольной щели. Бойцы несли на плечах разобранный станковый пулемет и коробки с пулеметными лентами.

Буря не унималась. То и дело сверкали саблевидные молнии. Небо содрогалось от гулких и трескучих раскатов грома. Но дождя не было.

А вот и море, злое, бушующее.

– Окопаемся здесь, – сказал Шкрумов, остановившись между двумя похожими на огромные клыки камнями. – Отсюда просматривается вход в Топольную щель, и весь берег как на ладони.

* * *

Десантный отряд генерала Черепова высаживался до вечера. На бурливых волнах, окрашенных в зловещий темно-зеленый цвет, искрились багровые огоньки заката. Военные корабли после разгрузки ушли в Батум, где базировались суда Группы особого назначения морских сил США. В подчинении полковника Полли осталась одна канонерка. Пароход «Медуза», катер «Кагул» и пять барж стояли на якорях у полуострова Малый Утриш. На горизонте маячил ледокол-флагман под белогвардейским флагом.

В штабе почти непрерывно звонили телефоны. Черепов выслушивал неутешительные донесения, поступавшие с передовой, отдавал распоряжения, приказы. Сопrotивление, на которое натолкнулся десантный отряд, сразу сорвало намеченный ход операции. Черепов нервничал, злился и распекал своих подчиненных.

– Я приказываю не отступать ни на шаг! – кричал он в трубку. – Прекратите панические разговоры!.. Вы не офицер, а тряпка!

У штабных домиков, вдоль берега моря и по всей щели была расставлена усиленная охрана. Повсюду сновали патрули, разъезжали дозорные. Чувствовалась крайняя напряженность.

В штаб влетел Полли. Лицо его было покрыто красными пятнами, глаза растерянно метались.

– В чем дело, господин генерал-майор? – спросил он Черепова срывающимся голосом. – Почему наши части отошли от Сукко?

– Мы напоролись на крупные силы красных, – ответил командующий.

---

³⁸⁹ **Пятиверстка** – топографическая карта, выполненная в масштабе пяти верст в дюйме (1: 42 000). – прим. Гриня

– Надо сломить их, рассеять! – крикнул Полли.

Черепов криво усмехнулся, поднял глаза на эмиссара.

– Именно эту задачу я и поставил перед своими войсками, господин полковник, – сказал он, подделываясь под спокойный тон, – но они, увы, пока что никак не могут справиться с нею.

Полли опустил в кресло, вытер платком вспотевшее лицо.

– Кажется, не следовало бы отпускать корабли, – проговорил он сожалеюще.

– Да, пожалуй, мы это сделали опрометчиво, – согласился Черепов.

– Мне кажется, что мы, американцы, переоценили силы и возможности барона Врангеля, – заявил Полли, понизив голос.

– Операция только начинается, – сказал Черепов. – Временные неудачи вполне возможны. Наши силы уже полностью подтянуты к передовой. Начнем штурм.

– К сожалению, у нас очень слаба артиллерия и маловато пулеметов, – заметил адъютант Черепова.

– Что поделаешь, – бросив косо взгляд на Полли, развел руками генерал. – В данном случае наши союзники не проявили должной щедрости. И теперь нам остается уповать на милость божью.

Полли вскинул на него сухие, бесцветные глаза.

– Вы недовольны нашей помощью? – спросил он, хмуря рыжие брови.

– Помощь эта могла быть куда существенней, – подчеркнул командующий.

Полли молчал, как бы не слушая его, потом спросил:

– Как вы думаете, господин генерал-майор, можно ли положиться на охрану штаба?

– Сейчас трудно ручаться за кого бы то ни было, – ответил Черепов, расхаживая по комнате.

Полли снова вытер испарину на лице и шее. Черепов взглянул на часы и, вспомнив о приглашении князя Лобанова-Ростовского, сказал:

– Пойдемте, полковник, поужинаем. Князь обещал угостить нас трофейным кабаньим мясом.

Эмиссару не хотелось уходить из штаба: здесь он чувствовал себя в сравнительной безопасности, да и канонерка была под боком, но боясь обнаружить перед командующим свою трусость, он поднялся и сказал с напускной бравадой:

– Пойдемте, генерал! Кстати, я зверски проголодался.

XIV

В середине ночи над Топольной щелью разразился ливень. С гор хлынули потоки, заклокотала вода в промоинах. Но вот из-за взлохмаченной черной тучи брызнул серебристый свет луны, озарив омытые дождем горы.

Все затихло. Еще задолго до рассвета бойцы подкрепились горячей пищей. Левандовский и Фурманов не спеша шагали по передовой линии, проверяя готовность к бою каждой воинской части.

У дороги через перевал их встретил начальник штаба 191-го полка. Он доложил о прибытии на фронт 1-го Афипского казачьего кавполка и спросил:

– Какие будут распоряжения?

– Кавполк оставьте здесь, – ответил Левандовский.

Начальник штаба нырнул за угол скалы. Левандовский и Фурманов поднялись на гребень горы. Оттуда в бинокль хорошо просматривались позиции противника, где все еще стояла тишина, и можно было подумать, что там уже никого нет.

– Дмитрий Андреевич, а вы слышали, что произошло с Балышеевым в Реввоенсовете? – спросил Левандовский, отняв бинокль от глаз.

Фурманов насторожился.

– Нет, ничего не знаю.

– Балышеев арестован.

– Этого не может быть! – сказал Фурманов.

– К сожалению, это так! – утвердительно кивнул Левандовский.

– За что?

– В том-то и дело, что причина ареста неизвестна. Говорят, председатель Реввоенсовета Республики приказал.

Арест Балышеева возмутил Фурманова до глубины души. Он задумался на минуту, провел растопыренными пальцами по жестким вьющимся волосам, как это иногда делают люди при

затруднительном положении, сказал, суровая:

– Безобразнейший факт! Надо немедленно уведомить об этом товарища Ленина. Пред³⁹⁰ уже не первый раз допускает подобный произвол. На Восьмом съезде выяснилось, что он хотел уничтожить некоторых неугодных ему ответственных партийных работников армии. И только благодаря вмешательству ЦК гибель этих товарищей была предотвращена.

* * *

Жебрак сидел у входа в грот и задумчиво смотрел на горные хребты, все отчетливее проступавшие на фоне светлеющего неба. Утром предстояло сражение. Сейчас бойцы отдыхали. Жебрак отвечал за их жизнь. И уж кому-кому, а командиру есть о чем подумать перед боем!

В глубине грота, пристроившись у камня, над которым горел фонарь, Вьон читал книгу. Загорелое, обветренное лицо его с облупленным носом было напряжено, губы непрерывно шевелились, указательный палец медленно ползал по странице.

Рядом с ним, подперев голову рукой, полулежал Виктор Левицкий. До сих пор звучал у него в ушах голос Сони – ласковый, нежный, встревоженный: «Неспокойно у меня на душе, Витя! Береги себя, возвращайся! Я буду ждать тебя!»

«Вернусь ли?» – тоскливо думал Виктор. Он знал, что в эту предбоевую ночь подобный вопрос задавали себе сотни людей.

Виктор встал. Демка по-прежнему не отрывался от чтения. Виктор с минуту наблюдал за ним, затем спросил:

– Скоро ты одолеешь эту книгу?

– Заканчиваю, – не отрывая глаз от страницы, отозвался Демка.

– Ты бы и писать учился, – посоветовал Виктор.

– А я уже пишу, – сказал Демка. – В сумке тетради вожу.

Виктор закурил и вышел из грота.

* * *

Постепенно светлело. Деревья, горы, котловины окрашивались в причудливые цвета. Левандовский и Фурманов стояли на горе, господствовавшей над Топольной щелью.

– Не пора ли начинать? – спросил Фурманов.

Левандовский взглянул на часы – стрелки показывали три часа сорок пять минут.

– Ну что ж, пожалуй, начнем! – ответил Левандовский и окликнул командира 220-го Пензенского полка – грузного человека.

– Я слушаю вас, товарищ командующий! – выпрямившись во весь свой громадный рост, ответил усач.

– Приступайте! – распорядился Левандовский.

– Есть приступать! – отчеканил командир полка и, придерживая на боку саблю, побежал к своим бойцам.

По всей передовой линии дружно затрещали винтовочные и пулеметные выстрелы. Красноармейцы, используя камни, горные выступы, короткими перебежками начали подбираться к неприятельской цепи. Пули врага свистели по всей балке, где наступали 220-й Пензенский и 191-й полки. На правом фланге, в районе поселка Сукко, шли в атаку 5-й Ударный отряд и два подразделения 197-го полка, стоявшего в Анапе; на левом, со стороны Абрау-Дюрсо, – 190-й полк.

Наконец противник прекратил отход, и вдруг перешел в контратаку. Теперь начали пятиться пензенцы. Воодушевленные наступившим переломом, белогвардейцы огласили щель громогласным «ура».

Вьон бросил встревоженный взгляд на Левицкого.

– Зараз наши побегут, а мы тут отлеживаемся.

Жебрак взбежал на скалистый уступ, махнул рукой:

– Вперед!

Казаки, будто подхваченные вихрем, выскочили из укрытий, понеслись под гору. Десантники, не ожидавшие удара с фланга, растерялись. Огрызаясь, они некоторое время пытались отходить сплоченно, но потом не выдержали, разомкнули ряды, рванулись к берегу. И тут их встретил пулеметный огонь из засады, где сидел Шкрумов с отделением красноармейцев. Белогвардейцы заметались из стороны в сторону. Неся большие потери, бросая оружие, они устремились к седловине на западной горе, чтобы уйти к Сухому лиману, где также шел жаркий бой.

Передовые части 220-го и 190-го полков вышли к морю и повели наступление вдоль берега к Широкой щели. Десантники откатывались к полуострову Малый Утрищ, где, занимая оборону, поспешно окапывался отряд бредовцев.

Канонерка, на которой находился Полли, открыла по цепям наступающих интенсивный пулеметный огонь. Красноармейцы были вынуждены укрыться в Топольной щели.

Тем временем бойцы 1-го Афипского казачьего кавполка оцепили дачу князя Лобанова-Ростовского. Были захвачены князь и несколько офицеров, успевших переодеться в штатскую одежду.

Жебрак подозвал Левицкого и Вьюна, указал на захваченных:

– Отправьте их в штаб, там разберутся.

XV

Надвигалась ночь. Бой утих, но пушки с той и другой стороны все еще не успокаивались: нет-нет да и рывкнет какая-нибудь, огласит горы перекастистым эхом.

На высоте, расположенной против Широкой щели, артиллеристы 197-го полка еще с вечера установили гаубицу и до сумерек били по врагу, засевавшему в щели, а когда совсем стемнело, стали обстреливать побережье.

В конце концов противнику удалось засечь огневую точку красных. С ледокола, приблизившегося к берегу, полетели тяжелые снаряды. Один из них разорвался вблизи пушки и едва не вывел ее из строя. Орудийный расчет вынужден был прекратить стрельбу.

В горах установилась тишина. 1-й Афипский казачий кавполк ужинал, когда в его расположение пришел Фурманов.

– Приятного аппетита, товарищи! – сказал начполит, обращаясь к Жебраку и другим командирам.

– Прошу к столу, Дмитрий Андреевич, – пригласил Жебрак, указывая на камень, где стоял котелок с кашей. – Поужинайте с нами.

– Спасибо, Николай Николаевич! – поблагодарил Фурманов. – Я у пензенцев только что такой котелок опорожнил. – Он опустился на продолговатый валун рядом с Жебраком и, поглядывая на казаков, сидевших и лежавших вокруг, сказал: – Смелые, боевые хлопцы у вас, Николай Николаевич. Наблюдал я за ними в бою. Особенно один мне бросился в глаза. Честное слово, львиной отваги человек. Прижали его белые к скале – три юнкера и два бредовца. Ну, думаю, пропал казак! Но пропал не он, а его враги. До чего же увертлив, ловок и меток! Позже я узнал – это был Виктор Левицкий.

– Верно, товарищ начполит, – сказал Жебрак. – Левицкий отважный и смекалистый казак. Такой не растеряется в бою.

– Таких надо выдвигать в командиры, – порекомендовал Фурманов.

– Отец его у белых, – проговорил Жебрак.

– У белых? – удивленно переспросил Фурманов.

– Да, к сожалению. Но сам он – стойкий парень и окончил вышеназначенное.

Фурманов достал из полевой сумки блокнот, сделал в нем какую-то запись и, положив руку на плечо Жебрака, сказал:

– Это прекрасно! О своих офицерских кадрах мы должны уже сейчас беспокоиться.

Поужинав, Левицкий и Вьюн устроились на плоском камне, еще не остывшем от дневного зноя. Вьюн уже дремал, а Левицкий, подложив руки под голову, глядел на бархатное небо, густо усыпанное серебристыми звездами, до которых, казалось, совсем было близко... Думал он о доме, о родных, о Соне. Горько было вспоминать об отце, бежавшем с повстанцами к Хвостикову.

«Эх, батя, батя! – вздыхал сокрушенно Виктор. – Жаль мне вас. Врагами мы стали. Только бы не повстречаться нам в бою. Кто кого первый будет рубить?.. Тогда даже оком моргнуть не успеешь!» От этой страшной мысли муторно стало у него на душе. Достав из кармана кисет, сшитый заботливыми руками матери, он скрутил сигарку и жадно закурил

* * *

На рассвете снова разыгрался бой. Жебрак проводил своих казаков в гнездовидную Безымянную щель. Перед схваткой он спросил проводника, что собой представляет данное ущелье, и, узнав о его коварных особенностях, подозвал к себе Левицкого, сказал:

– Видишь расположение противника?

– Вижу, товарищ командир!

– Как бы ты повел наступление на него?

Левицкий окинул быстрым взглядом позицию врага, засевшего меж валунами и бакаутowymi деревьями, ответил:

– Здесь надо выставить два ручных пулемета, чтобы отрезать ему путь отступления из щели. А атаку начал бы с того косогора: там много расселин – у нас будет меньше потерь.

– Правильно! – сказал Жебрак.

Разгорался бой за вершину горы Медведь, где с отчаянием обреченных сопротивлялись юнкера, крымские татары и офицерский взвод. Это был последний и самый упорный заслон на пути красных к тому участку побережья, где сгрудились остатки разгромленного десантного отряда. Там сейчас царила страшная паника.

«Кагул» и «Медуза» подтащили к берегу баржи. Белогвардейцы с дракой, с матерщиной грузились на них. Переполненные, облепленные людьми моторные лодки, шлюпки, баркасы спешили к ледоколу. Генерал Черепов уже давно перебрался туда и теперь растерянно наблюдал за тем, что творилось на берегу.

Высокий пожилой полковник и обливающийся потом штабс-капитан тщетно пытались навести порядок среди солдат, которые, дубася друг друга, пробивались к баржам и шлюпкам. В конце концов и полковник, и штабс-капитан были оттеснены к скале, где громоздились ящики с боеприпасами.

– Нет, нет, только не плен! – замотал головой штабс-капитан.

Он оглянулся, будто разыскивая кого-то злыми, воспаленными глазами, выхватил из кобуры револьвер, поднес дуло к виску.

– Опомнитесь! – крикнул полковник. – Что вы делаете?

Прозвучал отрывистый хлопок выстрела. Штабс-капитан, словно оступившись, повалился ничком на камни. Полковник сорвался с места и ринулся в гущу солдат, лезших в шлюпку.

* * *

Солнце поднималось над горами, зной становился нестерпимым.

«Кагул» и «Медуза» отчалили от берега, потянули перегруженные баржи, но те не двигались с места, прочно сев на камни. Офицеры кричали на солдат, требовали, чтобы они прыгали в воду и дали возможность барже сняться с мели. Но солдаты, одурев от страха, не подчинялись приказам.

Артиллерийский обстрел берега усиливался. Несколько снарядов разорвалось вблизи «Кагула», подняв на море высокие водяные столбы. Капитан распорядился обрубить буксирный трос. В это время снаряд угодил в бок баржи, сделал в ней огромную пробоину. «Кагул» поспешно развернулся, вспенил воду за кормой и, набирая скорость, направился к ледоколу. За ним устремился и пароход «Медуза», тоже оставив баржу с десанниками.

Стрельба на вершине горы Медведь затихла. Деморализованные, стиснутые с трех сторон и прижатые к морю десантники больше не сопротивлялись. Они бросали оружие, сдавались в плен. Их построили в колонны и отправили в Широкую щель.

Санитары уносили раненых. Интендантские команды собирали и учитывали трофеи. Склоны гор и побережье превратились в огромный бивак. Одни бойцы, устроившись в тени деревьев и скал,

отдыхали после боя, другие уже плескались в море. Заливисто пели тальянки³⁹¹, подзадоривая неугомонных плясунов... Здесь же, на берегу моря, под дубом стоял и Шкрумов с винчестером за спиной, спокойно глядел на всю эту суету военных, но думал о доме, о своей старухе...

XVI

Степной августовский воздух, влажный и прозрачный, струился над проснувшимися полями душистой свежестью. На золотистой стерне и зеленых травах радужными огнями переливалась роса. В безоблачном небе на все лады пели жаворонки

По проселочной дороге, ведущей в станицу Краснодольскую, легко катились рессорные дрожки. На них сидела игуменья в черной дорожной мантии и широкополой шляпе. Лошади бежали трусцой, то и дело переходя на ленивый шаг. Кучер Мирон не подгонял их. Положив под себя вожжи, он достал из кармана замасленных штанов красный кисет³⁹² с мишурной бахромкой³⁹³, свернул козью ножку³⁹⁴ и, вырубив кресалом³⁹⁵ огонь, закурил.

Игуменья обернулась к нему, спросила скучающе:

– Что-то ты, Захарыч, неразговорчив сегодня? Все молчишь да молчишь.

– А что рассказывать-то, матушка? – лениво отозвался Мирон. – Новостей веселых нету. Опять кутерьма пошла.

– Какая кутерьма? – не поняла игуменья.

– Про войну я, – пояснил Мирон. – Рази не слыхали? Заново Кубань полумям обнялась. Садют друг дружку в сусалы да под микитки. Не дюже весело от такой житухи.³⁹⁶

– А в монастыре как? – поинтересовалась игуменья. – Тихо-мирно?

– Слава богу, матушка, покудова тихо, – ответил Мирон, дымя козьей ножкой. Он чмокнул на лошадей и, метнув лукавый взгляд через плечо, ухмыльнулся: – А что касемо до отдыха и всего протчего, так тут была полная слобода. Все напрохлаждались предостаточно.

– Бездельничали, значит? – спросила игуменья.

– Знамо дело. Без kota мышам масленица, – сказал кучер и хлестнул лошадей вожжами.

Игуменья рассмеялась:

– Ай да Мирон Захарыч! Видно, и сам напрохлаждался вволю?

Кучер слегка стегнул кнутом подручного мерина, потом достал спину и дальнего, воскликнул:

– Эх, матушка! Да кто ить без греха?

– Ты прав, Захарыч, – согласилась игуменья. – Один только бог безгрешен.

– Как энто Иисус сказал книжникам и фарисеям: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!» – подхватил Мирон и, помолчав немного, добавил: – В распутницу, стало быть.

– О, да ты, оказывается, святое писание знаешь! – удивилась игуменья. – Грамотой владеешь?

– Как же! – Мирон приосанился. – Я и печатные буквы, как следоват. Даже скоропись и церковные, под титлами, без всякого затруднения. Да... Вот токо латынь не по зубам.

---

³⁹¹ **Тальянка** – однорядная гармошка. – прим. Гриня

³⁹² **Кисет** – небольшой мешочек для хранения вещей, затягиваемый шнурком. Часто в кисете хранят табак. – прим. Гриня

³⁹³ **Бахрома** – тесьма с рядом свободно свисающих нитей, кисточек и т. п., служащая для отделки, украшения одежды, мебели и т. п. **Мишурная** – с декоративными скрученными нитями. – прим. Гриня

³⁹⁴ **Козья ножка** – особого рода самодельная папироса, самокрутка, загнутая Г-образно. – прим. Гриня

³⁹⁵ **Кресало** предназначалось для получения огня. Зажатым в руке кресалом с трутом (легко горючим шнурком) чиркали по кремню. От высеченной искры начинал тлеть трут, огонь раздували и поджигали им то, что требовалось. По сути, современная бензиновая зажигалка – это доведенный за века до совершенства старинный способ: колесико – кресало, фитиль – трут, кремьень – кремний. – прим. Гриня

³⁹⁶ Разве не слышали? Снова Кубань пламенем объята. Бьют друг друга в морды и под ребра. Не очень весело от такой жизни. – прим. Гриня

– В школе учился?

– Какой там, матушка! Не про нас была школа. Своим умом дошел, ради интересу. А теперь и почитываю иногда на досуге.

Дрожки поднялись на бугор, и внизу, у самой Кубани, показалась Краснодарская, окутанная густыми садами, среди которых пестрыми лоскутами проступали крыши домов. Впереди, по дороге, медленно шагал сгорбленный старичок в сермяге³⁹⁷, с котомкой³⁹⁸ за плечами и суковатой палкой в руке. На голове – соломенная шляпа с обвислыми широкими полями. Игуменья ненароком поглядела на него.

– Нищий, что ли?

– Похоже, что нищий, – ответил Мирон и, помолчав, спросил: – А что, матушка, может, подвезем этого старца? Видно, умаялся, еле ноги волочит.

Игуменья не успела возразить ему – в этот миг заяц перебежал дорогу. Мирон сорвал с головы ветхий картуз и, хлопнув им себя по колену, крикнул с досадой:

– Эх, чертова животиная! Как помахал! Жаль, ружья нету.

Игуменья проводила зайца обеспокоенным взглядом, промолвила суеверно:

– Не к добру этот косой.

Старик, уступая дорогу, сошел на кочковатую обочину. Игуменья скользнула глазами по его запыленному рубищу, дырявым постолом. Их взгляды неожиданно встретились. Игуменья невольно съезжилась, заметив, как путник уставился на нее застекленными, вытаращенными глазами. Она подтолкнула кучера локтем, шепнула:

– Гони!

Мирон хлестнул лошадей кнутом. Дрожки дернулись и, цокая осными тарелками о ступки колес, быстро покатали в станицу. Солнце зашло за свинцовую тучу. На просторное краснодольское поле, покрытое копнами хлеба, набежала тень. В лицо игуменьи дохнуло освежающей прохладой, но щеки ее не переставали пылать от духоты.

Дрожки въехали в улицу, и Мирон через некоторое время остановил лошадей у двора Бородули. Игуменья сошла с подножки. Ей навстречу выбежали собаки, подняли лай. Старый Бородуля отогнал псов и, трясая седою головой и утирая слезу, выкатившуюся из левого большого глаза, уставился на игуменью, прошамкал:

– Вам кого надобно?

Игуменья с опаской оглянулась, сказала тихо:

– Да вы что, Влас Пантелеймонович, не узнаете меня?

Бородуля поглядел на нее из-под руки, воскликнул:

– Да бишь! Это вы, матушка. Заезжайте, милости просим!

Еще раз прищипнув на псов, он пошел открывать ворота, но игуменья остановила его.

– Я на одну минуту. – И снова оглянувшись, спросила: – Игната Власевича не слышно?

Бородуля сильно закашлялся.

– Нет, матушка. Один я тут на весь двор.

– Ну, бог вам поможет, – сказала игуменья. – Всего наилучшего.

– Прощевайте, – глухим голосом ответил старик и опять надрывно закашлялся.

* * *

В монастыре игуменью встретили монахини земными и поясными поклонами и, осеняя себя крестами, разбрелись в разные стороны. Во дворе наступила прежняя немая тишина.

Через несколько минут в келью к игуменью явилась мать Иоанна в длинной черной мантии и, трижды сотворив крестное знамение, пропела:

– С благополучным возвращением, матушка. Да хранит вас бог!

---

³⁹⁷ **Сермяга** – грубое (обычно домотканое) неокрашенное сукно. Из нее шили верхнюю крестьянскую одежду, которую также иногда называли сермягой. – прим. Гриня

³⁹⁸ **Котомка** – дорожный заплечный мешок на лямках из грубой холщовой ткани, сукна, кожи или замши. – прим. Гриня

– Что нового в монастыре? – спросила игуменья, прихорашиваясь перед вращающимся зеркалом, стоявшим на комодe.

– Ох, матушка! – тяжело вздохнула старуха, опускаясь в кресло. – Ангел помогает, а бес подстрекает... Беда да и только!

– Несчастье какое? – Игуменья повернула лицо в ее сторону, вспомнив вдруг о зайце, перебежавшем ей дорогу.

Мать Иоанна осушила платочком глаза, перекрестилась и сказала поспешно:

– Попутал, видно, бес сестер наших. На минувшей неделе все как одна явились к обедне в сатанинских красных платках и прямо-таки бунт подняли, скоромное в среду и пятницу стали есть. А иные, так те совсем беспутничали. К пастухам ночью через ограду лазили. Приносили от искусителей сало, колбасы, хлеб белый. Пыталась я наказать их, но куды там. И слушать меня не стали!

– Негодницы! – возмутилась игуменья. – Вот я им!

Старуха отдышалась и, понизив голос, добавила по секрету:

– А давеча слух до нас дошел, будто Хвостиков должен в наши края возвратиться скоро. Припугнула я сестер, что выплетет он за красные платки... Сейчас присмирели, просят меня заступиться за них и обещание дали денно и ночью молить бога об отпущении грехов.

– А еще что? – раздраженно спросила игуменья, присаживаясь на диван.

– Покуда все, матушка.

– Идите! – сказала игуменья. – Я позже позову вас.

Мать Иоанна покорно склонила голову, вышла из кельи. Утомленная поездкой, игуменья разделась и легла в постель.

Проснулась она только вечером. Вскоре к ней грузно ввалилась мать Сергия и, отвесив поклон, беспокоенно сказала:

– Матушка, вас хочет видеть какой-то странник. Давно уже дожидается.

Игуменья вздрогнула и с минуту не могла даже слова вымолвить. Наконец спросила с тревогой в голосе:

– Где же он?

– Здесь, матушка, в коридоре.

Игуменья быстро оделась, вытерла мокрым полотенцем лицо, поправила волосы.

– Зовите его.

Мать Сергия удалилась, и тотчас на пороге игуменья увидела того старика, который встретился на дороге: неподвижные, застекленевшие карие глаза, обросшее седой бородой каменное лицо, сгорбленная фигура. Старик держал в руке соломенную шляпу, и его длинные волосы ниспадали почти до плеч.

Узнав наконец, кто перед ней, игуменья в страхе откатнулась назад, вскрикнула:

– Боже мой! Отец! Неужели это ты? – Она бросилась ему на грудь и, обливаясь слезами, начала целовать его лицо, руки, приговаривать: – Я ведь знала, что ты вернулся. Мне сказали об этом в Екатеринодаре, и я приехала, чтобы встретить тебя!

Старик застыл как изваяние, и спазм, подступивший к горлу, совсем парализовал его речь. Он только зевал да глотал воздух и не мог вымолвить слова. Наконец, мало-помалу овладев собой, пробормотал с горечью:

– Так-то ты встретила отца! Проехала мимо, как чужая...

Игуменья помогла ему раздеться.

– Ты извини меня, отец, но я не узнала тебя, – сказала она, оправдываясь. – Ты так изменился за эти семь месяцев, так постарел. Да еще эта борода и усы... длинные волосы. Нищенское рубище.

– Э... дочка, – грустно протянул старик, опускаясь в кресло. – На чужбине, как в домовине³⁹⁹. Затосковал я там. Не рад был свету божьему. – Он указал на сермягу, брезгливо скривил губы: – А хламида⁴⁰⁰ эта от злых глаз, чтобы не опознали Меснянкина.

– Да, да! – вздохнула игуменья. – Здесь маскировка так необходима! Почему же ты не окликнул

---

³⁹⁹ Домовина – гроб. – прим. Гриня

⁴⁰⁰ Хламида – ветхая одежда (накидка) – намек на хлам – плохую одежку. – прим. Гриня

меня на дороге? – спросила игуменья.

– Не захотел при кучере, – ответил Меснянкин.

– Да, конечно, ты поступил благоразумно, – сказала игуменья. – Тебе придется жить у меня под видом странника.

Меснянкин обвел глазами келью и, задержав взгляд на большой групповой фотокарточке, висевшей на стене под стеклом в багетовой⁴⁰¹ раме, промолвил:

– А то у тебя Екатерина Любимовна Вербицкая со своими воспитанниками-казачатами? Хорошо, что она выстроила эту пустыньку⁴⁰². Теперь у тебя есть где голову приклонить.

– Да, это моя спасительница!

– Не в ладах мы жили с нею, часто ссорились из-за пустяков, – раскаянно проговорил старик, уставив в пол свое волосатое неподвижное лицо.

– Я помню ваши раздоры, – посетовала игуменья. – Как все глупо было!

– Да, не перед добром ссорились, – положив руки на подлокотники, сказал Меснянкин с тоскою в голосе. – А нынче все прахом пошло!..

– А Екатерина Любимовна в Крыму живет, у своей матери, – сообщила игуменья. – Ты ее там, случайно, не встречал?

– Нет, – устало прохрипел Меснянкин. – Не до нее было.

– А помнишь, как к ней ночью в спальню забрались воры и, требуя золото, порезали ее? – спросила игуменья.

– Ну как же, – протянул Меснянкин. – Это было в шестнадцатом году. Ей тогда около тридцати ран нанесли. Особенно ноги сильно изувечили. Она потом все время хромала. – Он помолчал минуту, затем спросил: – А ты как живешь?

– Кое-как перебиваюсь, – уныло ответила игуменья и, садясь на диван, многозначительно сказала: – Со дня на день ждем освобождения Кубани. Лишь бы только бог помог Улагаю. Тут в горах уже действует армия генерала Хвостикова!

– Слышал я о нем еще в пути, когда плыл с десантными войсками, – сказал Меснянкин.

– А не рановато ли ты приехал? – спросила игуменья.

– Разве ты не веришь в победу наших войск? – удивился Меснянкин.

– Вера в победу – это еще не победа, – ответила игуменья. – Меня очень встревожило сообщение о разгроме десанта генерала Черепова.

– Зато на улагаевском фронте дела идут хорошо, – заметил Меснянкин. – Не сегодня-завтра наши займут Тимашевскую. А когда Хвостиков выберется из гор и ударит по красным с тыла, дела пойдут еще лучше.

– Меня все чаще одолевают недобрые предчувствия, что мы стоим на краю гибели! – сказала игуменья.

Меснянкин остановил на ней осуждающий взгляд.

– Что ты, бог с тобой, Верочка! Англия и Америка никогда не оставят нас в беде. Я слышал самого Черчилля. А этот человек слов на ветер не бросает.

– А большевики на польском фронте уже к Варшаве подходят, – возразила игуменья.

– Ну и что из этого? – настаивал на своем Меснянкин. – Погоди немного, и все изменится к лучшему – с большевиками скоро будет покончено.

– Ах, папа! – простонала игуменья. – Сколько я уже жду и все напрасно!

Она закрыла лицо руками, и глаза ее наполнились слезами.

XVII

На дворе совсем уже рассвело. Игуменья проснулась от какого-то шума, который приближался, нарастал. Она вскочила с постели, бросилась к открытому окну, приподняла гардину. За

---

⁴⁰¹ **Багет** – здесь – гладкая или профилированная планка для изготовления рам к картинам, произведениям графики, фотографиям. – *прим. Гриня*

⁴⁰² **Пустынь** – прежде уединённый монастырь или келья, монашеское поселение в традиции православия, обычно удалённый от основного монастыря скит, располагавшийся в незаселённом людьми месте. – *прим. Гриня*

монастырской оградой, по дороге, двигалась кавалерия красных.

«Никак отступают!» – подумала игуменья и почувствовала, с какой радостью встрепенулось сердце.

Прибежала мать Сергия, затем появились и мать Иоанна с Меснянкиным. Игуменья накинула мантию поверх подрясника, обула комнатные туфли.

– Вот видишь, дочка, – сказал торжествуяще Меснянкин. – Красные отступают.

– Да, да, вижу! – взволнованно отозвалась игуменья. – Наконец-то господь услышал наши молитвы.

К воротам монастыря подкатил легковой автомобиль, рядом с которым остановилось человек десять верховых казаков в черкесках, с красными лентами, нашитыми наискосок через черные папахи.

Увидев их, игуменья замахала руками на отца.

– Уходите, уходите от меня!

– Мы сейчас вас спрячем, Яков Николаевич! – беря старика под локоть, зашепила мать Сергия.

– Проводите его в библиотеку! – приказала игуменья.

– Они кого-то кличут, матушка, – указала мать Иоанна на окно. – Мирон к ним вышел.

Выпроводив всех из своей кельи, игуменья прикрыла дверь и опять заглянула в окно. Верховые въехали во двор.

Корягин поднялся на крыльцо монашеской обители, постучал в дверь. Вышла мать Иоанна, низко поклонилась.

– Что надобно, раб божий? – смиренно спросила она, мельком поглядывая на Воронова⁴⁰³ – командира 3-й Отдельной казачьей кавбригады, стоявшего с бойцами под колокольней.

– Позовите игуменьшу, – сказал Корягин.

– Сейчас кликну, – ответила монахиня.

Минуты через две на крыльцо вышла игуменья.

– Я вас слушаю, Петр Владиславович!

– В гости к вам приехали, – сказал Корягин. – Принимайте. Незваные, да желанные.

«Только черт вам рад!» – подумала игуменья, однако поклонилась и с деланным радушием ответила:

– Милости просим.

Корягин окликнул Воронова и, когда тот подошел, спросил игуменью:

– Вы знаете этого человека?

– Нет, – ответила она тихо, бросив короткий взгляд на сабельный шрам, искажавший щеку, председателя ревкома.

Корягин познакомил ее с комбригом, поинтересовался:

– Как живете? Никто не тревожит вас?

– Пока тихо-мирно, – игуменья пожала плечами.

– Мы вот по какому делу, матушка, – разгладив черные усики, сказал Воронов. – Думаем тут, в вашем монастыре, одну воинскую часть разместить.

– Воля ваша, – покорно склонила голову игуменья. – Прикажете освободить часть обители?

– Нет, нет! – возразил Воронов. – Не надо. Мы люди не гордые – разместимся во дворе. Хлопцы не любят нежитья. У нас, казаков, обычай такой: где просторно, там и спать ложись.

– Как вам угодно, – сказала игуменья.

* * *

Оставив в монастыре две резервные казачьи сотни, 3-я Отдельная кавбригада двинулась дальше. Нескончаемым потоком тянулась конница по лесной дороге в Краснодольскую.

---

⁴⁰³ **Воронов**, Елисей Михайлович – казак станицы Георгие-Афипской (сейчас – поселок Афипский) Кубанского казачьего войска, вахмистр, участник Первой мировой войны, осенью 1917 года разжалован, лишён Георгиевского креста и приговорён к смертной казни, революция спасла его от казни. В декабре 1917 года вернувшись в станицу Георгие-Афипская создал революционный кружок, был назначен председателем станичного Совета народных депутатов. В 1920 году – командир 3-й отдельной казачьей кавалерийской бригады. – прим. Гриня

Воронов, словно впаянный в казачье скрипучее седло, лихо мчался на карем дончаке по обочине дороги, обгоняя пулеметные тачанки, верховых. По загорелому лицу текли извилистые струйки пота. Конь под ним екал селезенкой, фыркал и шел размашистой иноходью.

Легковая машина, оставив позади себя бригаду, въехала в станицу и направилась к ревкому. На улице молодайки и девчата вперемешку с парубками и ребятишками гонялись друг за дружкой с ведрами в руках, обливались водой, визжали и громко хохотали. Под ногами у них шныряли собаки, заливались лаем и хватали за штаны и юбки бегущих.

«Озорничают... – подумал Корягин. – Им и война нипочем...» Он попросил шофера остановить машину, окликнул:

– Галька, подойди на минуту!

Раскрасневшаяся Галина подбежала к нему и, с трудом переводя дыхание, спросила:

– Что, Петр Владиславович?

Корягин поманил ее пальцем. Галина прислонилась к борту машины.

– Василий Норкин просил тебя зайти к нему в больницу, – шепнул Корягин.

Галина зарделась еще сильнее, хотела что-то сказать, но девчата и хлопцы как оглашенные налетели на нее, окатили холодной водой, залив и всех сидящих в машине.

– А, чтоб вас черти забрали! – отфыркиваясь, вскрикнул шофер, включил мотор, и «фордик» с ревом понесся к ревкому.

Галина пустилась домой, вскочила в хату. Денисовна склеивала замазкой разбитую макотру⁴⁰⁴, беседовала с Левицкой. Увидев мокрую дочь, она уронила макотру в подол, всплеснула руками:

– Вы только поглядите на нее. Чистая анчутка⁴⁰⁵!

Галина звонко засмеялась, нырнула в великую хату, начала переодеваться.

– Ось⁴⁰⁶ Мироновна до тебя пришла, – обратилась к ней мать. – Просит, чтобы ты помогла ей написать письмо Виктору. Батько наш завтра поедет в Екатеринодар базарувать⁴⁰⁷, а заодно повезет и письмо.

– Сейчас не могу, – сказала Галина. – Некогда мне... Часа через два сама приду к вам, тетя Паша.

– Это еще лучше, – промолвила Мироновна. – Я тоже спешу: хлеб надо вынимать из печки.

Галина показалась в дверях в праздничном голубом платье и коричневых туфлях на высоких каблуках. Денисовна удивленно вытаращилась на нее.

– Свят, свят! Чего это ты вырядилась в будень?

– Причина есть! – весело сказала Галина, повязывая голову косынкой.

Выскользнув из хаты, она задержалась в сенях, прислушалась. На улице уже стояла тишина. Лишь со стороны моста доносился какой-то неясный шум. Выйдя за калитку, Галина увидела въехавших в улицу верховых казаков с развевающимся красным знаменем.

«Куда это они? – подумала она и невольно остановилась, но, спохватившись, снова ускорила шаг. Мысли о Норкине будто подгоняли ее. – Зачем я ему понадобилась?» – гадала она, чувствуя, как все сильнее колотится сердце.

Обширный больничный двор был обнесен железной оградой, вдоль которой росли высокие пирамидальные тополя. Длинное здание больницы располагалось в центре двора под размашистыми тенистыми дубами. С улицы к главному входу вела аллея.

Несколько минут простояла Галина у калитки, поглядывая нерешительно на парадную дверь, затем быстро зашагала к ней. В светлом коридоре ее встретила медицинская сестра.

– Вам кого? – спросила она, подозрительно оглядывая посетительницу с ног до головы.

– Василия Норкина, – ответила Галина, смутившись.

---

⁴⁰⁴ **Макотра** – то же, что макитра – широкий глиняный горшок. – прим. Гриня

⁴⁰⁵ **Анчутка** – чертенок. – прим. Гриня

⁴⁰⁶ **Ось, от** – Вот, здесь. – прим. Гриня

⁴⁰⁷ **Базарувать, базарювать** – Быть на базаре. – прим. Гриня

Сестра дала ей белый халат и проводила в палату, густо заставленную койками. На одной из них сидел Норкин с забинтованной головой. Увидев Галину еще на пороге, он поднялся. На его бледном лице засияла радость.

– Здравствуй, Галя! – сказал он, улыбаясь.

– Здравствуй, Вася! – тихо ответила Галина, ощущая на себе любопытные взгляды раненых.

Норкин взял ее за руку и увел в палисадник к одинокой скамейке под кленом.

– Зачем кликал? – спросила Галина, когда он, усадив ее на скамью, сел рядом.

На щеках Норкина проступил слабый румянец. Робко заглянув ей в глаза, он опустил голову, сказал глуховато:

– Много я думал о тебе, Галя... Не могу больше жить так... Жениться хочу на тебе.

Галина ждала именно этого признания. Помолчав минуту, она подняла на него глаза, ответила:

– Но я же замужем.

Норкин пытливо уставился на нее.

– Неужто и впрямь думаешь жить с Гришкой Молчуном?

– На кой ляд он мне нужен! – без колебания ответила Галина. – Это не человек, а зверь.

– Так в чем же дело? – спросил Норкин, глядя на нее в упор. – Или, может быть, я тебе не нравлюсь?

– Хорошо, Вася, – поднимаясь, торопливо проговорила Галина. – Я подумаю.

– Подумай хорошенько, Галя. А на той неделе мы снова встретимся, и ты скажешь – быть чи не быть нам вместе.

Галина одобрительно кивнула и вышла из палисадника. Провожая ее взглядом, Норкин стоял у калитки до тех пор, пока она не скрылась в улице.

* * *

Наумыч заботливо хлопотал в саду, около цветов, выпалывал сорную траву. Отягощенные плодами ветки яблонь и груш были подперты шестами. Среди цветов и листы жужжали пчелы. В нагретом воздухе стоял фруктовый и мятный аромат.

Наведя чистоту и порядок на цветниках, Наумыч собрал обитые ветром яблоки в подол полотняной рубашки и, припадая на протез, заковылял к вертушке⁴⁰⁸, ведущей во двор. Из закутки выбежал белый козленок, подпрыгнул, околесил колодец и, взбрыкивая, пустился мимо конюшни, клуни и сарая, провожаемый завистливым взглядом Жучки, сидевшей на цепи под навесом амбарчика.

В кухне пахло печеным хлебом. Мироновна вынимала из горячей печи зарумяненные булки и складывала их на стол. Наумыч снял с гвоздя сито, высыпал в него яблоки и, присев на ослин, закурил люльку

– Вы бы со своим тютюном⁴⁰⁹ на двор шли, папаша, – сказала Мироновна.

Наумыч сидел молча, не двигался. Сноха сорвала сухой капустный лист с паляницы⁴¹⁰, сдула с нее золу, положила на свободное место в ряду с другими хлебинами, вывалила из сита на противень яблоки, сунула их в печь и прикрыла заслонкой.

Со двора донесся лай Жучки. Старик прижал в люлке прокуренным большим пальцем дымящийся табак, прислушался. Мироновна вытерла фартуком испарину на раскрасневшемся лице, засутилась.

В сенцах скрипнула дверь, и на пороге появилась Галина, низко поклонилась Наумычу.

– Вот умница, не позабыла про письмо, – обрадовалась Мироновна. – Садись.

Галина села на табуретку, спросила:

– А писать есть чем у вас?

---

⁴⁰⁸ **Вертушка** – здесь – калитка. – прим. Гриня

⁴⁰⁹ **Тютюн** – табак. – прим. Гриня

⁴¹⁰ **Паляница** – булка белого хлеба, каравай. – прим. Гриня

– Пошукаю⁴¹¹ у Вити, – ответила Мироновна и скрылась в комнате сына. Вынесла чернильницу, ручку и лист бумаги, положила на стол.

XVIII

С пятнадцатого августа Екатеринодар был объявлен на военном положении. На площадях и в скверах проходили митинги в связи с высадкой белогвардейских десантов на Кубани. Гневно и горячо клеймили ораторы Врангеля, который двинул свои полчища в поход против Советской власти. Вместе с родной Красной Армией рабочие и крестьяне Кубани готовились дать решительный отпор врагу, задумавшему отрезать Северный Кавказ и Дон от Советской России. В городе на видных местах призывно висели боевые лозунги: «Долой Врангеля!», «Долой интервентов, зарящихся на наш хлеб и нашу нефть!».

А на Новом рынке около подвод, на которых станичники продавали муку, сало, мясо, птицу, овощи, фрукты, собирались длинные очереди горожан. Каждый теперь, боясь голода, запасался продуктами. Раскупалось все, что требовал стол. Цены росли баснословно.

Были здесь и краснодольцы. Одни из них уже давно распродали свои товары и ушли в город, чтобы побродить по магазинам, другие от нечего делать слонялись среди телег.

Закончил распродажу своих продуктов и Калита. Сейчас он обедал с Галиной и Соней на арбе, нагруженной доверху свежей зеленой травой. Перед ним на войлоке лежали свежие и малосольные огурцы, кусок сала, арбуз, яйца, хлеб и аппетитно пахнувшая чесноком домашняя колбаса.

Калита резал перочинным ножом сало и, отправляя его с хлебом в рот, проворно двигал челюстями, обросшими черной курчавой бородой. Он то и дело ласково поглядывал на меньшую дочку, наряженную в новенькое ситцевое платье светло-голубого цвета.

– Шо ж ты будешь робыть⁴¹² после школы, доченька? – обратился к ней Яков Трофимович, вытер нож о траву и, разбив яйцо, начал очищать его.

– За больными буду смотреть, – ответила Соня, улыбаясь, и на ее щеках обозначились ямочки. – Учусь я на сестру милосердия.

– И платить тебе будут, чи так?

– Разве ж на фронте платят? – тихо сказала Соня.

Калита вдруг посуровел, замигал глазами.

– Постой, постой, – проговорил он поспешно и, положив яйцо на разостланный платок, остановил на дочери обеспокоенный взгляд. – Так ты и на фронт пойдешь?

– А как же! Пойду, конечно, – ответила Соня.

– Убить же тебя там могут, то и проче! – оторопел Яков Трофимович.

Его слова встревожили и Галину. Взглянув на сестру испуганными глазами, она подумала: «И какая же ты у нас несчастная! То одно, то другое горе...»

Яков Трофимович еще что-то хотел сказать, но тут, жалобно скривив замурзанное лицо, протянул к нему руку оборванный беспризорный мальчишка, заныл:

– Дяденька, подайте сиротке.

Яков Трофимович сунул ему краюху хлеба, кусок сала и яйцо.

* * *

Обгоняя извозчиков и трамваи, легковая машина мчалась по Красной. Соловьев и Ковтюх, сидевшие в ней, поглядывали на пешеходов, запрудивших тротуары, а сами вновь и вновь возвращались к разговору о загадочном аресте Балышеева.

Ковтюх заметил в толпе Шадура, который шел под руку с Лихачевой.

– С кем это прогуливается ваш начснаб? – поинтересовался Ковтюх.

Соловьев оглянулся, сказал:

---

⁴¹¹ **Шукать** – искать. – прим. Гриня

⁴¹² **Робыть** – делать, трудиться, мастерить. – прим. Гриня

- Это его симпатия.
- А что она представляет собой?
- Бог ее ведает, – пожал Соловьев плечами.

Впереди, у рекламной тумбы, столпилось много народа. Шофер замедлил ход.

- Будь ласка⁴¹³, остановись! – попросил его Ковтюх.

Соловьев легко выпрыгнул из машины, протиснулся к расклейщику, который приклеивал к тумбе какую-то печатную бумагу.

- Что вы тут лепите? – спросил комиссар.
- Постановление областного ревкома, – ответил расклейщик.
- А ну-ка, дайте мне один экземпляр, – попросил Соловьев.

Вернувшись в машину, он вместе с Ковтюхом прочел следующее:

Постановление

Кубано-Черноморского областного революционного комитета

16 августа 1920 г.

г. Екатеринодар

№ 319

В связи с нависшей военной угрозой над городом Екатеринодаром Кубано-Черноморский областной ревком, поддерживая решение Чрезвычайной погрузочной комиссии о вывозе из города в ближайшие дни всех ценностей, постановляет:

1. Немедленно прекратить работу и свернуть следующие учреждения: продотдел, совнархоз, здравотдел, почту и телеграф, Кубано-Черноморскую комиссию, финотдел, отдел управления, отдел труда, государственное издательство, комитет труда, рабоче-крестьянскую инспекцию и отдел статистики.
2. Все их ценности должны быть эвакуированы из города в самое ближайшее время.
3. Сотрудники данных учреждений, кроме тех, которые нужны будут для эвакуации своих учреждений, увольняются с работы.

Председатель Кубано-Черноморского ревкома **Ян Полуян.**

Управделами **Б. Мальцев.**

– Чи не рановато затяялы мы оцю эвакуацию?.. – задумчиво покачал головой Ковтюх. – От такого постановления вие паникой. – В его серых, с отблеском стали, колючих глазах отразилось чувство сомнения в предпринятой операции, и он уже полным голосом добавил – А шо ж воно робытыся в станицах и хуторах биля⁴¹⁴ фронту? Мабуть, зовсим запаникувалы!

Соловьев молчал. Вскоре машина подъехала к дому, в котором жила семья Балышеевых. Соловьев поднялся на парадное крыльцо, нажал кнопку звонка. Навстречу выбежала ему Люба.

- Аннушка дома? – спросил Соловьев.

- Да, у себя в комнате, – ответила девушка. – Только что пришла из института.

И тут же на пороге появилась и Аннушка. Она грустно улыбнулась Соловьеву, пригласила войти.

- Я на минуту, Аня, – сказал Соловьев и сразу объявил – Ты должна срочно выехать на фронт.

Аннушка растерянно взглянула на него, и на свежем ее лице проступила чуть заметная бледность.

– Как же мне ехать после того, что случилось? – промолвила она. – На меня будут смотреть, как...

– Возьми себя в руки! – прервал ее Соловьев. – Мы твердо убеждены, что твой отец – честный человек, ни в чем не виноват. Его должны освободить. Сейчас мы принимаем все необходимые меры.

---

⁴¹³ **Будь ласка** – пожалуйста. – прим. Гриня

⁴¹⁴ **Биля** – около, возле, рядом. – прим. Гриня

Аннушка обессиленно опустила на стул, уронила голову на грудь, заплакала. Соловьев взял ее за плечи.

– Успокойся, Аня! Я понимаю, насколько тебе тяжело. Твой отец для меня больше, чем коллега... Твое горе – мое горе!

Аннушка подняла на него заплаканное лицо.

– Спасибо, Гена! – сказала она слабым голосом, вытирая щеки платочком.

– За что благодаришь-то? – удивился Соловьев.

– За твою веру в моего отца, Гена, за твою искреннюю поддержку.

– Главное, не падайте духом! – ободряюще сказал Соловьев. – Передай это и маме, и Любочке. Они тоже страдают.

– А как же, – промолвила Аннушка. – Мама даже перестала на люди показываться, сидит целый день, закрывшись в своей комнате, и плачет.

– Я сегодня вечером зайду к вам, – предупредил Соловьев. – А сейчас у меня нет свободного времени. Ты скажи ей об этом, Аня.

– Хорошо, – сказала Аннушка. – Я скажу.

– Мы решили поручить тебе санитарный поезд, – продолжал Соловьев после небольшой паузы.

– А справлюсь ли я? – с опаской спросила Аннушка.

– Справишься! – убежденно сказал Соловьев.

К дому подъехала арба. Аннушка подняла гардину и, увидев в задке Соню и Галину, торопливо вытерла слезы. Соловьев встал, подал ей руку и еще раз попросил, чтобы не волновалась и готовилась к принятию санитарного поезда. Аннушка простилась с ним, проводила на крыльцо.

К Соловьеву подбежала Соня, второпях спросила:

– Геннадий Иннокентьевич, когда Николай Николаевич вернется в город со своим полком?

– Должен быть сегодня в три часа, – ответил комиссар и, сойдя со ступенек, сел в машину.

* * *

У подъезда штаба остановился «фордик» командарма. Из него в сопровождении двух ординарцев вышел Левандовский. Войдя в здание, он поднялся на второй этаж, в своем кабинете нашел Соловьева, только что вернувшегося от Балышевых.

– А товарищ Фурманов говорил, что вы не будете присутствовать на пленуме.

– Да, к сожалению, не смогу, – ответил Левандовский. – Я заехал сюда на час, не больше. Надо срочно выезжать в Тимашевскую. В работе пленума примете участие вы и Фурманов. – Он загасил в пепельнице выкуренную папиросу, поднял телефонную трубку, крикнул: – Соедините меня с секретарем областного комитета партии! – И, услышав голос Черного, сказал: – Здравствуйте, Владимир Павлович... Я насчет пленума. Да, да, выезжаю на фронт. Кто будет? Фурманов и Соловьев. Спасибо за добрые пожелания. Всего хорошего. – Повесив трубку, он обернулся к Соловьеву. – На пленуме с докладом о положении на фронтах выступите вы, Геннадий Иннокентьевич. Ну и Фурманов вам поможет.

Соловьев открыл папку с донесениями командиров действующих частей, сказал:

– Вести с передовой, Михаил Карлович, неутешительны. Наши войска отступают.

Левандовский спросил:

– У вас есть подробные сведения о силе десанта Улагая?

– Пока еще нет, – ответил Соловьев. – Пленные офицеры дают разноречивые показания на этот счет.

– Где идут бои?

Соловьев отдернул занавеску с карты, висевшей на стене, провел указкой по линии передовых позиций.

– Вот здесь. Противник силою до двух тысяч штыков и сабель обрушился на 2-ю кавбригаду, которая занимала участок Бриньковская–Ольгинская. На участке 1-й Кавказской дивизии, расположенной северо-восточнее Ольгинской, а также и по всему фронту до самой железной дороги идут ожесточенные сражения.

– Приуральская бригада Семашко подошла уже к фронту? – спросил Левандовский.

– Да, сегодня на рассвете, – ответил Соловьев. – Она занимает оборону по линии железной

дороги.

– Каковы потери с нашей стороны?

– Вчера насчитывалось около двухсот человек убитых и раненых. Сегодня, по последним сведениям, потери в живой силе возросли вдвое. Бронепоезд «Гром» во время боя сошел с рельсов и при отступлении наших частей попал в руки противника. Одно дальнобойное орудие провалилось на мосту. Все бронемашины выбыли из строя. Начальник бронечастей армии товарищ Вершинин тяжело ранен.

Вошел сотрудник оперативного отдела с только что полученным донесением с фронта. В нем сообщалось, что противник после шестой атаки занял Ольгинскую и повел наступление на Роговскую.

XIX

На перроне было многолюдно, шумно и оживленно. Соня нетерпеливо посматривала в ту сторону, откуда должен появиться поезд, и когда издали донесся протяжный гудок, она вскрикнула:

– Ой, девочки!

Аминет и Люба обнялись и тоже застыли в ожидании эшелона. Соня взглянула на них и от радости неожиданно начала поочередно целовать подруг. Аминет чуточку отстранила ее от себя, сказала с улыбкой на лице:

– Ты погляди, как покраснелась. С чего бы это?

– Ну как же? – встрепенулась Люба. – Разве ты не ждешь своих?

Из-за поворота показался паровоз. Черный дым тянулся волнистой косою над грохочущим составом, и вскоре мимо перрона замелькали вагоны, платформы, переполненные бойцами, воинским имуществом, лошадьми.

На платформе, прицепленной к третьему вагону, среди казаков стоял Виктор Левицкий. Тут же, на лафете пушки, сидел и Демка Вьюн. Когда поезд остановился, они свели по сходням своих коней. Ведя в поводу Ратника и толкаясь среди собравшихся горожан, высаживающихся бойцов-казаков, Виктор направился вдоль состава. Следом за ним Демка повел Кристалла.

К вокзалу одновременно с прибытием эшелона подъехали краснодольские подводы. Калита, поручив свою арбу напарнику-соседу, прошел с Галиной на перрон.

Виктор передал повод Демке, отыскал в толпе Соню, и они, не обращая ни на кого внимания, крепко обнялись и поцеловались. Яков Трофимович уставил на них удивленные глаза, замер с широко открытым ртом. Потом вдруг улыбнулся в усы, погладил тылом ладони бороду, воскликнул:

– Эге-ге! Да тут, как я бачу, такие дела пошли, хоть свадьбу зачинай!

Соня оглянулась, вспыхнула кумачовой краской, потупилась.

Галина вынула из пазухи письмо, подала Виктору:

– Это тебе из дому.

К ней подбежал Вьюн.

– А мне?

Галина наклонилась к нему, тихо сказала:

– Клава передавала привет!

Загорелое лицо Демки расплылось в улыбке.

– Не забыла, значит... – пробормотал он и, лихо заломив кубанку, подмигнул девчатам.

Виктор отошел в сторонку, волнуясь, вскрыл конверт, склеенный мучной заваркой, и стал читать:

Добрый день, дорогой мой сыночек Витя. Сообщаю, что я очень тоскую по тебе. Батько где-то мотается по белу свету и, видно, боится возвращаться домой, как нашкодивший кот. Да мы его уже и не ожидаем к себе.

Ох, сынок, сынок! Пусть он лучше и не приходит. У нас ходят слухи, что скоро к нам явится Хвостиков со своими головорезами, душегубами. Не доведи бог, чтобы батько прибыл в станицу с той компанией!

Соколик ты мой ясный, как ты там? Я до сего часу не могу забыть обиды, которую нанесла тебе Оксана. Теперь уже все говорят в станице, что она ушла с Матяшом. И не хотела я писать тебе про это, но не смогла. Плачу, сыночек ты мой Витенька, денно и ночью вспоминаю о тебе.

Дедусь все так же любит тебя и просит бога, чтобы ты вернулся домой здоровым и невредимым. Помнишь, как он говорил: «В людях живал, свету видал, топор на ноги обувал, топоричем подпоясывался». И верно, сынок, нелегкая жизнь была у него и многому она, та жизнь, его научила. Слушайся его. Он ничего дурного тебе не посоветует. Недаром сказано: «Родительское благословение в воде не тонет, на огне не горит».

С тем до свидания, мой дорогой сыночек.

Целую, твоя мать.

15 августа 1920 г.

Виктор и раз, и другой перечитал письмо, написанное четким, округлым почерком, не материнской рукой. Тяжело было ему читать об отце, еще сильнее разнылась душевная рана. Заметив, как потемнело лицо Виктора, Демка спросил у него с беспокойством:

– Беда какая или что?

Виктор задумчиво глядел куда-то вдаль. Наконец он махнул рукой, промолвил:

– А!.. Ничего теперь не поделаешь. Горько мне, Дема, что так получилось!

– Ты про отца? – догадался Вьюн.

– Да, про него, – вздохнул Виктор и, спрятав письмо в полевую сумку, закурил.

Сообщение об Оксане его обрадовало до некоторой степени: оно развязывало ему руки.

Из-за водонапорной башни вышел Жебрак с Корягиным, только что приехавшим на вокзал. Увидев председателя Краснодарского ревкома, Вьюн бросился к нему, закричал:

– Здравствуйте, Петр Владиславович! – И указал на лошадей. – Вот видите, с нами и Ратник с Кристаллом.

– Вижу, Демушка, вижу! – сказал Корягин, обнял Вьюна за плечи и, весело улыбаясь, воскликнул: – Как ты возмужал, хлопче! Поправился. При оружии... Аж страшно около тебя стоять!

Вьюн залился раскатистым тоненьким смехом.

– Страшно, говорите? Иначе нельзя... воюю.

Виктор валким шагом приблизился к Корягину, приложил руку к кубанке.

– Здравия желаю, товарищ председатель!

– Здорово, казак! – тепло отозвался Корягин и обернулся к Жебраку. – Как воевали наши краснодольцы?

– Хлопцы что надо! – ответил Жебрак, добродушно подмигнув парням.

Соня взяла Виктора под руку, пошла с ним за отцом и сестрой, направившимися к своей арбе.

* * *

На вокзал один за другим прибывали эшелоны с войсками Красной Армии. Выгрузившись, части походным порядком отправлялись в город, а оттуда без задержки – на фронт. Вместе с ними шли и ударные отряды рабочих с заводов «Кубаноль» и «Саломас»⁴¹⁵.

Вечерело. Через город от вокзала, в сторону кожевенных заводов, двигались колонны пехотинцев, кавалеристов. Над ними развевались красные знамена и, не смолкая, звучали революционные песни.

В одном конце квартала слышалось:

Гей! По дороге,
По дороге войско красное идет!

А в другом одновременно звучало:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней.

---

⁴¹⁵ Завод «Саломас» – сейчас Краснодарский масложиркомбинат. – прим. Гриня

Пыхтя горячей струей пара, к перрону подошел эшелон с бойцами 3-й Отдельной казачьей кавбригады, сражавшейся в горных районах против банд Хвостикова. Теперь по приказу командующего она была срочно переброшена в Екатеринодар. Из вагонов повалили кавалеристы в разноцветных черкесках, балахонах, кубанках. А через час кавбригада уже ехала по Екатерининской улице к Сенному рынку.

Конники пересекли Красную, потянулись по трамвайной линии и вскоре свернули на улицу Гривенскую⁴¹⁶. За ними в обозе, гремя колесами, двигались пушки, пулеметные тачанки, брички.

На окраине города, у ворот казарменного двора, кавбригаду встретили Воронов, Ковтюх и Жебрак.

Кавалерия выстроилась вдоль длинного каменного забора, спешила. Казаки надели саквы⁴¹⁷ на морды лошадям, кормили их овсом, дымили сигарками, шутили. У походных кухонь возились повара.

Лаврентий Левицкий, дав немного коню остыть, напоил его, задал корму. Только хотел закурить, но тут просигналили ужин.

Небо совсем уже потускнело, стали густеть сумерки. Получив пищу, бойцы кто где сумел пристроиться, ужинали. Лаврентий расположился на бревне под глухой стеной казармы, принялся черпать из котелка душистый борщ. Вспомнив, что где-то у него в вещевом мешке перчинка, он хотел достать ее, но раздумал – ел так, без приправы. Вскоре посудина его опустела. Лаврентий подвесил котелок к поясу, достал из кармана кисет с самосадам и, прислонившись спиной к телеграфному столбу, начал скручивать сигарку.

Заря уже почти потухла, но еще можно было различать друг друга. В воротах двора показалась группа казаков. Случайно взглянув в их сторону, Лаврентий едва не выронил из рук кисет. Зрачки его расширились, нижняя губа судорожно задрожала. В нескольких шагах от него шел Виктор.

В первое мгновение Лаврентий не знал, что делать. Бежать? Спрятаться? Но куда и зачем? Ведь должен же сын знать, что в конце концов произошло с отцом. Должна же понять родная кровь старого дурня, который никак не может найти себе пристанища. Неужто не поймет и осудит старика?

Мысли путались в голове Лаврентия. Он стоял у столба, будто вросший в землю, не в силах сдвинуться с места. Виктор почувствовал его взгляд, оглянулся. Глаза их встретились.

– Батя! – прошептал молодой Левицкий, и по его телу побежал ледяной холод, лицо побледнело.

Лаврентий виновато улыбнулся, смахнул набежавшую слезу со щеки, сделал шаг вперед и снова остановился.

– Витя, сынок! – вырвалось у него хрипловато, каким-то чужим, дребезжащим тенорком. – Тут я, с вами... В бригаде... Убёг от нечистых душ.

Виктор немного успокоился, смерил отца взглядом.

– Встретились, значит... Вот уж нежданно-негаданно!

Лаврентий болезненно скривил лицо, остренькие его усики задрожали, на открытом лбу, как ручейки, вздулись две синие жилы. Он робко дотронулся до руки Виктора, с трудом промолвил:

– Пойдем, сынок, я все по порядку... А то тут богато всяких интересантов – вишь, ухи наставили.

На берегу Кубани, у кручи, они облюбовали травянистый горбик, сели. Лаврентий с минуту смотрел на бурные волны реки и наконец, собравшись с мыслями, неловко, тихо начал:

– Долго я думал, Витя, и надумал... Утик от Хвостикова до Воронова и больше квит⁴¹⁸, блукать не буду.

– А Воронов знает, что вы были у Хвостикова?

---

⁴¹⁶ **Екатерининская** улица – в народе, после строительства Пожарного Двора, именовалась Пожарной. В 1920 году, после переименования города получила название Пролетарская. После Великой Отечественной войны стала называться «Улица Мира». **Гривенская** улица – сейчас улица Фрунзе. – прим. Гриня

⁴¹⁷ **Саква** – предмет снаряжения в кавалерии и артиллерии; небольшой мешок, приторачиваемый к седлу, для возки овса, сухарей, крупы, соли и т. п. – прим. Гриня

⁴¹⁸ **Квит** – расчет, конечно, конец. – прим. Гриня

– Все до подноготной, сынок. Я перед ним, как перед богом – все начистую. Тут брехать – боже избавь! Он наш комбриг, сам из казаков и понимает нашу душу.

– Дома были?

– Нет, сынок. Не с руки все попадало.

– А что же Воронов? Принял вас без всякого?

– Как видишь, принял.

– Напрасно.

– Ну, почему? Хиба ж я виноват?

– А кто? Я, по-вашему?

– И ты не виноват. Суматошная жизнь тут во всем. Рази разберешься в ей сразу, что к чему?

– А почему вы тогда не перешли к красным, когда я с вами встретился в бою?

– Тогда не мог, сынок. Ей-богу, не мог! Ты ж понимаешь, что могло бы стать с матерью и твоим дедушкой? Сничтожили бы их головорезы ни за понюх табаку! Да... факт на лице. А теперь ежели вернутся хвостиковцы в станицу, то будут думать, что я погиб на их стороне, и никого из наших не тронут.

– Все это пустое, батя, – сказал неодобрительно Виктор. – Я ведь не сделал этого.

– Хиба ж мне можно сравниться с тобою, сынок? – пробормотал Лаврентий. – Ты человек грамотный. Вон сколько книжек перечитал, с умными людьми знался, уму-разуму учился у них. – Он склонил голову, всхлипнул: – Прости меня, сынок. Даю тебе на цем месте последний зарок, что больше не вздумаю бегать. Недаром дедушка говорил: «Упал, так целуй мать сыру-землю...»

Виктору стало жаль отца.

– Ну, будет вам, батя, каяться, – сказал он примирительно и, помолчав, спросил – Из дому никаких вестей не получали?

Лаврентий вытер слезы рукавом черкески.

– Нет, – глухо ответил он. – А ты?

– Мамаля письмо прислали.

– Что же в нем? – оживился Лаврентий.

Виктор протянул ему конверт.

– Вот, прочитайте.

Лаврентий медленно начал читать, беззвучно шевеля губами.

– Эх, про меня как пишет! – покачал он головой. – А из-за кого я «мотаюсь по белу свету»? Да тике из-за нее и дедушки.

– А правда, что у Хвостикова много англичан? – спросил Виктор.

– Хватает! – ответил Лаврентий. – Они-то больше всего и лютуют. Хвостиков и Крыжановский перед ними на цыпочках ходят.

В памяти Виктора внезапно всплыл образ Оксаны. Он спросил о ней. Лаврентий положил руку на плечо сына, заглянул в глаза.

– Там она, у Хвостикова, – сказал он, прищурившись. – Только ты не жалкуй по ней. С Матяшом она спуталась, вертихвостка!

XX

В доме Балышеевых с нетерпением ожидали Соловьева. В зале давно накрыт стол, в коридоре шумел самовар.

Люба стояла у зеркала и вплетала черные ленты в толстые льняные косы. Нежное ее лицо сияло счастливой улыбкой. Вот она склонилась над комодом, остановила светло-голубые глаза на фотокарточке отца. Он смотрел на нее и как бы говорил взглядом: «Милая доченька! Ты радуешься? А горе кружится над нами». И Люба почувствовала, как ее душу сдавила тоска.

Аннушка подошла к матери, сидевшей на диване, прижала ее голову к своей груди.

– Мама! – сказала она несмело.

Екатерина Нестеровна, убитая горем, подняла на нее взгляд, спросила:

– Что, доченька?

Аннушка, чуть помедлив, наконец отважилась сказать то, о чем долго не решалась говорить.

– Ты только не волнуйся, мамочка. Наверно, завтра я выеду на фронт.

Екатерина Нестеровна испуганно отшатнулась от спинки дивана.

– Как на фронт?

– Я должна ехать, – сказала Аннушка.

– Да ты что? – уставилась на нее Екатерина Нестеровна неподвижными глазами. – Такая беда с отцом, а тебе пришло в голову бог знает что.

– Меня посылают с санитарным поездом главврачом.

Губы Екатерины Нестеровны задрожали:

– А Люба?

– Возможно, и ее мобилизуют.

С крыльца донеслись скорые шаги, и сразу же заливчато продребезжал дверной звонок. Аннушка встрепенулась, вышла из комнаты и через некоторое время вернулась с Соловьевым. Екатерина Нестеровна вытерла слезы, поднялась ему навстречу.

– А я уж думала, что вы не придете. Спасибо вам, Геннадий Иннокентьевич, за участие.

Аннушка внесла самовар, разлила чай.

– А я пришел к вам с добрыми вестями, – неторопливо начал Соловьев, помешивая ложкой чай в стакане. – Только что на пленуме областкома партии шел серьезный разговор о Назаре Борисовиче. Все говорили о незаконном его аресте и выражали свое негодование по поводу самостийных⁴¹⁹ действий главкома.

– За что же все-таки его арестовали? – спросила Екатерина Нестеровна. – В чем обвиняют?

Соловьев пожал плечами.

– Странно, но это факт. Его обвиняют за неправильную дислокацию, размещение частей 9-й Красной армии на территории Кубани, – сказал он задумчиво, – в силу чего берега Черного и Азовского морей остались неприкрытыми к моменту высадки врангелевских десантов в области. Но разве можно кого-либо обвинять в этом? Войска нужны были везде... Сейчас мы дали знать об аресте Назара Борисовича Владимиру Ильичу Ленину. Я не сомневаюсь, что все кончится благополучно, – заверил ее Соловьев. – Все наши штабные работники и областком партии стоят горой за Назара Борисовича.

На глазах Аннушки засверкали слезы радости.

* * *

Ночью 3-я Отдельная казачья кавбригада Воронова и приданный ей 1-й Афипский полк Жебрака походным порядком выехали из города и вдоль Черноморской железной дороги направились в сторону Тимашевской. За кавалерией тянулись пушки, пулеметные тачанки, брички, нагруженные боеприпасами, фуражом, провиантом. В теплом степном воздухе пахло ночной сыростью, конским потом, махорочным дымком.

Взошла луна, и по спящей кубанской равнине разлилась бледная муть. Воронов и Жебрак, подгоняя своих взмысленных коней, двигались в голове быстро мчавшейся бригады.

Незадолго до рассвета кавбригада минула станицу Медведовскую. Постепенно восточный край неба охватывался белесой каймой, которая расширялась и теснила тьму к западу. Над полями повеял медвяно-душистый аромат горошка, на степные травы осела холодная утренняя роса. Одна за другой гасли звезды.

Левицкие и Вьюн ехали в первом ряду 1-го Афипского казачьего полка. Ратник шел иноходью, не потел, как другие лошади. Лаврентий посматривал то на него, то на Кристалла, на котором сидел Демка.

– А ну, сынок, пощупай под потником, не вспотел Ратник? – сказал он Виктору. – Только осторожно, чтобы покров не попортил.

Виктор оперся на луку, провел пальцами по спине коня, потом заложил руку под седло, сказал:

– Совсем сухо.

– А у твоего, Дема? – обратился Лаврентий к Вьюну, ехавшему с правой стороны.

Кристалл тоже был сух, шел легко и свободно, крупной рысью.

– А мой кабардинец уже весь в мыле, – недовольно буркнул Лаврентий. – Тяжелый на ходу, как

---

⁴¹⁹ Самостийный – здесь – своевольный. – прим. Гриня

мельничный камень.

Густо запахло шалфеем, васильками, чабрецом, мятой. Многие всадники, опьяненные ароматом степи, на зорьке впадали в дрему, но, раз-другой клюнув носом, тотчас стряхивали с себя сонливость, принимали бодрый вид. Восток уже пылал рассветным заревом. Высокая трава, окаймлявшая дорогу, искрилась блестками росы, словно раскаленным серебром.

Вдали уже виднелась станица. И вдруг, сотрясая воздух, над степью прокатился гул орудийного выстрела. Качнулись травы, роняя росу. Кони обеспокоенно запрядали⁴²⁰ ушами. Бойцы насторожились.

Бросив поводья на луку, Виктор достал из кармана кисет, обратился к отцу и Вьюну:

– Закурим, что ли? А то как бы с ходу в бой не кинули.

– И такое может стать, – отозвался Лаврентий, протягивая руку за табаком и бумагой.

Закурили.

– Как у тебя сабля, сынок, добре наостренная? – спросил Лаврентий.

Виктор хлопнул ладонью по ножнам, ответил:

– Не только рубить, но и бриться можно!

– Тогда порядок, – сказал Лаврентий и, вдруг уставившись на шашку сына с таким изумлением, будто это была не шашка, а какая-то невидаль, выдохнул: – Ты где взял цю саблю?

– В бою добыл, – ответил Виктор, – когда за монастырь бились.

Лаврентий повел тылом ладони по усикам, просиял улыбкой:

– Так и есть! Это же сабля Федота Молчуна, твоего крестного. Я ее враз признал. Это ж потерял он ее, коли мы пятки мазали салом. Но каким чудом?

– На ней пояс был перерванный, – сказал Виктор. – Видно, лопнул с натуги.

– Ну и вояка! – усмехнулся Лаврентий, покрутил прокуренный ус и наставительно прибавил: – Казак без шашки острой и коня верного, что тот кизяк⁴²¹. Ну и, кроме того, бесперечь⁴²², хоробрость и сноровка нужны. Боже упаси позади себя супротивника оставлять. Пожалеешь его – он тебя не пожалеет. Да, факт на лице.

– Мы про то уже знаем, дядько Лавро, – с видом бывалого рубаки заявил Вьюн.

– Человек многое знает, да часом забывает про все.

До Тимашевской уже было рукой подать. Из-за далекого горизонта, задернутого редкой голубоватой завесой тумана, поднялся ослепительный диск солнца, и в траве, окропленной росой, засветились тысячи радужных огоньков.

Воронов остановил бригаду. Эскадроны застыли у полотна железной дороги.

Комбриг подал команду спешиться. Бойцы слезли с коней, шумным табором рассыпались по железнодорожной насыпи. В станицу были посланы Виктор Левицкий и Вьюн. Проскочив переезд, они помчались в Тимашевскую. Вскоре вернулись с командиром кавбригады 14-й кавалерийской дивизии Демусом и его ординарцем Петькой Зуевым. Демус передал повод ординарцу, спрыгнул с карабаха, обтер широкой ладонью пот со лба, покрытого рябинками, поздоровался с командирами кавбригады.

– Как у вас дела? – спросил Воронов.

– Положение неважное, – угрюмо ответил Демус. – Большие потери несем.

– Командующий здесь?

– Тут! Сейчас на участке 1-й Кавказской кавдивизии Мейера.

– А какова диспозиция войск?

Демус поправил русый чуб, выбившийся из-под фуражки с лакированным козырьком, поднял планшетку, указал на карту под целлулоидным верхом и познакомил командиров с расположением войск на передовой:

– Вчера вечером 3-й стрелковый полк Приуральской бригады выбил врага из Бриньковской. 1-й и 2-й стрелковые полки этой же бригады сосредоточились вот тут – в районе хутора Ищенко. Конная

---

⁴²⁰ **Прядать** – шевелить, поводить. – прим. Гриня

⁴²¹ **Кизяк** – высушенный или переработанный навоз, используемый в качестве топлива. – прим. Гриня

⁴²² **Бесперечь** – беспрестанно, постоянно, зачастую, всегда. – прим. Гриня

группа, составленная из потрепанных в боях частей, заняла оборону по линии Брюховецкая–Тимашевская.

– Противник далеко? – спросил Воронов.

– Верстах в пяти – семи от Тимашевской. Изредка бьет по ней из пушек.

Воронов в сопровождении ординарцев отправился с Демусом на передовую.

Бойцы, воспользовавшись остановкой в пути, отдыхали. Одни расположились на травянистых откосах насыпи, другие – на копнах почерневшей пшеницы; сказывалась бессонная ночь – не успев прилечь, многие засыпали. Лошади паслись на золотистой стерне.

Виктор ослабил подпругу у Ратника, пустил его в жнивье к Кристаллу, а сам лег под копну, рядом с отцом и Демкой.

Вдали показался санитарный поезд. Гроыхая на стыках и надсадно шипя паром, он подкатил к бригаде, остановился. Из вагонов высыпали сестры милосердия в синих платьях и белых передниках, с красными крестами на груди.

Виктор увидел Любу Балышееву, Аминет и Сою, вскочил на ноги. Девушки тоже заметили его и, взявшись за руки, пустились с насыпи, подбежали к нему.

– Ну, как дела, казак? – обнажив в улыбке белые ровные зубы, спросила с озорством Аминет.

– А так! – в тон ей ответил Виктор, неожиданно схватил ее в охапку и привалил к копне.

Соля и Люба хотели броситься на помощь подруге, но Вьюн преградил им дорогу...

С насыпи долетели звуки тальянки. Все устремили взоры на гармониста, сидевшего на рельсе впереди паровоза. Из-под его кубанки вился черный чуб, закрывал голубые глаза.

– Круг, товарищи! – крикнул кто-то с озорством.

Казаки расступились, образовали кольцо. Гармоника залилась голосисто, весело, задорно, но никто не решался выходить на круг первым. И тут из толпы вынырнул Лаврентий. Ударив в ладоши, он прищелкнул пальцами, поднял одну руку над головой, а другую упер в бедро и начал отплясывать, да так, что, казалось, был он весь на пружинах. Виктор и Вьюн переглянулись между собой и, обнажив кинжалы, с ходу пустились в присядку, полетели точно на крыльях вокруг Лаврентия, подзадоривая его еще на большую лихость. А зрители в такт стремительному танцу хлопали в ладоши, выкрикивали:

– Ишь ты! Ишь ты!

Соля узнала Лаврентия, вытаращила на него удивленные глаза.

– Смотри, это же Витин отец! – шепнула она Аминет.

– Верно! – воскликнула подруга. – Откуда он взялся?

Жебрак поднялся на насыпь и оттуда наблюдал, как веселились казаки. Наконец Лаврентий остановился и, тяжело дыша, хотел было прилечь в стороне на траву, но вдруг увидев Жебрака, взбежал по откосу наверх.

– Здравствуйте, Николай Николаевич! – сказал он, виновато улыбаясь и протягивая руку Жебраку.

Тот вскинул брови, непонимающим взглядом уставился на него, потом, громко захохотав, вскричал:

– Эге-ге! Кого я вижу? Лаврентий Никифорович?

– Он самый, – испытывая чувство неловкости, сдавленно проговорил Лаврентий. – Виноват я перед вами, Николай Николаевич! Замордовали меня нечистые души!..

Он отвел взгляд в широкое поле, пустил слезу, и ему показалось, что пшеничные копны запрыгали, заволоклись туманом.

– Ну что уж так? – протянул Жебрак. – Казаку негоже нюни распускать. Расскажите лучше, как вы к нам попали.

Присели на рельс поодаль от гармониста. Лаврентий молчал, понурив голову. Жебрак понимал состояние его души и тоже молчал, давал ему возможность собраться с мыслями. Лаврентий наконец поднял на него глаза, проговорил:

– Дорога к правде не каждому сразу открывается, Николай Николаевич. Другой и туда, и сюда носом ткнется, як цуцэня⁴²³ слепое, покудова найдет ту дорогу. Так и я мытарился⁴²⁴, как

---

⁴²³ **Цуцэня, цуцэнятко, цуцык** – щенок. – прим. Гриня

⁴²⁴ **Мытариться** – Испытывать всевозможные невзгоды, лишения; мучиться. – прим. Гриня

неприкаянный. Просветлело зараз в дурной башке.

Жебрак пытливо взглянул ему в лицо, спросил с улыбкой:

– И надолго у вас просветлело?

– Насовсем! Ей-богу, кажу правду, Николай Николаевич! – горячо заверил Лаврентий.

– А разве я не говорил вам раньше, что правда на стороне Советской власти? – напомнил Жебрак.

– Говорили не единожды, – подтвердил Лаврентий. – Только я тогда не дюже словам вашим доверял, да и за семью свою боялся. Думал так: пойду к красным, а белые тут всех моих – и батька, и жену – повесят. Через то и вихлял. Да... факт на лице.

– Схитрили, значит?

– Эге ж, схитрил.

Далекий артиллерийский гул усиливался. С насыпи хорошо было видно, как за станицей валились снаряды. Все отчетливее слышались пулеметные очереди.

Жебрак положил руку на плечо Лаврентия, сказал по-дружески тепло:

– Хорошо, Лаврентий Никифорович, что вы все же нашли путь к правде. Рад за вас.

– Спасибо на добром слове! – поблагодарил Лаврентий, почувствовав, как стало легче у него на душе.

Из станицы вернулся Воронов. Подъехав к бойцам, он поднял руку, крикнул:

– По коням!

Виктор обнял Соню, прижал к груди, крепко поцеловал в губы. На ее глаза навернулись слезы.

– Ну-ну, не плакать! – ободряюще промолвил Виктор.

– Я не плачу, нет! – сквозь слезы улыбнулась Соня и, помахав рукою, пробормотала торопливо: – До скорой встречи!

Виктор вскочил в седло и поскакал к строившимся в колонны бойцам. Знаменосцы заняли свои места впереди бригады. Воронов подал команду выступить. Сотни двинулись к станице. Поднявшись на насыпь к поезду, сандружинницы помахали платками вслед конникам. Виктор то и дело оглядывался, чтобы еще и еще раз увидеть Соню. Бригада перешла на рысь и быстро скрылась за пеленой густой пыли.

XXI

Красноармейские цепи занимали правый берег Кирпилей и всю северо-западную окраину Тимашевской. Артиллерия противника била из-за крутой излучины правого берега.

Улагаевская кавалерия под командованием генерала Шифнер-Маркевича и полковника Буряка стягивалась к реке, скрывалась за густыми камышами, накапливалась в ярах, лощинах.

Навстречу неприятелю из-за построек вырвалась красная конница, с гиком понеслась в контратаку...

Вскоре, однако, сказалось численное превосходство дивизии Буряка. С подоспевшим ей на подмогу 1-м Уманским конным полком она начала теснить красных к станице, вырвалась к железнодорожным постройкам. Буряку казалось, что красные вот-вот побегут в панике. Но тут белогвардейцы наткнулись на ожесточенное сопротивление 1-го Афипского казачьего полка.

Виктор, заменив раненого командира отделения, зашел с казаками в тыл улагаевцам и атаковал их у вокзала. Ряды неприятеля смешались. Наступил переломный момент. Буряк видел, как 1-й и 2-й Таманские полки, из которых состояла вверенная ему 4-я Кубанская дивизия, таяли у него на глазах. Некоторое время они еще отбивались от нападающей красной кавалерии, а потом попятились, бросились наутек.

Буряк заметался в гуще своих конников. Размахивая саблей, он орал разъяренно:

– Стойте, стойте, бисови души!

Но остановить бегущих было уже невозможно.

Виктор Левицкий оказался рядом с Петькой Зуевым, осадил Ратника и, смахнув обильный пот с лица, улыбнулся. Петька весело подмигнул ему. Не успели они переброситься двумя-тремя словами, как над их головами надсадно просвистел снаряд и взметнул невдалеке огромный столб дыма. Засвистели осколки. Ратник шархнулся в сторону, чуть не сбросив с себя Виктора. Дончак под

Зуевым стал на дыбы. За первым снарядом последовали второй, третий, четвертый.

Красная конница быстро рассредоточилась. Воронов, Жебрак и Демус поднялись на крышу вокзала. Отсюда открывался широкий кругозор. Вдали маячили удиравшие белоказаки. Жебрак направил бинокль в сторону посадки, тянувшейся вдоль железной дороги, заметил там какие-то машины.

«Видимо, враг накапливает силы для нового броска», – подумал он и поделился своими подозрениями с Демусом и Вороновым.

– Похоже, что это броневики, – сказал Демус.

– Если это действительно так, то обстановка осложнится, – с досадой проговорил Воронов. – Ведь у нас, черт побери, нет ни одного броневой снаряда. А картечью их не возьмешь.

Неприятельская артиллерия усилила огонь. Снаряды рвались на окраине станицы и в районе вокзала. Рушились хаты, сараи. Будто подхваченные чудовищным вихрем, в стороны разлетались бревна, камни, доски. Во дворах слышались дикие крики женщин и детворы. Когда огненный шквал достиг наибольшей силы, из-за посадки выкатилось три броневика. За ними двигалась пехота дивизии генерала Казановича. Сквозь грохот взрывов все отчетливее слышалось рычание машин и гулкое, перекатистое «ура».

Покинув наблюдательный пункт, Воронов, Демус и Жебрак направились в свои части, чтобы подготовить их к новой контратаке. В проломе крайней хаты суетился артиллерийский расчет, которым командовал Черноус. Запыленные, мокрые от пота, бойцы напряженно наблюдали за приближавшимися броневиками. Здесь же, в садах и во дворах, за постройками, сосредоточился и Аншамаха со своими чоновцами. Рядом с ним гарцевали на конях Феодосия Тихоновна и Юнька Шмель. Черноус выскочил из пролома, оглянулся и крикнул одному из прислуги:

– А ну-ка, лезь на ту пристройку, будешь оттуда корректировать огонь. Это 1-я и 2-я дроздовские батареи по нас пуляют... прислуга в фуражках с голубовато-белыми околышами. Их немедленно нужно нащупать.

Артиллерист юркнул за хату, быстро вскарабкался на крышу небольшого сарайчика. Первый снаряд разорвался сажень в десяти от впереди идущего броневика. Вражеская машина ответила длинной пулеметной очередью. Изменив прицел, Черноус снова взмахнул рукой:

– Огонь!

Второй снаряд лег в двух-трех шагах от броневика. Забухали соседние пушки. Одновременно застучали пулеметы. Но из-за излучины реки артиллерия противника не переставала бить, и снаряды ее рвались в районе залегших красноармейских цепей. Черноус повернул орудие в ее сторону, установил прицел, скомандовал:

– По дроздовцам – огонь!

Снаряд угодил в дальние камыши, и батарея врага, стоявшая на береговой излучине реки, замолкла.

– Значит, все в порядке.

И Черноус снова направил свою пушку на вражеские броневики, которые, подпрыгивая и покачиваясь на ухабинах, грызались шквальным огнем, но продвигались вперед очень медленно. Пули звонко пощелкивали о рельсы, впивались в глиняные стены хат, дырявили заборы. Подобно мошкаре, на железнодорожную насыпь надвигались белогвардейские пехотные части 1-го Кубанского стрелкового полка Сводно-Кубанской дивизии генерала Казановича, охватывая господствующие над станицей высоты 49 и 73. И вот бронемашины вклинились в расположение красной пехоты. Бой обострился...

Отчаянно, упорно рубились и те, и другие. Лаврентий пустился за дрогнувшими белоказаками и, настигая одного из них, бросил сквозь зубы:

– Брешешь! Не убежишь, кляп тебе в рот!

Удиравший, потеряв папаху, припал к холке лошади, заскулил:

– Бррр-ааа-тоо-ок, брр-р-ра... Я уманский казак!

Лаврентий не слышал его голоса. Он поравнялся с уманцем и наотмашь полоснул его шашкой.

Бабиев, окруженный охранной офицерской сотней, злобно глядел на свою казачью лаву, панически убегающую от красной кавалерии. К нему на взмыленном золотисто-гнедом коне с проточиной⁴²⁵ на лбу подскакал Шифнер-Маркевич.

---

⁴²⁵ Проточина – отметина (примета) лошадей в виде полосы белой шерсти. – прим. Гриня

– Неужели это казаки, генерал? – указав на красные полки вороновской бригады, спросил он в растерянности.

– Сволочи! – выругался Бабиев, еле удерживая в поводу разгоряченного коня, жующего удила и роняющего пену, круто повернул назад и пустился по улице.

За ним помчался и Шифнер-Маркевич. Полы белой его черкески на красной подкладке развевались по ветру, трепыхались как крылья. Следом неслась и его сотня телохранителей.

На западном краю станицы пятилась Сводно-Кубанская дивизия генерала Казановича, теснимая Коммунистическим отрядом и двумя казачьими сотнями, только что прибывшими из Дядьковской.

Командный пост Улагая располагался на небольшой возвышенности в пяти верстах к северо-западу от Тимашевской. Вместе с командующим здесь находились адъютанты, посыльные и английские представители.

Улагай был уверен, что Тимашевская вот-вот прекратит сопротивление – бой уже шел в самой станице. Стрэнг торжествовал. Он то и дело прикладывал бинокль к глазам и рассматривал идущие бои то в одном, то в другом месте станицы, и когда конница Бабиева и Шифнер-Маркевича ворвалась в Тимашевскую, хлопнул в ладоши и громко воскликнул:

– Наконец-то, наконец! Наша взяла! – А потом, повернувшись к командующему, спросил: – Не пора ли нам, генерал, переместиться поближе к станице?

«Пожалуй, уже можно!» – мысленно согласился Улагай, но в это время прикатил Казанович. Поспешно выйдя из автомобиля, он сорвал с себя очки, поднялся к командующему, озлобленный, хмурый.

– Что случилось? – обеспокоенно взглянул на него Улагай. – Докладывайте скорее!

Казанович резким движением надел очки, вытянулся.

– Неудача, господин генерал-лейтенант! – сказал он подавленно. – Моя дивизия понесла большие потери. У большевиков почти все казачьи части! Сражаются они против нас бешено.

Улагай вспыхнул, крепко выругался и, кинув руки за спину, нервно зашагал по площадке.

– Какой позор, какой позор! – воскликнул он гневно. – Пороть их надо, сукиных сынов.

Неутешительные сведения поступили и от Шифнер-Маркевича, и от Буряка. Улагай совсем рассвирепел.

– Мы должны взять Тимашевскую любой ценой! – крикнул он. – Немедленно открыть огонь по станице из всех пушек, ввести в действие авиацию и все резервы.

– Я думаю дать небольшой отдых всем солдатам десанта и произвести некоторую перегруппировку сил, – сказал Казанович.

– Никакого отдыха! – категорически возразил Улагай. – Мы и так слишком долго топчемся па одном месте.

– Да, слишком долго! – подхватил Стрэнг тоном неудовольствия. – Я сказал бы даже, преступно долго. Так нельзя воевать.

Улагай зло покосился на него, велел подать коня и ускакал на передовую.

XXII

Белогвардейцы снова ринулись к Тимашевской. Генералы и офицеры под угрозой расстрела гнали солдат в бой.

Неистово грохотали все батареи. Под прикрытием их огня пехота, кавалерия, броневики предпринимали атаку за атакой. В воздух поднялась вся авиация – три самолета.

– Под Тимашевской Улагай встретился с Бабиевым. Осадив коня на полном скаку, он спросил:

– Что с Брюховецкой, господин генерал? Почему вы не докладываете?

Бабиев вскинул руку к папахе, отчеканил громко:

– Только сейчас получил донесение, господин генерал-лейтенант. Станица взята моей дивизией, но бои пока еще идут на восточной ее окраине.

– Немедленно берите свой полк, – распорядился Улагай, – и направляйтесь в Брюховецкую. Продолжайте там наступление, а мы тут и сами управимся.

– Слушаюсь! – отдал честь Бабиев и, вздыбив скакуна, умчался к своему полку.

Теперь Улагай не отрывался от передовых частей и сам руководил боем. Штурм был настолько стремителен и массирован, что защитники Тимашевской не смогли удержаться на своих позициях. В улицы хлынула улагаевская кавалерия, а вслед за нею понеслись пулеметные тачанки и гранадеры. Сражение уже кипело в центре станицы, у церкви. Выставив огневые заслоны, красное командование отводило свои части за реку Кирпили.

К восьми часам вечера Тимашевская была полностью захвачена улагаевцами. 2-я Кубанская конная дивизия генерала Шифнер-Маркевича в составе Терско-Астраханской бригады, 1-го Терского, 1-го Астраханского конных полков, 2-го Сводного конного полка; 4-я Кубанская дивизия полковника Буряка в составе 1-го и 2-го Таманских полков и Гвардейской конной дивизии завязали новый бой в шести верстах к югу от Тимашевской, у заболоченной речушки Кирпильцы. Однако здесь их атаки начали захлебываться.

Улагай в сопровождении казачьей офицерской сотни лихо скакал за Астраханским полком, кричал что-то своим солдатам и указывал обнаженной шашкой в сторону красных цепей. Но тут вдруг напоролся на дружный огонь Коммунистического отряда, занявшего оборону на берегу реки. Астраханцы вынуждены были повернуть обратно.

Улагай неожиданно попал под пулеметный обстрел. Под ним пошатнулся конь и на полном скаку грохнулся на землю. Вылетев из седла, Улагай шлепнулся в траву – шапка слетела с головы, но он не стал отыскивать ее, а, вскочив на свои длинные ноги, пустился по полю во весь дух. Его охрана частью была уничтожена, частью разбежалась. Улагай не останавливался, растерянно оглядывался. Но вот прямо на него понеслись красные конники. То были чоновцы из Приморско-Ахтарской, внезапно выскочившие из засады. Впереди мчался Аншамаха, а за ним, не отставая, неслись Феодосия Тихоновна и Юнька Шмель.

В глазах Улагая потемнело: люди, лошади, густые камыши поплыли из стороны в сторону, земля зашаталась под ногами... В эту минуту к нему подскочил на белом тонконогом коне здоровенный казак с окладистой бородой. Мгновенно осадив скакуна, он крикнул:

– Сидайте! Швыдче⁴²⁶!

Феодосия Тихоновна вскинула карабин, прицелилась на бешено скачущей Ночке, прозвучал выстрел. Казак судорожно выпрямился и, схватившись за грудь, упал навзничь. Улагай оглянулся на красных конников, вцепился в луку седла, взлетел на коня. Тот шарахнулся в сторону и с быстротой пули унес генерала. Аншамаха сделал по нему несколько выстрелов из нагана, но промахнулся...

* * *

Санитарные дружины разбрелись по полю, отыскивая раненых бойцов. Люба и Соня пробирались с носилками по берегу, покрытому вражескими трупами, убитыми лошадьми: Внезапно до их слуха донесся протяжный стон. Девушки остановились. За вербовым кустом, у самого водоплеска, лежал казак в белой черкеске с серебряными погонами и костяными газырями. Левое плечо и рука у него были залиты кровью. Сандружинницы приблизились к нему. Раненый чуть приподнял голову, остановил помутневшие глаза на девушках, промолвил с трудом:

– Помогите!

– Ой! – в страхе вскрикнула Соня, уронила носилки, попятилась.

Люба не спускала глаз с раненого.

– Помогите!.. Куда же вы? – простонал казак. – Я умираю!..

– Белый! – прошептала Люба, отступая назад.

– Это... это... Василий Бородуля! – сказала Соня испуганным голосом. – Из нашей станицы.

Бородуля понял, чьи это сестры милосердия, заскрипел зубами, выстрелил в них из нагана и потерял сознание. Люба ойкнула, качнулась и тяжело застонала. Соня бросилась к ней, подхватила под руки и, опустив на траву, еще не сознавая, что произошло, спросила растерянно:

– Люба, Любочка, что с тобой?

Только теперь она заметила алое пятно, которое быстро расширилось на груди подруги.

– Люба! – в отчаянии закричала Соня.

---

⁴²⁶ Швыдче – быстрее, скорее. – прим. Гриня

Вокруг – в кустах и у густых камышей – уже гнездились вечерние сумерки, темнело.

* * *

Виктор очень хотел повидать Соню, побыть с нею наедине в этот теплый августовский вечер. Отпросившись у Жебрака, он отправился верхом к санитарному поезду, но Сони там не нашел: она уехала с обозом сопровождать тяжелораненых.

Вернувшись, Левицкий дотемна бродил бесцельно среди бойцов своей сотни, расположившейся группами на отдых вдоль берега Кирпильцов. Всюду шли разговоры о минувшем сражении, и, как всегда, правдивые рассказы переплетались с разного рода небылицами, хлесткими, веселыми. То в одном, то в другом месте слышались взрывы смеха, словно люди не ощущали ни страшной усталости, ни горечи отступления. Особенно людно было около походной кухни, где готовился ужин. У наспех сложенного камышового шалаша горел небольшой костер. Перед костром сидел Демка Вьюн с развернутой газетой в руках. Вокруг стояли казаки, среди которых Виктор увидел отца.

– Вот послушайте, хлопцы, что пишет Фурманов, – сказал Демка и, подвинувшись поближе к огню, прочитал: – «Крымские „дачники“ в районе Сукко получили по заслугам!»

Виктор прислушался.

– «Высаживая свои десанты, – читал Демка, – Врангель твердо верил, что на первые же выстрелы ему сочувственно отзовется все кубанское казачество и поддержит его действия открытым восстанием. Но он глубоко просчитался! Казачество не восстало против Советской власти, а, наоборот, послало лучших своих сынов на защиту родной Кубани от непрошенных гостей, высадившихся у нас в области в двух районах: Приморско-Ахтарской и Сукко. Врангелевцам теперь приходится сражаться против Красной Армии в печальном одиночестве...»

– Под Сукко добре получилось, а как тут будет? – промолвил кто-то угрюмо.

– И тут будет так же! – убежденно сказал Демка. – Турнем генералов в море так, чтобы навсегда забыли дорогу на Кубань.

– Сила большая у них. Если б один Улагай, а то и Хвостиков хвост поднимает.

– А с нами – весь народ! – воскликнул все время молчавший Шмель. – Никакие улагаи и хвостиковы народа не одолеют.

– Правда твоя, хлопец! – одобрительно бросил Лаврентий. – Не одолеют.

Виктор взял его под руку, сказал:

– Пойдемте, батя, посидим трошки...

– Пойдем, сынок, – согласился Лаврентий. – Душу отведем после такого кошмара, разберемся кое в чем... А то на душе такая суматоха, что жить дальше тошно... У тебя-то, сынок, голова крепкая, башка что надо... А вот моя что-то совсем не варит...

– Это вы мне цену набиваете, батя, – улыбнулся Виктор.

Они сели на берегу реки, закурили.

– Знаешь, – снова заговорил отец тем же глухим, утробным голосом, – до сей поры я не пойму, зачем я зарубил безвинного уманца в этом бою? Понимаешь, как он кричал, как просился, чтобы я не губил его, но я не пожалел, полоснул так его шашкой, что чуть ли не до пояса развалил бедолагу. А теперь до сих пор увижается в очах... Принял грех на душу... В его крике было что-то такое... не похоже на то, чтобы он был заклятым нашим врагом. Может быть, он такой же грешник, как и мы с тобой, особенно меня это касается: неприкаянный мытарился то в одну, то в другую сторону. Так, може, и он, не знал, куда свою голову притулить, а со временем и осознал бы свое заблуждение, переметнулся бы до нас, до большевиков, как это сделал я в свое время... Но тут лиха година⁴²⁷, черт меня поднес... помог ему разобраться... По всему видно, у него и ребятенки есть дома, ждут... Как ты думаешь, сынок, почему молчишь? Не надо бы с ним так, не по-людски...

– А если бы вы не зарубили его, то вряд ли он оставил бы вас в живых, – сказал Виктор. – Тут во всех этих делах разбираться было некогда. Не то время для раздумий. Сами же приказывали нам, чтобы никого из супротивников не оставляли на своем пути.

– Оно, конечно, – Лаврентий почесал затылок, – жалко и его, но себя жалче вдвое. А голос у него даже не вражеский был, похоже, что он наш человек...

Покуривая сигарки, они затихли, смотрели в темноту. На душе было тоскливо, гадко...

* * *

После ужина Воронов срочно вызвал к себе супругов Черноус.

– Посоветоваться мне с вами надо, Василий Иванович и Феодосия Тихоновна, – сказал комбриг, когда те вошли в штабную палатку, освещенную двумя сальными свечами.

– Слушаем вас, Елисей Михайлович, – ответил Черноус.

Воронов прикурив от огонька свечи, сел за маленький столик, стоявший под парусиновой палаточной стеной, и, пригласив вошедших садиться, приподнял палец.

– Дело тут очень серьезное и сугубо секретное, – предупредил он. – Только что я совещался с командирами и, по рекомендации товарища Жебрака, обращаюсь к вам, Василий Иванович и Феодосия Тихоновна. Нам нужно послать разведчика в Приморско-Ахтарскую.

– С какой целью? – спросил Черноус.

– Мы должны добыть сведения о резервах Улагая, оперативные планы и документы штаба десантных войск, – сказал Воронов. – Товарищ Жебрак заверил меня, что вы можете подобрать надежного человека из ахтарцев. Он называл Аншамаху...

– Аншамаха отпадает, – возразил Черноус.

– Почему?

– Он не вернулся с поля боя, – пояснила Феодосия Тихоновна. – Белые захватили его в плен.

Заметив, как на лица Черноусов набежала горестная тень, Воронов спросил:

– Хороший боец?

– Цены ему нет! – вздохнула Феодосия Тихоновна.

– Кто же теперь командует его отрядом?

– Я, – ответила Феодосия Тихоновна, – его заместитель.

– А, кроме Аншамахи, нет ли у вас другой подходящей кандидатуры, кому можно было бы поручить это ответственное дело? – спросил Воронов, попеременно глядя на собеседников.

– Юньку Шмеля можно послать, – предложила Феодосия Тихоновна.

– Слишком молод, горяч парень, – сказал Черноус не совсем уверенным голосом.

– Значит, не пойдет. Нужен такой, который, как говорится, поцеловал куму, да и губы в суму – сноровистый, смелый, осторожный хлопец, – пояснил Воронов.

Черноус вдруг вспомнил, что Аншамаха как-то рассказывал о размещении ставки Улагая в доме Копотя, и сказал:

– Все же ты, мать, права. Остановимся на Шмеле! Лучшего нам не найти. К тому же, там у него есть дивчина, падчерица Копотя: она наверняка поможет ему добыть нужные сведения.

– Позовите его ко мне, – распорядился Воронов.

* * *

В штабе Сводно-Кубанской дивизии за столом сидели Улагай и Казанович. Тут же находились Шифнер-Маркевич и Буряк.

Конвойные втолкнули через порог Аншамаху со связанными руками. Лицо у него было в синих кровоподтеках, ссадинах. Остановившись посреди просторной комнаты, он широко раздвинул ноги, в упор посмотрел на генералов.

Улагай откинулся на спинку стула, взглянул на него из-под насупленных бровей, забарабанил пальцами по столу.

– О, в синяках!.. Кто же это тебя так, братец, немилосердно? Неужели наши ребята переусердствовали?

– Ваше превосходительство, – снова заговорил офицер, – он пытался сопротивляться. Пришлось немножко пыл унять.

– Вижу, – сказал Улагай, скрестил на груди руки и, откинув назад голову, прибавил с

кавказским акцентом: – В английских ботинках и обмотках... Откуда это у тебя, братец?

– Видать, выдали в армии недавно, – ответил за него офицер. – Еще совсем новые.

Аншамаха молчал, отвернувшись к окну. Улагай встал, заглянул ему в лицо, поднял двумя пальцами подбородок, обошел вокруг и, толкнув войлочную шляпу, висевшую за спиной, пренебрежительно бросил:

– Теперь, кажется, я узнаю! Особенно шляпа мне запомнилась.

Аншамаха стиснул челюсти, тяжело дышал...

– М-да... – промычал Казанович, взвинчивая свои широкие усы. – Видно по всему – коммунист!

Улагай положил руки на спинку стула, на котором только что сидел, и, держа его на двух задних ножках перед собой, снова обратился к пленному:

– Так что же это ты, голубчик, значит, увлекся погоней и позабыл про живот⁴²⁸ свой. Тебе очень хотелось заполучить живого генерала!

– Шкуру надо сдирать с таких! – подхватил Буряк.

– Ваше превосходительство, – офицер опять обратился к командующему, – смею вам доложить: войсковой старшина Копоть, атаман Приморско-Ахтарской, просил у нас этого негодяя. Он хочет совершить над ним публичную казнь перед казаками станицы.

– Не возражаю! – садясь на свое место, ответил Улагай. – Это неплохая идея.

Конвойные подхватили пленного, поволокли за дверь. Улагай сурово нахмурил брови.

– Вот вам, господа, довольно характерный пример отношения кубанцев к нашему десанту, – сказал он раздраженным тоном. – А мы рассчитывали на них, как на каменную гору.

– М-да... – Казанович сорвал с носа очки и усердно принялся протирать их носовым платком. – Я не узнаю кубанцев. Страшно даже подумать о том, что произойдет, если здесь, как в Северной Таврии, сорвется мобилизация.

– Она уже сорвалась! – сердито бросил Шифнер-Маркевич и, заложив руки за спину, резко зашагал у стены. – Мы стоим перед фактом деморализации своих частей.

– Не паникерствуйте, господин генерал! – метнул на него Улагай бешеный взгляд. – Да, да, да! Нам нужна железная дисциплина в этот момент, сплоченность, а не нытье. Я повторяю – дисциплина и еще раз дисциплина!

Шифнер-Маркевич сел в кожаное старинное кресло, ответил:

– Я понимаю ваше раздражение, господин генерал. Вам нежелательно участие подлинно казачьих генералов в руководстве десантом. Потому-то вы и считаете нас паникерами.

Улагай уставил на него вспыхнувшие глаза:

– Это вы себя считаете подлинным казаком?

Шифнер-Маркевич переглянулся с Казановичем и, упираясь ладонями в подлокотники, вдруг вскричал:

– Вы не намекайте! Кровь моя чиста. Казачья кровь!

– Вот именно! – подняв палец, съязвил Улагай. – Казачья! Молчите лучше. Я свою кровь, черкесскую, не отрицаю. Советую и вам не гнушаться своими предками. Мы с вами лишь только приписаны к казакам.

– Меня никто не приписывал! – сказал Шифнер-Маркевич и отвернулся.

– Не понимаю, – стараясь умиротворить ссорившихся, выразил свое недовольство Казанович, – какими соображениями руководствовался генерал Филимонов, когда заверял барона Врангеля в антибольшевистской настроенности казачества?

– Это мнение разделяли многие политические деятели, – сказал Улагай. – Если говорить откровенно, то и я верил в поддержку нашего десанта казаками Кубани. Очевидно, мы недооценили те сдвиги, которые произошли в их сознании за последнее время.

– Не хотите ли вы сказать, господин генерал, что им пришлись по душе и идеи большевиков? – едко спросил Шифнер-Маркевич.

– Во всяком случае, симпатии казаков явно не на нашей стороне, – ответил Улагай. – В этом мы убедились в первом же столкновении с населением кубанских станиц и хуторов. Закрывать глаза на это обстоятельство не будем. Положение надо исправлять!

– А тут еще и в Сукко у Черепова полное поражение, – сказал Буряк, вытирая платочком вспотевшую тучную шею.

– Я считаю, что ошибка наша заключается в том, что мы слишком либеральны к кубанскому населению, – заявил Шифнер-Маркевич. – До сих пор мы существенно не пополнили десантные части мобилизованными казаками. Никаких новых формирований не создали.

– Вы правы, – согласился с ним Улагай. – Кстати, сейчас в Феодосии формируется новый отряд генерала Харламова. – Улагай остановил взгляд на Буряке, распорядился: – Вам, господин полковник, придется выехать туда и помочь генералу в комплектовании воинских частей. Сегодня же отправляйтесь самолетом. Командование дивизией передайте своему заместителю.

Буряк вскинул руку под козырек, ответил:

– Слушаюсь!

XXIII

Шмель ехал полем, подалее от дороги. Вихрь шел под ним размашистой иноходью. Позади остался хутор Добровольский, находившийся в сорока верстах от Приморско-Ахтарской. Время от времени Юнька останавливался, прислушивался к ночным шорохам, потом мчался дальше. Мысли его все чаще и чаще обращались к Марьяне, к предстоящей встрече с ней.

А конь летел и летел по ровному полю, залитому лунным светом. Под его ногами шуршала стерня, мимо мелькали черные копны немолоченой пшеницы.

Наконец на невысоком голом бугре показался хутор Изюмный. Оставив там Вихря у своего дяди, Шмель сразу же выбрался из хутора. Ночной туман лежал в ярах и на небольшом болоте, расположенном рядом с Изюмным.

Минут через сорок Шмель приблизился к окраине Приморско-Ахтарской. Здесь, в родной станице, он знал каждую кочку, каждую выбоину, все уголки. Вот неглубокая балка, протянувшаяся через выгон к саду старого станичного кузнеца. По ней Юнька добрался до плетня и скрылся под деревьями. Где огородами, где садами, боясь всполошить псов, он осторожно пробирался к центру станицы. Особенно опасно было пересекать улицы, где в предательском свете луны каждый предмет выделялся очень четко. Юнька зорко следил за черными силуэтами постовых, маячивших кое-где на перекрестках улиц, и выждав подходящий момент, бесшумно перебежал открытые места.

У двора Копотя прохаживались двое часовых, со стороны сада дом тоже охранялся. Юнька сидел за плетнем в соседнем дворе и ломал голову над тем, как приблизиться к окну Марьяны.

Внезапно с улицы донесся оклик часового:

– Стой, кто идет? Пароль?

– Кубань.

– Проходи.

Скрипнула калитка. Послышался стук кованых каблучков о ступеньки крыльца, и снова наступила тишина.

В голове Юньки созрел дерзкий план. Он выскользнул на улицу, двинулся прямо на часовых. И все вышло так, как он думал. Прозвучал окрик часового. Юнька остановился, назвал пароль.

– Проходи! – разрешил часовой.

Юнька вошел во двор, обогнул угол дома и проник в сад. Вот и окно в комнату Марьяны. Затаив дыхание, Юнька приложил ухо к стеклу. И вдруг подумал встревоженно: «А если Марьяны нет тут? Если на кого из постояльцев нарвусь?» Где-то в глубине сада хрустнула ветка, послышались шаги. Юнька выхватил из кобуры наган и, прижавшись плечом к стене, дважды легонько стукнул пальцем в стекло. Выждав немного, повторил стук.

Окно тихо отворилось, и в нем показалась Марьяна с распущенными косами, в ночной сорочке. Узнав Юньку и мгновенно поняв, какому риску он себя подвергает, она прошептала, заикаясь от волнения:

– Л... лезь в окно! Б-быстро!

Протянула руку. С ее помощью Юнька перемахнул через подоконник. Марьяна прикрыла окно и лишь теперь вспомнила, что она полураздетая, сказала стыдливо:

– Отвернись. Я сейчас...

Юнька закрыл глаза руками. Марьяна быстро надела платье, поправила волосы, подошла к нему. Он обнял ее, поцеловал в горячие губы.

Мимо окна проплыл огонек сигарки. Марьяна схватила Юньку за руку, потянула за собой, прошептала:

– Юня, мне страшно... Зачем ты здесь?

Юнька снова привлек ее к себе и, припав щекой к ее щеке, сказал:

– Я в разведке.

– А если схватят? – ужаснулась Марьяна.

– Не думай про то, – шепнул Юнька.

И он в кратких словах рассказал, зачем прибыл в станицу, попросил помочь ему. Уверенный его тон подействовал на Марьяну успокоительно, и хотя душа ее трепетала от страха, она пообещала сделать все, о чем попросил ее Юнька, понимая, что жизнь любимого и успех порученного ему дела теперь зависят только от нее.

* * *

Загорелось кроваво-багровое утро. В Приморско-Ахтарской было шумно и тревожно. По улицам к пристани тянулись обозы с хлебом, реквизированным в станицах и хуторах, занятых десантными войсками. За обозами брели стада коров, овец, свиней, подгоняемые верховыми гонщиками. И хлеб, и скот непрерывно грузились на баржи, стоявшие у портового причала.

Марьяна встала пораньше. Вытащила из колодца ведро воды, взяла веник и приступила к уборке в штабной комнате. К ней вошла мать, проговорила:

– Давай помогу тебе, доченька.

– Нет, нет, я сама! – сказала Марьяна. – Иди, мамочка, готовь завтрак.

Нина Арсеньевна постояла немного и пошла на кухню. В коридоре повстречала жену генерала Филимонова, поздоровалась с ней. Зинаида Ивановна проследовала на крыльцо, подобрала подол цветастого халата и, спустившись во двор, направилась в сад.

Марьяна заглянула в штабной кабинет, который находился тут же рядом, за дверь. Командующий был на фронте. В ставке сейчас дежурили одни лишь телефонисты, сидевшие в небольшой комнатухе, примыкавшей к прихожей, и от нечего делать резались в карты.

Марьяна подошла к окну и сквозь кружевную гардину посмотрела на улицу. У ворот по-прежнему стояли часовые. Волнуясь, чувствуя, как дрожат колени и трясутся руки, Марьяна приблизилась к стене, на которой висела небольшая занавеска, робко подняла угол и тотчас отдернула руку: оперативной карты не было. Глаза Марьяны растерянно заметались по комнате. Забыв об опасности, она бросилась к шкафу, но он оказался запертым. Заглянула во все ящики стола, однако и в них ничего не нашла.

Неудача страшно огорчила Марьяну. Наспех, кое-как она смахнула пыль с подоконников, со стола, вытерла влажной тряпкой листья фикуса, подмела пол и, выйдя из комнаты, заперла дверь.

* * *

Филимонов остановился на крыльце. На нем была расстегнута нательная рубашка, заправленная за пояс темносиних брюк с широкими красными лампасами, и мягкие шевровые сапоги. Он поискал глазами жену и, заметив ее в саду на скамейке, хотел было уже присоединиться к ней, но за спиной раздались чьи-то шаги. Генерал повернул голову и увидел Копотя. Атаман раскланялся перед ним, пожал руку и рассказал о доставленном в станицу Аншамахе, которого он решил публично казнить на площади.

– Надо, надо хоть одного негодяя вздернуть для острастки, – сказал Филимонов. – Пусть день-другой поболтается в петле, чтоб казаки увидели, как мы караем большевиков... Только заранее не говорите об этом Зинаиде Ивановне – она против всяких репрессий.

– Ты смотри, какая сердобольная! – удивился Копоть.

– Женщина, – развел руками Филимонов.

– Я уже распорядился ставить виселицу, – шепнул Копоть. – Перед церковью.

– Зачем виселица? – возразил Филимонов. – Там же деревьев много. На суку его – и делу конец!

– Можно и на суку, – согласился Копоть.

* * *

Церковная площадь была запружена ахтарцами, согнанными сюда по приказу атамана. Толпа гневно гудела. В улицах, закрывая выходы с площади, выстроились ряды вооруженных верховых.

Из церкви в золотистой ризе с крестом в руке вышел поп, остановился невдалеке от веревки, спускавшейся почти до земли двумя концами с ветки акации.

В проходе, образованном двумя шеренгами белогвардейцев, показались Копоть, Филимонов, Стрэнг и Вокэр.

– Можно вести, ваше превосходительство? – обратился атаман к генералу.

– Ведите! – кивнул Филимонов.

Копоть махнул рукой сотнику, стоявшему на крыльце правления. Толпа притихла. Взгляды тянулись в ту сторону, откуда должны были вести на казнь хорошо известного всем ахтарцам Аншамаха.

Прошло несколько минут. Филимонов нетерпеливо поглядел на часы, обернулся к Копотю:

– В чем дело, господин атаман?

Копоть недоуменно пожал плечами и хотел было отправиться в правление, чтобы выяснить причину задержки, но в это время к нему подбежал сотник и ошалело сообщил, что Аншамаха бежал.

– В кутузке никого нет. Дымоход в печи разобран... На горище⁴²⁹ в конюшню... Уворован конь вот их превосходительства, господина генерала Филимонова.

– Что? – гневно затрясся Филимонов. – Мой Метеор? А где же были дежурные? Спали?

– Тот, что дежурил, видать, убег. Не нашли, ваше превосходительство!

– Куда ж вы, негодяи, смотрели! – заорал Копоть.

– Черт его знал, – пожал плечами сотник. – Никак не надеялись на ёго, ваше высокоблагородие. Дюже квельый был... лежал на полу после нашей обработки, как плеть! А он, каналай⁴³⁰, видать, притворялся.

Весть о бегстве Аншамахи уже передавалась из уст в уста, летела по всей площади. Ахтарцы зашумели, загомонили весело.

– Выпорите всех дежурных, всех до единого! – бушевал Филимонов.

Поп поспешно юркнул в калитку церковной ограды. Копоть, как очумелый, громко закричал:

– Раззз-ззой-ди-и-ись!

Ахтарцы медленно потянулись в улицы.

XXIV

Во второй половине дня Улагай и полковник Гейдеман вернулись в ставку. Одновременно в воздухе появился английский аэроплан. Сделав два круга над Приморско-Ахтарской, он сел на Шамрайском поле. Командующий выслал к нему автомобиль.

Вскоре машина подкатила к штабу. На крыльцо вышли Филимонов и начальник штаба Драценко. Перед ними предстал связной генерала Хвостикова, унтер-офицер Гусочка. Он приложил руку к заломленной каштановой папахе с кумачовым верхом, расшитым серебряным позументом, и, оттягивая в сторону левую полу темносиней черкески так, чтобы были видны его красные, как жар, широкие галифе, воскликнул:

– Здрав желаю, господа енералы!

– Здравствуйте, господин унтер, – ответил Драценко и поинтересовался: – С кем имею честь познакомиться?

– Я кульер главного командующего «армией возрождения России» енерала Хвостикова, –

---

⁴²⁹ **Горище** – нежилое помещение между верхним перекрытием и крышей со скатами, чердак. – прим. Гриня

⁴³⁰ **Каналия, каналья** – мошенник, плут, бестия, пройдоха; низкий, презренный человек, собака. – прим. Гриня

доложил Гусочка.

– Очень приятно, господин «курьер», – сказал Драценко. – Добро пожаловать.

Улагай сидел за столом и просматривал списки мобилизованных казаков. Увидев его, Гусочка отдал честь и, выпячивая тощую грудь, выкрикнул:

– Здрав желаю, ваше превосходительство!

Улагай изучающе строго смерил глазами вошедшего.

Гусочка достал из внутреннего кармана пакет, скрепленный сургучовой печатью, и протянул его Улагаю:

– Дозвольте передать вам, ваше превосходительство, засекрванное⁴³¹ письмо от енераля Хвостикова!

Улагай вскрыл пакет, прочитал следующее:

Командующему Группой особого назначения генерал-лейтенанту Улагаю

В своей реляции от 14 августа сего года Вы сообщаете о высадке войск в районе станицы Приморско-Ахтарской и местечке князя Лобанова-Ростовского. Наряду с этим указываете, что главным направлением этих десантов будет город Екатеринодар.

После занятия оного Вы намерены совместно с делегатами Крымской рады провести съезд в вышеупомянутом городе.

Здесь же обвиняете меня в том, что я слишком медленно продвигаюсь вперед: даже приказываете мне повести самое решительное наступление в глубь области с таким расчетом, чтобы мои войска одновременно прибыли бы в Екатеринодар с Вашими.

Смею Вам заявить, господин генерал-лейтенант, что Ваш повелевающий тон мне совсем не нравится. Я буду действовать только по своему усмотрению, то есть так, как позволят мне военные обстоятельства.

С уважением главнокомандующий «армией возрождения России» генерал-майор **Хвостиков.**

18 августа 1920 года.

Улагай был возмущен дерзким тоном письма и неприкрытой тенденцией Хвостикова к самоуправству. Хмуро взглянув на Гусочку, он сказал:

– Хорошо. Вы свободны.

– Ваше превосходительство! – Гусочка снова приложил руку к папахе. – Мне велено побывать у вас на передовой, поглядеть, что там делается.

«Только тебя там еще не хватало!» – подумал Улагай и вслух ответил:

– Я подготовлю письмо генералу Хвостикову, а вы можете идти отдыхать!

Гусочка вышел в коридор, где взад и вперед сновали штабисты, остановился перед приказом по Группе особого назначения за № 4 от 20 июля 1920 г., висевшим на стене, начал читать. Губы его заметно шевелились, и он одолевал строчку за строчкой. Наконец брови его сошлись почти к переносице, лицо вытянулось от удивления. Дважды перечитав то место, где за грабеж предусматривалась высшая мера наказания – расстрел, он усмехнулся и, пощипывая жидкую рыжую бороденку, хмыкнул про себя:

«Гм! Какой же это дурак воевать будет, ежели ни у кого ничего взять нельзя? – Он почесал затылок, поджал губы: – Расстрел... А за шо? Какой же это грабеж, коли у гамсела свинью чи там корову забрать? – И протестующе махнул рукой: – Брехня все это!» Мельком взглянул на массивное золотое кольцо с бриллиантом, украшавшее указательный палец правой руки, он пощупал что-то на груди в кармане черкески и вдруг почувствовал, что сзади кто-то крепко стиснул его локоть. Гусочка резко обернулся и увидел Копотя.

– Э, так это вы, Никита Гаврилович?

– Я, Иван Герасимович, – захохотал Копоть. – Какой сюрприз, какая встреча!

Гусочка указал глазами на приказ, серьезным тоном спросил:

– Уже расстреливали?

---

⁴³¹ Засекрванное – секретное. – прим. Гриня

– Кого? – не понял Копоть.
– По этому приказу? – пояснил Гусочка.
– Некого расстреливать, – сказал Копоть. – Солдаты здесь все дисциплинированы.
– Плохой приказ! – поморщился Гусочка. – Здря вы его вывесили. Дюже строго... Ить у солдата живости не будет, пропадет охота воевать.
– А у Хвостикова как? – спросил Копоть.
– Боже мой! – воскликнул Гусочка и, высоко занеся руку над головой, поправил папаху. – Коли б твоя охота! У нас все дозволено.
– Ну и у нас так! – доверительно сообщил Копоть.
– А приказ?
– Для пущей важности.
– Понимаю! – довольно ухмыльнулся Гусочка. – Тогда другое дело.
Копоть обнял его за плечи.
– Так что ты не беспокойся, Иван Герасимович, – добавил он, сияя озорной цыганской улыбкой. – Что с бою взято, то свято.
– А где ето Василь Бородуля, что не видать его? – вдруг спросил Гусочка. – Он же тут при Улагае в адъютантах ходит.
Копоть тяжело вздохнул:
– Забывайте, Иван Герасимович, про Васю, про моего крестника.
– Как ето надо понимать? – Гусочка озадаченно вылупил на него зеленоватые глаза.
– Под Тимашевской погиб. Нет больше Васи.
Гусочка перекрестился:
– Царствие ему небесное.

* * *

К Улагаю прибыли полковник Скакун и хорунжий Рябокоть. Командующий проворно встал, шагнул им навстречу:
– Каковы успехи, господа? – спросил он нетерпеливо.
– Да вроде неплохие, – ответил Скакун. – Загуби-Батько занял Гривенскую вчера утром.
– Прекрасно! – воскликнул Улагай. – Это уже большая победа.
– А Василий Федорович Рябокоть, – полковник указал на хорунжего, – овладел хуторами Лебединским, Лимано-Курчанским и Могуковоро-Гречаным. Мои хлопцы заняли Волошковку.
– Чудесно! – Улагай пожал руки полковнику и хорунжему. – Приношу вам глубокую благодарность, господа.
– Спасибо, ваше превосходительство, – поблагодарил Скакун.
– А как обстоят дела с мобилизацией, Сергей Фомич? – спросил Улагай.
– В занятых пунктах мы сразу же сформировали два казачьих пластунских батальона. К ночи они будут здесь, в Приморско-Ахтарской, – ответил Скакун усталым голосом.
Улагай пригласил посетителей садиться и, когда те заняли диван, поинтересовался:
– Как отнеслись казаки к нашей мобилизации? Не сопротивлялись?
Скакун мельком взглянул на Рябокотю, уставившегося в пол своими неподвижными глазами, потом, растягивая слова, проговорил:
– Что можно ответить на этот вопрос, Сергей Георгиевич? Не совсем охотно идут казаки в нашу армию, не так, как мы ожидали.
– Прячутся, сукины дети! – возмутился хорунжий, приподнимая тяжелый взгляд на генерала. – Многих взяли мы в плавнях, на кошах. Знаем тут все их тайники – сразу понаходили.
– Но с ними надо быть осторожными, – предупредил Улагай. – Ни в коем случае не применять репрессии.
– Это уж там как придется, – сказал Скакун. – Злостных не так много.
– Надо бы всех этих мобилизованных казаков посадить на коней, – сказал Улагай.
– Красные угнали с побережья почти что всех рабочих лошадей, ваше превосходительство, – хмуря брови, ответил Рябокоть.
– Я об этом знаю, – сказал Улагай и, открыв дверь в соседнюю комнату, позвал: – Владимир

Константинович, зайдите ко мне.

Явился Гейдеман.

Улагай, указав на своих посетителей, сообщил:

– Вот полковник Скакун и хорунжий Рябоконь. Вы займитесь ими. Они принесли нам радостные вести.

Гейдеман козырнул, попросил Скакуна и Рябоконя пройти в боковую комнату. Когда те удалились, Улагай пригласил к себе Драценко.

– Проект плана дальнейших операций закончили? – холодно спросил он.

– Заканчиваем, – скупое доложил Драценко.

– Постарайтесь не задерживать, – предупредил Улагай. – Сегодня же мы должны рассмотреть его.

* * *

Гликерия Семеновна Шмель возвращалась домой от вечерни. Не знал Юнька, что мать, опасаясь за его жизнь, тайком ходила в церковь молиться богородице и долго бормотала перед иконой: «Под твою милость прибегаю, пречистая, молений моих не презри и избави сына моего от бед, едина чистая и благословенная». Молилась, а тревога о сыне не покидала ее. Теперь она спешила домой, хотела поскорее узнать, как там...

У двора Копотя ей встретила Нина Арсеньевна. Поздоровались, присели на скамью недалеко от часового, стоявшего у калитки. В молодости они дружили, веряли одна другой самые сокровенные свои тайны. Сейчас Гликерия Семеновна не находила, о чем говорить со старой подругой, и слишком велика была в ее сердце обида на Копотя, который грозил ее мужу расправой. Нина Арсеньевна почувствовала эту отчужденность, опечаленно сказала:

– Меня-то чего сторонишься, Семеновна? Подневольная я у Никиты. Зверь он, как есть зверь. Надумал своего станичника вешать перед народом. – Вздохнув тяжело, она добавила: – Недаром говорится: ежели бог хочет наказать кого, то прежде разум отнимет.

– Правда твоя, Арсеньевна, – проговорила Гликерия Семеновна. – Больно мне за людей. Как Никита над ними издевается!

– Я-то при чем? – всхлипнула Нина Арсеньевна. – Самой впору хоть в петлю...

Из-за угла вышел подвыпивший Копоть. Нина Арсеньевна забеспокоилась, шепнула:

– Идет Никита.

Копоть остановился около женщин, узнал Гликерию Семеновну. Лицо его побагровело, густые нависшие брови насупились, в глазах вспыхнули огоньки бешенства.

– А ця, така-сяка большевичка, чего тут? – закричал он и ударил Гликерию Семеновну кулаком по голове.

Та вскрикнула и, прикрываясь руками, взмолилась:

– За что, Гаврилович? За что?

Нина Арсеньевна заслонила ее собой, крикнула мужу:

– Не надо, Никита! Не смей!

Но Копоть не унимался. Оттолкнув жену, он продолжал наносить удары... И вдруг обмяк: кто-то крепкой рукой схватил его за шиворот. Копоть судорожно оглянулся и увидел Гордея Шмеля.

– С бабами воюешь, атаман? – прохрипел ему в лицо обиженный сосед. – Бога ты не боишься.

– Пусти! – выдохнул Копоть и тут же пригрозил: – Ну, счастье твое, что при мне сейчас нет никакого оружия.

Шмель отодвинул его к забору, взял жену за руку и направился с нею домой.

* * *

День угасал. Марьяна так и не сумела выполнить поручения Юньки. Она знала, что Юнька ждет ее, что надеется получить схему расположения вражеских войск, узнать их численность и направления основных ударов. Он говорил, что все эти данные нанесены на оперативную карту штаба, но карты не оказалось на месте, и Марьяна испытывала чувство досады и горечи от

постигшей ее неудачи.

Марьяна с нетерпением ждала ночи. Она знала, что только сейчас в кабинете Улагая закончилось какое-то совещание, на котором присутствовали все штабные офицеры и многие командиры частей. И Марьяна решила попытать счастья во второй раз. Ей было известно, что командующий остался в ставке и находился с женой в отведенной им комнате, а раз так, то карту, может быть, не снимут со стены. Она приложила ухом к запертой двери, за которой находился кабинет Улагая, и вдруг услышала разговор. Наполнив графин свежей водой, она поставила его на поднос и вошла в зал.

Улагай сидел за столом, тут же, с противоположной стороны, занимали два кресла Драценко и Гейдемай.

– Я принесла вам холодной водички, – ставя графин и стакан на стол, сказала Марьяна.

– С удовольствием, – ответил Драценко.

Марьяна удалилась. Она видела карту, висевшую на стене, испещренную цифрами, красными и синими стрелами. Видела, как сквозь туман, настолько все ее существо было охвачено волнением. Вернувшись в свою комнату, она немного воспрянула духом.

В открытое окно влетел чей-то гомон. Не зажигая лампу, Марьяна посмотрела в сад и тотчас отпрянула назад. В нескольких шагах от окна, в тени сиреневого куста, на скамейке, сидели Вокэр и Стрэнг. Положив ногу на ногу, Стрэнг слушал Вокэра, который оживленно что-то рассказывал на английском языке. Стрэнг изредка задавал ему какие-то вопросы.

Марьяна наблюдала за ними. Видимо, Вокэр сказал что-то неприятное, потому что Стрэнг, обозленно бросив несколько фраз, дважды стукнул себя по колену. Вокэр тоже повысил голос, вынул из планшетки тонкую тетрадку, передал ее Стрэнгу. Тот полистал ее. С минуту молчали, потом Стрэнг спросил о чем-то. Вокэр кивнул и, достав из той же планшетки сложенный лист бумаги, быстро развернул его на коленях. Это была географическая карта. Марьяна почувствовала, как кровь прилила к ее лицу.

«А что, если попробовать?» – подумала она, все больше проникаясь решимостью осуществить зародившийся план.

Вокэр сложил карту, взглянул в сторону окна и увидел Марьяну.

– О, привет! – воскликнул он и помахал рукой.

Марьяна высунулась до пояса из окна, улыбнулась.

Вокэр расцвел радостью, сунул карту и тетрадку в планшетку и, бросив несколько слов Стрэнгу, направился к окну.

* * *

В тот же вечер, когда в доме Копотя все утихло, Марьяна тайком отправилась к Шмелям. Остановившись у их двора, она с минуту озиралась – нет ли кого поблизости, затем юркнула в калитку.

Старик отвел ее в сарай, и там, за сложенными в штабель кизяками, она увидела Юньку.

– Есть что-нибудь? – спросил он, схватив ее за руку.

Марьяна с дрожью в голосе рассказала о постигшей ее неудаче.

– Ну что ж, так и доложу начальству, – сказал он и, обняв Марьяну, предупредил: – Ты больше не рискуй. Я попытаюсь разузнать другими путями.

– Не волнуйся, Юня! – Марьяна успокаивающе погладила его по щеке. – Подожди до утра. Мне кажется, эта ночь будет удачной.

– Что ты придумала? – насторожился Юнька.

– Потом все узнаешь.

– Нет! – возразил Юнька. – Не тяни за душу! Нам нужно все обсудить.

– Понимаешь, – Марьяна припала к нему, – офицеры решили отметить взятие Тимашевской и сегодня собираются в Купеческом саду.

– А ты-то при чем тут? – недоумевал Юнька.

– Я буду танцевать там.

– Копоть посылает?

– Нет, самохотно.

Юнька совсем растерялся.

– Зачем тебе это? – вырвалось у него с укором.

Марьяна посвятила его в свой замысел.

– Так это же здорово придумано! – воскликнул Юнька и прижал Марьянину руку к своей груди.

– Придумано, но еще не сделано, – сказала Марьяна. – Вдруг ухаживатель заподозрит.

И снова на душе у Юньки стало тревожно. Марьяна поцеловала его.

– Будем надеяться на лучшее, Юня.

XXV

Гулянье в Купеческом саду началось после краткого вступительного слова, с которым обратился к собравшимся начальник штаба десантных войск Драценко.

Выйдя на авансцену, он сказал:

– Господа офицеры, дорогие гости! Вчера, то есть восемнадцатого августа, в двадцать часов, наши доблестные экспедиционные войска овладели узловой станцией и станицей Тимашевской!

Раздались бурные рукоплескания, крики «ура». Музыканты подняли начищенные медные трубы и заиграли «Славься, славься». Все встали. Потом оркестр умолк, зрители заняли свои места, а Драценко продолжал:

– Таким образом, в наших руках оказался стратегически важный ключ к Екатеринодару. Мы отбросили противника за реку Кирпили, и недалек тот час, когда наши храбрые солдаты с триумфом войдут в город Екатеринодар!

Снова вихрь аплодисментов, крики «ура», «слава».

Поздравив офицеров и всех присутствующих с победой, Драценко объявил гулянье открытым.

Гусочка сидел во втором ряду скамеек со своей дамой, с которой он успел познакомиться перед началом гулянья. Дама приехала на Кубань вместе с десантом, как и многие другие беженцы, и жила теперь у своей сестры в Приморско-Ахтарской, ждала освобождения Екатеринодара, чтобы вернуться домой. Рядом с нею помещалась вдова погибшего статского советника. В загородке на скамейках в ожидании певицы все вели себя оживленно, шумно. Гусочка держал даму за руку и, заглядывая ей в лицо, говорил:

– Вы, Марфа Емельяновна, можете не сумлеваться: Катеринодар через день-другой будет в наших руках. И вы поедете домой.

– Так-то и поеду, – сказала Марфа Емельяновна. – Вашими бы устами да мед пить!

– Поедете, Марфа Емельяновна! – твердо заявил Гусочка. – Мы теперички не то, шо были при Деникине. Техника у нас вон яка! На еропланах летаем. Я-то прижухал сюда по воздуху – на английском ероплане. Не успел оглянуться – и тут!

Марфа Емельяновна улыбнулась и, следя за тем, как на сцену выкатывали рояль, сказала:

– Но нам-то не легче, Иван Герасимович, что вы «прижухали».

Из-за кулис вышла аккомпаниаторша в черном легком костюме, а за нею – и певица, высокая, худая особа, в пепельном крепдешинном декольтированном платье, на котором было множество оборок. Подойдя поближе к зрителям, она поклонилась им, поклонилась и аккомпаниаторша. Сидевшие на скамейках захлопали в ладоши. Певица объявила название романса, чуть наклонила голову в сторону своей напарницы и, когда та проиграла интродукцию, запела грудным голосом:

Ямщик, не гони лошадей!

Гусочка не прислушивался к голосу певицы, не вникал в смысл романса – его больше всего интересовала ее внешность – нарядное платье и особенно сооружение на голове из каких-то незнакомых ему волос. Он и так и сяк приглядывался к ней, потом наклонился к своей знакомой и, перейдя на фамильярно-дружеский тон, потихоньку спросил:

– А шо то на ей за одеяние такое, Марфуня? Чи порватое так дюже?

Марфа Емельяновна еле сдержала себя, чтобы не прыснуть от смеха, и, закрыв рот платочком, ответила:

– Это у нее платье такое модное. А на голове – парик! Она недавно приехала из Франции. Ну и привезла все это оттуда.

Гусочка шепотом прибавил:

– Яки удалые волосья!

– То у нее парик, – повторила Марфа Емельяновна. – Голова лысая. Вот она и носит теперь чужие волосы. Тоже привезла из Парижа.

Гусочка поставил шашку с дорогой насечкой между ногами, скрестил на ней руки, одобрительно пробормотал себе под нос:

– Это, значит, парик у нее на голове из чужих волосьев. Ач, яка диковина бывает за границей!

В аллеях сада, освещенных фонарями, похаживали парочки, стайками бродили офицеры, местная знать, богачи и прибывшие с десантом гражданские лица.

Гусочка со своей дамой во время антракта тоже прогуливался по центральной аллее. Сегодня он был внимательным кавалером: то и дело доставал из кармана своих красных галифе грецкие орехи, угощал ими знакомую и сам щелкал, хотя зубы у него были не для орехов, но на сей раз его выручали коренные, пока еще державшиеся крепко. Бравый вид придавали ему шашка в золоте и серебре, но без темляка⁴³², который не носили по уставу в казачьих войсках офицеры низшего чина, кривой кавказский кинжал, сиявший насечкой и резьбой, и бульдог в кожаной кобуре, висевшие на казачьем поясе, украшенном серебряным, дорого инкрустированным набором⁴³³. Только вот погоны были бедноваты – всего-навсего унтер-офицерские, но это не столь важно. Главное то, что он «кульер» генерала Хвостикова.

Гусочка в веселом, шутовском разговоре, конечно же, представил себя даме холостым человеком, сказав, что жены у него давным-давно черт ма и что одиночество надоело ему хуже горькой редьки. И он, между прочим, тут же заявил, что мог бы сейчас жениться, коли б попалась подходящая женочка.

– Что поделаешь! – Развел он руками и добавил серьезно: – Не могу подобрать себе подругу.

– Ох, и мастак же вы арапа заправлять, Иван Герасимович! – рассмеялась Марфа Емельяновна. – Кто же вам тогда обеды варит или, скажем, стирает белье?

– Сам! – воскликнул Гусочка. – Это для меня пустяковое дело! Я сам пасусь, сам себя и заворачиваю. Можу и борщ и что завгодно⁴³⁴ сварить. – Он разгрыз орех, отдал зерно даме, прибавил с сожалением: – Оно, конечно, с жинкой было бы куда спокойнее. Сварил это я недавно галушки и поставил в миску с водой, чтоб немного прохладились – я ем все холодное, привык так. Пока я то, а Дурноляп галушки выто... Выел все и чугунок вылизал – це б-то побанил⁴³⁵.

Марфа Емельяновна громко захохотала. Гусочка прильнул к ней, хихикнул:

– Вот токо зничтожим большевиков, ослобоним Кубань – с маху женюсь! Непременно сватов к вам пришлю.

– Ой, не верю! – сказала Марфа Емельяновна. – Это вы сейчас обещаете, а потом забудете про меня, как про паньковы штаны⁴³⁶. Знаем вашего брата.

– А пошла бы за меня замуж? – перейдя на «ты», в упор спросил Гусочка.

Круглые щеки Марфы Емельяновны загорелись румянцем.

– Шутите, Иван Герасимович.

– Нет, я дурить тебя не буду, Марфуня. Душа у меня не такая.

– Если так, то пошла бы.

---

⁴³² **Темляк** – прочная петля из кожи или иного материала, крепящаяся к рукояти и надеваемая на запястье руки, удерживающей оружие для защиты от его потери; здесь – тесьма с кистью, на шпаге, сабле; серебряный темляк – знак офицерского чина. – прим. Гриня

⁴³³ **Набор** – накладные металлические украшения на упряжи, ремennom поясе и т. п. – прим. Гриня

⁴³⁴ **Завгодно** – угодно; желательнo, нужно. – прим. Гриня

⁴³⁵ **Це б-то побанил** – как будто помыл. – прим. Гриня

⁴³⁶ **Паньковы штаны** – пеньковые штаны из конопляного волокна, из грубой мешковины, рабочая одежда самого бедного простонародья. **Забить, как паньковы штаны** – забыть, как что-то абсолютно ненужное; в значении забыть совсем. – прим. Гриня

– Во! И договорились! – ухмыльнулся Гусочка. – Люблю таких!.. Токо обидно тебе будет. Чоловик твой подпоручиком был, а я всего-навсего унтер.

– То не беда, Иван Герасимович, – махнула рукой вдова. – Лучше живой унтер, чем мертвый подпоручик.

– Так, может быть, и ночевать меня пустишь к себе? – снова хихикнул Гусочка. – Закрепить треба нашу уговорку.

Марфа Емельяновна игриво толкнула его в бок.

– Ишь, какой быстрый! – сказала она и, помолчав немного, подмигнула: – Если нравлюсь, то приходи. Я сплю на погребнице⁴³⁷.

– А собаки у вас дюже зли? – на всякий случай спросил Гусочка.

– Нет, – протянула вдова, улыбаясь. – У сестры только один песик – Покат. И тот глухой, как камень. Ничего не слышит!..

* * *

Здесь же, на танцевальной площадке, играла музыка, кружились парочки. Вокэр, опьяненный вином и вниманием Марьяны, вальсировал с нею без устали, потом снова сел за свой столик, сорил деньгами, угощал офицеров коньяком, неизменно провозглашая один и тот же тост: «За милых женщин!».

Копоть, желая выразить свою благодарность Вокэру за внимание к Марьяне, распил с ним бутылку коньяка. И когда эмиссар снова пригласил Марьяну на танец, то уже едва держался на ногах. Девушка отвела его в сторону, сказала:

– Пойдемте домой, господин капитан. А то время уже позднее. Вам надо отдохнуть.

Вокэр пьяно облобызал ее руку, пробормотал:

– О да, мисс! Я люблю вас очень сильно!..

– Смотрите, не потеряйте свою сумочку, – предупредила Марьяна, указывая на планшетку.

– Нет, – промычал Вокэр. – Я не пьяный... Буду еще пить много виски, вино, коньяк...

Марьяна взяла его под руку и поволокла из сада. Вокэр еле удерживался на ногах, спотыкался по дороге, пел какие-то нерусские песни...

Нина Арсеньевна еще не спала. Увидев дочь с пьяным чужеземцем, подумала с беспокойством: «И зачем он тут нужен?»

Марьяна ввела его в дом, усадила за столик в маленькой комнате, смежной с ее спальней, встряхнула за плечи. Вокэр храпел... Из коридора долетел голос Копотя. Затем послышался предостерегающий шепот Нины Арсеньевны:

– Тише! У нас гость.

– Значит, скис? – кивнул Копоть. – Видно, хлипкая душа у англичан насчет водки.

Он помог уложить Вокэра на диван. В дверь заглянула Нина Арсеньевна.

– Может, ему рассолу дать?

– Потом, потом, – сказал Копоть. – Очумается⁴³⁸, тогда можно и рассолу.

Когда отчим и мать ушли, Марьяна закрыла окно в спальне на внутренние ставни, дверь на замок, извлекла из планшетки карту, и к рассвету копия с нее была готова. Все нанесла Марьяна на бумагу: и наименование частей, и места их расположения, и численность личного состава каждой части, и намеченные направления ударов десантных войск.

Кроме карты, в планшетке лежали два блокнота и тоненькая тетрадь в голубой обложке, та самая, которую видела Марьяна в руках Стрэнга, когда он беседовал с Вокэром в саду. Все листы тетради были заполнены цифрами и какими-то надписями на английском языке.

«Прихвачу и ее!» – решила Марьяна. Она была уверена, что вряд ли кому-либо придет в голову заподозрить ее в хищении тетради. Вокэр был сильно пьян, спал мертвецки, а в таком состоянии не диво потерять не только тетрадь, но даже и голову.

---

⁴³⁷ **Погребница** – то же, что и погребник, погрэбнык – сарай над погребом. – прим. Гриня

⁴³⁸ **Очуматься, очумацца** – очухаться, прийти в себя. – прим. Гриня

* * *

Было уже за полночь. В звездном небе выкатилась полноликая луна, облила мертвенным светом сады, дворы, хаты...

Гусочка осторожно приоткрыл калитку, чтобы не скрипела, юркнул во двор, где проживала Марфа, и, придерживая левой рукой шашку, на цыпочках, с затаенным дыханием пробрался мимо дома с неосвещенными, потушенными окнами, приблизился к погребнице. Дверь открыта. Прислушался. Всюду тишина, спокойствие. Из погребницы донесся тихий храп, сопение...

«Ишь ты, шельма! – ухмыльнулся Гусочка. – Прикидывается, что почивает... Вот я тебя!.. – Переступив порог, он на цыпочках, на носках своих лакированных сапог, как балерина, подошел к топчану, едва видневшемуся в темноте под стеной, от полноты чувств, шепнул: – Зараз напужаю ее. Ой, как напужаю! Сопи, сопи, моя пампушечка! – Гусочка наклонился, прикоснулся пальцами к чему-то лохматому и вдруг замер от страха... – Господи сусе, што ж его такое? – прошептал он, поспешно крестясь и ретируясь задом... Спавший на топчане огромный кудлатый пес с лаем метнулся ему под ноги. Гусочка споткнулся о какой-то лежащий на полу предмет, шлепнулся задницей, оказывается, в лохань с водой, потом впопыхах вскочил на ноги и рысью вылетел из погребницы, произнося скороговоркой: – Ослобони, господи, ослобони!.. – Опомнился только на улице, на втором квартале: мокрые штаны и вода в сапогах подействовали на него как-то неловко. Он оглянулся вокруг. Нигде никого не видно, собаки только взбунтовались во дворах, заливались разноголосым лаем. Гусочка постоял несколько минут у забора, чертыхнулся уже вслух: – Ач, гыдость, як пиддурила, страху напустила бестия треклята! Повни штаны и чоботы⁴³⁹... Да за етакую брехню повесить чертовку мало!..» – Потом он поднял под забором камень и с досады запустил в псов, и когда те, прошелестев колючими бурьянами, отозвались где-то далеко за строениями, пошел по улице, залитой лунным светом, насвистывая свою любимую песню «Гвоздик».

* * *

Перед утром Вокэр проснулся, сел на диван и, оглядывая комнату еще пьяными глазами, спросил:

– Где я?

Марьяна услышала его бормотание. Накинув на себя халат, она на цыпочках вошла к нему в комнату, проговорила тихо:

– Вы у меня, господин капитан. Проспались уже? Я сейчас отведу вас на квартиру.

– Нет, нет! – возразил Вокэр, чувствуя себя неловко. – Я сам.

Он надел фуражку и направился в дверь. Марьяна взяла на тумбочке планшетку и, подавая ее атташе, сказала:

– Вот вы забыли свою сумочку.

Вокэр поблагодарил ее, перекинул ремень через плечо и вышел в коридор. В доме стояла мертвая тишина, все еще спали. Марьяна прислушалась. Шаги Вокэра быстро удалялись.

XXVI

На левом берегу реки Кирпили, вдоль камышей, красноармейцы и чоновцы поспешно рыли окопы, ходы сообщения, стрелковые гнезда. Противник находился совсем близко, за рекой и в Тимашевской, мог в любую минуту снова перейти в наступление.

В балках и оврагах дымили походные кухни. Замаскировавшись, в камышах лежали дозорные, наблюдали за противоположным берегом реки и станицей.

С наступлением темноты напряженность, весь день царившая на передовой, несколько

---

⁴³⁹ Чоботы – сапоги. – прим. Гриня

разрядилась. Феодосия Тихоновна Черноус, привязав Ночку под поклапою⁴⁴⁰ вербой, кормила ее сочной травой, накошенной тут же на пойменных лугах. Василий Иванович принес с реки ведро воды, напоил лошадь и вместе с женой присел на приготовленную ею из сена постель. Над степью поплыл прохладный ветерок, овевая живительной свежестью усталые, потные лица бойцов. Дышалось легче, свободнее...

Изредка то на одном, то на другом участке фронта вспыхивали в дозорах короткие перестрелки, потом опять наступала тишина. В воздухе пахло дымком кухонь...

После ужина бойцы получили наконец долгожданный отдых. Они устраивались в своих окопчиках, в низинах. Одни тотчас засыпали, как убитые, другие вели балачки⁴⁴¹ о солдатском житье-бытье, о родных станицах, о минувших и предстоящих боях.

Виктор Левицкий лежал рядом с отцом на травянистом пригорке, вздыбившемся среди густых камышей. Лаврентий ворочался с боку на бок, вздыхал и никак не мог уснуть. Не спалось и Виктору. Он улетал мыслями в Краснодарскую, вспоминал ушедшую пору детства, юности. Вокруг тихо шептался камыш с осокой, чем-то напоминая вкрадчивый шепот Оксаны. Да, она умела сводить с ума хлопцев. Не устоял против ее чар и Виктор, но теперь Оксана была чужой, далекой, как та вечерняя звезда, что горела на западном склоне неба. Воспоминания о ней ничего, кроме горечи, не вызывали в его душе. Какой светлой и чистой в сравнении с Оксаной была Соня. Милая Соня! И как хотелось сейчас Виктору встретиться с нею.

Невдалеке послышались шаги. Мысли прервались... «Он там, с батьком!» – отчетливо донесся голос Вьюна. Виктор почувствовал, как встрепенулось сердце. Приподнявшись на локте, он обернулся и увидел два женских силуэта.

Подшли Соня и Аминет. У Виктора едва не вырвалось: «А я только что думал о тебе!» – но присутствие Аминет сдержало его. Лаврентий поднял голову.

– Кто це тут? – спросил он и, узнав девчат, обрадовался: – О, землячки! Чего ж вы стоите? Садитесь до нашего табору!

Девушки опустили на траву.

– Чем порадуете? – спросил Лаврентий.

Виктор взял Сонину руку, тихонько стиснул ее.

– Ничего радостного, – печально ответила Аминет. – Наоборот, недобрые вести из коммуны пришли с письмом.

– Как? Недобрые, говоришь? – забеспокоился Лаврентий. – Что ж там случилось?

– Бои близко идут, – сказала Соня. – Хвостиковцы вот-вот займут Краснодарскую.

– Да, дела... – угрюмо протянул Лаврентий. – От бандюг добра не жди.

– А еще что пишут? – спросил Виктор.

– Хлеб в коммуне уже обмолотили. К севу готовятся, – сообщила Аминет, поднимаясь.

– Куда так скоро? – уставился на нее Лаврентий.

– Некогда мне.

– Она у нас пулеметчицей хочет стать, – сказала Соня.

– Неужто пулеметчицей? – удивился Лаврентий. – Вот это да! Молодец, дивчина!

– Учусь пока, – застенялась Аминет. – Может, ничего не получится.

– Получится! – заверил Лаврентий и, вызвавшись проводить девушку, ушел с нею по-над берегом.

Виктор горячо поцеловал Соню.

– Не надо, – прошептала она. – Батько увидит.

– А ты боишься его? – улыбнулся Виктор.

– Неловко. Еще подумает плохо обо мне.

– Да ты что? – сказал Виктор. – Он в тебе души не чает. И в моем сердце ты одна.

– А батько твой знает про нашу любовь?

– Думаю, что догадывается. Он не зря ушел. – Виктор привлек к себе Соню. – А я заходил к тебе перед боем.

---

⁴⁴⁰ **Покляпый** – понурый, наклонный, нагнутый. – прим. Гриня

⁴⁴¹ **Балачки** – здесь – разговоры. – прим. Гриня

– Мне говорили, – ответила девушка, глядя его волосы. – И вот видишь, сама пришла. Одной идти было немного боязно, так я Аминет упросила.

Виктор уловил в ее голосе грусть.

– Ты чем-то опечалена? – спросил он тихо.

Соня рассказала о встрече с Василием Бородулей и о том, как была ранена Люба.

– Отвезла я ее в лазарет, а сердце все время ноет. Выживет ли? – По ее щеке скатилась слеза. – Страшно. Вот так вдруг может оборваться жизнь, и все исчезнет: и любовь, и надежды, и солнце. – Она поежилась, потом обняла Виктора и прошептала: – Я не отдам тебя смерти... Никогда!.. Ни за что.

– А я и не собираюсь умирать, – улыбнулся Виктор. – Кто же тогда будет любить тебя?

– Ты!.. И только ты! – воскликнула Соня и, припав головой к его плечу, спросила: – А помнишь нашу первую встречу?

– В лесу? Около монастыря?

– Да, я тогда очень испугалась. Подумала, что ты бандит... психолог какой-нибудь.

Виктор рассмеялся.

Из соседней балки донесся радостный возглас. Его подхватили десятки голосов.

– Бежим, посмотрим, что там! – Вскочила Соня на ноги.

В балке уже толпилось множество бойцов.

– Вернулся! Тереха с того света прибыл! – кричали они.

– Аншамаха, друг!

– Да погодите! Дайте человеку опомниться.

– Качать его!

Когда Соня и Виктор подбежали к толпе, Аншамаха, уже взлетев в воздух, падал на руки боевых друзей и опять взлетал. Тут же Вьюн держал в поводу ладного коня, на котором прискакал Аншамаха.

Прибежали Василий Иванович и Феодосия Тихоновна Черноус, крепко затрясли Аншамаху в объятиях.

– Жив, здоров? – громко хохотал Василий Иванович. – Эх, молодчага! Вырвался-таки!

Аншамаха указал на коня.

– Коли б не он, то мне... это самое... туго было бы. Быстрее ветра нес. Не зря Метеором его кличут. – Он ткнул пальцем в гриву. – Вот на дощечке написано.

– Хороший конек, ей-богу, хороший! – сказала Феодосия Тихоновна, хлопая скакуна по холке.

Сквозь толпу протискался Лаврентий, начал ощупывать Метеора.

– Кажись, не кубанских кровей, – заметил он.

– Английской, – ответил Аншамаха.

– Ишь ты! – воскликнул кто-то. – И конь, значит, интервент!

– Животина тут ни при чем, – возразил Аншамаха. – Дело не в коне.

– Верно, Терентий Артемович! – поддержал его Лаврентий.

* * *

Ночь тихая, лунная. Юнька Шмель возвращался из разведки. Подъехав к речушке, он напоил Вихря. Далеко слева светились огоньки в окнах хат небольшого хутора. Правее, вдоль железнодорожной насыпи, чернели кустарники. По расчетам Юньки, до передовой оставалось не более пяти-шести верст. Где-то далеко, у самого горизонта, изредка вспыхивали зарницы. Их слабый свет на мгновение вырывал из лунной ночи курганы, острые верхушки тополей и телеграфные столбы вдоль линии железной дороги.

Будто чуя близкий отдых, Вихрь то и дело переходил на рысь, и Юньке приходилось сдерживать его. Последний отрезок пути пролегал через самый опасный участок вражеского тыла – зону, непосредственно примыкавшую к передовым позициям. Поэтому Юнька ехал шагом, проявляя особую осторожность.

Когда он приблизился к кустарникам, росшим у железнодорожной насыпи, впереди внезапно появилось два всадника с карабинами в руках.

– Стой! – крикнул один из них повелевающе.

Сердце Юньки оборвалось.

«Влип!» – подумал он, чувствуя, как по телу пробежал леденящий холодок. Придерживая Вихря, оглянулся. Позади из кустов выехало еще трое верховых. Слева открытое поле. Справа кусты, за ними насыпь. Впереди и позади враги. Стараясь выиграть время, Юнька крикнул в свою очередь:

– Дозор, что ли?

– Эге ж, дозор, – ответил голос.

– До Тимашевской далеко?

– А зачем тебе Тимашевка?

– С пакетом я, из Приморско-Ахтарской, – солгал Юнька, искоса поглядывая на кусты.

– Вестовой, значит?

– Вестовой.

Те двое, что были впереди, опустили карабины.

– Давай сюда, – приказал тот же голос. – Проверим твои бумажки.

Юнька снова оглянулся. Трое стояли на месте, видимо выжидая, чем закончится проверка. Их карабины висели за спинами.

– А закурить у вас, хлопцы, будет? – спросил Юнька, трогая Вихря каблуками сапог.

– Найдется, – ответил бас.

«А, была не была!» – подумал Юнька и, резко рванув повод вправо, пустил Вихря в намет. Тот вздыбился, рванулся в кусты, вылетел на насыпь.

– Стой! Ты куда? Стой! – закричали дозорные.

Но Вихрь уже был за полотном железной дороги и бешеным аллюром несся по стерне к кургану, который высился невдалеке. Юнька почти касался грудью шеи коня, твердил просяще:

– Быстрее, Вихорек, быстрее!

Мимо просвистели пули. Юнька рванул повод влево, чтобы не дать белогвардейцам вести прицельный огонь. Вихрь, точно понимая, что над ним нависла смертельная опасность, метнулся вбок.

Обогнув курган, Юнька резко свернул вправо, забирая подальше от Тимашевской, от линии фронта.

– Давай, давай, Вихорек! – подгонял его Юнька, завидев впереди, в широкой балке, сверкавшую полоску реки.

Промелькнул какой-то курень⁴⁴², за ним начался баштан⁴⁴³, который тянулся до самых камышей.

И тут, у воды, перед Юнькой, как сказочные призраки, выросли конники. Едва не налетев на них, Вихрь стал как вкопанный, а Юнька, не удержавшись в седле, перелетел через голову коня, плюхнулся на влажную траву.

– Хлопцы, да це ж Шмель! – услышал он удивленный возглас.

«Свои!» – понял Юнька, вскочил на ноги и, обхватив шею Вихря руками, громко зарыдал:

– Спасибо, друг!..

* * *

В ту же ночь Юнька стоял в штабной палатке перед Вороновым и Демусом. Он вручил им копию оперативной карты, голубую тетрадь Вокэра и листок, на котором Марьяна записала то, что ей удалось подслушать из разговоров Улагая с генералами.

А на рассвете Юньку вызвал Левандовский. Пожав ему руку, командующий сказал:

– Ну что ж, объявляю вам, товарищ Шмель, благодарность за отличную разведку. Вы добыли нам исключительно важные сведения. – Левандовский указал на тетрадь Вокэра. – Здесь на английском языке основные данные десантных войск.

– Так то ж моя Марьяна постаралась! – сиял от счастья Шмель.

---

⁴⁴² **Курень** – здесь – казачье жилище, дом. – прим. Гриня

⁴⁴³ **Баштан** – то же что бахча: участок поля, засеянный арбузами, дынями, огурцами и т. п. – прим. Гриня

Выходя от командующего, он встретился с Аншамахой.

– Ну и отчаянный же ты, Тереша! – сказал Юнька с восторгом.

Аншамаха стиснул ему руку.

– Добре, Юня. Мы еще поговорим, – ответил он и направился к палатке.

Юнька так и уснул, не дождавшись его. А утром узнал, что Аншамаха выехал куда-то среди ночи по специальному заданию.

XXVII

На высоком берегу Кубани чоновцы рыли окопы. Около двора Левицких, обступив Наумыча, стояла группа престарелых казаков. К ним на коне подлетел Ропот.

– А вы, дядько Никифор, чи и взаправду не думаете отступить? – спросил он с поспешностью.

Наумыч пожал плечами, переставил деревянную ногу и, дымя люлькой, ответил:

– Куды нам, домоседам, Логгин Прокофьевич. Да и кому мы нужны? Нас никто не тронет.

– Когда б за внука не присыкнулись⁴⁴⁴ бандиты, – трогая коня, предостерег его Ропот. – Лучше бы уехали на время... Вот.

– Мы за внуков не в ответе, – сказал дед Опанас.

– Все может стать, – бросил на скаку Ропот и помчался на выгон, где столпилось много народа.

Наумыч выбил пепел из люльки о деревянную ногу, почесал затылок.

– Оно, конечно, положение сурьезное, – проговорил он рассудительно. – Может стать и так и этак...

Дед Опанас поглядел из-под руки на взволнованную толпу. Ропот что-то крикнул станичникам и погнал своего коня в центральную улицу, запруженную народом.

Галина бежала по дощатым тротуарам, торопилась домой. Она уже была у своего двора, когда ее догнал Норкин. Осадив коня, он сказал:

– Минут через десять-пятнадцать я буду у вас. Готовься к отъезду!

И поскакал дальше. Галина вошла во двор и на пороге хаты столкнулась с отцом и матерью.

– Что будем делать, батя? – спросила она, задыхаясь после непосильного бега. – Люди уходят, и нам надо собираться.

– А как Левицкие?

– Остаются.

– Ну, и нам нечего горячку пороть, то и проче.

В глазах Галины выразился ужас.

– А ежели Гришка явится? Тогда что?

– И пушай является, – буркнул Яков Трофимович. – Вон и Оксана ушла от Виктора. Теперь жизнь такая. – Помолчав немного, он пригрозил: – Ежели поганец хоть пальцем тронет тебя, я ему башку сверну.

– Ишь, какой вояка выискался! – бросила Денисовна. – Гришка такой, что сам тебе кишки выпустит. Власть-то на его стороне будет! А власть известно какая – бандитская.

– Нет, я не останусь, – категорически заявила Галина. – Сейчас за мной Вася приедет.

– Поезжай, поезжай, доченька! – сказала мать, заправляя седую прядь волос под черный подшолок. – А мы с отцом останемся. Не нам, старикам, по свету маяться.

К воротам подъехал Норкин, слез с коня. Сбив на затылок мерлушковую⁴⁴⁵ папаху и смахнув рукавом пот с загорелого лица, он одернул рубашку под армейским ремнем, поздоровался со стариками.

– Подвода уже готова, можно ехать, – сообщил он.

– Мы не поедem, – ответил Калита.

– Да вы что, в своем уме? – озаботился Норкин. – Хвостиков совсем близко. Перебьют же вас

---

⁴⁴⁴ **Присыкнуться** – пристать, привязаться к кому-либо. – прим. Гриня

⁴⁴⁵ **Мерлушка** – шкурка ягнёнка грубошерстной породы овец. Возраст ягнёнка на момент убоя не более 30 дней. – прим. Гриня

всех!

Старик молча теребил бородку. Денисовна всплакнула, отвернулась в сторону.

– И Галя остается? – спросил Норкин, тревожась.

– Она собирается, – глухо проговорил Калита.

– Ты ж присматривай за нею, Вася! – просила Денисовна сквозь слезы.

Из хаты выбежала Галина в накинутой на плечи шали, с узелком в руке. Поцеловалась с отцом и матерью, заплакала.

– Иди к Елене Михайловне, – сказал ей Норкин. – С ней поедешь.

* * *

Прошла тревожная ночь. На рассвете Хвостиков предпринял яростную атаку на Краснодольскую. Матяш с тремя сотнями белоказачков под прикрытием пулеметного огня переправился вброд через Кубань в двух верстах западнее коммуны, захватил мост и ворвался в станицу. Здесь его встретили конники 12-й кавдивизии. Завязалась сабельная рубка.

Одновременно на западной окраине Краснодольской появились сотни Бородули и Молчуна. После короткой ожесточенной схватки в Гусиной плавне и под курганами Калры и Лезницы они прорвались в центр Краснодольской и атаковали чоновский отряд Корягина. Основные силы Крыжановского хлынули через мост, и в станице закипел кровопролитный бой.

Численное превосходство было на стороне хвостиковцев. Под их натиском, отбивая атаку за атакой и нанося врагу тяжелые удары, красные постепенно отходили к дороге на Кавказскую и в десятом часу оставили станицу заваленную телами убитых и раненых...

Как только Краснодольская перешла в руки Хвостикова, богатеи новыползли из укрытий, встречая победителей хлебом-солью.

На площади заиграл духовой оркестр. Перед воротами, ведущими па паперть, поспешно начали выстраиваться хвостиковцы. Это была пестро одетая полудикая ватага, состоявшая в основном из зажиточных казаков. Сюда же усиленный конвой пригнал десятка полтора белобандитов, трусливо бежавших с поля боя во время контратак красных.

В сопровождении кавалеристов на площадь прибыл в легковом автомобиле и Хвостиков. Машина остановилась. Из нее вышли два высоких, широкоплечих кабардинца – братья Баксанук и Дауд Крым-Шамхаловы – телохранители Хвостикова, которых в повстанческой армии называли просто «азиатами». Старший – Баксанук – был одет в темно-синюю, туго затянутую солдатским ремнем просторную хламиду, похожую на татарский азям⁴⁴⁶. На голове – баранья шапка с длинной черной шерстью, на ногах – сафьяновые чарыклы⁴⁴⁷, разрисованные узорами. На младшем – Дауде – такая же хламида, только бордового цвета. У того и другого – кинжал и шашка дамасской стали, украшены серебром и чернью. Похожи друг на друга как две капли воды. Брови сросшиеся, широкие, глаза с хищно поблескивающими зрачками. Лица горбоносые, бронзово-смуглые.

На белом коне к машине подъехал Крыжановский и, отдав честь, доложил Хвостикову о пойманных беглецах. Генерал побагровел, выскочил из автомобиля и обнажил шашку. Стиснув зубы, подпрыгивающей походкой двинулся вдоль шеренги провинившихся, заглядывая каждому в лицо.

– Так вы, значит, воюете? – бешено закричал он, перекосив рот. – Шкуры свои поганые решили спасти? Подлецы!.. Позор и смерть вам, негодяи!

Шашка сверкнула в его руке, и голова правофлангового слетела с плеч, покатила по земле, оставляя кровавый след... Из-за церковной ограды выехал обоз, груженный продовольствием и боеприпасами. Фурщики и белоказаки, сидевшие на подводах, глядели на расправу, как на нечто обыденное, привычное.

– Опять наш батько полосует саблями дезертиров, – заметил один из них.

Учинив расправу, Хвостиков вытер окровавленную шашку о тряпицу, поданную ему Даудом,

---

⁴⁴⁶ **Азям (озям)** – длинный крестьянский кафтан халатного покроя, сермяжный или из толстого сукна домашнего приготовления; зипун. – прим. Гриня

⁴⁴⁷ **Чарыклы** (карач.) – чувяки.

сел со своими телохранителями в автомобиль, окинул взглядом притихшую площадь и громко закричал:

– Так будет со всеми, кто нарушит присягу, данную мне! – Выждав немного, он обернулся к Крыжановскому: – Докладывайте дальше, господин генерал!

Но Крыжановский вместо продолжения рапорта спешился, передал повод своему коноводу и тоже влез в автомобиль.

* * *

Головные повозки обоза миновали двор бывшего ревкома, остановились неподалеку от клуба. Аншамаха спрыгнул с мешков и сел на скамью у забора. Глаза его скользили по площади, зорко следили за всем, что происходило вокруг. Выдавал он себя за ветеринара, жителя из отдаленной предгорной станицы. Он не знал здесь никого, так же как и его не знали. Это ему, как разведчику, было на руку.

Неожиданно перед ним остановился всадник, крикнул приветственно:

– Здорово, земляк!

Услышав знакомый голос, Аншамаха быстро поднял голову и оцепенел: на коне сидел Перевертайло.

– Не узнаешь? – весело спросил тот.

– Шоб земляка да не признать, – с трудом улыбнулся Аншамаха.

– Я к тебе еще загляну, – сказал Перевертайло и, стегнув коня плетью, быстро затерялся среди конников.

Аншамаха проводил его озадаченным взглядом, чувствуя, как все тревожнее становится на душе. Перевертайло славно сражался против улагаевцев под Приморско-Ахтарской, был все время впереди своих бойцов, а теперь вдруг оказался у Хвостикова!

«Неужели он предатель? – думал с растущим беспокойством Аншамаха. – Как быть тогда?..»

Неподалеку от автомобиля, в котором совещались о чем-то Хвостиков и Крыжановский, столпились деды-бородачи в разноцветных черкесках. У каждого на груди сияли кресты и медали. Тут же, опираясь на трость, стоял и Влас Пантелеймонович Бородуля, с любопытством поглядывая на генералов.

К собравшимся подъехал верхом на буланой кобылице Гусочка, только что вернувшийся из Приморско-Ахтарской. Он вскинул руку к папахе, поприветствовал стариков. Влас Пантелеймонович заметил, что у Гусочки из-под сильно сбитой на затылок шапки выглядывала большая плешь. Улыбнувшись, он с лукавинкой сказал:

– Ты погляди, Иван Герасимович, как тебя лысина одолела!

Гусочка отбросил полу черкески и достал из кармана портсигар слоновой кости с инкрустацией на крышке.

– Детинка⁴⁴⁸ с лысинкой дела не испортит, – закуривая, сказал он и тут же, подмигнув, присовокупил: – Это мне бог лица прибавил за справедливость.

Казаки громко захохотали.

– Ну и балагур же ты, Иван Герасимович! – прохрипел Влас Пантелеймонович, вытирая грязной, помятой утиркой слезу, постоянно катившуюся из левого глаза.

Гусочка метнул короткий взгляд на Хвостикова и Крыжановского, рассудительно молвил:

– Бог знает, кого отмечать. За здря не расщедрится.

– Э, да ты, как я вижу, навеселе уже, Герасимович, – прошамкал низенький косоротый старик. – Где это ты успел хлобыстнуть?

– Жиночка приготовила, – ответил Гусочка. – Бражки сварила. Так я и хильнул⁴⁴⁹ на радостях. Мне теперички почет и уважение. Кульером я у главнокомандующего...

– А где ты себе такую кобыленку достал? – поинтересовался Влас Пантелеймонович.

---

⁴⁴⁸ Детинка – юноша. – прим. Гриня

⁴⁴⁹ Хильнуть – пойти, гульнуть. – прим. Гриня

– У красных отбил, – соврал Гусочка.

– И как же ее кличут?

– Анархия.

В пропитанном табачным дымом и конским потом воздухе пронесся шум приглушенных голосов и тотчас утих. Гусочка устремил взгляд на генерала. Хвостиков поднялся в машине во весь рост и громко бросил в толпу:

– Господа казаки! Я не люблю произносить речей. Тут сейчас находятся и те, которые готовы служить в моей армии, помогать ей бить большевиков, и те, которых сюда пригнали силком. Предупреждаю последних: если вы не одумаетесь и не пойдете за мною, то я поступлю с вами так, как поступаю с врагами. Никакой пощады не ждите. Буду вешать, стрелять и рубить, как погань всякую! Понятно?

Над площадью стояла мертвая тишина.

Наумыч находился среди тех, кого, как выразился Хвостиков, пригнали на встречу «освободительной» армии силком. Они занимали добрую половину площади – старики и старухи, женщины и дети. Тут же у ограды стоял и Калита.

Наумыч закурил люльку:

– Слышишь, Яков, как грозитя генерал? Нашивай лубок...⁴⁵⁰

Калита шмыгнул носом, шепнул:

– Тикать нужно, пока не поздно.

– А куда тикать? – пожал плечами Наумыч.

К Калите подошла Денисовна, пробормотала испуганно:

– Иди, Гришка приехал, гукает...

Протискавшись сквозь толпу, они направились домой.

Денисовна сморкалась в передник, вытирала слезы.

– Так... – невесело протянул Калита. – Стало быть, появился, поганец. Лютует, или как?

– Лютует, – ответила Денисовна, плача. – Говорят, сегодня людей будут катувать⁴⁵¹ в станице. Ежели он за нас не вступится, то нам несдобровать. Дюже сердит Гришка на Галю. «Коли поймаю, то горло ей перегрызу», – грозитя нечистый дух.

– Пужает, значит, – насупился Калита. – Ему б, хамлету, глотку вырвать.

– Да ты хоть потише говори! – предостерегающе сказала Денисовна. – Бачишь, песиголовцев сколько на улице?

С тяжелым чувством вошли они во двор. Под шелковицей стоял привязанный вороной конь, а на завалинке с забинтованной головой сидел Григорий Молчун. Увидев стариков, он поднялся и, не поздоровавшись, устался на Якова Трофимовича.

– Где Галька? Куда вы упрятали ее? – спросил он хриплым голосом.

Калита гневно прищурился, скривил губы.

– Ты того... не дюже-то кидайся. Не держал я дочку на цепи. А где она – не знаю.

– Ах, так! – вскипел Григорий, отвязал коня и, вскочив в седло, процедил сквозь зубы: – Ничего, я еще побалакаю с вами!

Он ударил коня плетью, выехал на улицу.

– Злыдень ты! – бросил ему во след Калита.

– Что ж теперь будет с нами? – простонала Денисовна.

Григорий ехал по улице, задыхаясь от злости. Мимо проносились верховые, но он не видел никого и только изредка прикладывал руку к кубанке, отдавал офицерам честь.

На площади он остановился и начал разыскивать глазами отца. Братья Крым-Шамхаловы тащили какого-то толстого казака. Тот упирался, но вырваться из цепких рук не мог.

«Кто же это? – подумал Григорий, приглядываясь к казаку, и, узнав в нем Кушнаря – свата Ропота, мысленно усмехнулся: – Ну, с этого сдерут шкуру!» Крым-Шамхаловы подвели Кушнаря к Хвостикову.

---

⁴⁵⁰ **Лубок** – пласт или лоскут свежего слоя древесной коры. Использовался для изготовления коробов, ящиков.
Нашивай лубок – здесь – готовь гроб. – прим. Гриня

⁴⁵¹ **Катувать** – пытаться, мучить. – прим. Гриня

– Что случилось? – спросил генерал.

– Это большевик, – доложил один из офицеров. – Против вас высказывался, ваше превосходительство. Люди сообщили, и мы его взяли.

Хвостиков ткнул плетью в лицо Кушнаря.

– Большевик, значит? Повесим! А пока – под замок.

Кушнарь подался грузным телом вперед и закричал на всю площадь:

– Вешать? Казака с георгиевскими крестами будешь вешать? Слышите ли вы, станичники? Вот как нашего брата мордуют!

Его оглушили ударом приклада. Крым-Шамхаловы скрутили ему руки, поволокли во двор бывшего ревкома. К машине подбежал Гусочка. Отдав честь, он срывающимся голосом выпалил:

– Это я, ваше превосходительство! Токо прилетел из Приморско-Ахтарской. Дозвольте отрапортовать?

– Есть что-нибудь от Улагая? – спросил Хвостиков.

– Так точно, господин енерал! – снова по-петушиному выдохнул Гусочка, вскидывая руку к папахе, потом достал из-за пазухи пакет, протянул Хвостикову. – Велено вручить в ваши превосходительские руки.

Хвостиков вскрыл пакет. В ответном послании Улагай писал:

**Приморско-Ахтарская, главнокомандующему «армией возрождения России» генерал-майору
А. И. Хвостикову**

Уважаемый Алексей Иванович!

Вы очень раздражены. В чем причина? Я совершенно не понимаю Вас. Будьте же благоразумны и возьмите себя в руки. Убедительно прошу Вас прибыть ко мне для экстренных переговоров. С совершенным почтением.

Командующий Группой особого назначения генерал-лейтенант Улагай.

Крыжановский, стоявший около машины, следил за лицом главнокомандующего, которое выражало недовольство и раздражение. Дочитав письмо, Хвостиков с минуту сидел молча, затем грубо бросил Гусочке:

– Чего вылупился? Пошел прочь!

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – выкрикнул с перепугу гонец и заспешил к своей кобыленке.

Шофер завел мотор. К главнокомандующему подошел начальник штаба армии приземистый полковник Тупалов и, указав на Аншамаха, следовавшего позади, сказал:

– Ваше превосходительство, разрешите зачислить этого ветеринарного фельдшера в нашу ветеринарную часть. Доброволец, явился к нам из-за Кубани.

Хвостиков остановил на Аншамахе пристальный, изучающий взгляд.

– Коновал?

– Так точно, господин генерал-лейтенант! – ответил Аншамаха.

– Вы же знаете, что нам такие люди нужны позарез, – добавил Тупалов, обращаясь к главнокомандующему.

– Не возражаю, зачислите! – распорядился Хвостиков.

XXVIII

Оксана в темно-синей черкеске ехала не спеша по улице на своей неизменной Кокетке. Из-под белой курпейчатой кубанки на спину всадницы падали толстые каштановые косы. Английское седло под ней поскрипывало кожей. Левое зазубренное стремя слегка стучало о серебряный наконечник ножен шашки. Кованые копыта ритмично цокали по утрамбованной, укатанной до глянца дороге. Встречные конники уважительно отдавали честь Оксане и ощупывали глазами ее статную обворожительную фигуру.

Завидев старика, ковылявшего вдоль плетня, она широко улыбнулась, догнала его и закричала звонким взволнованным голосом:

– Дедунюшка, здравствуйте!

Влас Пантелеймонович остановился, поглядел на нее из-под ладони и просиял:

– А, Оксанка! Внушенька моя!

Оксана слезла с лошади, поцеловала деда и пошла рядом с ним. Влас Пантелеймонович вытер слезящийся глаз, спросил:

– С батьком была, чи с кем?

– Я у Андрюши Матяша в сотне, – ответила Оксана, потупив голову.

– Так, так... – задумчиво промолвил старик. – А як же Витька?

– Зачем он мне! – бросила Оксана. – Я с ним в разводе.

Они подошли к своему двору. Влас Пантелеймонович открыл калитку, взял повод у внучки и пропустил ее вперед, потом и сам с лошадей последовал за нею.

В палисаднике у крылечка Акилина Даниловна разжигала большой, начищенный до блеска самовар. Увидев дочь, она радостно всплеснула руками:

– Счастье ты мое!

Оксана кинулась ей на шею, они обнялись, прослезились. Влас Пантелеймонович отвел Кокетку в конюшню, насыпал в корыто овса. Мать и дочь, наплакавшись, вошли в дом. Не успела Оксана переодеться, как к нем примчалась Ава Белугина, схватила ее за руки и, хохоча от радости, начала осыпать поцелуями. Из боковой комнаты выглянула Акилина Даниловна, поздоровалась.

– Вот, видишь, – сказала Ава, глядя в синие глаза Оксаны, – ты беспокоилась о маме, а она жива и здоровенька! Не правда ли, тетя Киля?

– Да уж только и того, что жива, – ответила Анилина Даниловна. – Благо у хороших людей жила.

– А моя матушка померла, – грустно сообщила Ава. – От разрыва сердца. Не выдержала. Царство ей небесное.

В открытое окно ворвался отчаянный женский крик.

Побледнев, Акилина Даниловна прижалась к гардеробу, спросила испуганно:

– Что это?

Ава сердито бросила через плечо в сторону доносившегося вопля:

– Это Маришка Дудакова, большевичка! – И, поправив рыжие волосы перед зеркалом, усмехнулась: – То ее наши солдатики щекочут.

Во двор верхом на коне въехал Игнат Власьевич. Оксана увидела его из окна, выбежала с Авой на крыльцо, крикнула, смеясь:

– Добро пожаловать, папочка! Я уже дома!

Игнат Власьевич слез с коня, перекрестился на все четыре стороны, чмокнул Оксану в щеку.

– Слава богу, дочко! Опять мы в родное гнездо вернулись. – Он перевел взгляд на поповну. – И ты, щebetуха, тут?

– Пришла Оксанку навестить, – ответила Ава.

Игнат Власьевич привязал коня рядом с Кокеткой и, выйдя с отцом из конюшни, сказал:

– А теперь все – в дом. Отметим свое возвращение.

* * *

Матяш открыл калитку, нерешительно шагнул, остановился, окинул взглядом подворье и помертвел в ужасе. Зброшенный, пустой двор его почти сплошь зарос бурьяном. У окон дома, там, где раньше мать сажала царскую бородку (неприхотливые розовенькие цветочки), теперь вровень с крышей возвышалась роскошная лебеда. Пустая конюшня, сараи, где не было уже ни одной двери, сиротливо и немо смотрели темными провалами на своего незадачливого хозяина.

Когда первое волнение немного улеглось, Матяш снял шапку, отряхнул с нее пыль, подошел к крыльцу, присел на ступеньку, облокотившись на колени, стиснул голову руками.

«Почему не дают людям нормально жить? Почему отбирают и топчут то, что я добыл собственным горбом? – Мысли захватили его сознание, громоздились одна на другую, а высказать их было некому. – Что же оно будет дальше? – думал он с горестью и возмущением. – братство, равенство провозглашают!.. А какое такое может быть равенство, ежели я работаю, гну хребет от зари до зари, а вон Литовченки (это его соседи по земельному наделу в степи) все лето спят в холодке. Теперь они „братья“, пролетарии, в коммунию первые подались. Там им выгодно: все

поровну получают! А я не желаю поровну, – почти выкрикнул Матяш. – Я хочу взять то, что добыл сам, вот этими мозолистыми!.. – Вспомнил он и про ту коммуноу, которая к тому времени успела уже развалиться, проскрежетал зубами: – Нет! Мне это ни к чему...»

Привязанный к частоколу конь настороженно прядал ушами, изредка пощипывал траву и шумно фыркал. Присутствие коня немножко приободрило Матяша. Он порывисто встал, сорвал замок с колец и вошел в дом. Его шаги гулко отдались в пустых комнатах. Он распахнул все окна. В доме загуляли освежающие струи сквозняков, и от свежего ветерка у него закружилась голова, потемнело в глазах. Страшно ему было одному оставаться в своем доме. Горько было сознавать, что ни одна родная душа никогда уже не встретит его на пороге этого дома. Выйдя на крыльцо, он устало прислонился к дверному косяку и глухо застонал... Из разных концов станицы доносились крики, одиночные выстрелы: это хвостиковцы истязали население. Как сквозь сон, Матяш услышал свое имя, оглянулся на знакомый голос и увидел Оксану. Она подошла к нему, положила руки на его плечи.

– Что с тобой, Андрюша? – спросила она тихо и ласково.

Матяш посмотрел на нее из-под нахмуренных бровей, тряхнул головой и, заскрежетав зубами, выдохнул:

– Добраться бы мне до Корягина!..

– Успокойся, – промолвила Оксана, глядя его по бледным щекам и заглядывая в глаза, полные злобы и слез. – Все уладится. Вот даст бог, победим... Все восполним.

– Так-то и победишь! – безнадежно махнул рукой Матяш. – Восполнишь. Это надо жизнь начинать снова, а такого не бывает... Кобыла с волком тягалась, один хвост да грива остались!

Оксана припала к нему на грудь.

– Ну, что ты так, Андрюша, пал духом? Неужели не веришь, что мы победим? Англия и Америка с нами. Они помогут.

– Жди у моря погоды! – ответил Матяш. – Без них было бы лучше. Не Кубань мы отстаиваем, а черту на рога лезем. Россию задумали завоевать. Потому казаки и не идут за нами. Так и погибнем!

Оксана протестующе сказала:

– А я не хочу погибать. Я хочу жить, любить тебя, быть с тобой вместе долго, долго – до скончания!

Они вошли в дом. На улице против двора Бородули остановился автомобиль. Оксана заглянула в окно, проговорила:

– Кажись, генерал Хвостиков приехал.

– Черт его принес! – выругался Матяш.

* * *

Машина вкатила во двор. Из нее выскочил Дауд и услужливо распахнул задние дверцы. Хвостиков, а за ним и Крыжановский спустились на землю, и тут же на крыльце были встречены Бородулей, который, не отдавая им чести, так как был без головного убора, раскланялся в пояс и пригласил в дом, повел в комнату.

Баксанук также вылез из автомобиля и, выйдя на улицу, направился с братом по тротуару вдоль плетней и заборов. Вскоре они остановились у перекошенных ворот. Дауд толкнул их ногой и вместе с братом вошел во двор, остановился под шелковицей, росшей у сарая. Хозяйка выбирала огурцы на огороде. Увидев непрошенных гостей, она взяла ведро и робко зашагала между кустами картошки. Баксанук сел на чурбан, попросил у нее хлеба. Хозяйка вынесла ему ломоть, и он принялся есть огурцы, потом потребовал молока. Женщина достала крынку из погреба, подала азиатку. Дауд тем временем нырнул в хату, где спал на маленькой кровати пятилетний ребенок, и начал шарить везде, но взять было нечего. Тогда он указал хозяйке на часы-ходики, висевшие на стене, и предупредил:

– Гляди, будет пять минут и твоя не даст пять золотых, моя будет резить твоя сына.

Мать упала перед ним на колени и в ужасе стала просить не губить ребенка, а Дауд отсчитывал:

– Уже четыре минута.

Бедняга побежала к соседу, и тот дал ей пять золотых. Женщина возвратилась домой, отдала деньги, и бандиты ушли.

Пострадавшая была в отчаянии. Она даже не заметила, куда девались грабители. Однако

принарядившись, пришла к Бородуле в то самое время, когда генералы собрались уже уезжать, и, застав их на крыльце, обратилась к Хвостикову:

– Так вот как твои солдаты воюют! Знаешь ты, что они ограбили вдову офицера, погибшего на германском фронте?

И подала ему бумагу Хвостиков проверил документ, сказал:

– Хорошо, приходи сегодня на площадь и укажешь, кто тебя ограбил.

Из сада вышли Баксанук и Дауд. Вдова увидела их, стушевалась и закричала:

– Этого я не сделаю! Меня тогда убьют их товарищи.

Хвостиков нахмурился, пошарил в карманах черкески и, играя в честность и великодушие, вернул вдове пять золотых и тотчас уехал с Крыжановским и своими телохранителями.

XXIX

За станицей, на северной ее стороне, хвостиковцы рыли окопы, возводили укрепления.

Матяш, сопровождаемый двумя верховыми казаками, гнал в намет коня по околице. На берегу Кубани он увидел Гусочку, который ехал трусцой на своей Анархии.

– Ну как, Иван Герасимович, у тебя дома? – спросил Матяш, поравнявшись с ним.

Глаза Гусочки воровато заметались.

– Я дома ще не был, – соврал он. – Времени нету свободного. Дела всякие. – Сапоги его и ноги лошади были в свежей грязи. Заметив, что Матяш обратил на это внимание, Гусочка сказал: – Токо шо чуть было в Кубань не влетел. Коняка така норовиста, оступилась, чертяка. Зараз приеду, жонка баньку истопит, помоюсь! Ежли охота – приходи вечером побаниться.

– А горилка будет?

– Прихватишь с собой, так будет.

– Ох и жила ж ты, Герасимович! – бросил Матяш и, увидев Федота Молчуна, поскакал догонять его.

Гусочка дернул повод, прикрикнул на Анархию и поехал вдоль берега. Только что он побывал за Кубанью и обшарил карманы всех убитых среди камышей. Кое-что ему перепало: три кисета с табаком, два серебряных и десять золотых рублей царской чеканки и массивный золотой крестик.

Матяш догнал Молчуна, спросил:

– Что с Гришкой? Говорят, ему очень плохо.

– Да, дела у него неважные, – забеспокоился Молчун. – Коли б совсем худо не было. Заехал бы ты к нему.

– Побываю! – пообещал Матяш.

На том и расстались. Молчун выехал на площадь, где в кругу своих солдат стоял командир Дикой сотни⁴⁵² – Джентемиров⁴⁵³, высокий, стройный абазинец. Оживленно жестикулируя руками, он что-то рассказывал двум английским офицерам, которые то и дело покатывались со смеху. Молчун остановился у правления, привязал коня к ограде и, взбежав на крыльцо, встретился с пьяным Минаковым. Тот протянул ему руку, проговорил развязно:

– А, господин сотник! Мое вам с кисточкой!

– Здравствуйте, господин подьесаул! – Молчун приложил руку к папахе.

– Вот что, друг любезный, – продолжал Минаков, едва ворочая языком. – Скажи своему Хвостикову, что если он будет со мной так разговаривать, то я... Понимаешь? Я человек строгий. Не люблю вилять туда-сюда. Программа моя ясна тебе?

---

⁴⁵² **Дикая** (сотня, дивизия) – ставшее нарицательным наименование кавалеристских подразделений состоявших из добровольцев-мусульман, произошло от наименования Кавказской туземной конной дивизии (впоследствии – корпус), более известной как «Дикая дивизия». К январю 1918 года Кавказский туземный конный корпус прекратил своё существование. Однако, часть бывшего состава Дикой дивизии отправилась служить в ряды ВСЮР. – прим. Гриня

⁴⁵³ **Джентемиров** – прапорщик 6-й сотни 3-го Черкесского Конного полка Черкесской конной дивизии, 3-го января 1920 года был тяжело ранен в районе Ставрополя. Всех раненых эвакуировали по маршруту Армавир–Екатеринодар–Новороссийск, откуда они убыли в эмиграцию. О дальнейшей судьбе Джентемирова неизвестно. Черкесская конная дивизия при отступлении была уничтожена на границе с Грузией. Остатки 3-го Черкесского Конного полка ушли горами в Карачай, где примкнули к отряду Фостикова. – прим. Гриня

Молчун кивнул:

– Да, господин подьесаул, ясна.

– Я анархист! – Минаков ударил себя кулаком в грудь. – У меня полная свобода. Свобода, так сказать, во всех отношениях! У меня хлопцы что хотят, то и делают. Вот за это они меня и уважают. Я подчиняюсь, понимаешь, только себе, и то не всегда! А он, ваш Хвостиков, хочет, чтобы я ему подчинялся. Нее-е-ет... Извини-подвинься! Я к таким порядкам не привык. У меня дисциплина своя! Я могу лишь на добровольных началах и без того, знаешь: жим-жим... Сейчас вот заберу свою Улю и укачу в горы – ищи-свищи ветра в поле!

К нему подошла Ульяна. Минаков обнял ее за талию и, сходя вниз со ступенек, воскликнул:

– Вот мой верный адъютант!

Их подхватили под руки два анархистствующих солдата, посадили на тачанку, стоявшую на улице в окружении кавалеристов. Ватага рванулась с места и во весь опор с гиком и свистом понеслась по дороге в сторону моста...

В штабе находились Хвостиков, Крыжановский, Тупалов и Бородуля. Толковали о присоединении отряда Минакова к «армии возрождения». Молчун передал главнокомандующему разговор, только что состоявшийся с Минаковым. Генерал нервно смял недокуренную папиросу, проговорил со злостью:

– Ишь ты, герой какой нашелся!

* * *

Гусочка ехал домой, важно раскланивался со встречавшимися на улице богачами, а от всех прочих отворачивался или делал вид, что совсем не замечал их. Красные галифе его горели, как солнце на закате. Проезжая мимо двора Конотопа, он заметил у забора старуху, внимательно глядевшую на него из-под ладони, спросил:

– Что это вы, бабуня, не угадываете меня, чи шо?

– Да невже⁴⁵⁴ это ты, Иван Герасимович? – поразилась старуха. – Ты як енерал справжний⁴⁵⁵.

Гусочка, польщенный таким сравнением, подъехал к ней поближе, натянул поводья.

– Ну, здравствуйте, Селиверстовна.

– Куды ж узнать тебя! Как картинка писаная! И где ты штанцы такие раздобыл? Никак заграничные?

Гусочка с достоинством ответил:

– Турецкие, Селиверстовна. У одного большевицкого комиссара в бою снял.

– Ой, лышенько⁴⁵⁶ мое! – воскликнула Конотопиха. – Зачем же ты, Иван Герасимович, в красную шкуру влез? Моget, и ты теперечки большевиком станешь? Не доведи бог! Они вон моего сына зарештовали.

– Так и не выпустили? – полюбопытствовал Гусочка.

– Куды там! – вздохнула Конотопиха. – Его под семью замками держат.

– Ну, а Данилка уже дома?

Старуха перекрестилась.

– Слава богу, внучек пришел. Токо-токо коня расседлал и в хате сидит. Ну, а ты как же, голуб мой?

– Мне зараз и море по колено! – хвастался Гусочка. – Кульером я служу при главном командующем.

– Я тебя знаю, – протянула Конотопиха, улыбаясь. – Веселый ты человек.

Гусочка толкнул Анархию каблуками.

– Ну, прощевайте, Селиверстовна! Дела у меня, дела.

---

⁴⁵⁴ **Невже** – неужели, неужто, ужели. – прим. Гриня

⁴⁵⁵ **Справжний** – настоящий, подлинный, действительный, истинный. – прим. Гриня

⁴⁵⁶ **Лышенько** – горюшко. – прим. Гриня

– Прощевай, Герасимович, прощевай, – помахала рукою Конотопиха.

Гусочка остановился у своего двора, крикнул:

– Эй, жена, и где ты там запропастилась? Не видишь, што я приехал? Открывай ворота!

Василиса, стряпавшая у печки под навесом, бросилась на зов мужа.

– Иду, Ваня, иду! – долетел из-за дома ее голос.

Она широко распахнула обе створки ворот, и Гусочка въехал во двор, слез с кобыленки, передал повод жене. Василиса ослабила подпруги под брюхом Анархии, отвела ее в конюшню и вернулась к печке. Гусочка счистил с сапог грязь, поднялся на крыльцо, внимательно осмотрел двор Калиты, перевел глаза на хату Белозеровой, сказал злорадно:

– Ригинально... Ничего, мы ще возьмем вас за шкирку.

Он вошел в дом, снял с себя папаху, шашку, кинжал, револьвер и черкеску, повесил в зале на рога косули, прибитые к стене. Василиса бросила на него короткий взгляд, прыснула со смеху.

– Ты чего спосмехаешься? – буркнул Гусочка.

– Да так... – промолвила Василиса. – Чудной ты в этих штанах. Аж очам больно – такие они яркие.

– То-то же, – расхаживая по залу, важничал Гусочка. – Не здря я кровь проливаю. – Он остановился возле сундука, решил проверить, на месте ли приобретенные им на фронте вещи, сказал: – А ну-ка, Васенька, отомкни-ка мои сокровища, я погляжу на них.

Василиса открыла сундук, начала вынимать из него меховые, ватные и демисезонные пальто, шубы, черкески, бешметы теплые и холодные разных цветов, брюки и еще много другой одежды. Гусочка рассматривал внимательно каждую вещь, примерял перед зеркалом.

– И где ты, Ваня, набрал все это? – спросила Василиса, опускаясь на диван.

– Э, Васенька, – серьезным тоном ответил Гусочка. – Кто на фронте не ленится, тому бог в обе руки дает. Усопшему ничего не потребно, а живому все пригодится.

Василиса в страхе перекрестилась.

– Свят, свят! Неужто с мертвых одежда эта?

– Ну чего, дура, орешь? – шумнул на нее Гусочка. – Сказано, все от бога, и точка! Скоро и тебя принарядю як паву... – Он вдруг остановился в глубине зала, посмотрел на жену, добавил: – Вот токо погано, что голова у тебя, как бубен, – лысая, почти все волосья высыпались. Негоже так, Васенька. Ты ить жена кульера енерала Хвостикова.

– А я-то при чем? – обиделась Василиса. – У тебя тоже вся макушка пустая, блестит как зеркало!

– Я мужик, Васенька, – сказал Гусочка, разводя руками, – а ты баба. Ежели у человека темене⁴⁵⁷ голое, то такой человек ценится на вес золота, а женщина – совсем наоборот. Тебе нужно добыть парик и носить его.

Осмотрев одежду и спрятав ее в сундук, он достал из-под кровати железный сундучок, отомкнул его и высыпал на стол золотые и серебряные часы, браслеты, кольца, серьги, броши с дорогими камнями, вилки, ножи, подстаканники... В глазах его блестели алчные огоньки, на губах застыла хищная улыбка.

– Вот оно, богатство мое, Васенька! – сказал он с хрипотой в голосе, загребая сокровища костлявыми руками. – Тыщи тут, миллионы! – Он вынул из кармана два серебряных и десять золотых рублей, золотой крестик, положил на стол.

– А это откуда? – Василиса указала на распятие.

– Ето... Нашел я... На передовой в час боя... Достань-ка мое чистое белье, да пойдем в баньку.

Василиса отыскала в комодке исподнее и шерстяные носки. Гусочка снял с себя бешмет, вместе с женой вышел из дома. На дворе совсем уже потемнело. Гусочка открыл дверь предбанника, зажег каганчик на подоконнике. Откуда ни возьмись, вбежал Дурноляп, радостно заскулил, припал к ногам хозяина и, поднявшись на задние лапы, лизнул его в самые губы.

– Цибе⁴⁵⁸, Дурноляп! – закричала на него Василиса.

– Хай, ить животина заскучалась без меня, – сказал Гусочка и погладил пса по голове.

---

⁴⁵⁷ **Темене** – от темя, т. е. верхняя часть головы. – прим. Гриня

⁴⁵⁸ **Цибе!** (**Цибэ!**) – окрик, успокаивающий собаку; тихо! – прим. Гриня

– Ладу не дам⁴⁵⁹ твоему Дурноляпу, – проворчала Василиса. – Дома окаянный не живет, все по чужим дворам шляется.

Гусочка погрозил пальцем своему любимцу.

– Э, Дурноляпик, ето никуда не годится! Ты сторож на своем дворе, обязан беречь хозяйство. Да и женушку мою, как ентот Покат... сторожил бы исправно, чтоб ее тут без меня не израсходовали большие охотники.

Василиса набрала в черпак из котла горячей воды, вылила в ванну.

– Про какого это ты Поката?

Гусочка не ответил, почесал затылок и, поморщившись, сказал:

– Ты, Васенька, при людях не кажи на Дурноляпа «цибе», а кажи «пошел вон».

– Как умею, так и кажу! – бросила Василиса.

Гусочка опустил на корточки, взял пса за уши, заглянул ему в глаза.

– Шляешься, значит? – сказал он нравоучительным тоном. – Нехорошо, нехорошо так. Хозяин на фронте кровь проливает, а ты без присмотру двор бросаешь. Бароху⁴⁶⁰, мабуть, завел. Верно? Выходит, что верно, раз zenки прячешь. Вот посажу тебя знову на цепь, так ты у меня попрыгаешь. Ить люди – воры! От них все надо стеречь.

– А у тебя, Ваня, нет барохи, случаем? – перебила его Василиса, продолжая наливать воду в ванну.

Гусочка выпрямился с видом незаслуженно обиженного.

– Да ты что, Васенька? – спросил он, часто заморгав глазами. – Рази я позволю глупостями заниматься?

– Ой, Ваня! – недоверчиво взглянула на него Василиса. – Щипли гуся так, чтобы не кричал.

– Не веришь? – горячась, спросил Гусочка. – Так я ж можу перекреститься!

– Ты в нужник идешь и тебе ничего не стоит перекреститься, – махнула рукой Василиса.

Гусочка снял с себя одежду, повесил на колышек, вбитый в стену. Неважно выглядел он в костюме Адама: ноги тонкие, с широко раздвинутыми ступнями, шея длинная, худая, позвоночник выпирал по всей спине острыми костями, кожа дряблая, землисто-желтого цвета.

Пройдя в баню, он погрузился в теплую воду. Василиса плеснула кипятку на раскаленные камни, лежавшие на плите, и все помещение заволкло густым паром. Василиса намылила мочалку и принялась скрести тощие бока мужа, приговаривая:

– А грязи сколько! И как ты только терпел?

– В боях не до етого было, – буркнул Гусочка.

Василиса помыла ему спину, вытерла банное подголовье на лавке и пошла в дом готовить ужин. Гусочка вылез из ванны, понежил в пару на полке, побил себя вишневым веничком по ляжкам, всполоснулся чистой водою, насухо вытер полотенцем распаренное красное тело, надел свежее белье и, облачась в бумазейный, домашний костюм, вернулся в кухню. Стол уже был приготовлен. Гусочка уставился на принарядившуюся жену, одобрительно прищелкнул языком:

– О-ба! Ето и я понимаю! Как ягодка стала!

Василиса налила в стопки водку. Гусочка чокнулся с нею, воскликнул:

– Ну дай бог, чтобы не последняя!

Выпили. Гусочка уплетал борщ за обе щеки и так сопел, что казалось под столом кто-то раздувал кузнечный мех. Тарелка его быстро опустошилась, и он стал уминать второе блюдо – блины со сметаной. Но, к большому удивлению Василисы, ел с хлебом, и она, вытерев полотенцем губы, толкнула его в плечо и сказала:

– Тю на тебя! Хлеба и так мало, а ты черт знает что вздумал! Хлеб с хлебом ешь.

– Рази одних блинов наешься? – ответил Гусочка скороговоркой. – А с хлебом трымнее⁴⁶¹.

– Но муки у нас на одну выпечку осталось, – предупредила Василиса. – Треба на днях смолоть хоть один чувал.

---

⁴⁵⁹ Дать ладу – справляться с чем-либо, разобраться с чем-либо, понять. – прим. Гриня

⁴⁶⁰ Бароха, баруха, барёха – любовница, сожительница. – прим. Гриня

⁴⁶¹ Трымнее – питательнее, калорийнее.

Гусочка вышел из-за стола, с минуту бормотал молитвы перед образами, потом лег на диван и выставил поверх исподней рубашки тот самый золотой крестик, который «раздобыл» в плавнях, и долго соображал: домолоть ли то зерно, что осталось в закроме, взять ли тайком от жены из ямы или, может, пойти подзанять у кого-нибудь немножко; пусть разнесется слух о том, что Гусочки уже голодные сидят, побираются, после того как ограбили их совдеповцы – забрали пшеничку по продразверстке; лезли в голову и другие мысли... Кряхтя, он приподнялся с дивана, взял в сенцах большой грубый чумал и, скручивая его в рулончик, тут же вернулся в кухню.

– Пойду позычу⁴⁶² у кого-нибудь пудика два-три, – нерешительно проговорил он, обращаясь к жене.

Василиса непонимающе посмотрела на него.

– Там же есть еще в амбаре, – сказала она, моя посуду.

– Негоже выгребать дотла, не по-хозяйски, Васенька, – вразумлял ее Гусочка. – Увидят люди, что молотъ повез, чего доброго, ще наведаются за зерничком и эти, новые власти, а оно, Васенька, зерничко-то, не токо Врангелю и Атанте нужно, но також потребно и нам. Видала, какие обозы прут в горы, метут все подчистую. Пойду, хтось змилуется.

Василиса не стала больше перечить мужу, заметила только:

– Поздно вато уже, может, завтра сходил бы.

– Как раз в пору: все дома, управились по хозяйству. Можно и посидеть трошки, покалякать, новостей прознать, – мягко сказал Гусочка и взялся за щеколду.

Но Василиса вдруг, забеспокоившись, проговорила:

– Неудобно ходить позычать зерно с таким здоровенным чумалом. Лучше вот этот, поменьше.

Она взяла с лавки пустой старенький чумальчик и кинула мужу. Гусочка бросил в угол скрученный ранее мешок, сунул под мышку тот, что предложила ему жена, и скрылся за дверь.

Натоптавшись за день в большом безалаберном хозяйстве, Василиса так устала, что уснула мертвецким сном, едва коснувшись головой подушки.

Гусочка долго стоял посреди двора, поглядывая в сад и почесывая затылок, затем направился в сарай, где у него на колышках, вколоченных в стену, висели различные инструменты. Чиркнув спичкой, он выбрал сверло среднего размера, завернул его в чумальчик и, тут же подобрав кочерыжку с обрушенного кукурузного кочана, положил в карман свободных полотняных штанов, в которые предусмотрительно переоделся, и решительно двинулся в сад, к плетню, отделявшему его двор от двора соседа Хмары. Подойдя к перелазу, Гусочка еще раз поскреб в затылке, перекрестился и осторожно, чтобы не всполошить псов, перебрался через плетень в сад к соседу, тихонько пошел между деревьями. Сад кончился, темнота немножко рассеялась. Гусочка очутился в пяти шагах от цели, остановился, перевел дух и полез под амбар. Все шло как нельзя лучше, но, ползая в тесном подполье, он нечаянно зацепил ногою какую-то железку, и она зазвенела. В эту же минуту послышался дружный лай собак. Гусочка отлично знал подворье Хмары, собак не боялся, они на цепи: одна бегала от двери амбара до двери конюшни, другая – от конюшни до крыльца дома. Гусочка притаился. Собаки утихли. Немного успокоившись, он принялся за дело: начал в полу амбара исподнизу сверлить дыру... Чувствуя чье-то постороннее присутствие, собаки несколько раз принимались громко лаять, и Гусочка, затаившись, тихо лежал, пережидал, пока собаки утихнут...

Наконец основная работа была закончена. Гусочка расправил чумальчик, подставил под отверстие, и зерно тоненькой струйкой посыпалось в него. Вор с наслаждением прислушивался к еле уловимому шелесту сыплющейся пшеницы. Довольный удачей, он думал: «Чем палить зерничко в яме, абы ж Врангелю чи там Атанте отдавать, лучше я его в дело употреблю. Смелю мукички, Васенька напечет оладочков, наварит вареничков, наедемся и будем жить. Так я, выходит, больше богу угодию, чем етот Хмара». Наточив мешочек чуть не доверху, Гусочка завязал его потуже, по-хозяйски заткнул дырочку в полу кочерыжкой и хотел было уже выбираться из-под амбара, но собаки, услышав возню, подняли такой лай, что вору пришлось снова затаиться. В этот момент он ясно услышал скрип двери и четкие шаги по ступенькам крыльца, замер. Собаки замолчали, но шаги явно приближались к амбару. Гусочку затрясла лихорадка, в мыслях он проклинал и себя, и жизнь свою, и все на свете.

«Ежели я ще хоть раз что-нибудь украду, нехай мне бог руки и ноги повыкручивает, морду

---

⁴⁶² **Позычать** – занимать в долг, брать взаймы. **Позычить** – занять. – прим. Гриня

повернет в левый бок и так оставит на всю жизнь, нехай мне...» Мысль не сработала до конца, ибо шаги сначала затихли, затем опять послышались, но уже где-то далеко, около конюшни. Гусочка воспрянул духом и весь гнев мысленно обрушил на соседа: «Ач, черты носят середь ночи, не спится ему! Чего б я ото тут шлендал⁴⁶³?!» Но сосед теперь шел прямо к амбару, Обойдя его вокруг, Хмара остановился против вора. Гусочка увидел рядом с собой ноги соседа и омертвел от страха, закрыл глаза и почувствовал, как от головы и по всему телу распространяется острый холод. Особенно стыли пятки, и Гусочке казалось, что больше он уже не встанет. Сосед постоял немножко, взглядываясь в темноту сада, и пошел по направлению к дому. Скрипнула дверь. Все утихло. Гусочка постепенно начал оживать, пошевелил ногами – двигаются, сжал кулаки – и руки работают. Вылез из-под амбара. Собаки опять залаяли, но сосед не появлялся во дворе.

Трижды за ночь лазил Гусочка в подполье. Три мешка пшеницы перенес из чужого амбара.

* * *

Чуть свет Хмара с беспокойством вышел из дому, повел глазами по всему двору. Он знал, что собаки лаяли не зря, но нигде ничего обнаружить не мог: все как будто было на месте. И он решил еще раз обойти постройки, походить по саду: может, хвостиковцы груши бергамотовые рвали? Обходя амбар, он заметил вмятину в пыли. Она осталась от мешка, который вор тянул по земле из-под амбара. Присмотрелся – кое-где рассыпано зерно, тянется узкой ленточкой в сад, к перелазу. Рядом с этой стежкой обнаружили еще две стежки. Они часто перекрещивались между собой, расходились, потом опять сливались в одну. Три переплетающиеся ручейка из зерна привели Хмару к дому Гусочки. Во дворе не было никого. Старик окликнул соседа. На зов явилась Василиса. Хмара объяснил ей все по порядку. Василиса нырнула в дом, накинулась на мужа с бранью. Гусочка проснулся и высунулся на крыльцо. Часто моргая глазами, он обратился к соседу и с обидой спросил:

– А шо вы тут на меня набрехали, дядько Софрон? Якое такое зерно я у вас украл?

Хмара показал ему дорожку из пшеницы. Гусочка окаменел, но тут же взбодрился и выпалил:

– Да ето ж вы меня обворовали, дядько Софрон! Дорожки-то идут от моего амбара до вашего.

– Но дыра проверчена в полу только моего амбара! – сказал Хмара.

Дальше Гусочка отпираться не стал: он понял, что его предал чувальчик, где в одном из гузырей⁴⁶⁴ была небольшая распорешка⁴⁶⁵. Тут он трижды чертыхнулся в уме, сваливая всю вину на Василису: она подсунула ему этот драный чувал. Махнув рукою, он пробормотал:

– Ладно, забирайте свое зерно, подавитесь им! Вы лучше спалите добро, чем людям...

Зная твердо, что зерна своего от Гусочки не получить, Хмара укоризненно покачал головой.

– Плохой ты сосед, Иван Герасимович! Вот если бы все соседи были такие, как Яков Калита, я бы гроши свои складал на этом месте! – Он положил ладонь на столбик в изгороди. – А ты хамлет!

XXX

В душевной спальне лежал Григорий Молчун. Под горящей лампадой на стуле сидела мать. Со слезами на глазах она следила за каждым движением сына, изредка вытирала мокрым полотенцем его вспухшее лицо. Григорий тяжело дышал, то и дело ворочался на взбитых пуховиках.

Из кухни в приоткрытую дверь заглянул Федот Давидович. Сняв шапку, он переступил порог, сказал сыну:

– Вот что, Гриша. Хоть ты и не хочешь лечиться у лекаря, а я его покликал. Сейчас должен прийти.

Во дворе залаяли собаки. Меланья Аристарховна выбежала из дома и вернулась с фельдшером,

---

⁴⁶³ **Шлендать, шлындать** – шляться, шататься без дела, слоняться, бродить от безделья. – прим. Гриня

⁴⁶⁴ Здесь – угол мешка. – прим. Гриня

⁴⁶⁵ **Распорешка** – распоротость, распущенный шов, дырка. – прим. Гриня

пожилым мужчиной, одетым в штатское. Опустившись на стул у кровати, он с укоризной сказал Григорию:

– Что же это вы, любезный, отказываетесь от лечения? А ну-ка дайте вашу руку.

Григорий нехотя повиновался. Фельдшер, глядя на карманные часы, стал проверять пульс.

– Да-а... – многозначаче протянул он. – Нельзя так относиться к себе. Снимите-ка с него повязку.

Меланья Аристарховна разбинтовала голову сына.

– Что у него? – забеспокоился Федот Давидович.

Фельдшер ничего не ответил. Набрав в шприц какого-то раствора, он сделал укол больному и начал расчищать загноившуюся рану. От невыносимой боли Григорий стонал, скрежетал зубами и вдруг потерял сознание. Фельдшер привел его в чувство, сделал перевязку.

– Ну вот, пока все, – сказал он.

Во дворе Федот Данилович снова спросил:

– Дюже опасно это?

– Очень! – ответил фельдшер. – У вашего сына гнойное заражение.

– Неужто умрет?

Фельдшер пожал плечами.

– Все зависит от организма. Возможно, и выживет, но надежды мало. Заболевание тяжелое.

* * *

У церковной ограды пылали костры, бросая зловещие отблески на только что построенные виселицы.

В ярко освещенной канцелярии станичного правления сидели казаки-бородачи и офицеры. Разговор шел о боевых действиях на улагаевском фронте, об успехах хвостиковской армии, о союзниках.

Явился Гусочка, волоча кривую шашку по полу. Сел рядом с Бородулей, прислушался к беседе и хотел было вставить слово, как лично видевший Улагая, но тут вошел Хвостиков с братьями Крым-Шамхаловыми. Все встали, офицеры отдали честь. Генерал небрежно кивнул в знак ответного приветствия и, взглянув на Гусочку, сказал:

– Вот что, господин унтер. Нынешней ночью нужно очистить станицу от всех большевистских элементов.

– Рад стараться, ваше превосходительство! – вытянулся в струнку Гусочка.

– В помощь выделяю тебе «дикую» сотню Джентемирова, – добавил Хвостиков.

– Слушаюсь! – приложил Гусочка руку к папахе.

Хвостиков прошел в соседнюю комнату, где его ожидали Крыжановский и другие офицеры. Крым-Шамхаловы стали у двери, поглядывали исподлобья на казаков. Матяш время от времени смотрел на них с затаенной настороженностью.

Гусочка сделал несколько шагов взад и вперед, желая обратить на себя внимание присутствующих, особенно стариков: он-де теперь не просто Гусочка, а еще и каратель, которому предстоит расправиться с большевиками, оставшимися в станице. Потом он удалился из канцелярии, тряхнул головой на крыльце и погрозил кулаком:

– Ну теперички я возьмусь за вас! Ни одного красного не оставлю. Всех под ноготь!

Не успел он взнудать Анархию, как к нему подбежали Крым-Шамхаловы.

– Генерал моя и моя брата к твоя посылал, – сказал Дауд на ломаном русском языке.

– Ето зачем же? – спросил Гусочка.

– Пособляй, пособляй буду! – объяснил Баксанук гортанным голосом.

– Ето можно! – кивнул Гусочка. – Я зараз поеду к Джентемирову, а вы побудьте тут. Понятно?

– Ахы⁴⁶⁶, ахы, господин унтер-офицера! – сказал Баксанук.

Из правления вышел Матяш. К нему обратился Дауд:

– Твоя в эта станица жила?

– В этой, а что?

– И родича тут?

– Нет никого.

Гусочка выехал со двора и скрылся в темноте. Баксанук толкнул Матяша в плечо:

– Твоя табак есть?

– Есть! – Матяш подал ему кисет.

Баксанук закурил.

– Ахы, – проговорил он, и на его широком лице мелькнула в потемках еле уловимая улыбка. –

Теперь наша будет твоя кунак⁴⁶⁷. Ходи на наш юй⁴⁶⁸. Моя старый ата⁴⁶⁹ гость будешь.

– Не возражаю, – сказал Матяш. – Я немного слышал о вашем отце – князе на Безымянке. Говорят, он очень богатый человек.

– О, наша ата богатый бий⁴⁷⁰, – подхватил Баксанук. – Много, много земля, много инек⁴⁷¹ и кой⁴⁷², табуны ат⁴⁷³!

Матяш отвязал своего коня от брички, сел на него и, расставшись с Крым-Шамхаловыми, направился домой.

Во двор правления в сопровождении «дикой» сотни Джентемирова вернулся Гусочка. Баксанук и Дауд сели на лучших коней, содержавшихся в конюшне при штабе, вместе с ним и его телохранителями поскакали в станицу. Завернули за угол и поехали по набережной в сторону моста через Кубань. Гусочка указал на второй двор от перекрестка:

– С етого начнем.

Слезли с лошадей. Гусочка постучал кулаком в темное окошко, закричал:

– Отчиняй⁴⁷⁴!

Из-за белой занавески глухо донеслось:

– Кто там?

– Отчиняй, кажу! – требовательно повторил Гусочка.

Скрипнула дверь, и на пороге появилась рослая женщина с распущенными волосами. Застегивая кофточку, она робко улыбнулась, промолвила:

– Что это вы, Иван Герасимович, спозаранку?.. Я не могла распознать вас по голосу. С чем бог принес?

Гусочка отстранил ее от двери и, проходя в просторную комнату, ворчливо сказал:

– Ты напредь в хату пригласи, потом спрашивай.

Казачка зажгла лампу. На кровати под ватным одеялом спали дети. Один мальчик приподнял голову, посмотрел на ночных пришельцев сонными глазами. Гусочка замахнулся на него плетью, и мальчик нырнул под одеяло.

– Что с ведьмой будем делать? – обратился Гусочка к своим подчиненным. – Тут пустим в расход или как?

– Дело ваше, господин унтер! – расхаживая по комнате, ответил Джентемиров. – Вы знаете, кто она такая.

---

⁴⁶⁷ **Кунак** – побратим, приятель, друг. – прим. Гриня

⁴⁶⁸ **Юй** – дом.

⁴⁶⁹ **Ата** – отец.

⁴⁷⁰ **Бий** – князь.

⁴⁷¹ **Инек** – корова.

⁴⁷² **Кой** – овца.

⁴⁷³ **Ат** – лошадь.

⁴⁷⁴ **Одчинять, видчинять.** – открывать двери, окно, отмыкать. – прим. Гриня

– Она кума Ропота, ярого большевика, господин кольрет⁴⁷⁵! – пояснил Гусочка.
– Плетка надо, уруга кереди⁴⁷⁶, – предложил Баксанук. – Баранчук⁴⁷⁷ у него много.
– Иван Герасимович, – заплакала казачка, – разве я виновата? Покумились мы давно. Покойный человек крестил у Ропота старшего сына, а потом и Ропот пошел к нам в кумовья... До революции дело было.

– Ладно, не реви, – сказал Гусочка. – Так и быть, поставь нам горилки, мы подзакусим и пойдем.

– С дорогой бы душой, – всхлипывала женщина, – но у меня ничего нет. Хоть поищите.

Гусочка открыл сундук, стал выкладывать из него одежду.

– Тогда я возьму у тебя это барахлишко, – заявил он и бросил на сгиб левой руки старую мужнину поддевку и каракулеву кубанку. – Оно тебе уже непотребно, а мне знадобится.

– Что ж, берите, если совесть ваша позволяет.

– Цыть! – гаркнул Гусочка. – Это за то, что кумовалась с большевиком.

Дауд громко захохотал:

– Ай, машала⁴⁷⁸! Ай, машала! У кого бьёрк⁴⁷⁹ плохая, у того лица нет!

– Черт с нею! – махнул рукой Гусочка. – Пошли.

Всю ночь он лютовал в станице. То из одного, то из другого двора вырывались отчаянные крики и плач...

А перед рассветом, когда на восточной половине станицы не осталось ни одного «большевика» – все были направлены в правление и там заперты в подвале и амбаре, – Гусочка решил зайти еще к свояченице покойного Гуни. Но тут, у ее двора, карателям навстречу попался седобородый казак.

– Так это ты, Иван Герасимович, всю ночь так знуцался⁴⁸⁰ над станичниками? – гневно спросил он.

– А твое какое дело? – огрызнулся Гусочка.

– Эх ты, хамлет! – брезгливо бросил старик.

Гусочка схватился за шашку.

– Да я тебя за етакые речи на куски порубаю!

– Попробуй, Мурзик! – Старик сжал кулаки. – Хочешь, чтоб я с тебя стащил твои красные штаны?

– Ну-ну, без этого! – попятился Гусочка, так и не посмев обнажить шашку.

– Тьфу на тебя, пес шелудивый! – плюнул старик и пошел по улице.

XXXI

Утром к правлению подъехала коляска с поднятым верхом. Мирон прыгнул с облучка, помог Меснянкину выбраться из кузова, услужливо обмахнул с него пыль. Старик расправил белые усы и бороду, оперся на трость, отделанную серебром, и медленно стал подниматься на крыльцо. Краснодольские богатеи, стоявшие тут, почтительно сняли перед ним шапки.

– Якову Николаевичу наше почтение! – прохрипел кто-то из бородачей.

– С приездом! – подхватили другие.

– Спасибо, господа казаки, спасибо, что не забыли! – поклонился им Меснянкин.

---

⁴⁷⁵ Гусочка, как всегда, коверкает слова. Скорее всего здесь искажение слова «корнет» – младший офицерский чин в кавалерии, соответствующий казачьему «хорунжий» и армейскому «прапорщик». – прим. Гриня

⁴⁷⁶ **Уруга кереди** – надо бить.

⁴⁷⁷ **Баранчук** – ребенок, парень-подросток. – прим. Гриня

⁴⁷⁸ **Машала** – молодец.

⁴⁷⁹ **Бьёрк** – шапка.

⁴⁸⁰ **Знуцаться** – издеваться. – прим. Гриня

В канцелярии толкались вооруженные хвостиковцы. Меснянкин прошел в зал, где вдоль стен на скамьях сидело десятка три почетных стариков, среди которых находился и отец Валерьян с сияющим золотым крестом на груди. Увидев Меснянкина, он встал. За ним поднялись и все остальные, склонили перед возвратившимся из-за границы помещиком седые головы. Меснянкин узнал многих. Они поочередно подходили к нему, пожимали руку.

Он уселся в специально приготовленное ему кресло и, вытянув разрывшиеся от ревматизма ноги, спросил:

– Какие новости, господа?

Ему сообщили об упорных боях под Армавиром, куда срочно был направлен генерал Крыжановский с двумя кавалерийскими полками.

Пришел Гусочка. Скользя воробьиными глазами по бородачам, сидевшим на скамьях, – нет ли среди них старика Хмары, у которого прошлой ночью «позычал» пшеничку, и, увидев, что его нет, пожал руку помещику и сел рядом с ним.

– Как ваше здоровьечко, Яков Николаевич?

– Так себе, – нехотя ответил Меснянкин.

– А это правда, что вы, Яков Николаевич, в Англии проживали?

– Было такое.

– И как она, Англия та? Ничего себе?

– Ничего.

– Сильная чи токо пыль пущает в глаза?

– Могучая держава, – ответил помещик.

– Што ж она так мало помогает нам?

Все замолкли, прислушались к разговору.

– Помогает она нам неплохо, – сказал Меснянкин, искоса поглядывая на докучливого собеседника. – А вот мы, надо прямо сказать, воюем еще неважно.

Гусочка поскреб затылок, стал рассматривать свои темно-синие штаны, в которые переделался дома после совершенного им погрома в станице, затем завистливо оглядел костюм на помещике, полюбопытствовал:

– А скажите, Яков Николаевич, вы этот костюм в Англии покупали? Суконце, видать, отменистое.

Меснянкин сделал вид, что не слушает его, отвернулся к окну. Но Гусочка не унимался.

– И ботинки на вас не иначе как аглические, – сказал он деловито.

Помещик не выдержал, раздраженно дернул плечом:

– Будет вам! Черт знает что такое!

Гусочка обиженно скривил губы, вытер пот с лысины и только раскрыл рот – в зал вошел Хвостиков, а за ним – Бородуля, Молчун, Матяш и другие офицеры. Ответив на приветствия присутствующих, Хвостиков остановился у стола, за которым сидели Тупалов и два писаря.

– У вас все готово? – обратился он к начальнику штаба.

– Да, можно начинать! – ответил тот.

Хвостиков поднял руку с висевшей на ней плетью и, выждав немного, сказал:

– Господа казаки и офицеры! Сейчас «дикая» сотня Джентемирова приступит к своим карательным функциям. Вам, господа старики, предоставляется право судить всех негодяев, которые в той или иной мере связаны с красными. Никакого снисхождения к врагам! Мы должны уничтожить всех большевиков, всех до единого!

Он сел в кресло, бросил Бородуле, стоявшему у двери:

– Давайте, господин есаул!

Бородуля открыл дверь, и Крым-Шамхаловы ввели трех женщин. Среди них была и Евдокия Денисовна Калита. Гусочка указал на нее пальцем:

– Это настоящая большевичка, ваше превосходительство! Ее чоловік в ревкоме дневал и ночевал. А теперички бежал с красными.

– Где ваш муж? – спросил Хвостиков.

– Откуда ж я знаю? – заплакала Денисовна.

– Всыпать ей двадцать пять плетей! – приказал Хвостиков.

Братья Крым-Шамхаловы набросились на старуху. Молчун жестом руки остановил азиатов, взглянул на сваху и обратился к Хвостикову:

– Ваше превосходительство, Калита бесспорно большевик. Его надо изловить и покарать по заслугам. Но что касается этой женщины, то я прошу не применять к ней репрессии.

– А я не согласный! – возразил Гусочка. – У нее и дочки у красных.

Меснянкин поднял руку и, опираясь о подлокотник кресла, с трудом встал.

– Я считаю, – сказал он тихо, – что эту старуху нужно освободить. Мы должны карать действительных большевиков. А это пожилая женщина. Несправедливо подвергать таких людей наказанию.

Хвостиков гаркнул:

– Под плети!

Денисовна упала перед ним на колени и разразилась рыданиями:

– Миленький, голубчик! Пощади мою седую голову. Смилуйся!

– Под плети! – повторил Хвостиков.

Крым-Шамхаловы повалили старуху на пол, и плети их засветили в воздухе. Денисовна сначала голосила, просила пощады, затем впала в беспамятство, замолкла. Две ее товарки по несчастью прижались друг к другу, с ужасом смотрели на зверскую расправу... Старуху привели в чувство, поставили на ноги.

Хвостиков свирепо взглянул на нее.

– Ну! Где муж? Признавайся!

– Родненький, – плакала Денисовна, – он еще вчера вечером ушел, а куда – ничего не сказал.

– Вот что, бабка, – предупредил ее Хвостиков, – как только он явится домой – сейчас же доложишь нам. Поняла?

– Хорошо, хорошо, – пообещала Денисовна, вытирая слезы.

Гусочка подтолкнул ее к двери.

– А теперички иди и не оглядывайся!

Денисовна поклонилась и вышла из зала.

* * *

Заливаясь слезами и с трудом передвигая ноги, она брела домой по широкой безлюдной улице.

«Господи, заступник наш, – с отчаянием вырывалось из ее груди, – неужто не видишь ты, как мордует безвинных этот мизгирь остроголовый? Неужто не покароешь его, пристебайла⁴⁸¹ недоколыханного⁴⁸²?..» Добравшись до своего двора, она долго стояла под шелковицей в оцепенении, затем, собравшись с силами, переступила порог сенца. В великой хате упала на колени перед иконами и снова залилась слезами. Исхудавшее морщинистое лицо искажала острая физическая боль и душевная мука. Посиневшие губы шевелились, судорожно подергивались.

В щитке широкой печи послышался шорох, и тотчас кирпич ушел в стену. В образовавшейся дыре показалась черная борода и горящие зрачки Калиты.

– Били? – спросил он тихо.

Денисовна встала, заохала.

– Еще как били, – ответила она всхлипывая. – Всю спину и ноги плетюганамы исполосовали. Вот, гляди.

Увидев кровавые следы плетей, Яков Тимофеевич почувствовал, как от щемящей боли сжалось сердце.

– Кто же это тебя так? – выдавил он с трудом.

– Гусочка и еще два каких-то азиата, – простонала Денисовна.

– Гады ползучие! – злобно проговорил Яков Трофимович и, помолчав, спросил: – Что ж ты про меня им сказала?

– Уж известно – все скрыла, – ответила Денисовна и, сев на скамейку, вздохнула: – Не глядела

---

⁴⁸¹ **Пристебай, пристебайло** – человек, выполняющий какую-либо неприятную, грязную и т. п. работу, холуй, прихвостень. – прим. Гриня

⁴⁸² **Недоколыханый** – недалекий человек, недотепа, здесь – недоразвитый. – прим. Гриня

бы на белый свет! Настало время – хуже татарщины.

* * *

Джентемиров лихо гарцевал вблизи центральной виселицы на карем тонконогом кабардинце. У крыльца правления и у церковной ограды толпились казаки и казачки.

Началась расправа. Первой жертвой был назначен Кушнарь. Три дюжих хвостиковца поволокли его к виселице. Гусочка и Крым-Шамхаловы распорядились повешением. Кушнарь отчаянно сопротивлялся, упираясь сильными ногами в землю. Наконец его подтащили к виселице, набросили петлю на шею. Отец Валерьян поднял крест, поднес к губам смертника, сказал:

– Целуй распятие!

Но Кушнарь вдруг рванулся вперед, плюнул попу в лицо.

– Вот тебе, паскуда! Со своим крестом лезешь! – Потом обернулся к палачам, крикнул: – Отольются вам слезы людские! Всех не перевешаете, собаки!

Аншамаха изредка поглядывал на площадь, с большим трудом сохранял внешнее спокойствие. Скрепя сердце, он возился во дворе правления с несколькими запаленными лошадьми, которые поступили к нему на лечение из разных частей армии... На крыльцо вывели деда Опанаса, осужденного хвостиковским судом на повешение за его частые высказывания против Врангеля и других белых генералов. Над площадью пронесся крик деда:

– Други, спасите, други!

Руки у него связаны за спиной. Конвойные толкнули его в проход, образованный стариками и старухами, те начали колотить его палками, злобно приговаривая:

– Вот тебе, нечистый дух!

– Шоб не болтал языком!

– Вот тебе, бисив прислужник.

Бабка Конотопиха, у которой внук Данилка находился в банде и теперь гостил дома, тоже ударила смертника клюкой по голове, прохрипела:

– У, гнояка⁴⁸³ треклята!

Аншамаха, чтобы унять нервы, чуть ли не до крови прикусил губы. В эти минуты даже мысли о Перевертайло, которого ему так и не удалось увидеть, отошли на задний план. Случайно обернувшись, он увидел Хвостикова и Тупалова, направлявшихся к конюшне.

– Как лошади, поправляются? – спросил генерал, обращаясь к нему.

– Стараюсь, ваше превосходительство, – ответил Аншамаха.

– Ну-ну, смотри, чтобы поправились, – сказал Хвостиков.

Рядом с корытом стояли маленькие вилы-тройчаки⁴⁸⁴. Как хотелось Аншамахе схватить их и проткнуть острыми зубьями грудь палачу, чтобы отомстить за смерть Кушнаря и деда Опанаса, за всех, кого ждала на площади жестокая расправа.

– Может, тебе еще помощников дать? – спросил у него Тупалов.

– Обойдусь и сам, – ответил Аншамаха.

– Ты, видно, старательный коновал, – благодарно улыбнулся Хвостиков. – Учти, за мной не пропадет.

– Рад стараться! – отчеканил Аншамаха, глядя в глаза генерала с той прямоотой, за которой самый проникательный человек не заметил бы ненависти.

* * *

Данила Конотоп влетел на коне во двор правления, отдал честь Хвостикову и, заикаясь от волнения, доложил:

---

483 **Гнояка** – навоз. – прим. Гриня

484 **Вилы-тройчаки** – вилы с тремя зубьями. – прим. Гриня

– Ваше п... пре-восходительство! К... красные н... на бугре! На... на станицу и... идут!

– Откуда ты взял? – спросил Хвостиков.

– В дозоре я. С... сам видел! – ответил Конотоп, не чувствуя от страха, как пот заливает все его раскрасневшееся рябое лицо.

Хвостикову подвели коня. Вскочив в седло, он так стегнул скакуна, что тот мигом вылетел на площадь. Увидев генерала, палачи застыли около виселиц.

Хвостиков привстал на стременах, взмахнул плетью, крикнул:

– На подступах к станице красные! Приготовиться к бою!

Знаменосец развернул алое полотнище с изображением волчьего хвоста.

– За мной! В контратаку, мааа-аа-аррш! – скомандовал Хвостиков и помчался на окраину станицы.

Жители начали разбегаться по домам. Отец Валерьян, подобрав полы рясы, бросился к дочери, стоявшей у церковной ограды.

– Ава, живо домой!

Пользуясь замешательством среди хвостиковцев, часть приговоренных к смерти сумела бежать из-под охраны.

В штабе царила паника. Тупалов подгонял дежурных и писарей, чтобы те скорее грузили имущество и ящики с документами на подводки.

– А ты чего стоишь? – заорал он на Аншамаха. – Выводи лошадей из конюшни!

Через несколько минут штаб уже был на колесах. Больных коней связали попарно и приготовили к угону за Кубань. Тупалов с нетерпением ждал дальнейших указаний Хвостикова.

Аншамаха снова увидел Перевертайло, который, прискакав во двор и резко осадив коня перед Тупаловым, спросил впопыхах:

– Что, красные наступают, господин полковник?

К начальнику одновременно подлетел корнет Джентемиров, вздыбил коня и, приложив два пальца к папахе, воскликнул:

– Господин полковник! Паника ложная. Никаких красных в поле не обнаружено. Его превосходительство, генерал Хвостиков, приказал штабу оставаться на месте.

Тупалов распорядился вернуть документы в кабинет правления и всем сотрудникам штаба занять свои места. Аншамаха загнал лошадей в конюшню. К нему подошел Перевертайло, достал из кармана кисет.

– Закурим, земляк?

Аншамаха пытливо взглянул на него, сказал:

– Вот уж не думал встретить тебя здесь. Давно к Хвостикову переметнулся?

– Дня за три до твоего появления, – ответил Перевертайло.

– Доброволец, значит?

– Как и ты, – улыбнулся Перевертайло и, наклонившись поближе, прошептал с опаской: – Не миновать нам виселицы, если кто-нибудь из них дознается.

– Ты о чем? – насторожился Аншамаха.

Перевертайло оглянулся, нет ли кого поблизости, и, совсем снизив голос, сказал:

– Ты меня, Терентий, не бойся. Мы здесь – по заданию Левандовского. Будем действовать вместе.

На крыльцо вышел Тупалов. Увидев его, Перевертайло простился с Аншамахой и повел поить своего коня к колодцу.

* * *

Хвостиков въехал на бугор, осмотрел в бинокль всю степь, но нигде ничего подозрительного не обнаружил. Вскипев от гнева, он потребовал к себе Конотопа.

– Ты что же это, сукин сын, голову мне морочишь? – спросил он, зловеще скривив губы.

Вокруг плотным кольцом стояли офицеры. Бородуля и Молчун переглянулись.

– В... ваше п... превосходительство, – побледнев от страха, пробормотал Конотоп. – Я... я ошибся... Простите! – И, указав на золотистые скирды соломы, дрожавшие на горизонте в душном мареве, он слезливо проскулил: – Мне показалось... б... будто к... конница красных то.

– Слезай с лошади! – закричал Хвостиков и обнажил шашку.

Конотоп спешился, упал на колени.

– Пощадите, в... ваше превосходительство!.. Помилуйте, пожалейте!.. Померещилось мне, ваше превосходительство!

– В другой раз не померещится! – сказал Хвостиков и, взмахнув шашкой, с силой опустил ее на голову Конотопа.

Расправившись с парнем, он приказал не убирать труп в течение трех суток, повернул коня и поскакал в станицу. За ним последовала кавалерия.

К зарубленному Конотопу прибежали мать и бабушка, заголосили, запричитали над трупом.

– Это вы, маманя, накликали беду на Данилку, – захлебываясь слезами, сказала Конотопиха. – Били вы безвинных людей на площади перед повешением, вот и покарал нас бог.

– Ой, горе нам, горе! – стонала старуха, билась головой о сухую землю и рвала седые растрепанные волосы.

XXXII

Казни на площади продолжались до поздних сумерек. Ропот, стоявший среди пленных красноармейцев, никак не мог смириться с мыслью, что ему придется погибнуть на виселице от рук палачей.

«Нет, я не отдам свою жизнь так дешево, – думал он, приглядываясь к конвойным и выискивая глазами, у кого бы из них выхватить винтовку. – Хоть одного-двух уложу, и то умирать будет легче!» Он надеялся, что первые же выстрелы вызовут на площади и среди конвойных переполох. Пользуясь этим, можно будет скрыться в потемках.

Взгляд его остановился на пьяном казаке-конвойном, стоявшем у церковной ограды. Прислонив винтовку к груди, казак шарил обеими руками у себя в карманах. Ропот напрягся. Все его внимание было сосредоточено на винтовке. Он осторожно сделал небольшой шаг вперед. Остановился, чтобы окончательно обдумать каждое дальнейшее движение... И он, наверное, осуществил бы свое решение, если бы Джентемиров не объявил:

– На сегодня хватит! Остальных завтра утром повесим.

Пленных, доставленных к виселице, вернули в кладовую, заперли на замок. Справа находилась конюшня, слева – уборная, а прямо против входа в кладовую, пристроенную к южной стене здания станичного правления, шагах в десяти от нее, стоял деревянный забор, отделявший двор от фруктового сада. В два маленьких окна, обращенных к уборной, были вделаны толстые решетки. У двери взад и вперед вышагивал часовой. Ропот понял, что отсюда не удастся выбраться. Заключенных было двенадцать человек. Они сидели на каменном полу, молчали.

«Это моя последняя ночь», – с тоской подумал Ропот, глядя в окно на звездное небо.

В первом часу ночи, вскоре после очередной смены часовых, снаружи донесся какой-то шум. Кто-то глухо замычал, затем спустя немного времени тихо заскрежетал дверной засов. Затаив дыхание, пленные обернулись к двери. Она медленно раскрылась, и на пороге появился человек.

Под стеной дома Ропот увидел еще одного мужчину. Тот, что стоял у двери, оглянулся. Незнакомец вошел в кладовую.

– Выходите по одному и быстро к забору, – сказал он. – Там есть лаз. В саду подождете меня.

Вскоре пленные были на берегу Кубани.

– Спускайтесь с кручи, – распорядился проводник. – Внизу две лодки.

Перед тем как сесть в них, Ропот заглянул в лицо незнакомцу, своему спасителю, и растроганно сказал:

– Спасибо тебе, товарищ!.. Вот. Ты хоть имя свое назови.

– Когда-нибудь узнаешь, – сказал незнакомец.

Ропот крепко пожал ему руку. Лодки отчалили от берега и, подхваченные течением, быстро скрылись в ночной темноте. Перевертайло постоял немного на круче. Убедившись, что беглецы не обнаружены, он вернулся во двор правления, где его ожидал Аншамаха. Вместе они втащили труп часового в кладовую, закрыли дверь на засов. Аншамаха отправился в конюшню к большим лошадям, а Перевертайло, чтобы не попасться па глаза часовым, ушел через сад.

На востоке разгоралась утренняя заря. Поглядывая на нее, краснодольцы с тревогой думали о том, что принесет им новый день.

Наумыч подгрел солому, надерганную курами из скирды, и, хромя, направился в хату. Мироновна только что подоила коров и теперь хлопотала у печки. На дворе залаяла Жучка. Мироновна вздрогнула и, выронив из рук ухват, пробормотала побледневшими губами:

– Ой, боже! Это за нами!

Дверь широко отворилась, и в кухню вошел Гусочка с белогвардейцами.

– Здорово, большевики! – язвительно бросил он. – Это почему ж гостей не встречаете?

Наумыч, сидя за столом, набивал люльку. Гусочка заложил руки за спину и щеголевато выставил ногу вперед.

– Ну, будете угощать чи там горилочкой, чи наливочкой медвяной? Це б то як и положено встречать⁴⁸⁵ дорогих гостей?

– Можно и угостить, – ответил Наумыч и, не сдержавшись, выдохнул злобно: – Ежели тебе своего харчу не хватает.

Мироновна прижалась к печке, в страхе молчала.

– Собирайся, – приказал Гусочка старику.

– Це не по-христиански, Иван Герасимович! – заголосила Мироновна. – И мой Лавруха где-то ж с вами.

– Был, а теперички нету, – ответил Гусочка. – Он не иначе до красных переметнулся.

– Ты в своем уме? – всплеснула руками Мироновна.

– А ну всыпать ей, чтоб не распускала тут свою диалогию! – крикнул Гусочка.

Наумыч затрясся всем телом, положил люльку на подоконник, схватил ухват и, сбив Гусочку с ног, начал колотить его изо всех сил. Гусочка полез на карачках к двери, бормоча в страхе:

– Ослобони, господи!.. Ослобони!.. Крест и святая икона!..

Мироновна бегала вокруг свекра, со слезами упрашивала:

– Папаша, не надо, перестаньте! Ой, лышенько!

Гусочка никак не мог подняться на ноги.

– Что ж вы?.. – кричал он растерявшимся белогвардейцам. – Меня убивают... и никто никому ничего! Сей мент хватайте его, хлопцы, хватайте!

– Я тебя угощу, нечистый дух, и горилочкой, и наливочкой медвяной! Будешь до новых веников помнить, как тебя встревал казак-домосед!

Гусочка наконец вырвался из-под его ударов и, зажимая рукой разбитое ухо, выглянул из-за двери, закричал еще сильнее:

– Эк матери вашей черт! Так не он постраждает, а мы туточки сложим головы!

Наконец старику скрутили руки, вытащили из хаты, поволокли в правление. Гусочка с двумя белогвардейцами набросились на Мироновну. Та в испуге уцепилась руками за акацию, росшую у сенец, обвила ее ногами и застыла от ужаса. Хвостиковцы не могли оторвать ее от дерева. Тогда Гусочка вскарабкался ей на плечи, стал бить коленом в шею. Руки Мироновны ослабли, и она посунулась по стволу акации. Белогвардейцы принялись сечь ее плетьюми.

– Бач яка, и не орет! – удивился Гусочка и, щелкнув затвором карабина, велел карателям отойти в сторону. Мироновна увидела дуло, направленное ей в грудь... В это страшное мгновение она невольно подумала: «А ну-ка, убьет меня с одного выстрела?»

Неожиданно во двор вбежал Федот Молчун. Подняв руку, он остановил Гусочку и громко спросил:

– Ты что делаешь, поганец?

– Хочу прикончить эту большевицкую ведьму, – ответил Гусочка.

– Не смей этого делать! – властно прикрикнул на него Молчун. – Какая она большевичка?

– Ригинально, – опустив карабин, протянул Гусочка озадаченно, потом, вспыхнув, спросил: – А где ее сын, вашкобродие? Где?

– Сейчас же убирайся отсюда!

Гусочка мельком взглянул на стиснутые кулаки Молчуна и понял, что надо сматывать удочки.

* * *

Хвостиков метал громы и молнии по поводу бегства пленных красноармейцев. Досталось дежурному по штабу, караульному офицеру, а больше всех разводящему.

– Немедленно заменить всю охрану штаба, – приказал Хвостиков Тупалову. – Сегодня у нас под носом убивают часовых, а завтра прикончат и меня с вами. Я подозреваю, что в нашей армии действуют вражеские лазутчики.

– А по-моему, это дело рук предателей, – сказал Тупалов.

– Хрен редьки не слаще, – бросил раздраженно Хвостиков. – Я должен быть окружен только надежными людьми, поэтому потрудитесь, господин полковник, произвести тщательную чистку среди штабистов.

Адъютант доложил о прибытии полковника Набабова. Когда тот обрисовал положение на своем участке фронта, находившемся в закубанском лесу, в трех верстах от коммуны, Хвостиков спросил:

– Обойдетесь своими силами?

– Вполне! – ответил Набабов.

– И когда же вы думаете занять коммуну?

– У меня все готово к наступлению, господин генерал-майор! Я жду вашего распоряжения.

– Учтите, полковник, коммунары будут сражаться с особым ожесточением, – предупредил Хвостиков.

– Знаю... – протянул Набабов.

Хвостиков склонился над картой, задумчиво покрутил усы.

– Пока немного повременим, – сказал он приказывающим тоном. – Надо прежде навести порядок в тылу, чтобы обезопасить себя от удара в спину. А коммуна никуда не денется: она у нас в железном кольце. Да и под Армавиром не совсем еще выяснилось положение наших войск. Так что ждите моего особого распоряжения.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

* * *

Джентемиров с несколькими верховыми белогвардейцами из своей «дикой» сотни пригнал к курганам Калры и Лезницы большую группу осужденных и заставил рыть общую могилу. Вместе с ними сюда приехал и Гусочка.

– А ну пошевеливайтесь шибче! – покрикивал на них унтер и, хихикнув, добавил: – Это ж вы готовите себе преисподнюю, вечный дом.

Джентемиров прохаживался у обрыва Гусиной плавни. Руки его с худыми длинными пальцами все время были в движении: левая то падала на эфес шашки, отделанный чернью, то вместе с правой хваталась за кривой кинжал, блестящий золотой насечкой. В черных, агатовых глазах поблескивали огоньки нетерпения. Матяш с белоказаками стоял на кургане Калры. В нескольких шагах от него два английских офицера горячо спорили о чем-то с американцем, особенно часто упоминая два слова: Майкоп и ойл. Матяш догадался, о чем шла речь, подумал обозленно: «Уже из-за майкопской нефти грызутся, сволочи!»

К курганам подъехали Хвостиков и Бородуля в сопровождении Крым-Шамхаловых. Джентемиров отдал рапорт генералу.

– Не бунтуют? – спросил тот, указывая на осужденных.

– Никак нет, ваше превосходительство! – ответил Джентемиров.

Хвостиков прошел к яме, заглянул в нее, распорядился:

– Достаточно! Поднять всех наверх.

К нему подбежал Гусочка.

– Мелковато будет, ваше превосходительство, – сказал он. – Зараз из станицы ще партию пригонят. С трудом в яме поместятся.

– Ну если так, то пусть продолжают копать! – согласился Хвостиков.

На окраине станицы показалась толпа краснодольцев, окруженная плотным кольцом конвойных. Она медленно приближалась к месту казни.

Хвостиков с офицерами поднялся на курган. Оглядев местность, он позвал к себе Бородулю.

– Пора, господин есаул, решать вопрос насчет атамана, – сказал он распорядительным тоном. – Вы обещали подобрать достойную кандидатуру.

Гусочка, юливший поблизости, весь превратился в слух.

– Трудное это дело, ваше превосходительство, – сказал Бородуля. – Перебрал я многих, а подходящего пока не нашел.

– Странно! – пожал плечами Хвостиков. – Станица большая. Неужто и впрямь нет почтенных, уважаемых людей?

– От глубоких стариков мало толку, – заметил Бородуля. – Тут нужен разбитной, довольно крутой и строгий человек.

– Это вы, Игнат Власевич, погано шукали, – вмешался в разговор Гусочка. – Есть, есть старательные казаки и совсем, можно сказать, не старые.

– Уж не себя ли ты имеешь в виду? – подмигнул Бородуля.

– Я б с дорогой душой! – сказал Гусочка. – Это какой же казак отказался бы от такого почету?

Хвостиков смерил его фигуру с головы до ног пренебрежительным, медленным взглядом, подумал: «А почему бы и не выбрать этого унтера? Такой отца родного в петлю сунет, только бы выслужиться. В данный момент такой и нужен!» Гусочка стоял навытяжку, точно проглотив штык.

– А справишься? – обратился к нему Хвостиков.

– Так точно! Справлюсь, ваше превосходительство! – вскинул Гусочка руку к папахе и застыл в выжидательной позе.

Хвостиков обернулся к Бородуле:

– Рекомендую, господин есаул. Посмотрим, как у него дела пойдут. А опростоволосится – изберем другого! В общем, подумайте, есаул.

– Слушаюсь! – ответил Бородуля.

Гусочке показалось, что он сразу вырос в великана и что все окружающие его люди превратились в букашек. Вот когда снизошла на него благодать божия!

«Дай, господи, токо заполучить булаву! – подумал он мечтательно. – Тогда все узнают, на что горазд Гусочка!»

Между тем краснодольцы свернули с дороги к курганам. Впереди станичников, прихрамывая, шел на протезе Наумыч. Гусочка сбежал вниз, закричал взбешенным голосом:

– Жарку, жарку подайте им, хлопцы! Бач, плетутся, как сонные мухи.

Белоказики, подталкивая людей прикладами и кулаками, начали размещать их у края ямы попеременно с теми, кто только что рыл могилу. Воздух наполнился криками, плачем, стонами, проклятиями. Матяш вытер холодный пот с побледневшего лица. Все происходившее вокруг виделось ему как сквозь густой туман.

Наумыч угрюмо глядел на палачей, затем остановил налитые кровью глаза на хорунжем.

– Ну, Андрей, – задыхаясь от гнева, надрывно выкрикнул он, – стреляй в меня первого!.. Стреляй, душегуб!

Матяш отвернулся, понутив голову.

– Слышишь! – снова закричал Наумыч и разорвал рубашку на груди. – Стреляй, собака!

– Начинайте! – махнул рукой Хвостиков.

Джентемиров подбежал к солдатам, выхватил шашку, поднял ее:

– Слушай мою команду. Приготовиться!

Солдаты защелкали затворами, прицелились.

– Пли! – скомандовал Джентемиров и со свистом опустил шашку.

Воздух вздрогнул от залпа.

XXXIII

Гусочка приехал домой навеселе. Василиса подозрительно поглядывала на него.

– С чего это ты такой веселый?

– Э, женушка! – подмигнул Гусочка, снимая с себя оружие и черкеску. – Ничего ты не знаешь.

– Ты знаешь до черта! – бросила Василиса.

Гусочка многозначительно поднял палец:

– Меня в атаманы станицы будут выбирать. Разумеешь, до чего я дослужился! Енерал Хвостиков похлопал меня по плечу, вот по етому погону, и говорит: «Дорогой Ваня! Я на тебя надеюсь как на каменную гору. Ты, говорит, с етим постом справишься». Так шо ты теперички атаманша!

Василиса громко рассмеялась:

– Какой из тебя атаман? Ну и брехливое же племя!

– Ей-богу, на етот раз кажу правду! – перекрестился Гусочка.

Во дворе залаял Дурноляп, и одновременно кто-то постучал в окно. Гусочка шагнул через порог и увидел Бородулю.

– Шо треба, Игнат Власьевич? – спросил он.

– Мне надо поговорить с тобой, Иван Герасимович, – сказал Бородуля.

Гусочка пригласил его в дом.

Бородуля повесил папаху на кабаний клык, прибитый к стене, мимоходом поправил перед зеркалом окладистую черную бороду и пышные усы, сел на диван, начал:

– Так ты и в самом деле согласен, Иван Герасимович, стать атаманом станицы?

Гусочка выпятил грудь, покосился на него:

– А почему ж и не согласиться, Игнат Власьевич? Тут сразу тебе почет и уважение – год праздников и калабашка⁴⁸⁶ грошей! Власть-то будет в моих руках! Что хочу, то и ворочу!

Бородуля долго испытующе глядел ему в корявое лицо, поросшее жидкими рыжими волосами, потом сказал:

– Вот этого-то я и боюсь, Иван Герасимович. Власть поручать тебе очень опасно.

– Отчего? – всполошился Гусочка.

– Знаешь, – пояснил Бородуля, – самое страшное дело, ежели сидят у власти неполноценные люди, со скривленной мозгой.

Гусочка откинулся на спинку кресла, спросил:

– Це б то, как треба вас понимать, Игнат Власьевич?

– Ты ж будешь свой народ не сплачивать, а разобщать, вызывать у него недовольство супротив нас, – сказал Бородуля. – А нам нужно зараз сплочение.

– Я во всем разбираюсь, Игнат Власьевич, – заявил Гусочка. – Ума для цёго не совсем богато надо.

– Но ты наперед подумай хорошенько, – предупредил его Бородуля. – А то ты дошел даже до того, что ночью ходил к своему соседу за пшеничкой, и тот изловил тебя как вора.

– Пущай тот Хмара не брешет! – недовольно бросил Гусочка. – Ниточки-то из пшенички тянулись от моего амбара до его. Так что не я у ёго пшеничку украл, а он у меня.

– Кстати, – остановил его Бородуля. – Ты был в Приморско-Ахтарской. Не видел ли там моего сына

– Нет, Игнат Власьевич. – Гусочка отрицательно покачал головой. – Вашего Васи уже нету на свете. Он погиб в бою под Тимашевской.

Бородуля остолбенел от неожиданности.

– Что ж ты раньше не сказал мне об этом?

– Забыл, Игнат Власьевич, – ответил Гусочка. – Дела всякие...

Бородуля надел шапку и вышел из дома.

* * *

Оксана нашла Матяша в штабе среди казаков. Отозвав в сторону, спросила:

– Ты сильно занят?

– Переливаем из пустого в порожнее, – ответил он. – А что?

– Пойдем домой.

---

⁴⁸⁶ **Калабашка** – грубо обделанная деревянная чаша, миска, черпачек. – прим. Гриня

– Пойдем, – согласился Матяш и, отдав дежурному кое-какие распоряжения, покинул правление.

Шли по улице, запруженной обозом. Молчали. Густая тоска, как ржавчина, разъедала Матяшу душу. В его голове упорно звучали слова Наумыча: «Стреляй, душегуб...» Принимая на себя долю вины за гибель старика, Матяш испытывал мучительные угрызения совести. Надо было заступиться за старого казака. Ему, как никогда раньше, вдруг стало понятно, что все расправы, учиняемые Хвостиковым над мирным населением, вызывают в народе лишь одну ненависть, подрывают и без того шаткий авторитет как самого Хвостикова, так и всей армии. Злоба остро росла в душе Матяша против тирана. Оксана заметила по изменившемуся лицу и устало блуждающим глазам, что с ним делается что-то неладное, но промолчала.

Матяш медленно, валко поднялся на крыльцо. За ним Оксана. Вошли в дом. В зале стояли кровать с убранной постелью, стол, застланный белой скатертью, и два венских стула.

– Не мешало бы протопить немного, – сказал Матяш, уныло оглядывая голые стены. – Дух здесь какой-то нежилой, как в погребке.

Он хотел было сходить за дровами, но Оксана остановила его.

– Потом, Андрюша. Сейчас поснедаем.

Она быстро накрыла на стол. Матяш помыл руки, занял место против открытого окна. В доме стояла тяготная тишина. Где-то под полом шныряли и противно попискивали крысы.

– А что с дедушкой, Андрюша? – спросила Оксана, нарезаая хлеб.

– Расстреляли, – с трудом вымолвил Матяш.

Нож вывалился из руки Оксаны.

– Не может быть! – выкрикнула она с отчаянием. – Почему же ты не заступился?

Матяш безнадежно махнул рукой:

– Разве ты не знаешь Хвостикова?

Оксана глухо заплакала. Матяшу не хватало воздуха. Выйдя на крыльцо, он скользнул взглядом по двору, заросшему бурьяном. Сердце его сжалось. Сзади подошла Оксана, обняла за шею, хотела что-то сказать, но тут из-за дома вышла вся в слезах Акилина Даниловна. Вытерев лицо фартуком, она с усилием проговорила:

– Пойдемте к нам... Васи уже нет, погиб на фронте...

* * *

Гусочка с двумя белоказаками снова заявился к Калите. Увидев его во дворе, Денисовна зашептала в страхе:

– Господи, спаси и помилуй! Все упование мое на тя возлагаю!

Гусочка слез с Анархии, уселся с казаками в кухне. Денисовна припала плечом к косяку двери в великую хату, дрожала всем телом и еле сдерживала рыдания. Гусочка широко расставил ноги, исподлобья взглянул на нее.

– Ну, гыдость! Где твой Яков? Мовет, весть какую подал?

– Ничего не слышать от него, – ответила Денисовна, и по ее морщинистым щекам потекли слезы.

– Обратнo брешешь? – закричал Гусочка. – И кому? Мне, атаману? Да я тебя заново выпорю, гыдость большевицкая!

– Воля ваша, Иван Герасимович, – смиренно промолвила Денисовна.

Гусочка вскочил с табуретки и со всего маху ударил кулаком старуху в бок. Она охнула, упала на пол.

– Ось тебе, ось тебе, сяка-така большевичка! – пришел в раж Гусочка, нанося ей удары ногами. – Я тебе развяжу язык, гыдость!

Яков Трофимович, сидя в дымоходе, гневно сжимал кулаки, скрипел зубами. Денисовна с трудом вползла в великую хату, припала к доливке.

– Спаси, спаси нас, пресвятая богородица! – зывала она сквозь плач к иконе.

Гусочка еще раз пнул ее ногой в спину:

– Кажи, где Яков?

Калита неосторожно пошевелился, задел локтем кирпич, закрывавший дыру в печи, свалил его.

От стука Гусочка вздрогнул, приблизился к дыре и увидел черную бороду и горящие, налитые гневом глаза Калиты. Ноги у Гусочки затряслись как в лихорадке, подломились в коленях. Денисовна, осознав весь ужас случившегося, закрыла глаза руками, онемела. Гусочка наконец указал пальцем на дыру, зашевелил губами, но по-прежнему был не в силах вымолвить ни единого слова. Белоказки заметили, что с унтер-офицером творится что-то неладное, недоуменно переглянулись между собой...

Калита понял, что ему теперь не уйти от палачей, вылез из печи. Казаки схватили его и повели в правление. Денисовна отчаянно заголосила. Гусочка, идя за соседом, сказал, заикаясь:

– Ты ду... думал, так и... спасешься? Те... теперички м... мы с тебя шкуру с... сдерем!

– Гнида ты вонючая! – бросил ему через плечо Калита. – Хамлет, то и проче.

* * *

В правлении уже собрались все выборщики. С шумом распахнулась дверь, и вошел Гусочка. Усевшись рядом со стариком Бородулей, он задержал взгляд на его крестах и медалях, поблескивавших на бордовой черкеске, спросил заискивающе:

– А вы, Влас Пантелеймонович, за кого будете голосовать?

Бородуля вытер слезу, крикнул и почесал за ухом.

– Как сказать, Иван Герасимович, – проговорил он, растягивая слова. – По мне, хоть и за тебя, а вот как другие.

– Вы токо за меня голос подайте, – клянчил Гусочка, – а я перед вами в долгу не останусь.

«Знаю я твою щедрость, – подумал старик. – Среди зимы снегу не выпросишь!»

Наконец явился Бородуля. Выждав, пока установилась тишина, он сообщил мнение Хвостикова относительно выборов атамана, дав понять выборщикам, что им придется отдать голоса за Гусочку.

Казаки, выражая свое недовольство, загудели.

– Як же це так? – спросил с возмущением бородач. – Хиба Хвостиков может приказывать нам?

– Воля генерала для нас закон, – ответил Бородуля.

Опираясь на кий, встал другой выборщик, с хрипотой сказал:

– Послушал я тебя, Игнат Власевич, и думаю: на что тогда нас было гукать⁴⁸⁷? Хай Хвостиков сам и назначает атамана без нас. А то так: выборы затеваем, а правов у нас никаких нет. Может быть, я хочу за Молчуна голос подать, а не за цёго пана Гусочку. – Он пренебрежительно указал в его сторону, спросил: – Так я кажу, станичники, чи нет?

– Так, так! – дружно пронеслось по залу.

– А ты лёгше, дядько Клим, – взбеленился Гусочка. – Який я тебе пан Гусочка? Я – унтер-офицер Игнатчук! Мой первостный злодеюка уже в подвале сидит, и я отплачу ему за такое оскорбление.

– Хай будет Игнатчук! – сказал старик. – Но мы тебя не хотим. Понял? И будем голосовать за другого.

– Ты без атаманства да чужие амбары проверяешь, – добавил второй старик. – А коли станешь атаманом, то нам тогда совсем жизни не будет. Вон Софрон Хмара из-за цёго даже на выборы не пришел.

– Эк матери ёго черт, тому Хмаре! – выругался Гусочка. – Набрехал про зернечко и теперички здря распускает поклеп на меня, будоражит станичников супротив моей кандидатуры. Изничтожить такого соседа мало!

Бородуля выслушал протесты и, неодобрительно покачав головой, особо подчеркнул, что идти наперекор воле Хвостикова очень рискованно. Старики подавленно молчали.

* * *

В полдень к парадному крыльцу подкатил легковой автомобиль, окруженный двумя десятками

---

⁴⁸⁷ Гукать – звать. – прим. Гриня

верховых офицеров конвойной сотни. Из него вышли Хвостиков, Меснянкин и адъютант главнокомандующего Кочкаров, предварительно открывший дверцы машины.

Проходя через зал, Хвостиков поздоровался с выборщиками. Те с почтением встали, ответили на генеральское приветствие поклонами.

– Зайдите ко мне, есаул, с Игнатчуком, – сказал Хвостиков Бородуле.

Гусочка высокомерно взглянул на выборщиков и, едва сдерживая в себе желание показать им кукиш, последовал за Бородулей в кабинет Хвостикова.

– Що ж воно робиться? – тяжело вздохнул дед Клим. – Невже бог бодливой корове рога даст?

– Не бывать этому! – запротестовал его сосед. – Слово за нами, выборщики.

Пока старики хорохорились, держались заносчиво, Хвостиков окончательно предрешил исход выборов.

– У вас все готово, господин есаул? – спросил он.

– Так точно, ваше превосходительство! – ответил Бородуля.

– Как выборщики настроены?

– Боюсь, как бы не подвели.

– Несерьезно, – протянул Хвостиков и обратился к Гусочке: – Это ж почему тебя не любят станичники, господин унтер?

– Его все происходит от ядовитой скверны людской, зависти, ваше превосходительство, – сказал Гусочка.

– Смотри мне, Игнатчук! – Хвостиков погрозил ему плетью. – Если ты хоть раз ослушаешься меня, то я душу из тебя вытрясу. Атаман прежде всего должен быть моим помощником. Понятно?

– Так точно, понятно!

Хвостиков распорядился начать выборы.

Меснянкин сидел у баллотировочного ящика, следил за голосованием. Те выборщики, которые решили отдать свой голос за Гусочку, клали шары в правый, белый ящик, а те, кто был против, – в левый, черный.

Наконец голосование окончилось, произвели подсчет шаров. Оказалось, что большинство было против Гусочки. Меснянкин доложил об этом Хвостикову. Тот возмутился.

– А я плевать хотел на эти голоса! – заявил он и приказал объявить народу, что атаманом станицы избран унтер-офицер Игнатчук.

Исполняя волю генерала, Бородуля доложил станичникам о «результатах» голосования. Толпа протестующе зашумела.

На крыльцо вышли Хвостиков, Гусочка и Меснянкин.

– Слово предоставляется новоизбранному атаману станицы Краснодольской Игнатчуку Ивану Герасимовичу! – объявил Меснянкин.

Не чуя ног под собой, со спершимся от радости дыханием, Гусочка выступил вперед, снял шапку, поклонился.

– Господа казаки! Братцы! – заговорил он, переминаясь с ноги на ногу. – Спасибо вам, дорогие станичники, шо вы строго наказали своим выборщикам доручить мне етот почетный пост головы станицы. Вы не дали тут маху, краснодольцы. Я оправдаю ваши надежды так, как ще ни один атаман не оправдывал у нас раньше в станице!..

Зазвонили в колокола.

Гусочка спустился со ступенек, двинулся в церковь. За ним, придерживая на боку шашку, устремился Молчун, последовали Хвостиков, Меснянкин, Бородуля и целая свита штабных офицеров и телохранителей. По одной стороне аллеи, ведущей от церковных ворот к паперти, стоял почетный караул из казаков-пластунов. Молчун подал им команду:

– На кра-ул!

Гусочка важно промаршировал по длинной дорожке – половику домашней выделки, поднялся на паперть.

Матяш не принимал участия в этой церемонии. Особенно досадно ему было на Молчуна, который взял на себя в этом жалком фарсе роль главного церемониймейстера. Неприятно было слышать, как сотник, обращаясь к станичникам, сказал:

– Господа казаки! Я предлагаю оказать почтение нашему новому атаману!

Все сняли головные уборы, начали креститься и падать на колени. Влас Пантелеймонович Бородуля вынес из церкви булаву и горсть свежей земли на подносе, обильно посыпал ею лысину

станичного атамана и, шепелявя, обратился к нему:

– Господин атаман! Краснодарский сход доручил мне сказать тебе пару слов. – Он вытер слезившийся глаз и, расправив бороду, продолжал: – Мы уверены, что ты, Иван Герасимович, будешь разумно и справедливо править нашей станицей...

Гусочка поднял булаву и громко выкрикнул:

– Господа станичники! Вы все знаете, шо это доверие дается не всякому, а токо заслуженным. Я не люблю, чтобы в станице творились всякие безобразия. У меня во всем будет строгий порядок: чин чина почитай. Большевики для меня – первейшие враги! И я с ними теперички поведу самую лютую борьбу. Хай знают, на что способен Гусочка!

По толпе прокатился смех. Гусочка опомнился и замахал булавой:

– Ни-ни-ни, господа казаки, офицеры и енералы! Я не Гусочка, а Игнатчук! Это супостат Калита так обстрамил мое доброе имя.

Смех нарастал по всей площади. Хвостиков насупил брови, поднял плеть:

– Молчать!

Смех оборвался. Наступила гробовая тишина.

Из церкви вынесли хоругви, иконы божьей матери, спасителя, Георгия Победоносца, медный сосуд, наполненный водой, зажгли на нем три свечи. Затрезвонили в колокола.

На паперть вышел отец Валерьян в новой ризе из голубой парчи с золотом, с крестом и евангелием в руках, а за ним появился и дьякон, мотая перед собой кадиллом. Певчие разместились у стены.

После молебствия поп обратился к Гусочке и сказал:

– Брат мой! Иван Герасимович, ты как новоизбранный атаман нашей станицы ни на минуту не должен забывать о святом кресте Христове и вместе с нами, божьей церковью, готовить супротив супостатов крестный ход...

Гусочка чмокнул распятие. Отец Валерьян, окропив его святой водой, трижды осенил крестом, и на этом церемония закончилась.

XXXIV

Гусочка вызвал двух казаков к себе в кабинет и приказывающим тоном распорядился:

– Вот шо, хлопцы. Берите в каталажке Калиту – моего первостного ворога и у Комирней вылазки – в расход!

Казаки стояли в нерешительности.

– Ну! Вам шо сказано?

Казаки вышли из правления, вывели Калиту из подвала, усадили на подводу и, заняв места по бокам, поехали по набережной вдоль Кубани. Лошади бежали лениво, нехотя. Конвойный, держа винтовку перед собой на коленях, изредка косился на Калиту.

– Что ж ты молчишь, старый хрыч? – спросил он наконец. – Или, может быть, не знаешь, куда мы везем тебя?

– Знаю, – глухо буркнул Калита.

– Чего ж не просишься, чтобы мы ослобонили тебя на все четыре стороны? – прибавил казак, сидевший с левой стороны.

– Я не звык в ногах ползать, – с деланным хладнокровием ответил Калита. – Смерть так смерть. Все едино собачья жизнь, то и проче.

– Бач, який храбрый! – усмехнулся первый конвойный. – Житуха, хай даже собачья, лучше царской смерти.

– А хочешь, я тебе байку расскажу про собаку? – спросил Калита.

– Давай бреши!

– Ну так слушайте, – сказал Калита и начал неторопливо: – Перво-наперво бог сотворил собаку и положил ей двадцать годов жизни. Собака спросила у него: «Шо ж ты доручаешь делать мне в жизни?» Бог говорит: «Будешь человека стеречь и бегать у него на посылках». Собака возопила: «О боже! На что такая длинная жизнь при такой тяжкой работе?!» Бог сократил ей век наполовину. Потом он сотворил лошадь и положил ей сорок годов жизни. Як почула коняка, шо ей доручается делать в жизни, то замотала головой и каже: «Нет, не хочу так долго жить!» Бог уважил и ее просьбу... Потом он сотворил человека.

Калита умолк. Было уже совсем темно. Дорога шла среди густых кустарников. Станица осталась далеко позади. В тишине мерно постукивали конские копыта и жалобно скрипели колеса.

Конвойный, управлявший лошадьми, спросил нетерпеливо:

– А шо ж дальше?

Калита уселся поудобнее на продольной доске и, чувствуя близость своих карателей, продолжал рассказ:

– И положил, значит, бог человеку сорок годов жизни. Человек взмолился перед богом, упал на колени и попросил добавить ему веку. «Добре, – говорит бог, – есть у меня в запасе двадцать годов лошадиных и десять – собачьих. Бери их себе!» С той поры и живет человек сорок лет человеческой жизнью, двадцать – лошадиной и десять – собачьей.

Конвойные громко рассмеялись. Тот, что сидел справа от Калиты, хлопнул его по плечу

– Здорово сбрыхал! Значит, ты теперь собачий срок доживаешь? Ну, мы тебе зараз укоротим его.

– Укоротить не диво, як шо собака не кусается, – сказал Калита и, неожиданно расправив плечи, так саданул наотмашь конвойных, что тех словно ветром сдуло. Пока они опамятавались и отыскивали в темноте свои винтовки, Калита скрылся в кустарниках.

* * *

На церковной площади готовился банкет в честь взятия станицы Краснодольской хвостиковцами. Тут же была выстроена просторная палатка для Хвостикова и его приближенных. Стол, накрытый в ней, ломился от яств и бутылок. Солдаты и офицеры сооружали себе столы из досок и камней на открытом воздухе, устраивались кто как мог. Повсюду на площади горели факелы. Все уже были в сборе. Дирижер духового оркестра не спускал глаз с парадного крыльца правления.

И вот в широко распахнутых дверях показались Хвостиков со своей свитой, Гусочка и иностранцы. Оркестр грянул торжественный марш... Хвостиков, изрядно выпивший до банкета, пошатывался.

– Господа краснодольцы, солдаты и офицеры «армии возрождения России»! – пьяно закричал он, стоя на крыльце. – Мы собрались здесь, чтобы отметить восстановление законной власти в станице Краснодольской. Отныне с Советами тут покончено навсегда! Народом по-прежнему будет править атаман, избранный вами и помазанный на власть святой православной церковью.

Над площадью прокатилось троекратное «ура».

Гусочка стоял навтыяжку, гордо окидывал взглядом орущих солдат, офицеров и краснодольских богачей.

И вдруг у самого уха атамана прозвучало три выстрела. Это Хвостиков, возвещая начало банкета, пальнул из браунинга в воздух и закричал:

– Гуляй, братцы!

Одновременно грохнули холостыми зарядами четыре пушки, установленные по углам площади. Гусочка присел с перепугу, съезжился, потом глупо заулыбался и тоже выкрикнул:

– Гай шумит, хлопцы!

Хвостиков со своей свитой обосновался в палатке, которая сразу наполнилась шумом, галдежом, звоном стаканов.

Отец Валерьян пил меньше других и, налегая на закуску, с опаской поглядывал на пьяных.

– А вы чего, отче, отстааете? – спросил его Бородуля.

– Питие зело крепкое. Как бы все наше воинство не подверглось дьявольскому наваждению, – ответил отец Валерьян.

– Чепуха! – отмахнулся Бородуля.

Хвостиков, развалившись в кресле, повел осоловелыми глазами по собутыльникам, запел:

– Ты скажи, моя милая,
С каких пор любишь меня?
– Я с тех пор тебя люблю,
Как гуляли во саду,
Я по садику ходила,

По зеленом гуляла,
По зеленом гуляла –
Два яблочка сорвала.⁴⁸⁸

Генерал взял папиросу в зубы, толкнул Гусочку в плечо:

– Эй, ты! Как тебя? Огня!

Гусочка пошарил во внутреннем кармане черкески, выхватил зажигалку и, пошатываясь от опьянения, услужливо поднес огонек генералу. Хвостиков никак не мог попасть папиросой в горящий фитиль, бешено закричал:

– Что у тебя рука дрожит, собака? Кур крал, что ли?

– Никак нет, ваше превосходительство! – залепетал Гусочка. – Я сей мент припалю!

Он в страхе вытянул руку, наклонился вперед и, оступившись, ткнул зажигалку под самый нос генерала. Затрещали подпаленные усы. Хвостиков как ужаленный вскочил на ноги и, развернувшись, со всего плеча ахнул Гусочку в ухо так, что тот очутился под столом.

– Я тебе покажу, где раки зимуют! – разъярился генерал, выхватывая браунинг. – Где ты, голомозый⁴⁸⁹?

Но Гусочки уже не было в палатке. Не помня как, он выскочил из нее и метнулся за церковную ограду, крестясь и повторяя на бегу:

– Господи сусе! Господи сусе!

Бородуля подал Хвостикову коробку спичек. Тот закурил и успокоился. Отец Валерьян, напуганный гневной вспышкой генерала, облегченно вздохнул, перекрестился:

– Избави нас, господи, от всяких зол!

Пили и в штабе... Аншамаха внимательно наблюдал за всей этой дикой, разнузданной оргией. И дежурный по штабу, и часовые уже были навеселе. Время от времени к Аншамахе в конюшню наведывался Перевертайло, спрашивал:

– Как твои дела?

– Все в порядке! – отвечал Аншамаха. – Если... это самое... пойдет так и дальше, то мы выиграем.

Перевертайло снова отправился на площадь и, изображая из себя сильно подвыпившего, бродил между столами, пошатываясь. Его больше всего интересовал Тупалов, и он следил за каждым шагом полковника. Тот почти не пил, но тщетно пытался уговорить штабистов воздерживаться от чрезмерного употребления спиртного. Его никто не слушал.

Вслед за Тупаловым, которого вызвал к себе Хвостиков, Перевертайло подошел к палатке, прислушался.

– Вот что, полковник, – сказал Хвостиков, выходя с Тупаловым из палатки, – я сейчас уезжаю в монастырь. Гулянку прекратишь в час или, в крайнем случае, в два часа ночи.

– Уже и так все пьяные, ваше превосходительство, – сказал Тупалов.

– Ничего, пусть повеселятся хлопцы! – махнул плетью Хвостиков. – Я и сам на сильном взводе. А ты?

– Я ничего, трезв, господин генерал.

– Молодец! – похвалил Хвостиков. – Итак, договорились. В два часа – шабаш⁴⁹⁰! А завтра с утра штаб переведешь в монастырь. Там безопасней.

Банкет закончился во втором часу ночи. Те, что еще держались на ногах, разбрелись по своим квартирам. Многие лежали на земле между столами. Одни бормотали что-то бессвязное, другие спали мертвецким сном и храпели на все лады.

Когда в станице установилась тишина, Аншамаха вывел из правленческой конюшни трех самых лучших лошадей: две запряг в бедарку⁴⁹¹, одну оседлал. Тем временем Перевертайло снял

---

⁴⁸⁸ Отрывок из свадебной песни «Выйду я на горушку». – прим. Гриня

⁴⁸⁹ Голомозый – лысый, плешивый. – прим. Гриня

⁴⁹⁰ Шабáш – конец, довольно. – прим. Гриня

⁴⁹¹ Бедарка, бидарка – одноосная лёгкая бричка. – прим. Гриня

часового, стоявшего у двери в штаб, и проник в комнату, где помещался Тупалов. Тот еще не спал. Увидев Перевертайло, он оторопело приподнялся на локте и замер в постели.

– Я к вам с донесением, господин полковник, – тихо сказал Перевертайло, оглядываясь по сторонам.

– Давай! – ответил Тупалов.

Перевертайло подошел к кровати и, окинув взглядом окна, приложил палец к губам:

– Тс-с-с!

Тупалов сунул руку под подушку, но Перевертайло в мгновение ока оглушил его могучим кулаком.

В комнату вбежал Аншамаха. Вдвоем они связали руки начальнику штаба, заткнули рот тряпкой и завязали глаза башлыком⁴⁹².

Перевертайло поднял металлический ящик с секретными документами, вынес его во двор и установил на бедарку. Рядом с ящиком Аншамаха уложил Тупалова.

Ворота еще с вечера были широко раскрыты. Аншамаха вскочил на лошадь, Перевертайло сел в бедарку. Выехав на улицу, они помчались на северную окраину станицы. Заметив, что пристяжная и коренная идут в упряжке недружно, Аншамаха, ехавший позади бедарки, вырвался вперед. И кони теперь понеслись как стрелы.

Часовой, охранявший штаб со стороны улицы, во хмелю не сразу понял, что произошло, а когда раскумекал и стал палить в воздух, то было уже поздно.

Аншамаха припустил лошадь на полный ход, направляя ее на проселочную дорогу, что пролегла мимо общественного леса. Бедарка не отставала. А позади, в полутора верстах, с гиканьем и свистом широким фронтом неслась уже хвостиковская кавалерия...

Брезжил рассвет. С бугра Аншамаха и Перевертайло увидели, как вражеская конница, рассыпавшись по крас-нодольскому полю, пыталась взять их в кольцо. До леса, где держали оборону красноармейские части, оставалось около пяти верст. Лежавший в бедарке Тупалов очень мешал Перевертайло управлять лошадьми. Разведчики хотели уже покончить с ним, но в это время впереди показалась красная конница, скакавшая им навстречу. Одновременно открыла огонь и красноармейская батарея, заметившая вражескую погоню за бедаркой и всадником. Снаряды перелетали через беглецов и рвались далеко позади них, сметая хвостиковцев. Те поняли, что дальнейшее преследование бесполезно, и, повернув коней, ускакали в станицу.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I

Соловьев осторожно приоткрыл дверь кабинета секретаря областкома РКП(б). Черный, не присаживаясь, беседовал с каким-то высоким, стройным человеком, стоявшим спиной к выходу.

– Я не помешаю? – спросил комиссар, задерживаясь у порога.

– Наоборот, вы нам нужны, Геннадий Иннокентьевич, – ответил Черный.

---

⁴⁹² **Башлык** – головной убор, похожий на остроконечный капюшон, заканчивающийся удлиненными концами, которые при необходимости завязывали, как шарф. – прим. Гриня

Его собеседник обернулся, и Соловьев узнал в нем Орджоникидзе⁴⁹³. Это был слегка горбоносый, смуглолицый кавказец с густой смолисто-черной пышной шевелюрой, небольшими усами и темными выразительными глазами. Улыбнувшись, он крепко стиснул руку комиссара, лукаво прищурился и с горским акцентом сказал:

– Говорят, у страха глаза велики. Не ожидал я, что здесь дело дойдет до эвакуации. Это плохо, когда военные и местные власти создают панику у себя в тылу.

Соловьев развел руками:

– Приказ об эвакуации подписан по прямому указанию Реввоенсовета.

– Знаю, знаю, дорогой, – сказал Орджоникидзе, продолжая стоять у кресла. – Командующий и вы, конечно, в данном случае ни при чем. Товарищ Черный ввел меня в курс событий. Очевидно, в Реввоенсовете кое у кого нервы не в порядке.

– Мне кажется, дело не только в нервах, Григорий Константинович, – заметил Черный. – Там какая-то хроническая болезнь недоверия к людям и излишней подозрительности.

– Я, например, головой ручаюсь, что Балышеев ни в чем не виноват! – горячо заявил Соловьев. – Это честнейший большевик и прекрасный военный специалист.

– Вы садитесь, товарищи! – спохватился Черный.

Орджоникидзе и Соловьев заняли кресла, стоявшие у массивного письменного стола. Черный сел на свое место и сказал:

– Да, Балышеева обвиняют без всякого основания. Притом – чудовищно!

– А все-таки? – спросил Соловьев. – Я до сих пор толком не знаю, в чем конкретно он обвиняется.

– В неправильной дислокации 9-й Красной армии на территории Северного Кавказа, – ответил Черный. – А отсюда, мол, противник так успешно и захватил целый ряд районов на Кубани.

– Но при чем тут Балышеев? – возмутился Соловьев. – Разве это его одного вина? Если уж на то пошло, то в этом виноваты мы все!

– А я считаю, – возразил Черный, – дислокация у нас правильная. До высадки десантов мы вели борьбу с бандами на всей территории Северного Кавказа – войска нужны были везде. Сейчас, когда Врангель высадил на побережье свои силы, все изменилось. Мы-то не знали, где именно он наметит плацдарм для наступления. Видимо, враг потому-то и предпочел Приморско-Ахтарскую, что там были незначительные части. А если бы стояли солидные войска, то он бы высадил десанты в каком-нибудь другом месте.

– И действительно, – добавил Соловьев, – как можно обвинять человека за то, что произошло на Кубани? Не понимаю!

– Можно только позавидовать товарищу Балышееву, что у него такие искренние и верные друзья, как вы, – сказал Орджоникидзе и, помолчав, подчеркнул: – Центральный Комитет партии никогда не позволит шельмовать честного человека. Я несколько не сомневаюсь, что Балышеев будет полностью реабилитирован. Однако обстановка создалась вокруг него сложная, серьезная, товарищи, и об этом нельзя забывать ни на минуту.

Черный посмотрел на часы.

– Военный совет назначен на девять часов вечера, а Левандовского до сих пор нет.

– Он должен быть с минуты на минуту, – сказал Соловьев.

Дверь раскрылась, и на пороге появился Левандовский.

– Легок на помине, – подмигнул Орджоникидзе, здороваясь с ним.

– Я привык быть пунктуальным, – ответил Левандовский. – Тем более теперь, когда дорога каждая минута.

– Члены совета собрались? – спросил Черный.

– Большинство уже здесь, – сказал Левандовский. – Можно начинать.

---

⁴⁹³ Орджоникидзе, Серго (Григорий Константинович Орджоникидзе) – российский революционер (большевик) грузинского происхождения, из дворян; один из крупнейших руководителей ВКП(б) и Советского государства. В 1901–1905 гг. учился и окончил фельдшерскую школу в Тифлисе. В годы Гражданской войны – на руководящей работе в армии, один из организаторов разгрома Деникина, был назначен Чрезвычайным комиссаром южного района. В 1920 году возглавлял Северо-Кавказский революционный комитет. Телеграмма о решении Политбюро направить Орджоникидзе из Баку в Ростов для участия в ликвидации десантов направлена ему Лениным 20 августа 1920 года (см. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 51, док. 471, с. 265). – прим. Гриня

Все направились в зал заседаний. В коридоре, где толпились военные, Орджоникидзе вдруг увидел Воронова, и лицо его расплылось в улыбке.

– Кого я вижу! Здравствуйте, дорогой! Правду говорят: гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда встретятся.

– Верно, Григорий Константинович! – ответил Воронов, широко улыбаясь. – Больше года мы с вами не виделись. После Астрахани.

Орджоникидзе дружески обнял его:

– Значит, опять воюем?

– Что поделаешь, приходится.

– Да, надо воевать.

Тяжелой, валкой поступью подошел Ковтюх. Орджоникидзе обрадованно воскликнул:

– О! Да тут на каждом шагу старые друзья! – И он потряс руку начальника Екатеринодарского укрепленного района. – Привет, привет доблестному таманцу!

Ковтюх представил ему Жебрака:

– Это наш командир полка, товарищ Серго. Казаками командует.

– Замечательно! – сказал Орджоникидзе. – Слышал я в Реввоенсовете, как некоторые товарищи утверждали, что казачество не пойдет за Советами и что оно до мозга костей контрреволюционно. А выходит, все наоборот. Казаки тоже за Советскую власть грудью стоят.

– Казак казаку рознь, – заметил Жебрак. – Стричь всех под одну гребенку нельзя. Богачи, конечно, идут против нас, а беднота и большая часть середняков – с нами.

С лестницы донесся громкий, радостный голос:

– Товарищи, внимание! Вернулся Назар Борисович!

Все обернулись на возглас и увидели Балышеева, который поднимался по ступенькам на второй этаж. Его тотчас окружили боевые друзья. Каждому хотелось пожать руку, расцеловать в крепких объятиях. Со всех сторон неслось:

– Здравствуй, Назар!

– Наконец-то!

– Правда свое взяла!

– Назару Борисовичу привет!

Встреча глубоко взволновала Балышеева. Отвечая на дружеские рукопожатия, он растроганно улыбался и бормотал:

– Спасибо, спасибо, товарищи! Здравствуйте, дорогие!

Черный взял его под руку, представил Орджоникидзе:

– Знакомьтесь, Григорий Константинович, это тот самый Балышеев, наш начальник штаба, вокруг которого наделали много шума.

– Очень приятно! – улыбнулся Орджоникидзе. – Значит, правда восторжествовала.

– Да. Если б вы не вмешались, – сказал Балышеев, обращаясь к окружавшим его товарищам, – то мне пришлось бы туго. Пять дней я просидел под строгим арестом, а потом меня вызвал товарищ Ленин. Побеседовал со мной, расспросил обо всем и распорядился немедленно освободить из-под ареста.

– Это самое главное! – воскликнул Орджоникидзе. – Вместе будем бить Улагая и Хвостикова!

Прошли в зал, поднялись на сцену, где стоял длинный стол, накрытый красным полотнищем. Левандовский открыл заседание военного совета. Плотный, подтянутый, он выглядел очень молодо, хотя на его лице проступала печать усталости. Он твердой, неторопливой походкой подошел к оперативной карте, висевшей на красном занавесе, и, собравшись с мыслями, сказал:

– Товарищи! Десантные войска генерала Улагая пока что остановлены. Я говорю «пока», потому что они представляют еще довольно грозную силу, которая может снова перейти в наступление. Мы нанесли врагу ощутительный удар, но это далось нам ценой немалых жертв. Погибли сотни бойцов, десятки командиров, среди которых я должен прежде всего назвать товарища Мейера. Давайте почтим их светлую память вставанием.

Все поднялись. От хрустальной люстры падал электрический свет. Шелковые шторы на раскрытых окнах чуть шевелились при каждом дуновении ветерка. Военные, наклонив головы, скорбно молчали. Левандовский попросил их сесть и, когда участники заседания заняли свои места, продолжил:

– Для полного разгрома врага нам нужны дополнительные резервы, мощный кулак, который смог бы выдержать любой натиск хорошо вышколенных офицерских и юнкерских полков Улагая.

– Не преувеличиваете ли вы опасность, товарищ командующий? – спросил Черный.

– Нисколько, Владимир Павлович, – возразил Левандовский. – К тому же в военном деле не столь страшно преувеличить опасность противника, сколь недооценить ее. Верно, Врангель просчитался. По данным нашей разведки, мобилизация в захваченных станицах и хуторах дала Улагаю жалкое пополнение. Люди призывных возрастов в большинстве уклоняются от службы в его армии...

– Вот видите! – сказал Черный и вытер платочком выбритую голову.

– Однако, – не спеша продолжал Левандовский, – это не значит, что враг слаб, ничтожен в своих силах. Нельзя забывать о том, что с Улагаем прибыло из Крыма немало белоказачьих офицеров. Каждая его часть полностью укомплектована офицерским составом, в любой момент может стать ядром новых формирований на территории Кубани. Нельзя также забывать и о том, что многие казаки сейчас заняли выжидательную позицию: они не идут к Улагаю, но и не вступают в нашу армию. Не исключена возможность, что в случае дальнейших успехов десантных войск эти «выжидатели» примкнут к десанту.

– Теперь этого уже не случится хотя бы потому, что наши войска ведут успешное наступление на польском фронте, – напомнил один из членов бюро областкома. – Этот факт не может не подействовать деморализующе на Врангеля, действующего в сговоре с польской шляхтой.

– Я не разделяю вашего оптимизма на этот счет, – сказал Левандовский. – Антанта постарается усилить войска Врангеля и на сей раз и живой силой, и военной техникой, как это она уже делала

неоднократно, чтобы отвлечь силы Красной Армии с польского фронта. Если это случится, обстановка на Кубани ухудшится. Нам нельзя терять время. Разгром контрреволюции здесь ускорит победу над Польшей и над Врангелем.

– Ваши предложения? – спросил Орджоникидзе.

– Надо немедленно сконцентрировать все наши войска, имеющиеся на Кубани, против улагаевского десанта и армии Хвостикова, – ответил Левандовский.

– Я согласен с вами, Михаил Карлович! – сказал Орджоникидзе. – Именно этим мы должны заняться на данном совещании, товарищи, реально оценить все наши возможности и переходить в решительное наступление.

По залу пронесся одобрительный шум.

– Меня интересует численный состав 9-й армии, ее вооружение, наличие боеприпасов, продовольствия и фуража, – добавил Орджоникидзе.

Левандовский указал на карте размещение частей армии.

– 22-я стрелковая дивизия, – докладывал он, – расположена в районе Темрюка. В ней три стрелковые и одна кавалерийская бригады. Пять тысяч пятьсот штыков, четыреста пятьдесят сабель, сто шестьдесят шесть пулеметов, двадцать восемь легких и четыре тяжелых орудия.

Орджоникидзе внимательно следил за движением указки и торопливо записывал цифры в блокнот.

– 34-я стрелковая дивизия, – продолжал Левандовский, – находится на хвостиковском фронте под Армавиром. Она состоит из двух стрелковых и одной кавалерийской бригады. Насчитывает в своем составе три тысячи шестьсот восемьдесят три штыка, семьсот одну саблю, сто шестьдесят один пулемет и двадцать восемь легких орудий.

Затем командующий доложил, о численности десантной армии Улагая и армии Хвостикова, а также о размерах военных поставок этим армиям Англией и Америкой.

– Откуда у вас эти данные? – спросил Орджоникидзе.

– Разведка добыла, – ответил Левандовский. – Хвостикову оружие и боеприпасы доставляют через Грузию и Армению, а Улагаю – по Черному и Азовскому морям.

Орджоникидзе заглянул в свои записи.

– Итак, на Кубани действуют примерно двадцать тысяч вражеских солдат, – подсчитал он. – Давайте обсудим, товарищи, как нам лучше организовать силы для быстрейшего разгрома врага.

Заседание продолжалось.

* * *

Кто-то тихо постучал в наружную дверь дома Балышеевых. Екатерина Нестеровна растерянно посмотрела на часы. Стрелки показывали двенадцатый час ночи. Стук повторился, но уже громче, настойчивее. Екатерина Нестеровна отперла дверь и, увидев мужа, припала к его плечу, заплакала.

– Ну полно, полно, Катенька, – промолвил Назар Борисович, целуя ее. – Я дома, жив, зачем же плакать?

Он прошел в зал, заглянул в спальню, спросил:

– А где же Люба и Аннушка?

– На фронте, – подавленно ответила Екатерина Нестеровна.

Она не решалась сказать, что произошло с Любой, но по выражению ее лица Назар Борисович догадался о какой-то беде.

– Ты что-то скрываешь от меня, Катенька? – спросил он упавшим голосом.

Екатерина Нестеровна опустила на стул, закрыла глаза руками.

– В больнице Люба, – вырвалось у нее из груди, и слезы потекли по щекам.

– Как в больнице? – встревоженно спросил Назар Борисович.

– С тяжелым ранением.

Назар Борисович ощутил вдруг такую слабость, что судорожно схватился за спинку кресла. В минуты самых тяжелых испытаний, которые выпадали на его долю в жизни, он не терял присутствия духа, а вот сейчас ему стоило огромных усилий скрыть от жены охватившее его отчаяние.

– Я не хотела пускать ее туда, в этот ад, – громко всхлипывая, проговорила Екатерина Нестеровна.

Назар Борисович обнял ее.

– Успокойся, милая... Я понимаю Аннушку и Любу. Они не могли иначе.

– Одно несчастье за другим, – вытирая лицо платком, плакала Екатерина Нестеровна.

Раздался телефонный звонок. Назар Борисович снял трубку.

– Да, да! Я вас слушаю. Хорошо. Буду через несколько минут, – ответил он кому-то.

Екатерина Нестеровна подняла на него заплаканные глаза.

– Уходишь? Ну хоть поужинай, побудь немного дома.

– Я не голоден, Катенька, – сказал Назар Борисович. – Меня отпустили на пять минут. В штабе сейчас срочные дела.

Екатерина Нестеровна грустно вздохнула.

II

Разработка оперативного плана боевых действий подходила к концу. Склонившись над картой, лежавшей на столе, Балышеев и Соловьев снова и снова вносили поправки в намеченную схему сосредоточения регулярных частей, с тем чтобы обеспечить наиболее эффективное взаимодействие всех родов войск на главных направлениях наступательных операций.

– Кажется, все! – сказал Соловьев.

– Да, пожалуй, все учтено, – усталым голосом произнес Балышеев и сел на стул.

– Можно докладывать командиру? – спросил Соловьев.

– Да, можно, – кивнул Балышеев.

Соловьев взял телефонную трубку, хотел позвонить Левандовскому, но не успел. В кабинет вошли Орджоникидзе, Левандовский и Фурманов.

– Доброе утро, товарищи! – весело поздоровался Орджоникидзе. – Как дела?

Балышеев доложил о подготовленном проекте оперативного плана.

– Здесь, на Тимашевском направлении, – сказал он, водя карандашом по карте, – мы сосредоточиваем 20-ю стрелковую дивизию, 3-ю Отдельную казачью кавбригаду, Коммунистический отряд, кавбригаду 14-й дивизии, 2-й стрелковый полк, а также Приуральскую бригаду, 2-ю Московскую бригаду курсантов и кавбригаду 22-й дивизии.

Вошел Атарбеков и, присоединившись к слушателям, потрогал нагрудный карманчик гимнастерки, где у него лежал кожаный портсигар с папиросами, видимо хотел закурить, но опустил руку и все свое внимание направил на Балышеева.

– В районе Брюховецкой и Переясловской будут действовать 1-я и 2-я Донские дивизии, 1-я и 100-я бригады, 7-я кавдивизия, Таманская кавбригада. Исходные рубежи намечены с таким расчетом, чтобы обеспечить широкую маневренность войск.

Все следили за карандашом, двигавшимся по карте.

– Каков же общий численный состав всех частей на этих направлениях? – поинтересовался Орджоникидзе.

– Двадцать одна тысяча, – ответил Балышеев. – Из них семнадцать тысяч штыков и четыре тысячи сабель.

– А огневые средства?

– Помимо винтовок, четыреста сорок три пулемета и восемьдесят одно орудие.

– Ну что ж, лично у меня проект не вызывает возражений, – сказал Левандовский.

– А вы как думаете? – обратился Орджоникидзе к остальным товарищам.

– Я считаю, – сказал Фурманов, проводя растопыренными пальцами по черной густой шевелюре, – план что надо! Сработан на славу. Не придерешься.

– Да... возражений и у меня нет, – проговорил Атарбеков, закуривая длинную белую папиросу. – Однако относительно разведки в глубокий тыл врага у меня есть кое-какие замечания: неплохо было бы, если бы вы перед тем, как послать на задание, направляли разведчиков ко мне на инструктаж.

– А у нас же был уговор с вами по этой части, Георгий Александрович, – ответил Левандовский.

– Да, был, – сказал Атарбеков, – но он плохо выполняется. С Перевертайло я беседовал перед тем, как уйти ему в разведку, а вот Аншамаху послали без моего ведома. Оба разведчика подвергались большому риску! Хорошо, что ничего с ними не случилось. И в Приморско-Ахтарскую

был направлен разведчик Шмель самолично комбригом Вороновым. Этого делать ни в коем случае нельзя!

– В другой раз будем согласовывать с вами, Георгий Александрович, – пообещал Левандовский.

– Теперь надо заняться срочной переброской всех частей к линии фронта, – обращаясь к начальнику штаба, сказал Орджоникидзе.

– Части уже на марше, товарищ Серго, – заявил Балышеев.

– А какие силы у вас на море? – спросил Орджоникидзе.

Балышеев указал на карте районы нахождения военных кораблей:

– Здесь – два миноносца, вооруженных шестью торпедными аппаратами, пять канонерских лодок и несколько вспомогательных судов. А южнее Камышеватской мы думаем высадить части морской дивизии.

– У меня есть одно замечание, – обратился Фурманов к командующему и начальнику штаба.

– Прошу, – заинтересовался Левандовский.

– Мне кажется, что крайне необходимо закрыть пути подхода вражеских кораблей к Приморско-Ахтарской.

– Добавление резонное, – одобрил Орджоникидзе.

– Мы учтем ваше замечание, Дмитрий Андреевич, – сказал Балышеев.

Дежурный по штабу вручил командующему только что полученный пакет. Левандовский вскрыл его, вынул сложенный вчетверо листок.

– Что это? – спросил Орджоникидзе.

– Воззвание Революционного военного совета к врангелевским войскам, – ответил Левандовский и, передав листок Соловьеву, сказал: – Читайте вслух, Геннадий Иннокентьевич.

В воззвании говорилось:

Ко всем солдатам и офицерам армии Врангеля!

Солдаты и офицеры генерала Врангеля! Три года трудящиеся России в невероятно тяжелых условиях ведут борьбу с вековыми своими угнетателями и поработителями.

За это время русский народ сумел создать могучую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, которая с величайшим героизмом, невиданной отвагой и доблестью отражает атаки врагов России.

Много лишений и тяжелых испытаний пришлось за это время вынести русскому народу, много раз смертельная опасность нависала над головой Советской России. Но из всех бед и несчастий она вышла победительницей... Сейчас вся великая Россия объединена одной властью – властью Советов рабочих и крестьян. Все честные, все, кому дорога Россия и благо русского народа, давно встали в ряды Красной Армии для общей борьбы с помещиками и фабрикантами, с генералами и купцами.

Довольно вам быть пушечным мясом англо-французских и американских купцов и их лакея – барона Врангеля... Настала последняя решительная минута, когда каждый из вас должен наконец определить свое место и сказать, будет ли он продолжать братоубийственную войну против России, против Рабоче-Крестьянской Красной Армии или же вместе с нами пойдет строить новую трудовую Россию.

В этот решительный момент, во имя прекращения кровопролития, во имя спасения вашей жизни, Революционный военный совет фронта от лица трудящихся приказывает вам:

1. Всем солдатам Врангеля, которым действительно дорога Россия, немедленно во всех частях армии Врангеля организовать Советы солдатских депутатов и арестовать своих генералов, толкающих вас идти кровавой войной на ваших братьев.

2. Тех офицеров, которых вы считаете честными и преданными народу, присоедините к себе.

3. Немедленно арестуйте ваши штабы, не дайте генералам удрать за границу с награбленным добром, как это сделали ваши прежние правители: Деникин, Шкуро, Юденич и другие.

4. Немедленно же организовано сдавайтесь и переходите на сторону трудового народа.

Всем частям Врангеля, отдельным солдатам и офицерам, перешедшим на нашу сторону, мы гарантируем полную личную неприкосновенность и безопасность. Их мы примем, как родных братьев.

Итак, за Россию, против негодя Врангеля или за Врангеля, против России – выбирайте!

– Хорошее воззвание! – сказал Орджоникидзе. – И, главное, очень своевременное.

В пакете находилось предписание Революционного военного совета фронта штабу 9-й Красной армии размножить и распространить воззвание на территории, занимаемой десантными войсками генерала Улагая.

– Дмитрий Андреевич, – обратился Левандовский к Фурманову, – распорядитесь отпечатать текст возвания в виде листовок, и мы сбросим их с самолетов над неприятельскими войсками.

В коридоре Фурманов увидел директора завода «Кубаноль» – высокого полнеющего мужчину в пенсне, с белесыми, точно выгоревшими, бровями, поздоровался с ним и, не останавливаясь, спросил:

– Что это вы, товарищ Цветков, пожаловали к нам?

– Зачем-то вызывает командующий, – глядя поверх стекол пенсне, ответил директор и тут же обеспокоенно прохрипел: – Где его кабинет?

– Вот, рядом, – указал Фурманов. – Но он сейчас у начальника штаба.

Цветков хотел сесть на скамейку, стоявшую под стеной, но тут Левандовский и Атарбеков вышли из кабинета. Цветков робкими шагами приблизился к ним, зыркнул через пенсне и, кивнув Атарбекову, протянул руку Левандовскому, сказал:

– Я к вам, Михаил Карлович. По вызову.

– Да, да, пойдете, – беря его под локоть, проговорил Левандовский и, у себя в кабинете указав на стул, коротко бросил: – Присаживайтесь.

Цветков осторожно сел на краешек стула, выжидательно уставился на командующего.

– Меня интересует работа вашего завода, – обратился к нему Левандовский. – Какие испытываете трудности?

В это время вошли Орджоникидзе и Балышеев, заняли места на диване. Цветков покосился на них и, поправив пенсне, сказал:

– Завод работает нормально. Хотя трудности, конечно, есть... Да что о них говорить в такое напряженное время.

– Почему же вы не выполняете военных заказов?

Цветков ссутулился, глянул поверх ободков пенсне.

– Видите ли, – заговорил он неуверенным голосом, – это происходит по ряду объективных причин... Бывают перебои с материалами. В связи с мобилизацией ощущается нехватка рабочей силы. И потом...

– Но вы совершенно не отправляете на фронт бронебойных снарядов, – перебил его Балышеев.

– Не может быть! – запротестовал Цветков. – Снаряды мы посылаем!

– Только не бронебойные, – сказал Левандовский.

– Не понимаю, в чем дело, – пожал плечами Цветков, пряча красные подрагивающие руки. – Я сейчас же займусь этим вопросом и приму срочные меры.

– Учтите, если положение не изменится, мы строго взыщем с вас, – предупредил Левандовский. – Нужна помощь – поможем. Но выпуск военной продукции должен идти бесперебойно.

– В каких материалах вы испытываете острый недостаток? – спросил Орджоникидзе.

– Сейчас, слава богу, есть все, – ответил Цветков, потев. – Но бывают случаи...

– Об этих случаях немедленно сообщайте нам, – попросил Левандовский.

– Да, конечно, – согласился Цветков.

Когда он вышел, Орджоникидзе недовольно поморщился:

– Что-то не нравится мне этот директор.

* * *

Цветков сбежал с лестницы, пересек двор и у калитки, ведущей на Красную улицу, столкнулся лицом к лицу с Шадуром.

– Зачем вас вызывали, Трифон Анисимович? – спросил начснаб.

Цветков схватился за голову, болезненно скривил лицо.

– А!.. Глеб Поликарпович! – с трудом выдавливая слова, прохрипел он. – Втянули вы меня в эту историю... А теперь я сам не свой.

– Спокойно, без истерики, – сказал Шадур полушепотом. – Через полчаса ждите меня.

Цветков свернул за угол и помчался на завод. Мысль о том, что он связан с заговорщиками, не выходила из головы, приводила в отчаяние. Он ясно представлял, что с ним будет, если органы ЧК раскроют подпольную контрреволюционную группу. От страха делалось дурно, бросало то в холод, то в жар. И чем больше думал Цветков о предстоящей расплате, тем прочнее утверждался в мысли, что ему надо немедленно, пока еще не поздно, порвать всякую связь с заговорщиками. Он еще не знал, как это лучше сделать, но чувствовал и понимал, что единственное его спасение заключается в решительном шаге.

Добравшись наконец до своего кабинета, он закрылся на ключ, плюхнулся на стул у открытого окна. Страх разрастался.

«Какой ужас! – мысленно твердил Цветков. – Зачем я согласился?.. Господи, что будет со мной?» Его глаза растерянно метались по кабинету. Руки зябко дрожали.

Шадур приехал ровно через полчаса. Впустив его к себе, Цветков снова запер дверь.

– В чем дело, Трифон Анисимович? – требовательно спросил Шадур, садясь на диван. – Какая муха вас укусила?

Цветков остановился перед ним, промолвил трясущимися губами:

– Я сделал непростительную глупость, Глеб Поликарпович! Поймите меня! Ваша организация... Впрочем, нет, нет! Я не могу! Увольте меня. Давайте так: вы не знаете меня, а я – вас. Лучше нам полюбовно разойтись.

– То есть как разойтись? – сурово насупился Шадур. – Вы же не мальчик. Договорились, заключили с нами союз. А теперь на попятную?

– Я, разумеется, понимаю, – задыхался Цветков. – Но, бога ради, выслушайте меня. После встречи с Евтеем Антоновичем я много передумал... Взвесил, что ожидает меня впереди. И вот пришел к твердому решению, что мне нужно отказаться от своих слов. Я не хочу состоять в вашей организации и ничего о ней не знаю, Глеб Поликарпович!

– Вы отдаете отчет в своих словах? – злобно усмехнулся Шадур. – Или вы считаете нас глупцами, которых можно водить за нос, а потом выдать?

Цветков схватил его за руки.

– Нет, нет! – закричал он приглушенно. – Я не выдам. Никогда.

– Жаль, конечно, что вы оказались таким трусом, – сказал Шадур после некоторого молчания. – Ну что ж, принуждать вас не будем. Так и быть. Но помните, если проболтаетесь – пеняйте на себя.

– Я же поклялся! – воскликнул Цветков. – Верьте, я буду нем как рыба.

Шадур закурил, бросил снисходительно:

– Хорошо, Трифон Анисимович. Я верю вам. Больше об этом ни слова.

– Спасибо, Глеб Поликарпович, – ожил Цветков. – Превеликое вам спасибо!

– Теперь о деле, – проговорил холодным, сугубо официальным тоном Шадур и тут же спросил: – Как идет отгрузка боеприпасов в вагоны? Надеюсь, задержки нет?

– Я гарантирую, Глеб Поликарпович, – заверил Цветков. – Эшелон отправится в срок, то есть сегодня в двадцать три часа.

Шадур сделал какую-то отметку в своей записной книжке, сказал:

– У меня все. Разрешите откланяться, Трифон Анисимович.

Перед тем как отпереть дверь, Цветков просительно взглянул на него:

– Глеб Поликарпович, я верю, что вы не позволите...

– Не беспокойтесь, – прервал его Шадур. – Боеприпасы своевременно придут к месту назначения.

* * *

В приемной больницы врач разрешил Балышеевым войти в палату, где лежала Люба. Она спала. Как изменилось ее лицо! Кожа со стеклянным отливом, глубоко запавшие глаза, плотно сжатые, обескровленные губы. Назар Борисович, горестно покачав головой, до боли прикусил губу. По щекам Екатерины Нестеровны катились слезы.

Люба не просыпалась. Из-под приподнятой гардины в окно, уставленное цветущими глоксиниями, заглядывало солнце.

– Вот, Назар, – со стоном промолвила Екатерина Нестеровна, – растили, растили мы детей, а теперь...

Люба повернула голову, открыла лихорадочно блестящие глаза. Увидев отца, она вздрогнула – посчитала в первое мгновение, что перед ней привидение, но когда увидела и мать, то как-то тяжело перевела дух и, не сказав ни слова, только болезненно улыбнулась.

Назар Борисович склонился над ней, поцеловал в щеку, прижал ее руку к груди. Будто не веря, что он перед ней наяву, она притронулась к его плечу и спросила чуть слышно:

– Папочка, тебя отпустили?

– Да, доченька милая.

– Как хорошо, что ты уже дома, – тихо промолвила Люба и с мучительным страданием на лице вздохнула: – А я – умру.

– Что ты, Любочка! – вскрикнула Екатерина Нестеровна с отчаянием. – Ты должна жить, ты будешь жить, доченька моя милая!

– Нет, мамочка! – прошептала Люба. – Я знаю, чувствую, что умру. Мне... страшно тяжело... Кажется, что-то навалилось мне на грудь, давит... давит сердце.

– Успокойся, Любочка! – Назар Борисович погладил белокурые локоны дочери. – Ты же всегда была у нас умницей... Поправишься, весной все мы: ты, мама, я и Аннушка – съездим к морю.

В глазах Любы затеплился свет надежды.

– Может быть, мне и в самом деле станет легче, – оживилась она. И снова улыбнулась: – Как хочется жить!

III

На передовой стояла тишина. В балке, под тенистой листвой верб, Жебрак проводил политбеседу с казаками о значении боевых действий, которые велись 9-й Красной армией на Кубани против десантных войск Улагая и армии Хвостикова. День был солнечный, жаркий, но в прохладной тени зноя не чувствовалось. Мирно щебетали птицы, весело пиликали кузнечики, а в заболоченных низинах и на реке лениво перекликались лягушки.

– Врангель и польская шляхта задалась целью задушить Советскую Россию, – говорил Жебрак, сидя на траве у ствола старой вербы. – Польские паны мечтали переполовинить Украину и Белоруссию и расширить границы Польши от Гданьска до Одессы, то есть от моря до моря. Они повели наступление на Советскую Россию с запада, а Врангель двинулся из Крыма на Северную Таврию, чтобы захватить Донбасс и отвлечь силы Красной Армии с польского фронта. Сейчас поляки бегут с Украины. Врангель застрял в Таврии. Вот он и решил сунуться на Кубань. Чем скорее мы вытурим отсюда Улагая, тем быстрее завершится война с Польшей и с Врангелем, тем скорее будут освобождены Украина и Крым. Вот тогда можно будет вздохнуть свободно, засучить рукава и приступить к строительству новой жизни – без панов и без атаманов!

Лаврентий Левицкий лежал на боку, подперев голову рукой, и внимательно слушал Жебрака. Рядом с ним сидел Виктор, прислонившись спиной к обнаженному корню высокого, стройного вяза, шумевшего на ветру своей зеленой кроной, устремленной к голубому небу. Мысли его уносились в будущее, к той поре, когда восторжествует новая жизнь – мирная, счастливая, трудовая – и дни нынешних суровых боев отойдут в далекое прошлое. Думалось о том, что не все из тех, кто теперь находится в балке, доживут до той поры. Одни погибнут на поле боя, другие вернуться домой искалеченные войной, а те, кому сегодня уже за пятьдесят, быстро состарятся, уйдут в могилу. А как хочется каждому из них увидеть новую жизнь, посмотреть на преобразенные станицы, взглянуть на освобожденную кубанскую землю!

«А ведь если со мной и с Соней ничего не случится на фронте, то мы, может быть, доживем с ней до глубокой старости, – думал Виктор. – Мне сейчас двадцать три года. Через пятьдесят лет будет семьдесят три... Пятьдесят лет! Полвека! За это время чудодейственно изменится вся Россия. Все, все будет в ней так, как говорит Николай Николаевич. Люди равные, шагающие по жизни плечом к плечу, как братья. Земля твоя, и все на земле твое, разделенное по-братски. Лишь бы дожить, лишь бы скорее наступила победа над вражьиими полчищами. – Он взглянул на отца и, пожалуй, впервые обратил внимание на то, как сильно посеребрила седина ему виски. – А вот батя

вряд ли доживет до середины нынешнего века...» И на душе у него стало тоскливо, тягостно.

* * *

Вечером Воронов вызвал Виктора и, когда тот явился в палатку, спросил:

– Как у тебя с глазами, товарищ Левицкий?

Вопрос озадачил Виктора.

– Я не совсем понимаю, товарищ комбриг, – проговорил он, пожимая плечами.

– Ночью хорошо видишь?

– Вроде вижу.

– Тогда собирайся в разведку, – сказал Воронов. – Подбери себе боевых хлопцев. Рекомендую Петьку Зуева, у него глаза – кошачьи, любую дивчину в кромешных потемках за версту видит. – Он развернул на столе полевую карту. – Вот река Кирпили. А это селение Овсуры. Видишь?

– Вижу, товарищ комбриг.

– Надо выяснить, какие там силы у белых. Без языка нам никак не обойтись. Офицер нужен.

– Понятно, – кивнул Виктор.

– Вдоль Кирпилей снуют усиленные дозоры, – сказал Воронов. – Поэтому к подбору разведчиков подходи особенно требовательно. Об этом неоднократно упреждал нас товарищ Атарбеков Георгий Александрович. Ты знаешь его?

– Знаю, конечно, – ответил Виктор.

– Вот и прекрасно, – продолжал Воронов. – Нужны храбрые, ловкие и смекалистые ребята, которые в любой обстановке не растеряются – сумеют поцеловать куму, да и губы в суму. Есть у тебя на примете такие?

– Найду, товарищ комбриг! – заверил Виктор. – Батьку возьму, Шмеля, Вьюна, Зуева и еще несколько человек.

– Значит, задача ясна?

– Ясна, товарищ комбриг.

– Смотри, надеюсь на тебя.

В глухую полночь конная группа из десяти разведчиков отправилась в путь. Впереди ехали Виктор Левицкий и Юнька Шмель. За ними шагах в тридцати следовали остальные.

В район хутора Овсуры добрались во втором часу ночи. Степь, окутанная мраком, погруженная в тишину и пронизанная монотонной музыкой сверчков, казалась волшебной и в то же время безжизненной, мертвой. Но разведчики знали, насколько обманчивой и коварной была эта звонкая тишина.

Впереди показался черный контур степного куреня. Справа от него темнели кусты, тянувшиеся от дороги до берега реки. Виктор приказал остановиться и поручил Зуеву и Вьюну разведать, есть ли кто в курене. Спешившись, они быстро растаяли во тьме ночи.

Курень оказался пустым. Группа подъехала к нему. Отсюда до хутора Овсуры было не больше полуверсты.

– Ну, командир, что будем делать? – обратился Лаврентий Никифорович к сыну. – В село сразу двинем, как было уговорено, или тут малость подождем, может, кто подвернется?

– Подождем! – ответил Виктор. – Лучшего места для засады не найти. Коней поставим в кустах, а сами ляжем вдоль дороги.

Так и сделали. Лаврентий и Вьюн были приставлены к лошадям, а остальные вышли к намеченному рубежу, расположились в канаве, заросшей травой.

Прошло с полчаса. На дороге никто не появлялся. Это обстоятельство и удивило, и насторожило всех. Ведь Воронов утверждал, что тут так и снуют дозоры. То ли противник проявлял полнейшую беспечность, то ли всю охрану переместил на ночь к самому селению.

Виктор уже собирался было выслать Зуева и Шмеля, чтобы выяснить, насколько правильны его предположения, когда внезапно в степи послышался близкий конский топот и глухой, сдержанный шум голосов. Прежде чем разведчики успели принять решение, как действовать и что предпринять, к куреню подскочили десятка два верховых.

– Приготовиться к бою! – распорядился Виктор и обернулся к кустарнику: он знал, что, стоит только одной из лошадей фыркнуть или заржать, всадники тотчас схватятся за оружие.

– Ну, господин сотник, решай, – сказал кто-то из разъезда, – либо до рассвета будем ждать, либо зараз махнем.

– Оно, конечно, ночью лучше, – донеслось в ответ.

– А днем черта лысого вырвемся, – согласился третий голос. – Свои перестреляют. Придется в полк вертаться.

– Э нет, хлопцы, вы как хотите, а я вертаться не думаю, – категорически возразил бас. – Осточертело все! Тут на Кубани и жинка, и дети. Ждут меня. На черта мне нужно за панов голову класть либо в Крым тикать. Пишут же красные в воззвании, что встретят нас, как родных братьев. Чего ж нам еще нужно? – И потребовал: – Решай, господин сотник!

Виктор толкнул под бок Зуева, лежавшего рядом, шепнул:

– Я пойду к ним. Свистну – бросайтесь на выручку.

Разъезд, не слезая с лошадей, топтался на месте.

– Добре! – наконец заговорил сотник. – Махнем к передовой, а там парламентаря вышлем, чтоб тихо-мирно договориться.

Виктор поднялся во весь рост и громко кашлянул. Конники схватились за оружие, и сразу же наступила мертвая тишина.

– Кто там? – спросил сотник.

– Свои, – отозвался Виктор, держа наготове наган и направляясь к разъезду.

Белогвардейцы, увидев перед собой только одного человека, выжидательно молчали. Виктор подошел к ним вплотную и чиркнул зажигалкой. Слабый огонек выхватил из темноты серебряные погоны на плечах некоторых всадников, одетых в черкески и папахи. Виктор пригляделся к ним, спросил:

– Кто здесь сотник?

– Я! – ответил верховой, стоявший к нему ближе других.

– Как фамилия?

– Да ты кто такой? – закричал офицер.

– Я оттуда! – указал Виктор на восток. – Красный. Слышал ваш разговор. Вы хотите перейти к нам. Вот я и вышел вам навстречу.

Белоказаки молча переглядывались меж собой при свете горящей зажигалки. Виктор зырил⁴⁹⁴ по сторонам, боясь, чтобы кто-нибудь не полоснул его шашкой или не выстрелил из револьвера в спину, но, видя, что все словно воды в рот набрали, снова заговорил:

– Что ж вы молчите?

– А не брешешь, что ты красный? – усомнился сотник.

– Нет, не брешу, хлопцы, – обращаясь ко всем, сказал Виктор. – Я тут не один.

– Ну, Охрименко, твое последнее слово, – обратился белоказак к сотнику.

«А это не тот ли Охрименко, который спас Аншамаху?» – промелькнула мысль в голове Виктора, и он, заглянув в лицо сотника, неожиданно спросил:

– Случаем, не Матвей ли Охрименко?

– Допустим, Матвей, – ответил офицер. – Ты-то откуда знаешь меня?

«Тот ли Матвей Охрименко?..» – плясала тревожная мысль в голове Виктора, и он протянул:

– Знаю... Ты спас нашего красноармейца во время расстрела беженцев в хуторе Украинском... Здравствуй, товарищ Охрименко.

Слово «товарищ» особенно ошеломило белых, а сотника больше всех. Виктор почувствовал, что наступил самый критический момент. Лаврентий, наблюдавший за всей этой сценой, забыл о лошадях, вскинул винтовку и взял на прицел сотника. «Вот отчаюга! – думал он о сыне. – Та хибя ж можно так, сразу?»

– Вот что, господа, – обратился Охрименко к разъезду. – Я теперь верю, что это действительно красный казак. Я спас в Украинском одного беглеца.

– Оце так фокус! – протянул кто-то из белоказаков.

Охрименко спешился, подал Виктору руку:

– Откуда родом?

– Из Краснодольской.

---

⁴⁹⁴ **Зырить** – глядеть, смотреть; зорко, пристально, жадно глядеть; высматривать. – *прим. Гриня*

- А остальные, что с тобой, тоже казаки?
- Все как один!
- Оружие сдавать или как? – спросил Охрименко.
- Оставьте при себе, – ответил Виктор.

Его слова окончательно растопили лед недоверия Охрименко. Конники спешили.

- Выходите, хлопцы! – окликнул Виктор своих.

Началось братание, завязались разговоры. Перебежчики допытывались, как живется казакам в красных войсках, что делается в станицах, не преследует ли Советская власть казачество.

– А нам говорили, что иногородние всех казаков к стенке ставят! – сказал огромный казачина в куцей⁴⁹⁵ черкеске и бараньей папахе.

– А про то, шо у большевиков рога растут, не говорили? – спросил Лаврентий, угощая его махоркой.

- Было и такое, – засмеялся казачина.

Виктор и Охрименко отошли в сторону. Охрименко объяснил, что он со своим разъездом патрулирует участок в двух верстах восточнее куреня.

- И много тут таких разъездов? – поинтересовался Виктор.

- Хватает! – ответил Охрименко.

- А почему на этой дороге никого нет?

- Тыловой участок тут. Под самыми Овсурами заслон стоит.

- Значит, в Овсуры не пробраться?

Подумав немного, Охрименко спросил:

- А зачем туда?

Виктор рассказал о своей задаче.

- Штабной офицер требуется или из войсковых?

- Лучше бы штабного.

Охрименко почесал затылок и, помедлив, сказал решительно:

– Добре, будет штабной. Раздобуду! – Он подозвал трех казаков: – Собирайтесь, хлопцы, смотаемся в Овсуры. – И обратился к Виктору: – Ежели доверяешь, то поехали со мной или кого из своих выделяй.

- Доверяю! – не раздумывая, ответил Виктор. – Еду с тобой.

Вскоре пять всадников во главе с Охрименко были в селении. У окраинной хаты послышался оклик:

- Стой, кто едет?

Охрименко назвал пароль. Подошли двое солдат.

- А, это вы, господин сотник! – воскликнул один из них. – Где же остальные?

– Не задерживайте, господа! – отозвался Охрименко. – Со срочным донесением я. – Уже на улице он сказал Виктору: – Храбрый ты, чертяка! Один отважился с нами поехать. Поверил-таки! А может, я тебя хитро заманил сюда, а?

– Ты не из таких, – спокойно промолвил Виктор. – Нашего Аншамаху спас. Подлая душа не способна на такое.

Остановились под стеной бакалейной лавки. У калитки двора стоял часовой.

- Штабс-капитан у себя? – спросил его Охрименко.

- Спит, ваше благородие! – сообщил часовой.

Охрименко махнул Виктору:

- Пошли!

Спешившись и передав поводья сопровождавшим их казакам, они вошли во двор. На стук из дома бакалейщика выскочил заспанный, в одном исподнем белье денщик.

- Буди начальника, срочное дело! – бросил Охрименко.

Минуту спустя распахнулось окно, из которого высунулась голова штабс-капитана. Охрименко вскинул руку к папахе:

- Ваше благородие, немедленно собирайтесь! Вас срочно требуют.

- Приехал кто? – сонно спросил штабс-капитан.

---

⁴⁹⁵ Куцый – короткий. – прим. Гриня

– Да, курьер от генерала Казановича, с депешей, – ответил Охрименко и указал на север: – Там на берегу Кирпилей в секрете ждет.

Виктор усмехнулся в темноте, поражаясь находчивости своего нового помощника. Штабс-капитан засуетился.

– Степан! – крикнул он денщику. – Седлай коня. Живо!

– И мне с вами, вашкобродие?

– Тебе сказано, болван? Седлай коня!

Денщик метнулся в конюшню. Штабс-капитан не заставил себя долго ждать. На ходу стянув френч ремнем и поправив фуражку, он выбежал на улицу, где уже стоял оседланный конь.

– Что там случилось? – вскочив в седло, обратился штабс-капитан к Охрименко.

– Не могу знать, ваше благородие, – ответил тот, садясь на коня, и потом уже, направляясь по улице, добавил: – Прочтете депешу и узнаете.

– Вами бы и передал, скотина!

– Просил я. Говорит, нельзя – положено лично в руки начальнику штаба.

Охрименко и Виктор вырвались вперед. За ними поскакал и штабс-капитан. По сторонам, справа и слева, выравнялись по два всадника, и один следовал сзади. Когда они выехали за селение, то услышали одиночный выстрел, долетевший со стороны куреня.

– Что это? – тихо спросил Охрименко.

– Видимо, случайный, – ответил Виктор, не придавая выстрелу особого значения.

Потом выяснилось, что один из казаков из разъезда Охрименко попытался бежать. Тихомолком отведя своего коня в кусты, он сел на него и во весь опор помчался к Овсурам. Вот тогда-то вслед ему и прозвучал выстрел...

Светало, когда Виктор с группой перебежчиков прибыл в расположение своих разведчиков и казаков из разъезда Охрименко.

– Приехали, ваше благородие! – сказал сотник, обращаясь к штабс-капитану. – Слезайте и сдайте оружие.

* * *

Весть о прибытии Орджоникидзе на фронт облетела все окопы. Уже одно то обстоятельство, что его сюда послал сам Ленин, вызывало у бойцов особое уважение к нему.

Многим бойцам приходилось встречаться с ним в Екатеринодаре и на фронте еще в 1918 году. Теперь они рассказывали своим товарищам все, что знали или слышали о нем.

– Несгибаемый человек, этот Серго! – слышалось в одном месте. – За то и любит его Ленин. В тюрьмах, в ссылках закалил сердце свое. И в Шлиссельбургской крепости сидел, и в кандалах по якутской тундре шагал за дело рабочих...

– В пятом году я под Гудаутами жил, – вспоминал пожилой боец. – Грузчиком работал там. Помню, как-то ночью дружки говорят мне: «Поехали в село Бомбары!» – «Зачем?» – спрашиваю. «А там увидишь!» – отвечают. Сел я с ними на катер и поехал. В Бомбарах мы встретились с товарищем Серго: руководил он разгрузкой оружия с транспорта. Тут же схватили его жандармы. Он крикнул нам на прощание: «Не унывайте, товарищи! Солнце свободы не за горами!» Не он жандармов, а они его боялись. Вот какой товарищ Серго!

В тесном окопе, прижавшись друг к другу, находились дозорные. А командир отделения, усевшись на бруствере, рассказывал:

– Приехал это, значит, товарищ Орджоникидзе в Ростов. Дело было в апреле восемнадцатого года. Поселился он, значит, в гостинице. Человек еще и сидора⁴⁹⁶ своего дорожного не успел снять с плеч, а к нему уже делегация от матросиков-анархистов пришла. В коридоре, значит, стоят, полномочного к Орджоникидзе с таким наказом шлют: «Требуя, чтоб наших братков немедля из тюрьмы ослобонил. Ежели что, припугни его как следовает!» Заходит, значит, этот полномочный к Орджоникидзе, нацепив на себя для острастки и гранаты, и маузер, и пулеметные ленты крест-накрест через грудь. На голове бескозырка, морда красная от водки. А при Орджоникидзе на

---

⁴⁹⁶ Сидор – солдатский вещевого мешок. – прим. Гриня

ту пору два красноармейца из нашего полка были. Матрос и заревел: «Комиссар, ослобоняй братву, а не ослобонишь – худо тебе будет!» Глянул на него Орджоникидзе и говорит красноармейцам: «А ну, ребята, отберите у него оружие». Матрос, значит, на дыбки: «Токо попробуйте!» И рукой к маузеру тянется. Наши ребятки засумлевались, боязно на эдакую детину лезть. А Орджоникидзе не убоился. Подскочил к матросу, хватя у него из-за пояса гранату и поднял ее над головой: «Сдавай оружие, каналая, ежели жизнь дорога тебе!» У полномочного душа в пятки ушла. Сдал маузер, гранаты и ленты пулеметные снял.

– Вот это номер! – вырвалось у кого-то восклицание.

В окопах, балках, в секретах не смолкали разговоры об Орджоникидзе. Тем, кто не видел его раньше, он представлялся огромным, могучим и сильным, чуть ли не подобием самого былинного богатыря Ильи Муромца. А на санитарных пунктах в срочном порядке наводилась идеальная чистота. Уж кто-кто, а Орджоникидзе, как фельдшер, не допустит антисанитарии, нарушения гигиены обслуживания раненых, может дать нагоняй своим нерадивым коллегам.

* * *

В двенадцатом часу ночи Орджоникидзе и Левандовский в окружении военных приступили к проверке боевой готовности войск. Они появлялись то в одной, то в другой части, выслушивали рапорты командиров, политработников, осматривали оборонительные рубежи, беседовали с бойцами. Орджоникидзе держался с ними запросто: там пошутит, там посмеется, и если даже слегка пожурит кого, то опять-таки в дружеском тоне, не подчеркивая своего старшинства.

Орджоникидзе и Левандовский продолжали свой путь вдоль передовой линии фронта, куда постепенно прибывали все новые и новые силы.

Чувствовалось, что ведется подготовка к наступлению. В кустах, у камышей, в балках стояли оседланные лошади, пожевывая сочную траву. Подле них в полном вооружении располагались кавалеристы. Одни из них, положив под голову кулак или охапку душистого сена, дремали; другие, усевшись в круг, говорили о предстоящих боях и о приезде на фронт Чрезвычайного комиссара; третьи то в одиночку, то группами расхаживали по берегу.

Но стоило только прозвучать одному слову: «Едут!», как сразу все бросались навстречу командованию, окружали его плотной толпой, и тут же завязывалась беседа... И так по всей передовой.

Издали донесся слабый шум поезда. Левандовский прислушался, вынул из нагрудного кармана часы и, поднеся их к горящей папиресе, сказал:

– Половина первого. Это идет эшелон с боеприпасами.

IV

После разгрузки эшелона Орджоникидзе облюбовал себе место под вербой на берегу Кирпилей и улегся на душистом сене. Он пытался уснуть, но не спалось. Взгляд блуждал по черному небу, среди бесчисленных алмазных точек звезд, а мысли то возвращались к событиям минувшего дня, то уносились в отдаленное прошлое... Вспомнилась одна из ночей, проведенных в Шлиссельбургской крепости. Пришло на ум стихотворение, написанное им в тюрьме, и он мысленно произнес:

Тук... тук... тук...
Миновал обход докучный,
Лязгнул ключ, гремит засов,
Льется с башни многозвучный
Перепевный бой часов.

Звук приветный, стук ответный –
Говор азбуки заветной,
Голос камня: тук... тук... тук!⁴⁹⁷

---

⁴⁹⁷ Два отрывка из единственного стихотворения авторства Г. К. Орджоникидзе, записанного в его шлиссельбургской

Незаметно подкрадывается сон. Все тише, тише шелестит листва над головой, и наконец наступает полное забытьё...

На заре его разбудили.

– А?.. Я сейчас, – услышав сквозь сон голос Демуса, откликнулся Орджоникидзе, вскочил на ноги.

Сняв рубашку, он спустился к роднику, взглянул на бархатное небо, уже тронутое отблеском загоревшейся зари, проговорил:

– Большая Медведица совсем хвост опустила.

– Пора ей на покой, – добавил Демус.

К роднику подошел Левандовский и вместе с Орджоникидзе начал умываться ключевой водой. Серебристые брызги летели во все стороны и гасли в траве, а меж кустов поблескивал ручеек, тянувшийся к спокойной реке, в которой отражалась заря.

Тут, у родника, и нашел их Воронов, доложил о возвращении из разведки Виктора Левицкого с пленным офицером и перебежчиками.

– Кроме того, – продолжал он, стоя навтыжку, – к нам только что явился офицер из 1-го партизанского имени генерала Алексеева полка и принес письмо от группы офицеров, желающих перейти на нашу сторону.

Орджоникидзе застегнул воротник гимнастерки, подпоясался и, поправив на боку пистолет, весело взглянул на Левандовского:

– Вы чувствуете, товарищ командующий, что это значит? Ведь это начало брожения в улагаевских войсках! Люди не хотят проливать кровь за сомнительную авантюру Врангеля.

– Кажется, наше воззвание попало в цель, – улыбнулся Левандовский. – Первые отклики налицо.

В штабной палатке командующий и Чрезвычайный комиссар познакомились с офицером-парламентером – худощавым поручиком в английском мундире. Держался он очень напряженно, нервничал и глядел беспокойно-выжидательно на красных командиров.

В письме группы офицеров, которое он вручил Левандовскому, говорилось:

Дорогие товарищи! Мы наконец осознали свои глубокие заблуждения и увидели то безвыходное положение, в котором оказались в данное время. И, как это ни печально, должны с чистой совестью сознаться, что нас в армии бессовестно обманывало высшее начальство и этот обман привел нас к трагическим последствиям. Мы оказались мучениками на кровавой Голгофе. Но ведь всех офицеров русской армии нельзя рассматривать как врагов Советской власти. Если же их разделить на группы, то можно увидеть, что наряду с князем, с белоручкой-графом был гораздо больший процент офицества из так называемого среднего сословия. Всем известно, что этого офицера-средняка сторонился тот чванный и ему чуждый «белокостный» офицер и что всегда эти «братья по оружию» были в непримиримой вражде. Нашего брата заставляли плестись в хвосте русской армии в годину тишины и выдвигали вперед, на линию смерти, в годину бедствий для страны...

Вы зададите вопрос, почему в боях мы до сего времени не перешли к вам?

Не так уж легко было это сделать. Мы были всегда и при всех режимах ограничены строжайшими рамками дозволенного, всякое проявление нашей воли парализовалось грозным окриком: «Неисполнение долга!»

Как могли мы в разгаре ожесточенной борьбы вложить свой меч в ножны и бросить лозунг: «Довольно крови!»?

Но мы уже от одного берега добровольно отстали, и к другому нас не принимают. Где же и как нам искать выход? Как разрубить этот проклятый гордиев узел, в который мы были вкручены ходом событий после Октябрьской революции?

Если бы нам стало известно, что вы согласны избрать с нами путь возможного сотрудничества, мы немедленно добровольно сложили бы оружие. Мы бы протянули к вам руки примирения, охотно стали в ваши ряды и плечом к плечу сражались вместе с вами против общего нашего врага.

Так довольно же бесцельной ненависти!..

21 августа 1920 года

Под текстом письма стояло много подписей.

Ознакомившись с содержанием послания, Орджоникидзе спросил у офицера:

– Почему же подобный шаг вы не сделали сразу, в первых боях после высадки десанта? Или вы ждали, куда повернет колесо фортуны?

– Мы боялись вас, – сказал офицер. – Нам ежедневно твердили о том, что всех офицеров без исключения ждет у красных расстрел.

– И вы верили в эту чушь?

– Верили.

– И что же вас поколебало?

– Решающую роль сыграло воззвание, с которым командование Красной Армии обратилось к десантным войскам.

– И у вас теперь не осталось никаких сомнений?

– Да, не осталось.

– Ну что ж, – сказал Левандовский, – я думаю, здесь может быть одно-единственное решение: гарантировать всем офицерам, которые перейдут на нашу сторону, полную свободу и неприкосновенность.

Орджоникидзе взглянул на парламентаря:

– Вы слышите, поручик?

– Так точно! – вытянулся тот.

– Когда вы намерены отправиться обратно с нашим ответом? – спросил Левандовский.

– Если разрешите, то – немедленно, сейчас!

– Но это очень рискованно, – предупредил командующий. – Вас могут заметить.

– Я буду переходить передовую там, где в дозоре стоят мои друзья, – ответил поручик.

– В таком случае желаю успеха, – пожал ему руку Левандовский и, указав на карте место, куда следует явиться офицерам, добавил: – Здесь, у кургана, вас встретят, и если понадобится, то создадут для вашей безопасности огневой заслон.

– Разрешите отправляться? – козырнул поручик.

– Идите! – кивнул Левандовский.

В штаб был вызван Виктор Левицкий, а вместе с ним приглашен и Охрименко. Выслушав рапорт командира разведки, Левандовский спросил у Охрименко:

– Казак?

– Так точно, самый настоящий!

– Где воевали?

– На турецком фронте. Потом у Корнилова и Деникина, а теперь с десантом из Крыма прибыл.

– И награды имеете? – спросил Орджоникидзе, хитровато прищурился левый глаз.

– Эге ж, имею, – не смущаясь, ответил Охрименко. – Сам Лавр Георгиевич Корнилов два креста мне за храбрость дал. И на турецком два Георгия и три медали получил. Тут они у меня, во внутреннем кармане хранятся. Не верите? Могу показать.

Орджоникидзе рассмеялся.

– Не надо, верим, – сказал он и тут же поинтересовался: – Что ж вас заставило к нам перейти?

– То долго рассказывать, – махнул рукой Охрименко. – Перешел – и все. Не верите – стреляйте, верите – к своей коннице меня с хлопцами припишите. А как я рублюсь – увидите.

– Ну, а с Георгиями как быть? – спросил Орджоникидзе. – Так и будете их в кармане носить?

– Если дозволите, то я их на грудь поцеплю, – ответил Охрименко. – Хай те, что еще по ту сторону остались, видят, как георгиевские кавалеры за Советскую власть бьются.

– Товарищ Левицкий, – обратился Левандовский к Виктору, – не возражаете, если мы зачислим Охрименко и его хлопцев в вашу сотню?

– У меня не сотня, товарищ командующий, – отделение... – ответил Виктор.

– Было отделение, а теперь сотня, – сказал Левандовский. – Дмитрий Андреевич Фурманов и Николай Николаевич Жебрак говорят, что вы засиделись в отделении.

– Храбрый казачина! – указал Охрименко на Левицкого.

– Видите, какие авторитетные рекомендации вам дают! – подхватил Орджоникидзе.

– Значит, берете Охрименко и его казаков? – повторил Левандовский.

– Беру, товарищ командующий!

– А как произошло, что генерал Улагай вдруг стал во главе десанта? – остановясь у палаточной стены, Орджоникидзе снова обратился к перебежчику. – Ведь Врангель первоначально на этот пост назначил генерала Шифнер-Маркевича.

Охрименко посуровел, опустил глаза в землю, потом сказал:

– Вы знаете, что во время бегства Деникина с Кубани Кубанская рада разделилась на две группы. Одна из них с Деникиным переехала в Крым, а другая, оппозиционно настроенная, – в Грузию и обосновалась в Тифлисе. Потом Деникина заменил Врангель. Но он-то немец! Это до некоторой степени насторожило членов обеих групп разделившейся рады. Среди них начались толки об отношении к новому главнокомандующему. В той группе, что засела в Тифлисе, выяснились два течения: одно, возглавляемое председателем рады Тимошенко, считало Крым олицетворением реакции и призвало вести борьбу одновременно и с Крымом, и с большевиками.

– А какими силами? – спросил Левандовский.

– В противовес союзу с Крымом оно выдвигало план союза и совместной борьбы Кубани, Украины, Грузии и горцев Северного Кавказа, – ответил Охрименко и тут же пояснил: – Для этого предполагалось с помощью французов перебросить возможно большее количество кубанцев (в том числе и находящихся в Крыму) на Украину, где сначала помочь Петлюре в освобождении Украины, а затем совместно с ним освободить Кубань.

– Ишь ты! – сказал Орджоникидзе. – Как все просто.

– А второе течение, – продолжал Охрименко, – считало этот план утопией, рассматривало союз с Врангелем как неизбежный этап в освобождении Кубани. Сформированное на грузинской территории новым атаманом Кубани Иванисом⁴⁹⁸ правительство стало на компромиссную точку зрения. На Украину и в Польшу была послана делегация с целью добиться соглашения с Петлюрой и, главным образом, с поляками, чтобы уже через них заручиться содействием и более крупных держав.

– Значит, десант приплыл на Кубань на английских и французских судах не случайно? – спросил Левандовский.

– Да, обо всем этом была договоренность во время поездки делегации в Польшу, – сказал Охрименко. – Затем правительство Иваниса решило переехать в Крым, чтобы там добиться большей самостоятельности кубанских казаков, чем по определенному соглашению, настаивать перед Врангелем на производстве десантов на Кубань, состоявших из одних кубанцев. Еще до отъезда в Крым было решено создать на юге, с Грузией во главе, вооруженную силу, которая одновременно с десантами двинулась бы на Кубань и включила в свой состав и армию Хвостикова. Это решение хранилось в секрете от Врангеля.

– Выходит, Иванис хотел обвести Врангеля вокруг пальца, – сказал Орджоникидзе.

– Да, с этой целью он и приехал в Крым, – подтвердил Охрименко. – Но новое Кубанское правительство встретило в Крыму неожиданного противника и конкурента в лице членов рады, отступивших туда непосредственно после разгрома Деникина. Эта группа, организовавшись вокруг члена рады Фендрикова, послушного сторонника Врангеля, отказалась признать новое правительство и на одном из своих заседаний, провозгласив себя полномочной краевой радой, постановила сместить атамана Иваниса, как предателя и изменника, виновного в капитуляции Кубанской армии, и избрать вместо него атаманом Кубани генерала Улагая, бывшего командующего Кубанской армией.

– Стало быть, страсти накалились до предела, – улыбнулся Левандовский.

– Это постановление встретило решительное сопротивление Иваниса и правительства, – рассказывал Охрименко. – Врангель, к которому обе стороны одновременно обратились за признанием, медлил с ответом. И только после того, как генерал Улагай, сберегая свой авторитет, отказался от атаманской булавы, он признал Иваниса и его правительство полномочными представителями кубанского казачества. После этого атаман и правительство приступили к выполнению нового своего плана: просили Врангеля ускорить десантную операцию, назначив для участия в ней только кубанские части и поручив руководство казачьему генералу

---

⁴⁹⁸ **Иванис** , Василий Николаевич – с марта 1920 последний Атаман Кубани по должности. Председатель Правительства Кубанского Края, Атаман Кубанского Казачьего войска. Выступал за независимость Кубани и её союз с гетманской Украиной. – прим. Гриня

Шифнер-Маркевичу. Врангель согласился с этим. В Феодосии была создана база для формирования кубанских десантных частей.

– Все же правильно, что первоначально командующим десантом был назначен генерал Шифнер-Маркевич, – заметил Орджоникидзе.

– Да, – протянул Охрименко. – Однако Врангелю стало известно о заговоре атамана Иваниса, и наступившее умиротворение было нарушено бароном. Командующим десантом был назначен Улагай, а Шифнер-Маркевич получил лишь 2-ю Кубанскую конную дивизию. Накануне десантной операции атаману Иванису и большинству членов его правительства было отказано во въезде на Кубань вместе с десантными частями.

– Откуда вам все это известно? – спросил Орджоникидзе.

– Как же, – ответил Охрименко. – Нас, офицеров, повседневно информировали.

Орджоникидзе и Левандовский поблагодарили его за сведения, и Левицкий с Охрименко вышли из палатки. Ввели пленного штабс-капитана, захваченного в Овсурах. Начался допрос...

V

Приближалось утро. Все было готово к наступлению. И конники, и пехотинцы, и артиллеристы ждали команды. Вдоль линии фронта, огибавшей станицу с запада на восток, стояла предбоевая тишина.

Из Тимашевской донесся заунывный колокольный звон, сзывающий прихожан к заутрене. Лаврентий Левицкий, держа в поводе коня, подумал: «Шось рано зазвонили, ще и пяти утра нет». Но затем вспомнил, что нынче воскресный день, а по праздникам, как известно, служба в церкви начинается рано.

Незадолго до восхода солнца прибыла большая конная группа офицеров-перебежчиков из алексеевского полка. Их влили в 3-ю Отдельную казачью кавбригаду Воронова.

С командного пункта, расположенного на кургане, что высился в двух верстах юго-западнее Тимашевской, Левандовский и Орджоникидзе наблюдали за передовыми позициями противника. Показания пленных офицеров и перебежчиков подтвердились: противник не ждал наступления. На окраине станицы дымили походные кухни, двигались обозы, вдоль окопов маячили фигуры дозорных.

– Ну что ж, будем начинать! – сказал Левандовский, обращаясь к Чрезвычайному комиссару, и по телефону отдал приказ всем командирам батарей открыть одновременный огонь по вражеским окопам.

Могучий артиллерийский залп потряс утреннюю тишину.

В ответ беспорядочно забухали пушки десантников: гаубичная алексеевская, 1-я и 2-я дроздовские батареи. Перелетая через позиции красных, снаряды рвались далеко в степи.

Первым в атаку поднялся Коммунистический отряд. Затем вперед ринулась 26-я бригада.

Улагаевцы бросились в контратаку – схлестнулись два встречных потока. Рукопашная схватка разгоралась сильнее и сильнее.

Наступательный порыв красных, однако, не ослабевал, и, как ни упорно сопротивлялись десантники, они вынуждены были в конце концов оставить свои окопы.

Виктор Левицкий со своей сотней глубоко вклинился в ряды противника. Он настолько вошел в азарт боя, что оторвался от своих на значительное расстояние. Мимо него промелькнуло искаженное злостью, багровое лицо вахмистра. В воздухе сверкнула огненная полоска стали, и если бы Виктор не успел отбить удара, то шашка раскроила бы его голову. Он поднял Ратника на дыбы, увязался за врагом. Тот круто повернул коня и, отстреливаясь из нагана, пустился вдоль реки. Виктор устремился в погоню, не замечая того, что вслед за ним бросился белоказак с пикой. У вербняка вахмистр остановился, крикнул, размахивая шашкой:

– Вот я тебя сейчас рубану, чертов большевик!

Виктор подлетел к нему. Застучали, заискрились шашки. Изловчившись, Виктор ударил вахмистра по руке. Тот выронил шашку, прикрыл голову окровавленной кулечей. Но тут же Виктор почувствовал удар в спину. В голове мелькнуло: «Все! Конец!» Но ему повезло. Пика, прорвав одежду, прошла у него между рукой и туловищем. Ратник всхрапнул, отпрянул от уткнувшегося в его круп коня. Виктор увидел белоказака в лихо сбитой набекрень фуражке. Он взмахнул шашкой, и обезглавленный всадник рухнул на землю.

Подлетели Охрименко и Лаврентий Левицкий.

– Жив? – спросил отец, оторопело глядя на пику, которая, как ему показалось, пронзила грудь сына.

– Обошлось! – улыбнулся Виктор, бледный как стена, еще не совсем ясно осознавая, что произошло.

Охрименко выдернул у него пику из-под руки, покачал головой:

– Два вершка правее – и прямо в сердце!

Развернув коней, они снова бросились в гущу боя...

1-й Афипский полк и казачий полк Жебрака постепенно оттесняли конников Бабиева к центру станицы.

Орджоникидзе и Левандовский наблюдали за этим участком в бинокли. Все попытки улагаевцев отбить мост не увенчались успехом, и теперь по мосту, за Кирпили, устремлялись все новые и новые части красных. Большое смятение вызвали в партизанском имени генерала Алексеева полку офицеры-перебежчики, которые приняли участие в атаке. Тут же, на поле боя, к ним присоединились еще несколько десятков офицеров, что совершенно деморализовало алексеевцев и вынудило их поспешно отойти в тыл.

– Мне нравится боевая хватка товарища Жебрака, – сказал Орджоникидзе, узнав из донесения, что полк Жебрака обходным маневром дезорганизовал оборону улагаевцев на северо-восточной окраине Тимашевской. – Он очень способный, инициативный командир.

– И отличный политработник, – добавил Левандовский. – Особенно ценно то, что он пользуется огромным авторитетом у казаков.

– Это немаловажное качество, – заметил Орджоникидзе.

– Поэтому я все больше утверждаюсь в мысли, что его надо назначить комиссаром армии, – сказал Левандовский, – а товарища Соловьева – заместителем начальника штаба.

– Давайте сегодня же и решим этот вопрос, – согласился с ним Орджоникидзе.

У кургана остановилась легковая машина. Приехали Черный, Фурманов, Соловьев и Атарбеков. Солнце уже взошло, и окрестности станицы, где шло сражение, были видны как на ладони. Черный сказал:

– Похоже на то, что враг оставит Тимашевскую.

– По-видимому, – ответил Левандовский, – наше наступление было для противника неожиданным.

Черный сообщил о скором приезде из Москвы уполномоченного Реввоенсовета Девильдо-Хрулевича и, обратившись к Орджоникидзе, спросил:

– Вы знаете его, Григорий Константинович?

– Ну как же, – протянул Орджоникидзе. – Даже отлично знаю Льва Самуиловича. Это, можно сказать, правая рука главкома.

– И правая, и левая, – добавил Атарбеков, улыбаясь в бороду.

– Пожалуй, вы правы, Георгий Александрович! – подчеркнул Орджоникидзе и поинтересовался: – Кстати, как ваш штабс-капитан? Все так же молчит?

– Ничего, придет время – заговорит, – ответил Атарбеков.

На курган взбежал дежурный по штабу кавбригады 14-й кавдивизии и вручил командующему донесение, полученное из района Приморско-Ахтарской. В нем сообщалось, что минувшей ночью там появилась красная флотилия и заминировала береговую зону. Открыв огонь по станице, она заставила белых эвакуировать оттуда штаб.

– Где же теперь ставка Улагая? – спросил Соловьев.

– Пока неизвестно, – ответил дежурный.

– Мы постараемся выяснить это в ближайшее время, – сказал Атарбеков.

– В ближайшие же часы, Георгий Александрович, – попросил его Левандовский.

– Будет сделано, товарищ командующий, – заверил Атарбеков.

* * *

Улагаевцы отходили к центру Тимашевской. Сотня Виктора Левицкого вырвалась на церковную площадь и ударила во фланг конникам 2-го Уманского полка, которые отбивались от

наседавших вороновцев. Сам комбриг рубился в первых рядах и время от времени кричал ободряюще своим бойцам:

– Так, так, хлопцы! Бейте белогвардейскую сволочь!

Лаврентий Левицкий перемахнул через полуразрушенный плетень и, пригибаясь к луке седла, пустился за офицером, удиравшим на буланом скакуне по саду к переулку.

– Кидай оружие, сукин ты сын! – крикнул ему вдогонку Лаврентий.

Но офицер не расставался с саблей. Резко свернув за саж, он отскочил к телеге, перепрыгнул через дышло и хотел было юркнуть за ворота, в переулок, где стоял брошенный улагаевцами броневик, но Лаврентий опередил его. Шашка со свистом рассекла воздух и настигла офицера.

Выскочив в переулок, Лаврентий задержался у броневика. На башне белой краской было написано: «Диктатор». Ниже тянулось: «Геть, свора, з дороги – порядок иде!»

– Бач, бисови души! – выругался Лаврентий. – Мы дадим вам такого «порядку», шо костей своих поганных не соберете!

Не мешкая больше, он помчался назад, к площади. Из-за плетней и заборов доносились хлопки выстрелов. Конь Лаврентия вдруг покачнулся и на полном ходу грохнулся на землю. Лаврентий кубарем вылетел из седла, распластался на дороге. С минуту он лежал, озираясь по сторонам, затем вскочил на ноги, вобрал шею в плечи и побежал по переулку с зажатой в руке шашкой. Сгоряча он забыл надеть слетевшую шапку. За ним, как подбитое крыло, трепыхалась оборванная пола черкески. В соседних улицах слышались крики, храп коней и гул рукопашных схваток.

Две улагаевские батареи, обслуживаемые дроздовцами, заняли позиции в трех верстах западнее Тимашевской и открыли беглый огонь по восточной окраине станицы, занятой 26-й пехотной бригадой и Коммунистическим отрядом. Снаряды начали рваться во дворах, садах и на улицах в тот самый момент, когда легковая машина, в которой сидели Орджоникидзе, Фурманов и Черный, въехала в станицу. Орджоникидзе попросил шофера остановиться у стены кирпичного дома. Во дворе на противоположной стороне улицы взметнулся столб черного дыма и пламени, сорвавшего с хаты камышовую крышу. Прокатился оглушительный взрыв, завизжали собаки. Отчаянно закричал ребенок. Орджоникидзе распахнул дверцу автомобиля, соскочил на землю.

– Вы куда, Григорий Константинович? – Черный хотел было удержать его.

Но Орджоникидзе уже скрылся в дыму. Фурманов, Черный и шофер бросились за ним.

– Григорий Константинович, где вы? – окликнул Фурманов.

– Здесь, здесь! – донеслось из горящей хаты.

Орджоникидзе пробрался в комнату. Под одеялом на кровати лежала маленькая девочка. Над ней на прогнувшихся балках висели обломки потолка. Орджоникидзе подхватил девочку на руки, понес из разрушенной хаты.

– Где твоя мама? – спросил он.

– Там, – указала девочка в сторону.

Черный подозвал красноармейцев. Из-под упавшей стены они извлекли труп молодой женщины.

– Мамочка! Мама! – закричала девочка и рванулась к матери, но Орджоникидзе удержал ее па руках и понес к машине.

* * *

Штаб пехотной дивизии генерала Казановича размещался в доме на западной стороне Тимашевской. В просторных комнатах, беспорядочно заваленных военным снаряжением, оружием и одеждой, бегали штабисты, вытаскивали на улицу ящики с секретными документами и грузили их на подводы. У стола стоял Вокэр с позеленевшим лицом и орал в трубку телефона:

– Я требую автомобиль! Немедленно! Алло! Алло!

Тяжело дыша, в комнату вбежал подполковник, начальник штаба дивизии.

– Господа! – сказал он хриплым, сорванным голосом. – Красные отрезают нас! Их пехота прорвалась на левом фланге!

– Где моя автомашина? – набросился на него Вокэр.

– Не могу знать, господин капитан, – пожал плечами полковник. – Звоните в гараж.

– Черт побери! – бегал по комнате Вокэр. – Где же мистер Стрэнг?

В открытые окна врывались нарастающие крики «ура». Лицо эмиссара вдруг исказилось от испуга. Нервно потрянув головой, он схватил трубку зазвонившего телефона.

– Кто говорит?.. – И, тут же выронив трубку, пробормотал: – Гараж перешел в руки большевиков. Это сказал какой-то комбриг Воронов...

На улице разорвалось несколько гранат. Вокэр выскочил в окно, штабисты побежали к двери. Но на пороге появился Виктор Левицкий с наганом в руке. За его спиной стояли Вьюн, Шмель и Охрименко.

– Руки вверх! – скомандовал Виктор.

Офицеры не сопротивлялись. Их обыскали и, отобрав оружие, вывели во двор.

– В расход белую сволочь! – выкрикнул кто-то. – Чего тут с ними нянчиться. Они наших не щадят.

Виктор предупредительно поднял руку.

– Нельзя! – сказал он строго. – Вы же знаете приказ командующего!

Бой затихал. Улагаевцы поспешно откатывались к Роговской. Для прикрытия отступающих частей и обозов генерал Казанович выставил на двух высотах западнее Тимашевской пулеметный заслон. По окраине станицы хлестал сильный свинцовый ливень. Он не давал красной кавалерии вести преследование.

Черноус получил приказ подавить огонь противника. Разместив батарею на железнодорожной станции, он после небольшой пристрелки начал осыпать высоты шрапнелью. Пулеметы умолкли один за другим, и вскоре заслон был полностью уничтожен.

В освобожденную Тимашевскую длинной вереницей въезжали пулеметные тачанки, пушки, обозы...

VI

Санитарный пункт расположился в большом фруктовом саду неподалеку от центра станицы. Аннушка Балышеева и медсестры оказывали первую помощь раненым и отправляли к поезду. Пострадавших было много.

В палатку, где работала Соня, два санитары ввели командира 26-й пехотной бригады. Сцепив зубы, он зажимал рану на окровавленной голове. Врач усадил его на стул, осмотрел рану и, обработав ее, поручил Соне сделать перевязку. В палатку заглянул Фурманов. Увидев комбрига с забинтованной головой, он подошел к нему, спросил:

– Где же это вас так? Ведь бой уже закончился давно.

– Из-за угла какая-то собака выстрелила, – с досадой сказал комбриг и, поморщившись, улыбнулся: – Ничего, заживет... Жаль шапку, пуля смушек⁴⁹⁹ продырявила. А шапка хорошая. На германском фронте и всю гражданскую в ней проходил.

Подошел Орджоникидзе и вместе с Фурмановым направился по саду, то и дело останавливаясь возле раненых и беседуя с ними.

Под старой вишней лежал худой бледный парень, из-под расстегнутой гимнастерки была видна перебинтованная грудь. Орджоникидзе наклонился к нему, поправил под головой охапку сена.

– Спасибо, товарищ комиссар, – тихо проговорил боец, и на его глазах заблестели слезы.

– Успокойтесь, дорогой, – сказал Орджоникидзе. – Рана заживет, отлежитесь, и все будет хорошо.

– Пуля под сердцем прошла, – простонал раненый. – Грудь будто огнем печет... – Его глаза уставились в голубое небо. – В бою не боялся смерти, а сейчас страшно...

Орджоникидзе проверил его пульс, сказал ободряюще:

– С таким сердцем, как у вас, сто лет можно прожить! Так что смерти здесь делать нечего. Через месяц плясать будете.

Раненый не поверил, но улыбнулся и сказал:

– Это вы так... чтоб мне легче было.

– Еще как будете вытанцовывать! – заверил его Орджоникидзе. – Тогда вспомните мои слова!

Лицо парня посветлело, оживилось.

---

⁴⁹⁹ Смушек, смушка – мех новорожденного ягненка, изделия из такого меха. – прим. Гриня

* * *

Над площадью реяли алые полотнища боевых знамен. В большом кругу, образованном бойцами, шел лихой казачий перепляс. Но сегодня зрители дивились не столько мастерству танцоров, сколько гармониста, в руках которого обычная тальянка пела так голосисто, так подмиывающе-задорно, что трудно было устоять на месте.

– От чертяка грае! – восторгались казаки.

– Откуда он?

– Из сотни Левицкого.

– Кажуть, перебежчик!

– Оце так гармонист! Куда там Петьке Зуеву!

А пальцы Охрименко метались по кнопкам вверх-вниз. Звонко заливались высокие голоса, поддержанные сочным гулом басов. Сам гармонист, сбив шапку на затылок, с лицом, расплывшимся в улыбке, притопывал ногой, подмигивал танцорам, оглашал воздух резким свистом, а то вдруг подпевал:

И камыш трещить,
И вода плющить,
А кум до кумы
Судака тащить!

Но тут раздалась команда:

– По коням!

Кавалеристы и чоновцы бросились к своим лошадям. Сотня Левицкого выстроилась на правом фланге 3-й Отдельной казачьей кавбригады. Рядом с знаменосцами собрались командиры частей. Повсюду плыл многоголосый сдержанный гул.

Лаврентий с тщательно пришитой уже полой черкески находился в первом ряду сотни, поглядывал на сына, под которым плясал Ратник. Отцовское сердце распирала гордость: «Ач, сукин кот, як по-командирски держится! Побачив бы его покойный дядько-полковник!» А тут еще Охрименко подогрел:

– Боевой у тебя сын, Лаврентий Никифорович! Молодой, но любому сотнику нос утрет!

– Весь в меня! – возгордился Лаврентий. – Не зря говорится: яке древо – такой клин, який батько – такой сын. Да, факт на лице.

В это время вновь прозвучало:

– Смирно-о! Равнение на командующего!

Гул оборвался. Наступила тишина.

На площадь выехала автомашина, на которой стояли Левандовский, Орджоникидзе, Черный и Фурманов. Машину сопровождал почетный казачий эскорт.

Начался митинг.

К бойцам обратился Орджоникидзе. Заложив четыре пальца левой руки в прорезной карман полугалифе, он вскинул правую руку и заговорил горячо, воодушевленно:

– Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Разрешите мне приветствовать вас от имени Реввоенсовета Кавказского фронта! Вы блестяще справились с поставленной задачей. Станица Тимашевская полностью очищена от десантных войск Врангеля! Ура, товарищи!

– Урррр-рр-а-а! Урррр-рр-а-а! Урррр-рр-а-а! – дружно, в едином порыве прокричали войска.

Орджоникидзе пригладил усы и, когда эхо могучего крика замерло где-то за станицей, снова поднял руку.

– Товарищи! Врагам трудящихся ненавистна Советская власть. Они никак не могут смириться с мыслью, что она лишила их возможности эксплуатировать народные массы и обогащаться за счет даровых прибылей. Зря надеются господа капиталисты и помещики на возврат к старому. Все их попытки реставрировать в России буржуазно-помещичий строй обречены на провал. Высадив десант здесь, на Кубани, Врангель рассчитывал застать нас врасплох и пройти триумфальным маршем от берегов Азовского моря до Екатеринодара. Но, как видите, все его козыри оказались битыми.

Врангель рассчитывает, предполагает, а Красная Армия гонит его полчища вспять. Тимашевская освобождена, и недалек тот час, когда врангелевский десант будет окончательно разбит и сброшен в море!

Площадь отозвалась на эти слова призывными выкриками:

– Смерть душителям свободы!

– Да здравствует Советская власть!

Орджоникидзе продолжал:

– Никто, никогда не отнимет у рабочих и крестьян России, завоеванной в боях. Мы отлично справились на востоке с адмиралом Колчаком, на Западе – с Юденичем, на юге и севере – с Деникиным и интервентами. Справимся мы и с бароном Врангелем – продажным наемником англо-американского империализма. Пусть не зарятся вильсоны, ллойд джорджи и разные клемансо⁵⁰⁰ на наш хлеб, на нашу нефть, на бессчетное богатство великой, первой в мире Советской страны. Слава вам, доблестные бойцы, отстаивающие сейчас завоевания Октября! Вечная память героям, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье народа!

Выступил Левандовский, поздравил бойцов с новой победой. Он назвал имена героев – самых отважных, самых храбрых, удостоенных боевых наград. Среди них: Шмель, Вьюн, Перевертайло, Аншамеха, В. Левицкий, Чернуос и его жена.

Выступали красноармейцы, командиры и комиссары частей. Ненавистью к врагу и любовью к Советской власти, к Ленину дышали короткие, зажигающие их речи.

А когда Левандовский пригласил Жебрака подняться на машину и представил его уже как комиссара армии, небо, казалось, содрогнулось от дружных приветственных криков.

Жебрак побледнел от неожиданно нахлынувшего на него волнения, смущенно глядел на восторженно гудящую массу людей, так бурно и горячо выражавшую ему свою товарищескую любовь, чувствовал себя в неоплатном долгу перед ней.

– Слово за вами, Николай Николаевич, – обратился к нему Черный.

Жебрак выпрямился. Патронные газыри на его темно-синей черкеске засверкали в лучах солнца. Тряхнув головой, он сказал:

– Товарищи, братья, друзья! Будем нещадно бить врага до полной победы. Недалек уже тот час, когда наши мозолистые руки сменят оружие на молот и серп и возьмутся за мирный труд. Смерть Врангелю! Да здравствует наш любимый вождь и учитель – Ленин! С его именем – вперед, товарищи!

– Вперед! Только вперед! – неслось со всех сторон.

После митинга полки выступили из станицы и двинулись на запад.

* * *

Вдоль железнодорожного полотна по степной дороге быстро катил открытый автомобиль. Рядом с шофером сидел Черный, задние места занимали Фурманов и Орджоникидзе. Последний держал на коленях девочку.

До Екатеринодара было еще верст двенадцать. Время перевалило за полдень, и солнце припекало всюду. Дорога утомила девочку, и она то дремала, то сонно поглядывала по сторонам. Орджоникидзе поторапливал шофера.

У заболоченной степной речушки, поросшей камышами, кугой и кустарником, девочка потеряла Орджоникидзе за рукав, проговорила:

– Дядя, пить. Я к маме хочу.

Фурманов протянул ей флягу. Она выпила несколько глотков и снова задремала.

– Война! – грустно вздохнул Фурманов. – Сколько развела она сирот! Бедные маленькие человечки. Как у них сложится жизнь?

Орджоникидзе прижал девочку к груди, задумался.

– Ничего, пристроим, – сказал он убежденно. – Поговорим в штабе... Возможно, кто-нибудь из

---

⁵⁰⁰ Вильсон , Вудро – президент США (1913–1921); Ллойд Джордж , Дэвид – премьер-министр Великобритании (1916–1922); Клемансо , Жорж – премьер-министр Франции (1906–1909, 1917–1920). – прим. Гриня

наших товарищей возьмет на первое время. – И, помолчав, добавил с еще большей убежденностью: – Обязательно пристроим в заботливые, ласковые руки.

Встречный ветер обдавал лица путников знойным дыханием, свистел под колесами. За машиной тянулся буровато-серый шлейф пыли.

– Гляжу я на эту малышку, и что-то в ней напоминает мне дочь одного политического ссыльного – Марианну, – сказал Орджоникидзе. – Когда-то в Якутске она была для нас, ссыльных, единственным утешением.

VII

В штабе армии ждали Орджоникидзе: его вызывала Москва по прямому проводу. Соловьев сидел в кабинете начальника штаба за составлением оперативных сводок, но никак не мог сосредоточиться. Из головы не выходила Люба Балышеева. Она умерла вчера вечером, и Балышеев не приходил в штаб с самого утра.

Соловьев распахнул окно и взглянул на город, сиявший в лучах горячего августовского солнца. На душе было тоскливо... Три года прошло с тех пор, как он покинул Москву, отчий дом на берегу Яузы и юридический факультет Московского университета. С четвертого курса пришлось идти на фронт. Отец проводил его на вокзал голодно, сухо. И вот юноша в действующей Красной Армии, громил Деникина под Воронежем и Орлом, на Дону и Кубани. Потом его послали в 9-ю Красную армию, сначала бригадным, а потом и армейским комиссаром. И наконец, он – заместитель начальника штаба... С Балышеевым он сдружился сразу, как только узнал его, затем полюбил и его семью. Особенно ему нравилась Аннушка, да и сама Аннушка была равнодушна к нему: они это понимали без слов и относились друг к другу с глубоким уважением и симпатией. Сейчас в доме Балышеевых горе...

У подъезда штаба остановилась машина. Увидев в ней Орджоникидзе и Фурманова, Соловьев поспешил им навстречу и доложил о телефонном звонке из Москвы.

– Давно звонили? – спросил Орджоникидзе, поднимаясь по лестнице.

– В восьмом часу утра, – ответил Соловьев и только теперь обратил внимание на девочку, сидевшую на руках у Фурманова, с удивлением спросил: – А это что за малышка?

– Наша, – ответил Фурманов и ласково потрепал девочку по подбородку. – Верно, Любочка?

Девочка кивнула, прижалась раздумывавшейся щечкой к плечу Фурманова. В кабинете ее посадили на диван. Забившись в уголок, она с затаенным любопытством поглядывала по сторонам.

Орджоникидзе снял трубку телефона и попросил немедленно соединить его с Кремлем. Пока налаживалась связь, он перелистал странички своего блокнота, начал просматривать записи и время от времени поглядывал на Любочку, не сводившую с него глаз. Наконец отозвалась Москва.

– Кто у телефона? – спросили из Кремля.

Орджоникидзе назвался.

– Одну минуточку, – снова долетел голос. – Сейчас с вами будет говорить товарищ Ленин.

Орджоникидзе плотно прижал трубку к уху.

– Здравствуйте, Григорий Константинович! – услышал он голос Ленина.

– Здравствуйте, Владимир Ильич! – крикнул Орджоникидзе.

– Как себя чувствуете?

– Спасибо, отлично.

– Что нового?

Орджоникидзе доложил об освобождении Тимашевской и о дальнейшем продвижении частей 9-й Красной армии на запад.

– Это хорошо, очень хорошо, Григорий Константинович, что враг начинает отступать, – сказал Ленин. – Не давайте ему передышки, гоните его! С контрреволюцией пора кончать.

Он поинтересовался состоянием дисциплины в армии и настроением казаков. Услышав, как кубанцы сражаются за Советскую власть, воскликнул:

– Вот видите! Я же говорил, что казаки пойдут за нами. Придется еще раз посрамить некоторых малюверов из Реввоенсовета. Как вы думаете, стоит?

– Определенно стоит! – ответил Орджоникидзе.

– А о хлебе не забываете? – напомнил Ленин.

– Ни на минуту.

– Да, да, не забывайте, пожалуйста, о хлебе, – предупредил Ленин. – Хлеб нужен стране как воздух! Без него мы не сумеем продолжать борьбу против внутренних и внешних врагов.

– Хлеб поступает и будет поступать, – доложил Орджоникидзе. – Мы принимаем все меры к тому, чтобы его было достаточно.

– А с нефтью что?

– Ведутся подготовительные работы к восстановлению майкопских промыслов.

– Форсируйте это дело.

– Будет выполнено, Владимир Ильич.

– И попрошу вас почаще информировать Совнарком о том, что делается на Кубани, – сказал Ленин. – Убедительно прошу об этом.

– Хорошо, Владимир Ильич, я постараюсь, – пообещал Орджоникидзе.

– Есть что-нибудь еще? – спросил Ленин.

– Пока все.

– Ну если все, то желаю вам успеха, доброго здоровья и попрошу передать привет всем кубанским товарищам, – заключил Ленин.

– До свидания, Владимир Ильич! – ответил Орджоникидзе.

В кабинет вошел Балышеев, ссутулившийся, с глубоко запавшими глазами. Он постарел за одну ночь и выглядел совершенно разбитым, надломленным. Орджоникидзе был потрясен этой внезапной переменой облика начштарма. Повесив трубку, он спросил обеспокоенно:

– Что с вами, Назар Борисович?

Балышеев промолвил чуть слышно:

– Дочь...

Фурманов встал, обнажил голову. Соловьев нервно покусывал губы. Орджоникидзе понял, что произошло в семье Балышеевых. Сняв фуражку, он обнял Балышеева молча, крепко, с товарищеским участием.

Видимо, тишина, наступившая в комнате, испугала девочку. Она взглянула на дядей, всхлипнула. Балышеев только сейчас заметил малютку, склонился над ней.

– Чья же ты такая? – спросил он ласково.

Девочка доверчиво посмотрела ему в глаза, ответила тихо:

– Мамина.

– Ее мать погибла, – пояснил Фурманов. – С фронта привезли.

До Балышеева не сразу дошел смысл этих слов, но, когда он осознал, что произошло, чувство собственного горя смешалось в нем с чувством острой жалости к осиротевшему ребенку.

– А зовут тебя как? – спросил он.

– Я Любочка, – слышалось в ответ.

Балышеев вздрогнул. «Любочка! Любочка!» – звенело у него в ушах. Он взял на руки девочку, заглянул в ее голубые, не по-детски опечаленные глаза, проговорил сдавленным голосом:

– Любочка ты моя дорогая. Любочка!..

* * *

У Балышеевых было полно народу. Посреди зала на дубовом столе в гробу, обитом кумачовой и черной тканью, лежала Люба. Она походила на спящую. Казалось, оклики ее погромче, и зашевелятся сложенные на груди руки, разомкнутся веки.

На похороны прибыли Аннушка, Соня и Аминет. Они не отходили от гроба. Приглушенный плач Екатерины Нестеровны доносился из соседней комнаты. Назар Борисович то стоял у гроба, то выходил во двор, подолгу сидел на скамейке, то снова возвращался в зал, вглядывался в лицо дочери. У окна на маленьком стуле была усажена Любочка в белом платьице. Девочка не понимала, что происходит в доме, почему все плачут и почему тетя спит на цветах в красном ящике, а не на кровати.

В седьмом часу вечера четверо комсомольцев подняли гроб на плечи и медленно понесли к двери. Екатерина Нестеровна громко зарыдала. Заплакала и маленькая Любочка, но ее тут же унесли в другую комнату.

На Красной к процессии присоединился Шадур с группой военных. Увидев Цветкова,

стоявшего на трамвайной остановке, он подозвал его к себе, и они пошли рядом.

Больше часа двигались по городу. И вот наконец кладбище.

Гроб сняли с катафалка и до могилы, вырытой в стороне от дороги, несли на плечах. Там установили его на холме сырой земли. Соловьев произнес надгробную речь, люди обнажили головы, затихли. Гроб начали опускать в могилу. Загремел траурный салют, слился со звуками похоронного марша. Екатерина Нестеровна и Аннушка бросились со стоном друг к другу, забились в рыданиях и, наверно, повалились бы тут же, если бы Орджоникидзе и Фурманов не подхватили их под руки. Назар Борисович отошел в сторону и тоже не сдержал слез... Комья земли глухо застучали о крышку гроба.

Народ начал расходиться. У могилы остались только Балышеевы и Соловьев. Не торопился покидать кладбище и Шадур. Дойдя с Цветковым до одной из безлюдных аллей, он оглянулся и, убедившись, что поблизости никого нет, сказал:

– Пойдемте, Трифон Анисимович, посидим немного, потолкуем. Вон, кстати, и скамеечка есть.

Цветков испуганно посмотрел в глубь аллеи, куда указывал Шадур.

– Но ведь уже совсем темно, Глеб Поликарпович, – проговорил он протестующе. – Как-то неприятно находиться здесь.

– Мне хотелось бы поговорить с вами об одном сугубо секретном деле. Это займет несколько минут.

– Ну разве что ненадолго, – согласился Цветков.

Они углубились в аллею, сели на скамью, под раскидистым кустом жасмина.

– Так вот, Трифон Анисимович, – сказал Шадур после некоторого молчания, – я должен вам откровенно заявить, что люди, с которыми я связан, не верят вам. Они опасаются предательства с вашей стороны.

Цветков вытаращился на него и сипло проговорил:

– Глеб Поликарпович, я же дал вам честное слово! Я буду молчать.

– погодите, – прервал его Шадур. – Если вы не выдадите нас, значит, вы останетесь нашим соучастником. Молчание – это тоже своего рода соучастие. И окажись мы на скамье подсудимых, вам придется разделить нашу участь. Таким образом, у вас есть только два выхода: либо явиться с повинной к властям, либо продолжать сотрудничать с нами.

Цветков вытер холодный пот с лица и шеи.

– А если я брошу все и уеду? – спросил он трясущимися губами.

– Ваше бегство лишь привлечет к вам внимание чекистов, и у них сразу зародится подозрение.

– Но я все равно не выдам вас.

– Попадете в ЧК – и выболтаете все.

– Клянусь!

Шадур махнул рукой.

– Довольно! Клятва – это еще не гарантия.

– Глеб Поликарпович, голубчик, пощадите! – простонал Цветков. – У меня есть деньги, ценности... Я готов поделиться с вами, только оставьте меня в покое.

Шадур молчал. Из-за кустов вынырнули три тени. Тускло сверкнули ножи. Цветков вскочил со скамьи, приглушенно вскрикнул и упал на землю. Шадур рванулся в сторону, выстрелил раз-другой в могильные заросли и, спотыкаясь, громко взывая о помощи, выбежал на центральную аллею. На его зов и выстрелы прибежал Атарбеков с группой бойцов.

– Это вы, начснаб? – удивился Атарбеков. – Что случилось?

Стуча зубами, Шадур рассказал о происшествии. Атарбеков приблизился к скамье, чиркнул зажигалкой. Цветков лежал, уткнувшись головой в надгробный камень. В его горле зияла ножевая рана.

* * *

Поздно ночью, перед тем как уйти из штаба на квартиру, Фурманов заглянул в кабинет начальника особого отдела. Атарбеков, закончив допрос пленного штабс-капитана, сидел за столом и листал какое-то дело. Пепельница была полна окурков. Дым плавал по комнате, медленно уползал в распахнутое окно.

– Пора спать, Георгий Александрович, – сказал Фурманов. – Ты еще не угорел от дыма? Атарбеков закашлялся, откинулся на спинку стула.

– Все равно не усну.

– Ну а штабс-капитан рассказал тебе что-либо полезное? – спросил Фурманов. – Ты его даже к себе в кабинет пригласил.

– То, что он сообщил, нам уже известно, – ответил Атарбеков. – Вот относительно улагаевской ставки – говорит, что она переехала в Гривенскую. Но это надо еще проверить.

Фурманов, прислонившись к столу, поинтересовался:

– А ты не задумывался над убийством Цветкова?

Атарбеков сел на диван.

– Я почти убежден, – сказал он, – что убийство Цветкова было заранее подготовлено. И знаешь, интуиция подсказывает мне о существовании какой-то взаимосвязи между Цветковым, Шадуром и даже Губарем, на след которого мы до сих пор еще не напали.

– Ты думаешь, что между ними была какая-то общность? – Фурманов остановил на нем вопросительный взгляд.

Атарбеков неопределенно пожал плечами.

– Сейчас я запросил личное дело Цветкова и вот изучаю, – сказал он.

– Есть что-нибудь?

– Пока нет. Характеристики отличные... Честный, исполнительный, преданный и так далее и тому подобное. – Атарбеков прищурился. – Кому понадобилось убивать такого праведника?

– А если это случайный хулиганский налет? – спросил Фурманов.

– Э, нет, – решительно возразил Атарбеков.

– Значит, ты в чем-то подозреваешь Шадура?

– Я сейчас говорю только о заговоре. Все как будто вполне логично. Цветков – директор военного завода. Шадур – начснаб армии... Встретились на похоронах, завели разговор. О чем? Неизвестно. Случайно забрели в темную аллею. И вдруг Цветков становится жертвой неизвестных убийц. Подчеркиваю: не Шадур, а Цветков!

– Но ведь Шадур чудом спасся, – сказал Фурманов. – Не начни он стрелять и звать на помощь – его могли бы тоже прикончить.

Атарбеков отрицательно покачал головой.

– Да, Шадур стрелял, звал на помощь, – проговорил он и положил расставленные руки на спинку дивана. – Но, говоря откровенно, стрелял он очень плохо. Бандиты были в нескольких шагах от него, и ни один из них не убит, не ранен. А, к твоему сведению, Шадур умеет стрелять отлично: на учебных стрельбищах не раз занимал первые места.

Фурманов взглянул на часы:

– Ну, Георгий Александрович, будет тебе ломать голову. Пошли спать. Утро вечера мудренее.

* * *

В штаб армии явились Аншамаха и Перевертайло. Они доставили пленного Тупалова и ящик с секретными документами. Балышеев представил разведчиков Орджоникидзе:

– Это наши ребята, побывали в стане генерала Хвостикова. С заданием справились отлично. – И тут же, указав на полковника, одетого в штатское, добавил: – Вот начальник штаба хвостиковской армии, а это секретные документы. Еще не смотрели, что там.

– Ай да молодцы! – воскликнул Орджоникидзе, поглядывая на пленного. – Право, молодцы!

Вошел Атарбеков. Балышеев указал ему на полковника:

– Принимайте, товарищ начальник, пополнение от Хвостикова.

Аншамаха начал рассказывать о своей разведке, о том, как брали начальника штаба. Орджоникидзе вдруг удивленно расширил глаза и, улыбнувшись, проговорил:

– Постойте, постойте. Что-то я припоминаю. Знакомо мне ваше лицо. Мы с вами где-то виделись. Конечно же, виделись! Только запомнил где.

– Верно, товарищ Серго, виделись! – подтвердил Аншамаха и напомнил: – В семнадцатом году.

В Тимашевской, когда... это самое... офицеров на бога брали⁵⁰¹.

Орджоникидзе громко рассмеялся.

– Именно на бога! Теперь вспомнил. – Весело тряхнув темной шевелюрой, он обернулся к Балышееву: – А знаете, Назар Борисович, это была любопытнейшая история. Поздней осенью семнадцатого года я направлялся поездом в Новороссийск. На станции Тимашевская мне доложили, что в станицу прибыл Бардиж⁵⁰².

Приехал и, знаете ли, потребовал, чтобы фронтовики сдали оружие. Я, не мешкая, тоже в станицу подался. На площади около старой церкви – два лагеря: с одной стороны – революционно настроенные казаки, с другой – монархисты. Бардиж грозился арестом станичному ревкому и всем фронтовикам, если они откажутся выполнять его приказ. Но те категорически отвергли его требование и за ночь организовали 5-й Тимашевский партизанский отряд. В ту же ночь, перед моим отъездом, на станцию неожиданно прибыл эшелон с офицерами, которые следовали из Ростова в Екатеринодар, где тогда власть была в руках атамана Филимонова. Я переговорил с Науменко, председателем ревкома, и мы отдали распоряжение начальнику станции отцепить от офицерского эшелона два вагона с боеприпасами. Железнодорожники загнали состав в тупик, отцепили вагоны, причем так ловко, что офицеры ничего не заметили. А дальше пошло еще ловче. Из чугунных труб и тележных колес мы соорудили «пушки». Накрыли их брезентами и подкатали к эшелону. Тимашевский ревком предложил офицерам сдать, но те подняли шум. Тогда на них навели «пушки», и Науменко скомандовал: «Батарея, прямой наводкой по врагам революции!» При лунном свете наши «орудия» и в самом деле выглядели внушительно. Офицеры в испуге закричали: «Не стреляйте! Мы сдаемся!» Их обезоружили и направили в Новороссийск к революционным матросам. – Орджоникидзе глянул на Аншамаха: – Это его выдумка с «пушками»!

Перевертайло скупно улыбнулся:

– Аншамаха всегда придумает!

VIII

В доме Лихачевой было тихо. Вера Романовна лежала в постели: у нее болела голова. пышная хлопотала около нее: то прикладывала к вискам мокрое полотенце, то давала нюхать валериановую настойку.

В спальню вошел Губарь с газетой в руках.

– Вот послушайте, Вера Романовна, что напечатано сегодня в «Красном знамени», – проговорил он, садясь на стул у изголовья больной.

Лихачева прикрыла себя простыней, произнесла:

– Читайте, Ипполит Иванович.

Губарь пожевал губами, привычным движением руки провел по протезному глазу и, уставившись в газету, глухим голосом начал:

Постановление

Кубано-Черноморского областного революционного комитета

от 22 августа 1920 г.

г. Екатеринодар

№ 320

Учитывая улучшившееся военное положение города Екатеринодара, Кубано-Черноморский областной ревком постановляет:

1. Немедленно приступить к работе отделам, способствующим своей деятельностью увеличению нашей обороноспособности, а имени: продотдел, совнархоз, здравотдел, почта

---

⁵⁰¹ **Брать на бога** – то же, что *брат на понт*, *брат на пушку* – прибегая к различным уловкам, ухищрениям, добиваться от кого-либо чего-либо; запугивая кого-либо, добиваться чего-либо. – прим. Гриня

⁵⁰² **Бардиж** – комиссар Временного правительства и член Государственной думы.

и телеграф, Кубано-Черноморская комиссия, финотдел, отдел управления, отдел труда, государственное издательство, комитет труда, рабоче-крестьянская инспекция и отдел статистики.

2. Деятельность этих отделов в настоящий момент должна направляться требованиями военной обороны, и поэтому разворачиваются для работы лишь те подотделы данных отделов, деятельность которых необходима в целях обороны.

Остальные подотделы остаются свернутыми, как и следующие отделы: коммунальный, отдел народного образования, земельный отдел, юстиции.

3. Сотрудники всех учреждений, как приступающих к работе, так и свернутых, должны явиться на место своей постоянной работы с 23 августа. Незанятые в своих отделах привлекаются как рабочая сила и поступают в распоряжение разгрузочной комиссии.

4. Не явившиеся на работу рассматриваются как дезертиры и привлекаются к строгой революционной ответственности по законам военного времени.

*Куб. – Черноморский ревком, управделами
Боян Мальцев.*

Вера Романовна растерянно посмотрела на свою подругу, нервно теребившую бахрому скатерти, затем обратилась к Губарю с тревогой в голосе:

– Как же это, Ипполит Иванович? Неужели красные победят?

Губарь отбросил газету на стол и, заложив руки за спину, сказал раздраженно:

– Еще посмотрим, кто победит! Возможно, Вера Аркадьевна привезет что-нибудь утешительное от генерала Хвостикова.

– Не забудьте встретить ее, – напомнила Лихачева.

– Можете не беспокоиться, Вера Романовна, – ска зал Губарь.

– Кстати, я вот о чем хотела спросить, – заспешила Пышная. – Как настоящее отчество Веры?

Говорят, она Яковлевна по отцу.

– Да, это верно, – подтвердила Лихачева. – Потребовалось заменить для конспирации.

С улицы кто-то постучал в окно. Пышная выбежала в коридор и вернулась с Демиденко. Лихачева подалась ему навстречу, нетерпеливо спросила:

– Ну что? Ради бога, рассказывай скорее!

Демиденко снял шляпу, улыбнулся:

– Не волнуйтесь, Вера Романовна. Все в порядке.

– А я так нервничала, что даже слегла в постель, – облегченно вздохнула Лихачева.

– Нервы надо лечить, – сказал Губарь и остановил взгляд на Демиденко. – Значит, говорите, концы в воду?

– Самым аккуратнейшим образом, – ответил тот.

– А как же Глеб Поликарпович? – поинтересовалась Пышная.

– Артист! – воскликнул Демиденко. – Все разыграл, как по нотам. Цветкова мы мигом кончили.

А Глеб Поликарпович для отвода глаз стрельбу открыл и начал людей на помощь звать. Тем временем мы – в кусты, и дай бог ноги.

– Слава тебе господи! – перекрестилась Лихачева.

– Хорошо, очень хорошо! – одобрительно сказал Губарь. – Мы избавились от дамклова меча.

* * *

Утром на перроне вокзала был выстроен почетный караул. В тени пешеходного моста стояли Орджоникидзе и Левандовский, окруженные военными, представителями партийных и советских учреждений города. С минуты на минуту должен был прибыть бронепоезд с членом Реввоенсовета Республики – Девильдо-Хрулевичем. Особое нетерпение проявлял Шадур. Взгляд его не отрывался от семафора, который маячил за территорией вокзала.

Издалека донесся протяжный гудок паровоза, и вскоре показался бронепоезд. Громыхая по рельсам, он быстро приближался к вокзалу. И вот подкатил к перрону, зашипел пар, взвизгнули тормоза, и бронепоезд стал.

На площадке закованного в броню вагона, у которого сразу же выстроилась вооруженная охрана, показался черноволосый мужчина выше среднего роста, лет сорока с небольшим, в новеньком, тщательно отутюженном военном костюме. Продолговатое чистое лицо с острой

бородкой и коротко подстриженными усами, прямым носом и красиво посаженным на переносье пенсне в золотой оправе выражало гордость, суровую надменность человека, облеченного большой властью⁵⁰³. Сняв фуражку, он приветливо помахал ею собравшимся и спустился на перрон. Приняв рапорт от начальника гарнизона, он прошел вдоль шеренги почетного караула и, взяв под козырек, поздоровался с Орджоникидзе и Левандовским.

– Надолго к нам, Лев Самуилович? – спросил Орджоникидзе.

Девильдо-Хрулевич пожал плечами.

– Все зависит от положения на фронте, – ответил он и, вдруг увидев Шадура, стоявшего среди штабистов, громко воскликнул: – Глеб Поликарпович! Рад вас видеть, здравствуйте!

Они обнялись и расцеловались по-приятельски. Потом Девильдо-Хрулевич обратился к Орджоникидзе и Левандовскому, сказал:

– Товарищ Шадур – мой старый друг. Мы с ним когда-то учились вместе. Гимназистами были. Шадур сиял.

– Да, за одним столиком сидели, правда недолго, – оговорился он. – Потом мы расстались.

– Надеюсь, вы навестите меня, Глеб Поликарпович, – пригласил Девильдо-Хрулевич старого друга. – Вспомним прошлое, товарищей.

– Если у вас найдется время, – с поклоном проговорил Шадур. – Я с удовольствием.

– Ну-ну, без официальностей, – подчеркнуто снисходительным тоном предупредил Девильдо-Хрулевич и обернулся к Орджоникидзе и Левандовскому: – А теперь прошу вас, товарищи, ко мне в вагон.

– Не лучше ли проехать в штаб, Лев Самуилович? – предложил Орджоникидзе.

– Нет, нет, Григорий Константинович, – отказался Девильдо-Хрулевич. – Сейчас Михаил Карлович введет меня в курс событий, и мы, не теряя времени, выедем на фронт. А потом видно будет, как и что...

В просторном салон-вагоне, уставленном мебелью и устланном коврами, пахло духами и ароматным табаком. Посреди салона стоял круглый стол, накрытый темно-синей бархатной скатертью. На нем бутылки с прохладительными напитками и ваза с фруктами.

– Присаживайтесь, товарищи! – Девильдо-Хрулевич указал на кресла. – Я сейчас распоряжусь принести карту.

– Может быть, обойдемся моей двухверсткой? – спросил Левандовский, раскрывая планшетку. – На ней нанесены диспозиции наших и неприятельских войск.

– Не возражаю, – сказал Девильдо-Хрулевич.

Левандовский отставил в сторону вазу и бутылки, развернул карту. Все уселись. Девильдо-Хрулевич протер платочком пенсне и, водрузив его на нос, попросил:

– Докладывайте, товарищ командующий.

– Итак, о положении дел на фронте, – начал Левандовский. – Наступление, предпринятое против десантных войск генерала Улагая, развивается успешно. Нами заняты Тимашевская, Брюховецкая и Роговская. – Он указал на карте линию, за которую отошел противник. – Вот здесь, в районе Бриньковская–Привольная, наши части вдальсь глубоким клином в оборону вражеских войск и расчленили их на две группировки. Первая занимает рубеж Камышеватская–Ясенская–Копанская; вторая, более многочисленная, держит оборону по линии Ольгинская–Бородинская–Приморско-Ахтарская–Степная–Новониколаевская–Староджерелиевская и Полтавская.

– Ясно! – сказал Девильдо-Хрулевич.

– В ближайшее время мы должны выбить противника из хутора Золотарева и станицы Новониколаевской, – продолжал Левандовский, – и тем самым разорвать и эту группировку на две части. – Он скользнул красным карандашом по карте и указал точку южнее Камышеватской. – Здесь нами будет высажен с моря десант, который поведет наступление на Камышеватскую при поддержке сухопутных частей. Заняв станицу, они будут контролировать в этом районе побережье Азовского моря и очищать плавни от разрозненных улагаевских отрядов.

– Это, так сказать, теоретически, – покосился на него Девильдо-Хрулевич.

– Почему теоретически? – возразил Орджоникидзе. – У нас все уже готово для этой операции.

---

⁵⁰³ 26 августа 1920 года, в связи с отражением врангелевских десантов, в Екатеринодар прибыл председатель Ренвоенсовета республики Лев Троцкий. – прим. Гриня

Девильдо-Хрулевич недовольно скривил рот:

– Дальше, Михаил Карлович.

– Одновременно с высадкой десанта мы попытаемся нанести удар в сторону Гречаной Балки и Ольгинской, – сказал Левандовский и стал перечислять части, входящие в основные ударные силы армии.

Девильдо-Хрулевич слушал невнимательно, изредка задавал вопросы, касающиеся несущественных деталей, и Орджоникидзе все больше убеждался, что уполномоченный Реввоенсовета слабо разбирается и в теории, и в практике военного дела.

Левандовский перешел к изложению обстановки в районах действия хвостиковской армии, но Девильдо-Хрулевич прервал его:

– Об этом мы поговорим позже. Сейчас меня интересует главное направление. И особо – сроки. Мне нужно сообщить в Реввоенсовет хотя бы ориентировочно, когда будет покончено с врангелевским десантом.

Орджоникидзе и Левандовский переглянулись.

– Я думаю, что в Реввоенсовете не сомневаются в нашем искреннем желании завершить операции против десанта в самое ближайшее время, – сказал Орджоникидзе со скрытой иронией.

Но Девильдо-Хрулевич не уловил интонации его слов и, принимая их всерьез, проговорил:

– Ближайшее время – это слишком неопределенно.

– На войне не всегда удается угадать сроки победы, – возразил Орджоникидзе.

– Гадать нечего, надо знать! – бросил Девильдо-Хрулевич.

– Хорошо, Лев Самуилович, мы примем к сведению ваше указание, – ответил Орджоникидзе.

Девильдо-Хрулевич снова склонился над картой, еще с минуту блуждал по ней глазами, потом, откинувшись на спинку кресла, сказал:

– Принципиальных возражений против намеченных операций у меня нет. И хотя я чертовски устал, однако нам придется немедленно выехать на фронт. Прошу вас, Григорий Константинович, и вас, Михаил Карлович, подготовиться к отъезду.

IX

Ночь. Азовское море гневно шумело, с плеском накидывалось на берега, жадно лизало песчано-ракушечные кручи.

Красная флотилия, состоявшая из девяти буксиров, одиннадцати барж, трех катеров и военного судна «Эльпидифор» № 415, готовилась на рейде у Мариупольского порта к выходу в море.

Экипаж «Эльпидифора» возглавляли опытные моряки – капитан Колот⁵⁰⁴ и комиссар Глыба. Вся палуба была занята матросами морской дивизии, которую суда флотилии должны были доставить к месту высадки. Людской гомон сливался с шумом и плеском моря. Помигивали огоньки сигарок, и казалось, что на корабль слетелись сотни красных светлячков. На юте в кругу матросов стоял Глыба – приземистый, широкоплечий. Свет фонаря падал на его обветренное, сильно загорелое лицо с посеребренными у висков волосами.

Кто-то спросил о положении на польском фронте.

– Паны хорохорятся, срывают мирные переговоры, – ответил Глыба, – но у нас нервы покрепче, чем у них. Вот вытурим с Кубани Улагая, а потом прижмем Врангеля в Крыму, и пан Пилсудский тогда сам запросит пардону. Кишка тонка у него воевать супротив Советской России. Ежли б американцы и англичане не помогали ему, то он уже давно бы скис.

Из тьмы донеслось:

– Товарищ комиссар, к командиру корабля!

– Иду! – басом откликнулся Глыба.

Колот сидел за столиком. В открытый иллюминатор врывался морской ветер, шевелил его густые русые волосы.

---

⁵⁰⁴ В 1920 году канонерской лодкой «Эльпидифор» № 415 командовал Григорий Александрович Бутаков. Награжден орденом Красного Знамени «...за отличия, проявленные при постановке минных заграждений в Керченском проливе и в бою 14 августа 1920 года...». – прим. Гриня

– Звал? – спросил Глыба.

– Сейчас телеграмма пришла, – сказал Колот. – В двадцать два часа тридцать минут к нам придут командующий и Чрезвычайный комиссар Юга России. Надо подготовиться к встрече. – Он взглянул на часы: – Остается сорок минут. Побеседуй с экипажем и труби сбор.

Матросы «Эльпидифора» уже не раз отмечались в приказах высшего командования за боевые подвиги. Но особенно дорога и памятна была на корабле письменная благодарность, полученная от Орджоникидзе в девятнадцатом году по случаю успешного выполнения боевых операций в районе Новороссийска. Теперь, впервые, экипажу предоставлялась возможность лично встретиться с человеком, о котором во флоте шла славная молва и которого моряки называли не иначе как «наш товарищ Серго».

Экипаж, состоявший из ста пяти человек, укомплектованный в городе Николаеве из моряков, уже не раз побывавших в боях с белыми, выстроился на шканцах, матросы-десантники шпалерами⁵⁰⁵ расположились по бортам судна.

Ровно в половине одиннадцатого ночи к «Эльпидифору» подошла моторная лодка. Горнист заиграл «захождение». В сопровождении группы военных по трапу поднялись Орджоникидзе и Левандовский.

После церемонии встречи командующий предоставил слово Чрезвычайному комиссару. Орджоникидзе выступил вперед и, обратясь к матросам, сказал:

– Товарищи, на долю вашего корабля ложится самая почетная, самая ответственная задача! «Эльпидифор» будет идти в авангарде десантной флотилии, и ваш отряд первым высадится на берег. Помните, товарищи, от того, насколько успешно вы выполните свою боевую задачу, зависит ход всей операции. Ваше мужество, ваша отвага должны служить примером для всех матросов. Мы надеемся на вас и глубоко верим, что эльпидифоровцы, как и раньше, отлично справятся с заданием, внесут достойный вклад в дело окончательного разгрома врангелевских полчищ!

* * *

Караван судов вышел в море. Ветер усиливался. В тучах появились просветы, сквозь которые проглядывало звездное, лунное небо. Корабли держались мористее, шли в нескольких кабельтовых западнее, чтобы в случае появления флотилии противника дать отпор.

Старшина Рыбин стоял на носу «Эльпидифора» и, опершись на поручни, вглядывался в ту сторону, где тянулась невидимая в ночи линия берега. За бортом вздымались горбатые спины волн, покрытые белым кружевом пены. Ущербленная луна выглянула из-за взъерошенной тучи и тускло осветила Рыбина. На его бескозырке золотом было написано: «Черноморский флот», на поясе – наган в кобуре, гранаты.

Где-то внизу, под палубой, тяжело дышали машины. Над широкой трубой клубился черный дым.

Караван миновал уже остров Долгий и, постепенно приближаясь к берегу, следовал к месту высадки. Десантники были наготове и сторожко глядели на восток, где над темной полосой берега занимался рассвет. С каждой минутой все ярче пламенела заря. Казалось, за горизонтом пылало огромное пожарище. Его зарево, окутанное розовым дымом, теснило тьму, заливало небо огненным потоком. А над морем, пластаясь белесыми хлопьями, расстилался туман, сквозь который чуть-чуть проступали курчавые вихри садов, окружавших Камышеватскую.

Глыба и Колот поднялись на капитанский мостик, пытались разглядеть в бинокли берег, но туман не позволял им установить, есть ли кто на берегу, или он безлюден.

«Эльпидифор» медленно, будто на ощупь, продвигался вперед. Жерла пушек и стволы пулеметов были направлены на сушу. Вот совсем близко из тумана проступил невысокий обрыв. Выпятив бурую песчаную грудь, он полз навстречу кораблю. Колот отдал команду застопорить машины. Словно затаив дыхание, «Эльпидифор» шел теперь по инерции. Уже можно было различать птиц, сидевших на уступах обрыва.

– Братцы, глядите! – закричал Рыбин. – Это же чайки! Раз они сидят, значит, на берегу нет

---

⁵⁰⁵ Шпалера – здесь – шеренга войск по сторонам пути следования кого-нибудь. – прим. Гриня

никого.

– Верно, старшина! – подхватил Глыба.

Колот не отрывал бинокля от глаз.

– Да, пожалуй, можно швартоваться, – решил он и, распорядившись развернуть корабль левым бортом к берегу, крикнул в машинное отделение: – Малый вперед!

Машины снова заработали. Заслышав их гул, чайки с криком взвились в воздух, заметались над водой.

– На левом траверзе⁵⁰⁶ хутор Трофимов! – объявил Глыба.

– Приготовиться к высадке! – крикнул Колот.

«Эльпидифор» остановился. Несколько дюжих матросов перекинули сходни на берег. Началась высадка головного десантного отряда, который тотчас занял оборону вдоль прибрежной полосы. Остальные суда начали подходить к отмели, вдававшейся в море шагах в двухстах от «Эльпидифора». Десантники бросались в воду и по песчаной косе перебирались на сушу.

По приказу командира морской дивизии два полка должны были двинуться на Ясенскую и, достигнув станицы, сейчас же сосредоточиться на правом фланге плацдарма. Остальным частям надлежало вести наступление на Камышеватскую. Плацдарм постепенно ощетиивался пушками, пулеметами. Росли штабеля ящиков с боеприпасами. Между берегом и судами непрерывно шныряли лодки и шлюпки.

Туман рассеивался, открывались дали, а когда из-за горизонта выглянуло слепящее солнце, противник обнаружил десантные части красных.

Улагаевцы залегли. Залегли и матросы. Глыба установил пулемет в ложбине.

– Товарищ комиссар, беда! – раздался встревоженный голос Рыбина.

Глыба оглянулся и увидел, что старшина побежал к командиру дивизии, неподвижно лежавшему на поле боя. Глыба тоже устремился на помощь пострадавшему товарищу. Комдив был мертв. Пуля попала в голову, чуть выше правого глаза.

– Ну! – скрежеща зубами, комиссар погрозил кулаком в сторону врагов. – Вы еще запоете у нас не такую песню!

Особенно упорное сопротивление белогвардейцы оказали на ближних подступах к Камышеватской. Используя балки и овраги, под прикрытием огня артиллерии они приостановили десантников. Колот был ранен осколком снаряда в руку. Изорвав свою окровавленную тельняшку, капитан наспех перевязывал рану.

Флотилия открыла огонь из пушек по вражеским батареям и всему полю, на котором держали оборону алексеевцы и таманцы.

На юго-востоке, обходя стороной хутор Трофимов, показалась конница. Впереди лавы, быстро надвигавшейся на Камышеватскую, развевалось красное знамя.

– Братцы! – закричал Колот. – Наши! – Он схватил винтовку, насадил на штык обрывок своей пропитанной кровью тельняшки, поднялся во весь рост и, махая красным конником, напряг голос: – Вперед, черноморцы! Отомстим за комдива!

Матросы помчались за ним и через несколько минут ворвались в улицы Камышеватской. А кавалеристы 8-й Красной армии одновременно атаковали большой конный отряд гвардейцев, пытавшийся зайти в тыл матросам.

Рыбин с группой десантников пробирался садами к трем ветрякам, стоявшим на берегу моря. Оттуда строчили пулеметы и поддерживали своим огнем взвод алексеевцев, который оборонял подступы к станице со стороны моря. Группа Рыбина была уже на западной окраине, оставалось преодолеть выгон, когда из-за кустов малины неожиданно появился мальчишка с облупленным носом, босой, в полотняных штанах и рубашке. Он указал на пристань, и звонкий его голос раздался в прохладном утреннем воздухе:

– Там зараз хлеб палыть будут!⁵⁰⁷

Рыбин не раздумывал долго. Поручив одному из матросов возглавить отделение для захвата ветряков, он с пятью бойцами двинулся по оврагу к морю. На пристани у накрытых брезентами

---

⁵⁰⁶ **Траверз** – направление, перпендикулярное курсу судна. – прим. Гриня

⁵⁰⁷ Там сейчас хлеб сжигать будут! – прим. Гриня

штабелей из мешков суетились с ведрами солдаты. Над двумя штабелями уже прыгали желто-красные языки пламени.

Рыбин швырнул гранату. Ее взрыв переполошил поджигателей, а когда из оврага выскочили матросы, белогвардейцы, побросав ведра, пустились к станице.

Шестерка отважных начала стаскивать с мешков горящие брезенты. Пламя обжигало руки, нестерпимым жаром обдавало их лица, но они упорно продолжали борьбу с огнем и вскоре победили его. Тысячи пудов хлеба были спасены.

Отделение, брошенное на ветряки, покончило с вражескими пулеметчиками, после чего взвод алексеевцев оставил свои позиции, и десантники овладели западной окраиной станицы.

Еще более двух часов длились уличные схватки, но в конце концов последние очаги сопротивления улагаевцев были сломлены.

Х

По дороге вдоль берега моря непрерывным потоком двигались войска: пехота, артиллерия, конница, обозы. Бурая пыль медленно расплывалась над бескрайней приморской степью. С моря дул свежий ветер. Если бы не он, то степь задохнулась бы от зноя. Над зелеными волнами, налетавшими на обрывистый берег, плавно скользили чайки.

Орджоникидзе ехал на тачанке, обгоняя колонны бойцов. На облучке восседал казак в лихо заломленной курпейчатой папахе и время от времени покрикивал на сильных буланных коней, которые и без понукания, несмотря на зной, не сбавляли бега. За тачанкой следовало отделение кавалеристов, вооруженных карабинами, саблями и гранатами. Бойцы узнавали Чрезвычайного комиссара, проезжавшего мимо, помахивали руками, кричали:

– Здравствуйте, товарищ комиссар!

Орджоникидзе отвечал на приветствия, иногда останавливался, чтобы побеседовать с красноармейцами и казаками.

Но вот тачанка свернула на полевую дорогу, в сторону рыбачьего хутора, где улагаевцы, застигнутые врасплох, были вынуждены оставить склады боеприпасов и продовольствия. Впереди на жарком солнце сверкали зеркала лиманов, обрамленные зарослями темнозеленых камышей. Сквозь шевелящуюся пелену марева вдали проступали хутора, поселки, станицы.

Вдоль и поперек исколесил Орджоникидзе Кубань за годы гражданской войны, а в этих местах был впервые и теперь приглядывался ко всему, снова и снова дивясь красоте и просторам богатого, солнечного, привольного кубанского края, который контрреволюция пыталась использовать уже не раз как трамплин для смертельного прыжка на Советскую Россию.

Тачанка приближалась к берегу лимана. В стороне от дороги валялись трупы белогвардейцев, лошадей, разбитые брички.

У хутора тачанку догнал нарочный из штаба армии. Он вручил Орджоникидзе пакет, в котором находилось донесение такого содержания:

Сегодня, то есть 24 августа, в девять часов утра, на Таманском полуострове высадился третий по счету врангелевский десант под командованием генерала Харламова⁵⁰⁸ численностью в 2900 штыков и сабель при 6 орудиях и 25 пулеметах.

Части 22-й стрелковой дивизии и 65-й бригады вступили в бой с противником в районе Джигинской.

Штаб 9-й армии принял все необходимые меры для ликвидации этого десанта.

Начальник штаба 9-й Красной армии

Н. Балышеев.

* * *

В Приморско-Ахтарской нарастала паника. Пристань кишела беженцами, которые поспешно

---

⁵⁰⁸ Врангель высадил третий десант под командованием генерала Харламова в ночь на 12(25) августа. – прим. Гриня

грузились на баркасы, моторные и парусные лодки и уходили в море. Вокруг станицы рылись окопы, наспех воздвигались укрепления.

Старый Копоть прибежал домой, упал на колени перед иконами и, истово крестясь, забормотал:

– Господи Иисусе Христе, сыне божий, спаси и помилуй нас! Молитв ради пречистые твоя матери и всех святых, защити нас!

В дверь заглянула Нина Арсеньевна, спросила:

– Чего молитесь? Беда какая?

– Не мешай! – отмахнулся Гаврила Аполлонович – Большевики уже в Изюмном, поняла? – И снова забубнил: – Во имя отца и сына и святого духа... – Он вдруг оборвал молитву, взглянул на невестку: – Марьяна где?

– В спальне, – ответила Нина Арсеньевна.

– Позови ее сюда, – приказал свекор и опять начал бить поклоны: – Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

Нина Арсеньевна окликнула дочь.

– Становись на колени да молись богу! – приказал Гаврила Аполлонович внучке. – Вместе с матерью молись!

Нина Арсеньевна опустилась на колени рядом с ним, зашептала молитву.

– А ты чего стоишь? – крикнул Гаврила Аполлонович на Марьяну. – Сказано, на колени!

Марьяна не повиновалась.

– Вы бы лучше людей освободили, – сказала она.

– Каких людей?

– В правлении, в сарае сидят.

Гаврила Аполлонович поднялся на ноги, закивал одобрительно:

– Беги, Марьянушка, беги, моя умница!.. Скажи, что батько приказал... Покудова его нет в станице.

Марьяна выбежала из дома. На улицах продолжалась суматоха. Марьяна торопилась. От мысли, что она не успеет освободить арестованных, сердце ее разрывалось: Скакун мог расстрелять их в любую минуту.

Около сарая стоял часовой. Марьяна обратилась к нему и, с трудом переводя дух, сказала:

– Атаман... мой отец приказал освободить всех... немедленно!

Видя перед собой атаманову дочку, часовой не стал медлить. Открыв дверь, он крикнул арестованным:

– Геть по домам! Атаман милует вас.

– Да быстрее! – нетерпеливо добавила Марьяна.

Люди недоверчиво поглядывая на солдата, стали выходить из сарая. Проковыляла совершенно поседевшая Гликерия Семеновна, а за ней и Гордей Анисимович Шмели. Старуха, видимо, догадалась, кому она да и все остальные обязаны спасением, со слезами сказала Марьяне:

– Дай бог тебе счастья, дочко.

– Идите, идите, – поторопила ее Марьяна. – Мало ли какая беда может случиться.

Шмели прибавили шагу. На улице, невдалеке от площади, им повстречался Гаврила Аполлонович. Схватив Гликерию Семеновну за руку, он заплакал:

– Прости ты нас, Луша! Во всем виноват Никита.

– Хай вас бог прощае, Гаврила Аполлонович, – простонала старуха.

– Спасибо, Луша, спасибо тебе, родная! – склонил голову Копоть. – Добрая ты душа. Спасибо и тебе, Гордей. Не вымещай ты на нас своего зла за того дурня.

– Не бойся, Аполлонович, – прохрипел Шмель. – Мы же не людоеды.

Возвращаясь домой, Марьяна увидела Вокэра. Грязный, запыленный, в рваном бешмете и облезлой кубанке, он мчался на бричке по улице в сторону моря.

Он две ночи крался по тылам красных, пока наконец не очутился в Изюмном. Там, воспользовавшись паникой, вскочил на обозную бричку и помчался в Приморско-Ахтарскую.

* * *

Сотня Левицкого и чоновский отряд атаковали эскадрон белоказаров, державший оборону

южнее Приморско-Ахтарской, смяли его и прорвались к вокзалу. Там они натолкнулись на роту юнкеров Константиновского военного училища, которая также не выдержала натиска и оставила станцию.

Преследуя юнкеров, казаки и чоновцы с ходу освободили несколько кварталов, прилегавших к железнодорожной линии. Другие части вороновской кавбригады уже вели уличные бои на восточной окраине станицы.

Чтобы обезопасить тыл, Виктор Левицкий выделил отделение конников во главе с Охрименко и поручил ему тщательно проверить каждый двор. Эта мера предосторожности оправдала себя. Кое-где в подвалах, сараях и на чердаках были обнаружены белогвардейцы.

Лаврентий с двумя казаками заехал во двор Копотя, постучал плетью в окно, крикнул:

– Эй, хозяин!

На пороге показался Гаврила Аполлонович, ни живой ни мертвый от страха. Он снял шапку и, поклонившись, спросил с дрожью в голосе:

– Вам кого, товарищи?

– Белых шукаем, – ответил Лаврентий. – Не прячешь ли кого?

– Ей-богу, не прячу, – перекрестился старик. – Может, кто сам заховался, так рази я в ответе?

Казаки спешили, начали осматривать двор. Лаврентий, держа в руке карабин, полез на чердак дома. Из двери выглянула встревоженная Нина Арсеньевна, покосилась на лестницу. Ее взгляд показался Лаврентию подозрительным.

«Не иначе кто-то есть на горище!» – подумал он. А когда хозяйка робко сказала, что на чердаке никого нет, его подозрение усилилось. Напустив на себя грозный вид, он бросил:

– Нечего тут куплеты рассказывать!

Гаврила Аполлонович буркнул снохе:

– Не мешайся. Хай человек посмотрит.

Лаврентий открыл дверцы на чердак. Оттуда, точно из горячей печи, дохнуло таким жаром, что у него на мгновение остановилось дыхание. Он глотнул накаленный воздух, залез на чердак, заваленный всевозможным старьем, и, взяв карабин на изготовку, сторожко пошарил взглядом по сторонам, крикнул:

– Кто здесь? Вылазь!

Никто не отозвался. Лаврентий сделал несколько шагов вперед. О что-то споткнулся, пошарил рукой. У борова⁵⁰⁹ стояла четверть, оплетенная ивовой лозой. Лаврентий открыл пробку, поднес горлышко к носу – и просиял от удовольствия: в четверти была самогонка.

– Оце так находка! – воскликнул он, присаживаясь на сволок. – Моя ж ты сердешная...

Он уже не замечал чердачной жары. Торопливо расстегнув сумку, вынул из нее ломоть черного хлеба и головку лука, припал губами к горлышку четверти.

Через несколько минут Лаврентий поставил четверть между коленями и, пьяно покачиваясь, запел:

Ой, гук, м-аты, гук,
Дэ козаки йдуть,
Ой, вэсэлая
Та дороженька,
Куда ж воины йдуть?⁵¹⁰

Нина Арсеньевна услышала его пьяное гудение, сказала встревоженно:

– Марьянка! Казак на горище! Там же водку мы схоронили от батьки. Чуешь, поет.

– Ну и пусть! – улыбнулась Марьяна. – Разве вам жалко водки?

Нина Арсеньевна вышла из дома, окликнула казака, поившего коня у колодца, спросила:

– Чи не случилась беда с вашим товарищем на горище? – И объяснила: – Водка у меня там.

В калитке показался Охрименко, крикнул:

---

⁵⁰⁹ **Боров** – здесь – горизонтальная часть дымохода, ведущая от печи к дымовой трубе. – прим. Гриня

⁵¹⁰ Эй, мамка, эй, где казаки идут. Ой, веселая та дороженька, куда ж воины идут? – прим. Гриня

– Поехали, хлопцы!

– Лаврентий Левицкий на горище, – ответил казак. – Кажись, водку надыбал.

Охрименко бросился на чердак, нашел Лаврентия уже клюющего носом, отобрал у него четверть, окликнул казаков и вместе с ними стащил Лаврентия с чердака.

Во второй половине дня Приморско-Ахтарская была полностью очищена от разрозненных отрядов Улагая. На улицах, во дворах еще были свежи следы минувшего боя.

* * *

Аншамаха стоял посреди своего разгромленного двора. Сквозь слезы он смотрел на пепелище родной хаты, на обуглившиеся стволы деревьев. Можно выстроить новую хату, посадить другие деревья, но нельзя вернуть верного, заботливого и любящего друга – жену. Ее расстреляли белые третьего дня вместе с другими станичниками. Как потерянный вышел Аншамаха за ворота, сел на коня и, еще раз оглянувшись на пепелище, тихо направился к берегу моря, туда, к яру, где были расстреляны ахтарцы и она – его подруга.

На окраине станицы, разместившись в саду, обедали казаки. У плетня на колоде сидел гармонист. Будто плача, пела в его руках тальянка.

От этой песни еще горестнее стало на душе у Аншамахи. Он хотел умчаться, чтобы никто не заметил слез на его глазах, но в это время гармонист поднял голову, взглянул в его сторону. Аншамаха мгновенно узнал этого человека. В памяти отчетливо промелькнула картина расстрела в Украинском: вечер, толпа на краю яра, кривоногий хорунжий, залпы в беззащитных людей. И этот, что теперь играл на тальянке; та же на нем белая мерлушковая папаха с заломленным верхом, кажется немного великовата для его головы, та же черкеска, но только без серебряных погон. Он выстрелил тогда в воздух и крикнул: «Не забывай Матвея Охрименка!»

Аншамаха остановил коня и, взглядываясь в лицо гармониста, окликнул:

– Охрименко!

Гармонист оборвал пение, сжал тальянку, отозвался:

– Я Охрименко!

Аншамаха спешился, подошел к нему. С минуту они молча глядели друг другу в глаза.

– Не узнаешь? – спросил Аншамаха.

– Шось не помню, – пожал плечами Охрименко

– А я не забыл тебя, – сказал Аншамаха и напомнил, где и при каких обстоятельствах произошла их первая встреча.

Охрименко улыбнулся как-то растерянно, промолвил

– Да, было такое... – И, помолчав, кивнул головой объяснился: – Не удивляйся. С вами я теперь, за Советы воюю.

– Ну, спасибо тебе, товарищ Охрименко! – поблагодарил Аншамаха и обнял его по-братски.

* * *

Шмели вернулись домой. Прежде чем войти в хату оглядели двор. На стене клуни во всю длину тянулась сеть, висели вентеря⁵¹¹; на срубе колодца стояла деревянная бадья; у конюшни – перевернутая лодка; перед сараем – арба с поднятыми оглоблями... Но в конюшне, сажке⁵¹² и курятнике тихо. Пару лошадей, корову, трех свиней, семь овец и всю птицу забрали улагаевцы. В амбарчике тоже хоть шаром покати.

Из сенец выбежала черная собака и, увидев людей шарахнулась в сторону. Шмели вошли в хату. В комнатах мебель перевернута, поломана, одежда выброшена из сундука, со стен сорваны картинки и фотографии. Увидев этот разор, Гликерия Семеновна заплакала. Гордей Анисимович

---

⁵¹¹ **Вентерь** – рыболовная снасть типа ловушки. – прим. Гриня

⁵¹² **Сажок** – небольшой сарайчик, приподнятый на чурках, для содержания свиньи. – прим. Гриня

поднял опрокинутый стол, поставил у окна сказал:

– Ты, Луша, бога благодари, что мы живы остались. А вещи – дело наживное.

С церковной площади донеслись звуки похоронного марша. Гордей Анисимович снял шапку, отвернулся окну, чтобы скрыть от жены душевную боль.

«Может, и наш Юня...» – подумал он, и мысль о том, что сына, возможно, нет уже в живых, ужаснула его

– Слышишь, хоронят кого-то, – промолвила тихо Гликерия Семеновна и, перекрестившись, пробормотала: – Помяни, господи...

У ворот остановился верховой. Гордей Анисимович выглянул из окна и, захлебываясь от радости, крикнул:

– Луша... Юня приехал!

Гликерия Семеновна бросилась к выходу. Старик побежал за ней.

* * *

Завечерело. Нина Арсеньевна сидела у открытого окна и грустно смотрела в сад. Свекор закрылся у себя в комнате и вот уже больше часа не показывался. Марьяна куда-то ушла.

«Что теперь будет с нами?» – подумала Нина Арсеньевна, тщетно сиюсь отогнать от себя мысли о муже, бежавшем с белыми, и о тех бедах, которые он причинил ахтарцам.

Из-за кустов сирени долетел приглушенный голос Марьяны:

– Ну пойдем, чего же ты?

– Да вроде неудобно, – ответил мужской голос. Лучше тут посидим.

«Юнька Шмель!» – догадалась Нина Арсеньевна.

– Надо же маме сказать, – проговорила Марьяна.

– Ладно, пошли, – согласился Юнька.

Нина Арсеньевна вышла к ним навстречу, пригласила Юньку в дом. В комнате гость снял шапку, несмело опустился на стул. Марьяна остановилась у стола.

– Совсем или на время приехал? – спросила Нина Арсеньевна, обращаясь к парню.

– Солдат же я... – стеснительно улыбнулся Юнька. – Вот кончим с беляками, тогда насовсем вернусь. Наверно, завтра опять в поход.

– И я с ним! – выпалила Марьяна.

– Разве можно пугать меня так? – сказала Нина Арсеньевна с укором.

Марьяна потупилась, загорелась румянцем.

– Я не пугаю, мамочка... Хочу в армию.

– В какую армию? – вскрикнула Нина Арсеньевна.

– В Красную, конечно, – ответила Марьяна.

– Да ты в своем уме?

– В своем.

Нина Арсеньевна, казалось, потеряла дар речи, растерянно смотрела то на дочь, то на Юньку.

– А я что буду делать без тебя? – спросила она наконец сдавленным голосом.

Марьяна обняла ее за плечи, заглянула в глаза.

– Не сердись, мамочка. Война скоро закончится. Да и не так далеко буду я от тебя.

– Это он уговорил? – Нина Арсеньевна указала на Юньку, который сидел как на иголках.

– Нет, я сама решила, – ответила Марьяна. – В армии много девушек. Разве я хуже других? Сестрой милосердия буду или еще кем. Ты должна отпустить меня, мамочка.

– А если не отпущу?

Марьяна ничего не сказала, но в ее взгляде была такая решимость, что Нина Арсеньевна поняла: дочь не удержать дома.

XI

К шести часам вечера на Крепостной площади собрались несколько тысяч человек: рабочие, служащие, конторщики, воинские части Екатеринодарского гарнизона.

А по Красной улице сюда все еще продолжали двигаться колонны людей, как на праздничной

демонстрации, со знаменами, оркестрами и песнями.

У старой церкви возвышалась трибуна, украшенная боевыми знаменами. Над толпой колыхались транспаранты с призывными надписями: «Помните о Врангеле! Смерть Врангелю!». Было знойно. Блестели штыки винтовок, ярко алели полотнища флагов, и огромная толпа выглядела празднично-пестрой, красочной. Все ждали, когда на трибуну поднимется член Реввоенсовета Республики, прибывший в Екатеринодар.

Девильдо-Хрулевич уже мчался в открытом автомобиле с вокзала, где стоял его бронепоезд. Холодно, безучастно поглядывая на горожан, толпившихся на перекрестках, он снова и снова вспоминал с содроганием о том, как едва не погиб под Приморско-Ахтарской, где неожиданно его автомобиль оказался в зоне артиллерийского обстрела.

«Это, пожалуй, чистая случайность, что я уцелел», – думал он, чувствуя, как по спине бегают мурашки. Сияв пенсне, он дохнул на стекла, протер их надушенным платочком и пригладил рукой пышную смолисто-черную шевелюру, которая лоснилась от бриллиантина, как атласная. Пенсне снова заняло свое место на переносице. Затем Девильдо-Хрулевич со свойственной ему педантичностью принялся осматривать свой щеголеватый военный костюм: сдул с рукава темно-зеленой гимнастерки соринку, подтянул повыше голенища начищенных сапог. И вдруг обнаружил: блестящая желтая пуговица на левом обшлаге рукава болтается на одной ниточке.

– Безобразие! Черт знает что такое! – проворчал Девильдо-Хрулевич. – Придется взгреть нашего портняжку!

Оторвав пуговицу, он заерзал на сиденье. Шофер заметил нервозность своего начальника, спросил:

– Что случилось, Лев Самуилович?

Девильдо-Хрулевич показал ему пуговицу:

– Вот, видишь, оторвалась... А мне предстоит публичное выступление. Нехорошо, ах как плохо получилось!

– Да никто и не заметит, что ее нет, – сказал шофер.

Девильдо-Хрулевич недовольно насупился:

– Не говорите лишнего!.. У военного руководителя всегда должен быть безукоризненный порядок. А внешность, вид его – тем более! Сила примера.

– Если так, то давайте вернемся и пришьем пуговицу, – предложил шофер.

– Пожалуй, – согласился Девильдо-Хрулевич.

* * *

Время уже давно перевалило за шесть часов, а Девильдо-Хрулевич не появлялся на площади. Толпа изнывала от духоты. Игуменя, Лихачева и Пышная, стоявшие вблизи трибуны, перебрались в тень белолисток⁵¹³, где располагался духовой оркестр. К ним присоединился Шадур.

– Ну что? – спросила его игуменя.

– Не волнуйтесь, Вера Аркадьевна, – улыбнулся начснаб. – Все в порядке. Он примет вас.

По толпе пробежала волна оживления. С Красной улицы на площадь въехала машина Девильдо-Хрулевича. Оркестр заиграл встречный марш. Войска взяли винтовки на караул. И вот наконец под гром оваций Девильдо-Хрулевич подъехал к трибуне. Приняв рапорт от начальника Екатеринодарского укрепленного района Ковтюха, он в сопровождении секретаря областкома Черного, командующего Левандовского и других военных взшел на трибуну и приветливо помахал рукой над головой. Снова вспыхнула овация, длившаяся несколько минут. Упиваясь зрелищем столь восторженной встречи, Девильдо-Хрулевич обернулся к секретарю областкома:

– Я полагаю, товарищ Черный, пора начинать.

– Мы ждали вас, – ответил секретарь. – Митинг намечался на шесть часов.

– Знаю, – буркнул Девильдо-Хрулевич. – У меня был срочный разговор с Москвой.

Черный склонился над перилами трибуны, поднял руку и, когда площадь утихла, сказал:

– Товарищи красноармейцы, рабочие, служащие и жители города Екатеринодара! Разрешите

---

⁵¹³ Белолистка – тополь белый, или тополь серебристый. – прим. Гриня

митинг гнева и протеста против высадки врангелевских десантов в нашей области считать открытым! Слово предоставляется члену Реввоенсовета товарищу Девильдо-Хрулевичу!

Девильдо-Хрулевич протер пенсне, водрузил его на нос и, приблизившись к перилам, повел глазами по притихшему людскому морю, кашлянул и произнес звонким голосом:

– Товарищи! Я приветствую вас от имени нашей Красной Армии, рабочего класса всей страны, и в первую очередь рабочих и работниц Москвы!

Толпа зааплодировала. Девильдо-Хрулевич выждал, пока утихли рукоплескания, продолжил:

– Товарищи! Сегодняшняя наша встреча имеет сугубо военный характер. Мы собрались сюда для того, чтобы заявить как внутренней, так и внешней контрреволюции свое грозное, непоколебимое «нет!».

Соня стояла в группе санитарок, доставивших в город раненых бойцов. Слушая речь Девильдо-Хрулевича, она изредка поглядывала по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь из краснодольцев и вдруг неожиданно-негаданно встретила взглядом с игуменьей. Та улыбнулась, приветливо кивнула головой, но Соня поспешно отвернулась, сделала вид, что не узнала настоятельную, которая здесь, на митинге, была облачена совсем не по-монашески. Собственно, Соня не испытывала чувства неприязни к игуменье и до сих пор была убеждена, что матушка не имеет никаких преступных связей с бандой Набабова, но почему-то сейчас встреча с ней была очень неприятна.

А Девильдо-Хрулевич все больше входил в ораторский азарт:

– Могучий, великий ураган революции вырвал с гнилыми корнями паразитическое дерево помещичье-капиталистического строя, сосавшее из народа кровь. Лучезарное солнце свободы озаряет прекрасные просторы России, сбросившей с себя тяжелые кандалы рабства и несправедливости. Наш рабочий класс, как былинный Илья Муромец, расправил богатырские плечи и уже не одну голову отсек многоглавому Змею Горынычу – контрреволюции...

Левандовский стоял рядом с Жебраком в углу трибуны под знаменем и слушал речь Девильдо-Хрулевича без особого интереса. Он считал инспекционную поездку члена Реввоенсовета на фронт совершенно бессмысленной и даже вредной. Не согласовав ни с кем вопроса, Девильдо-Хрулевич отстранил от командования ряд способных полководцев, в том числе и командира Приуральской бригады Семашко, чем только внес дезорганизацию в армию.

«Пожалуй, он и впрямь только демагог и краснобай», – подумал Левандовский, вспомнив, какую характеристику Девильдо-Хрулевичу дал Орджоникидзе.

Выразительно жестикулируя руками, то и дело меняя интонацию голоса и явно рисуясь, Девильдо-Хрулевич умело рассыпал красивые слова, жонглируя эпитетами, метафорами, сравнениями, и его речь словно гипнотизировала толпу, приковывала к себе неослабное внимание слушателей. обстоятельно охарактеризовав положение на других фронтах, он перешел к Южному фронту.

– Сейчас этот фронт становится решающим! – напряг он голос и многозначительно потряс в воздухе указательным пальцем. – Черный поток контрреволюции пытается прорваться сквозь плотину наших войск к сердцу Донецкого бассейна. Над Северной Таврией и здесь, на Кубани, бушуют грозы сражений. Небо, земля и сердца людей содрогаются от ревущего грома и молний снарядных разрывов. Но плотина Красной Армии несокрушима. О нее, как о гранитные скалы, уже разбились мутные волны корниловщины, деникинщины, колчаковщины. И так будет со всеми, кто, раскрыв алчную пасть и брызжа бешеной слюной, посягает на завоевания рабочего класса и хочет превратить Россию в Содом и Гоморру...

Глотнув воды из стакана, Девильдо-Хрулевич театрально выбросил руку вперед:

– Вот сколько нас, товарищи! Силы наши неисчислимы, как звезды на небе, как капли в океане... Но не надо забывать, что во время Деникина этот фронт поднимался выше Орла и подходил к Туле, к нашей великой кузнице. Если бы мы тогда отдали Тулу, мы не погибли бы еще, но опасность была бы страшно велика. И мы разбили Деникина и на Украинском фронте, и на Северо-Кавказском, и на Донском, и на Кубанском. Разбили, но не добились! В Крыму сохранился барон Врангель, которого уже величают кандидатом на русский трон, называют великим «болярином Петром». Этот болярин через посредство лорда Керзона⁵¹⁴ хлопотал у нас об амнистии и

---

⁵¹⁴ Лорд Керзон, Джордж Натаниэл – министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), лидер палаты лордов (1916–1925). – прим. Гриня

одновременно на французские деньги и с помощью французского снаряжения формировал в Крыму отряды из деникинского офицерства. Из этого офицерства и с помощью крестьянского кулачества и отчасти верхов казачества Врангель создал ударную армию. Из Франции эта армия получает снаряжение, из Варшавы – свои военные задачи. Врангель – это цепной пес, которого пан Пилсудский держит у нас в тылу. Это военный подкидыш пана Пилсудского. Мы не могли сосредоточить в Крыму большие силы, так как вели упорную борьбу на польском фронте, и Врангель, воспользовавшись этим, вылез из крымской бутылки, пробился на юг Украины, взял Мелитополь, пытался взять Херсон, но наткнулся на сокрушительный удар частей Красной Армии и теперь сделал последнюю попытку пробиться на Северный Кавказ, на Кубань и Дон.

Девильдо-Хрулевич снова затих, хотел еще глотнуть воды из стакана, стоявшего с графином на столике перед ним, но потом почему-то раздумал и, обратясь к народу, изнывавшему от духоты, прибавил:

– Вы думаете, почему Врангель двинул десанты на Кубань? Да потому что здесь притаилось много вражеского отребья, среди которого основная роль принадлежит верхушке казачества, контрреволюционной по своей сущности. Врангель решил сделать ставку на эту часть кубанского населения. Будьте бдительны, товарищи! Враги, как тать в ночи, проникают в наши учреждения, в нашу армию. Смею вас уверить, что их, врагов, немало сейчас и на этом митинге! Но всевидящее око ЧК все равно найдет их, и они будут раздавлены подобно мерзким червям. Их место на свалке истории, среди смердящей падали!..⁵¹⁵

Над площадью, точно вспугнутая стая голубей, разразились бурные аплодисменты, не смолкая, долго носились в знойном, горячем воздухе. Когда же воцарилась полная тишина, Девильдо-Хрулевич, набрав до отказа в грудь воздуха, воскликнул:

– Вперед, товарищи, к победе! Развеем черные тучи над Кубанью и Крымом, чтобы солнце свободы вечно озаряло новую, счастливую жизнь на степных привольях. Сметем вражескую нечисть с дороги, по которой мы идем в великое грядущее! Да здравствует красный Екатеринодар! Ура, товарищи! Ура-а!

Тысячи голосов, слившись в один грозный голос, мощно подхватили это призывное «ура», перебрасывая его с одного конца площади в другой. Оркестр грянул «Интернационал». Девильдо-Хрулевич выпрямился, сделал под козырек и стоял навывтяжку до тех пор, пока оркестр не умолк.

Черный предоставил слово Жебраку.

– Товарищи, – сказал комиссар армии, – я вполне разделяю призыв члена Реввоенсовета к усилению революционной бдительности. Верно, много врагов притаилось на Кубани.

Девильдо-Хрулевич одобрительно закивал головой.

– Но у нас в казачестве, – продолжал Жебрак, есть не только богатеи, верхушка так называемая, но есть и казак-бедняк, и казак-середняк. Вот эта прослойка казачества вся теперь на стороне Советской власти. Вы в этом могли бы твердо убедиться, если бы взглянули на наши красные полки, действующие в данное время на фронте. Казаки – бедняки и середняки – не поддержали Врангеля, они сражаются в наших рядах. Прав был Владимир Ильич Ленин, когда сказал, что основная масса казачества пойдет за Советской властью!

Девильдо-Хрулевич насторожился, потом спросил:

– Это что? Меня здесь дополняют... или просто-напросто поправляют?

Левандовский спокойно ответил:

– Комиссар сам из казаков и отлично знает настроение и мысли казачества.

Тем временем Жебрак провозгласил здравицу в честь казаков – бойцов Красной Армии, встреченную с таким бурным энтузиазмом, что Девильдо-Хрулевич счел благоразумным оставить комиссара армии в покое.

ХII

---

⁵¹⁵ Во время выступления в Екатеринодаре Троцкий заявил, что, если кулак и казак попробуют подняться против Советской власти, «тяжкий каток прокатится по Кубани, не одна станица пожалеет о том, что ее смутили и обманули». – прим. Гриня

Лихачева с приятельницами возвращалась домой на фаэтоне. У гостиницы «Европа»⁵¹⁶ игуменья попросила извозчика остановиться, сошла на тротуар и, подобрав подол длинного черного платья, направилась в свой номер. Лихачева и Пышная, поджидая ее, разглядывали пешеходов, сновавших по улице, колонны красноармейцев, возвращавшихся с митинга. Четко печатая шаги по мостовой и оцетинясь холодной сталью вороненых штыков, бойцы с удалью распевали песни.

Вернулась игуменья. Когда фаэтон тронулся, Лихачева наклонилась к ней, спросила шепотом:

– Ну как?

– Я остаюсь, – ответила игуменья. – Глеб Поликарпович все уладил.

– И ты думаешь, что-нибудь получится?

– Чем черт не шутит, – улыбнулась игуменья. – Всяко может быть.

* * *

Девильдо-Хрулевич прохаживался по салон-вагону бронепоезда и изредка поглядывал на свое отражение в зеркале. Он был доволен своим внешним видом и чувствовал, что его речь на митинге произвела на слушателей хорошее впечатление. Но выступление Жебрака продолжало тревожить его самолюбие. Он еще никогда и никому не прощал подобных вещей и сейчас, подобрав удобный момент, решил свести счеты с комиссаром армии.

Дежурный доложил о прибытии Орджоникидзе.

– Просите! – сказал Девильдо-Хрулевич и, сев за письменный стол, напустил на себя вид, что по горло занят делами.

Вошел Орджоникидзе. Девильдо-Хрулевич оторвал глаза от черновика очередного донесения в Реввоенсовет, поднял голову и сказал извиняющимся тоном:

– Присаживайтесь, Григорий Константинович. Я сейчас... одну минуточку.

Орджоникидзе опустил в кресло. Девильдо-Хрулевич дописал свой рапорт и, передав его молодой женщине, видимо телеграфистке, показавшейся в дверях салона, закурил.

– Есть какие-нибудь изменения на фронте? – наконец спросил он, присаживаясь за круглый стол.

– Есть, – сухо ответил Орджоникидзе. – По линии Степная–Гречаная Балка–Поповическая⁵¹⁷–Старонижестеблиевская–Славянская⁵¹⁸ мы перешли к обороне.

– Почему? – удивленно вскинул брови Девильдо-Хрулевич.

– Противник перегруппировал силы и стал оказывать сильное сопротивление на этом участке.

– Плохо, очень плохо!

– Могло быть хуже, – заметил Орджоникидзе. – Ведь вы, Лев Самуилович, по сути дела обезглавили Приуральскую бригаду, которая действует на этом фронте.

Девильдо-Хрулевич снял пенсне, сощурился:

– Простите, Григорий Константинович. Я не понимаю вас. О чем вы?

– О том, что вы без ведома командующего сняли командира Приуральской бригады товарища Семашко, – ответил Орджоникидзе. – И не только Семашко. Лично я считаю, что подобное самовольное вмешательство в дела армии ведет к снижению ее боеспособности.

Девильдо-Хрулевич надел пенсне, нервно постучал пальцами по столу.

– Не забывайте, что я, как член Реввоенсовета, правомочен принимать такие решения.

– А вы в свою очередь не забывайте, что деятельность Реввоенсовета и каждого его члена в отдельности контролируется партией! – напомнил Орджоникидзе.

– Значит, вы склонны замазывать непростительные ошибки таких, как Семашко? – проговорил,

---

⁵¹⁶ Гостиница «Европа» располагалась на пересечении улиц Мира (с 1920 по 1951 – Пролетарская) и Красной. В 1943 г. здание было взорвано уходящими из города немецкими войсками. После войны здесь разбили небольшой сквер. Сейчас на этом месте ресторан (напротив отеля «Hilton Garden Inn Krasnodar») – прим. Гриня

⁵¹⁷ Сейчас – станция Калининская. – прим. Гриня

⁵¹⁸ Сейчас – город Славянск-на-Кубани. – прим. Гриня

вскипая, Девильдо-Хрулевич. – Ведь из-за оплошности этого Семашко я едва не погиб. Шутка ли – угодить под артиллерийский обстрел!

– На фронте это не диво, – усмехнулся Орджоникидзе. – Бойцы и днюют и ночуют под огнем. И тот же Семашко каждую минуту рискует жизнью.

– Но он завез меня в самый ад! – вскричал Девильдо-Хрулевич. – А что, если это было сделано умышленно?

Орджоникидзе неодобрительно сдвинул брови:

– Лев Самуилович, вы это всерьез или шутите?

– Пусть Семашко будет впредь осмотрительнее, – сказал Девильдо-Хрулевич, уклонившись от прямого ответа. – Мне кажется, что человек, которого я назначил на его место, справится с должностью командира бригады не хуже, чем Семашко.

– Назначили опять-таки без ведома командующего – сказал Орджоникидзе. – И я категорически возражаю против этого назначения. Бойцы любят Семашко, за ним они готовы пойти на смерть, а сейчас, если хотите знать, дисциплина в их рядах сразу упала. И чтобы поднять их боевой дух, надо немедленно вернуть им любимого командира. На этом настаивают и Левандовский, и Жебрак, к ним присоединяю свой голос и я.

Девильдо-Хрулевичу не хотелось отменять свой приказ. Он боялся, что этот шаг подорвет его авторитет как члена Реввоенсовета.

– Кстати, Григорий Константинович, вы хорошо знаете товарища Жебрака? – спросил он после непродолжительного молчания.

– Да, хорошо, – ответил Орджоникидзе. – А что?

– Жаль, что вы не присутствовали на митинге, – сказал Девильдо-Хрулевич. – По-моему, у Жебрака очень шаткие политические убеждения. Ведь он, по сути дела, ревизует подтвержденную жизнью истину о том, что кубанское казачество, да и не только кубанское, являлось одним из столпов царского самодержавия и принадлежит к самым реакционным сословиям. В своей речи я упомянул лишь о казачьей верхушке, которая целиком поддерживает Врангеля, но о бедняцкой и середняцкой массе казачества я умышленно умолчал. А он, видите, дополнил меня или даже осторожно поправил, заявив во всеуслышание, что сейчас казак бедняк и середняк уже переродился и идет вместе с Советской властью. Какая чушь! Все казачество в принципе как было реакционно, так и остается нашим врагом.

– Но жизнь подтверждает обратное, – возразил Орджоникидзе. – В конце концов, основная масса казачества определенно симпатизирует Советской власти и сражается за нее. К чести товарища Жебрака, он глубоко и правильно разбирается в этом вопросе, вернее, следует ленинскому указанию о необходимости дифференцированного подхода к людям.

– И все же я остаюсь при своем мнении, – сказал Девильдо-Хрулевич.

– Ну, а относительно Семашко как? – напомнил Орджоникидзе. – В Реввоенсовет обращаться или вы сами соответствующие указания дадите?

– Ладно, бог с ним! – сдался Девильдо-Хрулевич. – Я сегодня отменю свой приказ. – И тут же пригласил Орджоникидзе отужинать с ним.

– Благодарю! – отказался Орджоникидзе. – Через пятнадцать минут мне нужно быть на бюро областкома.

– Подождут! – махнул рукой Девильдо-Хрулевич. Подумаешь, каких-нибудь полчаса.

– Нет, нет, не могу! – категорически возразил Орджоникидзе.

Выйдя из вагона, он оглянулся на плотно завешанные окна, подумал: «Хотя бы шторы поднял и проветрил свою железную цитадель... Надо звонить в ЦК, чтобы скорее убрали его отсюда!»

* * *

Шадур приехал к Лихачевой в двенадцатом часу ночи. Он вошел в зал, и в ту же минуту в дверях соседней темной комнаты показалась хозяйка в голубом халате. Выставляя как-то по-особенному правую ногу из-под подола своей ночной одежды, она сделала два шага вперед и, оставив на виду носок расшитой золотом и серебром домашней туфельки, спросила:

– Что это ты в такую погоду пожаловал?

Шадур заметил, что его возлюбленная чем-то расстроена, взял ее руки с длинными

отполированными ногтями, поцеловал сначала одну, потом другую.

– Тебе нездоровится, Верочка?

– Нет, просто... – Лихачева села на диван. – Никак не приду в себя после митинга.

Шадур сел рядом с ней.

– Я же не советовал тебе ехать туда. Но ты не послушалась.

Лихачева закрыла глаза, вздохнула.

– Этот митинг подействовал на меня удручающе. Как никогда раньше, я почувствовала, насколько мы одиноки.

– Мне не нравится твое настроение, Верочка, – с укором сказал Шадур. – Сегодня нас мало, а завтра будет больше.

– Не успокаивай, пожалуйста, – сказала Лихачева. – Ты говоришь о том, во что и сам не веришь.

– Но нельзя же падать духом!

– Какая может быть бодрость духа у идущего ко дну? – Лихачева потерла пальцами виски. – Страшно! – И помолчав, поинтересовалась: – А что с Тупаловым?

– Его уже нет, – угрюмо сказал Шадур.

– То есть как нет? – испугалась Лихачева.

– Расстреляли.

В зал вошла игуменья, сказала:

– А я ждала вас весь вечер, Глеб Поликарпович. Сейчас уже без четверти двенадцать.

– Собирайтесь, Вера Аркадьевна, – объявил вдруг Шадур. – Лев Самуилович может вас принять только теперь – другого времени у него не будет.

– Я готова! – ответила игуменья и, поправив перед зеркалом прическу, обратилась к Лихачевой: – Как мой вид, Верочка?

– Божественный! – воскликнула Лихачева.

– На то я и настоятельница монастыря, – рассмеялась игуменья.

– Только, ради бога, не проболтайте вы об этом Льву Самуиловичу, – предупредил ее Шадур. – Он, знаете, любит все земное, но больше всего обожает лесть. Поэтому если вы хотите понравиться ему, то учтите эту его слабость. Перед жаром лести он тает, как воск.

– Обязательно воспользуюсь вашим советом, – пообещала игуменья. – Я сделаю все, чтобы завоевать его симпатию.

* * *

«Фордик» подкатил к порталу⁵¹⁹ вокзального здания. Шадур выскочил из машины, распахнул переднюю дверцу и, поддерживая игуменью под руку, помог ей сойти на мостовую. У выхода на перрон их встретил начальник личной охраны Девильдо-Хрулевича.

Игуменья простилась с Шадуром и вместе с проводником направилась к салон-вагону.

Девильдо-Хрулевич читал газету. Игуменья остановилась у двери, спросила робко:

– К вам можно?

Девильдо-Хрулевич поднял глаза, быстро встал:

– Да, да, пожалуйста! Милости прошу.

Игуменья все еще стояла в нерешительности и, снимая черные нитяные перчатки, пробормотала с деланным смущением:

– Простите, что я осмелилась побеспокоить вас.

– Просту, проходите! – любезно повторил Девильдо-Хрулевич. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Игуменья подошла к нему, протянула холеную руку и, поблагодарив за внимание, села в кресло у круглого стола, на котором горела настольная лампа под розовым абажуром. Девильдо-Хрулевич занял место напротив, поправил пенсне, промолвил благорасположенным тоном:

– Итак, чем я могу быть вам полезен?

– Простите, Лев Самуилович... – начала игуменья, положив на стол правую руку, украшенную

---

⁵¹⁹ Портал – главный вход большого архитектурного сооружения. – прим. Гриня

золотым перстнем, помедлила, стараясь всем своим видом показать, в каком взволнованном и смятенном состоянии находится сейчас ее душа, потом тихо сказала: – Может быть, это бестактно отрывать у вас драгоценное время, но я решила посоветоваться с вами... Глеб Поликарпович говорил мне о вас столько доброго, что я заочно прониклась каким-то особым чувством, доверием к вам, Лев Самуилович.

Первая доза лести подействовала. Взгляд Девильдо-Хрулевича наполнился участливой теплотой.

– Я слушаю вас, – проговорил он мягко.

– У меня большое несчастье! – вырвалось отчаяние из груди игуменьи, и глаза застлались слезами. – Такое несчастье, что я чувствую себя совершенно потерянной.

– Что же случилось? – спросил Девильдо-Хрулевич, взглядываясь в ее побледневшее лицо.

– Я приехала в город и хотела обратиться к товарищу Атарбекову, – сказала игуменья, – но Глеб Поликарпович порекомендовал мне прежде переговорить с вами. – Она вытерла кружевным платочком глаза, потупилась. – Дело вот в чем... Мой дядя во время отступления Добровольческой армии уехал за границу, а теперь вместе с десантом белогвардейцев вернулся на Кубань и неожиданно явился ко мне. Признаюсь, я скрывала его некоторое время... Старику слишком тяжело было бы умирать вдали от родины. Но в конце концов я вынуждена... Я не хочу отвечать за его грехи перед властями.

Девильдо-Хрулевич озадаченно поджал губы. С таким щекотливым делом ему пришлось встретиться впервые.

– Лев Самуилович, – простонала игуменья, – умоляю вас, помогите. Вы знаете, в каком страшном водовороте живем мы сейчас. Я могу пострадать из-за выжившего из ума, глупого старика. Посоветуйте, что мне делать? – Она разрыдалась. – Я с ума схожу... Предчувствие чудовищной беды не оставляет меня ни на минуту. Я ведь ни в чем, поверьте, абсолютно ни в чем не виновата...

Девильдо-Хрулевич пожал плечами.

– Я затрудняюсь сказать вам в данный момент что-либо определенное, – проговорил он. – Но нельзя же так отчаиваться. Возьмите себя в руки.

– Пытаюсь, Лев Самуилович, но не могу, – ответила игуменья сквозь слезы.

Девильдо-Хрулевич встал.

– Да, наше время неповторимо-сложно, – сказал он с глубокомысленным видом. – Я понимаю, вы – искренняя женщина... Но как вам помочь?

– Как вы найдете возможным! Я на все согласна.

– Хорошо. Я подумаю.

– Лев Самуилович! – воскликнула игуменья. – Вы вдохнули в меня надежду!.. Где, когда я могу узнать ваше решение?

– Зайдите завтра в гостиницу «Европа», – сказал Девильдо-Хрулевич. – Временно моя резиденция будет там.

– В «Европе»? – Игуменья выразила на своем лице приятное удивление. – Какое совпадение! Я тоже живу там.

– Тем лучше, – улыбнулся Девильдо-Хрулевич. – Мы сможем встретиться с вами в любое время.

– О, как это все будет кстати! – протягивая руку на прощание, прибавила игуменья. – Доброй вам ночи!

Девильдо-Хрулевич учтиво поклонился и проводил ее из вагона.

XIII

Южнее Роговской тянется заболоченная речушка Гречаная Балка, впадающая в Кирпильский лиман. По ее берегам почти непрерывной цепью разбросались хутора, скрытые в зелени фруктовых садов. На левом берегу реки, за стеной густых камышей, занимали оборону белогвардейцы, отошедшие сюда под напором войск 9-й Красной армии. На правом берегу, в хуторе Гречаная Балка, размещался штаб 3-й Отдельной казачьей кавбригады Воронова. Вдоль всей линии фронта стояла тишина. Пользуясь передышкой, противник вел перегруппировку сил, подтягивал к передовым позициям резервы и приводил в порядок оружие.

После полудня двор гречанобалковской школы стал наводняться бойцами. Усевшись на землю перед наспех сбитым деревянным помостом, они ждали выступления самодеятельных артистов, поторапливали комсомольцев, суетившихся тут же на сценической площадке.

– Скоро ваш тиянтер будет?

– Давай хвокусников!

– И танцуристов!

– Шевелись, комсомолия!

Гомон не умолкал. В воздухе плавал табачный дым. Пахло махоркой и потом.

Но вот приготовления закончились. На сцену поднялась Аннушка Балышеева в легком белом платье, белых туфлях.

– Похлопаем, братцы! – крикнул кто-то из красноармейцев.

Над двором прокатилась шумная волна рукоплесканий. Бойцы не жалели ладоней, хлопали азартно, дружно, оглашая окрестности веселыми выкриками.

– Товарищи! – звонко обратилась Аннушка к зрителям. – Наши артисты такие же бойцы, как и вы, поэтому не судите их строго. Будут и плясуны, и певцы, и музыканты. Возможно, кто-нибудь из вас хочет выступить в этом самодеятельном концерте. Милости просим! – Она лукаво подмигнула. – Есть такие?

В ответ полетело:

– Найдутся!

– Починайте, а там видно будет!

– Тогда приступим! – сказала Аннушка. – Первым выступит Демка Вьюн. Вы знаете, товарищи, что польские паны сорвали в Минске мирные переговоры с Советской Россией. Пилсудский, подстрекаемый английскими и французскими буржуями, петушится. Вот вы сейчас и увидите этого польского петуха-забияку.

Из-за ширмы выбежал Демка в наряде, изображавшем желтогрудого петуха, с черными крыльями, в красных сапогах, на которых торчали длинные шпоры. Бойцы встретили его громким хохотом.

Вьюн захлопал крыльями, изогнул шею и хрипло закричал:

– Ку-ка-ре-ку-у-у!

Хохот усилился. Демка выпятил грудь, напыжился, воинственно вскинул крылья и, похаживая по сцене, вскричал:

Я польский пан,
И вот мой план:
Я не хочу мириться,
Желаю только биться!

Остановившись посреди сцены, он зашаркал ногами, звякнул шпорами:

Я польский пан,
Я грозный пан,
Свой смелый план
Сейчас я извлеку:
Ку-ка-ре-ку-у-у!

Зрители покатались со смеху, горланили одобрительно:

– Оце так пан!

– Так его, Демка, так!

А Вьюн, ободренный такой реакцией, петушился еще больше:

Я польский пан,
Вельможный пан!
Страну рабочих и крестьян
Смелю в мельчайшую муку!
Кукареку! Кукареку-у-у!

Затопавав ногами, он перекошил лицо и, пыша злостью, продолжал:

Я красных сброшу в Днепр-реку,
Возьму я Петроград, Москву,
Развею барскую тоску!
Кукареку! Кукареку-у-у!

И вдруг оборвал крик, испуганно прислушался, затем заметался по сцене и трусливо опустил крылья. Голос его задрожал, наполнился страхом:

Но, боже, боже, что с панами?..
На красное наткнулись знамя,
Их гонит вспять животный страх,
Вопят, почуяв полный крах:
Кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах!

Озираясь по сторонам, волоча по полу крылья, петух-забияка бросился наутек. Хохот, крики, аплодисменты слились в сплошной восторженный гул.

– Демка, даешь еще!

– Будет то самое и Пилсудскому!

– Bravo, Демка!

Вьюн широко, счастливо улыбаясь, снова показался на сцене, уже в своей обычной одежде, неловко раскланялся и, еще раз прокричав «ку-ка-ре-ку-у-у!», скрылся за ширмой.

Прошло не меньше минуты, пока наконец начал затихать шум. Аннушка объявила:

– А теперь перед вами выступит медицинская сестра санитарного поезда Софья Калита.

На сцену вышла Соня в гимнастерке, темно-синей юбке и туфлях. Тяжелые черные косы с алыми лентами лежали на ее груди. В правой руке – цветок ромашки. Увидев сотни бойцов, перед которыми ей предстояло петь, Соня ощутила на себе их взгляды, зарделась от смущения, опустила глаза. Охрименко с двухрядкой в руках наклонился к ней, шепнул ободряюще:

– Починаем!

Пальцы его побежали по серебряным пуговкам ладов, и Соня, услышав мотив, оживилась, подняла голову, запела:

Ой, казала мени маты,
Ще й приказувала,
Щоб я хлопцив у садочок
Не приважувала.⁵²⁰

На ее лице играла улыбка, в глазах поблескивали озорные огоньки, а голос лился свободно, по-соловьиному звонко. Соня не только пела. Она перевоплощалась в ту девушку, о которой говорилось в песне. Надув губы и недовольно вздохнув, начала второй куплет:

Посылала мене маты
До криниченьки.
Принеси ж ты, моя доню,
Хоть водыченьки.
Ой, мамо, мамо, мамо,
Хоть водыченьки!⁵²¹

---

⁵²⁰ Ой говорила мне мама, еще и приказывала, чтоб я парней в садочек не приводила. – прим. Гриня

⁵²¹ Посылала меня мама до колодца. Принеси ж ты, моя доченька, хоть водички. Ой мама, мама, мама, хоть водички! – прим. Гриня

И какой же лукавой, шаловливой выглядела Соня, когда запела третий куплет:

Ждала, ждала мене маты,
Не дождалася...
А я с хлопцем у садочку
Цилувалася.
Ой, мамо, мамо, мамо,
Цилувалася!⁵²²

Едва замерла последняя нота, как бойцы неистово захлопали в ладоши и подняли такой шум, что казалось, на школьном дворе началась рукопашная. Соню не отпускали со сцены, требовали, чтобы она пела еще и еще.

И вдруг Соня услышала голос Виктора Левицкого:

– Спой мою любимую!

Соня увидела его в тени акации, крикнула:

– Спою!

И она запела любимую песню Виктора:

Ничь яка, господы, мисяшна, зоряна!
Ясно, хоть голки збирай.
Выйды, кохана, працею зморена,
Хоть на хвылыночку в гай!⁵²³

Песня захватила всех. Бойцы сидели не шевелясь, задумчивые, растроганные. А Виктор смотрел на Соню, вслушивался в ее чарующий голос и не мог налюбоваться ею...

* * *

Лаврентий Левицкий вышел на окраину хутора, постоял у придорожного колодца, затем медленно побрел к кургану, одиноко вздыбившемуся среди пустынной степи.

После концерта он хотел было от души поблагодарить Соню за песни, задержался на школьном дворе, но когда увидел ее, то сразу забыл и о песнях, и о том, что хотел ей сказать. Она сама подошла к нему, горестно покусывая губы, и в глазах ее стояла такая скорбь, будто она только что побывала на похоронах самого близкого человека.

– Шо сталося? – спросил ее по-отечески участливо Лаврентий. – Може, кто обидел тебя? Кажи правду. Ежели Витька, то я не посмотрю, шо он командир...

Соня отвела в сторону взгляд.

– Никто не обижал меня. А Вите сейчас еще тяжелее, чем мне. – Она всхлипнула. – Письмо Аминет от Гаврюши Мечева получила.

– Письмо, говоришь? – глухо переспросил Лаврентий, почувяв вдруг, как в душе зашевелилось недоброе предчувствие. «Не зря она про Витьку згадала⁵²⁴, – подумал он. – Мабуть, дома шось неладно». Он взял Соню под руку, промолвил просяще: – Шо ж Гаврюха пишет в том письме?

– Оно у меня – Соня достала из кармана гимнастерки маленький листок бумаги, подала: – Читайте сами, Лаврентий Никифорович.

---

⁵²² Ждала, ждала меня мама, не дождалась... А я с парнем в садочке целовалась. Ой, мама, мама, мама, целовалась! – прим. Гриня

⁵²³ Ночь какая, Господи, лунная, звёздная! Видно, хоть иголки собирай. Выйди, любимая, работой утомленная, хоть на минуточку в рощу! – украинская песня, на слова стихотворения «Виклик» (Вызов), написанного Михаилом Старицким в 1870 году. – прим. Гриня

⁵²⁴ **Згадать** – вспомнить, упомянуть. – прим. Гриня

Лаврентий взял дрожащими руками письмо, развернул и начал читать полупрошепотом:

Аминет, дорогая, здравствуй!

Бьемся мы сейчас с бандой Хвостикова. Краснодольская, хутор Дранный и монастырь в руках врага. С часу на час ждем нападения хвостиковцев на коммуну, но отступить не будем: у нас есть силы, чтобы дать отпор.

Этой ночью к нам пришел Яков Трофимович Калита. Он бежал из-под расстрела. Говорит, что бандиты чинят над станичниками нашими кровавую расправу: бьют, стреляют, вешают людей. Расстреляли они и дедушку Левицкого – Наумыча...

Лаврентий не мог читать дальше. Строчки слились перед его глазами, а в горле будто застрял кол. Письмо вывалилось из рук и, покачиваясь в воздухе, опустилось на землю.

– Батько!.. Уже нет батьки! – билось в голосе Лаврентия. – За шо его, старика?

Ничего больше не сказав, он повернулся, вышел на улицу и, как слепой, цепляясь руками за плетни, зашагал прочь от школьного двора.

Хутор остался позади. По едва приметной стежке, кем-то протоптанной в траве, Лаврентий поднялся на курган, повалился ничком у могильного камня, вдали от людей, и, чтобы никто не видел и не слышал, дал волю своим чувствам.

– Батько!.. Бедный мой батько! – бесслезно повторял он, и перед ним вставал живой образ отца – седоволосого, не по летам подвижного, торопливо ковыляющего на деревяшке по двору. Лаврентий скрежетал зубами, пальцы его то сжимались в кулаки, то с ожесточением впились в сухую землю, и древний степной курган слышал, как глухо стонал казак, припавший к его груди.

– Каты лютые!.. – клокотало у него в горле. – Отплачу ж я вам за смерть батьки моего!..

Неизвестно, сколько пролежал бы так Лаврентий, если бы не услышал чей-то оклик:

– Эй, казак! Что с тобой?

Лаврентий оглянулся и увидел Орджоникидзе, поднимавшегося к нему по склону кургана. Невдалеке от дороги стояла тачанка, окруженная всадниками. Лаврентий встал, отряхнул с себя пыль, вскинул руку к кубанке:

– Здравия желаю, товарищ Серго! Рад вас видеть.

– Здравствуйте! – ответил Орджоникидзе и задержал взгляд на руке Лаврентия. – Это где же вы так ногти посдирали?

Лаврентий посмотрел на пальцы: вокруг ногтей запеклась кровь, смешанная с землей.

– Я и не заметил.

– И боли не чувствовали? – удивился Орджоникидзе.

– Хиба ж це боль, товарищ комиссар? – отозвался Лаврентий и ударил себя кулаком в грудь: – Отут она, боль нестерпучая.

Орджоникидзе крикнул кучеру и всадникам:

– Поезжайте, товарищи! Я здесь побуду.

Тачанка покатила к хутору. За ней поскакали и конники. Орджоникидзе опустился на траву.

– Садитесь, поговорим!

Лаврентий тоже сел.

– Так что же случилось? – спросил Орджоникидзе и снова покосился на руки казака.

Лаврентий рассказал, что привело его сюда.

– Не хотелось мне горя своего другим показывать, – сказал он в заключение. – Негоже казаку раскисать перед братьями. Через то и подался из хутора, с глаз людских.

Орджоникидзе с минуту сидел молча, устремив взор в степную даль, потом обернулся к Лаврентию, сказал:

– Верно, вам сейчас очень тяжело, больно. Отец остается отцом. Но не прячьтесь вы от людей, не подвергайте себя чертовски жестокой пытке.

Лаврентий притих, задумался, затем как-то весь преобразился вдруг и спросил:

– А скажите, товарищ Серго, вы когда-нибудь бачили Ленина?

– А как же, видел неоднократно, – словоохотливо заговорил Орджоникидзе. – Разговаривал с ним, как вот с вами разговариваю.

Лаврентий вздохнул:

– Це б то вам посчастливилело.

– В чем? – не понял Орджоникидзе.

– Ленина бачили, балакали с ним... Мне б хоть краешком ока поглядеть на него.
– Вот закончится война, – сказал ободряюще Орджоникидзе, – побываете в Москве и, как фронтовик, попадете на прием к Ленину.
– Оно, конечно, может и так случиться, – промолвил раздумчиво Лаврентий.
Они спустились с кургана и направились к хутору.
Прощаясь с Лаврентием у штаба 3-й Отдельной казачьей кавбригады, Орджоникидзе спросил:
– Василия Ивановича Черноуса знаете?
– Председателя Приморско-Ахтарского ревкома? – спросил Лаврентий.
– Да.
– Як же не знать?
– Разыщите его, – попросил Орджоникидзе. – Пусть ко мне зайдет.
Через несколько минут Василий Иванович вместе с женой явился к Чрезвычайному комиссару.
– Немедленно отправляйтесь в Приморско-Ахтарскую, – сказал ему Орджоникидзе. – Как председателю ревкома, вам надлежит заняться восстановлением революционного порядка в станице.
Феодосия Тихоновна стояла тут же в полном своем кавалерийском обмундировании. Загорелая и обветренная, она больше теперь походила на мужчину. Василий Иванович указал на нее, спросил:
– И помощницу можно с собой забирать?
– Обязательно! – весело ответил Орджоникидзе.
Василий Иванович подмигнул жене:
– Слышишь, мать! Хватит тебе шашкой махать.
– Слушаюсь, товарищ начальник! – шутливо козырнула Феодосия Тихоновна.

* * *

К Воронову прибежал запыхавшийся казак из сотни Левицкого, воскликнул:
– Товарищ комбриг, вас племянник гукае⁵²⁵!
– Какой такой племянник? – опешил Воронов.
– Не знаю. На том берегу, у белых. Кажись, офицер.
Воронов, озадаченный этой вестью, немедля отправился на берег Гречаной Балки, где залегли цепи казаков, наблюдавших за противником. И в самом деле, по ту сторону реки, в лозняке, стоял высокий офицер в светлой черкеске и серой каракулевой папахе. Ни белые, ни красные не стреляли.
Комбриг остановился на углу кирпичного дома, крикнул:
– Кто меня звал? Я – Воронов!
Офицер посмотрел на него в бинокль, откликнулся:
– Здравствуй, дядя! Не узнаешь? Иван Воронов.
– Теперь узнаю, – ответил комбриг. – Что надо тебе?
– Голову твою, – нагло выкрикнул племянник, – чтоб родню свою не бил.
– Вот как! – сказал комбриг. – И много вас там, родни моей?
– Да все три племяша: я, Никита и Митрофан, – ответил офицер. – Под Ольгинской на тебя охотились, хотели в плен взять.
– Чего ж не взяли? Кишка тонка?
– Да ты пряткий дюже. Но все равно ты от нас не уйдешь!
Офицер махнул рукой и мгновенно скрылся в лозняке. Белогвардейцы открыли сильный винтовочный огонь. Комбриг метнулся за угол дома. В свою очередь красноармейцы принялись палить по противнику. Коммунистический отряд и рота Приуральской бригады заняли позиции у моста. Кавалерия сосредоточилась на северной окраине хутора. Батарей были начеку, и жерла пушек грозно глядели в сторону противника.
Винтовочная и пулеметная перестрелка нарастала... Чтобы не дать белогвардейцам возможности захватить инициативу в свои руки, красные пехотинцы ринулись на мост. Их сек губительный огонь, но они, перепрыгивая через тела убитых и раненых, с неумолкаемым «ура» стремительно неслись к левому берегу. Стрелковой роте Перевертайло удалось закрепиться на

---

⁵²⁵ *Гукае* – зовут, вызывает, приглашает. – прим. Гриня

небольшом плацдарме, и, хотя сам командир был тяжело ранен в голову и вышел из боя, стрелки отбили несколько контратак противника, не отдали ни пяди занятого участка. Под прикрытием их огня на левый берег перебрались Коммунистический отряд и Приуральская отдельная бригада. Плацдарм быстро расширялся. Огрызаясь, белогвардейцы все дальше отходили от реки на юго-запад, а тем временем через мост хлынули кавалерийские части, двинулась артиллерия красных.

Сосредоточив свою бригаду под горой, Воронов решил произвести рекогносцировку местности. Он пробрался к высоким подсолнухам, росшим плотной стеной на изволоке у Ангелинского ерика⁵²⁶.

Неоглядный простор Азовского приморья, озаренный лучами заката, будто вспыхнул розовым пламенем. Воронов въехал в подсолнухи, привстал на стременах и начал разглядывать в бинокль станицу Новониколаевскую, раскинувшуюся по обеим сторонам ерика. Отсюда, со склона изволока, были хорошо видны вражеские позиции и улицы станицы, заполненные множеством подвод, по-видимому мобилизованных у местных жителей.

«Эк сколько транспорта понадобилось! – подумал Воронов. – Как саранча плывет!...»

В это время позади раздался какой-то шум. Воронов оглянулся и увидел совсем близко на проселочной дороге длинный обоз, который тянулся к мосту через реку Понуру⁵²⁷. На каждой подводе, спустив ноги, сидели три-четыре пехотинца. Воронов сообразил: если бросится бежать, его немедленно возьмут на мушку. Комбриг принял другое решение. Он не дал обозникам опомниться, выехал на дорогу и, подскакав к головной подводе, спросил:

– Какая часть?

Солдат, сидевший на перекладине, рядом с кучером, ответил:

– 1-й Кубанский стрелковый полк, ваше благородие!

Воронова приняли за казачьего офицера, не обратив даже внимания на то, что у него отсутствовали погоны – среди улагаевцев это было не в диковину.

– Вот что, братцы, – приказал комбриг по-начальнически, – до особого распоряжения задержитесь у моста. Сейчас я уточню место дислокации вашего полка.

Белогвардейцы безоговорочно подчинились его распоряжению, и Воронов помчался к своим конникам, быстро скрылся за изволоком. И тут же из-за горы вылетела вся бригада. Не успели белогвардейцы понять, в чем дело, как вороновцы окружили обоз и захватили его почти без боя: вспыхнувшая перестрелка быстро прекратилась. Не мешкая, Воронов выделил конвойных и направил пленных в сторону хутора Гречаная Балка.

Короткая стрельба, однако, привлекла внимание улагаевцев, находившихся в Новониколаевской. Из станицы выскочила конница и понеслась к мосту. Вороновцы встретили ее на берегу Понуры, завязался горячий бой.

Сотня Левицкого, переправившись через Понуру вброд, внезапно вынырнула из глубокой балки и атаковала противника. Впереди несся Виктор Левицкий. Ни на шаг не отставал от него Демка Вьюн, над головой которого развевалось красное знамя. Чуть правее с гиканьем и оглушительным свистом скакали Охрименко и Лаврентий. У того и другого на груди поблескивали Георгиевские кресты и медали. И тут случилось непредвиденное. Когда между казаками сотни Левицкого и белогвардейскими конниками оставалось не более сорока – пятидесяти шагов, кто-то из улагаевцев закричал:

– Хлопцы, смотрите! Це ж Охрименко!

– Вин, ей-богу, вин! – подхватили другие.

– Ще й с Георгиями!

– Эге ж, я! – зычно отозвался Охрименко! – Тикайте, бисовы души!

И его шашка, описав молниеносный круг над головой, сверкнула в лучах закатного солнца зловещим багряным отблеском. В рядах противника началась паника. Улагаевцы бросали оружие, поднимали руки.

XIV

---

⁵²⁶ **Ерик** – протока в пойме реки или между озерами. – прим. Гриня

⁵²⁷ Сейчас эта часть реки **Понуры** преобразована в участок Понурского канала. – прим. Гриня

Было около восьми часов вечера. Девильдо-Хрулевич приехал в гостиницу «Европа». Поднявшись на второй этаж, прошел по узкому коридору, козырнул в ответ часовому, стоявшему тут же, и закрылся в своем номере.

Зазвонил телефон. Девильдо-Хрулевич взял трубку.

– Слушаю! – сказал он. Узнав по голосу Черного, недовольно насупил. – Как?.. Не согласовал с вами?.. Гм... смешно. Прошу не вмешиваться в мои дела. Я имею широкие полномочия... Что?.. Рекомендую вам подбирать более подходящие выражения.

Он злобно кинул трубку, распахнул окно. Сев у стола, вскинул ногу на ногу и, опустив локоть на стол, подпер рукой голову. Взгляд его остановился на пышном теле купальщицы, изображенной чуть ли не в натуральную величину на картине, висевшей в позолоченной раме на стене. Купальщица лукаво улыбалась, и в ее глазах было что-то дьявольски манящее. Чем больше всматривался Девильдо-Хрулевич в ее обворожительные черты, тем явственнее вставало в его памяти лицо игуменьи...

Снова зазвонил телефон. Балышеев спросил у Девильдо-Хрулевича, как быть с приказом относительно Семашко и других товарищей, которые были отстранены от командования и которых он обещал вернуть в части.

– Сейчас этим вопросом мы заниматься не будем, – ответил Девильдо-Хрулевич. – Почему?.. Да потому, что это уже совершившийся факт. Какая разница, кто будет командовать Приуральской бригадой – Семашко или кто-либо другой? Важно то, что враг в настоящее время в панике бежит к морю. Для меня это совершенно ясно! Я уже уведомил об этом председателя Реввоенсовета... Да, ничего изменять не буду. Приказ остается в силе!

Закончив разговор с начштабмом, Девильдо-Хрулевич долго не мог унять в себе негодование.

«Зря этого Балышеева освободили, – подумал он, барабанив пальцами по столу. – Он, видите ли, не согласен со мной! Набирается наглости делать замечания даже члену Реввоенсовета!..»

Раздался дверной звонок.

– Войдите! – раздраженно бросил Девильдо-Хрулевич.

На пороге появился часовой. Взяв под козырек, он доложил четким голосом:

– К вам какая-то гражданка, Лев Самуилович.

И в ту же минуту перед уполномоченным предстала игуменья в нарядном палевом платье, слегка наклонила голову.

– Прошу прощения, Лев Самуилович, – проговорила она с притворной застенчивостью. – Я не помешала вам?

– Нет, нет! – оживился Девильдо-Хрулевич. – У меня как раз выдалось свободное время. – Он указал на кресло, обтянутое синим бархатом: – Присаживайтесь.

– Благодарю, – улыбнулась игуменья и села спиной к купальщице.

Девильдо-Хрулевич занял место напротив.

«А ведь они действительно чертовски похожи друг на друга!» – подумал он и, помедлив немного, сказал извиняющимся тоном:

– Я виноват перед вами, Вера Аркадьевна. К сожалению, и сегодня не могу дать вам определенного ответа. Тысячи дел!

– Не беспокойтесь, я подожду, – ответила игуменья и вдруг заявила: – Между прочим, мне удалось попасть к товарищу Атарбекову. Я все рассказала ему.

Девильдо-Хрулевич насторожился.

– Ну и как смотрит на это дело Георгий Александрович?

– О, знаете! – воскликнула игуменья. – Он оказался очень милым человеком. Так любезно принял меня, так внимательно выслушал. Я, право, никогда не ожидала встретить подобный прием. Когда шла к нему, то дрожала как осиновый лист... Впрочем, и к вам я захожу с каким-то душевным трепетом.

Девильдо-Хрулевич громко рассмеялся.

– Неужели я так грозен с виду?

На щеках игуменьи вспыхнул румянец.

– Вы знаете, у вас такой пост... А я дочь... – Она оборвала фразу и приложила платочек к глазам.

– Успокойтесь, не надо из-за пустяка расстраиваться, – Девильдо-Хрулевич прикоснулся к ее

полуобнаженному плечу. – Берегите нервы.

Игуменья встала, сказала растроганно:

– У вас доброе сердце, Лев Самуилович... Извините, я злоупотребляю вашей любезностью и отрываю у вас драгоценное время.

– Что вы, что вы, Вера Аркадьевна! – воскликнул Девильдо-Хрулевич. – Напротив. Сделайте одолжение – посидите еще хоть немного. Для меня ваше присутствие – отдых! Или вы торопитесь куда?

– Нет, я беспокоюсь о вас, – протянула игуменья. – Дел у меня никаких.

Девильдо-Хрулевич осторожно взял ее за плечи и, усадив в кресло, пригласил:

– Поужинайте со мной.

* * *

Поздно вечером в город с фронта прибыли Орджоникидзе и Левандовский. В штабе армии состоялось экстренное секретное совещание, в котором приняли участие только четыре человека: командующий, Чрезвычайный комиссар Юга России, начштабм и особоуполномоченный Реввоенсовета.

Необходимость этого совещания была вызвана тем, что за истекшие сутки резко изменилась обстановка на фронтах. Противник, сконцентрировав большие силы в районе Новониколаевской и Староджерелиевской, начал развивать наступление и, потеснив красных, подошел вплотную к железнодорожной магистрали Тимашевская–Новороссийск, стал угрожать Ангелинской⁵²⁸ и Поповической. Судя по всему, успешное продвижение третьего по счету десанта генерала Харламова на Таманском полуострове воодушевило генерала Улагая, и он решил предпринять новую попытку овладеть Екатеринодаром.

Девильдо-Хрулевич, узнав об этом, вышел из себя.

– Черт знает что такое! – сказал он и сорвал пенсне. Лицо его сделалось землисто-серым, глаза забегали, как у испуганного хорька. – Я доложил председателю Реввоенсовета, что судьба десанта Улагая уже решена и что положение его совершенно безнадежно, а тут...

– Просто-напросто вы неправильно информировали Реввоенсовет, – бросил ему Орджоникидзе.

– Но я исходил из реальной обстановки, – сказал Девильдо-Хрулевич, разводя руками.

– И выдали желаемое за действительное, – добавил Орджоникидзе. – Это еще раз подтверждает ту истину, что на войне всякие скоропалительные выводы могут быть чреваты весьма неприятными последствиями.

Намек на последствия сразу охладил гневную вспышку особоуполномоченного. Закурив, он подошел к оперативной карте, висевшей на стене, попросил Левандовского указать точнее, где и какие силы противника представляют наибольшую угрозу. Затем обратился к Орджоникидзе, поднял руку:

– Не будем спорить. Надо немедленно разработать контрмеры.

– Что ж, с этой целью мы и собрались здесь, – ответил Орджоникидзе.

– В частности, Григорий Константинович предлагает срочно высадить контрдесант в тылу врага, – добавил Левандовский, поднимая глаза на особоуполномоченного.

– Это несерьезно! – категорически возразил Девильдо-Хрулевич. – После высадки нашего отряда в районе Камышеватской белые усилили охрану побережья моря. И вы прекрасно знаете, что там сейчас патрулируют боевые корабли англичан и американцев.

– А я и не предлагаю производить высадку с моря, – сказал Орджоникидзе.

– Но позвольте, речь все-таки идет о десанте! – недоуменно уставился на него Девильдо-Хрулевич.

Орджоникидзе взял указку и провел ею по карте вдоль извилистой голубой линии.

– Вот Кубань. Вот Протока. На пароходах и баржах мы отправим из Екатеринодара десант в Гривенскую. Оттуда он зайдет в тыл противнику, перережет все коммуникации и, разгромив штаб улагаевцев, нанесет внезапный удар им в спину.

---

⁵²⁸ Ангелинская – железнодорожная станция в станице Старонижестеблиевской. – прим. Гриня

Девильдо-Хрулевич иронически улыбнулся.

– Пустая затея! – бросил он. – Прежде чем десантники доберутся до места высадки, белые перебьют их, как мух! Возможно, и Кубань, и Протока вполне пригодны для увеселительных прогулок, но использовать их для серьезной операции – переброски войск под носом у противника – по меньшей мере авантюра, заранее обреченная на провал. Пароходы и баржи будут расстреляны в упор, на расстоянии какой-нибудь сотни шагов.

– Риск, разумеется, большой, – сказал Левандовский, – но только при одном условии: если противник обнаружит десант в пути. А если будет соблюдена строжайшая тайна о подготовке десантной операции и продвижении отряда к месту высадки, то успех будет обеспечен наверняка.

– Значит, вы, Михаил Карлович, поддерживаете идею товарища Орджоникидзе? – спросил Девильдо-Хрулевич несколько пониженным голосом.

– Целиком и полностью! – ответил Леваидовский.

– А какого мнения начальник штаба? – Девильдо-Хрулевич взглянул на Балышеева.

– Я считаю этот план вполне реальным при условиях, о которых говорил Михаил Карлович, – сказал Балышеев. – Я имею в виду соблюдение строжайшей тайны, полной конспирации.

Девильдо-Хрулевич, поджав губы, задумался.

– Гм... Выходит, весь триумвират «за».

– Да. Остановка за вами, – сказал Орджоникидзе.

– Я подумаю! – ответил Девильдо-Хрулевич. – Окончательное решение сообщу завтра утром.

* * *

Несмотря на поздний час, игуменья не ложилась спать. Она любовалась синевой звездного неба у раскрытого настежь окна и ждала возвращения Девильдо-Хрулевича. Время от времени она то поправляла волосы перед зеркалом, то откалывала на груди золотую брошь с бриллиантами и опять прикалывала ее, то рассматривала бледно-розовый маникюр на остро отточенных ногтях.

Наконец вернулся Девильдо-Хрулевич. Услышав его шаги в соседнем номере, игуменья прильнула ухом к внутренней двери, соединявшей комнаты, прислушалась... Вдруг раздалось два легких стука...

– Да, да, – ответила игуменья. – Войдите.

Дверной замок щелкнул, и на пороге появился с сияющим лицом Девильдо-Хрулевич.

– О, вы через эту дверь? – делая большие глаза, притворно улыбнулась игуменья. – У вас есть ключ?

– Да, у меня на столе забыл Глеб Поликарпович... – сказал Девильдо-Хрулевич, улыбаясь. – Мы ведь с ним давнишние друзья.

– Ну уж этот Глеб Поликарпович! – с лукавинкой проговорила игуменья, качая головой.

– А вы еще не спали? – спросил Девильдо-Хрулевич.

– Нет, – ответила игуменья. – Нас так неожиданно прервали.

– Да... – развел руками Девильдо-Хрулевич. – Ничего не поделаешь – служба! Надеюсь, вы не возражаете продолжить наш ужин?

– Да, конечно, – любезно согласилась игуменья.

Девильдо-Хрулевич, уступая проход в свою комнату, театрально протянул руку вперед:

– Прошу.

Игуменья проследовала к накрытому столу, опустилась в кресло. Девильдо-Хрулевич наполнил два хрустальных фужера шампанским: один поднес соседке, другой взял себе и, чокнувшись с ней, сказал:

– Выпьем, Вера Аркадьевна, за наше знакомство!.. И за нашу встречу!

Игуменья только пригубила венчик, обеспокоенно посмотрела на Девильдо-Хрулевича, проговорила:

– Мне кажется, Лев Самуилович, что вы чем-то удручены. Случилось что-нибудь?

– Нет, ничего особенного, – сказал Девильдо-Хрулевич и, снова наполнив свой опорожненный фужер, воскликнул с наигранной веселостью: – Вар, Вар, верни мне мои легионы!⁵²⁹

– Пью за ваши легионы! – подхватила игуменья и неуловимым движением слегка обнажила плечо.

– Давайте лучше за наших милых женщин! – предложил Девильдо-Хрулевич. – За чудесных женщин!

– Как вам угодно, – промолвила игуменья и остановила на нем такие манящие глаза, что у Девильдо-Хрулевича захватило дух и помутилось в глазах...

XV

На следующий день вопрос о высадке десанта в районе станицы Гривенской был решен окончательно. Командующим десантной операцией был назначен Ковтюх – вожак похода Таманской армии восемнадцатого года, комиссаром – Фурманов, испытанный в боях гражданской войны, опытный большевик, и они немедленно приступили к выполнению задания.

К деревянным причалам Екатеринодарской речной пристани пришвартовались три малосильных, тихоходных парохода: «Илья Пророк», «Благодетель» и «Гайдамак». На них да еще на четырех баржах и предстояло десантному отряду проникнуть в глубокий тыл врага.

Вскоре к пристани стали прибывать подводы с боеприпасами, оружием и продовольствием. Красноармейцы снимали с них пулеметы, ящики с патронами и снарядами, мешки с продуктами и, покачиваясь на гибких сходнях, тащили все это на пароходы и баржи.

Во второй половине дня прибыли легкие пушки. Их тотчас переправили на баржи, закрепив каждое орудие тросами.

А тем временем в штабе армии заканчивалась разработка оперативного плана действий десанта. Высадка намечалась на Каракубанской гряде, в районе селения Чебурголь⁵³⁰, примерно в двух верстах от Гривенской. Общая численность десантного отряда была определена в тысячу человек: восемьсот штыков и около двухсот сабель. Движение судов по реке приурочивалось главным образом к ночному времени. К месту высадки десант должен был прибыть двадцать восьмого августа на рассвете. В зависимости от обстановки командующему отрядом предоставлялось право вносить в план свои коррективы и изменения на месте боевых действий.

Разработанный Балышеевым и Соловьевым план не вызывал возражений ни у Левандовского, ни у Орджоникидзе, ни даже у Девильдо-Хрулевича, хотя последний дал понять, что лично он относится к идее десанта все еще крайне скептически.

– А я верю в десант, – заявил Ковтюх. – План хороший, як кажуть у нас, добрый! Мы с комиссаром Дмитрием Андреевичем и так и сяк его обмозговали.

– Верно, товарищ командующий! – поддержал его Фурманов. – И люди в отряд подобраны хорошие.

– А это самое главное! – подчеркнул Жебрак. – Перед отправлением нужно еще раз побеседовать с ними. Слабонервных, конечно, не стоит брать.

* * *

В пятнадцать часов тридцать минут на пристани у причалов выстроились бойцы десантного отряда. Командиры подразделений познакомили Ковтюха и Фурманова со списками личного состава, затем произвели переключку. Речей Ковтюх решил не произносить.

– Побалакаем с людьми в пути, – сказал он Фурманову. – Там и задачу им объясним. А тут – он кивнул в сторону толпы, запрудившей набережную, – дюже богато чужих ушей и глаз. Як шо надо будет кого высадить, то це мы зробымо або в Елизаветинской⁵³¹, або в Марьянской.

Фурманов одобрил эти меры предосторожности. Отряд начал грузиться на суда. А в

под командованием Публия Квинтилия **Вара**. – прим. Гриня

⁵³⁰ Сейчас – станица Чебургольская. – прим. Гриня

⁵³¹ **Елизаветинская** – станица в Екатеринодарском отделе Кубано-Черноморской области (сейчас – в Прикубанском внутригородском округе города Краснодара). – прим. Гриня

шестнадцать ноль-ноль флагман «Благодетель» без прощальных гудков отвалил от причала и двинулся вниз по реке, а за ним потянулся и весь небольшой караван пароходов и барж.

* * *

Перед Атарбековым сидел пожилой полковник, захваченный в плен под Приморско-Ахтарской. Допрос пока еще не начинался, так как Георгий Александрович все еще был занят просмотром дела белогвардейца, находившегося у него под следствием. Наконец он закрыл папку, отложил ее в сторону и поднял свои черные строгие глаза на офицера. Пленный нервно пощипывал клиновидную русую бородку, покручивал кончики усов и глядел себе под ноги.

Атарбеков закурил и, надсадно откашлявшись, наконец спросил:

– Ну что ж, господин полковник... Гейдеман, начнем?

Пленный пожал плечами, промолвил:

– Вам виднее, гражданин начальник. Только я бы на вашем месте давно покончил с табаком. У вас явно неблагополучно с легкими.

– И вы злоупотребляете папиросами, – ответил Атарбеков, отдышавшись. – Курите безбожно.

– Мне все равно, – сказал Гейдеман. – Песня моя спета. Я знаю, что буду расстрелян.

– Не предрешайте свою судьбу, – возразил Атарбеков. – Нам нужны военные специалисты.

Гейдеман вытер вспотевшую макушку, вокруг которой росли жидкие, мышиноного цвета волосы, покачал головой:

– Служить большевикам я не сумею. Скажу больше: я ненавижу вас. Хотя для меня вполне очевидна безнадежность попыток нашего командования реставрировать в России былые порядки... Новое мне ненавистно, а к старому нет возврата. Не расстреляете меня – я при первой возможности пушу себе пулю в лоб.

Атарбеков лукаво улыбнулся.

– Я не верю в эти слова, – сказал он с четко выраженным кавказским акцентом. – Вы имели возможность покончить с собой, но не покончили, не застрелились. И почему тогда вы дали нам исчерпывающую информацию о положении дел в штабе Улагая и в его войсках?

– Я как-никак родился в России, вырос здесь и получил военное образование. Я не хочу, чтобы Россия была отдана в кабалу иностранному капиталу. А наш генералитет продает русскую землю направо и налево. Донецкий угольный бассейн – французам, кубанскую нефть – англичанам и американцам, Дальний Восток – японцам...

– Нам это уже известно, – протянул Атарбеков.

– Давая правдивые показания, – продолжал пленный, – я в какой-то степени приближаю час окончания жестокого кровопролития.

– Почему же вы ненавидите нас? – спросил Атарбеков. – Ведь мы задались целью построить новую, свободную, независимую от иностранцев Россию!

– Я слишком врос корнями в старое и вас ненавижу за то, что вы отняли у меня это старое, ту почву, на которой я вырос, – ответил допрашиваемый и, закурив, добавил: – Но я очень много передумал и решил рассказать вам еще об одном важном деле.

Атарбеков пристально взглянул на него.

– Какое?

– У вас здесь, в Екатеринодаре, действует по заданию штаба Улагая наша контрразведка во главе с Губарем.

– Я знаю об этом, – сказал Атарбеков. – Губарь Ипполит Иванович?

– Да, – подтвердил Гейдеман. – Сведения получали мы в штабе лично от него. Я знаю человека, с которым связан Губарь здесь, у вас в штабе.

– Кто же он, этот человек? – спросил Атарбеков.

Полковник молчал, точно собирался с мыслями.

– Может, вы устали, сделаем перерыв? – предложил Атарбеков. – Побудьте наедине, прислушайтесь к голосу сердца.

– Нет, сейчас каждая минута стоит кому-то жизни, – сказал Гейдеман. Он на мгновение задержал дыхание, будто готовясь ринуться в бездну, подавил в себе остатки колебаний и назвал фамилию губаревского связного...

Шадур мчался в машине по Красной улице, занятый одной мыслью: как узнать, куда и с какой целью отправлен экспедиционный отряд Ковтюха? В штабе армии он не смог ничего выведать, хотя ему, как начснabu, было поручено обеспечить отряд боеприпасами и продовольствием. Спешил он сейчас к Девильдо-Хрулевичу, по вызову.

Уполномоченный был в веселом расположении духа. Увидев Шадура на пороге, он помахал ему рукой:

– Заходи, заходи, друг! Ты весьма кстати.

– Я слушаю вас, Лев Самуилович, – угодливо улыбнулся Шадур.

– Только, пожалуйста, не расшаркивайся, – поморщился Девильдо-Хрулевич. – Давай запросто, по-приятельски. – Он усадил Шадура рядом с собой на диван, похлопал его по плечу. – Угодил ты мне, друг, ей-богу угодил! Верочка – просто чудо! Откуда ты выцарапал ее?

Шадур развел руками:

– Так... случайное знакомство в доме моей приятельницы, – ответил он и поинтересовался: – Говорите, понравилась?

– Бесподобная! – воскликнул Девильдо-Хрулевич.

Шадур оглянулся на дверь, ведущую в комнату игуменьи.

– Ну-у!.. – протянул он и тут же спросил шепотом: – Она у себя?

– Нет, куда-то уехала, так что можно вести чисто мужской разговор, – ответил Девильдо-Хрулевич и указал на бутылку с коньяком, стоявшую на столе: – Выпить хочешь?

– И рад бы, но не могу, – отказался Шадур. – Мне нужно ехать в штаб, а у нашего начштарма нюх насчет винного волчий.

– Ты что, боишься его?

– Побаиваюсь, – признался Шадур. – Он пользуется огромным авторитетом у нас в штабе... Если бы вы слышали, Лев Самуилович, как он отзывается о вашем приказе от двадцать пятого августа! Я счел своим долгом сегодня доложить вам об этом мерзком его поступке.

В глазах Девильдо-Хрулевича вспыхнул гнев.

– Придется одернуть этого невежу.

– Надо, надо, Лев Самуилович, – подлил масла Шадур. – Он игнорирует вас. А с нами, некоторыми работниками штаба, совсем не считается: скрывает, оскорбляет своим недоверием. Взять хотя бы отправку отряда Ковтюха. Даже мне, начснabu армии, не сказал, куда направляется отряд. Разве это не проявление самого возмутительного недоверия к своим подчиненным?

– Не возмущайся, – сказал Девильдо-Хрулевич. – Береги свои нервы. Балышеев тут прав. Задуманная операция окружена сугубой секретностью. Сам подумай: ведь это десант в тыл врага. Если противник разнюхает о нашей тайне что-нибудь, то отряд не доберется до Гривенской.

– Вот оно что! – удивился Шадур. – А я думал, что это переброска подкреплений.

– Смотри помалкивай! – строго предупредил его Девильдо-Хрулевич.

Зазвонил телефон. Девильдо-Хрулевич поднял трубку.

– Кто, кто? – отозвался он. – А, Глеб Поликарпович? У меня... Хорошо, передаю.

– Кто это? – спросил Шадур.

– Левандовский, – ответил Девильдо-Хрулевич. – Срочно вызывает тебя в штаб.

– Зачем?

– Какие-то сведения о боеприпасах требуются.

– Черт возьми! – выругался Шадур. – Вконец измотали меня сегодня. Мечусь как угорелый.

– Ничего не поделаешь – служба! – сказал Девильдо-Хрулевич.

Простившись с ним, Шадур вышел на улицу, сел в машину.

– Куда? – спросил шофер.

Шадур колебался: то ли ехать сразу в штаб, то ли прежде заскочить к Лихачевой и сообщить ей для передачи Губарю сведения о десанте, выболтанные Девильдо-Хрулевичем.

– В штаб армии! – сказал он шоферу, решив в первую очередь явиться к командующему, надеясь, что тот не задержит его долго.

В кабинете Левандовского, помимо командарма, он застал Орджоникидзе, Атарбекова и

Соловьева. Козырнув, Шадур обратился к Левандовскому:

– Прибыл по вашему приказанию, товарищ командующий!

– Сдайте оружие! – приказал Левандовский.

Шадур почувствовал, как оборвалось сердце, пробормотал растерянно:

– Позвольте... Я не понимаю.

– Оружие! – настойчиво потребовал Левандовский.

Шадур расстегнул пояс. Атарбеков отобрал у него наган, объявил:

– Вы арестованы!

XVI

Солнце еще не успело показаться из-за горизонта, а в полутора верстах к западу от Кирпильского лимана уже кипел жаркий бой между бригадой Демуса и остатками 2-й Кубанской дивизии генерала Шифнер-Маркевича. Долго ни той, ни другой стороне не удавалось добиться успеха.

Но вот на помощь красным конникам двинулись пехотинцы Приуральской отдельной бригады. Стремительной штыковой атакой они оттеснили противника к болотам.

Демус носился по полю боя и воодушевлял бойцов своей отвагой. То там, то здесь он врвался в ряды белогвардейцев, и его клинок со свистом обрушивался на головы врагов.

В самой гуще сечи находился и Аншамаха. Он мстил за смерть жены, за сожженную хату, за расстрелянных и повешенных своих станичников.

Здесь, у лимана, судьба столкнула его с самым заклятым врагом. В нескольких шагах впереди промелькнул Никита Копоть, без шапки, с растрепанным цыганским чубом.

– Стой, поганец! – закричал Аншамаха.

Копоть оглянулся, узнал чоновца, стегнул скакуна плетью так, что тот враз перешел в бешеный намет, помчался в сторону хутора Волошковки. Теперь Аншамаха не видел никого перед собой, кроме Копотя. Расстояние между ними быстро сокращалось. Может быть, никогда раньше конь Аншамахи не оправдывал так своей клички Метеор, как сейчас.

С холма на окраине хутора за ходом боя наблюдали Шифнер-Маркевич и Филимонов, окруженные казачьей охранной сотней.

– А что это за скачки? – разглядывая в бинокль двух всадников, приближавшихся к хутору, удивленно воскликнул Шифнер-Маркевич.

Филимонов тоже приложил бинокль к глазам, нервно передернул плечами.

– Впереди наш атаман, Никита Гаврилович Копоть, – сказал он упавшим голосом, – а за ним... – Зрачки его расширились. – Позвольте – мой Метеор!.. Кто же это на нем?

– Уж не тот ли пленный чоновец, что сбежал у вас из-под носа, господин генерал? – рисуясь в седле своей прекрасной внешностью, не без ехидства сказал Шифнер-Маркевич. – Помните, которого вы собирались повесить в Приморско-Ахтарской?

Филимонов резко обернулся к конникам и, указав в сторону лимана, закричал:

– Голубчики, ничего не пожалею для вас, только захватите моего Метеора! Вон, видите, двое?

Шестеро всадников сорвались с холма, помчались навстречу Копотю. Аншамаха, заметив их, ударил каблуками в бока Метеора. Тот, казалось, оторвался от земли, настиг атамана. Копоть выхватил из кобуры наган, вскинул руку, но выстрелить не успел. Разрубленный до пояса, он вывалился из седла и, застряв ногой в стремях, поволочился за конем, как тюк... Аншамаха развернул Метеора, стрелой полетел назад, к лиману.

Филимонов вытер испарину на лбу и, продолжая следить за боем, безнадежно махнул рукой:

– Россию мы потеряли навсегда!

– Что вы, господин генерал, впадаете в такой пессимизм? – недобро зыркнул на него Шифнер-Маркевич. – Стыдитесь!

Филимонов не стал оправдываться, он лишь, кивая головой, тихо, еще более разочарованно добавил:

– Но увь! Нет пути к невозвратному. Никогда не взойдет солнце с запада!

Воронов получил задание поддержать наступление 2-го стрелкового полка, который находился на исходном рубеже в районе хутора Золотаревского. Когда по пути к месту назначения 4-й Кубанский полк вороновской кавбригады проходил мимо станицы Хмельницкой⁵³², комбригу сообщили, что на станичной площади собралось до полусотни казаков, желающих присоединиться к его бригаде. Воронов отдал приказ командиру вести полк дальше, а сам, не желая упустить добровольцев, направился с одной сотней в центр станицы. Казаки-добровольцы были преимущественно молодые, еще ни разу не участвовали в боях. Все они уклонились от мобилизации в улагаевскую армию, несколько дней просидели в плавнях, а когда станица перешла в руки Красной Армии, решили вступить в ее казачьи кавалерийские части. Явились с лошадьми. У каждого шашка и кинжал, а у некоторых и карабины.

Воронов побеседовал с ними, объяснил, какой порядок существует в рядах Красной Армии, а в заключение сказал:

– Я беру вас в свою бригаду, но запомните: вороновцы бьются до последней капли крови. Если кто из вас проявит в бою трусость и оставит товарища в беде, то такого ждет презрение всей бригады. Подумайте над этим, хлопцы. У кого в душе копошится хоть самая малая боязнь, тот пусть здесь сразу по-честному оставит строй. – Он медленно повел взглядом по шеренгам, спросил: – Есть такие? Выходи!

Ни один казак не двинулся с места.

– Ну если нет трусов, тогда по коням! – скомандовал Воронов.

Внезапно из-за реки Понуры долетела громкая трескотня пулеметов и винтовок. Комбриг приказал сотне следовать за ним и, выскочив на окраину станицы, увидел вражескую конницу, которая стеной двигалась со стороны Ангелинской, лежащей на левом берегу Понуры, и, боясь попасть в засаду, из предосторожности прочесывала камыши. 4-й Кубанский полк был уже далеко.

«Что делать? – встревоженно подумал Воронов. – Отдать Хмельницкую без боя? Отдать врагу обозы с ранеными, продовольствием и снарядами?» И тут же принял решение: послать двух верховых за полком, а пока они догонят и вернут полк, бросить в бой наличные силы и попытаться задержать противника.

Умчались вестовые. Белогвардейцы были совсем уже близко. Обернувшись к сотне, Воронов крикнул:

– Шашки к бою! За мной!

Всего несколько минут вороновцы сдерживали натиск белоказачков, затем были смяты. Небольшая горстка, чудом уцелевшая после короткой сабельной схватки, попала в плен. Сшибленный вместе с конем комбриг тоже очутился в руках улагаевцев.

Его подвели к генералу Бабиеву, сидевшему на кабардинском скакуне. Опершись левой, поврежденной рукой на луку седла и зажав в правой плеть, генерал уставился бесцветными, рыбьими глазами на пленного.

– Кто такой? Командир?

– Так точно, ваше превосходительство! – ответил Воронов, прямо глядя ему в глаза.

– Это командир 3-й Отдельной казачьей кавбригады красных! – выкрикнул кто-то из офицеров.

– Ах вот оно что! – усмехнулся Бабиев, выпячивая грудь, плотно обтянутую темно-синей черкеской, и, не скрывая своего торжества, в упор посмотрел на пленного, со злорадством протянул: – Давно мне хотелось свидеться с тобой, собака!

Он взмахнул плетью и со всей силы стеганул комбрига по голове. Воронов пошатнулся, но устоял на ногах.

– Туда его! – указал Бабиев в сторону небольшого леска. – Расстрелять!

К Воронову подбежал низенький рыжебородый урядник с двумя казаками.

– Пошли, товарищ командир! – бросил он со злобой и толкнул Воронова в спину. – Зараз фиалки будешь нюхать.

В сопровождении конвойных комбриг пошел к опушке леса.

«Вот и кончилась твоя жизнь, Елисей! – подумал он, чувствуя, как подкашиваются ноги. – Не в

---

⁵³² В 1977 г. станица **Хмельницкая** была упразднена в связи с преобразованием территории под рисосеяние. – *прим. Гриня*

бою умрешь, а от поганой руки плюгавого унтера. Зароют тебя под тем леском!..»

У дороги строился в колонну 1-й Уманский полк. Поравнявшись с ним, Воронов покосился на шагавшего справа урядника и, пригнувшись, неожиданно бросился в толпу белоказаков.

– Стой! Назад! – заорал урядник, размахивая наганом.

А Воронов уже был в самой гуще уманцев.

– Братцы! – закричал он громким, срывающимся от волнения голосом. – Я – красный командир! Сейчас меня расстреляют. Но я хочу сказать вам: Советскую власть не победить вовек! За кого вы воюете? За генералов, за панов? Зачем убиваете своих братьев, таких же работяг, как и вы сами? Или решили бежать с генералами, чтобы издохнуть на чужбине?

Урядник попытался было прорваться к комбригу, но его не допустили. Рослый усач с сажеными плечами осадил:

– Не лезь ты, пожалуйста. Дай нам чоловика послушать.

Урядник толкнул в бок одного из конвойных:

– Чего рот разинул? Бежи покличь генерала!

Белоказаки с любопытством глядели на Воронова и внимательно слушали его.

– Сам-то ты из казаков? – спросил пожилой уманец, на груди которого висели два Георгиевских креста.

– Да, казак я, – ответил Воронов. – Из станицы Георгиеафипской⁵³³.

– А чин какой?

– Комбриг я, казаками у красных команду. Воронов моя фамилия. Может, слышали?

Белоказаки загудели:

– Невже ты тот самый Воронов?

– Часом, не брешешь?

– Воронов это! Воронов! – крикнул урядник. – В расход его приказал пустить генерал Бабиев, а вы тут митингуете.

Комбриг окинул взглядом казаков, сгрудившихся вокруг него, и снова обратился к ним:

– Братцы! Еще раз призываю вас: опомнитесь, пока не поздно! Переходите на сторону красных. Родные степи ждут ваших трудовых рук. Вас ждут семьи ваши – дети и жены, отцы и матери!

Примчался Бабиев и на полном скаку остановил коня перед плотной толпой уманцев.

– Господа казаки! – закричал он яростно. – Что вы слушаете этого иуду? Он изменил казачеству и продался большевикам. Стреляйте его!

– А ты нам не указ! – прогудел чей-то напряженный голос.

– Бунтовать вздумали? – Бабиев угрожающе потряс плетью. – Ну погодите же! – Круто повернув коня, он поправил на голове сбившуюся на затылок черную длинношерстную папаху и поскакал в станицу.

За ним побежал и урядник.

– Ну так как, братцы? – спросил Воронов. – Решили продолжать братоубийственную войну или пойдете со мной, в мою бригаду? Почему молчите?

Наступил самый критический момент. Воронов понимал, что сейчас должно произойти то, от чего зависит дальнейшая судьба всего полка: или он останется с белыми, или перейдет к красным. Вместе с тем должна решиться и его судьба.

– Товарищи! – выкрикнул он. – Не теряйте времени!

И тут в гробовой тишине прозвучал громкий голос:

– Мы с тобой, комбриг!

Казалось, заговорили все сразу. То в одном, то в другом месте слышалось:

– Согласны! На что нам Врангели?

– Хватит господам служить!

– Долой генералов!

Один из сотников вскочил на лошадь и, став на седло во весь рост, выстрелил из нагана в воздух, в бешенстве закричал:

– Стойте! Что вы делаете? Это же предательство, измена! Россия не простит вам этого!

– Какая Россия? – спросил Воронов. – Золотопогонная?

---

⁵³³ В 1958 году преобразована в поселок Афипский. – прим. Гриня

– Опомнитесь! – горланил сотник, захлебываясь от натуги. – В уме ли вы?

– Долой! – загудели казаки. – Геть с коня!

Сотника стащили с седла, вырвали у него наган.

Сухо треснул выстрел, и офицер повалился на землю.

Воронов быстро построил полк в походную колонну. Двинулись на соединение с красными частями. Уже за мостом через Понуру к комбригу неожиданно подлетели на дончаках два молодых казака.

– Дядя Елисей! – окликнул один из них. – Можно и нам с тобой?

Воронов узнал племянников: Никиту и Митрофана.

– Плетюганов бы вам всыпать! – смерив их сердитыми глазами, строго проговорил он.

– А мы и штаны спустим, дядя Елисей! – улыбнулся Митрофан. – Только не гони нас.

Никита, понурился, стоял молча. Воронов некоторое время разглядывал племяшей и наконец разрешил:

– Ладно, пристраивайтесь к первой сотне. Я еще потолкую с вами.

* * *

Узнав о том, что станица Хмельницкая захвачена бабиевцами и что комбриг пропал без вести, командир 4-го Кубанского полка прекратил марш по хутору Золо таревскому и немедленно связался с 1-м Афиписким полком, который двигался на юго-запад в трех верстах восточнее Понуры. После короткого совещания командиры полков решили объединенными силами ударить по Хмельницкой.

Все рвались в бой. Судьба Воронова была неизвестна. Мало кто надеялся, что комбриг жив, и каждый был полон решимости отомстить врагу за любимого командира.

Когда до Хмельницкой оставалось не больше трех верст, впереди на дороге показалась длинная колонна всадников, быстро двигавшихся навстречу красным полкам.

Командир 4-го Кубанского полка скомандовал:

– Стройся в лаву!

Полки развернулись в боевой порядок. Бойцы вырвали из ножен шашки и с гиком понеслись вперед.

Воронов остановил уманцев, которые уже были объаты лихорадкой паники, а сам припустил коня, взлетел на курган и, сорвав с себя красный башлык, стал размахивать им, пытаясь остановить бешено мчавшуюся лаву двух своих полков... Красные были в какой-то сотне шагов от кургана, когда Виктор Левицкий, скакавший в первом ряду кавалерии, узнал комбрига и тотчас закричал так, что едва не сорвал голос:

– Хлопцы, да это же Елисей Михайлович Воронов!

– Стойте! Стойте! – понеслись мощные крики по полю. – Комбриг жив!

Всадники начали сдерживать коней, постепенно обтекая курган. Наконец вся конница остановилась. Над степью неслось могучее «ура», и тысячи бойцов, с ликованием размахивая шашками, приветствовали своего комбрига.

* * *

К вечеру станица Хмельницкая была освобождена 3-й Отдельной кавалерийской бригадой Воронова и 1-м Уманским полком.

После боя Воронов вызвал к себе племяшей. Те явились с четвертью самогона.

– Це вам, дядя Елисей! – хмуря брови, сказал Никита и протянул бутылку комбригу

– Шоб не пороли нас, – добавил Митрофан с лукавой усмешкой.

– А выпороть-таки придется, – нахмурившись, сказал Воронов. – За самогон этот.

– Та вы шо? – удивленно раскрыл рот Никита. – Мы цю сулию⁵³⁴ у генеральского денщика с

---

⁵³⁴ Сулия – бутылка. – прим. Гриня

боем взяли. Думали, вы с нами хоть по чарци⁵³⁵ выпьете за встречу.

Воронов разбил четверть рукояткой нагана, сказал строго:

– Чтоб я этого больше не видел. В Красной Армии это зелье запрещено уставом. А если напьетесь – под суд отдам. Поняли?

– Поняли, – уныло ответили племяши, переглянувшись.

Воронов снова принялся разглядывать их. Никита был повыше Митрофана, шире в плечах, плотнее. Над чуть припухшей губой пробивались черные жидкие усики, придававшие его загорелому лицу бравый вид. Карие глаза отливали холодным блеском. Митрофан лицом мало походил на брата. Движения у него быстрые, в глазах так и бегали бесовские огоньки озорства. Казалось, ему стоило большого труда стоять на одном месте и сохранять на лице серьезное выражение.

– А вы молодцы, хлопцы, умеете рубиться, – наконец сказал Воронов. – Я наблюдал за вами в бою.

– Уже наловчились, – хвастливо бросил Митрофан.

– Это на ком же, на красных? – спросил Воронов, обжигая его гневным взглядом.

– Виноват, дядя Елисей, – понурил голову Митрофан, но тут же вскинул на него глаза: – А как же иначе? На то она и война. Я ж только защищался.

– Мерзавец! – вскипел Воронов. – Да ты знаешь, супротив кого ты шел?

– А теперь не иду! – буркнул Митрофан.

Воронов перевел негодующий взгляд на Никиту:

– И ты рубил?

– Случалось, – смутился племяш и отвел глаза в сторону.

– А правда, что вы с Иваном хотели захватить меня в плен? – спросил Воронов.

– Брехня то, – ответил Никита.

– Сам же Иван мне через речку кричал, – сказал Воронов.

На скулах Никиты заходили желваки.

– Выдумал... Может, сам и хотел. Мы от него ще в Крыму в другую часть перешли.

– Не знаю, что с вами делать, – задумался Воронов. – Придется вас поближе к себе определить. Посмотрю, как вы свою вину перед Советской властью искупать будете. – И махнул рукой: – Проваливайте!

– Есть проваливать! – приложил Митрофан пальцы к серой кубанке, сбитой набекрень.

И племяши побежали в свою часть.

XVII

Станица Краснодольская погружалась в ночную темноту. Гусочка шел навеселе домой. Петляя по улице, он пьяно горланил:

Штоб были у вас, ребята,
Ружья новые Бердана...
Шашки острые в ножнах...

Мимо него проскакал на коне Минаков в заломленной белой папахе и серой черкеске, гаркнул:

– Здорово, атаман!

Гусочка от неожиданности шарахнулся в сторону и чуть было не растянулся на пыльной дороге, но устоял, поправил шапку и, провожая подъесаула хмельными глазами, плюнул:

– Тьфу, жужальница!.. Бач, як напужал... Кто ж его такой? Видать, дюже пьяный, врагуша, шо я его зовсим не разглядел...

Он прошел еще с полквартала и вдруг остановился, посмотрел по сторонам.

Зачуяв знакомый голос, из подворотни выскочил Дурноляп, прыгнул хозяину передними лапами на грудь, повалил его в репейник, заскулил.

– Это ты, Дурноляпик? – обрадовался Гусочка. – Подсоби мне. Бачишь, я трошки... На поминках был у Молчунов... Гришка, царство ему небесное... А я теперички блукаю... Иди, песик,

---

⁵³⁵ Здесь – чарка, рюмка, стопка. – прим. Гриня

покличь мою Васеньку, хай она...

Дурноляп уткнулся холодным носом в ухо хозяина. Гусочка отмахнулся от него, с трудом встал, но тут же стукнулся лбом об акацию, росшую у забора, крикнул:

– Геть с дороги! Бачишь, атаман идет...

Шаря руками по забору, он наконец нащупал калитку, ввалился во двор. Дурноляп, припадая к ногам хозяина, заливался радостным лаем. На шум вышла Василиса. С ее помощью Гусочка вошел в дом. В зале снял шапку, глянул в зеркало. Синяк на левой щеке, полученный от Хвостикова, уже пожелтел и почти совсем рассосался.

– Ты раздевайся, – буркнула Василиса. – Весь в репьях⁵³⁶, як анчутка!

Гусочка снял с себя черкеску, стащил сапоги, плюхнулся на постель... Во дворе забрежал Дурноляп. Василиса вышла на крыльцо. Там стояли Матяш и братья Крым-Шамхаловы.

– Иван Герасимович дома? – спросил Матяш.

– Только что прилемзал⁵³⁷, – ответила Василиса. – Лежит без задних ног.

– Передайте ему, чтобы он завтра утром в монастырь явился, – сказал Матяш. – Хвостиков требует.

Василиса улыбнулась:

– Бойтся мой Герасимович на глаза генералу показываться после банкета.

– Ай, машала! – захохотал Дауд. – Какой молодца!

– Скажи мужа, пусть его не бойтся, – кивнул Баксанук. – Генерал уже все забыла.

Проводив Матяша и Крым-Шамхаловых, Василиса вернулась в зал. Гусочка уже спал мертвецки. Она поставила лампу на камелек⁵³⁸, прикрутила фитиль и на цыпочках покинула дом.

Ночь была темная, глухая. Василиса шмыгнула в половник, открыла ляду⁵³⁹ в старом погребе, где скрывала Евдокию Денисовну Калиту, прошептала:

– Это я, Денисовна. Вылазьте. Нас уже ждут.

– Слава богу! – донесся слабый голос соседки.

Василиса помогла ей выбраться из погреба, и они направились садами на восточную окраину станицы. Часто останавливались, прислушивались. Вокруг стояла тишина.

Вскоре добрались до темных кустов вербовника на берегу Кубани. Внизу под кручей плескалась вода. Здесь, за станицей, можно было нарваться на дозорные посты или разъезды хвостиковцев, поэтому женщины были все время настороже. Спустившись по крутому косогору к реке, они остановились. С противоположного берега, из коммуны, долетали неясные голоса.

– Где же они? – спросила Денисовна, беспокожно вглядываясь в темноту.

Из-под раскидистой вербы вынырнула черная тень.

– Сюда идите! – послышался шепот Мечева.

Только теперь женщины заметили лодку. В ней сидел Калита. Денисовна бросилась к нему, обхватила его руками и глухо застонала:

– Яша, дорогой мой!

– Тихо, Дуня, потом, – сдавленно сказал Калита и, усадив старуху рядом с собой, обернулся к соседке: – Большое тебе спасибо, Саввишна.

– Век не забудем доброты твоей, – со слезами добавила Денисовна.

Мечев прыгнул в лодку, оттолкнул ее от берега и проворно стал грести веслами. Василиса стояла на берегу до тех пор, пока лодка не скрылась в густом мраке ночи.

---

⁵³⁶ **Репья, репяхи, рэпьяки** – плоды луговых растений (репейника, череды, чертополоха и т. п.), снабженные зубчиками, крючками или зацепками, которые позволяют им прицепляться к шерсти животных или к одежде человека и так распространяются. – прим. Гриня

⁵³⁷ **Прилемзать** – приплестись, притащиться. – прим. Гриня

⁵³⁸ **Камелёк** – небольшая печка, очаг для обогрева жилища. – прим. Гриня

⁵³⁹ **Ляда** – люк, лаз в подполье, ставень, дверка. – прим. Гриня

Матяш вернулся домой в десятом часу вечера. Оксана ждала его у калитки.

– Что так поздно? – спросила она, беря его под руку – Я уже начала волноваться.

– Дела! – невесело ответил Матяш. – Дезертиров ловили. Солдаты бегут от нас, как крысы с тонущего корабля!

В доме он снял оружие, черкеску, шапку и устало сел на табуретку. Оксана прибавила огня в лампе, накрыла на стол. Матяш выпил стакан молока и больше ничего не захотел есть.

– Что же это ты? – спросила Оксана. – Так и зачахнуть можно.

Матяш тяжело вздохнул:

– Пусто на душе. Не было б тебя, пожалуй, руки на себя наложил бы.

Без предупреждения, по своему обыкновению, вошел Бородуля. Оксана пригласила его к столу, но он отказался от ужина, подсел поближе к Матяшу.

– Чую я, Андрюха, недолго нам дома оставаться, – проговорил он угрюмо. – По всему видно, скоро нам придется мазать пятки салом.

– С Хвостиковым надо кончать, – подавленно отозвался Матяш. – Не армия у нас, а какая-то банда. Только и того, что название громкое. Куда там: «армия возрождения России»! Нужен тот Хвостиков России, как пятая нога собаке.

– Теперь хоть круть, хоть верть, а ничего не поделаешь, – безнадежно махнул рукой Бородуля. – Катимся с горы, как камни под час обвала.

– Другого командующего надо, – убежденно заявил Матяш. – Такого, чтоб мог дисциплину держать и народа не катовал бы. А с этим – всем нам как-то будет. Какой у черта авторитет завоеует наша армия у казаков, если таких сволочей, как Гусочка, в атаманы выбирать будем?

– Гусочка – временный атаман, – сказал Бородуля. – Его избрали потому, что война. Лишь бы дырку кем-либо заткнуть.

Замолчали. В тишине гнетуще и гулко постукивал будильник, ведя равнодушный счет секундам. Оксана начала убирать посуду со стола. Бородуля поднялся, пожелал дочери и зятю доброй ночи, ушел в полной растерянности.

XVIII

Игуменья вернулась из города в монастырь ночью. Встретили ее мать Иоанна и мать Сергия, проводили в келью. Настоятельница разделась и легла в постель, разбитая духовно и телесно. Когда же она поднялась, на обеденном столе в передней уже стоял завтрак. Игуменья заложила за воротник салфетку и принялась трапезничать...

В конце завтрака в келью вошел Меснянкин и, кряхтя, расположился на диване.

– Ну, что ты выездила? – спросил он.

Игуменья вытерла губы полотенцем, пересела в кресло, сказала:

– В Екатеринодаре я добилась приема у начальника особого отдела и рассказала ему о тебе все.

Старик был потрясен этим сообщением. Не веря своим ушам, он вытаращил глаза, спросил почти безголосо:

– Зачем ты сделала это?

– Я должна думать о своем будущем, – ответила игуменья. – Если Хвостиков уйдет отсюда, то большевики сразу же арестуют меня из-за тебя. Вот я и приняла необходимые меры предосторожности.

– Но ты же связана с Хвостиковым! – сказал Меснянкин, бледнея.

– О том никто не знает, кроме некоторых лиц, – ответила игуменья.

– А ты не подумала, что будет со мной в случае отступления Хвостикова?

– Уйдешь вместе с ним, – спокойно ответила игуменья.

– Гонишь, значит? – промолвил старик, еле сдерживая гнев. – Спасибо, дочка, за все спасибо. Я стар, немощен и, разумеется, мешаю тебе.

– Кто тебя просил возвращаться сюда? – повысила голос игуменья.

– Господи, дай мне сил! – задыхаясь, прошептал Меснянкин и схватился за сердце.

Он вдруг закатил глаза и грохнулся на пол. Игуменья испугалась, подняла крик. Прибежали мать Иоанна и мать Сергия, а за ними целая толпа монахинь. Старик лежал без сознания, с широко

раскинутыми руками.

– Врача! – закричала игуменья сквозь слезы. – Зовите врача!

Но монахини опустились на колени, начали истово креститься и бить земные поклоны. Заплакали, заскулили. Пришел врач, служивший при хвостиковском штабе. Проверив пульс больного, он покачал головой. Монахини наконец опомнились, перенесли старика на диван. Игуменья схватила врача за руку, спросила:

– Что у него?

– Апоплексический удар⁵⁴⁰, матушка, – сказал врач и сделал больному два укола.

– Неужели нет никакой надежды? – снова обратилась к нему игуменья.

– Бывают, конечно, исключения, – ответил врач. – Все зависит от организма. Прежде всего больному нужен покой.

Он прописал больному лед на виски и ушел. Монахини уложили старика в постель. Оставив около него послушницу в качестве сиделки, игуменья трижды перекрестилась на образа и удалилась к себе в келью, а вслед за ней разошлись по своим углам и монахини.

На лицо больного упали косые лучи солнца. Послушница задернула на окне штору и, сев у стола, начала дремать... Меснянкин неожиданно открыл глаза, тяжело застонал. Хотел сказать что-то, но язык не подчинился ему. Правая рука и нога совершенно потеряли чувствительность. Старик с трудом пошевелился, начал мычать. Послушница спросонья вскочила и, не понимая, в чем дело, закричала благим матом:

– Ой, ратуйте! Батюшка кончаются!

Меснянкин махнул рукой. Послушница вытаращила на него глаза, торопливо перекрестилась.

– Свят! Свят! Свят! – Выбежав из комнаты, она бросилась к игуменье и с усилием проговорила: – Матушка, ваш батюшка опамятовались!

Игуменья вскочила с постели, сунула ноги в шлепанцы, накинула мантию и побежала к отцу. Он встретил ее беззлобным взглядом, кивнул, чтобы она подошла поближе. Игуменья села на стул у его кровати.

– Вера... – напрягая силы, чтобы выговорить слово, невнятно промолвил он, – ты права... Прости!

Игуменья молчала. Меснянкин отвел глаза в сторону, притих.

На угольнике в подсвечнике горела свеча, перед иконами теплилась лампадка.

Игуменья позвала отца, но он не ответил, только чуть качнул головой, как бы прося оставить его одного.

– Может, за лекарем сходить? – спросила послушница.

– Не надо, – ответила игуменья. – Пусть батюшка поспит.

Послушница хотела снова занять свое место, но игуменья сказала:

– Иди отдыхай. Я сама посмотрю за ним.

Сиделка ушла.

XIX

Красноармейские части и чоновский отряд, стоявшие в обороне на левом берегу Кубани между хутором Драным и дорогой, ведущей из монастыря в Краснодольскую, зорко следили за лесом.

В тенистом саду коммуны на траве сидели Жебрак, только что приехавший из Екатеринодара, и Корягин. Председатель ревкома интересовался ходом боевых действий на улагаевском фронте. В свою очередь комиссар расспрашивал о мерах, принятых для организации разгрома армии Хвостикова.

– Девильдо-Хрулевич не собирается к нам? – спросил Корягин.

– Вчера его отозвали в Москву, – сказал Жебрак. – Орджоникидзе помог нам избавиться от этого демагога и путаника.

Во дворе коммуны поднялась тревога. Чоновцы бежали к высокой кирпичной ограде, занимали места у бойниц. По двору неслось громкое:

– Банда! Банда!

---

⁵⁴⁰ Апоплексический удар – инсульт, острое нарушение кровоснабжения головного мозга. – прим. Гриня

Корягин и Жебрак поднялись на крышу сарая и увидели хвостиковцев, которые, передвигаясь вдоль опушки леса, приближались к коммуне. Их было много, как саранчи в недобрый год. И оттого что катились они неудержимыми массами, становилось жутко, по спине продирало морозом.

Доронин с группой коммунаров занял оборону в окопах, вырытых с наружной стороны ограды. Мечев залег у пулемета, установленного между двумя толстыми акациями, росшими на берегу Кубани. Рядом с ним пристроились с винтовками в руках Иван Градов и Яков Калита. Юдин разместил своих бойцов на восточной стороне сада, а Корягин, вскочив на коня, помчался к чоновцам-кавалеристам, уже стоявшим в боевой готовности в лесу, который примыкал к коммуне с северо-востока.

Жебрак распорядился немедленно отправить всех женщин в лес, а сам с двумя вестовыми поднялся на башню, откуда вся территория коммуны и ее окрестности были видны как на ладони. Еще до начала перестрелки он послал группу из пяти конников в красноармейские части, находившиеся на оборонительной линии у Кубани, чтобы те срочно выслали им полк на подмогу.

Оглашая воздух дикими воплями и победными криками, хвостиковцы достигли ограды, облепили ее, как мухи, прорвались во двор. Жебрак спустился с башни. У ограды шла рукопашная, и, хотя хвостиковцы не могли продвинуться к постройкам, Жебрак понял, что долго сдерживать их бешеный натиск наличными силами не удастся. Быстро разместив стрелковые ячейки между дворовыми строениями и создав заслонный огневой рубеж, он отдал приказ коммунарам отходить на северо-восток, в лес.

Теперь весь удар противника приняли на себя стрелки и пулеметчики, оставшиеся в арьергардном заслоне. Командовал заслоном Доронин. Он видел, как падали чоновцы, коммунары, как, истекая кровью, продолжали вести огонь раненые.

В заслоне оставалось все меньше и меньше людей. Но они вели огонь до тех пор, пока Жебрак не отдал им приказ покинуть позиции.

* * *

На подмогу прибыл пехотный полк.

Когда совсем стемнело, Жебрак отдал команду – наступать. Юдин со своим отрядом начал обход коммуны с восточной стороны. Полк двинулся по лесу, с тем чтобы выйти в тыл противника и занять исходный рубеж для штурмовой атаки. Кавалерия Корягина и пехота, возглавляемая Дорониным, должны были смять заградительные заслоны врага лобовой атакой и создать видимость, что именно здесь сосредоточены основные силы красных.

Темнота была надежной союзницей наступающих. Под ее покровом части осторожно продвигались к местам, намеченным по плану.

Хвостиковцы не ожидали нападения, и, когда конники Корягина и группа Доронина, внезапно начав стрельбу, выскочили из леса и атаковали заслоны, среди врагов поднялась паника. Случилось именно то, на что рассчитывал Жебрак. Бандиты приняли демонстративный налет за основной удар и сосредоточили все свое внимание на этом участке.

Отряд Юдина, подойдя близко к стене с востока, открыл стрельбу. Бандиты перебросили часть сил к восточной стороне коммуны, не оголяя совсем западного участка.

Тем временем подможный⁵⁴¹ полк уже зашел им в тыл. Градов и Мечев, выделенные в качестве проводников, ползли к ограде впереди красноармейцев. С наружной стороны ворот, которые выходили на дорогу к монастырю и Краснодольской, бандиты выставили сравнительно небольшую группу охраны, вооруженную тремя ручными пулеметами.

Проводники уже отчетливо различали черные силуэты врагов, маячивших у полуоткрытых ворот. Мечев подполз к кусту, поднял голову. На бугорке, шагах в двадцати, он увидел белогвардейцев.

– Леня, приготовиться! – шепотом предупредил Мечев друга.

Почти одновременно тьму разорвали две яркие вспышки, и один за другим прозвучали взрывы гранат. Полк тотчас открыл дружный огонь, расстреливая почти в упор хвостиковцев, заматавшихся

---

⁵⁴¹ Подможный – вспомогательный. – прим. Гриня

у ворот. Сняв заставу, красноармейцы хлынули в ворота, через ограду и быстро растеклись по двору коммуны. Они обрушились на хвостиковцев, все еще ждавших нападения с востока и застигнутых врасплох ударом с тыла. Юдин тоже поднял свой отряд в атаку и почти без потерь форсировал ограду. А кавалерия Корякина ворвалась в восточные ворота.

У домов, сараев, конюшен завязывались рукопашные схватки. В одной из таких схваток едва не погиб старший Градов. Он оказался в окружении бандитов, которые решили поднять его на штыки. Заколов троих из них, Градов схватил винтовку за ствол и отбизался от наседавших хвостиковцев, как дубиной. К счастью, вовремя подоспел Доронин с десятью коммунарами, и бандиты разбежались.

Все попытки Набабова, возглавлявшего осаду коммуны, прекратить панику и более-менее организованно выйти из окружения потерпели полный крах. Полковник с полусотней белоказачков засел в двухэтажном доме, долго отстреливался, однако решил бежать. Он выпрыгнул из окна и скрылся в кустах терновника на берегу Кубани. Продираясь через колючие заросли, он исцарапал в кровь лицо и руки, изорвал одежду. У края высокой кручи испуганно металась несколько белоказачков, зажатых со всех сторон цепями красноармейцев. Набабов выбежал на кручу.

– Чего вы мечетесь? – заорал он на казаков. – Прыгайте в воду, плывите к тому берегу! – И видя, что никто не решается прыгать, первым бросился с обрыва...

Бой в коммуне закончился.

Накрапывал дождь. Коммунары и чоновцы сносили тела погибших товарищей на просторную площадку у колодца. К Доронину, сидевшему на водопойном корыте, подошел Калита, спросил сдавленным голосом:

– Павел Федотович, вы в клуб заглядывали?

– Нет. А что там?

– Наши люди... зверски убиты. Даже глядеть страшно. Сорок семь человек.

– Раненые это были! – проговорил Доронин и обнажил голову.

* * *

Загорелось утро, хмурое, дождливое, неприветливое.

Проходя по берегу Кубани, Мечев и младший Градов вдруг увидели под кручей в воде нанизанных на острые сучья старой почерневшей карчи нескольких бандитов. Среди них оказался и полковник Набабов. Ноги его задраны кверху, голова доставала полуседьми жидкими косичками до воды. Обвисшие руки, казалось, пытались что-то поймать под стволом дерева. Мечев узнал его. Постояв немного, он сказал:

– За чем пришел, то и нашел.

XX

На подступах к Новониколаевской развернулись кровопролитные сражения. Шифнер-Маркевич и Филимонов в сопровождении охранной сотни мчались на конях по дороге. Вблизи станицы они перешли на шаг. Филимонов, ритмично покачиваясь в седле, иногда оглядывался назад, в ту сторону, где шел бой и гремела канонада. В голове назойливо повторялась одна и та же гнетущая мысль: «Все кончено! Все прахом пошло... Прощай, вольная Кубань!»

Шифнер-Маркевич, внимательно оглядывая свою белую черкеску, украшенную серебряными газырями, с горестью заметил:

– Эж загрязнилась, испачкалась моя одежина!

– Белый цвет в армии непрактичный, – сказал Филимонов и, окинув взглядом свою черкеску, добавил: – Хотя и мою бордовую пора бы почистить, да уж не до того... Зинаиды Ивановны нет, беспокоиться о сменном белье и чистке верхнего платья некому.

– Хорошо, что она вовремя уехала в Крым, – добавил Шифнер-Маркевич.

– Да, конечно, – согласился Филимонов. – Супруга Улагая настояла.

Улицы станицы были запружены войсками, обозами, мобилизованными подводами. Шифнер-Маркевич и Филимонов с трудом пробирались к главному штабу сквозь гудящее, хаотическое скопище.

На одном из перекрестков они догнали Казановича, ехавшего на тачанке. Бородка его отросла непомерно, усы обвисли, растрепались.

– Вы с передовой? – спросил его Шифнер-Маркевич.

– Нет, – буркнул Казанович, нервно сбивая растопыренными пальцами дорожную пыль с рукава выгоревшей гимнастерки. – С дезертирами воевал. Только сейчас расстрелял сорок две шельмы.

– Это не поможет, – безнадежно махнул рукой Шифнер-Маркевич.

– Мда!.. – Казанович обернулся к Филимонову, пренебрежительно бросил: – Помнится мне, как вы кричали в Крыму: «Мои казаки, моя Кубань – наша надежная опора!» А на деле вместо опоры – огнедышащий вулкан! К вашему сведению, из сорока двух расстрелянных – двадцать восемь казаков!

– Уж не пытаетесь ли вы, господин генерал, вину за собственные промахи переложить на мою седую голову? – спросил Филимонов, сурово насупив брови и удерживая коня в поводу.

Казанович зло выдохнул:

– Если у меня и были какие промахи, то они всецело обусловлены вашими!

– Конечно, выигрыш вы всегда за собой запишете, а проигрыш постараетесь на другого свалить! – сказал Филимонов, отворачиваясь в сторону.

– Не спорьте, господа, – проговорил Шифнер-Маркевич примиряющим тоном.

Филимонов, резко развернув коня, направился в переулок, который выходил на дорогу в сторону Гривенской. За ним поскакала и охранная сотня. У хутора Лебеди он встретил Скакуна и Василия Рябокonia.

– С пополнением как? – спросил он, обращаясь к полковнику.

– Плохо, – Скакун отрицательно помотал головой. – Никого и арканом не затянешь.

– Да, дела, – невесело протянул Филимонов. – Устал я сильно. Где бы отдохнуть хоть полчасика?

– Ваше превосходительство, может, ко мне изволите? – предложил Рябоконь. – Тут совсем недалеко.

* * *

Двор Рябокonia у Ангелинского ерика обнесен высоким голубым частоколом. Дом, покрытый железом, обращен четырьмя окнами к выгону. К нему примыкала конюшня. Рядом с сараем, выходящим глухой стеной на улицу, стоял амбар. За двором к ерику – сад и огород.

Под сараем лежали рало⁵⁴² и шестигранный каменный каток, хранившиеся как реликвии, оставленные прадедом. На стене амбара висели цепи, деревянные грабли, коса с отвалом... Всё, вплоть до расположения предметов во дворе, сохранялось в том порядке, который был заведен много десятилетий назад. В саду росли яблони, груши, сливы, абрикосы, персики, смородина, малина, клубника... Вдоль дорожек ярко пестрели цветы. В саду и на огороде торчали пугала в лохмотьях.

Рябоконь, Филимонов и Скакун вместе с охранной сотней въехали во двор. На крыльцо вышел невысокий старик. Из-под его серой войлочной шляпы выбивались длинные пряди седых волос. Щурясь от слепящих лучей солнца, он приложил руку ко лбу, чтобы разглядеть, с кем прибыл сын.

– Принимай гостей, батько! – крикнул ему Рябоконь.

Старик снял шляпу, низко поклонился генералу:

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

Старик пригласил гостей в самую просторную комнату и угостил всех холодной бражкой. Утолив жажду, Филимонов сел на стул у раскрытого окна. Скакун поместился за круглым столом, хозяин дома с сыном сели на деревянном диване. Старик взглянул на генерала, спросил:

– Будь ласка, скажите, ваше превосходительство, чим же кончится оця шеремичия?

– Уходить придется, Федор Саввич, – сказал Филимонов, разглядывая старинное оружие – запорожскую рушницу⁵⁴³, кривую турецкую саблю и кинжал, украшенные золотой и серебряной

---

⁵⁴² **Рало** – плуг, соха. – прим. Гриня

⁵⁴³ **Рушница** – пицаль, ружьё. – прим. Гриня

вязью, висевшие на персидском ковре, прибитом к стене.

Старик сдвинул белые мохнатые брови, почесал затылок.

– А куды ж уходить, ваше превосходительство? Обратю в Крым басурманский?

– Другого пути пока нет.

– А потом?

– Потом – за границу.

Старик оперся широкими ладонями на колени, задумался.

– Эхе-хе-хе-хе! Значит, до ручки довоювались... – Он перевел взгляд на сына. – Ты ж казал, Василь, шо большевики теперь никола не придут в наш край.

– Казал, да не завязал, – хмуро отозвался Рябоконт.

Старик снова поскреб затылок, протянул:

– На чужбине и сокола вороной зовут. Недаром сказано: хвали заморье, а сиди дома.

– Но куда денешься? – развел руками Филимонов.

– А я с Кубани не уйду! – решительно заявил Рябоконт, и черные глаза его налились злостью.

Он резко встал, зашагал по комнате. – До гробовой доски буду биться с большевиками! Из-за угла стрелять, хаты жечь, скот травить!..

– Сядь! – шумнул на него отец. – Чего забегал?

Донесся гудок автомобиля. Филимонов приподнял занавеску и посмотрел на улицу, по которой непрерывным потоком двигались войска к Гривенской. У ворот остановился лимузин.

– Интересно, кто это приехал? – проговорил генерал.

Из автомобиля вылез Гусочка, открыл калитку и спросил у сидевших под сараем казаков из охранной сотни:

– Его превосходительство енерал Филимонов туточки?

– А тебе зачем? – подозрительно покосился на него офицер – командир охранной сотни.

– Это не ваше дело! – ответил Гусочка.

Из дома вышел Рябоконт, с досадой подумал: «Откуда взялось это чучело гороховое?» Но был вынужден встретить гостя и проводить в великую хату. Храбрясь, Гусочка небрежно вскинул руку к папахе:

– Здравия желаю, ваше превосходительство! Честь имею представиться: кульер енерала Хвостикова.

– Здравствуйте, господин кульер, – сказал Филимонов, недоверчиво оглядывая его.

Гусочка уселся на стул, поставил шашку между коленями – против кинжала, висевшего на поясе, – и, скрестив на ней руки, сказал:

– Неважные дела у вас, господа. Фронт рухнул, ниякого порядку нету. Не дай бог, який кавардак кругом! Все бегут...

– Говорят, и у Хвостикова больше за упокой поют, чем за здравие, – перебил его Скакун.

– Конечно, – с глубокомысленным видом проговорил Гусочка, – оно и у нас ригинального ничего нету. То мы бьем, то нам шею мылят. А вас токо бьют.

Федор Саввич безнадежно вздохнул:

– Видать, и там и тут в нашем полку нету толку.

– Вы как, Сергей Борисович, опять думаете здесь остаться? – обратился Филимонов к Скакуну.

– Нет, Александр Петрович! – возразил полковник. – Здоровье у меня никудышное. Как ни печально, однако придется распрощаться с Кубанью.

– Надо об этом заранее договориться, – сказал Филимонов, – иначе потом трудно будет собраться.

– Вот Василия Федоровича я вместо себя оставляю, – указал Скакун на младшего Рябоконтя.

– Эхе-хе-хе-хе! Пустое все это, – уныло промолвил Федор Саввич.

В дверь заглянула жена Василия – высокая, стройная женщина. Подозвав мужа, она шепнула ему, что стол уже накрыт. Василий пригласил гостей в столовую.

XXI

До Гривенской долетала отдаленная канонада, но в самой станице стояло напряженное

затишье. Заунывно гудел церковный колокол, сзывая прихожан к обедне.

Филимонов въехал на многолюдную площадь, остановился у церковной ограды. Ближе к паперти, выстроившись повзводно, стояли юнкера Корниловского и Алексеевского военных училищ, дальше – две охранные сотни белоказаков.

В церкви шла служба. Гулко отзывался под сводами голос священника, призывавшего молящихся костьми лечь на поле брани, но не отдавать православную землю большевикам, кои явились на Кубань по наущению самого антихриста.

Филимонов слез с коня и в притворе увидел Драценко, державшего в одной руке зажженную свечу, в другой – фуражку.

– Молитесь, господин генерал? – спросил Филимонов.

– Как видите, – нехотя ответил Драценко.

– А командующий здесь?

– В штабе.

Филимонов перекрестился и начал протискиваться к амвону, перед которым стояли несколько генералов и полковников.

Гусочка тоже приехал в Гривенскую. Делать ему в штабе было нечего (Улагай еще не заготовил ответного письма Хвостикову), поэтому он тоже направился в церковь. Минувя базарную площадь, он едва не столкнулся нос к носу со своей знакомой. Офицерская вдова цепко схватила его за локоть, вскрикнула удивленно:

– О, Иван Герасимович! Чего же не признаетесь?

– Звыняйте, Марфа Емельяновна, не заметил, – сказал Гусочка. – Мое вам почтеньице! – И поинтересовался: – Яким ето ветром занесло вас в Гривенскую?

Грудь Марфы громоздко колыхнулась.

– Беда застигла тут. Вино привозила на продажу, а тем часом красные взяли Приморско-Ахтарскую. Вот и сижу здесь, жду у моря погоды.

– А я обратно кульером от Хвостикова, – сообщил Гусочка и, приняв важный вид, добавил: – Меня сюда направили, як атамана станицы Краснодольской.

– Вы? Атаман? – прыснула Марфа.

Гусочка надулся.

– Не смейтесь, Марфа Емельяновна. Хватит, вы и так уже раз безобразию надо мной учинили... Я до вас со всей душой, а у самого мало сердце не оборвалось. Рази можно так пужать? Уже и переполох выливал⁵⁴⁴ – ничего не помогает. Як токо начну засыпать, так в очи и лезет ваш лохматый Барбос, хай ему черт! Я дюже в обиде на вас.

– Да то не Барбос, Иван Герасимович, – рассмеялась вдова. – То наш Покат. Не знаю, чего вы испугались? Он такой смирный.

– Э, смирный! – возразил Гусочка. – Ето для тебя смирный, – он снова перешел на «ты», – а для меня – тигра! Мало не загрыз.

Марфа перестала смеяться, сказала серьезно:

– Да, Иван Герасимович, нехорошо вышло, хоть и нет моей вины в том.

– Як же це нет? – взбеленился Гусочка. – Я пришел по нашему уговору, а там, на постели, етот, Покат токо: гав-гав! Да як шмыгонет у меня промеж ног! Я думал, шо сквозь землю провалился... так напужал треклятый!

– То вы перепутали, Иван Герасимович, не туда пришли. Я до полночи ждала вас, – прильнула Марфа к атаману под бочок.

– Невже перепутал? – Гусочка всплеснул руками и, сбив на затылок папаху, громко захохотал: – Ты погляди, яка оказия приключилась!

– А вы еще и в обиде на меня, – улыбнулась Марфа.

Гусочка окинул глазами ее дородную фигуру, и кровь снова взыграла в нем.

– Так, может быть, мы теперички поквитаемся, Марфуня? – хихикнул он, заглядывая ей в глаза.

Марфа обратила внимание на массивное золотое кольцо, поблескивавшее на указательном пальце правой руки Гусочки.

– Так вы же человек женатый, Иван Герасимович! Вон и обручальное носите, – указала она.

---

544 **Выливать переполох** – лечить магическими действиями от испуга. – прим. Гриня

– Пхи, обручальное, – скривился Гусочка. – Да у меня этих обручальных – куры не клюют! – Он слегка толкнул вдову в плечо, хихикнул: – А хоть бы и женатый, то шо с того? То у меня – буднишня, а ты будешь праздничная!

– А колечко подарите?

– А как же! – Гусочка оглянулся по сторонам, вынул из внутреннего кармана черкески замасленную сумочку, развязал ее и шепнул: – Гляди, шо в ней!

Марфа впервые увидела столько золотых вещей. Гусочка подтолкнул ее в бок.

– Ну, Марфуня, бачишь теперички, який я богатый?

– Ванечка!.. – Марфа потерлась щекой о его плечо. – Хоть один перстенок на память по случаю нашего знакомства...

Гусочка завязал сумочку, спрятал в карман:

– Заработать надо, Марфуня! – подмигнул он. – Задаром – не можна.

– Ну и скупые же вы! – досадливо махнула рукой Марфа.

– Скупость – не глупость, – сказал Гусочка. – А то... как ето: дал бог денежку, а черт – дырочку, и пойдет божья денежка в чертову дырочку... Заработаешь – другое дело!

* * *

Улагай и Стрэнг находились в небольшой штабной комнате. За раскрытыми окнами висели ветки с крупными румянобокими яблоками. Воздух был напоен фруктовым ароматом. А по улице нескончаемым потоком шли и шли отступающие войска вперемежку с обозами, нагруженными продовольствием, боеприпасами.

Стрэнг сидел у окна, изредка тянул из бокала душистый кубанский рислинг и все время поглядывал на колонны отходивших солдат. Все они были запыленные, грязные, в рваном обмундировании, в разбитых сапогах, в развалившихся ботинках. У многих головы забинтованы, руки на перевязи. Улагай ни разу не прикоснулся к своему бокалу и ни разу не взглянул в окно. Он то ходил по комнате, то подолгу стоял у стола в каком-то раздумье. Наконец Стрэнг ознакомился с письменным донесением, подготовленным командующим для отправки в Крым Врангелю, холодно усмехнулся:

– Вы просите у барона невозможного.

– Почему? – раздраженно спросил Улагай. – В Крыму имеются и танки, и пушки, и пулеметы!

– Разве в этом дело? – окрысился на него Стрэнг. – Людей у вас нет, генерал, людей!⁵⁴⁵ Кубань вас не поддержала – вот в чем трагедия!

– А вооружение какое у меня? – вспыхнул Улагай. – Семнадцать орудий и двести сорок три пулемета!⁵⁴⁶

– И то большая часть растеряна, попала в руки большевиков! – упрекнул его Стрэнг и, отпив немного вина, подчеркнул: – И учтите, все это наше вооружение!

У вас, русских, уже ничего нет.

– Да, я уже неоднократно слышал этот упрек, – сказал Улагай. – Но вы забыли о пролитой русской крови. Разве она ничего не стоит?

– Спокойнее, мой друг, спокойнее, – скрипуче проговорил Стрэнг. – Давайте обходиться без абстракций.

– Кровь – это отнюдь не отвлеченное понятие! – повысил голос Улагай. – Это человеческие жизни, это убитые, раненые, искалеченные! Разве вы не видите, что творится за окном?

– А результаты? – прищурился Стрэнг. – Если нет результатов, то все это бесцельные жертвы. И, говоря откровенно, я присутствую здесь совсем не для того, чтобы вести подсчет количества крови, пролитой вашими солдатами. Мы даем вам оружие и боеприпасы, вы их губите

---

⁵⁴⁵ Всего из Крыма в группе Улагая и отряде Харламова было переправлено около 7.5 тысяч бойцов. При эвакуации в Крым, к уцелевшим десантникам (потери составили, по разным подсчетам, до 3 тысяч человек) присоединилось около 10 тысяч кубанцев (по воспоминаниям Врангеля. В разных источниках цифры отличаются). – прим. Гриня

⁵⁴⁶ Всего из Крыма в группе Улагая и отряде Харламова было переправлено вооружения: 32 орудия, 158 пулеметов, 3 броневики и 8 аэропланов (по воспоминаниям Врангеля. В разных источниках цифры отличаются). – прим. Гриня

катастрофически, а расплачиваться кто будет за все это? – Стрэнг помахал перед своим носом пальцем. – Нет, мой друг, я уже сообщил куда следует, что происходит на Кубани. А господин Вокэр дополнил мое сообщение обстоятельным докладом.

Слушая его, Улагай накалялся, но еще находил в себе силы сдерживать гнев.

– Так, так, продолжайте, господин Стрэнг, продолжайте, – расхаживая по комнате, сказал он. – Мне кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните.

– Вы не лишены сообразительности, – сняв очки и протирая стекла, съязвил Стрэнг. – К сожалению, она не всегда сопутствует вам, что отчасти и привело к столь плачевным итогам десанта.

– Я не потерплю оскорблений! – вскипел Улагай. Стрэнг махнул рукой:

– Не горячитесь, генерал.

На пороге появился адъютант. Приложив руку к белой заломленной папахе, он отрапортовал:

– Ваше превосходительство! Только что получено сообщение о высадке десанта на Сладком лимане численностью в двести пятьдесят сабель, пятьсот штыков при четырех орудиях и девяти пулеметах под командованием полковника Буряка. Десант уже начал наступать на станицу Петровскую⁵⁴⁷.

Улагай воспрянул духом.

– Вы слышите, господин Стрэнг? – обратился он к своему собеседнику. – Отряд Буряка зайдет в тыл красным и расстроит все их планы.

– Не обольщайтесь, генерал! – Стрэнг скептически бросил: – Харламов высадил на Тамани куда больше сил, но они дальше Вышестеблиевской не продвинулись...

XXII

Брезжил рассвет. Седой туман медленно поднимался над Гривенской, таял и обнажал еще сонные сады, дворы, хаты. Все громче горланили петухи, как бы играя утреннюю побудку, кое-где около худобы на базах⁵⁴⁸ уже хлопотали хозяйки: доили коров, задавали корм... А расквартированные в станице воинские части еще спали крепким сном. Кроме часовых и патрулей, на улицах теперь никого из военных не было. Далекая канонада утихла еще ночью, и вокруг Гривенской на много верст стояло полное безмолвие.

Взошло солнце. Слепящие лучи залили станицу ярким светом, заглянули и в поповский сад, а оттуда проникли в приоткрытое окно дома, легли полосой на рыхлое лицо Стрэнга, который спал на широкой деревянной кровати, пригрели тройной его подбородок. Стрэнг во сне промычал что-то, перевернулся на другой бок. Солнечный зайчик не особенно донимал эмиссара, соскользнул с кровати, поплыл по полу и ушел в окно.

Но насколько был сладок сон заморского гостя, настолько кошмарным оказалось его пробуждение. Грохот, от которого проснулся Стрэнг, был так оглушительно трескуч, будто в соседней комнате выпалила крупнокалиберная пушка. Дом содрогнулся, из окон со звоном посыпались стекла. Стрэнг, как полоумный, вскочил с постели, находясь в том состоянии, когда человек еще не ощущает четкой грани между сном и явью. Последующие два взрыва и стрельба, начавшаяся в станице, окончательно вернули его в реальный мир. В спальню вбежал поп в исподнем белье и, испуганно ворочая глазами, закричал:

– Мы в геенне огненной!

– Что случилось? – не своим голосом закричал Стрэнг.

– Красные! – возопил поп еще сильнее.

Во дворе разорвался снаряд. Поп присел на корточки, перекрестился, затем бросился в боковую комнату. Сквозь пальбу все отчетливее слышалось «ура», надвигавшееся с восточной окраины станицы. Стрэнг подхватил в охапку свое верхнее платье, ботинки и в одной ночной рубашке выскочил на улицу, где сломя голову в панике бежали белогвардейцы...

---

⁵⁴⁷ **Петровская** – станица в Таманском отделе Кубано-Черноморской области (сейчас в составе Славянского района Краснодарского края), расположена в дельте Кубани. – прим. Гриня

⁵⁴⁸ **Худоба** – здесь – домашнее имущество (вещи, скот и т. п.). **Баз** – здесь – хозяйственный двор крестьянской усадьбы, скотный двор. – прим. Гриня

* * *

Гусочка поднялся незадолго до начала внезапно разразившейся стрельбы.

– И куда ты торопишься, Ванечка? – спросила Марфа, еще нежась в постели.

– А чего здря валяться? – сказал Гусочка, застегивая перед зеркалом черкеску. – Дело сделано, теперички в штаб мне надобно.

Марфа поманила его пальцем:

– Иди, иди сюда, атаманчик.

– Некогда! – отмахнулся Гусочка.

– А перстень?

– Який такой перстень?

– С яхонтовым камешком.

– Возвернусь из штаба – тогда.

Марфа в мгновение ока с поразительной проворностью соскочила с кровати, схватила Гусочку за газыри и затрясла так, что из него чуть душа не вылетела вон.

– Не отдашь перстень, как козявку раздавлю! – пригрозила она. – Тоже мне любовник нашелся! Да я чхать хотела на такого пса шелудивого, кабы не пообещал перстня.

– Пусти! – прохрипел наконец Гусочка. – Кричать буду!

– Только крикни! – Марфа пнула голым коленом его в живот. – Кишки выпущу и всю сумочку твою отниму.

– Хай тебе черт! – выругался Гусочка и, сняв с пальца кольцо, протянул его Марфе: – Бери его да не лайся.

Марфа зажала кольцо в левой руке, а правой все еще продолжая держать Гусочку за грудь, сказала:

– Нет, с яхонтом давай!

– Ты шо, сказалась? – Гусочка попятился к двери. – Пусти, кажу!

Марфа снова трянула его. Незадачливый ухаживатель хотел уже звать хозяев на помощь, но в это время грохнул снаряд, обрушился на станицу оглушительный артиллерийский шквал. В страхе Марфа выпустила Гусочку из рук, и он очертя голову, во все лопатки подался на площадь к самолету, издали закричал летчику:

– Заводи!

Но мотор как назло не заводился. Пришлось снова и снова прокручивать пропеллер. А тем временем к аэроплану прибежал Стрэнг.

– Я лечу с вами! – заявил он, обращаясь к курьеру, уже сидевшему в кабине.

– Не можна, господин посол, ероплан не потянет нас, – ответил Гусочка.

Стрэнг поднялся на крыло, помотал перед его носом пистолетом:

– Или вы берете меня, или я вышвырну вас отсюда к чертовой матери!

Гусочке пришлось потесниться, и самолет поднялся в воздух, стал набирать высоту. Гусочка вдруг истошно закричал:

– Моя торбочка! И где же она запропастилась?

– Какая торбочка? – спросил Стрэнг.

Гусочка не ответил, второпях шарил дрожащими руками по всем карманам, заглядывал в пазуху... Потом начал мысленно проклинать офицерскую вдову, приговаривая: «Ето она, ведьма, вытряхла из меня мою торбочку! Врагуша стодиявольская. Супостатка, хай бы ей черт!..»

* * *

Красный десант Ковтюха появился в районе Гривенской, развил стремительное наступление на неприятельский тыл. Полураздетые сонные улагаевцы выскакивали из хат как очумелые. Белое командование никак не предполагало, что красные дерзнут использовать Кубань и Протоку для переброски десанта и окружить Гривенскую.

Пушки, стрелявшие по станице с пароходов и барж, наносили противнику незначительный

урон, однако вызвали такую панику, что красноармейцы почти без боя захватили несколько кварталов на юго-восточной стороне станицы, а затем, быстро растекаясь по улицам, начали продвигаться к центру. Схватки завязывались в садах и дворах, у хат и плетней.

Ковтюх и Фурманов следовали за основной группой атакующих, которая уже вела бой на базарной площади. Ковтюх вырвался вперед и, увлекая за собой бойцов, размахивая наганом, кричал:

– За мной, хлопьята! Бей, круши вражью силу!

И хлопьята с винтовками наперевес не отставали от бесстрашного командующего, штыками и гранатами пробивали путь через ряды огрызавшихся белогвардейцев.

Улагаевцы, сопротивляясь, постепенно отходили к лиманам, в камыши. Многие сдавались в плен... Наконец была сломлена большая группа солдат и офицеров, защищавшая штаб. Над домом станичного правления зареяло красное знамя...

А в полдень пароходы и баржи подошли по Протоке к самой станице.

* * *

Весть о том, что в тылу появился десант красных и что Гривенская уже пала, заставила белогвардейцев начать переброску сил. В Новониколаевской еще продолжался бой, но улагаевцы теперь только оборонялись и, сдавая одну позицию за другой, медленно пятились к хутору Лебеди.

Случилось так, что сотня Левицкого, заходя во фланг пехотного полка дивизии генерала Казановича, была атакована тремя вражескими кавалерийскими эскадронами. Виктор не растерялся. Он быстро построил сотню клином, врезался в развернувшуюся лавой конницу противника и сумел прорваться со своими бойцами сквозь смертельный обруч. В разгар этой схватки под Охрименко был убит конь, а сам Охрименко ранен пулей в грудь. Выюн и Шмель все это видели, хотели пробиться к товарищу и оказать ему помощь. Но Охрименко, потеряв сознание, не подавал никаких признаков жизни, и друзья, посчитав его погибшим, начали уходить. Однако Охрименко очнулся и кое-как дополз до окопа, оставленного белогвардейцами, и там обнаружил полуприсыпанного землей убитого офицера, под которым лежал ручной пулемет.

Вблизи окопа все еще кипела сабельная рубка. Охрименко, как в тумане увидел горстку собратьев по оружию, пробивавшихся сквозь ряды белоказаков. Вся его грудь была в крови, а перед глазами то мелькали черные пятна, то все вокруг светлело, открывалось как на ладони. Он попытался было вылезть из окопа, но ноги не подчинялись ему. Собрав все свои силы, он выдернул пулемет из-под убитого офицера, приложил приклад к плечу и, прицелившись, дал длинную очередь по врагам. Гулкий отрывистый стук выстрелов будто влил в Охрименко новые силы. Он видел, как его пули сметали белогвардейцев с коней.

– Ось вам, гады! – процедил он сквозь стиснутые зубы и дал еще две очереди, покороче.

А белоказаки на взбешенных конях мчались на него, размахивали шашками, оглашали степной воздух криками, матерщиной.

– Давай, давай ближе! – шептал Охрименко запекшимися губами.

Будто вкладывая в пули весь свой гнев и желая как можно дороже продать свою жизнь, он начал в упор расстреливать надвигавшихся всадников. Пулемет умолк, когда в диске не осталось ни одного патрона.

В какое-то мгновение Охрименко увидел, как небо вспыхнуло кроваво-красным заревом, затем в глаза хлынул непроглядный мрак.

XXIII

В четвертом часу дня к Гривенской подошли пехотные и кавалерийские части белых, переброшенные из-под Новониколаевской на помощь разбитому и загнанному в плавни гривенскому гарнизону. Они с ходу навалились всей своей тяжестью на красный десант, но встретили такой дружный отпор, что только ценой больших потерь сумели немного потеснить отряд Ковтюха и захватить две улицы на северной стороне станицы. Правда, это открыло им путь на Ачуев⁵⁴⁹, куда

---

⁵⁴⁹ Сейчас – село Ачуево. – прим. Гриня

устремилась обозы, артиллерия и наиболее потрепанные в боях полки. Верст на десять вдоль правого берега Протоки растянулся поток войск, окутанный пеленой горячей, удушливой пыли.

Против станицы Деревянковской⁵⁵⁰ саперы начали строить переправу. Они связывали подводы веревками, цепями, скрепляли их бревнами и бросали в воду, но быстрое течение тут же подхватывало всю эту нехитрую гать, рвало и ломало ее на части и уносило в море. Загнав таким образом более тысячи подвод в Протоку, саперы убедились, что в данном месте им не сломить сопротивления реки; они вынуждены были оставить эту затею и приступить к поискам нового участка для переправы...

А бойцы красного десанта, укрепившись на левом берегу Ангелинского ерика, продолжали удерживать большую часть Гривенской и вели артиллерийский обстрел дороги на Ачув, запруженной обозами и войсками противника. Несколько раз улагаевцы пытались выбить их с занимаемых рубежей, предпринимали смешанные конные и пешие атаки, но безуспешно. Ковтюх создал на самых опасных точках непроходимые огневые заслоны, расстроив все замыслы врага.

* * *

Судьба красного десанта очень волновала Левандовского, и он делал все, чтобы скорее развить наступление в сторону Гривенской и оказать помощь Ковтюху. Узнав, что 3-я Отдельная кавалерийская бригада задержалась в нескольких верстах южнее хутора Лебеди, он отправился к Воронову выяснить причину задержки.

Левандовский нашел комбрига на небольшом кургане, поросшем колючим кустарником. Отсюда окружающая местность была видна на много верст.

Увидев Воронова, Левандовский спросил:

– Почему не атакуешь? Пока мы здесь раскачиваемся, наш десант в Гривенской истекает кровью. Надо атаковать немедленно и решительно!

– Михаил Карлович, ты посмотри, что там творится, – Воронов указал в сторону вражеских позиций.

Левандовский приложил бинокль к глазам и увидел женщин, стариков и детей, стоявших длинной цепью среди открытого поля.

– Что они там делают? – спросил Левандовский.

– Это жители окрестных хуторов и станиц, – объяснил Воронов. – Семьи красноармейцев, чоновцев, советских работников. Белогвардейцы согнали их к передовой и выставили против нас как живой заслон. Идти в атаку – значит смять их. Понимаешь? А белая сволочь залегла с пулеметами за их спинами.

Левандовский заложил руки за спину, стал расхаживать по кургану. Воронов выжидательно поглядывал на него, молчал.

– Да, Елисей Михайлович, тяжелое дело, – проговорил наконец командующий. – Пожалуй, от конной атаки придется отказаться. – Он развернул карту и долго рассматривал ее, затем решительно сказал: – Наступление поведем так: фронтальную атаку поручим пехоте, во главе которой будут двигаться пластуны. Ты пойдешь со своей бригадой в обход. Как только пехотинцы войдут в соприкосновение с неприятелем, твои конники ударят по нему с правого фланга, из плавней. Перед атакой артиллерия произведет интенсивный обстрел тылового участка, непосредственно примыкающего к занятому врагом рубежу, с постепенным переносом огня в глубь обороны.⁵⁵¹

– А как быть с заслоном из граждан? – спросил Воронов. – Ведь он окажется меж двух огней.

– Надо подобрать двух-трех опытных пластунов, которые смогли бы подползти к людям как

---

⁵⁵⁰ Имеется в виду хутор Деревяновка, расположенный на левом берегу реки Протока, ниже по течению от станицы Гривенской. – прим. Гриня

⁵⁵¹ Впервые артиллерийский приём «огневой вал», заключающийся в постепенном переносе огня вглубь позиций противника впереди наступающих войск, был описан в 1941 году, на практике впервые использован в РККА 10 января 1943 года при ликвидации окружённой группировки фельдмаршала Паулюса во время Сталинградской битвы. – прим. Гриня

можно ближе и предупредить их, чтобы они залегли в самом начале артиллерийской подготовки.

Воронов вскинул руку к кубанке и, стукнув каблуками, отчеканил:

– Есть подобрать пластунов, товарищ командующий!

И вызвал он к себе двух кавалеристов, своих племяншей Никиту и Митрофана, объяснил им задачу, а в заключение предупредил:

– Вот, даю вам возможность полностью искупить свою вину перед Советской властью. Надеюсь на вас. А подведете – под землей найду!

Митрофан тряхнул чубом:

– Можете не сумлеваться, дядя.

– Опять – дядя? – строго глянул на него Воронов.

– Извините, товарищ комбриг! – исправил оплошку Митрофан.

2-й стрелковый полк и Коммунистический отряд начали готовиться к наступлению. Развернувшись в цепи, широким фронтом красноармейцы короткими перебежками сосредоточивались в поросшей камышом балке, из которой должна была начаться атака.

Кавбригада Воронова, пройдя около двух верст строго на восток, повернула затем на север и двинулась через болото во фланг неприятелю. Левее кургана расположилось несколько батарей. Командный пункт Левандовского обосновался на вершине кургана.

Когда над балкой взвилась красная ракета, командующий приказал открыть артиллерийский огонь. С воем и свистом полетели снаряды на позиции белогвардейцев, вздымая султаны черного дыма и пятная синее небо белыми барашками шрапнельных разрывов. Не отрывая окуляров своего цейса⁵⁵² от глаз, Левандовский напряженно наблюдал за людьми, все еще стоявшими перед линией обороны белогвардейцев. Надо было начинать атаку, но командующий медлил, не подавал сигнала, так как хорошо знал, что атакующие не станут стрелять в мирных людей и неизбежно попадут под губительный огонь пулеметов противника, спрятавшегося за живой стеной.

Напряжение нарастало с каждой секундой. И пехота, и конница ждали сигнала. Артиллеристы продолжали стрельбу...

Людская стена вдруг повалилась на землю. Из груди Левандовского вырвался вздох облегчения. В небо полетела вторая красная ракета, и пехотинцы ринулись в атаку.

Воронов не обманулся в своих племянниках. По овражкам, по топким низинам, сквозь камыши и кустарники они без передышки доползли до бугра, в нескольких шагах от которого стояли женщины, старики и дети. На добрую версту протянулись шеренги измученных жаждой, долгим стоянием, оборванных и избитых людей. Совсем близко от них, в мелких окопчиках, скрывались белогвардейцы.

При первых разрывах снарядов, падавших в расположении белых, людская стена дрогнула. Некоторые бросились бежать, но тут же были сражены выстрелами в спину. Раздались отчаянные женские и детские крики. Братья Вороновы неожиданно появились на бугре, дали из ручных пулеметов огонь по врагу. Это внесло панику в ряды белогвардейцев. Никита и Митрофан воспользовались их замешательством, изо всей силы закричали обреченным:

– Ложись! Быстро!

Когда улагаевцы опомнились, то людская стена уже лежала на земле. Из балки выскочили атакующие, открыли ураганную пальбу по залегшим цепям противника. Одновременно со стороны плавней показалась конница, впереди которой во весь опор несся на Ратнике Виктор Левицкий, держа сверкающую шашку понизу, а за ним на Кристалле его адъютант Демка Вьюн. Немного правее, почти бок о бок с сотней Левицкого мчался Терентий Аншамаха со своим чоновским отрядом. Юнька Шмель, припав к шее Вихря, ни на шаг не отставал от своего командира...

Белогвардейцы упорно сопротивлялись, но вскоре были вынуждены отойти на новые оборонительные рубежи, где на подмогу им подоспели кавалерийские части генерала Шифнер-Маркевича. Белые воспрянули духом, перешли в контратаку, однако вернуть утерянных позиций так и не сумели. Шифнер-Маркевич как угорелый метался из стороны в сторону, что-то кричал офицерам, отдавал какие-то распоряжения. Теперь он утратил тот первоначальный лоск, с которым прибыл из Крыма на Кубань, выглядел неряшливо, растрепанно. Отдавая приказ об отступлении, он проскакал вдоль фронта вверенной ему 2-й Кубанской конной дивизии на своем

---

⁵⁵² Цейс – оптический прибор фирмы «Цейс» (обычно о бинокле). – прим. Гриня

золотисто-гнедом скакуне с белой проточиной на лбу и, окруженный сотней казаков, первый помчался по полю в сторону Гривенской.

* * *

На берегу Понуры меж курчавых верб бойцы поспешно рыли братскую могилу. Погибшие лежали в два ряда на траве со скрещенными на груди руками. Правофланговым в первом ряду находился Охрименко. Его труп нашел Лаврентий Левицкий под Новониколаевской в окопе, перед которым валялась груда тел белогвардейских кавалеристов вместе с их лошадьми. И Лаврентий привез его сюда, чтобы похоронить в одной могиле с бойцами, служившими с ним в одной сотне и погибшими в последнем бою. Проститься с боевыми друзьями пришла вся поредевшая часть Виктора Левицкого.

Лаврентий стоял перед Охрименко с обнаженной головой, мял в руках черную кубанку. Остренькие усики его мелко подрагивали в нервном ознобе. Рядом с ним были и Демка с Юнькой. Глаза у них припухли, покраснели от слез.

Последним на похороны примчался со своим отрядом Аншамаха. Растерянный его взгляд встретился со взглядом Лаврентия Левицкого, жемчужные капельки повисли у них на ресницах. К Аншамахе подбежал Юнька и, указав на Охрименко, в голос зарыдал:

– Тереша! Наш Матвей Федорович погиб!

Аншамаха упал на колени, положил на землю свою неизменную шляпу, поцеловал в посиневший лоб Охрименко, простонал:

– Прощай, дорогой друг. Ты спас меня, а вот себя не уберег. Так уж, видать... это самое... такая твоя судьба.

Убитых уложили рядами в могиле. Виктор поднялся на свежий холм земли и, обратясь к бойцам, стоявшим с обнаженными головами, сказал:

– Товарищи! Мы собрались у этой могилы, чтобы проститься со своими братьями по оружию и проводить их в последний путь. Погибли они в сегодняшнем жестоком бою с озверелым врагом Советской власти. Это были храбрые, бесстрашные воины-борцы, отчетливо понимавшие, за что идут на смерть. Вера в победу давала им силы. Пусть будет им пухом наша добрая, многострадальная, могучая русская земля! Вечная им слава! Вечная память и вечный покой!

Наступила минута молчания... Потом грянули троекратные залпы салюта, и саперы стали засыпать яму, над которой вскоре вырос высокий могильный холм, увенчанный обломками двух воткнутых в землю шашек.

* * *

Всю ночь ждал Воронов Никиту и Митрофана и уже было потерял надежду на их возвращение. О том, что они с честью выполнили задание и спасли от смерти многих людей, знали и пехотинцы, и конники, и артиллеристы. Но куда исчезли после атаки, никому не было известно.

Однако Никита и Митрофан вернулись на рассвете. Митрофан нес Никиту на спине, поддерживая его под колени, а тот держался за плечи брата и скрежетал зубами от боли. Так они и появились перед Вороновым.

– Живы? – обрадованно закричал комбриг.

– Живы, да не совсем, – ответил Митрофан, осторожно, с помощью бойцов спуская раненого брата со спины. – Миките ногу прошили, собаки!

Пострадавшего посадили на землю. Он громко застонал и лег на спину. Митрофан вытер рукавом черкески пот на лице и устало опустился на траву, рядом с братом, проговорил:

– Перевязку надо сделать.

Воронов поднял руку:

– А ну-ка, Шмель, сбегай-ка! И санитары пушай придут.

Юнька помчался к посадке, в которой находился перевязочный пункт. А вскоре явились два дюжих санитаря, прибежали и Соня с Марьяной, начали перевязывать Никите ногу.

Виктор стоял в стороне и, переминаясь с ноги на ногу, изредка поглядывал на Соню.

Никита был ранен в мякоть бедра. Воронов, услышав об этом, успокоительно сказал:

– Заживет!

Санитары положили Никиту на носилки и понесли в посадку. За ними парами пошли Виктор с Соней и Юнька с Марьяной... Воронов подсел к Митрофану, спросил:

– Где же вы пропадали всю ночь?

Митрофан потупился, буркнул:

– Не хотели мы... Он сам полез...

– Кто? – не понял Воронов. – Ты о Никите?

– Нет, про Ивана... Стоит он перед глазами, покоя не дает. Ежели б чужой, а то ведь брат... Лежал он за станковым пулеметом на пригорке и косил нас как траву. Заставил залечь, головы не давал поднять. Ну, мы и порешили с Микитой заткнуть глотку тому пулемету... еще не знали, что за ним Иван.

– Как же вы это сделали? – нетерпеливо спросил Воронов.

– Да так, – продолжал Митрофан. – По канаве бочком, бочком, в болото залезли и стороной, значит, меж осокой, как те ящерики, поползли, далеко в сторону забрали. В одном месте мало в муляке⁵⁵³ не загрузили, но все-таки добрались до пригорка, с тыла. Приготовили гранаты. Уже пулеметчик – вот, рукой подать. Бачим, офицер, как клещ, за ручки затыльника⁵⁵⁴ уцепился. То долгими, то короткими очередями садит. Привстал Микита на колени, замахнулся гранатой, а тут офицер возьми да и оглянись. Мы и рты раззявили. За пулеметом лежал Иван, братуха наш! Мы на него зыркаем, а он на нас. Микита держит гранату над головой, наче⁵⁵⁵ закаменел. Тут Иван и крикнул: «Ты что, сволочь, на брата руку поднимаешь? Предатель!» А Микита ему: «Руки вверх, белый гад!» Поднялся на ноги и прямо на Ивана прет, требует, чтоб сдавался по-доброму. Я и оком не успел моргнуть, как Иван выхватил наган и торох⁵⁵⁶ в Микиту, раз и другой. Бачу, Микита падает, хватается за ногу. Я и сам не знаю, что случилось со мной. Размахнулся гранатой, кинул ее прямо под пулемет. Сильно рвануло, дюже сильно. Но сдается мне, что крик Ивана был еще сильнее взрыва. Я кинулся на бугор. Иван весь в крови, глядит на меня, лопочет что-то. А я махнул красноармейцам: «Вперед, братцы!..» Но тут чую, наче силы из меня вылетают, упал прямо на Ивана... на мертвого. – Митрофан заскрипел зубами. – Не хотел я... Сам он виноват. Зачем в Микиту стрелял?..

XXIV

Улагаевцы отходили через Гривенскую к Ачуеву. С наступлением темноты они прекратили попытки оттеснить красных от ерика и захватить еще несколько улиц на левом берегу. Но тем не менее Ковтюх решил совершить ночную вылазку за ерик и полностью закрыть противнику путь через станицу. Настроение у всех было боевое. Каноада, не прекращавшаяся почти весь день где-то в районе хутора Лебеди, говорила им о том, что части 9-й Красной армии ведут наступление на Гривенскую, стремясь как можно поскорее соединиться с десантом. Это воодушевляло Ковтюха и его бойцов.

Обсудив с командирами десанта план ночной атаки, выработанный им совместно с комиссаром, он направил свои части готовиться к вылазке, намеченной на два часа ночи.

Наступила тишина. Лишь на северо-западной окраине станицы слышался непрерывный шум колес, доносилось цоканье копыт. Это по улицам, ведущим к Ачуевскому тракту, единственному проходу к морю, двигались сплошным потоком обозы и войска отступающего противника.

Разведка красного десанта перебралась через ерик благополучно. Потянулись минуты напряженного ожидания.

---

⁵⁵³ **Муляка** – грязь, ил, тина, грязная вода в реке, речные наносы. – прим. Гриня

⁵⁵⁴ **Затыльник** – задняя часть ствольной коробки огнестрельного оружия. – прим. Гриня

⁵⁵⁵ **Наче, нэначе, начепто** – будто, словно, точно, как будто. – прим. Гриня

⁵⁵⁶ **Торох** – трах, тарарах, бац, хватъ. – прим. Гриня

В нескольких кварталах, занимаемых улагаевцами, вспыхнули пожары. Пламя разгоралось все ярче и ярче, озаряло улицы, хаты, дворы. Загремели взрывы гранат, и сейчас же в стане белых забухали пушки. Их басовитый рев слился с клетотом пулеметов и грохотом ружейных залпов.

Эскадрон красных вырвался из засады. Перемахнув вброд мелководный ерик, он настиг улагаевцев и, рубя их саблями, быстро продвигался к Ачуевскому тракту. На подмогу кавалеристам подоспели пехотинцы, и к рассвету правобережная часть станицы полностью была очищена от белогвардейцев.

* * *

Утром 26-я пехотная бригада и 2-й стрелковый полк подошли к Гривенской. Их встретили Ковтюх и Фурманов. Подойдя к машине, командующий десантом охриплым голосом отрапортовал:

– Рад доложить, товарищ командарм: задание по разгрому врага в Гривенской десант выполнил! – И весело добавил: – Добре турнули бисовых душ!

– Молодцы, товарищи! – похвалил Левандовский.

Орджоникидзе повернулся к нему, сказал:

– Думаю, что за эту операцию командарм непременно представит и командующего, и комиссара десанта к награде. Как, по-вашему, Михаил Карлович, стоит им по ордену Красного Знамени дать?

– Стоит, Григорий Константинович! – согласился Левандовский и взглянул на Ковтюха. – А тебе, Епифан Иович, предстоит еще одна ответственная операция.

Ковтюх подмигнул Фурманову:

– Чуешь, Дмитрий Андреевич! Мабуть, сразу по два ордена получим.

Орджоникидзе рассмеялся:

– Не зря говорят, аппетит приходит во время еды.

– То я так, пошутковал, – ответил Ковтюх и снова обратился к Левандовскому: – Я слушаю вас, товарищ командарм.

– Готовь своих хлопьят к погрузке на пароходы, – сказал Левандовский

– Опять десант?

– Нет, на сей раз тебе придется бить новый десант белых под станицей Петровской.

* * *

Отряд Ковтюха снова стал грузиться на пароходы и баржи, стоявшие на Гривенской пристани. Гармонисты в поте лица наяривали на гармониках, и над рекой не смолкали удалые песни. Особенно повезло на плясунов и песенников «Благодетелю». Поглядывая на них, Фурманов, стоявший на капитанском мостике, записывал в блокнот частушки удивительно изобретательных импровизаторов.

В круг, образованный бойцами, выскочил низенький огненно-рыжий моряк в тельняшке и, дробно отбивая чечетку, выкрикнул:

Эх, яблочко,
От солнца шурится!
Улагайка вот-вот
Окочурится!
И Америка,
И тетя Англия
Отходную поют
Банде Врангеля!

Его сменяет толстый круглолицый казак, обладатель смехотворно визгливого голоса:

Эх, яблочко,

Ще й конопельки⁵⁵⁷!
Распустил Филимонов
Со страху сопельки!

От взрыва хохота, казалось, покачнулся весь пароход. А гармонист, высоко вскинув гармошку, заиграл еще задорнее.

К Фурманову поднялся тщедушный на вид красноармеец, неловко приложил руку к козырьку буденовки:

– Товарищ комиссар, разрешите обратиться?

– Что у вас? – спросил Фурманов.

Красноармеец достал из кармана брюк сумочку, похожую на кисет, сказал:

– Вот, возьмите мешочек этот. Я нашел его на улице в Гривенской. Золото в нем: кольца, сережки, николаевские пятерки и зубы золотые. Видно, кто-то потерял награбленное.

Фурманов раскрыл сумочку и, увидев в ней драгоценности, перевел взгляд на бойца, сказал:

– Вы честный человек. Далеко не каждый расстался бы с такой находкой.

– Присвоить награбленное? Нет, нет! – ответил боец.

– Спасибо, дорогой, – Фурманов пожал ему руку. – Я направлю все это по назначению.

* * *

Кавбригада Воронова расположилась в станичных садах вдоль ерика. Используя кратковременный отдых, бойцы купали лошадей, приводили в порядок обмундирование, писали письма в родные станицы.

Воронов собрал командиров и комиссаров всех подразделений, входивших в состав его бригады. Совещались в поповском саду под густыми ветвями яблонь и груш. На деревьях щебетали птицы, вокруг ульев гудели пчелы, пахло медом и спелыми фруктами.

Воронов стоял у карты, повешенной на яблоневого сучок, и, щурясь от солнца, пробивавшегося сквозь листву, говорил:

– Нас перебрасывают на Тамань. – Он обвел пальцем полуостров. – Вот сюда. Надо кончать с десантом Харламова. 1-й Афицкий полк мы оставляем в Славянской. Оттуда он вместе с отрядом Ковтюха пойдет к станице Петровской и ударит по Буряку. Таким образом, кавбригада на некоторое время расчлениется на две части: основные силы идут со мной на Тамань и вместе с 22-й стрелковой дивизией будут там сражаться против генерала Харламова, а 1-й Афицкий полк, включающий сотню Левицкого и отряд Аншамахи, поступает в распоряжение Ковтюха. Надеюсь, товарищи, что вы не ударите лицом в грязь и приумножите боевую славу нашей бригады.

После совещания 1-й Афицкий полк начал сосредоточиваться на влажном песчаном берегу Протоки, поодаль от пристани. Виктор Левицкий осадил Ратника впереди своей сотни, поднялся на стременах и направил бинокль на медленно отступавшего врага. Заметив сына, Лаврентий подъехал к нему и, взяв у него бинокль, посмотрел на скопления неприятеля.

– Ого! – воскликнул он. – Аж в четыре пыжа⁵⁵⁸ отходят!

Во втором часу дня 3-я Отдельная казачья кавбригада покинула Гривенскую. На дороге закружилась пыль. В голове колонны шла на рысях сотня Левицкого. Лошади мотали головами, позвякивали колечками сбруи, раздавался ритмичный цокот копыт.

За Ангелинским ериком дорога свернула к югу. Бойцы замедлили бег разгоряченных коней. Запевала передовой сотни громко затянул походную:

Рано утром, только солнышко взойдет,

Вдоль по фронту кавалерия идет.⁵⁵⁹

---

⁵⁵⁷ Конопелька, конопелька – конопля. – прим. Гриня

⁵⁵⁸ При буксировке по течению суда обычно счаливают пыжами, т. е. борт о борт, по несколько судов в ряд. Таким образом, состав, сформированный в **четыре пыжа** – это четыре баржи скрепленные бортами в ряд. – прим. Гриня

Бойцы единым духом подхватили:

Кони резвые копытами стучат,
Шашки острые на солнышке блестят.

Песня разлилась от края и до края, и уже пел ее весь полк, следовавший за сотней...

Миновав Староджерелиевскую, бригада вскоре въехала в Полтавскую, потянулась мимо железнодорожной станции, которая была забита хлебными обозами, захваченными у белогвардейцев. Казаки и казачки перебрасывали мешки с подвод в вагоны товарного поезда. Завидев красную кавалерию, они прервали работу и замахали приветственно руками, шапками, платками.

Лаврентий попытался было подсчитать подводы с хлебом, но, заметив, что Демка Вьюн наблюдает за ним, сбился со счета.

За мостом, только что восстановленным саперами, широко раскинулась станица Славянская. Там бригада сделала привал. Бойцы рассыпались на берегу Протоки, задали коням овса в саквы и помчались к походным кухням за обедом.

Лаврентий пристроился под вербой, поставил котелок с кашей на колени, отыскал в своем сидоре луковицу, последнюю из тех, которые они вместе с Охрименко припасли под Новониколаевской. Перед глазами, как живой, встал Охрименко, с гармошкой за спиной. Тоскливо заныла душа Лаврентия. Уставившись на луковицу, он горестно покачал головой.

Кто-то робко окликнул его. Он поднял глаза и увидел Соню.

– Что тебе, дочко?

– Витю вы не видели? – смутившись, спросила Соня.

– Десь⁵⁶⁰ тут был, – оглядываясь по сторонам, проговорил Лаврентий. – Мабуть, у Воронова. – И, расстелив на траве синий башлык, сказал: – Сидай, невестушка, як шо не торопишься.

Щеки Сони густо покраснели. Из вербовых кустов вышел Виктор. Лаврентий указал:

– А вот и Витька, легкий на помине.

Соня пошла ему навстречу, и они направились к высокой круче. Мимо них на пулеметной тачанке проехала Аминет. Бойцы проводили ее глазами, подмигнули друг другу.

– Ну и дивчина! – воскликнул кто-то за спиной Лаврентия.

Он оглянулся. Позади стоял Митрофан и не спускал глаз с удалявшейся тачанки.

– Дивчина – я тебе дам! – сказал Лаврентий, улыбаясь. – Только дюже опасная. Вишь, пулемет у нее!

– Такую мне и нужно, – вытянулся в струнку Митрофан.

– Ишь ты! – кончая обедать, шутил Лаврентий. – У нее есть жених, и тоже пулеметчик.

– Жених, кажете? – Митрофан поскреб затылок. – Это хуже.

Соня и Виктор увидели Юньку и Марьяну.

Свесив ноги с кручи и прильнув друг к другу, они сидели на мягком спорыше. Внизу шумели водовороты. Пенистые буруны, облизывая берег, стремительно мчали клочки соломы, карчи, мелкую щепу.

Увлеченные разговором, ни Юнька, ни Марьяна не заметили, как рядом с ними в земле образовалась глубокая трещина. Она быстро ширилась, и глинистая глыба медленно сползала вниз и вдруг рухнула в реку так, что взметнулся огромный столб воды... Сердце Марьяны замерло от страха. Юнька схватил ее за руку, оттащил в сторону.

– Сесть бы нам чуточку правее, и мы были бы уже в мутных волнах! – сказал он с дрожью в голосе. – Смерть прошла мимо нас.

– Ой! – схватившись за локоть Юньки и глядя округленными глазами на обвалившийся берег, простонала Марьяна. – Какой случай!

---

⁵⁵⁹ Песню «Вдоль по фронту кавалерия идет» сочинил боец (впоследствии политработник) Первой конной армии Маринов Александр Васильевич. Изначально песня исполнялась на мотив народной песни «Помню, я еще молодухой была». – прим. Гриня

⁵⁶⁰ Десь, дэсь, дэ-то, кой-дэ – где-то. – прим. Гриня

Юнька обнял ее, поцеловал.

– Успокойся. Теперь все уже прошло.

Горнист проиграл сбор. Кавбригада начала готовиться к походу, но бойцы 1-го Афипского полка и Ахтарского чоновского отряда оставались на месте.

Воронов вздыбил коня, проскакал вдоль выстроившейся колонны, подал команду:

– Становись в пары! Шагом марш!

Колонна двинулась в путь, вытягиваясь на ходу в длинную цепочку, помчалась по дороге.

XXV

Части 9-й Красной армии теснили белогвардейцев к морю на всех трех фронтах – от Таманского полуострова до Гривенской.

Бригада Демуса, что называется, наступала врагу на пятки, гнала его по всему Ачуевскому тракту, нигде не давала закрепиться. Орджоникидзе и Левандовский следовали за передовыми войсками на «фордике». Задержались у прорвы⁵⁶¹, через которую недавно переправлялись улагаевцы. Жуткую картину представляла собой гать из повозок, загнанных в болото вместе с лошадьми. Берега прорвы были изрыты воронками от снарядов и завалены трупами убитых солдат. Здесь же торчали вверх колесами две пушки.

Петька Зуев осадил гнедого дончака и, приветствуя командующего армией и Чрезвычайного комиссара, взял под козырек, улыбнулся безусым загорелым лицом шоферу, спросил:

– Почему остановились? Бойтесь, переправа не выдержит?

– Чем черт не шутит! – ответил шофер.

– Ничего, не бойтесь! – сказал Петька, забирая в левую руку повод и трогая коня шенкелями. – Белые всю свою армию переправили по этому настилу. Да и наших частей сколько уже перебралось.

Шофер обернулся к военачальникам, спросил:

– Ну что? Поедем?

Орджоникидзе и Левандовский, беседовавшие вполголоса о чем-то, только сейчас заметили, что машина их стоит, посмотрели через ветровое стекло вперед.

– Что там? – спросил комиссар.

– Переправа ненадежная, – ответил шофер. – Что прикажете делать?

Орджоникидзе и Левандовский вылезли из машины, осмотрели зыбкую гать, лежавшую на убитых лошадях, как на резиновых подушках, попробовали ее крепость ногами, но она даже не покачнулась от их усиленных толчков.

– Давай, дорогой! – махнул рукой Орджоникидзе.

Шофер включил мотор, и машина медленно поползла

по бревенчатому настилу, качаясь словно на волнах. Потом командующий и комиссар заняли в «фордике» свои места и пустились догонять части, ушедшие уже далеко от них...

По мере приближения к морю песчаные берега Протоки становились все ниже и ниже. Слева и справа поднимались камыши да сверкали зеркала лиманов.

У Ачуева для переправы войска на левый берег Протоки белые использовали четыре парома, лодки, байды⁵⁶² и наспех сколоченные плоты. Правый берег был запружен солдатами, которые никому теперь не подчинялись и дрались между собой за каждую лодку. Многие бросались вплавь, но мало кто добирался до противоположного берега. Вперемешку с пехотинцами плыли на лошадях и кавалеристы. Храпя и фыркая, кони наталкивались на переполненные людьми лодки и опрокидывали их.

На одном из паромов, когда он находился на самой стремнине, оборвался канат. Течение подхватило тяжело нагруженный паром и понесло к морю.

Паром подминал байды, пловцов, лошадей, и, прежде чем подтянули его к берегу, под ним погибло больше ста человек.

Комендантская группа, созданная из отборных офицеров, вместе с генералами, растерявшими

---

⁵⁶¹ **Прорва** – здесь – топкое место, яма в болоте. – прим. Гриня

⁵⁶² **Байда** – парусная рыбацкая лодка на Азовском море. – прим. Гриня

свои войска, пыталась навести порядок во всей этой каше, отправить хоть бы несколько сот солдат на подмогу арьергарду, но все ее усилия не имели никакого успеха. Размахивая парабеллумом, Бабиев кричал срывающимся голосом:

– Именем командующего приказываю отойти от берега и занять оборону!

На лице его багровели три кровоподтека. Темно-синяя черкеска с оборванной полкой залита грязью, серебряные газыри рассыпались, погон остался один, и тот болтался на ниточке, штанина на галифе с кожаными ляжами⁵⁶³ разорвана от кармана до колена.

– Ни шагу назад! – в бешенстве горланил Шифнер-Маркевич, паля из нагана в воздух. – Защищаться до последнего патрона!

Но в генералов полетели кочки⁵⁶⁴, камни, и они вынуждены были укрыться на баркасе от разъяренных солдат и уплыть на левый берег Протоки.

Шифнер-Маркевич безнадежно развел руками:

– Остановить стихию мы бессильны.

Вся гряда, протянувшаяся от Ачуева до моря, кишела белогвардейцами, которые направлялись к косе, расположенной между устьем Протоки и Сладким гирлом⁵⁶⁵. Ее площадь – длиной в пять-шесть верст и шириной не более пятидесяти сажень – была заполнена войсками, военным имуществом и обозами, прибывшими сюда еще с вечера.

На рейде стояли военные и транспортные суда. Речная флотилия, мобилизованная у рыбаков, непрерывно перебрасывала на них белогвардейцев, скопившихся на берегу. На резиновых надувных понтонах перевозили военное имущество и технику...

Время от времени из-за синих туч то выныривали два самолета, то снова скрывались за облаками...

Улагай со своим штабом находился на линейном корабле «Буг», который как бы прячась за остальными судами и транспортом, стоял на почтительном расстоянии от берега. Сюда, в район Ачуева, были стянуты десятки пароходов, больших и малых.

На флагмане царила гнетущая атмосфера растерянности и подавленности. Все распоряжения Улагая Драценко⁵⁶⁶ встречал в штыки, стараясь при каждом удобном случае больно задеть самолюбие командующего. В конце концов тот не выдержал. Вызвав Драценко к себе в каюту, гневно сказал:

– Послушайте, генерал, или вы будете безоговорочно выполнять мои приказы, или я вынужден буду отстранить вас от должности начальника штаба!

– Вот как! – воскликнул Драценко. – Что ж, воля ваша, господин командующий. Сожалею, что вам не пришлось это в голову раньше. По крайней мере, я был бы избавлен от необходимости выполнять те ваши приказы, которые привели к столь плачевному финалу наш поход на Кубань!

– Вы злорадствуете по поводу этой страшной трагедии?

Драценко побледнел:

– Вы не смеете так говорить! Я глубоко переживаю эту катастрофу!

– Не похоже! – раздраженно бросил Улагай. – Вы мешали мне на каждом шагу, плели интриги, занимались бабскими сплетнями и сейчас, когда все мои мысли заняты только тем, как спасти то, что еще можно спасти, мешаєте мне, саботируете мои приказы и распоряжения!

– Например?

---

⁵⁶³ **Лей** – нашивки, обыкновенно кожаные, на кавалерийских брюках в местах, при езде соприкасающихся с седлом. – прим. Гриня

⁵⁶⁴ **Кочка** – затвердевшая кучка земли; пень, едва видный от земли, заросший мохом; болотный выплавок, также обросший. – прим. Гриня

⁵⁶⁵ **Гирло** – протока, рукав в дельтах крупных рек, впадающих в Черное и Азовское моря; узкий, короткий пролив, соединяющий лиманы меж собой; проток, соединяющий лиман с морем. – прим. Гриня

⁵⁶⁶ В связи со сложившимся недопониманием между командующим десантом и его начальником штаба генералом Драценко, фактически устраненным Улагаем от ведения дел, 12(25)-го августа по просьбе самого Драценко, прилетевший в станицу Гривенскую генерал Коновалов заменил последнего на посту начальника штаба десанта. – прим. Гриня

– Я давал указание поставить «Буг» поближе к берегу, а его оттянули к чертям на кулички. Кто это сделал?

– Флагман не может находиться в зоне артиллерийского обстрела противника!

– Вы, конечно, как всегда, ни при чем! – сердился Улагай. – Но учтите: я не снимаю с себя ответственности за крах десантной операции, но не возьму на свои плечи и вашей вины, господин генерал. А она, надо сказать, увесиста. Лично вы убедили Врангеля в том, что нас на Кубани встретят десятки тысяч казаков с распростертыми объятиями. А что вышло?

Этот упрек задел Драценко за живое, и он вспыхнул:

– Такое мнение было не только у меня!

– Вот и отвечайте за это со своими единомышленниками! – сказал Улагай. – А пока извольте выполнять мои распоряжения... Поднимите на ноги всех своих штабных офицеров и обеспечьте быстрейшую переброску войск с берега на суда. В противном случае ваша вина возрастет во сто крат.

Глаза Драценко яростно заблестели.

– Что можно сделать в таком хаосе?

– Выполняйте приказ! – потребовал Улагай. – Хотя бы с той целью, чтобы потом скрыться за моей спиной. – Он взглянул на часы. – Не будем терять время. Идите и занимайтесь делом!

«А ведь он действительно может сыграть со мной злую шутку!» – подумал Драценко и, не сказав ни слова, покинул каюту.

Улагай поднялся на палубу и увидел там Бабиева и Шифнер-Маркевича. Не обращая внимания на их внешность, он спросил с нескрываемым раздражением:

– А вы, господа, почему здесь?

Бабиев приложил руку к папахе:

– Разрешите доложить, ваше превосходительство?

– Немедленно на берег! – закричал Улагай. – Ни на минуту не оставляйте солдат без присмотра.

– Это бесполезно, господин командующий! – ответил Шифнер-Маркевич, сдерживая себя внешне. – Солдаты никому уже не подчиняются.

Улагай положил руки на поручень, устремил глаза на берег, забитый его войсками, потом вдруг повернулся к генералам, бросил:

– Стыдно, господа, стыдно!

Генералы отдали честь, поспешно спустились по трапу на катер и направились к косе. К «Бугу» подошла моторная лодка, на которой прибыл Рябокось. Улагай пригласил его к себе в каюту, сказал:

– Господин хорунжий, знаете, зачем я вызвал вас?

– Догадываюсь, ваше превосходительство.

– Как вы смотрите на то, чтобы остаться на Кубани до второго нашего прихода?

– Я – солдат русской армии. Если прикажете, ваше превосходительство, я готов выполнять любое ваше требование.

– Приказа мало. Тут нужен своего рода внутренний импульс, – сказал Улагай. – Та сила, которая двигала полковником Скакуном. К сожалению, его сердце катастрофически сдает.

– Ненависти к большевикам хватит у меня! – заявил Рябокось.

– Значит, остаетесь?

– Остаюсь!

Улагай вручил Рябокось заготовленные документы особоуполномоченного штаба генерала Врангеля, дающие ему право формировать партизанские отряды и руководить их действиями.

– А теперь отправляйтесь в Ачуев, – сказал Улагай. – Там вас ждет Сергей Борисович. Он уже подобрал группу казаков из двадцати семи человек, имеющих большой опыт ведения боевых действий в плавнях. Они полностью обеспечены оружием, боеприпасами и достаточным количеством продовольствия.

В ночь со второго на третье сентября хорунжий Рябокось вместе со своей группой отплыл на пятнадцати байдах из Ачуева в сторону Темрюкского гирла⁵⁶⁷ и в ту же ночь прибыл в район

---

⁵⁶⁷ **Темрюкское гирло** – соединяло Ахтанизовский лиман с Курчанским. Скорее всего автор имел в виду Темрюкский залив. – прим. Гриня

Щучьего лимана. Спрятав на одном из плавунов⁵⁶⁸ сто винтовок и тридцать тысяч патронов, он с группой выехал в приморско-ахтарские плавни.

* * *

Близился вечер. Перевозка солдат с косы на корабли не прекращалась, а количество войск на берегу, казалось, не убывало. Улагай перебрался на катер «Кагул» и курсировал вдоль косы, наблюдал за погрузкой. Суда, имевшие небольшую осадку, подходили к песчаным отмелям, и солдаты брели к ним по грудь в воде. У основного причала останавливались более крупные пароходы. По распоряжению командующего было выделено две канонерки для несения комендантской службы. Установленные на них пулеметы держали под прицелом берег. И офицеры, и солдаты были предупреждены, что в случае нарушения установленного командующим порядка канонерки откроют огонь по группам нарушителей. Причал охранялся вооруженными до зубов офицерами. Они зорко следили за проходом, по которому двигались солдаты, шла погрузка на суда.

Передовые части красных были уже совсем близко. Их продвижение сдерживалось непроходимыми болотами, через которые пролегла единственная дорога на Ачуев. Белогвардейские пулеметчики, засев в камышах, осыпали каждую пядь⁵⁶⁹ этой дороги градом пуль. Не менее ожесточенно красные артиллеристы обстреливали участок реки, где велась все еще не прекращавшаяся переправа. Но теперь вышли из строя все паромы, причалы, понтоны...

В гирле лимана Бойко⁵⁷⁰ внезапно появились военные суда красных. Развернулись в боевой порядок и начали бить по косе и по судам, стоявшим на рейде перед Ачуевом. Улагай отдал приказ открыть ответный огонь из дальнобойных орудий.

Завязалась артиллерийская дуэль. Канонада над морем гудела до сумерек, и тишина наступила лишь после того, как стало невозможно вести прицельную стрельбу.

XXVI

Отряд Ковтюха, 1-й Афипский полк и Ахтарский отряд взломали линию обороны буряковцев, сбили их с укрепленных позиций и овладели Черноерковским хутором⁵⁷¹. При отступлении белогвардейцы взорвали мост через небольшую речушку Черный Ерик, чем на некоторое время задержали продвижение красных.

Надо было срочно восстанавливать переправу. Ковтюх посоветовался с хуторянами, как это сделать побыстрее, и те взялись навести за ночь наплавной мост на баркасах. На берегах ерика запылали костры, и работа закипела. Поднялся ветер. Он быстро нагонял черные тучи, шумел, метался по камышам... Сверкнула молния, озарив копошившихся у ерика людей, волнующийся камыш, и наконец хлынул крупный холодный дождь. Бойцы бросились под навесы, в хаты. Оставались на местах лишь дозорные да саперы, работавшие с хуторянами на ерике.

Сотня Левицкого расположилась в двух рыбосушильных сараях на северной окраине хутора. Невдалеке, под навесами, отдыхали бойцы из отряда Аншамахи.

Виктор сидел со своим ординарцем в сенцах халупы, отведенной под перевязочный пункт. За раскрытой дверью в тесной комнатке, освещенной тремя сальными свечами, у тяжелораненых бойцов, лежавших на соломе, дежурили Соня и Марьяна. Тут же с подругами коротала ночь и

---

⁵⁶⁸ **Плавун, плав** – плавающий остров из камыша в приазовских плавнях. – прим. Гриня

⁵⁶⁹ **Пядь** – древнерусская мера длины, изначально равная расстоянию между концами растянутых пальцев руки – большого и указательного, в аршине считалось четыре пяди. Официального установления связи пяди с метрической системой мер никогда не было. Пересчет выполнен через четверть (¼ аршина), которая считалась со времён её введения при Иване Грозном эквивалентом пяди. Соответственно 1 пядь = 17.78 см – прим. Гриня

⁵⁷⁰ **Лиман Бойков** – современное название – озеро Бойкиевский Лиман. – прим. Гриня

⁵⁷¹ Сейчас – хутор Черный Ерик. – прим. Гриня

Аминет. Слышались сдержанные стоны раненых. Сырой, душный воздух в халупе был пропитан смешанным запахом йода и заношенной, пропитанной потом одежды.

Ливень не унимался. Иссиня-белые молнии поминутно озаряли нахолодившийся хуторок. Раскаты грома походили на нестройные залпы крупнокалиберных орудий. При вспышках молний Виктор видел из сенец двор, превратившийся в лужу, и крытые камышом сараи, вокруг которых жались друг к другу кони.

Громко шлепая сапогами по луже, во двор вбежал Аншамаха, крикнул:

– Левицкий!

– Я здесь, – откликнулся Виктор.

Аншамаха вошел в сенцы, отряхнул шляпу. Из-под расстегнутого брезентового плаща на его груди блеснул орден Красного Знамени, врученный ему за разведку, совершенную в стан Хвостикова, и добычу ценных штабных документов.

– Это самое... – заговорил он, – связной с Горького лимана прибыл. Баркасы уже там. Нам надо идти. Кстати, погода самая подходящая.

– Нужно доложить Ковтюху, – сказал Левицкий, накидывая на плечи плащ с капюшоном.

Вышли на улицу и под проливным дождем направились в глубь хутора.

Несмотря на позднее время, почти во всех хатах светились окошки тусклыми огнями. Внезапно в темноте показалась черная фигура, послышался оклик:

– Стой, кто идет?

Аншамаха узнал по голосу Вьюна, отозвался:

– Свои!

– Начальство тут? – спросил Левицкий.

– Тут, – ответил Вьюн.

В небольшой комнате на столе чадил каганец. Язычок пламени трепетал и, казалось, вот-вот погаснет. Из-за холщовой занавески на широкой русской печи выглядывали ребятишки. На кровати сидели старик и старуха. У стола перед осколком зеркала брился Ковтюх. На низенькой скамейке переобувался Фурманов.

– А, це вы, хлопцы? – обернувшись к вошедшим, протянул Ковтюх. – Ну, шо там чуты⁵⁷²?

– Можно выступать, Епифан Иович, – доложил Левицкий.

– Пять моторных баркасов и четыре шлюпки уже ждут нас на лимане, – поспешил добавить Аншамаха.

– Добре! – Ковтюх неторопливо вытер бритву о клочок газеты, сунул в футляр, поднялся. – Ну шо ж, як кажуть, с богом, хлопцы. Возьмите Сладкое гирло на такой замок, чтоб ни один буряковец не прорвался в Азовское море. А мы их с этой стороны шуганем.

– Дождь не помешает? – спросил Фурманов.

– Наоборот, на руку он нам, – сказал Аншамаха.

– Точно! – сказал Ковтюх. – Мы народ не сахарный, не растаем. Дуйте, хлопцы, благословляю!

Фурманов улыбнулся:

– Ты, Епифан Иович, как поп: «с богом», «благословляю».

– Ну и скупой же ты, Андреевич, – лукаво прищурился Ковтюх. – В попы меня произвел, когда мне по чину архиерею положено быть. – Он пожал руки Аншамахе и Левицкому. – Надеюсь на вас, хлопцы. Желаю удачи!

– Спасибо, товарищ командующий! – ответил Левицкий.

* * *

Пробираясь сквозь заросли, по узким тропам и лазам, раскисшим от дождя, конники в середине ночи прибыли к флотилии, укрытой за стеной камыша на берегу лимана. Казаки спешили и, передав лошадей коноводам⁵⁷³, начали грузиться на баркасы.

---

⁵⁷² **Чуть, чуютъ** – здесь – слышать. **Чуты** – слышно, слышали. – прим. Гриня

⁵⁷³ **Коновод** – рядовой, остающийся при лошадях спешившейся кавалерии. – прим. Гриня

Аминет, Соня и Марьяна разместились в небольшой каюте, зажгли плошку, сбросили с себя мокрые шуршащие плащи.

Послышался глухой стук мотора. За кормой забурлила вода. Баркас задрожал, качнулся и плавно отчалил от берега. За ним вереницей потянулась вся флотилия...

На носу головного судна в окружении бойцов стояли Левицкий и Аншамаха. Все зорко вглядывались во тьму. До Сладкого гирла оставалось не больше двадцати верст. Кто мог поручиться, что в плавнях нет вражеских разведчиков или скрытой засады?

Баркасы шли медленно, будто на ощупь, напоминая пластунов-разведчиков, пробирающихся под носом у противника.

Вот уже прошли первый и второй проливы, соединявшие части Горького лимана, разорванного болотами. За монотонным шумом дождя почти не было слышно плеска воды у гребных винтов, а частые раскаты грома почти скрывали стук моторов.

Уже всходила утренняя звезда, когда баркасы приблизились к проливу, ведущему в Сладкий лиман, на котором Буряк концентрировал основные силы отряда.

Левицкий дал команду глушить моторы. Головной баркас, сделав разворот, остановился у высоких камышей. За ним гуськом расположились остальные суда.

Началась высадка. Первым в лодку спустился Вьун, обвешанный гранатами, с карабином в руке. Грудь его крест-накрест пересекали пулеметные ленты. За ним последовал Шмель. Они приняли от Лаврентия Левицкого и Аминет пулемет и осторожно поставили на носу лодки. Лаврентий ощупал внутренний карман: на месте ли Георгиевские кресты. Затем спрятал кисет за смушек шапки, чтобы, не дай бог, не подмочить табак.

– Ты шо там колдуешь, Лавруха? – спросил его один из казаков.

– В такую ночь только и колдовать, – отшутился Лаврентий. – Водяному гостинец готовлю, чтоб на дно меня не потянул.

Лодка заполнилась бойцами. Последним в нее спустился Виктор Левицкий. Гребцы взмахнули веслами, направились по проливу к косе, прилегавшей всей своей шестиверстной длиной к морю. Вскоре на баркасах остались лишь шкиперы, мотористы да несколько казаков для охраны флотилии.

Дождь утихал. Засада была устроена на берегу Сладкого гирла. Лаврентий залег в осоке рядом с небольшим бугорком, на котором Аминет установила свой пулемет.

– И тебе не боязно? – спросил ее Лаврентий.

– А чего бояться? – пожалала плечами Аминет. – В астраханских песках я видела не такие страхи, и то ничего...

– Ни, ты, мабуть, все же по ошибке дивчиной родилась, – сказал Лаврентий и, помолчав, вздохнул: – Ох и снятся Гаврюхе кислицы.⁵⁷⁴ Будет, бедолага, перед пулеметчицей по струнке ходить... Да, факт на лице.

* * *

На Ачуевской косе⁵⁷⁵ белогвардейцы продолжали грузиться на суда. Оттуда до Сладкого гирла доносился неясный шум. Сквозь тьму невозможно было разглядеть ни косу, ни корабли, стоявшие на рейде.

– Наверно, много еще там врангелевцев, – шепнул Шмель, прислушиваясь к отдаленному шуму.

– Пушку б сюда, да пальнуть по скопищам, – отозвался Вьун. – Вот бы переполоху было!

– Они и без пушек в пыжи сбились, без оглядки тикают, – сказал Лаврентий.

Дождь совсем перестал. Кое-где из-за туч выглядывали звезды.

Незадолго до рассвета со стороны плавунa, где находились белогвардейцы отряда Буряка, к

---

⁵⁷⁴ **Вот, кому-то кислицы снятся!** – означает, что характер у человека не сахар – и «повезет» кому-то с женихом (невестой). Так говорят о людях с непростым, своевольным, в какой-то степени даже вредным характером. – прим. Гриня

⁵⁷⁵ **Ачуевская коса** – участок морского берега, отделяющий Азовское море от группы лиманов реки Кирпили; но здесь – автор явно имеет в виду берег Азовского моря от устья реки Протока до реки Гирло Сладкое. – прим. Гриня

гирлу подошла моторная лодка. Виктор догадался, что она появилась с разведывательной целью, и поэтому приказал бойцам соблюдать строжайшую тишину. Его догадка подтвердилась. Прошмыгнув по гирлу к морю, лодка повернула назад и медленно заскользила вдоль берега, где притаилась засада.

– Ваше благородие, может, в очерете и на берегу пошарим? – долетело с лодки.

Сидевшие в засаде прижались к земле, не шевелились.

– Нечего время терять, – прозвучало в ответ. – Надо возвращаться.

Лодка направилась к плауну. Через несколько минут вдали застучали моторы. Это приближался караван баркасов и лодок, на которых Буряк отправлял с лимана на Ачуевскую косу первую партию солдат и офицеров.

По цепи, залегшей на берегу гирла, тихо от бойца к бойцу пронеслась команда:

– Приготовиться!

Пулеметчики и стрелки припали к оружию. Из-за камышей, покачиваясь на темных волнах, один за другим выплывали баркасы с буряковцами. Без всяких мер предосторожности они полным ходом приближались к Сладкому гирлу и наконец вошли в него. Виктор метнул гранату в головной баркас и громко крикнул:

– Огонь!

Треск винтовочных залпов слился с гулким стрекотом пулеметов и взрывами гранат... Уцелело не более десяти шлюпок, из числа тех, которые замыкали караван. Они сразу же развернулись и стали удирать от места побоища к плауну.

Завершив разгром вражеской флотилии, бойцы из сотни Левицкого и чоновского отряда Аншамахи немедленно покинули берег гирла и присоединились к основным своим силам, сидевшим в камышах близ Кучугурской гряды⁵⁷⁶ в засаде.

Загорелось утро. Туман, висевший над лиманами, постепенно окрашивался в малиновый цвет. Под покровом этой пелены бойцы теперь перебрались поближе к морю. Враг находился где-то здесь, недалеко. Порой ветер доносил с плавуна шум голосов и плеск воды. Надо было все время держаться настороже.

С небольшой возвышенности, поросшей кустарником, хорошо просматривались лиман, берег моря и плавуны, разбросанные среди камышей. Виктор со своим ординарцем залег на ней и стал наблюдать за окружающей местностью.

* * *

Утром отряд Ковтюха перешел по наплавному мосту Черный Ерик, начал продвигаться к Сладкому лиману и Кучугурской гряде, но противника там уже не было.

Буряк после разгрома флотилии в Сладком гирле снял все подразделения из-под Черноерковского хутора и перебросил на плаун, находившийся недалеко от залива, на северо-восточной стороне Сладкого лимана. Территория последнего оплота буряковцев не превышала по размеру обычную церковную площадь небольшой кубанской станицы. В камышах лежали мешки с продовольствием, ящики с боеприпасами. Как цепные овчарки, из-за укрытий выглядывали станковые пулеметы.

Теперь полковник Буряк надеялся на этот плавучий остров, который двигался в сторону гряды, отделявшей лиман от моря. Весь восточный край плавуна был облеплен солдатами и белоказаками. Упираясь длинными шестами в илистое дно, они подталкивали плаун. Им помогал попутный ветер, налегавший, как на паруса, на высокие, густые заросли. Белогвардейцы рассчитывали, что им удастся доплыть до гряды, выйти по ней к Ачуевской косе и там погрузиться на корабли. Дозорные вели наблюдение за открытыми плесами, за другими плавунами, но нигде ничего подозрительного не обнаруживали. На снаряжном ящике среди гребцов, орудовавших шестами, стоял долговязый вахмистр в расстегнутом френче, с ног до головы запачканный грязью, и громко выкрикивал:

– Раз-два – взяли! Ну-ка – нажали!

Когда плаун попадал на мелководе и движение его замедлялось, на помощь гребцам

---

⁵⁷⁶ **Кучугурская гряда** – полоса суши (возвышенностей), отделяющей лиманы Сладковской группы от Азовского моря (Кучугуры – в переводе с турецкого – зыбучие пески). – *прим. Гриня*

приходили дополнительные команды. Они спускались в воду и напирала на края плавучего острова плечами.

– Ничего, ребята! – подбадривал их вахмистр. – Солдата огонь прокаляет, ветер продувает, а солдат все такой же бывает.

После одного такого аврала к гребцам подошел Буряк. Поглядев воспаленными глазами на промокших, усталых, облепленных болотной тиной солдат, он сказал простуженным голосом:

– Если проберемся к своим, братцы, всем по Георгиевскому кресту дам.

– Как бы нам, ваше высокоблагородие, большевики раньше по деревянному не дали, – угрюмо промолвил чернобородый казак.

– Как тем, что на баркасах, – добавил кто-то.

В воздухе послышался гул самолета. Все подняли головы, зарыскали глазами по небу.

– Всем немедленно укрыться в зарослях! – приказал Буряк.

– А может, это наш аэроплан, – сказал пожилой офицер, глядя в голубую высь.

Гул нарастал, но самолет не показывался. Он кружил где-то в стороне, видимо очень низко над болотом. Белогвардейцы настолько увлеклись наблюдением за воздухом, что перестали работать шестами. Плавун медленно полз по лиману, приближался к косе, на которой засели казаки сотни Левицкого и чоновцы Аншамахи. Вот он коснулся прибрежных камышей и заскользил по мелководью.

Виктор обернулся к Аминет, взмахнул рукой. Пулемет вздрогнул и огласил лиман залиvistым стрекотом. Пули летели в самую гущу белогвардейцев. Вслед за станковым пулеметом застрочили ручные, раздались дружные винтовочные залпы, заухали взрывы гранат.

Белогвардейцы заметались по плавуну.

– В ружье! Огонь! – орал Буряк.

Но его крик уже не мог восстановить порядок. Поняв это, полковник побежал к середине плавуну в надежде, что там удастся создать пулеметный заслон.

С небольшой группой офицеров и белоказаков Буряк выбрался на южный край плавуна, где на привязи стояло несколько байд. Он не видел иного пути к спасению, как только уйти на лодках в камыши и спрятаться там до ночи. Судьба солдат его уже не волновала. Пользуясь тем, что они пусть неорганизованно, но все еще оказывали какое-то сопротивление красным, он надеялся добраться до камышей.

Группа быстро разместилась в лодках, отчалила от плавуна. Гребцы изо всех сил налегли на весла. Все внимание беглецов было приковано к плавуну. Одна за другой лодки обогнули болотистый мысок, скрылись за камышами.

– Ну, слава богу, кажись, ушли! – облегченно вздохнул Буряк и невольно пригнулся от свиста пуль, пронесшихся над лодкой.

В следующее мгновение раздался повелительный окрик:

– Руки вверх, ни с места!

Белогвардейцы оглянулись и увидели носы лодок, торчавшие из камыша. На каждом носу был установлен пулемет, зловеще глядевший на врагов черным глазком тупорылого дула.

– Не шевелись! – снова донеслось из зарослей. – Сказано, руки вверх! Ну!

Буряк поднял руки. За ним подняли и остальные. Зашуршал, раздвигаясь, камыш. Из него выплыли две лодки с чоновцами, державшими карабины на изготовку. На передней стоял Аншамаха. Пока он разоружал группу Буряка, на плавуне затихли последние выстрелы: гарнизон плавучего острова сдавался в плен.

А под Ачуевом все еще продолжался бой. Улагай предпринимал отчаянные попытки как можно дольше удерживать в своих руках левый берег Протоки и тем самым обеспечить переброску на суда возможно большего числа своих солдат с Ачуевской косы.

К вечеру, когда на западном небосклоне показался узенький серп молодого полумесяца, торчавшего рожками чуть ли не кверху, подразделения кавбригады Демуса форсировали реку в двадцати верстах от Ачуева и, поспешно тесня юнкерские части, начали приближаться к косе по левому берегу Протоки.

Все корабли, находившиеся в распоряжении Улагая, вели огонь из дальнобойных орудий по кавбригаде Демуса и по красной флотилии, которая обстреливала косу и мешала эвакуировать войска с берега.

Во второй половине ночи сухопутные части Демуса подошли к Ачуеву. Видя, что задерживать флот у берегов косы уже нельзя, Улагай отдал приказ прекратить посадку на корабли и взорвать причалы.

В три часа ночи к черному небу взметнулось огромное пламя, осветив все вокруг на десятки верст. Земля и воздух содрогнулись от чудовищного взрыва. Причалы стремительно поднялись ввысь и, разлетаясь на куски, с тяжелым шумом и треском рухнули в воду.

Остатки десантной армии генерала Улагая отбыли в Крым.

XXVII

К Ачуевской пристани пришвартовались пароходы и баржи, прибывшие на рассвете. Вокруг были видны свежие следы боя. Во многих дворах на месте хат дымились пепелища. В стенах домов зияли пробоины. Земля была изрыта воронками. У берегов Протоки громоздились разбитые паромы, понтоны, лодки. С телеграфных столбов свисали провода. И повсюду трупы коней и белогвардейцев. На площади и в улицах стояли толпы пленных, окруженные конвоирами.

К пристани свозили трофеи. Бойцы разгружали подводы и переносили военное имущество в трюмы барж. Несмотря на то, что израненный Ачуев выглядел довольно мрачно, в красных войсках и среди жителей поселка царил атмосфера приподнятости и одушевления.

Отряд Ковтюха уже находился на пароходах, все на тех же «Благодетеле», «Пророке» и «Гайдамаке», которые доставили красный десант под Гривенскую. Раненые были размещены в каютах и на палубе «Благодетеля». Их сопровождали медсестры из санитарной дружины Аннушки Балышеевой.

На пристань провожать своих товарищей пришли много конников из 1-го Афипского полка, сотни Левицкого и Ахтарского чоновского отряда. Виктор, конечно, не мог не попрощаться с Соней, а Юнька с Марьяной. Тут же волчком вертелся и вездесущий Вьюн. Лаврентий стоял поодаль от парохода, дымил сигаркой и, наблюдая за сыном и Соней, довольно покручивал усы. Чувствовал он, что сердце Виктора окончательно охладело к Оксане, а Лаврентий не представлял себе невестки лучшей, чем Соня.

На пристань прибыли Орджоникидзе, Левандовский, Ковтюх и Фурманов. Перед отъездом в Екатеринодар они побывали на Ачуевской косе и у Сладкого гирла, забитого потопленной флотилией Буряка.

Над Ачуевом появился самолет. Покружившись, он сел на косе. Это прилетели Жебрак и Соловьев.

– Что-нибудь случилось? – обеспокоенно спросил у них Левандовский.

– Могло случиться, да пронесло мимо, – ответил Жебрак.

Взошли по трапу на «Благодетель», и в каюте Левандовский остановил взгляд на комиссаре.

– Что же произошло? – спросил он, волнуясь.

– Пусть Геннадий Иннокентьевич доложит, – сказал Жебрак. – Я прилетел в Екатеринодар из-под Армавира, как говорится, к шапочному разбору.

– Неладно было у нас в Екатеринодарском гарнизоне, товарищи, – сказал Соловьев. – В Интернациональном полку готовился мятеж.

Орджоникидзе взглянул на Левандовского, потупил глаза.

– Оце так новость! – воскликнул Ковтюх. – Мы тут воюем и не куем, не мелем, что нам в спину

удар готовят.

– Товарищ Батурич нащупал группу заговорщиков и дал знать Атарбекову, – продолжал Соловьев. – Минувшей ночью мы арестовали их и разоружили полк.

– Значит, полковник Гейдеман скрыл от Атарбекова этот заговор? – спросил Орджоникидзе.

– Нет, он не знал, что Шадур готовит в гарнизоне восстание, – ответил Соловьев. – Шадур был связан непосредственно с Улагаем не через Гейдемана, а через какое-то другое лицо из своей контрразведки.

– Хитро задумано, – сказал Жебрак.

– На допросе заговорщиков выяснилось, – рассказывал Соловьев, – что в те дни, когда мы перешли в контрнаступление и начались бои за Тимашевскую, Улагай дал указание Шадур, чтобы тот поднял мятеж в Екатеринодарском гарнизоне с целью оттянуть с фронта некоторые части, действовавшие против десанта под Тимашевской.

– Хитер этот Улагай! – заметил Фурманов.

– План заговорщиков сводился к следующему, – продолжал Соловьев. – Хорунжий Страхов – командир 3-й роты Интернационального полка – в ночь перед тем, как вспыхнуть мятежу, должен был дежурить по гарнизону. Расстановка постовых караулов была возложена на полковника Уварова. Предполагалось снять караулы с железнодорожного моста и у помещения, где расквартированы белые офицеры, подлежащие включению в Красную Армию. В этих местах намечалось выставить постовых из числа военнопленных. Организаторы заговора держали постоянную связь с группами бывших военнопленных, входивших в состав других воинских частей.

– Это моя вина, – сказал Левандовский. – И Уваров и Страхов – бывшие белые офицеры. Я поверил в их чистосердечное раскаяние.

– В документах, захваченных в ставке Улагая, – продолжал Соловьев, – обнаружена дислокационная карта нашей армии. Пленный генерал Караваев – заместитель начальника штаба Драценко – показал, что эту карту передал ему Шадур через Губаря. Он же, Шадур, является и организатором убийства Цветкова.

С минуту все сидели молча. Левандовский перевел взгляд на Жебрака:

– А как обстоит дело под Армавиrom?

– Думаю, что теперь, после ликвидации улагаевского десанта, Хвостиков не продержится там долго, – ответил комиссар и подробно доложил обстановку на фронте.

* * *

Команды отдали швартовы, и пароходы один за другим потянулись вверх по Протоке. Гребные колеса, шумно шлепая лопастями по воде, гнали к берегам мутные, покрытые пеной волны. Провожающие толпились на пристани, бойцы с пароходов махали им руками, шапками, буденовками.

Соня и Марьяна стояли на верхней палубе «Благодетеля». Виктор пустил Ратника в намет по берегу Протоки следом за пароходом. Юнька и Демка слегка приподнялись на стременах, понеслись вдогонку за командиром. Девушки любовались верховой ездой хлопцев. Марьяна послала Юньке воздушный поцелуй, прижалась к бортовому поручню и, обнявшись с Соней, помахала платком.

– До встречи в Екатеринодаре! – выкрикнул Виктор и остановил Ратника.

– До скорой встречи! – подхватил Юнька.

– До свидания, девчата! – гарцуя перед плывущим пароходом, закричал Демка. – Не забывайте!

Все дальше и дальше уходил караван речной флотилии, натужно и медленно преодолевая встречное течение реки.

Виктор вдруг увидел Шкрумова.

– О, какими судьбами вы здесь, Иван Степанович?

– С Тамани на катере прибыл, – ответил Шкрумов и, поздоровавшись за руку, сказал: – После разгрома харламовского десанта я подобрал десяток дружков-охотников, и мы вместе с казаками из вороновской бригады вылавливали в камышах золотопогонную дичь. Охота была удачная. А теперь посылают меня в Екатеринодар, в горно-егерский отряд, который будет вести борьбу с бандами в горах. У меня как-никак большой опыт по части горной охоты...

Подошел Лаврентий. Виктор спешился и познакомил отца с охотником.

– Так вы и есть тот самый Шкрумов? – с удивлением сказал Лаврентий. – Витька рассказывал, как вы под Сукко сукиных сынов били...

* * *

Извилистой песчано-желтой лентой тянется Протока в низких, доверху наполненных водой зеленых берегах. Делая крутые повороты на коленях⁵⁷⁷ капризного ее русла, пароходы плыли мимо тех мест, где еще вчера клокотал огонь сражений.

Бойцы сидели и лежали в тени палубных тентов или, сбросив гимнастерки, подставляли мускулистые спины под солнечные лучи.

Орджоникидзе сидел в кубрике за небольшим столиком и, сочиняя телеграмму, писал карандашом на листке в блокноте:

Кремль. Ленину

Десант в районе Ахтырка–Черноморская⁵⁷⁸ (главные силы) разбит и загнан в болото и камыши на берегу моря... Десант на Таманском полуострове уничтожен, и полуостров совершенно очищен... Казачество, почувствовав нашу силу, ведет себя довольно прилично. Надежды Врангеля не оправдались... В общем, чувствуем себя крепко, гораздо крепче, чем до десанта.

Он хотел поставить под ней сегодняшнюю дату, но, подумав, решил датировать ее вчерашним числом (7 сентября, днем ухода десанта с Кубани), затем подписался и, так как на пароходе не было радиации, чтобы послать телеграмму в Москву, спрятал ее в планшетку и вышел на палубу.

Соня и Марьяна дежурили в каюте, где лежали раненые. Аннушка Балышеева не уходила с палубы, как узнала о появлении Соловьева на пароходе. Она ждала, пока он освободится у командующего и поднимется наверх. Наконец Соловьев вышел на палубу и, увидев Аннушку, направился к ней. Она встретила его улыбкой, взяла за руки, спросила:

– Давно был у нас?

– Нет, – протянул Соловьев. – Навещаю почти каждый день.

– Как мама?

– С маленькой Любочкой не расстается.

– Плачет?

– На то она и мама.

– А папа?

Соловьев помолчал, потом ответил:

– Назар Борисович – мужественный человек...

Они прошли к флагштоку, уселись на сложенном канате, подставив лица встречному ветру... На шканцы поднялись Левандовский, Жебрак, Ковтюх и Фурманов. К ним обернулся Орджоникидзе, стоявший у борта, указал на бойцов, спросил:

– Епифан Иович, это ваши люди?

– Мои, Григорий Константинович, – ответил Ковтюх, не понимая смысла заданного вопроса.

– Почему же порядка нет? – Орджоникидзе лукаво подмигнул Жебраку и посмотрел на Фурманова.

– Ей-богу, не разумею, товарищ Серго, – просиял улыбкой Ковтюх.

– Где же песни? Где смех? Самый настоящий беспорядок, товарищ командующий! – Орджоникидзе окинул взглядом палубу, тряхнул черной шевелюрой и крикнул бойцам – Что приуныли, товарищи?

---

⁵⁷⁷ **Колено** – здесь – крутой, короткий изгиб русла реки. **Колена** получают главным образом там, где имеются широкие поймы. – прим. Гриня

⁵⁷⁸ Явная ошибка автора, не исправленная и в более поздних изданиях. Возможное краткое написание – Ахтарская–Черноерковская, Ахтари–Черноерковская (Ахтари – ж.-д. станция в Приморско-Ахтарской). – прим. Гриня

Красноармейцы зашевелились, лица повеселели, в глазах заблестели огоньки радости.

– Не приуныли, товарищ Серго, – донеслось в ответ. – Жара нас разморила после всей этой кутерьмы с Улагаем.

– Да, в боях действительно жарко было, – сказал Орджоникидзе, – а тут, на солнышке, истинная благодать! – И, помолчав, спросил: – А может, споем, товарищи?

– Дельное предложение!

– Правильно, товарищ Серго.

– Эй, запевалы! – раздалась голоса.

Орджоникидзе поднял руку:

– Разрешите мне, товарищи? Я запевать буду.

По палубе прокатились дружные аплодисменты.

– Просим! Просим, товарищ Серго!

Орджоникидзе остановился у грот-мачты и, откашлявшись, запел громко, воодушевленно:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе...

Ковтюх, как дирижер, взмахнул руками, и все бойцы слаженно подхватили вместе с ним:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

На трап, ведущий к рулевой рубке, взбежал молодой командир взвода с тонкими черными усиками и курчавой шевелюрой.

– Ребята! – закричал он, обращаясь к бойцам. – Давайте попросим Соню, чтобы она спела нам что-нибудь.

Соня будто застыла на месте, ее щеки покрылись густым румянцем. А над палубой уже шумел вихрь рукоплесканий. Аплодировали все: и Орджоникидзе, и Левандовский, и даже шкипер, стоявший на мостике. Отовсюду наперебой летело:

– Сестрица, просим!

– Не робей, девушка!

– Давай про криниченьку⁵⁷⁹!

Соня растерянно оглянулась по сторонам. К ней подошел Жебрак, дотронулся до плеча.

– Ну, чего ты смутилась? Здесь же все свои! Спой.

– Боязно, Николай Николаевич, – шепнула Соня. – Людей много.

Взводный уже стоял с гармошкой в руках на площадке у рубки и, подзывая Соню к себе, говорил:

– Сюда, сюда, сестрица!

Соня поднялась на площадку, повела глазами вокруг, как бы спрашивая взглядом: «Что же спеть вам?» Все притихли, ждали. И Соне вдруг пришел на ум вечер, когда она сидела с Виктором на берегу Кубани. В черной воде купался месяц. Тихо шелестели вербы. Где-то за рекой, в долине, пели девочки какую-то песню. Соня вспомнила об этом и, кивнув головой, сказала взводному:

– А мы споем про любимую нашу Родину.

– Есть про Родину! – согласился взводный.

Он растянул мехи гармони. Соня выпрямилась и, взяв ноту, запела:

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля –
Это русское раздолье,
Это Родина моя.

В песню она вкладывала всю свою душу. Ее голос – высокий, звенящий – таял серебристой струей над быстрыми волнами Протоки, над бескрайними камышами, отзывался в позолоченных

---

⁵⁷⁹ Криниченька, криница – колодец, родник, источник. – прим. Гриня

солнцем плавнях. Бойцы, казалось, не дышали. Песня наполняла их сердца нежным, ласковым теплом.

Соня потупила глаза, голос ее замер. Орджоникидзе шепнул Жебраку:

– Настоящий талант!.. В консерваторию просится!

Бойцы не могли оторвать глаз от Сони и не решались нарушить торжественную тишину, сквозь которую тянулись незримые нити от исполненной песни к их сердцам.

– Спасибо, сестра! – наконец, выйдя из оцепенения, крикнул пулеметчик, стоявший у трапа. – Спасибо, дорогая!

По палубе пронеслась волна бурного восторга. От аплодисментов и гула голосов у Сони звенело в ушах. Левандовский с улыбкой подмигнул товарищам:

– Ну что ж, Григорий Константинович все-таки навел порядок!

– Да... – многозначительно протянул Фурманов. – На то он и Чрезвычайный комиссар.

Вдали сквозь легкую лазурную кисею марева показалась Славянская, утопающая в ярко-зеленом разливе садов. А за ней до самого горизонта тянулись широкие, необъятные, как море, просторы солнечной кубанской степи.

Конец второй книги

Информация об издании

Р 2

Р 15

Рецензент *И. Н. Бойко*

Художник *П. Е. Анидалов*

Р $\frac{4702010200-44}{М 146 (03)-88}$ без объявл.-88

ISBN 5-7561-0035-0

© Краснодарское книжное издательство. 1988

Петр Павлович Радченко

НА ЗАРЕ

Четвертое, переработанное издание

Редактор *П. С. Макаренко*

Художественный редактор *С. В. Тараник*

Технический редактор *Е. П. Леонидова*

Корректоры *З. И. Нестерова, Т. В. Федорова*

ИБ 1891

Сдано в набор 16.03.88. Подписано в печать 02.06.88. МА 02509. Формат бумаги 84×108/32.

Бумага книжно-журнальная. Гарнитура шрифта литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отг. 20, 05. Учетно-изд. л. 20,46. Тираж 30 000. Заказ 095. Цена 1 руб. 40 коп.

Краснодарское книжное издательство. 350063, Краснодар, ул. Кирова, 3. Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома. 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268.

КНИГА III ПОД КРАСНЫМ СТЯГОМ

П. РАДЧЕНКО

НА ЗАРЕ

РОМАН

КНИГА 3

ПОД КРАСНЫМ СТЯГОМ

Третье издание

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

*Не черные вороны в стадо солетались,
То кубанские казаки в круг соезжались;
Среди круга стоит войсковое Красное знамя,
Под тем знаменем стоит стулечко распущенное,
На стулечке сидит наш командир, удалой молодец.
Не золотая то трубочка вострубила,
И не серебряная речь возговорила:
– Вы други, мои други, вы кубанские казаки!
Вы послушайте, мои други, что я буду говорить:
Хвалится, похваляется закубанский бандит,
Он хвалится, похваляется залить кровью землю нашу.
Да неужто у нас не стало на вольной Кубани казаков?
Да неужто они не станут за отцов своих, матерей?
Да неужто не станут за жен своих, за детей?..*

Из казачьей песни⁵⁸⁰

---

⁵⁸⁰ Эпиграф взят из второго издания книги. Наверное, к третьему изданию сообразили, что подобная трансформация старинной песни донских казаков неуместна, поскольку «закубанскими бандитами» казаки называли горцев. – прим. Гриня

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

I

Части Красной Армии накапливались у общественного леса. Пехотинцы рыли окопы, чистили оружие. Кавалеристы, надев саквы на морды лошадей, кормили их овсом. Полуденное солнце обдавало землю жаром, изнывающие от зноя бойцы старались укрыться в тенистых зарослях леса.

Корягин возвращался из Кавказской в отряд. В запыленной фуражке, в потемневшей от пота гимнастерке, с шашкой и парабеллумом на поясе, он медленно ехал на тонконогом скакуне вдоль опушки леса и, казалось, не замечал ни духоты, ни зноя.

Здесь, на дороге, его встретил Ропот. Резко остановив разгоряченного коня, он крикнул:

– Петр Владиславович! Тебя кличут в штаб.

Корягин неторопливо достал из нагрудного кармана трубку, набил ее табаком, закурил.

Ропот заметил на лице его тень душевной тяжести, спросил:

– Уж не приболел ли ты, Петр Владиславович? Что-то вид у тебя квелый, не джуже мне нравится... Вот.

– Нет, ничего, – ответил Корягин. – Я здоров. Дома только неважные дела. – Он ощутил во рту неприятную горечь, откашлялся и сказал: – Просьба у меня к тебе, Логгин Прокофьевич. Побывай в отряде и передай Галине Калите, чтобы она съездила в Кавказскую к Елене Михайловне: помочь ей надо... Игорек заболел.

– Хорошо, Петр Владиславович, передам! – сказал Ропот. – Я сейчас прямо к ней.

Он стегнул коня плетью, понесся к Краснодольскому чоновскому отряду, занимавшему позиции между лесом и оборонительной полосой, проходившей по полю. За старым, густо заросшим валом начиналось открытое поле. Впереди, из-за бугра, виднелись верхушки тополей станицы Краснодольской. С тоской смотрел на них Ропот. Сердце его рвалось к родному углу...

Из перелеска донесся голос певучей тальянки. Миновав кусты, Ропот увидел группу чоновцев, лихо отплясывавших казачка⁵⁸¹. Среди них по широкому кругу носилась Галина, выбивая каблуками дробь. Василий Норкин сидел на бедарке, задорно рвал мехи гармошки, и звуки казачьего танца растекались над землей, плавилась в горячем воздухе.

Ропот окликнул Галину. Она подбежала к нему, раскрасневшаяся, еще охваченная огнем танца, крикнула призывно:

– А ну, Логгин Прокофьевич, к нам в круг!

– Не до плясу мне, – ответил Ропот. – Да и тебе придется оставить эту затею.

И он передал ей просьбу Корягина...

Через несколько минут Василий и Галина уже катили на бедарке в сторону Кавказской.

* * *

Командный состав собрался под огромным тенистым дубом, одиноко росшим среди солнечной лесной поляны. Ждали командующего.

Левандовский прибыл на легковой автомашине вместе с Орджоникидзе и двумя ординарцами.

– Ну что ж, товарищи, – сказал он, обращаясь к командирам. – Добрые вести привезли мы вам. Разгром врангелевских десантов в районе Ачуева и на Таманском полуострове завершён IX Красной армией успешно. Завтра главные ее силы будут переброшены сюда для ликвидации банд...

Над поляной пронеслось дружное «ура».

В круг вышел Орджоникидзе. Весело поблескивая черными глазами, он снял кожаную, изрядно поношенную фуражку, одобрительно тряхнул густой смолистой шевелюрой:

– Да, дорогие товарищи, наши успехи неоспоримы. Сегодня мы можем с уверенностью заявить, что враг на Кубани потерпел полное поражение. Но... и обольщаться успехами нам, большевикам, не пристойно. Впереди еще бои с лютыми, хорошо вооруженными бандами Хвостикова. Сложность

---

⁵⁸¹ **Казачок** – здесь – украинский танец с постепенно ускоряющимся темпом, в размере 2/4. – прим. Грина

этой борьбы заключается в том, что она будет в горах, которые неприятель, безусловно, постарается использовать... – Орджоникидзе достал из кармана гимнастерки листок бумаги, развернул его и поднял над головой. – Вот, товарищи, телеграмма от Владимира Ильича Ленина.

Воцарилась такая тишина, что было слышно, как шуршат под ветром травы.

– Владимир Ильич придает важное значение нашему фронту, – продолжал Орджоникидзе. – В телеграмме говорится:

9 сентября 1920 г

**РВС Кавказского фронта
Орджоникидзе**

Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани – дело абсолютной общегосударственной важности. Осведомляйте меня чаще и точнее о положении дел.

Ленин . 582

Корягин взволнованно слушал Орджоникидзе, крепко стиснув зубами потухшую трубку, вспоминал июль 1918 года, когда впервые встретился с товарищем Серго во Владикавказе. Орджоникидзе тогда решительно отверг тактику блока с левыми эсерами и

меньшевиками-интернационалистами.⁵⁸³ Вспомнилась Корягину и ночь с 5 на 6 августа, когда во Владикавказ внезапно ворвались отряды белогвардейцев, возглавляемые двумя полковниками деникинской армии. В городе зашевелилась контрреволюция, открыла винтовочный и пулеметный огонь по красным. Положение стало критическим. Инициатива оказалась в руках врага...

Красноармейские части вынуждены были отойти к вокзалу и подвергнуть орудиюному обстрелу центр Владикавказа...

Четверо суток продолжался бой. На пятые – части XI Красной армии, оставшись без воды и продовольствия, отступили к слободкам Курской и Молдавской. Лишь на шестой день прибыло подкрепление. Враг не выдержал натиска и оставил город.

В тех боях Орджоникидзе показал себя умелым и стойким военачальником. Он всегда был на переднем крае и снискал всеобщую любовь красноармейцев.

Позже Корягину не раз приходилось бывать с Орджоникидзе на самых тяжелых участках борьбы с белогвардейщиной.

Корягин, слушая его речь, не сомневался, что с армией Хвостикова будет покончено в ближайшее время...

После совещания Орджоникидзе подошел к Корягину.

– Ну, здравствуй, Петр Владиславович. Как дела, как здоровье? – Он задержал взгляд на шраме, пересекающем лицо Корягина. – Это у тебя, кажется, владикавказская отметка?

– Верно, Григорий Константинович, владикавказская. Память у вас отличная.

Орджоникидзе весело сощурился.

– Э, дорогой мой, память у меня так себе.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Корягин обернулся и увидел на краю поляны жену и Галину. Лицо его побледнело, губы дрогнули.

Орджоникидзе заметил это, спросил обеспокоенно:

– Что с тобой, Петр Владиславович?

– Недоброе чую, – хрипловато промолвил Корягин.

Предчувствие не обмануло его. Елена Михайловна, подбежав, с глухими рыданиями бросилась к мужу.

– Игорек... наш Игорек.

Корягин понял, что случилось самое страшное.

– Нет сыночка нашего... Я не переживу этого горя!

Орджоникидзе взял ее под руку, сказал Корягину:

– В машину. Поезжай, Петр Владиславович. – Он помог Корягину и Елене Михайловне сесть в автомобиль, положил руку на плечо шофера: – Быстро, на хутор!

Прижав голову жены к груди, Корягин ничего не видел перед собой. Ему казалось, что он никак не может проснуться от кошмарного сна.

– Успокойся, Еля, успокойся! – повторял он, а сам задыхался от бесслезного плача...

На окраине хутора к автомобилю подскочил на Кристалле Вьюн.

– Здравствуйте, Петр Владиславович! – закричал он пронзительно. – Я с вокзала. Эшелон разгружается. Все наши приехали... Виктор, Соня...

Корягин окинул его затуманенным взглядом, пробормотал, кивая:

– Хорошо, хорошо.

Веселость вмиг слетела с лица Вьюна. Он понял, что Корягину сейчас не до него, резко осадил коня и, пропустив машину, долго растерянно смотрел ей вслед.

* * *

Прошла ночь.

На рассвете Орджоникидзе и Левандовский еще раз провели смотр боевой готовности войск,

---

⁵⁸³ К сведению – с 4 по 10 июля 1918 года в Москве проходил Пятый Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Во время его работы, 6 июля 1918 года, левоэсеровская фракция была арестована в связи с событиями, известными как восстание левых эсеров (убийство германского посла графа Мирбаха). Вместе с эсерами были арестованы и представители других партий, кроме большевиков. – *прим. Гриня*

занимавших позиции вдоль опушки общественного леса.

Почти всю ночь Лаврентий Левицкий провел с сыном на бугре, с гневом и болью глядя на огненные языки пожаров, полыхавших над Краснодольской. Утром станица скрылась за пеленой густого дыма. Лаврентий тщетно пытался разглядеть в бинокль дома и улицы.

– Все спалят, гады, – сказал он, горестно качая головой. – Батьку убили, теперь и хаты родной не найдешь.

На бугор к Левицким поднялись Петька Зуев, Аншамаха и Шмель.

– Не горюйте, Лаврентий Никифорович. – Зуев лихо сбил фуражку на затылок... – Скоро будете дома. Смотрите, атамана не упустите. Говорят, это он у вас в станице первая сволочь и поджигатель.

– Что сволочь, то верно, – поддакнул Виктор. – Такого ката поискать!

– Ничего, будет катюге по заслугам, – вставил Шмель. – Только бы удрать не успел.

Аншамаха окинул взглядом широкое поле, бугристое, пересеченное оврагами.

– Здесь, это самое... гнались за мной и Перевертайлом хвостиковцы. Хорошую лошадь запалил⁵⁸⁴ я тогда...

Петька Зуев указал на всадников, быстро приближавшихся к бугру.

– Начальство едет.

Орджоникидзе и Левандовский остановили коней у перекрестка дорог. К ним подъехали Воронов, Демус, Жебрак и Корягин. На груди Воронова сверкал орден, полученный за взятие Приморско-Ахтарской.

Увидев Корягина, Лаврентий растерянно оглянулся по сторонам, как бы выискивая место, куда спрятаться, но тут Корягин заметил его, воскликнул удивленно:

– Кого я вижу! Неужто ты, Никифорович?

Лаврентий спустился к нему с бугра.

– Я, Петр Владиславович. Ей-богу, я! Не ожидали, что вернусь?

– Наоборот, ждал, верил! – Корягин сжал его руку. – Ну, здравствуй, Лаврентий Никифорович. Будем вместе Краснодольскую освобождать.

– Спасибо, что не попрекаете прошлым, – промолвил растроганно Лаврентий.

– До встречи в станице! – попрощался Корягин.

Командующий и Орджоникидзе остались довольны смотром. Тут же, под бугром, на коротком совещании приняли решение атаковать Краснодольскую на рассвете следующего дня.

– А теперь, товарищи, разрешите расстаться с вами, – сказал в заключение Орджоникидзе. – Еду на Терек! – Он вырвал из блокнота листок, протянул Левандовскому. – Попрошу вас, Михаил Карлович, сегодня же отправить эту радиogramму в Москву.

Левандовский пробежал ее глазами. В телеграмме сообщалось:

10 сентября 1920 г.

Москва. Кремль. Ленину

Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Хвостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас безусловно превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операцию условия горной войны. Сегодня выезжаю на Терек для проведения ряда народных съездов горцев.

Орджоникидзе.

– Надеюсь, Михаил Карлович, что мы сможем в ближайшее время доложить Владимиру Ильичу о полной ликвидации банд Хвостикова, не так ли? – спросил Орджоникидзе.

– Будет так, и только так! – заверил его Левандовский.

II

В штабе хвостиковской армии, разместившемся в монастыре, на военный совет собрались генералы и офицеры. Хвостиков сообщил им о «печальной участи» десантов на побережьях

---

⁵⁸⁴ **Запалить лошадь** – загнать, измучить продолжительной или быстрой ездой. – прим. Гриня

Азовского и Черного морей, о концентрации частей Красной Армии под Кавказской.

– Таким образом, над нами нависла смертельная угроза, господа, – сказал он в заключение. – Поэтому я принял решение отвести армию в Тебердинское ущелье и через Клухорский перевал⁵⁸⁵ уйти в Грузию. Уходить надо немедленно, сегодня же. – Он остановил взгляд на Бородуле. – На вас, господин есаул, я возлагаю ответственность за организацию отхода наших частей из Краснодарской.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – козырнул Бородуля.

Матяш с потупленной головой сидел рядом с Гусочкой. Он готов был броситься на генерала, которого считал прямым виновником разгрома врангелевских десантов на Кубани.

Хвостиков обернулся к нему:

– А вы, господин хорунжий, с подьесаулом Минаковым и корнетом Джентемировым будете прикрывать отступление из станицы.

Матяш медленно поднялся. Черная ненависть разъедала ему душу, мутила разум. Сверкнув исподлобья глазами, он сухо выдавил:

– Слушаюсь!

Гусочка хотел что-то сказать, но Хвостиков не дал ему рта раскрыть, ткнув в его сторону пальцем:

– А ты, атаман, постарайся выжечь все большевистские гнезда в Краснодарской.

Гусочка подхватился с дивана, выпалил:

– Будет сделано, господин енерал-майер!

В приемную игуменьи, где шел совет, заглянул Валерьян, перекрестился и доложил с порога:

– Алексей Иванович, там какой-то полковник к вам...

– Это господин Жуков, – оживился Хвостиков. – Просите его!

В приемную вошел низкорослый, плотный мужчина в темно-серой черкеске с погонами полковника. Стукнув каблуками, он вскинул руку к кубанке и, облизнув пересохшие губы под черными усиками, отрапортовал:

– Прибыл по вашему приказанию, господин генерал-майор!

Хвостиков кивнул ему в знак приветствия и тут же объявил:

– Все, господа! Можете быть свободны.

Офицеры вышли.

Хвостиков указал полковнику на кресло:

– Прошу садиться.

Жуков сел. Хвостиков опустился на диван и, помедлив немного, сказал:

– Вызвал я вас, господин полковник, по очень важному делу, но прежде всего хочу познакомиться с вами поближе... Расскажите о себе... о своих планах на будущее...

Смуглое, полнеющее лицо Жукова передернулось.

– Что вам сказать? – промолвил он усталым голосом. – Я коренной кубанец. Прибыл с десантом генерала Улагая... После неудачного похода нашей экспедиции добровольно изъявил желание остаться на Кубани и готовить вооруженное восстание казаков против большевистской совдепии.

– Это благородная, но весьма трудная задача, – заметил Хвостиков. – Основная масса казачества не протянула нам руку помощи, хуже того – предала нас.

– А мы, по существу, ничего не сделали для того, чтобы заинтересовать казачество и привлечь его на свою сторону, – сказал Жуков. – Туманные лозунги, расправа над вождями самостийников Рябоволом и Калабуховым, разгон Кубанской рады. Все это оттолкнуло казаков от деникинской армии. Ошибка за ошибкой, просчет за просчетом. И все же я не теряю надежды. На Кубани существуют и действуют антибольшевистские подпольные организации. Это моя главная опора.

– Ну и что же вы намерены предпринять сейчас? – спросил Хвостиков.

– Начну с духовенства, – сообщил Жуков, – Завтра-послезавтра буду в Екатеринодаре, у епископа Иоанна...

– Одну минуточку! – прервал его Хвостиков. – Мне кажется, вам будет не бесполезно

---

⁵⁸⁵ **Клухорский перевал** – самый высокогорный участок Военно-Сухумской дороги на границе между Кубано-Черноморской областью РСФСР (Карачаево-Черкесской Республикой) и Грузинской Демократической Республикой (Республикой Абхазия). Представляет собой проход между истоками рек Северный Клухор и Клухор Южный (река Клыч). – *прим. Гриня*

познакомиться с одной особой. – Он окликнул в окно мать Иоанну и, когда та явилась в приемную, сказал ей: – Будьте любезны, пригласите ко мне мать игуменью.

Старуха отвесила низкий поклон и молча удалилась.

Игуменья не заставила себя долго ждать. Хвостиков представил ей Жукова, объяснив при этом о намерении последнего побывать у епископа Иоанна.

В глазах игуменьи мелькнул испуг.

– Зачем вам Иоанн? О чем вы собираетесь говорить с ним, Диомид Илларионович? – спросила она.

– Мне надо пробраться в Черноморскую Екатерино-Лебяжскую Николаевскую пустынь⁵⁸⁶ и там определиться в «монахи», – ответил Жуков. – Но прежде всего я решил получить благословение от владыки.

– Боже вас, сохрани! – категорически возразила игуменья. – Ни в коем случае не связывайтесь с епископом Иоанном.

– Почему? – насторожился Жуков.

– Извольте, объясню, – сказала игуменья. – Вам, должно быть, известно, что еще при Деникине сюда, на Кубань, со всех концов России прибыло много духовенства, настроенного враждебно к Советской власти. В Ставрополе под председательством священника Шавильского⁵⁸⁷ был созван Южно-Русский церковный собор⁵⁸⁸, на открытии которого присутствовал сам Антон Иванович Деникин. Этот собор вынес решение об объединении всего духовенства юга России в духовные союзы для отпора всяких покушений на церковь и для открытой борьбы против Советской власти. Собор установил тесную связь с Москвой, с двором патриарха Тихона. Однако епископ Иоанн уже тогда высказался против этих начинаний, а когда Советская власть пришла на Кубань, он встал на путь раскольников, начал призывать духовенство области к непротивлению злу, то есть смириться с Советами, и мы... в последнее время совершенно перестали с ним общаться.

– Выходит, Иоанн пошел наперекор указаниям святейшего синода? – недоверчиво спросил Жуков.

– Времена меняются, Диомид Илларионович, – тяжело вздохнула игуменья. – Сейчас среди духовенства явно наметился раскол. Однако связь с патриархом Тихоном у нас существует, и мы выполняем неукоснительно все его указания. Кстати, мы со дня на день ждем к себе в область нового викария⁵⁸⁹ из Москвы. Думаем, что патриарх Тихон пришлет нам человека, который будет на Кубани проводить нашу политику.

– А епископат, епархия? Неужели все согласны с Иоанном?

– Безусловно, нет. Но власть-то в его руках.

– Странно, – протянул Жуков. – Спасибо, что вы предупредили меня. А то я мог бы попасть в неприятное положение. К кому же мне обратиться там, в Екатеринодаре?

---

⁵⁸⁶ **Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь** (также Черноморская Николаевская пустынь) – мужской монастырь Ейской епархии Русской православной церкви, расположенный в посёлке Лебяжий Остров в Брюховецком районе Краснодарского края. В 1917 году монастырь был закрыт, территория пришла в запустение и позже передана коммуне. – прим. Гриня

⁵⁸⁷ **Шавельский**, Георгий Иванович – священнослужитель Православной Российской церкви, член российского Святейшего синода (октябрь 1915–апрель 1917). 10 декабря приказом генерала Деникина был назначен на должность протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии. В начале февраля 1919 года выступил с инициативой организовать Временную высшую церковную власть на Юго-Востоке России. 28 марта (10 апреля н. ст.) 1920 года генерал Врангель отстранил его от должности главы военного духовенства вооружённых сил юга России, назначив вместо него епископа Вениамина (Федченкова). – прим. Гриня

⁵⁸⁸ **Ставропольский церковный Собор** 19–24 мая 1919 года под председательством митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевич, Митрофан Васильевич) учредил Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России, председателем которого был избран архиепископ Митрофан. Принятое Собором обращение к всероссийской пастве выражало позицию осуждения большевизма и прямой поддержки Белого движения. – прим. Гриня

⁵⁸⁹ **Викарий** (церк.) – в православной церкви епископ, подчиненный епархиальному архиерею.

– Свяжитесь со священником Ильинской церкви⁵⁹⁰ Пенязь-Забелиным, отцом Александром, – посоветовала игуменья, – Это ярый противник епископа Иоанна. С ним вы можете встретиться у моей знакомой, Веры Романовны Лихачевой: я дам вам ее адрес. Что касается поездки в Лебяжскую пустынь, то я могу и в этом деле подействовать вам... напишу письмо игумену Дорофею, и он вас с удовольствием примет.

– А вы бывали когда-нибудь в тех местах, господин полковник? – поинтересовался Хвостиков.

– К сожалению, нет, – ответил Жуков. – Я из Баталпашинского отдела.

– Лебяжский монастырь – один из самых крупных монастырей на Кубани, – подчеркнула игуменья.

– История его мне отлично знакома, – ответил Жуков. – Он был построен еще при Екатерине II и атамане Котляревском⁵⁹¹.

– Чудесные там места, – заметила игуменья. – Монастырь стоит на острове в Лебяжем лимане и соединяется с землей только узкой дамбой. Тамошние лиманы очень богаты рыбой, раками и разной дичью. Особенно много там диких лебедей.

Жуков задумчиво погладил черные усики, промолвил:

– Признаться, я никак не ожидал от епископа Иоанна подобного отступничества. Он же клятву давал в семнадцатом году на Карловицком соборе⁵⁹², когда патриарх Тихон заявил по поводу свержения династии Романовых: «Мы, русские, совершаем более тяжкий грех, чем отцеубийство. Подняли руку на помазанника божия... Надо молить вседержителя, чтобы он простил нам наш грех и вернул нашего общего отца...»⁵⁹³ Неужели Иоанн приспособляется к новой власти?!

III

Бородуля, Матяш и Гусочка в сопровождении группы верховых казаков скакали по лесной дороге. Черное небо хмурилось. В разрывах медленно плывущих туч изредка мерцали звезды. Лес был переполнен хвостиковцами. Повсюду шныряли дозоры.

На мосту перед Краснодольской Бородуля предупредил Гусочку:

– Ты, Иван Герасимович, не трогай больше ни одного двора в станице.

– Это ж почему, Игнат Власьевич? – уставился на него Гусочка. – Вы же слышали приказ?

– Слыхал, – бросил раздраженно Бородуля. – Но я не позволю тебе чинить насилие над станичниками.

– Не согласен, – возразил Гусочка, – Это будет измена.

– А ежели ослушаешься, тогда пеняй на себя! – пригрозил ему Бородуля. – До новых

---

⁵⁹⁰ **Церковь Святого пророка Или** в Екатеринодаре на пересечении улиц Пашковской и Посполитакинской (Октябрьской), освящена 25 февраля 1907 года. – прим. Гриня

⁵⁹¹ **Котляревский**, Тимофей Терентьевич (ум. 18 февраля 1800 г.) – генерал-майор, войсковой атаман Черноморского казачьего Войска. В 1797 г., Котляревский, будучи старшим войсковым должностным лицом (Войсковой писарь), поехал в Петербург на коронацию Павла I. Он был принят монархом, видимо, понравился ему, и 27 июля 1797 г. император назначил его войсковым атаманом. Таким образом Котляревский стал первым атаманом, не избранным казаками, а назначенным свыше, что вызвало волнение среди казаков, вошедшие в историю под названием «Персидский бунт». Когда черноморцы несколько успокоились, Котляревский возвратился на Кубань, и чувствуя себя больным и старым, 15 ноября 1799 добровольно отказался от атаманского поста. – прим. Гриня

⁵⁹² **Карловицкий (Карловацкий) Собор** – Первый Всезарубежный собор (Русское заграничное церковное собрание), прошедший 21 ноября–3 декабря 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. 15(28) августа 1917 год в Успенском соборе Московского Кремля открылся Поместный собор Православной российской церкви. Собор заседал больше года, до 7(20) сентября 1918 года. Поместный собор восстановил патриаршество и передал церковное управление Патриарху. 5 (18) ноября 1917 года Патриархом Московским и всея России был избран Тихон (интронизация свершилась 21 ноября (4 декабря) 1917 года). – прим. Гриня

⁵⁹³ 9 марта 1917 года после Февральской революции архиепископ Тихон подписал воззвание Синода, в котором говорилось: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на её новом пути». 21 июля 1918 года в слове, сказанном по Евангелии в Казанском соборе на Красной площади, патриарх Тихон осудил расстрел Николая II. – прим. Гриня

веников⁵⁹⁴ будешь помнить.

Гусочка покачал головой.

– Э, Игнат Власьевич, негоже страшать меня. Цебто я, по-вашему, не атаман в своей станице? Я ить палю токо большевистские хаты. И вы здря...

– А ты слушай нас! – прервал его Матяш. – Будешь делать то, что мы тебе приказываем! Не по пути нам с Хвостиковым, завел он нас в тупик. Политику Врангеля, немецкого барона, он защищает и этим оттолкнул от себя казачество Кубани!

Гусочка погрозил ему плетью.

– Эге-ге, Андрей Филимонович, не туда гнешь. Неверно понимаешь нашу политику.

– Андрей прав! – повысил голос Бородуля. – Хвостиков во всем виноват. Почему за ним население Кубани не идет? Да потому, что он зверь! За малейшую провинность расстреливает даже своих солдат. Зачем он загубил Данилку Конотопа? Ну, ошибся хлопец по неопытности, так сразу и голову долой? Кто же пойдет за таким людоедом?!

– Енерал Хвостиков, как я понимаю, человек железной дисциплины, – заметил Гусочка. – И Конотоп пострадал из-за того, что понапрасну всполошил станицу.

– А грабежи зачем допускает Хвостиков? – спросил Бородуля. – Сам он золота нахапал через край, и все ему мало!

– А как же без грабежов, Игнат Власьевич, – возразил Гусочка. – Тогда совсем никто воевать у него не захочет. Я первый отказался бы.

– Ну так вот, запомни, что я сказал, – повторил Бородуля и вместе с Матяшом направился мимо ветряка...

* * *

Было уже за полночь, когда Гусочка закончил составлять список дворов, которые решил предать огню. Этот список он передал дежурному, сказал повелительно:

– Вот для изничтожения. Шоб без промедления.

– Есть без промедления! – приложил тот руку к папахе и выскочил в коридор.

Над станицей запыхало зарево пожаров. Гусочка долго стоял у открытого окна, прислушиваясь к отчаянным воплям женщин и детей, упивался своей атаманской властью.

Во втором часу ночи он наконец решил отправиться домой, уселся на Анархию и выехал со двора станичного правления.

Дома он завел кобыленку в конюшню, остановился у колодца и, посмотрев на хаты Калиты и Белозеровой, злобно пробормотал:

– Ач, вылезли на ряску!.. Под самым боком прилепились. И спалить нельзя, сам сгорю...

Из конуры вылез Дурноляп, зевнул сладко, кинулся к хозяину, завизжал, запрыгал от радости. Гусочка присел на ступеньку крыльца, взял пса за уши, заглянул в доверчивые глаза.

– Дурачок, – сказал он. – Скулишь, а ничего не знаешь... Бачу... по морде твоей бачу. Понимаешь, скотина? Я атаман станицы!.. Ты теперички можешь всей своей своре в станице прямо гавкнуть: «Слушаться меня и повиноваться!» – «А почему?» – спросят тебя. Ты им ответишь: «Да потому, дурьи ваши головы, что мой хозяин – а-та-ман!» Так и скажешь, понимаешь? – Гусочка вдруг насупился, вздохнул тяжело: – Эх, Дурноляпик, Дурноляпик! А нам с тобой все ж таки придется расстаться... Не понимаешь... Мозга пуста? Так послухай. Завтра не будет меня в станице. Мы в горы уйдем. Ты останешься на хозяйстве один...

На веранде послышалось шлепанье босых ног, проскрипела дверь, и на пороге в отблеске зарева пожаров показалась простоволосая Василиса в нательной рубахе. Почесывая бока, она громко зевнула, обратилась к мужу:

– Ты чего раскалякался? Нашел себе приятеля.

– Нет, Васенька, – возразил Гусочка. – Ето божья тварь. Любит ласку. Видишь, как морду ко мне протягивает.

У ворот неожиданно раздался чей-то голос, зовущий Гусочку. Дурноляп поднял лай.

---

594 (4) До новых (свежих) веников – очень долго помнить, не забывать угрозу, наказание и т. п. – прим. Гриня

– Кто там? – робко выглянув из-за дома, спросил Гусочка.
– Свои, Иван Герасимович, – отозвался Молчун. – Скорее, тут срочное дело!
– Что случилось, Федот Давыдович? Беда какая?
– Уходить надо немедленно из станицы, – сообщил Молчун. – Только что Баксанук и Дауд от Хвостикова распоряжение привезли.

Гусочка засуетился, крикнул жене:

– Коня. Чуешь, Васенька?

– Куда это ты? – удивилась та. – Надолго?

– Не знаю, – буркнул Гусочка. – Коня, говорю, выводи.

Усевшись на Анархию, он помчался с Молчуном к правлению. Там к ним присоединились Бородуля и Матяш. Около вальцовой мельницы все разъехались в разные стороны, чтобы сообщить командирам частей приказ об отступлении.

* * *

Светало. Седые хлопья утреннего тумана ползли в балках и по реке Кубани. Бородуля, Матяш и Молчун галопом мчались к ветряку, где, несмотря на ранний час, толпилось много станичников. Все смотрели на Гусочку, повешенного на высоко вздернутом крыле мельницы. Увидев верховых, толпа бросилась врассыпную. Прискакали сюда и братья Крым-Шамхаловы, а за ними десятка три белогвардейцев из карательного отряда.

Гусочка висел точно на громадном черном кресте, опустив на оголенную грудь голову. Щуплое тело его под дыханием ветра, как пушинка, поворачивалось то направо, то налево.

– Не послушался нас, вот народ его и того... – буркнул Бородуля Матяшу.

К ветряку подскакал Минаков.

– Господа офицеры, поглядите туда! – закричал он, указав плетью на общественный лес, и весь дух пустился к Кубани.

Все увидели красную кавалерию, несущуюся грозной лавиной по просторному полю.

Задержавшиеся в станице хвостиковцы мчались по всем улицам к мосту, и лошади их, грохоча копытами о дощатый настил, исчезали в закубанском лесу.

Мимо ветряка промчалась Оксана на Кокетке. Увидев ее, Матяш махнул рукой с моста:

– Быстрее, Ксения, быстрее!

Оксана ударила Кокетку плетью и через несколько минут уже была за Кубанью.

Бородуля, Молчун, Матяш и два княжича подожгли солому под настилом левобережного пролета моста, и бурый дым, охватывая все деревянное сооружение и стелясь по воде, потянулся к Краснодарской.

На западной окраине станицы нарастала винтовочная и пулеметная стрельба. Это арьергардные заслоны хвостиковцев вступили в бой с красноармейскими частями.

Корягин со своими бойцами атаковал белоказаков, и сабля в его мускулистой руке заискрилась, как молния. Вдруг конь под ним споткнулся, громко застонал и повалился на пыльную дорогу. Корягин выскочил из седла, побежал по улице. Белоказики, опрокинутые чоновцами, скрылись за углом перекрестка. Корягин остановился, машинально закурил трубку, зашагал к реке и тут неожиданно увидел трех верховых офицеров, бешено несшихся на него с обнаженными шашками. Невдалеке, у высокого дощатого забора, стояла кем-то брошенная тачанка в упряжке. Корягин взлетел на нее, погнав лошадей по улице, но офицеры, к которым присоединилось еще несколько белогвардейцев, стали его преследовать. Он открыл огонь из парабеллума, однако отстреливаться и одновременно управлять лошадьми было неудобно...

Тачанка налетела на столб, закопанный на углу квартала, разбив вдребезги два боковых колеса. Одна лошадь убила на смерть, две, вырвавшись из упряжки, умчались, а четвертая, раненая, повернулась мордой назад, остановилась с испуганными глазами.

Корягин, зажав зубами трубку, стоял одной ногой на подножке, а другой в ящике тачанки, продолжал отстреливаться. Теперь его огонь был меткий. При каждом выстреле один из офицеров вздрагивал всем телом и вылетал из седла, точно выброшенный пружиной. Корягин снял троих, под четвертым убил лошадь. Патроны в парабеллуме кончились. Пятый казак приближался. В оцепенении Корягин не побежал, выронил из руки парабеллум и, опустившись на сиденье, смотрел

широко раскрытыми глазами на врага. Поравнявшись с тачанкой, белоказак обрушил удар шашки на голову Корягина. Тот упал навзничь, затылком на борт ящика. Трубка два раза качнулась в его зубах, выпала изо рта...

В улицу вихрем влетел эскадрон Виктора Левицкого. Вьюн пустился вдогонку за белоказак, выстрелом из карабина вышиб его из седла. Левицкий спешил, бросился к тачанке и, приподняв окровавленную голову Корягина, закричал в отчаянии:

– Петр Владиславович! Как же это?

Подъехали Аншамаха и Шмель с чоновцами, молча сняли шапки... Вьюн увидел на земле трубку.

– Смотрите, – проговорил он сквозь слезы. – Это его... Ишо дымится...

IV

Вороновцы собирались на площади. Пахло лошадиным потом, гарью пожарищ. В душном воздухе плыл сплошной гул людских голосов, конского ржания. Краснодольцы высыпали из домов и хат, приветливо встречали бойцов.

Лаврентий Левицкий, возглавлявший охрану обоза, въехал в родную станицу позже других. Увидев на площади Шкрумова, крикнул:

– Ну, Иван Степанович, я уже дома! Просю ко мне в гости.

– Управлюсь с делами, обязательно загляну, – пообещал Шкрумов.

Пожары продолжали бушевать по Краснодольской. Лишь после того как с ними было покончено, Лаврентий направился домой. Ехал он по улице и чувствовал, как все больше ныло сердце от мысли, что батьки уже нет в живых. Встречавшиеся станичники кланялись ему, провожали недоуменными взглядами, шептались о чем-то.

Виктор был уже дома. Поставив Ратника в конюшню, он крепко обнял мать, долго целовал ее в шершавые губы. Мироновна не могла слова вымолвить от радости.

Во двор набежали соседи. Ребятишки окружили Виктора, заглядывали ему в лицо, щупали оружие. Женщины всхлипывали, вытирали слезы. Мироновна, припав к груди сына, вдруг разрыдалась:

– Витенька, дедушку нашего убили. Нет его, нет, сыночек!

– Знаю, маманя, – глухо вымолвил Виктор.

В распахнутые ворота въехал Лаврентий. Мироновна от неожиданности всплеснула руками, воскликнула растерянно:

– Ой, лышенько! Видкиля ты взялся?

Лаврентий слез с коня, прижал ее к себе.

– Не ждала, Паша? А я тут. Ну, успокойся, пойдем в хату.

В кухне Виктор жадно вдохнул запах родного крова: дух выпеченного хлеба, кваса, сушеных и свежих груш и яблок. Здесь, как порывистый ветер, прошумело его детство. Здесь он вырос и возмужал, познал первые радости и горе. Все здесь было знакомо и дорого, все живо воскрешало в памяти прошлое. На глаза невольно набежали слезы, а лицо светилось счастливой улыбкой. Обернувшись к отцу, он сказал дрогнувшим от волнения голосом:

– Батя, а ведь мы снова дома! Просто не верится.

Лаврентий нерешительно переступил порог, судорожно сжал эфес шашки. Его взгляд остановился на отцовской люльке, лежавшей на подоконнике.

– Батько! – прошептал он, и губы задрожали от душевной боли. Он схватил люльку, прижал к сердцу. – Бедный мой батько!.. Загубили тебя катюги!..

Мироновна притронулась к его руке.

– Горько, Лавруха. Ох как горько! Да шо ж теперь делать? Не вернется наш дедусь, царство ему небесное.

Лаврентий бессильно опустил на скамью.

– Знаю, ничего не сделаешь. А вот душа разрывается. Слава богу, что ты, Паша, в живых осталась.

Виктор, увидев в печи пирожки с мясом, потянул носом:

– Ох и вкусно ж пахнут!

Мать засуетилась:

– Что ж это я стою... Зараз соберу вам поесть. – И начала быстро накрывать стол.
Отец и сын сняли с себя оружие, повесили у двери, умылись.
В дверях показалась Молчуниха, низко поклонилась.
– Час добрый, Лавруха. И... и Витя тоже дома... Пришла проведать вас.
– Спасибо, Меланья Аристарховна, что не позабыли, – усаживаясь за стол, ответил Лаврентий.
Молчуниха вдруг шлепнулась на колени перед ним и, умоляюще глядя ему в глаза, заголосила:
– Лавруха, заступись за меня! Мой же Федот вызволил твою Параску, когда Гусочка хотел убить ее.
Лаврентий испуганно взглянул на жену:
– Как?.. Неужто правда, что поганец Гусочка руку на тебя поднимал?
– Правда! – тяжело вздохнула Мироновна. – Хвостиков поставил того Гусочку атамановать.
Натерпелись мы от него лиха.
– Ты, Меланья Аристарховна, не беспокойся, – промолвил Лаврентий. – С бабами большевики не воюют. Тебя никто не тронет.
– Добрый ты человек, Лавруха! – снова поклонилась Молчуниха.
– Ну, квит, – прервал ее Лаврентий. – Мы еще встретимся, потолкуем, а зараз, бачишь, какая тут стория. Свои дела... Только прибыли.
Молчуниха вытерла глаза, проговорила:
– Я пойду... – Она постояла еще с минуту, грустно добавила: – А наш Гриша помер... Схоронили мы его тут на кладбище... Прощевай, Лавруха.
– Прощевай, Меланья Аристарховна, – ответил Лаврентий.

* * *

Церковная площадь запружена войсками и жителями Краснодольской. У братской могилы – глубокая яма.

Сюда, на свежий холм земли, Жебрак, Воронов, Демус и Ропот принесли на плечах гроб с телом Корягина. Люди обнажили головы, наступила скорбная тишина.

Жебрак остановился перед своим погибшим другом и срывающимся от волнения голосом обратился к бойцам и станичникам:

– Дорогие товарищи, красноармейцы! Сегодня пал геройской смертью наш боевой товарищ, славный большевик Петр Владиславович Корягин. Он сражался за счастье трудового люда, за Советскую власть и всего себя без остатка отдал великому делу...

Аншамаха, слушая комиссара, все еще не верил, что Корягина нет в живых. Вспомнилось ему, как на этой самой площади он, Аншамаха, «гулял» на банкете, устроенном Хвостиковым в честь избрания атамана станицы, как потом с Перевертайлом выкрал начальника штаба «армии возрождения России», как уходил по краснодольскому полю от погони хвостиковцев...

Рядом с Аншамахой стоял Василий Норкин, нервно мявший в руках баранью шапку. Плечи его были низко опущены, будто придавлены каменной глыбой.

Краснодольские девчата, окружив плотным кольцом Аннушку, Аминет, Соню, Марьяну и Галину, поглядывали сквозь слезы на рыдавшую Елену Михайловну, которую поддерживали под руки Виктор Левицкий и Шкрумов.

Жебрак склонил голову, отдавая последний долг Корягину, промолвил сдавленным голосом:

– Так пусть же будет пухом сырая земля тебе, дорогой Петр Владиславович, наш друг и товарищ. Прощай! – Он медленно отошел от могилы, стал около Левандовского и Воронова.

Елену Михайловну подвели к гробу, пахнущему смолистой сосной. Обезумевшая от горя, она упала на колени перед телом мужа, припала губами к его высокому холодному лбу, закричала в горестном исступлении:

– Петенька, родимый! Встань!

Над толпой пронесся единый тяжелый вздох.

Затуманенными глазами смотрел Виктор на лежавшего в гробу Корягина, на его заостренный, с синими прожилками нос, на опущенные веки, и ему вдруг показалось, что на лице умершего застыла горделивая улыбка, как бы говорящая: «Не оплакивайте меня... Я не дешево отдал свою жизнь, не остался в долгу перед врагами! Семерых уложил, прежде чем пал!»

Гроб закрыли крышкой, заколотили гвоздями и под грохот пушечного салюта, смешавшегося с печальной мелодией траурного марша, начали опускать в могилу.

V

Небо мутнело от зноя, земля дышала жаром, и лишь в закубанском лесу было прохладно. На полях, будто огромные бородавки, горбились почерневшие от непогоды копны хлебов. Они дрожали в душном мареве, пропитанном горьковатым запахом прели.

Хвостиковцы залегли по изволоку, притаились за деревьями и, сдерживая натиск чоновцев и частей IX Красной армии, вели ожесточенный огонь.

Матяш злобно поглядывал на монастырь, скрежетал зубами... Бородуля и Молчун ползали между окопавшимися цепями казаков и, подбадривая их, твердили:

– Без паники, хлопцы! Ни шагу назад!

Матяш смахнул рукавом рубашки пот с лица и закричал в бешенстве на своих солдат, которые начали вдруг пятиться под нажимом красных. Проворно сиганув в овражек, промытый вешними водами, он прижался к суглинистому откосу, беспрестанно стреляя в надвигавшиеся отряды красноармейцев. К нему подполз Бородуля.

Издали донеслись крики «ура». Матяш увидел, как красноармейцы и белоказаки схлестнулись в штыковой атаке.

– Поганое дело, – помотал головой Бородуля.

– В монастырь бы пробраться, – пробормотал Матяш. – Пора кончать...

– Погоди, Андрей, успеется, – сказал Бородуля. – Вчерашнего дня не воротишь, а от завтрашнего – не уйдешь.

Минаков со своими солдатами засел в монастырской церкви. Пристроившись на подоконнике, он строчил из пулемета по красным, а его солдаты палили из винтовок в сторону леса, откуда быстро приближались вороновцы.

– Пожалуй, тут нам всем будет крышка, – подумал вслух Минаков и решил оставить церковь. – За мной! – крикнул он и бросился к двери, выбежал на паперть.

В этот момент монастырские ворота широко распахнулись, и красноармейцы ворвались во двор, смешались с хвостиковцами. Минаков перемахнул через загородку паперти, ринулся в сад, к отряду, которым командовал, и тотчас пропал за кустами.

Бандиты в панике, беспорядочно отходили к лошадям, укрытым в лесу, за болотом. Хвостиков, Минаков и Джентемиров, окруженные конвоем во главе с братьями Крым-Шамхаловыми, уже мчались по узкой лесной тропе, нещадно хлестали лошадей. За ними неслись белогвардейцы, с ходу влетали в трясину, застревали...

Воронов приказал Юдину обогнуть болото с восточной стороны и зайти отступающему противнику в тыл.

Вскоре вражеская группа, зажата со всех сторон в монастыре, была разгромлена, и бой затих.

– Ну вот и все! – устало улыбнулся Аншамаха.

Неожиданно из окна церкви хлопнул револьверный выстрел. Пуля ударилась в стену колокольни и рикошетом угодила в спину Аншамахи, но не ранила, а только стеганула, как плетью. Аншамаха передернул плечами от боли и, скинув карабин, пальнул в бандита, засевшего у окна, затем с чоновцами кинулся на паперть, но дверь в церковь оказалась запертой.

– Открывай! – закричал Аншамаха, забарабанив прикладом в дубовую дверь.

Изнутри никто не отозвался. Шмель принес лом. Сорвав дверь с петель, бойцы во главе с командиром, держа винтовки наперевес, вошли в церковь. На каменном полу, выстланном узорчатыми плитками, валялись стреляные гильзы. Аншамаха открыл царские ворота и в алтаре увидел Валерьяна, стоявшего на коленях перед иконой.

– Молишься, святой отец! – бросил Аншамаха. – Мы, кажись, это самое... малость были знакомы с тобой.

Поп еще чаще начал класть на себя кресты, бить земные поклоны, бормоча:

– О всеильный, всемогущий боже наш, защити нас!..

Аншамаха схватил его за рясу, в злобе потянул к себе:

– Ты что же, патлатый дьявол, забыл Моисееву заповедь: «Не убий»?

Валерьян дрожал как в лихорадке. Губы беззвучно шевелились. С трудом приподняв руку, он

донес ее до бледного лба, видимо, хотел перекреститься, но затем вдруг вырвался из рук Аншамахи и с диким воплем выбежал во двор...

* * *

5-й казачий эскадрон, преследуя противника, шел на рысях по выутюженной колесами грунтовой дороге. Кони дружно отбивали звонкую дробь копытами.

Виктор сидел на Ратнике, окидывая взглядом дорогие ему места. На душе у него было радостно и легко. Рядом с ним скакал на Кристалле Вьюн. В хвосте эскадрона двигались 1-й Афипский полк и два чоновских отряда – Аншамахи и Ропота. Едкая дорожная пыль бурым слоем покрывала лица верховых, тучей висела над конницей.

Но вот всадники пустили лошадей шагом. Кто-то тенором затянул:

Из-за леса, из-за гор, гей-гей!
Едет сотня казаков-лихачей.⁵⁹⁵

И едва голос запевалы достиг высшей ноты, как песню подхватили сотни других голосов, дружно, могуче:

Гей, гей, гей, говорит, –
Едет сотня казаков-лихачей!

Аминет ехала на пулеметной тачанке позади 1-го Афипского полка. Прислушиваясь к песне, она с тоской поглядывала в ту сторону, где за лесом лежала родная коммуна. Не довелось ей нынче побывать там, свидеться с любимым. А ей очень хотелось заглянуть в его глаза, поговорить с ним о многом.

И тут кто-то окликнул ее. Она обернулась и в первое мгновение не поверила своим глазам. Это был он – Мечев...

– Гаврюша!

– Аня! – Мечев бросился с коня на тачанку, обнял Аминет и, не обращая внимания на бойцов, начал целовать ее.

Пожилой донской казак, сидевший на облучке, слегка тронул Мечева за плечо, проговорил с лукавой усмешкой:

– Ты не тово, хлопец?

Мечев с улыбкой оглянулся:

– Нет, батя, все в порядке.

– Кто же будешь нашей пулеметнице? – поинтересовался донец. – Сродственник, братеник али так просто озоруешь?

– Люблю ее, батя, люблю! – крикнул Мечев, – Невеста моя, понимаешь.

– А... – протянул казак и, подмигнув, добавил: – Тады я отвернусь.

Мечев привязал своего коня к тачанке, сел рядом с Аминет... Донец ударил лошадей вожжами:

– Ну, пошли вы, удалые!

VI

Жуков, в ту же ночь покинув монастырь, к утру добрался до Тифлиской, прибыл поездом в Екатеринодар. Взяв извозчика, он направился к Лихачевой. Ему хотелось поскорее встретиться с Верой Романовной и Зоей Львовной, о которых так похвально отзывалась игуменья. Фаэтон, мягко шурша резиновыми шинами по бульжной мостовой, слегка подпрыгивал на ухабах. Полуприкрыв усталые глаза, Жуков предался размышлениям. Ему вспомнился погибший в 1918 году под

---

⁵⁹⁵ «Из-за лесу, да лесу копий и мечей» – популярная казачья песня. Восходит, вероятно, ко временам Кавказской войны 1817–1864. Свои варианты бытовали в разное время в разных казачьих войсках. – прим. Гриня

Царицыном⁵⁹⁶ екатеринодарец генерал Пышный, у которого он служил в дивизии.

«Странное совпадение фамилий!.. – подумал он. – Или, может быть, покойный генерал был мужем Зои Львовны?»

Извозчик въехал в переулок, объявил:

– Приехали. Где прикажете остановиться?

– Ты, голубчик, свободен, – ответил Жуков и, расплатившись за проезд, дальше направился пешком, завернул за угол и, пройдя еще полквартиры, остановился у зеленых ворот. Они оказались незапертыми. Жуков вошел во двор, вытер с лица обильный пот.

Из сада вышла стройная, красивая женщина с корзинкой, наполненной яблоками, грушами, сливами. Жуков поклонился ей, спросил:

– Простите, уж не вы ли будете Вера Романовна?

– Да, это я, – ответила Лихачева, настороженно вглядываясь в лицо незнакомого человека.

Жуков достал из внутреннего кармана пиджака записку.

– Это вам от Веры Аркадьевны.

Лихачева прочла записку, улыбнулась приветливо.

– Добро пожаловать, Диомид Илларионович! Прошу в дом.

В просторном зале Жуков снял фуражку, опустился в кресло у круглого стола, спросил:

– Простите. А где же Зоя Львовна?

– Она скоро вернется... Уехала в город к двоюродному брату – Забелину.

– Пенязь-Забелину? – переспросил Жуков, – Священнику Ильинской церкви?

– Да, к нему. Но мы называем его просто Забелин.

– Кстати, мне надо с ним встретиться, – сказал Жуков, с трудом сдерживая зевоту.

– Сегодня вечером он будет здесь, – сказала Лихачева. – А сейчас я покормлю вас.

– Нет, нет, – учтиво отказался Жуков. – Мне бы отдохнуть с дороги. Я всю ночь не спал.

– Сию минуточку, – сказала Лихачева. – Я приготовлю вам постель. – И она направилась в спальню.

* * *

Зоя Львовна возвратилась с Забелиным поздно вечером. Вслед за ними пришел и Губарь. Когда все уселись в портретной, Вера Романовна объявила:

– Друзья, к нам прибыл гость.

Губарь с опаской взглянул на нее, но промолчал, затем его раскосые глаза остановились на Забелине, сидевшем под образами. Это был довольно молодой поп, лет тридцати пяти, не больше. Через всю его голову тянулась широкая лысина, тускло поблескивающая при свете лампы. Жидкие косички свисали на угловатые плечи и сутулую спину. Костлявое лицо Забелина с острым длинным носом было похоже на маску. Право, не зря прихожане Ильинской церкви называли этого жилистого, худосочного попа «шкуратком»⁵⁹⁷.

Лихачева ввела в портретную Жукова. Он любезно отрекомендовался и занял место у столика. Губарь некоторое время держался настороженно, но, узнав, с какой целью прибыл Жуков и куда держит путь, успокоился.

– Лебяжский монастырь – вполне подходящее место, – сказал он. – Я убежден, что вы, Диомид Илларионович, найдете там надежных помощников.

– Меня крайне волнует одно обстоятельство, – вздохнул Жуков и взглянул на Забелина. – Что вы думаете, отец Александр, о расколе кубанского духовенства?

– К великому сожалению, раскол начался, – ответил густым басом Забелин. – Наш владыка Иоанн уподобился лукавому и коварному дьяволу, который искушает праведников и старается даже

---

⁵⁹⁶ **Царицын** – с 1925 года город Сталинград, с 1961 года город Волгоград. В 1965 году городу присвоен статус «Город-Герой» (впервые Сталинград официально назван городом-героем в Приказе № 20 Верховного главнокомандующего от 1 мая 1945 года). – прим. Гриня

⁵⁹⁷ **Шкураток** – кусочек кожи, шкурочка. – прим. Гриня

добрые дела наши превратить в грех. Поэтому мы, как христиане, должны позаботиться о спасительных средствах!

– Мы ждем викария, – вставил Губарь. – На него у нас теперь вся надежда.

– Когда же он приедет? – поинтересовался Жуков.

– Завтра ночью, – ответил Забелин. – За ним поехал протоиерей Делавериди⁵⁹⁸.

– А что за человек этот Делавериди? – спросил Жуков. – На него можно положиться?

– Не верю я ему, – мотнул головой Забелин.

– Почему?

– Он сторонник Иоанна. Хитрый, коварный, пронырливый. Боюсь, как бы он не выведал все наши тайны.

– Может быть, именно с этой целью владыка и послал Делавериди в Москву? – заметил Жуков.

– Все возможно, – согласился Забелин.

Лихачева насмешливо скривила губы:

– Когда костер гаснет, от него только едкий дым идет. Так и от нашего владыки...

Жуков случайно взглянул на портрет, висевший на стене, воскликнул с приятным изумлением:

– Господа, да это же мой бывший командир! Честное слово, он! Я у него служил в дивизии... генерал Пышный.

* * *

На улице Соборной⁵⁹⁹, у перекрестка с улицей Котляревского⁶⁰⁰, в обширном дворе с несколькими домами, тонувшими в пышной зелени фруктового сада, находилась резиденция епископа Иоанна. Некогда это подворье принадлежало богатой купчихе, после ее смерти оно было передано по завещанию Лебяжскому монастырю. Иоанн занимал дом из пяти комнат, переименованных в кельи. Вместе с ним здесь же жили келейники Борис и Артемий, горький пьяница-повар – отец Анатолий и казначей – отец Геннадий.

В трех изолированных комнатах того же дома размещалась и епархия.

Дряхлый, восьмидесятилетний владыка, широко расставив отечные ноги, сидел в глубоком кресле, откинувшись на спинку и положив на подлокотники выхоленные, мягкие, как подушки, руки. Он только что приехал из собора, где правил обедню, присел отдохнуть и задремал. Мягко ступая по персидскому ковру, закрывавшему весь пол комнаты, к епископу подошел Борис, молодой рослый келейник, и тихо доложил:

– Владыка, трапеза уже готова.

Келейники усадили владыку на приготовленный для него стул, и сами уселись рядом: Артемий – одесную⁶⁰¹, Борис – ошуюю⁶⁰². Сотворив молитву, они начали есть. Отец Анатолий налил себе в большую рюмку водки, выпил, крикнул и, понюхав корочку хлеба, принялся за еду.

В прихожей громко прозвенел звонок. Артемий выбежал на крыльцо и, возвратись, сказал:

– Владыка, к вам председатель церковного совета поп Ратмиров.

Епископ недовольно махнул рукой:

– Пусть подождет в прихожей!

Артемий вышел, передал священнику слова владыки и снова вернулся в столовую.

– Зачем он пришел? – спросил епископ.

---

⁵⁹⁸ **Протоиерей Делавериди** – Делавериди Феодор (Федор Иванович), известен тем, что в 1922 году по директивам из Москвы проводил на Кубани «Живую Церковь» (обновленческая организация, возникшая в мае 1922 года при активной поддержке ГПУ при НКВД РСФСР). – прим. Гриня

⁵⁹⁹ **Улица Соборная** – сейчас улица Ленина. – прим. Гриня

⁶⁰⁰ **Улица Котляревская** – сейчас улица Седина. – прим. Гриня

⁶⁰¹ **Одесную** – по правую сторону.

⁶⁰² **Ошуюю** – по левую сторону.

– Видимо, насчет встречи викария, – отозвался отец Геннадий.
– А я уже распорядился! – скрипуче промолвил епископ. – Чего тут еще добиваться?
Отец Анатолий налил себе вторую рюмку, сказал заплетающимся языком:
– Многие отцы обижаются на вас, владыка, что вы не включили их в список встречающих.
– Пусть обижаются! – раздраженно бросил епископ. – Будет так, как я приказал! – Швырнув вилку на тарелку, он встал из-за стола и, направляясь в зал, распорядился: – Пригласи его, белец⁶⁰³! Артемий направился в прихожую, но попа Ратмирова уже не было там – ушел.
– Негодник! – тяжело опускаясь в кресло, гневно прохрипел епископ. – Он, видимо, затем и приходил, чтобы разволновать меня.
– Не обращайтесь на него внимания, ваше преосвященство, – посоветовал отец Геннадий. – Это злодей, провокатор. В прошлое воскресенье у себя в церкви произносил проповедь. Уж так говорил, так говорил, передают, инда⁶⁰⁴ у всех прихожан слезы проступили...
– О чем же это? – спросил епископ.
– Будто бы о еретиках, – ответил отец Геннадий. – Сказывают, намекал на ваше отступничество и неправильное толкование канонов. А вообще, такие попы, как Ратмиров и Пенязь-Забелин, в тесном своем кругу называют вас просто раскольником.
– Сами они раскольники! – вспыхнул от возмущения Иоанн, затрясая всем телом. – Они толкают меня на преступление, зовут против новой власти, а я хочу жить мирно! Забыли они призывы всевышнего: «Перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову!»
Отец Анатолий промычал:
– Другое запомнили они: «Перелом за перелом... око за око, зуб за зуб...»
Не слушая его, епископ продолжал:
– Апостол Павел в своем послании к римлянам писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога; существующие власти от бога установлены! Посему... противящийся власти противится божию установлению!..»⁶⁰⁵ – Он встал и медленно пошел в спальню.

VII

Угасала вечерняя заря. Дневная жара спадала.

У главного входа в Красный собор⁶⁰⁶ собралось духовенство города. Шли сюда и горожане: одни из простого любопытства, чтобы увидеть нового викария; другие, особенно перезревшие мещанки, узнав, что ему всего тридцать шесть лет, решили проведать, каков он собой: хорош или дурен...

Из собора вынесли кресты, хоругви, иконы, зажженные фонари, и шествие, возглавляемое Гангесоном, направилось на Борзиковскую улицу⁶⁰⁷ и, пройдя через «Триумфальные ворота»⁶⁰⁸, потянулось на вокзал.

Среди попов и монахов оказался и Жуков. На нем так же как и на всех «святых отцах», – черная

---

⁶⁰³ **Белец, белица** – термин, обозначающий в русских монастырях как лиц, готовящихся к поступлению в монашество, но ещё не принявших обета, так и мирян, не имеющих намерения посвятить себя монашеской жизни, а просто удалившихся от мирских сует на житье в монастырь. – прим. Гриня

⁶⁰⁴ **Инда** – так что; так что даже; до того, что. – прим. Гриня

⁶⁰⁵ Рим. 13:1–2 – прим. Гриня

⁶⁰⁶ **Красный собор** – Свято-Екатерининский Кафедральный Собор. – прим. Гриня

⁶⁰⁷ **Улица Борзиковская** – сейчас улица Коммунаров. – прим. Гриня

⁶⁰⁸ **«Триумфальные ворота»** – Царские ворота (Александровская триумфальная арка), возведенные в 1888 году к приезду Александра III, на пересечении улиц Котляревской (Седина) и Екатерининской (Мира). Разрушены в 1928 году. – прим. Гриня

ряса и колпак, в руках деревянный крест с распятием. Он шел рядом с Забелиным. За ним грузно вышагивал здоровенный монах с черной окладистой бородой и длинными патлами, падавшими на широкие плечи. Это был архимандрит Дорофей, игумен Черноморской Екатерино-Лебяжской общежительной⁶⁰⁹ пустыни. За Дорофеем поспешал низенький поп Ярон из того же монастыря.

С Гангесоном поравнялся священник Столяревский, украдкой спросил:

– А что, отец Никандр, этот викарий, ежели чего... не возьмет нас в свои «ежовые рукавицы»?

Гангесон метнул на него недовольный взгляд, прошептал:

– Говорение – серебро, а молчание – золото...

Он был человеком неразговорчивым, не любил болтать лишнего.

Шествие приближалось к вокзалу.

У перрона остановился курьерский поезд. Из второго вагона вместе с пассажирами вышли двое в поповском одеянии. Это были викарий Рождественский⁶¹⁰ и священник Делавериди.

У выхода в город они повстречались со священником Столяревским и еще двумя попами Покровской церкви⁶¹¹, обменялись рукопожатиями, направились на привокзальную площадь, где викария ожидало духовенство города. Забелин неожиданно выбежал вперед, стал рядом с Гангесоном. Тот метнул на него уничтожающий взгляд, поморщился и поспешно отошел в сторону.

Вера Романовна и Зоя Львовна стояли среди мещанок у входа в здание вокзала. Увидев Евсевия Рождественского, остановившегося в полосе света, падавшего от фонарей, Лихачева шепнула Зое Львовне:

– А он недурен!

Высокий, стройный, как гусар, с величавым лицом, обрамленным каштановыми волосами, ниспадающими локонами из-под черной бархатной скуфейки на покатые плечи, Евсевий по-мужски был красив. Небольшая бородка и усы придавали ему холодную строгость. На его широкой груди поблескивал золотой крест с распятием.

Зоя Львовна устремила на него свои обворожительные карие глаза, чуточку наклонила голову. Однако Евсевий не заметил ее долгого взгляда: уж слишком много в эту минуту смотрело на него умиленных, взволнованных глаз.

Наступила тишина. Гангесон сделал шаг вперед, произнес от имени духовенства области короткую приветственную речь, пригласив новоприбывшего пастыря в свою братскую семью.

С ответным словом выступил Евсевий... Едва он произнес «аминь», как со всех сторон к нему бросились дамочки. Хватаясь за длинные полы и просторные рукава его рясы, они начали целовать ее, креститься, бить земные и поясные поклоны. Зоя Львовна с трудом протиснулась сквозь толпу, схватила Евсевия за руку и, припав к ней губами, прошептала: «Слава тебе, владыка, слава!..»

Подали карету, Евсевий трижды осенил женщин крестным знаменем, устроился на мягком сиденье экипажа между Делавериди и Гангесоном и уехал в город...

Дул восточный порывистый ветер, гнал по небу черные дождевые тучи. Невдалеке от города уже бушевала гроза с белыми молниями и раскатами грома. Солнце, прорвавшись на несколько мгновений из-за туч, залило алым светом белые купола и позолоченные кресты Красного собора и тут же снова скрылось.

В доме епископа Иоанна стояла тишина. Лишь на кухне отец Анатолий, шурша по полу шлепанцами и бряцая посудой, стряпал завтрак. Из раскрытой двери в залу тянулся душистый запах

---

⁶⁰⁹ **Общежительный монастырь** (киновия) – монашеская община (коммуна) с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией. Необщественные монастыри (в которых монахи могут владеть личной собственностью) называются особожительными, своекоштными, идиоритмическими. – прим. Гриня

⁶¹⁰ **Архиепископ Евсевий** (в миру Евгений Петрович **Рождественский**, род. с. Питим, Тамбовская губерния) – епископ Русской православной церкви, кандидат богословия. 15(28) марта 1920 года рукоположен во епископа Яранского, викария Вятской епархии. В 1922–1923 года – епископ Ставропольский и Кубанский. С января 1923 года – епископ Ейский, викарий Краснодарской епархии. – прим. Гриня

⁶¹¹ **Церковь Покрова Пресвятой Богородицы** в Екатеринодаре была расположена в середине квартала между ул. Ярмарочной (Головатого), Кузнечной, Конвойной (Кутузова) и Березанской. Снесена в 1936, на месте храма построена коррекционная средняя школа-интернат № 15, открыт детский сад № 24. – прим. Гриня

жарившихся сырников.

Владыка с закрытыми глазами сидел в своем излюбленном кресле и сквозь полудрему прислушивался к гулу приближавшейся грозы. На коленях у него лежал раскрытый журнал «Русский паломник».

В залу бесшумно вошел Борис, остановился в нерешительности, словно боясь нарушить покой старика.

Иоанн открыл глаза.

– Что там?

– Протоиерей Делавериди пришел, – доложил Борис

– Проси его сюда!

Вошел Делавериди, перекрестился, отвесил поклон.

Иоанн, подавшись вперед и опираясь руками о подлокотники, спросил:

– Ну, как ездило, отец протоиерей? Что нового в Москве? – Он указал на кресло: – Садитесь и рассказывайте!

Делавериди подобрал полы рясы, занял место у стола.

– Положение святейшего синода, а также и всех московских церквей весьма и весьма шаткое, владыка... хотя патриарх Тихон и принимает все необходимые меры, чтобы восстановить былую силу церквей российских, но на этом пути, как вам уже известно, у него много противников. Мне лично пришлось беседовать с ним... Очень уж он обеспокоен тяжелым положением барона Врангеля в Крыму... призывает нас, все духовенство Кубани, выступить в его защиту.

– Какая теперь может быть защита? – Иоанн безнадежно махнул рукой.

Делавериди заерзал на стуле.

– Патриарх решил начать открытую борьбу с большевиками. В разговоре со мной он высказал недовольство вами, владыка. Считает, что вы относитесь к Советской власти не так, как желательно ему.

Иоанн отбросил журнал на столик, и его лицо, обросшее седыми волосами, покрылось лилово-красными пятнами.

– В этих делах я ему не помощник! – сказал он с нескрываемым раздражением.

– Видимо, с этой целью патриарх и прислал нам отца Евсевия, – осторожно добавил Делавериди. – Полагаю, Евсевий получил указание навести здесь порядок, угодный патриарху, и не допустить среди духовенства области раскола.

– И патриарх, и Евсевий решили действовать в лоб, но из этой затеи у них ничего не выйдет, – заявил Иоанн.

– И тем не менее патриарх надеется на вас, владыка, – подчеркнул Делавериди. – Сейчас он стремится объединить вокруг себя распыленные силы контрреволюции, воздействовать своим авторитетом на верующих и таким образом восстановить Россию – единую, неделимую, с монархом и со всеми старыми порядками.

Иоанн задумчиво потеревил бороду.

– Ну, а как настроен Евсевий?

– В дороге мы с ним не беседовали на эту тему, – ответил Делавериди. – А вот в Ростове, например, в номере гостиницы, он прямо сказал мне, что Советская власть послана нам в наказание божие.

Иоанн поморщился, проговорил хрипло:

– Ну хорошо, пригласите его ко мне на трапезу и сами приходите...

Евсевий принял приглашение Иоанна и вместе с Делавериди явился к владыке на завтрак.

Стол, покрытый черной скатертью, не отличался разнообразием яств: сырники, молоко, простокваша и бутылка кагора. Иоанн был внимателен к своему новому заместителю и не сразу начал разговор о главном.

Как бы давая понять, что ему многое известно о прошлом Рождественского, он сказал:

– Значит, вы родом из Вятки... Слыхал я о вас...

– Да, я служил у епископа Никандра викарием по Уржумской кафедре, затем состоял профессором в Казанской духовной академии⁶¹², – ответил Евсевий.

---

⁶¹² И. д. доцента 1-й кафедры Священного Писания Ветхого Завета Казанской духовной академии, иеромонах **Евсевий** 8(21) декабря 1917 года уволен по болезни с духовно-учебной службы. 15(28) марта 1920 года рукоположен во

– А почему же вы оставили должность профессора? – спросил Иоанн.

Евсевий немного замялся, но, быстро овладев собой, ответил:

– Видите ли... я был смещен... Против меня восстали академисты-студенты... Дескать, я деспотичен и крайне жесток... Это, разумеется, ересь. Просто я требовал от них порядка и знаний. Основная же причина кроется в другом: меня обвинили в контрреволюционной пропаганде... После этого патриарх Тихон предложил мне поехать на Кубань для оказания помощи вам.

– А как вы относитесь к обновленческому движению? – поинтересовался Иоанн.

Евсевий прямо посмотрел ему в глаза, заявил открыто:

– Я сторонник патриарха Тихона.

– И в отношении Советской власти придерживаетесь взглядов патриарха?

– Этот вопрос весьма щепетилен, ваше преосвященство, – сказал Евсевий, – Советские законы не так уж и плохи... Советская власть обеспечивает свободу вероисповеданий. Каждому вольно верить как угодно. И на этом основании мы будем верить по-тихоновски. Вот и все.

В дверях появился келейник Артемий, доложил Иоанну, что прибыли игумен Лебяжского монастыря Дорофей с попом Яроном и еще каким-то незнакомым монахом.

– Пусть войдут, – сказал епископ.

В залу ввалился тучный Дорофей. Размахисто осенил себя крестом, пробасил:

– Доброе утро, святые отцы.

Вслед за ним вошел поп Ярон. Незнакомец задержался на пороге. Иоанн пристально уставился на него.

– Это господин Жуков, – сказал Дорофей. – В прошлом офицер. Остался здесь, на Кубани, после разгрома врангелевских десантов.

Епископ пригласил всех к столу. Жуков тут же изложил цель своего пребывания на Кубани и в заключение сказал:

– А теперь я прошу вашего благословения, владыка. Разрешите мне начать свою деятельность в монастырях среди монахов. Прежде всего я хочу поехать в Екатерино-Лебяжскую пустынь.

Епископа бросало то в жар, то в холод. Он неторопливо вынул из кармана подрясника платок и, приложив его к вспотевшему лбу, промолвил:

– Вы ставите меня, господин Жуков, в затруднительное положение. Запретить вам вашу работу я не могу, но... и благословлять не имею права... Сами понимаете, какое нынче время...

Заявление Жукова обрадовало Евсевию, но он постарался внешне ничем не выдать этой радости.

– Как же мне быть? – спросил Жуков.

Ему ответил Евсевий, отнюдь не ободряюще:

– Весьма сожалеем, но... мы сейчас должны придерживаться нейтралитета. Естественно поэтому, что их преосвященство не могут дать вам своего благословения. Действуйте самостоятельно, без нашей помощи...

VIII

Потерпев поражение у монастыря. Хвостиков в тот же день выехал на легкой автомашине с братьями Крым-Шамхаловыми и Матяшом в горы.

За ночь он проскочил через станицы Зеленчукскую и Кардоникскую и на рассвете был уже в Тебердинском ущелье. Слева и справа громоздились лесистые горы, окутанные густым утренним туманом. Над дорогой свисали скалистые глыбы, а по дну ущелья с ревом и гулом, вся в хлопьях пены, мчалась река Теберда.

Вдали на фоне голубого неба четко проступали ледниковые шпили Ульгена⁶¹³, внизу, между ними, тянулась дорога к Клухорскому перевалу.

Матяш сидел между Баксануком и Даудом. Хвостиков занимал место рядом с шофером. Как ни

епископа Яранского, викария Вятской епархии. 3(16) декабря 1920 года он был перемещён на Уржумскую кафедру, в то же время сохраняя обязанности по временному управлению Вятской епархией. – прим. Гриня

⁶¹³ Домбай-Ульген – высшая точка Западного Кавказа (4046 м), расположен на границе Абхазии и Карачаево-Черкесской республики. – прим. Гриня

горько было на душе у Матяша от сознания, что ему приходится бежать из родных мест, он невольно любовался суровой и величественной горной природой.

Наконец на левом берегу Теберды показался белокаменный Спасо-Преображенский (Сентийский) женский монастырь. Над ним вздымалась высокая скала, увенчанная малым храмом святого мученика Агафодора; под скалой, саженей на сто ниже, стояли еще два каменных храма: один – того же святого, другой, чуть поменьше, – святого апостола Андрея. Вокруг храмов лепилось множество всяких построек.

Машина переехала мост и остановилась у небольшого домика, обнесенного деревянным частоколом, за которым раскинулся фруктовый сад с аллеями и цветниками. Здесь все дышало прохладой, царила идеальная чистота.

Во дворе – ни души, тихо.

Дауд проворно вылез из автомобиля и открыл дверцу Хвостикову.

На ступеньках крыльца появилась тучная, немолодая женщина, одетая по-домашнему. Хвостиков и Крым-Шамхаловы сразу узнали в ней игуменью Сентийского монастыря. Она поспешила навстречу гостям, радушно пригласила генерала к себе в дом. Пока Хвостиков умывался, она сменила свой домашний наряд на просторную черную мантию и черный клобук.

– Какие новости привез, Алексей Иванович? – спросила она.

– Я по очень важному делу, мать Раиса, – ответил Хвостиков. – Есть у меня в Кардонике кое-какие ценности. Хочу сдать их вам на хранение. В основном золото. Ну и прочие драгоценности.

– И много у тебя золота? – спросила игуменья.

– Как вам сказать. – Хвостиков пожал плечами. – Я его не взвешивал... Пожалуй, пудов пятнадцать – двадцать.

– Изрядно, изрядно набралось его у тебя, – улыбнулась игуменья и, помолчав, добавила: – Что же, Алексей Иванович, привози... Я дам тебе сохранную расписку.

Баксанук и Дауд, поджидая генерала, стояли под развесистой яблоней. Матяш сидел на скамье у забора, курил сигарку за сигаркой и исподлобья, хмуро поглядывал по сторонам. Подозвав к себе княжичей, он спросил:

– Далеко отсюда до вашего имения?

– Верст пять будет, – ответил Дауд.

– Может, пешком пойдем? – предложил Матяш.

– Это корошо пешком! – одобрил Баксанук, – Горы наши вай какие кирасивые.

На крыльцо вышли Хвостиков и игуменья. Матяшу очень хотелось рассеяться, отойти от тех кошмаров, которые одолевали его в последние дни, не давали покоя. Он попросил генерала, чтобы тот разрешил ему и княжичам остаться в монастыре еще на два-три часа. Хвостиков не возражал, однако велел долго не задерживаться. Простившись с игуменьей, он уехал на автомобиле.

Матяш закинул карабин за плечи, кивнул княжичам:

– Пошли!

Игуменья согласилась проводить их до верхнего храма, взяла зонтик и, поддерживаемая под руку Матяшом и Даудом, вышла на каменистую, круто поднимающуюся вверх дорогу, пояснила:

– Эта дорога называется задней, обходной. По ней мы и дойдем до верхнего храма. – Она медленно опустилась на скамью, скрывавшуюся в тени орехового куста, продолжала: – Когда в девятисотом году ее строила моя предшественница монахиня Екатерина, то сестры-работницы разбежались из монастыря. Осталось только семь душ.

– Почему же они разбежались? – любопытствовал Матяш.

– Работа была слишком тяжелой. Дорога прокладывалась вручную. Сестры рвали порохом скалы, сооружали мосты, рубили деревья. На себе носили камни и лес в гору и воздвигали храмы. Так был построен этот монастырь. Освятил его преосвященный Агафодор, именем которого были позже названы верхний малый храм и нижний большой.

Дорога, вырубленная в скалах, под нависшими утесами, то и дело круто поворачивала вдоль бездонных пропастей. У одного из таких поворотов игуменья указала на остатки склепа, сложенного из больших, хорошо отесанных каменных плит в выступе горы:

– Здесь, в скалах и пещерах, много таких склепов...

Наконец с трудом поднялись к храму, обнесенному железной решетчатой оградой. Слева от входа в храм стоял дольмен.

– Здесь мы храним несколько черепов и старинные сосуды, найденные в земле при постройке

храма, – сказала игуменья. – Хотите взглянуть на них?

Братья Крым-Шамхаловы мало интересовались содержимым усыпальницы и остались на уступе скалы, а Матяш вслед за игуменьей вошел в дольмен, в углу которого, перед образами, трепетно шевелился огонек лампы. На столе, под стеклом, лежали «таинственные кости». Над ними на серой стене высечена надпись:

С любовью просим вас, посмотрите на нас. Мы были как вы, а вы будете как мы. Некогда и мы услаждались земными удовольствиями, но смерть безразлично всех похищает и в землю скрывает. Вот где наши мирские мечты! Слава, богатство и честь скрыты в тесных гробах. Просим вас, братия и сестры, не забывайте нас, когда молитесь. Вы будете помнить нас, а мы будем встречать вас – господи, упокой души их.

Прочитав эту надпись, Матяш почувствовал, как в его сердце пахнуло холодком. Ему подумалось, что скоро пробьет и его последний час, что и он уйдет туда, куда ушли эти таинственные люди, превратится в прах и тлен. И именно в эти минуты он с особой силой ощутил лютую ненависть к Хвостикову, который спасался бегством, оставив на произвол судьбы свою армию, обрек на гибель тысячи людей. Окажись Хвостиков сейчас здесь, Матяш без колебаний пустил бы ему пулю в лоб.

– А вы давно знаете Алексея Ивановича? – неожиданно спросила игуменья.

Матяш вздрогнул.

– Нет, недавно. С июня этого года.

Игуменья смахнула кружевным платочком пот с жирного подбородка, снова завела речь об истории монастыря:

– Здесь в шестом году свершилось чудесное исцеление двенадцатилетнего казачонка Иллариона Рогожина из Кардоника. После акафиста мальчик смог ходить самостоятельно. Об этом чуде все знают.

– А какого вы мнения об Алексее Ивановиче, матушка? – осторожно прервал ее Матяш.

Подумав немного, она ответила:

– Жена у него... Нина Гавриловна, хорошая... а он... какой-то странный. Запутался в революции и вот очутился на грани гибели, зря только людей губит...

Они вышли из дольмена. Братья Крым-Шамхаловы по-прежнему стояли на краю уступа, откуда открывался вид на широкую долину и живописную панораму гор Канделяпляр⁶¹⁴.

– Вот наше имение! – указал Дауд на башню, проступавшую сквозь дымку утреннего тумана.

Матяш обратился к игуменье:

– Я слышал, что этот храм построен греками.

– Да, – подтвердила игуменья, – когда Карачай был присоединен к России, то русские сразу же заинтересовались этим храмом. Тогда в одном из владикавказских госпиталей работала сестрой милосердия воронежская крестьянка Евдокия Макарова, участница войны 1877 года. Она случайно узнала от одного зеленчукского инок об этом таинственном храме на скале среди магометанских земель и пришла в Сенты для основания монастыря. В первую же ночь Макарова услышала долгий загадочный звон большого колокола, разливавшийся по глубоким ущельям. А в 1881 году она вместе с сестрами начала очищать этот храм от навоза, мусора и камня... Сентийцы⁶¹⁵ мешали ей отстраивать монастырь. И все же монастырь был построен.

После беглого осмотра храма Агафодора Матяш распростился с игуменьей и вместе с княжичами двинулся вниз, к долине, где в имении Крым-Шамхалова их ждал Хвостиков.

Узкая извилистая тропа петляла по крутому склону хребта, терялась в густых зарослях. Верстах в двух от монастыря путники вдруг услышали басовитый мужской голос, долетавший откуда-то снизу. Баксанук вынул наган из кобуры, Дауд крепко сжал рукой эфес кинжала, а Матяш взял карабин наперевес. Осторожно продвигаясь вперед, они приблизились к тому месту, откуда

---

⁶¹⁴ Наверное, имеется ввиду гора **Кенделляр-Ляр** хребта Кенделляр-ляр–Чимулляр-баши. – прим. Гриня

⁶¹⁵ **Сентийцы** – жители аула Сенты (Нижняя Теберда). Имеется в виду, что при строительстве монастыря насельники реконструировали храм, исказив его первоначальную форму, чему противились местные жители. – прим. Гриня

доносился голос, залегли в кустах папоротника и, раздвинув ветки, увидели потешное зрелище. На маленькой поляне под тенистой чинарой плясали две молодые монашки и один монах. На валуне, накрытом черной шалью, лежала закуска и стояли две бутылки. Баксанук сразу узнал монаха Луку из Шоанинского монастыря⁶¹⁶ – высокого, широкого в плечах, с хищным носом и длинными космами. Монахини, видимо, уже изрядно выпили, задрали подрясники, прыгали вокруг камня и пели:

Мы телички⁶¹⁷,
Мы чернички...

Лука, точно так же подобрав широкие полы, следовал за ними вприпрыжку на тонких длинных ногах, гудел басом:

А я ваш бугай⁶¹⁸!
А я ваш бугай!

Этот пляс «святош» вызвал у Матяша омерзение. И он гаркнул во все горло:

– А я ваш пастух, матери вашей черт!

И пальнул в воздух из карабина.

Плясуны бросились наутек и исчезли в зарослях. Матяш подошел к камню, брезгливо сшиб ногой закуску и выпивку.

«Вот они, мирские услаждения! – подумал он. – Какая гадость!»

Баксанук и Дауд покатывались со смеху.

IX

В узком ущелье, у подножия высокой снеговой горы Кобчик, с вершины которой шумно сбегает серебристой лентой водопад, получивший год тому назад название «Слезы Фати», разбросались постройки, сады и парки имени князя Мурзакулы Крым-Шамхалова⁶¹⁹. Шагах в восьмидесяти от водопада, у двадцатисаженного обрыва над притоком Безымьянным, возвышается старинная башня, некогда служившая предкам князя Крым-Шамхалова для наблюдения за набегами неприятеля. Вся усадьба, примыкавшая роскошным садом к красивому озеру Кара-Кель⁶²⁰, была обнесена высокой каменной стеной. На притоке – лесопильный завод и маленькая электростанция.

В центре усадьбы, выглядывая сквозь тенистые ветки платанов узкими стрельчатыми окнами с ажурными переплетами, красовался трехэтажный рубленый дом, выкрашенный в голубой цвет. Рядом, в ореховых кустах, кунацкая⁶²¹ и столовая для гостей. От главного дома в парк и сад в

---

⁶¹⁶ В нескольких километрах к северу от Спасо-Преображенского женского монастыря на отроге скалы Шоана находился мужской монастырь, носящий название упомянутой скалы.

⁶¹⁷ **Теличка** – телочка, тёлка, телушка, теленок женского пола. – прим. Гриня

⁶¹⁸ **Бугай** – бык, племенной бык. – прим. Гриня

⁶¹⁹ **Крымшамхалов, Мырзакул** Пашаевич – князь, кадровый военный, подьесаул 2-й Кубанской пластунской бригады, позже полковник. Участник Русско-японской войны. Во время гражданской войны Мырзакул в составе Добровольческой армии был командиром карачаевского конного полка карачаевской конной бригады Сводно-Горской дивизии (с 11 декабря 1918). Согласно воспоминаниям «белого» генерала М. А. Фостикова, в смутное время гражданской войны карачаевцы строго ориентировались на Мырзакула, а тот, в свою очередь, являлся для них признанным авторитетом. Поэтому он, осознавая бесперспективность и неблагоприятные для карачаевцев последствия, пресекал попытки Фостикова втянуть в боевые действия местное население. – прим. Гриня

⁶²⁰ **Озеро Каракель** расположено в 12 км к югу от села Тебердинское (теперь – аул Верхняя Теберда), сейчас это место – между северной и южной частью города Теберда, вдоль улицы Ленина (участок Военно-Сухумской дороги, трасса А-155). – прим. Гриня

⁶²¹ **Кунацкая** – комната в доме или отдельная постройка в усадьбе для гостей у народов Кавказа. – прим. Гриня

густой зелени стройных и высоких сосен шла широкая мраморная аллея к озеру.

На хозяйственном дворе – склады, конюшни, коровники, бараки для батраков и рабочих.

За усадьбой, вдоль озера, версты на три⁶²² тянулась ровная долина Наротлы-Кол⁶²³, упиравшаяся в Лысую гору, на склоне которой уютился аул Али-Бек.

В ущелье повсюду стояли усиленные дозоры, разъезжали верховые патрули из Карачаевского конного полка, находившегося под командованием генерала Султан-Клыч-Гирея⁶²⁴. Усадьба князя также охранялась часовыми. На башне маячил караульный, который время от времени озирал в бинокль всю округу и потом мерно, с винтовкой за плечами вышагивал по площадке.

Сегодня с самого утра в усадьбе суетно: здесь готовились к встрече гостя, богатого князя Барисбия Дудова⁶²⁵, жителя аула Хузрук⁶²⁶, зятя Мурзакулы Крым-Шамхалова.

На увитое виноградными лозами крыльцо главного дома вышел «правитель» Карачая, полковник Крым-Шамхалов. Несмотря на его шестидесятилетний возраст, в жестких черных волосах – ни одного седого волоса. Горбоносое лицо аккуратно выбрито, на щеках – едва заметные розовые прожилки.

Спускаясь по ступенькам, он отбросил полу легкого белого бешмета, достал из кармана красных галифе серебряный портсигар, закурил папиросу. В это время караульный оповестил с башни о приближении автомобиля Хвостикова. Князь радушно встретил нежданного гостя. Хвостиков в свою очередь высказал немало лестных слов в адрес гостеприимного владельца имения.

К ним подбежал младший сын князя – Исмаил... Первая жена Мурзакулы – балкарка – умерла в девятьсот третьем году, оставив ему троих детей: Баксанука, Дауда и дочь Фатиму. Второй раз князь женился в Петербурге на вдове русского полковника, погибшего в русско-японскую войну. Четырнадцать лет тому назад вторая жена родила Исмаила... Мурзакула представил его Хвостикову. Отрок по-молодецки вскинул руку к белоснежной бараньей папахе с малиновым верхом, крикнул звонко:

– Салям алейкум, господин генерал!

Мурзакула довольно улынулся, сказал:

– Поезжай, сынок, в аул Али-Бек и объяви там жителям, что я приглашаю их к себе на большое гулянье! Скажи, лучшим джигитам будут вручены призы. Ну, живо!

Исмаил затрепетал от радости, рванулся на хозяйственный двор с такой быстротой, что полы его кремового бешмета раскрылись, как крылья.

⁶²² Наверное автор имел ввиду «вдоль реки Теберда, версты на три», само озеро Каракель небольшое, в длину около 300 метров. – прим. Гриня

⁶²³ Река **Наротлыккол** протекает в 2–3 км к западу от аула Нижняя Теберда и отделена от него горной грядой, на которой расположен Сентийский храм святого мученика Агафодора. От озера Каракель река **Наротлыккол** расположена более чем в 20 км на север. Относительно ровная местность вдоль правого берега реки Теберды в районе озера Каракель носила название «урочище Крылган» – прим. Гриня

⁶²⁴ **Султан Клыч-Гирей** – российский военачальник, деятель Белого движения, первопоходник, член ЦК «Северо-Кавказского национального комитета» (СКНК). В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, выдан англичанами советскому командованию, осужден и казнен в Москве. В 1920 году после поражения и эвакуации ВСЮР в Крым, вместе с остатками своей дивизии перешёл границу Грузинской Демократической республики, где и был интернирован. Затем уехал в Крым, а оттуда по приказу генерала Петра Врангеля – в Карачаевскую область Северного Кавказа, для организации «бело-зеленых» отрядов. Командуя сформированными отрядами, в боях с Красной армией потерпел поражение и вновь бежал в Грузию. Весной 1921 года эмигрировал за границу. – прим. Гриня

⁶²⁵ **Дудов Барисбий** – командир одного из подразделений повстанческого ополчения, организованного в ответ на акцию устрашения особоуполномоченного 9-й Красной Армии Черемухина по уничтожению станицы Кардоникской руками карачаевцев. Во главе повстанческого военного штаба стоял полковник Мырзакул Крымшамхалов. Повстанческое ополчение формально подчинялось генерал-майору Султану Клыч-Гирею, объявленному командующим «Северо-Кавказского фронта». Карательных экспедиций вглубь Карачая удалось избежать благодаря переговорам, проведенным в станице Красногорской 27 октября 1920 г. – прим. Гриня

⁶²⁶ Так в тексте, правильно – **Хузрук** – аул в Карачаевском районе Карачаево-Черкесии. Расположен в западном Приэльбрусье, при слиянии рек Уллухурзук с р. Уллу-Кам (в верховьях Кубани). – прим. Гриня

Мурзакула подозвал к себе конюха, сказал:

– Аскерби, зарежь бычка и мясо отправь на кухню.

– Слушаюсь, князь! – промолвил Аскерби и побрел к скотному двору.

Хвостиков обратил внимание на батрака, сказал:

– Что-то больно независимый вид у этого холопа.

Мурзакула хищно прищурился.

– Это тот самый Карабашев, из-за которого я силой выдал Фатиму за Дудова.

– Вообще-то он недурен собой, – заметил Хвостиков.

В просторной кунацкой стояли кожаный диван в темно-синем бархатном чехле, несколько кресел, стол, большое трюмо, гардероб, блестящий черной полировкой. Стены завешаны дорогими персидскими коврами. Вместо вешалки – рога тура.

На полу лежал намазлык – маленький ковер для молитвы.

Мурзакула настезь распахнул два занавешенных гардинами окна, обращенных в сторону гор, и, пригласив гостя к столу, промолвил угрюмо:

– Слышал я, Алексей Иванович, что дела у вас на фронте неважные.

– Неважные – это не то слово, – поморщился Хвостиков. – Вернее сказать, катастрофические. Армия моя не выдерживает натиска красных, бежит в панике. Теперь единственная надежда на горы. Мы должны остановить противника, во что бы то ни стало удержать в своих руках Тебердинское ущелье, чтобы можно было отойти через Клухорский перевал к морю, под защиту английских и американских сил. Но меня очень беспокоят ваши абреки⁶²⁷, князь. Они грабят кабардинцев и казаков, среди бела дня нападают у меня в тылу на села и угоняют скот.

– А что я поделаю? – беспомощно развел руками Мурзакула. – Это же настоящие башибузуки⁶²⁸. Горы кишат ими. Тут недалеко действует банда Хубиева.

– Сущий разбой, – продолжал с гневом Хвостиков. – На днях абреки завели партию донцов в горы, обобрали их и пустили в одном белье. Каменноостцы устроили засаду моим казакам под Бургустанской⁶²⁹ и всех уничтожили. Словом, карачаевцы ведут себя возмутительно. Надо кончать с этим, князь. Ведь у вас здесь два полка под вашим личным командованием и командованием генерала Султан-Клыч-Гирея. Неужели вы не можете одолеть бандитский сброд?

– Увы, мы бессильны, – вздохнул Мурзакула. – Народ наш говорит уже открыто: «Аллах, если ты лишил нас веры, то не лишай айрана...»

Хвостиков бросил на него ледяной взгляд.

– Я прихожу к убеждению, что карачаевцы только вредят мне. Видимо, им по душе большевики!

– Не знаю, кто им больше по душе, – пожал плечами Мурзакула. – Но на сборе в Большом Карачае⁶³⁰ они прямо заявили мне: «Пусть Хвостиков и красные дерутся между собой, а мы посмотрим, что из этого выйдет».

---

⁶²⁷ **Абрек** – скиталец, разбойник. В прошлом у народов Северного Кавказа изгнанники из рода, ведущие скитальческую, разбойническую жизнь. В эпоху завоевания Кавказа русскими – горец-партизан. Позднее – горец-разбойник на Кавказе. – прим. Гриня

⁶²⁸ **Башибузуки** – название отрядов турецкой нерегулярной кавалерии, существовавших во времена Османской империи. Имя башибузуков стало нарицательным для характеристики человека, способного на самое возмутительное по своей жестокости насилие и не подчиняющегося никакой дисциплине. – прим. Гриня

⁶²⁹ Один из вариантов наименования станицы **Боргустанская** Предгорного района Ставропольского края. 11 сентября 1920 года была занята 2-я Южно-Осетинской добровольческой бригадой красных. Далее сведения разнятся, но в ту же ночь бригада была разгромлена повстанцами. **Каменноостцы** – судя по контексту, здесь имеются в виду жители села Ахалшени (на русских картах начала XX века – село Каменноостское), сейчас – аул Каменноост, пригород Карачаевска. – прим. Гриня

⁶³⁰ **Большой Карачай** – место в слиянии рек Учкулан и Уллу-Кам, дающих начало реке Кубань. Здесь расположены три аула: Хурзук (р. Уллу-Кам), Учкулан (устье р. Учкулан) и Карт-Джурт (сейчас Карт-Джурт, р. Кубань), которые совместно и называют «**Большой Карачай**». По преданиям карачаевцев, это место является прародиной их народа, а потому считается священным, «сердцем» всего Карачая. Вплоть до революции это был политический, культурный и духовный центр. – прим. Гриня

– Так это же бунт, предательство! – вскипел Хвостиков и яростно стукнул кулаком по столу.

– Да, похоже что так, – подтвердил Мурзакула. – Когда мы с Султан-Клыч-Гиреем возвратились сюда из Грузии в первой половине августа, то сразу почувствовали, что нам здесь будет нелегко. Сейчас карачаевцы отошли от нас и чинят козни не только вам, но и мне. Вчера, например, абреки угнали в горы стадо моих коров и лошадей.

– Даже так? – Хвостиков скривил губы.

– Вся беда в том, – продолжал Мурзакула, – что карачаевцы не грабят мирных жителей, как вы говорите, а нападают на богатых людей и на мелкие подразделения наших войск, обезоруживают их, забирают амуницию и продовольствие.

Хвостиков резко встал и, заложив руки за спину, подпрыгивающей походкой зашагал по кунацкой, затем остановился у окна, сказал с раздражением:

– Войну мы уже проиграли!.. Теперь надо думать, как уйти за границу...

На лесистом склоне горы появились три человека в белом. Они спустились по тропинке к мосту через приток Безымянный.

Хвостиков указал на них:

– Что это за люди?

Мурзакула поднес к глазам бинокль.

– Да это же Баксанук и Дауд!.. А вот третьего не знаю... Но почему они в одном белье?!

Он выбежал из кунацкой. Хвостиков последовал за ним. В аллее сада они встретились с княгиней. Она удивленно округлила глаза:

– О, да у нас гость! Здравствуйте, генерал!

– Здравствуйте, Анна Петровна! – поклонился Хвостиков.

Княгиня, чуть приподняв белое платье, неторопливо спустилась с каменных ступеней на небольшую площадку, с улыбкой обратилась к генералу:

– А вы нас не забываете, Алексей Иванович.

– Старых друзей нельзя чураться, Анна Петровна.

Мурзакула указал жене на людей в белом, уже переходивших мост.

– Видишь, кто там? Дауд и Баксанук!

– И мой офицер Матяш, – добавил Хвостиков.

– Боже, да они же раздеты! – воскликнула княгиня. – Нет, нет, я должна уйти. – И она быстро зашагала к дому.

Первым к отцу подбежал Дауд в кальсонах и нижней изодранной рубашке.

– Видал, какой бандит на гора! – вскричал Дауд. – Двадцать аскерчи⁶³¹ хватал! Карачи, кабарда и рус.

– Что и говорить, славно встретили нас здесь, в глубоком тылу! – язвительно бросил Матяш.

Мурзакула побагровел.

– Черт знает что творится! Идите оденьтесь.

Княжичи с Матяшом направились к особняку.

– Этак абреки скоро и до нас доберутся, – заметил Хвостиков.

Мурзакула в злобе потряс сжатым кулаком.

– Я не прощу им этой подлой выходки!

Мимо ворот проскакал верховой. Мурзакула узнал в нем Абрекова, бедняка-карачаевца из аула Али-Бек, выбежал со двора и закричал:

– Эй, Таго!.. Ты нарушаешь закон адата⁶³². Остановись и объясни мне, в чем дело?

Но Абреков еще быстрее пустился по дороге, хотя по мусульманским обычаям он обязан был слезть с коня и провести его в поводу мимо княжеской усадьбы. Мурзакула хотел послать за ним вдогонку своих солдат, но тут издали донесся звон бубенчиков: на дороге из Тебердинского ущелья показался щегольской фаэтон. На козлах, управляя тройкой лошадей, сидел кучер, а в кузове с открытым кожаным верхом восседали супруги Дудовы – Барисбий и Фатима.

---

⁶³¹ Аскерчи (карач.) – солдат.

⁶³² Адат – свод традиционных обычаев у народов Кавказа, Средней Азии и других исповедующих ислам. – *прим. Гриня*

Барисбию было уже под шестьдесят, и выглядел он, по меньшей мере, лет на тридцать пять старше своей жены. Широкое лицо его лоснилось, как подгорелый масляный блин, поблескивали заплывшие жиром маленькие глаза. Черные волосы, густо пересыпанные сединой, топорщились в разные стороны, словно щетина у дикого кабана.

Бледное лицо Фатимы все еще хранило красоту молодой горянки. Карие, широко открытые глаза с темными ресницами тоскливо глядели из-под узких, соболиных бровей. Казалось, что вот-вот брызнут слезы и она разрыдается горько, безутешно.

Ровно год назад ее силой выдали замуж за Барисбия. Теперь она ехала с ним к отцу и мачехе. Ехала потому, что по законам адата после годового срока замужества должна была навестить своих родителей. Всю дорогу в ее сердце не утихала мучительная боль. Аскерби, тот, кого она любила, все еще служил в батраках у ее отца, и она тянулась к нему еще больше, чем прежде. Любовь пришла к ним давно, еще до того, как Фатима окончила университет. Бывая на каникулах дома, девушка заглядывалась на Аскерби, и однажды, нарушив «священный» закон корана, утром, в великий пост рамазана, в момент наступления уразы⁶³³, то есть тогда, когда стало возможным отличить в сумерках белую нитку от черной, она открылась Аскерби в своей горячей любви...

С мыслями о нем Фатима и не заметила, как фаэтон въехал во двор ее отца.

Кучер натянул вожжи, крикнул:

– Тпру, приехали!

Фатима вздрогнула, подняла голову. Перед нею стояли отец, мачеха, Хвостиков и большая толпа батраков.

К Барисбию подбежали Баксанук и Дауд, уже одетые в светло-серые бешметы, черные брюки, кавказские сапоги и белые войлочные шляпы. Взяв зятя под руки, они помогли ему выбраться из фаэтона. Барисбий в свою очередь, грузно переваливаясь с ноги на ногу, помог жене сойти вниз. Со всех сторон летели приветствия, радостные возгласы. А Фатима искала глазами Аскерби. Не найдя его, она с трудом сдержала плач, опустила глаза и на приветствия не отвечала.

X

Пока в столовой готовились к обеду, в зале собрались хозяева и гости. Анна и Фатима, оставив общество, скрылись в спальне.

Прибыл генерал-лейтенант Султан-Клыч-Гирей, высокий поджарый черкес с хищными блестящими глазами и горбоносый смуглым лицом, обросшим черной бородой и усами. Войдя в зал, он воскликнул:

– Салям алейкум, господа!

– Алейкум салям, – хором ответили собравшиеся.

Султан-Клыч-Гирей снял с себя мохнатую баранью папаху, повесил ее на клык вепря, затем подошел к Хвостикову.

– Ну что, Алексей Иванович? – спросил он с заметным кавказским акцентом. – С чем приехал к нам?

Откинув полы темно-синей черкески, он сел на диване в дальнем углу зала. Хвостиков поместился рядом, посвятил его в свои незавидные дела и тут же заговорил о критическом положении белых в Карачае. Султан-Клыч-Гирей хмурился, нервно поглаживал бороду.

Барисбий прошелся перед трюмо, поправил свои вихрастые волосы и наконец остановился перед тестем:

– Не хапар?⁶³⁴

– Да что нового, – угрюмо ответил Мурзакула и, покосившись на Хвостикова, добавил: – Плохие новости. Наши люди говорят: два орла дерутся – охотнику перья летят.

Матяш исподлобья поглядывал на Хвостикова и очень жалел, что сейчас не имел при себе

---

⁶³³ **Ураза** – мусульманский пост, во время которого запрещено есть и пить от утренней до вечерней зари. Может совершаться в любой день, кроме праздничных (Ураза-байрам, Курбан-байрам). В месяц **Рамадан (Рамазан)** по исламскому календарю мусульмане обязаны соблюдать 30-дневный пост. – прим. Гриня

⁶³⁴ Что нового?

оружия. Ненависть к генералу распирала его, в голове назойливо повторялась одна и та же мысль: «Надо кончать с ним. Кончать как можно скорее!»

По лестнице в зал стремительно влетел Исмаил, бросился в спальню к матери, повис на шее сестры.

Фатима крепко прижала его к груди, по которой рассыпались ее черные волосы.

– Здравствуй, братец! Здравствуй, дорогой!

– Ай, машалла⁶³⁵, егеч⁶³⁶. Я так соскучился по тебе.

– Ну, бар⁶³⁷, бар, – строго сказала мать. – Фатя будет переодеваться.

Исмаил еще раз чмокнул сестру в лоб, выскочил в зал и, метнув взгляд на Барисбия, недовольно фыркнул.

– Ты что, уже съездил в аул? – обратился к нему Мурзакула.

– Уже, уже, ата⁶³⁸! – воскликнул Исмаил. – Все будут на гулянье!

– Ну, иди, иди, – махнул рукой Мурзакула.

Исмаил вихрем пустился по лестнице.

Вошел седовласый слуга, объявил, что обед уже подан. Мурзакула пригласил гостей вниз.

В просторной столовой все окна были распахнуты настежь. Голубоватые тюлевые гардины чуть шевелились от легкого ветерка. По краям длинного стола были расставлены приборы на восемь персон, а в центре на хрустальной вазе лежал нарезанный тонкими ломтиками кырджын⁶³⁹. На позолоченных блюдах – жареная баранина, шашлык; в глубоких мисочках – тузлук⁶⁴⁰ и айран⁶⁴¹, в графинах – вино сорокалетней давности из крым-шамхаловских погребов.

Не успели гости занять места за столом, как на пороге столовой появилась игуменья Сентийского монастыря в сопровождении монаха Луки. Опираясь на посох, она пристально оглядела присутствующих, обиженно сказала князю:

– Что же это ты, Мурзакула, не оповестил меня, что у тебя сегодня пиршество? Или тебе уже не нужны старые друзья?

Мурзакула поспешил ей навстречу:

– Извиняюсь перед вами, мать Раиса! Виноват... закрутился тут. Добро пожаловать! Я очень рад вам.

– Сюда, сюда пожалуйста, матушка, – позвала игуменью Анна Петровна, указав на место рядом с собой.

– Нет, уж я рядом с Алексеем Ивановичем сяду, – ответила игуменья.

Лука снял колпак, пригладил ладонями длинные волосы и, не дождавшись особого приглашения, занял место между Баксануком и Даудом.

Мурзакула наполнил бокалы, объявил первый тост:

– Господа! Предлагаю выпить в честь нашей дорогой четы князя Барисбия и моей любимой дочери Фатимы. Сегодня исполнился год, как она соединилась с князем в нерушимый брачный союз. Так осушим же свои бокалы за их семейное счастье!

Все выпили, потянулись к закускам.

Мать Раиса проглотила кусок баранины, вытерла салфеткой жирные губы и, наклонясь к генералу, прошептала:

---

⁶³⁵ **Машалла** – молодец.

⁶³⁶ **Егеч** – сестра.

⁶³⁷ **Бар** – иди.

⁶³⁸ **Ата** – отец.

⁶³⁹ **Кырджын** – хлеб.

⁶⁴⁰ **Тузлук** – кислое молоко, приготовленное особым способом.

⁶⁴¹ **Айран** – ряженка.

- Я забыла спросить у тебя, Алексей Иванович, что я буду иметь за хранение?..
Хвостиков недовольно пожевал губами.
– Потом, потом, мать Раиса.
– Ишь ты! – вздохнула игуменья и, помолчав, добавила: – Ну, хорошо. Потом так потом.

* * *

В долине Наротлы-Кол шло приготовление к атчаптру – скачкам. На хозяйственном дворе батраки чистили и мыли лошадей. На общей кухне для приглашенных аульчан жарился целый бык.

В усадьбе только и было разговоров, что о призах, выделенных князем для победителей на скачках. Один лишь Аскерби держался особняком и хранил угрюмое молчание. Нынче все валилось у него из рук. Мысли и сердце его были заняты только Фатимой. Он хотел свидеться с ней и боялся этой встречи, твердил себе: «Зачем она мне теперь? У нее муж». А в памяти снова и снова оживало последнее свидание с Фатимой у водопада, когда она сказала ему: «Давай убежим, любимый, и будем навеки вместе!» Тогда он струсил, убоился братьев и отца Фатимы. Теперь же проклинал свою трусость.

Исмаил нашел его у водопада, крикнул:

– Аскерби, а ты знаешь, какой первый приз назначил ата? Лучшую лошадь из своей конюшни, седло и посеребренную сбрую. Аскерби, ты должен взять первый приз!

Аскерби грустно покачал головой:

– Нет, мальчик, приз достанется другому. Я не буду участвовать в скачках.

– Почему? – опешил Исмаил. – Ты же лучший джигит в округе...

– Тебе этого не понять, – печально сказал Аскерби.

Исмаил во весь дух помчался назад, вбежал в столовую и бросился к отцу:

– Ата, ата! Аскерби не будет участвовать в скачках!

Услышав эти слова, Фатима побледнела, опустила глаза. Барисбий нахмурил брови. Мурзакула уставился на Исмаила:

– Не болтай чепухи, Карабашев будет скакать.

– Нет, не будет! – повторил Исмаил. – Он не хочет.

– Почему?

– Говорит, что мне этого не понять. – Исмаил вдруг запнулся, остановил растерянный взгляд на Фатиме.

В столовой наступила тишина. Баксанук что-то шепнул Матяшу и остановил взгляд на младшем брате. Исмаил рванулся к выходу, в одно мгновение исчез за дверью.

– Ишь ты! – усмехнулась игуменья. – Батрак с прихотями...

– А разве Карабашев до сих пор у тебя? – спросил Дудов у тестя.

– Аскерби – лучший наш батрак, – вмешалась в разговор Анна Петровна, – Я очень ценю его за старание. Таких работников теперь мало.

– А... – злобно осклабился Дудов. – Понимаю, княгиня – джарлыланы ёкюлю⁶⁴².

– Не совсем так, – улыбаясь, пожала плечами Анна Петровна. – Я защищаю не вообще бедняков, а золотые руки своего батрака.

– А если я убью его? – хищно сощурился Дудов, – У меня есть свои счета с вашим Карабашевым.

– Полно вам, князь, – сказала Анна Петровна, – Зачем все это?

Фатима метнула презрительный взгляд на мужа, подумала: «Молчал бы... Куда тебе, дохлый ишак, до волка!»

Во дворе послышался шум. Дауд взглянул в окно, сообщил отцу, что прибыли старейшины из аула.

Мурзакула, слегка покачиваясь от опьянения, вышел на крыльцо. Перед ним стояло десятка полтора седобородых стариков, одетых по-праздничному. Князь спустился к ним и, пожав каждому руку, пригласил в парк.

---

⁶⁴² Джарлыланы ёкюлю – защитник бедноты.

XI

В парке на площадке, окруженной плакучими ивами и дикими каштанами, гуляли аульские парни и девушки. Среди них выделялась своей красотой Фердаус, родная сестра Абрекова, того самого, который не слез с коня, проезжая мимо усадьбы князя. Палящие лучи полуденного солнца играли и плавилась на ее красивой островерхой шапочке, обшитой параллельными блестящими полосками, и белом атласном бешмете, сверкавшем серебряным позументом в форме листьев и цветов. Узкий золотистый пояс, обвитый вокруг тонкой талии, придавал особую красоту девушке.

Княжичи, Матяш и Лука направились к озеру.

– А ми тебя уже видал сегодня, – лукаво подмигнул Дауд монаху. – Твоя, шайтан⁶⁴³, карашо девичкам пела: «А я ваш бугай!»

Лука надулся, промолвил с присвистом (у него была щербина в зубах):

– Непотребное говоришь. Это вам привиделось.

– Не валяй дурака, святоша! – грубо бросил ему Матяш. – Патлы зря носишь, скотина!

– Чего ты пристал? – огрызнулся Лука. – Не святоша я, а такой же смертный, как и все.

– Ай машалла! – рассмеялся Дауд. – Устала твоя богу молиться, можно ниминожка с бабами играть.

– Ладно уж! – отмахнулся Лука. – Пялите око свое не туда, куда следует, потому и проглядели бандитов. Здорово они вас того, обчистили.

– Может, и ты с ними заодно? – спросил Матяш.

– Говори, где бандит? – потребовал Баксанук.

Лука указал рукой на север.

– Там они, в Канделяплярах⁶⁴⁴. У них на реке Маре⁶⁴⁵ целый отряд.

Баксанук остановился.

– Надо назад ходить, генерала и отца докладывать.

– Я уже доложил, – сказал Лука.

Спустились по ступенькам к берегу озера. Баксанук и Дауд с Матяшом и Лукой сели в лодку, подняли парус и затянули какую-то заунывную песню. Матяш не знал, о чем говорится в песне, но ее мелодия, похожая на стон и плач, снова и снова возвращала к мрачным мыслям. Остановив свой взгляд на кинжале Дауда, он опять вспомнил о Хвостикове и, когда песня затихла, воскликнул:

– Хороший у тебя кинжал, Дауд! Я таких еще не видывал. Старинный, наверно.

Дауд натужно улыбнулся, растерянно посмотрел на брата. Ему очень не хотелось расставаться с дорогим оружием, но, подчиняясь горским обычаям, он снял кинжал с пояса и, подав Матяшу, сказал:

– На. Теперь он твоя... Дарю, бери!

Матяш с благодарностью принял подарок, вынул кинжал из ножен, отделанных искусной насечкой, и долго рассматривал лезвие.

* * *

Гулянье состоялось на центральной площадке парка. На специально устроенном помосте, закрытом с трех сторон нависшими густыми ивами, в глубоком бархатном кресле восседал юбиляр – князь Дудов. По сторонам – Хвостиков и Султан-Клыч-Гирей.

Мурзакула произнес юбилейную речь, затем подошел к Фердаус, которая, держа на коленях гармошку, занимала кресло на самом видном месте, и, положив руку на ее плечо, объявил:

---

⁶⁴³ **Шайтан** – черт, дьявол, бес, сатана. – прим. Гриня

⁶⁴⁴ Гора **Кенделляр-Ляр** расположена к востоку от Теберды. – прим. Гриня

⁶⁴⁵ **Река Мара** – правый приток Кубани, берет свое начало в горах к востоку от города Карачаевска и, стекая в западном направлении, впадает в Кубань, практически напротив устья Теберды. – прим. Гриня

– Сейчас мой сын Исмаил станцует шамиля⁶⁴⁶!

Все захлопали в ладоши, и на середину площадки выбежал Исмаил. В руках Фердаус гармоника запела медленно и протяжно. Исмаил упал на левое колено и, как бы молясь аллаху, в такт музыке наклонял и поднимал голову, делал плавные движения руками, извивался гибким станом, а когда танец перешел к быстрому темпу, он, точно на пружинах, вскочил на упругие ноги, выхватил из ножен кинжал и пустился по кругу с такой легкостью, что, казалось, взвился в воздух на полах своего бешмета...

Мурзакула громко закричал:

– Асса! Асса! Каков у меня сын, черт возьми! Асса, асса!..

На площадке показались Матяш, Лука, Баксанук и Дауд, протиснулись сквозь толпу вперед. Матяш хмуро смотрел на Хвостикова, держа руку на эфесе кинжала. Лука, словно догадываясь, о чем думал Матяш, не спускал с него взгляда и время от времени нервно почесывал кончик носа...

Дудов наклонился к тестю, что-то шепнул ему на ухо. Музыка умолкла. Мурзакула велел играть кабардинку⁶⁴⁷ и, указав на Карабашева и Абрекова, сказал:

– Танцевать будете вы! Девушек выбирайте по своему желанию.

Карабашев хорошо знал, что не имеет права отказаться от назначенного князем танца, но, понимая, что имя его названо в угоду и по настоянию Дудова, способного на любую подлость, он смело заявил хозяину:

– Хорошо, я выполню твою волю... Но запомни: то, что знает князь, знает и его раб, но сказать про то не имеет права.

– Что? – взъярился Мурзакула. – Как ты смеешь говорить так со мной? Делай то, что тебе велено.

Фердаус растянула мехи гармоники, и пары под музыку пустились в пляс по широкому кругу. Дудов, пошатываясь во хмелю, грузно опустился на помост, вынул наган из кобуры и, промычав что-то, приготовился к «увеселению». То же самое сделал и Мурзакула.

Анна Петровна и Фатима, оставив игуменью в спальне, отведенной ей для отдыха, устроились у распахнутого окна зала, откуда была хорошо видна площадка. Увидев в руках отца и Барисбиа оружие, Фатима испуганно вскрикнула:

– Что они надумали?

– Успокойся, милая, – проговорила Анна Петровна. – Они только постреляют мимо ушей танцующих.

Танцоры носились по кругу с быстротой молнии. Барисбий и Мурзакула палили из наганов. С замиранием сердца Фатима следила за этой дикой игрой. Она заметила, что ее муж, вместо того чтобы стрелять в воздух, мимо уха Карабашева, каждый раз старательно целился в голову Аскерби. Но тот ловко увертывался и оставался невредимым.

И вдруг один из танцующих упал. Фатиме показалось, что это был Аскерби. Ужас обуял ее, и она, не помня ничего, выбежала из зала, понеслась в парк. Анна Петровна последовала за ней.

Посреди площадки лежал Абреков, тяжело раненный в голову. Фердаус, припадая к его груди и обливаясь слезами, отчаянно причитала:

– Несчастный Таго! Зачем мы пришли сюда?

Мурзакула, оправдываясь перед стариками, твердил:

– Не хотел я этого... Не знаю, как получилось...

– Всякое бывает, – сказал в защиту тестя Дудов. – Помните, как во время танца был убит князь Алиев? Тоже нечаянно.

Оглянувшись, он увидел Фатиму, стоявшую у помоста, хотя адатом ей строго запрещалось

---

⁶⁴⁶ **Танец Шамиля** (*Ой ся, ты ой ся! Молитва Шамиля*) – считается, что мелодию сочинил прадед Муслима Магомаева, кумык по национальности, Магомет Магомаев примерно в 1910–1912 годах в чеченском ауле Шатой под впечатлением рассказов стариков о Шамиле, впоследствии – танец кубанских казаков. Танец состоит из двух частей – коленопреклоненной молитвы и неистойвой пляски. Первая часть танца в казачьем исполнении зачастую сокращалась до непродолжительного приседания на одно колено. – прим. Гриня

⁶⁴⁷ Кабардинские танцы имели три основных варианта: фигурный танец удж, лирическая парная кафа, живой и стремительный исламей (лезгинка). Судя по дальнейшему описанию здесь говорится про исламей, основной рисунок которого, в подражание манере орлов – движение по кругу. – прим. Гриня

появляться среди мужчин. Ее лицо было мертвенно бледное, а взгляд тянулся к Аскерби.

– Ты зачем здесь, бесстыдница? – прохрипел Барисбий, схватив жену за руку. – Опозорить меня решила?

У Фатимы подкосились ноги, и она едва не упала. Баксанук подхватил ее и понес к дому.

Анна Петровна подошла к мужу, спросила гневно:

– Зачем ты это сделал?

– Нечаянно я, понимаешь? – Мурзакула развел руками.

– Не верю! – бросила Анна Петровна.

Глядя на парня, лежавшего с простреленной головой на горячих камнях, Матяш никак не мог понять, во имя чего Мурзакула учинил эту расправу.

На площадку приковыляла игуменья. Указав посохом на Абрекова, спросила Фердаус:

– Кто он?

– Мой брат, – ответила, рыдая, Фердаус.

– Ишь ты, – буркнула игуменья и взглянула на Мурзакулу. – Надо бы в больницу его ко мне отвезти.

Мурзакула приказал Карабашеву подать мягкую, рессорную линейку. Вскоре Абрекова увезли в монастырь.

Старики и молодежь, не желая дольше оставаться на гулянье, молча покинули двор князя. Парк опустел.

Фатима лежала в спальне на постели. Анна Петровна прикладывала к ее груди мокрое полотенце. Давала нюхать лавровишневую настойку. Наконец Фатима открыла глаза, прошептала:

– Где Барисбий?

– В кунацкой, с гостями, – ответила Анна Петровна. – Позвать его?

– Нет, нет, я не хочу его видеть, – простонала Фатима.

– Ну, поспи, поспи, милая! – ласково сказала Анна Петровна. – А я пойду, – Она вышла из спальни, тихо прикрыла дверь.

Через несколько минут в спальню заглянул Исмаил.

– Заходи, заходи! – сказала Фатима.

Исмаил подошел к ней.

– Тебе плохо, Фатя?

– Нет, карнаш⁶⁴⁸ все уже прошло. – Фатима приподнялась, заглянула в глаза брата. – Скажи, ты любишь меня?

– А как же! – воскликнул Исмаил. – Очень, очень люблю! Знаешь тот водопад, что на Кобчике?

– Знаю, конечно.

– Так вот, я назвал его в твою честь «Слезы Фати». – сообщил Исмаил. – Назвал после того, как тебя выдали за Барисбия. Ты сильно тогда плакала.

Фатима погладила его черные волосы.

– Сможешь ты выполнить одну мою просьбу?

– Я все сделаю для тебя, Фатя!

Фатима протянула брату свернутый в трубочку листок бумаги.

– Отнеси это Аскерби, но так, чтобы никто не видел!

– Клянусь, все сделаю, как только Аскерби вернется из монастыря!

В спальню донесся далекий заунывный вечерний звон колоколов. Исмаил прислушался к нему, поцеловал сестру, выбежал из спальни.

Солнце уже зашло за Лысую гору⁶⁴⁹. Легкие сумерки медленно поднимались из долины к вершинам гор.

Исмаил с нетерпением ожидал возвращения Аскерби, то и дело бегал к озеру, на дорогу, ведущую в монастырь. Из любопытства он заглянул через окно в кунацкую, увидел Барисбия. Тот

---

⁶⁴⁸ Карнаш – брат.

⁶⁴⁹ Подобное явление возможно наблюдать только с северной окраины города Теберда. Относительно озера Каракель гора Лысая расположена на северо-западе, ближе к северу. От реки Наротлыккол гора Лысая находится на юго-юго-западе. Судя по всему в третьей книге автор снова вернулся к созданию собирательных образов людей, мест и событий, поэтому некоторые места в повествовании буду оставлять **без комментариев**. – прим. Гриня

только что сделал омовение⁶⁵⁰, стал босыми ногами на намазлык, опустился на колени и, прижав большими пальцами уши, принялся читать ашхам-намаз⁶⁵¹. Исмаил глядел на него с неприязнью и думал: «Куда тебе, старый облезлый шакал, до Аскерби! Неужели ты надеешься, что Фатя когда-нибудь сможет полюбить тебя?»

К нему украдкой подошел Матяш.

– Ты что здесь делаешь? Подглядываешь? Нехорошо такими делами заниматься.

– А я не подглядываю, – ответил Исмаил. – Просто смотрю, как Барисбий молится аллаху.

Во двор въехала линейка. Это вернулся из монастыря Аскерби. Исмаил бросился к нему, вскочил на подножку линейки. Так они и доехали до конюшни. Когда Аскерби выпряг лошадей, Исмаил отдал ему записку и шепнул, широко улыбаясь:

– Это тебе, от Фати!

Ни Карабашев, ни Исмаил не заметили Баксанука, наблюдавшего за ними из-за орехового куста.

Дрогнувшими руками, задыхаясь от волнения, Карабашев развернул записку. Фатима писала:

Дорогой Аскерби!

Нам нужно поговорить. Когда все уснут, приходи ко мне в спальню. Буду ждать тебя.

XII

Наступила ночь. В усадьбе зажглись фонари. После сытного ужина гости и хозяева разместились на ночлег в шести спальнях комнат особняка.

Карабашев не знал, как поступить. Целый год он не видел Фатиму, думал, что она смирилась с замужеством, не посмеет нарушить жестокие законы адата. И вдруг – записка. Значит, Фатима не смирилась, не вытравила из сердца прошлое.

В Сентийском монастыре колокол пробил половину третьего. Карабашев уже не колебался. Надев черкеску и шапку и подпоясавшись кавказским поясом, он бесшумно выпрыгнул из окна барака и осторожно двинулся к восточной стене особняка. Во дворе полнейшая тишина. Из-за вершины Кобчика выглянула ущербная луна и, тускло просвечиваясь сквозь листву платанов, изрыбила бликами дом. С минуту Аскерби стоял, прижавшись спиной к стене, затем по-кошачьи ловко взобрался на дерево и по ветке, тянувшейся к раскрытому окну второго этажа, проник в спальню любимой. Фатима стояла у окна, ждала. Она припала к груди Карабашева, глухо зарыдала:

– А я боялась, что ты не придешь...

Аскерби обнял ее, прошептал:

– Мог ли я не прийти, Фатя?

В соседней комнате – спальне Анны Петровны – послышались легкие шаги, Фатима замерла, прислушалась. Сердце ее, казалось, вот-вот выскочит из груди...

И тут грянула беда.

В зал ворвались Мурзакула и Дудов, забарабанили кулаками в дверь спальни.

– Фатима, открой! – заорал Барисбий, – Слышишь, открывай сейчас же. Это я.

Ужас сковал Фатиму. Аскерби выглянул в окно. Внизу, под деревом, маячили три офицера.

– Нет, не уйти, – промолвил с отчаянием Аскерби.

Его слова мгновенно сбросили с Фатимы оцепенение.

Она судорожно схватила Аскерби за руку, шмыгнула с ним в спальню мачехи. Анна Петровна точно ждала этого. Молча она закрыла Карабашева в гардеробе. Фатиму уложила на кровать и открыла дверь.

Дудов и Мурзакула ворвались в спальню Фатимы, зажгли свет. К их большому удивлению, кровать Фатимы оказалась даже неразобранной.

---

⁶⁵⁰ **Омовение** – обмывание рук, лица и ног перед молитвой.

⁶⁵¹ **Ашхам-намаз** – вечерняя молитва.

– Где моя катыны⁶⁵²? – гневно спросил Барисбий.
– У меня. Спит со мной, – спокойно ответила Анна Петровна. – А что случилось?
– Как что? – вскричал Мурзакула, заглядывая во все углы. – У нее только что был Аскерби! Где он?

– Да ты в своем уме? – возмутилась Анна Петровна.
Мурзакула шагнул в спальню. Фатима, укутанная в одеяло, лежала в постели ни жива ни мертва. Дудов бросился к Баксануку и Дауду, стоявшим в зале.

– Где, где этот батрак? Упустили?
– От нас никто никогда не уходил, – мотнул головой Дауд.
– Мы смотрим в оба, – добавил Баксанук. – Аскерби где-то здесь.
Мурзакула задержал взгляд на гардеробе и с силой рванул дверцу.
– А, вот где ты, голубчик! – злорадно оскалился он. – Ну-ка, выходи!
Баксанук и Дауд свирепо набросились на Аскерби, выволокли его из гардероба. Дудов наотмашь ударил его кулаком по лицу. Фатима, сбросив с себя одеяло, вскочила с постели, схватила мужа за руки:

– Не тронь его, толстобрюхий кабан!
Дудов попятился. Тем временем Аскерби вырвался из рук княжичей, выхватил кинжал:
– Не подходите! Убью!
Внезапно на пороге спальни появился Султан-Клыч-Гирей. Подняв руку, спросил:
– Что здесь происходит, господа?
Все обернулись на его властный голос. Воспользовавшись этим, Аскерби стремительно пустился через зал и в одно мгновение исчез на лестнице.
Дудов затряс кулаками перед лицом Фатимы:
– Я тебя проучу, распутница! Сейчас же собирайся домой!
– И не подумаю, – гордо ответила Фатима. – Можешь убираться отсюда!
– Ах, так? – побагровел Дудов, готовый лопнуть от злости. – погоди, тебя в цепях доставят ко мне.

Несколько минут спустя он уже ехал к себе в Хурзук.

* * *

В ту ночь в усадьбе князя Крым-Шамхалова произошло еще одно событие. Когда в доме воцарилась тишина, Матяш решил совершить то, что уже много дней не давало ему покоя. Перед рассветом он вошел в спальню Хвостикова, обнажил кинжал и, остановившись перед спящим, взмахнул рукой, чтобы нанести смертельный удар. И вдруг кто-то цепко схватил его за руку. Матяш оглянулся, увидел за своей спиной монаха Луку.

Началась упорная борьба.
Шум разбудил Хвостикова.
– Кто здесь? Что случилось? Опять этот Карабашев? – заорал он спросонья.
– Алексей Иванович, помогите, – тяжело дыша, отозвался Лука. – Вас хотел убить этот иуда...
Матяш, но я помешал ему.

– Как убить? Зачем убить? – оторопело переспросил Хвостиков и, вместо того чтобы помочь монаху одолеть Матяша, вылетел в исподнем белье в зал, закричал: – Эй, люди! Скорее сюда!

Лука был намного сильнее Матяша, и все же Матяш, обуянный яростью, чуя смертельную опасность, сбил монаха с ног, выпрыгнул из окна второго этажа и слился с темнотой.

* * *

Карабашев все дальше уходил в глубь леса, к скалистым отрогам Канделяпляр. Обессиленный, он наконец добрался до узкой звериной тропы, тянувшейся вдоль отвесной скалы над пропастью. И

---

⁶⁵² Катыны – жена.

здесь, на тропе, ему попался навстречу бурый пестун⁶⁵³. Карабашев, чтобы не сорваться в пропасть, левой рукой ухватился за ветви куста, торчавшего из расщелины скалы, а правой, с кинжалом, оперся о камень. Медведь сел на задние лапы и уставился на человека. Стоило Карабашеву чуть пошевелиться, как медвежонок оскаливал острые клыки, готовый броситься на него. Потянулись долгие минуты. Руки и ноги Карабашева немели от неудобного положения, но он старался висеть совсем неподвижно. Шерсть на звере постепенно опускалась. Наконец медвежонок осторожно поднял лапу, начал опускать ее на камень, где лежала рука Карабашева, но, видимо не совсем уверенный в том, что противник не тронет его, сразу же отдернул лапу назад. Прошло еще несколько минут. Видя, что на него не собираются нападать, медвежонок набрался смелости, поставил сперва одну, затем другую лапу на камень и, все так же не спуская глаз с Карабашева, стал продвигаться вперед. Вот они поравнялись. Медвежонок судорожно повернул голову, рывкнул почти в лицо Карабашева, затем легко прыгнул на следующий камень и уже без оглядки побежал в лес.

Карабашев направился по тропе дальше.

В ущелье, по которому пролежала старая военная дорога, путь ему преградили три всадника, неожиданно появившиеся из-за скалы. Они отобрали у него кинжал и, не спрашивая, кто он и зачем в горах, обшарили его карманы, затем приказали следовать за ними.

Карабашева привели на берег реки Джингирик⁶⁵⁴, где стояло несколько шалашей. Под деревьями возле оседланных коней располагались вооруженные горцы – все в пестрой, оборванной одежде. Они тотчас же окружили дозорных и пленника. Посыпались вопросы:

– Что это за птица?

– Откуда?

– Эй, вы! Расступитесь, дайте дорогу! Кто и куда идет он – мы не знаем.

Карабашева повели к одному из шалашей.

Предводитель отряда в натальной рубашке и сапогах лежал на душистом сене. Карабашев сразу узнал в нем своего давнишнего товарища Шагоиба Хубиева. Тот вскочил на ноги и, не веря своим глазам, воскликнул обрадованно:

– Ты ли это, Аскерби? Друг мой!

Они обнялись, как братья.

– Как ты попал сюда? – спросил Хубиев, взглядываясь в лицо друга. – Кто тебя избил? Уж не мои ли разбойники?

– Нет, твои люди не тронули меня, – ответил Карабашев. – Это следы княжеской «ласки». – И он рассказал, что произошло с ним в усадьбе.

Хубиев гневно потряс кулаком.

– О, я доберусь до Крым-Шамхаловых и Дудова. Доберусь! Я знаю, они хотели убить тебя на танцах, погубили Таго.

– Ты все знаешь? – удивился Карабашев.

В шалаш вошла Фердаус.

– Салям алейкум, Аскерби!

– Не удивляйся, друг, – заметил Хубиев. – Прошлой ночью мои дозорные встретили Фердаус в горах, когда она искала меня. И да будет тебе известно, что отныне – это моя жена.

– А моя Фатима...

Хубиев положил руку на плечо друга.

– Не унывай, Аскерби, не сегодня-завтра мы побываем в гостях у князя. Надо расквитаться с ним за Таго.

XIII

Рано утром Хвостиков с Баксануком и Даудом выехали на автомобиле за своими сокровищами в Кардоник. В полдень он уже был в Спасо-Преображенском монастыре с адъютантом Бабулой

---

⁶⁵³ **Пестун** – медвежонок старше одного года, оставшийся при матери.

⁶⁵⁴ **Река Джингирик** – левый (с запада) приток Теберды, образована слиянием рек Наротлыкол и Кайраклык. – прим. Гриня

Кочкаровым, который охранял золото.

– Уже привезли? – удивилась игуменья, увидев Хвостикова на пороге своего дома.

– Озолочу вас, мать Раиса, – ответил генерал. – Сейчас главное – хранилище хорошее найти.

– Есть у меня такое место, есть, – заверила игуменья. – Куда уж надежнее!

Автомобиль подъехал к храму святого апостола Андрея. Вместе с генералом игуменья спустилась в усыпальницу, находившуюся глубоко под храмом, отперла железную дверь и зажгла лампаду у образов. Вдоль каменных стен стояло несколько высоких гробов, окованных железом. Посредине усыпальницы на столе, покрытом черной скатертью, лежали евангелие и псалтырь.

Хвостиков окинул взглядом гробницу, спросил:

– Тут еще подземелье есть? Я имею в виду тайник...

– Вот они, тайники, – указала игуменья на гробы. – Пустые они: в них и спрячем золото.

– Мудрая голова у вас, матушка! – улыбнулся Хвостиков. – Местечко действительно подходящее.

С помощью Кочкарова он перенес сокровища в усыпальницу. Поставил на тюках свою фамилию и уложил их в гробы. Тяжелые крышки захлопнулись, и мать Раиса заперла их на замки.

– Ну, вот и все! – перекрестилась она. – Как зеницу ока буду беречь твое добро, Алексей Иванович.

Хвостиков попросил игуменью и Кочкарова оставить его на несколько минут в усыпальнице одного и, когда они вышли, опустился на колени перед иконой Георгия Победоносца, начал торопливо читать молитву:

– Святой, славный и всехвальный великомучениче Георгие! Перед иконою твоею святою молим тя, святыи победоносче, разруши силы восстающих врагов, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да увидят, яко мы имеем божественную помощь.

Он встал с какой-то неодолимой тяжестью во всем теле, еще раз взглянул на гробы и медленно вышел. Игуменья ждала его у железной двери. Лязгнул засов, ключ со скрежетом дважды повернулся в замке.

Выйдя из подземелья, Хвостиков спросил:

– Скажите, матушка, каков человек монах Лука?

– Зачем он тебе? – любопытствовала игуменья.

– Видите ли... – Хвостиков замялся. – Добрую услугу оказал мне этот человек прошлой ночью. Хочу его с собой взять, в охрану личную.

– Ишь ты, даже в охрану! – воскликнула игуменья. – Что ж, на Луку можно положиться. Благочестив и силы медвежьей.

* * *

Фатима лежала в своей спальне на диване, охваченная горем, тоской и тревогой. Из зала долетали пьяные голоса. В открытое окно врывался вечерний ветерок, наполнявший спальню прохладой и медовым запахом горных трав. Он ласково поглаживал обнаженные плечи Фатимы, шевелил ее распущенные черные косы.

Дверь в соседнюю комнату была открыта. За столом у окна сидела Анна Петровна.

К Фатиме подкрался Исмаил, чмокнул в щеку.

– Испугалась?

– Нет, карнаш, – грустно вздохнула Фатима. – Самое страшное и горькое позади.

– Значит, ты теперь не поедешь к Барисбию? – заглянул в ее глаза Исмаил.

– Никогда!

– Здесь будешь жить?

– Если отец не прогонит...

Исмаил погладил руку сестры.

– Не прогонит. Мама не позволит ему. А он боится маму. И я упрошу его. – Он вдруг насупился, прошептал: – Хочешь, я убью Барисбия? И ты будешь с Аскерби.

На глаза Фатимы навернулись слезы.

– Глупенький мой защитник. Кто знает, где теперь Аскерби? И жив ли он?

– Я поеду в горы, найду его, приведу к тебе. Хочешь?

– Куда тебе! Ты еще маленький.

– И совсем не маленький, – обиделся Исмаил. – Возьму коня, кинжал...

Из зала донесся какой-то грохот. Исмаил вздрогнул, хотел было рвануться на шум, но не успел сделать и шага.

В усадьбе уже шла перестрелка.

Дверь из зала в спальню Фатимы широко распахнулась. На пороге, как видение, появился Аскерби с пистолетом и кинжалом в руках.

– Фатя! – вскрикнул он. – Собирайся, не медли!

Фатима от страха прижала руки к груди и, затаив дыхание, смотрела на него.

В спальню вошла Анна Петровна. Фатима растерянно взглянула на нее. И тут произошло то, чего никак не ожидал Аскерби. Анна Петровна подбежала к Фатиме, бросила ей полушалок со своих плеч:

– Одевайся, беги! Да благословит тебя бог!

Фатима с лихорадочной поспешностью собрала в узелок свои вещи, накинула полушалок и, поцеловав мать и брата, последовала за Карабашевым.

Посредине зала в окружении абреков стояли обезоруженные Мурзакула и его приближенные. Они озирались по сторонам. Стрельба в усадьбе не стихала ни на минуту.

Когда Фатима и Аскерби сбежали по лестнице к выходу, к Мурзакуле подошел Хубиев, сказал с презрительной усмешкой:

– Моли аллаха, что мы застали тебя в доме! Только это спасает тебя. – Он задержался у двери, добавил: – Но мы еще встретимся с тобой, собака! И не вздумай гнаться за нами!.. Сау-бул, бий!⁶⁵⁵

* * *

В Карачаевском конном полку, дислоцированном в Осетиновке⁶⁵⁶ (против Шоанинского монастыря) и Нижнетебердинском ауле (рядом со Спасо-Преображенским монастырем), в ту же ночь вспыхнуло восстание. Султан-Клыч-Гирей и Крым-Шамхалов вынуждены были отказаться от погони за Хубиевым и срочно выехали в Тебердинское ущелье.

Мятежники встретили конницу, прибывшую с Султан-Клыч-Гиреем, винтовочным и пулеметным огнем, выбили ее из ущелья.

А к утру туда прибыл отряд Хубиева. Восставший полк решил объединиться с ним и единодушно перешел под командование Хубиева.

На следующий день Султан-Клыч-Гирей подтянул к району, занятому повстанцами, несколько белогвардейских эскадронов и начал готовиться к решительной атаке на Спасо-Преображенский монастырь и Нижнетебердинский аул. Восставшие также приступили к перегруппировке своих сил.

То там, то здесь в горах завязывались перестрелки разведывательных групп и дозорных.

Монахи во главе с игуменьей заперлись в верхнем храме. Дрожа от страха, они били земные поклоны, молили бога уберечь их от «красных разбойников». Опасения их были, однако, напрасными: Хубиев отдал строгий приказ не допускать никаких бесчинств и насилий в монастыре.

Фатима и Фердаус готовили кельи для приема раненых. Почти все монахины – молодые и старые – хорошо знали дочь князя Крым-Шамхалова. Ее присутствие в стане мятежников, среди абреков, порождало самые невероятные кривотолки у святых сестер. Но Фатима не обращала на них внимания. Аскерби был с нею – и большего счастья она не желала.

Бой начался во втором часу дня, в самую знойную пору. Султан-Клыч-Гирей повел своих конников в атаку. Рядом с ним мчался Крым-Шамхалов.

Повстанцы не дрогнули. Встретив врага огнем, они сами ринулись в контратаку. Смерчевыми тучами схлестнулись лавины противников. Горы оглашались ревом и гулом. Стонала земля под копытами лошадей. В разгар боя конники Крым-Шамхалова начали вдрут переходить на сторону

---

⁶⁵⁵ Будь здоров, князь!

⁶⁵⁶ **Осетиновка** – разговорное название села Георгиеосетинского (сейчас – село имени Коста Хетагурова). – прим. Гриня

повстанцев. Это ускорило развязку. Султан-Клыч-Гирей, видя, что его части вот-вот будут окружены, дал приказ к отступлению. Под прикрытием оружейного огня белогвардейцам удалось оторваться от повстанцев и уйти в горы.

Батраки Крым-Шамхалова сообщили Хубиеву, что Султан-Клыч-Гирей и князь еще с вечера увели свое войско к Клухорскому перевалу.

XIV

3-я Отдельная казачья кавбригада и 12-я кавалерийская дивизия, входившая в состав левофланговой группы, после упорных боев с хвостиковскими частями захватили Курганную и на рысях двинулись по Чамлыку к юго-востоку, чтобы перехватить пути отступления корпуса генерала Крыжановского, отходившего из Беломечетской по Большому Зеленчуку в горы.

Впереди в качестве проводника с винчестером за плечами на гнедом скакуне неся Шкрумов. За ним скакал Воронов со своим лихим ординарцем, дальше шли наметом конные полки. Однако Крыжановский опередил их и двумя часами раньше, на закате солнца, проскочил те населенные пункты, где должны были его встретить красные.

Красные части прошли через станицу Баталпашинскую и, поднимаясь вверх по реке Кубани, в середине ночи подошли к ущелью Кардоникская–Хумара⁶⁵⁷, закрыв врагу путь к Клухорскому перевалу.

На рассвете сюда самолетом прибыли Левандовский и Жебрак. Узнав о восстании в Карачаевском конном полку, они выехали на автомобиле в Сенты.

После стремительного броска к Кардоникскому ущелью кавалеристы наконец получили отдых.

Лаврентий, сладко пожевывая, привязал коня к бересклету⁶⁵⁸, свернул сигарку и, сев на высоком берегу Кубани, закурил. Внизу бушевала река, гнала пенистые воды по неровному каменистому руслу.

У подножия горы, под соснами, расположился на бурке Виктор. К нему подошли Соня Калита и Клава Белозерова.

– Садитесь, девочки, расскажу вам одну байку! – весело сказал Виктор.

– Если смешную, то сядем, послушаем, – отозвалась Клава.

Девушки опустили на бурку, и Виктор начал рассказ про попа, что с чертом сдружился. Соня и Клава смеялись до слез. Клава даже про зеркальце свое забыла, ни разу не заглянула в него.

Воронов с ординарцем Митрофаном поднялся на голую вершину горы, и перед ним, за Кубанью, раскрылась мрачная теснина, ведущая к Кардоникской. Из-за дальних хребтов показалось солнце, озарившее лесистые склоны перевала и суровые скалы.

Хлесткий ветер по-волчьи завывал в глубине ущелья, яростно шумел в густых соснах.

Митрофана клонило ко сну, но он старался держаться бодро: раз командир не спит, то и ординарцу спать не положено. В конце концов он решил прибегнуть к хитрости, сказал:

– Вам бы, Елисей Михайлович, отдохнуть надо. Как-никак всю ночь в седле.

Воронов разгадал его уловку.

– А я на скаку выспался.

Митрофан почесал затылок.

– У меня не получается так.

– Ну, тогда ложись и спи, – улыбнулся Воронов.

Митрофан лег на камни, сладко сомкнул отяжелевшие веки, но не уснул: где-то рядом назойливо кричала сойка.

– А, чтоб тебя разорвало! – не выдержал Митрофан и, приподняв голову, оглянулся вокруг, чтобы запустить в сойку камнем. – Кыш ты, цокотуха!

Из-за уступа скалы вышел Шкрумов.

– Э, брат, от сойки теперь не отвяжешься, – бросил он. – Это хитрая хищница. Она всегда

---

⁶⁵⁷ Наверное автор имел в виду дорогу Кардоникская–Кумыш, которая выходит к Военно-Сухумской дороге по течению реки Кумыш в районе аула Хумара. – прим. Гриня

⁶⁵⁸ Бересклет – род кустарников или небольших деревьев семейства бересклетовых. – прим. Гриня

сопровождает либо зверя, либо человека, которые помогают ей вспугнуть птиц в кустах. Тогда она находит чужие гнезда и пожирает в них яйца или птенцов.

– Ах она стерва этакая! – Митрофан выхватил из кобуры наган, прицелился в сойку.

Воронов погрозил ему плетью.

– Ну, ну, без стрельбы!

Митрофан досадливо поморщился, спрятал наган.

Шкрумов подошел к Воронову, указал на балку, тянущуюся левее ущелья.

– Особливо надо за этой очхаздой⁶⁵⁹ следить. Враг может по ней в тыл нам зайти.

Комбриг поднес к глазам бинокль, заскользил взглядом по балке.

– Да, пожалуй, вы правы, Иван Степанович...

Из ущелья донеслись гулкие винтовочные выстрелы.

Воронов увидел там десятка полтора всадников.

– Это наши разъезды, – определил он и крикнул Митрофану: – Живо вниз, объявляй тревогу!

Митрофан вскочил на ноги и, перепрыгивая через глубокие промоины и трещины, спустился с горы. Воронов и Шкрумов последовали за ним.

Через несколько минут бойцы заняли огневые рубежи. Опасения Воронова подтвердились: конный разъезд доложил о наступлении вражеской кавалерии и пехоты.

Виктор со своим эскадром занял позиции справа от выхода из щели, за ореховыми кустами. Все его внимание было приковано к теснине, откуда с минуты на минуту должен появиться неприятель. Чуть выше на склоне горы среди бойцов 1-го Афипского полка находился Лаврентий.

Первую атаку хвостиковцы обрушили на аул, расположенный в двух верстах выше по течению реки.

12-я кавалерийская дивизия сорвалась с места, спеша на подмогу своим подразделениям, вступившим в бой с прорвавшимся через хребет противником. Пехота белых была обращена в бегство, но конница Хвостикова все дальше углублялась в Кардоникское ущелье, пытаясь пробиться к Кубани. Воронов сдержал ее натиск и, отбив все атаки, сам развернул наступление.

В Хумару прибыл Левандовский. Выскочив на ходу из машины, он приказал Воронову спешить 3-ю Отдельную казачью кавбригаду и продолжать продвижение в пешем строю.

5-й казачий эскадрон Виктора Левицкого получил задание встретить врага на вершине хребта. Вел эскадрон туда Шкрумов. Всего на несколько минут он опередил хвостиковцев, двигавшихся вверх по западному склону горы. Эскадрон залег за камнями в трещинах, открыл частую пальбу по неприятелю. Хвостиковцы вынуждены были перейти к обороне.

Виктор подполз к Шкрумову.

– Иван Степанович, а что, если заложить под эту скалу пироксилиновые шашки? Ведь она висит прямо над цепью врага.

– И то верно! – согласился Шкрумов.

Врывчатка была заложена в расщелины. Виктор приказал своим бойцам отходить. Хвостиковцы приняли их маневр за отступление, поднялись во весь рост и с криком «ура» полезли вверх. Раздался оглушительный взрыв. Скала оторвалась и, рухнув вниз, дробясь на огромные глыбы, загромыхала по склону горы, сметая все на своем пути.

Южный склон горы был очищен от противника. Не потеряв ни одного бойца из своего эскадрона, Виктор двинулся в ущелье, чтобы зайти врагу в тыл. Это ему удалось. Хвостиковцы наткнулись на засаду и попятились к Кардоникской. Здесь они заняли горы и ущелья и начали отчаянно огрызаться.

Воронов доложил командующему о создавшемся положении.

– Ну что ж, надо перегруппировать силы, – распорядился Левандовский. – Перед новой атакой следует обработать позиции противника массированным артиллерийским огнем!

Передышка продолжалась около двух часов.

И снова красные приготвилились к атаке. 12-й кавалерийской дивизии было поручено наступать на район Клухори⁶⁶⁰ на позиции противника с юго-востока.

---

⁶⁵⁹ **Очхазда** – судя по контексту – пологий овраг (балка, низина) поросший травой и кустарником. – прим. Гриня

⁶⁶⁰ **Клухори** – город Карачаевск. Основан в 1926 году в составе Каменномостского сельсовета как центр Карачаевской автономной области. В 1927 году получил имя *Микоян-Шафар*. В 1929 году получил статус города. В

Резервные полки 3-й Отдельной казачьей кавбригады залегли в ущелье под Кардоникской.

Сгруппировав кавалерию на флангах, Воронов открыл по селу сильный артиллерийский огонь. Над объятыми пламенем домами за клубился черный дым. Враг молчал. Казалось, в селе уже никого не было. Но как только началась атака, хвостиковцы встретили ее ожесточенной пальбой.

Цепи красных залегли, начали отстреливаться из пулеметов и винтовок. Эта огневая дуэль продолжалась больше часа.

Лаврентий, хорошо помня пословицу: «Сам не окопаешься – пуля закопает», зарылся в землю, положил перед головой камень покрупнее и, выглядывая из-за него, палил по хвостиковцам из карабина.

12-я кавалерийская дивизия пошла в обход села. Когда она внезапно появилась из-за ближайшей горы, хвостиковцы вначале растерялись, но быстро сумели перестроить боевой порядок и встретили дивизию огнем.

Комдив приказал одному полку остановиться и сбатовать лошадей. Бойцы устремились вверх по косогору, скрытому от наблюдения противника. Враг усилил стрельбу. Тем временем комдив с остальными частями бросился неприятелю во фланг. Хвостиковцы смешались.

Это заметил Воронов и скомандовал бойцам:

– Впе-е-ред!

Одна за другой цепи красноармейцев подхватились с земли и короткими перебежками устремились вперед. Одновременно по селу ударили пушки. Хвостиковцы выскочили на дорогу, побежали в сторону Кардоникской.

– Коня! – крикнул Воронов ординарцу и, взлетев на скакуна, махнул плетью всадникам, которые находились в укрытии: – Шашки к бою! За мной!

С белогвардейцами в селе было покончено в несколько минут, и вороновцы бросились на помощь полку 12-й кавалерийской дивизии, который вел рукопашный бой на склоне горы.

Лаврентий заметил, как пятерка дюжих казаков начала теснить Виктора и Вьюна к обрыву.

– Держись, сынку!

Он навалился на казаков сзади, сбил прикладом сразу двоих. Виктор и Вьюн быстро справились с остальными.

Хвостиковцы уходили по правому берегу реки Аксаут к Кардоникской – своему основному логову.

XV

Белогвардейцы опомнились лишь под Зеленчукской, где их ждала заранее укрепленная линия.

Солнце уже закатилось, в горах быстро сгущались сумерки.

Вся станица, забитая войском и обозами, гудела, как растревоженное осиное гнездо.

На обширной церковной площади, вдоль пенистой реки, разделявшей Зеленчукскую надвое⁶⁶¹, стояли лучшие кавалерийские и пехотные части Хвостикова. Над ними на ветру полоскались малиновые знамена, подшитые черной бахромой. На полотнищах этих знамен были изображены волчьи хвосты.

Хвостиков только что прибыл с передовой. В отведенной ему комнате поповского дома он снял с себя оружие, черкеску и при свете настольной лампы долго рассматривал полевую карту, затем нервно, подпрыгивающей походкой зашагал взад-вперед по ковровой дорожке. Тень его металась по стенам, по иконам, как черный призрак. Изредка он подходил к окну, прислушивался к стрельбе.

Стенные часы мелодично пробили восемь раз. Хвостикову подали ужин, но ему не хотелось есть. На душе было беспокойно.

В комнату вбежал Дауд, доложил:

– Господин генерал-майор! Твоя катыны приехал. Там, на двора!

1943 году Карачаевская область была ликвидирована (с последующей депортацией карачаевцев), город получил наименование **Клухори** и южная часть территории области вошла в состав Грузинской ССР как Клухорский район. В 1955 году Клухорский район был передан Ставропольскому краю, а в 1957 году была создана Карачаево-Черкесская АО, а город Клухори переименован в город Карачаевск. – прим. Гриня

⁶⁶¹ Река Большой Зеленчук, левый приток Кубани. – прим. Гриня

– Ты что мелешь? – уставился на него Хвостиков.

– Да, да! – закивал, улыбаясь, Дауд. – Твоя Нина приехал.

Хвостиков выскочил из-за стола и тут увидел на пороге жену, за которой стояли с тяжелыми чемоданами Лука и Баксанук.

Нина Гавриловна вошла в комнату.

– Ну, здравствуй, Алеша!

Хвостиков поднял руки и радостно закричал:

– Bravo, Нинок, bravo! Значит, приехала. Какая молодчина, какая умница! – Он обнял ее, поцеловал в губы. И вдруг, резко оборвав смех, спросил: – Но как же так получилось? Ведь я вчера послал в Сентийский монастырь Бабулу Кочкарова, чтобы он переправил наши ценности к тебе в Кисловодск.

Черные глаза Нины Гавриловны испуганно расширились.

– Что же ты наделал, Алеша? Кочкарова надо вернуть!

Хвостиков тяжело опустился на стул, сказал упавшим голосом:

– Это невозможно. Туда теперь не пробиться: повсюду красные...

Нина Гавриловна молчала.

Лука стоял перед генералом, ждал распоряжений.

Хвостиков сказал ему и княжичам:

– Можете идти.

Проводив их глазами, Нина Гавриловна с огорчением сказала:

– Значит, нам теперь не вырваться из рук большевиков.

– Вырвемся, – самоуверенно заявил Хвостиков и, помолчав, добавил: – Однако нам сейчас придется отходить в Закавказье по очень тяжелому пути. – Он сделал взад и вперед несколько резких шагов по комнате, промолвил: – Да, у нас остался только один путь к спасению: идти через перевалы Псеашхо и Аишхо⁶⁶² на Красную Поляну.

– А там что ждет нас?

– Не знаю, не знаю... – мрачно ответил Хвостиков. Он резко стиснул голову руками, – Черт побери, как же быть с золотом? Я рассчитывал, что буду отходить через Клухорский перевал, а теперь все изменилось. Уходить за границу нищим? И это в то время, когда там, в Сентийском монастыре, у нас с тобой не менее двадцати пудов золота!

– Бог с ним, Алеша! – вздохнула Нина Гавриловна – Моли всевышнего, чтобы он сохранил нам жизнь.

На церковном кресте противно заухала неясать⁶⁶³.

– Это не к добру! – промычал Хвостиков.

– Боже, каким суеверным и мнительным ты стал! – заметила Нина Гавриловна. – Нельзя же так...

К поповскому дому подлетели всадники – генерал Крыжановский со своей охраной. Хвостиков встретил его на крыльце.

– Я оставил корпус за станицей, а сам приехал узнать, какие будут распоряжения, – сказал Крыжановский.

– Сейчас соберу совещание, – ответил Хвостиков, – а пока добро пожаловать к чаю.

Увидев в комнате жену главнокомандующего, Крыжановский почтительно поклонился:

– Здравствуйте, Нина Гавриловна! Значит, и вы уже здесь?

– Как видите! – подавая ему руку, улыбнулась она. – Едва не погибла от тифа, но, слава богу, обошлось.

– Красные – пострашнее тифа, – горько усмехнулся Крыжановский.

Хвостиков распорядился вызвать начальника штаба Васильева.

– Да, кстати, я захватил в Беломечетской нестроевую часть красных, – сообщил

---

⁶⁶² **Перевал Аишхо** (Айшхо) – проход между истоками рек Малая Лаба и Пслух (левый, южный рукав, приток реки Мзымта, протекающей по урочищу «Красная Поляна»). **Перевал Псеашхо** (Псеашха) – проход между истоками рек Уруштен (Черная, приток реки Малая Лаба) и Пслух (правый, северный рукав). – прим. Гриня

⁶⁶³ **Неясать** – птица семейства совиных. – прим. Гриня

Крыжановский. – Так, всякий сброд: старики, женщины и даже дети. Человек триста.

– Где же они сейчас? – оживился Хвостиков

– К утру конвойные пригонят их в Зеленчукскую.

– Коммунисты среди них есть?

– Не успел допросить. Пришлось отступить.

Глаза Хвостикова холодно заблестели.

– Ну ничего, мы их здесь допросим.

Пришел Васильев, приземистый казак с рыжеватыми усами, положил перед Хвостиковым папку с бумагами.

– Вот, господин генерал-майор, донесения командиров полков и сведения о наличии боеприпасов.

– Ладно, позже посмотрю, – отодвинул папку Хвостиков. – Садитесь, сотник, потолкуем...

Начальник штаба сел на краешек стула, подкрутил усы и, взяв карандаш, раскрыл блокнот. Хвостиков закурил, склонился над картой.

– Скажу прямо, господа, положение наше критическое, – проговорил он, морщась от табачного дыма. – Задерживаться здесь нам никак нельзя. Завтра утром двинемся в сторону Псебайской. Оттуда по Малой Лабе выйдем к Черному морю, а потом направимся в Грузию. – Он указал карандашом на карте маршрут вдоль реки Большой Зеленчук. – Отходить будем вот так – через станицы Исправную, Передовую, Удобную, Спокойную, Бесстрашную, Ахметовскую до села Курджинова, потом повернем на запад до реки Андрюки и дальше по ущелью в станицу Андрюковскую и, наконец, в Псебайскую.⁶⁶⁴

– Это примерно верст двести будет, – прикинул Крыжановский. – Выдержим ли?

– А что подделаешь? – Хвостиков дернул плечом. – Другого пути у нас нет. Причем этот путь может оказаться роковым. Если красные пронюхают маршрут нашего движения, то нам не пробиться к морю. Поэтому нужно блюсти особую секретность наших решений.

– Понятно, – проговорил Васильев.

– Все перечисленные мною станицы будут нас поддерживать, – убежденно заверил Хвостиков. – Кроме того, в горах действуют мелкие и крупные наши отряды. Под Передовой, на реке Куве, отряд сотника Волошко, под Ахметовской – отряд Козлова... Таким образом, у нас есть все основания рассчитывать на успех организованного отхода.

– И все же чертовски печально уходить с Кубани, – угрюмо промолвил Крыжановский. – Лично я глубоко убежден, что мы не имеем права оставлять ее на произвол судьбы. Верю к тому же, что совдепия долго не просуществует. Поэтому предлагаю оставить здесь в горах боевые группы, как это сделал генерал Улагай при отступлении из плавней. Они должны продолжать борьбу с большевиками до нашего возвращения.

– Сергей Иванович, а не слишком ли иллюзорны наши надежды на падение Советской власти? – спросила Нина Гавриловна. – Я добиралась из Кисловодска сюда через многие хутора и станицы, где властвуют большевики. И представьте себе, население относится к красным с большой симпатией.

Хвостиков взглянул на жену со снисходительной улыбкой,

– Вы, женщины, склонны к гиперболизации. Народ – это стадо. Тут надо действовать кнутом и приманкой. Сейчас он поддерживает красных лишь только потому, что те стегают его кнутом.

– Нет, Алеша, по-моему, ты ошибаешься, – заметила Нина Гавриловна. – Смотря какой народ!..

– Ваша правда, Нина Гавриловна, – сказал Васильев.

Хвостиков недобро покосился на него.

– Я полностью разделяю надежду и веру Сергея Ивановича. Большевицкая революция продержится недолго, и мы вернемся в свои края.

---

⁶⁶⁴ Довольно странный маршрут, оправданный только расположением частей красных и поддержкой хвостиковцев в указанных станицах. Между тем, из станицы **Бесстрашной** в **Ахметовскую**, существовал проход напрямую (через станицу Подгорную, затем вверх по реке Алеригодих (река Теснина), и далее по водоразделу вдоль реки Гультиюг). Село **Курджиново** было основано только в 1934 году, в описываемый период в этом месте были только небольшие хутора Губский и Псемен (на месте разрушенной станицы Псеменской), причем до 1938 года поселение называлось Курджиновская Поляна. Да и проход к реке **Андрюк** имелся севернее – от излучины реки Большая Лаба к хутору Солёный (сейчас – северная окраина села Солёное). – прим. Гриня

XVI

На рассвете в Зеленчукскую пригнали пленных – изнуренных, измученных. Мужчин выстроили около школы, а женщин и детишек вдоль берега реки:

В горах и над станицей стояла жуткая тишина.

В седьмом часу утра на крыльцо поповского дома вышел Хвостиков. За ним остановилась Нина Гавриловна в светло-серой черкеске, черной кубанке, брюках и сапогах. На площади командующего уже ждали Крыжановский, Васильев, Минаков, Джентемиров, Лука и братья Крым-Шамхаловы.

Хвостиков остановился перед шеренгой пленных мужчин, сказал:

– Братцы, признавайтесь, кто среди вас коммунисты?

Никто не отозвался. Хвостиков зло усмехнулся выхватил из кобуры браунинг.

– Что?! Молчите, собаки! – Он отсчитал двух пленных с правого фланга, остановился перед стариком, стоявшим третьим в шеренге. – Ну, говори, кто коммунист?

Старик задрожал от страха, с трудом вымолвил:

– Не знаю... Ей-богу, не знаю, ваше высоко...

Хвостиков выстрелил ему в грудь и, снова отсчитав двух, обратился к третьему:

– А ты что скажешь?

– Катюга ты, вот что! – бросил ему в лицо высокий черноглазый бородач.

Снова прозвучал выстрел. Хвостиков продолжал допрос, расстреливая каждого третьего. Пленные упорно молчали.

– Пора кончать с этой сволотой! – сказал наконец Хвостиков и, обернувшись к Джентемирову, указал на пленных: – Корнет, займитесь ими!

Джентемиров рванулся к «дикой» сотне, скомандовал:

– В ружье! Приготовиться!.. Огонь!

Прогредел залп. Добрая половина шеренги была срезана пулями. Пленные бросились врассыпную, побежали к реке. За ними помчались конники. Озверелые палачи рубили пленных пашками, топтали лошадьми.

Баксанук и Дауд вывели из толпы простоволосую женщину, которая прижимала к груди белокурого малыша.

Джентемиров подтолкнул ее к Хвостикову:

– Господин генерал-майор, это жена красного комиссара!

Хвостиков махнул плетью:

– В расход! Обоих!

Женщина прикрыла рукой голову ребенка.

– Не дам его! Не дам! О господи, хоть дитя пощадите! – Она рванулась к Нине Гавриловне, таща за собой Баксанука и Дауда, закричала с мольбой: – Родная, заступитесь за малютку. Спасите моего мальчика!

Ребенок, уткнувшись лицом в ее шею, завизжал. Лука вырвал его из рук матери, схватил за ноги и швырнул в реку.

Женщина упала на землю, завывала безумно.

Баксанук ударил несчастную саблей по лицу. Лука и Дауд поволокли ее к реке, бросили в воду. Голова женщины раз-другой вынырнула, затем навсегда скрылась в волнах.

* * *

Кавбригада Воронова укрепилась на площадке между притоком, впадающим в Большой Зеленчук на северо-востоке Зеленчукской, и притоком Маруха, впадающим в Малый Зеленчук.

Сам Воронов выехал в село Подгорное, расположенное в трех верстах к югу⁶⁶⁵ от Зеленчукской, на совещание к командующему.

---

⁶⁶⁵ В трех верстах к югу от станицы Зеленчукской располагались село Даусуз и хутор Хуса-Кардоникский. – прим. Гриня

В пути его догнал Вьун и сообщил о расправе, которую учинили хвостиковцы в Зеленчукской.
– Откуда эти сведения? – спросил Воронов.
– Только что из станицы прибежал один человек. Рассказал про все. Ну, дядько Лавро сразу мне: «Дуй за командиром! Надо людей выручать».

Воронов посмотрел в сторону Подгорного.

– Вот что, Вьун. Скажи в село. Передай там командиру, что я решил немедля атаковать Зеленчукскую. Пусть подмогу высылают. Понял?

– Так точно! – Вьун приложил руку к кубанке. – Я мигом смогаюсь.

Он помчался в Подгорное, а Воронов погнал коня назад.

Неожиданная атака спешенных полков кавбригады застала хвостиковцев врасплох. Не выдержав рукопашной схватки, они начали отступать к Зеленчукской.

Воронов продвигался с 1-м Афипским полком по правому берегу Большого Зеленчука, с ходу овладел окраиной станицы. Туда же устремились подоспевшие на помощь части 12-й кавалерийской дивизии.

Спасенные дети и женщины обнимали красноармейцев. За рекой еще гремела стрельба, а Соня и Клава уже организовали в школе медицинский пункт.

Более тридцати верст удирали полки «армии возрождения России», надеясь укрыться в горных станицах, но под Передовой в тыл им неожиданно ударил чоновский отряд Юдина.

Хвостиков приказал любой ценой смять чоновцев и обеспечить отход своим полкам через Урупское ущелье на Преградную.

«Дикая» сотня Джентемирова и полк Минакова начали обходить отряд Юдина. Мост Климанова^{ббб} через Большой Зеленчук взорвали, чтобы не дать возможности кавбригаде Воронова и коннице 12-й кавдивизии соединиться с чоновцами.

Юдин понял, какая опасность нависла над его отрядом. вражеское кольцо должно было вот-вот сомкнуться. Оставался единственный путь – отход по Урупскому ущелью. Юдин повел отряд туда и вдруг попал в засаду. Белогвардейцы сбили чоновцев с дороги, загнали в трясинистое болото.

Люди и лошади гибли от пуль, тонули в вязкой пучине. Сопrotивление юдинцев слабело. Положение их казалось безнадежным, но Иван Градов и Мечев вдруг нащупали твердую тропу через топь.

Прежде чем белогвардейцы спохватились и успели перекрыть эту тропу, отряд Юдина сумел вырваться из западни.

* * *

В Передовой Хвостиков остановился в доме местного богача Жигайло. Хозяин из кожи вон лез, чтобы угодить генералу и генеральше, велел накрывать стол.

– С обедом придется немного подождать, – сказал Хвостиков. – Должны прибыть мои друзья.

«Друзья» не заставили себя долго ждать. Это были полковник Белов и сотник Волошко, действовавшие со своими отрядами в горах.

Жигайло пригласил всех к обеду.

За столом Хвостиков спросил полковника и сотника, как они намерены поступить: с ним ли будут уходить в Грузию или останутся здесь до возвращения его армии.

– Здесь останемся! – твердо заявил Белов. – Мы – казаки. Я – донец, Волошко – кубанец. Верой и правдой служили мы царю, потом Корнилову и Деникину... Судьба нас забросила в горы. У нас сейчас нет ничего, кроме оружия. Однако мы сильны духом и будем драться до последней капли крови. Я верю, ваше высокопревосходительство, что вы скоро вернетесь, и мы готовы выполнять ваши приказы.

– Спасибо! – промолвил с напускной растроганностью Хвостиков и взглянул на Волошко. – А что скажет господин сотник?

Волошко поспешно встал, расправил усы, промолвил:

– Я со своей семьей уже определился, господин генерал-майор.

---

^{ббб} Мост Климанова – мост в станице Передовой через реку Сладкая. – прим. Гриня

– С какой семьей? – не понял Хвостиков.
– Женой и двумя детишками, – пояснил Волошко. – Сын и дочь у меня. Ну и отряд, как вам известно, в сто человек. – Он указал на Белова. – К тому же договорились мы с полковником, что он с казаками своими ко мне в пещеру перекочует.
– А как у вас с оружием, боеприпасами?
– Слава богу, и того и другого в достатке.
– Что ж, отлично! – одобрил Хвостиков. – Я в свою очередь оставлю вам в помощь отборнейшие части под командованием офицеров Джентемирова и Минакова. Надеюсь, вы найдете с ними общий язык?
– Общий язык у нас – ненависть к врагу! – проговорил Белов.
В столовую вошел Жигайло и поставил на стол две четверти водки.
Хвостиков хитровато сощурил глаза.
– Говорят, Лазарь Афанасьевич, что у вас живет председатель станичного ревкома Оглобля.
Жигайло развел руками.
– Что подделаешь? Силой влез в дом.
– Где же он сейчас?
– Утек куда-то, нервный дюже.
Все громко захохотали.

XVII

Бой на Большом Зеленчуке не утихал. Воронов захватил Исправную и, форсировав реку, значительно потеснил корпус Крыжановского к Передовой.

12-я кавалерийская дивизия проникла в Кяфарское ущелье⁶⁶⁷, двинулась на Преградную. Передовые ее части во второй половине дня атаковали станицу с юго-востока.

Штаб Хвостикова с двумя полками рванулся на Псемен, но там натолкнулся на 14-ю кавдивизию, входившую в состав левофланговой группы. Не принимая боя, хвостиковцы начали отходить по Урупскому ущелью к Передовой. Черный дым высоко поднимался над нею, тянулся к западу, покрывая близлежащие горы.

Боясь окружения, Хвостиков приказал всем частям, находившимся в Передовой, отойти к Надежной.

Васильев об этом ничего не знал. Пройдя полпути по Урупскому ущелью, он неожиданно столкнулся с вороновской кавбригадой. Видя безвыходное положение, начальник штаба отдал распоряжение полкам занять двустороннюю оборону. Белогвардейцы рассыпались между валунами, хаотически разбросанными по крутизне левобережного подъема, поросшего редким кустарником и отдельными деревьями.

Некоторые части 12-й кавалерийской дивизии пошли в обход хвостиковцев правой стороной Урупского ущелья, по отлогому склону, густо покрытому смешанным лесом.

1-й Афипский полк оставил лошадей коноводам и, используя лес и валуны для защиты от пуль, устремился по правому берегу реки и через полчаса соединился с частями 12-й кавалерийской дивизии. Хвостиковцы теперь были прижаты к левой стороне ущелья. За полтораверстным крутым подъемом, на котором только что укрепился Васильев со своими полками, сразу же возвышалась угрюмая семидесятисаженная отвесная стена. В верхней ее части тянулась, как шнуром отбитая, ровная черта, свидетельствующая, что там, много тысячелетий назад, неслись студеные воды гневного и своевольного Урупа. Веками врезаясь в каменный грунт и яростно ворочая глыбы, он оставил эту черту в память начала своей титанической работы. Немного выше ее, над самой крутизной, маячили деревья. За ними – небольшие холмы и лысые скалы.

Тут же огромным полукольцом вдавалось в скалу углубление. Слева в нем – несколько навесов с гладким полом. Хвостиковцы немедленно разместили под ними лошадей, укрылись от огня.

Здесь же по стене высокого полукольца вилась тропа наверх. По приказу Васильева три роты поднялись по ней и, заняв оборону на отвесной скале, открыли винтовочную и пулеметную стрельбу

---

⁶⁶⁷ Кяфарское ущелье – достопримечательность реки Кяфар (приток реки Большой Зеленчук). Находится к югу от станицы Сторожевой. – прим. Гриня

по красным, наступающим по крутому подъему.

На правой стороне углубления прямо из скалы выступали две колонны, соединенные известняковым пластом в виде арки. Между двумя «шапками», надетыми на колонны, видна лобовина горы, поросшая мшистой травой и чахлыми деревьями, а под ней – небольшая дыра – вход в обширную пещеру, в которой свободно можно разместить целую дивизию с лошадьми. Из пещеры по неглубокому ерику узенькой лентой сбегала в Уруп чистая родниковая вода.

Васильев метался между валунами, постепенно отводил белоказаков к пещере.

– Братцы! За святую Русь! За царя-батюшку и отечество! – хрипло выкрикивал он, то и дело смахивая рукавом черкески пот, застилавший ему глаза.

Из-за камня вывернулся Виктор, прицелился в него. Но сотник с быстротой тура метнулся к расщелине, ведущей наверх, в пещеру. Вьюн, примостившись выше на валуне, как улар⁶⁶⁸ на вершине скалы, тоже вел прицельный огонь по противнику.

Виктор утолил жажду из родника, окинул взглядом наклон, заваленный валунами, и скалу с отвесной стеной. Ему вмиг представилось, как в далекие времена, оторвавшись от скалы, падали и с грохотом разбивались тяжелые глыбы, с гулом неслись по этому наклону к Урупу. Застряв в расщелинах и оврагах, они по сей день как бы ждут той минуты, когда снова сорвутся с места и остановят бурный поток реки.

«Да... – подумал Виктор. – Какая здесь суровая природа!.. Бушующий Уруп и грозные скалы... тоже в вечной борьбе. Везде схватка... и среди людей, и в стихии...»

* * *

Между тем Васильев, теряя на поле боя убитых и раненых, быстро отходил к пещере, куда белогвардейцы тащили снаряжение, боеприпасы и продовольствие. На верху горы их становилось все больше и больше. Стрельба с той и другой стороны усиливалась.

Воронов стоял над громадным валуном и время от времени рассматривал в бинокль противника.

К нему подошел Шкрумов и, указав на арку, сказал:

– Бачите вон ту прозурину, Елисей Михайлович, что меж двумя присколками?⁶⁶⁹

– Ну, бачу, – ответил Воронов, продолжая глядеть в бинокль.

– Там есть большая пещера, – пояснил Шкрумов. – Хвостиковцы уже завладели ею.

– А может, попытаться зайти им в тыл? – сказал Воронов.

– Зайти-то можно, – проговорил Шкрумов, – но лучше поднять артиллерию и шрапнелью накрыть вход в пещеру.

Воронов одобрил эту мысль. Артиллеристы выкатили на правый берег несколько пушек и начали шквальным обстрелом площадки у входа в пещеру. Первые же снаряды упали у столбов. Сквозь клубы черного дыма было видно, как с тропы, словно вихрем, смело до двух десятков вражеских солдат. Оттуда донеслось дикое ржание лошадей.

Лаврентий, перепрыгивая с камня на камень, пробежал вдоль берега к артиллеристам, погрозил им кулаком:

– Эй, вы, матери вашей черт! Правее берите, а то всех коней в расселине изничтожите! Зачем же животину зря губить!

Путь к пещере был отрезан огнем батареи, но хвостиковцы, оставшиеся на склоне, продолжали яростно сопротивляться, палили из-за каждого валуна, из каждой расщелины.

Лаврентий, шныряя между камнями, одним из первых очутился на левом берегу Урупа. Вьюн едва поспедал за ним.

– Давай, давай, хлопец, побыстрее, – поторапливал его Лаврентий. – Коней надо захватить, а то

---

⁶⁶⁸ Улары (горные индейки) – птицы семейства фазановые. Для обитания предпочитает крутые каменистые россыпи и скалистые ущелья в альпийской зоне. – прим. Гриня

⁶⁶⁹ Здесь (по смыслу): **Прозурина** – просвет, проход. **Присколки** – крупные валуны у подножия скалы. В данном случае имеется в виду каменная арка описанная выше. Автор в третьей книге все чаще использует слова, которые единожды где-то услышал в живой речи и они ему понравились... – прим. Гриня

перебьют их бандиты. – Он припал к валуну и, целясь в белогвардейца, сказал Вьюну: – А ну-ка, сынок, возьми на мушку вон того супротивника, что особше⁶⁷⁰ ползет от беляков. То офицер. А я займусь этим.

Вьюн приложился. Раздался выстрел, и офицер уронил голову.

Васильев сорвал голос, пытаясь сохранить очаги организованного сопротивления. Перебегая с места на место, он хрипел:

– Братцы!.. Держитесь!

Пуля обожгла ему левую руку выше локтя. Зажав рану, он бросился на тропу, чтобы преградить путь солдатам, которые, стремясь проникнуть в пещеру, в панике лезли под артиллерийский огонь. Тут же, на тропе, Васильева вторично ранило – в плечо. Но он все же добежал до пещеры, в которой пряталось несколько сот белогвардейцев.

– Что же вы, мерзавцы, отсиживаетесь, когда ваши товарищи ведут бой? – гневно закричал он. – За мной!

Окровавленный, находясь в каком-то горячечном состоянии, он снова выскочил из пещеры под огонь, но мало кто последовал за ним.

Воронов, не отрываясь от бинокля, зорко следил за противником, руководил боем. Из-за выстрелов и гулко-го эха не было слышно ни людских голосов, ни стонов раненых.

Васильев получил еще два ранения – в ногу и правую руку, упал на жухлую помятую траву. К нему подбежали санитары, перевязали раны. Сотник приподнялся, с трудом произнес:

– Братцы... нам теперь отсюда не уйти... Так давайте же постоим за свою честь и отечество...

Его подхватили два казака, втащили в пещеру, усадили на холодном камне. Васильев задыхался. Жадно глотая воздух, он открыл глаза. До слуха долетели отчаянные крики, вопли, ругань. Васильев встал и, напрягая последние силы, побрел к выходу.

Выйдя из пещеры, он с большим усилием вытер рукавом лицо и, обратясь к белогвардейцам, с дрожью в голосе произнес:

– Братцы... довольно...

Сознание покинуло его, и он упал.

XVIII

Выполняя поручение Хвостикова, Кочкаров в первый же день добрался до Канделяпляр, но в монастырь не пошел, так как в Сентах гремела пальба. На следующую ночь, как только в ауле наступила тишина, он проник в монастырь, покружил немного около дома игуменьи, затем осторожно постучал в окно.

На крыльцо вышла мать Раиса и, узнав ночного гостя, пробормотала:

– Боже! Неужто это вы, Бабула? С чем пришел, раб божий?

Кочкаров оглянулся по сторонам, прошептал:

– Моя пришла от Хвостикова.

Игуменья торопливо перекрестилась, пропустила его в дом. В передней спросила с тревогой:

– Зачем же это прислал тебя Алексей Иванович?

– Золото брат, – сказал Кочкаров. – Генерал приказал все на Кисловодск, к жене его везти.

Игуменья всплеснула руками:

– Святой угодник! Как же ты повезешь? Крутом красные! Можешь попасться. Да и мне потом несдобровать.

– Я не попадай! – мотнул головой Кочкаров, – Моя знает, какая дорога ехать надо.

Игуменья проводила его в маленькую боковую комнату с закрытыми ставнями, зажгла оплывшую свечку в подсвечнике, указала на койку:

– Ложись здесь, отдыхай.

– Моя есть хочет, – сказал Кочкаров.

– Сейчас принесу. – Игуменья пошла на кухню, подала ему на столик полбуханки хлеба и тарелку студня.

– Ты, мать Раиса, лошадь не забудь готовить, – напомнил Кочкаров, – Моя верхом будет ехать.

---

⁶⁷⁰ **Особше** – особенно, обособленно, отдельно. – прим. Гриня

Понимай?

– Понимаю, как не понять! – сказала игуменья.

Кочкаров жадно набросился на еду...

Игуменья спешно созвала всех мантийных монахинь⁶⁷¹, под большим секретом объявила им о приезде Кочкарова и повелела тщательным образом проверить монастырь, Сенты, Нижнетебердинский аул⁶⁷² и узнать, где стоят часовые. Все двадцать две монахини немедленно отправились в разведку и через полтора часа доложили, что никакой опасности нет и что дорога в Клухори свободна.

Игуменья растолкала спящего Кочкарова.

– Вставай. Все уже готово.

Возле дома стояли две пароконные подводы, нагруженные тюками, и оседланная лошадь. Кочкаров простился с игуменьей, сел на лошадь и выехал из монастыря. Вслед за ним тронулись подводы.

За мостом через Теберду дорога потянулась между берегом шумливой реки и цепью лысых гор.

Кочкаров рассказал возчикам, куда держать путь, а сам пустил лошадь в намет, быстро пропал в темноте.

Позади уже осталось селение Бари. Внезапно впереди, со стороны Клухори, послышалась дробь конских копыт. Возчики остановили подводы. Прятаться было некуда: справа скалы, слева высокий обрывистый берег реки. Оставалось одно – свернуть на обочину дороги и ждать.

Вскоре к подводам подъехал Хубиев, возвращавшийся со своим полком из Кардоникской в Сенты и Нижнетебердинский аул. Увидев возчиков, он крикнул:

– Саям алейкум!

– Алейкум саям, – ответил седобородый возчик

Хубиев стегнул коня плетью, пустился по звонкой каменистой дороге. Пропустив полк, возчики двинулись дальше, благодаря всемогущего аллаха за удачный исход дела. За Клухори они свернули на дорогу к Кисловодску. В ночную пору здесь не диво попасть в руки абреков бродивших в горах, поэтому возчики гнали лошадей так, что с тех хлопьями падала пена. Перед рассветом подводы уже были под горою Темчир⁶⁷³. Слева и справа от дороги, пролегавшей вдоль речушки Мары, теснились крутые лесистые скалы.

До селения Нижние Бары⁶⁷⁴ оставалось не больше версты, когда из лесу на дорогу выехал небольшой отряд красноармейцев. Впереди на тонконогом кабардинце сидел Карабашев. Подъехав к возчикам, он спросил:

– Не встречались вам всадники с табуном лошадей?

Карабашев уже хотел было пустить коня вскачь, но тут случайно обратил внимание на тюк, торчавший из-под брезента в задке головной подводы. На тюке отчетливо виднелась надпись: «Хвостиков».

– Что это вы везете? – спросил Карабашев.

– Не знаю, что в мешках, – сказал седой бородач. – Кочкаров приказал везти, вот мы и везем.

– А ну, следуйте за нами! – приказал Карабашев. – Посмотрим, чем нагрузил вас этот шайтан Кочкаров.

* * *

---

⁶⁷¹ Малая схима (**мантийное монашество**) – степень православного монашества. Принимая постриг и обеты малой схимы, человек полностью отрекается от мирской жизни и становится монахом. Он получает новое имя (как бы рождаясь заново) и даёт три монашеских (аскетических) обета: послушания, целомудрия и нестяжания. – прим. Гриня

⁶⁷² **Нижнетебердинский аул** ранее назывался **Сенты** или Сентийский. – прим. Гриня

⁶⁷³ Гора Тамчуир. – прим. Гриня

⁶⁷⁴ Аул Нижняя Мара. – прим. Гриня

Расположив свой полк в Сентах и в Нижнетебердинском ауле, Хубиев отправился с десятком конников в имение князя Крым-Шамхалова, которое уже было переименовано в «Юй джарлыланы ёкюлю», что обозначало – дом защитников бедноты.

В бывших княжеских хоромах еще спали. Хубиев спрыгнул с коня, взбежал на крыльцо и громко постучал в запертую дверь. Его жена Фердаус в длинной ночной сорочке быстро спустилась по лестнице, широко распахнула двери.

– Мой Шагоиб! – воскликнула она, сияя от счастья, – Мне сердце подсказало, что это ты!

Хубиев обнял ее, поцеловал.

– А где Аскерби? Где Фатима? Спят еще? – спросил он, улыбаясь. – Видно, в доме князя им спится по-княжески!

– Фатима здесь, а Аскерби... – Блеск в глазах Фердаус погас. – Какая-то банда угнала всех красноармейских лошадей из Учкулана. Аскерби еще вчера уехал туда...

– И до сих пор не вернулся? – встревожился Хубиев. Он гневно хлестнул плетью по перилам крыльца, – Кто, кто эти бандиты? Уж не Барисбий ли Дудов организовал эту кражу?

Фердаус взяла его под руку, промолвила ласково:

– Что же ты стоишь на пороге? Заходи в дом.

Хубиев взглянул в ее глаза:

– Я должен ехать в Учкулан и найти Аскерби. Если он окажется в руках Барисбия или Мурзакулы, то мы уже никогда не увидим его.

– Ну побудь хоть немного со мной, – попросила Фердаус. Ведь ты страшно устал. Я вижу по твоему лицу.

– Нет, надо ехать! – ответил Хубиев и обернулся к красноармейцам: – Не расседывайте коней.

Но ехать не пришлось. В воротах усадьбы показался Карабашев. За ним, в окружении всадников, следовали две подводы. На передней восседала игуменья – мать Раиса.

Хубиев сбежал с крыльца навстречу Карабашеву.

– Жив? Слава аллаху, вернулся! Нашел лошадей?

Карабашев весело прищурился:

– Искал одно, а нашел другое, – и указал на подводы: – Тут, брат, не на один табун хватит.

Он приказал отправить возчиков в подвал, а тюки перенести в дом. Видя, что игуменья все еще сидит на подводе, крикнул:

– Слезай, матушка, приехали!

Игуменья, кряхтя, неохотно слезла с подводы.

Из дома вышла Фатима, остановила удивленный взгляд на игуменье:

– И вы, матушка, здесь? В гости пожаловали?

Старуха указала посохом на Карабашева.

– Это он, твой разлюбезный муженек, силком привез меня сюда. Арестовал! И совсем зря.

– Э нет, божья угодница, совсем не зря, – покачал головой Карабашев.

Красноармейцы перенесли тюки в зал.

Когда Карабашев рассказал, что содержится в тюках и каким образом награбленные сокровища Хвостикова попали в его руки, Хубиев покосился на игуменью, нахохлившуюся в кресле, сказал:

– С Хвостиковым заодно действуете?

– Не возводи напраслины, – огрызнулась игуменья. – Зачем он мне, супостат такой? Не виновата я.

– Ничего, разберемся, – нахмурился Хубиев. – Не виновата – отпустим, а виновата – судить будем.

– Ишь ты, судить! – сказала игуменья, чувствуя, как ее начинает знобить от страха. – Кто посмеет судить меня, старуху, безгрешную рабу божью? Как-никак двадцать лет на игуменстве сижу.

– Двадцать лет держалась, а на двадцать первом, видно, не устояла перед соблазном дьявола! – заметил Карабашев.

XIX

Во второй половине дня в усадьбу приехал Атарбеков. Хубиев и Карабашев проводили его к тюкам.

– Что же в них? – спросил Атарбеков.

– Золото, серебро и драгоценные камни. Все в изделиях, – ответил Карабашев.

– Да, вам повезло, товарищ Карабашев. Как говорится, на охотника и зверь бежит.

Атарбеков закурил, весело сощурился.

– Между прочим, во время ареста Кочкарова произошел забавный случай. Как только были получены от вас сведения о захвате этих тюков, я отправился из Зеленчукской в Кисловодск и рассказал начальнику ЧК в Кисловодске о подводах, принадлежащих некоему Кочкарову. Ну, начальник отдал приказ об аресте помощника начальника Кисловодского отряда по борьбе с бандитизмом Барака Кочкарова. И того немедленно посадили под замок. Тотчас же в ЧК примчался сам начальник отряда и стал доказывать нам, что Барак Кочкаров честный человек. А в это время вторая группа чекистов доставила настоящего виновника – адъютанта генерала Хвостикова Бабулу Кочкарова, задержанного на квартире, в которой тайно жила жена Хвостикова. Ошибку, конечно, мы тут же исправили.

– Ну и что Бабула? – спросил Хубиев.

– Пока молчит, – ответил Атарбеков. – Его должны вот-вот привезти сюда. Думаю, здесь у него язык развяжется.

Карабашев и Хубиев начали вспарывать тюки. Фатима и Фердаус раскладывали на рояле, столах и стульях золотые и серебряные вещи. В большом ларце из слоновой кости был обнаружен пространный список всех ценностей, свидетельствовавший о том, что главнокомандующий «армией возрождения России» вел тщательный учет награбленного. Хубиев подал Атарбекову увесистую парусиновую сумку. На ней химическим карандашом было выведено: «7 фунтов 2 золотника⁶⁷⁵. Зубов – 723 шт., коронок – 831 шт.».

– Сколько жертв! Сколько крови пролито из-за этих вещей! – задумчиво, с душевной болью промолвил Атарбеков. – Можно ли простить такое?

Чекисты привезли Бабулу Кочкарова. Когда его со связанными руками ввели в зал, он, покосившись на золото, опустил глаза.

– Откуда это у Хвостикова? – спросил Атарбеков.

– Моя ничего не знает, – мотнул головой Кочкаров.

– Не лги! Здесь в списке под номером первым числится «ковчег⁶⁷⁶ серебряный, позолоченный, на четырех ножках, вышиною 14 вершков⁶⁷⁷, о двух этажах...». Вот он, на рояле стоит. Видишь? Каким образом он попал к вам?

Кочкаров пошевелил затекшими руками.

– Эта кайчеч, вот эта крест золотая и эта евангелик с алмазами брала поп Валерьян из своя церковь. Когда его помирал, генерал Хвостиков взяла себе все это.

– Ну, а вот эти серьги, кольца, броши, цепочки, браслеты откуда? – спросил Атарбеков.

– Эта Кисловодск и другой станица, – ответил Кочкаров. – Моя не знает. Все эта Джентемиров брала.

Карабашев открыл старинную шкатулку. Она была наполнена золотыми нательными крестиками.

– Тоже с убитых сняты, – заметил Атарбеков. – Привести игуменью.

Едва переступив порог, та уставилась на сокровища, размашисто перекрестилась:

– Господи Иисусе! Сколько добра тут всякого!

– Поражаетесь? – спросил Атарбеков. – Может быть, вы и не догадывались, что приняли от Хвостикова на хранение?

Игуменья покосилась на Кочкарова, ответила:

– Нет, почему же, знала. Но под страхом смерти хранила.

---

⁶⁷⁵ В русской системе мер **фунт** равен 96 **золотникам**. Положением о мерах и весах 1899 года был выражен в метрической системе: **1 русский фунт** = 0.40951241 кг. Соответственно **1 золотник** = 4.266 грамма. – прим. Гриня

⁶⁷⁶ **Ковчег** – ящик, короб, сундук, вместилище для чего-либо. – прим. Гриня

⁶⁷⁷ В русской системе мер аршин равен 16 **вершкам**. Положением о мерах и весах 1899 года в качестве основной единицы длины был узаконен аршин и выражен в метрической системе: 1 аршин = 0.7112 м. Соответственно **1 вершок** = 0.04445 м = 44.45 мм. – прим. Гриня

– Почему же вы не доложили нашему командованию? – спросил Атарбеков.

– Говорю же, Хвостиков застрашал. Смерти убоялась.

Атарбеков закашлялся, прикрыл рот платком и, с трудом поборов приступ удушья, сказал:

– Убоялись раньше времени в царство небесное попасть? А теперь мы вас будем судить за пособничество врагам Советской власти.

Игуменья снова перекрестилась, вздохнула:

– Да будет на то воля господня.

– Не господня, а народная! – заключил Атарбеков и кивнул чекистам: – Уведите арестованных.

* * *

В десятом часу утра дежурный доложил Атарбекову, что к нему хочет пройти какой-то поп, приехавший на тачанке.

– Пропустите! – распорядился Атарбеков.

Вошел Евсевий Рождественский. Отрекомендовавшись, он сообщил, что прибыл в Баталпашинский отдел по заданию епископа Иоанна для проверки состояния всех монастырей.

– А мы тут при чем? – пожал плечами Атарбеков.

Евсевий хмыкнул, помолчал немного, потом сказал:

– Вы, гражданин начальник особого отдела, прекрасно знаете, в чем дело. Мать Раиса – игуменья Сентийского Спасо-Преображенского монастыря – содержится у вас под арестом. Меня интересует, в чем состоит ее вина, и если можно, то разрешите мне поговорить с нею.

Атарбеков попросил привести игуменью и объяснил Евсевию причину ареста настоятельницы.

Дежурный ввел игуменью, Евсевий пожал ей руку

– Я – викарий епископа Иоанна Евсевий Рождественский.

– Слыхала о вас, – сказала игуменья. – Мы вас ждали. Постарел уже наш епископ, некому наводить порядки церковные на Кубани...

– Затем я и приехал, – сказал Евсевий, – К сожалению, я стал свидетелем очень печальных событий.

– Да вот... арестовали меня... – проговорила игуменья. – Застрашал меня Хвостиков. Берегла его проклятое золото, передала Кочкарову, как велено было. Теперь судить меня собираются.

Евсевий обернулся к Атарбекову.

– По-моему, гражданин начальник, строго винить мать Раису нельзя. Запугать старую, слабую женщину нетрудно.

– Степень ее виновности будет установлена следствием, в Екатеринодаре, – заявил Атарбеков.

XX

Черноморская Екатерино-Лебяжская Николаевская общежительная пустынь расположена в красивой местности, у так называемого Лебяжьего лимана, напоминающего своей формой плывущего лебедя⁶⁷⁸. Это один из самых крупных монастырей на Кубани. Его многочисленные постройки, сверкающие ослепительной белизной, обнесены высокой кирпичной стеной. Посреди двора, на самом высоком месте, в голубую высь возносятся позолоченными крестами девятикупольный Соборный Рождество-Богородицкий храм.

Со двора молочной фермы, что приютилась на северо-западной стороне острова, за монастырскую стену долетали мычание коров и голоса пастухов.

На главной аллее, обсаженной по сторонам желтой акацией и сиренью, показался слепой бородатый монах – искуснейший монастырский звонарь Сергей. Громко стуча каблуками сапог, он безошибочно свернул к колокольне, увенчанной золотой луковицей купола и сияющим крестом, подобрал полы рясы, поднялся по крутым лестницам к колоколам. Над лиманом поплыл гулкий звон.

---

⁶⁷⁸ Сомнительно, что казаки давали названия природным объектам, основываясь на их виде с высоты птичьего полета. Более обоснованная версия изложена в книге В. А. Попова «Кубанские сказы» (первое издание 1968 год, одновременно с третьей книгой «На заре»). В сказе «**Лебяжий остров**» говорится о гнездовьях лебедей на острове. – *прим. Гриня*

Отбив утренние часы, Сергей сел на скамью у решетчатого окна колокольни, уставился пустыми глазами в небо и начал бубнить молитву.

Внизу, на лестнице, закрипели ступени. Сергей прислушался и сразу определил, что навверх с кем-то поднимается протоиерей Гурий. Кто был второй, Сергей так и не смог угадать по шагам, подумал: «Уж не тот ли это монах, что прибыл на днях?»

Действительно, с Гурием на колокольню в монашеской, одежде поднялся полковник Жуков.

– Вот видите, – сказал Гурий, подойдя к барьеру окна. – Отсюда просматриваются ближайшие плавни и острова на лиманах.

– Да, места здесь отменнейшие, – заметил Жуков. – Куда ни глянешь – естественные укрепления. Не монастырь, а крепость. И вы, отец протоиерей, право, смахиваете на начальника крепости. Что-то есть в вас офицерское.

– Что-то, разумеется, осталось, – Гурий расправил огненно-рыжую бороду, лежавшую лопатой на груди. – В молодости я учился во втором кадетском корпусе в Петербурге. Оттуда вышел хорунжим; служил в конно-артиллерийской четырнадцатой батарее Кавказского линейного войска, затем при воинском штабе. Одно время даже заведовал юнкерской командой, был советником войскового правления. Позже судьба определила меня в Киевскую духовную семинарию и Московскую академию. Был возведен в сан протопopa и назначен в Екатеринодар войсковым протоиереем.

– У вас прелюбопытнейшая биография, – сказал Жуков. – Выходит, волею судеб не я один сменил мундир на рясу.

– А вы что, брат, тоже из военных? – неожиданно спросил Сергей.

– Довелось всего испытать, – уклончиво ответил Жуков. – Устал я от мирской суеты и пришел сюда на покой.

Сергей поднялся со скамьи.

– Позвольте, брат, познакомиться с вами... пальцами лицо оглядеть.

– Что ж, давайте знакомиться, – поморщился Жуков.

Сергий провел шершавыми пальцами по его щекам, потрогал усы, нос, веки.

– А что ж без бороды, брат?

– Не успела вырасти, – улыбнулся Жуков.

Сергию хотелось еще о многом расспросить его, но Гурий прервал разговор:

– Потом наговоритесь. А сейчас нам пора идти.

Гурий и Жуков вошли в келью игумена Дорофея, который приводил в порядок седые длинные волосы перед большим овальным трюмо.

– Чем намерены заниматься сегодня? – поинтересовался Дорофей.

– Нам нужно побеседовать в тесном кругу и выработать план действий. Время не терпит, – сказал Жуков.

– А у меня хорошая весть, Диомид Илларионович, – сообщил Дорофей. – В плавнях под Новоминской⁶⁷⁹ скрывается большая группа казаков сотников Зубарева и Дубины.

– Это же прекрасно! – с жаром воскликнул Жуков. – Связь с ними установлена?

– Вот думаю, кого послать туда.

– А чего думать? – вставил Гурий. – Через Марфу Кузьминичну Бражникову можно. Это чепигинская⁶⁸⁰ купчиха. Она с мужем изображена у нас на стене в притворе храма. За дело господнее в огонь и в воду пойдет.

– А что за человек Комаровский в Гарбузовой Балке⁶⁸¹? Надежный?

– Куда уж надежнее. Он с женой тоже в святых числится. На крыле главных ворот лики их написаны.

---

⁶⁷⁹ Называть степь, окружающую станицу Новоминскую плавнями, довольно некорректно. Имелось небольшое болото на южной окраине (по руслу реки Албаши) и заболоченный участок местности километрах в четырех на северо-восток. – прим. Гриня

⁶⁸⁰ **Чепигинская** – жительница станицы Чепигинской Тимашевского отдела (сейчас – Брюховецкого района). – прим. Гриня

⁶⁸¹ **Гарбузовая Балка** – хутор в Тимашевском отделе (сейчас – в Брюховецком районе). – прим. Гриня

– Воистину праведная чета, – подтвердил Дорофей.

* * *

На колокольне Сергей пробил час завтрака...

Братская трапезная разделена на две части: поварню и просфорную⁶⁸². Первая половина – для священнослужителей, вторая – для монахов.

Сергей быстро отыскал свое место, уселся на скрипучей скамейке у открытого окна. Дюжий монах Федор подал завтрак и подсел к столу, за которым рядом с Сергием сидели два монаха – заведующий складом и старший конюх.

– Чтой-то, братия, не видать новичка, – сказал старший конюх, окинув взглядом монашескую половину трапезной.

– Он, поди, с самим игуменом трапезничает, – промолвил Сергей. – Видать – не простая птица. В почете тут.

– Что ты буровишь⁶⁸³, брат, – пробасил Федор. – Откуда видать тебе-то, слепому?

– Твое дело звонить, – добавил тенорком худой, длинношей заведующий складом.

– А я и звоню.

– Звони, да не перезванивай!..

Сергей промолчал. На его волосатом, изъеденном оспой лице выражалась озабоченность. Не понравился ему новый монах.

После завтрака состоялось тайное совещание священнослужителей. Его проводил игумен Дорофей в просторном зале при Зимней церкви. Первым выступил полковник Жуков, доложивший о возможностях повстанческого движения на Кубани. Затем были обсуждены вопросы, связанные с созданием подпольной контрреволюционной организации при монастыре.

После совещания Гурий с Жуковым, попом Яроном и монахом Федором отправились баркасом на хутор Гарбузовая Балка – к Комаровскому.

Осень уже успела наложить на буйную растительность лимана золотистые и багряные краски увядания. Густые камыши и кусты рогоза еще кишели дичью. На зеленоватых зеркалах просторных плесов плавали стаи уток, нырков, диких лебедей и пеликанов.

Жуков стоял у борта баркаса, прислушивался к ритмичному стуку мотора и, окидывая взглядом глухие, дикие места, думал о том, какие богатейшие возможности для скопления повстанческих сил открывали перед ним эти болота и монастырь.

Ярон украдкой наблюдал за ним и мысленно оценивал, на что способен этот человек, можно ли вполне рассчитывать на его организаторскую силу. Маленькие черные глаза Ярона сверлили Жукова, будто пытались заглянуть ему в душу, прочесть его мысли.

Гурий, указав на юго-восточный берег лимана, пояснил Жукову:

– Там – наша пасека. От нее идет дорога на Брюховецкую. На этой дороге мы всегда встречаем владыку из Екатеринодара.

– Теперь ждите не владыку, а викария – отца Евсевия, – ответил Жуков. – Этот сумеет повернуть церковные дела в нужное русло, вопреки указаниям строптивного и выживающего из ума старика.

– Да, наш преосвященный владыка совсем капитулировал перед большевиками, – заметил Ярон. – Этак недолго от бога к сатане переметнуться.

– Когда же отец Евсевий сюда будет? – поинтересовался Федор.

– Обещал на рождество пресвятой богородицы⁶⁸⁴, – ответил Ярон.

– Да... – протянул задумчиво Гурий. – Отца Евсевия бы на место владыки.

---

⁶⁸² **Поварня и просфорная** – кухня и пекарня. – прим. Гриня

⁶⁸³ **Буровить** (буровыть) – говорить вздор, несуряцицу, что-либо несвязное. – прим. Гриня

⁶⁸⁴ **Рождество Пресвятой Богородицы** – в православных церквях празднуют по юлианскому календарю (старому стилю) – 8 (21) сентября. – прим. Гриня

Баркас, шумно разрезая носом спокойную гладь воды, петлял между густыми камышами, вспугивал дичь. Впереди внезапно раскрылся обширный плес, посредине которого маячила лодка с рыбаком.

– Да это, никак, Зосима Варлаамович Комаровский! – издали определил Гурий и постучал в будку моториста: – Эй, глуши тарактелку!

Баркас по инерции медленно приближался к лодке, но Комаровскому было сейчас не до него. Схватившись обеими руками за удилище, он с трудом удерживался в лодке: слишком большая рыба попала на крючок. Леска дрожала, как струна.

Гурий сложил ладони рупором, закричал:

– Держи крепче, Зосима Варлаамович! Сорвется!

– Должно быть, пудового сазана закрючил! – сказал Ярон.

Все с интересом смотрели на борьбу между рыбаком и сазаном, бурлившим вокруг себя воду. Удилище в руках Комаровского согнулось, и казалось, вот-вот треснет или же оборвется леса. Но тут задержался еще один поплавок. Комаровский машинально схватился за второе удилище и, потеряв равновесие, шлепнулся в воду, сразу, как грузило, пошел ко дну.

– Экая досада! – вскричал Ярон. – Такой сазан сорвался! Пожадничали, Зосима Варлаамович.

– Спасать надо человека, а вы о сазане, – гневно бросил Гурий и приказал мотористу включить мотор.

Из воды показалась голова Комаровского.

– Правее держитесь, – крикнул он, отфыркиваясь. – Тут мелко, того и гляди, застрянет ваш баркастик.

Держа над головой удилища, он двинулся к берегу, таща за собой очумелых сазанов. Нескладной фигурой он напоминал пивную бочку на двух чурбанах. Мокрая полотняная рубашка с широко расстегнутым воротником прилипла к сутулой спине, похожей на опрокинутое деревянное корыто. Грузно ступая по илистому дну, он наконец выбрался на пологий берег, вытащил сазанов и принялся снимать их с крючков.

Баркас причалил к помосту. Жуков, разглядев Комаровского поближе, мысленно воскликнул: «Отродясь не видывал такого! Ни дать ни взять – горилла!»

Гурий присел на корточки рядом с Комаровским, погладил темно-золотистую чешую сазана, лежавшего на примятой траве.

– С двухмесячного поросенка будет! Повезло вам, Зосима Варлаамович!

– И де там повезло, отец Гурий! – буркнул Комаровский. – Без мала не утоп через них, окаянных. – Он переобул сапоги, поправил веревку на животе и остановил глаза на Жукове – А я вас чтой-то не помню...

Гурий познакомил его с Жуковым, спросил:

– А как насчет обещанного, Зосима Варлаамович?

Комаровский откинул со лба мокрые волосы.

– Кое-что добыл...

– Что именно? – оживился Гурий.

– Да отето... пять винтовок, ручной пулемет и шесть ящиков патронов, – перечислил Комаровский и тут же предложил: – Токо вам немедля надоть забрать всю эту штуковину, а то отето... коли б какой неприятности не вышло.

– Где же вы все это достали? – любопытствовал Ярон.

– Да отето... люди позапаслись, когда здесь красные улагаевцев били. Теперича мне передали...

– А может, у кого что-либо еще найдется? – спросил Жуков.

– Боле нетути... я все собрал.

– А на других хуторах?

– Отето, я не пытал. Надоть поспросить у людей.

– Брат Федор, – обратился Гурий к монаху, – отправляйся с Зосимой Варлаамовичем на хутор, а мы тебя здесь подождем.

XXI

В день рождества пресвятой богородицы в монастыре еще спозаранку начали готовиться к

встрече Евсевия.

Сюда из всех близлежащих станиц и хуторов ехали и шли богомольцы.

В одиннадцатом часу утра на греблю⁶⁸⁵ въехала пароконная тачанка, на которой восседала чета Бражниковых – Марфа Кузьминична и Константин Тихонович. Монах-дворник широко распахнул ворота, и Бражниковы въехали во двор. У веранды гостиницы, предназначенной для состоятельных богомольцев, Марфа Кузьминична толкнула локтем мужа в бок, сказала властно:

– Коташа, помоги мне!

– Сию минуточку, душенька! – Константин Тихонович, кряхтя, с трудом сошел вниз, подал руку жене.

К тачанке подбежал молодой послушник, проворно подхватил купчиху под локоть и промолвил елеинно:

– Для вас, Марфа Кузьминична, номер уже приготовлен.

– Благодарствую, дорогой, – сказала Марфа Кузьминична, обмахивая раскрасневшееся лицо платочком.

На веранде они повстречались с Комаровским.

– А... а... вот и Зосима Варлаамович! – обрадованно вскричал Константин Тихонович. – Низжайшее вам почтение!

– Так же и вам, – буркнул в ответ Комаровский.

– Где наш номер? – не останавливаясь, обратилась Марфа Кузьминична к послушнику.

Монах метнулся в коридор, открыл первую дверь слева.

– Прошу сюда. Номер самый удобный в гостинице, с видом во двор.

Марфа Кузьминична окинула суровыми глазами комнату, устланную узорчатым персидским ковром, грузно подошла к круглому столику, опустилась в кресло. Константин Тихонович уселся на мягком диване. Комаровский остановился на пороге и, взявшись руками за дверные косяки, проговорил:

– Отето, можно теперь и отдыхать.

В храме все еще продолжалась утренняя. В открытые окна номера вползало тягучее, монашеское чтение акафиста в честь пресвятой богородицы. Марфа Кузьминична вытерла платочком вспотевшее лицо и шею, вздохнула:

– Фу, какая невыносимая жара! Как в бане. – Она покосилась на Комаровского, торчавшего в дверях, махнула рукой: – Уходите, Зосима Варлаамович, я буду переодеваться!

Комаровский нехотя пошел на веранду.

Когда в храме закончилось богослужение, к Бражниковым в номер явились Ярон, Жуков и Комаровский. Марфа Кузьминична была уже в светло-серой кашемировой юбке и белой шелковой кофточке. Комаровский бесцеремонно занял место у зеркала между двумя окнами с железными переплетами, сказал:

– Отето, я недавно балакал с одним человеком, что сейчас деется в горах у генерала Хвостикова.

– И что же там делается? – спросил Ярон.

– Не доведи господи! – Комаровский махнул рукой. – Полный разгром. Хотя бы англичаны або ж американцы помогли.

– Англичане и американцы больше интересуются нашими нефтяными залежами да золотыми приисками, чем судьбой русского самодержавия, – заметил Жуков.

Марфа Кузьминична обернулась к нему:

– А вы, господин войсковой старшина, как считаете, кто же возьмет верх: белые или красные?

Жуков пощипал усики, усмехнулся.

– Видите ли, все будет зависеть от нас... Победа сама собой не придет: ее надо завоевать!.. Если мы сумеем сплотиться, то Советская власть, безусловно, падет.

– Ох, – вздохнула купчиха. – Что-то не верится мне в нашу победу. Не удержались мы за гриву, а за хвост и вовсе не удержимся!

– Что же, по-вашему, надо прекращать борьбу с большевиками? – Жуков поднял на нее хмурый взгляд.

---

⁶⁸⁵ Гребля – то, что нагребено; насыпь для дороги на топком месте. – прим. Гриня

– А где силы? – в свою очередь спросила Марфа Кузьминична. – У нас была большая армия, были такие полководцы, как Алексеев, Корнилов, Деникин и, наконец Врангель. Ни армии, ни полководцев уже нет.

– Врангель еще в Крыму, – заявил Жуков. – У него тысячи храбрых офицеров-патриотов, и еще неизвестно, как будут развиваться события дальше.

– В том-то и дело, что ничего не известно, – вмешался Константин Тихонович. – Я, например, считаю...

– Помолчи, Коташа! – оборвала его Марфа Кузьминична. – Твое дело... маленькое. Комаровский поглядел на нее исподлобья.

– Отето, значит, ты, Марфа Кузьминична, думаешь, что мы совсем сбанкрутились?

– Я говорю про то, что есть в действительности.

– Нельзя, Марфа Кузьминична, оценивать действительность так пессимистично, – сказал Ярон. – Сейчас патриарх Тихон принимает все меры, чтобы поднять православный русский народ против Советской власти. С этой целью он и прислал нам своего викария, который будет проводить на Кубани политику, угодную святейшему синоду. Да и без помощи великих западных держав никогда не взять верх... Запад непременно поможет нам, – убежденно произнес Ярон, – Патриарх Тихон ведет активные переговоры с Америкой, Англией и Францией по этому поводу. Ну, а нам нужно не выжидать, а действовать.

* * *

Федор сидел на колокольне и смотрел в подозрную трубу на дорогу, ведущую к Брюховецкой. Звонарь Сергей находился здесь же, то и дело спрашивал:

– Ну что, брат, не видать?

– Пока нет! – отвечал Федор.

Но вот против пасеки показалась тачанка. Федор, затаив дыхание, с минуту присматривался к ней, затем крикнул:

– Едут!

Он осенил себя крестом и помчался вниз докладывать игумену о приближении преосвященного гостя.

Тем временем на колокольню поднялись девушки-доярки, работавшие на черном дворе.

К звонарю подошла озорная, шустроглазая смуглянка и, притронувшись к его руке, спросила:

– Отец Сергей, хочешь выпить по случаю праздника? Самогончик есть у нас.

Сергей, услышав о самогоне, жадно проглотил слюну.

– Хе-хе, проказницы, подшутить решили над стариком?

– Да ей-богу же нет! – побожилась смуглянка, открыла бутылку и поднесла горлышко к носу звонаря. – Первачок, крепенький.

Сергей потянулся к бутылке, но смуглянка спрятала ее за спину, сказала, подмигивая подругам:

– А камаринскую отзвонишь?

– Это сейчас, что ли? – спросил Сергей и мотнул головой. – Не могу! Праздник великий, в другой раз.

– Ну, тогда и самогон в другой раз, – ответила смуглянка. – Самое в праздник и послушать такой веселый перезвон. – И крикнула подругам: – Пошли, девчата!

У Сергея засосало под ложечкой, в горле сразу пересохло.

– Погодите! – сдался он. – Давайте самогон, так и быть, уважу...

Тачанка с Евсевием и попом Забелиным уже была у Коновии⁶⁸⁶. Из храма вынесли хоругви, кресты, иконы, простлали ковровую дорожку в аллее – от паперти храма до гребли.

Игумен велел звонить в колокола.

Сергей выпил полбутылки, уцепился за веревки и ударил во все двенадцать колоколов. По всему лиману пронесся гул веселого перезвона.

Услышав его, Евсевий удивленно взглянул на Забелина.

---

⁶⁸⁶ Киновия (Киновея) – хутор на берегу Лебязьего лимана. – прим. Гриня

– Отец Александр, а вы не находите, что нас встречают каким-то странным звоном?
– И верно, что-то непристойное, – подтвердил Забелин, прислушиваясь.
А колокола, не унимаясь, вызванивали:

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И дешевкою подмочена.⁶⁸⁷

В глазах Евсевия засверкали огоньки.

– Да это же камаринская! Вот это звонарь! Артист, ей-ей, артист. Нет, нет, вы послушайте, что выделывает шельмец. – И, взмахнув руками, начал дирижировать, подпевать тихонько:

Ах ты, милый друг, голубчик мой Касьян!
Ты сегодня именинник, значит – пьян,
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле,
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно!

Кучер-монах расплылся в улыбке, громко чмокнул губами, ударил вожжами по коням. Тачанка, громыхая колесами о настил моста, пронеслась мимо Коновии.

А в монастыре – переполох. Вся монашеская братия, услышав игривый звон, пала на колени, начала бить земные поклоны, испуганно приговаривая: «Пресвятая богородица, спаси нас... единая, чистая и благословенная...»

Игумен Дорофей и протоиерей Гурий взбежали на колокольню, накинулись на звонаря.

– Ты что делаешь, богомерзкий слепец? – закричал Дорофей. – Опозорить нас решил перед викарием?

– Прекрати немедленно, слышишь, дьявол! – затопал ногами Гурий.

Но Сергей, качаясь на веревках, как паук на паутине, продолжал носиться по колокольне, вызванивая камаринскую. Низкорослая фигура его с кривыми, косолапыми ногами проворно металась из стороны в сторону. Длинные седые волосы растрепались, косматое лицо с пустыми глазницами покрылось фиолетово-багровым цветом, а волосатые руки, как рычаги, дергали за веревки.

Дорофей схватил звонаря за патлы, стукнул кулаком по затылку, и только тогда Сергей опомнился, с ходу перешел на погласицу. Дорофей тяжело плюхнулся на скамейку, перевел дух, погрозил пальцем звонарю:

– Ну погоди, слепень! Наложу на тебя такую епитимью, что век помнить будешь!

– Позор, позор! – качал головой Гурий. – Что теперь подумает о нашей обители Евсевий!

XXII

Между тем тачанка викария приближалась к монастырю. На обочине дороги под палящими лучами полуденного солнца в несколько рядов стояли сотни подвод приехавших богомольцев. Тяжелый болотный воздух, пропитанный лошадиным потом, дурманил людей.

У двух распахнутых монастырских ворот стояла огромная толпа верующих, наряженных в праздничную одежду. Впереди теснились нищие в лохмотьях. Всюду торопливо шныряли темные фигуры монахов.

Наконец Евсевий и Александр подкатили к священнослужителям и черноризцам, вздымавшим хоругви и кресты. Кучер, натянув вожжи, остановил лошадей. Высокочтимые гости с помощью подбежавших прислужников слезли с тачанки, поклонились всей монашеской братии. Игумен сказал

---

⁶⁸⁷ Народная песня на стихотворение Леонида Николаевича Трефолева «Песнь о камаринском мужике» (1867 год). – прим. Гриня

Евсевию:

– Добро пожаловать, ваше преосвященство.

В сопровождении попов и монахов прибывшие направились по ковровой дорожке в храм. Евсевий осенил себя крестом, взглянул на святые картины, вставленные вверху во всю ширь ворот колокольни.

На первой был изображен вход господен в Иерусалим, на второй – киево-печерская икона богоматери.

Вслед за попами и монахами в ворота двинулись богомольцы.

На паперти толпилось десятка три нищих. Истоиво крестясь, они расступились и, пропустив в храм Евсевия и Александра, снова сомкнулись стеною. С клироса неслось:

– Песнославим тя, всех владыку...

Марфа Кузьминична и Константин Тихонович задержались в аллее. Упав на колени, они торопливо сотворили молитвы перед своими портретами, вставленными в простенки притвора. Над портретами в центре, между четырьмя верхними решетчатыми окнами, было вылеплено распятие. Нищие бросились с протянутыми руками к купчихе, разногласо завывали:

– Ради пресвятой богородицы!

– Подайте милостыньку!

Марфа Кузьминична раздала им серебряные и медные монеты, вошла с мужем в храм

Здесь справа стояли мужчины, слева кучились бабы. Среди взрослых находились дети. Все тарасили глаза на золотой иконостас, обставленный зажженными свечами, на иконы, облепившие стены храма, крестились, кланялись, шептали молитвы. Ребятишки, подражая взрослым, делали то же самое

Жуков пробрался к группе богатеев, где уже стоял Комаровский. Под сводами храма плыло торжественное песнопение в честь владыки.

На колокольне прозвучал благовест в один колокол. В алтаре перед жертвенником Ярон в серебряной ризе с золотыми крестами начал совершать проскомидию⁶⁸⁸.

Гурий, сияя ризным золотом и серебром, взошел на амвон, положил на себя крест, возгласил:

– Вонмем⁶⁸⁹!

Все затихли. Начались молитвословия, пения, чтение дьяконом апостола⁶⁹⁰ и священником евангелия.

Марфа Кузьминична взглянула на Александра и, отрешившись от набожного настроения, подумала: «Какой паршивый поп!.. В сравнении с владыкой – ничтожество. Тот – как картинка, а этот – сущий урод!»

Комаровский наклонился к Константину Тихоновичу, прошептал:

– Отето...

– Молчи, Зосима Варлаамович! – шикнул на него Бражников, – А то нечистый дух в рот влетит. Не положено зараз.

По окончании обедни Гурий опять взошел на амвон и, выжидательно потерев бороду, обратился к христианам с проповедью. Ровный бас его, словно гул толстостенного колокола, прокатился по многолюдному притихшему храму:

– Братия и сестры! Сегодня мы с вами празднуем рождество пресвятой богородицы, чтим светлую память святых ее родителей. Вы знаете, что от родителей дети наследуют те или иные природные склонности. Родители могут давать детям доброе или дурное направление. И если пресвятая дева Мария была украшена высокими добрыми свойствами, после господа бога и ее собственного доброго произволения, она в значительной степени была обязана и святым своим родителям...

---

⁶⁸⁸ **Проскомидия** (церк.) – приготовление для святой жертвы из просфоры хлеба (агнец) и вливание в чашу вина в честь и память святых угодников.

⁶⁸⁹ **Вонмем** (церк.) – будем внимательно слушать чтение.

⁶⁹⁰ **Апостол** – христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового Завета (деяния и послания апостолов) и Апокалипсис. – прим. Гриня

Богомольцы с особым благоговением слушали его речь. Несколько немощных старух, таща за собой босоногих ребятишек, с трудом протискались к амвону и, упав на колени, начали бить земные поклоны.

А Гурий, пыхтя от излишней полноты, говорил о том, как жили родители богородицы, Иоаким и Анна, сколько терний⁶⁹¹ перенесли они на своем веку.

– Родители должны помнить, что от добрых и благочестивых супругов рождаются и дети, наделенные самой природой добрыми благочестивыми склонностями, и наоборот, от злых и нечестивых, от невоздержанных, пьяных, развратных, воров и непочитающих, неверующих в бога!.. рождаются и дети с такими же недобрыми склонностями.

Развивая эту мысль, Гурий постепенно, с большой осторожностью перешел к вопросу о революции, вспыхнувшей в России, заговорил о гибели рода человеческого. Жуков, как и все присутствующие в храме, слушал его с неослабным вниманием, видел, как возлюбленные чада выражали на своих лицах ненависть к тем, кто поднял руку на помазанника божьего.

Одна из богомолок с уродливой физиономией, стоявшая у распятия, уставилась выпученными глазами на проповедника – ей казалось, что густые длинные волосы его, ниспадавшие на плечи тяжелыми прядями, и борода были сплетены из золотых нитей. Босоногий мальчуган припал к ее подолу и, так же не отрывая застывшего взгляда от Гурия, прошептал как зачарованный:

– Баба, а батюшка, як ота икона, весь золотой...

Старуха дернула его за вихор, шлепнула по затылку.

Мальчуган скривил лицо, согнулся, но не заплакал.

Заканчивая проповедь, Гурий громко воскликнул:

– Да умудрит нас господь наш Иисус Христос во благе, и да помилует и спасет всех нас молитвами пречистые своей матери, святых и праведных богоотец Иоакима и Анны и всех святых. Аминь.

По приглашению игумена на амвон не спеша поднялся Евсевий.

Тысячи глаз устремились на новоявленного преосвященного владыку. В храме наступила тишина.

– Возлюбленные братья и сестры! – торжественно начал Евсевий, вытянул вперед выхоленные руки. – Премудрый сын Сирахов⁶⁹² сказал: в руке господя власть земли, и потребного воздвигнет во время в ней. Эти слова означают, что бог, держа в своей деснице все царства земные, в том и другом государстве возводит на престол верховного правителя, сообразуясь с потребностью времени, то есть с состоянием народной нравственности. Если народ религиозен, честен, богобоязлив, то господь поставляет ему и верховного правителя земли, сообразуясь с его добродетелями, по заслугам его.

Вглядываясь в серые лица богомольцев, он часто вскидывал руки и говорил, все больше воодушевляясь:

– Совсем другое можно встретить в том государстве, в котором подчиненные – народ буйный, своевольный, непокорный, небогобоязненный, такой, какой сейчас мы видим на своей земле. В таком государстве и благопочитательный правитель ничего доброго сделать не может. Самый лучший кормчий, при всей опытности своей, не может с успехом управлять расстроенным кораблем среди бурь и волнений. Поэтому, возлюбленные братья и сестры, наша с вами первоочередная задача состоит в том, чтобы помочь нашему многострадальному отечеству освободиться от всех богохульников, которые в нынешние дни являются нашим общим врагом, избавиться от них путем усердной молитвы...

Внешность Евсевия была великолепна: красивый овал лица, прямой, будто выточенный, нос, строгие карие глаза и каштановая бородка. И его внешность, как и его патетическая речь, действовали на верующих гипнотизирующе.

Наконец Евсевий перешел к главной, заключительной части своей речи.

– Что можно сказать о нынешнем времени, братья и сестры? Мы сейчас с вами стоим у порога

---

⁶⁹¹ Тернии – трудности, препятствия. – прим. Гриня

⁶⁹² Премудрый сын Сирахов – автор книги Ветхого Завета «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова». – прим. Гриня

геенны огненной. На землю русскую пришла сейчас страшная, нечеловеческая беда. В мир за послушание господне, как об этом пишет святой Златоуст да и другие святые, явился антихрист... – Он помолчал минуту, потом осторожно добавил: – Беззакония сын... Родился он от девицы нечистой иродова племени и уже поработил нас с вами... Кого мы подразумеваем под ним? Духа или человека? Антихрист есть человек, восставший против веры христианской, против святой церкви, своего отечества и помазанника божия, нашего правителя. Так будем же, братия и сестры, бдительны и непоколебимы в своей вере православной, не допустим, чтобы он чинил свою власть над нами, глумился над святою церковью! – Он трижды осенил верующих крестным знаменем, заключил: – Аминь!

Несколько кликуш⁶⁹³ бросились к нему, пали ниц и завопили в фанатичном исступлении:

– Призри благосердием, всепетая⁶⁹⁴ богородице, на мое лютое телесе озлобление и исцели души моя болезнь!⁶⁹⁵

Вопли ширились, и Евсевий понял: паства готова идти за ним, как стадо баранов за своим пастухом.

XXIII

Евсевий и Забелин в сопровождении Дорофея, Гурия и Ярона вышли из храма и направились в Екатерининскую церковь. В аллее игумена догнал монах Федор, доложил, что в монастырь приехали полковник Татаринов и сотник Зубарев.

– Где же они? – спросил Дорофей.

– В келье господина Жукова. Войсковой старшина только что встретился с ними.

– Передай, вечером повидаемся, – сказал игумен.

Евсевий и Александр начали осмотр монастыря. Побывали в Екатерининской и Зимней церквях, во всех монастырских постройках. Евсевий остался доволен порядком.

– Я уже говорил вам, ваше преосвященство, что порядки здесь райские, – подобострастно заметил Александр, и на его безобразном лице промелькнула угодливая улыбка. – Теперь вы сами убедились в этом.

* * *

После вечерни, когда богомольцы разъехались по хуторам и станицам, а в монастыре остались лишь монахи да кое-кто из богатеев, в просторный зал начали сходитьсь соборные старцы⁶⁹⁶. За длинным столом сел Дорофей, справа от него заняли места Евсевий, Забелин, Гурий, слева – Ярон, казначей Герасим и эконома Макарий.

Татаринов, Зубарев и Жуков разместились между богатеями, поближе к двери. Марфа Кузьминична уселась в глубокое кресло слева от стола. Зал тихо гудел.

Дорофей грузно поднялся и, открывая собор, сказал:

– Святые отцы, мы сегодня с участием нашего преосвященного владыки, отца Евсевия, должны поговорить о своих сокровенных делах. – Он приложил руку к груди, поклонился Евсевию: – Первое слово предоставляется вам, ваше преосвященство.

Зал затих. Евсевий поднялся на трибуну и, выждав минуту, обратился к старцам:

---

⁶⁹³ **Кликуши** – так называются женщины, подверженные припадкам и корчам (истерического происхождения), во время которых они издают неистовые крики. – прим. Гриня

⁶⁹⁴ **Всепетая** (церк.) – всеми и всюду воспеваемая, прославляемая.

⁶⁹⁵ Заключительная фраза из молебного Канона ко Пресвятой Богородице, Песнь 3: Воззри благосклонно, Всехвальная Богородица, на тяжкое тела моего страдание и исцели души моей скорбь. – прим. Гриня

⁶⁹⁶ **Старец** – монах, который осуществляет наставничество над другими монахами. **Соборный старец** – член монастырского собора или совета. – прим. Гриня

– Отцы собора! Мы с вами сейчас переживаем тяжелое время. Земля наша объята огнем геенновым. Династия Романовых пала. Власть в стране перешла в руки большевиков. Все наши войска разгромлены. Лишь в Крыму осталась единственная армия барона Врангеля. Но и она не сегодня-завтра прекратит свое существование. В стране наступит хаос и разорение. И тем не менее мы должны продолжать священную борьбу с революцией и во что бы то ни стало победить ее! К этой борьбе нас, священников, призывает патриарх Тихон, он призывает поднять против революции всех верующих и восстановить в России царя и монархические порядки.

Марфа Кузьминична внимательно слушала речь архипастыря, но на ее одутловатом розовом лице, с черным пушком под носом и отвислым тройным подбородком, не отражалось никаких чувств, будто слова Евсевия совсем не волновали ее.

Комаровский, слегка приоткрыв рот, глядел на владыку тупыми подслеповатыми глазами, изредка одобрительно кивал головой, жевал толстыми губами. Широкие его ладони лежали на расставленных коленях.

– Я должен поставить вас в известность, святые отцы, – продолжал Евсевий, – что патриарх Тихон в настоящее время дал свое благословение Высшему церковному управлению, организованному Антонием Храповицким⁶⁹⁷ в Константинополе, и ведет с ним переписку об оказании помощи иностранными правительствами Врангелю. Хочу здесь напомнить вам о том, что Англия всеми силами стремилась задержать продвижение Красной Армии к границам Польши и не допустить непосредственных переговоров между Россией и Польшей. Сейчас патриарх Тихон через иностранные миссии – латвийскую, эстонскую, финляндскую, польскую и чехословацкую добивается, чтобы правительства оказали Врангелю вооруженную помощь в борьбе с большевиками. Патриарх Тихон призывает нас сплотиться, организовать в духовные союзы для отпора всяким покушениям на церковь со стороны Советской власти. На Карловицком соборе по его настоянию была принята резолюция о восстановлении в России самодержавной власти.

Татарин, высокий, стройный полковник с гладко выбритым, свежим лицом, закинув ногу на ногу и положив руку на подлокотник, следил за каждым движением оратора. Рядом с ним сидел Зубарев, широкоусый, с чуть оскаленными зубами сотник, в череске темно-серого цвета и юфтевых⁶⁹⁸ сапогах. Выражение его обветренного лица и серых, немного косых глаз то и дело менялось.

– Патриарх Тихон, – продолжал оратор, – стремится объединить вокруг себя распыленные силы контрреволюции и восстановить Россию единую, неделимую. Наша задача, святые отцы, будет заключаться в следующем. Прежде всего мы должны объединиться в союз и развернуть борьбу против большевиков, изгонять из своей среды обновленцев и раскольников. Однако у нас на пути будет стоять епископ Иоанн. И мы должны вести с ним самую непримиримую борьбу!

Александр наклонился к уху Гурия и, ехидно улыбаясь, прошептал:

– Этому Иоанну дано устроить две-три скандальные сцены, и его сразу же кондрашка хватит.

– Истинно, ваше преподобие, истинно! – одобрительно закивал Гурий. – Он совсем на ладан дышит.

Голос Евсевия звучал все требовательнее:

– Екатеринодарская епископская кафедра немедленно должна перейти в наши руки. Мы должны с вами, святые отцы, добиться созыва епархиального съезда и решить на нем вопрос о назначении нового епископа.

Жуков, откинувшись на спинку стула, тщательно взвешивал все сказанное викарием. Его

---

⁶⁹⁷ Митрополит **Антоний** (в миру Алексей Павлович **Храповицкий**) – епископ Православной российской церкви. Осенью 1919 года избран почетным председателем Временного высшего церковного управления на Юго-Востоке России, действовавшего на территориях, подконтрольных Белому движению. Покинул Россию в марте 1920 года, прибыв из Новороссийска в Афины, откуда перебрался на Афон. В сентябре 1920 года был вызван Петром Врангелем в Крым, откуда 6(19) ноября 1920 года эвакуировался в Константинополь. В тот же день на борту корабля «Великий Князь Алексей Михайлович» вместе с митрополитом Одесским Платоном (Рождественским), архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым) и епископом Севастопольским Вениамином (Федченковым) принял участие в заседании Временного высшего церковного управления на Юге России. Этот день Русская зарубежная церковь рассматривает как начало своего существования. – прим. Гриня

⁶⁹⁸ **Юфть** или «русская кожа» – кожа молодых быков особенно мягкой выделки путем растительного дубления и пропитанная берёзовым дёгтем. – прим. Гриня

верхняя губа под небольшими черными усиками подрагивала, словно сквозь нее пропускали электрический ток.

Евсевий вводил соборных старцев в планы своих действий среди кубанского духовенства, говорил о том, какими путями можно добиться смещения Иоанна с поста епископа, как захватить Екатеринодарский епископат⁶⁹⁹.

Наконец он умолк. На трибуну поднялся Жуков.

– А теперь нам следует поговорить о своем отряде, который уже существует здесь, в плавнях, – сказал он. – Предлагаю избрать в штаб следующих лиц: отца протоиерея Гурия, полковника Татаринова и сотника Зубарева. Кто за это?

Все подняли руки. Воздержалась только купчиха Бражникова. Игумен Дорофей остановил на ней свинцово-серые глаза, спросил:

– А вы, Марфа Кузьминична, какого мнения о наших делах?

– Мое мнение такое, – начала Бражникова, не поднимаясь. – Все то, о чем говорил владыка, дело хорошее, и его надо поддержать всеми силами. А вот что касается организации при монастыре повстанческого отряда – я против. И отца Гурия я бы не советовала вводить в штаб.

– Отец Гурий, кроме духовного чина, имеет еще и военное образование, – заметил Дорофей.

Все молчали...

XXIV

Юдин со своим чоновским отрядом и приданным ему 1-м Афипским полком, которым уже командовал Виктор Левицкий, как только станица Передовая была занята частями Красной Армии, двинулся на юго-запад и после двухдневного пути встретился в Каладжинской⁷⁰⁰ с Лабинской группой, получил от ее начальника надлежащие распоряжения и направился к Псебайской⁷⁰¹.

В селе Мостовом⁷⁰² сделали привал. Чоновцы и красноармейцы рассыпались по берегу бурной Лабы, сняли с себя одежду, бросились в студеною воду. Лаврентий привязал дончака к дереву, ослабил подпругу, присел на траве, закурил. Быстрые волны и белые тела бойцов мелькали перед ним, поблескивали в горячих лучах полуденного солнца.

«Ач, как быстрятся хлопцы от засидки! – подумал он с улыбкой. – Точь – ребятенки». Дончак мотал головой, отгонял хвостом мух и слепней. Мечев прохаживался по берегу и подшучивал над купальщиками. Размяв в ладонях сухую подсолнечную шляпку и отвеяв мякину, он ловко полужгивал семечки.

Вокруг паслись лошади, позвякивали стремянами, фыркали. В знойном воздухе плыл шум и

---

⁶⁹⁹ Начало образования **Кубанской епархии** было положено указом Святейшего Синода 25 декабря 1907 года, учредившим на территории Кубанской области Ейское викариатство Ставропольской епархии с пребыванием викария в г. Екатеринодаре. Епископом Ейским был определен ректор Астраханской духовной семинарии архимандрит Иоанн (Левицкий), хиротония которого состоялась 3 февраля 1908 г. В 1916 Указом Святейшего Синода от 30 сентября о наделении викарного епископа Ейского викариатства особыми полномочиями и Указом от 12 октября 1916 о наименовании викарного епископа – Кубанским и Екатеринодарским было положено начало самостоятельности будущей **Кубанской епархии**. В самостоятельную епархию Кубанское викариатство из состава Ставропольской епархии было выделено определением Юго-Восточного русского церковного собора (г. Ставрополь) в мае 1919 г. 18 июня 1919 г. Временное Церковное управление на Юго-Востоке России привело это определение в исполнение своим указом. – прим. Гриня

⁷⁰⁰ **Каладжинская** – станица в составе Лабинского (Армавирского) отдела Кубано-Черноморской области (сейчас – в составе Лабинского района). Расположена на правом берегу Лабы, при слиянии её составляющих – Большой и Малой Лабы. – прим. Гриня

⁷⁰¹ **Псебайская** – станица в составе Майкопского отдела Кубано-Черноморской области (сейчас – поселок Псебай в составе Мостовского района). Расположена на левом берегу реки Малая Лаба, напротив станицы Андрюковской (сейчас – станица Андрюки). – прим. Гриня

⁷⁰² **Мостовое** – село в составе Майкопского отдела Кубано-Черноморской области (сейчас – поселок Мостовской). Расположено на левом берегу реки Лаба, к северу от станицы Каладжинской (в то время, как Псебайская – к югу). – прим. Гриня

гам.

Вьон вылез из воды и, стуча от озноба зубами, поспешно надел штаны, гимнастерку. Присев на камень, обулся, причесал мокрые волосы обломком расчески, нахлобучил кубанку и принялся чистить серебряный эфес шашки, врученной ему Корягиным в Краснодольской.

Юдин лежал на брезенте под пулеметной тачанкой, развернув перед собой полевую карту. На него была возложена ответственная задача: закрыть путь хвостиковцам к Новопрохладному и направить их вверх по течению реки Малая Лаба в Шах-Гиреевское ущелье⁷⁰³, где по плану главного командования Красной Армии намечался окончательный разгром армии Хвостикова. Не располагая точными данными о силах врага, двигавшегося через Спокойную – Ахметовскую – Псемен к Андриюковской, Юдин не совсем был уверен, что ему удастся сдержать напор противника и выполнить задание командарма. Эти сомнения тревожили и мучили его.

В Псебайской и ее округе все зажиточное население целиком стояло на стороне Хвостикова. Юдин хорошо понимал, что это в значительной мере усложняло его задачу, но приказ командования надо было выполнить любой ценой.

Юдин вылез из-под тачанки, окликнул Мечева:

– Ну что, Гаврила, будем трогать?

– Трогать так трогать! – весело отозвался тот.

Юдин поднялся на горку, замахал руками:

– Хлопцы, кончай прохлаждаться! По коням!

Несколько минут спустя бойцы уже были в седлах, построились в колонны. Юдин выехал на вороном жеребце в голову отряда и дал команду двигаться.

Вечерело. Над раскаленной землей расплывалась прохлада. Очередной привал был сделан в хуторе Дятлова, затем конники, без единого выстрела, заняли село Шедок⁷⁰⁴.

Юдин не задерживался в селе. Не встречая никакого сопротивления со стороны врага, он подошел к северной окраине Псебайской, приказал Виктору Левицкому остаться с 5-м казачьим эскадронам здесь, а сам со своим отрядом и 1-м Афипским полком к трем часам ночи оцепил станицу, с сотней чоновцев и с двумя станковыми пулеметами въехал на площадь.

Чуть свет по его приказу в церквах зазвонили в колокола, созывая жителей на митинг. Несмотря на ранний час, площадь быстро заполнилась станичниками. Юдин поднялся на тачанку и сказал:

– Граждане, много говорить не буду. Ваша станица окружена частями Красной Армии. Предлагаю немедленно сдать огнестрельное и холодное оружие, а также все боеприпасы, какие у вас имеются. Срок – четыре часа. Ровно в девять часов произведем поголовный обыск, и у кого будет обнаружено оружие – тот будет строго наказан. Вот и все. Можно расходиться!

Псебайцы загудели, потянулись в улицы.

Юдин сел на каменный столбик у водосточной канавы и, выкуривая одну сигарку за другой, нетерпеливо поглядывал на часы. Псебайская котловина, зажата с одной стороны Андриюковским хребтом, а с другой – Псебайской грядой, представляла собой опасную ловушку, и Юдин понимал, какому риску подвергался здесь его отряд и 1-й Афипский полк.⁷⁰⁵

Станичники начали сносить оружие. Мечев с группой чоновцев принимал винтовки, берданки, сабли, патроны и укладывал в подводы. К восьми часам утра было сдано 260 винтовок, 1600 берданок, 2000 сабель, более 5 тысяч патронов и ручной пулемет. Юдин приказал Мечеву отправить изъятое оружие на северную окраину Псебайской.

Подводы двинулись с площади. В этот момент к Юдину подскакал на Кристалле Вьон. С трудом удерживая коня, он указал рукой на северо-восток, доложил:

---

⁷⁰³ **Шахгиреевское ущелье** – горная теснина на реке Малая Лаба. Расположено вверх по течению от устья реки Уруштен. – прим. Гриня

⁷⁰⁴ **Хутор Дятлов** и село **Шедок** расположены на берегах реки Псебайки (протока реки Малая Лаба) к югу от станицы Каладжинской. – прим. Гриня

⁷⁰⁵ Возможно, автор имеет в виду, что выше по течению Малой Лабы (на юг, в сторону Грузии) дорогу перекрывает теснина между хребтами Ахызырта (правый берег, со стороны станицы Андриюковской) и Бугунж (левый берег, со стороны станицы Псебайской). – прим. Гриня

– Товарищ командир, там, за рекой, из ущелья показалась вражеская конница!

Юдин взлетел на коня, в мгновение ока оказался на северо-восточной окраине станицы. Он увидел в бинокль колонны хвостиковской армии, вытягивающейся из ущелья на дорогу, которая связывала Псебайскую с Андриюковской – основным гнездом повстанческих отрядов.

– Надо отходить! – решил Юдин и отдал приказ, не вступая в бой, двигаться к станице Мостовской.

* * *

Вскоре в Псебайской появились конные разъезды белых. Они промчались по пустым улицам и тотчас ускакали в сторону Андриюковской, затем по мосту через Малую Лабу в Псебайскую потянулись кавалерийские части. Впереди на гнедом коне ехал генерал Крыжановский, дымя папиросой. На полусонном лице – смертельная усталость. Погоны, плечи бордовой полинялой черкески. серая каракулевая папаха, сбитая набекрень, присыпаны толстым слоем пыли. Точно пьяный, покачиваясь в седле, генерал, казалось, вот-вот свалится на твердую каменистую дорогу и уснет непробудным сном. Недокуренная папироса вдруг выпала из его рта и, раздавленная копытом коня, погасла. Крыжановский с трудом разомкнул веки, дернул поводья. Конь закрутил головой, ускорил шаг

За генералом следовали колонны конников. Копыта гулко стучали о настил моста. В голове первой колонны развевалось на ветру темно-малиновое знамя с серым волчьим хвостом. Всадники клевали носами. Силы у всех были измотаны до предела. В поредевших рядах уже не было того гонора, с которым раньше хвостиковцы «гуляли» по степным и горным станицам, хуторам и аулам.

Въезжая в Псебайскую, Крыжановский встряхнул головой, сбрасывая сонную одурь, обернулся к колонне:

– Зап-е-е-вай!

Вахмистр, ехавший на гривастом скакуне за знаменосцем, крикнул, затащил густым басом:

Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном.⁷⁰⁶

Запев был подхвачен сотнями голосов:

Свою он навеки покинул краину.
Ему не вернуться в отеческий дом...

Псебайская прислушивалась к полковой казачьей песне и звонкому цоканью подков. Седые хлопья утреннего тумана все выше поднимались по крутым склонам гор к розовым облакам.

Кавалерия въехала в станицу, начала размещаться на площади, в тесных кривых улицах, в казачьих дворах.

Крыжановский облюбовал дом для ставки, и, когда Хвостиков с женой подкатил на тачанке к крыльцу, там уже стояли двое часовых. Баксанук и Дауд немедля осмотрели все закоулки двора и сада вокруг дома.

Хвостиков зевнул, потянулся.

– Ну что, Сергей Иванович, пожалуй, прежде всего надо выспаться!

– Да, Алексей Иванович, трудный был переход! – устало ответил Крыжановский и, открыв золотой портсигар, предложил Хвостикову закурить.

Нина Гавриловна покосилась на портсигар и вдруг сказала с досадой и упреком мужу:

– А Кочкарова все еще нет.

– Ах! – махнул рукой Хвостиков. – Сейчас мне не до золота. Спать, спать!

---

⁷⁰⁶ «Поехал казак на чужбину далеко» – обрядовая казачья песня. В основе песни – стихотворение поэта Е. Гребенки, опубликованное в 1838 году на русском языке. Песня входила в состав обряда проводов казака на службу, имеет множество вариантов. – прим. Гриня

В станицу одна за другой прибывали пехотные части А вскоре повалили подводы с беженцами. Сплошным потоком они тянулись по левому берегу Малой Лабы в Шах-Гиреевское ущелье. На арбах, телегах, дрогах, бедарках, заваленных всякой рухлядью и тугими узлами, восседали бабы с ребятишками, бородачи-толстосумы, разномастные торгаши и попы.

В Андрюковском ущелье, под селом Соленным, передовые части IX Красной армии настигли заградительные отряды хвостиковцев. Огрызаясь винтовочным и пулеметным огнем, белые поспешно отходили к станице Андрюковской.

Воронов, не давая передышки карему дончаку, скакал по правому берегу Малой Лабы, поросшему густым кустарником. От него не отставал Митрофан. Кони, выщелкивая подковами частую дробь на каменистой дороге, мчались, то взлетая на обрывистые кручи, то спускаясь в глубокие балки. За Вороновым лавиной двигались бойцы казачьей кавбригады и 12-й кавдивизии.

На окраине Андрюковской уже шел бой между белыми кавалеристами и конниками IX Красной армии.

Остановившись у подножия невысокой, покрытой дубняком горы, Воронов приказал вести обстрел Псебайской из двух полковых орудий. Один полк корпуса Крыжановского прорвался через мост и атаковал вороновцев. Началась ожесточенная сабельная рубка.

Из Псебайской белые повели ответную пушечную пальбу. Их снаряды ложились у выхода из Андрюковского ущелья, закрывая путь идущим на подмогу полкам IX Красной армии. Воронов, чтобы не дать врагу возможности подбросить новые силы из Псебайской на помощь своим полкам, занял мост на Малой Лабе, перерезал путь из Псебайской в Андрюковскую.

Шкрумов все время был в первых рядах атакующих. За мостом, на поляне, он едва успел увернуться из-под сабли белого казака и в следующее мгновение сразил того выстрелом из винчестера.

Когда противник был наконец разгромлен, Шкрумов подошел к убитому белогвардейцу и, к большому своему удивлению, узнал в нем Ефима – сына богатея Краснянского из Андрюковской, у которого когда-то служил в работниках. Раньше Ефим отличался кротким характером, никогда не обижал батраков, и Шкрумов жил с ним мирно и дружно. И вот Ефим убит в бою, с саблей в руках. От мысли, что этот человек погиб от его пули, Шкрумов испытывал тягостное чувство. Он снял шапку, вытер рукавом испарину на морщинистом лбу и никак не мог оторваться от застекленевших глаз убитого.

* * *

В полдень над Псебайской появилось несколько аэропланов IX Красной армии, которые начали сбрасывать зажигательные и осколочные бомбы. Одновременно красные открыли артиллерийский огонь из-под Андрюковской и из-под селения Шедок по левому берегу Малой Лабы, где засели хвостиковцы.

Противник стал отходить в Шах-Гиреевское ущелье, чтобы вырваться к перевалам Псеашхо и Аишхо, а затем уже в Красную Поляну.

Отряд Юдина и 1-й Афипский полк первыми вошли в улицы Псебайской, вступили в схватку с врагом. Увлекая за собой 5-й казачий эскадрон, Виктор очищал главную улицу от яростно сопротивляющихся хвостиковцев. Левее эскадрона, в других улицах, успешно развивал наступление 1-й Афипский полк. Лаврентий, глотая едкий дым и зорко поглядывая по сторонам, торопил своего дончака:

– А ну, Гнедко, шибче! Добре мы турнули нечистых душ. Лидва-лидва поспеваем за ними!

Конь, высекая копытами искры из каменистой дороги, вынес его на просторную поляну между восточной окраиной Псебайской и хутором Шамшуриным, что лежал у входа в Шах-Гиреевское ущелье. Тут отряд Юдина обрушился на неприятельскую конницу.

Схватка шла недолго. Когда остатки хвостиковской кавалерии скрылись в ущелье, на поляне воцарилась тишина.

Шкрумов повстречался с Лаврентием на берегу реки, рассказал ему, как под Андрюковской застрелил в атаке Ефима Краснянского, и невесело усмехнулся:

– Бывает же такое. Вроде б то хорошего человека убил... Жалко мне стало его. Ну, и дернуло меня к отцу его сходить. Вхожу во двор. Когда тут же у хаты и Краснянские – батько и маты Ефима. Обрадовались они, что пожаловал к ним. Я поздоровался и, знаешь, хотел промолчать про Ефима, но не смог. Краснянчиха как раз держала лопату. Накинулась на меня, зарубить хотела. Но муж ее за руку схватил и крикнул: «Чи сбесилась, дура старая?! В бою ж убил. Теперь сын супротив отца идет, а отец – супротив сына».

Лаврентий иронически прищурился:

– Цебто он в защиту твою пошел?

– Выходит, так, – задумчиво проговорил Шкрумов.

Лаврентий закурил самокрутку, покачал головой:

– Богатеям верить нельзя, Иван Степанович. На словах они ласковые, а на деле – зверюги. При случае тот Краснянский сам тебе голову проломит.

* * *

Хвостиковская конница, прикрывая обозы, подъезжала к селу Бурному, приютившемуся на небольшой горной равнине. Крыжановский ехал на коне в окружении конвойных офицеров. Впереди на двух подводах везли прикрытое брезентами его имущество. За ними цугом тянулись три легких полковых орудия, брички, груженные тяжелыми ящиками с патронами и снарядами. В конце колонны катились пулеметные тачанки.

В чистом воздухе с воем пролетел гаубичный снаряд, шлепнулся за селом в Малую Лабу, с тяжелым гулом взметнул голубой столб воды. Гулкое, трескучее эхо покатилося по Шах-Гиреевскому ущелью и не успело стихнуть, как второй снаряд угодил в дорогу. Несколько белогвардейцев вместе с лошадьми были убиты, несколько ранены. Остальные бешеным наметом пустились к селу. Третий снаряд упал недалеко от генерала. Перепуганные кони рванулись вперед, сбивая на своем пути пеших хвостиковцев, переворачивая и ломая подводы с генеральским имуществом, брички с патронами и снарядами. Крыжановский, с раздробленным затылком, уронив поводья и теряя сознание, еле удержался в седле. Конь промчал его между разбитыми телегами, топтал убитых и раненых, перепрыгивал через валуны и промоины. Наконец генерал свалился в ореховые кусты.

Из-за поворота скалы появились красные кавалеристы, ринулись с обнаженными саблями на разгромленный арьергард врага. Схватка завершилась в несколько минут. Красные понеслись вдоль нескончаемого обоза, палили в воздух из карабинов и револьверов, кричали:

– Сто-о-ой! Поворачивай назад!

Обоз остановился. Два эскадрона 3-й казачьей кавбригады проскочили к Верияту⁷⁰⁷, затерявшемуся в Шах-Гиреевском ущелье, захватили в плен большой обоз и, повернув его назад, двинулись дальше, к реке Черной.

К селу Бурному, где только что завершился короткий бой, подъехали сандружинницы: немедля занялись ранеными. У одной из разбитых телег Соня заметила две деревянные коробки, лежавшие в кустах. Она раскрыла их и, удивленно ахнув, позвала подругу:

– Клава, смотри, что я нашла!

Белозерова подбежала к ней, тоже поразились:

– Ой, сколько золота и серебра!

С девушками поравнялся Воронов, осадил дончака Соня махнула ему рукой.

– Елисей Михайлович, смотрите, что тут! И часы, и кольца, и браслеты! – кричала Соня, перебирая вещи. – Всякая всячина!

Воронов надвинул кубанку на брови и, покачав головой, промолвил:

– Мародеры⁷⁰⁸.

---

⁷⁰⁷ **Верият** – хутор, расположенный при впадении реки Вериятки в реку Малая Лаба. Сейчас – это обособленная (отделенная рекой) северная окраина села Никитино. – прим. Гриня

⁷⁰⁸ **Мародер** – тот, кто грабит мирное население в районах военных действий, а также убитых и раненых на поле боя, в местах катастроф и т. п. – прим. Гриня

XXVI

Шах-Гиреевское ущелье начинается живописными горными воротами у хутора Шамшурина, в семи верстах от Псебайской. По ущелью вьется бурная, неукротимая Малая Лаба. По левому изломанному берегу тянется каменистая дорога.

Оставив в Псебайской 12-ю кавдивизию, Воронов с 3-й Отдельной кавбригадой продолжал преследование хвостиковской армии по ущелью. Под вечер он устроил привал у Кутана⁷⁰⁹ и Черного моста, переброшенного через Уруштен – Черную реку. Издали доносилась винтовочная и пулеметная стрельба. Это передовые подразделения кавбригады вели перестрелку с арьегардными частями белых.

Пока готовился ужин для бойцов, Воронов, устроившись под отвесной скалой, в отдалении от бойцов, принялся писать донесение в штаб армии.

Внезапно со скалы посыпались мелкие камешки. Воронов вскинул голову и увидел, что на него сверху летит пятнистая рысь. В одно мгновение комбриг отскочил в сторону, выхватил браунинг. Рысь мягко упала на лапы, приготовилась снова к прыжку, но Воронов успел выстрелить. Раненый хищник попятился, и тут вторая пуля прикончила его.

На выстрелы прибежал Митрофан, со страхом уставился на убитого зверя.

– Видал, какую ухлопал, – Воронов указал на верх скалы. – Вон оттуда прыгнула, стерва, прямо на меня.

* * *

Верстах в шести от Черного моста, в ущелье, среди зарослей фундука и полудиких фруктовых деревьев затерялось небольшое селение – Третья Рота⁷¹⁰. За ним ущелье суживалось: отроги Ятыргварты – с запада и Магишо – с востока сдавливали реку с обеих сторон, и скалы, нависая над водой, как бы грозились каждую минуту обрушиться в бурный поток, преградить стремительное течение.

Дальше к югу, где скалистый мыс хребта Ахцархвы отходит вправо, ущелье опять становится шире, и взору открывается поляна бывшего кордона Умпырь⁷¹¹. Против него через реку – мост.

Вся эта суровая местность представляет собой межгорную котловину. Здесь же в Малую Лабу вливаются две бурные речки: слева – Ачипста, стекающая с восточных склонов хребта Алоус, Справа – Умпырка⁷¹², берущая свое начало на Магишо.

С наступлением темноты хвостиковские части заняли оборону по котловине, а обозы и главные силы продолжали двигаться дальше.

По тропе гуськом, то спускаясь с крутизны, то поднимаясь на гору, нескончаемой лентой тянулись усталые люди. Кавалеристы вели своих коней в поводу, рискуя каждую минуту сорваться в пропасть. Бородачи казаки, взяв под уздцы запряженных в подводы лошадей, осторожно проводили их по опасным местам. Саперам часто нужно было расширять тропу, так как по ней не проходили

---

⁷⁰⁹ Хутор **Кутаны** (кутан – пастушья стоянка) или Черноречье – сейчас на этом месте кордон Восточного отдела Кавказского Биосферного Заповедника – «Черноречье». Расположен на берегу реки Малая Лаба рядом с устьем реки Уруштен. – прим. Гриня

⁷¹⁰ Сейчас – кордон «**Третья Рота**» Восточного участкового лесничества. – прим. Гриня

⁷¹¹ **Кордон «Умпырь»** Восточного участкового лесничества в урочище «Зубровый парк». Следует отметить, что **кордоны** (посты лесной стражи или охраны заповедников) здесь появились после образования заповедника в 1923–1924 годах. До революции эти поселения числятся как «пикеты Великокняжеской Кубанской охоты» (в годы становления Советской власти добавляли эпитет «бывшей»). В данном месте располагался «охотничий лагерь в урочище Умпырь». – прим. Гриня

⁷¹² Река Умпыр. – прим. Гриня

телеги.

Хвостиков ехал с женой на тачанке, за которой тянулись в поводьях две оседланные лошади. Нина Гавриловна, склонив голову на плечо мужа, дремала. Хвостиков угрюмо глядел невидящим взглядом в спину Луки, сидевшего на облучке подле кучера. Впереди Баксанук и

Дауд вели своих коней, за тачанкой шла конвойная сотня.

Откуда-то сверху донесся протяжный звук, похожий на приглушенный рев быка.

– Что это? – спросил Хвостиков. – Никак, зубр?

– Нет, это олень ланку подзывает, – ответил Лука.

– Олень, говоришь? – переспросил Хвостиков, зябко кутая шею в приподнятый воротник шубы. – Надо здесь заготовить мяса, а то скоро есть нечего будет.

Тачанка, стуча колесами, поднималась все выше по тропе, вьющейся по скалистым карнизам Ятыргварты⁷¹³, нависшим над бушующей рекой. Теперь проводники вели армию по звериным тропам. Масса людей и лошадей кружила по ущельям и горам, ища выхода к морю. Слышались злые окрики:

– Куда прешься, дурень!

– Катись ты ко всем чертям!

За селением Третья Рота дважды бухнули пушки. Глухое эхо, как гром, пронеслось по ущелью. Напуганные грачи и совы всполошились, подняли неистовый крик. А вокруг лежала ночь, сырая, холодная, темная.

Только к рассвету Хвостиков с трудом добрался до Умпыря. Приказав своему изнуренному войску занять оборону в диких садах, он обосновался с тачанкой среди ореховых кустов. Баксанук и Дауд отправились к реке за водой. Нина Гавриловна повесила над костром на треноге казанок, принялась стряпать. Хвостиков улегся на бурке, возле тачанки. Лука, подбрасывая хворост в костер, оглядывал долину Умпыря и угрюмые скалы, поросшие чахлыми соснами. Наконец он обернулся к Хвостикову, спросил:

– А вы знаете, Алексей Иванович, что Умпырь называют Малыми Балканами⁷¹⁴?

– Ну и что из этого? – зевнул генерал.

– Я помню, – продолжал Лука, – как наши казаки в русско-турецкую войну – после пленения Осман-паши – в студеную зиму переходили Балканы и пели:

Мы к Балканам подходили –
Нам сказали: – Высоки!
Три часа их проходили
И сказали: – Пустяки!

Хвостиков оживился, воскликнул весело:

– Так и мы! Боялись идти на Умпырь, а дорога не так уж и страшна. – Он закурил, взглянул на монаха. – Что-то больно ты молод для участника русско-турецкой войны.

Лука почесал крючковатый нос, улыбнулся:

– Верно, не воевал я тогда. Из истории знаю. Я в духовной семинарии учился. Да со второго курса за перебег был отчислен.

– Какой перебег? – не понял Хвостиков.

Лука сунул в огонь сухую ветку, подсел поближе к генералу.

– Отец мой – протоиерей Вакулинский из села Решетилówki Полтавской губернии, определил меня в Переясловскую духовную семинарию. Доучился я там до класса риторики, а в тысяча девятьсот десятом году пошел в перебежчики под влиянием личных неудач...

– Какие же это «личные неудачи» заставили тебя уйти из семинарии? – поинтересовался Хвостиков.

---

⁷¹³ Гора **Ятыргварта** расположена по левому берегу реки Малая Лаба, между реками Ачипста и Уруштен. – прим. Гриня

⁷¹⁴ К урочищу Умпырь гора Ятыргварта выходит отрогом «хребет Ахцархво», ниже по течению Малой Лабы, на входе в урочище – отрогом «хребет **Малые Балканы**», еще ниже по течению, наиболее трудный, скалистый участок берега относится к отрогу «хребет Балканы». – прим. Гриня

Лука поморщился, вздохнул:

– Девичья лепота⁷¹⁵ погубила меня...

Баксанук и Дауд напоили лошадей и, сотворив в орешнике эртен-намаз⁷¹⁶, явились к генералу. Тот сказал им:

– Берите с собой лучших стрелков и отправляйтесь на охоту за оленями и зубрами: надо заготовить мясо для армии. В другом месте такая возможность нам вряд ли представится.

Это распоряжение пришлось братьям Крым-Шамхаловым по душе, и они тотчас начали собираться на охоту

Заря разгоралась все ярче.

Хвостиков, заложив руки под голову, задумчиво глядел на поддрумяненные облака, медленно плывущие по небу, и ему казалось, что и он сам, подобно этим облакам, плывет по воле ветра неведомо куда. Вспомнилось прошлое – полное неудач. И особенно горько и муторно было от мысли, что последняя надежда – золото – таяла, как призрачный дым. О Бабуле Кочкарове все еще не было ни слуху ни духу.

На уступе отвесной скалы появился улар и, заметив множество людей на полянах, звонко, переливчато прокричал, стремительно взвился в воздух. Хвостиков проводил его взглядом и пробормотал с тоскою:

Ни кола ни двора,
Зипун весь пожиток,
Эх, живи, не тужи:
Умрешь – не убыток!⁷¹⁷

Это пришедшее на ум четверостишие вдруг нагнало на него чувство безысходности. Рванув ворот гимнастерки и стиснув зубы, подумал с отчаянием: «Неужели это конец? Неужели я действительно обречен и все потеряно? Куда податься? Кому нужен нищий генерал?»

Нина Гавриловна приготовила завтрак. Хвостиков ел неохотно. Каждый кусок застревал у него в горле. В стороне, у плоского камня, завтракали Лука и кучер.

В душе Хвостикова вскипала злость. Ему хотелось мстить за свои неудачи. Раз-другой взглянув на Луку, он неожиданно объявил ему:

– Вот что, протоиерейский сын. С сегодняшнего дня я назначаю тебя командиром карательного отряда.

Лука вначале не поверил своим ушам, затем обрадованно проговорил:

– Благодарю, Алексей Иванович, за доверие. Это большая честь для меня.

– Во! Я так и знал, что ты будешь доволен! – сказал Хвостиков. – У тебя отличная хватка.

Нина Гавриловна стряхнула с платка капли росы, одобрила:

– Выбор твой, Алеша, правилен. Только с детьми, Лука, не следует поступать столь жестоко, как с сыном комиссарши.

Лука перекрестился:

– Господь бог велел не щадить анчихристово семя. Истление⁷¹⁸ ваше, Нина Гавриловна, есть слабость души вашей. То, что содеяно во имя господне, не карается господом.

XXVII

Чоновский отряд с приданным ему 1-м Афипским полком вышел из Псебайской и на второй

---

⁷¹⁵ **Лепота** – красота, великолепие. – прим. Гриня

⁷¹⁶ **Эртен-намаз** – утренняя молитва мусульман.

⁷¹⁷ Стихотворение И. С. Никина «Бобыль» (опубликовано в 1859 году). Положено на музыку. По воспоминаниям Анны Ульяновой, этот стишок очень любил маленький Володя Ульянов – будущий Владимир Ленин. – прим. Гриня

⁷¹⁸ **Истление** – здесь – порча, разложение. – прим. Гриня

день, оставив позади Даховское ущелье⁷¹⁹, был уже в районе перевала Аспидного⁷²⁰. Впереди ехали Юдин и Шкрумов. За ними следовал Мечев. Виктор Левицкий и Вьюн рысили в голове полка. Лаврентий, ехавший рядом со знаменосцем, дивился суровой и дикой красоте скал, думал: «Ач, как скорезило сердешную землю! А сколько можно посеять хлеба на ней, ежели б распахать!»

За рекой Киш отряд остановился на поляне недалеко от перевала Аспидного. Юдин и Шкрумов поднялись на скалу, осмотрели ущелье, по которому струилась серебристая речушка. Ничего подозрительного не было. Слышался рев оленей. Приближалась ночь.

Юдин решил дать отдых бойцам.

1-й Афицкий полк расположился на опушке леса. Кавалеристы спешили, развязали походные мешки, принялись за еду.

Виктор Левицкий и Вьюн устроились на камнях, между которыми весело журчал родничок.

Внезапно из ореховых кустов донесся треск сухих ветвей. Вьюн схватил карабин, обернулся на шум.

– Там кто-то есть...

И вдруг из кустарника выскочила ланка. Прыгая через расщелины и камни, она влетела в толпу кавалеристов, замерла. Большие черные глаза ее были испуганы, длинный красный язык вывалился, бока ходили ходуном. Следом за ней из зарослей выбежали три волка. Увидев людей, они рванулись назад, в кусты, а ланка продолжала стоять среди бойцов. Отдышавшись, она медленно ушла в горы.

– Разумная животино! – сказал кто-то из конников. – Людей не побоялась.

– Защиты у нас шукала, – шмыгнув носом, заметил с улыбкой Вьюн. – И до чего ж красивая!..

После ужина Юдин вызвал Виктора и поручил ему отправиться с эскадром в разведку вниз по течению реки Аспидной.

Для головной группы Виктор отобрал лучших бойцов и вместе со Шкрумовым повел ее вдоль реки в сторону Умпыря. За этой группой двинулся и весь эскадрон.

Вскоре разведчики вышли к Уруштуну, бушевавшему на порогах. На песчаной косе у левого берега Шкрумов обнаружил следы конских копыт и людских ног. Он подозвал Виктора, сказал:

– Видишь, следы. Беляки уже прошли вверх по реке, но, может быть, еще кто-то из них появится. Давай засаду устроим, подождем маленько.

Разведчики залегли на берегу. Томительно тянулось время. В шум потока то и дело врвался олений рев.

– Может, зря ждем? – шепнул Виктор Шкрумову.

– Не спеши! – отозвался тот.

К воде спустилось стадо кабанов. Приблизившись к косе, кабаны насторожились, захрюкали обеспокоенно, потом во весь дух пустились прочь.

– Видишь? – сказал Шкрумов. – Они учуяли человеческий след.

Несколько минут спустя к берегу вышел еще один кабан. Шумно вдыхая воздух, он застучал клыками

– Пужает иклами⁷²¹! – заметил Шкрумов.

– Вот бы пальнуть! – вздохнул Вьюн.

Шерсть на спине кабана вздыбилась, и, испуганно хрюкнув, он тоже убежал.

Тьма сгущалась. Над горами висело звездное небо. Олений рев постепенно затих.

– А сколько верст отсюда до Умпыря? – спросил Виктор.

– Не более десяти, – ответил Шкрумов. – Тут на тропах стояли заставы беляков.

Оставив на обоих берегах Уруштена заслоны, Виктор двинулся с разведчиками дальше. Шли осторожно, останавливались, прислушиваясь к загадочным звукам. В темноте, попискивая, носились летучие мыши, где-то на деревьях кричали неясно, сычки. Шкрумов старался определить: кричали ли это ночные птицы или, может быть, подражая им, перекликались между собой вражеские

---

⁷¹⁹ **Даховское ущелье** – ущелье на реке Дах – притоке реки Белой в Майкопском отделе (сейчас – на территории республики Адыгея). – прим. Гриня

⁷²⁰ **Перевал Аспидный** – проход между истоками рек Туровая (приток реки Киша (Чегс), впадающей в реку Белая) и Аспидная (приток реки Уруштун). – прим. Гриня

⁷²¹ **Иклы** – клыки. – прим. Гриня

дозорные.

По мере приближения к Умпырю нервы разведчиков напрягались все сильнее. Предметы, попадавшие на пути, казались во тьме живыми, движущимися. Зрение и слух были обострены до предела.

Но вот позади осталась гора Алоус⁷²². До Умпыря было рукой подать.

Время перевалило за полночь. Разведчики притаились на берегу речушки Ачипста. И здесь – ничего подозрительного. Выждав немного, Виктор дал знак пробираться на правый берег Ачипсты.

За рекой, впереди на тропинке, неожиданно появились два черных силуэта. Разведчики припали к земле.

Белоказаки с винтовками за плечами о чем-то тихо разговаривали. Вот они приблизились к засаде. Виктор и Мечев сзади набросились на них, в одно мгновение зажали им рты, обезоружили...

Перепуганные пленники сообщили, что впереди, совсем близко, находится еще один дозор.

Виктор отправил схваченных к Юдину, а сам с разведчиками пополз по-пластунски вверх по тропе. У громадного камня, прижавшись друг к другу, спали три казака и громко храпели. Тускло сверкнули кинжалы – и дозорные навечно остались уснувшими.

* * *

Чуть свет чоновский отряд и 1-й Афипский полк заняли исходные рубежи для атаки, приготовились к бою. На Умпыре было тихо: там еще спали. Кое-где на полянах, занятых хвостиковцами, дымили костры. Лошади дремали под деревьями, около возов. В небольшой брезентовой палатке – генерал и генеральша. Перед палаткой вышагивали два вооруженных казака.

По команде Юдина атака началась одновременно по всему фронту. Громкие крики «ура» волнами покатались по Умпырской котловине, смешались с винтовочной и пулеметной пальбой. Красные бойцы обрушились на растерявшегося врага, пустили в ход штыки.

Хвостиков выскочил с женой из палатки. Где-то рядом захлопали выстрелы. Нина Гавриловна вскрикнула, схватилась за бок и, теряя сознание, стала падать. Дауд подхватил ее на руки, побежал с Баксануком к мосту, по которому с гулом и грохотом уже неслись повозки и верховые белоказаки. Хвостиков вскочил на коня, рванулся наперерез охваченным паникой казакам.

– Братцы, братцы! Не пускайте красных к реке!

Голос его вдруг оборвался, обросшее черной бородой лицо исказилось от боли. Чувствуя, как горячая кровь заливает локоть, он пустил коня в намет, проскочил мост, затерялся среди верховых, бешено мчавшихся по узкой дороге вдоль реки.

Чоновцы и красноармейцы теснили хвостиковцев, все плотнее и плотнее прижимали их к Малой Лабе. Поляны устилались вражескими трупами и ранеными. Оседланные лошади метались между возами, в кустарниках, ржали от страха.

Лука со своим карательным отрядом переправился через реку вброд и устремился в горы.

В районе Третьей Роты кавбригада Воронова быстро сломила сопротивление арьергардных частей Хвостикова и вышла к самому узкому месту Шах-Гиреевского ущелья. Впереди тянулись угрюмые отроги Ятыргварты с нависшими над рекой скалами, по карнизам которых пролегал дорога, вся забитая кавалерией и обозами противника.

Воронов приказал подтянуть артиллерию к реке. Пушки дали залп по верхней дороге. На скалистых карнизах взметнулись клубы черного дыма, и оттуда со стапятидесятисаженной высоты в бушующую реку посыпались люди, кони, телеги.

Наконец отряд Юдина прорвался к реке, перерезал путь двум эскадронам белоказачков, отступавшим в Умпыр. Видя безвыходное положение, хвостиковцы начали сдаваться в плен.

Бригада Воронова, преследуя противника, двинулась по правому берегу Малой Лабы вглубь Шах-Гиреевского ущелья.

В Умпыре остались отряды Юдина и 1-й Афипский полк. Они занялись эвакуацией раненых и отправкой пленных в Псебайскую.

---

⁷²² Наверное, автор имеет в виду перевал **Алоус** – проход между истоками рек Алоус (приток реки Уруштен) и Ачипста; седловина между горами Алоус и Ятыргварта. – прим. Гриня

На закате солнца Виктор и Соня поднялись на Умпырский перевал⁷²³. Перед ними открылись долины Закана и Загедана⁷²⁴. Виднелся хребет Магишо. Взявшись за руки, Виктор и Соня бегом пустились по поляне, покрытой субальпийскими травами. Им казалось, что они не бегут, а плывут в зеленых волнах. Краса горной природы чаровала Соню. Сердце ее радостно трепетало, щеки горели, глаза сверкали. Нарвав букет ярких цветов, она поднесла его к лицу Виктора, промолвила, сияя счастьем:

– Какой запах! Опьянеть можно!

Виктор уткнулся лицом в цветы, полной грудью вдохнул аромат, улыбнулся:

– И верно, пьянею. Только вот не знаю: от цветов или от твоей близости. Тут все как в сказке.

Соне хотелось взлететь в нежно-голубое небо и парить рядом с орлом, кружившим высоко над поляной, любоваться всем миром. Счастьем наполнялось ее сердце, и вдруг вырвалась из груди радостная песня:

Чернобровый, черноокий,
Молодец удалый.
Полонил ты мое сердце,
Не могу забытьи...⁷²⁵

Звонкий голос ее лился над горными лугами, серебристым эхом отдавался в глубоких ущельях. Виктор упоенно слушал и не мог оторвать от нее глаз.

Оборвав песню, Соня прижалась щекой к плечу Виктора, и они медленно побрели вниз по цветущему склону горы.

XXVIII

В Екатеринодаре все еще ощущалась напряженная обстановка, хотя жизнь в нем уже вошла в колею.

В десятом часу вечера, когда город погрузился во тьму, Аннушка Балышеева прибыла в штаб армии, куда срочно была вызвана с фронта. Дежурный направил ее к Фурманову.

Она вошла в кабинет. Увидев ее на пороге, Дмитрий Андреевич воскликнул, улыбаясь:

– Сколько лет, сколько зим! – И кивнул приветливо: – Заходи, заходи, Анна Назаровна. Дело, как говорится, не терпит отлагательства.

Аннушка поправила прядь волос, подошла к столу и, сев на стул, спросила:

– Зачем вызвали меня, Дмитрий Андреевич?

– Не терпится узнать? – Фурманов весело прищурился. – Что ж, обрадую тебя. Завтра утром у секретаря обкома комсомола получишь мандат делегата съезда комсомола и поедешь в Москву.

Аннушка зарделась, почувствовала, как радостно застучало ее сердце.

– Просто не верится, – пробормотала она, растерявшись.

– Ну вот, с официальной частью и покончено, – сказал Фурманов. – А теперь отвезу тебя домой, заодно проведаю Назара Борисовича: он что-то прихворнул немного.

* * *

В доме Балышеевых было тихо. Назар Борисович, перенесший недавно сердечный приступ,

---

⁷²³ Умпырский перевал – проход между истоками рек Умпыр и Закан (левый приток реки Большая Лаба). – прим. Гриня

⁷²⁴ Долина реки Большая Лаба вверх от устья реки Закан носит название «Долина Загедан». Здесь в Большую Лабу впадает ее правый приток река Загеданка (Джога). – прим. Гриня

⁷²⁵ Песня Алексея Мерзлякова (1778–1830) – «отца-основателя» жанра «русской песни» – авторской песни-романса, стилизованной под фольклор. – прим. Гриня

уже чувствовал себя значительно лучше. Ему не сиделось без дела, и он принялся за работу в своем кабинете. Екатерина Нестеровна, придвинувшись поближе к настольной лампе, шила платье приемной дочурке, а та возилась с игрушками на диване.

Закутав куклу в разноцветные лоскутки, Любонька взглянула на отца:

– Папочка, а у куклы есть сердечко?

– Кукла неживая, и у нее нет сердца, – ответил Балышеев.

– А у меня есть?

– Есть, конечно. Ты же живая.

– А почему у тебя болит сердечко, а у меня не болит?

– Ты еще маленькая.

– А почему у маленьких не болит сердечко?

В дверь кто-то постучал. Любонька спрыгнула с дивана, помчалась в зал. Екатерина Нестеровна едва догнала ее, взяла на руки и открыла дверь.

Аннушка бросилась к матери, осыпала ее лицо поцелуями.

– А меня, а меня! – закричала Любонька.

Аннушка взяла ее на руки и несколько раз чмокнула в румяные щечки.

Фурманов еще не успел войти в прихожую, как за его спиной появились Атарбеков, Черный и Соловьев.

– О, да у вас полным-полнешенько гостей! – воскликнул Соловьев и, увидев Аннушку, просиял: – Ты? То-то меня так тянуло домой! Надолго?

– Нет, – ответила Аннушка. – Еду в Москву на съезд комсомола.

Соловьев обнял ее:

– Я рад за тебя. Кстати, зайдешь к моим старикам Они ведь так хотят повидать тебя.

Тем временем Екатерина Нестеровна проводила Черного и Фурманова в кабинет Балышеева.

– Здравствуйте, товарищи! – обрадовался Назар Борисович. – Рассказывайте скорее, что творится на белом свете.

– А как ваше сердце? – спросил Фурманов.

– Сердце как сердце! – улыбнулся Балышеев. – Болей уже нет, слабость только немного одолевает. Ну, да это пройдет. – Он обернулся к Атарбекову. – Говорят, сюда приехал какой-то викарий-красавец и сразу всех женщин с ума свел. Что это за личность, Георгий Александрович?

– Личность довольно-таки подозрительная, – ответил Атарбеков, расчесывая перед зеркалом свою черную окладистую бороду. – Я встречался с ним в усадьбе князя Крым-Шамхалова. А сейчас он совершает поездку по кубанским монастырям. Посетит Лебяжскую и Мариинскую⁷²⁶ пустыни.

– И какое впечатление он произвел на вас?

– Очень хитрого и осторожного человека!

– А что вы решили делать с арестованной игуменьей? – спросил Черный.

– Придется освободить, – сказал Атарбеков. – Старуха явно юлит, но у нас нет доказательств, при каких обстоятельствах попало к ней золото. Впрочем, драгоценности у нас – это главное. Ведь не прими она это золото от Хвостикова, оно не попало бы к нам в руки.

– А как же с коммуной, которую собирались организовать в Лебяжском монастыре? – поинтересовался Балышеев. – Или решено пока отложить это дело?

– Нет, коммуна будет, – сказал Черный. – Областной ревком планирует создать в Лебяжском монастыре одну коммуну из двух – тимашевской «Светлой зари» и... федоровской.

– А монахов куда же?

– Пока поживут вместе с коммунарами.

– Как же это получается?

Черный пожал плечами:

– Что поделаешь? Эти две коммуны живут очень бедно, а монахам в Лебяжском полнейшее раздолье.

---

⁷²⁶ Женский монастырь Святой равноапостольной Марии Магдалины (Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь) – первый женский монастырь на Кубани. Основан в 1846 году. Расположен в станице Роговской Таманского отдела Кубано-Черноморской области (сейчас в составе Тимашевского района). В 1920 году на территории монастыря была организована коммуна «Всемирная дружба». Последнее здание обители было разрушено в 60-е годы XX века. – прим. Гриня

– По-моему, монахов надо совсем убрать оттуда и весь монастырь передать в пользование коммунаров, – заметил Атарбеков.

– Этого нельзя делать, – возразил Фурманов. – Мы можем ополчить против себя верующих, и контрреволюция сейчас же воспользуется этим.

– Верно, – согласился с ним Черный.

– Во всяком случае, надо строго следить за новым викарием, – добавил Атарбеков.

На пороге появилась Екатерина Нестеровна и пригласила гостей в зал к ужину.

* * *

В кабинет к начальнику ВЧК вошел дежурный и, взяв под козырек, доложил:

– К вам прибыл викарий Рождественский.

– Пусть войдет, – ответил Атарбеков.

Явился Евсевий с сияющим золотым крестом на груди. Приложив руку к сердцу, низко поклонился:

– Здравствуйте, гражданин начальник.

Атарбеков пристально взглянул на него и, сухо поздоровавшись, указал на стул:

– Садитесь.

– Благодарю! – Евсевий подобрал полы рясы, сел. – Я хотел бы продолжить с вами разговор, начатый в усадьбе Крым-Шамхалова, – заявил он.

Атарбеков достал из деревянного портсигара папиросу, закурил и, отмахивая от себя дым, сказал:

– Что ж, давайте продолжим.

– Я снова обращаюсь с настоятельной просьбой освободить игуменью Сентийского монастыря – мать Раису, – сказал Евсевий. – Повторяю, она ни в чем не виновата. Если нужно, я могу поручиться за нее.

Атарбеков, изучающе рассматривая его, ответил:

– Если вы ручаетесь, то мы, пожалуй, освободим ее. – Он вызвал дежурного, распорядился: – Приведите арестованную.

Евсевий нервно поправил скуфейку, прикрывавшую густые каштановые волосы, натянуто улыбнулся:

– Уж как возрадуется старуха!

В кабинет в сопровождении дежурного вошла игуменья. Увидев Евсея, перекрестилась:

– Господи Иисусе!

Викарий помог ей опуститься на стул. Отдышавшись, она остановила хмурый взгляд на Атарбекове:

– Долго еще будете держать меня здесь, гражданин начальник? Видит бог, грех на душу берете.

– Тут не монастырь, и я не монах, – усмехнулся Атарбеков. – Вы не о моих, а о своих грехах думайте. – И указал на Евсея. – Вот гражданин Рождественский ходатайствует, чтобы мы освободили вас.

– Ишь ты! – оживилась старуха. – Душа-то у него светлая, праведная. А вы... Надо прежде разобраться.

– Вот мы и разобрались во всем. Можете возвращаться в Сенты.

Игуменья даже привстала от неожиданности.

– Ишь ты! Неужто и впрямь отпускаете?

Евсевий помог ей подняться со стула, подтвердил:

– Да, матушка, вы свободны.

XXIX

В епархии, под тенистыми деревьями сада, томилось до двух десятков молодых женщин, ожидавших Евсея. В сторонке от них, на скамье под яблоней, сидели генеральская вдова Пышная и мать Рафаила. Вокруг только и шли разговоры о благочестивом викарии. В другой аллее

прохаживались священники екатеринодарских церквей, явившиеся на собрание благочинных⁷²⁷.

Наконец в ворота двора епархии въехала долгожданная карета, в которой сидели Евсей и мать Раиса. Послушники помогли игуменье и владыке сойти вниз. Евсей распорядился отвести старуху в гостиницу для приезжающих, а сам размашистым шагом направился через сад к дому, в котором жил. Женщины бросились навстречу владыке, преподнесли ему пышные сдобы, завернутые в платок. Евсей отнес съестное в келью, вернулся в сад и, благословив платок, отдал его женщинам. Те тут же разорвали платок на кусочки и разделили между собой.

К Евсею с низким поклоном подошли Пышная и мать Рафаила.

– Ваше преосвященство, – промолвила Зоя Львовна взволнованно, – мы к вам. – Она указала на мать Рафаилу. – Вот с матушкой, игуменьей Успенского монастыря⁷²⁸...

– Очень приятно! – сказал Евсей, устремив на игуменью обворожительный взгляд. – Мне о вас говорили. – И, обратившись к Зое Львовне, пояснил: – Ваш двоюродный братец, отец Александр, рассказывал... Добро пожаловать ко мне, проходите.

Келья vikария состояла из трех комнат: передней, небольшого зала и спальни. Везде – богатая мебель, на стенах и на полу дорогие ковры. Евсей пригласил посетительниц к столу, стоявшему посреди зала, спросил игуменью:

– Так вы, матушка, значит, из Кавказского отдела?

– Да, я настоятельница Успенской Пресвятой Богородицы общежительной женской пустыни, – опускаясь в кресло, ответила игуменья, – Приехала к вам, чтобы узнать, когда вы намерены прибыть к нам.

– Простите, – прервал ее Евсей. – А вы с епископом Иоанном уже говорили об этом?

Игуменья, чуть порозовев под взглядом его маслянистых глаз, отрицательно покачала головой:

– Нет, не говорила. Я была у него на приеме четыре месяца тому назад... И после этого пропала всякая охота обращаться к нему по каким-либо вопросам... Он сказал, что я занимаюсь не своим делом.

– За то, что у нее в монастыре находился белогвардейский партизанский отряд, – добавила Зоя Львовна. – А отряд-то и не спрашивал у нее согласия: засел да и жил там, сколько ему надо было.

– Да... – многозначительно промычал Евсей, не сводя глаз с игуменьи. – Вы не огорчайтесь. В первой половине октября я побываю у вас, и все уладится

– Ваше преосвященство, – вставила Зоя Львовна, – епископу Иоанну просто надо разъяснить, что мать Рафаила очень хорошая игуменья.

Евсей развел руками:

– Видите ли, наш епископ имеет некоторые странные наклонности... И вот это и приводит его к неверным суждениям о многих священниках. В частности, и о вас... В силу этого у него возникает излишняя подозрительность. Он во многих видит своих противников. А сам является первым нарушителем церковных канонов, идет против патриарха Тихона и святейшего синода!

– Как же он может в таком случае занимать пост епископа? – негодуя спросила Зоя Львовна.

– Мы, разумеется, попытаемся убедить Иоанна в неправильности его взглядов на наше духовенство и на православную церковь, – ответил Евсей и тут же раздраженно взмахнул руками. – Ну, а если он будет упрямыться, то мы испросим у патриарха Тихона разрешения действовать здесь по своему усмотрению. Иначе нельзя. Ведь он даже отказался поминать во время своих богослужений имя патриарха Тихона и запретил это делать всем священникам области.

– О боже! Это же еретик и раскольник! – вскричала Зоя Львовна и вдруг прослезилась: – Спихнули царя, теперь хотят спихнуть и патриарха Тихона...

Евсей понял, что можно переходить к откровенному разговору.

– Я и прибыл на Кубань, чтобы навести среди духовенства строгий порядок, поставить всех

---

⁷²⁷ **Благочинный** – в православной церкви административная должность священника, при назначении на которую он становится одним из помощников епископа в части надзора за порядком в определенном церковном округе в составе епархии, называемом благочинием. – прим. Гриня

⁷²⁸ Имеется в виду монастырь рядом со станицей Краснодарской. В реальности на Кубани до 1992 года Успенского женского монастыря не существовало. (**Свято-Успенский женский монастырь** – основан в 1992 году в городе Кореновске. В 1920 году станица Кореновская входила в Кавказский отдел Кубано-Черноморской области). – прим. Гриня

противников патриарха Тихона на положенное место. Так называемой «живой» церкви, за которую ратует епископ Иоанн, будет оказано самое решительное сопротивление!

В передней слышались шаги, Евсейев резко обернулся, спросил раздраженно:

– Кто там?

– Свои, свои! – пробасил кто-то.

На пороге появился Забелин. За ним – председатель церковного совета Ратмиров, на костлявые плечи которого спускались длинные пепельные волосы. Поправив на тощей груди массивный серебряный крест, он сощурился и, разглядев, кто сидит за столом, сказал с ухмылкой:

– Да тут, оказывается, старые знакомые!

– Что у вас? – нетерпеливо спросил Евсейев.

– Нам надо договориться, ваше преосвященство, как вести себя на собрании благочинных, – сказал Забелин. – То ли начнем наступление на епископа Иоанна, то ли...

– Пока надо молчать, – перебил его Евсейев, – Изберем пассивную тактику. Пусть епископ выскажется сам.

– Разумно, – согласился Ратмиров. – Когда знаешь, чего хочет противник, бороться с ним легче.

– Отец Филогоний, – обратился к нему Евсейев, – список сторонников епископа Иоанна готов?

– А как же. Все в лучшем виде, – ответил Ратмиров.

Евсейев поглядел на стенные часы, показывающие половину одиннадцатого, сказал:

– Идите послушайте, о чем говорят священники, а я еще задержусь на несколько минут.

* * *

Из епархиального управления вышел начальник канцелярии, и пригласил всех собравшихся священников в зал заседаний. Попы потянулись в здание управления.

В зале заседаний сторонники епископа Иоанна рассаживались на передних рядах, противники – позади.

Последними вошли Евсейев, Забелин и Ратмиров. Они также заняли места в задних рядах. Шум постепенно утихал. Из боковой канцелярии, которая сообщалась с квартирой епископа Иоанна, выглянул отец Геннадий и опять скрылся. А несколько минут спустя келейники Борис и Артемий ввели под руки епископа Иоанна в зал. Все молча поднялись и, осенив себя крестом, снова сели. Владыку усадили в высокое кресло за столом, и келейники удалились. На кафедру поднялся Ратмиров, попросил членов церковного совета занять места за столом. Первым к столу направился Делаверида. Шурша белой шелковой рясой, поп расположился на стуле рядом с креслом владыки. За ним потянулись Федоров, Гангесон, Столяревский, Сосько, Забелин и Битин – заместитель правителя церковного епархиального управления.

Епископ Иоанн оглядел всех сидящих в зале хмурыми глазами, обратился к своему заместителю по епархии:

– Отец Сосипатр, кто отсутствует?

– Все в сборе, ваше преосвященство, – доложил Витим

Епископ подал знак Ратмирову открывать собрание

– Святые отцы, – сказал тот, – сегодня нам предстоит рассмотреть два вопроса: первый – отношение кубанского духовенства к патриарху Тихону и святейшему синоду, и второй – текущие дела, так сказать, разное. По первому вопросу слово предоставляется епископу Иоанну. – Ратмиров поклонился владыке. – Прошу, ваше преосвященство.

– Я обязан вам сообщить, – не поднимаясь, тихим голосом начал епископ, – что за последнее время, как мне стало известно, патриарх Тихон направил всю свою церковную деятельность против Советской власти и призывает все духовенство и мирян России к свержению этой власти... Все это привело к разброду среди духовенства и вызвало гнев граждан Советской Республики. Мы должны, дабы не попасть в беду, руководствоваться посланием святого апостола Павла к римлянам, где он писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога... Посему... противящийся власти противится божию установлению!»

В зале стояла мертвая тишина.

– Руководствуясь этим святым указанием, – продолжал епископ, – мы вынуждены жить в мире с Советской властью. Кто же с этим требованием не согласен, может подать на мое имя прошение об

освобождении от служительства церкви, и мы таких священников не будем задерживать...

Забелин заерзал на стуле, не умолчал:

– Вы скоро нам всем прикажете брить бороды!

– Тебе особенно об этом беспокоиться незачем, отец Александр, – ехидно бросил Делавериди, –

Брить-то у тебя нечего: на голове плешь величиной в «святой дух»⁷²⁹, а бороды и совсем нет!

В передних рядах пронесся смешок. Попы, сидевшие сзади, загудели, как озлобленные шершни, но Евсей цыкнул на них, и все сразу замолчали.

– Кто будет говорить? – спросил Ратмиров.

Поднялся Гангесон.

– Разрешите мне.

– Прошу, отец Никандр, – сказал Ратмиров.

Гангесон живо взошел на кафедру.

– Я не люблю много говорить, – начал он басом. – Придерживаюсь русской поговорки: «Говорение – серебро, а молчание – золото». Однако в данном случае молчать не буду. Здесь наш владыка, епископ Иоанн, доложил нам о том, в какой тупик завел Тихон православную русскую церковь и вместе с нею все духовенство нашей великой страны. Я лично считаю, что в данный период времени... мы с патриархом Тихоном ничего общего не должны иметь. Он ведет нас по гибельному пути.

– А я совсем иного мнения, – прервал его Забелин. – Патриарх Тихон ведет правильную линию, и мы, согласно установленным канонам, обязаны его поддерживать.

– Не перебивайте, отец Александр, – попросил его Ратмиров.

Епископ Иоанн как-то отрешенно смотрел в глубину зала туманными глазами. Пальцы его рук, лежавших на подлокотниках, мелко тряслись, тучное лицо, обросшее седыми волосами, приобрело фиолетово-бурый оттенок. Но этого никто не замечал: все напряженно слушали выступление Гангесона. И вдруг Иоанн схватился за грудь, застонал. Лицо его передернулось, глаза закатились под лоб, левая рука соскользнула с подлокотника, повисла как плеть, голова упала на высокую спинку кресла.

Гангесон и все члены церковного совета бросились к нему, подняли шум, распахнули настежь окна. Епископ открыл глаза и чуть слышно промолвил:

– Отведите меня... Я полежу немного...

XXX

Армия Хвостикова медленно поднималась по тропе вдоль Малой Лабы к перевалу Аишко. Солдаты еле плелись за повозками и крытыми брезентом фургонами.

В задке тачанки лежала Нина Гавриловна, все еще не приходившая в сознание. Хвостиков в тягостном забытии покачивался рядом с кучером на облучке. Забинтованная левая рука его висела на перевязи. За тачанкой, ведя коней в поводу, шагали Баксанук и Дауд. Впереди двигался Лука с карательным отрядом.

К вечеру раненой стало хуже. Она громко стонала, металась в горячке. А с заходом солнца скончалась. Хвостиков снял папаху, перекрестился и, ничем не выказывая душевную боль, отдал распоряжение похоронить жену.

Под кустом колхидского плюща саперы вырыли могилу, завернули покойницу в парусину и рогожу⁷³⁰, прогремел погребальный винтовочный залп. Остекленевшими глазами Хвостиков смотрел, как тело жены опустили в яму, как на рогожный саван посыпались комья земли.

Саперы быстро работали лопатами. Над могилой вырос небольшой холмик с крестом из неотесанного ясеня. Несколько минут Хвостиков стоял недвижимо у могилы, затем поднял руку, и армия двинулась в путь...

---

⁷²⁹ «Святой дух» – бархатная, с золотой бахромкой скатерка фиолетового цвета, служащая для прикрытия лица умерших священников.

⁷³⁰ **Рогожа** (рогоза, рогожина) – грубая хозяйственная ткань. Первоначально производилась из волокон растения рогоз (отсюда и название), а позже и из лыка (мочала). Из такой ткани изготовлялись кули, рогожные мешки, половики, грубая рабочая одежда и т. д. – прим. Гриня

Утром в устье притока Пслух, у минеральных источников, передовые ее части встретились с дозорными кавалерийской бригады генерала Улагая, и хвостиковцы устроили привал в пихтовом лесу на берегу Мзымты.

Хвостиков нервно похаживал под скалой отрога Псеашхо, с досадой вспоминал о тех натянутых взаимоотношениях, которые создались между ним и Улагаем в дни высадки врангелевских десантов на Кубани. Глаза его то устремлялись в ту сторону, откуда должен появиться Улагай, прибывший к нему на помощь, то скользили по крутым прибрежным скалам.

Когда Улагай показался наконец на мосту через Пслух в сопровождении конной сотни, Хвостиков двинулся ему навстречу.

– Ну, вот мы и встретились, – улыбнулся Улагай, крепко пожимая руку Хвостикову.

– Да... – невесело отозвался Хвостиков. – Встреча довольно печальная.

Дауд принес ведро минеральной воды, поставил на валун, служивший столом. Хвостиков зачерпнул кружкой воды, подал Улагаю.

Улагай поднес к носу воду, воскликнул:

– Какая сила! Прямо дух забивает.

– На то она и называется «царской», – заметил Хвостиков и, осушив свою кружку, поинтересовался: – А вы давно на побережье?

– Нет, – мотнул головой Улагай. – Два дня тому назад я прибыл в Гагры и после встречи с Султан-Клыч-Гиреем и Крым-Шамхаловым решил выйти через Рицу вам на помощь.

– За помощь большое спасибо! – сказал Хвостиков – Вы прибыли как нельзя кстати.

– Что с вашей рукой? – спросил Улагай.

– Пустяки, – отмахнулся Хвостиков. – Заживет. В душе рана – та пострашнее. Не знаю, справлюсь ли с ней. Разгром армии... и жену потерял...

Улагай сочувственно вздохнул:

– Да, слишком много испытаний выпало на нашу долю в это смутное время.

* * *

В двенадцатом часу войска снялись с бивака, двинулись в путь. Узкая долина Мзымты постепенно начала расширяться, и наконец на фоне живописных склонов Аибги открылись постройки Рудника⁷³¹.

Лука остановил коня, посмотрел в бинокль.

– Доложи главнокомандующему, что в поселке красные, – сказал он связному.

Тот наметом пустился в обратную сторону. Лука приказал всадникам спешиться, залечь на берегу Мзымты. Придерживая на боку саблю, он взбежал на небольшую скалу и начал вести наблюдение за Рудником.

Хвостиков решил атаковать красных в лоб.

Лука вместе с казаками, крадучись за кустами, пошел в наступление.

Улагай со своими конниками взял правее, в обход Рудника, чтобы на перевале Псеашхо соединиться с двумя хвостиковскими кавалерийскими полками, отступавшими с Кубани по Уруштену, и с ними правым флангом выйти на Красную Поляну.

Под Рудником завязалась перестрелка с заставой Ахтарского батальона. Чоновцы отошли к селению Этосадак, но попали в окружение и почти все полегли в рукопашной схватке. Лишь одному Шмелю удалось скрыться.

Бойцы двух эскадронов Ахтарского батальона занимали оборону на северо-восточной окраине Красной Поляны.

Аншамаха, как горный жаворонок, забрался на ветку каштана и внимательно оглядывал

---

⁷³¹ В 1925 году Сочи был присвоен статус курорта общегосударственного значения, а с 1933 года началась активное строительство здравниц по новому (первому) генплану. Для обеспечения строительства искивались источники стройматериалов. В месте слияния рек Мзымта и Ачипсе (впрочем сейчас участок реки от слияния Ачипсе и Лауры до впадения в Мзымту чаще называют Лаурой, поскольку основные объекты располагаются со стороны Лауры – так удобней) были найдены залежи кровельных сланцев. Для их переработки был построен завод и поселок **Рудник** (Сланцевый Рудник). Сейчас на этом месте расположены нижние станции канатных дорог «Лаура». – прим. Гриня

местность.

Под каштаном стоял Метеор.

И вдруг Аншамаха увидел Шмеля, выбежавшего на дорогу из молодого березняка. Он мчался, перепрыгивая через рытвины. Аншамаха понял – случилось недоброе, быстро спустился с каштана, побежал навстречу Шмелю.

– Где остальные? – крикнул он на бегу.

Задыхаясь, Шмель сообщил о разгроме заставы.

Аншамаха приказал коноводам увести всех лошадей к Греческому мосту⁷³² на Мзымте, а чоновцам приготовиться к бою. Бойцы залегли в укрытиях, за бревнами, замшелыми заборами и плетнями.

Из зарослей появились хвостиковцы, открыли стрельбу и с криками бросились в атаку.

Ахтарцы повели ответный огонь, но не выдержали напора, дрогнули, пустились в бегство. Аншамаха высоко поднял карабин, преградил им путь:

– Стойте, братцы! Стойте!

В это время с правого фланга в поселок ворвалась конница Улагая и начала рубить растерявшихся чоновцев.

XXXI

Колонны хвостиковцев и улагаевцев запрудили узкие улицы. Обозы с продовольствием, снаряжением и беженцами размещались на высоком берегу Мзымты.

Карательный отряд остановился неподалеку от «царского домика»⁷³³. Сюда же пригнали пленных, среди которых оказался и Аншамаха. В разорванной рубашке, в сбившейся на лоб шляпе, он с ненавистью смотрел на конвойных.

Лука медленно прошелся вдоль шеренги пленных. Черная ряса придавала ему какой-то особо устрашающий вид, и он походил на грифа, высматривающего добычу.

У домика, в тенистой аллее, сопровождаемый Баксануком и Даудом, показался Хвостиков. Его встретил Улагай, взял под локоть:

– Прошу в дом, Алексей Иванович.

К ним подошел Лука, доложил о пленных.

– Пусть подождут, – устало бросил Хвостиков.

На втором этаже, в просторном зале, генералы расселись за круглым столом.

Из соседней комнаты вышла молоденькая девушка с подносом в руках. Она проворно расставила на столе тарелки с закусками, две бутылки, рюмки и, поблескивая темно-серыми глазами, промолвила:

– Угощайтесь, пожалуйста!

Улагай ласково потрепал ее по плечу:

– Умница, умеешь угощать. Как же тебя зовут?

– Антонина Демьяшкевич, – ответила девушка, застенчиво теребя край черного фартука.

– Это дочь одного ветеринарного фельдшера, – пояснил Хвостиков, – Сама пришла к нам, добровольно.

– Какая молодчина! – воскликнул Улагай, – К тому же истинная красавица... Сколько же тебе лет?

– Пятнадцатый пошел, – ответила девушка.

Улагай восхищенно смотрел на ее лицо, на темно-каштановые волосы, гладко причесанные на пробор, на тугую косу с черным бантом.

– Что же ты не садишься, Тоня? – спросил он. – Пообедаем вместе. Рюмочку виски выпьешь?

– Спасибо, – улыбнулась Демьяшкевич, села за стол, чокнулась с генералом и осушила рюмку

---

⁷³² **Греческий мост** – мост через реку Мзымта в Красной поляне. Расположен на въезде в Красную поляну, если спуститься от БСР (бассейн суточного регулирования) вниз к реке. – прим. Гриня

⁷³³ **«Царский домик»** – здание построено в 1901 году (начато строительство, закончено в 1903 году – прим. Гриня) на случай приезда царя в Красную Поляну поохотиться на диких зверей.

до дна.

– Да, здесь чудесно, – заметил Улагай, принявшись за жареную оленину. – Будто никаких бед не было.

– Ах, оставьте! – вырвалось с раздражением у Хвостикова. – Куда уж хуже!

– А я думаю, что мы еще повоюем! – неожиданно встала Демьяшкевич. – Создадим в горах отряды и пойдем громить Советы!

– Правильно, Тоня! – поддержал ее Улагай. – Главное – не терять веру в победу!

– А я не разделяю ваш оптимизм, – угрюмо заметил Хвостиков. – Мы разбиты, сердца опустошены. Спасаемся позорным бегством. А дальше что? Скитания по чужбине? – Он выпил виски, откинулся на спинку кресла и обернулся к Улагаю: – Вам проще. Говорят, у вас родственники в Константинополе.

– Да, – подтвердил Улагай. – Старший брат. У него там недалеко от города своя дача «Мандра» и лесные разработки. Да и жену я туда сейчас переправил.

– Значит, вам чужбина не страшна, – усмехнулся Хвостиков. – А вот нам...

– Полноте, генерал, терзаться мрачными думами, – прервал его Улагай. – Запад не потерпит существования Советской России. Смею вас уверить, что уже готовится новый поход против большевиков. Мой брат, например, организовал у себя на даче школу для подготовки разведчиков-диверсантов. А в Константинополе имеется белогвардейский центр, который занят разработкой планов нападения на Советы... с кубанского плацдарма.

– Это хорошо! – воскликнула Демьяшкевич.

Хвостиков с усмешкой покосился на нее:

– Ты, девочка, все видишь в романтическом свете, а действительность – сплошной мрак. За нами гонится смерть, и, возможно, сегодня она настигнет нас.

Вошел Дауд, вскинул руку к папахе:

– Гаспадин генерал-майор! Моя привела большевик кыз – девчатка.

– Веди, – распорядился Хвостиков.

Дауд шмыгнул за дверь и тотчас ввел Марьяну Казакову. Хвостиков встал, взял ее за подбородок и, приподняв голову, заглянул в голубые глаза.

– Большевичка?

Казакова молчала. Улагай внимательно присмотрелся к ней и наконец узнал:

– Да это же дочь покойного войскового старшины из Приморско-Ахтарской Никиты Гавриловича Копотя. – Он медленно поднялся, подошел к пленнице: – Ты как сюда попала?

Казакова не ответила. Демьяшкевич с любопытством поглядывала то на нее, то на генералов.

– Ну? – Улагай встряхнул Казакову за плечи. – Почему очутилась у красных?

Демьяшкевич ободряюще улыбнулась пленнице

– Не бойся, говори. Тебя никто не тронет.

– Пожалуй, мы оставим ее у себя, – заявил вдруг Хвостиков. – Увезем в Константинополь...

– Нет, нет! – закричала Казакова. – Отпустите меня! Меня ждет дома мама. Она с ума сойдет!

– Как же ты доберешься туда? – спросил Улагай. – Кругом красные.

– Отпустите, Христом-богом прошу, – взмолилась со слезами Казакова. – Красные не тронут меня.

– Ах, вот как! – Улагай зло прищурился. – Выходит, своя у них?

Казакова громко заплакала:

– Пошла с ними... Боялась, что маму не пощадят.

– Схитрила, значит?

Казакова, заливаясь слезами, кивнула.

Глаза Улагая подобрели. Подумав немного, он сказал Хвостикову:

– Пожалуй, ее надо отпустить. Копоть служил нам верой и правдой.

– Спасибо, спасибо, господин генерал!

Хвостиков окликнул Дауда, распорядился:

– Отведи ее в штаб.

Генералы вернулись к прерванному обеду, но тут в зал влетел начальник разведки и доложил, что красные заняли Рудник и движутся к Красной Поляне.

– Надо немедленно уходить! – сказал Улагай.

– Как быть с пленными? – спросил начальник разведки.

– В расход! – ответил Хвостиков.

Колонну пленных погнали к морю. Все чоновцы попарно, рука за руку, были связаны телефонными проводами. Вокруг них, держа шашки наголо, шагала усиленная охрана. Впереди шел Лука. Аншамаха находился в середине колонны.

На шестой версте, миновав Греческий мост, колонна потянулась вдоль края семисаженного обрыва, нависшего над бушующим потоком. Как только она поравнялась с водопадом «Девичьи слезы»⁷³⁴, Лука подал сигнал, и конвойные начали рубить пленных. Аншамаха рванулся в сторону, потянув за собой привязанного к нему чоновца, закричал:

– Товарищи, за мной!

И прыгнул с обрыва. Ударившись о камни и не чувствуя боли, он вскочил на ноги.

Чоновец, видимо, оторвался на лету, потому что рядом его не оказалось. Хвостиковцы открыли огонь с обрыва. Аншамаха бросился в реку и, лавируя меж огромных валунов, защищавших его от пуль, перебрался на противоположный берег Мзымты, скрылся в лесу

Чоновцы, следуя его примеру, тоже начали прыгать с обрыва, но мало кому удалось спастись.

* * *

Угасало солнце. По скалистым склонам гор, по макушкам вековых сосен и дубов, крадучись глубокими ущельями и ериками, на землю спустилась, дохнула прохладой тревожная ночь. Над рекой за клубились белые вороха тумана.

На передовой заставе красных, под голой скалой, вспыхнул костер. Испуганно заметались, затрепетали на кустах и деревьях ночные тени. Неподдалеку сердито шумела Мзымта, беспокойно качал своими мохнатыми шапками лес. Зябко ежась, Шмель сел у костра, с тоскою уставился на огонь.

В кустах, облитых светом костра, затрещал валежник. Бойцы схватились за оружие. Но из темноты донесся знакомый голос:

– Отставить!

На освещенное место вышел Аншамаха – оборванный, промокший до нитки.

– Ой! – невольно вскрикнул Шмель. – Дядя Тереша! – И, бросившись вперед, спросил с надеждой: – А где же Марьянка?

– Как, разве она, это самое... не с вами? – помрачнел Аншамаха.

На ресницах Шмеля блеснули слезы:

– Нет ее... Говорил же ей, беги...

– Куда же она могла деться? – задумался Аншамаха. – Среди пленных ее не было.

Он сел к огню, чтобы просушить одежду.

– Как же это вам посчастливилось вырваться? – обратился к нему пожилой боец.

– Сам не пойму! – Аншамаха медленно обвел взглядом знакомые лица бойцов. – Просто не верится, что опять с вами. Какие же части тут поблизости?

– Под горою – отряд Ропота, – ответил кто-то хриплым басом.

– А кавбригада Демуса где?

– На горе Ахцу, – сообщил Шмель. – У Троицкого монастыря⁷³⁵ оборону занимает.

Аншамаха, поднимая поочередно руки, продолжал сушить над огнем рубашку. Волосы свисали на лоб прядями. Шмель свернул сигарку, подал ему:

– Закуривайте, дядя Тереша!

Аншамаха взял горящую чурку, прикурил. От табачного дыма на душе вроде стало легче. Шмель вынул из шапки иголку с ниткой, сказал:

– Дайте я зашью вашу рубашку.

---

⁷³⁴ Водопад «Девичьи слезы» находится на старой (заброшенной) дороге Адлер–Красная Поляна к западу от микрорайона «5-й км». – прим. Гриня

⁷³⁵ Свято-Троицкий мужской монастырь в селе Монастырка (сейчас – село Монастырь Адлерского района города Сочи) у входа в ущелье Ахцу. Монастырь содержал санаторий. В годы советской власти был ликвидирован и полностью разрушен. – прим. Гриня

Аншамаха подставил плечо. Шмель склонился над ним и, зашивая разорванные места, заметил:

– А на спине целый шмат выхватили песиголовцы.

Аншамаха взглянул на него, спросил:

– А ты, это самое... знаешь, что такое песиголовцы?

Шмель пожал плечами:

– От мамани чул слово такое.

– Песиголовцы – это получудовища, – пояснил Аншамаха. – Голова у них песья, с одним большим глазом на лбу, а туловище людское. Когда-то жили в Кавказских горах.

– И что они делали тут? – поинтересовался кто-то.

– Разбоем занимались, – ответил Аншамаха, – Сказ про них у горцев есть. Говорят, были те песиголовцы людоедами. Ну, вроде хвостиковцев.

– Это правда? – спросил Шмель с присущим ему любопытством и наивностью.

– Сказка это, понимаешь? – пояснил Аншамаха, помолчал минутку и заключил: – Хвостиковцы куда больше песиголовцев лютуют. Кровь людская рекою льется. Видел я, что они учинили за Красной Поляной. Такое вовек не прощается.

XXXII

Под нажимом вороновской кавбригады и отряда Юдина белые спозаранку покинули Красную Поляну и двинулись на Адлер. У водопада «Девичьи слезы» наткнулись на заградительный огонь заставы Шмеля.

Пятеро храбрецов долго сдерживали неприятельские силы. Со скалы, где находились Шмель и его боевые друзья, далеко просматривалась дорога, тянувшаяся по правому высокому берегу Мзымты. Белым некуда было деваться в узком ущелье. Справа – горы, слева – река и горы. Оставалось одно: прорываться сквозь губительный огонь заставы. Группа белогвардейских всадников попыталась было наметом пойти вперед, но, попав под пули и потеряв несколько человек убитыми, вынуждена была вернуться.

Когда на заставе кончились патроны, Шмель начал отходить к горе Ахцу, где заняла боевые позиции бригада Демуса.

На реке Кепше стояла вторая застава Ропота. Чоновцы, поджидая врага, залегли за камнями и в расщелинах скал. Ропот сидел на каменном барьере недалеко от туннеля, дымил сигаркой и неотрывно глядел на дорогу идущую из Красной Поляны. Над его головой тихо шелестела листва вековой липы, росшей у самого края обрыва. Внизу бурлила пенная река. Место для засады было выбрано удачно, и все же Ропот опасался, что он не сможет долго продержаться здесь, если враг пойдет в обход. Правда, он никому не высказывал своих соображений, наоборот, подбадривал бойцов.

Из-за горы вынырнули два вражеских всадника. Ропот понял, что это разведчики, припал к липе, дал знак приготовиться к бою. Разведчики ехали медленно, сторожко оглядываясь по сторонам. Ропот выстрелил. Пуля сшибла переднего всадника, второй, развернувшись, скрылся за горой.

Вскоре показался головной конный отряд. Не доезжая до туннеля саженей двести, кавалеристы спешили и, завязав перестрелку, начали обходить заставу. Малочисленному отряду Ропота обороняться становилось все труднее. Пули градом стучали о камни, разили красных воинов. Кольцо вокруг заставы смыкалось. Ропот дал команду отходить к туннелю: другого пути не было.

Белые прекратили стрельбу. Вперед на вороном коне выехал Лука.

– Эй, вы! – закричал он. – Предлагаю сложить оружие. Соппротивление бесполезно.

Рядом с его головой в скалу ударила пуля. Лука поспешно рванулся за гору, а минуту спустя белые конники ринулись в атаку. В упор им грянул дружный залп. Всадники смешались и, оставив на дороге убитых и раненых, повернули обратно.

За первой атакой последовала вторая. Кавалеристы бешеным галопом неслись вперед. Новый залп нанес им значительный урон, но не остановил атакующих. Лошадиные морды с выпученными глазами и свирепые лица всадников стремительно надвигались на чоновцев. Прогремело еще два залпа. Огонь и на этот раз не остановил конников. Чоновцы дрогнули, сорвались с места.

– Стойте! Вперед, за мной! – призывно закричал Ропот и ринулся навстречу врагу.

Началась отчаянная схватка пеших и конных.

На шоссе, под нависшей бурой скалой «Пронеси господи», со стороны Троицкого монастыря,

показалась пулеметная тачанка. Не доехав до туннеля шагов полтора, она развернулась. Из-за «максима» выглянула Аминет, процедила сквозь зубы с досадой:

– Джаур! Опоздала. Стрелять... больше своих перебьешь...

Кучер крепко натянул вожжи, сказал:

– Да, плохи дела. Надо мотать отседова, подмогу кликать.

– Давай скорее! – махнула рукой Аминет.

Кучер во весь опор погнал лошадей к кавбригаде Демуса.

А на узкой дороге, вьющейся под скалами у самого обрыва, все еще продолжался ожесточенный бой.

Ропот едва успевал отбиваться от хвостиковцев. Меткими выстрелами он сразил трех верховых и, увернувшись от сабли четвертого, прыгнул с двухсаженного обрыва на камни, скатился к реке. Тут на него навалились казаки, пробиравшиеся к туннелю понизу, прижали к земле, скрутили руки.

Двадцать одного чоновца схватили в этом неравном бою. Их выстроили в шеренгу вдоль обрыва. По краям шеренги стояли каратели с обнаженными саблями. В тени липы, на том самом месте, где полчаса назад сидел Ропот, теперь уселся Лука.

По дороге двигалась кавалерия. Проезжая мимо пленных, казаки улюлюкали, пускали в ход плети.

Когда конница скрылась за туннелем, Лука приказал раздеть пленных. Два дюжих карателя сорвали одежду с командира, подвели к обрыву. Лука взмахнул саблей, и голова казненного ударилась о каменистый косо гор. Второго чоновца постигла та же участь.

К обрыву подвели Ропота. Сердце его бешено стучало, в голове лихорадочно вихрились мысли. Оскалив зубы, Лука ударил его саблей, но в этот момент Ропот сильно наклонился, подался туловищем вперед, чем значительно ослабил режущий удар. Сабля второй раз прошла по левому боку и левой руке. Истекая кровью, Ропот упал с обрыва на еще теплый труп товарища и, медленно повернув руку, откатился в сторону. Лука выхватил из кобуры наган, хотел пристрелить Ропота, но, увидев, как судорожно дернулось его тело, скомандовал:

– Давай следующего!

Ропот не шевелился. Сознание было ясное, хотя от жгучей боли в шее, боку и руке темнело в глазах. Наверху, у старой липы, продолжалась расправа. Каратели подводили чоновцев к монаху, который с остервенением рубил их саблей. Лицо этого палача в рясе глубоко врезалось в память Ропота.

По дороге снова потянулась конница. Это была кавбригада Улагая. Проезжая мимо места казни, белогвардейцы равнодушно поглядывали на окровавленные трупы, лежавшие под обрывом.

На расправу пригнали вторую партию пленных из восемнадцати человек, среди которых был и Шмель. Их также выстроили тут же, у обрыва.

Вскоре с ними поравнялся обоз. На телегах сидели бабы с ребятишками, бородачи-казаки. Шмель провожал их растерянным взглядом, то и дело вытирая пот с лица. Светло-серая черкеска его была распахнута, белая кубанка сбилась к уху.

За обозом следовала сотня верховых казаков. Впереди на гнедом кабардинце ехала Демьяшкевич. Она вдруг осадил коня перед Шмелем, спросила:

– А ты как сюда попал, хлопчик? Нехристь, что ли?

Шмель метнул на нее свирепый взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Пошла к черту!

Демьяшкевич злорадно захохотала и, указав на него глазами, обратилась к казакам:

– Бачите, який бравый казак с гамселями злыгался⁷³⁶! С гамселями и подохнет, как собака.

Шмель уже не видел и не слышал ее. Его взгляд был прикован к тачанке, на которой рядом с генералом сидела Марьяна, держа в руках букет полевых цветов. Шмеля словно ударило электрическим током, и он закричал изо всей силы:

– Марь-я-ян-ка-а! Марь-я-ян-ка-а!

Демьяшкевич оборвала смех, как-то оторопела и, толкнув коня каблуками, пустилась догонять сотню.

---

⁷³⁶ **Злыгалась** – так неодобрительно говорят о дружбе бездельников, пьяниц, людей с дурными наклонностями. – прим. Гриня

Марьяна испуганной серной метнулась с тачанки, подбежала к Шмелью, схватила его за руку.

– Юня, милый! – И потащила за собой. – Бежим, Юня, бежим!

В эту минуту издали донесся голос Луки:

– Давай сюда!

Конвойные, толкая пленных прикладами, погнали их к липе.

Шмель и Казакова держались за руки, бежали к туннелю. Хвостиков, сидевший на тачанке, молча, с усмешкой смотрел им вслед.

Лука мельком взглянул на него, затем выхватил саблю и помчался за беглецами.

Они успели уже проскочить туннель и вдруг оказались перед постовым, стоявшим на дороге.

– Стой! – закричал тот, вскидывая винтовку.

Шмель рванулся влево, к краю обрыва, крикнул отчаянно:

– Прыгаем, Марьяночка, прыгаем!

Но Лука ястребом налетел на них, занес саблю... Казакова упала на колени и, охватив ноги любимого, крепко зажмурила глаза. Шмель увидел озверелое лицо палача, замер от ужаса...

Из туннеля с жалобным стоном вырвался сквозной ветер. Подхватив предсмертные крики Марьяны и Юньки, он понес их вдаль над угрюмыми, острыми утесами.

XXXIII

Казненные чоновцы и красноармейцы лежали на берегу Мзымты. Склоняясь над ними, липа печально качала длинными ветвями, роняла с зубчатых листьев обильную, как горячие слезы, росу.

А белогвардейская конница все еще тянулась по зигзагам дороги, все шла и шла мимо липы и порубанных красных бойцов, скрывалась в туннеле.

Но вот проскакала последняя сотня, смолкла густая дробь лошадиных копыт.

С трудом оторвал Ропот голову от земли. Превозмогая страшную боль в разрубленной до позвоночника шее, он поднялся на ослабелых руках, встал, сделал неуверенный шаг, другой и побрел по берегу в сторону Кепши. Временами опускался на валуны, чтобы передохнуть, потом шел дальше.

Приблизился к селу. В окнах горели огни. Здесь стояли хвостиковцы. Не замеченный часовыми, Ропот перешел дорогу, углубился в лес, но идти дальше не было сил. Перед рассветом он вернулся в село и, собрав последние силы, забрался на чердак окраинного дома. На его удачу, в этом доме жил отец партизана – Михаил Макаревич с женой Ефросинией Романовной.

Утром хозяйка вышла на крылечко.

– Мамаша! – донесся до нее слабый, приглушенный голос.

Ефросиния Романовна вздрогнула, подняла голову. В дверцах чердака стоял на коленях голый окровавленный человек, поддерживающий за подбородок свою голову. Ефросиния Романовна остолбенела от испуга. Сначала ей показалось, что это ее старший сын Владимир, ушедший в партизанский отряд, но затем поняла, что ошиблась. В это время в улице появилось несколько верховых белогвардейцев.

– Ой, беда! – тихо воскликнула Ефросиния Романовна и, видя, что казаки приближаются, зашептала: – Прячься, сынок!..

Ропот кое-как заполз в глубь чердака и зарылся в сено.

К ночи хвостиковцы ушли из села, и как только в улицах установилась тишина, Макаревич поднялся на чердак. С помощью жены он перенес Ропота в дом. Раненый выглядел ужасно: на боку сквозь запекшуюся кровь виднелись реберные кости.

– Не выживет, бедолага! – тяжело вздохнул Михаил Иванович. – И как у него силы хватило на горище по такой крутой лестнице подняться?

– А может, и выживет, – неуверенно промолвила Ефросиния Романовна.

Она нагрела воды, промыла раны вначале теплой водой, потом керосином и, разорвав на полосы полотняную простыню, забинтовала их.

– А теперь одень его и уложи на кровать в боковушке, – сказала она мужу. – Лишь бы только беляки-душегубы не вернулись.

– И такое может случиться, – заметил Михаил Иванович. – Пусть лучше на горище полежит.

Утром в родительский дом тайком наведился сын Владимир. Узнав о раненом красноармейце, которого пригрели отец и мать, он посоветовал:

– В лес его надо отправить – хвостиковские бандюги еще шныряют по селам. Найдут его здесь

– прикончат, да и тебя с матерью не пощадят.

Вечером Михаил Иванович с сыном отнесли Ропота далеко в лес, спрятали в шалаше на дне кустистой балки. Дважды в день Ефросиния Романовна навещала его, кормила и поила, врачевала его раны травами.

* * *

Из меньшевистской Грузии на помощь Хвостикову и Улагаю двинулись войска под командованием Султан-Клыч-Гирея и Крым-Шамхалова. Они внезапно ударили по 273-му полку, стоявшему в Адлере, отбросили его к селению Широкий Покос⁷³⁷ и заняли позицию на реке Хосте. Красные тремя группами закрепились на противоположном берегу, у Белых скал⁷³⁸, и на левом берегу Большой Хосты.

Тем временем 3-я Отдельная казачья кавбригада и чоновский отряд Юдина полностью овладели Красной Поляной. Там уже шли слухи о том, что жители Кепши прячут в лесу какого-то раненого красного бойца. Воронов немедленно послал за ним Лаврентия Левицкого. Тот взял с собой Мечева и Вьюна, отправился линейкой в путь.

Въехав в село, он окликнул мальчугана, бежавшего по улице, и спросил:

– Кто тут у вас про раненого бойца знает?

– До дядька Михаила Макаревича погоняйте, – ответил мальчишка и вскочил на подножку линейки – Я покажу где.

Линейка остановилась у калитки небольшого двора, обнесенного штакетником. Из дома вышла Ефросиния Романовна, спросила настороженно:

– Вам кого?

– Макаревича! – ответил Левицкий. – Про раненого хотим спросить, – И, видя, как испуганно побледнела женщина, добавил: – Да вы не бойтесь. Красные мы, не беляки.

Ефросиния Романовна вышла на улицу:

– Нет у нас бойца вашего. В горах он.

– Ну, так поехали к нему, – сказал Мечев.

– Подождите, я сейчас, – забеспокоилась Ефросиния Романовна, поспешила в дом и сию же минуту возвратилась, закутываясь на ходу в черный полушалок, села на линейку. – Поехали... – На ее глазах выступили слезы, и она добавила: – Ох, и порубили же каты лютые беднягу! Не знаю, как он еще живет.

– Большевики – народ крепкий, – трогая лошадей кнутом, заметил Левицкий. – И в огне не горят, и в воде не тонут.

* * *

Ропот лежал в шалаше на свежем сене, застланном рядом. Лицо его отекло, заросло густой щетиной. Шея, плечо, бок и рука были перевязаны холстяными бинтами. Под шерстяным одеялом ему было тепло, хотя и стояли в лесу холодные осенние ночи. Много передумал за эти дни Ропот. Перед его мысленным взором почти неотступно стояла страшная картина казни у обрыва, на берегу Мзымты. И особенно явственно виделся монах в черной рясе, с окровавленной саблей.

«Выжить бы, найти этого палача, – думал Ропот. – Отомстить патлатому за головы друзей!» Сегодня он впервые почувствовал себя лучше. Лес, пронизанный лучами солнца, был по-летнему наполнен щебетом птиц...

В это утро Ефросиния Романовна пришла раньше, чем обычно. Войдя в шалаш, сказала весело:

---

⁷³⁷ **Широкий Покос** – хутор на берегу реки Кудепста. В 1925 году на основании решения схода жителей хуторов **Широкий Покос**, Жидовка, Навалишено и других было произведено их объединение в одно село, которое получило название Красная Воля (сейчас – в составе Адлерского района города Сочи). – прим. Гриня

⁷³⁸ **Белые Скалы** – каньон на реке Большая Хоста, рядом с селом Красная Воля. – прим. Гриня

– А я к тебе гостей привела, Логгин!

– Каких? – взволнованно спросил Ропот.

В шалаш заглянул Лаврентий. На мгновение замер от удивления, затем вскричал радостно:

– Экая история! Ты ли это, Логгин Прокофьевич! Ну, здорово, брат!

Они пожали друг другу руки. У Ропота невольно выступили слезы. Из-за спины Левицкого глянул Мечев, воскликнул:

– И правда, наш земляк!

– Как же ты поддался душегубцам? – покачал головой Левицкий. – Бачь, как они тебя...

Ропот взглянул на Ефросинию Романовну, промолвил растроганно:

– Спасибо вам, добрая душа. Без вашей помощи был бы мне каюк.

Лаврентий и Мечев, поддерживая его под руки, осторожно вывели из шалаша. Ефросиния Романовна собрала постель, посуду, пошла за ними.

XXXIV

В Сочи началась поспешная эвакуация учреждений. Узнав об этом, Демус приказал 4-му Кубанскому полку немедленно отправиться из Воронцовки в Сочи, приостановить эвакуацию из города, двинуться к Хосте и, соединившись с 273-м полком, задержать противника.

В полночь 4-й Кубанский прибыл в Сочи. Над городом висела сырая тьма. К станции шумно, в панике двигались люди с узлами на плечах, подводы, груженные домашним скарбом.

Прибытие подкрепления внесло успокоение. Паническая суэта прекратилась.

Под утро командиры красных полков встретились в деревне Раздольной⁷³⁹. Состоялся совет, на котором было принято следующее решение: 4-й Кубанский полк выйдет во фланг противнику, соединится с батальоном 273-го полка, отступившим с грузинской границы на селение Широкий Покос, и, развернув наступление, отбросит белогвардейцев к морю. Тем временем красноармейская пехота обрушится на противника в районе Хосты, и таким образом белые окажутся в окружении.

Выполняя это решение, 4-й Кубанский полк двинулся в горы, чтобы выйти на Широкий Покос. Вперед был выслан эскадрон разведки.

В первой половине дня разведчики достигли Широкого Покоса и увидели там неравный бой. Небольшая группа красноармейцев отстреливалась с вершины горы, на которую лезли белогвардейцы карательного Карачаевского конного полка под командованием полковника Крым-Шамхалова. У оборонявшихся был станковый пулемет, и его гулкий стук разносился по всему ущелью.

Разведчики срочно донесли об этом командиру кубанцев, но, когда полк прибыл на место боя, вершина горы была уже в руках белогвардейцев, и только с маленькой площадки голого пика еще продолжал строчить пулемет, сдерживая натиск белых.

Полк спешился, атаковал гору и после непродолжительного, но довольно упорного боя овладел вершиной. Командир с несколькими красноармейцами поднялся на площадку к пулемету и был поражен, увидев у «максима» не мужчину, а женщину. Она лежала ничком и плакала навзрыд. Бойцы хотели поднять ее, но командир остановил их, тихо сказал:

– Пусть поплачет.

К нему подбежал Мечев, торопливо доложил:

– Товарищ комполка! Нас окружают. – И указал в ущелье, где двумя цепями двигались белогвардейцы в английском обмундировании.

Пулеметчица подняла голову, вытерла слезы. Взгляд ее вдруг остановился на Мечеве, стоявшем к ней спиной и он, словно почувствовав на себе ее взгляд, обернулся к ней, вскрикнул, ошалев от радости:

– Аня!

– Дорогой! – Аминет с трудом встала.

Они обнялись, расцеловали друг друга.

---

⁷³⁹ Село Раздольное – в 1966 году сёла Верхнераздольное, Нижнераздольное, Среднераздольное объединены в одно село Раздольное. Здесь, скорее всего, подразумевается село Верхнераздольное, которое задолго до объединения именовалось просто Раздольное. – прим. Гриня

В иное время командир ни за что бы не потревожил их, но сейчас, в боевой обстановке, он вынужден был это сделать.

– Вот что, товарищ Мечев, – сказал он, – любой ценой надо прорваться к Юдину. Пусть немедленно идет к нам на подмогу.

– Есть, товарищ комполка! – отдав честь, Мечев прощально помахал рукой Аминет и побежал к своим разведчикам.

Было приказано занять круговую оборону.

Аминет снова припала к пулемету.

А вражеские цепи приближались то короткими перебежками, то ползком поднимались все выше по склонам горы.

В тишину ворвался громкий голос командира:

– Огонь!

Затрещали винтовочные и пулеметные выстрелы, но белые не останавливались. Теряя убитых и раненых, они упорно карабкались к вершине горы.

Командир полка поднял бойцов в атаку, первым ринулся вперед с револьвером в руке.

– Ур-а-а! – понеслось над горой.

Конная сотня красных вылетела из кустарников и врезалась во вражеские ряды.

Аминет пулеметным огнем прикрывала цепи контратакующих. И вот противники сцепились в рукопашной. Мелькали штыки, приклады.

Аминет оторвалась от гашетки⁷⁴⁰, стрельнула воспаленными глазами из-за щитка. К ней подбежали два бойца, подхватили пулемет и устремились вниз. Аминет с пулеметными лентами на плечах обогнала их, очутилась среди красноармейцев, пробивших широкую брешь в цепи врага.

Вскоре обстановка изменилась. Теперь белые оказались перед угрозой окружения. Они сидели на горе, а внизу, на скалах, залегли красные.

Тем временем Мечев благополучно добрался до Белых скал, где находился отряд Юдина. Тот сейчас же выступил на помощь 4-му Кубанскому полку.

Белогвардейцы сопротивлялись отчаянно, пытались вырваться из огненного кольца, но так и не смогли. К вечеру они были разгромлены.

* * *

Утром хвостиковцы и улагаевцы соединились с бригадой Султан-Клыч-Гирея и Карачаевским полком Крым-Шамхалова, собрали свои силы на реке Кудепсте.

Из Галицыно⁷⁴¹ в Молдавку⁷⁴² впереди сотни джигитов ехал Исмаил. Здесь же находилась и Демьяшкевич. Узкая дорога тянулась по холмам и впадинам в отдалении от Мзымты, затем круто поворачивала к сталактитовой пещере, расположенной на берегу реки. Исмаил сидел на гнедом поджаром коне со звездочкой на лбу, картинно перебивавшем тонкими ногами в белых чулках. Слегка поднимаясь и опускаясь на поднятых стременах, княжич мчался по звонкой дороге, козырял белогвардейцам, попадавшим на пути. Те, в свою очередь, отдавали ему честь, провожали любопытными взглядами. Эти почести льстили самолюбию Исмаила, и он никак не мог понять, почему отец не пускал его вместе с аскерчи в бой.

«Наверное, думает, что я еще маленький, струшу, растеряюсь и не сумею воевать так храбро, как все остальные», – досадовал он. И, стегнув коня плетью, пустился так, что полы его серой черкески затрепыхались, как крылья. Демьяшкевич всадила каблуки сапог в бока своего кабардинца,

---

⁷⁴⁰ **Гашетка** – устройство для приведения в действие спускового механизма огнестрельного оружия (обычно автоматического), курок. – прим. Гриня

⁷⁴¹ Село **Галицыно** расположено на высокой террасе правого берега реки Мзымты, на старой дороге из Адлера на Красную Поляну. – прим. Гриня

⁷⁴² Село **Молдовка** (современное название, встречаются – Молдованка, Молдавка, Молодовка) расположено на правом берегу реки Мзымта, в нескольких километрах от берега Чёрного моря. Основано в 1880 переселенцами из Бессарабии. В 1941 на части земель села построен аэродром аэропорта «Сочи». – прим. Гриня

понеслась за ним. Исмаил оглянулся, закричал:

– Все равно не догонишь!

Но Демьяшкевич в несколько минут опередила княжича, громко захохотала:

– А что, не догнала?

– Это я поддался, – бросил с усмешкой Исмаил. – У нас не принято обижать девочек.

Из-за горы долетела дробь копыт, и спустя минуту два вооруженных верховых казака осадили разгоряченных коней перед Исмаилом. Один из них приложил руку к кубанке, сказал:

– Вас ждут в Вардане-Верино⁷⁴³.

Исмаил свернул на тропу, обогнул гору и прибыл в селение.

Отец и мать сидели под ширококронным орехом за столом, пили чай. Увидев сына, Крым-Шамхалов вышел ему навстречу. Исмаил слез с коня, вытянулся в струнку:

– Разрешите доложить, ата?

– Докладывай, докладывай, адъютант, – улыбнулся Крым-Шамхалов.

– Поручение твое выполнил! – воскликнул Исмаил, достал из внутреннего кармана пакет, передал отцу. – Вот от генерала Хвостикова.

Крым-Шамхалов прочел письмо, похлопал сына по плечу:

– Молодец, теперь я верю, что ты настоящий джигит.

– Что пишет генерал? – спросила Анна Петровна.

– Через час будет здесь, – ответил Крым-Шамхалов и, взглянув на Демьяшкевич, спросил сына:

– А это что у тебя за Лесовичка?

– Не видишь? – дернул плечом Исмаил. – Девушка... служит у генерала Хвостикова. – И, помолчав немного, протянул просительно: – Ата, ты теперь отпустишь меня на передовую?

– Спросись у матери, – ответил отец.

Исмаил обратил молящий взгляд на мать:

– Ну пусти, мама!

– Не смей даже думать об этом! – решительно возразила Анна Петровна.

Исмаил покраснел, буркнул обиженно:

– Не смей, не смей... Вот возьму и убегу к солдатам.

Анна Петровна гневно взглянула на мужа:

– Мурзакула, ты слышишь, что он говорит?

– Как видишь, я ничего не могу сделать, – сказал отец сыну. – Материнское слово для тебя закон.

Исмаил готов был сквозь землю провалиться, увидав на губах Демьяшкевич насмешливую улыбку.

XXXV

1-й Афипиский полк занимал позиции в Широком Покосе, неподалеку от Белых скал, и правым флангом соприкасался с 4-м Кубанским полком.

Аншамаха привез на бедарке два мешка яблок, высыпал их в кучу на открытом месте. Отведя Метеора в укрытие, он лег в тени скалы невдалеке от яблок, закурил.

Со всех сторон к яблокам сбегались красноармейцы.

– Товарищ командир, разрешите отведать? – обратился один из них к Аншамахе.

– А чего спрашиваешь? – отозвался Терентий. – На то и привез.

Внезапно в воздухе взвыл снаряд и угодил в яблоки. Раздался оглушительный взрыв, в небо поднялся столб дыма.

Когда Виктор Левицкий примчался с Вьюном на место происшествия, у скалы в ряд лежали трое: два красноармейца и Аншамаха. Медсестра перевязывала раненых бойцов.

– Вот трое убитых... и раненые, – доложил пожилой старшина Виктору. – Из-за проклятых яблок. На свою погибель привез командир.

Вьюн испуганно глядел на Аншамаху и, не сдержав слез, пробормотал:

– Эх, дядя Тереша! Как же это вас...

---

⁷⁴³ Село **Вардане-Верино** находится в междуречье рек Старики и Малой Хероты. – прим. Гриня

Виктор снял шапку. Сердце его зашлось от боли. Не хотелось верить, что Аншамаха – его славный боевой друг, тот, который всегда был первым в самых страшных атаках, – и вдруг погиб такой нелепой смертью.

Но на войне бывает всякое.

Тут же, за скалой, на небольшой поляне, вырыли шашками могилу...

А полчаса спустя был получен приказ о наступлении. 1-й Афипский полк пошел в атаку на Карачаевский и вынудил его отступить. На соседних участках 12-я кавдивизия Демуса, 4-й Кубанский и 273-й полки также значительно потеснили противника.

Аншамаха очнулся в кромешной тьме. Что-то сильно давило ему грудь, и он испытывал такое чувство, будто находится в горячо натопленной бане, в пару. Подумал, что это его засыпало землей во время взрыва снаряда. Правая рука совсем не двигалась. Земля душила его, сыпалась в рот, нос, уши.

Аншамаха напряг все силы, начал выбираться наружу и, наконец почуяв струю свежего воздуха, несколько минут пролежал на левом боку, затем снова принялся разгребать землю. С большим трудом ему удалось высунуть голову на поверхность. Только теперь он понял, что не просто засыпан, а похоронен, что его, видимо, посчитали убитым. Вначале Аншамахе показалось, что он ослеп, но затем увидел в черном небе Большую Медведицу. Он вскочил на ноги и тут же упал, полез на четвереньках к каким-то движущимся силуэтам, похожим на людей. Остановился, присмотрелся внимательно. Убедившись, что это были подсолнухи, пополз дальше. Страшно мучила жажда. К счастью, по пути попался баштан. Аншамаха съел арбуз и через некоторое время выбрался к реке. Обмыл лицо от сухой пыли. Здесь же, в лозняке, случайно наткнулся на грабли и на кучу новых кожаных подошв. Грабли он взял в качестве костыля и сунул за пазуху несколько подошв.

Постепенно начал разгораться восток. Сквозь дымчатые хлопья утреннего тумана все явственнее проступали горы, одетые в осенние желто-багряные леса.

Аншамаха медленно ковылял по дороге, опираясь на грабли. Он не заметил, как за его спиной появились два всадника. Один из них преградил дорогу, прокричал:

– Кто такой? Куда идешь?

Аншамаха ничего не слышал и только сейчас понял, что оглох. Всадник угрожающе схватился за саблю. Аншамаха увидел на гриве коня красную ленточку, с трудом проговорил:

– Товарищи, я из 1-го Афипского полка...

Всадники спешили, помогли ему сесть на лошадь и повезли в свою часть.

Дорога шла круто вниз, где стоял большой обоз Солнце припекало. И Аншамаха чувствовал, как от зноя опять начинает мутиться сознание.словно в тумане, он увидел бойцов, сидевших в тени под вязами. Затем свет померк в его глазах.

Пришел он в себя на линейке, которая катилась по каменной дороге вдоль горного потока.

Вьюн с красноармейцами играл в «деркача». Протрещав трещоткой, он взглянул на проезжавшую мимо линейку и остолбенел. Боец с завязанными глазами ударил его мешком, набитым сеном, но Вьюн вдруг рванулся к линейке, вспрыгнул на подножку и, вглядываясь в лицо Аншамахи, замахал руками:

– Сюда, сюда, хлопцы! Это же дядя Тереша... воскрес! Ей-богу, он!

* * *

3-я Отдельная казачья кавбригада, 14-я кавалерийская дивизия и чоновский отряд Юдина продвигались со стороны Лесного и Галицыно, теснили врага к морю. 273-й полк с партизанскими отрядами преследовал хвостиковцев по Хостинскому ущелью.

Белые уже не могли оказывать организованного сопротивления и второго октября бежали в меньшевистскую Грузию. Красные в тот же день вышли к грузинской границе, выставили заставы.

В море появились корабли смешанной англо-французской военной эскадры. Они подошли к Адлеру, остановились на рейде, но боевых действий не предпринимали. Командование IX Красной армии приняло все необходимые меры для встречи вражеского десанта. Однако корабли развернулись и ушли в Пиленково⁷⁴⁴, находившееся в четырнадцати верстах к востоку от Адлера.

---

⁷⁴⁴ Цандрыпш – посёлок городского типа в Абхазии. Историческое название поселения – Саучи (Саурчи), основано в

Там они начали принимать на борт остатки хвостиковской армии и кавбригады Улагая.

Левандовский и Жебрак стояли в кругу командиров и комиссаров на вершине горы в районе Молдовки, откуда в бинокль хорошо были видны вражеские корабли и паническая эвакуация белогвардейцев.

Пониже, на склоне горы, в тени каштанов сидели Виктор Левицкий с отцом, Вьюн, Мечев и сотни других бойцов 1-го Афипского полка, отдыхавшие после боя. Взоры всех были обращены в сторону Пиленково.

– Ну что ж, Николай Николаевич, – сказал Левандовский, обращаясь к Жебраку. – Можно считать, что с Хвостиковым покончено?

– Да, армия его разгромлена, – ответил Жебрак. – Но в горах осталось еще много хвостиковцев.

К Демусу подбежал Зуев, козырнул и четко доложил:

– Товарищ комбриг, ваше приказание выполнено. Привел. – И он указал на Аминет, стоявшую рядом с Мечевым.

Демус подошел к ней, взял под руку.

– Ну, пошли, дивчина!

– Куда? – недоуменно спросила Аминет.

– Раз командир приказывает, значит, иди, – шутливо бросил Демус, подвел ее к Левандовскому и доложил: – Товарищ командующий, это та самая пулеметчица, про которую я говорил вам.

Левандовский пожал руку Аминет:

– Так это вы и есть героиня Белых скал? Спасибо вам, девушка, от командования IX армии за исключительное мужество и храбрость.

Аминет запунцовела от смущения.

– Красная Армия может гордиться такими бойцами, как вы, – продолжал Левандовский. – За отвагу, проявленную вами у Белых скал, Военный совет награждает вас орденом Красного Знамени.

Аминет почувствовала, как у нее чуть-чуть закружилась голова. Ей казалось, что все это только неповторимый сон.

Жебрак расстегнул полевую сумку, вынул из нее красную коробочку, протянул Левандовскому. Тот достал из коробочки боевой орден, прикрепил к гимнастерке Аминет.

– Поздравляю вас с высокой правительственной наградой.

Аминет взглянула на орден, зарделась еще пуще и, вытянувшись в струнку, проговорила громко:

– Служу Советской Республике⁷⁴⁵!

И тут над горой прокатилось «ура». Аминет прижала орден рукой, окинула сияющим взглядом склон горы и бросилась к своим подругам. Соня обняла ее, поцеловала в щеку. Девушки затормошили Аминет, поочередно осыпая поцелуями. Мечев, широко улыбаясь, не мог оторвать восхищенного взгляда от любимой. Сердце его было переполнено чувством гордости за нее.

Лаврентий лукаво подмигнул Виктору, затем легонько подтолкнул Мечева локтем в бок:

– Невеста первостатейная, орденоносная! Здорово обскакала жениха!

– Верно, дядько Лавро! – весело отозвался Мечев. – Надо и жениху подтянуться!

Левандовский подошел к Воронову.

– Жаль мне расставаться с вами, Елисей Михайлович, – сказал он с грустной улыбкой. – Но ничего не поделаешь. По приказу Реввоенсовета Республики вам теперь надлежит двигаться в расположение⁷⁴⁶ товарища Фрунзе. Здесь остается только один ваш полк – 1-й Афипский.

– Есть, товарищ командарм! – Воронов приложил руку к кубанке.

Со стороны Пиленково донесся вой сирены. Корабли англо-французской эскадры снялись с якорей, двинулись в открытое море.

1867 году. В 1871 рядом было основано русское поселение **Пиленково**, впоследствии слившееся с Саучи. В 1944–1993 годы – поселок Гантиади. – прим. Гриня

⁷⁴⁵ В годы становления Красной Армии при поздравлениях и награждениях бойцы РККА отвечали: «Служу трудовому народу!». Впоследствии эта норма была закреплена во Временном уставе внутренней службы РККА 1924 года. – прим. Гриня

⁷⁴⁶ Явная ошибка автора, не исправленная в последующих изданиях. – прим. Гриня

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

I

В Краснодольской надрывно гудел церковный колокол, настойчиво звал прихожан к заутрене. Но жители станицы спешили не на моленье, а к больнице, куда должны были привезти раненого Ропота.

Там во дворе и на улице собралась уже громадная толпа станичников. В калитке, ведущей в палисадник, показался Калита со своею старухой и дочерью. Они прошли по аллее, сели на скамейку под елкой. С ними рядом присела и Белозерова.

– Говорят, и твоя дочечка приедет с Ропотом, – обратилась к ней Денисовна.

– Да, – ответила Белозерова. – Он же, кажут, совсем никудышний... Присматривает она за ним.

– Не повезло бедолаге, – протянул Калита. – Перенести такое лихо, то и проче.

– И не доведи господи! – вздохнула Денисовна. – Добре, коли калекой не останется.

Белозерова взглянула на толпу.

– Люду сколько собралось! – И, помолчав, спросила: – А вы, Денисовна, почему не пошли до церкви? Там же сегодня новый поп будет править. Из Екатеринодара прислали.

– Хай ему абы ше! – махнула рукой старуха. – Нагляделась я за свой век на этих попов!

Сквозь гудящую толпу прошли Елена Михайловна Корягина и Надежда Васильевна Авсеньева. Они остановились под акацией, откуда хорошо был виден мост. После смерти сына и гибели мужа Корягина заметно изменилась. Голубые глаза ее потемнели, щеки запали, подбородок заострился.

Наконец на мосту показалась линейка. Она медленно приближалась к больнице. С одной стороны сидел Шкрумов, управлявший лошадьми, с другой – Клава Белозерова, загорелая, обветренная, а посредине на подушках, под легким одеялом лежал Ропот. Лицо его заросло черной бородой, осунулось, губы потрескались. Он глядел на родное краснодольское небо, шептал в глубоком волнении: «Жив, жив! Опять дома. Только бы поправиться!»

Люди бросились к линейке, но, увидев жену Ропота, пробирающуюся с ребятишками к мужу, расступились, замолкли. Шкрумов остановил лошадей. Ропот с трудом приподнял голову. Жена обняла его, заголосила. Детишки полезли на линейку, уселись рядом с отцом, закричали, как галчата:

– Папанька! Наш, родненький! – Они поочередно целовали его, жались к нему.

Жена наклонилась над ним, и слезы еще обильнее покатались по ее лицу.

– Ну чего ты, Анисья? – проговорил он ласково. – Живой ведь... Кости целые, а мясо нарстет... Вот.

Клава спрыгнула с подножки, обняла мать. Калита снял шапку перед молодой фронтовичкой, поздоровался с нею. Денисовна тоже протянула руку Клаве и с волнением спросила:

– Как же там наша Сонечка?

– Хорошо, привет вам передавала, – ответила девушка. – Скоро домой приедет.

– Дай бог, чтобы так было, – промолвила Денисовна.

Старший сынишка Ропота прижался лицом к бороде отца, шепнул:

– Папанька, а я уже в школу ходю. Надежда Васильевна – наша учителька.

– Молодец, Гришатка, молодец, – натужно улыбнулся Ропот.

Василий Норкин распахнул ворота. Шкрумов подъехал к крыльцу. Два санитары положили раненого на носилки, понесли в больницу. За ними, вытирая слезы, направилась с детишками и Анисья.

Шкрумов окликнул Клаву:

– Мне бы вашего председателя повидать.

– Я председатель! – отозвался Норкин.

– Лошадок определить надо, – сказал Шкрумов.

– В больнице можно оставить, – ответил Норкин. – Тут и конюшня, и конюхи есть.

Народ с шумом потянулся на улицу. Василий, указав на Шкрумова, сказал Галине:

– Надо человека покормить с дороги.

– Ни-ни! – категорически возразила Белозерова. – Он приехал с Клавой и обедать будет у меня.

Вместе с дочерью и Шкрумовым она завернула за угол и пошла домой. За ними направились Калита со своей старухой, Корягина и Авсеньева...

Проходя мимо двора Гусочки, Белозерова приветливо кивнула головой Василисе, повисшей на заборе и с любопытством рассматривавшей толпу людей, проходившую по тротуару. Подбежал Дурноляп, гавкнул на прохожих и завилял хвостом у ног хозяйки.

– Цибе! – Василиса пнула его ногой и поднялась на крыльцо.

В комнате она заглянула в зеркало, поправила волосы и, бросив взгляд на железный сундучок с навесным замком, стоявший у стены, устало опустилась на стул.

На дворе залаял Дурноляп. В деревянную обшивку дома кто-то постучал палкой. Василиса высунула голову из окна и, увидев старого Бородулю, сказала:

– Заходите, Влас Пантелеймонович. Дурноляпа не бойтесь. Он только гавкает.

Бородуля замахнулся палкой на пса, и тот, распугав стаю кур, скрылся в саду.

В кухне старик снял шапку, перекрестился на потемневший образ богоматери, прошамкал:

– А я к тебе, Васька, по дюже важному делу.

Василиса пригласила его в залик.

Бородуля переступил порог, сел в вольтеровское кресло, в котором любил сиживать Гусочка, и, кашлянув, сказал:

– Твой покойный чоловик, царство ему небесное, как-то хвастался мне по секрету, что привез с

фронта богато всякого добра. Ну, серебра, золота и другой всячины. Где это все?

Василиса оторопело вытаращила на него глаза, медленно присела на край дивана.

«Я так и знала! – мелькнуло у нее в голове. – Чего боялась, то и случилось. Разболтал, нечистый дух!» Она подобрала прядку волос, упавшую на лоб, ответила:

– Тут все, у меня... Места не нахожу из-за этого проклятого золота! Ночами не сплю, все думаю, куда бы его спихнуть.

Бородуля пожевал губами:

– А ты, ежели боишься при себе то золото держать, мне его давай.

– Ой! – обрадованно всплеснула руками Василиса. – Век вам буду благодарна, Влас Пантелеймонович! Берите, бога ради, с дорогой душой отдам. Ослобоните меня от муки! – И заплакала.

– Тогда я вечером забегу к тебе, – хриповато промолвил Бородуля и приложил палец к губам: – Только ты никому про наш уговор ни слова. Чуешь?

II

Корягина распрощалась с Авсеньевой у дома попа Белугина, где поселилась после того, как хозяин его сбежал с белыми. В комнате она сняла с себя полушалок, открыла окно, выходившее на улицу. Тяжело было у нее на душе. Перед ее глазами все еще стояло изможденное, почти неузнаваемое лицо Ропота, и в памяти снова вставала страшная картина, когда Петра Владиславовича привезли с разрубленной головой...

Часто по ночам, когда одиночество было особенно мучительным, ей казалось, что вот-вот откроется дверь и на пороге появится муж, скажет, как бывало: «Я сегодня задержался, Еленька. Дай мне чего-нибудь поесть». А однажды ей послышался за окном голос Петра Владиславовича: «Еля, открой». Она сбросила с себя одеяло и громко закричала: «Сейчас!» Но тут же поняла, что это ей почудилось, и в ту ночь уже не могла сомкнуть век до утра... Долго стояла Елена Михайловна у раскрытого окна, глядела невидящим взором на церковную площадь, а мыслями уносились в прошлое, где остались муж, ребенок, все ее радости, надежды и мечты.

Кто-то окликнул ее с улицы. Очнувшись, она увидела за дощатым забором Жебрака.

– А я к вам в гости, Елена Михайловна, – сказал он, улыбаясь. – Можно?

Корягина растерялась от неожиданности.

– Да, да, заходите, Николай Николаевич, милости прошу, – ответила она запоздало.

Жебрак вошел в дом. Увидев на глазах Елены Михайловны слезы, он сокрушенно покачал головой:

– Ну зачем вы так убиваетесь? Ведь слезами горю не поможете. Была и у меня семья... Разве у вас одной горе?

– Две смерти сразу! – задыхнувшись, еле слышно произнесла Елена Михайловна.

– Успокойтесь! – тихо промолвил Жебрак. – Имя Петра Владиславовича не умрет. С хвостиковскими бандами мы покончили, вышвырнули с Кубани. И Петр Владиславович принадлежит к числу тех славных героев, кто приблизил эту победу. Своей доблестью он заслужил бессмертие.

С улицы донесся голос:

– Хозяйка дома?

Елена Михайловна выглянула в окно, увидела Норкина и Левандовского.

– Добро пожаловать, товарищи, – оживилась Елена Михайловна. – Мне сегодня повезло на гостей.

– Бывают гости званые и незваные, – заметил Левандовский.

– Незванным не говорят «добро пожаловать», – ответил за хозяйку Жебрак. – Кстати сказать, у грузин есть по этому поводу отличная поговорка: «Гость от бога».

Все улыбнулись. Поздоровавшись с Корягиной, Левандовский указал на Норкина:

– Не знаю, что делать с вашим председателем ревкома. Отбрыкивается от своей должности. А вы, Елена Михайловна, как секретарь, видимо, не в достаточной мере разъясняли ему, что доверием народа не следует пренебрегать.

– Доверием я дорожу, – улыбнулся Норкин, – но какой из меня председатель? Неграмотный я, на документах вместо росписи ставлю отпечаток большого пальца

– Главное – в революционной сознательности, – подчеркнул Левандовский, – а учиться тоже надо. В станице есть ликбез, вот и посещайте его.

– Грамотой обязательно займусь, – ответил Норкин.

Хозяйка предложила гостям по рюмке домашнего вина.

– Это, пожалуй, можно, – согласился Жебрак. – За победу, за погибших...

Только подняли гости по первой рюмке – в дверях появился Доронин.

– О, Павел Федотович! – бросился навстречу ему Жебрак. – Здорово, дружище! Ну и нюх, брат, у тебя: сразу учуял, где вином пахнет.

– А как же, – отшутился Доронин. – При таких обстоятельствах не грех и выпить.

Левандовский поднял рюмку, наполненную душистым вином.

– Выпьем, дорогие товарищи, за победу и за тот чудесный сад, который Павел Федотович решил посадить в коммуне, – сказал он с напускной важностью.

Доронин удивился:

– Позвольте, откуда вам известно про наш сад?

– А нам, военным, все положено знать, – подмигнул Жебрак.

Доронин весело погрозил пальцем Норкину:

– Это ты, Василий Афиногенович, развонил, – Поставив пустую рюмку на стол, он мечтательно вздохнул: – Да, хочется, чтобы в коммуне было все: и красивые плодородные поля, и роскошный сад. Собираюсь к Мичурину⁷⁴⁷, в Козлов⁷⁴⁸, хочу познакомиться с его работами по выращиванию новых сортов плодовых деревьев.

– Вы слышите, товарищи, как веет миром от его речей! – воскликнул Жебрак.

– Это замечательно! – сказал Левандовский. – В коммуне и жизнь, и сад должны быть необыкновенными.

Гладко выбритое, с небольшими пшеничными усами лицо Доронина засияло улыбкой, серые, чуть сощуренные глаза заискрились.

– Да, Михаил Карлович, именно так, – подхватил он горячо.

Елена Михайловна смотрела на своих гостей и думала. «Замечательные, интересные люди!..» И на душе у нее стало значительно легче...

* * *

У двора ревкома вокруг Норкина толпились казаки, пришедшие к нему по разным делам. Пришла сюда и Левицкая.

– Чи правда, Василь, что вчера были люди оттуда, где Лавруха и Витька воюют? – спросила она.

– Да, были, – ответил Норкин, дымя сигаркой.

– Как же это я прозевала?! Хотелось порасспросить, до каких пор они блукать по свету будут.

– Виктор ваш зараз полком командует, – сказал Норкин. – Скоро в Передовую прибудет.

– Замучилась я дожидаючись, – вздохнула Мироновна.

К ревкому подъехала пароконная подвода, за которой в поводу шли двое коней, запряженных в плуг. На подводе сидели Калита с Галиной. Василий сел рядом с женой, спросил:

– Ружье взяла?

– Тут, под сеном лежит.

– Поохочусь утречком. Може, мяса к обеду добуду.

За станицей широкая степь чернела вспаханными полосами, полыхала выжигаемыми стерней и бурьяном. Сизый дым стлался, заволакивал густой пеленою лес, овраги, безоблачное небо. Крикливые вороньи стаи кружились, спускались на свежевзрыхленную почву, клевали червей.

---

⁷⁴⁷ **Мичурин**, Иван Владимирович – русский биолог и селекционер, автор многих сортов плодово-ягодных культур. – прим. Гриня

⁷⁴⁸ **Козлов** – уездный город в Тамбовской губернии, расположен на правом берегу реки Лесной Воронеж. 23 февраля 1932 года в честь учёного-селекционера И. В. Мичурина (ещё при его жизни) город Козлов был переименован в Мичуринск. Сейчас Мичуринск – наукоград, город областного значения в Тамбовской области. – прим. Гриня

Калита, понукая лошадей, то и дело оглядывал степь, закуренную палом⁷⁴⁹. В трех верстах от станицы он свернул с главной дороги направо, погнал коней по меже, делившей краснодольскую землю на два поля, и вскоре подъехал к своему участку.

Василий спрыгнул с подводы, снял вальки с кочетка⁷⁵⁰. Галина отстегнула нагрудники от хомутов и, взяв лошадей под уздцы, ввела в борозду. Калита подпряг к ним вторую пару в плуг. Опустив лемеха на нужную глубину, он присел у борозды, поправил подвязки на сырмятных постолах. Галина натянула вожжи.

– Трогай, дочко! – махнул рукой старик.

Лошади понатужились, двинулись по борозде. Зеркальные лемеха вошли в мягкую землю и, переворачивая отвалом жирный чернозем, оставляли за собой ровную борозду, по которой мерно шагал пахарь.

Василий закурил, взял ружье, не спеша направился к Кубани. Едва он вышел на целину, как из бурьяна выскочили два зайца-русака, кинулись в разные стороны. Один за другим прогремели два выстрела. Оба русака были убиты. Повесив их через плечо, Василий хотел было уже возвращаться к своим, но тут из ивняка, росшего вдоль реки, выехал на коне Леонид Градов. Поравнявшись с Норкиным, он с улыбкой воскликнул:

– Ого, сразу двоих! Выходит, можно за двумя зайцами сразу гоняться.

– Уметь надо! – шутливо отозвался Норкин. – А ты где был, в отделе?

– За почтой ездил, – ответил Градов и, толкнув коня каблуками сапог, крикнул: – Ну, бувай!

Норкин проводил его глазами, вскинул ружье за спину. Его внимание привлекла простоволосая женщина в рубище, вышедшая на дорогу из прибрежных зарослей. Она остановилась, потыкала палкой землю, затем пустилась бегом по дороге, потом снова остановилась и постучала палкой о землю. Норкин спрятался за куст краснотала⁷⁵¹, стал наблюдать. Женщина приближалась к нему. Лицо у нее было изможденное, страшное, с синими кругами под глазами. Это была Мавра. Она села около разбитого арбуза, с жадностью принялась есть его.

Норкин подошел к ней. Она подняла голову, спокойно спросила:

– А як ружье лежит на дороге – берут его?

– Берут, конечно, – ответил Норкин.

– Ну, я зараз пойду и возьму, – поднимаясь, проговорила Мавра. – Вчера вон на той дороге лежало.

– Э!.. – Норкин рассмеялся, – Ежели «вчера лежало», то сегодня его и след простыл!

Мавра опять села, пробормотала:

– А я боялась... еще стрельнет.

– Куда же ты идешь? – поинтересовался Норкин.

– В Краснодольскую, – ответила Мавра, разжевывая хрустящие арбузные корки, – к председателю ревкома. Видишь, я босая, а скоро зима. Попрошу у него ботинки. Он добрый человек. Может, пожалеет несчастную Мавру.

– А я и есть председатель ревкома, – сказал Норкин.

Мавра поглядела на него из-под руки:

– Какой же ты председатель? Ты – охотник! Вон у тебя и ружье, и зайцы.

– Ну что ж. Это я вышел поохотиться.

Мавра прищурилась:

– Думаешь, я не понимаю?

– Где же ты пропадала все это время? – спросил Норкин.

– По станицам и хуторам ходила, – ответила Мавра. – Все сыночка своего ищу. Думаю побывать еще в монастыре: может, там он.

---

⁷⁴⁹ **Закуренная палом** – задымленная сжигаемой стерней. – прим. Гриня

⁷⁵⁰ **Валек** – толстая палка, к которой прикрепляются постромки пристяжной лошади. **Кочеток** – колышек на борту телеги, к которому прикрепляется веревкою валек (на борту лодки – для крепления весла). – прим. Гриня

⁷⁵¹ **Краснотал** (Ива остролистная, или Красная верба, или Шелюга) – вид лиственных деревьев или кустарников рода Ива. – прим. Гриня

– Как же ты его найдешь? – проговорил Норкин. – Его же убили монахини.

– Знаю... Но иногда и мертвые оживают... – пробормотала Мавра.

Норкин с горечью подумал: «Несчастливая. Вот до чего довели тебя святоши». Мавра встала, поклонилась ему, зашагала в станицу.

Вернувшись к своим, Норкин сел у воза, освежевал зайцев, мясо посыпал солью. Галина подогнала лошадей к дороге. Очищая лемеха от земли и бурьяна, Калита сказал:

– Быстро ты с добычей.

Василий закурил сигарку.

– А знаете, с кем я зараз повстречался?

– С кем же?

– С Маврой. Такая худющая стала. В Краснодольскую пошла. Хочет, чтобы я обувку ей дал. Все ищет своего ребенка.

– Вот уж скиталица горькая! – тяжело вздохнула Галина.

Василий налил из бочки воды в ведро, понес лошадям. Отгоняя хвостами слепней и мух, лошади напились, потянулись к придорожной траве. Василий перевел их на противоположный загон.

Калита положил натруженные руки на чапиги⁷⁵², пошел по черной влажной борозде.

– Ежели Мавра придет к тебе за обувкой, то ты пошли ее ко мне, – сказал он. – У меня на грище найдется что-нибудь. Можно починить ботинки и дать ей, то и проче...

Порезав зайчатину на мелкие кусочки, Галина бросила мясо в казанок, поставленный на треногу, под которой уже горели сухие корни терна, принялась мыть пшено. Из ее головы не выходила Мавра. Вспомнилось все, что рассказывала Соня об этой страдальце, о ее ребенке, похищенном, а потом зверски убитом монахинями.

«И почему люди злые такие, вечно враждуют меж собой? – с горечью думала она. – Почему один другому делает больно, сильный старается придушить слабого?..»

Солнце подбиралось к зениту. Невыносимый зной сушил землю, накалял степной воздух. Прозрачное марево колыбалось на далеком мглистом горизонте, как бегущие ключевые воды.

Калита и Норкин уже возвращались к возу. Степь затихала: пахари собирались на обед.

Мимо воза пробежал чей-то кудлатый пес, весь в репьях. Он остановился невдалеке, повел носом и, почуяв запах еды, облизнулся. Галина швырнула в него грудкой, сказала:

– Цибе, окаянный! Вынюхиваешь тут.

Пес поджал хвост, пустился через вспаханное поле

Пахари выехали из борозды, Галина навесила брезент на палки, в тени разостлала рядно. Василий взял рогожный мешок, насыпал половы в корытце, смочил ее водой и, пересыпав овсом и отрубями, начал перемешивать. Калита выпряг лошадей из плуга, подвел их к мешанке. Галина разлила в глиняные миски кулеш. Старик сел на рядне, скрестил по-турецки ноги, прищелкнул языком.

Кондер, я на рынке была,
Кондер, я горилку пила,
Кондер, я коника пропила,
Кондер, и седеличко,
Кондер, мое сердечко!..

Василий с улыбкой покосился на него и тоже забрался в тень.

Ели молча.

После обеда старик лег под возом и, положив руки под голову, тотчас захрапел. Василий прилег рядом с женой, закрыл глаза. Сладкая дрема охватила его, и он впал в забытие. Через час Калита толкнул его в бок:

– Годи валяться, председатель!

Голос разбудил и Галину.

И опять по длинному полю черной лентой потянулась новая борозда...

Прошел день. Усталое солнце закатилось за пылающий горизонт. В наступающих сумерках

---

⁷⁵² Чапиги – поручни плуга. – прим. Гриня

ярко светились огни костров. Дым оседал в оврагах, стлался по бархатным загонам, длинными шлейфами тянулся к Кубани.

После ужина Калита снял засохшие за день постолы и, поставив их у края борозды на влажной земле, промолвил:

– Хай тут за ночь отойдут, а то стали как железные. – Он лег на рядно рядом с возом и сразу уснул.

Василий поместился с другой стороны воза и, поглядывая на далекие мерцающие звезды, долго гомонел с женою, прижавшейся к нему.

Калита проснулся чуть свет, сбросил с себя овчинный тулуп, пошел за обувкой.

– Василь! – окликнул он зятя. – Ты моих постолов че брал?

– Нет, – отозвался тот, поднял Голову.

– Куда же они запропастились? – недоумевал старик, шаря вокруг глазами. – Я же оставил их вот тут.

Подошел Василий. Постолы он увидел на дороге, шагах в тридцати от воза.

– Ты гля! – вскричал Калита – Оце так «отошли»! Только поворозки⁷⁵³ да задники остались. Тьфу, наваждение какое! Це их собаки съели. В чем же я пахать буду? Придется тебе, Галька, домой идти за чеботами.

III

После операции Ропоту стало лучше. А в воскресенье Анисья, получив разрешение у врача, вошла с детишками в небольшую палату. Логгин Прокофьевич лежал у открытого окна. Голова у него была острижена, опухоль на выбритом лице уже сошла, но мешки под глазами еще не расходились, губы хранили следы отеков.

Анисья осторожно поправила подушку, села на скамейку, а детишки, все четверо, мал мала меньше, сгрудились в изголовье, не спуская взгляда с отца. Логгин Прокофьевич улыбнулся им, проговорил тихо:

– Слушайте маму.

– А мы и так слушаем! – хором ответили дети.

Анисья стала рассказывать о своих домашних заботах, о том, что земля у нее не пахана и не сеяна, да и хлеба осталось на несколько дней и взять его неоткуда. Она указала на ребятишек и со слезами добавила:

– Чем буду кормить их? Ще зимы нету, а мы уже голодаем. Бачишь, какие все худющие.

– Не плачь, – сказал Логгин Прокофьевич. – Я скоро выдюжаю... и все у нас наладится... Вот.

Гришатка вытер рукавом полотняной рубашки нос и, поглядывая то на отца, то на мать, внимательно слушал их разговор.

– Ты бы к Норкину сходила за помощью, – посоветовал Логгин Прокофьевич. – Он же зараз председатель ревкома.

Анисья безнадежно махнула рукой:

– Откуда он возьмет ту помочь? Разверстку – и то не выполняет. Станица после Хвостикова без хлеба осталась.

– Хлеб у богатеев есть, – сказал Логгин Прокофьевич. – Василь слабоватый председатель. Ему нужно кулаков потрусить, а он... Вот.

* * *

Вечерняя заря угасала, но в монастырской церкви богослужение не прекращалось. На клиросе пел хор. Монахини и послушницы усердно молились перед иконами, били земные поклоны. Церковь сияла огнями лампад и свечей. Игуменья нетерпеливо поглядывала на священника и дьячка, с трудом сдерживала зевоту.

К ней бесшумно подошла мать Иоанна.

---

⁷⁵³ Поворозка – тесёмка, шнур. – прим. Гриня

– Что случилось? – обеспокоенно спросила игуменья.

– Мавра снова в монастыре.

Игуменья с тревогой оглянулась по сторонам, приказала шепотом:

– В подвал ее!

Выйдя из церкви, надзирательница подозвала к себе мать Сергию, стоявшую у монастырской стены, спросила:

– Ну, где Мавра?

– Только что в лес подалась, – ответила мать Сергия.

– Изловить, изловить ее надо! – распорядилась мать Иоанна, – Мирона и конюхов послать ко мне.

Мать Сергия подобрала длинные полы черной мантии и, переваливаясь с боку на бок, как утка, пустилась к общежитию.

Мирон не заставил долго ждать себя. Прибыв с конюхами, он снял картуз перед надзирательницей, промолвил:

– Я вас слушаю, матушка.

– Мавру надо изловить, – сказала мать Иоанна. – Она где-то тут поблизости в лесу. Не мешкайте!

Мирон почесал затылок:

– Да... темновато уже... У нее одна дорога, а у нас десять. Ищи-свищи...

– Не рассуждай! – прикрикнула на него мат Иоанна.

Мирон надел картуз, кивнул конюхам:

– А ну-кася, пошарьте тут, на окраине леса, да токо без шуму.

Конюхи выбежали со двора, скрылись в лесу. Игуменья в сопровождении Мирона и надзирательницы вышла за монастырскую ограду, бросила с гневом:

– Сколько раз я приказывала вам задержать сумасшедшую. Это же ходячая агитация против нас.

Вскоре на опушке леса показалось несколько темных фигур. Мирон, вглядываясь в сумерки, сказал:

– Кажись, ведут.

– Слава тебе господи! – перекрестилась мать Иоанна.

Держа Мавру под руки, два конюха подвели ее к игуменье.

– Определите ее, матушка, – обращаясь к матери Иоанне, распорядилась игуменья. – Да не забудьте накормить, она ведь голодная.

Мавра рванулась к ней и, брызгая пеной, закричала диким голосом:

– Это ты велела убить моего сыночка! Черти припекут тебе на том свете пятки!

– Ведите ее! – приказала игуменья.

Конюхи потащили несчастную в подвал, заперли на засов.

В церкви закончилось богослужение, и монашки толпой повалили в общежитие. Мирон закрылся в своей комнатухе, зажег свечу на маленьком столике.

«Да... не жисть, а кутерьма какая-то пошла, – подумал он. – Энто над Маврой учинить расправу замышляют, не иначе, нечистые души!..»

В открытую форточку донесся вопль Мавры. Мирон почувствовал, как у него забегали мурашки по спине. Несколько минут он стоял у окна, затем вышел во двор. Там стояла полнейшая тишина. Вокруг ни души.

Мирон прокрался вдоль забора, отгораживающего сад от двора, и очутился у подвала, осторожно отодвинул засов. Дверь открылась. Мавра прислушалась, выждала немного, потом, неуверенно поднявшись по каменным ступенькам, вышла из подвала.

IV

Утром в станице Передовой был собран митинг. У ревкома, на площади, быстро росла толпа. В ней сновали белые офицеры, которые открыто агитировали казаков против Советской власти и против продразверстки. Площадь бурлила, как море в ненастную погоду.

Из ревкома вышел Оглобля, поднялся на трибуну. Это был высокий, крепкого телосложения мужчина лет сорока, с черной курчавой бородой и густой шевелюрой. Тысячи глаз устремились на

него...

На митинг пришел и Матяш. Его скуластое загорелое лицо обросло щетиной, глаза еще сильнее потемнели, зорко следили за передовчанами.

Оглобля окинул взглядом площадь и, подняв руку, сказал сильным голосом:

– Товарищи! Хоть вы тут и шумите против разверстки, но мы все же будем проводить ее и посылать хлеб голодному рабочему классу!

На трибуну взбежал толстый рыжебородый казак. Он толкнув в сторону оратора, он вцепился руками в перила и закричал:

– Братцы! Не слушайте этого иуду! Нет у нас для него хлеба! Я призываю вас зараз же пойти в ревком и забрать тот хлеб, який у нас реквизиували!..

Оглобля схватил его за шиворот, спустил вниз по лестнице. Над толпою пронесся гул. Кто-то из бунтовщиков выкрикнул злобно:

– Бейте гада!

Людская масса качнулась, с угрожающим рыком двинулась к трибуне.

– Стойте! Куда вас несет?! – донеслось из той же толпы.

Но одиночный предостерегающий крик не подействовал ни на кого, потонул в гневных восклицаниях разъяренной толпы. Несколько казаков, во главе с рыжебородым, полезли на трибуну. На помощь председателю прибежали чоновцы. Трибуна заходила ходуном, и казалось – вот-вот развалится. Оглобля поднял над собой рыжебородого крикуна, швырнул через перила на головы бунтовщиков, намеревавшихся перевернуть трибуну, повалил несколько человек. Завязалась драка.

Матяш не принимал участия в потасовке, отошел поодаль в улицу и стал наблюдать за происходившим. К нему подбежал Жигайло. Зажав в кулаке окладистую бороду и не спуская встревоженного взгляда с дерущихся, он спросил:

– Шо ж оно робыться?

– Зараз каюк будет ревкомовцам, – ответил Матяш, сдвинув на затылок кубанку.

Жигайло пристально посмотрел на него:

– Я бачу, ты не из наших мест.

– Проходом тут, – буркнул Матяш. – Отбилса от своих...

Чоновцы были разоружены, и разбушевавшаяся масса кинулась в ревком...

О вспыхнувшем восстании дали знать в Отрадную, куда только что прибыли части IX Красной армии. На подмогу станичному ревкому был немедленно отправлен 1-й Афипиский полк. Виктор Левицкий с ординарцем мчался впереди всех – вверх по течению Урупа. Лаврентий рысил на гнедом дончаке неподалеку от знаменосца.

«Эк, заново взмурдовало⁷⁵⁴ нечистых душ! – досадовал он. – Так и до Филипповки⁷⁵⁵ домой не попадешь...»

Впереди на дороге показалась подвода. Виктор еще издали узнал Шкрумова. Подлетев к подводе, он придержал Ратника и вдруг рядом со Шкрумовым увидел свою мать.

– Дема, ты посмотри, с кем повстречались! – обрадованно крикнул он Выюну.

Тот, в свою очередь, замахал рукой Лаврентию:

– Дядька Лавро, скорее сюда!

Лаврентий подъехал к подводе, удивленно округлил глаза:

– Гля, какая стория! Точь-в-точь моя жинка. Куда це ты едешь, Паша?

– Загонять вас домой, – ответила Мироновна и, еле сдерживая слезы, добавила: – До каких пор будете блукать по свету? В пустой хате одна – как в могиле.

– Ну, давай почеломкаемся⁷⁵⁶, а потом уже будем лаяться⁷⁵⁷, – прервал ее Лаврентий.

Мироновна толкнула в бок Шкрумова:

---

⁷⁵⁴ Здесь – взбаламутило. – прим. Гриня

⁷⁵⁵ **Филипповки** – у православных – пост перед праздником рождества, иначе: рождественский пост. – прим. Гриня

⁷⁵⁶ **Челомкаться** – целоваться. – прим. Гриня

⁷⁵⁷ **Лаяться** – ругаться, скандалить. – прим. Гриня

– Останови коней, Иван Степанович: целоваться будем.

Шкрумов натянул вожжи, лошади стали. Мироновна поднялась на колени, наклонилась к мужу. Лаврентий вытер рукавом черкески пыль на губах, крепко прижал к груди жену, поцеловал ее.

– А теперь хоть и помирать, – сказал он.

Поцеловался с матерью и Виктор.

– Домой едете чи как? – спросила Мироновна.

– Нет, маманя, – ответил Виктор. – Беляков добивать.

Мироновна заплакала.

– Не плачь, стара, – ласково промолвил Лаврентий. – Скоро будем дома. А зараз строчные дела у нас. В Передовой свидимся.

Мироновна только теперь заметила на груди мужа Георгиевские кресты, пробормотала:

– Чи ты не сказался? Да разве ж можно теперь царские кресты чиплять?

– Нет, Пашенька, кресты эти не царские, – возразил Лаврентий и, покрутив усики, добавил: – Це награда за храбрость. Сам товарищ Орджоникидзе дозволил мне носить их.

– Ну, маманя, до скорой встречи! – крикнул Виктор и пустил Ратника вскачь.

Кавалеристы подстегнули коней и помчались за своим молодым командиром. Лаврентий то и дело оглядывался туда, где сквозь клубы пыли виднелась подвода.

«Эх, як неожиданно повидались, – думал он, до слез растроганный встречей с женой, – Сердешная... за тридевять земель поехала, чтобы свидеться с нами...»

* * *

Узкое дикое ущелье. Внизу – река Кува⁷⁵⁸. На высокой горе, в третьем «окне», висящем на высоте в сто сажений, над бушующей рекой, засел со своей семьей и небольшим отрядом подхорунжий Волошко. Сюда, в пещеру, вела одна-единственная узкая тропа. За валунами, накаленными полуденным солнцем, сидели дозоры, следя за окрестностями, просматривавшимися даже невооруженным глазом на много верст. Тропинка шла в гору с востока по узкому проходу к огромной сталактитовой пещере с многочисленными боковыми отводами. Сухая, годная для жилья пещера была заселена летучими мышами, которых пришлось выкуривать дымом. Теперь же, как только стемнеет, они тысячной стаей кружатся над пещерой и оглашают горы тонким противным писком. Здесь же, в одном из пещерных отводов, был родничок с чистой, холодной водой.

В «окне» сидел часовой с винтовкой в руках, курил сигарку и время от времени поглядывал на дорогу, тянувшуюся по левому берегу Кувы в Передовую. Вскоре после полудня на ней появилось с полсотни всадников, несшихся в намет со стороны Передовой. Часовой окликнул подчаска⁷⁵⁹:

– Беги к подхорунжему и доложи, что к нам скачет какой-то отряд.

Из пещеры вышел Волошко с сыном. Пригибаясь под утесом скалы, он выдвинулся вперед, и плотная его фигура в черной черкеске с костяными газырями словно приросла к камню, за которым сидел часовой. В темном зеве пещеры остановился князь Дудов. Обратясь к подхорунжему он тихо спросил:

– Ну что, Иван Иванович?

– Погодите, князь! – отмахнулся Волошко, – Еще ничего не известно. – Среди всадников он разглядел наконец человека со связанными руками, ехавшего на вороном коне, подумал: «Пожалуй, это наши. Видимо, какого-то большевика везут».

Конники поравнялись с «окном». Один из них, приложив ладони трубой ко рту, во всю мощь закричал:

– Ого-го!.. Есть кто наверху?

Гулкое эхо разнеслось по ущелью, замерло за горами. Часовой отозвался:

– Кого надо?

---

⁷⁵⁸ **Река Кува** – правый приток реки Уруп. Известна живописным Кувинским ущельем и скалами Окна (скалы со сквозными гrotами). – прим. Гриня

⁷⁵⁹ **Подчасок** – помощник часового на посту. – прим. Гриня

– Ивана Ивановича покличь! – донеслось снизу.
Волошко высунулся из-за камня, крикнул:
– Я Иван Иванович! Чего хотите?
– Пропустите к себе! Нас преследуют красные.
Волошко обернулся к сыну:
– А ну, Поплий, беги. Хай хлопцы пропустят гостей.
Поплий бросился к восточному склону горы и быстро пропал меж камнями на узкой тропинке.

V

Волошко оставил князя Дудова в «окне» с казаками, а сам поспешил в свои «апартаменты». Пройдя шагов сорок по темному ходу, он очутился в просторном, освещенном лампой гроте с выбеленными стенами. Пол был устлан медвежьими шкурами. Отверстия в смежные гроты завешены коврами. За столом, у лампы, сидела жена Волошко – Домна, в белой кофточке и черной кашемировой юбке.

– Зараз до меня казаки придут, видать, из Передовой, – сказал ей Волошко. – На всякий случай насчет угощения позаботься.

Домна ушла. Из-за ковра, висевшего на «двери» в соседнюю пещеру, вынырнул полковник Белов в распахнутой рубахе. Из-под синей донской фуражки на его круто изогнутую бровь падал русый чуб.

– Что случилось, господин подхорунжий? – спросил он.

– К нам прибыли казаки, – ответил Волошко. – Говорят, за ними красные гонятся. Того и гляди, тут, в Кувинском ущелье, будут.

– Надо сообщить господину Джентемирову, – сказал Белов.

– Зараз уже не успеем, – заметил Волошко. – Думаю, что мы и сами можем отбиться.

Вскоре прибыла делегация из Передовой, среди которой был и Матяш. Волошко окинул пристальным взглядом вошедших, спросил:

– С чем пожаловали, господа?

Казаки рассказали ему о разгроме станичного ревкома в Передовой, о создании повстанческого отряда. Белов молча курил сигарку под образом божьей матери.

– Оглобля, значит, все ж таки попался, – выслушав делегацию, со злорадством произнес Волошко.

– Надо из этого Оглобли дышло сделать! – бросил Белов.

– Для того мы и привезли его к вам, – захохотал рыжебородый казак.

– А ну-ка, давайте его сюда! – распорядился Волошко.

Поплий рванулся за ковер. В проходе послышалась возня. Кто-то глухо выкрикнул: «Чего вы с ним панькаетесь⁷⁶⁰? В морду его, по зубам!»

Вошла Домна – бледная, напуганная. Забившись в угол, она опустила на табуретку, нервно подобрала под платок прядь волос.

Ковер над входом отлетел в сторону, и два дюжих казака втокнули в грот Оглоблю. Руки у него связаны за спиной веревками. Густые темные волосы всклокочены, борода залита кровью. На лбу, собранном в морщины, и под глазами, полными ненависти, – синяки.

Волошко спросил с ядовитой усмешкой:

– Ну шо, «ревко», попался, значит?

Оглобля с ожесточением плюнул ему в лицо. Волошко отвернулся в сторону, утерся рукавом черкески, Белов с силой ударил кулаком пленного по голове, но Оглобля даже не пошатнулся. Домна невольно ахнула, еще сильнее сжалась. Матяш искоса взглянул на нее, сразу понял, что Волошко и его жена – по всему, разные люди.

Оглобля, задыхаясь от злобы, презрительно бросил:

– Вот где вы сховались, недобитки белогвардейские! Ну ничего, вас найдут и в этих крысиных норах!

– Что будем делать с ним? – обратился Волошко к казакам.

---

⁷⁶⁰ **Панькаться** – возиться, нянчиться с кем-либо. – прим. Гриня

– Надо выпотрошить из него кишки и пузо набить зерном всяким, – предложил рыжебородый.
– Потом подбросим к Передовой, – добавил второй. – Пущай станичный ревком глядит, как мы выполняем разверстку.

Белов швырнул сигарку на пол:

– Господа! Я предлагаю для ясности на пузе у него написать: «Выполнил продразверстку!».

Волошко одобрительно кивнул.

– Так и зробым. – Его взгляд остановился на Матяше. – А вы кто такой? Почему молчите?

– Я пробираюсь к своим, в отряд Бородули, – сухо ответил Матяш.

– Слышал про такой, – сказал Волошко. – Он где-то в Даховском ущелье действует.

Вошла его дочь – красивая, стройная девушка. Метнув высокомерный взгляд на пленного, развязно спросила?

– Кто это?

– Предревкома станицы Передовой, Валентина Ивановна, – ответил Белов.

– На скалу его, к лобовине! – бросила Валентина. – Пусть там пожарится на солнце денька два, а потом достанется орлам.

– О!.. – громко захохотав, злорадно добавил один из офицеров, стоявший тут, поблизости. – Как прикованный к скале Прометей!

Домна вздрогнула от этих страшных слов. Лицо ее потемнело, перекошилось от душевной боли. Матяш гневно прищурился.

«Ну и гадина! – подумал он о Валентине. – Сколько я видел на скалах и деревьях жертв подобных расправ Хвостикова. И вот снова...»

Оглобля наконец собрался с духом, промолвил твердо:

– Смерти я не боюсь. Но вы, палачи, зарубите себе на носу: вам это не пройдет даром!

Волошко властно поднял руку:

– В тугулевку его, Поплий! Пущай он там трошки очумается.

* * *

На рассвете бандиты доставили Оглоблю на скалу. Раздев догола, они привязали его к небольшой покатою лобовине так, что он повис над двухсотпятидесятисаженной пропастью. Ноги его свисали с утеса, опираясь на небольшие выступы.

Сделав свое черное дело, Поплий поглядел в сторону Передовой, очертания которой проступали сквозь предрассветную муть, сказал с усмешкой:

– Отсюда ему гарно будет видно, как ревкомовцы выполняют разверстку. Пошли, хлопцы!..

Утро постепенно разгоралось. На вершину скалы, к которой был привязан пленник, набежали холодные струи ветра. Оглобля висел над пропастью с закрытыми глазами. Черная борода его торчала кверху, пошевеливалась на свежем ветру. Руки и ноги немели от туго затянутых веревок.

А ветер усиливался, со змеиным посвистом шнырял по лобовине.

Но вот узник открыл глаза, увидел над собой густые набухшие тучи. Они плыли медленно и так низко, что, казалось, их можно было достать рукой.

«Наверно, дождь будет», – подумал он и, наклонив голову, заглянул в бездну, почувствовал, как от ужаса похолодело в груди. Взгляд его скользил по веревкам, которыми он был привязан к каменной глыбе. Попытался развязать их зубами, но ни к одной не мог дотянуться. Напрягая все силы, он рванулся, но веревки не лопнули.

Из-за горы блеснуло солнце, поиграло в бороде пленника и снова скрылось за черную взлохмаченную тучу. Во рту у Оглобли пересохло, начала мучить жажда. Невдалеке, над противоположной скалой, кружил ворон. Он заметил на скале человека, направил свой полет к нему и, сделав несколько кругов, сел на ближайшее дерево.

«Проклятый», – подумал Оглобля и опять сомкнул веки. Над его головой что-то прошумело. Он открыл глаза, увидел громадного бородача-ягнятника⁷⁶¹. Полуторасаженные в размахе крылья хищника проплыли над скалой черной тучей. Оглобля, не спуская с него взгляда, подумал с

---

⁷⁶¹ **Бородач** или **ягнятник** – птица из семейства ястребиных, падальщик. – прим. Гриня

содроганием: «Этот может заклевать...» Но орел покружился над ним и пропал за цепью гор.

К вечеру пленник почувствовал себя совсем плохо. Сознание мутилось, силы таяли, в груди хрипело.

Солнце зашло, горы погружались в сумрак. Из груди Оглобли вырвался стон и, подхваченный ветром, отозвался где-то в ущелье.

Ночью Оглобля все чаще впадал в беспамятство. Придя в себя после очередного короткого обморока, он вдруг слышал чьи-то осторожные шаги. Вначале он подумал, что это чудится ему в полубреду, напряг слух, затаил дыхание. Шаги приближались. Кто-то пробирался по тропе к нему.

Внезапно долетел тихий оклик:

– Эй, человек, ты слышишь меня?

– Кто там? – хрипло отозвался Оглобля.

– Помочь пришел, – ответил незнакомец. – Да вот никак не доберусь к тебе.

– Пить! – простонал Оглобля. – Пить!

Из-за лохматой тучи выкатилась, как начищенный самовар, полноликая луна, ярко озарила незнакомца, поднимавшегося по белокаменной лобовине к пленнику. Это был Матяш.

– Пии-и-ить! – снова протянул изможденный пленник

– Потерпи немного!

Матяш приблизился к краю обрыва, поднес ко рту привязанного флягу с водой.

– Пей!

Оглобля жадно припал к фляге губами. Вода словно вливалась в него силы. Ноги и руки оживали.

Матяш, повиснув над пропастью, перерезал веревки и вытянул обессиленного пленника на тропу.

– Кто ты? – спросил Оглобля, вглядываясь в обросшее лицо своего спасителя.

– Зачем тебе знать, кто я? – двинул плечами Матяш. – Выручил – и все!

Оглобля пожал его руку:

– Спасибо тебе, незнакомый друг. Век не забуду тебя.

– Может, друг, а может, недруг, – усмехнулся Матяш. – Не знаю, как ты выберешься отсюда.

На тропе всюду охрана, а другого пути нет. Вот бери веревку, которую я прихватил с собой. Авось пригодится.

– Добрый ты человек! – растроганно проговорил освобожденный. – Недруги так не поступают... А насчет того, как уйти отсюда, – не беспокойся. Я тут знаю каждую пядь. Выберемся!

– Э нет! – категорически возразил Матяш. – Иди сам. Дороги у нас разные.

– Тебя в расход пустят из-за меня.

– Не пустят, – сказал Матяш. – Никто не узнает, что я побывал здесь. Все сейчас спят. Я долго не буду задерживаться у Волошко. Своих надо искать.

– Да плюнь ты на все! Возвращайся домой и живи мирно. Я похлопочу за тебя, – пообещал Оглобля.

– Нет, – упрямо мотнул головой Матяш. – Дома у меня уже ничего не осталось. Я был врагом Советской власти и буду им до гробовой доски.

– Глупо, очень глупо, – сказал осуждающе Оглобля. – Душа у тебя добрая. Ты просто заблудившийся человек. А Советская власть таких, как ты, милует, если они, конечно, покаются.

– Я не заблудившийся, – возразил Матяш. – Я вполне сознательно выступаю против Советской власти, всем своим нутром ненавижу ее!

– Почему же? За что? – недоумевал Оглобля.

– За то, что она всего меня лишила! – раздраженно бросил Матяш. – Я своими, вот этими мозолистыми руками в поте лица добывал хлеб, а Советская власть забрала у меня все да еще и говорит: «Ты паразит!» Как же понимать это? А?

– Неправда. Советская власть справедливая, – возразил Оглобля.

– А разверстка? – вырвалось со злобой у Матяша. – Это что такое? Не та же Советская власть? Нет! Я хочу жить, как жили мои предки: батько, дед, прадед. Хочу потреблять то, что добываю своими руками. А у вас все шиворот-навыворот: твое – мое! Не понимаю. И мабуть, таким и сдохну!

– А ты разберись. Прозрачная разверстка – это временное дело. У богатеев закрома ломятся от пшеницы, а в городах люди умирают с голоду. Куда это годится? Советская власть – власть трудового народа.

– Не-не! – Матяш махнул рукой. – Ты меня не уговаривай, все равно не сагитируешь.

– Почему же ты решил освободить меня? – спросил Оглобля. – Я же твой враг!

– Враг, конечно... – ответил Матяш и, помолчав, добавил: – Но я против зверства... Мы потерпели поражение только потому, что допустили такое вот по отношению к мирному населению, да и вообще... Не надо было нам этого делать, и мы бы победили. За нами пошла бы вся Кубань! Такие, как Хвостиков, во всем виноваты. Своим зверством они оттолкнули народ от нас.

– Разве дело только в этом? – заметил Оглобля. – Вы же за старое держитесь. А народ не хочет этого. Потому и разбили мы вас.

Матяш встал.

– Ну, бувай, – сказал он. – Помни Андрея Матяша... Но если встретимся в бою – берегись!

– Зря не хочешь идти со мной! – с сожалением сказал Оглобля.

Они молча спустились с горы и расстались.

VI

Засада сидела в «окне» вторые сутки, но красные в ущелье не показывались. Дудов лежал под стеною на охапке душистого сена. Казаки здесь же в кругу резались в карты. Поплий возился со станковым пулеметом. Загорелое круглое лицо его было покрыто грязными потеками, мутно-серые глаза глядели устало и сонно. Он то и дело сладко зевал. Дудов лег на спину, подложил руки под голову и, уставясь в бурый неровный потолок, сказал:

– Поплюй, что ты зеваешь сегодня все утро, как баба?

– Я не Поплюй, князь, а Поплий! – вспылил Волошко, и с него сразу слетела сонливость. – Сколько раз можно вам говорить об этом? Я всю ночь дежурил, а вы с вечера до утра дрыхли, да и зараз валяетесь.

– Я уже старый, – буркнул Дудов.

– А жениться небось на молодой сумели, – подкусил его Поплий и захохотал: – Двадцатидвухлетнюю выбрали.

Дудов словно ошпаренный вскочил на ноги. Широкое маслянистое лицо его побагровело, перекошилось, а маленькие кабаньи глазки налились злобой.

– Собака! – прохрипел он. – Как говоришь со мной?!

Казаки прекратили играть в карты, затихли. Поплий, видя, что разъяренный князь уже готов броситься в драку, отбежал в сторону, схватился за кинжал, застыл с выпученными глазами. В это время из узкого темного прохода вышел старший Волошко, а за ним показался и Матяш. Увидев Дудова, Матяш сразу узнал его, подумал: «Этот старый пес может выдать меня. Пожалуй, не стоит подходить к нему». И он остановился в тени прохода.

Дудов все еще кипятился. Метнув злой взгляд на главаря банды, он закричал:

– Зачем твой сын смеется надо мной? Я не потерплю такого оскорбления!

Волошко строго посмотрел на сына:

– Ты оскорбил князя?

– Не оскорблял я его, – пробормотал Поплий, – Сказал только, что жену он взял себе не по возрасту...

– А твое какое дело? – заорал отец. – Да ты знаешь, негодяй, что Фатима сбежала от него с большевиком Карабашевым, подло оставила старого князя?!

– А! – Дудов махнул рукой. – Довольно, довольно! Не надо повторять... Фатима, Карабашев, старый князь...

Казаки дружно захохотали. Это еще сильнее обозлило князя.

Волошко-старший положил руку на плечо Дудова, сказал примирительно:

– Успокойся, Барисбий Шамилович, не обижайся на дураков. А зараз иди и отдыхай. Вечером в разведку с казаками пойдешь.

Дудов нахлобучил папаху, поправил черкеску под кавказским поясом, на котором висели наган и кинжал, схватил свой карабин и скрылся в проходе, едва не натолкнувшись на Матяша.

Волошко взял Матяша под руку.

– Видишь, какая тут высота? – указал он в «окно». – Нас никакой дьявол в этой дыре не достанет. Это ущелье выведет тебя к Урупу. По ущелью дойдешь до Преградной, затем направляйся к Большой Лабе. Там действует подьесаул Козлов со своим отрядом. У него сможешь передохнуть денек, харчишек взять. Да письмо не забудь передать ему.

Матяш приложил руку к кубанке:

– Не забуду, господин подхорунжий. Спасибо за гостеприимство.

Вечерело. Матяш с двумя парусиновыми сумками, туго набитыми продуктами, с новеньким карабином за плечами вышел в Урупское ущелье. Бушующая река гнала свои иссиня-белые холодные воды по неровному, заваленному каменными глыбами руслу, пенилась у высоких, скалистых берегов. Матяш медленно направился вверх по течению реки, спустился по каменистым уступам к воде. Поставив карабин к дереву и сняв тяжелые сумки, он умылся. Струи стекали с черной его бороды. Ощущая приятную свежесть на лице, Матяш утерся полою черкески, сел под деревом. Невдалеке всплеснулась крупная форель.

– Ох, мать честная! – невольно воскликнул Матяш. – Да тут рыба водится. – Усталые глаза его оживились, на лице заиграла улыбка. – Половить бы, да жаль, удочки нет. – Он задумался и затем добавил: – Какая прелесть!.. Ловить рыбу, растить хлеб, ходить за лошадьми, коровами, овцами... – Лицо его помрачнело, в голове закружились гнетущие мысли.

А сумерки между тем становились все гуще. Матяш взял сумки, вскинул карабин за спину и двинулся дальше в поисках места для ночлега. Пройдя саженой триста вдоль реки, он заметил на отвесном берегу в темной, поросшей мхом стене небольшую дыру. Перед отверстием торчал каменный уступ, на который можно было взобраться по дереву.

«Вот бы где заночевать!» – подумал Матяш. – Но как перебраться через реку?» Пошарив глазами по сторонам, он заметил три валуна, торчавшие из воды. По ним и можно переправиться на левый берег. Матяш отломил от дерева сук, обстрогал его кинжалом, направился к валунам. У брода снял сапоги, подсучил штанины и, опираясь на сук, пошел. Достигнув левого берега, зашагал к круче.

В небе уже загорались звезды. Повеяло холодом.

Матяш вскарабкался по дереву на уступ, потом полез в пещеру, чиркнул зажигалкой. Место было очень удобное для ночевки: даже сено оказалось здесь.

«Гм... – удивился Матяш. – Чье-то логово...» Прежде всего он решил подкрепить силы. Ел не спеша. Медленно пережевывая черствый хлеб и сало, он задумчиво глядел во тьму, повисшую над рекущей рекой и горами.

На заре его разбудило визгливое ржание лошади. Схватив карабин, он выглянул из пещеры. Внизу, под ветками ив, прижавшись задом к круче, стояла оседланная худая лошадь с переметными сумками по бокам. Перед ней стояли три волка.

«Бедная животина! – подумал Матяш. – Видно, потеряла хозяина в бою...»

Волки все ближе подступали к лошади, заходили с боков. Она опять громко заржала, как бы взывая о помощи. Матяш прицелился в самого ретивого хищника, но тут же опустил карабин: выстрел мог привлечь внимание людей, возможно, недругов. Приложив ладони ко рту, Матяш крикнул:

– Тю, тю!

Волки кинулись в разные стороны. Матяш вылез из пещеры, спустился к реке. Лошадь доверчиво протянула к нему морду и, как бы благодаря за спасение, ласково заржала. Матяш похлопал ее по холке: «Как же ты очутилась здесь, бедолага?» Он порылся в сумках, висевших у седла, извлек из них десятка полтора обойм с патронами и только сейчас заметил, что левая задняя нога у лошади ниже колена перебита.

– Эге-ге! – сказал Матяш с сожалением. – Да ты еще и калека. Придется оставить тебя здесь! Я такой же бездомный, как и ты. Куда иду, сам не знаю. – Он сунул обоймы себе в сумку, добавил: – А за эти штуковины большое тебе спасибо. Мне они пригодятся в дороге.

Лошадь глядела на него жалкими глазами. Матяш обнял ее за шею, припал к морде. Постояв так с минуту, он оторвался от несчастной лошади, поправил кубанку и, не оглядываясь, широко зашагал по берегу реки к Преградной.

Вскоре перед ним открылась станица, начался подъем. Потянуло ветерком, и Матяшу в нос ударил такой дурной дух, что у него захватило дыхание. Он ускорил шаг. И тут увидел страшную картину недавнего боя. Полуразложившиеся трупы людей и лошадей лежали между валунами, в кустарнике и в высокой траве.

Торопливо переправившись на правый берег, Матяш с тяжкими думами пошел лесом дальше. Ветер в ущелье дул неистово. Деревья надрывно стонали. Стонало и сердце Матяша.

«Хотя бы убрали убитых, – думал он с горечью. – Как собаки, валяются...»

Ему очень захотелось курить. Он вынул из кармана кисет, но бумажки в нем не оказалось.

Матяш выругался с досады, сунул кисет в карман, через несколько минут выбрался на голую поляну. Ветер поднимал песок и пыль. Закрывая рукой лицо, Матяш не останавливался. Неожиданно перед ним в вихре закружился клочок желтоватой газеты.

«О! – обрадовался Матяш, – Зараз закурим!» И он стал гоняться за газетным обрывком, но никак не мог схватить его. Каждый раз, как только он подбежал к бумажке, она поднималась и перелетала на другое место. Наконец, Матяш настиг ее. В глаза бросился крупный заголовок:

РАЗГРОМ БАНД ХВОСТИКОВА

Матяш присел на камень, начал читать боевую сводку. В ней сообщалось следующее:

«21 сентября бандам ген. Хвостикова нанесен сокрушительный удар По сведениям оперативной сводки Н-ской бригады, ген. Хвостиков ранен в боях в районе...»

Дальше зияла дыра. Матяш с досадой поморщился: «Жаль, что только ранен. Не совсем, значит, ухлопали эту сволочь!» Глаза его снова заскользили по строчкам:

«После ряда поражений бело-зеленые банды ген. Хвостикова были окружены в Псебайской. Здесь же в станице находился штаб белых, их военное имущество, беженцы и вообще весь белогвардейский сброд

Белые очутились в кольце. Станица объята огнем. С аэропланов бросают зажигательные снаряды. Из этого кольца ни один белогвардеец не выйдет живым.

От так называемой „армии возрождения России“ не осталось и следа...»

Матяш дважды перечитал последнюю строчку, проговорил задумчиво:

– Верно, не осталось и следа. – Он оторвал от сводки уголок бумаги, скрутил сигарку и, закурив, вздохнул: – Вот и вся генеральская затея...

VII

На третьи сутки утомительного пути Матяш добрался наконец до живописной долины Загедан. Вокруг громоздились величественные скалы, высились горные вершины, на которых местами блестела ослепительная пелена снега. На полянах зрела дикая рожь, настолько густая и высокая, будто она была возделана руками человека. Вряд ли кто мог ответить на вопрос, откуда взялась здесь эта загадочная рожь.

К северу долина постепенно суживалась, переходила в ущелье, в котором бешено мчалась Большая Лаба. Вода здесь бела, как серебро, бьет ключами, мечется из стороны в сторону.

Матяш шел по обочине дороги, по густым зарослям рододендрона.

Из леса неожиданно выскочили всадники.

Матяш направился к ним. Увидев незнакомого человека, всадники застыли на месте.

Баксанук вскинул карабин, направил на Матяша.

– Не ходи близко!

– Опустит ружье, Баксанук, – сказал Матяш. – Не узнаешь, что ли?

– Ай, машала! – воскликнул Дауд. – Это наш кунак – Он указал на кинжал, висевший у Матяша на поясе, громко захохотал: – Моя подарил твоя эта кама⁷⁶². И чепкен⁷⁶³ тоже моя!

– Какой твоя карош борода вырос! – подхватил Баксанук. – Неузнавай стал!

Лука наклонился к подьесаулу, шепнул на ухо:

– Это тот, что покушался на генерала Хвостикова в доме князя Крым-Шамхалова.

Подьесаул приказал казакам отправляться на Иркиз, в одну из красивейших долин Кавказа, где разместился стан банды, затем пригладил тонкие вислые усы, обратился к Матяшу:

---

⁷⁶² Кама – кинжал.

⁷⁶³ Чепкен – черкеска.

– Кто такой?

– Мне нужен подьесаул Козлов, – уклоняясь от прямого ответа, сказал Матяш.

– Я Козлов. – Подьесаул смерил его недоверчивым взглядом.

Матяш порылся во внутреннем кармане черкески, вынул письмо.

– Вот вам от Волошко Ивана Ивановича, – проговорил он. – Кажись, дочь ваша пишет.

Козлов поспешно распечатал конверт, прочел:

Дорогой отец!

Сообщаю тебе, что сейчас я работаю в Баталпашинском отделе ВЧК машинисткой. Теперь через мои руки будут проходить все секретные бумаги. Постарайся наладить со мною регулярную связь. Это для тебя и для твоих друзей будет очень важно.

Несколько дней тому назад в Баталпашинск прибыли части Красной Армии. В настоящее время здесь находится Атарбеков с оперативной группой Кубанского округа. Больше сотни человек уже арестовал и вместе с Кочкаровым, адъютантом ген. Хвостикова, отправил в Екатеринодар. Скоро начнутся активные операции по ликвидации белогвардейских отрядов, оставшихся в горах после ухода ген. Хвостикова в Грузию. Готовься к защите.

Крепко целую. Твоя дочь Лидия Барейша.

7 октября 1920 года.

Козлов оторвался от письма, сказал:

– Значит, вы были у подхорунжего Волошко.

Матяш рассказал ему, кто он и по какому случаю попал в эти края. Лука, избегая встречи с ним, вместе с казаками уехал вперед. Козлов, сопровождаемый Крым-Шамхаловыми и двумя офицерами, следовал вместе с Матяшом пешком за отрядом.

– Да... сидим теперь в горах, как щуры в норах, – угрюмо заметил Матяш. – А все из-за Хвостикова...

Козлов протянул ему кисет:

– Куришь?

– Занимаюсь, – ответил Матяш, свернул сигарку.

Закурили.

– Так ты считаешь, что все наши беды из-за Хвостикова? – спросил Козлов.

Матяш покосился на притихших офицеров, сплюнул табачинку.

Козлов мотнул головой офицерам и своим телохранителям, дав понять, чтобы они удалились. Те прибавили шагу. Матяш указал на Баксанука и Дауда, промолвил:

– Хорошие хлопцы.

– Верой и правдой служили Хвостикову, – подчеркнул Козлов.

– Знаю... – сказал Матяш, дымя сигаркой.

– А с монахом Лукой ты знаком? – вдруг спросил Козлов.

– Как же! – Матяш размял окуроч, отшвырнул в сторону. – Случайность свела меня с этой собакой.

– Учти, Лука уже капнул мне на тебя. Будь с ним осторожен, – предупредил Козлов.

Матяш поправил за спиной карабин, бросил с презрением:

– Не боюсь я его. – И он объяснил Козлову, почему считает Хвостикова основным виновником проигрыша войны на Кубани, и откровенно рассказал о своем покушении на генерала.

– Да, что и говорить, Хвостиков поступил безрассудно, не оказав помощи улагаевскому десанту, – согласился Козлов. – Но ошибки этой уже не исправить.

Бивак отряда Козлова располагался у горы Дамхурц⁷⁶⁴, на берегу речушки Закан, в долине Иркиз.

Под горой на альпийском лугу, густо поросшем дикой рожью и высокогорными сочными травами, паслось несколько коров и овец. На выступе скалы, оберегая стадо, сидел безусый юнец с винтовкой в руках. Около него, вывалив от жары красный язык и тяжело дыша, лежала овчарка.

---

⁷⁶⁴ **Гора Дамхурц** – одна из вершин, образующих хребет Юха. Высота – 3193 метра. Расположена на границе КЧР и Краснодарского края. – прим. Гриня

Пошатываясь на высоких тонких ногах, к пастуху подошел Минаков в серой папахе и серой помятой черкеске нараспашку, сладко зевнул, потянулся, поглядел из-под руки на юго-запад..

Из густого дубняка выскочило десятка три всадников. Впереди на вороном красивом коне гарцевал полковник Ковалев.

Овчарка встретила их громким, залиvistым лаем. Пастух отогнал ее. Среди прибывших оказались Демьяшкевич и Исмаил Крым-Шамхалов.

Ковалев проворно спешил, привязал коня под деревом в тени и, сбив набекрень кубанку, пожал Минакову руку:

– Какие у вас новости, господин подьесаул?

– Все в порядке, – ответил Минаков и в свою очередь спросил: – А вы откуда путь держите?

– С побережья, – ответил Ковалев. – В отряде Бородули были. А теперь думаем пробраться поближе к станицам.

– Ну, а у Бородули что? – спросил Минаков.

– Тишина полнейшая, – ответил Ковалев и, оглянувшись вокруг, поинтересовался: – А где же ваши люди?

– Козлов за добычей увел, – пояснил Минаков.

В это время на левом берегу реки Закан показалась большая группа конников.

– Вот, едут уже, – указал на них Минаков.

* * *

Прибыв на бивак, белоказаки принялись снимать с лошадей награбленные продукты. Исмаил увидел своих братьев, бросился к ним с радостным криком.

– Ай карнаш!.. – И крепко обнял Баксанука, затем Дауда.

Демьяшкевич стояла недалеко от них, наблюдала за встречей братьев и машинально хлестала плетью по небольшому белому камню, вросшему в землю. В ее быстрых серых глазах поблескивали насмешливые огоньки, пухлые щеки и губы, пылавшие, как лепестки только что расцветшей розы, тоже выражали насмешку.

Баксанук смерил ястребиными глазами ее статную фигуру в светло-серой черкеске и приблизился к ней:

– Какой кароший девчатка!

Демьяшкевич сжала рукой эфес кинжала, висевшего на казачьем поясе с вызолоченным набором, крикнула:

– Не подходи, бирюк!.. А то я... острая...

Белоказаки из отряда Ковалева дружно захохотали:

– Правильно, Тоня! Гони его!

– Зачем «гони»? – широко улыбнулся Баксанук. – Моя хочет немножко быть кароший знаком...

Козлов и Матяш не торопились к биваку. Приблизившись к реке и не обращая внимания на отряд Ковалева, они присели на валуне, продолжая разговор. Лука то и дело поглядывал на них издали. Дегтярно-черные глаза его были наполнены злобой и страхом.

«О чем они шепчутся? – пытался разгадать он. – Неужели Гордей Евдокимович заодно с этим чернобородым?»

Наконец Козлов и Матяш встали, медленно направились к поляне. Беспокойство Луки росло. Он не знал, что делать: то ли оставаться на месте и ждать, что будет, то ли, пока не поздно, незаметно шмыгнуть в кусты.

Козлов подозвал Дауда, отдал ему какое-то распоряжение. Тот приложил руку к папахе, направился к Луке, все так же стоявшему под горой. Подбежав к монаху, Дауд выпалил:

– Твоя требует командир!

– Зачем? – настороженно спросил Лука, почувствовав, как у него по спине поползли мурашки.

Дауд пожал плечами:

– Моя не знает – зачем.

Лука помолчал и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, сказал:

– Передай ему, что я не хочу встречаться со своим врагом.

– Ахы, ахы... – Дауд неодобрительно покачал головой и быстро зашагал к предводителю

банды.

К Козлову и Матяшу подошли Минаков и Ковалев.

– О, кого я бачу? – вскричал Минаков, уставившись на Матяша. – Кажись, Андрей Филимонович? Чи я, может, ошибаюсь? Борода и все такое прочее. Ей-богу, не могу признать! Чи вин, чи не вин?

– Вин. – Матяш добродушно улыбнулся. – К вам в гости пожаловал.

– Это очень хорошо! – воскликнул Минаков и, кивнув на Ковалева, добавил: – А вот господин полковник только что прибыл от есаула Бородули.

– Да, – подтвердил Ковалев. – Он тут, за Умпырем, неподалеку от Даховского ущелья, на реке Кише.

Дауд доложил Козлову, что Лука отказался явиться.

– Это что еще за чертовщина?! – заорал Козлов – Да как он смеет? Сию же минуту доставить его сюда!

– Не надо, господин подьесаул, – миролюбиво произнес Матяш. – Раз не желает, то и лучше.

– Нет, нет! Немедленно приведите его ко мне! – настоятельно потребовал Козлов.

Баксанук и Дауд с несколькими казаками бросились выполнять его приказ, но Лука словно сквозь землю провалился. Обшарив все кусты и расщелины, княжичи доложили Козлову, что монах исчез.

– Ну и черт с ним! – Подьесаул махнул рукой. – Гоняться за этой трусливой тварью не будем.

VIII

На западном склоне горы Дамхурц, в густом дубняке, было построено несколько бревенчатых куреней, покрытых сеном. Тут же стояла сложенная из камней кухня, вокруг которой в тени дубов стояли длинные столы и скамьи. В котлах варился обед, и мясной дух далеко разносился по лесу. У печки возились женщины. Среди них жена предводителя банды Козлова Пелагея Прокоповна, дородная казачка лет сорока пяти, в просторной юбке и кофточке, и Ульяна – возлюбленная Минакова. На столах уже были расставлены рядами миски с деревянными ложками-самоделками, лежали куски хлеба.

Старик-трубач объявил «обед». Казаки шумно заняли места за столами. Офицеры обедали отдельно.

Покончив с борщом, Козлов вытер ладонью усы, обернулся к Ковалеву:

– Ну а ты, господин полковник, как решил? В моих краях остановишься или куда пойдешь?

Ковалев стряхнул с черной черкески крошки, достал из кармана галифе позолоченный портсигар, закурил.

– Есть думка поселиться поближе к людям, – ответил он после некоторого раздумья. – Хочу Измайловскую пещеру⁷⁶⁵ занять.

– Мне говорили, что в той пещере может поместиться целая дивизия с лошадьми, – сказал Матяш.

– Может, и мне туда податься, – проговорил Козлов. Его взгляд остановился на Демьяшкевич, сидевшей за соседним столом. – А это что у вас за краля в форме? – спросил он удивленно.

– Это Лесовичка, господин подьесаул! – вскочив с места, отчеканил Исмаил. – Мой ата... отец так назвал ее.

– О... – многозначительно протянул Козлов. – И впрямь хорошую кличку дал ей батько твой. Лесовичка, значит?

– Так точно, господин подьесаул! – подтвердила Демьяшкевич.

– А твои родители кто? – поинтересовался Козлов. – Казаки?

Демьяшкевич отрицательно покачала головой.

– Нет. Отец ветеринарный фельдшер, житель станицы Кардоникской.

---

⁷⁶⁵ Хотя контекст повествования подразумевает широкую известность **Измайловской пещеры**, однако упоминаний о крупном спелеологическом объекте с подобным наименованием на западном Кавказе не обнаружено. Скорее всего имеется в виду грот Джантемирова в ущелье реки Балка Гамовская (приток рек Кува–Уруп). По легенде грот получил название по фамилии предводителя банды, скрывающейся в ней в 20-х годах. Какое название носил грот до 20-х годов установить не удалось. – прим. Гриня

– Вот оно что... значит, Лесовичка, – протянул Козлов. – Ну ладно, обедай.
На стол подали кашу с бараниной...

* * *

После обеда отряды Ковалева и Козлова двинулись в путь по глубокому каньону вдоль правого берега Большой Лабы. Доехав до Мощевого ущелья⁷⁶⁶, Ковалев распрощался с Козловым и, перебравшись на левый берег бушующей реки, отправился со своим отрядом к Курджинову. А Козлов свернул в Мощевое ущелье и вскоре остановил отряд в густом дубняке.

– Видите эти большие пятна? – указал он на южный склон горы, на вершине которой виднелись замурованные входы в пещеры. – Нам надо подняться туда... Говорят, золотишко может скрываться в таких пещерах...

Спешившийся отряд начал взбираться по крутой тропе, вьющейся между громадными валунами и высокими деревьями, росшими на отвесных скалах.

– Чьи ж это погребения? – поинтересовался Минаков.

– Возможно, скифов, а возможно, других каких-нибудь племен, – ответил Козлов. – Тут в далекой древности кого только не было. Так хоронили жрецов и царей. Говорят, что таких погребений в Карачае множество.

– Под Ключевой⁷⁶⁷, в скалах, на реке Белой, выше Майкопа, тоже есть такие пещеры, – заметил Минаков. – Возле станицы Баракаевской⁷⁶⁸ одна наполнена человеческими костями.

Белоказаки шли гуськом, с трудом преодолевая каждую пядь крутой тропы.

Через полчаса они добрались наконец до площадки, тянувшейся узким карнизом поперек скалы. Взрывники заложили пироксилиновые шашки в замурованный наглухо вход в пещеру. Козлов приказал всем укрыться в расщелинах и за уступами скал. Раздался оглушительный взрыв, долгое эхо прокатилось по горам и ущельям. Когда рассеялось пыльное облако, все увидели широкий пролом в пещеру...

* * *

Матяш собрался в путь еще до рассвета. Вскинув на плечи сумки с провизией и патронами, он взял карабин, вышел на едва приметную в предутренних сумерках тропу в Умпырь. Повсюду царил тишина. На низком, воронено-синем небе еще мерцали крупинки звезд. С востока тянуло пронизывающей свежестью.

Зарю Матяш встретил уже под горою Магишо. На скалах, покрытых дремучим лесом и окутанных седым туманом, все громче щебетали птицы, в водоемах квакали лягушки. В стороне, на Умпырке, глухо ухала выпь. Держа наперевес карабин, Матяш осторожно пробирался по дикой чащобе вперед. Внезапно ему бросилось в глаза громадное сухое дерево, сучья которого торчали в разные стороны, как изогнутые железные прутья. На одном из сучков что-то медленно раскачивалось. Матяш подошел поближе и теперь ясно увидел повешенного человека. Глаза у него были выклеваны хищными птицами, руки связаны за спиной, плечи и шея в глубоких ранах.

«Кто же это? – подумал с содроганием Матяш. – Погиб человек. А за что?» Выбравшись к берегу реки, он вдруг увидел еще более жуткую картину: на деревьях и скалах – повешенные. На

---

⁷⁶⁶ **Мощевое ущелье** – ущелье ручья Мощевой (приток реки Большая Лаба) «Мощевая балка». Известно расположенным здесь древним городищем (уничтожено лесоразработками в 1960–70-е годы) и могильником 8–9 веков. – прим. Гриня

⁷⁶⁷ Станица **Ключевая** в 1965 году была объединена с расположенным рядом поселком Горячий Ключ и стала частью города Горячий Ключ. Вверх по течению по реке Белой от города Майкопа похожих топонимов не найдено. – прим. Гриня

⁷⁶⁸ **Баракаевская** – станица в Майкопском отделе Кубано-Черноморской области (сейчас – в составе Мостовского района Краснодарского края), расположена в верховьях реки Губс. – прим. Гриня

белой ровной скале над Умпыркой надпись: «Всех, кто пойдет против меня с оружием в руках, постигнет участь этих красных! Подьесаул Г. Е. Козлов».

– Собака! – процедил сквозь зубы Матяш и поспешно начал выбираться из этого страшного места.

На небольшой умпырской поляне он увидел стадо диких кабанов, хотел было подкрасться к ним поближе, но животные почуяли его, наострили уши и стали уходить по густым папоротниковым зарослям и бурелому. Поддавшись охотничьему азарту, Матяш некоторое время следовал за ними. Но кабаны скрылись в дубовой роще, и Матяш только сейчас заметил, что солнце уже перевалило за полдень. Он решил вернуться, отыскать знакомую тропу, но так и не смог. Усталый и измученный, поднялся он в сумерках на скалу, зажег там сухой пень, перекусил немного и, нарвав папоротника, сделал себе постель.

Проснулся на восходе солнца. Долго разглядывал окружающую горную местность. Наконец ему удалось определить свое местоположение, и он направился к горе Алоус.

На поляне, густо поросшей альпийскими травами, он заметил у небольшого озера стаю белых лебедей. Сердце у него замерло от радости.

– Бугундырские⁷⁶⁹ лебеди! – воскликнул он. – Родимые мои!

Вспомнились далекие мальчишеские годы, проведенные в Ахтырской, вблизи Бугундыря, куда он почти ежедневно бегал с удочкой ловить карасей и часами любовался лебедиными стаями, спокойно плавающими по зеркальным плесам. Сейчас, прячась за кустами, он снова восхищался их красотой и, взволнованный до слез, шептал: «Лебеди... Детство мое – светлое, беззаботное...»

Неподалеку грохнул винтовочный выстрел, и эхо с перекатами понеслось по горам и ущельям. Матяш вздрогнул от неожиданности, щелкнул затвором карабина. Стая лебедей с тревожными криками побежала по зарослям, оторвалась от земли, начала набирать высоту. Матяш увидел, как подстреленный лебедь бежал с опущенным крылом следом за стайей и громко кричал. Лебеди поднимались все выше и выше. Сделав над поляной два прощальных круга, они скрылись за облачными вершинами гор.

«Какой же это злодей стрелял?!» – гневно подумал Матяш и бросился к раненой птице, волочившей окровавленное крыло. В кустах у берега он лицом к лицу столкнулся с Лукой, который также бежал к подранку. Они остановились в замешательстве. Матяш заскрежетал зубами и, вскинув карабин, закричал:

– Ах ты, собака!

Монах юркнул за куст. Матяш выстрелил. Пуля срезала несколько веточек на орешнике. Перезаряжая на ходу карабин, Матяш бросился за своим врагом. Однако Лука пропал так же быстро, как и появился. Матяш пошарил глазами вокруг, поднял раненого лебедя, погладил его по голове и с болью в сердце побрел через поляну к Мертвой балке⁷⁷⁰.

IX

У входа в пещеру, заросшего держидеревом, Матяш встретил своего тестя.

– Ба! – выпучив удивленно глаза, воскликнул Игнат Власьевич.

Они крепко расцеловались.

– Где же ты пропадал? – спросил Игнат Власьевич.

Андрей, опустив голову, молчал. Борода ершилась щетиной, чернела, как чистый, только что вспаханный пар.

Из пещеры выбежала Оксана и, всплеснув руками, бросилась на шею Матяша. По ее щекам

---

⁷⁶⁹ **Бугундырь** – река в Таманском отделе Кубано-Черноморской области (сейчас – Абинский район Краснодарского края), протекает между станицами Ахтырской (сейчас – поселок Ахтырский) и Абинской (сейчас – город Абинск). – прим. Гриня

⁷⁷⁰ **Балка Мертвая** – река, левый приток реки Уруштен, устьем к западу от горы Лохматая (на современных картах встречается название «река Додогачей»). Урочище «**Мертвая балка**» – местность в среднем течении реки Додогачей (левый приток реки Уруштен, протекает между хребтами Мертвая Скала и Красная Скала), на современных картах можно встретить название реки «**Балка Большая Мертвая**». Еще ниже по течению реки Уруштен есть левый приток – **Балка Малая Мертвая**. – прим. Гриня

катились горькие слезы.

– Андрюша, родной мой... – тихо повторяла она сквозь плач.

Матяш прижал ее к себе, промолвил сдавленным голосом:

– Ну чего ты? Я ведь жив и здоров.

Оксана улыбнулась, вытерла слезы, потянула его за рукав:

– Пойдем, а то здесь...

Широкий мрачный проход пещеры. Неровные стены и сводчатый потолок, с которого, как гигантские сосульки, свисали сталактиты, кое-где поросли светящимся мхом. Андрей шагал рядом с женой и тестем, с тоскою разглядывал свое новое жилище, и чем дальше углублялся в эту пропитанную сыростью, отвратительную дыру, тем тяжелее становилось у него на душе. Темнота постепенно сгущалась. Игнат Власьевич пошел вперед. Обходя каменные глыбы и колонны на пути, он вскоре повернул в узкий коридор, ответвлявшийся от главного входа, и очутился в совершенно непроглядной тьме.

– Ого-го! – воскликнул Андрей и остановился. – Да тут сам черт ногу сломит! Куда вы меня ведете?

– Иди, иди! – теребила его за рукав Оксана. – Тут луж много. По-над стенкою держись.

Вскоре они вошли в небольшую пещеру, освещенную пучком солнечных лучей, проникавших сквозь узкую щель западного склона горы.

– Вот тут мы и обитаем, – объявил Игнат Власьевич.

Андрей окинул взглядом пещеру. Справа стояла кровать, сделанная из свежих бревен. За ней на стене, покрытой плесенью, висела черная кошма, заменявшая ковер. На кошме сверкали позолотой и серебряной насечкой ножны пашки и кинжала. Рядом находился карабин. Тут же, на колышке, – бурка. Кровать застлана рядом. В изголовье – подушка. На полу – волчья шкура. Слева, за перегородкой из зеленых веток, такая же кровать – аккуратно убранная, с тюлевой накидкой на подушке. Серый камень за ней завешен персидским ковром. Под стеной, против «окна», – выступ, заменявший стол. Около него – несколько чурбанов-скамеек.

– Гм... – невесело усмехнулся Андрей. – Жить, конечно, тут можно, когда некуда больше податься. – Он снял кубанку и сел у стола...

Оксана стояла у входа, молча наблюдала за мужем. Она чувствовала, что с ним творится что-то неладное. Рука его лежала на столе в полосе солнечного света, и Оксане хорошо было видно, как дрожали у него пальцы. И вдруг он уронил голову на скрещенные ладони и глухо застонал, забился. Оксана побледнела, метнулась к нему, но отец остановил ее жестом, словно говоря: «Не трогай. Пусть...»

Вошла Ава, испуганно уставилась на Андрея. Оксана опустила на камень.

Андрей медленно поднял голову, вытер рукавом лицо, пробормотал:

– Да, видно, пришел нам конец.

Игнат Власьевич опустил руку на его плечо:

– Ну, зачем так духом падать?

Андрей расстегнул воротник гимнастерки, выступавший из выреза потрепанной черкески. Оксана начала собирать обед.

– Ты погоди, Ксения, – устало промолвил Матяш. Не до еды мне сейчас... Спать хочу. Спать, спать!

– Ложись на моей кровати, – предложил ему Игнат Власьевич.

Андрей снял с себя черкеску, сапоги, лег под бурку и тотчас уснул. Игнат Власьевич нахлобучил шапку, вышел.

Время тянулось медленно, тягостно.

Склонив голову на плечо подруги, Ава сладко зевнула, потянулась, сказала тихо:

– Скоро солнце зайдет. Надо постель себе смастерить.

В пещеру заглянул Игнат Власьевич, сумрачно бросил:

– Буди его, Ксения, пора уже.

Оксана наклонилась над мужем, прошептала:

– Андрюша, вставай.

Андрей с трудом раскрыл глаза, вылез из-под бурки, сунул ноги в сапоги и, чувствуя озноб со сна, обратился к жене:

– Мне бы умыться.

Оксана взяла его под руку:

– Пойдем. Тут у нас родничок.

По узкому проходу, ярко освещенному косыми лучами солнца, она вывела его к роднику. По сторонам родника – густые заросли папоротника и держидерева. Андрей невольно залюбовался красотою вечерних гор.

– Да тут как в раю! – воскликнул он, оживившись, прижал Оксану к груди и, обжигая колючей бородой ее щеки, жарко припал к губам.

– Потом, потом, Андрюша, – сказала Оксана, – А то папаня нас ждет.

Андрей засучил рукава гимнастерки, подставил пригоршню под холодную струю, начал умываться. Жемчужные брызги летели во все стороны, падали на пожелтелые камни. Оксана подала ему полотенце. Он вытер лицо, шею, и, улыбаясь, не сводил глаз с жены.

Ава уже собрала ужин. Игнат Власьевич налил в стакан первача. Андрей поднес самогон к носу, поморщился, проговорил:

– Видать, скаженный⁷⁷¹, черт!

Игнат Власьевич чокнулся с зятем, одним духом осушил стакан и, крикнув от удовольствия, нюхнул подгорелую корку хлеба, потянулся к тарелке. Выпили и остальные, принялись за еду. Оксана поминутно поглядывала на мужа, думала: «Как он изменился за это время!» И действительно, Андрей был неузнаваем. На обветренном смуглом лице появилось несколько глубоких морщин, придававших ему какой-то старческий, угрюмый вид. Особенно старила его густая черная борода. В потускневших, утомленных глазах сквозила безысходность. Ел он мало, нехотя.

– А как же наши люди? – спросил он, остановив взгляд на тесте.

– Живы-здоровы, – ответил Игнат Власьевич. – Здесь, в пещере. После вечери ходим к ним. – Он расправил усы и бороду, добавил: – А тут недавно проездом полковник Ковалев был. С побережья пробирается, хочет занять Измайловскую пещеру.

– Я видел его у подьесаула Козлова, – сказал Андрей, пьянея. – О чем он тут разговор вел?

– Спрашивал, как мы отнесемся к амнистии, – ответил Игнат Власьевич и, помолчав, пояснил: – Скоро же у большевиков праздник будет. Третья годовщина Октябрьской революции. Ну, народ так считает, что Ленин объявит эту самую амнистию нашему брату.

– И что же вы ему?

– Да что? – Игнат Власьевич развел руками. – Нас большевики не помилуют.

– А может быть, нам лучше покаяться? – неуверенно проговорила Оксана. – Не век же нам в этих норах сидеть!

– Нет, Ксения, – мотнул головой Андрей, скривив обветренные губы. – Прав батько. Нам нечего ждать пощады от красных. Да я и не желаю падать перед ними на колени.

Игнат Власьевич, наливая по второму стакану, заключил:

– Ничего, поживем – увидим, как оно дальше будет!

* * *

Наступила темная осенняя ночь. В пещере, тускло освещенной фонарями, сидели и лежали белоказики. Вели разговоры о своих станицах, хуторах, вспоминали родных, знакомых. Раненые стонали, просили пить. Сырой, пропитанный табачным дымом воздух дурманил им головы, вызывал тошноту.

В глубине пещеры, на серой неровной стене, колыхались бесформенные тени, тусклый свет обнажал угрюмые выступы известняка. Тут же стояли и лошади, жевали сочную траву, фыркали.

Игнат Власьевич и Андрей прошли по мрачной пещере. Казаки приветствовали Матяша, некоторые обнимали его, как родного.

У широкого камня, под фонарем, играли в карты, выкрикивали азартно:

– Филька⁷⁷²!

---

⁷⁷¹ **Скаженный** – сумасшедший, бешенный. – прим. Гриня

⁷⁷² **Филька** – здесь – название карты «валет» в игре «Филька» («в дурака»). – прим. Гриня

– А вот тебе дама!

– А короля не хотел?

Невдалеке от них, сгрудившись у другого камня, подвыпившие хвастались наперебой своими станицами.

– Знаем, знаем вас, заткнись! – громко прозвучал иронический бас. – Бреешь ты все.

– А что ты знаешь про нашу Титаровку⁷⁷³? – вскипел низенький казак с приплюснутым, широконоздрым носом.

– Да то, что вы вместо архиерея цыгана всей станицей встречали, – отозвался тот же бас.

– А ну-ка, расскажи! – весело загудели казаки.

Игнат Власевич и Андрей прислушались к разговору. Из темноты вразвалку вышел здоровенный казачина. Широко улыбаясь, он ткнул пальцем в сторону низенького казака.

– Они всей станицей ждали архиерея. Послали дозорного на Махай-гору. Глядел-глядел дозорный и побачил на дороге пыль. «Мабуть, архиерей едет», – подумал он и давай махать шапкой. А другой такой же дозорный, что стоял под станицей, скорее на коня да к батюшке. Мол, так и так: архиерей едет... Начали звонить в колокола. Собрались на площадь попы, станичники. Из церкви вынесли хоругви... Ан глянь – вместо архиерея да цыган на серых лошадях пожаловал. Понравилось ему, что с таким почетом встречают его, встал в тачанке и во все горло крикнул: «Здорово, титаровцы, та ще й га!⁷⁷⁴ Жалую вам нанки⁷⁷⁵ на штаны да рябу кобылу!»⁷⁷⁶

В пещере грохнул дружный хохот. Титаровца это сильно задело. Лицо его побагровело. В ярости он выхватил кинжал, по-петушину закричал:

– Бреешь, собака! Да я тебя, стерва!

Казаки схватили его за руки, приказали вложить кинжал в ножны. Титаровец, сверкая глазами, продолжал петушиться. И тут кто-то бросил насмешливо басовитому казачине:

– А у вас в Казанской⁷⁷⁷ побачили верблюда в пшенице, стали все на колени и ну креститься: «Пресвятая мати-царица, спаси и сохрани нас от такой загогули!»

Казаки заржали еще громче.

– Что, съел? – злорадно оскалился титаровец.

– Это же дурная байка! – процедил сквозь зубы казанец.

– Нет, брат, не байка, – подхватил елизаветинец, ядовито прыская в кулак.

Казанец взъерошился, угрожающе наклонился к нему:

– Молчи лучше! Мы и про твою Елизаветинку кое-что знаем.

– Рассказывай, рассказывай! – снова загалдели казаки.

– Был у них обычай на пасху – вместе с куличом, салом и маслом святить еще и порох, – начал бас. – Вот один казак, не помню его фамилию, ни мало ни много, но больше фунта пороху взял, завязал в платочек и пошел в церковь. Купил там свечку, зажег ее и воткнул в порох. Все чин по чину. Горела свеча, горела, а когда батюшка подошел к ней с кропилом, порох как луснет⁷⁷⁸! Пасха,

⁷⁷³ Куренное селение **Титаровское** – основано в 1794 году на востоке Таманского полуострова, в числе 40 первых селений черноморских казаков на Кубани. С 1848 года – станица Старотитаровская. Входила в состав Таманского отдела (с 18 ноября 1920 года – Темрюкского) Кубано-Черноморской области (сейчас в Темрюкском районе Краснодарского края). – прим. Гриня

⁷⁷⁴ «Титаровцев все дразнили – „Титаровці, та ще й га!“ , потому что, как только они раскроют рот, первое, что у них вылетает, – это их протяжное „га!“» (Н. Бугай «Жизнь цыган на земле кубанской»). – прим. Гриня

⁷⁷⁵ **Нанка** – прочная хлопчатобумажная ткань, как правило, буровато-жёлтого цвета. – прим. Гриня

⁷⁷⁶ Старая казачья байка. Имеет несколько вариантов, один из которых вошел в состав сказа «Как Илья Журба казаком стал» в книге В. А. Попова «Кубанские сказы». – прим. Гриня

⁷⁷⁷ **Казанская** – станица в Кавказском отделе Кубано-Черноморской области (сейчас – в Кавказском районе Краснодарского края). Расположена на правом берегу реки Кубань. – прим. Гриня

⁷⁷⁸ **Луснуть** – хлопнуть, треснуть, лопнуть. – прим. Гриня

яйца да масло разлетелись во все стороны. У батюшки от переляку кропило выпало из руки. Стоял он, стоял, да как ударит бечь! За ним и все прихожане тягу дали, пустились наперегонки, давить друг дружку начали в дверях, крик неумный подняли. Мол, черт в церкви появился...

– Не слушайте его, братцы! – пискливо завопил елизаветинец. – Брехня это!..

Игнат Власьевич и Андрей углубились в кривой коридор, направились к выходу. Здесь, в устье пещеры, стояли часовые. Холодное небо, усеянное звездами, висело низко над горами.

Игнат Власьевич зевнул, промолвил:

– Что-то Федот Давидович долго не возвращается из похода. Не стряслась ли какая беда с ним?

У входа в пещеру показалась Оксана и Ава. Поглядев на небо, они громко рассмеялись.

– Чего ржете? – шикнул на них Игнат Власьевич. – Не дюже тут большая радость.

– Вспомнили, как ходили на досвитки⁷⁷⁹, – отозвалась Оксана.

– Забывайте теперь про них, – проворчал Игнат Власьевич.

С востока дохнул холодный, пронизывающий ветер, протяжно, с надломленным стоном зашумели верхушки деревьев. Андрей зябко вобрал шею в плечи.

– Ветер перепелячий⁷⁸⁰, – проговорил он угрюмо. – Дело к зиме идет.

– Живы будем, так перезимует, – сказал Игнат Власьевич.

Андрей вспомнил о раненом бугундырском лебеде, и на душе у него стало еще тоскливее.

Х

В пещере, освещенной лампой, стоял полумрак. Ава застлала рядом свою кровать, уже сооруженную у стены, обняла Оксану за плечи, заглянула в глаза:

– Ксюша, ты рада, что Андрюша возвратился?

– Конечно, рада, – ответила Оксана. – Зачем спрашивать об этом?

– Да так... – Ава смутилась. – Гляжу я на вас, и мне кажется, что не пара он тебе. Ты такая красивая.

– Ах вот что, – рассмеялась Оксана. – Глупенькая, да разве любят только красивых? Я люблю Андрюшу за то, что он сильный, смелый, не тряпка. И за то, что дорожит он моей любовью.

За медвежьей шкурой, прикрывавшей вход в коридор, раздались глухие шаги, и в пещеру вошли Игнат Власьевич, Андрей и Федот Давидович, который только что вернулся из похода.

– Да, теперь многие с нетерпением ждут амнистии, – задумчиво промолвил Игнат Власьевич, присаживаясь на свою кровать. – Боюсь, как бы и наши ряды не поредели после той амнистии.

– И такое может быть, – согласился с ним Федот Давидович. – Гарнизация у нас никудышняя. Слабовольных богато.

– Почему-то Ковалев и обеспокоен так, – подчеркнул Игнат Власьевич. – Пока еще не поздно, мы должны строго предупредить своих казаков, что с изменниками у нас разговор будет короткий.

– Значит, опять расправа? – На острых скулах Андрея судорожно передернулись мышцы.

– А что ты предлагаешь? – взглянул на него Игнат Власьевич.

Андрей раздраженно махнул рукой.

– На гриве не удержались, а на хвосте и подавно...

Федот Давидович встал, надел шапку, сказал глухо:

– Ну, я пошел.

– Вы бы повечеряли с нами, – предложил ему Игнат Власьевич.

Федот Давидович зевнул, покачал головой:

– Нет, благодарствую, пойду отдыхать. Что-то зябко стало, ломота какая-то в теле. Должно быть, притомился дюже.

Испытывая свинцовую тяжесть в ногах, он добрался до общей пещеры, постлал на каменном уступе постель, залез под бурку. Его все чаще пробирали ледяная дрожь, кости будто разламывались.

---

⁷⁷⁹ Досвитки – вечерки, посиделки. – прим. Гриня

⁷⁸⁰ Имеется в виду, что миграция перепелов на юг происходит осенью, в основном в сентябре. В хорошую погоду перепела способны перелетать на большие расстояния, в ненастную погоду дичь садится чаще, что и позволяет охотиться на нее. – прим. Гриня

«Эге-ге, – простонал Федот Давидович, стуча зубами, – Заболел я, мабуть». Он приподнялся на локте, выглянул из-под бурки. Вся пещера и люди, находившиеся в ней, поплыли перед глазами. Сознание туманилось И вдруг Федот Давидович вскочил с постели, широко расставив ноги и потрясая кулаками, закричал в горячке:

– Хлопцы, не поддавайтесь, бейте их! – Он сорвал шашку со стены: – Вот!.. Вот!.. Красные!.. Рубите их, братцы!.. Рубите!.. – Ноги у него подкосились, шашка выпала из руки, и он, задышав, повалился на землю

Казаки подняли его, уложили под бурку, дали знать о случившемся Бородуле. Пришел к больному Игнат Власьевич, встревоженно спросил:

– Что с тобой, Федот Давидович?

– Ничего... ничего... – стуча зубами от озноба, пробормотал Молчун. – То огнем меня печет, то в холод кидает... А зараз Меланья привиделась... Мабуть, не дождется меня...

Подошел Матяш, нервно поскреб подбородок:

– Что же нам делать с ним?

Федот Давидович снова впал в беспамятство, заметался по постели.

– Видите?.. Видите?.. Вот они!.. Ползут, подбираются к нам... По коня-я-ям!..

– Да ты лежи! – удерживая его, сказал Игнат Власьевич. – Никаких красных здесь нет. Успокойся.

Он положил голову больного на подушку, подтолкнул под бока бурку. Тот затих, начал засыпать. Игнат Власьевич приставил к нему двух казаков...

Андрей проснулся на рассвете, разбудил Оксану и, соскочив с постели, сладко потянулся.

В пещере прозвучал сигнал побудки. Банда зашевелилась, зашумела, начала седлать лошадей. В проходах потянуло табачным дымом.

Игнат Власьевич, оставив в пещере несколько дежурных казаков-стариков и поповну, выехал со своим отрядом «на охоту».

Оксана ехала рядом с мужем. Пробравшись по узкому ущелью, заросшему гигантскими дубами, банда очутилась у крутого спуска.

Игнат Власьевич, скакавший впереди, стал спускаться по узкой тропе, за ним – Андрей и Оксана, потом и весь отряд.

У входа в ущелье с гулом и ревом бушевал поток. Отряд преодолел его вброд, с полчаса двигался по ущелью и наконец выехал на обширную травянистую поляну, блестящую росой в лучах утреннего солнца. Вокруг поляны рос дубовый лес, высились угрюмые скалы.

Внезапно из-за горы, поросшей кудрявыми дубами, вынырнула кавалерия. С обнаженными шашками, сотрясая воздух могучим «ура», она лавиной устремилась на белых.

– Красные, красные! – в отчаянии закричала Оксана и яростно начала бить каблуками Кокетку в бока.

Игнат Власьевич быстро развернул отряд к бою. Красные понеслись на него во весь опор.

Виктор Левицкий, размахивая шашкой над головой, как птица, летел впереди своего полка. За ним на неутомимом Кристалле следовал Демка Вьюн, а правее, сверкая отточенной шашкой, мчался Лаврентий.

Началась жестокая сабельная рубка. Небольшая группа белоказачков рванулась в лес, но красноармейцы, сидевшие в засаде, преградили ей путь винтовочным и пулеметным огнем. Несколько казаков опрокинулись с лошадей. Под Андреем был убит конь. Андрей вылетел из седла, перевернулся через голову, вскочил на ноги и, вцепившись обеими руками в хвост лошади тестя, запальчиво крикнул:

– Гоните, папаня, шибче!

Игнат Власьевич огрел лошадь плетью, Андрей несся за ним, точно на крыльях.

Укрывшись от погони, банда залегла в дубовой роще за камнями и деревьями. Тревожный взгляд Игната Власьевича был прикован к дочери, которая мелькала на Кокетке в хаотической массе красных и белых конников, носилась по поляне. Полоска белой стали в ее руке сверкала, искрилась, режущим ударом опускалась на головы противника.

– Молодец, дочко, молодец! – воскликнул Игнат Власьевич и, покрутив дрожащими пальцами широкие усы, повел растерянными глазами по всему полю, густо усеянному трупами.

К нему приполз Андрей, посмотрел в бинокль.

– Кажется, Ксения не вырвется, – с тревогой проговорил он.

Красноармейцы окружили Оксану, но она так искусно действовала шашкой, что никто не решался приблизиться к ней. Наконец она пробилась сквозь кольцо, словно ласточка, понеслась к ущелью. Но тут путь ей преградил Виктор, совсем не подозревая, что перед ним Оксана. Она метнула на него ледяной взгляд, и в ее глазах вдруг помутилось: горы, лес и поляна перевернулись, запрыгали, как в жарком летнем мареве. Девушка пошатнулась в седле, шашка выскользнула из ее руки, вонзилась в землю. Виктор был уже совсем близко. Оксана схватилась руками за голову и, когда он занес над нею шашку, закричала диким голосом:

– Виини-ии-итя-я!..

Виктор узнал ее, но рука уже сделала свое роковое дело... Оксана, откинув голову назад и обливаясь кровью, свалилась с лошади. Виктор спрыгнул с Ратника, подхватил жену на руки. С перекошенным от ужаса лицом он припал головой к ее груди, застонал:

– Ксения... я... я... не хотел... Прости...

* * *

Игнат Власьевич и Андрей с остатком отряда поспешно возвратились в пещеру. У входа стояла Ава с дежурными казаками. Она кинулась к Андрею, закричала:

– Где Ксюша?

Андрей отвернулся, промолвил, едва сдерживая слезы:

– Нет ее... Ксюши нашей.

Лицо у Авы покрылось бледными пятнами. Широко перекрестившись, она припала к дубу, судорожно охватила его руками, глухо зарыдала.

Белоказаки поспешно выносили из пещеры свои пожитки, вьючили на запасных лошадях.

Игнат Власьевич подошел к Федоту Давидовичу. Тот все так же лежал под буркой, тяжело дышал, охал, ворочался с боку на бок, бормотал что-то несвязное. Андрей присел на камень и, кусая губы, угрюмо глядел невидящими глазами в одну точку. Он никак не мог простить себе, что не бросился на выручку Оксане...

– Полно тебе, Андрей, – сказал Игнат Власьевич. – Тебе она – жена, мне – дочь... Твое горе – мое горе.

Федот Давидович с трудом приподнял голову, проговорил:

– Братцы... не оставляйте меня здесь одного... Я помру...

Игнат Власьевич наклонился над ним:

– Нет, нет, Федот Давидович. Не беспокойся, тебя мы не оставим.

В пещеру вбежал запыхавшийся дозорный:

– Беда! Красные на гору лезут!

Бандиты бросились из пещеры, сели на лошадей, пустились по ущелью. 1-й Афипиский полк начал преследовать их.

В пещере остался один Федот Давидович. Возле него на стене висело оружие: карабин, наган, шашка и кинжал; тут же, на выступе, стояла вода в котелке, лежал ломоть черного хлеба. Большой метался в жару, скрипел зубами, выкрикивал:

– Меланья, где ты? Чуешь? Принеси воды... Скажи Гришке...

Ночью к пещере явилась стая голодных волков, завывала на все голоса. Федот Давидович пришел в себя, сквозь тьму увидел у входа горящие глаза. Волосы поднялись у него дыбом. Звери завывали еще сильнее, защелкали зубами. Федот Давидович окликнул Игната Власьевича. В ответ по пещере прокатилось эхо. Где-то далеко, точно из трубы, вылетело: «Игнаааа-аа-ат Влааа-аа-сьее-е-ви-ич!» Федот Давидович понял, что его бросили, дотянулся до стены, нащупал карабин. Лег на живот, прицелился в зловещие огоньки. Грохнул раскатистый выстрел. Волки шарахнулись в сторону, пропали в ночи.

Федот Давидович снова впал в беспамятство, но через некоторое время очнулся и, не найдя в темноте карабина, сорвал с колышка шашку, вынул ее из ножен, встал с постели. Передвигая широко расставленные ноги, пошатываясь, медленно пошел к выходу. Тело дрожало, голова кружилась, гудела, как горячий котел, к горлу подступала тошнота. Тяжело дыша, он с трудом выбрался из пещеры и тут же упал, шашка соскользнула с наклона горы, зазвенела по камням...

XI

Октябрь на исходе. По свинцово-серому небу с тяжелыми хвостами плыли угрюмые дождевые тучи. Солнце, точно масляное пятно на воде, расплылось, светило неярко жара еще брала свое, спадала только к вечеру, и тогда в воздухе чувствовалось дыхание осени. Ветер становился порывистым, рвал на деревьях поблекшие листья, гонял их по садам и лесам. Птицы стаями носились над пустующими полями. Ожиревшие русаки выбегали в лунные ночи на опушку леса, поднимались на задние лапы и подолгу высматривали, нет ли поблизости хищников.

Кубань не так бурно и стремительно несла свои мутные воды, как это обычно бывает в троицкие дни⁷⁸¹, когда на Кавказских горах начинают таять ледники или же льют сильные дожди. Теперь она присмирела, вошла в изрезанные песчаные берега и в верховьях выглядела смиренной ленивой речушкой.

А в лесу – что за таинственная прелесть! Какая необыкновенная красота! Игольчатые лучи золотистого солнца прорезались сквозь бронзовую листву, обливали ее золотом, и деревья, словно невесты перед венцом, стояли в дорогих нарядах; кланялись под дыханием ветра солнцу, оживленно шумели, шептались меж собой. Калина горела, как жар, слепила очи!

Утро выдалось солнечное, прозрачное. Голубое небо очищалось от туч. На бескрайних краснодольских полях то там, то здесь чернели полосы зяблевой вспашки, щетинились сочной зеленью озимые всходы. Буйный восточный ветер гонял по земле перекасти-поле. Воздух постепенно накалялся, и на далеком светлом горизонте все сильнее колыхались прозрачные токи марева.

Из-за бугра выплыла одинокая женская фигура, устало бредущая за плугом. Понукая плетущихся в борозде волов и лошадей, женщина пела песню, которую подхватывал ветер и далеко уносил в широкую открытую степь. Голос ее то замирал, то опять усиливался.

Женщина росла на глазах, трепетала в горячем воздухе вместе со своим плугом, волами и лошадьми, становилась как бы прозрачно-невесомой. Вот она оторвалась от земли и медленно поплыла над пашней. Одежда на ней точно была объята бесцветным пламенем, колыхалась, как отражение в чистой воде. С непокрытой головы на плечи и грудь ниспадали длинные растрепанные волосы, по изможденному лицу градом катились слезы...

Степь будто прислушивалась к грустной мелодии песни, к голосу, наполненному слезами.

Гей ты, ныво, в тебе гону
От Кубани аж до Дону!
Та широка ж, як погляну,
Геть укрылася кылымамы⁷⁸²,
Огорнулася лугама
Й простяглася по лыману...⁷⁸³

Голос затих. Женщина спустилась с бугра, и ее фигура стала сразу маленькой, щуплой. Это была Левицкая. С трудом шагая в борозде пустого, безлюдного поля, она гикнула на волов и снова запела.

Що ж то, ныво, лыхом збыта.
Потом, кровию полыта,
Ныньки сталося з тобою?
Не красуешься скыртамы,

---

⁷⁸¹ **Троицкие дни**, Троицкая седмица, «Зеленые святки», «Русальная неделя» – неделя после праздника Святой Троицы (50-й день после Пасхи). Существует поверье, что сразу после Троицкой седмицы начнется жаркое лето, а весна уступит свои права. – прим. Гриня

⁷⁸² **Кылымамы** (укр.) – коврами.

⁷⁸³ Ой ты, поле, ты длиною От Кубани аж до Дона! И широко, как взгляну, Враз укрылось коврами, Окуталось лугами И раскинулось к лиману... – прим. Гриня

Она остановилась на минуту, поглядела из-под ладони вокруг, поправила прядь волос, падавшую на лицо, затем опять положила руки на чапиги и пошла дальше. А плачущий голос ее все плыл и плыл над степью.

* * *

Осенние сумерки быстро густели. Краснодарская будто растворялась в ночной тьме, затихала.

Влас Пантелеймонович Бородуля вошел к себе во двор, направился было в дом, но, подумав немного, почесал затылок, заковылял к небольшой хатенке, пристроенной к конюшне, отпер дверь, скрылся в темной комнатке. Там он зажег жирник на закрытом окне, запер дверь, опустился на колени перед иконой богородицы, усердно начал бить земные поклоны.

Снаружи послышался шорох. Влас Пантелеймонович испуганно прислушался, на цыпочках подошел к двери. Шорох повторился.

«Господи! – прошептал старик, торопливо погасил свет и, затаив дыхание, припал ухом к двери. Шорох приближался, – Ну, кто... кто бы это? – подумал Влас Пантелеймонович, чувствуя, как спину пробирает мороз, – Ведь ко мне никто не ходит...» В это время дверь так затрещала, что казалось, она вот-вот расколется надвое. Старик был ни жив ни мертв.

За дверью нетерпеливо захрюкала свинья.

– Чу!.. Окаянная! – дрожа всем телом, едва вымолвил Влас Пантелеймонович.

Свинья еще раз хрюкнула и пошла прочь. Влас Пантелеймонович подошел к окну. Ему чудилось, что за дверью была не свинья, а разбойник. На дворе шумел ветер. Обманчивые звуки ночи пугали старика.

Но вот за окном явственно послышались чьи-то шаги. Власа Пантелеймоновича опять обуял страх. Из-за двери донесся женский голос:

– Влас Пантелеймонович, вы здесь? Откройте, это я.

Старик узнал голос игуменьи, вздохнул облегченно:

– Слава богу, это матушка. – И открыл дверь.

В комнату в сопровождении Луки вошла игуменья, сказала:

– Что же у вас темно?

– Я зараз. – Влас Пантелеймонович зажег светильник, приподнял над головой. – Каким ветром занесло вас, матушка?

Игуменья указала на монаха, стоявшего за ее спиной:

– Я привезла вам этого человека. Он прибыл из тех мест, где находится Игнат Власевич.

– Игнат?.. – заглядывая монаху в лицо, недоверчиво протянул Влас Пантелеймонович.

– Да... я оттуда, с гор, – подтвердил Лука.

– А как ваше имя и по батюшке? – спросил Влас Пантелеймонович.

– Просто – брат Нифонт, – ответил Лука.

– К нам приехал по совету Алексея Ивановича Хвостикова, – пояснила игуменья и после небольшой паузы подчеркнула: – И вам радостную весточку привез.

– Ну что ж, – прохрипел Влас Пантелеймонович. – Я дюже рад такому гостю. А то... про меня все забыли... На старости один как палец... – Он всхлипнул, вытер слезу на левом глазу.

– Можешь располагаться, брат Нифонт, – сказала игуменья монаху, – А я поеду.

– Прощевайте, матушка, – пробасил Лука, разглядывая тускло освещенную комнатку.

Влас Пантелеймонович проводил игуменью за калитку и, вернувшись, сказал:

– А я оце перед вашим приходом дюже страху набрался.

– Что же случилось? – спросил Лука простуженным голосом, сел на скрипучую табуретку у стены.

– Да... – Влас Пантелеймонович махнул рукой и рассказал, как его напугала свинья.

---

⁷⁸⁴ Ой ты, поле, горем вспахано. Потом, кровью политое, Что теперь случилось с тобой? Не красуешься стогами, а зарастаешь лебедой? – прим. Гриня

Лука взглянул на него исподлобья, промолвил тихо:

– Бывает... В ком есть страх, в том есть и бог.

Влас Пантелеймонович уселся на топчане, закашлялся, вытер слезившийся глаз, спросил:

– Ну, как мой сын там, в горах? Давно вы бачили его?

– Я недели две тому назад был у него, – соврал Лука. – Живет он со своими друзьями неплохо.

– И дочка с ним?

– Ксения?

– Да!.. Внученька моя!

– Была с ним.

– А чоловік ее?

– Кто такой?

– Андрей Матяш. Чулы про такого?

Лука почесал кончик носа, буркнул:

– Знаю я Матяша.

Старик уловил в его голосе раздраженность и злобу, насторожился. Лука заметил это, улыбнулся:

– С Матяшом мне не раз приходилось встречаться. Воинственный казак. – И вдруг объявил: – Устал я сильно. Прилечь бы с дороги. А завтра потолкуем обо всем.

ХII

Краснодольская проснулась рано. Утренний туман клубился в садах, дворах и на улицах. Калита возился с лошадьми, когда мимо его двора проскакало к центру станицы несколько конников. Вскоре по улице потянулась кавалерийская часть. Калита подошел к забору, стал приглядываться к верховым казакам. К нему подбежала Клава Белозерова. Переведя дыхание, она сказала:

– Это же бойцы 1-го Афипского полка! С ними должны быть и Левицкие, и Соня.

– Ой, лышенько! – всплеснула руками Денисовна, стоявшая у двери сенец. – Да где же они?

В голове колонны замаячило красное знамя, под которым на Кристалле ехал Демка Вьюн. Клава бросилась к нему и, не помня себя от радости, вцепилась в стремя, закричала:

– Дема, здравствуй!

Вьюн низко наклонился, подхватил ее одной рукой и на виду у всех казаков поцеловал, сказал улыбаясь:

– Жди меня сегодня в гости.

– А где же Соня, Витя? – спросила Клава.

Вьюн шмыгнул носом, указал рукою назад:

– Соня в обозе, а Витька у моста.

Туман постепенно рассеивался, а конница все шла да шла. Красные стяги пламенели над усталыми бойцами, горели, как жар, в утреннем влажном воздухе. Все заборы были уже унижены казачатами, парнями и девушками; у ворот и калиток группами стояли старые и молодые, шумно приветствуя возвращавшихся с фронта бойцов Красной Армии.

Наконец показался эскадрон кавалеристов, среди которых был и Лаврентий Левицкий. Поросшее щетиной лицо его было припудрено пылью, припухшие красные глаза светились радостью. Следом за эскадроном ехал на Ратнике и Виктор.

На санитарной двуколке подъехала Соня. Соскочив на землю, она бросилась к Клаве, и подруги, плача и громко смеясь, начали целовать друг друга.

– Доченька, родная моя! – позвала Денисовна.

Увидев отца и мать, вышедших навстречу, Соня прынула к ним и, целуя их попеременно, повторяла сквозь слезы радости:

– Батя!.. Мама!.. Как же я соскучилась по вас! Какое счастье, что вы живы...

Родители взяли ее под руки, повели во двор.

Лаврентий ехал по улице, то и дело кланялся станичникам, шарил взволнованными глазами по дворам, где все еще оставались следы разбоя хвостиковцев: сожженные хаты, сараи, амбары. А мысли его были уже дома. С нетерпением ждал он той минуты, когда остановится у родного двора и навстречу выйдет жена, широко откроет ворота.

На церковной площади кавалеристы выстраивались колоннами вдоль плетней и заборов.

Лаврентий, проезжая мимо ревкома, увидел на парадном крыльце Норкина и Корягину, помахал им рукой:

– Привет, товарищи!

– Здравствуйте, Лаврентий Никифорович! – отозвался Норкин. – Задержитесь на минутку, дело есть.

– Не могу, Василий Афиногенович, – ответил Лаврентий. – Бачишь, я в строю.

– Ну хорошо, – сказал Норкин. – Потом встретимся.

* * *

Левицкие подскакали к своему двору, остановили коней у ворот. Жучка бросилась к ним с лаем. Виктор окликнул ее, и собака начала ласкаться, визжать от радости. Во дворе никого не было. Виктор слез с коня, открыл калитку, повел за собой Ратника. За ним поехал и отец, спешил к хате и, передав повод сыну, толкнул дверь, но она оказалась запертой. Виктор отвел лошадей в конюшню и, возвратившись назад, озабоченно спросил:

– Где же это маманя?

– Десь тут она, – промолвил отец. – Куда бы ей деваться. – Он взял ключ за наличником притолоки, отомкнул дверь.

К ним подбежала соседская девочка, пролепетала:

– А... а... бабульки нема дома. О... о... оны на кошу пахают.

Лаврентий достал из походной сумки кусочек сахара, протянул девочке:

– Вот тебе гостинчик. Возьми, деточка.

Девочка, не спуская с него глаз, схватила сахар, спрятала за спину. Лаврентий ласково потрепал ее по плечу, и она пустилась со двора.

– Я съезжу на кош, – сказал Виктор.

– Поезжай, сынок, поезжай, – согласился отец, обводя свой двор и постройки растроганным взглядом.

Виктор торопливо подтянул у Ратника подпругу, махнул в седло, поскакал со двора. Лаврентий постоял в задумчивости у частокольчика, тянувшегося вдоль хаты, сел на завалинку, поставил карабин к стене. Жучка доверчиво положила голову на его колени, закрыла глаза Лаврентий машинально гладил ее рукой.

Прошло больше часа.

С улицы донесся скрип воза. Лаврентий резко поднял голову и увидел сына, въехавшего в калитку.

– А мать где? – поспешно спросил он.

– Вот, едут, встречайте! – Виктор указал назад, слез с Ратника.

Лаврентий торопливо открыл ворота, и Мироновна, сидя на возу, позади которого тянулась в налыгаче пара волов, запряженных в плуг, въехала во двор. Лаврентий снял ее с воза, крепко поцеловал в сухие, потрескавшиеся губы. Мироновна усталым движением руки поправила сползший платок на седой голове, промолвила:

– Значит, война закончилась.

Лаврентий поскреб затылок, пробормотал в усы:

– Не совсем, Паша.

Мироновна тяжело вздохнула и побрела к хате.

В воскресенье утром, 24 октября, на церковной площади толпились краснодольцы. Утреню правил поп Сосько, присланный из Екатеринодара в станицу на место погибшего Белугина.

На колокольне сидел звонарь, то и дело поглядывал на бугор, в ту сторону, откуда должна была появиться карета, посланная матерью Рафаилой в Кавказскую за Евсеем.

Карета наконец выплыла из-за бугра, и звонарь, не мешкая, зазвонил во все колокола.

Сосько вышел на паперть. За ним повалили прихожане.

Вскоре на улице, ведущей к площади, показалась карета. На облучке сидел Мирон с попом Ратмировым, а за ними, в кузове, – Евсей и Александр.

Мирон ударил лошадей вожжами, подкатил к воротам церковной ограды. К викарию подошел Сосько, пожал ему руку, потом с почтением поклонился Забелину и Ратмирову.

– Мы у вас не будем задерживаться, отец Август, – озирая толпу любопытных краснодольцев, сказал Евсевий. – А если у вас есть какое-либо дело ко мне, то поедemте с нами.

– С удовольствием, – ответил Сосько. – Только минуточку. Я разоблачусь. – Он скрылся в притворе и, не заставив долго ждать себя, вернулся к карете, сел с Александром, заняв добрую половину сиденья, рессоры под ним жалобно скрипнули.

Лошади тронули. Колокола умолкли.

Переехав мост через Кубань, Евсевий вдохнул полной грудью душистый лесной воздух и, любуясь яркими красками осени, щедро положенными на каждое дерево, спросил:

– Ну, как вы себя чувствуете на новом месте, отец Август?

– Слава богу, ваше преосвященство, – ответил Сосько густым, рокочущим басом. – Не жалуясь. Только с жильем не совсем устроился: вот скоро Корягина, жена погибшего председателя ревкома, должна выехать из станицы. Я тогда займу дом покойного отца Валерьяна.

– Ну, а паства? – поинтересовался Александр. – Как встретили вас прихожане?

– Слава богу, неплохо. Народ в этой станице приятный, богобоязливый.

– Это главное, – отметил Ратмиров.

– А вот у нас-то в монастыре до сей поры священника нету, – вмешался в разговор Мирон. – После смерти отца Фотия раза два аль три была служба... проводил ее отец Валерьян, как еще при жизни, а теперь прохлаждаемс: каждый сам по себе богу молится.

– Скоро и у вас будет священник, – сказал Евсевий, оглядывая густой лес, тянувшийся двумя сплошными стенами вдоль обочин ухабистой дороги, – Надо посоветоваться с матерью Рафаилой, кого б она желала.

– А не послать ли туда отца Серафiona Вальницкого? – предложил Ратмиров.

– Что вы, отец Филогоний, – возразил Евсевий. – Вальницкий слишком молод. – И на его выхоленном лице заскользила лукавая улыбка. Указав украдкой на Мирона, сидевшего к нему спиной, он добавил шепотом: – Туда надо старика, чтобы соблазна не было.

– Тогда пошлите Новака или Битина, – сказал Александр. – Это вполне подходящие кандидатуры.

– Пожалуй, с ними следут поговорить, – согласился Евсевий и, обратясь к Сосько, спросил: – Кстати, Битин, кажется, доводится вам каким-то родственником?

– Да, – ответил тот, снял широкополую фетровую шляпу и, обмахивая ею вспотевшее лицо, прибавил: – Двоюродным братом по матери.

Мирон громко чмокнул губами, дернул вожжи, и карета быстро покатилась по дороге к монастырю.

XIII

Услышав колокольный звон, донесшийся из Краснодольской, игуменья созвала рясофорных и мантийных отшельниц, велела им, без всякого шума, отправить всех беременных монахинь и послушниц на весь день в лес за ежевикой и калиной, строго наказав, чтобы ни одна из них не появлялась в монастыре до поздней ночи, дабы владыка не увидел их в таком обесчещенном положении.

Вернувшись в свою келью, она заглянула в трюмо, поправила волосы и, слегка напудрив нос, побежала в спальню. Оглядела убранную постель, разровняла на ней черное кружевное покрывало, тюлевую накидку на взбитых пуховых подушках, подумала с опаской: «Хотя бы ничего такого... не заметил, не осудил...»

Стенные часы пробили половину десятого. Чутьочку отодвинув гардину в сторону, игуменья посмотрела во двор. Там уже гурьбой собралось около пятидесяти «виновниц». Они двинулись через фруктовый сад в лес, начинавшийся за южной оградой монастыря.

– Негодницы! – гневно бросила игуменья. – Срам какой! Ну, погодите же! Только бы все обошлось благополучно. Я с вами потом поговорю по-иному... – А перед ее мысленным взором вновь и вновь возникал образ Евсевия. «Какой он молодой, красивый», – подумала она и вдруг почувствовала, как сладко затрепетало ее сердце.

В келью, тяжело дыша, вбежала мать Иоанна. За нею на пороге показалась и мать Сергия. Поспешно осенив себя крестом, надзирательница вскричала:

– Матушка, едут уже!

– И как это мы сподобились такой чести? – умильно вздохнула казначея. – Сам владыка к нам жалуется.

Игуменья перекрестилась, проговорила:

– Идите, идите, матушки!.. Звонить в колокола!.. Встречайте!

Старухи поспешили в дверь.

Над монастырем поплыл густой праздничный перезвон колоколов. К воротам монастыря повалили все монахини и послушницы.

Через несколько минут карета въехала во двор, остановилась у колокольни. Скитницы загудели и, падая на колени, начали неистово бить земные поклоны, креститься. С подножки по-молодецки соскочил Евсевий, благословил их, потом слез Александр, а следом Ратмиров и Сосько.

Из башни вышла игуменья. Подобрал длинную мантию, она не спеша спустилась вниз, с улыбкой протянула викарию нежную руку, сказала:

– Вот видите, ваше преосвященство, как мы вас встречаем... невольно нарушаем церковные каноны.

– А что поделаешь? – Евсевий по своему обыкновению развел руками. – Сие от нас да и от вас не зависит, мать игуменья. – Он указал на небо. – Тут воля всевышнего.

Игуменья проводила приехавших к себе в приемную

– Вот и в церкви службы не отправляются, – сказала она огорченно. – Живем как неверующие.

– А вы бы пригласили какого-нибудь священника из Кавказского монастыря⁷⁸⁵, – посоветовал Сосько. – Обратились бы к игумену, отцу Варлааму. Он бы уважил вас...

– Да, да! – подхватил Александр, разглядывая большую групповую фотографию, висевшую на стене.

– Я приглашала его, – ответила игуменья, – но он оказался несговорчивым стариком. Говорит, обращайся к епископу. А вы же знаете, что я с Иоанном вот уже скоро полгода как в ссоре. Обидел он меня сильно.

– Что и говорить, владыка – строптивый старик, – заметил Ратмиров. – Знает только свою персону.

– Ничего, – сказал Евсевий. – Завтра мы поедем с вами в Кавказский монастырь, поговорим с отцом Варлаамом. У него же больше двадцати священников. А потом пришлем вам кого-нибудь из Екатеринодара. Возможно, отца Макария Битина. Надеюсь, вы не будете возражать?

Игуменья пожала плечами:

– Что ж, он хороший человек.

Александр указал на фотокарточку:

– А это, ваше преосвященство, хозяйка данной пустыни, Екатерина Любимовна Вербицкая.

Евсевий, Ратмиров и Сосько подошли к фотокарточке. В центре, в окружении учителей гимназии, сидела помещица. Внизу занимали вторую скамейку четыре казачонка в шапках: два по краям – в черкесках с серебряными газырями, при кинжалах, и два в середине – в балахонах. На земле, также в балахонах и шапках, средний сидел, а два по сторонам полулежали.

– Это ее воспитанники, – пояснила игуменья.

– Говорят, она была незамужней, – сказал Александр.

– Да, – подтвердила игуменья. – Ее отец был богатым дворянином, участвовал в заговоре против Александра III и был осужден царским судом на пожизненную каторгу. Всему его роду – сыну и дочери – было запрещено жениться и выходить замуж. Вот она и осталась девицей.

– Выходит, ее выслали в эти места по приговору суда? – спросил Евсевий.

Игуменья утвердительно наклонила голову:

– Ей было разрешено купить здесь три тысячи шестьсот десятин пахотной земли, и она сперва обзавелась на этом месте усадьбой, потом выстроила этот монастырь и долго жила в нем, а в позапрошлом году уехала к матери в Ялту.

– Энергичная женщина, – заметил Евсевий.

– А верно, что она с вашим покойным батюшкой не в ладах жила? – поинтересовался Александр.

---

⁷⁸⁵ **Кавказский Свято-Никольский православный миссионерский мужской монастырь** – основан в 1894 году на месте старообрядческого Никольского скита на берегу реки Кубань возле станицы Кавказской. Закрыт в 1931 году. – прим. Гриня

– Что верно, то верно – не ладила, – задумчиво промолвила игуменья. – Земля наша граничила с ее землей. Бывало, только лошадь или корова перешагнут межу – она и их угонит к себе. Ну, и отец начал то же самое. Она ему, бывало, кричит: «Я всю твою землю золотом засыплю!» А он ей в ответ: «А я твою овцами вытопчу!»

– Как мне помнится, у вашего батюшки было более четырех тысяч десятин пахотной да около двух тысяч выпасной земли, – смеясь, заметил Ратмиров. – Засыпать такой кусочек золотом – ой-ой-ой! А вот вытоптать земли Вербицкой он мог: ведь у него насчитывалось до пятидесяти тысяч тонкорунных овец мазаевской породы⁷⁸⁶.

– Где же сейчас ваши братья? – спросил Сосько.

– Алексей и Григорий – в Турции, а Сергей и младшая сестра Александра – в Болгарии.

– Сергея я хорошо знал, – сказал Александр. – Интересный был человек.

Игуменья грустно улыбнулась:

– Да, отличался причудами. Уж больно экстравагантный характер у него. Любил поиздеваться над своими рабочими. Отец, бывало, рассчитает рабочих, а Сергей со своими дружками настигнет их в лесу, отберет деньги и кутит потом целые недели.

– А вы не знаете, мать Рафаила, какова судьба Льва Акимовича Николенко, вашего соседа, что жил за Гулькевичами⁷⁸⁷?

– Лев Акимович со старшим сыном Александром переехал в Екатеринодар, – сообщила игуменья. – Александр вскоре умер от разрыва сердца. Лавр ушел в армию Буденного. А Иван и Павел бежали в Венгрию. Лев-то Акимович ведь слепой.

– Я слышал, что он собирался за границу, – уточнил Александр, – но успел лишь перевести золото в английский банк.

Дверь бесшумно приоткрылась, в приемную заглянула мать Иоанна, украдкой кивнула игуменье. Это означало, что в трапезной все готово.

Игуменья пригласила гостей откусать.

* * *

После обеда гости в сопровождении игуменьи, попа Сосько, надзирательницы и казначеи начали обход всей пустыни. В каждой келье монахини и послушницы встречали викария и трех пастырей низкими поклонами. Евсевий благословлял их, спрашивал о монастырском житье-бытье, шел дальше.

Во второй половине дня, когда осмотр закончился, Евсевий подробно посвятил игуменью, старших монахинь и священника Сосько в свои планы, познакомил их с посланием патриарха Тихона, рассказал о наметившемся расколе в православной церкви.

– Мы с вами, – с жаром говорил он, – должны вести активную борьбу против епископа Иоанна, который своими действиями вольно или невольно способствует упрочению Советской власти, добиться его смещения с поста. Кроме того, нам надлежит поднимать православных против большевиков, к чему нас призывает патриарх Тихон, насадить во всех кубанских церквях и монастырях своих пастырей, то есть тех, кто поддерживает патриарха Тихона. В скором времени я издам указ о воспреещении стричь волосы и бороды, введу анкеты и буду требовать от раскаявшихся, чтобы они подписали их, распространю свои церковные правила. А в декабре этого года, вероятно, соберем епархиальный совет и на нем решим вопрос о владыке Кубано-Черноморской области.

Следующим выступил Александр. Положив костлявые руки на круглый стол, застланный черной бархатной скатертью, он выпрямился, загудел густым басом:

– Кроме сказанного отцом Евсеем, довожу до вашего сведения, что наш штаб, находящийся в Черноморской Екатерине-Лебяжской Николаевской общежительной пустыни, уже приступил к

---

⁷⁸⁶ **Мазаевская порода** – подвид породы овец Меринос, выведен российскими заводчиками Мазаевыми в 19 веке. – прим. Гриня

⁷⁸⁷ **Гулькевичи** – посёлок при одноимённой железнодорожной станции, основан в 1875 году. Входил в состав Кавказского отдела Кубано-Черноморской области. С 21 июля 1961 года – город Гулькевичи. – прим. Гриня

работе. И мы всеми силами обязаны поддерживать его. Иоанн слишком долго засиделся в епископском кресле. На его место следует поставить всеми нами уважаемого викария Евсевия!

Евсевий слушал Александра с напускной скромностью, но в его карих глазах поблескивали искорки тщеславия.

Александр видел, что Евсевию нравилось выступление, и, ораторствуя дальше, он еще больше напал на епископа Иоанна и безмерно восхвалял новоявленного владыку.

Мать Иоанна то и дело осеяла себя крестом, бормотала молитвы, а когда Александр умолк, спросила с опаской:

– Что же это наш епископ супротив патриарха пошел?

Александр криво усмехнулся:

– Старик выжил из ума. Чересчур одряхлел...

– Какой грех на душу принял под старость! – покачала головой мать Сергия.

– А вы пришлете нам послание патриарха? – обратилась игуменья к викарию.

– Обязательно! – сказал Евсевий. – Сейчас это «Предупреждение к чадам православной веры»⁷⁸⁸ размножается на стеклографе, и как только оно будет отпечатано, мы разошлем его по всем монастырям и церквям области, а вы, в свою очередь, размножите его здесь от руки и будете раздавать богомольцам.

– Но не всем, – предупредил Александр. – Только самым надежным, чтобы послание не попало в руки большевиков.

– Это мы уже знаем, кому дать, – промолвила мать Иоанна.

Ратмиров положил свои длинные руки на стол, сказал игуменье:

– Завтра же принимайтесь за агитацию, мать Рафаила. Пошлите побольше сестер в народ, пусть они будоражат людей, готовят массу к всеобщему восстанию против большевиков. – Он перевел взгляд на Сосько: – И вы включайтесь в работу, отец Август.

– За нами дело не станет! – махнула рукой мать Иоанна.

– Мы уже давно занимаемся этой агитацией, – заявила игуменья. – Всегда были, есть и будем на своем священном посту.

– Отец Фотий даже живота не пожалел своего во имя дела господня! – вздохнула мать Сергия.

– Господи Иисусе! – перекрестилась мать Иоанна. – Спаси и сохрани нас.

XIV

Совещание закончилось поздним вечером. Мать Иоанна проводила Александра и Ратмирова в отведенный им номер в гостинице, а игуменья с Евсеем прошла потаенным ходом к себе в келью, зажгла свет, сказала с обворожительной улыбкой:

– Вижу, вы очень устали, ваше преосвященство. Сию минуточку я покажу вам вашу комнату, – Она заглянула в трюмо, взяла подсвечник с горящей свечой и, направляясь к себе в спальню, пригласила: – Прошу, ваше преосвященство.

Евсевий последовал за нею. Игуменья заломила угол ковра, висевшего во всю стену, приоткрыла дверь:

– Проходите.

В тускло освещенной комнате Евсевий увидел богатую обстановку. Заметив в полутемном углу дверь, занавешенную портьерой, спросил:

– Там еще есть комната?

– Нет, это выход во двор, – пояснила игуменья. Вы будете им пользоваться.

– А этим... воспрещается? – Евсевий с улыбкой указал глазами на дверь, ведущую в келью игуменьи.

– Можно, но только с моего согласия, – игриво ответила игуменья и, помолчав, добавила: – Впрочем, как вам будет угодно... Для вас у меня нет никаких запретных ходов...

Евсевий тихо засмеялся и, наклонившись к самому лицу игуменьи, прошептал пылко:

---

⁷⁸⁸ Возможно, имеется в виду «Братское предостережение чадам истинной Церкви Христовой» неизвестного автора, которое, впрочем, патриарху Тихону никогда и не приписывалось, поскольку имеет подпись «Братство ревнителей Православия». Кроме того, издано оно в 1922 году. – прим. Гриня

– Все мы люди, все мы человеки... Грехов юности моей и преступлений не вспоминай, господи!⁷⁸⁹

После сытного ужина они вышли в сад. На дворе совсем потемнело, и на юго-востоке уже поднималась громадная красно-бурая луна. В ее таинственных лучах сад выглядел чарующим.

Евсевий вдруг прижался щекой к щеке игуменьи. Она тоже прильнула к нему...

Но в эту минуту в саду раздались чьи-то шаги, и в аллее, залитой лунным светом, показалась группа монахинь. Игуменья отпрянула от Евсевия, с досадой подумала: «Черт их несет через сад! Не могли пойти по обходной дороге». Но делать было нечего. Как ни в чем не бывало она направилась с Евсеем навстречу идущим и, как только приблизилась к ним, спокойно объявила:

– Это наш новый владыка...

Монахини начали креститься, кланяться.

– А что это у вас в подолах? – поинтересовался Евсевий.

– Лесные ягоды, ваше преосвященство, – вразнобой ответили монахини

Евсевий обратил внимание на то, что у каждой монахини слишком уж большая «ноша» в подоле, протянул к передней руку, спросил:

– А отведать можно?

Монахиня подала ему веточку с ягодами ежевики:

– Вот самые свежие.

Евсевий бросил в рот несколько ягод, воскликнул:

– О, какая прелесть!..

– Идите, идите, сестры! – сказала игуменья монашкам. – А то вы устали...

Те бочком, бочком, одна за другой прошмыгнули мимо Евсевия и скрылись в тени сада.

«Негодницы! – в душе бросила им вслед игуменья. – И надо же было повстречаться с ними!..»

Евсевий взял ее под руку.

– Завтра я, видимо, не поеду в Кавказский миссионерский монастырь к отцу Варлааму, – объявил он. – Пожалуй, мне лучше направиться в Свято-Михайло-Афонскую Закубанскую пустынь⁷⁹⁰. А на обратном пути я с вами побываю у отца Варлаама.

– Можно и так, – согласилась игуменья. – Поезжайте прежде к матери Кирилле.

– Что представляет собой эта женщина? – поинтересовался Евсевий.

– Своевольная, привередливая старуха, – сказала игуменья. – Очень уж придирчива к подчиненным.

– А как проехать туда кратчайшим путем?

Игуменья помедлила немного, посоветовала:

– Пустынь стоит между Севастопольской, Даховской и Бесленеевской⁷⁹¹. Туда будет верст сто пятьдесят, если не больше. А ехать лучше всего через Темиргоевскую, Дондуковскую и Ярославскую⁷⁹².

---

⁷⁸⁹ Псалтирь, Псалом 24:7. – прим. Гриня

⁷⁹⁰ **Свято-Михайловская Афонская Закубанская пустынь** – мужской монастырь Майкопской епархии Русской православной церкви, расположенный к юго-востоку от Майкопа на отроге горы Физиабго. Основан в 1877 году, в 1920 году земли монастыря были конфискованы, а в 1926 году на территории обители начал работать дом отдыха ГПУ. В 1928 году монастырь был закрыт окончательно. В советское время в строениях монастыря находилась турбаза «Романтика», а рядом был основан поселок Победа Майкопского района Адыгеи. Возрожден монастырь в 2001 году. – прим. Гриня

⁷⁹¹ **Севастопольская** – станция в Майкопском отделе (сейчас в Майкопском районе Адыгеи), в верховьях реки Фюнтв (приток реки Белая). **Даховская** – станция в Майкопском отделе (сейчас в Майкопском районе Адыгеи), расположена на правом берегу реки Белая, при впадении в неё реки Дах. **Бесленеевская** – станция в Майкопском отделе (сейчас в Мостовском районе Краснодарского края), расположена в долине реки Ходзь (левый приток реки Лаба). – прим. Гриня

⁷⁹² **Темиргоевская** – станция в Лабинском отделе (с 12 ноября 1920 года – Армавирский отдел, сейчас в Курганинском районе Краснодарского края), расположена на правом берегу Лабы при впадении в неё притока Чамлык. В станции имелась паромная переправа через реку Лаба. **Дондуковская** – станция в Майкопском отделе (сейчас в Гиагинском районе Адыгеи), расположена на реке Фарс (левый приток реки Лаба). **Ярославская** – станция в Майкопском отделе (сейчас в Мостовском районе Краснодарского края), расположена в верховьях реки Фарс. – прим. Гриня

– Это значит, мне понадобится не меньше недели, – прикинул Евсевий.
– Да, пожалуй, – подтвердила игуменья.
– А каково ваше мнение о настоятельнице Покровского монастыря⁷⁹³? – спросил Евсевий.
Игуменья иронически усмехнулась:
– Мать Стефанида тоже с причудами. У нее в монастыре большие беспорядки. Монахини распутничают, никому не подчиняются.
– Не монастыри, а своеобразная Запорожская вольница, – не без огорчения заметил Евсевий. – И все это благодаря беспечному руководству епископа Иоанна. Везде, везде придется наводить порядки!
Они возвратились во двор. У башни их встретил Мирон.
– Что тебе, Захарыч? – обратилась к нему игуменья.
– Хотел я поспросить кое-что у святого отца Евсевия, – проговорил Мирон, переминаясь с ноги на нору. – Кутерьма у меня в голове пошла всякая... Так я насчет выяснения...
– Отчего же эта «кутерма» у тебя, раб божий? – спросил Евсевий.
Мирон почесал затылок:
– Да вот никак не раскумекаю, что значит «пресвятая троица»? Как надоть ее понимать... бог-отец, бог-сын, бог-дух святой? Ежели в боге три лица, то не три ли это... и бога?
Евсевий улыбнулся, пожелал игуменье спокойной ночи и, когда она ушла, обернулся к Мирону:
– А почему у вас возник этот вопрос, раб божий?
Мирон пожал плечами:
– Бог его знает, почему. Возник – и все тут...
Евсевий поставил ногу на нижнюю ступеньку крыльца у входа в отведенную ему комнату и после некоторого раздумья сказал:
– Учение о боге, раб божий, как троичном в лицах, или, иначе сказать, учение о пресвятой троице, служит основанием всей истинной спасительной веры нашей. Постигнуть же это учение своим разумом мы не можем. Как при единстве своем бог имеет в себе три лица, это действительно тайна неисследимая.
– Как же это так? – спросил Мирон недоумевая, – В вере все должно...
– Видите ли, – перебил его Евсевий, – не все подвластно даже пытливому человеческому разуму. Когда блаженный Августин писал книгу о пресвятой троице, он тоже хотел постигнуть тайну святой троицы, но не мог. Бог не позволил...
– Так почто же это бог не хочет открыть людям свою тайну о троице? – продолжал Мирон, – Аль от этого зависит жисть его на небеси?
Евсевий развел руками:
– Неведомо, раб божий. У бога много всяких тайн.
– Значит, «темна вода во облацех»? – насмешливо прищурился Мирон.
Евсевий долго глядел на него, как бы желая проникнуть в душу этого совсем простого человека, затем положил руку на его плечо, посоветовал:
– Не вдавайтесь, раб божий, в сии отвлеченности.
– Почему же так? – удивился Мирон.
– Просто... – Евсевий развел руками. – Человек слаб своим умом, чтобы постичь божью мудрость.

---

⁷⁹³ **Покровский общежительный нештатный женский монастырь** – основан в 1896 году близ станицы Динской на правом берегу реки Кочеты (приток реки Кирпили), а точнее на берегу ее притока – реки 2-я Кочеты (или Средние Кочеты). Статус монастыря общине присвоен в 1904 году. Нештатный (заштатный) означало, что монастырь существует на собственные доходы, не получая средств из казны. В 1914 году в монастыре насчитывалось 114 монахинь (в 1902 – 85, в 1908 – 120, в 1911 – 116). Жилые постройки расширялись не скоро, и требовали больших средств. После революции, в результате агитации, устройства колонии, образования коммуны, численность монахинь сократилась до минимума. Известно о добровольном сотрудничестве монастыря с Советской властью в плане продрозверстки. Поэтому, информацию о 300-х невинно убиенных в 1924 году монахинях, ныне упоминаемых в молитвах со слов безумной старухи, следует считать сомнительной. В 1921 году имущество монастыря было конфисковано, а в 1924 году он был окончательно закрыт. Постройки монастыря на протяжении 30-х и 40-х годов были полностью уничтожены. Сейчас это территория поселка Украинский Динского района. – прим. Гриня

Мирон закурил и медленно направился к колокольне. Раздосадованный разговором с ним, Евсейий вошел в свою комнату, зажег свечу на столике, неторопливо снял с себя скуфейку, рясу, пригладил ладонями пышные волосы перед зеркалом, сел у столика.

«Темный человек, – думал он. – Что же тогда следует ожидать от просвещенного? Народ ставит религию под сомнение. Это страшно и даже ужасно!» Его озабоченный взгляд упал на дверь, ведущую в спальню игуменьи. В это время из-за двери послышались мягкие шаги, и тотчас прозвучал голос самой игуменьи:

– Вы еще не спите, ваше преосвященство?

– Нет, не сплю, – ответил Евсейий. – Заходите. Мне очень нужно поговорить с вами.

– А чад-то, чад какой! – воскликнула игуменья, входя. Взяла щипцы, сняла со свечи сгоревший фитиль.

Она взволнованно ждала, что Евсейий подойдет к ней, обнимет, как в саду, но он не сделал этого, сказал с нескрываемым раздражением:

– Этот мужик... ваш кучер... опасен крайне.

– Стоит ли придавать серьезное значение словам этого пустомели? – заметила игуменья. – Просто он забавный старикан. Начитался божественных книг и всем нам изрядно надоел своими глупыми вопросами.

– Не так уж он забавен, как вам кажется, – сказал Евсейий. – Ваш кучер – себе на уме. Я отлично понял его.

– Бог с ним! Зачем нам вдаваться в эти рассуждения, ваше преосвященство? – Она остановила на нем зовущие глаза: – Ведь вы же сами сказали: «Все мы люди, все мы человеки...»

– Да, да, – подхватил Евсейий. – Вы правы. Так забудем же и мы в эту ночь о делах всевышнего...

XV

Рано утром у башни уже стояли заложенные кони. На облучке кареты сидел Мирон с вожжами в руках, поджидая святых отцов. Из гостиницы в сопровождении матери Иоанны вышли Александр и Ратмиров. Вскоре на крылечке приемной появились Евсейий и игуменья.

– А сегодня, пожалуй, денек будет хороший, – отметил Евсейий.

– Да, – поглядывая на чистое, безоблачное небо, проговорила игуменья. – Вам повезло. – И, как бы спохватившись, прибавила: – Кстати, я могу проводить вас за монастырь... через сад: тут есть тропа... к вашей дороге.

– Ну что ж, – согласился Евсейий. – Мы с удовольствием.

– Нет, – поднимаясь в карету, возразил Александр, – Я предпочитаю ехать. Да и отец Филогоний, по-моему, такого же мнения.

– Пожалуй, – пробасил Ратмиров.

Евсейий одобрительно кивнул:

– Вы поезжайте, а мы пойдем пешком.

Александр и Ратмиров уселись в карете, Мирон тронул лошадей. Евсейий с игуменьей направились в сад, не спеша пошли по аллее.

* * *

Игуменья вернулась в свою келью, сняла с себя мантию, осталась в одном легком платье.

В дверях показалась мать Иоанна, прошамкала:

– Матушка, к вам инок⁷⁹⁴... Нифонт.

Игуменья велела ей пригласить монаха.

Вошел Лука. Он снял колпак, низко поклонился.

---

⁷⁹⁴ **Инок** – древне-русское название монаха, иначе чернеца. В современном русском православном церковном обиходе иноком называют не монаха в собственном смысле, но рясофорного послушника. Инок сохраняет мирское имя и волен в любое время прекратить прохождение послушничества и вернуться к прежней жизни, что для монаха, по православным законам, уже невозможно. – прим. Гриня

– Хорошо, что ты пришел, брат. Садись! – Игуменья указала на бархатное кресло и, когда монах уселся, спросила: – Ну как там Влас Пантелеймонович?

– Тягостно старику одному, – ответил Лука. – Он даже прослезился, когда я уходил от него. Бойтся всего, трепещет при любом шорохе.

– Все мы нынче живем под страхом, – вздохнула игуменья.

Лука смерил ее взглядом, спросил:

– Так что ж, матушка, жилище уже готово?

– Да, брат, – ответила игуменья. – Комнатка в гроте готова. Будешь в ней жить и охранять богоявленную икону в кринице. Туда уже началось паломничество богомольцев.

Лука неодобрительно покачал головой.

– Мне бы тихое местечко, матушка, безлюдное. Сами понимаете, почему я очутился в ваших местах.

– Не беспокойся, брат, – сказала игуменья. – У иконки будут дежурить мои монахини. Твое дело – только ночная охрана криницы. Вот и все. А днем можешь не показываться людям. Из своего убежища будешь выходить лишь по ночам и в дни, свободные от посещения криницы богомольцами.

* * *

На левом берегу полувысохшей речушки, недалеко от хутора Драного, в складке каменистого берега, под густыми ветками вербовника находился небольшой грот. Перед ним – площадка, вымощенная кирпичом, от которой к кринице вела узкая тропа, посыпанная песком. Здесь росли чернотал, калина и красный берест⁷⁹⁵.

Солнце еще не всходило, но заря уже ярко пылала на востоке, и легкий ветерок резвился в косматой росистой зелени, слегка прихваченной прохладным дыханием осени. Просыпались птицы, и звонкий их щебет оглашал весь лес.

На тропинке показались три темные фигуры. Они постояли на берегу, затем осторожно начали спускаться к гроту. Это были мать Иоанна, Лука и Мирон. Старуха вынула из кармана ключ, передала монаху. Тот отпер дверь, и все вошли в небольшую комнатку. Справа стояла кровать с убранной постелью, у маленького окошка – стол, застланный клеенкой. В левом углу – плита, в правом – две иконы: богоматери и Георгия Победоносца. Перед ними – лампада. Мирон зажег ее.

– Ну как? – старуха взглянула на монаха.

– Хорошо! – одобрил Лука. – И пол из досок.

– Лучше обитатели и не надо, – добавил Мирон.

Мать Иоанна подняла ширмочку на миснике, прибитом к стене, сказала:

– А это для посуды и продуктов.

– Благодарствую, матушка, – поклонился Лука и тут же объявил: – А теперь я хочу в одиночестве помолиться богу.

Мать Иоанна простилась с ним, засемила к выходу Мирон надел картуз, последовал за нею.

Лука снял с себя колпак, поправил патлы перед зеркальцем и, выждав немного, вышел из грота, спустился к кринице, над которой возвышалась с пятью арочными окнами и дверью небольшая шестигранная часовенка, увенчанная куполом с бронзовым крестом. По сторонам, под кручей, росли косматые ветлы, почти укрывавшие зеленью часовню. Лука заглянул в стеклянную дверь. Под потолком на противоположной восточной стене висела средней величины икона Марии-богородицы. Лука ухмыльнулся, покачал головой, подумал об игуменье: «Хитрая!.. Здорово придумала!» Затем напился родниковой воды, вытекавшей из криницы, находившейся внутри часовни, вытер тылом ладони усы и бороду.

К нему неожиданно подошли несколько старух, среди которых была и Василиса. Они поспешно перекрестились, упали на колени, начали бить земные поклоны Лука окинул их настороженным черным взглядом, пробормотал:

– Мир вам, добрые странницы.

---

⁷⁹⁵ **Берест** (вяз малый) – вид деревьев из рода Вяз семейства Вязовые. Растение также называют: карагач, караич, пробковый ильм, **красный** ильм. – прим. Гриня

Василиса подступила к нему, спросила:

– А вы кто будете тут?

– Я сторож, – ответил Лука. – Эту криницу буду беречь.

Старухи увидели иконку в часовне, закрестились еще истовее. Василиса озабоченно проговорила:

– Да тут и жертву не во что бросить.

– А что у вас? – оживился Лука. – Деньги? Давайте мне.

Богомолки вынули из-за пазух платочки, развернули их и, передав пожертвование монаху, снова принялись молиться. Лука сунул бумажки в карман, также сотворил молитву.

– Водички святой хотим почерпнуть из криницы, – обратилась к нему одна старуха.

– Это можно, – ответил Лука, указав на водосточную канаву. – Берите вон там. Только не мутите, святая ведь.

– Мы осторожно!

Старухи бросились к канаве.

«Дуры господни!» – усмехнулся Лука и направился к гроту.

* * *

Краснодольская готовилась к празднику Великой Октябрьской социалистической революции. Комсомольцы писали лозунги, плакаты, вывешивали их на стенах домов, сараев. Бабы белили хаты, подметали дворы.

Вечером под седьмое ноября Влас Пантелеймонович закрылся в своей комнатке. С улицы доносились песни, шум и гомон гулявшей молодежи. В этот вечер на душе у старика было как-то особенно тягостно.

В двенадцатом часу ночи кто-то осторожно постучал в дверь. Старик невольно вздрогнул, спросил тихо:

– Кто там?

– Это я – Нифонт! – донеслось снаружи.

Влас Пантелеймонович пустил монаха в комнату. Лука сел у столика, отодвинул от себя горевшую плошку.

– Вот видите, не забыл я о вас... навестить решил, – сказал он.

– Спасибо, отец Нифонт, спасибо, – прохрипел старик. – На свете не без добрых людей.

– А я сегодня у криницы встречался с вашими станичницами, – объявил Лука приглушенным голосом. – За святой водицей приходили.

– Знаю, – Влас Пантелеймонович, смахнув рукавом замасленной рубашки холодный пот, выступивший на лбу, и помолчав, спросил обеспокоенно: – О чем же они с вами балакали?

Лука бросил на него косой взгляд:

– А о чем, по-вашему, могли говорить со мной бабы?

– Да... я так... – замаялся Влас Пантелеймонович, – Может быть... эта Василиска... У нее такой длинный язык...

– Василиса? – прохрипел Лука. – Да, да! Помню такую. Она о чем-то мне тараторила, да я все мимо ушей пустил. Вот никак не вспомню. Постой, постой...

Власа Пантелеймоновича бросило в жар. Он укоризненно покачал головой, прошамкал:

– Я так и знал. Дуреха-баба.

Лука приподнял руку, щелкнул пальцами:

– Ага, кажись, вспомнил! Подскажите немного.

– Подсказать? – Влас Пантелеймонович вытаращил на него глаза, махнул рукой: – Чи я знаю, про шо вы балакали?

– Ну как же! – подхватил Лука. – Она что-то говорила о вас... О какой-то тайне меж вами.

– О тайне? – Влас Пантелеймонович замотал головой. – Никакой тайны у меня с нею нет.

Лука прищурился:

– Не лукавьте, папаша. Сдается мне, что не зря к вашей двери ночью приходила свинья.

– Это почему же? – старик испуганно вытаращил глаза.

– Не свинья то была, а грабитель! – нагонял на него страху Лука.

Влас Пантелеймоновича начала бить лихорадка. Он открыл рот, с трудом промолвил:

– Я и сам подумал тогда, шо разбойник был.

– Беречься вам надо, – посоветовал Лука. – Ружье бы завели у себя или какое-либо другое оружие.

– Оружия мне не положено, – возразил Влас Пантелеймонович. – Ревком еще дознается. – И, помолчав, пробормотал: – И чего тому разбойнику было ко мне лезть?

– Наверно, думал, что у вас есть золото! – вскользь намекнул Лука.

Влас Пантелеймонович почувствовал, как от волнения у него прихватило дыхание, прошептал:

– Какое золото? Откуда?

Лука погрозил ему пальцем:

– Ему-то видней...

Лицо старика судорожно передернулось, глаза налились кровью.

– Это Васка зря наболтала на меня, – с дрожью в голосе промолвил он. – Никакого золота она мне не давала. Да что ей, нечистой душе, вздумалось?

– Возможно, и не давала, а вот болтает, – наседал Лука.

Влас Пантелеймонович сел на кровать и, вытерев слезу, натужно улыбнулся:

– А... а допустим, что она и отдала мне на сохранение?.. Что тогда?

– Вы вроде боитесь меня, – с укоризной вздохнул Лука. – Я вас не выдам и строго-настрого прикажу Василисе держать язык за зубами. А то ежели узнают в ревкоме, что у вас есть золото, то Сибири вам не миновать.

Влас Пантелеймонович подхватился с кровати:

– Нет, нет, добрый человек! Вы меня не пугайте Сибирью. Я и так напуганный. У меня нет ничего за душой.

– Ну, как хотите. – Лука пожал плечами. – А ревкомовцы все равно дознаются. Василиса слишком болтлива.

Старик молчал. Снова опустившись на кровать, он нервно поскреб пальцами грудь. Лука выжидательно смотрел на него.

– Чертова баба! – проворчал наконец Влас Пантелеймонович.

Лука видел, что старик уже готов раскрыть перед ним душу, поведать о какой-то тайне.

– Если нам, божьим людям, не хотите открыться, то кому же тогда вы можете доверять? – вкрадчиво промолвил он.

Влас Пантелеймонович вытер слезу на щеке, подумал: «Так и быть... Все расскажу...» Он пересел на табуретку и, склонясь на столик, заглянул монаху в глаза.

– Тут вот какое дело... – заговорил он шепотом, – Передала мне Васка ящик золота на сохранение. А я теперь как полоумный, не нахожу себе покоя.

«Ага, таки клюнул, старый сом!» – с трудом скрывая радость, подумал Лука и спросил елевым голосом:

– Где же вы храните его, это золото? Взглянуть бы на него, не попортилось ли?

– Такое скажете! – махнул рукой Влас Пантелеймонович. – Да разве ж золото портится?

– Смотря какое! – заметил Лука. – Был как-то у меня золотой крестик. Потом куда-то пропал, а когда я нашел его, лишь половина от него осталась. Понимаете, половина! Сгнил, окаянный. Видно, в сырости лежал.

– Мое не в сырости, а в сухом месте лежит, – сказал Влас Пантелеймонович.

– Не говорите, – возразил Лука. – Сырость везде бывает. Даже в огне есть!

Старику сделалось совсем жарко, как в бане.

– Ох, золото! – вырвалось у него из груди. – Лучше бы не иметь его. – Кряхтя, он поднялся, постоял с минуту в нерешительности, затем направился к лазу в подвал: – Пойдемте, посмотрим, как оно там. – И вдруг остановился, подозрительно уставился на монаха: – Токо вы про это никому ни слова!

– Вот вам крест святой! – клятвенно заверил его Лука и трижды перекрестился.

Следом за Власом Пантелеймоновичем он нырнул в лаз. Старик зажег свечу и, осветив маленький подвальчик, осторожно открыл нишу.

– Тут! – тихо прошептал он и, мгновенно захлопнув крышку, оттиснул плечом монаха: – Чего это затрясло вас так?

Лука мигом задул свечу, схватил его за горло и начал душить. Влас Пантелеймонович оскалил

зубы, рванулся изо всей силы, но не смог освободить горла. В глазах его поплыли круги, удары сердца слабели, становились все реже и реже...

Переступив через труп, Лука извлек из ниши ящик с золотом, торопливо выбрался из подвала и устремился к Кубани.

XVI

Загорелось утро. В станицу на празднование годовщины Октябрьской революции приехали коммунары.

На площади вокруг трибуны собралась почти вся станица – шумная, тысячеголосая. Всюду реяли красные полотнища знамен.

В колонне комсомольцев стояла и Соня. Впереди нее девушки держали длинный транспарант с надписью: «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!»⁷⁹⁶. В толпе стариков и старух показался Калита, а потом подошла к нему и Денисовна. С ними рядом стали Елена Михайловна и Мироновна. Денисовна повела глазами вокруг, прошептала:

– Боже, сколько народу! В великие праздники в церковь стоко не приходило!

– И шо там твоя церковь! – Калита с досадой махнул рукой. – Ты опять про нее? Зажили уже раны...

Денисовна укоризненно глянула на него:

– Ты хоть при людях не болтай.

Демка Вьюн, Гаврила Мечев и Леонид Градов вертелись перед девчатами, неподалеку от 1-го Афипского полка.

На трибуну поднялись Норкин, Юдин, Белозерова, Лаврентий Левицкий и Аминет, на груди которой ярко поблескивал орден Красного Знамени. Шум стихал.

Норкин обратился к народу:

– Товарищи станичники! Митинг, посвященный третьей годовщине Октябрьской революции, объявляю открытым.

Толпа зарукоплексала, слышались крики: «Да здравствует наш Ленин!» Над площадью прокатилось громкое «ура». Норкин предоставил слово Юдину. Тот оперся руками о перила трибуны.

– Товарищи трудовые казаки, крестьяне! – произнес он громким голосом. – В августе этого года преступная рука контрреволюции толкнула многих казаков Кубани против Советской власти. Теперь у большинства обманутых открылись глаза. Но не все обманутые прозрели. Все еще находясь под пагубным влиянием лютых врагов народной власти, эти люди скрываются в горах и лесах, выполняют злую волю врагов. Мы призываем их к миру и говорим: довольно бессмысленной борьбы за чужие интересы, довольно крови – пора приобщиться к общероссийской советской семье и вместе с нею бороться за окончательную победу над капиталистами и помещиками, над нищетой и голодом, за мирную, счастливую жизнь!..

Его слова, как птицы, мощным потоком летели по площади, забитой народом. Станичники, затаив дыхание, жадно ловили их, и когда Юдин закончил свою небольшую речь, вся станица огласилась новым взрывом могучего «ура».

Следующим выступил Лаврентий Левицкий.

– Братцы! – крикнул он в толпу. – Правильно тут сказал товарищ уполномоченный, что кровью и жизнью заплатились многие из тех, яки подняли руку на Советскую власть. Да, куплеты тут нечего рассказывать. У меня тоже была дурь в голове, как неумный элемент, бегал то к белым, то к красным. А потом побачил, что правда только на стороне Советской власти.

– Бач, як перекарасился! – выкрикнул кто-то из богатеев.

– Давай, давай, Лавруха! – ободряюще загудели станичники.

– А тем, у кого ще мозга за мозгу заходит, – продолжал Лаврентий. – це б то под ложечкой

---

⁷⁹⁶ Определение «Великая Октябрьская революция» впервые появилось в декларации, оглашённой Ф. Ф. Раскольниковым от имени фракции большевиков в Учредительном собрании 5 (18) января 1918 года. В первое десятилетие после революции в официальной прессе она именовалась «Октябрьской революцией» (не обязательно с заглавной буквы). И только к концу 1930-х годов в советской официальной историографии утвердилось название «Великая Октябрьская социалистическая революция». – прим. Грина

сосет по старом режиме, надо хорошенько подумать, как из болота вылезать. Нашу Советскую власть никому не одолеть. Да, факт на лице!

Митинг закончился пением «Интернационала». Такого могучего хора еще ни разу не слышала станица. Слова и мелодия гимна словно сплачивали сердца краснодольцев в единое, братское сердце.

Чоновцы и комсомольцы, стоявшие у братской могилы, дали три залпа из винтовок, и демонстрация направилась ко второй братской могиле, находившейся под курганами Калры и Лезницы. Соня и Аминет шли с красным стягом впереди комсомольской колонны. Леонид Градов, держа над головой портрет Ленина, шагал следом за ними.

Длинная братская могила под курганами была убрана венками, живыми цветами. На восточной ее стороне – обелиск с пятиконечной звездой. Вокруг могилы – частокол, выкрашенный в голубой цвет.

Демонстранты выстроились шеренгами вдоль берега Гусиных плавней. Виктор поднялся на склон кургана Калры. Огромная толпа стояла в скорбном молчании.

– Дорогие товарищи! – проговорил Виктор дрожащим голосом. – Мне сегодня, как никогда, трудно говорить перед этой, близкой моему сердцу братской могилой. Под этой святой землей спят вечным сном наши братья, отцы, деды, зверски убитые палачом Хвостиковым и его оголтелой бандой!

Лаврентий стоял у загородки, вытирал слезы платком. Перед его мысленным взором вставал отец, лежащий под этим безмолвным холмом земли. Сердце Лаврентия сжималось от мучительной боли.

А голос Виктора все тверже звучал над курганом:

– Товарищи, враг беспощаден! Но он уже бессилен покорить нас. Мы сбросили его в море и стали полновластными хозяевами своей земли. Кровь трудового народа, пролитая на фронтах гражданской войны, не пропала даром! Вечная память борцам, павшим в ожесточенной схватке с палачами и угнетателями трудового народа! Да здравствуют Советская власть и партия большевиков!

Корягина зачитала список ста двадцати краснодольцев, расстрелянных хвостиковцами здесь, у курганов. Оркестр заиграл траурный марш, и звуки его слились с сотнями голосов:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Комсомольцы защелкали затворами, вскинули винтовки. Мечев махнул рукой:

– Пли!

Прозвучал траурный салют.

* * *

Доронин только что вернулся в свой кабинет с поля, где было подготовлено сто десятин под закладку сада. Мысль о поездке в Козлов, к Мичурину, не покидала его в последние дни, сейчас всецело завладела им. Выйдя на балкон, он окинул взглядом панораму сада, раскинувшегося внизу, в небольшой лощине. Под осенним солнцем на ветвях дозревали позднеспелые плоды. Это – старый сад. А за ним Доронину уже виделся новый, тот, что будет заложен коммунарами на ста десятинах.

«Да, надо ехать немедленно! – решил Доронин. – Закладывать, так уж по всем правилам, по-научному!»

Из сада вышли Агриппина Леонтьевна и Аннушка Соловьева. Увидев Доронина на балконе, Агриппина Леонтьевна приветственно помахала ему рукой, крикнула:

– А мы к вам, Павел Федотович!

– Милости прошу!

Аннушку поразил своим блеском кабинет председателя коммуны.

– Да тут у вас как в нашем Зимнем театре. Зеркальные стены, – сказала она.

– А вы как думали, Анна Назаровна? – весело прищурился Доронин. – Теперь нам, коммунарам, занимать эти хоромы Меснянкина. Это была его спальня. А последние годы, до самой революции, здесь обитала Вера Аркадьевна, дочь помещика.

– Сейчас она игуменствует в Успенской пустыни, – Агриппина Леонтьевна указала в сторону

монастыря. – Вот, рядом с нами.

– Райская жизнь была у Меснянкиных, – заметила Аннушка.

– Вышвырнула их революция, – сказал Доронин и взглянул на Соловьеву: – В гости к нам или по делу какому?

– И по делу, и в гости! – ответила Аннушка. – Но начнем с дела.

XVII

У недавно выстроенного краснодольского клуба толпилась молодежь. На площади расхаживали парочки, лузгали семечки.

У ревкома Василий вел с казаками беседу о военных событиях на Западном и Южном фронтах. Направляясь в клуб, мимо них прошли Соня и Клава.

Послышался стук колес, фыркание лошадей. К ревкому приближались три подводы. На них сидели парни и девчата. Василий сдвинул кубанку на затылок, сплюнул табачную гарь, проговорил:

– Ага, уже едут!

С головной подводы соскочили Гаврила Мечев и Леонид Градов.

– А где же Соловьева? – спросил Василий.

– Зараз приедет, – ответил Гаврила.

Подводы заехали во двор ревкома.

К Василию подошла Фекла Белозерова, отвела в сторону, на ухо шепнула:

– Старый Бородуля лежит в своем погребке мертвый.

– Отчего же это он? Сам помер или убитый?

– Не знаю. Сорочка разодрана. Лицо синее.

– Поганое дело, – покачал головой Василий.

На линейке подъехали Аннушка и Аминет. К ним подбежали Соня и Клава, расцеловали друг друга.

– К нам в глушь решила заглянуть? – обратилась Соня к Соловьевой.

– Товарищ Юдин в гости к вам меня привез, – улынулась Аннушка.

Уже совсем стемнело. На безоблачном небе мерцали золотистые звезды. В хатах зажглись огни. На площади у клуба весело шумела неугомонная молодежь. Здесь же с казачатами, шнырявшими меж взрослыми, бегал и Гришатка в большой отцовской шапке, закрывавшей ему глаза, и стеганом солдатском ватнике до пят.

В фойе было многолюдно. На скамейках вдоль стен сидели пожилые казаки и казачки, пришедшие сюда слушать докладчицу из города. Среди них находилась и Мироновна. Соня поклонилась ей, села рядом.

– А чего ж твои батьки не пришли послушать про Ленина? – спросила у нее Мироновна.

– Придут, – сказала Соня и указала глазами на Соловьеву: – Вот она будет делать доклад.

– Оця дивчина? – удивилась Мироновна.

– Она студентка, замужем, – пояснила Соня. – Учится в медицинском институте, будет доктором.

В широко открытых дверях показались родители Сони. Калита обвел внимательным взглядом лепной потолок, под которым ярко горела лампа-молния, высокие окна, долго всматривался в портреты Ленина и Калинина, затем легонько толкнул в бок старуху:

– Ты глянь, Дуня, як тут гарно, то и проче.

– Правда твоя, – кивнула Денисовна. – Ото ж покойному Корягину большое спасибо, царство ему небесное, что позаботился для нас: выстроил такую хоромину.

Калита поправил усы и бороду, задумчиво добавил:

– Добре... Значит, начатое дело доведено до конца.

Клава отперла дверь в зрительный зал, и народ повалил туда, растекаясь между рядами скамеек. Соня и Аминет заняли места во втором ряду, подле Надежды Васильевны. Неподалеку от них сели Елена Михайловна и Аннушка. К ним подседа Фекла Белозерова. Галина с матерью и отцом расположились в третьем ряду. Тут же, на самом краю скамейки, рядом с сыном пристроилась Мироновна.

Василий подошел к жене Ропота, спросил:

– Ну, как Логгин Прокофьевич поживает?

– Все еще мучается, – вздохнула Анисия. – Раны на руке и на боку затянулись, а шея никак не заживает

К ней подбежал сынишка, припал головой к груди. Она обняла его, сказала с горечью:

– Какой из Логгина теперь толк... Вязы набок свернуло⁷⁹⁷, голову совсем не поднимает.

Гришатка приподнял шапку, заглянул в печальные глаза матери, промолвил тихо:

– Маманька, а я буду вам помогать заместо папаньки.

Анисия прижала его к себе:

– Тике на тебя и надия, сыночек.⁷⁹⁸

Клава поднялась на сцену, позвонила в колокольчик. Говор постепенно утих.

– Товарищи! – громко бросила в зал Клава. – Сегодня к нам из области приехала Анна Назаровна Соловьева. Она расскажет о своей поездке в Москву на Третий съезд комсомола, где выступал Ленин.

Загремели рукоплескания. Со всех сторон неслись крики:

– Да здравствует Ленин!

– Ура Ильичу!

Клава подняла руку, снова позвонила в колокольчик, но зал все еще дрожал от горячих рукоплесканий.

– Товарищи, товарищи, тише! – призывала Клава. – Нам нужно выбрать президиум из комсомольцев станицы и коммуны.

Из разных концов зала полетело:

– Аминет!

– Леньку Градова!

– Клаву Белозерову!

– Демку Вьюна!

– Гаврилу Мечева давайте!

– Калиту Соню!

– И Виктора Левицкого! – добавил Норкин.

Члены президиума заняли места за столом на сцене. Аминет объявила:

– Слово Анне Назаровне Соловьевой!

Аннушка неторопливо поднялась на трибуну.

– Мне выпала большая честь быть делегатом Третьего съезда комсомола, – начала она. – И я слушала речь нашего вождя – Владимира Ильича Ленина!

Взрыв аплодисментов опять потряс стены зала, и опять раздались крики:

– Слава вождю мирового пролетариата!

– Да здравствует наш Ленин!

С трудом уняв волнение, Аннушка продолжала:

– Делегатом на съезд меня выбрали на фронте. Я направилась в Москву, где второго октября в доме номер шесть на Малой Дмитровке открылся Третий Всероссийский съезд комсомола. Зал заседаний был переполнен посланцами комсомола со всех концов Советской России, и почти все делегаты – юноши и девушки – были, как и я, в солдатских шинелях. У каждого на шлеме, на шапке, на матросской бескозырке и на груди – красные ленты, бантики. Съезд проходил бурно, горячо. Решались очень важные вопросы о коммунистическом воспитании нашей советской молодежи. С большой речью к нам обратился Владимир Ильич Ленин. Он появился в президиуме съезда как-то неожиданно. В зале пронесся шепот: «Ленин, Ленин!» И я увидела его таким, как знала по портретам... – продолжала Аннушка. – А в зале уже творилось что-то невероятное. Все кричали: «Ленин, Ленин! Ура!» Кричала и я. Верите, я находилась в таком состоянии... совсем не понимала, что со мной происходило. Делегаты бросились на сцену. Не помню как, я рванулась вперед и очутилась рядом с Ильичем. Он смотрел на нас ласково, улыбался нам по-отечески тепло, затем вышел на авансцену. Мы запели «Интернационал». Владимир Ильич ждал, пока наступит тишина. Но мы не умолкали, аплодировали ему. Тогда он помахал рукой, достал карманные часы и показал

---

⁷⁹⁷ **Свернуть вязы** – свернуть шею; искалечить, сильно избить. – прим. Гриня

⁷⁹⁸ Только на тебя и надежда, сыночек. – прим. Гриня

нам циферблат, давая понять, что время не ждет. И сразу стало так тихо, что я услышала стук своего сердца. А Ленин сказал нам негромко, не напрягая голоса: «Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим, каковы должны быть организации молодежи в социалистической революции вообще». ⁷⁹⁹ Я записала эти слова. «Эти задачи молодежи вообще, – продолжал Ленин, – и Союза коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом...» Он сделал паузу, как бы обращаясь к нам с вопросом: «Вот вы подумайте, что это за слово...» – Аннушка окинула взглядом зал, словно тоже спрашивая, какое слово имел в виду Ленин.

Демка Вьон вскочил со скамьи, крикнул на весь зал:

– Ясно, какое! Бить буржуев!

Грохнул дружный хохот.

– Да это целых два слова! – бросил кто-то.

– Тише, товарищи! – подняла руку Аминет.

Аннушка улыбнулась, сказала:

– Тут Владимир Ильич прищурился и произнес «Учиться!..» И это слово заключало в себе весь смысл его речи на съезде. Учиться, учиться и еще раз учиться.

Ее слова потонули во вновь разразившемся громе рукоплесканий. Выждав немного, Аннушка продолжала.

– Когда председательствующий объявил съезд закрытым, мы снова бросились к Ленину. И случилось так, что он взглянул на меня, спросил: «А вы, девушка, откуда приехали?» – «С Кубани», – ответила я чуть слышно. «Ну как у вас, война закончилась?» – спросил он. Я только кивнула головой, так как язык у меня от волнения совсем отнялся. Владимир Ильич улыбнулся, сказал: «Ну что ж, теперь нужно учиться...»

– Эх, и счастливая ж ты! – воскликнул Демка – С самим Лениным балакала.

Аминет обратилась к залу:

– Кто желает выступить, товарищи?

Из глубины зала донесся глухой голос

– И чего здря балакать.

– Что, не о чем говорить? – спросила Аминет – Разве у вас в станице все молодежные дела идут хорошо? – Она обернулась к Клаве: – Как по-твоему, секретарь комсомольской ячейки?

Клава встала, и на ее веснушчатом лице проступил румянец.

– Верно, – сказала она, – Дел у нас непочатый край, и мы должны говорить о них тут, на собрании.

Демка, наклонясь к Леониду, шепнул:

– Гляди, какая шустрая стала.

Клава оперлась кулаком о стол, не спеша начала.

– Все вы знаете, что у нас в этом году лето было засушливое. А отсюда и недород. Зима надвигается, голода не миновать нам. Вот зараз и надо побалакать, как будем бороться с нуждой. Прошу выступать.

– Дай я! – вскочил Леонид, шагнул к трибуне, резко взмахнул зажатой в руке шапкой. – Товарищи! Я знаю, сынку богатея Пилы говорить тут нечего! Ему все ясно. В пузе у него не бурчит!

– Чего ты Пилу чапаешь? – злобно огрызнулся кто-то, – Привык...

– Тихо! – оборвала Аминет.

– Товарищи! – продолжал Леонид. – Мы тут слушали, о чем говорил Владимир Ильич на съезде. Он призывал нас учиться. Значит, надо учиться. Перво-наперво треба взяться за ликвидацию неграмотности: организовать ликбезы во всех кварталах станицы, в коммуне, послать туда на работу не только учителей, но и всю грамотную молодежь, прежде всего комсомольцев.

– Совершенно верно! – поддержал его Доронин.

Демка вскинул руку, крикнул:

– Дайте я скажу!

---

⁷⁹⁹ Здесь и далее искаженное цитирование: **Задачи союзов молодежи** (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.). В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, 5 изд., т. 41, с. 298–318. – прим. Гриня

– Говори! – сказала Аминет.

Демка выбрался из-за стола, поправил португею

– Я ось про шо хочу! – сказал он, горячась. – Правильно Белозерова про голод напомнила. У нас в станице после войны богато вдов с малыми детишками осталось. И хотя не хоти, а им надо помогать!

– А откель ты возьмешь ту помочь? – бросил насмешливый голос. – То ж мне – голоштаный помощник.

– Это ты, Пила? – гневно спросил Демка. – Исподтишка все кусаешь?

– Отвечай по существу! – окрысился Пила.

– И отвечу! – уже яростно крикнул Демка. – У тебя возьмем и голодной вдове дадим.

– Ласый на чужое, – озлобленно пробормотал Пила. Гляди, обожжешься!

– Ничего! – Демка сжал кулаки. – Мы обожжемся, чи нет, а вы уже обожглись.

– Правильно, Дема! – дружно поддержали его комсомольцы. – Так мы и сделаем.

Собрание бурно продолжалось.

XVIII

Калита со своею старухой возвращались домой по запруженной народом улице. Поодаль от них шел Виктор с Соней. В шумной толпе только и было разговоров о собрании.

Соня не заметила, как подошла к своему двору. Из подворотни выбежала Докука, завизжала, завертелась колесом от радости. Соня ласково потрепала ее по голове, распрощалась с Виктором.

В кухне Калита зажег лампу на камне, повесил шапку на вешалку. Денисовна в великой хате сняла с себя праздничную одежду. Вошла Соня, направилась к матери, принялась переодеваться. Мать положила подшалок в скрыню, начала собирать ужин.

Соня показала в темной двери, поправила на себе старое цветное платье, рассуждая вслух:

– Счастливая Аннушка. Ленина видела, говорила с ним

– Да... счастливая, – сказал отец. – Ленин – всему голова. Царя выкинул из престола, переворот сделал во всей России, то и проче. Подумать только! – Он разорвал красную перчину, нагорчил борщ и, взглянув на дочь, ласково улыбнулся: – Бачь, и про таких, как ты не забыл Ленин. Учиться советуе.

Соня радостно воскликнула:

– Ой! Как я хочу учиться!

Мать проговорила:

– Даст бог, поедешь и учиться.

– Без твоего бога обойдется, – буркнул Калита. Покрякивая от горького борща, он опорожнил миску, вытер усы и бороду.

Денисовна вынула из печи чугуна с томленным картофелем, поставила на стол.

* * *

Прошла неделя.

Вечером, на закате солнца, Доронин и Леонид Градов отправились на рессорных дрожках в Кавказскую. С Кубани тянуло пронизывающим холодом. Дрожки пересекли Краснодарскую, выкатили на проселочную дорогу. Леонид стегнул лошадей, спросил:

– Говорят, теперь Екатеринодар будет называться по-другому?

– Да, – ответил Павел Федотович. – Его переименовали в Краснодар.⁸⁰⁰ В газете «Красное знамя» и новые названия улиц напечатаны. Екатерининская теперь Пролетарской стала, Бурсаковская – Красноармейской, Соборная – имени Ленина, Графская – Советской...

В Кавказскую приехали в первом часу ночи. Вскоре прибыл пассажирский поезд, идущий на Краснодар. С ним и уехал Доронин.

---

⁸⁰⁰ 7 декабря 1920 года постановлением Наркомата внутренних дел РСФСР город Екатеринодар был переименован в Краснодар. – прим. Гриня

Утром он был в Краснодаре, отправился в обком партии, к Черному. Вошел в кабинет. Остановившись на пороге, он снял шапку, спросил:

– К вам можно, Максим Павлович?

Черный оторвался от бумаг, лежавших перед ним на письменном столе, воскликнул:

– А, товарищ Доронин! Добро пожаловать! Проходите, присаживайтесь.

Доронин сел и рассказал о своем намерении поехать в Козлов с тем, чтобы познакомиться, как Мичурин ведет научную работу по выращиванию фруктовых садов.

– Мысль неплохая, – одобрил Черный. – За опытом стоит съездить. Мы должны теперь всецело переключить свое внимание, всю энергию на восстановление и развитие народного хозяйства. И я поддерживаю, одобряю вашу инициативу, Павел Федотович. Поезжайте, смотрите, учитесь.

* * *

Город погружался в холодную ночную тьму. В улицах тускло светились редкие фонари.

Доронин заехал на вокзал, купил билет, затем пашковским трамваем⁸⁰¹ отправился на Сады⁸⁰². Пассажиров в вагоне было совсем мало. Доронин сел на сиденье, протер потное стекло в окне и задумчиво загляделся во тьму. На душе у него лежала какая-то неизъяснимая тяжесть, тоска. Все как будто складывалось хорошо, вопрос с поездкой в Козлов решился, а сердце почему-то ныло.

Трамвай уже подъезжал к городской меже⁸⁰³. На остановке Павел Федотович вышел из вагона, направился к знакомым старикам, у которых днем оставил свой чемодан. Холодный ветер тарахтел ветхими железными крышами, поднимал на дороге пыль. По черному небу плыли дождевые тучи, и от них темнота сгущалась еще сильнее. Кутаясь в приподнятый каракулевый воротник, Доронин подошел ко двору своих знакомых и тут, у калитки, увидел стариков, стоявших с какой-то женщиной. Она обернулась на его шаги. Это была Вера Романовна Лихачева.

– Здравствуй, Павлуша! – промолвила она сдавленным голосом.

Доронин глядел на нее молча. Она взяла его под руку, сказала:

– Пойдем в дом, я хочу с тобой поговорить.

– О чем? – спросил Доронин.

– Я тебя долго не займу, – прошептала Вера Романовна.

Они вместе со стариками вошли в дом. Хозяин включил свет. В просторной комнате в центре стоял круглый стол, у стен – гардероб, кровать с убранный постелью, кушетка, стулья.

– Раздевайся, поужинаем, чайку выпьем, – предложил ему старик.

Доронин снял пальто и выжидательно посмотрел на Лихачеву.

Неожиданно в комнату вбежала Пышная. Задыхаясь от волнения, она закричала:

– Павлуша, прячься! Сейчас тебя убьют.

Лихачева в страхе прижалась к гардеробу. Только сейчас Доронин пожалел, что не взял с собою наган. Лихачева схватила его за рукав и пробормотала:

– Ну!.. Лезь в гардероб. Скорее!

На веранде послышались шаги. Доронин почувствовал, как его бросило в жар. Растерянно скользнув взглядом по закрытым на ставни окнам, он спрятался в гардеробе.

В комнату вошли Солодовник, Демиденко, Губарь и поп Забелин. Лихачева, дрожа всем телом, указала глазами на гардероб и вместе с Пышной шмыгнула за дверь в столовую. Солодовник вынул из кармана наган, распахнул дверь гардероба:

– Аа-а, вот ты какой храбрый! Вылазь, собака!

Доронин медленно шагнул на пол, с усилием донес руку до мокрого лба, безнадежным

---

⁸⁰¹ **Пашковский трамвай** – трамвайная линия в Екатеринодаре, пущенная в 1912 году в станицу Пашковская. Сейчас это приблизительно участок маршрута № 5 от Кооперативного рынка до конечной остановки «Улица 8 Марта» – прим. Гриня

⁸⁰² **Сады** – сейчас на этой территории расположены микрорайоны Дубинка и Черемушки. – прим. Гриня

⁸⁰³ **Городской межа** по линии Пашковского трамвая – район центрального входа в парк Солнечный остров (Трамвайная улица) – прим. Гриня

движением вытер холодный пот.

Александр, стоявший у него за спиной, приподнял дрожащею рукой крест с распятием, как бы благословляя кровавую расправу. Демиденко схватил Доронина за грудь, прохрипел:

– Ну, коммунистическая душа! Допрыгался? Становись на колени!

– Не буду! – глухо бросил Доронин.

– Не будешь? – гаркнул Демиденко.

С помощью Солодовника он поставил его на колени. Чувствуя, как все сильнее млеют руки и ноги, Доронин поднял глаза на Солодовника, пробормотал:

– Евтей, ты же крестил моего сына...

Демиденко выстрелил в затылок Доронину.

XIX

Вечером Соловьев приехал домой в приподнятом настроении. Аннушка сразу заметила это, спросила с улыбкой:

– Что это ты сияешь, как именинник?

– Как же не сиять, Аня! – весело воскликнул Соловьев. – Вести-то какие. – Он быстро развернул газету «Красное знамя». – Вот черным по белому написано: «Разгром Врангеля». Ты только послушай. – И начал читать: – «По дополнительным сведениям, на Крымском полуострове нашей конницей 14 ноября занят город Феодосия, где захвачено более 30 отдельных войсковых частей противника и громадные трофеи. Противник перед фронтом наших войск деморализован и отступает в панике, грабя население. Неутомимое преследование продолжается. По показаниям перелетевшего на нашу сторону военного летчика авиационной школы, Врангелем издан приказ о роспуске армии, ввиду отказа союзников в дальнейшей помощи, причем каждому солдату предоставляется право сдаваться на милость Красной Армии или эвакуироваться...»

Аннушка радостно чмокнула мужа в щеку:

– Поздравляю, Гена! Это же здорово!

– Вот именно – здорово! – подхватил Соловьев. – Теперь уж Врангелю не поднять головы. Ноги спешит унести из Крыма. Офицеры грузятся на суда в Севастополе, чтобы бежать за границу.

В зал вошел Назар Борисович.

– Чего шумишь? – обратился он к зятю.

– Вот почитайте! – протянул ему газету Соловьев.

– Не думай, что только ты один газеты читаешь, – шутливо заметил Назар Борисович. – О победе в Крыму мы узнали сегодня ночью. Событие это более чем значительное. Но это в Крыму! А у нас, на Кубани, еще льется кровь. В горах активизировались бандитские шайки, в Приморских плавнях орудует какой-то Рябоконт.

– И все же победа над Врангелем – главное, – сказал Соловьев. – Без поддержки извне бандитам придется туго. В горах в основном проявляют себя две крупные банды: одна на Большой Лабее, в районе Мощевой щели, под предводительством подьесаула Козлова, а вторая – на Куве, возглавляемая подхорунжим Волошко. Кстати, с Джентемировым там уже покончили. А вот в районе Бахмута⁸⁰⁴ появилась еще одна банда. Имя ее главаря пока не установлено.

– А в Карачае? – напомнил Назар Борисович. – У полковника Крым-Шамхалова и князя Дудова довольно сильный отряд.

– Ничего, всем им будет крышка, – убежденно заявил Соловьев. – С Врангелем покончено, с Польшей заключен мир. Теперь наша армия целиком переключится на подавление контрреволюционных банд внутри страны.

* * *

---

⁸⁰⁴ **Бахмут (Ново-Урупский)** – аул в верхнем течении реки Уруп, расположен выше по течению от устья реки Бахмутка и хребта Бахмут. В 1939 году здесь был основан прииск Уруп и поселок *Ново-Урупский*. С 1997 году – село *Уруп* в Урупском районе Карачаево-Черкесии – *прим. Гриня*

Атарбеков с чекистами мчался в грузовой машине к Лихачевой. Было уже за полдень. Крепчал мороз. Срывался мелкий снег. Ветер свистел за окнами кабины. Шофер внимательно следил в темноте за белыми пучками света, падавшими от фар на избитую булыжную мостовую Ставропольской улицы⁸⁰⁵. Атарбеков сидел рядом с ним, изредка повторял:

– Быстрее, быстрее, любезный!

– А что, Георгий Александрович, этот шпион, видимо, важная птица? – спросил шофер.

– Не столько важная, сколько зловредная, – ответил Атарбеков. – Его так просто не возьмешь. Опытный враг. Ну да мы с ним как-нибудь справимся. Лишь бы застать на месте.

Грузовик уже подходил к Карасунскому переулку, Атарбеков положил руку на плечо шофера:

– В переулок не заезжай. Остановись вон у того забора.

Чекисты вылезли из кузова и вслед за Атарбековым двинулись по темному проулку ко двору Лихачевой. Дом был окружен быстро, бесшумно. Атарбеков с двумя помощниками поднялся на крыльцо, постучал в дверь. Никто не откликнулся.

– А может, нет никого дома, – сказал один из помощников.

В это время на веранду кто-то вышел, из-за двери донесся женский голос:

– Кто там?

– Из особого отдела, – ответил Атарбеков.

Щелкнул засов, и дверь отворилась. Кутаясь в теплый ночной халат, Пышная включила свет, спросила:

– Что вам угодно?

– Произведем у вас обыск, – объявил Атарбеков.

– Обыск? – удивленно переспросила Пышная. – А по какому случаю?

– Потом узнаете, – ответил Атарбеков и, направляясь вслед за нею в дом, спросил: – А Вера Романовна дома?

– Нет, я одна, – сказала Пышная. – Она выехала...

– Куда? – Атарбеков пристально посмотрел на нее.

– Точно не знаю, – пожала плечами Пышная. – Не то в Грозный, не то в Ставрополь... Куда-то в те края.

– И давно уехала?

Лицо Пышной пошло красными пятнами.

– На той неделе, – теряя самообладание, ответила она дрогнувшим голосом.

Чекисты осмотрели все комнаты дома, но нигде никого не обнаружили..

– Ищите внимательно, – приказал Атарбеков.

Пышная опустила в кресло, промолвила недоуменно:

– Право, не понимаю, кого и что вы ищете? У меня никого нет.

– Так-то и никого? – усмехнулся Атарбеков и, закурив папиросу, сказал сквозь кашель: – Нам известно, что у вас живет один человек.

– Что вы! – протестующе воскликнула Пышная. – Ей-богу же, у меня никого нет.

Из комнат доносился топот ног, стук падавших предметов. Атарбеков молча наблюдал за Пышной. Она сидела как-то съежившись, и в ее колючих глазах отражались то страх, то ненависть.

Обыск в доме закончился безрезультатно. Пышная оживилась, спросила надменно:

– Ну, надеюсь, вы убедились в правоте моих слов?

– А подвал у вас есть? – поинтересовался Атарбеков.

– Да, есть, – ответила Пышная.

– Где вход?

– В кладовой. Рядом с кухней.

– Покажите! – потребовал Атарбеков.

Кладовая была завалена разной домашней утварью. Чекисты открыли крышку люка, вместе с хозяйкой спустились в сырой подвал, где стояло несколько пустых бочек. Атарбеков чиркнул спичкой, зажег лампу.

Ни в подвале, ни на чердаке, где чекисты тоже осмотрели все, никого не оказалось. Но

---

⁸⁰⁵ **Ставропольская улица** – бывший Ставропольский шлях. С 1924 по 1993 год носила название «Проспект Карла Либкнехта». – прим. Гриня

Атарбеков не торопился покидать этот дом. Поправив на широком поясе деревянную коробку маузера, он остановился перед Пышной, спросил в упор:

– Так где же скрывается Губарь?

Пышная побледнела, несколько секунд не могла вымолвить ни слова, затем прошептала:

– Какой Губарь?

– Ипполит Иванович, – повысил голос Атарбеков. – Знаете такого?

Пышная, судорожно сжала на груди халат.

– Да, немного знаю, – вырвалось у нее. – Он бывал у меня. – Она вдруг подняла умоляющий взгляд на Атарбекова, вскричала со слезами: – Ради бога, скажите! В чем его вина? Неужели он...

– Где он сейчас? – прервал ее Атарбеков.

– Не знаю, не знаю, – задыхаясь от волнения, промолвила Пышная. – Он был у меня всего два раза. Поверьте!

– Не верю! – резко бросил Атарбеков, – Он у вас с самого лета находится.

– Это неправда! Я хоть под присягой...

– В таком случае мы изроем у вас весь двор, но Губаря найдем! – пригрозил Атарбеков.

– Воля ваша, – ответила Пышная.

Чекисты обшарили все постройки во дворе, перерыли землю в сарае, а утром еще и еще раз внимательно обыскали дом и двор.

– Пожалуй, здесь Губаря нет, – усомнился старший оперативный уполномоченный. – Не иголку в конце-то концов ищем.

– Нет, – решительно возразил Атарбеков, – Губарь где-то здесь, и мы найдем его.

– Только зря время теряем, – махнул рукой оперуполномоченный.

– Терпение, терпение, товарищи! – стоял на своем Атарбеков. – Давайте начинать все сначала.

И терпение действительно увенчалось успехом. При очередном осмотре подвала один из чекистов обратил внимание на комья свежей глины в углу, под бочкой с огурцами. Сняв верхний слой земли, он обнаружил небольшое отверстие, через которое с трудом мог пролезть только очень щуплый человек. Позвали Атарбекова. Тот стал на колени, заглянул в темную дыру и, смахнув со лба испарину, обернулся к старшему оперуполномоченному:

– Похоже, что мы нашли волчье логово.

– Дайте, я проверю! – сказал оперуполномоченный. – Я худющий, пролезу! – Он сбросил с себя шинель, гимнастерку, влез в дыру до пояса.

Под землей раздался гулкий револьверный выстрел. Два чекиста схватили уполномоченного за ноги, начали тащить из дыры, а тот, в свою очередь, тянул за собой что-то тяжелое и безбожно ругался. Атарбеков нервно теребил пальцами усы, напряженно наблюдал за этой картиной. Наконец чекисты вынули из дыры своего товарища, а тот выволок Губаря, лоб и правая щека которого были в крови. Оказывается, шпион, видя безвыходное положение, решил покончить с собой, хотел застрелиться, но оперуполномоченный случайно толкнул его руку, и пуля лишь сорвала кожу со лба Губаря.

Арестованного вместе с хозяйкой дома отправили в ЧК.

XX

Снег густо запорошил всю Краснодарскую, поля, закубанский обнаженный лес. Солнце выглянуло из-за далекого горизонта, скользнуло косыми лучами по глянцевому снежному покрову земли, рассыпалось на мелкие осколки в казачьих дворах, на улицах и широкой церковной площади, заблестело колючим, режущим светом в ледяном воздухе. Повсюду уже слышался людской гомон, задорный крик ребятишек, идущих в школу; гулко отдавался в звонком пространстве разноголосый лай собак.

Виктор проснулся от говора отца и матери, долетевшего к нему из кухни. Жмурясь, он остановил сонные глаза на узорчатых стеклах окон, в которых играли радужные лучи восходящего солнца, сладко зевнул, взял с тумбочки газету, пробежал глазами заголовки статей. Внимание его привлекла оперативная сводка от 24 ноября. В ней говорилось:

«Севернее Мозыря⁸⁰⁶ остатки войск Балаховича⁸⁰⁷, преследуемые нашей кавалерией и пехотой, переправились по льду через реку Припять в числе нескольких сот человек и продолжают бегство в северо-западном направлении.

По дополнительным сведениям, за время операций против Петлюры⁸⁰⁸ нами захвачено до 12 000 пленных, 3 бронепоезда, 35 орудий, свыше 300 пулеметов и другая большая военная добыча».

Вошел отец, спросил:

– Ну, што там нового пишут?

– Бьют Балаховича и Петлюру, аж дым идет! – улыбнулся Виктор.

В дверь заглянула мать. Вытирая о фартук мокрые руки, она позвала к столу. Виктор надел полугалифе, сапоги, остановился перед зеркалом. Отец окинул его ладную фигуру любовным взглядом, сел за стол, на котором уже дымился завтрак. Умывшись, Виктор занял табуретку против отца. Мать вынесла из боковой комнаты графин с настойкой и три рюмки, поставила на стол.

– Эх, сердешная! – просиял Лаврентий. – Зараз выпьем!

Виктор поднял рюмку.

– Чокаться не будем, – мотнул головой отец. – А то, кажуть, гроши не будут водиться, ежели свой со своим...

Выпили. Виктор крякнул:

– Ого! Аж в пятки достала!

– То она так шибает⁸⁰⁹ поперву, – заметил отец, принявшись за жареную картошку с курятиной. – А потом пойдет как по маслу. Супротивления только не треба оказывать. – Он налил по второй рюмке, залпом выпил и, вытерев усы, воскликнул: – Отак турок бьют! Мах!.. и как моль съела.

– Ну... уже расхвастался, – сказала Мироновна.

– Ще и спивать, стара, буду! – Лаврентий осушил третью рюмку, затыкнул баритоном:

Гуде витер вельмы в поли, реве, лис ламае;

Плаче козак молоденький, долю проклинае.

Гуде витер вельмы в поли, реве, лис ламае;

Козак нудыться, сердешный, що робыть – не знае.⁸¹⁰

Обветренное, загорелое лицо его скривилось, губы судорожно задрожали, на глазах заблестели

---

⁸⁰⁶ Город **Мозырь** – сейчас – центр Мозырского района Гомельской области Белоруссии. Расположен на реке Припять. – прим. Гриня

⁸⁰⁷ **Балахович** (настоящая фамилия) – Булак-Балахович, Станислав Никодимович (также известен как Атаман (батяка) Булак-Балахович) – военный и политический деятель эпохи Гражданской войны в России, генерал российской Белой армии и Войска Польского. Летом 1920 года, совместно с Б. В. Савинковым, Булак-Балахович на территории Польши создал Русскую Народную Добровольческую Армию (РНДА). 6 ноября 1920 года РНДА покинула нейтральную зону и перешла в наступление вдоль реки Припять на Мозырь, но к концу ноября потерпела поражение и к 4 декабря была полностью выведена на территорию Польши, где была интернирована и разоружена. – прим. Гриня

⁸⁰⁸ **Петлюра**, Симон Васильевич – украинский военный и политический деятель, глава Директории Украинской народной республики в 1919–1920 годах. Главный атаман войска и флота. В 1920 году войска Петлюры представляют из себя разрозненные партизанско-повстанческие отряды на правобережной Украине (в основном в Подольской и Киевской губернии), главным объединяющим моментом для которых был лозунг борьбы за создание независимого украинского государства. Рядом с фамилией Балаховича фамилия Петлюры упоминается лишь в ноте протеста правительства РСФСР правительству Великобритании от 28 октября 1920 года, как командующих вооруженными силами, действующими на разных территориях (в Белоруссии и в Западной Украине). – прим. Гриня

⁸⁰⁹ **Шибает, шибает** – ударяет, бьет, выпивает, воняет, бросает. – прим. Гриня

⁸¹⁰ Автор стихов – Виктор Николаевич Забила, украинский поэт XIX века, друг и побратим Т. Г. Шевченко. Музыка сочинил М. И. Глинка. (Шумит ветер сильно в поле, ревет, лес ломает; Плачет козак молоденький, судьбу прокликает. Шумит ветер сильно в поле, ревет, лес ломает; Козак томится, бедный, что делать – не знает.) – прим. Гриня

слезы, и он уже с трудом добавил:

Козак стогне, бидолаха, сам соби гадае... 811

– Ну, хватит тебе! – махнула рукой Мироновна. – Чего ото жалю⁸¹² нагоняешь?

Лаврентий вытер слезу на щеке, промолвил скрипуче:

– Выпьем, сынку, ще по одной, чтобы нашему дедуне сырая земля легким пухом была. Выпьем.

Виктор почувствовал, как забилося у него сердце, сжалось от режущей боли. Подняв рюмку, вздохнул печально:

– За дедуню выпью, батя... И вы с нами, маманя... за дедунюшку... Им больше всех пришлось... из-за нас пострадали...

– Все это Гусочка... – заметила мать, с трудом сдерживая рыдания. – Черт остроголовый! Шоб ему на том свете ни дна ни покрышки не было!

На дворе голосисто залаяла Жучка, и в кухню с клубами пара влетел Вьюн. Приложив руку к кубанке, он бойко отпартортовал:

– Товарищ командир, сани по вашему приказанию поданы!

– Как? – Лаврентий взглянул на сына. – Куда это ты вздумал?

– Надо, батя! – уклончиво ответил Виктор.

* * *

Гул церковного колокола плыл над заснеженной станицей, летел в Закубанье, сзывал прихожан к утрене.

Денисовна собралась в церковь, оделась потеплее, взяла трость и тихо, чтобы не разбудить дочь, вышла из хаты. В это время у ворот остановились легкие сани с тройкой лихих коней: в оглоблях – Ратник, на пристяжке – Кристалл и Метеор. На козлах, туго натягивая ременные вожжи, восседал Вьюн, в задке на сиденье – Виктор Левицкий, до пояса прикрытый белой буркой.

Докука звонко залаяла. Денисовна цыкнула на нее, остановилась у калитки. Виктор, выдыхая клубы горячего пара, поздоровался с ней, сказал, улыбнувшись:

– Я за Соней.

– Она еще в постели, сынок, – радушно ответила Денисовна и, направляясь к хате, добавила – Зараз разбуджу ее.

На пороге конюшни показался Калита.

– Ты чего спозаранку? – расправляя шершавыми пальцами усы, обратился он к Виктору.

– За Кубань, в лес хочу поехать, – ответил тот, – Уж очень хорошее утро, сегодня первый снег.

– А... – многозначительно протянул Калита. – И это надо. Не все же воевать, то и проче.

Денисовна снова подошла к калитке, объявила:

– Соня уже собирается! – и торопливо зашагала к площади.

Демка шмыгнул носом, окинул восторженным взглядом заснеженные хаты и деревья.

– Экая зимища началась в нынешнем году! Шальная, видать, будет.

Из калитки выбежала Соня. Задыхаясь на морозном воздухе, она крикнула весело:

– Я готова, поехали!

Отец внимательно оглядел ее, заметил:

– А ты в этой кацавейке не прозябнешь? Бачишь, який мороз струже⁸¹³.

– Что мне мороз! – отозвалась Соня со смехом.

Виктор отбросил бурку в сторону, указал на тулуп:

– Не замерзнем! – Он усадил Соню в санки и, кутая ее в шубу, проговорил: – Вот так... Теперь

---

811 Казак стонет, горемыка, сам с собою говорит... – прим. Гриня

812 **Жаля** – грусть, скорбь. – прим. Гриня

813 **Струже** – строгают, скоблит; делает строганину (других значений не нашел...). – прим. Гриня

нам дед-мороз не страшен.

– Ты ее как боярыню какую, то и проче, – кашлянул Калита.

Виктор прикрыл Сонины ноги буркой. Демка дернул вожжи, гикнул, и кони понеслись по улице, взрывая подковами пушистый снег. Соня задыхалась от встречного ветра, обжигавшего ее румяные щеки, хохотала от восторга. Ветряк на околице походил на великана в нахлобученной белой папахе и с поднятыми руками, готового ринуться в бой; дальние посадки под ослепительными лучами солнца казались волшебными.

Лошади забухали подковами по деревянному мерзлому настилу моста, помчались по лесной дороге. Солнце пронизывало колючими красноватыми лучами молчаливый, обворожительный в своем снежном наряде лес.

– Эх, какая красота! – крикнул Виктор. – Ну прямо сказка! – Он указал на сугроб, из которого виднелись красные гроздья калины: – Видишь, то не ягоды, то рубины сверкают.

Соня прижалась щекой к его щеке, шепнула:

– Это то место, Витя, где мы с тобой впервые встретились...

– Да, да, узнаю, – воскликнул Виктор. – Вон и та тропинка, по которой я ехал на Ратнике.

– Я тогда грибы собирала, – прибавила Соня и заглянула в его глаза. – Вот испугалась, как увидела тебя. Думала...

– Что я разбойник? – рассмеялся Виктор. – Песиголовец какой-нибудь объявился в лесу? – Он притронулся рукой к плечу Вьюна. – Стой, Дема!

Демка остановил лошадей.

Виктор охватил плечи Сони и, обдавая румяное лицо горячим дыханием, проговорил:

– Круг наш с тобой здесь замкнулся.

– Какой круг? – не поняла Соня.

Виктор выпрыгнул из саней.

– Вылезай из тулупа! Сейчас увидишь.

Соня легко выпорхнула на дорогу.

– Ну, показывай!

– Пойдем! – Виктор взял ее за руку, потянул в лес.

Соня едва поспевала за ним, проваливалась в глубокий снег и счастливо смеялась. Вскоре они выбрались на заветную тропинку. Виктор прижал Соню к груди и, поцеловав, сказал:

– Теперь мы с тобой должны пожениться.

Соня потупила голову, ответила:

– После учебы, Витя! – И тут же, улыбнувшись, воскликнула: – После Нового года!

Невдалеке, у дороги, хрустнула ветка. Виктор обернулся и увидел незнакомого человека.

– Кто это? – испуганно спросила Соня.

– Не знаю, – ответил Виктор. – Должно быть, дровосек какой-нибудь. Видишь, с топором.

Незнакомец крикнул:

– Вы к кринице? Сегодня богослужения не будет!

– Это, должно быть, сторож, монах, – сказала Соня. – Тот, что живет под кручей, у святой криницы.

Она не ошиблась. Это действительно был Лука.

– А вам ложки самшитовые не нужны? – спросил он.

Виктор и Соня недоуменно переглянулись.

– Какие ложки?

– Обыкновенные, – пояснил Лука. – Столовые. Коли желаете купить, могу показать.

– Пойдем посмотрим, – шепнул Виктор Соне и махнул Демке рукой, чтобы тот ехал за ними.

– Где же вы взяли эти ложки? – спросил Виктор, подойдя к монаху.

– Сам делаю, – ответил Лука, пряча лицо в башлык. – Таких ложек поискать. Богомолки по пятьсот рублей дают мне за штуку. Деньги по этому времени немалые.

– Если понравятся, то и мы купим, – сказал Виктор.

– Непременно понравятся, – заверил Лука, спускаясь с высокого берега к речушке.

Соня шла за Виктором, то и дело оглядываясь на ехавшего позади Демку. Лука выбрался на расчищенную тропу, поднялся к гроту и, открыв дверь, пригласил Виктора и Соню в свою обитель. Здесь под стеной стоял маленький токарный станок с ножным приводом. На нем лежали разные изделия, выточенные из самшита.

– Да у вас тут целая мастерская! – заметил Виктор.

– Тружусь, яко всякий грешник, – отозвался Лука.

Он достал из-под кровати сундучок, вынул из него с десяток ложек. Они были сделаны очень искусно.

– И впрямь хорошие ложки, – сказала Соня. – Мне нравятся.

– Пока возьмем три штуки, денег я прихватил с собой мало. – Виктор достал из кармана черески бумажник, расплатился за покупку.

Лука сунул деньги под шапку, затем отобрал в сундуке четвертую ложку, самую красивую, и протянул ее Соне.

– А это вам, дамочка, в подарок от одинокого отшельника.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила Соня.

XXI

В монастырской церкви уже шло утреннее богослужение, а игуменья все еще не поднималась с постели. Дурной сон видела она ночью: все мерещились ей монашки с «безобразными» животами. Они обступали ее со всех сторон, а она кричала им: «Проклятые! Что мне делать с вами? Погубите вы меня, беспутные! Ни за что погубите!..»

В келью вошла мать Иоанна, заглянула в спальню.

– Матушка, к вам гостя, – доложила она с низким поклоном. – Ваша бывшая келейница...

– О господи! – Игуменья сбросила с себя одеяло. – Я сию минуточку.

– Она с каким-то молодым человеком, – добавила мать Иоанна.

Игуменья быстро оделась, поправила перед трюмо свои пышные волосы, проговорила:

– Просите их, матушка.

Вошли Соня и Виктор.

– Милая девочка, здравствуй! – умиленно протянула игуменья. – Наконец-то ты вспомнила обо мне. Я очень тронута твоим вниманием.

– Мы были в лесу, здесь, поблизости, и решили заглянуть к вам, – ответила Соня.

Игуменья взглядела в лицо Виктора:

– А вы, кажется, сын Лаврентия Левицкого?

– Да, – ответил Виктор.

– Присаживайтесь, прошу! – игуменья указала на кресла, – Вы что, поженились уже?

– Что вы, матушка! – возразила Соня. – У нас еще впереди учеба...

Виктор обратил внимание на два небольших портрета, глядевших на него со стены из золоченой багетовой рамы

– Кажется, я где-то видел этих людей, – сказал он.

– Вы не могли их видеть, – возразила игуменья. – Эти люди никогда в наших краях не бывали.

– Да нет же, видел! – стоял на своем Виктор. – Вот только где? – И вдруг вспомнил фотокарточку, которую ему как-то показывал отец на фронте, воскликнул: – Это же Тимофей и Пимен Мазаевы! Мой отец был у них в полку, когда находился у Хвостикова!

– Верно, это Мазаевы, – промямлила игуменья. – Тимофея уже нет в живых: убит в бою. – И поинтересовалась: – А откуда у вашего отца их карточка?

Виктор пожал плечами:

– Точно не знаю. Кажется, он был в усадьбе Мазаевых, и Тимофей Харитонович подарил ему фотокарточку.

– Пимена я никогда не видела в лицо, – заметила игуменья.

Стенные часы мелодично отбили десять ударов.

Соня протянула игуменье руку:

– Ну, мы поехали, матушка. Всего хорошего.

Глубокая ночь. По коридору монашеского общежития к выходу прокралась черница⁸¹⁴, держа в руках что-то завернутое в пеленки. Вскоре ее темная фигура мелькнула в аллее сада, нырнула в кусты, затем показалась у купальни и, оставляя след на снегу, направилась к замерзшему пруду. Чуть слышно поскрипывали промерзлой корой толстые дубы. Черница осторожно сошла на скользкий хрустящий лед, к промоине, и, развернув тряпку, положила на сгиб левой руки тельце новорожденного, осенила его крестом и бросила под лед. Вода забулькала в промоине. Черница оглянулась вокруг, побрела к общежитию.

Игуменья еще не спала. Кто-то тихо постучал в дверь ее кельи. Игуменья вышла в переднюю, прислушалась. Стук повторился.

– Кто там? – робко спросила игуменья.

– Матушка, – послышалось из-за двери, – это мы – Бородуля и Матяш.

Игуменья прижалась к дверному косяку, прикусила губы.

– Слышите, матушка? – повторил Бородуля. – Это мы, откройте.

– Подождите минутку, – прошептала игуменья и начала одеваться. Руки у нее дрожали, и она никак не могла застегнуть мантию на крючки. Наконец привела себя в надлежащий вид, отперла дверь.

Оглядев гостей испуганными глазами, всплеснула руками:

– Бог мой! Что это вы такие оборванные?

– Ничего, матушка, – ответил Бородуля простуженным голосом, – Ино⁸¹⁵ скоком, ино боком, а ино и ползком.

Бородуля и Матяш повесили свои ветхие полушубки и шапки на вешалку, уселись на диване.

– Ну, рассказывайте, – опустила в кресло игуменья.

– Да что рассказывать, матушка, – потупил голову Бородуля. – Погибель пришла на нас. Доживаем последние дни. – Он тяжело вздохнул, помолчал немного, затем спросил: – Что с отцом моим случилось?

– Умер, – ответила игуменья, – Его мертвым нашли в подвале.

Игнат Власьевич проскрипел зубами.

– А мы имеем сведения, что его кто-то задушил.

– Неужели? – испугалась игуменья. – Впервые от вас слышу.

– Мы знаем, – раздраженно подчеркнул Игнат Власьевич. – Врач, который вел медицинское обследование, проболтался, и нам передали.

Игуменье неожиданно пришла в голову мысль: а не является ли виновным в смерти старого Бородуля монах. Ведь он был у старика первое время по приезде в монастырь. Но тут же мысленно спросила себя: «А зачем ему понадобилось ни с того ни с сего убивать? Мечь? Но за что?»

– Кстати, мы сюда прибыли... поквитаться с Виктором Левицким, – угрюмо проговорил Матяш. – Ксению он убил.

Игуменья была до глубины души поражена этой вестью.

– Какой ужас! – глухо воскликнула она. – Кто бы мог подумать, что Виктор поднимет руку на Ксению! – И сообщила, что Левицкий приезжал утром в монастырь.

– Зачем? – спросил Матяш.

– Так... С Соней заезжал... – ответила игуменья.

– Жаль, что мы его не застали! – Матяш яростно сжал кулаки. – Ничего. Он не уйдет от нас!

– Только, ради бога, не делайте этого в моем монастыре, – прошептала игуменья. – Да и вообще... Снова может упасть подозрение на меня.

– Не бойтесь, матушка, – сказал Матяш. – Мы все сделаем так, что комар носа не подточит.

– Ох, я так боюсь всего, – вздохнула игуменья – Жду, что вот-вот сюда нагрянут чекисты.

– Мы вас не подведем, – заверил ее Матяш.

Бородуля поскреб всклокоченные волосы.

– Отдохнуть бы нам, матушка, с дороги и бельишко сменить. А то, кажись, и вша уже завелась у нас.

---

⁸¹⁴ **Чернец, черница** – то же, что монах, монахиня. – прим. Гриня

⁸¹⁵ **Ино** – иногда, когда. – прим. Гриня

– Хорошо, все сделаю, – сказала игуменья. – Посидите, я сию минуточку! – И она торопливо вышла из кельи.

* * *

Виктор спешил у двора ревкома, передал повод Демке и, поднявшись по мерзлым скрипучим ступенькам крыльца, направился к кабинету Норкина.

Здесь его ждал Жебрак.

– Разговор к тебе есть, Виктор Лаврентьевич, – сказал Жебрак. – Первого декабря в области начнутся выборы⁸¹⁶. Вместо ревкомов будут созданы Советы.⁸¹⁷ Твой полк по распоряжению командования Красной Армии должен включиться в эту ответственную кампанию, помочь товарищу Норкину провести выборы в Краснодарской. Надо сделать так, чтобы в местные органы власти не пролез ни один богатея, и в председатели Совета надо выбрать такого человека, который проводил бы нашу политику, защищал интересы бедняков и середняков – крепкого сторонника Советской власти.

– А Василий Афиногенович? – Виктор указал глазами на Норкина. – Он же председатель ревкома – ему и карты в руки.

– Нет, – возразил Жебрак. – Его нельзя. Неграмотный он.

– Тогда Ропота, – посоветовал Виктор.

– Хворый он еще дюже, раны не зажили, – сказал Норкин. – А лучшего председателя, чем он, и не надо бы: коммунист, грамотный, стойкий как камень.

– Да, жаль, что он болен, – промолвил задумчиво Жебрак и тут же спросил – И все-таки на ком же остановим выбор? – Он покрутил усы, затем вдруг пристально взглянул на Виктора – А что если отца твоего в председатели выдвинуть, а? Отзовем его из армии, вручим бразды правления.

Виктор пожал плечами.

– И верно, Николай Николаевич, – одобрительно кивнул Норкин, – Лаврентий Никифорович по всем статьям подходит. Давайте покличем его, поговорим.

– Зови! – сказал Жебрак.

Но звать Лаврентия не пришлось. Он сам неожиданно появился на пороге кабинета.

– О! Легко на помине! – широко улыбнулся Жебрак. – А мы только что хотели посылать за вами. Думаем вас выбирать в председатели станичного Совета, – объявил Жебрак.

– Кого это? – переспросил Лаврентий. – Я трошки не понял вас, Николай Николаевич. Какого Совета?

– Советскую власть возглавлять в станице будете, – объяснил Жебрак.

Лаврентий хмыкнул:

– Гм... Тут треба хорошенько пораскинуть мозгой. А то... как бы маху не дать. Да, факт на лице.

– Это уж как водится, – Жебрак весело прищурился. – Правильно говорится, семь раз отмерь, один раз отрежь. Что ж, подумайте, взвесьте все, Лаврентий Никифорович, но ответ дайте нам сегодня.

XXII

---

⁸¹⁶ Первоначально **выборы** в Кубано-Черноморской области назначались на 15–20 июня 1920 г., но ввиду нависшей угрозы со стороны Врангеля их пришлось отложить на более поздний срок. После разгрома десантов Врангеля, обком партии обязал областной ревком составить план **выборов** в Советы Кубано-Черноморья с таким условием, чтобы **выборы** закончились к 1 января 1921 г. В ноябре–декабре 1920 г. в селах и станицах Кубани проходила предвыборная кампания и **выборы** в местные Советы. 6 января 1921 года в городе Краснодаре открылся 1-й Съезд Советов Кубано-Черноморской области. – прим. Гриня

⁸¹⁷ 2 января 1920 года Совет рабочей и крестьянской обороны постановил упразднить губернские и уездные революционные комитеты. Власть переходила к местным **Советам**. **Ревкомы** могли быть сохранены лишь в порядке исключения и там, где это было продиктовано необходимостью. – прим. Гриня

Поздно вечером Норкин вышел из ревкома, поднял воротник овчинного полушубка и, осыпаясь густыми хлопьями снега, широко зашагал домой. Попыхивая сигаркой, он радовался тому, что Лаврентий Левицкий согласился занять пост председателя Совета. Знал он, Лаврентий не даст спуску богатеям.

На улице Норкину встретила Фекла Белозерова.

– Кажуть, Жебрак до нас приехал, – сказала она.

– Был, – ответил Василий. – Сейчас в коммуну подался.

– Новость какую привез чи так? – любопытствовала Фекла.

Василий сообщил ей о предстоящих выборах в местные Советы Кубанской области, предупредил:

– Завтра подготовку к выборам начнем. – И поинтересовался: – А у тебя как дела в квартале? Возили сегодня хлеб на ссыпки?

– Мало, – вздохнула Фекла. – Только две подводы отправила – всего шестьдесят пудов.

– Да... упираются богатеи, – протянул Василий.

На том и расстались.

* * *

Настал день выборов

С утра к ревкому со всех концов станицы потянулись краснодольцы. На парадном крыльце два чоновца установили стол для президиума. Над говорливой толпой поднимался густой пар.

Наконец места за столом заняли Жебрак, Юдин, старший Левицкий, Корягина.

Норкин объявил повестку дня, предоставил слово Жебраку, на которого сразу устремились тысячи глаз. Жебрак дотронулся пальцами до крышки стола, громко произнес:

– Товарищи казаки, казачки, иногородние! Сегодня, первого декабря, во многих станицах, хуторах, аулах Кубани и Черноморья начались выборы в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁸¹⁸! Разрешите мне от имени Кубанского ревкома⁸¹⁹ выразить уверенность, что вы на данных выборах проявите свой патриотический долг перед Родиной и сделаете все, чтобы в ваш Краснодольский Совет, который отныне будет функционировать вместо ревкома, не пролез ни один мироед-богатеи, тот чуждый элемент, кто мешает нам строить новую жизнь!

В толпе одобрительно загудели:

– Правильно! Геть всех богатеев!

– Хватит, насосались они нашей крови!

– Советская власть – бедняцкая власть!

Жебрак, приподняв руку, продолжал:

– Обстановка, которая сложилась у нас на Кубани в этом году, вам всем известна... – Голос его оборвался, и он повел глазами по площади.

К Калите, стоявшему у крыльца, неожиданно протиснулась Мавра, указала на свои ботинки и старое ватное пальто, плачущим голосом сказала:

– Спасибо вам, добрая душа, за эту обувку и одежину.

– Тихо, тихо, Мавруша, – предупредил ее Калита. – Бачишь, тут у нас собрание, то и проче

Мавра поправила на голове платок, медленно прошла мимо крыльца. Жебрак проводил ее долгим взглядом и снова заговорил:

– Выступая в станице Старощербиновской⁸²⁰ на митинге и говоря о продрозверстке и росте

---

⁸¹⁸ Полное название создаваемых органов власти в Кубано-Черноморской области было «Советы рабочих, крестьянских, казачьих и горских депутатов». В зависимости от состава местного населения практиковались вставки «железнодорожных», «матросских», «батрацких» и т. п. – прим. Гриня

⁸¹⁹ Кубано-Черноморский областной ревком. – прим. Гриня

⁸²⁰ Старощербиновская – станица в Краснодарском крае в низовьях реки Ея, административный центр Щербиновского района. – прим. Гриня

бело-зеленых банд на Северном Кавказе, Михаил Иванович Калинин⁸²¹ указал, что нынешний год можно разделить на три периода. К первому относятся апрель и май месяцы, когда мы пришли сюда с Красной Армией и принялись создавать свои рабоче-крестьянские аппараты. Этот период, в смысле общей политики на Кубани, характеризуется удивительной мягкостью со стороны Советской власти к тем неблагонадежным элементам, которые наполняли тогда нашу область. Мы, большевики, пришли сюда как освободители трудящихся масс Кубани.

Голос Жебрака гулко звучал в морозном воздухе, долетал до самых далеких уголков площади.

– Второй период, – говорил Жебрак, – характерен слиянием белых банд в черносотенную армию генерала Хвостикова. В этот период высаживаются врангелевские десанты на Кубани: в Сукко, под Анапой, на Таманском полуострове и в Приморско-Ахтарской. Белогвардейские офицеры, скрывавшиеся в горах и лесах Кубани, после разгрома деникинской армии, снова начали организовывать контрреволюционные отряды и примыкать либо к армии Хвостикова, либо к десантам Врангеля. В этот момент Советская власть была всецело занята подавлением контрреволюционных сил в нашей области. И, наконец, третий период. Мы закончили войну с панской Польшей, добились Врангеля в Крыму. Теперь мы стали полновластными хозяевами на своей земле и приступаем к выборам исполнительных комитетов Советской власти⁸²² на местах.

Краснодольцы дружно заплодировали. Жебрак выждал тишину, подергал концы темно-русых заиндевших Усов и продолжал с еще большей силой:

– Деятнадцатого ноября областной ревком, как вам известно, товарищи, вынес постановление о выборах в Советы... Сегодня по вашему Кавказскому отделу и начались выборы в исполкомы. Собрались и мы, чтобы избрать Краснодольский станичный Совет и председателя Совета. Ваши квартальные комитеты рекомендуют на пост председателя товарища Лаврентия Никифоровича Левицкого.

Над площадью полетели одобрительные выкрики:

- Давайте Левицкого!
- Хороший человек!
- Хозяйственный казак!

На крыльцо поднялся бравый старикан в черном залосненном чекмене и с суковатой палкой в руке, снял баранью папаху и, поклонившись станичникам, сказал хрипловатым голосом:

– Лавруха – наш казак, фронтовик. Знает он добре, что такое белые и красные. Раскусил в боях беляков треклятых, кляп им в рот, и до скончания дней своих будет стоять за Советскую власть. Правду я кажу, Никифорович, чи ни?

– Правду, дядько Карпо, правду! – отозвался Лаврентий.

Старик взмахнул шапкой:

– А раз правда, треба голосовать за Лавруху. Вот и вся недолгая.

Выступило еще несколько казаков. Они и хвалили Лаврентия, и упрекали за прошлые колебания, но неизменно утверждали, что он будет достойным председателем.

Приступили к голосованию. Над толпой вырос лес рук.

XXIII

Мать Сергия еще с вечера предупредила Луку, что к нему ночью, возможно, придут люди, которых надо приютить. Монах вначале хотел было отказаться, но из опасения разгневать игуменью согласился принять незваных гостей.

---

⁸²¹ Калинин, Михаил Иванович (7 [19] ноября 1875 – 3 июня 1946) – русский революционер, советский государственный и партийный деятель. В 1919 году Л. Д. Троцкий назвал его «всероссийским старостой», после 1935 года его стали называть «всесоюзным старостой», также «рабоче-крестьянским президентом» и просто «дедушкой Калининым», поскольку с 1919 года и до года своей смерти Калинин занимал должность главы государства в РСФСР, а затем и СССР. Во время Гражданской войны вёл пропагандистскую работу, выезжая в районы боевых действий, где выступал как оратор-пропагандист в частях Красной Армии и перед местным населением. – прим. Гриня

⁸²² Советы выбирались народным голосованием и являлись представительными и распорядительными органами. Для текущей работы они создавали ответственные перед ними исполнительные комитеты. Советы избирали исполкомы из своего состава. Здесь явная ошибка автора, не исправленная в позднейших изданиях. – прим. Гриня

Первым пришел Бородуля. Лука из предосторожности не зажег света. Гость положил у печки свои сумки и, не выпуская карабина из рук, сел на табуретку, спросил:

– Кто же вы будете? Откуда?

– А разве вам мать-игуменья ничего обо мне не говорила? – в свою очередь спросил Лука. И, помолчав немного, добавил: – Оттуда же, откуда и вы.

– С гор? – оживился Бородуля. – Свой, значит? И не боитесь, что вас тут найдут?

– Меня в этих краях никто не знает, – заметил Лука. – Вот и решил побыть здесь до весны.

– Что же вы делали в горах? – поинтересовался Бородуля. – У Хвостикова служили или как?

– Видите ли... – замялся Лука. – Вы же знаете, что генерал Хвостиков в тех местах всех мужчин мобилизовывал. По мобилизации я и попал к нему.

– А тут чем занимаетесь?

– Святую криницу охраняю, – ответил Лука и как бы вскользь полюбопытствовал: – Ну, а что же вас привело сюда?

– Отца у меня в станице какая-то подлюга задушила – сказал Бородуля. – Хочу узнать, кто это сделал. Вот и пришел сюда с зятем.

Лука насторожился:

– И где же он – ваш зять – сейчас?

– В станице.

– Выяснить пошел насчет вашего отца?

– Нет, у него там свои дела. Жену его в бою Левицкий зарубил...

За дверью послышался скрип снега. Бородуля и Лука затихли. Кто-то постучал в окно. Игнат Власевич взял карабин, окликнул:

– Кто?

– Откройте, – отозвался Матяш.

Лука отодвинул засов, и Матяш вошел в жарко натопленную комнатушку.

– Ну, собирайтесь, – сказал он тестю, – Скоро начнет светать... Поход мой неудачный.

Бородуля вскинул сумку за спину, повесил карабин на плечо, подал Матяшу его сумку.

– Ну, спасибо тебе, брат Нифонт, за приют, – сказал он монаху.

– Да поможет вам бог, – глухо ответил Лука.

Матяш резко обернулся в сторону монаха. Уж больно знакомым показался ему голос. Он достал зажигалку, чиркнул ею. Лука сунул руку в карман, сжал рукоятку нагана.

«Сейчас же, как только вспыхнет свет, прямо в упор тому и другому по пуле – и делу конец», – решил он. Но зажигалка не зажигалась.

– Брось чиркать! – шикнул на него Бородуля. – Зачем огонь тебе?

– Хотел на хозяина поглядеть, – ответил Матяш, – Да, мабуть, весь бензин вышел.

«Слава богу, пронесло!» – облегченно вздохнул Лука.

Бородуля и Матяш покинули сторожку. Они направились в лес, засыпанный глубоким снегом.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

I

Наступил 1921 год.

Медленно разгоралось новогоднее студеное утро. Закутавшись в снежную шубу, Краснодар прижался на излучине к берегу Кубани, закованной в ледяной панцирь, сладко дремал на зорьке, дышал горячими трубами, и клубы дыма ползли над ним тяжелыми черными шлейфами. Мороз сковал и камни, и землю. Сыпал густой, как серебряные опилки, мелкий снег. Ветер наметал сугробы, вихрился на улицах и площадях, в садах и парках. Казалось, город совсем не думал просыпаться

Но вот легкие сани, покрытые рваной, затасканной полостью⁸²³, проложили на пушистом снегу безлюдной улицы Красной две глубокие колеи. Пересекая улицу Гоголя, извозчик покосился

---

⁸²³ **Полость** (полсть) – покрывало для ног седока. – прим. Гриня

из-под нахлобученного треуха на большой кумачовый лозунг, вывешенный над порталом Зимнего театра⁸²⁴, по слогам прочел:

**ПЛАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ
ДЕЛЕГАТАМ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ
КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ!**

Он ударил лошадь вожжами, сказал:

– Значит, нынче можно подзаработать! Трамваи-то из-за снежных заносов не ходят.

Глухо, словно сквозь вату, проревели утренние заводские гудки.

Тротуары постепенно заполнялись трудовым людом, спешившим на работу. А через полчаса вся улица была забита народом. Появились юркие разносчики газет. Шныряя между прохожими, они наперебой кричали:

– Читайте сообщение об открытии в Краснодаре Первого съезда Советов!

На Пролетарской улице показалась колонна кавалерии. Впереди в золотисто-багряных лучах восходящего солнца реяло красное знамя. Рядом со знаменосцем гарцевал на тонконогом скакуне Воронов, возвращавшийся с врангелевского фронта.

У гостиницы «Европа» конники свернули вправо, потянулись бесконечной лентой по Красной, направляясь в казармы, расположенные на северной окраине города.

---

⁸²⁴ **Зимний театр** – театральное здание на углу улиц Красной и Гоголя, построено в 1909 году. С 1932 по 1974 год в этом здании размещался Театр драмы им. М. Горького. В 1943 г. здание Зимнего театра было взорвано уходящими из города немецкими войсками. В 1954 году театр был реконструирован, но внешний облик его кардинально поменялся. Сейчас в этом здании располагается Краснодарская филармония имени Г. Ф. Пономаренко. – *прим. Гриня*

Митрофан осадил иноходца, купил у разносчика газету «Красное знамя» и, проскакав к голове колонны, передал ее своему командиру. Воронов прочел на первой странице:

– «Сегодня открывается Первый съезд Советов Кубано-Черноморской области.

Избранники трудящихся городов и станиц собираются, чтобы выработать план восстановления разрушенного хозяйства нашего края.

Нога в ногу с рабочими и крестьянами всей Советской России трудовая Кубань пойдет на борьбу с разрухой, голодом и нищетой».

Взгляд Воронова скользнул по передовой статье, в которой говорилось:

«Наступил момент, когда рабоче-крестьянские массы Кубани, собравшиеся на съезд, в лице своих представителей должны заложить фундамент под всю ту организационную работу в области советского строительства, которая проделана в течение девяти месяцев существования Советской власти на Кубани».

Митрофан радостными глазами глядел на каждый дом, на линии телеграфных проводов, отягощенных снегом, на сверкающие на солнце стекла витрин, и ему казалось, что все это на главной улице выглядело иначе, лучше, чем два месяца тому назад. Душа его ликовала, была охвачена каким-то торжественным чувством.

Вскоре голова колонны миновала рынок⁸²⁵. У ворот казармы Воронова встретили Ковтюх,

---

⁸²⁵ **Хлебный рынок** – располагался на северной окраине города напротив Всесвятского кладбища (сейчас угол улиц Красной и Хакурате). В 20-х годах – хлебные ссыпки. – прим. Гриня

Балышеев и Виктор Левицкий.

– Здравия желаю, товарищи! – крикнул Воронов, слез с коня и, передав повод ординарцу, энергично пожал руки встречающим.

Прошли в канцелярию. В кабинете начальника их уже ждали Левандовский и Соловьев.

Поздоровавшись, Левандовский весело спросил:

– Что ж, с Врангелем, значит, покончили?

– И с Врангелем, и с Пилсудским, – ответил Воронов.

* * *

Вечером у Зимнего театра было людно. То и дело на извозчиках подъезжали делегаты.

На мраморной лестнице Лаврентий увидел Черноуса, схватил его за руку:

– Василий Иванович, сколько лет, сколько зим!

Черноус удивленно округлил глаза, затем обнял Левицкого за плечи, и они по-приятельски горячо расцеловались.

– Оце так стория! – не смог успокоиться Лаврентий – Кто б мог подумать, что тут встренемся! И ты, стало быть, на съезд приехал?

– А то как же, – подмигнул Василий Иванович. – Со старухой я тут.

– Це б то, куда иголка, туда и нитка, – поднимаясь в фойе, сказал Лаврентий.

– А вот и старушка моя! – воскликнул Василий Иванович.

У двери зрительного зала стояла с делегатами Феодосия Тихоновна. Увидев мужа, она направилась к нему.

– Ты погляди, мать, кто со мной, – сказал Василий Иванович.

– О, Лаврентий Никифорович! – улыбнулась Феодосия Тихоновна. – Какими судьбами?

– Известно какими. Я делегат, – объявил Лаврентий. – Теперь в председателях Совета хожу. Да, факт на лице.

– Значит, начальство, едят тебя мухи! – Василий Иванович похлопал его по плечу.

Среди делегатов прохаживались в фойе Оглобля и Шкрумов. Левицкий с четой Черноусов подошел к ним.

– Здравствуйте, Наум Трофимович! – Лаврентий потряс руку Оглобле и представил его Черноусам: – Знакомьтесь. Председатель Совета станицы Передовой, ежели не ошибаюсь.

– Нет, правильно, Лаврентий Никифорович, – сказал Оглобля. – Как был, так и остался... Теперь меня в станице все иначе не называют, как «Освобожденный Прометей».

– Это ж почему? – удивился Василий Иванович.

– Да, как рассказал мне на скале мой освободитель, – пояснил Оглобля, – будто бы тот Прометей украл у богов огонь и подарил людям, а боги осерчали на него и в наказание приковали у нас на Кавказе к скале, и к нему, тому Прометею, каждый день прилетал орел и клевал у него печень... – Он громко захохотал и добавил: – Но я-то орлам не достался, хотя они уже кружили надо мной, высматривали добычу. Меня-то освободил от веревок добрый человек. Вот я с тех пор и стал Освобожденный Прометей.

– Какое совпадение! – покачал головой Шкрумов.

– И вот я... как видите, тучочки... – Он, как бы спохватившись, продолжал: – Эта байка потом у нас в станице распространилась и прилипла ко мне, как банный лист.

– О, так вам еще дюже повезло, – весело улыбаясь, сказал Василий Иванович, – нашлась хорошая душа, а то бы... гибели не миновать.

– Да, я уже и так был на пределе, – протянул Оглобля, – еле не очурился до вечера...

– А твой спаситель на днях к нам в станицу приходил, – сказал Лаврентий, обращаясь к Оглобле. – Мы его чуть-чуть не изловили. Но он прытким оказался, нечистый дух!

Оглобля, наморщив шишковатый лоб, молчал.

Прозвенел звонок. Делегаты с шумом потянулись в зал. Невдалеке, в проходе, Лаврентий увидел Жебрака и Юдина. Кто-то положил ему на плечо руку. Он оглянулся: за спиной стоял улыбающийся Воронов.

– О!.. Ты глянь, оказия какая! – засмеялся Лаврентий. – Куда ни повернись – и все свои.

Воронов поздравил его с избранием в председатели Совета, сказал:

– Слышал я, станичники довольны тобой, Лаврентий Никифорович.

– Ох, не все довольны, Елисей Михайлович! – покачал головой Левицкий. – Богатеи косятся на меня.

– Пусть косятся, нынче наша власть. – Воронов хлопнул его по плечу и направился к передним рядам кресел.

Лаврентий уселся во втором ряду, внимательно окидывая зал прищуренными глазами. Рядом с ним поместились Черноусы, Оглобля и Шкрумов. В правой ложе появились Атарбеков, Соловьев, Демус и Фурманов. Внизу, под ложей, в партере сидели Виктор, Петька Зуев, Демка Вьюн и Митрофан Воронов.

В глубине сцены выстроился хор. Заместитель председателя областного ревкома Галактионов остановился у стола, застыл в выжидательной позе. В зале наступила тишина.

– Товарищи! – громко бросил в зал Галактионов. – По поручению областного революционного комитета объявляю Первый съезд Советов Кубани и Черноморья открытым!

Оркестр и хор исполнили «Интернационал».

Когда умолкли звуки революционного гимна, Галактионов продолжил:

– Товарищи делегаты! Предлагаю почтить вставанием память борцов, погибших за дело революции.

Делегаты поднялись, замерли в молчании.

Затем слово для приветствия было предоставлено Юдину.

– Дорогие товарищи! – обратился он к залу, – От имени областного комитета большевистской партии я приветствую и поздравляю Первый съезд Советов Кубано-Черноморской области! Сегодня осуществляется мечта рабочего класса, крестьянства и кубанских большевиков. Первому Кубано-Черноморскому областному съезду Советов предстоит наметить планы строительства новой жизни, восстановления разрушенного хозяйства.

Раздались бурные аплодисменты. Потом начали выбирать президиум. Виктор поднял руку.

– В почетный президиум, – сказал он, – я предлагаю товарищей Ленина и Калинина.

Его предложение было встречено овацией... Выдвижение кандидатов продолжалось. И вдруг до слуха Лаврентия долетело:

– Прошу внести в список кандидатуру Левицкого Лаврентия Никифоровича – председателя Совета станицы Краснодольской!

У Лаврентия екнуло сердце. Робко взглянув на Оглоблю, он пробормотал:

– Чи почудилось, чи правда меня?

– Да вроде тебя, – сказал Оглобля.

Когда же члены президиума поднялись на сцену и заняли места за столом, Галактионов огласил повестку дня и предоставил слово председателю областного ревкома Яну Полуяну.

Тот склонился над трибуной и, обратясь к сидящим в зале, начал:

– Товарищи! После трех лет упорной борьбы с контрреволюцией рабочий, крестьянин и казак добились наконец победы. Теперь ни на севере, ни на юге, ни на западе, ни на востоке нашей великой страны нет боевых фронтов. Наша доблестная Красная Армия имеет не только возможность получить передышку, но и принять участие в борьбе с хозяйственной разрухой.

Лаврентий сидел в президиуме между Черным и Атарбековым, слушал оратора и взволнованно вглядывался в сосредоточенные лица людей, собравшихся в зале театра. Вот он остановил взгляд на Викторе. «Не видать бы мне всего этого. Так, мабуть, и остался бы в чужом лагере, погиб бы не за цапову душу⁸²⁶, – промелькнуло у него в голове. Он отыскал глазами Жебрака, сидевшего во втором ряду с Соловьевой, мысленно произнес: – Спасибо тебе, Николай Николаевич, за добрые советы! Большое спасибо! Всем спасибо: и сыну, и покойному батьке...»

Шкрумов внимательно прислушивался к каждому слову докладчика. То, о чем говорил Полуян, находило в сердце Ивана Степановича отзвук, как нечто кровно связанное с его жизнью и судьбой.

Полуян перешел к экономическому положению Кубани:

– Язык цифр говорит о непрерывном укреплении и росте экономической мощи Советской Республики. В семнадцатом году было собрано пятьдесят миллионов пудов хлеба. В восемнадцатом

---

⁸²⁶ **Ні за цапову душу** – украинское выражение, дословно означает: ни за козлиную душу; русский аналог – «ни за понюх табака», то есть – ни за что, даром, зря. – прим. Гриня

– девятнадцатом годах голодающим рабочим центра и севера предоставлено было сто миллионов пудов. В девятнадцатом – двадцатом годах мы собрали двести миллионов! А в нынешний заготовительный сезон должны собрать не менее четырехсот миллионов пудов! Шестьдесят пять из них страна ждет от Кубани.

Черноус взглянул на жену:

– Как думаешь, старушка, потянет Кубань такое? Что-то дюже богато.

– Потянет! – убежденно ответила Феодосия Тихоновна. – Где же еще есть земли родючее, чем наша, кубанская.

Полуян отпил воды из стакана, снова устремил серые, сверкающие глаза в зал:

– Наши возможности неисчерпаемы. Природа будет служить свободному народу, отдаст нам все свои богатства. Сейчас в Москве разрабатывается план электрификации всей страны.

Среди делегатов пролетел шумок: «ГОЭЛРО⁸²⁷! ГОЭЛРО!..»

– Владимир Ильич Ленин назвал этот план «второй программой партии». Перед трудящимися нашей области стоят боевые задачи, – продолжал Полуян. – Самая главная из них – это выполнение разверстки на хлеб. Мы должны сделать все, чтобы страна получила от нас шестьдесят пять миллионов пудов!

– Кубань не ударит в грязь лицом!

– Будет хлеб!

Феодосия Тихоновна обернулась к мужу:

– Слышишь?

– Будет хлеб! – уверенно сказал Василий Иванович. – Слово казаков твердое!

II

7 января, на второй день, в три часа, съезд Советов продолжил свою работу. Первым выступил Галактионов. Он охарактеризовал те условия, в которых протекала десятимесячная деятельность ревкома. Условия эти были чрезвычайно сложными. Ревкому все время приходилось быть начеку и принимать меры для предотвращения высадки новых вражеских десантов на Кубани. Сильно мешали работе ревкома бело-зеленые банды. Остро ощущался недостаток в опытных работниках, тем более что здесь, на Кубани, пришлось иметь дело с той контрреволюцией, которая бежала сюда почти со всей центральной России во время отступления Деникина и в основном осталась здесь после его бегства за границу.

Особое место в своем докладе Галактионов уделил отношению революционного комитета к тем, кто еще скрывался в плавнях и горах.

– Рассматривая бело-зеленых как заблудившихся и обманутых, – говорил он, – ревком все время старался воздействовать на них увещанием и неоднократно призывал возвращаться к мирному труду, обещая полное прощение. Таким образом, наша политика была чрезвычайно мягка и гуманна к бело-зеленым, и сейчас ревком снова дал срок для того, чтобы бело-зеленые одумались и сложили оружие. Эти заблудившиеся люди должны в конце концов понять, что теперь, когда советизация области увенчалась успехом, бороться против народной власти – безнадежное дело..

В перерыве Соловьев с женой вышли в фойе, где уже было полно народу. К ним присоединился Атарбеков.

– Ну как, Анна Назаровна, довольны вы новым постом своего супруга? – спросил Атарбеков.

Аннушка недоуменно взглянула на мужа:

– Каким постом?

– Прости, Аннушка, я еще не успел сообщить тебе... – улыбнулся Геннадий Иннокентьевич. – Меня назначили начальником особого отдела.

Аннушка обернулась к Атарбекову:

– А вы?

– Москва направляет меня в Армению, – ответил тот. – Завтра утром вылетаю в Баку.

---

⁸²⁷ **ГОЭЛРО** (сокращение от Государственная комиссия по электрификации России) – государственный план электрификации Советской России после Октябрьской революции 1917 года. Разработан Государственной комиссией по электрификации России по заданию и под руководством В. И. Ленина. План **ГОЭЛРО** был положен в основу постановления Совета Народных Комиссаров от 21 декабря 1920 года «О плане электрификации России». – прим. Гриня

– Жаль, – сказала Аннушка. – Мы все привыкли к вам. Не знаю, сможет ли Геннадий справиться с работой в особом отделе. По-моему, тут надо иметь определенное призвание.

– Нет, Анна Назаровна, дело не в призвании, – с улыбкой возразил Атарбеков. – Просто нужно всей душой, всем сердцем быть с народом.

К ним подошел Юдин, взял под локоть Атарбекова

– Только что мне сообщили из Гривенской, что Рябоконт совершил зверский налет на хутор Лебеди.

– Мерзавец! – нахмурился Атарбеков. – Семнадцатого декабря налет на Петровскую, теперь – на Лебеди. Надо кончать с ним.

После перерыва начались прения. Первым взял слово Оглобля. Громадная, широкоплечая фигура его в вылинявшей гимнастерке с надраенными медными пуговицами нависла над трибуной. Черные курчавые волосы и вьющаяся борода придавали его смуглому, рельефному лицу суровый, непреклонный вид. По залу пронесся сдержанный шумок: «Это тот, которого бандиты привязывали к скале...»

Оглобля наморщил шишковатый лоб, нахмурил вихрастые брови, неторопливо начал:

– Я хочу сказать о той промашке, товарищи, которую мы допустили в своей работе среди населения наших станиц, хуторов и аулов. Приведу пример. Мне привелось побывать в плену у бандита Волошко, на Куве. После «суда» меня распяли на лобовине скалы. Провисел я там весь день. А ночью, когда силы стали меня покидать, ко мне приполз человек из шайки бандитов, по фамилии Матяш Андрей, и ослобонил меня. Не знаю, бедняк он чи середняк. Но понял одно это честный человек, которому беляки заморочили голову. Я посоветовал ему вернуться домой, а он заявил в ответ: «Был я врагом Советской власти, врагом и останусь до гроба». Почему он говорит такое? Да потому, что не растолковываем мы людям как следует, за что борется Советская власть. Наслушались такие, как он, брехни от буржуев, понатворили преступлений и боятся теперь выйти на правильную дорогу. А сколько таких в бандах? Да не посчитать! Надо нам работать с каждым человеком. Только тогда мы сможем вернуть к честной жизни многих из тех, кто еще скитается в бандах.

Делегаты дружно зааплодировали.

Черный предоставил слово Лаврентию Левицкому. Тот нерешительно поднялся на трибуну, повел глазами по затихшему залу.

– Мне дюже понравилось выступление председателя Совета станицы Передовой, – сказал он. – Верно, много еще обдуренных людей. Был и я таким, чего греха таить. Не попадись мне в свое время вон тот человек, – Лаврентий указал на Жебрака, – я, пожалуй, был бы тоже там, где зараз находится Матяш Андрей, про которого нам только что рассказал Наум Трофимович. Сурьезно... Туман у меня тогда был в голове. А вот помог добрый человек ослобониться от того тумана, и зараз у меня голова чиста от всякой мути. Да, факт на лице! Поэтому я тоже за то, чтобы шире развернуть большевистскую агитацию в станицах и хуторах. Оце и все!

Он смущенно кашлянул и занял свое место в президиуме.

На сцену поднялся Шкрумов.

III

Раннее безоблачное утро. Город Новороссийск давно уже проснулся, и жизнь в нем была ключом. У причалов Цемесской бухты, где теснились суда, сновали, как муравьи, грузчики. Не умолкал скрежет лебедек, лязг цепей, гул моторов.

На фоне лазурного северо-восточного небосклона в сизой дымке величественно возвышались горы.

Полуразрушенный цементный завод сиротливо ютился на берегу моря, не дымил высокими трубами. Его железобетонные корпуса угрюмо глядели разбитыми окнами. Война оставила на куполах, башнях и крышах завода глубокие раны. Лишь волны без умолку плескались у каменных заводских причалов, у одного из которых стоял «Эльпидифор». Команда его из 105 человек была в сборе, принимала на борт военный груз.

Колот находился на капитанском мостике и наблюдал за работой матросов. Остроносое его лицо после ранения в Камышеватской все еще было бледным, но глаза по-прежнему поблескивали задорно, живо. Старшина Рыбин распределял грузы на палубе и в трюмах. На его бушлате сиял

недавно полученный орден Красного Знамени. Матросы с уважением поглядывали на грудь старшины. Новички интересовались, за что наградили Рыбина.

– Это ему дали за спасенный хлеб в Камышеватской! – ответил старослужащий.

К концу погрузки на судно прибыло 250 демобилизованных моряков. Сюда же после излечения от контузии прибыл и Аншамаха, чтобы доплыть до Анапы, а оттуда уже направиться в Приморско-Ахтарскую. На нем была старая шинель, туго схваченная солдатским ремнем, и буденовка с опущенными концами подбородника. На ногах – английские ботинки и серые шерстяные обмотки. Появления его на судне никто не заметил. Остановившись у люка в машинное отделение, он задумчиво глядел на северо-восток, туда, где сияли горы в медной окалине, точно плаваясь в золотистых лучах солнца.

– А ты откуда, служивый? – проходя мимо него, спросил Глыба.

– Из лазарета, товарищ комиссар, – ответил Аншамаха. – Предписание у меня, это самое... на ваше судно. – Достав из внутреннего кармана шинели бумагу, он подал ее Глыбе, добавил: – В Анапу мне.

Глыба пробежал глазами предписание, улыбнулся

– Значит, домой едешь. Это хорошо. За хозяйственные дела надо браться.

Матросы тащили мешки, ящики, тюки, складывали их штабелями около пушек и крупнокалиберных пулеметов.

– Орудия не заваливайте! – крикнул им Рыбин.

– На что они теперь? – послышалось в ответ. – Войне крышка. Три свободных – и хватит.

Рыбин хотел было заставить моряков освободить еще две пушки от завалов, но в это время его вызвали в трюм, где размещались демобилизованные моряки.

Аншамаха устроился на тюках около лебедки, развязал сумку, принялся за еду.

Вскоре подготовка к отплытию была закончена. Колот приказал сниматься с якоря.

Из машинного отделения донесся могучий гул сердца корабля, у гребного винта зашумела вода. Проревел гудок, и судно медленно отвалило от причала.

Матросы облепили военные грузы, сложенные на палубе, любовались горевшим отблеском солнца на ровной водяной глади, гомонили, смеялись, шутили. Теплая погода, спокойное море настраивали на веселый лад. На баке вдруг кто-то затянул песню: «Наверх вы, товарищи, все по местам!...»

Аншамаха вслушивался в грозный напев, и перед ним, как в тумане, проплывала вся его фронтовая жизнь, все то, что пришлось ему пережить на своем веку.

«Эльпидифор» уходил все дальше от Новороссийска. Позади, будто медленно опускаясь в воду, таял Мысхако⁸²⁸, окутанный молочно-сизым туманом.

Часа через полтора на правом траверзе показался остров Большой Утриш, и тут Колот обратил внимание на дымки, выползшие внезапно из-за горизонта со стороны открытого моря. Срочно был вызван комиссар Глыба, отдохавший у себя в каюте. Дымки приближались, и вскоре все увидели эскадру боевых кораблей, шедших в кильватерной колонне наперерез «Эльпидифору».

Колот приказал развить максимальную скорость. Вода у гребного винта забурлила с удвоенной силой, и «Эльпидифор» пошел с предельной быстротой. Была объявлена боевая тревога. Матросы расчистили орудия, приготовились к отражению нападения.

Четыре миноносца под французским флагом уже были совсем близко. Подав сигнал остановиться, они дали залп по «Эльпидифору». Колот приказал открыть ответный огонь. Миноносцы поспешно развернулись цепью, перешли в атаку. Начался неравный бой тихоходного «Эльпидифора» с четырьмя быстроходными, прекрасно вооруженными вражескими судами.⁸²⁹

---

⁸²⁸ **Мысхако** – топоним, соответствующий нескольким географическим объектам на выходе из Цемесской бухты: село (сейчас поселок в составе города Новороссийск), мыс, речка, гора (сейчас носит название «гора Колдун»). – *прим. Гриня*

⁸²⁹ 9 января 1921 года, возвращаясь с постановки минных заграждений, «Эльпидифор-415» был атакован отрядом кораблей военно-морского флота Франции в составе двух эскадренных миноносцев и одного тральщика. Командир канонерской лодки принял решение выбраться на берег в районе Анапы, где «Эльпидифор» смог бы найти защиту батарей береговой артиллерии. По словам одного из моряков из машинного отделения, «в бою у нас было убито и ранено около 70 человек». – *прим. Гриня*

Миноносцы с каждой минутой наращивали огонь. «Эльпидифор», при всей своей неповоротливости, искусно маневрировал среди падавших вокруг снарядов и, в свою очередь, отстреливался из трех орудий.

Аншамаха не уходил с палубы. Вцепившись руками в поручни, он с ненавистью глядел на французские суда и повторял в бессильной злобе:

– Ах, стервы! Вот сволочи!

– А что вы хотите от пиратов? – произнес кто-то рядом. – Пожалуй, расколуют нашу посудину. Прорваться бы в Анапскую бухту под прикрытие береговой артиллерии.

Один из миноносцев развернулся у маяка, начал готовиться к минной атаке. Заметив это, Колот приказал круто повернуть к берегу. Судно взяло направление на селение Супсех⁸³⁰, расположенное на высоком берегу в четырех верстах от Анапы, но, не дойдя до берега с полверсты, наскочило на подводный камень и остановилось. Миноносцы стали расстреливать его в упор. Два снаряда разорвали корму, третий угодил в рулевую рубку. На «Эльпидифоре» раздался оглушительный взрыв.

Вздыбленная снарядами поверхность моря покрылась телами пльвших к берегу. Число убитых и раненых росло на судне с каждой минутой. А интервенты не унимались, осыпали пльвших химическими снарядами.

Колот и Глыба не покидали капитанского мостика. Взрывной волной выбросило за борт Рыбина, и он с трудом поплыл к берегу. Аншамаха, словно оцепенев, стоял у борта, все крепче сжимая руками поручни. Сквозь дым он видел, как шли ко дну люди, попавшие в зону, отравленную газами химических снарядов.

– Эй, браток, что же ты стоишь? – крикнул ему Глыба. – Прыгай в воду, слышишь?

Аншамаха, точно очнувшись, торопливо сбросил с себя шинель, снял ботинки, связал их шнурками и, перебросив через плечо, соскользнул вниз. Намокшая одежда сразу начала тянуть ко дну.

Некоторые матросы уже достигли берега, поднимались по скалистому сорокасаженному обрыву. Аншамаха, напрягая силы, барахтался в воде, плыл к берегу. К счастью, снаряды рвались от него далеко, и газ не приносил ему большого вреда. Наконец он почувствовал под ногами дно. Вокруг свистели пули. Это миноносцы обстреливали берег из пулеметов.

Жители Супсеха, услышав орудийную стрельбу на море, сбежались к высокому берегу, оказывали матросам помощь, перевязывали раненых, уводили в хаты.

Рыбин, переодевшись в сухую одежду, не уходил с берега и, наблюдая за миноносцами, безнаказанно уплывавшими в море после черного разбоя, потрясал кулаками:

– Вот она... гидра буржуазного капитала! Мировая контрреволюция! Ну ничего! Придет и ей конец!

Намокшая одежда начала замерзать на Аншамахе, вздулась жестким коробом, он с трудом поднялся наверх по скалистому берегу.

Тут же у бойни остановилась легковая машина. Из нее вышли Левандовский и Фурманов, прилетевшие в Анапу самолетом. К ним подбежал Рыбин, доложил о случившемся.

Левандовский посмотрел в бинокль на «Эльпидифор», дымившийся на подводных камнях.

– А где же Колот и Глыба?

– Там, товарищ командир, – Рыбин указал на судно.

– Надо немедленно оказать им помощь! – сказал Фурманов. – Я сейчас мобилизую все рыбацкие лодки.

– Да, да, – сказал Левандовский. – Действуйте! – Он вдруг обратил внимание на высокого человека в тулупе, узнал в нем Аншамаха: – Терентий Артемович! И вы здесь?

– Здесь, – вздохнул Аншамаха. – Домой еду. А тут это самое. Наглотался газов... Чуть было не утоп.

Левандовский хмуро посмотрел в морскую даль, где еще виднелись дымки миноносцев, промолвил с гневом:

---

⁸³⁰ Как такового, населенного пункта в описываемый период здесь не существовало. С 1870 года – здесь имение генерала Прокоповича «Сады Су-Псеха». В 30-е годы происходит активное заселение и образуется село Су-Псех. В 80-е годы с образованием поселка в составе города-курорта Анапы, официально закрепляется название «Супсех». – *прим. Гриня*

– Вот они, цивилизованные варвары!

IV

Иоанн медленно прохаживался по мягкому ковру. Нервы его были напряжены до предела. Одутловатое лицо, обрамленное бело-желтыми волосами, ниспадавшими ему на плечи, было мертвенно-бледным. Большие тусклые глаза, точно вставленные в круглые синие рамы, глядели прямо перед собой, не видя ничего. Наконец он подошел к любимому креслу, опустился на сиденье и, положив болезненные пухлые руки на подлокотники, широко расставил ноги, закрыл глаза. Казалось, он в ту же минуту заснул крепким сном. Но старик не спал. Он с нетерпением ждал Евсевия.

Прошло часа полтора.

В зал вошел келейник Борис и объявил:

– Ваше преосвященство, святые отцы собрались.

Епископ открыл усталые глаза и прошептал:

– Помоги, белец.

Борис взял его под локоть, повел к двери.

Епископ просил вызвать только Евсевия и двух своих верных сторонников – Гангесона и Делавериди, но в зале увидел и Ратмирова, и Забелина, и еще десятка полтора попов евсевиевского толка.

Иоанн бросил на них гневный взгляд, остановился. Обрюзглое его лицо побагровело, в широко раскрытых глазах вспыхнуло бешенство. Губы задрожали, ноги подломились. Но он набрался сил, закричал:

– Кто вас сюда приглашал?

Священники медленно поднялись. Иоанн, негодуя, указал рукою на дверь:

– Вон отсюда!

Евсевий обратился к своим приверженцам:

– Оставьте нас...

Те молча направились к двери. Иоанн тяжело вздохнул, уселся в кресло, повелевающе поднял руку:

– А вас, отец протоиерей Делавериди и... отец Никандр, прошу остаться.

Названные задержались у порога и, постояв немного, возвратились на свои места. Владыка остановил тяжелый взгляд на Евсевии.

– Я вот зачем вас пригласил, ваше преосвященство, – начал он, с трудом сдерживая гнев. – Мне стало известно, что вы во время своей поездки по монастырям Кубани проводили там гнусную агитацию против меня, призывали духовенство поддерживать пагубную политику патриарха Тихона.

– Это ложь! – вспыхнул Евсевий.

– Позвольте... – Иоанн резко поднял руку. – А ваше воззвание, распространенное по монастырям и храмам, в котором вы в оскорбительных выражениях порицали мое доброе имя, обвиняли меня в том, что я отошел от патриарха Тихона и впал в раскол?

– Вот это воззвание! – Делавериди вынул из кармана рясы сверток бумаги и потряс им перед Евсевием.

– К счастью, он еще не успел распространить «Предупреждение к чадам православной веры» патриарха Тихона, – добавил Гангесон.

Дверь внезапно широко распахнулась, и в зал ворвались озлобленные попы.

– Ты что, старая кочерыжка, диктуешь нам указы?! – закричал Забелин с перекошенными от ярости губами, подбежал к Иоанну и выдернул из его бороды клочок волос: – Вот тебе наше послушание!

Келейники, Борис и Андрей, схватили за руки разбушевавшегося попа, но тому на помощь бросилось несколько дюжих пастырей. Кто-то из них сквозь зубы процедил:

– Эх, ударить бы крестом! Узнали бы, как святителя Тихона не слушаться!

Делавериди занес свой тяжелый кулак над головой Забелина. Началась потасовка.

Иоанн потерял сознание, запрокинув голову на спинку кресла. Борис и Андрей подхватили его на руки, отнесли в спальню, уложили в постель.

Евсевий замахал руками:

– Святые отцы! Опомнитесь! Нельзя же так! Я призываю вас к порядку.

– Какой мерзавец! – не унимался Забелин, потрясая костлявым кулаком в сторону спальни. – Вздумал учить нас. А сам первый нарушитель канонов!

– Перестаньте! – оборвал его Евсевий. – Успокойтесь. – Он обвел взглядом всех священников, спросил: – И действительно, зачем вы сюда пришли? Я ведь приглашал только отца Филогония. А вы явились все. Мы бы и сами разобрались.

– Старца давно надо убрать с епископского поста. Он – вина всех наших раздоров! – зашипел Ратмиров.

– Да, да! – закричали остальные. – Надо безотлагательно созывать епархиальный съезд и выяснить мнение всего духовенства области в отношении епископа Иоанна!

Делавериди и Гангесон нырнули в спальню епископа. Иоанн лежал на кровати, тяжело дышал. Отечное лицо его было бледно, губы посинели. У изголовья кровати стояли келейники.

– Ну что? – обратился к ним Делавериди. – Может, послать за доктором?

Иоанн, не открывая глаз, махнул рукой, прошептал:

– Не надо. Так отлежусь. Об одном прошу: выставьте прочь крикунов.

Больной пролежал до крещения. Крещенскую службу в Красном соборе он все же решил провести сам. Под вечер к его дому подъехала карета. С помощью келейников Иоанн сел в нее и под колокольный звон отправился в собор к вечерне. Когда же на него надели ризу, епитрахиль, митру⁸³¹, открыли царские врата и стали выводить из алтаря на амвон, он вдруг упал и тут же скончался. Прихожане, пораженные его внезапной кончиной, вначале словно оцепенели, затем стали истово молиться, бить земные поклоны.

Евсевий, присутствовавший при этом, до глубины души обрадовался смерти епископа, но свои чувства скрыл под маской скорби и с глубокой печалью в голосе объявил прихожанам, что по случаю смерти владыки служба отменяется.

Прошло трое суток.⁸³² На панихиду по усопшему собралось множество народа. Отпевали умершего двенадцать священников и двенадцать дьяконов. Покойник лежал в гробу и, казалось, сиял золотом в свете сотен лампад и свечей. Лицо его было прикрыто «святым духом» – скатеркой фиолетового цвета, обшитой мишурной бахромой.

На панихиде присутствовали не только все священники города, но и сельские. Одни из них искренне скорбели по усопшему, другие откровенно торжествовали.

Перед выносом покойника из собора Евсевий поднялся на амвон и, взмахнув руками, обратился к прихожанам с такой речью:

– «Аще хошеши в живот, соблюди заповеди...»⁸³³ Это ответ господина нашего Иисуса Христа, братия и сестры, на весьма важный вопрос в нашей жизни, вопрос о том, что нам должно делать, чтобы получить жизнь вечную?.. То есть господь говорит: «Если хочешь войти в жизнь вечную, сохрани заповеди – не убивай, не прелюбодействуй, не крадь, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего, как самого себя...»

Гангесон слушал Евсевия и с ненавистью думал о нем: «А сам... ненавидит своих же собратьев... проклятый человеконенавистник!»

Делавериди исподлобья поглядывал на Евсевия, крепко сжимал правой рукой массивный золотой крест у себя на груди, с гнетущей, черной тоской думал: «Теперь нам пришел конец...» Ратмиров изредка останавливал пронизательные глаза на своих противниках и, почесывая мизинцем крючковатый нос, как бы выискивал взглядом тех, с кем надлежало расправиться в первую очередь.

Панихида окончилась. Священники и дьяконы подняли гроб с телом покойного на плечи, опустили в усыпальницу собора и там замуровали его в нише каменной стены.

---

⁸³¹ **Митра** – головной убор сферообразной формы, богато украшенный золотым шитьем, бисером, драгоценными камнями; принадлежность богослужебного облачения архиереев, архимандритов, а также священников, которым право ношения такого типа убора предоставляется в качестве награды. – прим. Гриня

⁸³² Погребение усопших по уставу православной церкви происходит на 3-й день после кончины человека. При этом день смерти считается первым. Таким образом обычно от смерти человека до похорон проходит двое суток. – прим. Гриня

⁸³³ «Аще ли хошеши внити в живот, соблюди заповеди» (Мф. 19:17) – прим. Гриня

Евсевий тотчас же потребовал от келейника ключи от собора.

– Это почему же он должен отдать вам ключи? – спросил Делавериди.

– Потому что отныне я – настоятель собора, – заявил Евсевий.

– А я кто? – спросил Делавериди, и его бритое лицо побагровело, как бурак.

– Как были протоиереем кафедральным, так и останетесь, – высокомерно ответил Евсевий.

– Вот как! – завопил Гангесон. – Мы не желаем, чтобы вы были настоятелем собора!

– Святые отцы, – вмешался в спор настоятель Белого собора, – нехорошо у гроба...

– Да, да! – поддержал его Ратмиров. – Пойдемте в епархию.

Борис стоял в растерянности перед замурованной нишей, не зная, на чью сторону перейти. Делавериди бросился к нему, чтобы вырвать у него ключи, но Евсевий схватил протоиерея за крест и дернул так, что у того лопнула на шее серебряная цепь и содрала ему до крови кожу. Делавериди взревел от боли, а Евсевий, вырвав из рук Бориса ключи, бросился по лестнице наружу. За ним побежали и его приверженцы. Уже на улице Евсевий шепнул Ратмирову на ходу:

– Отец Филогоний, надо собрать благочинных и решить вопрос о настоятеле собора!

V

Морозы все сильнее сковывали Лебяжий лиман. В пожелтелых густых камышах поднимались большие пушистые сугробы, по свинцово-матовому толстому льду мела поземка.

Ярко-красное солнце только что выглянуло из-за мглистого горизонта, и лучи его запылали на куполах Соборного Рождество-Богородицкого храма.

В монастыре было неспокойно. Вся монашеская братия с попами и дьяконами спозаранку усердно молилась в церквах и храме, прося всевышнего заступиться за них, оградить от дьявольского наваждения.

Один только звонарь Сергей, широко расставив руки, шаркал тяжелыми сапогами по обледенелым камням дорожек аллея, заходил то в одну, то в другую церковь, обращался к монахам с недоуменным вопросом:

– Так, значит, у нас будет коммуна?

Поднявшись на колокольню, он спросил у находившегося там настоятеля:

– Ну что, отец игумен? Еще не видать?

– Пока нет, – пробасил Дорофей, продолжая глядеть в подзорную трубу за лиман.

– Скоро появятся, – добавил Герасим, стоя у решетчатого барьерчика.

– Откуда же они? – допытывался Сергей, хотя ему все было уже известно.

– Из Тимашевской, – отвечал Дорофей. – Из «Светлой зари», а другая из... Федоровской.

– Из двух коммун одну сделали, – буркнул Герасим. – «Набатом» называться будет эта антихристова коммуна.⁸³⁴

Дорофей отнял трубу от глаз, скривил насмешливо губы:

– Вот и явился в мир антихрист...

– Да! – поддакнул Герасим. – Все же раскольники-беспоповцы оказались правыми... антихрист пришел в мир!.. И к нам, в монастырь, пожаловал.

– А как же теперь? – спросил Сергей.

– Да так! – бросил Герасим. – Не пустим во двор – и делу конец. Будем защищаться всем скитом.

Сергей неодобрительно покачал мохнатой головой:

---

⁸³⁴ **Коммуна «Набат»** была организована 13 декабря 1920 года из местных жителей Тимашевского отдела. Зарегистрирована она была 28 января 1921 года. Первым председателем коммуны был избран Петр Федорович Науменко. В ночь с 21 на 22 апреля 1921 года часть банды деникинского офицера Жукова, перебравшись через монастырскую стену, ворвались в коммуна «Набат» и устроили разгром. Четырех коммунаров родственники похоронили на хуторе Чернышовых (хутор Черныша, сейчас – хутор Возрождение), а 44 коммунара были привезены в станицу Брюховецкую и похоронены в кирпичном склепе в станичном парке.

сентября 1921 года Кубано-Черноморская Областная Ревизионная комиссия, обследовав коммуна «Набат», дала заключение, что дальнейшее существование коммуны после разгрома ее бело-зелеными бандами не рационально. В сентябре 1922 года была создана ликвидационная комиссия при коммуне «Набат». 14 октября 1922 года постановлением Президиума Тимашевского Отдельского исполкома и Тимашевского Отдельского парткома на землях бывшей коммуны «Набат» был основан совхоз. – прим. Гриня

– Ой, когда б беды не накликасть!

За лиманом на заснеженной дороге из Брюховецкой к Коновие показался длинный санный обоз, впереди которого рысили всадники. Дорофей направил на них подзорную трубу, промычал зло:

– Несет нечистая! – И приказал звонарю: – Бей в набат!

Сергий вцепился в веревки, и густой гул большого колокола огласил двор монастыря, ближние плавни, понесся на запад, к землянкам бандита Жукова, обосновавшегося на небольших островках вблизи Бейсугского лимана. Дорофей и Герасим метнулись с колокольни, закричали сторожам:

– Запирайте ворота!

Те немедленно заперли все ворота и калитки на замки. Монахи выскочили из храма и двух церквей, рассыпались по своим кельям: одни продолжали молиться, другие приникли к окнам, стали наблюдать за дорогой на Чепигинскую.

Набатный звон утих, и в монастыре все замерло.

Вскоре обоз, следовавший из Брюховецкой, соединился с обозом чепигинцев, и уже вместе они направились к монастырю.

Председатель вновь организованной коммуны «Набат» Науменко, черноусый казак средних лет, и Чернышов, его заместитель⁸³⁵, в черных бараньих папахах и дубленых полушубках, рысили в окружении вооруженных коммунаров. За ними на пароконных санях и розвальнях⁸³⁶ ехали мужчины и женщины, парни и девчата, ребятишки. Малая детвора, засопливав на морозе, ревела на все голоса. Матери прижимали малышей к себе, отогревали их окоченелые ручки своим дыханием, но дети не унимались. За санями в налыгачах тянулись коровы. Тут же, сбоку дороги, по снегу бежали собаки.

Подскакав к главным воротам монастыря, председатель сразу же обратил внимание на изображение четы Комаровских, крикнул весело:

– Видали, ребята? Тоже в святые лезут!

Раздался дружный хохот. Науменко постучал в ворота:

– Эй, кто там, покажись!

В монастырском дворе царило гробовое молчание. Коммунары начали барабанить в ворота. Но никто не откликнулся.

– Что за чертовщина? – озадаченно промолвил Чернышов. – Решили не пущать нас, что ли?

– Вот дьяволы патлатые! – возмутился Науменко. – Игумена же строго-настрога предупредили в областном Совете. И предписание отдельных властей вручено ему о поселении нашей коммуны в монастыре. Чего голову морочить? – Он махнул рукой конникам: – А ну-ка, ребята, разведайте, что и как там.

Коммунары спешили и, отыскав щель между колокольной и стеной, пробрались во двор. Монахи тотчас же, как по команде, высыпали из келий. Из Зимней церкви⁸³⁷ вышел и Дорофей со священниками и дьяконами.

– Зачем заперли ворота? – обратился к нему Науменко.

– Не пустим вас в монастырь, – ответил Дорофей.

– Ваше пребывание в пустыни противозаконно, – добавил поп Ярон, надувая красные щеки.

– Вы что, в своем уме? – закричал Науменко и указал в сторону главных ворот, на обоз: – Поглядите, сколько у нас детишек! Слышите, режут от мороза!

– Ну что ж... – Дорофей развел руками. – Не надо было ехать.

– Мы же вас не приглашали, – ощерился Гурий.

– Да мы из тебя душу выйдем, ежели не отопрешь ворота, – пригрозил Чернышов, наступая на игумена.

Во двор монастыря проникло еще десятка три коммунаров. Над островом летели крики

---

⁸³⁵ Совет коммуны «Набат» состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов. Существовали также комиссии по охране труда, ревизионная комиссия и дисциплинарный суд. Должность **заместителя председателя коммуны** предусмотрена не была. – прим. Гриня

⁸³⁶ **Розвальни** – низкие и широкие сани без сидения, с расходящимися врозь от передка боками. – прим. Гриня

⁸³⁷ **Зимняя церковь** – теплая каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы при настоятельских покоях. – прим. Гриня

возмущения.

За монастырской стеной у двух ворот сгрудились женщины и также подняли крик, требуя, чтобы их пустили во двор. Но монахи упорствовали. Тогда несколько дюжих коммунаров так тряхнули игумена и протоиерея, что с них слетели камилавки⁸³⁸.

– Открывай ворота! Тебе говорят! Детишки ведь позамерзли!

Дорофей, видя, что так или иначе, а придется покориться, почесал мясистый нос, распорядился:

– Впусти их, брат Федор.

Вобрав шею в плечи, монах неохотно пошел по заваленной сугробами аллее, щелкнул замком, распахнул ворота. Длинный обоз, скрипя полозьями по утопанному снегу, двинулся во двор, который через несколько минут стал походить на пеструю новогоднюю ярмарку.

Монахи выстроились у двери общежития, злобно глядели на незваных поселенцев, а те уже снимали с саней свой скарб, детишек и занимали жилые помещения, освобожденные монахами. Лошадей отводили в конюшни, коров – на скотный двор. Шум, галдеж, лай собак смешались в сплошной гвалт.

Дорофей стоял посреди двора, угрюмо наблюдал за коммунарами.

Науменко подошел к нему, сказал требовательно:

– Вот что, отец Дорофей. Надо протопить комнаты. Где тут у вас дрова?

– Там, – игумен указал глазами на лиман, – Кому холодно, пусть сходит за камышом, а дров у меня нет.

– Как же нет? – Науменко смерил его обжигающим взглядом. – Заготовку же делали и на эти помещения!

– Делали, конечно, – пробасил Дорофей. – Только для себя.

– Ну и черт с тобой! – выругался Науменко и обратился к коммунарам: – Идите, товарищи, за камышом.

Коммунары с серпами отправились на лиман.

Вскоре из труб помещений, занятых новоприбывшими, повалил черный дым...

На землю опускались ранние зимние сумерки.

VI

На попутном катере Аншамаха наконец отплыл из Анапы в Ачуев. Над морем кружила метель. Время от времени он поднимался на палубу и подолгу глядел на проплывающие мимо него заснеженные берега, густые камыши плавней. В этих местах он совсем недавно громил со своим батальоном улагаевцев. Вот и Сладкое гирло. Там еще виднелись трубы и палубы потопленных баркасов. На душе было и тоскливо и радостно, порой ему казалось, что бои, прошедшие здесь, лишь виделись во сне.

20 января, вечером, катер пришвартовался у пристани Ачуевского рыбного пункта⁸³⁹. Аншамаха сошел на берег, увидел под навесом сарая рыбаков, читавших газету. Он поздоровался с ними, с любопытством спросил:

– Что нового, товарищи?

Старый рыбак указал на вторую страницу «Правды», пояснил:

– Чичерин протест объявил Франции.

– Какой протест?

– Почитай...

Аншамаха взял газету, прочел:

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ

---

⁸³⁸ **Камилавка** – головной убор в Православной церкви тёмно-синего, фиолетового или чёрного цветов в виде расширяющегося сверху цилиндра, является наградой для священников. – прим. Гриня

⁸³⁹ С 1793 г. войсковое начальство Черноморского войска устроило в Ачуеве войсковой Ачуевский Чернопротоцкий рыболовный завод. В 1922 году, по ходатайству рабочих, Ачуевскому рыбозаводу было присвоено имя В. И. Ленина. – прим. Гриня

От Народного Комиссара по иностранным делам Телеграмма Народного Комиссара по иностранным делам на имя французского министра иностранных дел Лейга⁸⁴⁰.

9 января два миноносца под французским флагом внезапно, без предупреждения и без всякой причины, атаковали русское судно «Эльпидифор», которое, потерпев вследствие этого аварию, вынуждено было укрыться под защиту береговых батарей. Этот акт необъяснимого насилия, последовавший вскоре за нападением французских миноносцев на «Зейнаб»⁸⁴¹, потопленный ими, может считаться доказательством системы, усвоенной французским правительством и равносильной правильным военным действиям. Российское правительство заявляет негодующий протест против этих варварских и неслыханных актов...

Чичерин

Аншамаха, возвращая газету рыбакам, заметил:

– Только там в нападении участвовало... это самое... не два миноносца, а четыре.

– А ты откуда про то знаешь? – удивился старик.

Аншамаха рассказал им о разбойничьем налете французских миноносцев на «Эльпидифор».

– А здесь, – заметил один из рыбаков, – теперь Рябоконец со своей бандой разгуливает.

К рыбакам подошел милиционер, вооруженный винтовкой, закурил сигарку. Кутаясь в тулуп, он задержал взгляд на Аншамахе, и его глаза радостно блеснули:

– О, Терентий! Откуда ты взялся?

Аншамаха с удивлением уставился на него:

– Постой, постой! Перевертайло? Артем?

– Он самый! – обрадовался Перевертайло.

Аншамаха потряс его руку:

– Ну, здравствуй, друже! Как ты очутился тут?

Перевертайло махнул рукой:

– Э!.. Долго рассказывать... После лечения послали сюда.

– Да ты, кажись... это самое... здешний, – заметил Аншамаха.

– Из Петровской я.

– И что же ты тут делаешь?

– Милицией командую, – ответил Перевертайло и пригласил Аншамаху к себе.

В тесной комнатке было тепло. На полнице⁸⁴² тускло горела лампа. Перевертайло подкрутил фитиль, снял с себя тулуп. Разделся и Аншамаха. Разговорились о том, как громили Улагая и Хвостикова, о живых и погибших товарищах.

Снег на дворе не переставал сыпать. Морозный ветер посвистывал у обледенелого окна. Перевертайло присел на корточки и растопил печку. На плите зашумел жестяной чайник.

Сели ужинать.

– Значит, теперь у нас... это самое... новое областное правительство, – сказал Аншамаха.

– Да, – протянул Перевертайло. – В исполкоме тридцать шесть человек. Двадцать пять из них избраны съездом, а одиннадцать входят в состав комитета как представители отдельских исполкомов. – Он пододвинул Аншамахе миску с солониной: – Да ты ешь.

Вдруг долетел тревожный крик, затем прозвучали выстрелы. Перевертайло сорвал винтовку с гвоздя, бросился к окну и, увидев на берегу Протоки две горящие халупы, закричал:

– Банда!

Аншамаха сунул в карман несколько обойм и, схватив запасной карабин, вместе с Перевертайло выскочил из хаты. Небольшая караульная рота уже вступила в бой с бандой, но силы

---

⁸⁴⁰ **Лейг**, Жорж – французский политический деятель Третьей Республики. Премьер-министр Франции и министр иностранных дел Франции с 24 сентября 1920 по 16 января 1921 года. – прим. Гриня

⁸⁴¹ 18 декабря 1920 года Наркоминодел обратился к Лейгу с нотой протеста (передана по радио 17 декабря 1920 года) по поводу совершившегося 1 ноября 1920 года нападения французского миноносца на русский пароход «**Зейнаб**», который был им обстрелян и подожжен, причем капитан и матросы были увезены в Константинополь. – прим. Гриня

⁸⁴² **Полица** – здесь – посудная полка на стене. – прим. Гриня

оказались неравными. Бело-зеленые наседали на нее со всех сторон, и она, отстреливаясь, постепенно пятилась к камышам. Вспыхнуло еще три хаты. Жители в панике разбежались кто куда. Перевертайло и Аншамаха с караульной ротой отступили в плавни.

На фоне трескучего пламени горевшей хаты появился Загуби-Батько. Бандиты стали подводить к нему схваченных посельчан, выстраивать в шеренгу; тех, кто оказывал сопротивление, избивали плетью, прикладами. Загуби-Батько остановился перед ними, сказал озлобленно:

– Ну, бисовы души! Счастье ваше, что никого из наших хлопцев не убили, не покалечили. – И тут же приказал бандитам: – А ну-ка, хлопцы, снимите с них штаны да всыпьте горячих, чтобы не принимали у себя большевиков.

Бандиты начали расправу. А тем временем остальные из шайки уже рыскали по домам, шныряли в сараях, уничтожали пригодные для рыбной ловли снасти, грузили на свои розвальни нагребленные вещи и продукты. В поселке не умолкали крики, плач женщин и детворы.

Загуби-Батько сидел под навесом сарая на перевернутом старом каюке⁸⁴³, дымил сигаркой и следил за работой своих «хлопцев». Те продолжали нещадную порку.

Перевертайло и Аншамаха, собрав в районе рыбного завода Посполитаки⁸⁴⁴ людей, бежавших из поселка, направились через камыши в Слободку⁸⁴⁵.

* * *

Тяжелые тучи висели свинцовым пологом над бескрайними Приазовскими плавнями. На одном из островов, близ Казачьей гряды⁸⁴⁶, в добротных землянках располагалась банда Рябокonia. Штаб ее вместе с главарем находился между Рясным и Сладким лиманами⁸⁴⁷, против местечка Кушныри. Здесь было выстроено несколько теплых куреней. Густой лес и камышовые заросли окружали их со всех сторон, скрывали от посторонних глаз.

Рябоконь в распахнутом френче, заложив руки за спину, медленно прохаживался по душно натопленному куреню.

Открылась дверь, и в курень с клубами холодного пара влетел подхорунжий Озерский. Приложив руку к папахе, он громко доложил:

– Господин хорунжий! Загуби-Батько со своим обозом показался на дороге!

Рябоконь надел кубанку, снял с гвоздя овчинный полушубок и, одеваясь, спросил:

– Где он? Далеко?

– Версты полторы отсюда.

Рябоконь взял бинокль, вышел из куреня.

Солнце было на закате. Хмурое, неприветливое небо дышало холодом. Срывался снег.

---

⁸⁴³ **Каюк** – здесь – небольшая лодка с плоским дном и двумя веслами. – прим. Гриня

⁸⁴⁴ С 1795 года, для повышения доходности, рыбные промыслы Ачуева были переведены на откупную систему. В 1844 году откупной контракт Кубанским казачьим войском был заключен с купцом Александром Посполитаки, который являлся одним из самых крупных капиталистов Юга России того времени. Период хозяйствования Посполитаки, который продлился до 1868 года, был для Ачуевских рыбных промыслов самым тяжелым и разорительным. С 1910 года по 1920 год Войско само вело хозяйственную деятельность, назначив на должность смотрителя казака станицы Гривенской Моисея Федоровича Ефименко. Для охраны рыбзавода от налетов банд содержался отряд милиции из 12 человек. – прим. Гриня

⁸⁴⁵ **Слободка** – хутор на берегу реки Протока в 6 км от Ачуево вверх по течению. – прим. Гриня

⁸⁴⁶ Казачья гряда – цепь возвышенностей-островов в плавнях протянувшаяся в северном направлении от хутора Слободка. – прим. Гриня

⁸⁴⁷ Здесь автор, наверное, имеет в виду небольшое, практически заросшее, озеро Сладкий Лиман, расположенное рядом с лиманом Рясный, к югу от урочища Кушныри. Тогда, скорее всего, под Казачьей грядой автор подразумевает возвышенность вдоль реки Ерик Крутой, разделявшую Соленую и Глухую плавни, и на которой имелась дорога, соединявшая Кушныри и Гривенскую. – прим. Гриня

Рябокони посмотрел в бинокль в сторону Сладкого лимана. Со стороны Казачьей гряды на дороге в Гривенскую появилась группа всадников и линейка. Заметив их, Озерский закричал:

– А вот и Ковалев с Дудником возвращаются!

Рябокони направил на них бинокль:

– Их вроде больше стало.

– Да, да! – подхватил Озерский, вытанцовывая озябшими ногами на льду. – Вместо двенадцати – семнадцать и подвода. Видимо, прихватили кого-то.

Рябокони вернулся в курень. Сняв с себя полушубок, он сел у стола, задумался. В последнее время его очень тревожили мысли об оставленных на Лебедях жене и отце.⁸⁴⁸ Он знал, что рано или поздно им придется отвечать за него перед Советской властью...

К куреню одновременно подъехали два отряда: Загуби-Батько и Ковалева. Рябокони вышел к ним в одном френче, без шапки, его длинные русые волосы трепыхали на морозном ветру, лезли в глаза. Озерский и Дудник обнялись, побежали к Загуби-Батько. Рябокони указал на незнакомых людей, прибывших с Ковалевым, спросил:

– А это кто?

Ковалев доложил ему, что при налете на хутор Лебеди он установил связь с этими пятью партизанами, во главе которых стоял офицер Донского войска, подьесаул Олинипеев.

Рябокони взглянул на офицера. Тот взял под козырек.

– Разрешите представиться, господин хорунжий?

– Я вас слушаю, господин подьесаул, – сказал Рябокони, прощупывая его недоверчивыми глазами.

Олинипеев вкратце рассказал о том, как во время отступления десантной армии Улагая его полк был разбит частями Красной Армии в районе Каракубанских хуторов и как он, раненый, остался у одного казака, который спрятал его от большевиков. А после выздоровления ему удалось связаться с казаками, скрывавшимися в камышах после разгрома Улагая.

Рябокони перевел хмурый взгляд на мужчину, который продолжал сидеть на линейке без шапки, со связанными руками:

– А это что за птаха?

– Это большевик, господин хорунжий, – пробасил Ковалев, – Член Кубанской казачьей секции при ВЦИК⁸⁴⁹ Соломаха. Мы его схватили в Лебедях. Занимался там агитацией, склонял бело-зеленых казаков к добровольной явке к большевистским властям.

– Значит, разлагал нашу армию? – сквозь зубы процедил Рябокони и, схватив Соломаху за грудь, рывком стащил его с линейки, заглянул в лицо: – Мы теперь с тобой потолкуем!

Бандиты уже сгружали с розвальней награбленные продукты, тащили в погреба, вырытые рядом с куренями.

Соломаха, широко расставив ноги, стоял у высокого сугроба, презрительно оглядывал бандитов, занятых разгрузкой саней. Связанные руки его отекали, ооченели от мороза, но он не ощущал ни боли, ни холода.

Рябокони опять бросил на него суровый взгляд, обратился к Загуби-Батько:

– Что будем делать с большевиком, Тит Ефимович?

– Решай сам, Василий Федорович, – ответил Загуби-Батько. – Ты командир.

– А ты помощник, – прохрипел Рябокони и направился в курень.

Дудник заглянул пленному в нахмуренные глаза, приподнял ему голову:

---

⁸⁴⁸ Рябокони прославился как «камышовый партизан» и «Робин Гуд из плавней», и как у всякой легендарной личности жизнь его обросла множеством легенд. По одной из версий его отец погиб в июне 1920 года, когда Рябокони впервые попытались арестовать, а мать позднее расстреляли в числе группы заложников. По другой версии, судя по всему её и придерживается автор, мать Рябокони расстреляли в Гривенской в числе группы схваченных во время облавы «классово-чуждого элемента», а отец погиб позднее. По этой же версии, вскоре после гибели отца Рябокони, жена хорунжего утонула «при невыясненных обстоятельствах». – прим. Гриня

⁸⁴⁹ **ВЦИК** – Всероссийский центральный исполнительный комитет – высший после Всероссийского съезда Советов, законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики в 1917–1918 годах и РСФСР с 1918 по 1937 год. Избирался Всероссийским съездом Советов и действовал в периоды между съездами, с 1918 года для реализации решений съезда, формировал Совет народных комиссаров РСФСР. – прим. Гриня

– Ну-у?.. Чего молчишь? Зацепело⁸⁵⁰, что ли?

Из куреня выскочил Рябоконт. Застегивая на ходу полушубок, бросил:

– Мы зараз развяжем ему язык! А ну, хлопцы, разденьте его!

Бандиты бросились к пленному, развязали руки. Соломаха оттолкнул их от себя, проговорил с трудом:

– Я сам!

Бандиты оставили его. Соломаха снял с себя кожаную куртку, бережно положил ее на снег. Рябоконт что-то шепнул Загуби-Батько. Тот с тремя казаками ушел в лес. Соломаха медленно стащил сапоги, которые тут же перешли в собственность подхорунжего Озерского, стал в одних шерстяных носках на снег, начал расстегивать солдатский ремень.

– Ну, живее! – гаркнул Рябоконт и стегнул его плетью.

Соломаха снял дрожащими руками гимнастерку, кожаные полугалифе. Ледяной холод охватил его.

– Снимай и нижее! – крикнул Рябоконт. – Не бойся, не простудишься!

– Мы сейчас погреем тебя! – добавил Озерский

Дудник и Олинпеев, стоя в стороне, искоса поглядывали на пленного. На дворе уже совсем стемнело. Соломаха наконец снял с себя нательную рубаху, исподники, носки. Бандиты набросились на него, начали избивать. Соломаха не просил пощады, не стонал.

– В лес его! – махнул рукой Рябоконт.

Бандиты схватили пленного за ноги, поволокли по снегу за курень, где пылал большой костер, разложенный Загуби-Батько.

VII

Аншамаха распрощался с Перевертайло в Барабановке⁸⁵¹ и на вторые сутки добрался до Гривенской. Здесь, в коридоре стансовета, встретился с Черноусом.

Они обнялись, поцеловались, как братья.

– А я, это самое, домой путь держу, – сказал Аншамаха. – Из лазарета недавно. – И, покосившись на низкий потолок, спросил – А ты один тут или как?

– Нет, я с отрядом чоновцев, – ответил Черноус. – Приезжал к председателю Совета и секретарю комячейки договориться насчет совместных действий против Рябоконтя.

– Кто же здесь председатель и секретарь? – поинтересовался Аншамаха.

– Председатель – Андрияш Спиридон Наумович, а секретарь – Ермаков Степан Исаевич. – Черноус положил руку на плечо Аншамахи. – Ты вот что, Терентий. Зараз наш отряд возвращается в Приморско-Ахтарскую, я пароходом отправляюсь в Краснодар: вызывают меня в Чека. Вручаю тебе своего коня и винтовку. Будешь за командира в отряде.

– Сразу меня, это самое, в командиры произвел, – улыбнулся Аншамаха. – Назад когда будешь?

Черноус пожал плечами:

– Деньков через пять, не раньше.

На площади стоял уже в полном сборе чоновский отряд. Черноус вышел к нему с Аншамахой. Ахтарцы узнали своего станичника, встретили его приветливо.

– Это мой конь, – указал на карего красавца Черноус. – Значит, так, ребята. Отныне вы будете находиться под командованием Терентия Артемовича. Можете трогаться в путь.

Аншамаха попрощался с ним, вскинул винтовку за спину и, отвязав повод от ограды, сел на коня. Черноус приподнял руку, сказал отряду:

– Ну, трогайте, ребята, а то уже поздно.

Аншамаха выехал вперед, и чоновцы поскакали вслед за ним, быстро скрылись в заснеженной улице.

---

⁸⁵⁰ Здесь – оцепенел, онемел, застыл. – прим. Гриня

⁸⁵¹ **Барабановка** – хутор на левом берегу реки Протока. Упразднен в ходе работ по осушению плавней и развитию рисоводства. Сейчас на этом месте комплекс гидротехнических сооружений. – прим. Гриня

Дорога шла по открытому полю на северо-восток мимо Волошковки⁸⁵². Аншамаха внимательно присматривался к знакомым местам, где проходили жаркие бои с врангелевцами. Вдали показался Кирпильский лиман, замаячили сухие метелки густых камышей. Аншамахе вспомнилось, как рубился он на этом поле с улагаевцами. Здесь ему пришлось столкнуться и со своим заклятым врагом – Никитой Копотем.

Миновав Волошковку, отряд помчался к Лимано-Кирпильскому хутору⁸⁵³, видневшемуся на горизонте. Впереди внезапно вынырнул из сугроба голый человек.

– Стойте! – крикнул Аншамаха бойцам.

Отряд придержал коней. Человек пустился по дороге к нему.

Аншамаха приказал чоновцам зарядить винтовки. Вскоре нагой поравнялся с отрядом и, стуча зубами, проговорил:

– Банда Рябокonia в Лимано-Кирпильском! Грабят жителей. У меня под хутором отняли коней и сани... и вот раздели, проклятые!

– Много их? – спросил Аншамаха.

– Человек пятнадцать.

Один из чоновцев снял с себя шубу, под которой был еще и стеганный ватник, подал ее ограбленному. Другой дал портянки, третий – башлык.

– Большое вам спасибо, братцы! – Незнакомец заплакал, оделся и, не задерживаясь, побежал по дороге в хутор Кирпильский.

Вдалеке, у посадки, показались два всадника. Они погарцевали на виду и ускакали назад. Аншамаха в намет пустил коня, и весь отряд понесся за ним к Лимано-Кирпильскому хутору. Банда вынырнула из-за той же посадки, рванулась в сторону камышей и скрылась из виду.

– Значит, это самое... слабо им стало, – промолвил Аншамаха, почесал за ухом, настороженно добавил: – А может быть, тут какая-нибудь уловка?

В хуторе отряд узнал, что банда Рябокonia сделала налет на Государственный конный завод, уничтожила там все пригодные для жилья помещения, избила нескольких рабочих и служащих и, забрав тринадцать лучших чистокровных жеребцов, на обратном пути в плавни заскочила в Лимано-Кирпильский хутор.

Аншамаха направился с отрядом по узкой гряде между Кирпильским лиманом и Солеными озерами⁸⁵⁴. Чоновцы, держа карабины наготове, зорко следили за густыми камышами.

Поздно вечером отряд прибыл в Приморско-Ахтарскую.

Проезжая мимо своего двора, покрытого белым саваном снега, Аншамаха остановился у пепелища, и боль по погибшей жене еще сильнее защемила его сердце. Он вытер на щеке слезу, медленно двинулся за отрядом.

А вот и дощатый забор, опушенный снегом. За ним, под размашистыми кронами дубов, здание станичного Совета. Чоновцы спешили в глубине двора, завели усталых коней в конюшню. Аншамаха закурил сигарку у крыльца, долго оглядывал близлежащие казачьи дворы, не зная, куда направиться.

На крыльцо вышла Феодосия Тихоновна. Увидев Аншамаху, она всплеснула руками:

– Терентий Артемович? Откуда ты взялся?

– С того свету, Феодосия Тихоновна, – улыбнулся Аншамаха. – Вот воскрес, а теперь, это самое... не знаю, куда деваться.

Пойдем к нам, – пригласила его Феодосия Тихоновна. – Мы с мужем живем в хате подхорунжего Марухно, а он зараз находится в банде Рябокonia.

---

⁸⁵² Хутор Волошковский (позднее – **Волошковка**) – хутор на южной оконечности Кирпильского лимана (южной его части – Малого Кирпильского лимана). Сейчас не существует. – прим. Гриня

⁸⁵³ **Хутор Лимано-Кирпильский** (позднее – Лимано-Кирпили) – хутор на берегу лимана Шульгина. В 1947 году большая часть хутора переехала на новое место вниз по течению ерика Чумяного, за Черновские Плавни (сейчас – хутор Новые Лиманокирпили). На старом месте осталось только несколько дворов на северо-западной окраине, сейчас – хутор Старые Лиманокирпили. – прим. Гриня

⁸⁵⁴ Дорога вдоль ерика Чумяной к Ахтарским Соленым озерам. – прим. Гриня

Смеркалось. Станица, разбросанная в сугробах и снежных заносах, уже подремывала.

Только во дворе Копотя, под навесом сарая, слышались слабые удары топора. Это Гаврила Аполлонович колот дрова и складывал их на веревку, растянутую тут же на коробе. Задыхаясь от усталости, он окинул потускневшими глазами кучу поленьев, подумал: «Чи ще, чи довольно?» Затем решил: «Добавлю еще трошки, чтоб хватило и утром протопить». Порубил еще небольшое бревно, вытер тылом ладони вспотевший лоб, повел взглядом по двору. Кругом тишина... Натянув черную облезлую папаху на уши, Гаврила Аполлонович высморкался, пробормотал: «Эх, Нинка, Нинка! И чего б тебе не жить около меня? Даже из станицы подалась. Бедняга, как она тужила по Марьяне...» А на дворе темнота все сгущалась и сгущалась. Гаврила Аполлонович перекинул концы веревки через плечо, понатужился и, взвалив ношу на сутулую спину, еле побрел по узкой тропинке, протоптанной в снегу. И вдруг ноги у него подкосились. Он грохнулся в снег, потерял сознание и, придавленный сверху дровами, так больше и не поднялся

Ночью пошел снег. Старика замело снегом.

Утром Аншамаха направился в станичный Совет, повстречался со Шмелем.

– Ну вот, Гордей Анисимович, – широко улыбаясь, сказал он ободряюще. – Значит, это самое... выжили мы...

Шмель потупил голову:

– Выжили, да не все, Терентий Артемович...

Аншамаха вспомнил о гибели Юньки и Марьяны, горестно покивал головой:

– Да, верно, не все... Многие, это самое...

– Ты хоть бачил их там? – спросил Шмель.

– Как же, – вздохнул Аншамаха. – Вместе мы были. Хоронили их всем батальоном.

Шмель, глотая слезы, вышел на улицу и, пошатываясь, побрел домой.

VIII

Как только Виктор поступил в Национальную кавалерийскую школу⁸⁵⁵, он тотчас вызвал Соню в Краснодар. Они поженились и сняли квартиру неподалеку от Балышеевых. Соня определилась в фельдшерскую школу⁸⁵⁶, а по вечерам, два раза в неделю, посещала вокальное отделение недавно открывшейся Кубанской консерватории⁸⁵⁷.

Кончался январь.

Соня вернулась вечером с занятий, удивилась, что Виктора еще не было дома. Сегодня они собирались в театр. За окнами плакала вьюга. На стене монотонно тикали ходики. На ковровой дорожке, сонно мурлыкая, лежал серый кот Васька. Соня подошла к трюмо, поправила пышные черные волосы, запела тихонько.

Стройная ее фигура отражалась во весь рост в высоком зеркале, и Соня теперь видела, как она похорошела за последние две-три недели. Увлечшись примеркой нового черного платья, она не заметила, как вошел Виктор. Наконец увидела его в зеркале, бросилась навстречу, обвила шею руками, поцеловала.

⁸⁵⁵ **Кавалерийская школа горских национальностей Северного Кавказа** – в августе 1924 была переведена в Краснодар из Донской области, в помещения 7-й Краснодарской пехотной школы, располагавшейся в здании бывшего Кубанского Мариинского женского института на углу улиц Шереметьевской (сейчас – улица Красина) и Октябрьской. Сейчас в этом здании располагается Краснодарское Высшее Военное училище имени Генерала Армии С. М. Штеменко. – прим. Гриня

⁸⁵⁶ **Кубано-черноморская фельдшерская школа** – до 7 июня 1920 года Екатеринодарская военно-фельдшерская школа. Располагалась на перекрестке улиц Красной и Почтовой (сейчас – Постовая). – прим. Гриня

⁸⁵⁷ Открытие **Кубанской государственной консерватории** состоялось 1 октября 1920 года. Располагалась на пересечении улиц Красной и Гоголя в «доме Акритаса». Имела отделения: фортепьянное, оркестровое, певческое, музыкально-теоретическое, театральное. Просуществовала до середины 1922 года. – прим. Гриня

– Я очень тороплюсь, милая, – снимая с себя полушубок, сказал Виктор. – Мне бы что-нибудь поесть.

– А как же театр? – растерянно спросила Соня.

– Придется отложить, – ответил Виктор. – Меня вместе с учебной ротой посылают в Приморско-Ахтарскую на борьбу с бандитами.

Глаза Сони наполнились тревогой.

Виктор обнял ее.

– Не волнуйся. Думаю, что мы долго не задержимся.

Соня подала ужин на стол.

– Когда же ты выезжаешь, сегодня? – спросила она упавшим голосом.

– Нет, завтра, – сказал Виктор. – Сегодня съезжу в Нацкавшколу, ночевать буду дома.

Соня тяжело вздохнула.

– Снова разлука... Снова одна...

– Ну что ты так расстраиваешься? – ласково промолвил Виктор. – Ты и не заметишь, как пролетит время: днем в школе, вечером в консерватории. Как Аннушка Соловьева. Геннадий Иннокентьевич тоже почти не живет дома.

– Они четвертый месяц вместе, – печально заметила Соня, – а мы только-только...

– Что подделаешь, такие времена. Враг не унимается. Одним чоновцам не одолеть Рябоконя. Вот Чернуос и попросил у Левандовского помощи.

Соня так и не притронулась к еде. Поужинав, Виктор оделся, поцеловал ее и, глядя в печальные глаза, сказал:

– Все будет хорошо, родная...

* * *

Бородуля и Матяш поднялись из подвала в темную библиотеку. Игуменья сообщила им, что монахини говорили со многими доверенными людьми относительно пополнения вновь организованного повстанческого отряда, но безрезультатно. Никто не пожелал вступить в отряд.

– Труссы! – злобно бросил Матяш. – Нам немедля надо сматываться в горы, покуда не поздно.

– Я останусь здесь, – категорически заявил Бородуля. – Все равно погибать. Так лучше дома, чем на чужбине.

– Лучше бы вам выехать куда-нибудь и тихо-мирно дожить свой век, – настоятельно посоветовала игуменья. – Откровенно говоря, я очень боюсь, что вы своими действиями накличете беду и на меня. Сейчас все будто утихло. Никто меня не трогает.

– И чего вам бояться, матушка? – Бородуля заерзал на стуле. – Вы тут совсем ни при чем.

– А Юдин так до сих пор и живет в коммуне? – поинтересовался Матяш.

– Да, – ответила игуменья. – Говорят, живет.

– Подлюка! – прохрипел Бородуля. – Вот бы за ним поохотиться, Андрей.

* * *

По мрачному коридору монашеского общежития, покачиваясь с боку на бок, спешила мать Сергия. Ей навстречу вышла из библиотеки игуменья. Переведя дух, казначея с опаской оглянулась, доложила вполголоса:

– Мавра опять в монастыре.

– Немедленно в подвал ее! – приказала игуменья. – Быстро!

Мать Сергия перекрестилась, вышла из общежития. На дворе была такая метель, что дух захватывало. Мать Сергия последовала к колокольне, тихо постучала в дверь сторожки. К ней вышел Лука.

– Давай ее сюда, – шепнула мать Сергия.

Лука исчез в темноте. В это время в колокольню заявила мать Иоанна. Из сторожки Лука вынес на руках вырывавшуюся Мавру. Громко мыча, она силилась сорвать с лица повязку.

– Скорее, скорее! – шикнула на Луку мать Иоанна.

Он выбежал из колокольни, потащил Мавру к глухому подвалу. Мать Сергия открыла дверь, втокнула в нее монаха, предупредила:

– Осторожно, не упади на ступеньках.

Лука спустился в подвал, швырнул Мавру на цементный пол, залитый ледяной водой. В выбитые окна, находящиеся под сводчатым потолком, влетал снег с морозным ветром. Мавра долго лежала без движения. Наконец она поднялась на колени, пошарила руками вокруг себя, встала и, сделав шаг, споткнулась о камень, опять упала в лужу. Одежда ее намочила, в ботинки набралась вода. Мавра с трудом снова поднялась, нащупала стену, под которой намело сугроб. Забилась в угол, присела на корточки, затихла. Ледяные лапы холода все сильнее сжимали ее тело. Руки и ноги коченели...

Утром в подвал спустилась мать Сергия. Мавра лежала, разбросав руки, посередине застывшей лужи. Волосы ее вмерзли в лед. Мать Сергия осенила себя крестом, прошептала:

– Слава богу, прибрал господь бог...

IX

Наступила весна.

В Краснодольском станичном Совете было людно. В коридорах и комнатах плавал махорочный дым. Выполняя решения Первого съезда Советов о разверстке в шестьдесят пять миллионов пудов, намеченной для Кубани, Лаврентий принимал у себя станичников, разъяснял им хлебную политику Советской власти, требовал срочного вывоза хлеба на ссыпки.

У стола сидел один из станичных богатеев.

– Читал воззвание Первого съезда Советов? – спросил Лаврентий. – Выполняй разверстку – и баста! Ясно?

– Не читал я твоего возвания и читать не буду, – комкая в руках папаху, огрызнулся богатей. – Мне оно ни к чему.

– Как? – Лаврентий оперся на стол. – Стало быть, не читал. Я тебе зараз почитаю. – Он вынул из ящика сложенную газету «Красное знамя» от 12 января, указал пальцем: – Вот воззвание съезда ко всем хлеборобам и горцам. Ясно?

Богатей молча отвернулся в сторону.

– А ты не вороти морду, слухай, – горячился Лаврентий. И нараспев начал читать: – «Товарищи станичники, хуторяне и горцы! Теперь стало ясно, что те лишения и невзгоды, которые приходится переносить трудящимся Кубани, являются последствиями многолетней кровавой войны, в которую вовлекли нас капиталисты всех стран». Понятно?

– Я не слушаю! – махнул рукой богатей.

– Брешешь, все слышишь, нечистый дух! – вскричал Лаврентий и снова принялся читать: – «Из-за этой войны разорено наше хозяйство. Эта война лишила многих из нас родных и друзей... Пусть к 15 февраля все граждане Кубани выполнят свой долг перед социалистическим Отечеством – Республикой, сдав все причитающиеся по разверсткам продукты государству!» Теперь ясно?

– Кто должен, тот хай и выполняет, – проворчал богатей, почесывая макушку. – А я пока никому не должен.

Лаврентий выскочил из-за стола.

– Ты мне куплеты не рассказывай! – взъярился он. – Упреждаю, сегодня же вези хлеб на ссыпку! Ясно?

Увидев перед своим носом угрожающе сжатый кулак, богатей, закивал:

– Ясно, ясно! – и метнулся к двери.

Лаврентий смахнул испарину со лба, потоптался у стола и, нахлобучив кубанку, побежал домой. У своего двора он встретился с Ропотом, возвращавшимся с рыбалки, спросил, улыбнувшись:

– Ну шо, Логгин Прокопович? Значит, рыбалишь уже?

Ропот поставил ведро с рыбой у забора, ответил:

– Надо, Лаврентий Никифорович. Детишки ведь... С харчами дюже погано. Пролежал же я всю осень, а теперь... Вот.

Со двора вышла Мироновна.

– Здравствуй, здравствуй, Прокопович. Слава богу, выздоровел-таки.

– Не совсем, – сказал Ропот. – Вязы еще побаливают. Вот.

– А ну-ка, покажи, как рана срослась, – любопытствовала Мироновна.

Ропот расстегнул старое, с заплатами на спине и руках, ватное полупальто и, нагнув голову, обнажил шею с длинным багровым рубцом. Мироновна оттянула у него воротник гимнастерки, воскликнула:

– Горюшко ты мое! И как же он, собачий сын, мослак не перерубил!

– Я дюже наклонился, когда он полоснул меня шашкой, – пояснил Ропот. – И энтим ослабил удар. Вот.

Лаврентий закурил, сказал жене:

– Это еще не все у него. И рука, и бок были разрублены.

Ропот застегнулся, произнес спокойно:

– Основное – кости целые, а мясо нарастет... – Он взял ведро и медленно зашагал по улице.

Лаврентий с женой вошли во двор. К воротам подъехал верхом на коне Юдин. Жучка выбежала из сенец, кинулась к нему с лаем. Лаврентий открыл калитку.

– Попрою, Василий Петрович, заезжайте.

Юдин слез с коня, привязал его у конюшни.

Мироновна уже возилась у печи.

– Тепло у вас, – снимая ушанку, сказал Юдин, поздоровался с хозяйкой.

– Да вы и шинель скидайте, – сказал Лаврентий.

В боковой просторной комнате уселись за стол. Мироновна подала завтрак. Разговорились о выполнении краснодольцами подразверстки.

– Да... – вытерев рушником губы, сказал Лаврентий. – Зlostных элементов у нас в станице богато.

– Будьте осторожны, Лаврентий Никифорович, – посоветовал Юдин.

– Об чем речь... – Лаврентий развел руками, отослал взглядом жену на кухню. – А тут ешо этот Матяш со своею бандой. Того и гляди, кого-нибудь подстерегет из нас, нечистый дух. Пытался же один раз, да промах дал.

Юдин тронул его плечо, шепнул:

– Кстати, мне надо посмотреть на ту фотокарточку, о которой вы как-то говорили.

– Это можно. – Лаврентий вынул из комода снимок, указал на офицера в светло-серой черкеске.

– Оце Пимен, а рядом – Тимофей.

– Мазаевы?

– Да, братья. Витька с Соней вот, в конце декабря, были у игуменьши и видели у нее на стене эту карточку

– И хорошо знает игуменья Мазаевых?

– Тимофея – хорошо, а Пимена ни разу в лицо не бачила.

– Seriously?

– Так говорил Витька со слов игуменьши, – пояснил Лаврентий.

– А Пимен в самом деле смахивает на меня, – заметил Юдин, вглядываясь в снимок.

– Да, факт на лице, – подтвердил Лаврентий. – Наче две капли воды. Даже Тимофей не так похож на Пимена, как вы.

– Как, по-вашему, может меня игуменья принять за Пимена? – спросил Юдин.

– По-моему, может, – сказал Лаврентий.

Юдин еще раз внимательно вгляделся в лицо Пимена

– Мне придется взять у вас эту карточку, – сказал он. – Надо изучить все ее детали.

– Берите! – махнул рукой Лаврентий. – Мне она без надобности.

Юдин спрятал фотокарточку в нагрудный карман гимнастерки и, помолчав, спросил:

– А почему вы, Лаврентий Никифорович, в партию не вступаете?

– Да вы что, Василий Петрович! – изумленно протянул Лаврентий. – Хиба ж примут меня?

– Вы уже все свои грехи искупили, – заметил с улыбкой Юдин. – Не зря вас станичники председателем Совета избрали.

Лаврентий озадаченно потеревил острые усики, задумался.

– Хай уж Витька... а я повременю.

Николай Николаевич шел домой по темной городской улице, всецело занятый мыслями о Елене Михайловне. Он уже знал, что она приехала к нему.

«Как она?.. – мысленно спрашивал он себя. – О чем думает? Что ответит на мое предложение?..» Прошлой ночью он видел во сне покойную жену. Снилось ему, будто Таисия Федоровна долго, ласково смотрела на него, затем погладила его волосы рукой, сказала: «Женись, Коля... Лена будет тебе хорошей подругой». Охваченный раздумьем, Николай Николаевич не заметил, как очутился перед домом, в котором жил. Поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

«А может быть, она уже уехала?» – подумал он. Но дверь открылась, и на пороге появилась Елена Михайловна.

– А тебе только что звонил Геннадий Иннокентьевич, – сказала она.

– Зачем я ему?

– Не знаю, – ответила Елена Михайловна. – Обещал позвонить еще. – И обернулась к нему: – А ты где был?

– Выезжал в Тимашевскую по расследованию убийства секретаря РКП(б) Печерина.

– Кто же его убил?

– Бандиты подхорунжего Колота, – присаживаясь за стол, сказал Николай Николаевич.

Елена Михайловна не решалась первой начать разговор о том, что привело ее сюда, чувствовала себя как-то неловко. Отойдя к столику, приставленному к простенку между окнами, она села на стул. Николай Николаевич, с трудом сдерживая волнение, спросил:

– Ты давно приехала?

– Нет, час назад, – ответила Елена Михайловна, почувствовав в душе какое-то облегчение.

– Не ужинала еще?

– Нет. – Елена Михайловна поспешно поднялась. – Я сейчас приготовлю. – И начала собирать на стол.

Х

Рано утром учебная рота под командованием Левицкого и чоновский отряд Аншамахи выступили в плавни по направлению Ахтарских соленых лиманов. Ветер дул с востока, до боли обжигал лица конников.

Проскочив Сологубские промыслы, они повернули вправо по дороге, ведущей вдоль Ахтарского лимана. У развилки разделились на две группы: Левицкий с учебной ротой направился по главной дороге на Садки⁸⁵⁸, а Аншамаха взял влево, двинулся через небольшие озера. Миновав редут Гострой, он приказал бойцам взять карабины наперевес, внимательно следить за камышами и, пустив коня в намет, устремился к поселку Хескому. Неожиданно на околице показался всадник и тотчас же скрылся в кривой улочке.

– За мной! – крикнул Аншамаха.

Отряд понесся вперед. Из поселка выскочили пять всадников, стали уходить на юго-запад, к Садкам. Расстояние между ними и чоновцами быстро увеличивалось. Аншамаха вскинул карабин, на полном скаку открыл огонь по убегающим. Вслед за ним принялись палить и все бойцы.

Вскоре на берегу Ахтарского лимана замаячили деревья и несколько домиков под красной черепицей. Оттуда доносилась винтовочная перестрелка.

До Садков оставалось не более версты. Преследуемые бандиты скрылись в камышах. Аншамаха увидел бойцов Левицкого, ведущих огонь по марухновцам на подступах к хутору. Ударив коня каблуками, он согнулся в седле, полетел вперед.

Марухно начал отходить по Садковской гряде на юг, к главным силам. Левицкий и Аншамаха шли за ним по пятам, и после двух с половиной часов погони Марухно, получив несколько ранений, был схвачен на берегу Рясного лимана.

Левицкий спешил к пленному, лежавшему с закрытыми глазами на снегу, закурил сигарку, распорядился:

---

⁸⁵⁸ Садки – хутор на берегу Ахтарского лимана при впадении в него протоки Гирло Садковское, соединяющей лиманы Рясный и Ахтарский. – прим. Гриня

– Перевяжите его.

Два бойца-санитара перенесли Марушно на бурку, вынули из своих сумок бинты, наложили повязки на раны.

Аншамаха подскакал к Левицкому, указал на пленного:

– Его немедленно надо отправить к Соловьеву. А то еще, это самое... подойдет.

Марушно повернул к нему голову, сказал:

– Не подойдет, Терентий Артемович... Я живучий.

Возле него остановились сани. Бойцы подхватили раненого вместе с буркой, положили на розвальни, и учебная рота с чоновским отрядом направились в Приморско-Ахтарскую.

* * *

Среди ночи кто-то осторожно постучал в закрытую ставню дома Рябокonia. Надежда⁸⁵⁹ спала в своей комнате. Она открыла глаза, прислушалась. Стук повторился. Надежда сбросила с себя ватное одеяло, сунула ноги в валенки и, припав к мерзлому окну, тихо окликнула:

– Кто?

– Надя, открой, – послышался из-за ставни приглушенный голос Рябокonia.

Надежда узнала мужа и, придерживая руками тяжелый живот (она была на сносях), выбежала в нательной рубашке на холодную веранду, щелкнула засовом. Рябоконь запер за собой дверь, вошел в натопленную кухню, спросил:

– А батько дома?

– Дома, – прошептала Надежда, стуча зубами от холода и волнения.

Рябоконь повесил на рожок карабин, снял с себя полушубок, сел у стола.

– Как тут у вас? Не беспокоят?

Надежда заплакала, опустила на скамью.

– Какой там!.. – вырвалось у нее сквозь слезы, – Ежели б не была брюхатая, то давно б забрали.

Рябоконь помрачнел.

– Кто тут тебя притесняет?

– Да кто же, – всхлинула Надежда. – Погорелов.

– Какой это?

– Василий Кириллович, председатель сельсовета.

– Он же был в Красной Армии.

– Пришел домой... Вот его и выбрали, как демобилизованного красноармейца.

Из боковой комнаты вышел отец, хмуро взглянул на сына, протянул:

– А... Василь... Насовсем чи так просто, в гости?

– Тайком заскочил, – ответил Василий.

Старик присел рядом с ним, почесал за ухом.

– Покаялся бы, – посоветовал он.

– Не будет этого, – мотнул головой Василий. – Я еще залью горячей смолы большевикам за шкуру.

– А толк с цего какой? – вздохнул отец. – Пустое все. Большевиков теперь не одолеть.

– Еще посмотрим, чья возьмет, – резко бросил Василий. – А пока без разбору буду всех бить!

– Катом, значит, сделаешься? – Отец удрученно покачал головой. – Безвинных будешь убивать?

– Пусть дрожат все, – заявил Василий. – Я заставлю всех придерживаться моей политики.

Старик раздраженно махнул рукой:

– Прешь ты добыешься своего, тебя изловят и шкуру сдерут, как с собаки.

– В камышах, на воде нас никто не возьмет! – самоуверенно выдохнул Василий. – У меня такой лозунг: «Земля – ваша, вода – наша!» Пусть большевики не суются ко мне в плавни. Я, и только я, хозяин там.

---

⁸⁵⁹ Есть две версии как звали жену В. Ф. Рябокonia, обе они представляют собой варианты имени Светлана, которого никогда не было в церковных святцах (упоминается даже статья о Павла Флоренского «О запрещении наречения именем Светлана»): Хатиния (Фотиния, Фотина – светлая, светоносная) и Фаина (сияющая, излучающая сияние). – прим. Гриня

– А о нас ты подумал? – проговорила с горечью и укором Надежда. – Из-за тебя мы все тут погибнем.

– Пусть только тронут, – буркнул Василий. – Как разрешишься, я тебя сразу к себе в отряд заберу. А Погорелова предупрежу, чтобы не трогал вас.

– Да мне зараз все равно, – сказал отец. – Восемьдесят третий уже пошел. Смерть близко... А вот вы как будете жить?

Василий не ответил.

XI

На рассвете через Лебеди в сторону Гривенской потянулся отряд под командованием Демуса.

В спальню вошел Федор Саввич, разбудил сына:

– Ты чуешь, Василий, через хутор отряд красных проходит?

Василий сел на постели, прислушался.

– Вы оденьтесь, папаша, – предупредил он. – Чего доброго, еще вздумают заглянуть к нам.

– Я и так уже оделся, – ответил старик. – Зараз выйду на веранду, погляжу, шо оно там такое.

– За ним скрипнула дверь, и в доме снова наступила тишина. Василий также оделся, вышел на кухню и стал наблюдать в окно за отрядом. Заря чуть-чуть позолотила восточный небосклон. Сквозь густой туман едва проглядывались силуэты всадников. Василий стиснул зубы, процедил:

– Ничего... не таких видели. А с вами управимся...

Отец снял в передней тулуп, сказал угрюмо:

– Это супротив тебя, Василь, силы присланы.

– Ох, боже мой, боже! – испуганно пробормотала Надежда. – Что же теперь будет с нами?

– Перестань! – крикнул на нее Василий и сорвал папаху с гвоздя. – Мне надо в Гривенскую попасть, пока совсем не рассвело. – Он вскинул карабин за спину, прощально кивнул жене и отцу, осторожно выскользнул из дому и, по-волчьи озираясь, ушел задами.

* * *

Прошла неделя. Демус с местными руководителями проводил митинги то в одном, то в другом населенном пункте Гривенского юрта, призывал население понудить банду выйти из камышей и добровольно сложить оружие.

В Гривенскую прибыли Жебрак и Соловьев. В кабинете председателя Совета состоялось экстренное совещание. Демус доложил о работе, проведенной в юрте, и тут же отметил, что она пока не дала положительных результатов.

– Больше того, – добавил агент ВЧК Селиашвили, – за эти дни банда Рябокonia сделала еще один налет на хутор Солодовникова.

Во время совещания дежурный вручил Андрияшу пакет с рапортом старшего милиционера станицы Гривенской. В рапорте говорилось:

«Довожу до вашего сведения, что сегодня ночью, то есть 6 марта с. г., банда Рябокonia произвела налет на Приморско-Ахтарскую рыбную контору, где уничтожила главное здание конторы, избивала и разогнала рыбаков, забрала 60 пудов муки, несколько десятков пудов соленой рыбы и скрылась».

– Вот вам и Рябокonia! – воскликнул Ермаков. – А мы собираемся его уговаривать!

– Да, действительно, придется действовать иначе, – сказал Соловьев.

* * *

8 марта посыльные весь день сновали по станице, объявляя о назначенном на вечер митинге в клубе. С наступлением темноты на церковной площади стали собираться станичники. Они толковали о продналоге, а больше всего о предстоящем походе представителей станицы в камыши к Рябоконю.

Во дворе станичного Совета запыхтел движок маленькой электростанции, запускаемый в

экстренных случаях, и в клубе загорелись лампочки. Народ повалил в клуб с шумом усаживаясь в зрительном зале на скамейках. Длинный стол, застланный кумачовым полотном, стоял на сцене. Тут же возвышалась и трибуна. В заднем углу зала торговал буфет. За прилавком – невысокая блондинка с голубыми выразительными глазами. Это была родная сестра Дудника, который находился в банде Рябоконя.

На сцене появились Андрияш, Ермаков, Жебрак, Соловьев, Демус, Селиашвили, разместились за столом... Андрияш встал, позвонил в колокольчик. Наступила тишина. Председатель открыл митинг, предоставил слово Жебраку. «Начальник ЧК!» – пробежал нервный шепот по залу. Жебрак взошел на трибуну, положил руки на ее борта и, пристально вглядываясь в собравшихся, сказал:

– Товарищи, в нашей области бандиты наглеют. Их разбойничья дерзость обуславливается, с одной стороны, той поддержкой, которую они получают от кулацких элементов, а с другой – их уверенностью в том, что Советская власть достаточно милостива и не будет вытравливать беспощадной рукой всякий намек на содействие им и помощь. Но чем больше наглет белогвардейщина, скрывающаяся в плавнях, тем сильнее должны сплотиться беднота и та часть населения, которая достаточно уже знает, что собой представляет Рябоконь, действующий в Приазовских плавнях. Прочтите, товарищи, в газете «Красное знамя» письма добровольно возвратившихся в Россию врангелевских офицеров и подумайте, какой путь вам следует выбрать.

– С одной стороны, новое смятение, – продолжал оратор, – новые усмирения восстающих приведут к новому разорению сел и станиц. В другом случае, если честное трудовое казачество не даст себя увлечь в какие бы то ни было кровавые авантюры и покончит с разбоем бело-зеленых, область наша сможет отдаться мирному труду, хозяйственному строительству. В скором времени советское правительство заменит разверстку натуральным налогом.⁸⁶⁰

Он сел на свое место. Андрияш обратился к залу:

– Вопросы к товарищу Жебраку будут?

Все молчали. К трибуне подошел Соловьев.

– Товарищи! Я позволю себе привести здесь одну небольшую, но любопытную статью, опубликованную в «Красном знамени» от 15 января сего года под заголовком «Обломки контрреволюции». Вот о чем здесь говорится. – Он поднес газету к свету, начал читать: – «По сообщению константинопольских газет, по распоряжению Врангеля все бывшие члены русской армии, находящиеся за границей, подлежат регистрации. Сборным пунктом назначена Мальта (остров на Средиземном море). Врангель 15 декабря выехал на остров Лемнос, где произвел смотр первой и второй Кубанских дивизий и донцов. 18 декабря Врангель был в Галлиполи (в Турции, у Дарданелл), где посетил части генерала Барбаровича, корниловцев, дроздовцев, марковцев и алексеевцев. Во время пребывания на острове Лемнос Врангель обратился к кубанцам с речью следующего содержания: „Должен вам сказать, что я такой же изгнанник, как и вы. Не наша вина, что мы отошли. Мы ждали помощи, которая опоздала. Дружественная Франция не спасла нас, зато теперь она оказывает нам гостеприимство. Я могу только ходатайствовать за вас, и вы должны дать мне право говорить от вашего имени“». – Соловьев сложил газету. – Видите, какая участь постигла тех, кто поднял вооруженную руку против Советской власти. Судьба забросила их далеко от родины. Ну, а что будет с теми, кто сейчас пытается нанести удар Советской власти из-за угла? Ответ один: этот враг будет безжалостно раздавлен... Что мы предлагаем всем заблудившимся казакам и крестьянам, а также белогвардейцам, оставшимся на Кубани после разгрома Врангеля? Мы предлагаем им сложить оружие, покаяться, пока не поздно. Нам, товарищи, надо собраться всей станицей, сходить в камыши к Рябоконю, разъяснить ему нашу политику и убедить его в том, чтобы он прекратил заниматься разбоем.

– Так-то он и послушается нас! – выкрикнул кто-то.

– Пусть тогда пеняет на себя, – ответил Соловьев.

В президиум передали записку, в которой говорилось:

«Докладчикам ЧК, тому и другому, большое спасибо за разъяснение. Но складывать

---

⁸⁶⁰ Вопрос о замене продразвёрстки продналогом был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 8 февраля 1921 года. 16 февраля 1921 г. Политбюро решило открыть дискуссию «О замене развёрстки продналогом». Первые статьи на эту тему были опубликованы в «Правде» 17 и 26 февраля. Официально продразверстка была отменена декретом ВЦИК от 21 марта 1921 года. – прим. Гриня

оружие я не собираюсь!
Рябокоть».

В клубе вдруг погас свет. На задних скамейках произошло замешательство. Раздался крик:
– Рябокоть в клубе!
В дверях образовалась пробка...

* * *

Стояла ясная погода. Дул теплый западный ветер. Плавни очистились от снега и льда. По лиманам с шумом катились свинцово-матовые волны. На биваке белоказаков, расположившихся в районе Рясного лимана, царила тишина. Опасаясь налета красных, Рябокоть принял необходимые меры предосторожности: усилил охрану, выставил дозорных на всех направлениях.

По тропинке, протоптанной в камышах, прошмыгнул Мюсюра со свертком газет под мышкой. В распахнутом окне куреня он увидел Рябокотю, доложил:

– Василий Федорович, ваше распоряжение выполнено: газеты за последние десять дней доставлены.

Рябокоть принял их через окно, положил на стол, распорядился:

– Зови хлопцев, сейчас будем читать...

Но тут на тропе неожиданно появился Жуков с двумя проводниками-казаками. Рябокоть выбежал из куреня, бросился к гостю:

– О, полковник!.. Диомид Илларионович. Наконец-то!

Они обнялись и крепко расцеловали друг друга.

Рябокоть обернулся к казакам, пришедшим на читку газет, махнул рукой:

– Потом...

Все повернули обратно, разошлись по своим куреням. Рябокоть взял Жукова под руку:

– Ну, что нового, Диомид Илларионович?

– В Лебяжском монастыре организовалась коммуна под председательством Науменко, – сообщил Жуков.

– Знаю... – сказал Рябокоть и, помолчав, спросил: – Что же ты решил с нею делать?

– Хочу с тобой посоветоваться, – ответил Жуков.

Рябокоть пригласил его в курень. Жуков устало опустился на стул у горячей печки, обвел вокруг глазами, заметил:

– А у тебя все как положено... И обстановка... и даже ковры...

– На то я атаман войска, – скупно усмехнулся Рябокоть.

Жуков погрел руки над печкой, сказал:

– Так вот... давай решать, что будем делать с этими коммунарами. В Краснодаре я встречался с новым владыкой Евсеем. С ним у меня полная договоренность... Благословение у него получил.

– А как монахи? – поинтересовался Рябокоть. – Не будут возражать?

– Нет! Они уже несколько раз приходили ко мне в отряд и просили от имени игумена Дорофея, чтобы мы помогли очистить монастырь от антихристов.

– А оружие у коммунаров есть? Не покажут они тебе от ворот поворот?

– Никакого оружия у них нет! – махнул рукой Жуков. – Все уже разведано...

Рябокоть одобрительно кивнул:

– В таком разе – действуй. Главное, хорошенько обдумай план налета. Впрочем, не мне тебя учить, ты же полковник.

– Не беспокойся, Василий Федорович! Уж я-то не дам маху.

– Ну, а как живет новый владыка? – спросил Рябокоть.

– О, Евсей – голова! – воскликнул Жуков. – После смерти Иоанна он прибрал к рукам почти всех попов и дал указание священникам области готовить свою паству к всеобщему восстанию на Кубани. Это по распоряжению патриарха Тихона.

– Значит, колесо наконец завертелось?

– Еще как! – подхватил Жуков. – Скоро большевикам туго придется. Сейчас нам надо сплачивать свои силы, держаться друг за дружку. У тебя связь с партизанскими отрядами,

действующими в горах, налажена?

– С Козловым и Волошко я переписываюсь, – ответил Рябоконт. – На днях думаю послать к ним своих делегатов.

– А я уже послал, – сообщил Жуков. – Жду, с чем вернутся.

На лимане показался небольшой баркас.

– Кто это? – спросил Жуков.

– Наши, из Гривенской, – пояснил Рябоконт и вместе с ним вышел из куреня.

Баркас причалил к берегу. На помост сошли два казака: Маслов Корней и Кислица Игнатий. Маслов доложил что завтра утром из станицы Гривенской сюда направится делегация граждан.

Рябоконт выслушал донесение, переглянулся с Жуковым.

– Так... Значит, все же решили просить меня. Ну что ж, надо их встретить как положено...

ХII

Гривенчане, растянувшись длинной колонной, с восходом солнца двинулись в плавни, через Зарубовку на Казачью грядку.⁸⁶¹ Пройдя верст десять, шествие потонуло в густых камышах, стеной поднимавшихся по обеим сторонам гряды. Впереди с красным знаменем вышагивали старики-бородачи.

Рябоконт, подпустив непрошенных гостей поближе, приказал открыть огонь поверх голов. В камышах застрочили пулеметы, захлопали винтовочные выстрелы. Люди бросились врассыпную... Но банда захватила их в плен, выстроила шеренги у куреней. Рябоконт обвел гривенчан одичалыми глазами, спросил:

– Ну... зачем пожаловали ко мне?

Вперед вышел седобородый старик.

– Просим тебя, Василий Федорович, вернись к мирной жизни, явись к Советской власти добровольно. Тебе все будет прощено.

Рябоконт подмигнул Жукову, стоявшему тут же с Загуби-Батько, усмехнулся:

– Видал, господин полковник, какой оратор выискался?

– Мы ведь к тебе с поклоном, Василий Федорович, – добавил старик.

– Хватит, дед! – оборвал его Рябоконт. – Нечего мне делать с твоей Советской властью. – Он указал на столы. Видишь, какой обед я вам приготовил? Тут только птичьего молока нет, а у вас голод!

– Так то все наши продукты, – заметил хромой казак из пленных.

Рябоконт резко шагнул к нему, схватил за грудь.

– Ты что тут у меня занимаешься агитацией, пес шелудивый? – И крикнул казакам: – А ну-ка, хлопцы, всыпьте ему!

Олинипеев наклонился к Рябоконтю, шепнул:

– Сейчас не надо, Василий Федорович.

Рябоконт приподнял руку, обратился к казакам, которые уже бросились к пленному:

– Отставить! – И снова повел злыми глазами по рядам пленных, добавил: – Передайте своим властям, что я не думаю о покаянии, и больше никогда не приходите ко мне с такой просьбой. Я уже объявил большевикам свой лозунг: «Земля – ваша, вода – наша!» И пусть не суются сюда. А теперь ешьте и глядите, как живет Рябоконт.

Пленные расселись за столами. Каждому было налито по чайному стакану самогона. Выпили, начали закусывать. Рябоконт подошел к хромоногому, снял с него каракулеву шапку, сказал:

– Так и быть, прощаю тебе твою дерзость, только ты поменяйся кубанкой с моим подхорунжим Озерским. А то у него вида нет. – Он передал шапку Озерскому, а кубанку Озерского – пленному.

Па закате солнца пленные были отпущены домой.

* * *

---

⁸⁶¹ Зарубовка – хутор к северо-западу от Гривенской (сейчас – северо-западная часть станицы). Таким образом подтверждается, что под **Казачьей грядой** автор подразумевает грядку вдоль ерика Крутого. – прим. Гриня

Утром отряд Демуса внезапно атаковал бивак бандитов. Начался ожесточенный бой. Рябоконт бросил свои курени, продовольствие и, потеряв немало бандитов, отступил в глубь камышей.

Но затишье продолжалось недолго.

Через двое суток Загуби-Батько с группой конников ворвался на хутор Солодовникова⁸⁶² и, захватив там линейку, 12 лошадей, несколько мешков муки, скрылся в плавнях. А еще через день банда Рябоконт произвела налет на Приморско-Ахтарскую рыбную контору. Избив в поселке многих рыбаков и предав огню несколько домов, она захватила 12 000 пудов соленой рыбы, часть которой взяла с собой, а остальную привела в негодность. На стене у входа в контору Рябоконт оставил записку: «Категорически запрещаю ловить рыбу в лиманах. Тех, кто нарушит мой приказ, буду вешать».

Возвращаясь в плавни, банда учинила расправу и с рыбаками, ловившими рыбу в Кирпильском лимане.

Вернувшись с добычей в свое логово, Рябоконт всюду выставил усиленные дозоры и лег на линейке отдыхать. Но ему не спалось. В голове теснились мрачные мысли.

Лишь под утро он забылся в какой-то тяжелой дреме.

Разбудил его Дудник:

– Господин хорунжий! Поглядите, кто к вам пришел.

Рябоконт сбросил с себя бурку, сел па линейке. Перед ним стояла его жена.

– Надюша! – вскрикнул он, соскочил на землю и, схватив жену за руки, спросил: – Как же ты сюда пробралась?

Надежда вытерла набежавшие слезы кончиком белого платка, промолвила устало:

– Рыбаки помогли...

– Ты прямо из дому?

– Да... Из Лебедей...

– А сын где?⁸⁶³

– В хуторе...

Рябоконт приказал оседлать лучших коней, позвал Загуби-Батько и, отдав ему необходимые распоряжения, касающиеся охраны бивака, отправился с тремя казаками в хутор Лебеди.

Солнце уже перевалило за полдень, припекало так, что дышать было нечем. Четыре всадника, крадучись камышами по звериным тропам, обходя красноармейские заставы, двигались в сторону Каракубанских хуторов. Рябоконт ехал впереди, держа карабин наготове.

Вскоре позади остались Зарубовка, Лимано-Курчанский⁸⁶⁴. Впереди забелели хаты Лебедей. Рябоконт посмотрел на хутор, затем решительно махнул рукой:

– В намет, хлопцы! Бить всех, кто попадется на пути. На окраине хутора бандиты зарубили двух парней, случайно оказавшихся на дороге, и помчались ко двору рыбака, у которого Надежда оставила сына.

На пороге дома Рябоконт встретился с пожилой женщиной.

– Где мой сын? – крикнул он.

Женщина перекрестилась, пробормотала, заикаясь от страха:

– В комнате... в колыске⁸⁶⁵...

Рябоконт метнулся в дом, схватил сына на руки и, выбежав во двор, крикнул горделиво:

– Бачите, хлопцы, який у меня казачина!

---

⁸⁶² Возможно, автор имеет в виду хутор Солодковский, однако он основан в 1928 году Солодким Никифором Петровичем. – прим. Гриня

⁸⁶³ Всего у В. Ф. Рябоконт было пятеро детей: две дочери (Марфа и Ольга) и трое сыновей (Иван, Семен и Григорий). – прим. Гриня

⁸⁶⁴ Явная опечатка, поскольку Курчанский лиман расположен рядом с Темрюком. Но даже если подразумевается Лимано-Кирпильский, все равно круг получается немалый. – прим. Гриня

⁸⁶⁵ **Колыска** – детская кроватка, колыбель. – прим. Гриня

Женщина вынесла одеяло, закутала ребенка.

Вскочив на коня и бережно прижимая сына к груди, Рябоконец понесся по улице. За ним ринулись и остальные всадники.

ХІІІ

По широкой проселочной дороге из Брюховецкой в Гарбузовую Балку катила пароконная тачанка. На ней сидели Комаровский, Жуков и на козлах – сын Комаровского Онуфрий. Комаровский громко зевнул и, обернувшись к полковнику, спросил:

– А как ты думаешь, Диомид Илларионович, отето хуже будет нашему движению, ежели большевики заменят разверстку натуральным налогом? В какую теперички сторону повернет хлебороб?

– Продналог – это очередная большевистская удочка, Зосима Варлаамович, – ответил Жуков.

– Отето и я так думаю! – согласился Комаровский и, смахнув пот с низкого лба, вздохнул: – А помнишь, Диомид Илларионович, как отнеслись наши партизаны к амнистии, объявленной большевиками к третьей годовщине революции? Ить никто из наших людей не захотел возвратиться домой. Может, и на этот раз никто не уйдет от нас?

– Возможно, – неуверенно пожал плечами Жуков, – А вот с пополнением, которое нам так крайне нужно, будет хуже. Замена продразверстки налогом определенно повредит нам. Крестьяне после этой замены уже вряд ли пойдут к нам в отряды.

– Отето и я так думаю, – снова вздохнул Комаровский.

Онуфрий не прислушивался к разговору, шевелил вожжами, и лошади резво бежали по накатанной дороге.

Вдали показался берег Лебязьего лимана, у которого маячила небольшая посадка.

Комаровский толкнул сына в плечо:

– Поезжай к тем деревьям. Подзакусим там и передохнем до захода солнца. А как стемнеет, поедем домой, чтобы нас никто не видел при въезде в хутор.

Тачанка остановилась на берегу лимана под старым дубом. Комаровский и Жуков слезли с нее, стряхнули с себя пыль. Онуфрий выпряг лошадей, привязал в посадке, положил им свежей травы.

– Ты, сынку, свари крашенки⁸⁶⁶, – обратился к нему отец, – надоть подзаправиться. Сегодня ж пасха⁸⁶⁷.

Онуфрий достал из-под сиденья ящик с сырыми яйцами начал перекалывать их в ведро. Жуков недоуменно спросил:

– Что ты делаешь?

– Хиба не бачите, господин полковник? – Онуфрий приподнял на него глаза, – Яйца варить буду, – И указал на отца: – Це для них...

– Полное ведро? – Жуков вдруг разразился громким смехом.

– Они в присест меньше ста штук не едят, – пояснил Онуфрий.

– Вин знае, шо робе, Диомид Илларионович, – сказал Комаровский. – Я люблю, знаешь, побаловаться... От пици никола не отказываюсь. Люблю, знаешь, отето...

Онуфрий поставил под конец дышла рогатину, подвесил ведро на край дышла, разложил костер. Комаровский подошел к лиману, начал раздеваться.

– Я отето люблю... купаться. Составьте компанию, Диомид Илларионович.

– Воздержусь, – отказался Жуков. – Лучше посижу под деревом.

Комаровский снял с себя одежду. По всему красному его телу рос густой черный волос. И походка у него была не то медвежья, не то обезьянья.

Комаровский плюхнулся в воду, подняв вокруг себя такие волны, что закачались и зашумели прибрежные камыши, за которыми вспорхнули утки, оглашая лиман испуганным кряканьем.

– Отето водица! – воскликнул Комаровский от удовольствия. – Дюже хороша!

Он долго барахтался в воде, окунался с головой, пыхтел и фыркал. Наконец вышел на берег,

---

⁸⁶⁶ **Крашенки** – крашенные пасхальные яйца. – прим. Гриня

⁸⁶⁷ **Пасха** (Светлое Христово Воскресенье) в 1921 году была 1 мая по новому стилю. – прим. Гриня

опустился на карчу.

– Отето можно теперички и подзакусить, – сказал он, одеваясь.

Онуфрий уже приготовил полдник. На разостланном в тени войлоке лежали сваренные яйца, окорок, зажаренный гусь и пара кур, два куса сала, кулич с белой сахарной головой, украшенной разноцветной присыпкой, монпансье, булка хлеба.

– Таочки, – потирая широкие ладони, крикнул Комаровский. – Де мой струмент? – Он вынул из кармана большой перочинный нож, нарезал хлеба, подмигнул сыну: – А ну-ка, налей нам... шоб дома не журились⁸⁶⁸.

Онуфрий взял четверть, наполнил два стакана самогоном.

– Ну, Диомид Илларионович, будем живы! – Комаровский чокнулся с полковником.

– И... богаты, Зосима Варлаамович, – усмехнувшись, добавил Жуков.

Комаровский взял окорок и ломоть хлеба, Жуков и Онуфрий занялись гусем и курами. Разложенные на войлоке продукты быстро исчезали. Комаровский швырнул через плечо обглоданную кость, принялся за яйца. Он проворно очищал их, посыпал солью и, не жуя, проглатывал. Жуков с любопытством наблюдал за ним, ел неторопливо. Онуфрий лениво жевал сало, посапывал. Комаровскому, видимо, надоело заниматься нудной очисткой яиц, теперь он катал их на ладонях, посыпал солью и быстро, с привычной ловкостью швырял в рот. Таким образом он проглотил все яйца. Затем уплел курицу, доел остатки кулича и, запив все это самогоном, запел хмельным голосом:

Ой, спасибо, маты Катерина,
Шо нам землю на Кубани подарила!
Будем сиять, пахать, рыбу ловить,
Вареники исты та горилку пить.

– Ще й будем богати! – добавил Жуков.

Комаровский ошалело огляделся вокруг и, пошатываясь из стороны в сторону, пробормотал:

– Диомид Илларионович!

– Что, Зосима Варлаамович?

– Чи я сыдю, чи лежу?

– Сидите, – ответил Жуков.

– Ну... пхны мене, – с трудом вымолвил Комаровский, роняя на грудь голову.

Жуков толкнул его. Комаровский упал на спину и, разбросав руки, сразу же захрапел. Онуфрий поглядел на него исподлобья, почесал затылок.

– Теперь с таткой будет нам морока.

– Почему? – спросил Жуков.

– До утра не разбудим, – пояснил Онуфрий. – Спят так крепко, хоть из пушки пали.

– Так нам же надо ехать, – обеспокоился Жуков.

Онуфрий молчал.

Прошел час. Комаровский пыхтел, храпел на все лады и не думал просыпаться.

А между тем солнце уже коснулось горизонта, и голубое небо сначала окрасилось в лилово-багряный цвет, потом быстро стало холодеть, темнеть.

– Ну что? – сказал Жуков. – Попробуем будить?

– Давайте, господин полковник, – отозвался Онуфрий, слезая с тачанки.

Жуков затряс Комаровского за плечи, но тот спал как убитый.

– Вот всегда так, – сказал Онуфрий. – Спят, пока выспятся, потом сами просыпаются.

– Нет... – протянул Жуков. – Это дело не пойдет!

Онуфрий наклонился над ухом отца, закричал:

– Татко!.. А татко! Вставайте!

Комаровский промычал и, открыв рот, с шумом выпустил руладу и захрапел еще сильней.

– А ну-ка, давай зажмем ему рот, чтобы нечем было дышать. Небось проснется.

– Можно и так, – согласился Онуфрий и, зажав отцу рот и нос, снова крикнул: – Просыпайтесь,

---

⁸⁶⁸ **Журиться** – печалиться, огорчаться, удручаться, унывать, сокрушаться. – прим. Гриня

татко, а то...

Комаровский начал задыхаться, взмахнул рукой и нанес сыну такую оплеуху, что тот отлетел в сторону, распластался на животе.

– Вот всегда так, – вставая, пробормотал Онуфрий.

Жуков плюнул с досады.

Прошло еще более двух часов, но Комаровский, как ни старались разбудить его, не просыпался. Тогда Жуков сказал:

– Знаешь что, Онуфрий, запрягай-ка лошадей.

Онуфрий вопросительно уставился на него:

– А татко?

– Положим его на тачанку и поедем, – ответил Жуков. – Не торчать же здесь нам всю ночь.

Так и сделали.

Выехав на дорогу, Онуфрий стегнул лошадей, и тачанка быстро покатила к хутору, скрытому непроглядной темнотой ночи. Вблизи глубокой балки Онуфрий вдруг заметил на дороге каких-то людей, хотел сообщить об этом Жукову, но те, схватив лошадей за уздечки, громко закричали:

– Стой!

Онуфрий в одно мгновение прыгнул с тачанки, во все лопатки пустился по высокому прошлогоднему бурьяну. За ним прыгнул и Жуков. Грабители вскочили на облучок, в намет погнали лошадей по дороге. Тачанка затарахтела в темноте и быстро скрылась.

Онуфрий подполз к Жукову, прошептал:

– Угнали тачанку, нечистые души! Может, это ваши люди?

– Пожалуй, они... – Жуков поскреб затылок. – Не надо было тебе бежать...

– Я ж... думал, что красные... разъезд какой-нибудь, – пробормотал Онуфрий.

– Да, сгоряча дали мы маху, – с досадой вырвалось у Жукова.

Тачанку действительно захватили бандиты. Они во весь опор катили на ней по звонкой дороге. Проскочили мимо Рогачей, Галенов и, приближаясь к Киргизам⁸⁶⁹, едва не столкнулись с группой всадников, внезапно появившихся перед ними в темноте.

Сидевший на облучке резко придержал лошадей. Остальные схватились за оружие. К ним подскочил Зубарев с несколькими бандитами. Узнав своих, он указал на Комаровского, лежавшего на тачанке:

– Кто это?

– А бес его знает, – ответил один из казаков. – Пьяный вдрызг. Привезем на бивак – разберемся.

Комаровский открыл глаза, приподнялся.

– Диомид Илларионович, – позвал он спросонья, – где ты?

Зубарев, узнав голос Комаровского, вскричал:

– Это вы, Зосима Варлаамович?

– Я... – Комаровский протер кулаками глаза. – А шо хибя?..

Зубарев громко захохотал.

– Ты гля, кого схватили! – воскликнул он. – Это же наш человек! Зосима Варлаамович Комаровский!

– Эге... – пробормотал Комаровский. – Отето ж... вин самый... А вы кто будете?

– Мы из партизанского отряда полковника Татарина, – ответил Зубарев, сдерживая пляшущего коня.

– А где же сын мой и... Диомид Илларионович? Они ж были со мной... – Комаровский начал разглядывать окруживших его бандитов.

Опять раздался смех.

– Наши ребята по ошибке схватили вас, – скачал Зубарев.

– Отето ж... значит, свой своих, шоб чужой духу боялся! – проворчал Комаровский. Он слез с тачанки, попросил Зубарева отойти с ним в сторону и, когда тот спешился, взял его за руку, шепнул на ухо: – Отето... Диомид Илларионович ехал ко мне из станицы Медведовской, от Ивана Петрика. Ему срочно надоть повидаться с полковником Татариновым. Так шо передайте Татаринову, хай вин

---

⁸⁶⁹ Из перечисленных в настоящее время существует только хутор Рогачи. В 1963 году хутор Киргизы был преобразован в село Комсомольское, но в дальнейшем селение было упразднено, а земли перешли в разряд сельхозугодий. – прим. Гриня

прииде ко мне завтра ночью. Мы будем его ждать. А зараз я поеду домой, а то уже зорька загорается.

Зубарев приложил руку к папахе.

– Передам обязательно, Зосима Варлаамович!

Комаровский сел на тачанку, ударил лошадей вожжами, покатил в обратную сторону.

Заря постепенно разгоралась. Лошади бежали дружно. Миновав Рогачи, Комаровский оглянулся по сторонам, покачал головой: «Отето выспался... Добре... шо напоролся на своих, а то бы...»

В предзвездных сумерках показался хутор Гарбузовая Балка, на окраине которого стоял цыганский табор. Слева зеленели густые камыши, плескались тихие волны лимана, справа широким пологом простиралась посева.

В центре хутора, среди невзрачных мазанок и подслеповатых домиков, возвышался особняк под оцинкованной крышей, сложенный из белого камня. Это был дом Комаровского. Все окна были закрыты дубовыми ставнями с железными прогонычами⁸⁷⁰.

Обширный двор с многочисленными подсобными постройками – конюшнями, сараями и амбарами – обнесен стеной из бутового камня, обсажен густой колючей акацией.

Комаровский поравнялся с шатрами. Его проводил долгим взглядом цыган, не спеша шагавший к лиману за водой. Комаровский въехал в улицу, остановил коней у тяжелых дубовых ворот, спрыгнул с тачанки и, повертев кольцо запертой калитки, окликнул:

– Эй, кто там?!

– Иду, Зосима Варлаамович, иду! – Из дальней клуни вышел колченогий старик без шапки и заспешил к воротам. За ним ковылял черный, кудлатый пес.

Усадьба Комаровского была построена в 1906 году, когда в России началось выделение крестьян на отруб⁸⁷¹. Потом вокруг нее стали селиться в ветхих халупах батраки Комаровского, и таким образом в десятом году появился хутор Гарбузовая Балка. Старики Комаровские умерли в тринадцатом году, и Зосима Варлаамович стал полновластным хозяином.

Из широких дверей дома выглянул с заспанными глазами Онуфрий. Комаровский подошел к нему, спросил:

– Где Диомид Илларионович?

– Спит, – ответил Онуфрий. – В кухне, на кушетке.

Два пастуха выпустили из летнего база большое стадо коров, погнали на пастбище. За ними пастушонок выгнал к лиману телят-сосунков и рябых свиней.

Комаровский вошел в кухню и распахнул окно. Жуков поднял голову.

– Это вы, Зосима Варлаамович?

– Я, Диомид Илларионович, – просипел Комаровский. – Отето токо приехал.

В кухню заглянула пышнотелая женщина лет сорока, низко поклонилась хозяину, сказала:

– Вас кличет Ефимия Никандровна.

– Зараз приду, – недовольно буркнул Комаровский.

Женщина удалилась.

– Кто это? – поинтересовался Жуков.

Комаровский махнул рукой:

– Моя служанка.

Стуча коваными каблуками о глинобитный пол, Комаровский зашагал в отдельную комнату, где лежала больная жена. Переступив порог, он открыл окно, и свежий воздух ободряющей струей полился в комнату. Из-под грязного клетчатого одеяла выглянула Ефимия, лежавшая на деревянной кровати. Худое лицо больной было землисто-серым. Бесцветные глаза сидели так глубоко, что их почти не было видно.

– Шо тебе? – раздраженно спросил Зосима Варлаамович. – А то... у меня чужой человек.

Ефимия выпростала из-под одеяла руку, похожую на плеть, с трудом поправила седые волосы, проговорила:

---

⁸⁷⁰ **Прогоныч** – болт. – прим. Гриня

⁸⁷¹ **Отруб** – земельный участок, выделенный из общинной земли в единоличную крестьянскую собственность. – прим. Гриня

– Ты хоть бы трошки посидел около меня...
– Отето у меня токо и дела, шо сидеть биля тебя, – грубо оборвал ее муж. – Нетути у меня времени. Бачишь... туточки...
Ефимия закрыла глаза, горько вздохнула:
– Ну, иди...

XIV

В субботу вечером коммунары с песнями возвращались с поля домой. Усталое солнце медленно опускалось за плавни.

Звон монастырских колоколов плыл над густыми камышами плавней. В храме правилась вечерня. Из открытых окон доносилось песнопение хора. Коммунары группами расходились по квартирам и, переодевшись, направлялись в столовую.

Когда совсем стемнело, к западным воротам подъехала пароконная линейка. На ней сидели полковник Жуков и цыган с вожжами в руках. Жуков соскочил на землю, подошел к коммунару, запиравшему ворота, сказал:

– Мне надо видеть председателя коммуны.
– Его нету дома, – ответил коммунар. – Уехал в Брюховецкую.
– А кто его заместитель?
– Чернышов.
– Позовите его, – попросил Жуков.

Коммунар глянул сквозь кусты цветущей сирени в глубь двора, крикнул:

– Эй, кто там? Покличьте сюда Чернышова!

Через несколько минут к Жукову подошел мужчина средних лет.

– Я Чернышов, – представился он. – В чем дело?

– Я уполномоченный из Тимашевского отдела, – отрекомендовался Жуков, не называя своей фамилии. – Приехал к вам, чтобы провести собрание среди коммунаров.

Чернышов окинул его взглядом, промолвил доверчиво:

– Что ж, добро пожаловать. Сейчас соберем народ, – Он окликнул коммунара, проходившего мимо колокольни: – Товарищ Мамцев, сзывай всех людей в столовую!

– Не всех, а только мужчин! – сказал Жуков.

– Чуешь, одних мужчин! – крикнул Чернышов Мамцеву и взглянул на цыгана: – А линейку и лошадей можно поставить на гостином дворе.

Через восточные ворота цыган въехал в гостиный двор, распряг лошадей и, закурив трубку, стал с любопытством разглядывать монастырские постройки. К нему подошел звонарь Сергей, протянул руки:

– Ты кто?

– А на шо тоби? – ответил цыган. – Полномочного я привез в коммунию.

– Полномочного? – переспросил Сергей. – Какого полномочного?

– Почем я знаю? – Цыган пожал плечами. – Из отдела он. В Гарбузову Балку приезжал. А теперь сюда

– Где же он? – допытывался Сергей.

– Вон биля колокольни стоит.

Сергей, держа настороже перед собой руки, зашагал по мощеной аллее. Жуков увидел его, мысленно с досадой воскликнул: «Экий черт лохматый! Прет сюда». Боясь встречи с ним, он взял Чернышова под локоть, направился к столовой. Казначей Герасим, заметив полковника, не подал даже виду, что знает его, подошел к Сергию, что-то шепнул ему. Тот свернул вправо, скрылся в колокольне.

В храме кончилась вечерня, и все попы, монахи разбрелись по своим кельям. Монастырское подворье погрузилось в ночную тьму.

В просторной столовой коммунары приготовили для докладчика стол, накрыли его красным полотном, зажгли керосиновую лампу. Столовая наполнилась гулом голосов, запахло табачным дымом.

К столу подошли Чернышов, Жуков и цыган. Все с любопытством поглядывали на докладчика, на его френч английского сукна, красные галифе и начищенные сапоги. Жуков сел за стол, положил

перед собой кубанку. Цыган примостился у окна.

Чернышов, закрывая ладонью свет лампы, сказал:

– Товарищи, просьба не курить в помещении.

– Пусть курят, – разрешил Жуков. – Дым не мешает.

Чернышов предоставил ему слово. Жуков встал, оперся руками о стол, медленно обвел взглядом собравшихся.

– Так вот, – начал он. – Я приехал из Тимашевского отдела, чтобы сделать доклад об укреплении коммун...

В это время с каюков на берег высадились полсотни бандитов под предводительством полковника Татарина. Там их уже ждали монахи-проводники. Под покровом ночи банда прокралась к монастырю, разделилась на две группы. Люди Зубарева двинулись за тремя монахами под отвесным берегом лимана, поднялись на кручу и через незапертую калитку проникли во двор пустыни. Из окон столовой в тьму лился тусклый свет. Зубарев подал сигнал к действию. Бандиты оцепили столовую. Зубарев с двумя казаками ворвался в трапезную, громко закричал:

– Ни с места!

Бандиты произвели залп из винтовок в потолок. Жуков выхватил наган из кобуры, застрелил Чернышова и своего возницу-цыгана, разбил лампу. В столовой поднялась страшная паника. Давя друг друга, люди с криком бросились в окна. Жуков выскочил из столовой, присоединился к группе Татарина, которая проникла во двор через пролом в ограде.

Из келий высыпали монахи, начали помогать банде. По всему монастырю гремели выстрелы, смешались с отчаянными воплями женщин и детей...

Каратели схватили старика Руденко, потащили к монашескому общежитию, где укрылись четыре коммунара.

– Эй, вы! – крикнул Татарин своим подчиненным. – Давайте его сюда! Пусть он гукнет дурням, чтоб сдавались.

– Сами гукайте, душегубы проклятые! – ответил им Руденко.

Его тут же застрелили, облили керосином и подожгли.

К окну кельи, в которой засела четверка мужчин, бандиты приволокли беременную женщину и заставили, чтобы она упростила их сдать. Обливаясь слезами, женщина стала просить коммунаров, чтобы они перестали сопротивляться. Но изнутри послышался голос Мироненко:

– Уходи, Анисья, а то и тебя можем ранить.

Монах Федор принес ведро керосина. Бандиты намотали на длинную палку тряпку, обмакнули в керосин и заставили Анисью поджечь внутреннюю ставню. Анисья поднесла факел к разбитому окну. Бандиты открыли стрельбу по образовавшейся дыре в ставне. Монах Федор выплеснул в нее весь керосин из ведра и бросил в келью горящие тряпки.

Корпус загорелся. Готин, охваченный пламенем, выскочил из окна, бросился бежать, но его тут же пристрелили. За ним выпрыгнул Мироненко. Бандит догнал его и зарубил пашкой. А Горбин и Пыльник так и остались в горячей келье...

Не пощадила банда и детского приюта. Детей стаскивали с кроватей, убивали, затем выбрасывали во двор...

Крики и выстрелы по всему острову не прекращались. Однако нескольким коммунарам все же удалось вырваться из кромешного ада. Одни из них укрылись в камышах, другие – в леднике, третьи – под храмом. Двое, переплыв лиман, добрались до Брюховецкой и сообщили о налете банды на коммуну.

Звонарь Сергей в отчаянии бегал по всему двору, освещенному пожаром, громко взывал:

– Братия, остановитесь, что вы делаете? Опомнитесь! Зачем это?

Поп Ярон схватил его за руку, прошипел:

– Уходи подобру-поздорову, брат Сергей. Не мешайся в эти дела.

– Не гневи бога, отец Ярон! – простонал Сергей. – Разве можно убивать невинных?!

Ярон оттолкнул его, побежал к горевшему приюту, вокруг которого неистово кричали дети.

Сергей устремился по аллее, продолжая отчаянно взывать:

– Не надо, братия! Это же великий грех. Уймитесь, бога ради!

Женщин и детей бандиты согнали к храму, поставили на колени.

– Молитесь! – приказал им Татарин, – Просите у господ бога прощения за то, что пошли в коммуну, противную вере христианской.

Не избежал смерти и председатель коммуны Науменко. Бандиты схватили его у лимана, когда он возвращался из Брюховецкой. Стащив с бедарки, они долго били его, потом закололи и бросили в камыши.

До рассвета буйствовала банда на «святом острове». А утром согнала уцелевших женщин и детей на берег лимана.

У монастырской стены остановилась тачанка. Зубарев сорвал с пулемета брезент, дал длинную очередь поверх голов оставшихся в живых. Потом на тачанку поднялся Татаринов, крикнул обезумевшим от страха:

– Убирайтесь на все четыре стороны! А еще раз пойдете в коммуну – тогда пеняйте на себя!

Женщины толпой двинулись по дороге в станицу Переясловскую⁸⁷².

* * *

Татаринов выставил охрану в хуторах, лежавших вблизи от монастыря, и без боя захватил Чепигинскую... Но тут в станицу подоспела красная конница под командованием Виктора Левицкого и Белоброва – командира чоновского отряда станицы Брюховецкой...

В дом бывшего правления вбежал старший дозорный, в паническом страхе доложил Татаринову:

– Господин полковник, красные!

Татаринов выбежал на крыльцо, закричал:

– По коням!

Бандиты, находившиеся во дворе, мгновенно очутились в седлах... По улице неслись красные конники. Татаринов, не принимая боя, рванулся с бандой в сторону бейсугских плавней.

Виктор Левицкий со своей учебной ротой настиг его под хутором Стефано-Федоровым⁸⁷³. Завязался рукопашный бой...

В монастыре все еще находилась охрана, выставленная Татариновым. Коммунары, укрывшиеся в камышах, подвалах и колодце, с нетерпением ожидали прихода своих.

В одиннадцатом часу дня на дворе со стороны Чепигинской показался отряд конников. Увидев красное знамя, реявшее в голове колонны, дозорный закричал:

– Хлопцы, тикайте! Красные! – И пустился берегом лимана к стаду коров, пасшихся поблизости от монастыря.

Белобров приказал трем чоновцам догнать бандита. Те отделились от отряда, поскакали по зеленым.

Дозорный подбежал к пастухам.

– Братцы! – взмолился он, дрожа от страха. – Спасите меня. Скажите, что я вместе с вами пасу скотину.

Пастухи молча, с ненавистью смотрели на него. Чоновцы подскакали к ним, спешили. Один из них схватил бандита за грудь и со всего плеча ударил кулаком в ухо. Бандит упал, затем вскочил, бросился бежать, но чоновцы догнали его, пустили в ход плети.

– Я не виноват! – закрывая руками голову, вопил схваченный. – Это все Жуков и Татаринов!

Отряд Белоброва подъехал к монастырской стене, где вдоль берега лимана лежали расстрелянные и зарубленные коммунары. Чоновцы слезли с коней, в скорбном молчании обнажили головы.

К ним подвели пойманного. Белобров обжег его гневным взглядом:

– Бандюга! Где же твое оружие?

– Не было у меня оружия! – заскулил пленный.

Перед ним, словно из-под земли, вырос поп Ярон.

---

⁸⁷² **Переясловская** – станица расположенная на правом берегу реки Бейсуг, напротив станицы Брюховецкой. – прим. Гриня

⁸⁷³ Хутор Степано-Федоровский (позднее – **Стефано-Федоров**) – хутор на дороге из станицы Чепегинской (в честь атамана Чепеги, сейчас – Чепигинская) в станицы Бриньковскую и Привольную. И дорога, и хутор сейчас не существуют. – прим. Гриня

– Не лги, раб божий! Это ты зарубил старуху Руденко, что на костылях ходила. Я все видел.

– Так я... шоб она не мучилась, – пробормотал бандит, не поднимая головы. – А попервах ее ранил Федька... – Затем, спохватившись, он окрысился на попа: – А вы? Все монахи и попы помогали громить коммуны, давали патроны нашим казакам, указывали, где прятались коммунары. А керосин приносил отец Федор.

Ярон в страхе и со слезами на глазах упал на колени, трижды перекрестился на прибитую к западным воротам картину «Возрождение животворящего креста», медленно поднялся и зашагал рядом с пленным во двор монастыря. Аллея во многих местах была залита густой кровью. Во дворе – ни души. Укрывшись в двух церквах и храме, монахи и попы били поклоны, молили бога о заступничестве.

Белобров вошел в храм и, подняв руку, сказал:

– Хватит! Выходите!

Монашеская братия, поспешно крестясь, повалила из распахнутых дверей храма. Под конвоем чоновцев из церкви вышла другая партия монахов. Всех их выстроили в колонну у сгоревшего монастырского общежития. Белобров подошел к ним, указал на лужи крови:

– Ну что, святые отцы, напились народной крови? По божьему велению разбойничали или как? «Братия во кресте» молчала.

Из подвалов выходили женщины и дети. Двор наполнялся плачем, проклятиями, криками. В монахов полетели палки, камни.

Вскоре из камышей начали возвращаться спасшиеся коммунары. Вынесли из сгоревшего общежития трупы погибших товарищей, положили рядом с теми, которые были снесены на берег лимана.

Из колокольни вышел Сергей.

– Братия! Братия! – зывал он, вытянув руки вперед. – Где ваш командир? Поведите меня к нему.

– Кто это? – опросил Белобров у плачущей коммунарки.

– Отец Сергии, звонарь, – ответила та. – Добрый человек.

– Где командир? – продолжал зывать Сергии.

С чердака трапезы⁸⁷⁴ хлопнул винтовочный выстрел. Сергей вздрогнул, схватился за грудь и замертво упал на землю.

Чоновцы рванулись к трапезе, и через несколько минут приволокли труп рыжебородого монаха, убитого ими в короткой схватке на чердаке.

К монастырю прибыли еще подводы, остановились на берегу лимана. Чоновцы уложили на них погибших коммунаров, и траурный обоз медленно двинулся в Брюховецкую.

Всех черноризников выстроили в колонну, отправили под усиленным конвоем вслед за обозом.

На пасеке, где был убит председатель коммуны Науменко, Ярон вдруг остановился, стал на колени, перекрестился на монастырь, белевший за лиманом, и объявил со слезами на глазах:

– Стреляйте меня здесь, дальше не пойду.

К нему подошел старший конвойный:

– Не дури, поп, вставай!

Ярон сложил руки крестом на груди, прохрипел:

– Не пойду я, раб божий... Все едино смерть...

Попы и монахи молча смотрели на него, иступленно крестились.

– Ты что, глухой? Сказано тебе, встать! – прикрикнул конвойный на Ярона, но тот не поднимался, раз за разом бил земные поклоны...

XV

Евсей только что отправил в соборе вечерню и вернулся домой, в квартиру, в которой раньше жил епископ Иоанн.

Время было позднее. Евсей, не зажигая лампу, открыл окно, чтобы проветрить комнаты, снял

---

⁸⁷⁴ **Трапеза** – помещение для еды, столовая в монастыре; общий стол для приема пищи в монастыре; прием пищи; западная часть христианского храма. – прим. Гриня

с себя подрясник и вынул из буфета бутылку коньяка.

Послышался условный сигнал: три тихих удара в дверь. Евсейий поспешил на веранду, щелкнул засовом.

Вошла овдовевшая офицерша, закутанная в черную шаль.

– Ты один? – спросила она шепотом.

– Да, да, конечно, – ответил Евсейий.

Он запер дверь, проводил гостью в зал. Она покосилась на открытое окно.

– У тебя очень свежо...

В это время еще кто-то постучал в наружную дверь. Евсейий и офицерша замерли. Стук повторился.

– Кто это? – испуганно спросила офицерша.

– Не знаю... – пробормотал Евсейий. – Сейчас погляжу. – Он вышел на веранду, спросил: – Кто там?

Из-за двери донесся приглушенный женский голос:

– Это я... ваше преосвященство... мать Рафаила...

Евсейия бросило в жар. Растерянно оглянувшись в сторону зала, он отпер дверь и, как только игуменья переступила порог, проговорил с притворным изумлением:

– О, кого я вижу!

– Тише, тише, бога ради! – выдохнула игуменья и, не дожидаясь приглашения, направилась в зал.

Офицерша бесшумно взобралась на подоконник и выпрыгнула на улицу.

– А я сегодня днем была у своего земляка Левицкого, – сообщила игуменья, входя в зал. – За ним моя бывшая келейница, Софья Калита. Оказывается, он принимал участие в разгроме партизанского отряда Татаринова.

Евсейий окинул глазами зал и, не найдя в нем своей ночной посетительницы, облегченно перевел дух, оживился.

– Да, не повезло Татаринovu, – сказал он глухо. – Красные расстреляли всех, кто участвовал в разгроме коммуны.

– Как, неужели всех? – побледнела игуменья.

Евсейий взмахнул руками:

– Это, пожалуй, и к лучшему. По крайней мере, никто не выдаст нас. Насколько мне известно, уцелели только отец Гурий да игумен Дорофей, которые во время налета находились здесь, в городе. Боюсь, как бы их тоже не схватили. Испугаются, развяжут языки.

– Где же они сейчас? – спросила игуменья.

– Отец Гурий где-то в плавнях, а игумен уехал в Кавказский миссионерский монастырь. – Евсейий указал на кресло. – Присаживайтесь, милости прошу! – И поинтересовался: – Ну, а как у вас дела? Я слышал, что под Армавиrom начал активно действовать отряд полковника Окорокова.

– Да, это верно, – подтвердила игуменья. – Сейчас ему помогает со своим отрядом наш есаул Бородуля.

– Ну, а отец Макарий как поживает у вас? – спросил Евсейий.

– Ничего. Уже правил службы, – ответила игуменья. – Битин – славный старик.

Она рассказала ему о работе, проделанной ею среди богомольцев, посещающих монастырь.

– Хорошо, хорошо! – сказал Евсейий, – Значит, подготовка к восстанию идет полным ходом. В других монастырях дела тоже неплохи, если не считать Лебяжский. Большинство верующих уже ознакомлено с нашим воззванием, – Он закрыл окна, зажег свет.

Игуменья увидела на диване шаль.

«Растяпа!» – подумал Евсейий с досадой об офицерше и объяснил:

– Сегодня женщины убирали здесь. Кто-то забыл платок. – Он повесил шаль в гардероб и вернулся к прерванному разговору, – Сейчас все христиане готовятся к свержению большевистского режима. Патриарх Тихон уверен в успехе нашего дела. В ближайшее время на Черноморском побережье должны высадиться кадровые офицеры, прошедшие в Константинополе, на лесных разработках Улагая⁸⁷⁵, соответствующую подготовку. Они-то и возьмут на себя руководство

---

⁸⁷⁵ После прорыва Красной армии через Перекоп в ноябре 1920 года, уйдя в эмиграцию, генерал С. Г. Улагай проживал сначала в Королевстве Сербов Хорватов Словенцев, затем переехал во Францию, где поселился в Марселе.

восстанием на Кубани.

– Ну, а что в епархии после смерти Иоанна? – спросила игуменья.

– О, теперь епархия в моих руках! – воскликнул Евсевий. – Раскольники и нераскольники объединяются. Правда, есть еще такие, как протоиерей Делавериди и Гангесон. Они пока сопротивляются, пакостят мне, но все равно покорятся. Разумеется, о существовании нашей подпольной организации знают только самые проверенные. Постепенно я расширяю сеть агентуры. Так, например, в коммунхозе⁸⁷⁶ у меня – юрисконсульт Попов, кандидат богословия; в исполкоме – Лисунова; в кооперации – Соколова; на почте – два агента. Словом, колесо закрутилось...

– Боже, как это хорошо! – умиленно прослезилась игуменья. – В моем сердце снова появилась надежда.

* * *

По Кубани шагала буйная весна. В прозрачной лазури неба звенели жаворонки, трубили журавлиные стаи.

Закубанский лес между станицей Краснодольской и Успенской пустыню покрылся молодой листвою, огласился неумолчным птичьим гомоном. В полях быстро шла в рост изумрудная озимь. На лесных полянах цвели ландыши, фиалки.

Чуть свет Ропот запряг лошадь, взял косу и отправился в лес за травой. Жадно вдыхая пахучий, исцеляющий дух весны, он не ощущал ни боли в шее, ни ломоты в костях, хотя страшные рубцы все еще напоминали ему о недавних тяжких мучениях.

Въехав в лес, он остановился у небольшой поляны, заросшей высокой, сочной травой, привязал лошадь к дереву и, взяв косу, поплевал на ладони: хотел было с ходу приняться за косьбу, и вдруг заметил на противоположном берегу мелководной речушки грот и беседку под вербовыми ветвями. Поглядев на них из-под руки, взмахнул косой. Трава ровным валком ложилась у его ног. Пройдя ряд, Ропот остановился, снова посмотрел на грот, затем развернулся и ритмично замахал косой, издававшей легкий звенящий шум.

Кто-то остановился за его спиной. Ропот резко обернулся, увидел перед собой монаха.

– Вы что здесь делаете? – спросил Ропот, охваченный невольным замешательством.

– Сторожу криницу, – ответил монах, почесав кончик носа.

Ропот заметил щербинку в его нижних зубах, и она, эта щербинка, показалась ему очень знакомой. Он силился вспомнить, где видел этого монаха, пристально всматриваясь в его лицо. Монах постоял немного и, не сказав больше ни слова, поспешно направился к гроту. Ропот проводил его долгим взглядом, опять принялся за работу. Но мысли о монахе не покидали его, и он то и дело поглядывал за реку.

«Где я его видел? – думал он. – Черное лицо, горбатый нос. Эта щербина».

Так и не узнал он Луку. А тот наблюдал за ним из окошка и почему-то испытывал страх: уж больно подозрительно заглянул ему в глаза косарь.

Ропот сложил на телегу траву, взял вожжи и, еще раз поглядев на грот, поехал по лесной дороге. Лука нервно задернул ширмочку на окне, хотел было достать из погребка бутылку с самогоном, но тут к нему постучали. Он вздрогнул, не сразу отпер дверь. У порога стояли две молодые монахини.

– Мы к тебе, Нифонт, в гости...

– Проходите, проходите, – осклабился Лука, впустил их в комнату, закрыв дверь.

Монахини развернули платок, поставили на стол две бутылки самогона, закуску, и одна из них, отвесив низкий поклон, пропищала:

– Милости просим!

Гости оживились, уселись за столик. Чокнулись, выпили, начали болтать. Хмель быстро туманил им головы. Лука бесцеремонно тискал то одну, то другую монахиню, потом вдруг вскочил

Известно, что осенью 1922 года Улагай находился в Константинополе и занимался планированием отправки на Кубань террористических групп. О подобных планах упоминается в донесениях и весной 1923 года. – прим. Гриня

со стула, крикнул:

– Эй, голубоньки, хотите, я вам покажу что-то?

– Покажи, покажи! – пылая жаром, отозвалась черноглазая монашка.

Лука вывел их из грота, взбежал на крутой берег, отпер сарайчик и выкатил выточенную из самшита коляску.

– Ну как, хороша моя карета?

– Неужто сам сделал? – удивились монахини.

– Да, собственноручно. Вот только некого запрягать в нее.

– А ну-ка, садись! – взвизгнули монашки. – Мы прокатим тебя.

Лука проворно взобрался на коляску, монахини впряглись в нее, помчались к хутору Драному.

Из-за калинового куста вынырнули несколько крестьянок. Увидев необыкновенное зрелище, они сначала покатались со смеху, потом принялись стыдить отшельниц.

– Надумали возить такого борова! Ну и святоши!

Монахини повернули назад, во весь дух покатали коляску к гроту. Лука сидел на ней как ни в чем не бывало.

В гроте снова пошла попойка. Вскоре Лука так нагрузился самогоном, что уже не мог ворочать языком, повалился на кровать и захрапел. Все попытки монахинь разбудить его оказались тщетными. Плюнув с досады, черноглазая сказала:

– Пойдем, сестра... Теперь с него пользы, как с козла молока.

Скрипнула дверь, и черницы без оглядки скрылись в лесу. Распахнутая дверь раскачивалась на ветру, словно скулила. На ту пору проходили три молодайки из хутора Драного. Из любопытства они заглянули в грот и, найдя монаха в полубесчувственном состоянии, решили поозорничать: отрезали ему бороду, патлы и укоротили рясу до пояса.

На закате солнца Лука проснулся, сладко зевнул, заглянул в зеркало, и глаза его наполнились ужасом. Бранясь на чем свет стоит, он ошалело заметался по гроту. Положение его действительно было аховое: в таком виде не показаться людям!

Как назло в комнату нежданно-негаданно ввалился Мирон. Едва переступив порог, он уставился на монаха, застыл на месте. Лука съежился, протянул скуляще:

– Захарыч, ты посмотри, что со мной сделали...

– Да кто же енто тебя так спаскудил? – спросил Мирон, оглядывая его со всех сторон. – Ну-кася, повернись.

Лука, держа перед собой согнутые руки, потоптался на месте, заскрежетал зубами:

– Видать, эти... Ведьмы... Посмеяться вздумали.

– Эко отбрили тебя, брат! – покачал головой Мирон. – А я за тобой пришел. Мать благочинная требует. Видать, наставление какое-то хочет сделать. Завтра-то воскресенье, паломники придут к кринице. А ты... совсем припух, вроде петуха общипанного. Ну, я так и доложу ей.

– Упаси тебя бог! – воскликнул Лука. – Скажи ей, что на меня корчий напал⁸⁷⁷.

– Что ж, могу и соврать. – Мирон развел руками. – Енто все можно, токо борода и космы у тебя-то до завтра не отрастут. Да и отхваченные полы на твоей рясе не откуль не возьмутся. А мать благочинная ить может заглянуть к тебе, поглядеть на твое житье-бытье.

Лука схватился за голову.

– Позор! Позор!

– Впрочем, после такого конфузу я бы на твоем месте не задерживался тут, – посоветовал Мирон. – Ить совсем засмеют. – Он скрипнул дверью, вышел.

Лука обессиленно сел на кровать.

XVI

Вечером Ропот вышел из хатенки, присел на завалинке, закурил. Жена обратила внимание на его мрачный вид, спросила обеспокоенно:

– Ты что такой хмурый сегодня?

---

⁸⁷⁷ **Корчий напал** – скорчило, согнуло пополам от боли, особенно в животе. *Корчи* – судороги, спазмы. – прим. Гриня

– Что-то неладно на душе, – признался Логгин Прокофьевич, – Видел я утром в лесу одного человека. Кажись, встречался с ним где-то, а вот... хоть убей, не вспомню где.

– А зачем он тебе? – промолвила Анисья. – Не вспомнишь – и не дюже нужно.

– Да нет, – возразил Логгин Прокофьевич. – Не выходит он из моей головы, стоит перед глазами.

Ночью он все так же думал о монахе, не мог уснуть. Снова и снова перебирал в памяти всех знакомых, давние и недавние встречи. И вдруг в его голове пронеслась обжигающая мысль: «Да это же „черный человек“!» Он широко раскрыл глаза, вскочил с постели, закричал:

– Вспомнил!.. Вспомнил, Анисья!..

Анисья оперлась на локоть, испуганно пробормотала:

– Ты что?.. Чи с ума сошел?

– Нет, не сошел! – ответил Логгин Прокофьевич. – Все вспомнил, понимаешь, все. Енто тот палач, который казнил нас на Мзымте, рубил мне шею! Никакого сумления теперь нет. Зараз нужно итить за чоновцами и схватить гада! – Он быстро оделся, нахлобучил фуражку, бросил на ходу: – Не жди меня скоро, Анисья! Приеду утром!

Он прибежал к Левицкому, постучал в окно:

– Лаврентий Никифорович! Выдь сюда, да скорее.

Лаврентий вышел в сени, прохрипел спросонья:

– Шо стряслось?

Логгин Прокофьевич, дрожа и заикаясь от волнения, объяснил ему все и сказал в заключение:

– Бери чоновцев и айда в лес зараз же. Надо немедля схватить катюгу! Вот.

* * *

Через полчаса чоновский отряд выехал из Краснодольской и, перемахнув мост, помчался к лесу. Впереди ехали Ропот, Левицкий, Норкин и Вьюн. Спешились у дороги, бесшумно пробрались к гроту. Вьюн стал у стены, постучал прикладом карабина в дверь.

– Эй, кто там есть?

Никто не отзывался. Вьюн повысил голос:

– Слышишь! Открывай дверь!

И снова никакого ответа.

– Вишь, притаился, каналья, – буркнул Вьюн.

– Ты гляди, а то ешо пальнет в окно, – предупредил его Левицкий.

– А я и сам могу пальнуть! – ответил Вьюн.

– Придется дверь ломать, – сказал Норкин.

Лаврентий поскреб затылок.

– А может, его нет дома?

Вьюн дернул за ручку, дверь широко распахнулась.

– О! Да тут никого нет! – воскликнул Логгин Прокофьевич.

* * *

Под вечер в монастырь со своим отрядом явились Бородуля и Матяш. Все были под хмельком. Привязав коней к забору, бандиты столпились у общежития монахинь. Навстречу Бородуле вышла мать Иоанна, заглянула в лицо, прошамкала:

– Никак, Игнат Власьевич?

– Он самый, матушка, – пробасил Бородуля. – Нам нужна мать игуменья.

– А ее нет дома, – ответила старуха. – В город уехала.

Бородуля с досадой обернулся к Матяшу:

– Не повезло нам...

Мать Иоанна покосилась на бандитов.

– Игнат Власьевич, богом прошу, пусть ваши хлопцы не заходят к монашкам.

– Никто не тронет ваших монашек! – резко бросил Матяш.

Мать Иоанна пригласила Бородулю и Матяша в приемную.

– Сегодня и завтра мы побудем у вас в монастыре, – объявил ей Бородуля. – А потом двинемся в горы.

Старуха растерянно развела руками:

– Но как же без матери игуменьи?

– погоди, матушка! – прервал ее Матяш. – Мы только переночуем и смоаем удочки. Дюже устали с дороги. Из-под Армавира без передышки. Как черти грязные.

– Да и вшей погонять надо, – добавил Бородуля.

– Боже мой! – взмолилась мать Иоанна. – Вы и нам напустите.

– Ничего, вша, она тоже тварь божья, – усмехнулся Матяш.

– Не знаю, что и делать с вами. Как бы ваши хлопцы опять охальничать не начали. Они уж и так причинили нам немало сраму.

– Не беспокойтесь, – заверил ее Бородуля. – На этот раз все будет хорошо.

– Ну, бог с вами, – вздохнула мать Иоанна. – Занимайте старое общежитие.

Во второй половине дня из Краснодара вернулась игуменья. С нею приехали Евсей и Александр. Последние, переговорив с Бородулей и Матяшом о своих насущных делах, выехали в Кавказский Николаевский миссионерский монастырь к игумену Дорофею, скрывавшемуся там после разгрома коммуны «Набат»...

Наступила ночь. Банда Бородули и Матяша также покинула монастырь и под покровом темноты помчалась по лесу, в сторону коммуны...

Игуменья спустилась к себе в келью. Мать Иоанна подала ей трапезу и, отвесив поясной поклон, удалилась. Но не прошло и пяти минут, как она вбежала в келью и объявила трясущимися губами:

– Матушка, какие-то военные вас спрашивают!

Игуменья оторвалась от еды, настороженно спросила:

– Наши... или?

– Не разглядела я в потемках, – ответила старуха.

– Просите их.

В келью вошел сотник Курунин в бурке и черной папахе. Он вскинул руку к виску и указал на Юдина, остановившегося на пороге:

– Честь имею представить вам брата Тимофея Харитоновича Мазаева – Пимена. Мы по весьма важному делу, матушка.

– Позвольте... – Игуменья взглянула на парный портрет Мазаевых, висевший на стене. – А вы, кажется...

– Потом, потом, матушка! – остановил ее Курунин, – Я должен сию же минуту покинуть вас до завтрашнего вечера. Разговор с вами будет вести Пимен Харитонович. – Он помахал ей рукой. – Не скучайте!

Игуменья любезно улыбнулась.

– Я очень рада видеть вас, Пимен Харитонович. Наконец-то мне удалось свидеться с вами. Раздевайтесь. – Отослав мать Иоанну, она добавила ласково: – Будьте как дома, голубчик.

Юдин снял папаху, причесал перед трюмо волосы, поправил светло-серую черкеску под казачьим поясом, на котором висели шашка, кинжал и браунинг.

– Я, собственно говоря, приехал к вам по рекомендации.

– По чьей, осмелюсь спросить? – поинтересовалась игуменья, глядя ему в глаза.

– Зои Львовны Пышной.

– Где вы с нею встречались?

– В Краснодаре. Еще до ее ареста. Вскоре после отъезда из города Веры Романовны Лихачевой.

– Видимо, это после того случая, – намекнула игуменья.

– Совершенно верно! – подхватил Юдин, хотя не имел никакого представления, о каком «случае» шла речь.

– Прошу, присаживайтесь, – указала игуменья на диван и, когда Юдин сел, спросила: – С каким же делом вы пожаловали ко мне?

– Я приехал к вам с гор, – объявил Юдин. – В частности, мне нужны сведения, есть ли в ваших краях наши люди и кто ими руководит?

Игуменья улыбнулась:

– Да, люди у нас есть... В третьем часу ночи они должны быть у меня. Это небольшой отряд есаула Бородуля, действовавший в районе Армавира с партизанами полковника Окорокова.

– Об Окорокове я знаю, – сказал Юдин.

– Ну, а Бородуля только вчера вечером прибыл сюда, – сообщила игуменья.

– Где же он сейчас?

– Вы о Юдине что-нибудь слышали? – неожиданно спросила игуменья.

Юдин пожал плечами:

– Кто такой?

– Уполномоченный особого отдела. Здесь, в коммуне, живет. Я ни разу не видела его в глаза, но он причинил мне очень много неприятностей. – Игуменья усмехнулась. – Мы решили убрать его. Вот за ним-то и отправился Бородуля со своим отрядом, чтобы привезти его ко мне, живого или мертвого.

– Ясно... – протянул Юдин. – Не мешало бы взглянуть на него.

– Будем надеяться, что Бородуля предоставит нам такую возможность, – уверенно заявила игуменья.

Юдин посмотрел на стенные часы: стрелки показывали четверть третьего. Из коридора донесся какой-то шум.

– Кажется, они, – оживилась игуменья. – Сейчас взгляну.

– Нет, это не они, – бросил Юдин и направил на нее браунинг. – Ни с места! Вы арестованы.

Побледнев, игуменья отшатнулась к спинке кресла, проговорила чуть слышно:

– Вы шутите, Пимен Харитонович?

– Я не Пимен! Я тот, за которым отправился Бородуля. Я – Юдин!

Игуменья оцепенела от ужаса. В комнату вбежали Мечев и Леонид Градов, обыскали переднюю и спальню. Юдин закурил, сказал арестованной:

– Собирайтесь.

Игуменья все еще не могла опомниться. Юдин снял с вешалки ее мантию, приказал своим бойцам:

– Оденьте ее, ребята, и – на тачанку.

Мечев и Градов закутали арестованную в хламиду, подхватили на руки, вынесли из кельи. Мать Иоанна подняла в общежитии крик. Старухи монахини заголосили, как по покойнику.

В третьем часу ночи в монастырь вернулся Бородуля с пятью всадниками. Навстречу ему выбежала мать Сергия, задыхаясь от слез и страха. Бородуля схватил ее за плечи, сказал:

– Передай матери игуменье, что Андрей отказался ехать в коммуну, в горы повернул, подлюка!

Из темноты вынырнула мать Иоанна, завопила.

– Беда, Игнат Власьевич! Матушку игуменью схватили, увезли. Догоните их, догоните! Богом молю!

Из-за облаков выглянула луна. И тотчас же из засады выскочили чоновцы. Затрещали винтовочные выстрелы. Четыре верховых бандита свалились с лошадей, а пятый наметом пустился через двор, перемахнул штaketник у второго общежития, скрылся в саду. Бородуля рванулся в коридор, затем – в библиотеку и – как в воду канул.

– Куда же он девался? – недоумевал Мечев, шаря со свечой в руке по библиотеке. – Я же видел, как он сюда вскочил.

– А может быть, он на горище пробрался? – сказал Градов. – Глядите, нет ли дыры в потолке.

– Товарищи! – закричал один из чоновцев. – Вот ляда в полу!

Все бросились к нему, приподняли крышку. Из подполья грянул выстрел, но пуля, никого не задев, вонзилась в книжный шкаф. Став за выступ стены, Градов крикнул:

– Вылазь, господин есаул. Все равно не уйдешь! Даю одну минуту на размышление, а потом гранату в твою нору шугану!

Бородуля высунулся до пояса из люка, держа перед собой обрез.

– Гукните сюда Юдина, – попросил он.

– Зачем тебе Юдин? – спросил Градов.

– Нужен... Поговорить надо...

– Ишь, чего захотел!

Мечев выстрелил из-за перегородки, ранил Бородулю в плечо. Тот хотел нырнуть назад в подполье, но зацепился обрезом за край люка и одновременно нажал на спусковой крючок.

Сраженный насмерть своей же пулей, он рухнул с лестницы в подвал.

XVII

Матяш с горсточкой казаков уходил все дальше и дальше от родных мест в горы. Пробирался больше по ночам, а днем таился в лесах и ущельях.

Миновав Сторожевую, он двинулся в Бахмут. Вокруг теснились громадные утесы. Каменные глыбы нависали над ущельями, пропастями и преграждали путь на каждом шагу.

Под вечер Матяш остановился у балки Черемухи⁸⁷⁸, решил заночевать. Облюбовав место в небольшой еловой роще, казаки соорудили курень, сварили в котелках мясо, начали ужинать. Солнце еще висело над горами, но в котловинах и щелях уже сгущались сумерки. Где-то внизу ревел Уруп.

После ужина Матяш внимательно оглядел в бинокль скалы и, не обнаружив ничего подозрительного, полез в шалаш, где уже лежали казаки..

Около полуночи из-за гор выплыла луна, осветила мрачные каменные громады, шалаш и девушку, которая осторожно кралась к нему... До шалаша уже рукой подать...

Часовой, стоявший на посту у лошадей, щелкнул затвором карабина, окликнул:

– Стой! Кто идет?

– Опустит винтовку, – узнав своих, отозвалась девушка. – Я из отряда Белова. Нас тут красные разбили. И вот я целую неделю брожу по горам.

На шум вышел Матяш.

– Антонина Демьяшкевич? – удивился он.

Антонина поправила белую папаху.

– Я самая!

– Где же вас разбили? – спросил Матяш.

– Под Сторожевой... Полковник Белов бежал с несколькими казаками, а я отстала от них. Лошадь у меня была убита.

– Так ты небось и голодная?

– А то... Как собака...

– Ну, лезь к нам в курень, – пригласил ее Матяш. – Мясо у нас есть и хлеб белый.

Он достал из своей сумки ломоть хлеба, вынул из котелка мясо и подал ей. Антонина с жадностью принялась за еду.

– Тут где-то недалеко братья Крым-Шамхаловы со своим отрядом, – сказал Матяш. – К ним мы пробираемся. Говорят, они лошадей здесь добывают... переправляют через Архыз в Карачай и там продают.

– Что ж ты ела в эти дни? – полюбопытствовал один из казаков.

– Коренья, ягоды, дичь разную, – ответила Антонина. – Варить только не в чем было, сырым питалась... Ночью забиралась в такие места, что никакой хищник не мог достать меня...

– Ну, отдыхай, – сказал Матяш

Антонина положила карабин под стенку шалаша, сняла с себя пояс, на котором висели наган, шашка и кинжал, легла на охапку сена и сразу уснула...

Проснулась она, когда в занавешенную брезентом дверь шалаша пробился первый луч, толкнула Матяша:

– Эй, ты! Как тебя?

Матяш поглядел на нее через плечо.

– Ну, Андрей, – отозвался он. – Забыла, что ли?

– Да черт те знает, – почесываясь, сказала Антонина. – Из кубышки выпало.

– Чего тебе? – спросил Матяш.

Антонина зевнула:

– А ты знаешь, где твоя эта... зазноба?

– Какая?

---

⁸⁷⁸ Река Черемуховая – левый приток реки Уруп, протекает по ущелью между хребтами Черемуховый и Урупский. Впадает в Уруп выше по течению аула Бахмут (сейчас – село Уруп). – прим. Гриня

– Да Авка.

– Знаю... В отряде она.

– Эге-ге! Поминай как звали. Вампиры в пещере ее заели. Насмерть.

У Матяша заныло сердце.

– Зачем же она туда пошла? – спросил он.

– Бог ее знает, – вздохнула Антонина. – Говорят, заболела малярией и зашла, чтобы перележать. Ну, на нее и напали кровососы.

– Глупая, – промолвил Матяш.

Казачьи просыпались, выходили из шалаша. В котловинах и на склонах гор еще лежал густой туман. В тесном угрюмом ущелье шумел неугомонный Уруп. Казачьи напоили лошадей, собрали на бурках завтрак.

– Что же за люди были в отряде Белова? – поинтересовался Матяш.

– Подъесаул Минаков... Еще два казачьих офицера, а остальные рядовые, – ответила Антонина.

– Не обижали они тебя?

Антонина промолчала. Ее красивое, опаленное горным солнцем и ветрами лицо с темно-серыми глазами под черными дугами бровей показалось Матяшу нерусским.

«Уж не жидовка ли она? – подумал он, невольно любуясь ее красотой. – Хороша, чертовка! А постареет, глаза, как у рака, на лоб полезут».

Казачьи поглядывали на Антонину с любопытством и некоторой подозрительностью.

– Ты из какой станицы? – обратился к ней казак, сидевший рядом.

Антонина покосилась на него, ответила:

– Из Кардоника... Батько мой – ветеринарный фельдшер.

– Казак?

– Нет.

– А кто же?

– А черт те знает! – дернула плечом Антонина. – Говорят, дед мой из польских евреев. У нас в Кардонике таких, как мой батько, много. Некоторые переменяли фамилии...

– Чув я, шо в Баталпашинском отделе полно евреев, – заметил угрюмый казак. – И видкиля их только нанесло туда.

Матяш задержал взгляд на Антонине, подумал: «Каким же образом ты влезла Хвостикову в душу? Он же ненавидел вас, иудеев. Видать, сумела».

После завтрака отряд двинулся дальше, ведя лошадей в поводу. Пробираясь по балке Черемухе, казаки увидели во второй очхазде стадо коров и баранов.

– Чей же это скот? – озадаченно промолвила Антонина – Что-то не видно людей.

– А может быть, здесь красные? – сказал Матяш.

Из ельника вышли два человека в бурках. Матяш навел на них бинокль, но не смог рассмотреть лиц.

– Надо разведать, – предложила Антонина. – Я схожу туда.

– А ежели красные? – предостерегающе заметил Матяш.

– Ну что ж, – улыбнулась Антонина. – Сбрешу что-нибудь.

– Пусть ходит, – буркнул угрюмый бородач. – С девки какой спрос. Может, и не тронут ее.

Тем временем те двое, что появились из ельника, обошли стадо, постлали бурки и начали совершать намаз.

– Молятся, значит, не красные, – определил Матяш и слегка толкнул Антонину в плечо. – Ладно, иди, а мы тут тебя подождем.

Антонина вскинула карабин за плечо, быстро зашагала вниз по течению ручья. Пробираясь по густым зарослям папоротника, она приблизилась к молившимся. Те увидели ее, схватились за винтовки, и только теперь она узнала Баксанука и Дауда.

– Эй, вы! – закричала Антонина. – Не признали, что ли?

Баксанук опустил карабин и бросился ей навстречу

– Ай, машала! – громко захохотал он, и его хохот, подхваченный эхом, прокатился по горам.

– А я не одна, – объявила Антонина и кивнула через плечо. – Там, за горой, Матяш со своими хлопцами. – Она сложила ладони рупором, крикнула: – Андрей, сюда! Это наши!

– А у нас полковник Белов с отрядом, – сообщил ей Дауд.

– И Минаков здесь, – поспешно добавил Баксанук.

Из-за горы выехал конный отряд. Матяш на ходу соскочил с коня, бросился к братьям Крым-Шамхаловым, обнял одного, потом другого.

– Твоя немножко худой стал, – заметил Дауд и, приложив два кулака к щекам, оскалил в улыбке белые зубы: – Скула – во!

Отряд спешился, и казаки, ведя лошадей в поводьях, двинулись за Крым-Шамхаловыми по крутой тропинке в лес.

На высоком берегу ручья, под облыселой горой, стояли шалаша. Здесь обосновалась банда полковника Крым-Шамхалова.

Вокруг громоздились дикие скалы, поросшие лесом. Антонина обвела их очарованным взглядом, спросила:

– А где Исмаил?

– Ана⁸⁷⁹ увез в Петроград, – ответил Дауд.

– А разве ваша мать не в Турции? – удивилась Антонина.

Дауд отрицательно помотал головой.

– В Турции она чужой, а в России – свой.

Подошел Белов. Увидев Антонину, воскликнул:

– Вот это здорово! Лесовичка явилась. А мы уже по тебе поминки справили!

– Да вы рады стараться, – упрекнула его Антонина. – Бросили одну в горах, как собаку. Рыцари, нечего сказать!

XVIII

На следующий день отряд Белова, оставив бивак Крым-Шамхалова, двинулся на север. Антонина, похожая на юного джигита, ехала на белой лошади впереди. За нею рысили Белов и Минаков.

Подъезжая к Преградной, они увидели десятка три всадников, спускавшихся по склону горы в ущелье. Белов посмотрел в бинокль.

– Это отряд подьесаула Козлова, – сказал он, – Надо его подождать.

Вскоре к ним подъехал Козлов.

– Куда путь держите, господин полковник? – спросил он Белова.

Тот указал плетью в сторону станицы

– А вот в Преградную думаю заглянуть... насчет харчишек...

– Кстати, мне надо с вами, Гурий Вадимович, кое о чем потолковать, – проговорил Козлов.

Они свернули с дороги, спешились и, усевшись на поросший мхом валун, долго о чем-то совещались. Наконец Белов позвал Антонину, сказал:

– Вот что, Лесовичка. Тебе срочно надо ехать в Баталпашинск к Лидии Барейше: будешь работать с ней в подполье. Как ты на это смотришь?

– Я на все согласна, господин полковник! – не задумываясь, ответила Антонина.

– И постарайся побывать в отряде полковника Окорокова, – добавил Козлов. – Скажи ему, что нам нужно с ним встретиться у Волошко, на Куве.

– А лучше всего – в Измайловской пещере, – уточнил Белов.

Вскоре отряды двинулись дальше.

* * *

После трехдневного пути Антонина подошла наконец к Баталпашинской. В лучах заходящего солнца станица, казалось, пылала в огне, сияла золотом. Под ее каменными стенами бушевала Кубань.

Антонина остановилась у реки, издали вглядывалась в безлюдные, молчаливые улицы. Откуда-то доносился голос муэдзина, заунывно призывавший мусульман на молитву:

---

879 Ана – мать.

«Аа-ла-а-ак-бар! Аа-ла-а-ак-бар!..» Этот голос удручающе действовал на Антонину, и она подумала с досадой: «Черт! Чтоб тебе пусто было. Точно не к добру орет».

Дотемна просидела она на лужайке под горой, затем вошла в станицу, покружила по пустым кривым улицам, переулкам и наконец добралась до небольшого домика, укрывшегося под широкой шапкой платана на самом берегу реки. Вокруг цвели фруктовые деревья, пропитывая пьянящим ароматом вечерний горный воздух.

Антонина припала ухом к закрытой калитке. Во дворе хрипло залаяла цепная собака К забору подошла хозяйина, спросила тихо:

– Вам кого?

– Лидию Барейшу! – отозвалась Антонина.

Калитка открылась.

– Проходите!

В небольшой комнатушке женщина зажгла лампу и повернулась к гостье:

– Я – Барейша.

– А я из отряда полковника Белова, – сообщила Антонина. – К вам меня прислал ваш отец.

– Отец? – насторожилась Барейша. – У меня нет отца.

Антонина устало улыбнулась.

– Хорошо, тогда будем разговор вести по-другому. – Она достала из кармана пальто зеркальце, дохнула на него, потерла рукавом и, взглянув на себя, произнесла пароль: – Ой, какая я стала!

На смугловатом лице Барейши расплылась улыбка.

– Теперь все ясно. Раздевайтесь, будем ужинать.

* * *

В район Измайловской пещеры, окруженной лабиринтом величественных гор и ущелий, со всех сторон стекались главари действовавших в горах банд.

Полковник Белов сидел в тени гигантской ели, курил папиросу за папиросой. Его исхудалое, небритое лицо было мрачным. Здесь же, в кругу офицеров, стояли Козлов и Волошко. Минаков и Матяш прохаживались в сторонке, о чем-то спорили между собой.

В ущелье показался небольшой отряд.

– Это полковник Огороков, – сказал Минаков. – Фамилия у него соответствующая.

– Пожалуй! – согласился с ним Матяш.

Явился Огороков – тучный казачина лет пятидесяти, поднялся наверх, отдав честь, пробасил:

– Ну что, господа, уже все в сборе?

– Полковника Крым-Шамхалова еще нет, – ответил Белов.

Козлов покосился на хмурое небо.

– Как бы дождь не брызнул. Прошу в мои хоромы. Там тепло и сухо.

– Сухо по самое ухо, – насмешливо бросил Минаков. – Кругом лужи, с потолков каплет за ворот.

Козлов смахнул со щеки дождевую каплю, швырнул окурок через плечо и, пригладив вислые усы, вошел в пещеру. За ним цепочкой последовали гости. С каменистых сводов и стен свисали черно-бурые сосульки сталактитов. По мере углубления пещера становилась все мрачнее. Повсюду видна была тысячелетняя работа подземных вод, образовавших в толще известняка и гипса черные пустоты. На стенах тускло светились фонари. Их огоньки трепетали на сырых сквозняках. Где-то в глубине пещеры гулко отзывались шаги и голоса людей.

Вскоре все вошли в просторный грот. Стены его были увешаны богатыми коврами, на полу лежали олени, медвежьи и барсовы шкуры. Под потолком горела керосиновая лампа-молния.

В грот вбежал Илларион, громко закричал:

– Уже приехали!

Вошел Крым-Шамхалов в сопровождении князя Дудова. Все поспешно встали, отдали им честь. Крым-Шамхалов сказал:

– Господа. Со мной прибыл отец Александр – священник Пенязь-Забелин, представитель нового кубанского владыки Евсевия. Прошу любить и жаловать!

Александр показался из-за его спины с гордо вскинутой головой, но тут же, наступив на подол

фиолетовой рясы, споткнулся, взмахнул костлявыми руками. Его вовремя поддержали Баксанук и Дауд. Забелин неловко улыбнулся, окинул рыбьими глазами грот и нараспев протянул:

– Привет вам, господа!

Матяш глянул на него исподлобья, подумал: «Не поп, а какой-то вышкварок⁸⁸⁰».

Козлов смерил попа глазами, воскликнул:

– Кстати, очень кстати прибыли вы, ваше преподобие!

Забелин перекрестился, пробасил:

– Благослови, душе моя, господи!

– Садитесь, милости просим, – любезно пригласил его Козлов.

Александр занял место в углу, под иконой божьей матери. Уселись и все остальные. Козлов остановился у столика, сказал:

– Что ж, господа офицеры, по-моему, все в сборе. Разрешите мне открыть это столь долгожданное совещание. Здесь присутствуют все командиры партизанских отрядов, действующих в горах. Первое слово предоставляется уполномоченному Константинопольского центра действия князю Крым-Шамхалову!

Крым-Шамхалов не спеша подошел к столику. Гладко выбритое лицо его чуть побледнело, у глаз и уголков сжатых губ собрались морщинки.

– Я должен обрадовать вас, господа офицеры, – начал он негромко, но внушительно. – В настоящее время в Турции, главным образом на даче «Мандре» генерала Улагая, готовятся крупные экспедиционные силы, которые в скором времени должны высадиться на Кубани и поднять в области восстание против Советской власти. Я прибыл сюда с небольшой группой офицеров⁸⁸¹. Но мы в первые дни своей высадки потерпели неудачу. Некоторые офицеры из нашей группы вынуждены были возвратиться в Константинополь. Мне же, к счастью, удалось уйти от преследования.

– Кто из вашей группы попал к красным? – не поднимаясь, спросил Минаков.

– Подъесаул Кубрак, – ответил Крым-Шамхалов и после небольшой паузы продолжал: – Я должен заверить вас, господа офицеры, что дела наши за границей, главным образом в Турции, в самом Константинополе, принимают, я бы сказал, серьезный характер, и мы можем надеяться, что сравнительно в недалеком будущем на Кубани снова начнутся более грандиозные боевые действия, чем были в августе прошлого года. Сейчас на «Мандре» действует белогвардейско-политическая школа. Читают в ней лекции генерал-майор Думский и ряд других крупных военных специалистов. – Он подробно говорил о подготовке нового десанта на Кубань и в заключение сказал: – Успех операции, задуманной в Константинополе, во многом зависит от нас. Нам нужно подготовить почву для высадки этого, я еще раз подчеркиваю, грандиозного десанта. Заверяю вас – ждать осталось недолго...

Статная, легкая фигура его двинулась от стола. Слегка поправив черную черкеску под кавказским поясом, он занял свой стул, положил ногу за ногу. Подъесаул Козлов снова обратился к собравшимся:

– Кто будет говорить, господа офицеры?

Все молчали.

В грот неожиданно вошел полковник Жуков. Офицеры удивленно уставились на него.

– Откуда?

– Каким образом?

Жуков вскинул руку к кубанке:

– Здравия желаю, господа офицеры!

– Здравствуйте, господин полковник! – дружно прозвучало в ответ

Жуков взглянул на Крым-Шамхалова.

---

⁸⁸⁰ **Вышкварки** – выжарки, вытопки, шкварки (например, вытопленные или выжаренные кусочки сала). – прим. Гриня

⁸⁸¹ Известно, что из Константинополя в начале 1923 года генералом Улагаяем на черноморское побережье с целью организовать восстание была отправлена группа лиц. Однако эта группа вернулась безрезультатно. В начале марта 1923 года на шлюпке в район Сочи–Батум была направлена вторая группа, под командованием полковника Васильева. Состав группы и предполагаемый маршрут известны, но сведений о ее судьбе не нашел. – прим. Гриня

– Я был у вас на биваке. Там мне сообщили о совещании. И вот – я здесь.

– Да вы садитесь! – радушно пригласил его Козлов.

Шум постепенно улегся.

– Прошу, господа, высказываться, – вновь обратился Козлов к офицерам.

– Давайте выслушаем заодно и отца Александра, – предложил полковник Белов.

Козлов предоставил слово попу. Александр подхватился, осенил себя крестом, прошептал:

– Спаси, господи, люди твоя! – Затем, помедлив немного, продолжил: – Я призываю вас, возлюбленные чада, к терпению, ибо поспешность может привести нас к пагубным последствиям. Вся святая Русь поднимается ныне против антихриста. Святейший синод во главе с патриархом всея Руси сплачивает неисчислимые силы верующих, дабы вернуть на престол императора, вседержателя земли русской. Сейчас патриарха Тихона поддерживают многие западно-европейские государства. И в первую очередь такие могучие державы, как Англия и Франция. Наш новый епископ, владыка Евсевий, держит теснейшую связь с патриархом и не бездействует в нашей области. Сейчас все монастыри и церкви Кубани ведут активную подготовку к восстанию населения. Среди верующих мы уже распространили два воззвания: одно написано нашим штабом, а второе, именуемое «Предупреждение к чадам православной веры», мы получили из Москвы, от самого патриарха. Таким образом, мы стоим на пороге великих событий, и наше терпение увенчается успешным крестовым походом. – Александр повернулся к иконе, осенил себя размашистым крестом и сказал в заключение: – Да поможет нам бог! Аминь!

Слово взял полковник Жуков

– Да, поднимается вся святая Русь! – сказал он напыщенно. – На Кубани рождаются новые партизанские отряды. Разрешите мне передать вам боевой привет от хорунжего Рябокonia, действующего в Приазовских плавнях.

Все дружно захлопали в ладоши. Жуков привычно передернул губами и, когда восстановилась тишина, продолжал:

– Итак, наши партизанские отряды в Кубано-Черноморской области набираются силы и все смелее действуют против оперативных групп ЧК и даже частей Красной Армии, совершают налеты на советские учреждения. С каждым днем накапливается наш опыт борьбы, и мы не сложим оружия до тех пор, пока не освободим от большевизма нашу родную Кубань, а затем и всю матушку-Россию!

По гроту снова прокатились аплодисменты. Жуков достал из кармана галифе носовой платок, вытер испарину на лбу.

– Так вот... – повысил он голос. – В преддверии грядущего всенародного восстания мы должны развернуть активную агитацию среди казачьего и городского населения. Сейчас, как вы все знаете, Советская власть заменила разверстку натуральным налогом, разрешила свободную местную торговлю. Это обстоятельство, конечно, сыграет для нас отрицательную роль: многие казаки и крестьяне уже будут менее охотно идти к нам в отряд. Однако зажиточная часть населения в момент всеобщего восстания, бесспорно, будет с нами...

Матяш поднял руку:

– У меня вопрос к полковнику Жукову.

– Прошу! – сказал Козлов.

– Сколько бойцов насчитывается у хорунжего Рябокonia?

– До двухсот человек! – ответил Жуков.

«Жидковато!» – подумал Матяш.

XIX

Рябокonia лежал на топчане в своем курене. Жена возилась у затопленной печки, в люльке спал ребенок.

Вошел Дудник, подал конверт:

– Тебе письмо, Василий Федорович.

Рябокonia встал, распечатал конверт и прочел:

Хорунжему Рябокoniaю.

Глубокоуважаемый Василий Федорович!

Будучи еще за границей, я слышал о Ваших боевых заслугах. Став на русскую землю, я еще больше узнал о Вас, о Ваших неоценимых боевых подвигах. Когда я находился в тюрьмах Новороссийска и Краснодара, то большевики сами говорили мне о Вас. Забрав у моего отца и у меня все имущество, они начали предлагать мне заняться вылавливанием бело-зеленых. На предательскую роль Иуды я согласился, дабы дать возможность себе вырваться из цепких рук своих врагов. Под маркой советского работника мне удалось уйти в объятия камышей и лиманов Таманского отдела. Морозы, снег, дождь, а мне приходилось быть под открытым небом. Мало кто из казаков давал мне приют. Большинство из них пошло за красными. Срам, позор казачеству! Оно забыло заветы своих отцов и дедов. Я убедился, что былая твердыня и гордость Русской императорской армии – казачество под влиянием большевистских лозунгов окончательно разложилось и утратило свое первобытное значение.

Василий Федорович, быть может, Вы подумаете, что уже потеряны все надежды на светлое будущее. Нет, скажу я Вам откровенно. Вся надежда у нас на тех казаков, которые сейчас находятся за границей, да и здесь еще есть, хотя и мало. Надо терпеливо ждать десанта. Я заверяю Вас, что самое большее как через два-три месяца на Кубани высадятся экспедиционные силы под командованием генерала Улагая.

У меня всего 15 человек. Имеем лошадей, седла, но недостаточно вооружены. В нескольких боях я израсходовал почти все патроны и потерял двух самых верных боевых казаков. Не имея достаточно вооружения и принимая во внимание то, что еще преждевременно производить какие-либо крупные операции и выступления, в силу чего могло бы полатиться своей жизнью мирное, нереволюционное казачество, я решил отойти на исходное положение и только лишь защищаться и сохранить себя и других для будущей борьбы, когда настанет момент. Лично я советовал бы и Вам не подымать преждевременно казачество, которое легко может и продать Вас, не имея поддержки извне. Вам необходимо только защищаться и сохранить себя и верных казаков для будущей недалекой работы.

Вы не должны увеличивать отряд, в противном случае большевики могут наводнить воинскими частями ту местность, где Вы оперируете. А если нас будет мало, то они не пошлют против нас воинских частей, а будут посылать милицию и комсомолов, с которыми мы легко справимся. Пока мы не должны наступать и развивать свою операцию, дабы не понести разгрома. К тому элементу, кто будет гоняться за нашей жизнью и вообще выдавать нас, нужно применять самые суровые меры, включительно до расстрелов и поджогов имущества. Последний способ я считаю самым радикальным. А главное – не нужно верить всяким проходимцам, присылаемым большевиками против нас, ибо это может погубить нас. Не нужно никого принимать...

Желаю от души Вам успеха. Уже недалек тот час, когда мы свободно вздохнем и стряхнем с себя ненавистную нам Советскую власть и все большевистские порядки!

Пишите мне через Т. П. Пока, будьте здоровы, готов всегда к услугам.

23 июня 1921 года.

Подъесаул Кубрак.

Рука Рябокони с письмом тяжелым грузом упала на колено. Сомнения и недоверие разъедали его.

– Значит, этот Кубрак был в плену у большевиков? – промолвил он задумчиво и, взглянув на Дудника, спросил: – А ты как думаешь, Пантелей? Можно верить ему?

Дудник пожал плечами.

– Кто его знает, Василий Федорович.

– Да... – промычал Рябоконь.

Широко распахнулась дверь, и вместе с Жуковым в курень вошли подъесаул Олинпеев и Загуби-Батько.

– О, Диомид Илларионович! – обрадовался Рябоконь. – Где это ты пропадаешь столько времени?

Жуков скупно улыбнулся и, пожимая ему руку, сказал:

– Кубань большая, Василий Федорович. Сразу не расскажешь, где был. – Он поклонился Надежде, приветливо кивнул Дуднику и, присев рядом с Загуби-Батько и Олинпеевым, добавил: – Щупал по всей области казаков, чем они дышат.

– Ну и как? – настороженно спросил Рябоконь.

Жуков развел руками:

– Многие говорят: «Мы уже не те, что прежде». Но и наши люди еще не перевелись. Вот высадится Улагай с десантом на Кубани, тогда казаки валом к нам пойдут.

– Кстати, я сейчас получил письмо от подьесаула Кубрака, – сообщил Рябокось. – Желаете послушать?

– Давайте выйдем во двор, – предложил Жуков, – А то у вас тут душно.

– А там комары, – заметила Надежда.

– Ничего, – сказал Жуков, – Попы поют над мертвыми, комары – над живыми.

У стены зеленых камышей задымилось курево. Все уселись вокруг него на болотной траве, и Рябокось зачитал письмо Кубрака. Жуков выслушал его, сказал:

– В отряде Козлова говорили мне о подьесауле. Полковник Крым-Шамхалов о нем отзывается положительно. Но раз он побывал у большевиков, то его надо остерегаться.

– Совершенно верно, господин полковник! – подтвердил Олинпеев. – К большому сожалению, в среде нашего офицерства есть предатели, люди с подлой душой.

Жуков подробно рассказал о своей поездке по Кубани, о совещании главарей партизанских отрядов, о подготовке к всеобщему восстанию в области, потом поинтересовался, как идут дела здесь, в плавнях

Рябокось невесело усмехнулся:

– Дела у нас разбойные... Убиваем, палим, грабим. Вот вчера на Протоке захватили моторный баркас, а в нем – пятьдесят два пуда паюсной икры, две тысячи пятьсот пудов красной рыбы. Икру и сто пудов рыбы с собой захватили, а остальное испортили, лодку сожгли. Словом, нападаю на всех, кто не со мной.

Жуков недовольно спросил:

– Не понимаю, Василий Федорович, с какой целью ты все это делаешь?

– А что тут понимать! – раздраженно бросил Рябокось. – Пусть люди видят, что большевики бессильны против меня. Я убиваю, а они ничего не могут сделать со мной. Так я нагоню страх на всех и заставлю поддерживать меня!

Это заявление озадачило Жукова.

– Видишь ли, – сказал он, помедлив. – С одной стороны, оно, конечно, есть смысл, но с другой... убивать непричастных к Советской власти – значит восстанавливать народ против себя.

Рябокось махнул рукой:

– Чепуха! Убивал – и буду убивать!

– Нет, Василий Федорович, ты не прав, – возразил Олинпеев. – Вчера наши партизаны чуть не взбунтовались из-за этого. С трудом удалось их утихомирить.

– Вот что, Тит Ефимович, – Рябокось перевел взгляд на Загуби-Батько. – Дай команду всем партизанам, чтобы четвертого сентября собрались в лесу⁸⁸², вблизи Горького лимана. Поговорить с ними надо.

– Слушаюсь, господин хорунжий!

XX

Прошло несколько дней после бурного совещания, на котором Рябокось вышел победителем. По его настоянию в ночь под 12 сентября банда произвела налет на Новониколаевскую. Захватив в магазине 24 тысячи аршин мануфактуры, спички, табак, керосин и другие товары, она скрылась в плавнях.

Под Гривенской стояло ясное, солнечное утро. Оно было особенно радостным для станичного врача Злобина: минувшей ночью жена родила первенца – сынишку Толю. Сегодня Злобин решил торжественно отметить это событие и уже с рассвета занялся хозяйственными делами. В восьмом часу утра к его двору подъехала линейка, на которой сидел секретарь Гривенской комячейки Ермаков и агент ВЧК Селиашвили. Надо было оказать срочную врачебную помощь тяжелораненым в Новониколаевской после налета рябоконеццев.

Злобин быстро собрал чемоданчик с медицинскими инструментами и медикаментами, наскоро простился с женой и отправился в путь.

Линейку сопровождали две подводы с вооруженными чоновцами.

---

⁸⁸² Автор продолжает поражать своей бурной фантазией. Даже с учетом того, что Горьких лиманов, только крупных, два... – прим. Гриня

До Новониколаевской оставалось не больше трех верст. А вот и мостик через ерик. Едва лошади коснулись его передними ногами, как из-под моста выскочили вооруженные бандиты, открыли стрельбу из винтовок. Злобин соскочил с линейки и, споткнувшись, распластался на мосту. В нескольких шагах от себя он увидел горбоносого бандита, который целился в него.

«Смерть! – промелькнуло в сознании врача. – А как же Толя?» И он закричал:

– Не стреляйте, я доктор, не убегу!

То ли этот предсмертный крик, то ли что-то другое остановило бандита: Злобин остался жив.

Пролежав ничком некоторое время, он услышал окрик:

– Спускайся в овраг!

Установив личность Злобина, бандиты забрали у него документы, деньги, а также чемодан с медицинскими инструментами, медикаментами и перевязочным материалом.

На мосту появился мужчина в черкеске серого сукна, при шашке, кинжале, с биноклем на груди.

– На которой из подвод пулемет? – спросил он.

– Пулемета нет, – ответили ему.

Злобин тихонько спросил у одного из бандитов:

– Кто это?

– Батько наш, Рябоконе, – пояснил тот.

Рябоконе позвал к себе врача, обматерил его за службу «краснюкам», затем приказал опознать убитых.

Ермаков лежал с простреленной навывлет грудью: пуля попала в сердце. У чоновца Толстикова был раздроблен череп.

Следуя за Рябоконе, Злобин называл убитых.

– А Жебрака, случаем, среди них нет? – неожиданно спросил Рябоконе.

– Его не было с нами, – ответил Злобин.

– А где он сейчас? Его же видели у вас в станице.

– Был, но куда-то выехал.

Дудник и Озерский сняли с убитых одежду.

Под диктовку Рябоконе Злобину пришлось написать угрожающее «послание» станичному Совету. Руки у него дрожали как в лихорадке, и он с большим трудом, кое-как нацарапал бандитский ультиматум.

– А теперь слушай! – сказал ему Рябоконе, – Передай мою записку властям. И больше не попадайся мне на глаза. В другой раз шкуру спущу.

Злобин, не оглядываясь, зашагал в Новониколаевскую.

В тот же день Селиашвили послал уполномоченному ВЧК по Славотделу⁸⁸³ рапорт:

Ст. Новониколаевская, 12 сентября 1921 г., 14 часов.

Сегодня в 9 часов мною были получены сведения, что в ночь с 11 на 12 сентября банда Рябоконе численностью до 15 человек, вооруженных 3-линейными винтовками, сделала налет на ст. Новониколаевскую. Завязав бой с местной охраной, она убила красноармейца Боровика Кондрата и тяжело ранила двух часовых (красноармейца Щербину Ивана и Казимилова Якова) и, забрав две винтовки, скрылась из станицы.

Получив означенные сведения, я взял с собой 10 человек чоновцев ст. Гривенской, врача 24-го участка тов. Злобина и вместе с Ермаковым и Толстиковым поехал в Новониколаевскую.

Не доезжая трех верст до станицы, мы вдруг увидели, что из-под моста выскочила банда Рябоконе и открыла по нас огонь. Здесь же были убиты Ермаков и Толстиков. Врача Злобина банда взяла в плен. Будучи уверен, что сзади едет Саенко с чоновцами, я завязал перестрелку с Рябоконе, не замечая того, что Саенко, сидя на задней подводе, повернул лошадей по направлению к Гривенской, бежал в панике.

Рябоконе пытался получить сведения от доктора Злобина о Жебраке, справлялся, в каком положении арестованные. Впоследствии написал записку, что будет мстить за взятых заложников, и отпустил Злобина.

---

⁸⁸³ 18 ноября 1920 года Таманский отдел Кубано-Черноморской области был ликвидирован, на его территории были образованы Темрюкский, Тимашевский и Славянский отделы. – прим. Гриня

Сейчас из Новониколаевской поехали в Джерелиевскую за ЧОНОм, и если таковой прибудет, то я с ним направлюсь в Лебеди.

Во время налета на Новониколаевскую Рябоконе́м был разгромлен комсомольский клуб.

П. П.⁸⁸⁴ Уполномоченный ВЧК **Селиашвили**.

В Славянскую срочно прибыл Жебрак. Председатель исполкома Касимов вручил ему рапорт Селиашвили. Ознакомившись с рапортом, Жебрак помрачнел, медленно опустился на просиженный до дыр кожаный диван, нервно прикусил губы.

– Ясно, – наконец проговорил он. – Это уже вызов

– Доколе будет продолжаться этот разбой?! – сказал Касимов. – Я уже вызвал сюда Черноуса с чоновским отрядом. Жду его с минуты на минуту.

Жебрак посмотрел ему в глаза:

– Прошу вас, Севастьян Иосифович, немедленно созвать заседание исполкома. Там и решим, что делать.

Почти всю ночь шло заседание исполкома, а утром по Славянской было расклеено следующее обязательное постановление:

15 сентября 1921 г. № 21 ст. Славянская.

Проводившиеся в настоящее время операции по ликвидации банд, оперирующих в районе лиманов 3-го рыбоучастка, могут вызвать ряд недоразумений между действующими в районе боевыми отрядами и находящимися там частными гражданами.

Во избежание этого президиум Славотисполкома⁸⁸⁵ постановляет:

§ 1. Воспретить с 18 сентября с. г. производство рыбной ловли и вообще нахождение по каким бы то ни было надобностям в районе лиманов: Кушеватого, Великого, Плаватого, Круглого (он же Черкесский), Бабино-Великого, Бабино-Малого, Курчеватого, Гниленького, Малого Черного, Большого Черного, Орлиного и Чебургол.

§ 2. Лица, которые после издания настоящего постановления будут обнаружены в районе лиманов, перечисленных в 1-м параграфе настоящего обязательного постановления, будут привлекаться к уголовной ответственности, как пособники бандитов, по статье 76 Уголовного кодекса РСФСР.

Примечание. Пособничество бандитам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие следов преступления, карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества с допущением понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

§ 3. Местным волисполкомам и управлениям волмилиции⁸⁸⁶ самым широким образом распубликовать обязательное постановление среди населения путем расклейки и объявления на общих и поквартальных собраниях, разъяснив значение принимаемой меры, и строго установить наблюдение за выполнением постановления.

П. П. Предславотисполкома **Касимов**.

Уполномоченный КЧОО ВЧК с/о⁸⁸⁷ **Жебрак**,
секретарь **Кристин**.

* * *

---

⁸⁸⁴ П. П. – полномочный представитель. – прим. Гриня

⁸⁸⁵ Славотисполком – исполнительный комитет Славянского отдела. – прим. Гриня

⁸⁸⁶ Волисполком, волмилиция – волостные (сельские) исполком и милиция. – прим. Гриня

⁸⁸⁷ КЧОО ВЧК – Кубано-Черноморский Особый отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем; с/о – здесь имеются разночтения, точного варианта установить не удалось. – прим. Гриня

После заседания исполкома, как только постановление было отпечатано на машинке, Аншамаха, запасшись одним экземпляром, распрощался с Черноусом. Поправив войлочную шляпу, он сбежал по ступенькам во двор, где его ждали чоновцы, подал команду:

– По коням, хлопцы!

Бойцы сели на лошадей. Аншамаха легко взлетел на коня и первым выскочил на улицу.

Оставив позади около семидесяти верст, отряд в десятом часу утра миновал Зарубовку и выехал на дорогу, вьющуюся узкой лентой вдоль густых плавневых камышей. Вскоре показалась и Волошковка на берегу Кирпильского лимана. Внезапно из нее выскочила банда человек в пятьдесят и, обнажив шашки, пустилась наперерез чоновцам. Аншамаха, увидев численное превосходство противника, приказал чоновцам укрыться на кошу в пустой хате, расположенной вблизи дороги. Бойцы вскочили в халупу и открыли огонь по банде, которая уже залегла в канаве на меже коша и начала обстреливать хату из винтовок и ручного пулемета. Турлучные стены плохо защищали чоновцев, среди которых быстро росло число убитых и раненых. Свинцовым градом они были оттеснены к двери в конюшню, и в это время один из бандитов подполз к хате, поджег соломенную крышу. Заполыхало пламя. Чоновцы начали выскакивать из хаты, сдаваться. Бандиты уже не стреляли и подошли к посадке, где стояли чоновские лошади.

Когда последний чоновец покинул горящую хату и среди пленных не оказалось Аншамахи, Корней Маслов, главарь банды, спросил насмешливо:

– А почему же Терентий Артемович не выходит?

– Он не хочет сдаваться, – ответил один из чоновцев.

– Ну, хай жарится! – махнул рукой Маслов.

Потолок и стены рухнули, пламя постепенно угасло.

Усевшись тут же, на камыше, бандиты разложили закуску, раскупорили фляжки с самогоном. Маслов налил самогону и пленным, поднял кружку:

– Ну, братцы, выпьем за упокой души Терентия Артемовича!

– Да, отчаянный был человек, – заметил подхорунжий Озерский. – Пусть ему на том свете легонько икнется.

* * *

Чтобы отряды банды Рябоконя не получили сведений о движении оперативных групп ВЧК, Жебрак немедленно арестовал в Гривенской, Приморско-Ахтарской, Новониколаевской, Староджерелиевской и на хуторе Лебеди всех взятых на учет пособников Рябоконя. После этого оперативные группы приступили к облавам, организуя ночные засады на выходах из плавней. В первую же ночь одна из групп обстреляла двух бандитов, пытавшихся проникнуть в хутор Лебеди. Как выяснилось позже, один из них был сам Рябокоть. Во время перестрелки он получил легкое ранение в живот.

В ту же ночь первая опергруппа устроила засаду на Черном ерике, под Староджерелиевской⁸⁸⁸. В четыре часа утра чекисты обнаружили девять бандитов, пробиравшихся в станицу, и открыли по ним огонь. В перестрелке был убит фуражир банды Рябоконя – житель станицы Полтавской, захвачены три винтовки, один револьвер, одна бомба, две арбы и лошади.

* * *

Засады были устроены в плавнях и под Приморско-Ахтарской. Утром два чоновца доставили в

---

⁸⁸⁸ **Эрик Черный** – протока, соединяющая лиманы Круглый-Сладкий (через него лиман Глубокий) и Гусячий (Гусиный, через него лиман Сладкий). Ближайшая станица от Черного ерика – Черноерковская, имела до 1925 статус поселка (относился к станице Петровская) и расположена на берегах ерика Терноватого, впадающего в ерик Черный в хуторе Черноерковский (сейчас – Черный Ерик). Станица **Староджерелиевская** расположена на 40 км к востоку и отделена от Черного ерика рядом станиц, рекой Протокой и плавнями по обе стороны от нее. А вот дальше, в нескольких километрах на восток, протекает Ангелинский ерик (сейчас – ручей). Таким образом, место размещения засады остается на совести автора. – прим. Гриня

Совет связанного Маслова. Увидев за столом председателя Аншамаха, бандит не поверил своим глазам, пробормотал ошалело:

– Ты, Терентий Артемович? Чи с того света явился?

– Садись, Корней Анисимович. – Аншамаха указал на стул. – А то ты, видать, это самое... дюже утомился с дороги.

Маслов опустил на стул и, все еще не веря своим глазам, спросил:

– Как же это ты не сгорел?

– А вот так, – отозвался Аншамаха.

– Ей-богу, чудо какое-то... – дернул плечом Маслов.

Аншамаха заглянул ему в глаза и с презрением бросил:

– Никаких чудес, Корней Анисимович! Аншамаха под пулями своих врагов не гибнет, в могиле оживает и вылезает из нее, как видишь, невредим, в море не тонет, в огне не горит... – Он отошел в угол кабинета и оттуда продолжал: – Ты видел, это самое... дыру в стене конюшни, что была пристроена к хате?

– Ну, бачил...

– А большую кучу перепрелого навоза около той дырки тоже видел?

– Бачил.

– А ты знаешь, что навоз горит плохо?⁸⁸⁹

– Знаю...

– Ну, и я про то знаю, – сказал Аншамаха. – Вот я, это самое, зарылся в ту кучу и спасся от огня! Правда, душновато только было и припекало мне подошвы, но я терпел.

– Значит, ты слышал, как мы тебя поминали?

– А как же! Все слышал!

Маслов опустил голову, проговорил подавленно:

– Недаром тебя двужильным называют.

XXI

Серое, неприветливое небо дышало холодом, солнце пряталось за тяжелыми низкими тучами, и по ночам оседали заморозки, лужи покрывались тонкой пленкой льда. С деревьев сыпались увядшие листья, устилали сады и леса пушистыми пестрыми коврами.

Рябокоть вышел из куреня, покосился на хмурое небо, крикнул часовому:

– Дудника ко мне!

Когда тот явился, Рябокоть сказал ему:

– Ты вот что... сообщи всем командирам, чтобы они послезавтра, 28 декабря, сосредоточили свои сотни у Сладкого гирла для налета на Ачуев.

Прошло два дня. Все четыре сотни собрались у Сладкого гирла, но напасть на Ачуевские рыбные промыслы не смогли: Рябокоть получил от своих агентов сообщение, что промыслы сильно охраняются. В то же время из Гривенской пришло донесение о том, что туда прибыл из Краснодара пароход «Роза Люксембург», на который уже грузится продовольствие для Красной Армии.

* * *

Пароход «Роза Люксембург» стоял на Гривенской пристани, готовый к отплытию... Неожиданно из камышей выскочила банда и начала громить его.

Жебрак тотчас же связался со Славянской по телефону⁸⁹⁰, попросил помощь и со своими

---

⁸⁸⁹ Использовать навоз как топливо можно исключительно в хорошо просушенном виде. – прим. Гриня

⁸⁹⁰ Нет, я не оспариваю. Телефонная связь на Кубани до революции была, возможно существовала и связь между отдельными станицами, и даже допускаю, что бандиты её бережно хранили – вдруг самим пригодится... Но дальше этот эпизод без комментариев – там еще много чего смешного. Для информации – расстояние по реке Протоке от Славянской до Гривенской – 65 км. От Гривенской до хутора Забойского, где на Протоке имелись острова (соответственно и рукава), и напротив которого располагалась гряда Васильченко – 14 км, дальше до Славянской считайте сами, и это уже против течения (с пароходом на буксире). – прим. Гриня

незначительными силами вступил в бой с бандой.

Славянский чоновский батальон срочно выделил сорок коммунистов под командованием помвоенкома Высоцкого, который с двумя пулеметами немедленно направился в Гривенскую на пароходе «Кочегар».

Шел мелкий снег, морозило. На палубе бойцы выбивали частую дробь промерзлыми сапогами. Северный ветер рвал на них шинели, бил снегом в лицо, а через некоторое время стал доносить и далекие пулеметные, винтовочные выстрелы от разгоревшегося боя между Гривенским чоновским отрядом и бандой Рябокonia. «Кочегар» напрягал все свои силы, шел с удвоенной скоростью по течению реки. Выстрелы становились все слышнее...

Но вот они стихли... Наконец показалась и Гривенская. Кругом серо, пусто. Плотно прижавшись к берегу, сиротливо стоит «Роза Люксембург». Резкий гудок «Кочегара» поплыл над притихшей станицей.

На пристани появилось несколько человек из местной администрации. Потом прибыли и Жебрак с Селиашвили и тремя чекистами. «Кочегар» пришвартовался к «Розе Люксембург».

Жебрак крепко пожал руку Высоцкому.

– Спасибо, товарищ, что не задержались. Не успел Рябокonia развернуться, удрал.

– Надо срочно отправить груз в Славянскую, – сказал Селиашвили. – Чего доброго, банда может повторить налет.

– Теперь не рискнет, – ответил Высоцкий.

– От Рябокonia всего можно ожидать, – заметил Жебрак.

Через полчаса «Кочегар» взял на буксир «Розу Люксембург» и, шумно разбивая воды колесами, с потугой двинулся обратно вверх по реке.

Волнуется Протока, гнется сухой камыш под ударами пронизывающего ветра. В капитанской рубке Жебрак и Высоцкий. На капитанском мостике седоусый шкипер. Наблюдатели зорко всматриваются в камыши.

Приблизились к излучине. В глубине плавней появились какие-то черные точки. Шкипер вызвал Высоцкого, указал на эти подозрительные предметы.

– Что это, по-вашему?

– Может, скот?

– Ну какой же скот зимой.

– Что же тогда?

– Гряде Васильченко проходим, – пояснил шкипер. – Самое бандитское место. На всякий случай надо быть начеку.

Его опасения подтвердились. В морозном воздухе затрещали винтовочные выстрелы.

Высоцкий подал команду:

– В ружье!

Чоновцы быстро заняли места вдоль бортов парохода. С кормы раз, другой прострочил пулемет.

– Полный вперед! – крикнул в машинное отделение шкипер.

«Кочегар» запыхтел еще натужнее, рванулся против бурного течения реки и вошел в самый узкий рукав Протоки.

Снова глухо захлопали выстрелы. Совсем близко на берегу замелькали бандиты в полушубках, папахах.

«Кочегар» продолжал набирать скорость и, рассекая ледяную изжелта-бурую воду, гнал по ней высокие волны.

– Стой! Стой! – несло с берега попеременно с бранью.

Вот до берега уже рукой подать.

– Огонь! – махнул рукой Высоцкий.

Воздух содрогнулся от дружного залпа. Гулко застучали пулеметы на носу и корме.

Бандиты метнулись в глубь камышей, бегло обстреливая пароход. Со звоном посыпались стекла рулевой рубки. Схватившись за грудь, упал штурвальный. Его место тотчас занял шкипер. Стрельба нарастала. У бортов падали раненые и убитые. Труба уже была изрешечена пулями. Морщась от боли, присел на корточки раненый Высоцкий. Командование отрядом принял на себя

Жебрак.

«Кочегар» все дальше уходил от гиблого места, могуче врезался израненной грудью в мутные волны реки.

Постепенно пальба начала стихать

Впереди показалась Славянская.

* * *

Наступил 1922 год.

18 января красноармейские части под командованием Демуса атаковали штаб Рябоконея, расположенный между Сладким и Рясным лиманами. В коротком бою банда потеряла много убитых и раненых, бросила на биваке все награбленное, разбежалась по камышам.

Через два дня Демус увел свой отряд в Гривенскую, а Рябоконец, пользуясь этим случаем, приказал Загуби-Батько собрать всех бандитов, оставшихся в живых. На этот раз атаман недосчитался подъесаула Олинпеева, подхорунжего Озерского и других близких своих единомышленников. Боясь нового нападения, он перебазировал свой штаб в район Староджерелиевской, сосредоточил силы вблизи Бабиного лимана⁸⁹¹.

* * *

В первых числах марта Жебрак вызвал Лаврентия Левицкого из Краснодольской в Староджерелиевскую.

– Это же за какой надобностью вы покликали меня в эти края? – спросил Левицкий.

Жебрак обнял его за плечи.

– Помощь твоя нужна, Лаврентий Никифорович. Сам знаешь, старая гвардия никогда не подведет. Вот и решили мы назначить тебя заместителем председателя Староджерелиевского исполкома.

Левицкий недоуменно заморгал глазами, и на лбу его вздулись две синие жилы.

– Погодь, погодь, Николай Николаевич. Я что-то не докумекаю.

– Дело это временное, понимаешь? – сказал Жебрак. – Нужен нам опытный парламентар для переговоров с Рябоконею. Вот я и вспомнил о тебе.

Левицкий задумчиво поскреб подбородок.

– На переговоры... к Рябоконею? – И усмехнулся. – А ежели он мах – и душу из меня вон?

– Тут, разумеется, надо действовать очень осторожно, – сказал Жебрак. – Прежде всего тебе надо развернуть среди населения станицы и близлежащих хуторов агитацию о выходе банд из камышей, разъяснить политику Советской власти в отношении тех лиц, которые добровольно сдадутся нам. У тебя большой опыт на этот счет, умеешь ты поговорить с казаками.

Левицкий долго обдумывал предложение Жебрака.

– Значит, говоришь, на старую гвардию надежда? – спросил он наконец с улыбкой и кивнул решительно: – Ну что ж, может быть, и получится. Давай попробуем!

– Давай, Лаврентий Никифорович!

Левицкий провел в станице и других населенных пунктах собрания, на которых выступил с заявлением, что он хлопочет перед Советской властью о помиловании тех лиц, кто откликнется на его призыв и уйдет из банды. Слух об этом быстро разлетелся по плавням, а вскоре Левицкий получил письмо от бело-зеленых, желавших выйти из камышей. Они просили его прибыть к ним для переговоров, указав при этом место явки. Левицкий снял с письма две копии: одну выслал в Славянский исполком, а другую в Краснодарский Кубчеротдел ОГПУ⁸⁹²⁸⁹³, откуда получил

---

⁸⁹¹ **Лиман Бабиный** – лиман, расположенный практически в центре плавней между рекой Протокой и хутором Великая Гряда (сейчас не существуют ни лиман, ни плавни, ни хутор). К северу в этих плавнях располагался лиман Западный, а к югу – лиман Круглый. – прим. Гриня

⁸⁹² **ОГПУ** – в 1922 г. по постановлению ЦИК была ликвидирована ВЧК и вместо нее создано Объединенное

отношение, подписанное Соловьевым, с указанием вести переговоры с бело-зелеными, изъявившими желание покаяться перед Советской властью, и гарантировать им полную свободу. Запасшись этим документом, Левицкий вместе с прибывшим председателем исполкома Староджерелиевской Скориком отправился на хутора реки Протоки и Чебурголь⁸⁹⁴, провел там квартальные собрания.

В одной из бесед он выяснил, что гражданка Луценкова Марфа, та самая, что в дни улагаевского десанта на Кубани отняла кольца у Гусочки, хорошо знает местонахождение бело-зеленых. Левицкий познакомился с нею и уговорил повести его и Скорика в банду. Марфа согласилась, но ошибочно повела не к тем, с кем переписывался Левицкий, а совсем к другим.

Вышли они из хутора под вечер, углубились в камыши и лишь ночью оказались в тех местах, где хозяйничали бело-зеленые. На небольшом островке Марфа остановилась, сказала:

– Подождите здесь, покуда я поκληчу вас.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем издали послышался голос проводницы:

– Идите ко мне.

В густой темноте, хоть глаз выколи, Левицкий и Скорик двинулись наугад. Прошли около сотни шагов. И вдруг очутились лицом к лицу с бандитами. Щелкнули винтовочные затворы, кто-то грубо крикнул басом:

– Стой! Кто такие?

Левицкий, шагавший впереди, остановился на узкой тропке, подумал: «Черт его знает, как отвечать, – „свои“? Но какие же мы „свои“?» И ответил:

– Парламентеры.

– Зачем пришли?

– Хотим с вами начать переговоры.

– Проходи один.

Скорик прошептал со страхом:

– Иди ты, Лаврентий Никифорович.

Левицкий подошел к бандитам. Тьма, казалось, сгустилась еще сильнее.

– Руки вверх! – приказал бас.

Левицкий повиновался.

Последовала команда:

– Обыскать!

Левицкого стали всего ощупывать.

– Сколько вас? – пробасил бандит.

– Двое, – ответил Левицкий.

– Проходи второй!

Скорика тоже обыскали.

– Ведите их! – распорядился бас.

Бандиты окружили Левицкого и Скорика, повели куда-то.

Черная стена камышей, тянувшаяся слева, оборвалась. Впереди проплыло несколько огоньков сигарок, и на фоне темного неба Левицкий разглядел контуры шалаша.

– Стой! Садись! – распорядился бас.

Скорик сел, а Левицкий лег на бок, вздохнул устало:

– Фу-у! Ну и долго вы с нами водились.

К нему подошел вожак в полушубке и папахе, грубо бросил:

– А какого черта сюда перся?

государственное политическое управление

⁸⁹³ **ОГПУ** – по постановлению ЦИК от 6 февраля 1922 года была упразднена ВЧК с передачей полномочий Государственному политическому управлению (ГПУ) при НКВД РСФСР. А после учреждения в 1922 году СССР – союза четырёх советских республик, постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 года на базе ГПУ при НКВД РСФСР было создано Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ при СНК СССР). В Краснодаре, в соответствии с постановлением ЦИК от 6.02.1922 года был образован Кубано-Черноморский областной отдел ГПУ. – прим. Гриня

⁸⁹⁴ Хутор **Чебурголь** (сейчас – станция Чебургольская) располагается на правом берегу реки Протока со стороны лимана Чебурголь (Чебургольский). Реки с таким названием здесь не существует. – прим. Гриня

– Тут без черта обошлось, – спокойно ответил Левицкий. – Попросили бандиты – вот мы и пришли.

– Ну-ну, полегче, – угрожающе бросил вожак. – Мы не бандиты. Партизаны! И никто не звал вас сюда.

– Может, вы и не звали, а другие письмо прислали, – сказал Левицкий.

– Какое письмо?

– Насчет переговоров.

Левицкий почувствовал, как дрожит Скорик. Ему и самому было страшно, но, пользуясь наступившей паузой, он сказал неторопливо:

– Да, житуха у вас тут неважнецкая. Летом комаров и пиявок кормите, а зимой – голод и холод терпите. Волкам и то легче живется. Да... факт на лице!

– Что правда, то правда, – отозвался кто-то уныло.

– Ты опять, Мамыч, хнычешь? – обрушился вожак на недовольного мужчину в полушубке. – В Староджерелиевку, к бабе потянуло? Тут ты вольный казак, а там тебя в дугу согнут большевики. Не верь этим брехням. Думаешь, они только вдвоем пришли? Будут нам зубы заговаривать, а тем временем обложат нас красные.

– Напрасно турбууетесь⁸⁹⁵, – сказал Левицкий, – Вы ж нас в один момент сничтожите, если мы брешем. Нас двое.

– А ты храбрый, – повысил голос вожак. – Как твоя фамилия? Казак или городовик?

– Левицкий я, – ответил Лаврентий, – Казак станицы Краснодольской. Был там председателем станичного Совета, а теперь меня в Староджерелиевскую перебросили.

– А приятель твой кто?

Скорик начал сбивчиво рассказывать о себе. Голос у него звучал глухо, будто рот был забит ватой.

– Хватит! – оборвал его вожак и обернулся к Левицкому: – Говори ты, казаче. Так и быть, послушаем твои байки про амнистию.

Лаврентий начал было подробно излагать суть воззвания Советской власти к бело-зеленым, но вожак не дал ему высказаться до конца.

– Вот что, парламентареры, – заявил он, – уходите отсюда подобру-поздорову. Никто из нас не пойдет с вами. И больше не суйте носа сюда.

Уже светало, когда бандиты вывели Левицкого и Скорика к Смоленому ерику.

– Ну, катитесь! – крикнул им вслед казачина.

Пройдя с полверсты, Скорик облегченно вздохнул

– Аж не верится, что живы. Все ждал пулю в спину

– Бисова баба, – недовольно вспомнил Левицкий Марфу. – Завела не туда. Тике зря время загубили.

Он ошибался: время не было потеряно зря. Через три дня в Староджерелиевский исполком, к Левицкому, явились с повинной пять человек из банды.

– А кто же это говорил со мной так грубо в плавнях? – спросил у них Левицкий.

– Сам батько Рябокось, – ответили они.

В те же дни в Гривенскую явился и Загуби-Батько.

XXII

Рябокось вернулся в свой курень только под утро, всю ночь объезжал дозорные посты в плавнях. Не раздеваясь, он лег на топчан и сразу уснул. Разбудил его сынишка, залезший ему на грудь. Надежда уже собрала на стол завтрак.

Рябокось повозился немного с сыном, затем вспомнил о газете, лежавшей в кармане. Эту газету передали ему разведчики, возвратясь ночью из Гривенской.

В глаза бросилась заметка под крупным заголовком: «Банд не будет». В ней говорилось:

На митинге ст. Георгиеафипской, где собралось 2000 человек, постановили:

---

⁸⁹⁵ Турбууетесь – беспокоитесь, тревожитесь. – прим. Гриня

Мы, трудящиеся казаки и крестьяне ст. Георгиеафипской, заслушав доклад о бело-зеленых бандах, решили все как один не скрывать бело-зеленых банд, а при первой же встрече с бандитами стереть их с лица земли, как врагов трудового народа. Все как один даем гражданское слово, что в нашей станице бело-зеленых не будет никогда, и мы будем спокойно трудиться и укреплять Советскую власть навсегда.

Да здравствует мирный труд!

Рябокось швырнул газету на пол, посадил сына себе на живот и, невесело улыбаясь, сказал:

– Ничего ты еще не понимаешь, хлопчик! Хорошо тебе! А батьке твоему туго приходится.

– Вставай, Вася, снестать будем! – позвала Надежда.

На биваке стояла тишина. В курень лишь изредка долетало карканье воронов и хмыканье лысух⁸⁹⁶, плававших на плесах лиманов.

Внезапно дверь широко распахнулась, и в ней застрял Дудник, крикнул панически:

– Красные!

Рябокось вскочил с топчана, схватил карабин и бинокль, выбежал из куреня.

– Красные с двух сторон нас обходят! – доложил ему астраханец Садчиков.

– Пулеметы к бою! – скомандовал Рябокось.

Пулеметчики заняли огневые позиции, бандиты рассыпались по всему лагерю, залегли.

Демус со своим отрядом шел в наступление по Казачьей гряде, а Черноус и Аншамаха вели чоновский батальон через Ачуевскую косу, по дороге вдоль берега Бойкова лимана.⁸⁹⁷

Завязалась перестрелка, и красные с ходу пошли в атаку. То там, то здесь на гряде, занимаемой бандитами, разгорались рукопашные схватки. Забухали ручные гранаты. Бандиты не выдержали натиска, бросились в воду, начали отходить по камышам Рясного лимана.

Рябокось вбежал в курень, крикнул жене:

– Надя, положи сыночка! Я прощусь с тобой.

Надежда, бледная, как вошенная бумага, осторожно опустила на топчан сына, обнялась с мужем. Он заглянул в ее глаза, наполненные отчаянием и ужасом, прижал к груди, крепко поцеловал в губы.

– Что теперь будет со мной? – простонала она.

– Я не отдам тебя красным, не отдам! – выкрикнул осипшим голосом Рябокось и выстрелил из нагана ей в сердце.

Быстро подхватил жену на руки, поцеловал в стынувшие губы, щеки, лоб, бережно положил на топчан рядом с сыном. Спустя минуту он уже вместе с Дудником и Ковалевым брел по камышам.

Красные все ближе подходили к куреням, вокруг которых лежали убитые и раненые бандиты. Наконец рябоконецы были смяты, и бой затих. Загуби-Батько (он пришел сюда с красными как проводник) вынес из куреня ребенка, доложил Демусу:

– Жена Рябокосья убита, а это – его сын...

Вскоре на бивак были согнаны пленные, среди которых оказался командир 4-й сотни Садчиков. Увидев Загуби-Батько около куреня с ребенком на руках, Садчиков злобно бросил:

– Что, Тит Ефимович, в няньки записался? Предал Василия Федоровича? Не зря у тебя и фамилия такая. Погоди, придут наши.

– Не гавкай! – огрызнулся Загуби-Батько. – Придут ваши, когда рак на горе свистнет.

XXIII

Аншамаха приехал в Краснодар во второй половине дня. Выйдя из вокзала, он направился к трамвайной остановке. Там толпилось много народу. Вокруг шли разговоры о бунте у Екатерининского собора. Аншамаха прислушивался к этим разговорам и никак не мог понять, кто кого бил утром у собора и за что... Вдруг кто-то взял его под руку. Он повернул голову, увидел рядом с собой Ропота.

– Логгин Прокофьевич? – Лицо Аншамахи расплылось в улыбке. – Значит, ты, это самое... уже

---

⁸⁹⁶ Лысуха, или лыска – небольшая водоплавающая птица семейства пастушковых, величиной со среднюю утку. – прим. Гриня

⁸⁹⁷ Получается, банда вернулась на прежнюю базу или автор забыл, что отправил ее на лиман Бабиный. – прим. Гриня

поправился?

– Как видишь, – весело ответил Ропот. – Вот... Ну, а как твои дела? Все еще воюешь с бандами?

– Воюю помаленьку.

Мимо них прошел высокий худой человек в штатском. Ропот случайно встретился с ним взглядом и, чуть было не вскрикнув, судорожно сжал руку Аншамахи, указал на прохожего.

– Это тот монах, что казнил, рубил шашкой наших пленных и меня с ними на Мзымте, под старой липой, – шепнул Ропот, – Его надо немедленно схватить!

Они начали следить за Лукой, который, видимо, почуяв недоброе, прибавил шаг. Аншамаха расстегнул кобуру, вынул наган. Лука рванулся через привокзальный сквер, сбил на пути нескольких прохожих. Аншамаха выстрелил вверх, вместе с Ропотом погнался за монахом. Милиционеры, пытаясь задержать бегущего, также открыли пальбу из револьверов в воздух. По скверу понеслось:

– Стой!

– Держите бандита!

Лука начал отстреливаться, нырнул в ближайший двор, взбежал по наружной лестнице на веранду второго этажа, хотел выбраться на крышу, но тут пуля обожгла ему ногу. Милиционеры настигли его, отняли оружие, потащили вниз...

* * *

На Гарбузовой Балке, в доме Комаровского, тишина. Чувствуя себя в безопасности, Жуков лежал на кровати в небольшой комнатухе и размышлял о своей бездомной, бродяжнической жизни... Во дворе всполошились собаки. Жуков вскочил с постели, посмотрел сквозь тюлевую занавеску в окно, увидел у дома вооруженных людей в форме войск ОГПУ. К ним подбежал Онуфрий, спросил:

– Кого вам?

Жебрак смерил его глазами.

– Где отец?

– Татки нема дома, – ответил Онуфрий, – Воны на рыбалке.

Весь двор Комаровского уже был оцеплен чекистами. Из сарая вышел сам хозяин с низкой вяленой тарани в руках, объявил угрюмо:

– Ну, я Комаровский. Шо надо?

– Жуков у вас скрывается? – спросил Жебрак.

– Жуков? – с притворным удивлением переспросил Комаровский. – Ниякого Жукова у меня нетути

– Не морочьте мне голову! – повысил голос Жебрак.

– Отето ж... – Комаровский развел длинными руками. – Правду кажу... У меня никого нетути.

Чекисты вошли в дом, начали обыск. В кухне они обнаружили ход на чердак. Один из бойцов взобрался по лестнице, приставленной к лазу, хотел поднять головой крышку, но она сверху была чем-то завалена, не поднималась. Боец напрягся, высунул голову из люка на чердак. В то же мгновение на чердаке раздалась короткая пулеметная очередь. Боец свалился с лестницы. К нему подбежали товарищи, хотели поднять, но он сам встал, проговорил:

– Стреляет, гад!

Жебрак резко обернулся к Комаровскому:

– Кто это у вас на чердаке с пулеметом?

– Отето ж... лихоманка его принесла...

– Поднимитесь к нему и скажите, чтобы он немедленно сдался, – приказал Жебрак.

– Я этого не могу сделать, – замылся Комаровский. – Ить он мовет и меня... Вы уж сами...

– Татко, давайте я, – вызвался Онуфрий.

Отец глянул на него подслеповатыми глазами, кряхтя, поднялся к люку, громко окликнул:

– Диомид Илларионович, слазь... Теперички все равно...

– Всегда так... – всхлипнул Онуфрий, вытирая кулаками слезы. – На шо вы его приветали? А теперь...

– Кто его приветал? – гаркнул отец. – Сам пришел!

Жуков не подавал голоса. Комаровский опять обратился к нему:

– Ослобоняй горище, Диомид Илларионович.

– Пять минут даем на раздумье! – крикнул Жебрак полковнику. – Затем начнем стрелять.

Жуков не отзывался.

Прошло пять минут.

– Время истекло! – объявил Жебрак. – Слышите, полковник? Слазьте!

Затрещал потолок, послышались шаги, в люке появилось лицо Жукова.

– Освободи лестницу, Зосима Варлаамович, – сказал он Комаровскому и спустился на землю.

Его обыскали. Чекисты сняли с чердака ручной пулемет и несколько дисков с патронами. Жебрак надел Жукову и Комаровскому наручники. Конвойные вывели их на улицу, усадили в закрытую грузовую машину и увезли.

* * *

По кубанским станицам катилась волна возмущения верующих против изъятия церковных ценностей⁸⁹⁸. Подстрекаемые попами, верующие кое-где устраивали бунты, доходившие до вооруженных схваток. Вести об этом радовали Евсевия. Еще бы! Сам патриарх Тихон хвалебно отозвался о деятельности нового кубанского владыки. В своих мечтах Евсевий рисовал радужные планы всеобщего крестового похода против Советской власти, молился за его успех... Однажды за такой молитвой его и застал резкий дверной звонок.

«Кого это черт принес?» – подумал он и тут же спросил:

– Кто там?

– ОГПУ, откройте! – потребовали снаружи.

Дрожащими руками Евсевий открыл дверь, промолвил сдавленно:

– Прошу.

Соловьев с бойцами прошел в зал. Евсевий включил свет.

– Вы арестованы, одевайтесь, – объявил Соловьев.

XXIV

В конце февраля 1923 года темной ночью на побережье Черного моря, в районе Нового Афона, со шхуны высадилось десять белогвардейских офицеров, прибывших из Константинополя⁸⁹⁹. Подполковники Кравченко и Назаренко направились в сторону Сухуми, а полковники Орлов, Ковалев, подполковники Козликин, Рядзинский, есаул Лаштбега, подхорунжие Семилетов, Малахутин и фельдшер Комов на третьи сутки утомительного пути перевалили через глубоко заснеженный Главный Кавказский хребет и в верховьях реки Большая Лаба повстречались с подъесаулом Козловым, действовавшим тут с небольшой бандой. Один из белоказаков узнал полковника Ковалева, обрадовался:

– Ого-го! Пуд Пудович! – И пояснил Козлову: – Это наш станичник, полковник Ковалев.

Полковник подал казаку руку, улыбнулся в черные густые усы, пробасил:

– Ну, здорово, станичник! Значит, и вы тут...

---

⁸⁹⁸ **Изъятие церковных ценностей** – высший орган законодательной власти Советской России – Президиум ВЦИК (председатель Михаил Калинин) – 2 января 1922 года принял постановление «О ликвидации церковного имущества». 23 февраля было опубликовано принятое ВЦИК 16 февраля постановление «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим», которое предписывало местным Советам «...изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного комиссариата финансов для помощи голодающим». – прим. Гриня

⁸⁹⁹ По донесениям советской разведки, в начале 1923 года генерал Улагай в Константинополе действительно набрал группу из 10 человек для заброски на Кубань. Однако список группы, выехавшей в начале марта на шлюпке в район Сочи–Батум, состоит из 8 имен: полковник Васильев, полковник Назаренко, полковник Орлов Петр Лукич, полковник Козлихин Дмитрий Максимович, полковник Кравченко Афанасий Иванович, войсковой старшина Ковалев Григорий Васильевич, чиновник Стропун Василий Яковлевич, казак Раднинский. – прим. Гриня

– А где же нам быть? Вот, при атамане находимся! – И казак указал на Козлова.

Орлов взял под козырек, доложил:

– Мы из Турции, по заданию генерала Улагая.

Подъесаул Козлов пригласил их к себе в пещеру, которая именовалась «Скирдой»⁹⁰⁰. Прибывших накормили и в небольшом боковом отводе на мягком сене определили на ночлег.

Утром Орлов устроил совещание, принял на себя руководство бандой и сразу же распределил должности среди своих сподвижников: Козлика направил в Баталпашинский отдел, Ковалева – в Армавирский, Малахутина – в Майкопский, а Семилетова – в Краснодарский отдел, дав ему в помощники Рядзинского. Лаштбегу и Комова он оставил при себе. Здесь же было написано воззвание к кубанцам с призывом к всеобщему восстанию, намеченному на весну 1924 года. Козликин – высокий, долговязый, костистый, с непомерно длинным носом и длинными вислыми усами – раз и другой прочел воззвание про себя, затем хлопнул пальцами по бумаге, одобрил:

– Атлично, гаспада афицеры!.. А особенно звучит это место: «...коммунисты отправляют в Германию казаков для насаждения там коммунизма, и из Германии уже идут тысячи вагонов с ранеными казаками...» Эта фраза заставит задуматься кубанцев. Да, да, гаспада, атменно!

Лаштбега, распахнув изрядно поношенный полушубок, сидел под стеной на чурбане, крепко зажав ладонями опущенную голову. Козлов видел, как дрожали его сухие пальцы, думал с глубоким разочарованием: «Вот тебе и весь десант, о котором мы так много говорили и которого так долго ждали!..»

Семилетов, рослый, со следами сабельных ранений на лице, курил папиросу за папиросой и только после того, как Орлов и Козликин умолкли, спросил у Козлова:

– Какие части красных находятся сейчас в горах?

– По последним сообщениям из Баталпашинска, Воронов прибыл в Майкопский отдел с двумя полками. Кроме того, здесь действуют и другие красноармейские части.

В пещеру вошел Забелин в запорошенном снегом овчинном тулупе с высоко поднятым воротником. Увидев незнакомых людей, он задержался у порога, снял соболью шапку, стряхнул с нее снег, проговорил:

– Добрый день, братия.

Козлов представил его посланцам:

– Это священник – отец Александр, господа. Бежал из Краснодара. Сейчас он в отряде полковника Белова, по соседству с нами.

Козликин строго свел вихрастые седеющие брови, уставился на попа серыми, точно оловянными, глазами и, очертив указательным пальцем в воздухе восьмерку, спросил:

– Так, значит, большевики уже добрались и до вас, ваше преподобие?

Забелин беспомощно развел руками:

– Увы, это так!

– Треба поднимать восстание! – раздраженно бросил Ковалев.

– Да вот мы и ждали вас... – проговорил с заминкой Забелин, искоса поглядывая на Козлова, сидевшего против него с угрюмым видом. – Большого десанта ждали...

Низколобый Комов набычил крутой затылок, поглядел на попа из-под густых рыжих бровей, сказал назидательно:

– Под лежащий камень и вода не бежит, ваше преподобие.

– Вот-вот, – подхватил Козликин. – Надо всколыхнуть кубанских казаков! – И, вынув из внутреннего кармана засаленного до блеска военного кителя только что написанное воззвание, протянул его Забелину. – Познакомьтесь, ваше преподобие, о чем следует сейчас говорить в станицах и хуторах.

Забелин внимательно прочитал воззвание.

– Недурно, все правильно, – одобрил он. – Но я бы еще добавил...

– Вот мы и поручим вам написать другое воззвание, отец Александр, – сказал Орлов.

– Сие задание выполню с охотой, господин полковник, – поклонился Забелин.

Козлов закурил и, нервно зашагав по коридору, вдруг бросил с угрюмой усмешкой:

---

⁹⁰⁰ Возможно, имеется в виду хребет **Скирда**, отходящий к западу от массива горы Ятыргварта. Его протяженность около 10 км, высшая точка – безымянная пологая вершина 2411 м. Отличительная особенность хребта **Скирда** – много пещер и карстовых полостей, расположенных на его склонах. Известно около 60 пещер разного размера. – *прим. Гриня*

– Дохлое дело!

– К чему это вы, господин подьесаул? – обиделся Орлов. – Генерал Улагай принимал все меры. Но что он мог сделать, если Англия, Франция и Америка только занимаются разговорами об оказании нам военной помощи, а, по сути дела, ничего не предпринимают. Взять хотя бы такой факт. Чтобы переправить нас на Кубань, генерал Улагай был вынужден купить шхуну на свои личные деньги.

После долгого обсуждения конспиративных вопросов, касающихся работы в станицах и хуторах Кубани по заданию вновь организованного центра, возглавляемого полковником Орловым, Козлов спросил у Забелина:

– Ну, а как дела у Белова?

Забелин дернул плечом.

– По-моему, неважные. Между полковником Беловым и подьесаулом Минаковым наметилась весьма большая трещина.

– Что же произошло между ними? – встревожился Козлов.

– Видите ли... Ну, как вам сказать... – замялся Забелин. – Выяснилось, что Минаков решил сдать большевикам и тайно повел на сей счет агитацию среди партизан Белова. Ему, знаете, даже удалось завербовать несколько человек в свою шайку. – Забелин закатил белесые глаза: – Пресвятая богородица! Вы не можете себе представить, что произошло там прошлой ночью. Весь отряд сразу разделился надвое, и началось... Я едва вырвался из этого ада

– Что же вы молчали об этом до сих пор, черт вас побери? – набросился на попа Козлов.

Забелин испуганно замигал опухшими красными веками, пробормотал:

– Я хотел сразу... Но вы были заняты.

Козлов плюнул с досады.

– Ах, чтоб вас!.. Надо немедля ехать туда.

* * *

На левом берегу Уруштена, неподалеку от селения Черноречье две пещеры. Одну из них – западную – занимала банда Белова. Теперь она разъединилась на две группы: первая осталась с полковником Беловым, а вторая ушла с подьесаулом Минаковым в соседнюю, восточную, пещеру.

Под горою Дзюва⁹⁰¹, у реки, на вытоптанном снегу, в кустах орешника и меж валунами еще чернели необрунные трупы, оставшиеся после ночной схватки.

В пещере на подстилках из сена под бурками и тулупами лежало несколько тяжелораненых. Их стоны неслись по всему подземелью. Вдоль стен сидели бандиты, молча курили сигарки. Сырой, пропитанный табачным дымом воздух был удушливо-тошнотворным. Белов находился в боковом отводе пещеры. Не раздеваясь, он прилег на топчане, застланном черным войлоком.

Под вечер дежурный доложил полковнику о прибытии отряда Козлова. Белов вскочил, распорядился:

– Приглашай!

Через несколько минут вошел Козлов в сопровождении Забелина и офицеров, прибывших из Турции. Представив заморских гостей, Козлов спросил:

– Ну, так что тут у вас произошло?

Белов с возмущением рассказал о предательстве Минакова и о ночной стычке.

– Где же сейчас подьесаул? – спросил Орлов.

– В соседней пещере засел.

– И много с ним казаков?

– Человек тридцать.

Ковалев пощипал густые черные усы, сказал твердо:

– Надо уничтожить мерзавцев!

Как только горы погрузились во тьму, два отряда, соблюдая полнейшую тишину, двинулись

---

⁹⁰¹ **Гора Дзюва** – высота 2425 м, вершина в составе Солонцового хребта на границе Мостовского района Краснодарского края и Республики Адыгеи. – *прим. Гриня*

вниз по Уруштену. Но в пещере, которую занимал Минаков со своей группой, уже никого не было.

XXV

Рано утром Шкрумов по снежной дороге возвращался с гор. За спиной у него – винчестер, ягдташ; на поясе патронташ; через плечи – справа и слева – подвязанные за ноги, два убитых зайца.

В районе Бахмута он неожиданно повстречался с бандой Белова, в которой находились Орлов, Ковалев, Лаштбега, Козликин и поп Забелин. Всадники спешили. Шкрумов остановился под горой, внимательно присматриваясь к каждому бандиту.

Орлов подошел к нему, спросил:

– Вы из какой станицы?

– Из Передовой. – Шкрумов назвал станицу, куда он недавно переехал на жительство со своей старухой.

Орлов присел с ним на валуне, повел разговор о житье-бытье станичников при Советской власти. Шкрумов пожал плечами, ответил:

– Живем, да и уже... куды денешься...

– То-то и оно! – подхватил Орлов и, дружелюбно положив руку на его плечо, перешел на «ты»: – Говоришь, куда денешься? А ты переходи к нам.

Шкрумов остановил на нем долгий взгляд, затем спросил:

– Как, в банду?

– У нас не банда! – повысил голос Орлов. – У нас повстанческий отряд.

Шкрумов виновато улыбнулся в усы:

– Извините, что невпопад... У нас все так называют ваших повстанцев.

– Называют те, – сердито сказал Орлов, – против кого мы боремся! – Он указал на Лаштбегу, добавил: – Вот человек, есаул, служил у красных, а теперь с нами.

– Ясно, – протянул Шкрумов, поглядывая на Лаштбегу.

Орлов заглянул ему в глаза:

– Вот что... можешь не вступать в наш отряд, а будешь только помогать нам, информировать нас о том, что делают власти в станице.

– Э нет, – возразил Шкрумов. – В этих делах я несходчивый человек. Ежели б чудок раньше, то, может быть, я и согласился, а теперь нет никакой выгоды. Жизнь-то пошла на поправку.

К ним подошли Лаштбега, Ковалев и Козликин, также уселись на камнях.

– Ну, что? – издали обратился Белов к Орлову. – Не соглашается?

Полковник мотнул головой.

– Не хочет.

– Значит, уже свыкся с Советской властью? – с укором пробасил Ковалев. – Душком большевистским пропитался?

– А он, случаем, не коммунист? – спросил Козликин.

– Коммунисты в горы не ходят, – заявил Белов – Мы с ними быстро бы разделались.

– Ну что ж, братцы, – вставая, заключил Орлов, – погупорили малость, а теперь нам пора. – Он подал руку охотнику: – Бувай, старина. Только вот что... У себя в станице скажи казакам от нашего имени, чтобы они не дуже поспешали платить налоги Советской власти. Скоро на Кубани зачнется шеремия.

– Ясно, – кивнул Шкрумов. – Об этом можно.

Банда села на коней, поскакала в горы.

* * *

На Куве стояло затишье. Только злобно шумела река да морозный ветер срывал поземку, вихрил ее по склонам гор и в узком ущелье.

В третьем «окне», на скале, как сарыч⁹⁰² на вершине дерева, сидел дозорный белоказак из

---

⁹⁰² Сарыч – хищная птица семейства ястребиных, то же что обыкновенный канюк. – прим. Гриня

банды Волошко. Он внимательно глядел на дорогу в ущелье, прислушивался к завыванию вьюги, похожему на вой голодной волчьей стаи, то и дело кутался в кожух и прятал голову в приподнятый воротник.

Но вот внизу, в снежных вихрях, показалась банда Белова, державшая путь к южной стороне горы, откуда вела тропа наверх, в пещеру. Дозорный навел бинокль на конников, затем вскочил на ноги и забарабанил нагайкой в старое ведро, объявляя тревогу.

К дежурному прибежали Волошко с сыном и несколькими белоказаками.

– Шо тут случилось?

– Да вон, бачите, – указывая рукой в ущелье, ответил дозорный. – Верховые к нам.

Волошко поднес к глазам бинокль.

– Так це ж наши люди! – вскричал он. – Полковник Белов едет. А ну-ка, Поплий, ступай к хлопцам, пускай они пропустят отряд на гору.

Вскоре гости уже были в просторной, натопленной пещере, у Волошко. Представив ему посланцев из Турции, Белов сказал:

– Это те самые люди, Иван Иванович, которых мы так долго ждали.

Волошко, казалось, на несколько минут онемел от радости, потом поспешно перекрестился, воскликнул:

– Слава тебе господи! Наконец-то дождались!.. Значит, все-таки высадился десант?

Белов молча развел руками, взглянул на Орлова. Тот, заметив его замешательство, ответил:

– Нет. Десант пока не предвидится... – И добавил: – Мы пришли сюда по заданию генерала Улагая.

У Волошко на лбу выступила холодная испарина. Он медленно вытер ее ладонью, тяжело опустился на стул, спросил упавшим голосом:

– Як же это надо понимать?

– А так... Сами будем готовить восстание...

– Сами? – Волошко уныло покачал головой. – Что-то у нас уже третий год ничего не получается.

– Ну, я бы этого не сказал! – возразил ему Забелин, – Сейчас в станицах вспыхивают бунты.

Волошко не стал спорить. Он позвал жену, велел ей приготовить ужин. Домна молча вкатила сырн⁹⁰³, поставила его посреди пещеры, нарезала хлеб, начала наливать в глиняные миски борщ. Волошко достал из шкафчика четверть самогону, сказал:

– Раздевайтесь, дорогие гости! Будем вечерять.

Забелин расстегнул пояс, снял с себя тулуп, и Волошко увидел на нем черную рясу и большой крест на груди. Забелин помыл руки, заглянул в зеркало.

Из боковой комнаты вышли Валентина Волошко и Антонина Демьяшкевич, поздоровались с офицерами. Белов удивленно вскинул брови, воскликнул:

– О-ба! Лесовичка! Какая приятная встреча. Дай я обниму тебя на радостях.

Антонина легонько оттолкнула его от себя.

– Не балуй, господин полковник, а то я теперь острая. – Кокетливо прищурилась и вместе с Валентиной вышла из пещеры.

От борща шел аппетитный дух. Волошко наполнил стаканы самогоном. Ковалев хлопнул поа по спине тяжелой рукой, крикнул в усы:

– Ну что, батька, выпьем?

– И подзакусим, Пуд Пудович, – согнувшись чуть ли не в дугу, хихикнул Забелин, – Страсть, как я проголодался.

– А я целую неделю могу не есть – и ничего! – прихвастнул Козликин.

Орлов махнул рукой:

– Не бреши, Парамон Маркелович! Ты же всю дорогу скулил, что у тебя в пузе шакалы воют.

– То я для красного слова, Евдоким Харитонович, – отозвался Козликин, поглаживая длинные усы и облизываясь. – Люблю, знаете, красноречие. Вот и шутил. У меня слово – олово!

Сели вокруг сырна. Забелин перекрестился на почернелый образ матери божьей, занял низенькую скамейку между Беловым и Ковалевым, поболтал ложкой в своей миске: борщ показался

---

⁹⁰³ Сырно (мест.) – круглый, с низенькими ножками стол.

ему жидковатым. Он скользнул голодными глазами по другим мискам: в некоторых виднелись куски мяса.

«А у меня инно картошка одна другую догоняет», – с досадой подумал Забелин.

В комнату вбежал Поплий, закричал:

– Вы поглядите, кто к нам едет!

Офицеры бросились к дверям.

Но вскоре вернулись, и Орлов спросил:

– Как, господа, может быть, подождем, пока подъедет князь Дудов?

– А чего ждать? – возразил Забелин. – Борщ совсем остынет.

Все снова заняли свои места за столом.

– Ну, будем живы, други! – Волошко поднял стакан, залпом выпил самогон и, крикнув от удовольствия, вытер губы, взял ложку. Выпили и остальные.

– Да, борщок что надо! – похвалил Забелин. – Давно я не ел такого...

В занавешенной медвежьими шкурами двери остановился князь Дудов, снял баранью папаху, низко поклонился собравшимся.

Волошко поднялся ему навстречу, гостеприимно пригласил к столу. Дудов стоял как вкопанный и, словно не слыша приглашения, вдруг объявил:

– С недоброй вестью прибыл я, господа офицеры! На Марухском перевале⁹⁰⁴ чекисты схватили полковника Крым-Шамхалова и по решению Чрезвычайного военнополитического совещания расстреляли в Теберде.

Забелин оторопело перекрестился, пробормотал:

– Царствие ему небесное.

Офицеры встали, почтили память Крым-Шамхалова молчанием. Волошко налил в стаканы самогона, сказал:

– Выпьем, други, помянем полковника.

* * *

Шкрумов остановился у станичного Совета, спросил у казака, курившего на крыльце сигарку, где председатель. Казак ответил:

– Дома... Заболел, что ли.

Шкрумов поправил винчестер за спиной, направился домой. На улице ему встретился станичник. Указав на зайцев, спросил:

– Что ж так мало, Иван Степанович?

– Всяко бывает, – не останавливаясь, бросил через плечо Шкрумов.

С южной окраины станицы донесся крик бегущего человека. Шкрумов оглянулся. Человек махал руками, отчаянно взывал к станичникам:

– Братцы, помогите! Банда угнала мою подводку в горы!

Из станичного Совета выскочило несколько вооруженных чоновцев. На улице собралась толпа казаков.

«Теперь ищи-свищи ветра в поле», – подумал Шкрумов и зашагал по улице к своему двору.

* * *

Поздно вечером кто-то постучал в закрытое окно дома Оглобли. Наум Трофимович лежал на кровати в одном исподнем, читал газету. Варвара подошла к окну, спросила:

– Кто там?

– Выдь сюда, – отозвался снаружи мужской голос

Варвара обратилась к мужу:

---

⁹⁰⁴ **Марухский перевал** – перевал через Главный Кавказский хребет на границе Российской Федерации и Республики Абхазии. Перевал ведёт из долины реки Маруха (приток реки Малый Зеленчук, бассейн Кубани) в долину ручья Марух (приток реки Чхалта (Ацгара), бассейн Кодори). – прим. Гриня

– Наум, кто-то кличет.

– Ну, выйди, – сказал он, не отрываясь от газеты.

Варвара накинула на голову платок, нырнула в сени и едва открыла дверь, как вошли пять бандитов во главе с подъесаулом Минаковым. Оглобля, услышав незнакомые голоса, выхватил из-под подушки наган, направил в сторону кухни.

– Где Наум Трофимович? – миролюбиво обратился Минаков к хозяйке, застывшей у печки.

– Его нету дома, – слезно промолвила Варвара.

– Да ты не бойся, – улыбнулся Минаков, – Мы к нему с миром. – Он приподнял дверную занавеску, увидел Оглобля с наганом в руке, сказал спокойно: – Опусти оружие, Наум Трофимович. Мы не за твоей душой явились. Хотим поговорить о наших делах.

Оглобля положил наган на одеяло, сел на кровати. Бандиты вошли в комнатушку, расселись на стульях.

– Что же ты, Наум Трофимович, болеть вздумал? – участливо спросил Минаков.

– Да вот, занедужилось... – ответил Оглобля, чувствуя, как от напряжения нервно подергивается мускул на правой щеке.

– Хвороба к каждому может прилипнуть, – заметил хриплым баском один из бандитов.

– Так по какой же надобности вы пожаловали ко мне? – спросил Оглобля, настороженно поглядывая на незваных гостей.

– Порешили выйти из банды, – заявил Минаков. – Пришли узнать, как отнесется к нам Советская власть после этого.

Оглобля все еще не верил его словам, сдвинул густые брови, отчего на шишковатом лбу пролегли две глубокие складки. Помедлив немного, ответил:

– Заплуталых людей Советская власть не карает. Будет относиться к ним так же, как и ко всем амнистированным. Никакого притеснения чинить вам не будет.

– А гарантию мы можем получить? – поинтересовался худой, длинношей казак с заросшим обветренным лицом.

– Гарантию? – Оглобля озадаченно потеревил курчавую черную бороду. – Мы будем придерживаться амнистии... конечно, ежели вы честно станете трудиться.

– Раз мы порешили, то какой тут может быть разговор, – заверил Минаков.

– Не сумлевайтесь, Наум Трофимович! Не подведем! – разом загудели казаки.

– Ну вот и хорошо, – одобрил Оглобля. – Давно бы так! – И вдруг спросил: – А кто же это сегодня угнал подводу нашего станичника?

– Братья Крым-Шамхаловы, Баксанук и Дауд, – ответил Минаков. – Сейчас они с князем Дудовым на Куве, у Волошко. Наши хлопцы за ними следят.

Оглобля нервно прикусил губы.

* * *

В натопленной пещере, у стола, перед чадившей свечой, сидел Забелин и, старательно выводя на бумаге крупные буквы, писал воззвание... Тут же находились и все офицеры, прибывшие с Беловым и Волошко. Орлов задремал на топчане; Козликин от нечего делать наблюдал за каллиграфическим искусством попа; Лаштбега, присев у печки, время от времени подкладывал в огонь поленья. Белов и Волошко в ожидании, пока поп закончит свое сочинение, сонно клевали носами.

Забелин наконец самодовольно погладил лысину.

– Готово! – сказал он, выходя из-за стола. – Послушайте, братия.

В дверях появился Ковалев, подул на руки, крикнул:

– Ну и мороз на дворе!

– Тихо, Пуд Пудович, – предупредил его Козликин. – Отец Александр читать будет.

Ковалев сел на чурбанчик, расправил усы. Из-за медвежьей шкуры, висевшей на двери женской спальни, выглянула Антонина с распущенными косами. Забелин обвел всех впалыми, колючими глазами, начал басом:

– «Возлюбленные братия и сестры многострадальной Кубани! В одном псалме написано: „...рече безумен в сердце своем: несть Бог!“ И подлинно, только безумный может подумать, что нет

бога. Откуда же взялись небо и земля, если б не было бога? Откуда взялись бы солнце, луна и звезды на небе, если б не было бога? Что ни есть на свете, то все божие создание, и всякое создание свидетельствует, что есть творец, создавший его...»

– Позвольте, отец Александр, – прервала его Антонина, – Слишком пространно и столь же туманно. Ваши доводы о существовании бога неубедительны.

Забелин недовольно покосился на нее.

– Вот так и безбожие рождается! Бога нельзя ни доказать, ни видеть. Его можно только чувствовать душой, причем душой с известным психологическим настроением.

И кашлянув, продолжал чтение:

– «Конечно, если б только действительно безумный или сумасшедший говорил, что нет бога, то это ничуть не было бы удивительно: на то он и безумный, чтобы говорить безумное; но удивительно то, что безумными безбожниками бывают люди, находящиеся, по-видимому, в здравом уме. Таких безумных сейчас очень много! Это те, которые грешить не боятся!»

Высоко подняв высохший, как стручок перца, указательный палец, Забелин обрушился в своем воззвании на большевиков за то, что они отвергли бога, подняли революцию в России и прогнали царя-батюшку. В заключение пространного воззвания говорилось: «Мы ставим вас в известность, братия и сестры, что по нашим планам, то есть планам Объединенного центра бело-зеленого движения на Кубани, весной 1924 года в нашей области должно вспыхнуть всеобщее восстание против большевистской власти. И вы все, кому дорога наша матушка-Кубань, должны готовиться к этим великим событиям, все как один должны принять в этом восстании свое участие, чтобы сплоченными силами изгнать ненавистную нам власть с нашей земли-кормилицы, подаренной нам царицей Екатериной II, и потом зажить вольной, сытой жизнью, как жили наши предки: прадеды, деды и отцы. Аминь».

Выслушав попа, офицеры молча переглянулись между собой.

– Ну что, братия, каково? – обратился к ним Забелин.

– Что-то великоват церковный крен, – заметил Орлов.

– Обращаться к верующим надо только так, – сказал Забелин.

– Это, пожалуй, верно, – согласился с ним Белов.

– Подсократить бы малость, – предложил Козликин. – Верующие упряют, пока до сути доберутся.

– Нет, нет сокращать не буду! – возразил Забелин. – Чем больше о боге, тем лучше.

Волошко поскреб голый затылок, покрутил головой.

– Все это гарно, други, – скептически заметил он. – Но будет ли толк от этой затеи? Бог и антихрист – это шось неземное.

– Что же вы предлагаете? – спросил Орлов.

– Треба широко пропагандировать среди людей, что за границей зараз готовится большой десант, который немедленно придет нам на помощь, – сказал Ковалев.

– Правильно! – согласился Лаштбега. – Пропаганда должна быть действенной, от нее зависит наш успех.

Забелин начал было спорить, доказывать, что главную ставку надо все же делать на верующих и что воззвание, написанное им, сыграет огромную роль в подготовке восстания на Кубани, но под давлением большинства ему все же пришлось значительно изменить первоначальный текст.

– Ну, теперь, надеюсь, вас устраивает новая редакция? – обратился поп к офицерам.

Орлов поморщился, махнул рукой.

– Не верю я ни во что, господя! Прахом все идет. – Он обернулся к Забелину и спросил – Что у нас завтра, отец Александр?

– Как что? – не понял поп.

– Ну как же, – протянул Волошко. – Про заговены⁹⁰⁵ забыли, что ли?

Забелин хлопнул себя по лысине:

– Ну да, конечно! Завтра же заговенье на великий пост. И как я запомнил?!

---

⁹⁰⁵ **Заговены** (заговенье, запусты, мясопустье) – в традиции Православных церквей название последнего дня перед длительным постом, когда ещё можно употреблять скоромную пищу (животного происхождения). В славянской традиции заговеньем называется время, когда воздерживались от работы, обильно ели и веселились в преддверии постных ограничений; реже – вечер и ужин накануне поста. – прим. Гриня

– Вот завтра мы и гульнем! – воскликнул Орлов, – А потом видно будет...

XXVI

В первых числах марта, когда с полей сошел снег, банда Белова, оставив пещеру Волошко, двинулась в путь. Впереди на конях ехали Орлов и Ковалев; позади на тачанке Антонина с предводителем шайки, а за ними рысили Лаштбега и Дудов. В самом хвосте колонны поспешал на кобыленке поп Забелин. Ковалев приказал всем прикрепить к папахам пятиконечные звезды, повязать на рукава красные повязки и поднять красное знамя.

Спустились с гор в долину. И тут бандиты увидели на дороге кавалерию. Впереди конницы реяло алое знамя.

– Приготовиться к бою, – распорядился Белов, – но не начинать до моей команды.

– А ну, затынем песню! – предложил Ковалев.

Белов, откинувшись на спинку тачанки, запел:

Там вдали, за рекой.
Загорались огни,
В небе ясном заря догорала.⁹⁰⁶

Десятки голосов дружно подхватили:

Сотня юных бойцов
Из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

Красные конники, не подозревая, что перед ними бандиты, ехали спокойно. Поравнявшись с командиром красных, Ковалев вскинул руку к папахе, крикнул басом:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

– Здравия желаем! – отозвались кавалеристы.

– Что за часть? – спросил командир красных конников.

– Действуем против белобандитов и дезертиров, – ответил Ковалев и пустил в намет своего коня.

За ним поскакала вся банда. Оставив далеко позади красную кавалерию, Ковалев похвастался:

– Вот так надо галок бить, братцы!

– А если б они опознали кого-либо из нас? – не смолчала Антонина. – Тогда что было бы?

– Если бы да кабы... – усмехнулся Орлов. – Не думай об этом.

Впереди, в Урупском ущелье, показалась станица.

– Братцы! – сказал Белов. – Перед нами Преградная. Мы должны побывать в ней.

Под самой станицей банде попался навстречу чоновский отряд. Видя красное знамя и звездочки на шапках, чоновцы проехали мимо банды и даже не поинтересовались, что это за часть. Обман Ковалева удался и на этот раз.

– А сейчас начнем действовать! – предупредил Белов свою шайку. – Зайдем вон в тот двор.

У калитки он спрыгнул с подножки тачанки. За ним спешили Орлов, Ковалев, Лаштбега, Козликин и Дудов, направились к хате по дорожке, вымощенной кирпичом. Их в окно увидела женщина, вышла на крыльцо.

– Хозяин дома? – спросил Белов.

– Дома, – спокойно ответила женщина. – А зачем он вам?

– Погугорить хотим! – заявил Орлов. – Зови его.

Женщина заглянула за хату, позвала мужа. Тот, вытирая тряпицей руки, подошел к незванным

---

⁹⁰⁶ Автором текста песни является поэт и переводчик, эстонец Николай Мартынович Кооль. В 1924 году он опубликовал стихотворение под таким названием в газете города Курска под псевдонимом «Колька-лекарь». Исполнялась песня в качестве строевой, так как новых красноармейских песен было мало. В 1928 году профессор Московской консерватории, дирижер и композитор Александр Васильевич Александров положил слова красноармейской строевой песни на музыку. – прим. Гриня

гостям и, внимательно приглядываясь к незнакомцам, спросил:

– Что вам надобно?

– Да ты приглашай в хату, – сказал Белов, – потом будешь пытаться, кто мы и за какой надобностью пожаловали к тебе.

Хозяин положил тряпицу на перила крыльца, указал на дверь:

– Ну, проходите.

Белов шагнул через порог, за ним последовали офицеры и поп Забелин. Все уселись на скамейках, стульях.

– Ну, как вы тут живете, чем занимаетесь? – начал Белов, не повышая тона. – Гуторят, что скоро казаки начнут рассчитывать с вами за все советские дела.

Хозяин, все еще не понимая, что это за люди, снова спросил:

– Да вы кто будете?

– Мы сыны Кубани, освободители казачества, – заявил Орлов.

Козликин, поправляя дрожащими пальцами усы, воскликнул нетерпеливо:

– Эх, и чего тут в ступе воду толочь, господа офицеры?

– Ты погодь, Парамон Маркелович, – прервал его Орлов. – Человеку надо растолковать, что мы идейные борцы против Советской власти и таких изменников казачества, как он...

– Али ты, может быть, уже не член станичного Совета? – обращаясь к хозяину, прибавил Белов.

– Вишь, дурачком прикинулся, – сказал Орлов.

Хозяин резко встал.

– Да вы что? – глядя на всех испуганными глазами, с трудом промолвил он. – Вздумали шутки шутить?

– Ты не нервничай, – силой усадил его Лаштбега, – Погодь трошки.

– Вот что, – обратился Козликин к хозяину. – Ты, как член станичного Совета, расскажи нам о статистических данных, сколько казаки в Преградной посеяли в нынешнем году? Какая экономика вашей станицы?

– А мне-то откедова все это известно? – дернул плечом хозяин. – Я же не занимаюсь этими делами!

– Так... – протянул Козликин, вычерчивая пальцем восьмерку в воздухе. – А сам сколько посеял?

– Две с половиной десятины озимой, – ответил хозяин, – а полторы думаю засеять яровыми и пропашными.

– Чего ж так мало? – поинтересовался Ковалев.

– Как мало? – Хозяин остановил на нем вопросительный взгляд. – У меня столько надельной земли. Две десятины на меня и две на жену. А при царе я имел только три.

– Значит, при царе жилось хуже? – спросил Дудов.

– Выходит, так.

– Мм-да! – тяжело перевел дух Белов. – Понятно... И сплеча ударил наганом хозяина по голове. Тот свалился на пол.

Женщина подняла отчаянный крик, бросилась к двери, но ей преградили дорогу, сбили с ног. Забелин выдернул из-за пазухи большой крест с распятием, благословил расправу.

Забрав все продукты и лучшие вещи, бандиты прибили на заборе воззвание к кубанцам, направились к Бесстрашной⁹⁰⁷.

Въехав в станицу, Белов сказал:

– Братцы! Здесь живет некий Хватов. Он недавно возвернулся из-за границы, но с нами отказался работать. Давайте заглянем и к нему на минутку.

Банда проехала по улице квартал, свернула за угол, остановилась у двора казака Хватова. Белов спрыгнул с тачанки и вместе с Орловым скрылся за домом. Послышался лай собаки, потом приглушенный крик.

Белов вышел на улицу.

– Готов! – Он сел на тачанку. – Теперь к центру.

---

⁹⁰⁷ Станица **Бесстрашная** расположена в 30 км к северу от станицы Преградной. Не то, чтобы для кавалерийского отряда невозможно преодолеть такое расстояние по резко пересеченной местности, минуя другие населенные пункты, но подобный марш-бросок достоин хотя бы краткого описания... – прим. Гриня

Бандиты заскочили в Совет, убили там старшего милиционера, дневального и только после этого покинули станицу.

В Упорную они въехали с революционной песней. Налетели на исполком, разгромили его и тут же принялись за грабеж потребительской лавки. Ковалеву принесли бутылку водки. Он выпил, вытер усы ладонью, схватил факел и, петляя по улице, побежал поджигать хату милиционера.

Из Упорной бандиты двинулись на Баталпашинск. По пути заскочили в хуторок. На окраине в хатенке гуляла молодежь. Ковалев с тремя казаками въехал во двор. Парни и девчата, увидев их, оборвали пение. Ковалев вошел в комнату, промычал:

– Ну... чего тарашитесь на меня, як бараны на новые ворота? Пойте!

Пошатываясь, Ковалев шагнул к смазливой дивчине, взял ее за подбородок и, глядя ей в черные глаза, спросил:

– Тебя як зовут?

– Анна, – ответила та.

– А фамилия?

– Пшеничная.

Ковалев взял девушку под руку, вывел из хаты и что-то шепнул ей на ухо. Она отшатнулась от него:

– Да вы шо, дядько, белены объелись?

Ковалев силой усадил ее на коня и увез за хутор. Вернувшись через полчаса, он объявил всем, что отныне Анна Пшеничная – его жена.

В Упорную со своим отрядом прибыл и полковник Огороков, действовавший в Баталпашинском отделе. Увидев Ковалева⁹⁰⁸, он спросил:

– Так ты, значит, господин полковник, успел уже и жениться? Где ж твоя жена?

– В хате скигле⁹⁰⁹, – буркнул Ковалев, закуривая. – Хай трошки поплаче.

– Ну, а у вас как дела? – поинтересовался Белов.

Огороков поскреб затылок.

– Хотел я в Армавирский отдел проскочить, повстречаться с полковником Пржевальским, да у него сейчас дела неважные. Воронов с двумя полками гонит его.

– Где же сейчас Воронов?

– Пожалуй, до Отрадной дошел.

В одном из конников Огорокова Забелин вдруг узнал Демиденко, воскликнул обрадованно:

– О, кого я вижу! Как вы сюда попали?

– Очевидно, так же, как и вы, отец Александр, – невесело ответил Демиденко.

* * *

Дудов простился с Беловым и вместе с Забелиным и Козликиным поскакал к Передовой. Наступала ночь. В небе засиял серебряный серп полумесяца. У Исправной, за мостом через Большой Зеленчук, Забелин расстался со своими спутниками, направился в сторону Зеленчукской.⁹¹⁰ В верстах в пяти от станицы он увидел на дороге в предрассветных сумерках верховых, хотел скрыться в кустах, но было уже поздно. Его заметили, донесся громкий окрик:

– Стой! Ни с места!

Забелин в страхе перекрестился, прошептал:

– Помоги мне, господи!

Несколько всадников окружили попа.

---

⁹⁰⁸ Наверное, часть банды с Ковалевым во главе, после «свадьбы» в первом попавшемся хуторе, вернулась назад, в Упорную. Да и то – 80 верст по степи с четырьмя крупными водными преградами до Баталпашинской... Не осилили. – прим. Гриня

⁹⁰⁹ Скигле – скулит (от украинского *скиглення* – скуление, нытьё, стон). – прим. Гриня

⁹¹⁰ Похоже, Передовую проскочили не заметив... – прим. Гриня

– Кто такой? – обратился к нему старший.

Забелин сразу узнал по голосу Минакова, и горло у него перехватило, точно веревкой. Он молчал. Подьесаул заглянул ему в лицо, злорадно протянул:

– Да это же наш старый приятель! Куда путь держите, батька?

Губы у Забелина запрыгали, и он с трудом вымолвил:

– В монастырь, в монастырь, господин подьесаул.

Минаков указал на юг:

– Сюда, в Зеленчукскую пустынь⁹¹¹?

– Нет! – задыхаясь от страха, прохрипел Забелин. – В Спасо-Преображенский! На покаяние души...

– Тоже губа не дура! – захохотал кто-то из казаков. – К монашкам, значит!

Минаков обратился к своим конникам:

– Ну как, братцы? Отпустим святого отца к монашкам? Простим то, что он предал нас Белову, и то, что мы из-за него потеряли семерых лучших своих товарищей?

– Да я... Да я... – слезно залепетал Забелин. – Не предавал.

– Не брешь, иуда! – гаркнул Минаков.

– В расход его! – подхватили яростные голоса.

Сложив руки на груди, Забелин заскулил:

– Не погубите, братия! Христом-богом молю!

Его стащили с лошаденки, отобрали саблю и револьвер, висевшие под рясой.

– На скалу его, братцы! – распорядился Минаков.

Казаки подхватили попа под руки, поволокли на гору, возвышавшуюся на правом берегу Большого Зеленчука. Забелин упирался, снова и снова отчаянно молил о пощаде, наконец упал, начал, как полоз, извиваться по земле.

Солнце уже поднялось над горизонтом, золотило верхушки гор. Забелин, съежившись и дрожа, лежал на голом камне. Минаков остановился у стремнины, заглянул в пропасть. Далеко внизу торчали острые камни, свирепо шумела река. Между камней появилось стадо диких кабанов, которые, видимо, спешили на водопой...

Минаков махнул рукой. Казаки схватили попа за руки и ноги, поднесли к обрыву и, раскачав, бросили в бездну. Дикий вопль огласил молчаливые горы, и Забелин, распластавшись в воздухе, быстро уменьшаясь, полетел вниз, на острые зубья камней.

XXVII

Над Краснодаром бродили тяжелые дождевые тучи. У кинотеатра «Мон-Плезир»⁹¹² собралась огромная толпа граждан. Здесь, в зрительном зале, уже второй день шел судебный процесс по делу о контрреволюционной деятельности большой группы кубанского духовенства, во главе которой стоял Евсевий Рождественский⁹¹³. Толпа гудела. Все с нетерпением ждали, когда по улице Красной

---

⁹¹¹ **Алекса́ндро-Афонская́ Зеле́нчукская́ мужская́ пустынь** – монастырь расположен на правом берегу реки Большой Зеленчук, в среднем ее течении, близ поселка Нижний Архыз, в 22 км к югу от станицы Зеленчукской (Карачаево-Черкесия). Учрежден указом Святейшего Синода от 18 октября 1887 года с наименованием Свято-Алекса́ндро-Афонская́ Зеле́нчукская́ общежи́тельная пустынь. После 1918 года монастырь был закрыт. – *прим. Гриня*

⁹¹² **Кинотеатр «Мон-Плезир»** – открыт в 1913 году предпринимателем Демосфеном Чеймазиди в здании скетинг-ринка «Мон-Плезир», построенного в 1911 году по улице Красной, 27. Несколько раз переименовывался: 1920 год – «Кинотеатр им. В. И. Ленина», 1927 – «Великан», 1949 – «Кубань», 2003 – развлекательный центр «Квартал». В 2010 году окончательно закрылся, сейчас в здании расположен модный магазин... – *прим. Гриня*

⁹¹³ В декабре 1922 г. за организованный в г. Ейске массовый протест против действий властей по изъятию церковных ценностей епископ Евсевий и 19 активных участников восстания были арестованы и доставлены в Краснодар в тюрьму ГПУ. 27 марта 1923 г. начался публичный судебный процесс, который длился по 23 апреля 1923 г. В качестве свидетеля в нем принимал участие архиепископ Иоанн. Процесс завершился решением суда, согласно которому епископ Евсевий был приговорен к 7 годам заключения со строгой изоляцией, священник Трофим Сосько к 5 годам, миряне Александр Гангесов и Арсений Зайцев к 3 годам тюрьмы, а Петр Валяницкий, Павел Назаренко и Сергей Лиманский к 1 году заключения. В порядке частичной амнистии ВЦИК срок наказания Евсевия был заменен сроком 3,5 года. 5 декабря 1925

поведут подсудимых. На тротуарах цепью стояли милиционеры, сдерживали натиск собравшихся.

Наконец у Белого собора под конвоем чекистов появилась небольшая группа священников в черных рясах. Она медленно приближалась к кинотеатру. То там, то здесь старухи падали на колени, били земные поклоны, истово молились. Из толпы неслись выкрики:

– Почто владыку на Голгофу ведете?

Впереди подсудимых, как строевой конь, вышагивал Евсевий. За ним следовали Сосько и Ратмиров, Голубицкий и Битин...

Толпа все сильнее напирала на милиционеров, которые уже с трудом сдерживали ее. У самого кинотеатра бабы все же прорвались на мостовую, кинулись к Евсевию и, упав перед ним на колени, припали лбами к брусчатке. Евсевий осенил их крестом, свернул на тротуар. Бабы погнались за ним, начали целовать полы и рукава его рясы.

В просторном зале перед экраном стояли столы, накрытые красными полотнищами. В стороне от них возвышался решетчатый барьер: место для подсудимых.

Народ устремился в распахнутую дверь и, теснясь в узких проходах, быстро растекался по залу.

Попы прошли за барьерчик, сели. Среди них находилась и генеральская вдова Пышная.

Вскоре за столом появились и судьи. Место секретаря заняла Елена Михайловна. В зале наступила тишина. Председатель суда Дроздов объявил очередное судебное заседание открытым.

Председательствующий обратился к бывшему делопроизводителю епархии:

– Подсудимый Греков, расскажите суду, за что был избит член комиссии по изъятию церковных ценностей.

Поднялся молодой мужчина с заросшим лицом и длинным красным носом. Некоторое время он молча переминался с ноги на ногу, затем вяло начал:

– Пятого декабря прошлого года печник перекладывал у меня печку. Я в перерыв пошел домой посмотреть на его работу. А тут набат, бежит народ. Я свернул на площадь...

– Ну, а члена-то комиссии за что избил? – перебил его судья.

– Крест у него в кармане нашли, – неуверенно заявил Греков. – Вот и пошла драчка.

– И действительно нашли этот крест у члена комиссии? – спросил прокурор.

– Слухи такие распространились, – ответил Греков.

– Кто же распустил эти слухи?

Подсудимый молчал. Из зала донесся чей-то голос:

– Говорят, слух этот пустили Пышная и поп Забелин, ныне бежавший в банду!

– Ну, а кто же утверждал, что крест найден у члена комиссии? – спросил Дроздов.

Греков засопел, затем промолвил тихо:

– Поп Ратмиров показал крест народу...

В процессе судебного следствия выяснилось, что Греков – уроженец станицы Новочеркасской Донской области. В 1918 году он добровольно вступил в ряды Красной гвардии, прослужил там два месяца, а потом стал писцом в контрольной палате у белых.

Помощник прокурора Белоусов спросил:

– А не приходится ли вам родственником знаменитый своей жестокостью белогвардейский тиран Греков, известный под кличкой «Белый дьявол»⁹¹⁴?

– Такого не знаю, – ответил Греков.

Следующим допрашивался домовладелец и торговец Лопатин.

– Я считаю, – певучим басом сказал подсудимый, – что обвинять меня в какой-то контрреволюции и срыве кампании по изъятию церковных ценностей нет ни малейшего основания. Это месть, злой умысел протоиерея Делавериди, который взял из собора архиерейскую одежду, чтобы не дать ее епископу Евсевию. А я в осерчании возьми да и скажи ему: «Иск, – говорю, – предъявим на тебя всем церковным советом». Вот он теперь и мстит, всячески клеветает на меня.

года он был досрочно освобождён. – прим. Гриня

⁹¹⁴ Сотник **Греков**, казак Кубанского войска, по прозвищу «Белый дьявол», которое он получил за внешность – был альбиносом. В феврале 1918 командовал партизанским отрядом в составе войск Корнилова в боях под Ростовом-на-Дону; в сентябре 1918 года в станице Кривянской (под Новочеркасском), уже есаул **Греков**, сформировал партизанский отряд в составе Русской народной армии Саратовского направления. Однако, уже в октябре бежал из-под суда с казенными деньгами в Одессу. – прим. Гриня

– Расскажите суду, подсудимый, как епископ Евсевий стал настоятелем собора, – обратился к нему Дроздов. – Ведь его никто не назначал на эту должность.

Подумав немного, Лопатин сказал:

– После смерти епископа Иоанна Евсевий заявил нам на церковном совете: «Я настоятель собора». А отец Делаверида и спрашивает у него: «А я кто?» Евсевий ответил ему: «Протоиерей кафедральный».

Из дальнейших опросов выяснилось, что убеленный сединами купец значительно преумножил свои богатства за счет церкви, аккуратно молился и среди попов слыл набожным человеком. В действительности его внешняя набожность была направлена на то, чтобы извлечь побольше материальных выгод для себя. Приказал, например, ему епископ устроить в соборе настоятельское место, он и устроил.

– А полагается ли это по канонам? – спросил прокурор.

– Не знаю, – пожал плечами Лопатин. – С Евсеем разговоры у нас были официальные, служебные: по делам денежным и церковным оборотам.

– То есть вы смотрели на церковь как на торговое предприятие, что ли? – заметил прокурор.

– Выходит, так, – ответил Лопатин.

Начался допрос обвиняемого Назаренко. Седоусый, взъерошенный, нервно подергивая воротник изрядно поношенного кожушка, он робко огляделся по сторонам и рассказал суду, как спорили святые отцы за право владеть ключами от собора после смерти епископа Иоанна.

– Почему же священники так рьяно боролись за это право? – спросил у него Дроздов.

Назаренко молча развел руками.

– А кто заводил споры? – добавил Белоусов.

– Известно кто: поп Ратмиров. Уж он так говорил, так говорил, инда на глазах слезы выступали.

– О чем же он говорил?

– О сотворении мира, близком конце света, об антихристах...

Его прервал прокурор:

– Почему же попы сначала верили Ратмирову, а потом пошли против него?

Назаренко почесал затылок:

– А чума их знает! Они с высшим образованием, а я три класса низшей школы не окончил!

– Каноны знаете?

– Никогда и не читал.

– Православный вы?

– Родители были православными, и я по их вере. – Назаренко снова почесал затылок, добавил невнятно: – Толком не ведаю, православный я или раскольник. Ничего не ведаю, темные мы люди.

Председатель суда вызывает следующего подсудимого. Со скамьи поднимается парень в дедовском рваном кожухе.

– Обвиняемый Савченко, расскажите суду: какая у вас была связь с епископом Евсеем? – спросил Дроздов.

Парень смахнул пот со лба, начал, заикаясь.

– Да я ото... жена у меня крутила... баловалась с другими мужиками... Ну, мне ее и не надо... Я подыскал себе другую. Решил развестись. Пошел к одному попу, чтобы нас по закону, как следует, развели, а они – сегодня-завтра приходи. Я тогда пошел до епископа и говорю ему: так и так, разведи нас, владыка. Ну, знаете, несмелый я. Для храбрости взял да и выпил, чтобы не робеть перед ним. – Он указал глазами на Евсея, сидевшего за барьерчиком с потупленной головой, шмыгнул носом и продолжал: – А он тоже... не спешил... Потом стал мне поручения всякие давать: пойдти то туда, то сюда. Я и ходил.

Из его дальнейших показаний выяснилось, что в набат бил сын Голубятникова, домовладельца, у которого Советская власть отобрала самый лучший дом в Краснодаре, и что на члена комиссии по изъятию церковных ценностей первым набросился Романенко.

– А вы знаете Романенко? – задал вопрос судья.

– Как же не знать, – усмехнулся Савченко. – Известный богач. На Кубани он, почитай, главный лесопромышленник.

После допроса некоторых свидетелей дневное заседание областного суда закончилось.

Вечернее заседание суда над кубанскими тихоновцами⁹¹⁵ началось с допроса члена церковного совета Лиманского, долгое время находившегося под влиянием религиозного дурмана. Отвечая на вопросы судей, он сказал:

– Объявив себя кубано-черноморским епископом, отец Евсевий решил принимать священников по анкете. А те взбунтовались, начали говорить, что если они подпишут эту анкету, то для них будет смерть... В конце, концов я увидел, что суть дела не в старой и новой церкви, а лишь в коммерческом расчете. Многое мне стало понятным. Почему, например, дьявола рисуют с хвостом, когда бес – лишь отвлеченное понятие о злом начале.

В зале раздался смех.

– Да, многое открылось мне в бытность мою членом церковного совета, – продолжал Лиманский. – Святые отцы далеко не святые! Сколько среди них пьяниц, стяжателей, развратников! Занимаются сплетнями, интригами, доносами. Все это пошатнуло мою прежнюю горячую веру в бога.

– Что же дает религия трудящимся? – спросил у него Белоусов.

– Кроме зла – ничего, – ответил Лиманский.

– И все же люди верят.

– Верят потому, что не знают правды. А вот окунулся я в гущу церковной клоаки, увидел, что творится там, и «поломался» в вере.

Председательствующий вызвал Пышную. На вопрос, чем объясняются ее частые визиты к епископу Евсевию, она ответила:

– Чисто деловые связи.

– Только ли деловые? – поинтересовался прокурор.

Лицо подсудимой пошло красными пятнами.

– Для меня епископ – слугитель бога, и я преклонялась перед ним, как перед святыней, – продолжала она дрожащим голосом.

– А вот говорят, что Евсевий водил к себе любовниц, – заметил член суда. – Правда это?

– Говорить можно что угодно, – дернула плечом Пышная. – Клевета это.

– Уж не считаете ли вы, что и обвинение епископа в контрреволюционной деятельности – тоже клевета? – спросил прокурор.

– Владыка всегда призывал верующих молиться за Советскую власть, – ответила Пышная.

По залу пронесся сдержанный смех.

– В проповедях и частных беседах он говорил, что нет власти еще не от бога, – продолжала Пышная. – Следовательно, и Советская власть послана богом.

– А не добавлял ли он при этом, что послана она в наказание божие? – спросил Белоусов.

Пышная промолчала.

– Вот ваш супруг – генерал, помогал белым, а так как Советская власть от бога, то выходит, что ваш муж шел против бога, – сказал Дроздов.

– И вовсе нет! – категорически возразила Пышная. – И белая, и красная армии были созданы по воле бога.

– Значит, и реки крови пролиты по воле божьей? – усмехнулся Дроздов. – Не знаете, для чего это нужно богу?

Пышная, попав впросак, ответила дерзко:

– Об этом спрашивайте у самого господина бога!

Зал огласился взрывом громкого хохота.

– Ну, а зачем вы распространяли заведомо ложные слухи о том, что член комиссии якобы похитил золотой крест во время изъятия церковных ценностей? – спросил прокурор.

– Все говорили об этом. И я тоже, – раздраженно бросила Пышная.

Начался допрос подсудимого – учителя Зайцева, который ездил в Москву по поручению общества церковью Краснодаром и возил туда доклад епископа Евсевия для передачи патриарху Тихону. Доклад не был вручен патриарху.

– Что же помешало вам сделать это? – поинтересовался прокурор.

---

⁹¹⁵ Тихоновцы – сторонники патриарха Тихона. – прим. Гриня

– Один какой-то рыжий московский поп предупредил меня, – заявил Зайцев, – чтобы я не обращался в еретическое Высшее церковное управление, поскольку там я мог влипнуть с этим посланием и попасть под арест. Тихон-то ведь был уже арестован. Ну, я и того... уничтожил доклад.

* * *

«Мон-Плезир», как и в предыдущие дни процесса, набит до отказа. Все так же у кинотеатра не смолкает шум толпы. Красноармейцам и милиционерам стоило огромного труда сдерживать ее натиск. Страсти накалены до предела: сегодня перед судом держит ответ глава кубанского духовенства – епископ Евсевий. В сторожке тишине зала громко звучит голос председательствующего:

– Подсудимый Евсевий Рождественский, что вы можете сказать по предъявленным вам обвинениям?

Евсевий медленно, с достоинством поднимается со скамьи. Бледное лицо обрамлено каштановыми волосами. На голове – черная бархатная скуфейка. Он приложил руку к уху и осторожно попросил:

– Повторите.

Дроздов повторил вопрос. Всклипывают, крестятся мещанки, не сводя скорбных взглядов с владыки. Из глубины зала доносится горестный вздох:

– Всеблагочестивый страдалец!

Евсевий не торопится с ответом. С минуту он молча, вызывающе смотрит на судей, затем произносит твердо:

– Виноватым себя не признаю.

– Когда вы приехали на Кубань? – спрашивает прокурор.

– В 1921 году постановлением святейшего синода я был переведен в Краснодар, – спокойно и четко отвечает Евсевий и после небольшой паузы добавляет: – Еще в Москве я был достаточно осведомлен о делах Кубанской епархии, отнюдь не блестящих, и по приезде в Краснодар получил от епископа Иоанна указание о наведении порядка в епархии. Я немедленно приступил к выполнению указания. Но на моем пути стал вот этот человек... – Евсевий указал на Делавериди, – Он сразу же стал мне в оппозицию. А после смерти епископа Иоанна, когда все духовенство Кубано-Черноморской области уже фактически находилось в моем подчинении, он, Делавериди, повел против меня недозволительную агитацию. Борьба, по сути дела, разгорелась из-за епископской кафедры, на которую отец Делавериди имел поползновение.

– В материалах следствия есть заявление, что вы самолично объявили себя кубано-черноморским епископом, – сказал Дроздов.

– Видите, это вопрос сложный, – замялся Евсевий. – Позвольте мне кратко остановиться на том, как все это произошло.

– Пожалуйста, – сказал Дроздов.

– По проискам Делавериди, – продолжал Евсевий, – краснодарский епископат был закрыт, и закрыт незаконно, в смысле церковных канонов. Вопрос этот должен был разбираться на собрании благочинных. Собрание состоялось, но меня на него не пригласили. Отсутствие денежных средств никак не могло явиться причиной закрытия епископата. И я счел решение собрания незаконным.

– Почему? – спросил член суда.

– Потому, что в церкви существует преемственность, – заявил Евсевий. – Так, патриарх Тихон, отстраненный от власти лишь группой духовенства и затем арестованный за контрреволюционную деятельность, должен был передать власть ярославскому митрополиту Агафангелу.

– Говорите по существу дела, – заметил Дроздов. – В частности, о своем сопротивлении изъятию церковных ценностей.

– Против изъятия церковных ценностей я не шел.

– А бунты, прошедшие на Кубани в связи с этой кампанией, кто организовал?

– Не знаю... – Евсевий широко взмахнул руками. – Видимо, сами по себе возникали.

– А что вы можете сказать о поездке Зайцева в Москву? – спросил Белоусов. – Какое поручение вы давали ему?

– Я всего-навсего воспользовался его поездкой, – ответил Евсевий, – и так же, как и миряне,

дал ему аналогичное ходатайство на имя патриарха Тихона.

– Но ведь патриарх Тихон к тому времени был уже арестован.

– Я не знал об этом.

– А вам известно, что Зайцев изорвал ваше послание к патриарху? – спросил прокурор.

– Да, известно.

– И как вы реагировали на это?

– Никак.

– А вы читали в газетах статью о послании Агафангела, которое привез вам Зайцев из Москвы?

– Да... читал...

– Эта статья не только сообщала факт появления данного послания, но и делала из него некоторые политические выводы.

– Политика меня не интересовала.

Из дальнейших перекрестных допросов полностью выяснилось, что главным виновником бунтов в Краснодаре и целом ряде кубанских станиц является Евсевий.

Для дачи свидетельских показаний председатель суда вызывает священника Делавериди. Тот обстоятельно рассказывает суду о том, как создавалась контрреволюционная организация среди духовенства на юге России, и о деятельности этой организации.

– Во времена Деникина сюда, на Кубань, стекалось черносотенное духовенство, – сказал он. – В Ставрополе под предводительством попа Шавильского был созван знаменитый Южно-Русский церковный собор, который открыл генерал Деникин. На этом соборе было принято решение вести непримиримую борьбу с Советской властью. После разгрома деникинщины контрреволюционное духовенство юга России связало себя черной нитью с патриаршим двором в Москве.

Дальше Делавериди показал, как ему, благодаря рекомендательному письму, удалось войти в доверие контрреволюционно настроенных священников, которые, скорбя о неудаче авантюры барона Врангеля, делали все, чтобы подорвать устои Советской власти. Они призывали епископа Иоанна действовать заодно с ними, неукоснительно выполнять указания патриарха Тихона, но Иоанн не пошел на это, чем навлек на себя гнев и немилость святейшего синода. И тогда-то на Кубань был послан Евсевий Рождественский с заданием вырвать власть из рук Иоанна и подчинить кубанское духовенство патриарху Тихону.

– С этой целью Евсевий и прибрал епархию к своим рукам, – сказал в заключение Делавериди.

– Это ложь! – бросил с места Евсевий.

– Нет, не ложь! – гневно возразил Делавериди. – Разве не вы говорили мне в Ростове, что Советская власть послана нам в наказание божие?

– А что вы можете сказать о Рождественском как о человеке? – обратился к свидетелю прокурор.

Делавериди пожал плечами:

– Умен. Хитер. Недурен собой. Пользуется успехом у женщин.

По залу пронесся смех.

Евсевий попросил слова и задал свидетелю ряд вопросов, стараясь уличить Делавериди в противоречии, но последний аргументированно парировал все наскоки. На помощь Евсевию пришел поп Сосько. Он спросил Делавериди:

– Почему же вы, причисляющий себя к обновленческому духовенству, держали в церкви станицы Щербиновской контрреволюционного попа Пособило?

– Мы держали многих бандитов и контрреволюционеров вроде сидящих здесь, на скамье подсудимых, с надеждой, что они исправятся, – заявил Делавериди.

– А почему из краснодарского духовенства вы назвали лишь двух либеральных лиц: Гангесона и Столяревского? – не унимался Сосько. – Вы говорите суду правду!

– Если я назвал лишь два лица, то потому только, что у нас в среде духовенства мало людей, лояльных Советской власти, – ответил Делавериди. – Но это не значит, что я считаю всех остальных контрреволюционерами. На только что закончившемся епархиальном съезде майкопский благочинный со слезами на глазах поведал, что послания Евсевия привели и самого благочинного, и подвластное ему духовенство к разброду и беспорядкам.

Суд выслушивает свидетельские показания священника Столяревского.

– Евсевий – не отец кубанского духовенства, а тиран и деспот, – заявил он. – Захватив власть, владыка-самозванец начал допрашивать всех священников поодиночке, кричал на них, стучал

кулаком по столу, оскорблял. А однажды во время такого «приема» он, так же как и с отца Делавериди, сорвал крест со священника Виноградова.

Столяревский обвинил Евсевия в стяжательстве.

– Львиную долю доходов он присваивал себе. Тут и выручка от продажи свеч, и сборы на тарелочку, и подношения в виде пирогов и кренделей. Как-то был устроен обед для епископа, но он не пришел, и тогда решили все продукты отдать в приют для голодающих детей. Однако продукты попали не в приют, а к членам соборного совета. Так распорядился сам Евсевий.

Евсевий не выдержал и громко закричал, позеленев от злости:

– Вы лжете, негодяй!

– А вы – рыжий дьявол! – бросил ему Столяревский и, смахнув ладонью испарину со лба, добавил: – Вовремя вас арестовали, а не то был бы в Краснодаре мятеж.

XXIX

Если до начала судебного процесса над кубанскими тихоновцами и в первые дни слушания их дела многие верующие смотрели на Евсевия как на страдальца, безвинно попавшего на скамью подсудимых, то в ходе дальнейшего судебного разбирательства этот «страдалец» был изобличен как матерый враг Советской власти и трудового народа. Нимб «святого великомученика» тускнел. В толпах, по-прежнему собиравшихся у «Мон-Плезира», все реже и реже шли разговоры о Голгофе, об «иродах-большевиках», решивших «распятть владыку ясного, яко Иисуса Христа». Теперь в адрес Рождественского то и дело летели такие слова, как «контра», «прелюбодей», «корыстолюбец», «паук-крестовик», и тому подобное.

Накануне заключительного дня процесса в газетах был опубликован «Обвинительный акт Тихону», который не оставлял никаких сомнений по поводу глубоко контрреволюционной сущности тихоновщины.

В «Обвинительном акте» приводилось признание бывшего патриарха всея Руси Тихона Белавина⁹¹⁶ о его контрреволюционной подрывной деятельности против народной власти.

Именно с этого акта и начал прокурор Белоусов свою обвинительную речь на процессе кубанских тихоновцев 13 апреля 1923 года.

Перейдя затем к деятельности Евсевия Рождественского, прочно связанного с патриархом Тихоном, прокурор сказал:

– Обвиняемый Рождественский, обнаруживший на суде изумительную выдержку, необычайную осторожность в выборе каждого слова, проявивший большие способности прекрасно разбираться во всех процессуальных тонкостях, почему-то оказался легкомысленным, доверчивым, сразу давшим веру анонимным листкам, полученным, по заявлению Зайцева, неизвестно где, неизвестно от кого: «Не то у Иверской дали мне, не то в церкви у Николаевского вокзала. Кажется, дал какой-то рыжий священник, а может быть, и кто другой».

В переполненном зрительном зале кинотеатра стояла полнейшая тишина.

– Итак, инструкции получены, – продолжал Белоусов. – Повторяю, Рождественский умный и осторожный человек. Это не контрреволюционный медведь – это контрреволюционная лиса, ловко заматающая следы, умеющая делать хитрые петли на ходу. Для него слишком ясно, что лобовой атакой на советские твердыни идти нельзя, и он разрабатывает продуманный и осторожный план, ведет работу тихой сапой. В Краснодаре Рождественский организует свои опорные пункты, так сказать контррячейки. В коммунхозе у него Попов – юрисконсульт и вместе с тем кандидат богословия, в исполкоме – Лисунова и другие, в кооперации – Соколова, на почте – два агента, в станице Щербиновской – священник Пособило, связанный с бандой Рябоконея. На службе у Евсевия образованные агитаторы, в церковно-приходских советах – шубники, торговцы и прочее кулачье. Кроме того, «бывший владыка» окружает себя преданными ему поклонниками.

Зал оживился. Некоторые дамочки, умиленно и сострадательно поглядывавшие до этого на Евсевия, запунцовели, сжались под насмешливыми взглядами.

– Когда обвиняемый Рождественский, – продолжал Белоусов, – вел своих подчиненных за Тихоном, он делал определенное контрреволюционное дело. Некоторые обвиняемые и защита

---

⁹¹⁶ Мирское имя патриарха Тихона – Василий Иванович Беллавин. – прим. Гриня

пытались создать впечатление, будто бы тут судят старую церковь в угоду обновленческой. Это не так! Здесь судят за контрреволюцию, за сопротивление изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, за черную услугу, которую внес Рождественский и его присные в жизнь Краснодара и всей Кубани.

* * *

В последний день процесса Елена Михайловна вернулась домой поздно вечером и застала мужа в обществе Соловьева.

– Ну, как там у вас на суде? – спросил Николай Николаевич. – Скоро вынесут приговор?

– Уже вынесли, – устало ответила Елена Михайловна. – Евсевий Рождественский приговорен к семи годам тюремного заключения.

– Еще легко отделался, – с усмешкой сказал Соловьев. – Ведь этот Евсевий и его сообщники – прямые подстрекатели вооруженных банд на Кубани. По сути дела, он и такие, как Рябоконь, одного поля ягоды. Разница только в том, что за Рябоконя не станут заступаться английские архиепископы, которые прислали Советскому правительству протест по поводу ареста Тихона.

– А что слышно о Рябоконе? – спросил Николай Николаевич.

– Нашим все еще никак не удастся покончить с ним, – сказал Соловьев. – На прошлой неделе он сделал налет на Степную, ограбил жителей, разгромил исполком, забрал в ЕПО⁹¹⁷ сорок тысяч аршин мануфактуры. Узнав, что председатель Совета товарищ Гай находится в театре, он окружил и поджег театр. Люди в панике начали выскакивать из окон. К счастью, товарищу Гаю удалось уйти.

Николай Николаевич сказал:

– А в Баталпашинске мы потеряли товарища Карабашева.

– Да вы что, Николай Николаевич! – воскликнул Соловьев.

– Убит, – кивнул Жебрак, – князем Дудовым.

– А убийцу поймали?

– Уничтожен во время перестрелки.

XXX

Станица Краснодольская сверкала в утренних лучах майского солнца. Во дворе станичного Совета тыждневые⁹¹⁸ возились с лошадьми: чистили их, купали у водопойного корыта. Демка Вьюн, не торопясь, сошел вниз по ступенькам высокого крыльца, вынул из нагрудного карманчика гимнастерки часы на цепочке, открыл крышку: стрелки показывали семь.

«Можно теперь и домой отправляться», – решил Демка.

По дороге на коне проскакал Норкин, приветливо крикнул ему:

– Здорово, Дема! Отдежурил?

– Да, – вяло ответил Вьюн. – Теперь твой черед!

Ко двору подошел Лаврентий Левицкий.

– Ну шо, Демушка? – спросил председатель. – Как прошло дежурство?

– Порядок, дядько Лавро, – доложил Вьюн, с трудом сдерживая зевоту. – Спать сильно хочется.

– Ну иди, иди домой, – сказал Лаврентий и, лукаво подмигнув, добавил: – А то молодая жена ешо заскучает без тебя. Факт на лице.

В улице показалась легковая машина. Обогнув церковную площадь, она покатила к стансовету.

---

⁹¹⁷ **ЕПО** – Единое потребительское общество. После замены продрозверстки продналогом (Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом») решение всех задач в области заготовок, обмена и распределение в стране предметов продовольствия и широкого потребления возлагались государством на потребительскую кооперацию Декретом Совнаркома от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации». Согласно Ст. 1 этого Декрета «Все граждане Р.С.Ф.С.Р. объединяются в потребительские общества. Все граждане данной местности включаются в *единое потребительское общество*. Каждый гражданин приписывается к одному из распределительных пунктов потребительского общества.» – прим. Гриня

⁹¹⁸ **Тыждневый** – казак, находящийся на караульной службе. От слова тыждень (тиждень) – «неделя». – прим. Гриня

Лаврентий поглядел на нее из-под руки, промолвил:

– Кажись, к нам какое-то начальство едет.

Машина остановилась у ворот стансовета. Из нее вышел Жебрак. Поздоровавшись с Лаврентием и Вьюном, он сказал:

– Ну, Лаврентий Никифорович, Краснодольской выпала большая честь. Командование решило провести здесь девятнадцатого мая парад и учение 1-й Конной армии⁹¹⁹. Так что готовься к приему конников.

Услышав это, Вьюн просиял от радости.

– Вот это да!

Жебрак похлопал его по плечу.

– А ты, товарищ Вьюн, со своей комсомольей возглавишь эту работу.

– Есть возглавить, Николай Николаевич! – весело откликнулся Вьюн.

– Когда же войско ждать? – спросил озабоченно Лаврентий.

– Числа семнадцатого, – ответил Жебрак.

* * *

17 мая в Краснодольскую начали прибывать части 1-й Конной армии. Они размещались в казачьих дворах, на церковной площади, за станицей, в брезентовых темно-зеленых палатках. Над станицей не умолкали песни, звучала музыка духовых оркестров. Вездесущий Гришатка Ропот во главе ребячьей «конницы» носился верхом на лозине из края в край станицы, пристраивался к колоннам буденновцев и вместе со своим «войском» подпевал им:

Мы красные солдаты.

За бедный люд стоим.

Свои поля и хаты

Мы в битвах отстоим.⁹²⁰

Вьюн с комсомольцами помогал бойцам расквартировываться по хатам. Станичники, словно перед большим праздником, приводили в порядок дворы, подбеливали хаты, чинили заборы. Давно Краснодольская не знала такого оживления.

Так продолжалось два дня.

А 19 мая, едва загорелось утро, за околицей начали собираться празднично одетые станичники.

У двора Левицкого на скамейке сидели Мироновна, Фекла и Денисовна. Они говорили о предстоящем параде, грызли семечки.

К ним подкатила открытая легковая машина. С подножки соскочил Жебрак, помог Соне, выйти из машины. Елена Михайловна подала ей сына Толю. Увидев дочь, Денисовна радостно всплеснула руками, подбежала к ней, взяла мальчика и, целуя его, проговорила радостно:

– Внучек мой!

Мироновна тоже припала к мальчику, чмокнула его в лоб:

– Родименький!

---

⁹¹⁹ В мае 1921 года **Первая Конная армия** была расформирована, но штаб армии сохранялся до октября 1923 года. – прим. Гриня

⁹²⁰ Песня была очень распространенной, известна под разными названиями: «Мы – красные солдаты», «Песня красных стрелков» и т. д. Бытовало множество вариантов. Основой послужила популярная народная песня «Про Чуркина-атамана», которую пели и во время Первой мировой, и во время Гражданской:

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут
И на плечах могучих
Товарища несут... – прим. Гриня

Николай Николаевич и Елена Михайловна с почтением пожали руки женщинам.

– Вы все же не забываете нас, – приветливо улыбаясь, обратилась к ним Белозерова.

– Как можно! – воскликнул Николай Николаевич. – По старой памяти, как по грамоте.

– Ну, а вы не скучаете? – Мироновна подняла глаза на Елену Михайловну.

– Скучаю, конечно, – ответила та, переглянувшись с мужем.

– Ну, вы извините, мне пора, – сказал Николай Николаевич, сел в машину, поехал к курганам.

К Соне подбежали Галина и Клавдия и, смеясь, осыпали ее лицо поцелуями, затем принялись шутливо тормозить Толью.

* * *

Два полка под командованием Воронова, прибывшие в Краснодольскую для участия в параде по случаю четырехлетия 4-й кавдивизии⁹²¹ и 1-й Конной армии⁹²², расположились неподалеку от братской могилы, против курганов Калры и Лезницы. А через некоторое время к ним присоединились и курсанты Нацкавшколы под командованием Левицкого. Виктор взглянул на длинный холм, украшенный живыми цветами, на обелиск, на котором золотыми буквами были высечены имена тех, кто спал вечным сном под этим холмом, увидел среди знакомых имен и имя своего деда. Сердце сжалось от боли, и он снял фуражку. За ним обнажили головы и все курсанты.

Весь день кавалеристы готовились к параду, а на следующее утро, вскоре после восхода солнца, вся 1-я Конная армия выстроилась в каре в четырех верстах от станицы, на широком степном просторе. По обеим сторонам каре сгруппировалось по нескольку дивизий, и этот боевой порядок представлял собой грандиозную, необыкновенно впечатляющую картину.

Командование и представители областных партийных организаций находились на кургане Калры. Черный, Полуян, Левандовский, Балышеев, Воронов наблюдали за четким передвижением конников. На ярком солнце блестели пики, штыки, сабли. Ржали лошади, с грохотом проносились пулеметные тачанки. Над степью плыли звуки духовых оркестров.

Но вот все умолкло и в тишине громко пронеслась команда:

– Смирно! Равнение на середину!

На тонконогом буланом дончаке, в сопровождении адъютантов, на поле выехал командующий 1-й Конной армией Буденный. Он обратился к войскам с приветствием:

– Здравствуйте, чонгарцы⁹²³!

В ответ дружно прозвучало:

– Здравия желаем!

Потом над степью покатило:

– Урррр-рр-аа! Урррр-рр-аа! Урррр-рр-аа!

– Здравствуйте, славные петроградцы-пулеметчики⁹²⁴! – выкрикнул Буденный.

Снова и снова гремело могучее «ура».

Наконец объезд войск закончился.

---

⁹²¹ Сформирована 28 ноября 1918 года как 1-я сводная кавалерийская дивизия. С 30 января 1919 года – отдельная кавалерийская дивизия 10-й армии. С 14 марта 1919 года – **4-я кавалерийская дивизия**. – прим. Гриня

⁹²² 17 ноября 1919 года Реввоенсовет Советской Республики принял решение о создании **Первой конной армии** под командованием С. М. Буденного. – прим. Гриня

⁹²³ **Чонгарцы** – бойцы 6-й кавалерийской дивизии в составе Первой Конной армии. За отличия в боях на Чонгарском полуострове (1920) приказом РВС Республики №1 от 02.01.1921 г. дивизии было присвоено почетное наименование **6-й Чонгарской Красной кавалерийской дивизии**, приказом РВСР №510/79 от 25.02.1921 г. переименована в **Чонгарскую Красную кавалерийскую дивизию**; приказом РВС СССР №1049/168 от 14.08.1924 г. ей было возвращено прежнее наименование **6-й Чонгарской Красной кавалерийской дивизии**. Приказом РВС СССР №65 от 25.04.1933 г. дивизии было присвоено имя С. М. Буденного и название Краснознаменной. – прим. Гриня

⁹²⁴ 13 декабря 1920 года приказом РВСР № 2797/559 4-й кавдивизии в составе Первой Конной армии присвоено наименование **4-й Петроградской кавалерийской дивизии**, с 1924 года 4-й Ленинградской кавалерийской дивизии. 21 апреля 1936 года преобразована в 4-ю Донскую казачью дивизию имени К. Е. Ворошилова. – прим. Гриня

Из станицы выехала автомашина, помчалась по дороге к войскам. В ней стояли Калинин – шеф 1-й Конной армии, Орджоникидзе и Ковтюх. Объезжая фронт, они приветствовали конногвардейцев. В ответ несло несмолкаемое «ура».

Калинин, Орджоникидзе, Ковтюх и Буденный поднялись на курган Калры.

Началось дивизионное учение. Конница развернулась в лавы, во взаимодействии с остальными родами войск пошла в наступление на условного противника. С кургана открылась величественная панорама боя. Черный воскликнул восхищенно:

– Какая сила!

Калинин внимательно обзирал в бинокль бескрайнюю степь, пересеченную буераками и ложбинами, на которой развернулись маневры 1-й Конной армии. Его острая бородка и усы серебрились сединой.

Виктор то и дело останавливал взгляд на Буденном, которого увидел впервые, приглядываясь к его роскошным усам, немного скуластому загорелому лицу, к орденам Красного Знамени, сиявшим на груди. И Буденный, и Калинин, и Орджоникидзе держались просто, хотя имена их уже были овеяны славой. Эта простота и скромность особенно нравились Виктору.

Под Краснодарской стояли толпы станичников, наблюдавших за парадом и военными учениями...

Между тем южный небосклон начал быстро темнеть, покрываться иссиня-черными тучами. Время от времени белые стрелы молний пронизывали их, погромыхивал гром.

Дивизионное учение в два часа сменилось джигитовкой, скачками... Потом оркестр заиграл «Интернационал».

Председатель ВЦИК Калинин вручил 1-й Конной армии шефское Красное знамя. Буденный прикрепил древко знамени к стремени и в сопровождении почетного эскорта полным карьером проскакал по фронту, поздравляя бойцов с получением высокой правительственной награды. А в ответ, перекачиваясь от одной части к другой, несло «ура».

Ветер подул с юго-востока. Вдали над Кубанью уже висела синяя пелена проливного дождя.

Буденный отдал приказ войскам двигаться в станицу. Полк за полком понеслись по полю. А тучи все быстрее летели навстречу коннице. Сорвались первые крупные капли, затем сразу хлынул ливень. Поле превратилось в бурное месиво, покрылось мутными лужами. В оврагах зашумела вода. Молнии, грозные раскаты, покрытый тучами небосклон и скачущая во весь опор кавалерия олицетворяли собой слияние могучих сил природы с несокрушимыми лавинами 1-й Конной армии.

* * *

Вечером в станичном клубе с участием Сони готовился концерт для красноармейцев и командного состава 1-й Конной армии.

На площади собралась огромная толпа станичников вперемежку с красноармейцами, желавшими послушать молодую певицу хоть через открытые окна клуба, так как билеты были выданы только определенному числу желающих попасть на концерт.

В зрительном зале все скамейки были уже заняты. В первом ряду сидели Орджоникидзе, Левандовский, Жебрак с женой, Полуян, Ковтюх, Воронов, Южанин, Лаврентий Левицкий с Мироновной и сыном, Черный. К ним присоединились Юдин, Батракова и Мечев с Аминет.

Демка Вьюн, пробиравшийся вдоль стены с Леонидом Градовым, указал на последних:

– Слышал? Гаврила и Аня свадьбу собираются гулять. Говорят, адыгейцы из аулов приедут.

– Не приедут, – мотнул головой Леонид. – Черкесы магометане, а Аминет за русского выходит.

– Свадьбу без попов и без муллы справлять будут, – сказал Вьюн, – По-новому...

Денисовна с Толей на руках занимала стул в дальнем углу зала и все баюкала мальчика, но он и не думал смыкать глаза, с любопытством рассматривал публику.

На авансцене появилась Авсеньева, сказала:

– Уважаемые товарищи бойцы и командиры 1-й Конной армии, сейчас перед вами выступит певица – наша землячка, Софья Яковлевна Левицкая!

Занавес раздвинулся, и перед зрителями открылась ярко освещенная сцена. Из-за кулис вышла Соня в длинном черном платье, стройная, тонкая, лишь отдаленно напоминавшая ту Соню, которую знала станица. У пианино заняла место пожилая аккомпаниаторша. Авсеньева объявила:

– Русская народная песня «Как пойду я на быстрюю речку».

Соня чуть вскинула голову с пышными волнистыми волосами, скрестила руки на груди и запела свободно, легко, по-соловьиному заливисто:

Как пойду я на быстрюю речку,
Сяду я да на крут бережок,
Посмотрю на родную сторонку,
На зеленый приветный лужок...⁹²⁵

Жебраку, сидевшему в первом ряду, передали, что его просят выйти. Он быстро направился в фойе, увидел там уполномоченного Кубчеротдела ОГПУ, приехавшего из Краснодара, спросил:

– Что случилось?

– В ночь с девятнадцатого на двадцатое мая банда Рябокonia опять совершила налет на станицу Староджерелиевскую, – сказал уполномоченный. – Бандиты ограбили мирных граждан, хотели уничтожить Михея Шевченко за то, что тот добровольно явился из банды Рябокonia к Демусу и помогал ему вылавливать скрывавшихся в камышах бандитов. Рябоконевцы окружили дом Шевченко, но самого Шевченко не захватили. Тогда Рябоконь приказал сжечь дом. Когда начался пожар, жители, не зная, кто поджег дом, бросились тушить его. Бандиты открыли огонь по ним. Забрав награбленное продовольствие, они скрылись в камышах.

– А о Кубраке ничего не передавали? – поинтересовался Жебрак.

– С ним покончили, – сказал уполномоченный. – Селиашвили сообщил вчера из Славянской, что отряд Кубрака разгромлен в районе Курчанского лимана, а сам Кубрак убит в бою.

– Ясно, – сказал Жебрак. – Пойдемте послушаем концерт а потом поедем.

* * *

Соня, с громадным букетом цветов, сопровождаемая родными и знакомыми, не без труда пробралась сквозь толпу станичников, ждавших ее у выхода. Они горячо благодарили за ту радость, которую она доставила им своим пением. Наконец Левицкие распрощались со всеми, направились домой. Виктор нес на руках спящего сынишку.

Мироновна отперла дверь, зажгла в кухне свет. Лаврентий достал из-за казачьего пояса свернутую газету «Красное знамя» и, присаживаясь к столу, промолвил:

– А ну-ка, шо тут пишут? – Остановил взгляд на заголовке: «Бандиты на Кубани». – Цю статью треба почитать, – сказал он и протянул газету сыну, – Читай в голос, у тебя очи лучше.

Виктор подсел к лампе, прочел:

Политический, так называемый бело-зеленый, бандитизм на Кубани не существует уже более полугода...

– Погодь, погодь. – Отец поднял руку, – Как же так? Банды у нас в горах бродят и в плавнях скрываются.

– Но это теперь мелкие, разрозненные банды, – ответил Виктор.

– Оно хоть и мелкие, а все ж банды, буркнул Лаврентий.

Виктор читал дальше:

Последнее время остались в основном уголовные бандиты, промышляющие на больших дорогах. Эти банды перестали даже прикрываться бело-зелеными лозунгами. Среди оставшихся бандитов много бывших участников бело-зеленого движения, есть даже казачьи офицеры.

Органы ГПУ, блестяще ликвидировавшие в 1920–1921 и 1922 годах контрреволюционные выступления кубанского кулачества и оставшейся здесь белогвардейщины, уничтожают с корнем и эти уголовные отпрыски бело-зеленых банд.

За последние месяцы 80 процентов бандитов выловлено, остальные преследуются и в ближайшее время будут уничтожены. За 1923 год на Кубани ликвидировано 35 бело-зеленых, главным образом уголовных, банд. На днях получено сообщение, что самая большая шайка известного бандита О कोरोкова в Армавирском отделе уничтожена целиком: убито 12 грабителей, в том числе и их главари. Недавно ликвидирована в Ейском отделе банда хорунжего Дробота, терроризировавшая хлеборобов. На Черноморском побережье (Новороссийский округ) нет ни одного бандита.

Все добровольно явившиеся бело-зеленые мирно трудятся у себя в родных станицах, никаким преследованиям со стороны как органов ГПУ, так и других советских учреждений не подвергаются и подвергаться не будут.

Не арестовываются и бандиты, самостоятельно явившиеся теперь. С мест ежедневно поступают сведения о добровольных явках белозеленых в наши органы власти.

– Так, так... – задумчиво промолвил Лаврентий, подкручивая усики, – Значит, О कोरोкову каюк. Добрыкался, бандюга.

– То самое и Рябоконию будет, – сказал Виктор.

Мать сняла с себя фартук и, вешая его на гвоздик у печки, объявила:

– Вечеря готова, мойте руки.

XXXI

Наступил 1924 год. Борьба с бандами усилилась. Теперь против них активно начали действовать два полка под командованием Воронова, курсанты Нацкавшколы и отряды войск ОГПУ.

Вскоре банды Сапожкова, Шушкова, Белова и других были разгромлены. Сапожков и Белов во время боя были убиты. Остальные бандиты рассыпались по горам, влились в банды Ковалева, Волошко и Козлова.

Бело-зеленые боялись покидать горы, заваленные глубоким снегом, и концентрировались в самых недоступных местах, отсиживались в знаменитой Измайловской пещере.

Жадин с небольшим отрядом войск ОГПУ прибыл в Преградную, встретился с Жебраком. Вызвав к себе Минакова, начальника милиции станицы Передовой, Жебрак спросил:

– Ну как, товарищ Минаков, вы чувствуете себя на новой работе? – И, не дожидаясь ответа, перевел глаза на заместителя начальника ОГПУ Баталпашинского отдела, поинтересовался: – Вы довольны им, товарищ Жадин?

Тот улыбнулся и ответил в полушутливом тоне:

– У нас имеются сведения, что он любит хвастаться перед казаками: мол-де, я и раньше, при царе, был у власти и теперь, при Советах, в начальниках хожу.

– Да вы что, Артем Маркович! – возразил Минаков срывающимся голосом, – Такого что-то я не помню.

– Правда это, Наум Трофимович? – Жебрак обратился к председателю Совета.

– Грешок за ним есть такой, но он исправится, – глядя из-под вихрастых бровей, ответил Оглобля.

– Ясно... – многозначительно протянул Жебрак и снова поднял взгляд на начальника милиции. – Вы знаете, где находится банда братьев Крым-Шамхаловых?

– Знаю. – Минаков оживился. – В балке Черемухе скрывается. На Архызе, близ Марухского перевала.

– Далеко отсюда?

– Порядком... Верст семьдесят по прямой, а по горам и в сто пятьдесят не уберешь.

Жебрак обвел всех глазами, объявил:

– Нам надо немедленно проникнуть туда, товарищи, и ликвидировать эту банду во что бы то ни стало.

Позвонили в Карачаевское ОГПУ о своем решении, снарядили коней – и в путь. На третьи сутки в Бахмуте повстречались с отрядом карачаевцев, в котором насчитывалось тридцать три человека. Отрядом командовал Кочатуров – высокий, стройный карачаевец с тонкими черными усиками.

– Вот что, дорогой друг, – сказал ему Жебрак. – Мы даем вам этих двух проводников. – Он указал на Шкрумова и Минакова. – Они знают, куда держать путь.

Кочатуров недоверчиво усмехнулся.

– Зимой бандита ловить трудно, – проговорил он с сильным кавказским акцентом. – Ми сама три года уже искай бандита Крым-Шамхалов и никак не могла найти.

На следующее утро оседлали коней и двинулись дальше. Пробирались по глубокому снегу несколько суток. Нигде ни зверя, ни человека. В завьюженной дали лишь безмолвно поднимались исполины горы в грозно надвинутых снежных папахах да потрескивали на морозе гиганты деревья. Все это выглядело сказочным, волшебным. Впереди ехали Шкрумов и Минаков, за ними – Кочатуров со своими чекистами, а Жебрак и Жадин с отрядом войск ОГПУ, провожая карачаевцев до места назначения, следовали позади. В самом хвосте тянулись три подводы, нагруженные продовольствием. Над лошадьми, покрытыми инеем, клубился пар.

Наконец поднялись к верховью Урупа, заночевали в балке Черемухе. На рассвете Жебрак послал Кочатурова и Шкрумова с группой бойцов в разведку с заданием определить местонахождение банды, а сам, зная теперь, где расположился его отряд, с несколькими оперативными работниками возвратился в Преградную, куда должен был прибыть Виктор Левицкий с курсантами Нацкавшколы.

Разведчики в пешем порядке взобрались скрытой местностью на высокую гору и, засев среди сосен, на третьи сутки увидели во второй очхазде 16 пасущихся лошадей. Была солнечная морозная погода. Ослепительно сверкал снег. Разведчики просидели там еще несколько дней, но никого не увидели. Лошади оставались в балке... Но вот наконец, на шестой день, около полудня, из елового, запущенного снегом леса вышли два азиата в черных папахах и бурках, с карабинами за плечами. Внимательно оглядев в бинокли местность, они простлали на снегу бурки, стали на колени и, поднимая и опуская руки, принялись молиться. Шкрумов послал связного к Жадину, и к ночи отряд перебрался из балки Черемухи к разведчикам на гору. Утром туда же прибыл Жебрак с курсантами Левицкого.

Еще прошел день. Лошади по-прежнему находились в балке, и снова в полдень к ним пришли те же азиаты. Пересчитав и осмотрев лошадей, они вскоре скрылись.

– Надо брать этих двоих, – предложил уполномоченный ОГПУ Кривошеев.

На следующий день те же самые бандиты вышли к лошадям. Разглядев их в бинокль, Минаков воскликнул:

– Да это же мои старые знакомые! Баксанук и Дауд Крым-Шамхаловы, братья.

– Главное, не спугнуть их, – сказал Жебрак. – Если они заметят что-нибудь подозрительное, то вся банда немедленно покинет эти места. Надо действовать крайне осторожно.

Минула еще одна ночь. На рассвете, после небольшого совещания, Жебрак принял решение идти в горы по следу, протоптанному Крым-Шамхаловыми. Он был уверен, что этот след приведет в логово.

Его расчеты подтвердились. Тропа, связывавшая балку с вершиной горы, привела к зимовью банды. Видимо чувствуя себя здесь в полной безопасности, бандиты даже не выставили дозорных. Зорька только начала загораться. В горах царил тишина.

Шкрумов, Кочатуров и Кривошеев первыми очутились перед балаганами⁹²⁶, залегли в снегу. Вскоре, обогнув вершину горы, с другой стороны подползли с бойцами Минаков и Левицкий. В балаганы полетели гранаты. Их взрывы смешались с криками застигнутых врасплох бандитов. Полураздетые, они выбегали наружу, яростно отстреливались и отходили к вершине горы. Кто-то из них узнал Минакова, крикнул:

– Подъесаул – предатель! Бейте его, хлопцы!

Перед Минаковым, словно из-под земли, вырос белоказак, с черной бородой, в одних исподниках, босой, и, сбив его с ног, рванулся в глубь леса по глубокому снегу. Минаков выстрелил ему вслед, но промахнулся. Белоказак, устремляясь на перевал, закричал своим:

– Дайте мне карабин! Дайте мне карабин!

– Надо догоняй его! – сказал Кочатуров.

Минаков махнул рукой:

– Черт с ним! Сам издохнет на таком морозе. Голый ведь. Далеко не уйдет...

---

⁹²⁶ **Балаган** – временное сооружение. Охотничьи и пастушеские балаганы служат для укрытия от непогоды (охотничьи также для маскировки), и бывают сезонные (избушка, сарай, землянка) или временные (шалаш, палатка, навес) с простейшим лежаком и кострищем. – прим. Гриня

Перестрелка продолжалась не более четверти часа. Большинство бандитов было перебито, около двух десятков сдались в плен.

От пленных Минаков узнал, что убежавший к перевалу белоказак был Андрей Матяш.

– Жаль, что я его не пристрелил! – с досадой сказал Минаков.

Жадин поручил ему отправить пленных в балку Черемуху.

* * *

Минаков прибыл в назначенное место позже всех, но без пленных.

– А где же сдавшиеся? – спросил Жебрак.

– Пришлось расстрелять, товарищ начальник, – ответил Минаков.

– Кто дал вам право?! – возмутился Жебрак.

Минаков скривил рот.

– Это чего же бандитов жалеть? Они пытались бежать, вот я и применил оружие. Конвойные могут подтвердить.

Четыре милиционера, сопровождавшие пленных, подтвердили сказанное. И все же Жебрак не совсем поверил в их свидетельство: уж слишком они опасно поглядывали на Минакова.

Кочатурову удалось схватить раненых братьев Крым-Шамхаловых, но Кочатуров прибыл в балку Черемуху без них. Когда же он вытряхнул головы Баксанука и Дауда из мешка на снег, карачаевцы начали плакать.

Подошли Жебрак, Кривошеев с товарищами. Кочатуров, указав на головы, затем на карачаевцев, недоуменно пожал плечами:

– Ми бандита секим башка, а дурной плачет!

К Жебраку подошел Виктор Левицкий, сказал:

– Николай Николаевич! Матяш Андрей во время боя убежал в горы... В одном исподнем белье. Разрешите мне найти его. Он ведь пропадет, замерзнет.

– Эх, гада какого пожалел! – бросил Минаков, – Я его нарочно отпустил, пусть зачоченеет, пес паршивый.

Виктор метнул на него гневный взгляд и снова обратился к Жебраку:

– Разрешите! Может, человек одумается...

– Вряд ли, – сказал Жебрак, но, помедлив немного, согласился: – Ну что ж, попробуй.

Виктор с тремя курсантами отправился к перевалу, но Матяша так и не нашел.

Переночевав в горах, Жебрак с отрядом Жадина и курсантами Левицкого направился в Загедан, на Большую Лабу, где действовала банда подъесаула Козлова, а Кочатуров со своим отрядом двинулся в Карачай, на Архыз.

Но Кочатуров не вернулся домой. В одном из ущелий карачаевцы, мстя за смерть братьев Крым-Шамхаловых, взбунтовались и убили начальника уголовного розыска. По прибытии в Карачай они сообщили в ОГПУ, что в горах на них напала банда, в результате чего Кочатуров и погиб. Однако вскоре эта ложь была разоблачена.

Неделю спустя после операции у балки Черемухи Левицкий со своими курсантами разгромил банду Козлова. В одной из схваток он взял в плен Барейшу и направил ее в Преградную. Курсант, конвоировавший ее, ехал верхом, а бандитка шла пешком. Во время отдыха она стала приводить себя в порядок, и, поправляя платье, попросила конвоира отвернуться. Тот, не подозревая ничего, исполнил ее просьбу. Барейша мгновенно извлекла спрятанный в волосах дамский браунинг, два раза выстрелила в спину конвоира, забрала карабин, продовольствие и, сев на коня, усакала в горы.

XXXII

В ту зиму – морозную, вьюжную – советский народ понес тягчайшую утрату: 21 января умер Владимир Ильич Ленин. Вся страна была охвачена глубокой скорбью.

Ленин и смерть! Эти слова как-то не укладывались в сознании тех, кто знал Ленина, кто шел за ним в дни Октября семнадцатого года, кто громил белогвардейцев, интервентов и всегда побеждал.

Долго шел Соловьев домой с траурного собрания, состоявшегося в Зимнем театре. На Красной было многолюдно, но стояла необычайная тишина. Казалось, люди боялись нарушить ее, говорили

вполголоса.

На лицах прохожих Геннадий Иннокентьевич видел слезы и сам испытывал неумную душевную боль.

Дома он застал Назара Борисовича и Любочку. Они стояли перед портретом Ленина, и Назар Борисович рассказывал приемной дочурке, каким хорошим и добрым был дедушка Ильич. Девочка слушала внимательно, не отрывая взгляда от Ленина. Но вот она взглянула на Назара Борисовича, увидела в его глазах слезы и, всхлипнув, расплакалась.

– Любочка, успокойся, – сказал ей Геннадий Иннокентьевич. – Дедушка Ленин не любил плаксивых.

Любочка затихла, вытерла кулачками глаза.

На веранде скрипнула дверь, и в комнату вошли Екатерина Нестеровна и Аннушка.

– Никогда еще я не видела такой всенародной печали, – тяжело вздохнула Екатерина Нестеровна. – Что теперь будет?

* * *

Буйно кипела жизнь, в станицах советской Кубани. Все богаче становилась краснодольская коммуна, спаянная крепкой дружбой. Осуществлялась заветная мечта председателя коммуны Доронина: на степном раздолье раскинулся молодой сад.

Богатый урожай хлебов собрали краснодольцы в этом году. В станице выстроили новую школу, просторный кинотеатр.

Последние банды, действовавшие в горах, были или полностью уничтожены, или прятались в лесных чащобах и глухих местах, уже не рискуя нападать на хутора и станицы.

* * *

В августе выездная сессия областного суда приступила в городе Армавире к слушанию дела 69 контрреволюционеров, оперировавших главным образом в Армавирском и Баталпашинском отделах.

Весть об этом судебном процессе быстро облетела всю Кубань. Жители станиц, хуторов и аулов с нетерпением ожидали свежих номеров областной газеты «Красное знамя», где регулярно печатались материалы о процессе.

11 августа Краснодольская, как обычно, проснулась на рассвете. Загудели барабаны паровых молотилок, застучали конные катки вокруг ворохов намолоченного хлеба, зашумели веялки...

Калита молотил катком пшеницу у себя во дворе. У ворот остановился верховой почтальон, вынул из туго набитой сумки газету, крикнул:

– Возьмите!

Калита оставил лошадь, взял газету и на обратном пути, пробежав заголовки глазами, обратился к старухе:

– А ну-ка, гукни Ваську, хай почитает, а то я мелких букв не бачу.

– Отчепысь⁹²⁷! – недовольно мотнула головой Денисовна. – Молотить треба, а не бог знает чем заниматься!

– И чего ты злуешь⁹²⁸? – промолвил Калита и присел на колоду.

В калитке показался Норкин. К нему, повиливая хвостом, выбежала из сада Докука. Калита привстал, воскликнул:

– Ага! Вот и Васька. Легкий на помине.

Вслед за Норкиным во двор вошли Галина с Феклой Белозеровой и еще двумя женщинами. Потом прибежали Демка и Клава Вьюн. К плетню подошла Василиса, а вскоре собрались и другие соседи.

---

⁹²⁷ **Отчепысь** – отстань, отцепись. – прим. Гриня

⁹²⁸ **Злуешь** – злишься, сердисься. – прим. Гриня

Норкин стал в круг, предупредил:

– Только вы не шумите, а то я грамотей не дюже шибкий.

– Да ты читай! – нетерпеливо зашумели казаки.

Норкин развернул газету, не спеша начал:

Утреннее заседание 10 августа.

Заседание суда открывается в театре имени Луначарского.

Председатель Дроздов. Народные заседатели: Беляев, Зявкин. Государственные обвинители: по Краснодарскому отделу – Лесовой, по Армавирскому – Рязанцев.

Общественные обвинители: Аникин, Каргашилов и Кучинский.

Защитники: Полнев, Дюмин, Соколов, Федоров, Федуленко,

Кузьменко, Ярошенко, Крижевский.

Секретарь суда – Жебрак.

– Та это же Елена Михайловна! – заметил кто-то. – Наша станичница.

– Тише вы!.. – прикрикнул Калита.

Норкин надвинул на лоб бриль, продолжал читать:

В зал заседания вводят подсудимых. Идут седобородые кулаки, идут пронырливые людишки типа станичных лавочников, идет молодежь с резко выраженными чертами удалых гуляк на больших дорогах.

Среди всех резко выделяется Антонина Демьяшкевич. Ей всего восемнадцать лет. Одета она в серое платье с черным фартуком ученицы. Лицо умное, с красивыми темно-серыми глазами под аркой черных бровей. Темно-каштановые волосы причесаны гладко, в широкой косе – черный бант, в волосах блестящая гребенка.

«Надежда Улагая» – Орлов – человек из типа малоразвитых канцелярских чиновников. У Козлика серые холодные глаза смотрят из-под рыжих насупленных бровей. Крутит Козлик длинные, закопченные табачным дымом усы, спускающиеся над бритым подбородком.

Лаштбега – типичный старшина и в то же время типичный офицер старой царской армии. Типов, подобных Лаштбеге, можно было встретить среди белых интендантов – на лице четко написано: «Доверять нужно с оглядкой – продаст родную мать».

Суд приступает к опросу подсудимых.

Первым опрашивается бывший полковник Орлов. Он заявляет суду, что окончил вышеначальное училище и служил в казначействе чиновником, затем, во время войны, сдал на вольноопределяющегося 2-го разряда. Полковником стал у белых.

Подсудимый прикидывается наивным, плохо разбирающимся в политических вопросах. Он заявляет, что Улагай послал его узнать, как живут в Советской России рабочие и крестьяне, узнать об условиях их труда.

– А об условиях жизни буржуазии вас Улагай не просил справиться? – спрашивает Дроздов.

В ответ Орлов улыбнулся.

Рисуя заграничную информацию о Советской России, он между прочим подчеркнул, что там, то есть на лесных разработках Улагая и в Константинопольском белогвардейском центре, думали о Красной Армии как о «наемной».

– Сказано, буржуи, – усмехнулся Вьюн. – Они думают, что все продается!

Норкин присел на колоду, кашлянул и снова углубился в чтение:

О жизни на Кубани у заграничной белой эмиграции тоже оригинальное представление: на Кубани-де есть какие-то бродячие станицы, которые живут в лесах и горных пещерах.

И вдруг неожиданно Орлов заявляет, что он послан был на Кубань сказать этим станицам, чтобы они возвратились домой.

– Значит, помогать Советской власти приехали? – иронически замечает Зявкин.

Хитрая белогвардейская лисица попадает в переплет вопросов и вертится, то делая реверансы перед Советской властью, то показывая свою нарочитую темноту.

Денисовна тоже начала внимательно прислушиваться к голосу зятя. Клава наклонилась к

матери, шепнула ей на ухо что-то, но та толкнула ее в бок, мол-де, не мешай слушать.

Орлов на Кубани из бесед с жителями убедился, – читал Норкин дальше, – что Советская власть пришлась населению по душе. Заграничные белогвардейцы налгали обо всем Орлову. О жизни белогвардейской эмиграции он говорит так: все живут бедно, и все грузчиками работают.

– А как живет генерал Улагай? – спросил Зявкин.

– Незавидно, – отвечает Орлов.

– Работает он?

– Нет, не работает.

– На чьи же средства живет?

– Не знаю, – пожимает плечами Орлов.

А минуту тому назад тот же Орлов говорил, что турок, богатый коммерсант, приехав от Улагая, помог ему перебраться вместе с десантной группой из Трапезунда в Советскую Россию.

Рязанцев напоминает Орлову, что брат Улагая имел около Константинополя лесные разработки и что на этих разработках белые офицеры работали в качестве чернорабочих.

Орлов подтверждает это и говорит о белогвардейско-политической школе, которая действовала на лесных разработках Улагая. Читали в этой школе лекции о шпионаже в Советской России некто Думский и еще некоторые лица.

О своем житье-бытье в бандах повествует с голубиной наивностью. Мол-де, не знал, каким путем бандиты добывают одежду и пропитание, и полагал, что все это им дают люди, у которых глубоко «человеческое чувство».

– Вишь, какого дурака валяет! – усмехнулся фронтовик в полинялой рубашке. – Туману напускает.

– Овечкой прикинулся! – загудел басом его сосед.

– Токо в волчьей шкуре! – добавил Вьюн.

– Да тише вы! – шикнул на них Калита. – Мешаете ведь. Бачите, что человек читает с трудностями, то и проче...

Норкин бросил на него взгляд, улыбнулся и после небольшой паузы продолжал:

Дроздов спрашивает у обвиняемых:

– Подсудимые, кто желает задать вопрос Орлову?

– Я! – поднимается Антонина Демьяшкевич и ставит перед Орловым роковые вопросы: – Почему вы, Евдоким Харитонович, уверовавшись в бесполезности затеянного вами дела, не предупредили Ковалева и Козлика об оставлении вами своей контрреволюционной работы? Желая уйти в станицу на мирную жизнь, вы не сказали другим о том, чтобы они сделали то же самое?

– Некогда было, не успел, – ответил Орлов.

На этом оканчивалось очередное сообщение о процессе. Норкин передал газету тестю, станичники загудели, в воздухе потянуло табачным дымом.

В калитке показалась Мироновна с внуком на руках. Калита, широко улыбаясь, пошел ей навстречу, протянул руки к мальчику.

– Захотелось к бабе Дуне, – сказала Мироновна. – Пришлось бросать молотьбу и цурганиться⁹²⁹ с «их величеством» через всю станицу.

Калита взял внука на руки, поднял над головой и, обращаясь к собравшимся, воскликнул:

– Вот новый, советский человек!

XXXIII

Жебрак после долгой отлучки возвратился в город и в тот же день вышел на работу. К нему явился Селиашвили, крепко пожал руку.

– Ну что у вас нового, Иван Андреевич? – спросил Жебрак и пригласил садиться.

---

⁹²⁹ Цурганиться, цурганитися – плестись, брести. – прим. Гриня

– Много нового, Николай Николаевич, – опускаясь на стул, сказал Селиашвили с горским акцентом. – Есть возможность поймать Рябокonia.

– Так в чем же дело? – воскликнул Жебрак. – Ловите! Мы и так слишком долго с ним возимся.

– Да тут, понимаешь, нельзя с бухты-барахты, – перебил его Селиашвили. – Надо действовать очень осторожно. Понимаешь, Рябокonia со своим помощником Ковалевым, по кличке Астраханец, и адъютантом Дудником завели любовные шашни на хуторе Водоморивке: Рябокonia с учительницей Семеновой, Ковалев с вдовой Чернышовой, а Дудник с женой Зеленского. Они очень часто начали туда ходить. Вот тут-то и схватить бы их, понимаешь.

– Я в курсе этого дела, – входя в кабинет, вставил Соловьев. – Времени действительно нельзя терять.

Жебрак подумал немного, потом сказал решительно:

– Поручаю вам, Геннадий Иннокентьевич, сейчас же подобрать людей для операции, и мы ночью отправимся.

* * *

В районе станицы Гривенской в плавневых зарослях затерялся захолустный хуторок, получивший название из-за отсутствия питьевой воды «Водоморивка». В хуторе живут рыбаки.

Черная ночь. Вокруг хутора зловеще шепчутся непроходимые камыши да изредка пугливо покрикивают дикие птицы.

На окраине хутора приютился домик Зеленской. В щели закрытых ставен пробивается свет. Из трубы пахнет дымком.

Но вот во дворе раздался осторожный женский голос, и у двери остановились две темные фигуры. Постучали в ставню. Дверь тихонько отворилась, и фигуры скрылись в домике, и опять тишина.

Проходит полчаса, час... Где-то в камышах стукнули весла о борта лодки, захлюпала вода, и на тропинке, протоптанной в высоком чакане⁹³⁰ к берегу лимана, замаячили в темноте три силуэта. На пороге домика показалась женщина, встретила ночных гостей и, молча пропустив их вперед, снова заперла дверь.

В комнату вошли Рябокonia с Ковалевым и Дудником. Здесь был уже накрыт стол – с выпивкой и закуской. Семенова стояла перед зеркалом и, не обращая внимания на мужчин, пудрилась. Рябокonia через плечо заглянул ей в лицо, проговорил:

– А ты сегодня еще лучше стала.

Семенова повернула к нему лицо, улыбнулась.

Ковалев болтал с вдовой Чернышовой, смеялся тоненьким голоском. Дудник сел на кровати и, закурился сигарку, обратился к хозяйке:

– Когда же твой чоловік вернется с рыбалки?

– В воскресенье обещал, – ответила Зеленская, вытирая руки фартуком.

– Ну, хай ловит рыбу, – подмигнул ей Дудник, – мы ему мешать не будем.

Рябокonia положил руку на плечо Семеновой, спросил:

– Газету принесла?

– Конечно! – ответила она. – Вон на угольнике лежит.

Рябокonia взял газету, поднес к лампе.

– Кто же тут следующий? Ага, Козликин и есаул Лаштбега! – Он занял стул у накрытого стола, с раздражением бросил: – Дураки! Далась в руки.

– Может, почитать вслух? – предложила Семенова.

– Почитай... – Рябокonia передал ей газету.

Семенова придвинулась поближе к столу, начала:

Вечернее заседание 11 августа.

– Подсудимый Козликин, что вы можете сказать по предъявленному вам

---

⁹³⁰ **Чакан** (рогоз широколистный, бочарная трава, куга) – многолетнее земноводное травянистое растение; вид рода Рогоз. Чаще всего **чакан** называют камышом, что является ошибкой – прим. Гриня

обвинению? – задал вопрос Дроздов.

Со скамьи поднимается высокий, костистый человек, напускает на себя елейно-лакейский вид. Он говорит, как жилось за границей «генеральской братии».

– Они, – почтительно отзывается Козликин об Улагае, – не нуждались, чтобы их поддерживали иностранцы.

Своих же «лихих рубак» Улагай заставлял рубить турецкий лес.

– Платил он вам? – спрашивает народный заседатель Беляев.

– Какой там платил! – восклицает Козликин и с грустной миной добавляет: – Кормил только.

– Эксплуатировал, значит, своих офицеров, – слышится в зале.

О целях и задачах своих «хозяев» Козликин, как он утверждает, ничего не знал. Свою позицию на Кубани объясняет так:

– Разузнать хотели, как живут... и возвратиться домой.

Дроздов напоминает, что многие врангелевские офицеры по призыву Советской власти вернулись домой и живут теперь мирно, занимаются честным трудом.

– Почему вы так не сделали? – спросил он.

– Боялся расстрела, – угрюмо ответил Козликин.

Неожиданно он заявляет, что воззвание писали не офицеры, а поп Забелин.

– Ого, – раздаются возгласы среди публики. – Хороши пастыри!

Все старается доказать Козликин, что «ничегошеньки не делал», а обманывал Улагая, обманывал Ковалева, лгал в дневнике.

Он, впрочем, сознается, что участвовал в трех грабительских налетах. Но как участвовал: «по-козликински». Винтовочный обрез взял без мушки и, придав себе бандитско-храбрый вид, надул простодушных бандитов и ехал... Он снова взмахнул рукой и с досадой воскликнул:

– Эх, какой там ехал, плелся позади!

– Тварь трусливая! – презрительно бросил Рябоконец. – Лижет пятки красным, думает, помилуют.

– Каждому жить хочется, – вздохнула Зеленская.

Семенова молча взглянула на Рябоконец.

– Ты читай, читай! – кивнул он.

Семенова снова склонилась над газетой.

Утреннее заседание 13 августа.

Показания дает подсудимый Лаштбега. В Константинополь он был вызван из Сербии полковником Думским, который предложил ему работу на лесной даче «Мандре», а затем посоветовал принять участие в поездке на Кубань в числе восемнадцати «аргонавтов», пообещав дать 20 рублей командировочных и обмундирование. Эти условия не устроили Лаштбегу.

– Двадцать рублей! Это же насмешка, – заявил он Думскому.

Произошел торг, и Лаштбега с полковником Черемневым и фельдшером Комовым не вошли в группу. Тогда Лаштбега поступил к англичанам мыть полы на пароходе, но те скоро его выгнали, наверно убедившись, что белогвардейские офицеры и в поломойки не годятся.

– Брехня! – Рябоконец резко взмахнул рукой.

– Нашего брата там сейчас – хоть греблю гати! – дернул плечом Дудник.

Рябоконец недовольно поморщился, но промолчал.

Семенова продолжала:

Лаштбега рисует жизнь Улагая так: «Пришел я к нему голодный. Прежде всего бросился мне в глаза стол, уставленный яствами и питиями».

Но когда верный раб, проливавший кровь за Улагая, Врангеля и прочую генеральскую свору, попросил у генерала Улагая на бедность пять пиастров, то получил в ответ: «Бог вам подаст, не прогневайтесь».

Дудник с особым вниманием слушал статью. В его серых затуманенных глазах поблескивали скорбные искорки, будто отражавшие новые, никогда ранее не приходившие ему в голову мысли.

Казалось, что он только сейчас начал понимать свою обреченность, что пора кончать с этой безнадежной и опасной игрой и сдаваться на милость Советской власти, как это уже сделали Загуби-Батько и другие казаки, которые теперь живут спокойно, не думают, что с ними будет завтра.

Ковалев сидел с потупленной головой на табуретке, опершись локтем о крышку сундука. Женщины также присмирели, и в комнате громко звучал голос Семеновой:

Наконец Лаштбега встретил полковника Кравченко, и тот уговорил его поехать на Кубань, сказав, что там работа будет очень легкая.

И здесь Лаштбега выясняет характерную для заграничной белогвардейщины деталь: «спасители отечества» заботятся сильно о своих карманах. Так, ассигновано было на каждого ехавшего на Кубань по 100 рублей, а выдали только по 20. Разницу положили себе в карманы в соответствующих инстанциях.

Обмундирование для отъезжающих купили у константинопольских барахольщиков.

В «Казачьем совете» у лихих терских атаманов, по словам Лаштбеги, денег много. Оказывается, они сдали в аренду американским буржуям на 10 лет Грозненские нефтяные промыслы и живут припеваючи.

– Что ж, получили нефть арендаторы? – спрашивает Зявкин.

– Как же получишь, когда промыслы в руках Советской России, – улыбается Лаштбега.

– Так что же, за воздух, что ли, платят буржуи аренду? – снова интересуется Зявкин.

– Не знаю, а вот – платят, – отвечает Лаштбега.

Что касается предательства на польском фронте, то, по словам Лаштбеги, не он сдал полякам часть армии, а командир бригады, он же, Лаштбега, командир полка, подчинился этому приказу.

Но через десять минут подсудимый признался, что к полякам перешел добровольно...

Вблизи дома послышались глухие торопливые шаги. Ковалев и Дудник выхватили револьверы.

– Свет! – шепнул Рябокось и метнулся к дверям, прислушался.

Семенова погасила лампу. Чернышова и Зеленская прижались друг к другу у печки.

Ковалев и Дудник припали к окнам, выходящим в небольшой палисадник, замерли.

«Что же делать? – лихорадочно думал Рябокось. – Куда деваться? Через крышу нельзя. Там железо».

А в это время чоновцы, человек двадцать, оцепив дом, стояли уже наготове.

Жебрак, Селиашвили и командир Гривенского ЧОНа Кислица подошли к дому, постучали в дверь.

– Откройте! – раздался в темноте требовательный голос Жебрака.

Но в доме стояла тишина. Жебрак снова окликнул хозяйку. Вдруг в окна изнутри начали сильно стучать. Казалось, что их собираются выломать. Все чоновцы бросились на стук, притаились в палисаднике.

Стук прекратился. Вскоре дверь открылась, и чоновцы ворвались в комнату, но бандитов в ней уже не было.

– Где Рябокось? – спросил Кислица у женщин.

– А он с Ковалевым и Дудником ушел через конюшню, – дрожа от страха, ответила Зеленская, – Там есть свинячий лаз...

– А кто стучал в окна? – обратился к ней Селиашвили.

– Я и вот Чернышова, – сказала Зеленская. – Нас заставил Рябокось. Ну, мы и стучали.

– Ясно... – Жебрак покрутил головой. – Хитро придумал.

XXXIV

В первых числах апреля на Лебедях фронтовиками и демобилизованными красноармейцами на общем собрании хуторян был поднят вопрос о землеустройстве, и по их настоятельному требованию, несмотря на сопротивление местного кулачества, была избрана землеустроительная комиссия.

С приближением осени комиссия приступила наконец к переделу земли, намереваясь лучшие пахотные и сенокосные угодья отдать беднякам и демобилизованным красноармейцам. Рябокось, получив об этом известие от своих пособников, решил действовать.

Как-то вечером, еще до захода солнца, в хутор въехала пароконная линейка. На ней сидел

бедняк-фронтовик Киселев с каким-то нехуторским мужчиной. Здесь же, на улице, он встретил Погорелова, председателя землеустроительной комиссии, демобилизованного красноармейца и бывшего председателя исполкома хутора Лебеди. Киселев остановил лошадей и, указав на приезжего, сказал:

– Василий Кириллович, вот товарищ Иванов из Славянской, наш землемер. Ты возьми его к себе на постой, а то у меня хата тесная, детишки.

Погорелов, добродушный молодой казак в белой курпейчатой высокой папахе, улыбнулся землемеру, протянул ему жилистую руку:

– Будем знакомы.

Иванов поздоровался с ним, спрыгнул с линейки. Киселев повернул коней назад, поехал в сельский Совет. К Погорелову и Иванову подошли демобилизованные красноармейцы Зайцев и Бирюк, члены землеустроительной комиссии, пожали руку землемеру и вместе с ними направились по улице ко двору Погорелова.

Хозяин пригласил гостей в дом.

Вскоре солнце скрылось в серебристых волнах плавневых камышей, начало смеркаться. Жена Погорелова развела у крылечка самовар, стала готовить ужин.

В Лебеди приехал Черненко, председатель Совета хутора Могуковоро-Гречаного⁹³¹, коммунист, и вместе с Киселевым пришел к Погорелову за землемером, но так как время было уже позднее, то ему посоветовали заночевать в Лебедах.

Зашел к Погорелову и Моренко, член землеустроительной комиссии, мужчина лет сорока двух, со впалыми щеками и заостренным носом. Он приподнял солдатскую фуражку с лакированным козырьком, на околышке которой все еще виднелось место, где когда-то была приколата кокарда, слегка поклонился товарищам.

Хозяйка с дочерью накрывали на стол.

Тем временем Погорелов взял трехрядку, вскинул ремень на плечо, присел на сундучок и, положив голову на гармонь, пробежал не совсем послушными пальцами по клавишам, затем бережно поставил гармонь на сундучок.

– Да ты сыграй что-нибудь... – попросил землемер.

– Не играетя... – вздохнул Погорелов. – На душе что-то муторно.

– Отчего бы это?

– Кто его знает. А вот тревожно, и все. Вроде беду какую сердце чует...

Хозяйка внесла в комнату горячий самовар, поставила на стол. Погорелов натужно улыбнулся:

– Попьем чайку, разгоним тревогу и тоску.

В этот момент во дворе громко залаяли собаки. Погорелов послал дочку узнать, кто там. Девочка вышла, и тотчас в комнату ворвались бандиты. Раздалась команда:

– Ни с места!

Ковалев обратился к хозяину дома:

– Что это за люди?

Черненко, опередив Погорелова, поспешно ответил:

– Это землемер и его рабочие.

– Руки вверх! – выкрикнул Ковалев. – Вылазь из-за стола и ложись.

Все сидевшие повиновались приказанию. Черненко незаметно спрятал под сундук наган, печать сельского Совета, воинский и партийный билеты. Бандиты начали вязать руки лежавшим на полу. Ковалев стоял у порога с наганом в руке.

Вошел Рябоконт, злобно бросил лежащим:

– Ага, вот когда вы мне попались! Сейчас мы покажем вам Советы и как казацкие земли делить!

По его знаку бандиты начали зверски избивать членов комиссии, обзывая их грабителями. Жена Погорелова с дочерью забрались на печку, подняли крик. Ковалев пригрозил им револьвером, и они затихли. Рябоконт приказал снять с землемера новенький френч, сапоги и брюки.

Киселев стал просить пощады и, заикаясь от волнения, сказал неосторожно:

– Вы называете нас грабителями, а почему-то мы носим саморучные костюмы, а на вас вон

---

⁹³¹ Сейчас – хутор Могуковорка в Калининском районе Краснодарского края. – прим. Гриня

какие... сняли хороший костюм с землемера, а моего не захотели.

Рябокось заорал:

– Давай бечеву!

Киселеву первому накинули петлю на шею и удушили его. Та же участь постигла Иванова, Погорелова, Моренко, Зайцева и Бирюка. Очередь дошла до Черненко. Тот начал вымалывать жизнь, ссылаясь на то, что он казак и служил в белой армии. Рябокось выслушал его, сказал бандитам:

– Бросьте, не душите... Возьмем его в камыши и выясним, правду говорит или брешет.

После расправы Рябокось велел жене Погорелова подогреть остывший самовар и, оставив для охраны Черненко одного бандита на пороге комнаты, с остальными принялся шарить в кладовой, сарае, клуне.

Черненко был в отчаянии. В камышах ему нельзя показываться, так как он два года был помощником рыбинспектора и все рыбаки хорошо знали его. Сидя на табурете со связанными руками, он глазами указал Погореловой, чтобы та развязала ему руки. Женщина слезла с печки, незаметно выполнила его просьбу. Черненко вынул из-под сундука наган и бросился на часового. Тот метнулся в сенцы. Черненко выпрыгнул через окно во двор. По нему стали стрелять, но было темно, и он скрылся.

В этот момент пришел в себя Киселев, подумал: «Где я?» Потом услышал выстрелы, говор и вспомнил, что с ним произошло. Увидел, что лежит во дворе. Рядом с ним Погорелов, Иванов...

Самовар закипел. Бандиты уселись за стол, напились чаю. Ограбив ближайших соседей Погорелова, они покинули хутор Лебеди и ушли в плавни.

Киселев слышал лай собак, провожавших банду до камышей, и, когда наступила тишина, начал развязывать бечеву. Наконец ему удалось снять петлю с шеи. Очнулись еще двое: Иванов и Моренко. Остальные погибли.

* * *

Весть о расправе над землеустроительной комиссией в Лебедях облетела все Приазовье. Жебрак прибыл с оперативной группой на место происшествия, составил акты о погибших Погорелове, Зайцеве и Бирюке. Вскоре туда же приехал и Селиашвили. Он доложил Жебраку, что в Гривенской Дудник добровольно сдался Демусу в плен.

Опергруппа на трех автомашинах направилась в Гривенскую.

Через полчаса грузовики въехали в кривую улицу и, прыгая на ухабах, проследовали по площади, остановились у церковной ограды. В станичном Совете Жебрака встретили Демус и председатель Совета Андрияш.

– Надо срочно вызвать сюда Дудника и Загуби-Батько, – сказал Жебрак. – У меня есть разговор к ним.

И Загуби-Батько, и Дудник явились в Совет без промедления.

Жебрак спросил их:

– Поможете нам поймать Рябокось?

Дудник и Загуби-Батько переглянулись.

– Попытаться можно, – ответил Загуби-Батько и снова взглянул на Дудника. – Как, по-твоему, Пантелей?

– Хитрючий он, – заметил тот. – Взять его не так просто.

– А вы знаете, где он сейчас находится? – спросил Селиашвили.

– Да где же? – дернул плечом Дудник. – Мабуть, на Круглом лимане...

XXXV

Солнце было уже на закате. Над лиманом Орешин не смолкало густое лягушачье кваканье, носились тучи комаров. У шалаша на чаканке⁹³² дремал Рябокось. Его шалаш стоял особняком от других. Вокруг камыши с многочисленными лазами.

---

⁹³² Чаканка – коврик из чакана. – прим. Гриня

Невдалеке слышались глухие шаги и шорох сухой болотной травы. Рябокоть открыл глаза, поглядел на тропу, увидел Ковалева.

– Ну, принес? – спросил его Рябокоть, приподнявшись на локте.

– Нет, не принес, Василий Федорович, – ответил Ковалев и присел на край чаканки. – Не смог достать.

– Жаль... – буркнул Рябокоть. – Хотелось узнать, что там в Армавире, на суде.

– Завтра постараюсь достать газету, – пообещал Ковалев, вставая.

Рябокоть сказал:

– Ну, добре, иди отдыхать, а как стемнеет, еще раз проверь сигнальные обрезы.

Ковалев закурил сигарку, ушел к себе в шалаш. Рябокоть снова лег на спину, задумался. В голову лезли Думы о Дуднике, сдавшемся Советской власти, о том, что в отряде осталось совсем мало людей. От этих мыслей мрачно было на душе. Он уже боялся доверять кому-нибудь. Примеру Дудника могли последовать другие, и тогда придется ему остаться в страшном одиночестве, как загнанному волку. Постепенно мысли начали путаться, и он заснул, тихонько захрапел. Но тут же вздрогнул от внезапно привидевшегося кошмара, широко раскрыл глаза.

Перед ним стояли с наганами в руках Загуби-Батько и Дудник. Рябокоть не сразу понял, в чем дело, подумал, что это продолжение кошмарного сна, затем, осознав вдруг, что это явь, быстро сунул руку под подушку. Загуби-Батько двумя выстрелами ранил ему обе руки.

Чоновцы рассыпались по лазам, но в курнях, находившихся поблизости, уже никого не было.

Пришли Жебрак и Селиашвили. Загуби-Батько и Дудник перевязали Рябокотю простреленные руки.

– Ну, вот и пойман неуловимый! – бросил Селиашвили.

Рябокоть презрительно усмехнулся:

– Дружки выдали! Сегодня меня предали, а завтра, в случае чего, и вас предадут.

В шалашах произвели обыск. Рябокотю отправили в Славянскую.

Жители станицы высыпали на улицу, по которой вели Рябокотю. Одни выражали радость, другие молча глядели на него со скорбью и сожалением.

На пристани, около пакгауза, забитого мешками, толпились грузчики, рыбаки. Они бойко о чем-то спорили, размахивали руками. Из конторы вышел полный мужчина в очках с газетой в руке, сел на пустом ящике в кругу собравшихся и хотел уже начать чтение, но тут кто-то сказал:

– Смотрите, Рябокотю ведут.

Все повернули головы в сторону Рябокотю, затихли. Конвойные расположились с арестованным тут же, возле пакгауза. Рябокоть опустил на весы и отвернулся лицом в сторону реки.

– Ну, читай, – пробасил грузчик, обращаясь к полному мужчине, и указал на Рябокотю: – Пусть и Василий Федорович послушает, как народ судит бандитов.

Конторщик поправил очки, начал читать:

Вечернее заседание 14 августа.

Допрашиваются главари бандитов – Зосимов, Коренев, Окороков, Стороженко, Демиденко.

Причины их ухода в банды для всех типичны и однообразны: жить-де не давали, притесняли. И вот не стерпел, и... здравствуй, лес зеленый, темная ночь, большая дорога и острый нож.

– Значит, грабежами жили? – спрашивает Дроздов.

– Нет, мы без грабежей, – отвечает Зосимов и корчит такую умильно-наивную рожу, словно какой-то «лесной святой».

– Чем же жили?

– А это... выйдешь на дорогу или по хатам пойдешь и просишь.

– А за спиной, чай, винтовка была? – задает вопрос Зявкин.

– Винтовка... – утвердительно кивает подсудимый.

– С винтовкой-то, чай, лучше давали? – продолжает Зявкин.

– Оно конечно... – соглашается бандит.

В зале смех.

Рябокоть прислушивался к голосу конторщика, сидел хмурый и с презрением думал о главарях банд, трусливо юливших перед судом. В эти минуты он проклинал себя за то, что дался живым, не

успел пустить себе пулю в лоб.

К причалу подошел небольшой пароход. Пассажиры гурьбой повалили по трапу на палубу. Рябokonя поместили в отдельную каюту. Вскоре над рекой прогудел сиплый гудок, и пароход двинулся в сторону Краснодара.

* * *

Над Успенской пустыней в темном небе висела ущербленная луна, заливала серебристым светом двор, постройки, сад. На гладком зеркале пруда покоились белесые хлопья ночного тумана.

В монашеском общежитии кто-то прошел по узкому длинному коридору, шаркая подошвами чувяк о каменные плитки пола, и снова все утихло.

Мать Иоанна лежала вверх лицом на широкой кровати у себя в спальне, тяжело дышала и, что-то бормоча, мычала во сне и никак не могла проснуться. Наконец вздрогнула, открыла глаза и громко выкрикнула:

– Га?

Вскочила с постели, посидела минуту в каком-то оцепенении, тяжело перевела дух и, осенив себя крестом, промолвила:

– Господи Иисусе, что же это за наваждение?

Она кликнула мать Сергию и, когда та явилась к ней с низким поклоном, в слезах спросила:

– Матушка, что со мной творится? Уже третью ночь кто-то душит меня во сне и за окном зовет мать Рафаила... Вот и сейчас позвала. Да еще как позвала! Крикнула: «Ио!...»

– Это антихрист нечистый вами завладел, матушка, – пояснила мать Сергия. – Вам надо было бы спросить у него: «Зачем зовешь? На худо или на добро?» Но только других слов наперед не говорить. Он бы и ответил, зачем вас зовет.

Мать Иоанна легла на пуховики, пробормотала:

– Ну, иди...

– Спи, мать игуменья, с богом спи, – сказала мать Сергия. – До света еще далеко. Вот я вас свяченой водой взбрызну. – Она налила из графина в стакан воды, набрала в рот и, брызнув на игуменью, перекрестила ее, воскликнула: – Изыди, сгинь, нечистый дух!

Мать Иоанна легонько свистнула носом и тут же захрапела. Теперь ей пригрезился другой сон: будто бы из прихожей к ней в спальню вошел неопикуемой красоты херувимчик с золотыми вьющимися кудрями и румяными щечками, порхнул, как мотылек, в воздухе и пустился в пляс по спальне. И вдруг он превратился в страшное чудовище с крючковатым носом и одним глазом во лбу. Мать Иоанна снова замерла от страха, лежала ни жива ни мертва. Чудовище повисло над ней и в самое ухо глухо прорычало: «Что, не узнаешь? Я же мать Рафаила». За окном опять послышался голос: «Ио!...» Мать Иоанна открыла глаза, спросила:

– Зачем ты меня зовешь? На худо или на добро?

Из-под камина донесся глухой, замогильный бас:

– Красной бричкой поедешь...

Мать Иоанна тщетно пыталась разгадать, к чему были сказаны загадочные слова, однако почувствовала в них что-то недоброе, трижды осенила себя крестом и пролежала уже до самого утра, не смыкая глаз.

С восходом солнца к ней в келью снова явилась мать Сергия, спросила, как спалось. Мать Иоанна рассказала ей о зловещем сне и о том, что ей ответил нечистый на вопрос. Мать Сергия задумалась, покачала головой.

– Чудо какое-то, матушка. И отгадать нельзя бесовский ответ. «Красной бричкой поедешь...» Не понимаю.

– Вот и у меня полное затмение, – простонала мать Иоанна. – Видимо, бес решил шутку надо мной подшутить.

В башне на совет собрались все мантийные монахини, и отец Макарий, сотворив крестное знамение, произнес молитву.

Затем они принялись обсуждать сон игуменьи и ответ нечестивого. В результате долгих словопрений все пришли к общему мнению, что надо отслужить молебен, и молебен немедленно было совершено.

А перед самым закатом солнца, когда в монастыре закончилась вечерняя трапеза и игуменья

была доставлена свежая почта с газетами, мать Иоанна, горя желанием узнать, что происходит на суде в Армавире, уединилась в башне со священником и мантийными монахинями. Отец Макарий развернул перед собой на столе газету «Красное знамя» и начал читать певучим голосом:

Показания Антонины Демьяшкевич.

В лице Демьяшкевич пролетарскому суду пришлось судить людей в фулярах – учителей старой школы, хитрого фарисея, попа, царско-полицейский строй – все то, что из детей народа создает палачей и тюремщиков.

Отец Макарий приподнял глаза на икону, трижды взмахнул рукой, кладя на себя кресты и шепча молитву:

– Моли бога о мне, святая угодница божья, Мария-богородица...

Монахини также начали креститься.

Мать Иоанна с помощью казначеи и еще двух инокинь пересела на диван и вытерла слезу, повисшую на реснице. Отец Макарий придвинул к себе старинный позолоченный трехпарный шандал⁹³³ с горящими витыми свечами, продолжал чтение:

Одно достоинство у Демьяшкевич: она не виляет и не лжет. Демьяшкевич выкладывает перед судом всю грязь бандитского контрреволюционного быта. Хитро-подлое белогвардейское офицерье воспользовалось молодостью и неопытностью Демьяшкевич и дало ей хорошую школу подлости, обмана и шпионажа.

Встав на скользкую дорожку, она покатила по наклонной плоскости и с 20-го года кочевала по белогвардейским бандам.

– Были ли в банде у вас попы? – задает вопрос Дроздов.

– Были, – говорит Демьяшкевич и поясняет под громкий смех публики: – Подвяжут косички и тоже на конях ездят.

– Святой угодник, спаси и помилуй нас! – еще истовее взмолилась мать Сергия.

Зашипели, закрестились и другие монахини. Отец Макарий, высоко подняв руку, также осенил чело крестным знаменем и снова забубнил:

В предгорных районах Армавирского и Баталпашинского отделов Демьяшкевич стала известна под кличкой «Лесовичка».

Однажды она задумалась над своей жизнью и кинулась было к богу.

– Я хотела уйти в Свято-Михайло-Афонскую пустынь, – заявила суду Демьяшкевич.

– Почему же не ушли? – спрашивает Зявкин.

– Увидела, что монашки живут тоже нехорошо, – ответила подсудимая, – варят араку⁹³⁴ и...

В публике смех.

– Да покарай всевышний эту скверную девчонку за клевету! – воскликнула мать Иоанна.

– Прислужница сатаны! – добавила казначея.

Монахини заерзали на скамьях, будто сидели на иголках. Отец Макарий читал дальше:

От бандитов Демьяшкевич получала пай из награбленного. Ей были известны и планы Ковалева, и заграничной белогвардейщины. В общем, во всех предъявленных преступлениях Демьяшкевич признается открыто. Дочь бедного ветеринарного фельдшера оказалась мужественней воспитывавших ее офицеров белой армии.

– Виновата во всем, – говорит она.

---

⁹³³ **Шандал** – крупный напольный светильник с утяжеленным основанием и с подсвечниками на разветвлениях от ствола. **Трехпарный** – на шесть свечей. – прим. Гриня

⁹³⁴ **Арака** – алкогольный напиток, изготовленный из зёрен кукурузы, ячменя или других зерновых культур. Средняя крепость напитка составляет 25°. Часто используется двойная перегонка араки. Крепость при этом увеличивается примерно в два раза. Часто выдерживается под землей. – прим. Гриня

Отец Макарий перевел дух и только хотел было продолжать чтение, как вдруг окна приемной ярко осветились зловещим багряным светом и со двора монастыря долетели истошные голоса:

– Горим! Горим!

Мать Иоанна бросилась к окну и, увидев, что два самых больших купола церкви были уже охвачены огнем, упала в обморок.

Монахини с плачем и воплями бросились из башни.

XXXVI

Утром в монастырь приехали Юдин, Батракова, Левицкий и Ропот. Они поглядели на пожарище, на обгорелые стены зданий, над которыми торчали долговязые печные трубы, заглянули в уцелевшие подсобные помещения. Там было несколько монахинь. Одни из них молились и плакали, другие сидели молча, точно окаменелые.

– Отчего начался пожар? – спросил у них Юдин.

– Господь ведает, – ответили вразнобой монашки. – Никто ничего не знает.

– А игуменья Иоанна где? – спросила Батракова.

– Она ночью скончалась, – прослезилась мать Сергия. – Должно быть, от разрыва сердца.

– А где Захарыч? – поинтересовался Левицкий.

– Его тоже нет, – ответила мать Сергия, вытирая слезы. – Он еще с вечера как в воду канул.

– Повздорил он наемни с матерью игуменьей, – добавила из угла сухая монахиня. – Вот и ушел. Обидела она его ни за что ни про что.

* * *

Кубань облетела весть о попытке бандитов сорвать судебный процесс в Армавире. В газете сообщалось:

22 августа, в 7 часов 50 минут вечера, в переполненном зале судебного заседания внезапно погас свет.

Комендант суда предложил находящимся в зале судебного заседания сохранять порядок и не двигаться.

В ответ в задних рядах публики раздались револьверные выстрелы, направленные на сцену, где заседал суд, а также в конвой и в взволнованную толпу.

Охранявший обвиняемых конвой, в целях предотвращения побега важных преступников, сделал предупреждающие выстрелы из винтовок.

Свет отсутствовал 3 минуты, и к моменту включения его оказались ранеными красноармеец из конвоя, милиционер и член коллегии защитников.

Из обвиняемых 3 убито и 7 ранено.

Показаниями как самих подсудимых, так и присутствующей публики подтверждается, что первые выстрелы раздались с балконов театра и из задних рядов партера.

Это также подтверждено револьверными ранениями в спину милиционера и конвойного красноармейца. Предварительное следствие установило явно провокационный характер стрельбы, направленной на срыв судебного заседания, убийство членов суда и освобождение арестованных.

* * *

День был солнечный, жаркий. У двора Левицких собралась толпа станичников. Подъехала линейка. На ней сидели Лаврентий с сыном и невесткой. С подножки соскочил Виктор, открыл ворота, и линейка въехала во двор. Толя бросился к матери, закричал:

– Мамочка, родненькая!

И вдруг громко заплакал. Соня взяла его на руки и, прижав к груди, чмокнула в щечку. Он обвил руками ее шею и стал целовать.

Лаврентий бросил вожжи на линейку и вместе с Виктором принялся выпрягать лошадей.

Галина взяла Соню под руку, сказала:

– А ты знаешь, что Успенская пустынь сгорела?

– Батя рассказывали, – ответила Соня.

– Грешат на Мирона, но толком никто ничего не знает.

– На Захарыча? – удивилась Соня. – Что-то не верится. Он ведь хороший человек!

– Оттого, что хороший, и не выдержал, не стерпел.

Виктор привязал Ратника к корыту, ласково потрепал по холке, с грустью проговорил:

– Ну, дружок, придется нам расстаться навсегда.

Конь положил голову ему на плечо, притих. Виктор приготовил в корыте мешку, посыпал ее обильно отрубями.

– Ешь, боевой друг, поправляйся, – он погладил Ратника по шее и вышел из конюшни.

Мироновна пригласила родственников и сватов в хату, но тут вбежал во двор Гришатка Ропот, подал Лаврентию газету. В ней сообщался приговор суда.

– Читай, сынок, послушаем, – сказал Лаврентий.

Большинство белогвардейских лазутчиков, переброшенных Улагаем из-за границы на Кубань, и главарей банд было приговорено к расстрелу, остальные к различным срокам тюремного заключения.

Демьяшкевич получила пять лет тюрьмы, но ввиду ее несовершеннолетия и чистосердечного признания суд решил войти с ходатайством в ЦИК о ее освобождении.

Внимательно выслушав список приговоренных и меры наказания в отношении каждого, Лаврентий сказал:

– Так им и треба, собакам!

– А что с Рябоконею? – поинтересовался Норкин. – Я слышал, что он якобы арестован.

– Да, – подтвердил Виктор. – Его недавно отправили в Москву по требованию Дзержинского.

– Ну, а Жукова почему до сих пор не судят? – спросил Ропот.

– Он в домзаке умер, – ответил Виктор, – то ли от болезни, то ли от страха перед возмездием.

Ропот поскреб багровый рубец на шее и, облегченно вздохнув, промолвил:

– Словом, конец черному воронью. Теперь на Кубани наступит мирная жизнь. Вот.

* * *

Утром Виктор и Соня начали готовиться к отъезду в Москву: он поступать в Военную академию РККА имени Фрунзе, а она – в консерваторию.

На проводы у двора Левицких собралось много родственников, станичников, коммунаров.

И вот настал час прощания. Юдин обнял Виктора и Соню, поцеловал их и сказал напутственно:

– Перед вами теперь открыта широкая дорога. Идите по ней уверенно вперед и вперед! – Вскинув руку, он громко воскликнул: – Шире шаг, друзья!

Станичники поздравляли Виктора и Соню, шептались меж собой:

– Бач, як наши краснодольцы пошли в гору!

– Молодцы!

– Счастливики!

Виктор и Соня ни с кем не забыли проститься и наконец подошли к сыну, сидевшему на руках у Мироновны. Соня долго целовала его и, не сдержав слез, заплакала. Виктор поднял сына над головой.

– Держись, богатырь! – сказал он, улыбаясь. – Не горюй, дожидайся нас. А вырастешь – все на земле твоим будет! – И передал его Денисовне.

Соня еще раз поцеловала сына, села на линейку. Виктор занял место рядом с ней.

Толя, словно поняв наказ отца, не плакал.

Лаврентий дернул вожжами, и лошади тронулись со двора.

Денисовна посадила внука на плечо, замахала рукой. Толя тоже начал махать ручонками, прощался с отцом и матерью на долгое время.

Линейка минула последнюю хату, покатила по ровной дороге, залитой яркими лучами утреннего солнца.

Конец

Информация об издании

Р 2
Р 15

Художник П. Е. Анидалов

Радченко П. П.

Р 15 На заре: Роман. – 3-е изд. – Краснодар: Кн. изд-во.

Кн. 3. Под красным стягом. – 1989. – 416 с.

ISBN 5-7561-0154-3

«Под красным стягом» – заключительная, третья книга трилогии «На заре». В этой части рассказывается о завершающем этапе гражданской войны на юге России, о разгроме генерала Улагая и других белогвардейских войск, многочисленных банд бело-зеленых, действовавших на Кубани.

Р 4702010201-55 Р 2
М146(03)-89 154-89

ISBN 5-7561-0154-3 © Краснодарское книжное издательство, 1981

**Петр Павлович Радченко
НА ЗАРЕ**

Роман. Книга третья

Редактор **Н. Г. Семенова** Художественный редактор **С. В. Тараник** Технический редактор **Л. В. Терещенко** Корректоры **З. И. Нестерова, Т. Ю. Федина**

ИБ № 1804.

Сдано в набор 10.07.89. Подписано и печать 03.11.89

Формат бумаги 84×108/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура шрифта литературная.

Высокая печать. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр. – отт. 22, 47. Учетно-изд. л. 23,40.

Тираж 30000. Заказ 0228. Цена 1 р. 60 к.

Краснодарское книжное издательство. 350063, Краснодар, ул Кирова, 3.

Адыгблполиграфобъединение управления издательств. полиграфии и книжной торговли

Краснодарского крайисполкома. 352700, Майкоп, ул Пионерская, 268.

Обработка: «Советская Кубань» г. Майкоп – 2013 г.